ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Е. Голубинскаго,

заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи.

ТОМЪ I.

Періодъ первый,

КІЕВСКІЙ ИЛИ ДОМОНГОЛЬСКІЙ.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ТОМА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,

напечатанное ИМПЕРАТОРСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Е. Голубинскаго,

заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи.

ТОМЪ I.

Періодъ первый,

КІЕВСКІЙ ИЛИ ДОМОНГОЛЬСКІЙ.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ТОМА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,

напечатанное ИМПЕРАТОРСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена **Е. Е. Голубинскаго.**

Первое изданіе настоящей 1-й половины I тома моей Исторіи русской церкви, напечатанное въ 1880-мъ году, давно распродано. Не менѣе давно приготовивъ ее ко второму изданію, я не видѣлъ возможности напечатать второе изданіе и отложилъ было всякую о немъ мысль. Но неожиданнымъ образомъ явилась возможность...

Люди, благосклонно встрѣтившіе эту 1-ю половину I тома моей Исторіи русской церкви въ первомъ изданіи, надѣюсь, также благосклонно примутъ ее и во второмъ изданіи; а что касается до людей, которые въ первомъ изданіи встрѣтили ее враждебно, то я долженъ сказать имъ, что хотя вражда ихъ вовсе и не составляетъ чего нибудь пріятнаго для меня, но что во всякомъ случаѣ я не имѣлъ желанія, насилуя свои убѣжденія, преклонять ихъ гнѣвъ на милость какими-нибудь имъ уступками.

Обязанъ я искреннею благодарностію Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое взяло на себя печатать мою Исторію, и которое вотъ уже напечатало двѣ ея книги, составляющія два полутома. Эту искреннюю благодарность мою Обществу и считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать публично [1]).

---

[1]) Въ Обществѣ я обязанъ особенною благодарностію его казначею, моему бывшему ученику по Московской Духовной Академіи, С. А. Бѣлокурову, по предложенію котораго Общество взяло на себя печатаніе моей Исторіи, который помогалъ мнѣ при печатаніи книгъ и который принялъ на себя ихъ продажу.

Имѣвъ возможность сдѣлать для русской церковной исторіи значительно менѣе того, что̀ желалъ было и надѣялся сдѣлать, утѣшаю себя словами библейскаго мудреца, который говоритъ: „много замысловъ въ сердцѣ человѣка, но состоится только опредѣленное Господомъ“ (Притч. Солом. XIX, 21). А отъ себя самого обращаясь мыслію впередъ, къ будущимъ работникамъ надъ русской церковной исторіей, которыхъ ожидается еще некороткій рядъ, отъ всей души желаю имъ, чтобы каждый изъ нихъ при окончаніи своихъ трудовъ вмѣсто словъ библейскаго мудреца могъ говорить другія слова: „всѣ замыслы, какіе были въ сердцѣ человѣка, имѣлъ онъ возможность и успѣлъ выполнить при помощи Божіей“...

Е. Г.

14 Апрѣля 1901.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Христіанство на Руси до св. Владимира.[1])

I.

Времена доисторическія.

Подъ временами доисторическими мы разумѣемъ времена отъ появленія на землѣ христіанства до половины IX вѣка, когда было основано Варягами наше русское государство.

Внесенная въ лѣтопись позднѣйшая легенда, выражающая желаніе нашихъ предковъ производить начало нашего христіанства непосредственнымъ образомъ отъ апостоловъ, и именно—если не отъ ихъ проповѣди людямъ, то по крайней мѣрѣ отъ преподаннаго ими благословенія мѣсту, заставляетъ ап. Андрея совершить путешествіе черезъ Русь для того, чтобы онъ благословилъ горы кіевскія, которыя, по представленію автора или авторовъ легенды, въ вѣкъ апостоловъ еще никѣмъ не были обитаемы. Отказываясь отъ тщеславнаго притязанія нашихъ предковъ хотя отчасти и въ нѣкоторомъ только смыслѣ усвоять нашей церкви титулъ церкви апостольской и подобно другимъ христіанскимъ народамъ, не видѣвшимъ у себя апостоловъ, имѣя скромность ограничиваться и довольствоваться увѣренностію, что апостолы, не бывъ у насъ тѣломъ, благословили въ духѣ, одинаково со всею вселенною, и нашу русскую землю, мы должны принимать легенду за то, чтò она есть, т.-е. за простое произведеніе позднѣйшаго народнаго творчества (обстоятельныя рѣчи о ней ниже).

---

[1]) Мы находимъ, что имя Владимиръ должно писать не съ буквой *i* на концѣ, а съ буквой *и*, потому что слово миръ какъ въ этомъ имени, такъ и во всѣхъ другихъ именахъ, съ нимъ сложенныхъ, есть не міръ—вселенная, а миръ—согласіе, покой, какъ это ясно особенно въ именахъ Любомиръ, Добромиръ, Творимиръ, Терпимиръ. Дитмаръ Мерзебургскій, Chronic. lib. VII, § 52, о нашемъ именно Владимирѣ говоритъ, что его имя толкуется обладаніе миромъ—potestas pacis.

Если бы болѣе раннее, чѣмъ это было въ дѣйствительности, водвореніе у насъ христіанства зависѣло отъ нашего мѣстожительства, то въ минуту появленія на землѣ христіанства наши предки не только занимали ту территорію въ теперешней европейской Россіи, на которой застала ихъ исторія въ половинѣ IX вѣка, но и были на ней тогда уже весьма давными обитателями, ибо они заняли ее во времена незапамятно доисторическія не только по отношенію къ намъ самимъ, но и вообще къ Европѣ [1]). Но намъ суждено было придти ко Христу не ранѣе, какъ о часѣ десятомъ—одиннадцатомъ и христіанство могло водвориться у насъ только съ наступленіемъ для насъ временъ историческихъ.

Однако должны быть нѣкоторыя рѣчи о христіанствѣ у насъ и во времена доисторическія.

Относительно бо́льшей части славянскихъ племенъ, принадлежавшихъ къ тому племенному цѣлому, которое съ началомъ временъ историческихъ получило отъ основателей ихъ государства Варяго-руссовъ названіе Славянъ русскихъ, мы положительнымъ образомъ можемъ сказать, что во времена доисторическія христіанство вовсе къ нимъ не проникало и что въ продолженіе этихъ временъ оно оставалось вовсе имъ неизвѣстнымъ. Но были два племени, относительно которыхъ мы не имѣемъ права сказать этого положительнымъ образомъ и относи-

---

[1]) Уже Геродотъ около половины V вѣка до Р. Х. говоритъ о Скиѳахъ-пахаряхъ (ἀροτῆρες) на Бугѣ и на Днѣстрѣ и о Скиѳахъ-земледѣльцахъ (γεωργοί) на Днѣпрѣ (кн. IV, гл. 52 и 53), и несомнѣнно, что подъ тѣми и другими онъ разумѣетъ нашихъ предковъ Славянъ, отличая ихъ эпитетами пахари и земледѣльцы отъ Скиѳовъ-номадовъ или кочевниковъ, которые, населяя лежавшую на югѣ и на востокъ отъ Славянъ степь, большею частію принадлежали къ народамъ алтайскаго или монгольскаго (монголо-тюркскаго) семейства. Впрочемъ, и авторъ повѣсти о путешествіи ап. Андрея черезъ Русь, не замѣчая противорѣчія себѣ или не обращая на него вниманія, представляетъ какъ еще незанятыя во времена апостола Славянами только горы кіевскія, далѣе же ведетъ его въ землю новгородскую, какъ въ землю славянскую. Ему нужно было, чтобы во времена апостола горы кіевскія еще не были заняты Славянами для того, что, въ противномъ случаѣ, онъ долженъ былъ бы или сказать о здѣшнихъ Славянахъ то предосудительное, что апостолъ не въ состояніи былъ водворить у нихъ христіанство, или оставить читателю предполагать то не менѣе предосудительное, что апостолъ водворилъ было у нихъ христіанство, но они его не сохранили. Что же касается до Славянъ новгородскихъ, то, имѣя одною изъ нарочитыхъ цѣлей своей повѣсти осмѣять ихъ (см. ниже), онъ не заботится объ ихъ чести въ сейчасъ указанномъ отношеніи и оставляетъ предполагать читателю, что апостолъ дѣйствительно не могъ водворить у нихъ христіанства, какъ у великихъ невѣгласовъ.

тельно которыхъ является напротивъ возможнымъ принимать то, что относительно другихъ племенъ должно быть отрицаемо. Христіанство могло распространяться между русскими Славянами отъ Грековъ. Совершенно невѣроятно предполагать, чтобы христіанство было распространяемо Греками между тѣми племенами русскихъ Славянъ, которые жили далеко отъ нихъ, которые не находились съ ними ни въ какихъ сношеніяхъ и которые оставались имъ совсѣмъ неизвѣстными, ибо не бываетъ и не можетъ быть такъ, чтобы христіанскіе миссіонеры отъискивали по свѣту неизвѣстные народы, которымъ бы можно было проповѣдывать христіанство (а отправляются къ народамъ уже отъисканнымъ). Но нельзя отрицать возможности того, что Греки заботились о распространеніи христіанства между тѣми племенами нашихъ Славянъ, которые жили въ сосѣдствѣ съ ними или которые, не живя въ сосѣдствѣ, находились съ ними въ болѣе или менѣе дѣятельныхъ сношеніяхъ. А два племени изъ числа славяно-русскихъ племенъ и подходили подъ сейчасъ указанныя условія. Эти племена были — племя Угличей и Тиверцевъ и племя кіевскихъ Полянъ.

Угличи и Тиверцы жили на нижнемъ Днѣстрѣ и отъ Днѣстра до нижняго Дуная [1]). Должно быть принимаемо за несомнѣнное, что на своемъ мѣстѣ жительства они были не позднѣйшими пришельцами, спустившимся съ сѣвера въ V—VI вѣкѣ по Р. Х., а такими же (и еще болѣе древними) относительными аборигенами, какими были на своихъ мѣстахъ жительства другія славянскія племена [2]).

---

[1]) Лѣтопись о нихъ во введеніи: „А Улучи (неправильно вмѣсто Угличи, какъ это правильное сохранилось въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ) и Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря; суть гради ихъ и до сего дне“. Городъ Пересѣченъ, который воевода Игоревъ Свенельдъ осаждалъ три года и который вѣроятно принимать за столицу позднѣйшихъ Угличей — Тиверцевъ, видятъ въ нынѣшнемъ большомъ селѣ Пересѣчина, находящемся въ Огрѣевскомъ уѣздѣ Бессарабской области, въ 15-ти верстахъ отъ Огрѣева по почтовой дорогѣ къ Кишиневу (Словарь Россійск. Имп. *Семенова*, сл. Пересѣчина). Названіе Угличей, какъ это разъяснилъ покойный Надеждинъ, — отъ мѣстности, которая представляетъ изъ себя уголъ (кутъ, закутье) между Днѣстромъ, Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Прутомъ или Серетомъ. Греки, сохраняя славянское названіе мѣстности, называли ее Ὄγγλος (он—носовой звукъ юса), а нынѣшнее турецкое названіе южной части мѣстности Буджакъ есть переводъ славянскаго названія, ибо турецкое слово буджакъ значитъ уголъ.

[2]) Какъ справедливо говорило сохранявшееся до лѣтописца и записанное имъ народное преданіе, наши предки Славяне пришли въ нынѣшнюю Россію по Дунаю съ запада, изъ своей относительной или въ собственномъ смыслѣ первой перводины въ Европѣ — области венеціанской въ сѣверной Италіи (получившей

Но если это такъ, то касательно возможности, которая существовала къ распространенію между ними христіанства отъ Грековъ, должно быть сказано слѣдующее. Вопервыхъ, бывъ покорены послѣднимъ дакійскимъ царемъ Децебаломъ, Угличи и Тиверцы при импер. Траянѣ (101—107 по Р. Х.) вмѣстѣ со всею Дакіей подпали власти Римлянъ [1]), при чемъ въ административномъ отношеніи ихъ территорія была отдѣлена отъ Дакіи и была присоединена къ задунайской Нижней Мизіи (нынѣшней Болгаріи). Но въ Нижней Мизіи христіанство явилось не позднѣе половины II вѣка [2]). Вовторыхъ, когда въ 271-мъ году при импер. Авреліанѣ Римляне удалились изъ Дакіи, вмѣстѣ съ чѣмъ кончилась ихъ власть и надъ территоріею Угличей-Тиверцевъ, эти послѣдніе остались непосредственными сосѣдями черезъ Дунай той части

званіе отъ имени Славянъ Венеды, Венеты) и первую мѣстность, съ которой они начали свое разселеніе по ней, представляли низовья Дуная. А такимъ образомъ, Угличи-Тиверцы были на своемъ мѣстѣ жительства древнѣйшими или первоначальнѣйшими обитателями, чѣмъ всѣ другіе русскіе Славяне на своихъ мѣстахъ жительства (что подъ Антами византійскихъ историковъ должно разумѣть Угличей—Тиверцевъ, это видно отчасти изъ нихъ самихъ, — Прокопій Кесарійскій, съ несомнительною же ясностію—изъ современнаго Прокопію готскаго историка Іорнанда или Іордана, который говоритъ о мѣстѣ жительства Антовъ буквально то же, что наша лѣтопись о мѣстѣ жительства Угличей-Тиверцевъ: Antes a Danastro extenduntur usque ad Danubium, — De Gothorum origine, cap. V, у *Миня* въ Патрол. t. LXIX, col. 1255 sub fin.).

[1]) Весьма замѣчательнымъ образомъ сохранилась память о Траянѣ у русскихъ Славянъ. Знаменитаго римскаго императора они превратили въ своего національнаго весьма знаменитаго героя. Какъ таковаго, они сдѣлали его патрономъ своей земли, включивъ его въ число своихъ боговъ или полубоговъ (см. ниже), и по этой причинѣ называли свою землю „землею Трояне[ю]" (Слово о полку Игоревомъ). Славныя времена своего мнимаго Трояна они называли вѣками Трояновыми („вѣчи Трояни"); о совершеніи доблестныхъ дѣлъ они выражались „рискати въ тропу Трояню", т.-е. идти по слѣдамъ Трояна; они вели отъ времени импер. Траяна, превращеннаго ими въ своего національнаго Трояна, приблизительное лѣтосчисленіе своихъ временъ доисторическихъ („на седьмомъ вѣцѣ Трояни"—Слово о полку Игор.. Если не ошибаемся, подобное тому, что у насъ, случилось съ импер. Траяномъ у Румыновъ, Болгаръ и Сербовъ). — Всѣ существующіе въ Бессарабіи валы носятъ названія Трояновыхъ, а преимущественно называемый этимъ именемъ исключительно длинный валъ, можетъ быть—возведенный импер. Траяномъ для защиты сѣверной римской границы въ нынѣшней Бессарабіи отъ набѣговъ варварскихъ, тянется болѣе чѣмъ на сто верстъ отъ Днѣстра до Прута, начинаясь противъ Тирасполя у первой рѣки и кончаясь при мѣстечкѣ Леова у второй.

[2]) См. *Le Quien'a* въ Oriens Christian., I, 1217 (мученица Мелитина, память которой 16-го Сентября, пострадала въ Маркіанополѣ, главномъ городѣ Нижней Мизіи, при импер. Антонинѣ, занимавшемъ престолъ съ 138-го по 161-й годъ).

Нижней Мизіи, которая находилась между Дунаемъ и Чернымъ моремъ и которая потомъ, бывъ отдѣлена отъ Мизіи, сдѣлана была особой провинціей съ именемъ Скиѳіи (Малая Скиѳія — нынѣшняя Добруджа). А въ этой части Нижней Мизіи, жители которой состояли между прочимъ и изъ Славянъ, явилось христіанство и была учреждена своя особая епископская каѳедра (въ городѣ Томи, послѣдующемъ главномъ городѣ провинціи Скиѳіи) во всякомъ случаѣ не позднѣе импер. Діоклетіана [1]). Втретьихъ, при устьи Днѣстра (собственно нѣсколько ниже, на берегу днѣстровскаго лимана) находилась большая греческая колонія, называвшаяся по древнему имени рѣки Тирасомъ, а между устьями Днѣстра и Дуная находились другія меньшія греческія колоніи. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, чтобы до колоній этихъ, пока онѣ существовали, распространялось христіанство; но имѣемъ рѣшительныя основанія полагать, что это было дѣйствительно такъ [2]). Вчетвертыхъ, не невѣроятно предполагать, что между сейчасъ вышепомянутыми Славянами (какъ жителями Нижней Мизіи), близко родственными Славянамъ русскимъ, христіанство до нѣкоторой степени распространялось и въ собственномъ мѣстѣ ихъ жительства до ихъ рѣшительнаго движенія на Балканскій полуостровъ (съ конца IV — начала V вѣка) — Дакіи, въ которой они отдѣля-

[1]) См. у *Le Quien'а* ibid. I, 1211 (мученики Епиктетъ и Астіонъ, память которыхъ 7-го Іюня, пострадали при Діоклетіанѣ въ скиѳійскомъ городѣ Алмирисѣ, въ бытность на епископской томійской или томитанской каѳедрѣ Евангелика).

[2]) Импер. Константинъ Порфирогенитъ въ книгѣ De administrando imperio сообщаетъ, что въ его время на нижнемъ Днѣпрѣ видны были развалины шести городовъ, въ которыхъ сохранялись остатки зданій, имѣвшихъ признаки церквей, и были находимы высѣченные на камняхъ кресты, свидѣтельствовавшіе о существованіи въ бывшихъ городахъ христіанства, — cap. 37 sub. fin., ed. Bonn. p. 167. Русскій переводъ сочиненія Константина Порфирогенита, которому дано въ переводѣ названіе: „О народахъ" и при чемъ переводчикъ въ нашемъ мѣстѣ, принимая названіе рѣки Днѣпромъ за ошибку переписчиковъ сочиненія, вмѣсто Днѣпра ставитъ Днѣстръ, — въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., въ I кн. 1899-го года. Но если существовало христіанство въ греческихъ колоніяхъ, находившихся на Днѣпрѣ, то имѣется полная вѣроятность заключать объ его существованіи въ тѣхъ же колоніяхъ, находившихся и на Днѣстрѣ. (А если принимать съ переводчикомъ сочиненія Константина Порфирогенита и съ нѣкоторыми другими весьма вѣроятное, что вмѣсто Днѣпра должно разумѣть у Константина Днѣстръ, то будемъ имѣть и положительныя, нужныя намъ, свѣдѣнія: Константинъ говоритъ, что первый изъ шести находившихся въ развалинахъ городовъ Печенѣги называли Бѣлымъ городомъ,—Ἄσπρον κάστρον, и весьма вѣроятно разумѣть подъ этимъ Бѣлымъ городомъ тотъ послѣдующій славянскій Бѣлгородъ, который теперь называется по-турецки Аккерманомъ и который есть помянутый нами греческій Тирасъ).

лись отъ нашихъ русскихъ Славянъ рѣками Серетомъ или Прутомъ [1]. О христіанствѣ въ Дакіи говорятъ Тертулліанъ и бл. Іеронимъ [2], и если у перваго можно разумѣть римскихъ колонистовъ, поселенныхъ Траяномъ въ Дакіи, то у второго уже необходимо разумѣть варварскихъ жителей страны, между которыми Славяне составляли преобладающее большинство. Наконецъ, впятыхъ—если не съ болѣе ранняго времени, то по крайней мѣрѣ съ правленія импер. Юстиніана (527—565) Угличи-Тиверцы, съ одной стороны, служили въ византійскихъ войскахъ, въ качествѣ наемниковъ, а съ другой стороны — въ сообществѣ съ Славянами дакійскими или отдѣльно отъ нихъ дѣлали весьма частые набѣги на имперію, при чемъ уводили къ себѣ множество плѣнныхъ [3].

---

[1]) Дакія,—нынѣшняя Молдо-Валахія съ Трансильваніей, получила свое имя отъ пришедшаго въ нее въ половинѣ IV вѣка до Р. Х. изъ-за Дуная ѳракійскаго народа Даковъ или Гетовъ (называвшагося первымъ именемъ у Римлянъ, а вторымъ у Грековъ). Но въ странѣ, получившей отъ нихъ свое имя, они были насельниками Славянъ, которые были въ ней столько же древними обитателями, сколько наши Угличи-Тиверцы на своей территоріи (подъ нашествіемъ на Славянъ на Дунаѣ Волховъ или Волоховъ, о которомъ говоритъ нашъ лѣтописецъ, со всею вѣроятностію должно разумѣть нашествіе Даковъ, которыхъ лѣтописецъ называетъ позднѣйшимъ ихъ именемъ). Импер. Траянъ, покоривъ въ 101—107-мъ году Дакію, населилъ ее римскими колонистами и изъ смѣшенія этихъ колонистовъ съ туземными жителями произошли нынѣшніе Румыны: но языкъ румынскій (представляющій собою смѣсь языковъ латинскаго и славянскаго и еще можетъ быть какихъ-нибудь другихъ) несомнительно свидѣтельствуетъ, что въ его образованіи принимали весьма значительное участіе Славяне. Съ конца IV — начала V вѣка по Р. Х. хлынули черезъ Дунай изъ Дакіи на Балканскій полуостровъ огромныя полчища Славянъ и страшно наводнили собою весь послѣдній (нынѣшніе Болгары — потомки этихъ Славянъ). Но въ Дакіи эти Славяне не могли внезапно вырости изъ земли подобно грибамъ (а мнѣніе Шафарика, распространяющаго Славянъ по Европѣ обратно дѣйствительности и заставляющаго ихъ съ того или другаго морскаго берега, на которомъ они очутились по переходѣ изъ Азіи въ Европу, чудодѣйственно перелетѣть на принимаемые имъ за перводину Славянъ въ Европѣ сѣверные склоны Карпатовъ, должно быть признано совершенно несостоятельнымъ).

[2]) Въ сочиненіяхъ, которыя цитуемъ ниже.

[3]) У *Stritt.* въ Memorr. popp. (I, 161, 199, 612; II, 25) объ Антахъ, подъ которыми должно разумѣть Угличей-Тиверцевъ (вообще см. историческій Index подъ сл. Antae). Готскій историкъ Іорнандъ, подтверждая историковъ греческихъ, говоритъ объ Угличахъ-Тиверцахъ (которыхъ называетъ Антами) и о дакійскихъ Славянахъ (которыхъ называетъ Славянами) своего времени, что они nunc ubique desaeviunt, и при этомъ о воинственности Угличей-Тиверцевъ говоритъ, что они — eorum fortissimi, qui ad Ponticum mare curvantur,—De Gothorum origine, cap. 5. — Во второй половинѣ II вѣка по Р. Х. явились на нижнемъ Дунаѣ и Черномъ

Кіевскіе Поляне, территорія которыхъ простиралась весьма не далеко на югъ отъ Кіева, не были сосѣдями Грекамъ, составлявшимъ

морѣ нѣмецкіе Готы, которые, постепенно распространивъ свою власть на западъ по венгерскую рѣку Тейссу, а на востокъ по рѣку Донъ, образовали два королевства (владѣтельства) — Вестготское (Визиготское) или западное и Остготское (Остраготское) или восточное, съ взаимной границей между ними рѣкою Днѣпромъ, и которые господствовали надъ страною сейчасъ указанныхъ предѣловъ до 376-го года, когда явились изъ Азіи въ Европу монгольскіе Гунны. Необходимо полагать, что Готы подчинили своей власти Угличей-Тиверцевъ болѣе или менѣе вскорѣ по своемъ прибытіи на Дунай — Черное море и такъ какъ, начиная со второй половины III вѣка между ними до такой степени распространилось христіанство, что они стали имѣть своего особаго епископа: то можно было бы указывать и еще путь распространенія христіанства между Угличами-Тиверцами, это — отъ владѣвшихъ ими Готовъ. Но вопреки наиболѣе принимаемому мнѣнію, должно считать за Готовъ, между которыми распространено было христіанство не Готовъ западныхъ имѣвшихъ подъ своею властію Угличей-Тиверцевъ, а восточныхъ (каѳедра епископа готскаго Ѳеофила, присутствовавшаго на первомъ вселенскомъ соборѣ, какъ это видно изъ чтенія его подписи подъ соборными дѣяніями по нѣкоторымъ спискамъ послѣднихъ, находилась въ городѣ Босфорѣ, нынѣшней Керчи: De Gothis Theophilus Bosporitanus,—*Бесселя* Über das Leben des Ulfilas und die Bekehrung der Gothen, Gotting., 1860, S. 115). Епископъ Унила, поставленный св. Іоанномъ Златоустымъ для Готовъ, оставшихся на своемъ мѣстѣ жительства по удаленіи большинства ихъ сородичей на западъ, и, какъ должно думать, бывшій однимъ изъ прямыхъ преемниковъ Ѳеофила, имѣлъ свою каѳедру, что ясно видно изъ рѣчей о немъ Златоустаго въ посланіи къ Олимпіадѣ (въ изданіяхъ Монфоконовомъ, t. III, и Минёвомъ, t. LII,—13-го) также въ городѣ Босфорѣ. Что же касается до Готовъ западныхъ, то христіанство начало распространяться между ними только лѣтъ за тридцать до прихода въ Европу Гунновъ и до ихъ удаленія отъ послѣднихъ на западъ (первымъ проповѣдникомъ христіанства у этихъ Готовъ, и именно—христіанства аріанскаго, былъ извѣстный Ульфила, который самъ былъ крещенъ во время бытности въ Константинополѣ въ качествѣ заложника и который посвященъ былъ Евсевіемъ Никомидійскимъ въ епископы, съ тѣмъ, чтобы идти для водворенія христіанства на свою родину, въ 341-мъ году; проповѣдь Ульфилы имѣла успѣхъ, но въ 348-мъ году король Атанарихъ, водимый политическими побужденіями, поднялъ на христіанъ гоненіе, и епископъ вмѣстѣ съ обращенными имъ принужденъ былъ удалиться за Дунай, въ предѣлы имперіи, гдѣ въ городѣ Никополѣ, что подъ Балканами,—въ настоящее время Никупъ или Никюпъ, не далеко на сѣверъ отъ Тырнова, совершилъ свой знаменитый переводъ Библіи на готскій языкъ и скончался въ 381-мъ году; послѣ 348-го года христіанство снова было распространяемо между западными Готами, и именно — отчасти то же аріанское миссіонерами, присыланными Ульфилой, отчасти православное—миссіонерами, приходившими отъ восточныхъ Готовъ, но въ 370-мъ году Атанарихъ поднялъ новое гоненіе; въ это второе гоненіе пострадали православные мученики, которыхъ признаетъ наша церковь: Никита, — 15 Сент., Савва, — 15 Апр., Ваѳусій и Веркъ съ дружиною другихъ двадцати четырехъ, — 26 Марта (подъ царемъ Унгерихомъ, отъ котораго пострадали послѣдніе, долженъ быть разумѣемъ одинъ изъ подручниковъ Атанариха).

жителей греческихъ колоній, находившихся на Днѣпрѣ, ибо эти послѣднія всѣ были за порогами (которые начинаются въ 12-ти верстахъ внизъ отъ Екатеринослава и тянутся на протяженіи 70-ти верстъ до г. Александровска)[1]. Но они вели съ ними постоянную правильную торговлю, какъ должно думать, еще со временъ Геродота[2]). А что въ приднѣпровскихъ греческихъ колоніяхъ, пока онѣ существовали, было распространено христіанство, на это мы имѣемъ положительныя свидѣтельства[3]).

Итакъ, не имѣемъ мы права отрицать возможности того, что между двумя сейчасъ указанными племенами русскихъ Славянъ было распространяемо Греками христіанство во времена доисторическія. Что же сказать о дѣйствительной вѣроятности возможнаго?

Но прежде чѣмъ давать нашъ отвѣтъ предположительный, мы должны сказать о читаемыхъ у церковныхъ писателей показаніяхъ, изъ которыхъ какъ будто слѣдуетъ, что, при устраненіи всякихъ предположеній, просто долженъ быть данъ положительный отвѣтъ на вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Западная половина теперешней европейской Россіи по рѣку Донъ на востокъ, въ которой обитали наши предки во времена доисторическія, извѣстна была у Грековъ подъ именемъ Скиѳіи, а у Римлянъ стала называться Сарматіей[4]). Но церковные писатели III—V вѣковъ, именно: Тертулліанъ († 240), Аѳа-

---

[1]) Главнѣйшею и знаменитѣйшею между колоніями была Ольвія, находившаяся въ Днѣпровско-Бугскомъ лиманѣ, именно — на правомъ берегу частнѣйшаго Бугскаго лимана.

[2]) См. у Геродота кн. IV, гл. 53 (нижній Днѣпръ извѣстенъ былъ Грекамъ колоній на протяженіи 14 дней пути отъ устья вверхъ, именно—до пороговъ, должно подразумѣвать, потому, что на эти 14 дней пути они подымались по рѣкѣ для торговли со Скиѳами—земледѣльцами, подъ которыми разумѣются Поляне).

[3]) См. выше примѣч. на стр. 5-й (А если принимать, что у Константина Порфирогенита долженъ быть разумѣетъ Днѣстръ, а не Днѣпръ: то отъ существованія христіанства въ колоніяхъ, находившихся на берегахъ перваго, столько же наоборотъ и еще болѣе вѣроятно будетъ заключать къ существованію христіанства въ колоніяхъ, находившихся на берегахъ втораго).

[4]) Такъ какъ у позднѣйшихъ Грековъ временъ императорскихъ были двѣ Скиѳіи (европейскія кромѣ азіатской)—наша Скиѳія, о которой говоримъ, и Скиѳія, составлявшая провинцію или губернію (ἐπαρχία) самой имперіи (нынѣшняя Добруджа между нижнимъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ, съ главнымъ или губернскимъ городомъ Томи, находившемся на берегу Чернаго моря на мѣстѣ или немного ниже мѣста нынѣшняго городка Мангаліи), то первая Скиѳія въ отличіе отъ второй называлась Великой Скиѳіей, какъ говоритъ объ этомъ и нашъ лѣтописецъ („си вси,—Славяне русскіе съ сосѣдившими имъ финскими народами, — звахуться отъ Грекъ Великая Скуѳь",—во введеніи и подъ 907 г.).

насій Александрійскій († 373), Іоаннъ Златоустый († 407) и бл. Іеронимъ († 420), говоря о распространеніи христіанства во вселенной, называютъ въ числѣ народовъ, между которыми оно было водворено, и Скиѳовъ съ Сарматами [1]). Если наши предки—русскіе Славяне были для Грековъ Скиѳы или Сарматы, а писатели говорятъ, что христіанство было водворено между Скиѳами и Сарматами: то, повидимому, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства о распространеніи христіанства во времена доисторическія между нашими предками—русскими Славянами, при чемъ необходимо было бы изъ многихъ племенъ этихъ Славянъ разумѣть частнѣйшимъ образомъ два помянутыя нами племени. Въ дѣйствительности показанія писателей о распространеніи христіанства между Скиѳами и Сарматами вовсе не представляютъ собою положительныхъ свидѣтельствъ по отношенію къ русскимъ Славянамъ. Прежде всего, эти показанія едва ли составляютъ въ собственномъ смыслѣ показанія и по отношенію къ кому бы то ни было. У классическихъ греко-римскихъ писателей, а вслѣдъ за ними и у писателей христіанскихъ церковныхъ, имена Скиѳъ и Сарматъ употребляются не только въ собственномъ значеніи народовъ, населявшихъ страну, называвшуюся Скиѳіей или Сарматіей, но еще и въ нарицательномъ значеніи вообще варваровъ, а преимущественно—варваровъ наиболѣе дикихъ или грубыхъ и населяющихъ наиболѣе отдаленныя и наименѣе вѣдомыя части земли. Если бы писатели говорили о распространеніи христіанства между Скиѳами и Сарматами въ нарочитыхъ рѣчахъ о Скиѳіи или Сарматіи, какъ странѣ, тогда дѣло было бы безспорно. Но у нихъ мы находимъ не то: они утверждаютъ, что на апостолахъ и первыхъ проповѣдникахъ христіанства исполнилось про-

[1]) Первый въ книгѣ или трактатѣ противъ Іудеевъ (Adversus Iudaeos), гл. 7, у *Миня* въ Патрол. t. II, col. 611: сказавъ о распространеніи христіанства между народами всей вселенной и перечисливъ по именамъ многіе народы Азіи, Африки и Европы, называетъ вмѣстѣ съ другими народами послѣдней части свѣта и Скиѳовъ съ Сарматами. Второй въ словѣ о воплощеніи, гл. 51, у *Миня* ibid. t. XXV, col. 188: ученики Господа Іисуса, вспомоществуемые Его вседѣйственною силою, возмогли распространить Его почитаніе и между столько отдаленными и дикими народами, какъ Скиѳы, Еѳіопы, и пр. Златоустый называетъ Скиѳовъ и Сарматовъ въ числѣ народовъ, между которыми распространено христіанство, въ нѣсколькихъ своихъ словахъ: противъ Іудеевъ и язычниковъ, гл. 6, у *Миня* ibid. t. XLVIII, col. 862; на псаломъ 44-й, гл. 3, ibid. t. LV, col. 186; сказанномъ въ Готской церкви ап. Павла, гл. 1, ibid. t. LXIII, col. 501. Бл. Іеронимъ—въ посланіи къ Летѣ (ad Laetam), у *Миня* ibid. t. XXII, col. 870: христіанство распространилось во всемъ мірѣ, такъ что даже Гунны изучаютъ псалтирь, а холода Скиѳіи пылаютъ жаромъ вѣры (Scythiae frigora fervent calore fidei).

роческое: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Пс. XVIII, 5),* и перечисляя народы, между которыми распространено христіанство, называютъ вмѣстѣ съ другими народами, безъ всякаго обозначенія мѣста жительства, и Скиѳовъ съ Сарматами. А поэтому, весьма возможно понимать ихъ такъ, что они употребляютъ имена Скиѳъ и Сарматъ не въ собственномъ значеніи жителей страны, называвшейся Скиѳіей или Сарматіей, а въ нарицательномъ значеніи варваровъ, занимающихъ отдаленнѣйшія мѣста жительства и самыя оконечности земли. Говоря иначе, весьма можно понимать ихъ такъ, что они употребляютъ имена Скиѳъ и Сарматъ не для того, чтобы сказать о распространеніи христіанства въ извѣстной странѣ, называвшейся Скиѳіей или Сарматіей, а для того, чтобы возможно сильнѣе обозначить этими именами, которыя они употребляютъ нарицательно, только всеобщность или повсюдность распространенія христіанства на землѣ [1]). Затѣмъ, если и принимать, что писатели разумѣютъ подъ Скиѳами и Сарматами жителей именно и дѣйствительно страны, называвшейся Скиѳіей или Сарматіей, то и отсюда еще нисколько не будетъ непремѣнно слѣдовать, чтобы они разумѣли нашихъ предковъ—Славянъ. Эти послѣдніе по мѣсту своего жительства дѣйствительно были греко-римскіе Скиѳы или Сарматы, но они вовсе не составляли единственнаго народа, который носилъ у Грековъ и Рим-

---

[1]) Что церковные писатели перваго времени вдаются въ бо́льшее или меньшее преувеличеніе относительно повсюдности распространенія христіанства на землѣ и что поэтому и ихъ рѣчи о Скиѳахъ и Сарматахъ могутъ быть понимаемы только какъ усиленный образъ выраженія, это особенно видно изъ того, что̀ говорятъ о нашей повсюдности Іустинъ философъ († не позднѣе 170 г.) и Тертулліанъ. Первый относительно своего времени утверждаетъ, будто нѣтъ совершенно ни одного народа на землѣ, къ какимъ бы варварамъ онъ не принадлежалъ, въ которомъ не возносились бы молитвы и благодаренія Отцу и Творцу всяческихъ чрезъ распятаго Іисуса (Разговоръ съ Трифономъ, гл. 117). Второй, перечисливъ поименно какъ увѣровавшіе во Христа весьма многіе народы Азіи, Африки и Европы, прибавляетъ еще loca et abditarum multarum gentium et provinciarum et insularum multarum, nobis ignotarum et qua enumerare minus possumus. Іоаннъ Златоустый въ словѣ на день Пятидесятницы говоритъ, что апостолы получили послѣ сошествія на нихъ Св. Духа и что всѣ въ ихъ время обращавшіеся ко Христу получали послѣ крещенія даръ языковъ, и въ числѣ другихъ языковъ называетъ и скиѳскій (у *Миня* въ Патрол. t. L, col. 459). Такъ какъ въ дѣйствительности скиѳскаго языка вовсе не было, а были многіе языки народовъ, обитавшихъ въ Скиѳіи: то ясно, что св. отецъ употребляетъ названіе скиѳскій языкъ не въ собственномъ смыслѣ, а въ нарицательномъ (языковъ наиболѣе невѣдомыхъ. См. о подобномъ же употребленіи имъ названія скиѳскій языкъ въ словѣ, говоренномъ въ готской церкви ап. Павла).

лянъ имя Скиѳовъ или Сарматовъ. Имя Скиѳъ у одних и имя Сарматъ у другихъ было не именемъ этнографическимъ, принадлежавшимъ извѣстному народу, отъ котораго бы получила названіе страна, а географическимъ, заимствованнымъ отъ страны, которая называлась Скиѳіей или Сарматіей, и усвоявшимся жителямъ этой страны, кто бы они ни были. Но русскіе Славяне вовсе не составляли единственныхъ, или хотя бы главныхъ жителей страны, называвшейся Скиѳіей или Сарматіей: они занимали въ ней тѣ мѣстности, на которыхъ въ половинѣ IX вѣка застала ихъ исторія; но вся огромная степь на югъ и на востокъ отъ нихъ принадлежала кочевымъ народамъ тюрко-монгольскаго племени (и еще, можетъ быть, племенъ неизвѣстныхъ, исчезнувшихъ), которые были старшими аборигенами страны, чѣмъ Славяне, и отъ которыхъ именно она и получила у Грековъ названіе Скиѳіи [1]). А такимъ образомъ, если и принимать, что названные писатели разумѣютъ подъ Скиѳами и Сарматами дѣйствительно жителей страны, называвшейся Скиѳіей или Сарматіей: то останется вовсе неизвѣстнымъ и нерѣшеннымъ, какихъ жителей или какіе народы страны разумѣютъ они подъ Скиѳами и Сарматами. Принимая послѣдній случай, т. е. что писатели разумѣютъ подъ Скиѳами и Сарматами жителей страны, называвшейся Скиѳіей или Сарматіей, всего вѣроятнѣе будетъ разумѣть у нихъ не какіе-нибудь варварскіе народы страны, а самихъ Грековъ, именно—жителей греческихъ колоній, находившихся въ Скиѳіи или Сарматіи по сѣверному берегу Чернаго моря. Весьма древнее преданіе, впервые читаемое у Оригена († 254), возводитъ начало христіанства между здѣшними Греками или греческими колонистами ко временамъ апостольскимъ, утверждая, что ап. Андрею достался жребій проповѣдывать христіанство въ Скиѳіи (см. ниже), причемъ подъ Скиѳіей должно разумѣть именно находившіяся въ послѣдней по берегу Чернаго моря наши колоніи. Извѣстія объ апостольской проповѣди христіанства въ этой греческой Скиѳіи и могли давать писателямъ основаніе,—предполагая, что они разумѣютъ подъ

[1]) Въ какія незапамятно отдаленныя времена ни пришли русскіе Славяне на тѣ мѣста жительства, на которыхъ застала ихъ исторія, все-таки они были на нихъ не первыми жителями, а насельниками другихъ. До ихъ прибытія вся теперешняя европейская Россія принадлежала народамъ двухъ великихъ, родственныхъ между собою, семействъ,—финскаго и монголо-тюркскаго: сѣверную, лѣсистую половину Россіи занимали полуосѣдлые Финны, южную, степную—кочевые Монголо-тюрки. Историческіе Торки (Турки, Тюрки), Берендеи и Черные Клобуки (Кара-Калпаки) представляли собою остатокъ первоначальныхъ жителей территоріи, занятой русскими Славянами.

Скиѳами и Сарматами жителей страны, называвшейся Скиѳіей или Сарматіей, говорить о распространеніи христіанства вообще, между Скиѳами и Сарматами [1]).

Сдѣлавъ отступленіе, возвращаемся къ предположительному отвѣту на поставленный нами вопросъ.

Относительно кіевскихъ Полянъ представляется весьма мало вѣроятнымъ думать, чтобы во времена доисторическія распространялось между ними христіанство. Поляне вели съ Греками днѣпровско-черноморскихъ колоній постоянную правильную торговлю. Но дѣло происходило не такимъ образомъ, чтобы греческіе купцы ѣздили для торговли въ землю Полянъ, а такимъ образомъ, что полянскіе купцы пріѣзжали съ своими товарами или въ торговыя мѣстечки (торжки), находившіяся на границѣ территоріи колоній, или же въ самые греческіе города. А при такомъ порядкѣ торговли, Греки могли вести ее съ Полянами весьма долгое время и оставаться въ полной неизвѣстности объ ихъ странѣ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ можемъ со-

---

[1]) Бл. Іеронимъ выражается о существованіи въ его время христіанства въ Скиѳіи: Scythiae frigora fervent calore fidei, и полагаютъ, что образъ его выраженія довольно ясно указываетъ на тѣ части Скиѳіи, которыя занимали наши предки (преосв. Филаретъ). Но для Римлянъ и Грековъ холода начинались гораздо южнѣе, нежели для насъ; для нихъ была страною холодовъ не только вся Скиѳія, но даже и задунайская Мизія (нынѣшняя Болгарія): Овидій Назонъ, находившійся въ ссылкѣ въ мизійскомъ городѣ Томи, говоритъ о мѣстности, прилежащей къ городу, что она nihil est, nisi inhabitabile frigus.—Къ свидѣтельствамъ древнихъ церковныхъ писателей о христіанствѣ въ Скиѳіи въ III—V вѣкахъ преосв. Филаретъ (Ист. періодъ I, § 1, 3-го изд. стр. 2) присоединяетъ свидѣтельство о принятіи христіанства Руссами при Константинѣ Великомъ, принадлежащее сирско-іаковитскому историку второй половинѣ XIII вѣка митрополиту Григорію Абульфараджу, иначе Barhebräus'у (т. е. сыну Еврея, † 1286, см. о немъ у *Le Quien*'а, II, 1552, а свидѣтельство см. у *Френа* въ Ibn—Foszlan's und anderer Berichte, §§ 41 и 134). Кто держится староновой вѣры, будто Руссы суть Славяне, съ древняго времени обитавшіе въ теперешней южной Россіи, тотъ, конечно, долженъ порадоваться весьма неожиданному извѣстію. Но на самомъ дѣлѣ это весьма неожиданное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма нелѣпое, извѣстіе должно быть объясняемо очень просто: встрѣтивъ у арабскихъ писателей (а можетъ быть, и у греческихъ, ибо зналъ по-гречески), что Руссы (съ Владиміромъ во главѣ) крестились при императорахъ Василіи и Константинѣ, Абульфараджъ и дѣлаетъ Константина Великаго изъ втораго между этими двоими (можно было бы предполагать, что онъ называетъ Руссами какой-нибудь другой народъ, примѣры каковаго смѣшенія народовъ у восточныхъ историковъ, говорятъ, есть; но при Константинѣ Вел. въ нашей сторонѣ приняли христіанство только Армяне и Грузины, а оба народа настолько общеизвѣстны, что превращеніе въ Руссовъ того или другаго изъ нихъ не представляется вѣроятнымъ).

слаться на нашъ собственный примѣръ: хивинскіе и бухарскіе купцы давно пріѣзжаютъ на Макарьевскую ярмарку, чтобы продавать свои товары и закупать русскіе товары, и однако, несмотря на это, мы оставались почти въ совершенной неизвѣстности объ ихъ странахъ, пока не дошли до послѣднихъ сами. Но чтобы въ греческихъ колоніяхъ могли находиться миссіонеры, которые бы имѣли желаніе отправляться съ проповѣдію христіанства въ отдаленную страну вовсе неизвѣстную, это весьма мало вѣроятно: для миссіонеровъ,—предполагая, что они вообще являлись, вмѣсто путешествія въ страну неизвѣстную было слишкомъ достаточно дѣла среди хорошо извѣстныхъ имъ варваровъ, окружавшихъ колоніи. А если даже и допустить, что Грекамъ колоній была болѣе или менѣе извѣстна страна Полянъ, то и это ея знаніе вовсе не могло бы располагать ихъ миссіонеровъ къ путешествію въ нее для проповѣди христіанства. Въ странѣ, удаленной отъ нихъ—Грековъ, могли ихъ миссіонеры имѣть желаніе проповѣдывать христіанство только въ надеждѣ основать въ ней свою частную церковь, ибо въ противномъ случаѣ при чемъ оставались бы обращенные въ христіанство, т. е. что было бы съ ихъ христіанствомъ при неимѣніи ими священниковъ и епископовъ? Но питать надежду основать свою частную церковь можно относительно только такой страны, которая представляетъ изъ себя настоящее государство, съ верховною властію въ лицѣ настоящаго государя, который бы позаботился объ основаніи церкви и который бы охранялъ ея существованіе; а какую можно было питать надежду основать свою частную церковь въ странѣ, въ которой вовсе не было государственной власти въ собственномъ смыслѣ этого слова и въ которой эту государственную власть представляли собою главы родовъ (родовыхъ общинъ), т. е. въ которой не было настоящаго государя, а было великое множество не настоящихъ маленькихъ, какъ нынѣшніе волостные старосты, и даже меньшихъ, государей? Но въ области возможнаго иногда на самомъ дѣлѣ бываетъ именно то, что представляется весьма мало вѣроятнымъ, по каковой причинѣ мы не можемъ рѣшительнымъ образомъ отстранить предположенія, что христіанство было до нѣкоторой степени водворяемо у кіевскихъ Полянъ во времена доисторическія. Допустивъ это предположеніе, нужно будетъ относить водвореніе у нихъ христіанства къ весьма древнимъ временамъ, а относительно его исчезновенія у нихъ нужно будетъ думать, что послѣднее имѣло мѣсто задолго до начала временъ историческихъ. Мы не знаемъ положительнымъ образомъ, когда прекратили свое существованіе греческія колоніи, находившіяся въ низовьяхъ Днѣпра и на сѣверномъ берегу

Чернаго моря, изъ которыхъ могло быть принесено христіанство къ Полянамъ; но со всею вѣроятностію нужно думать, что это случилось не позднѣе начала такъ называемаго великаго переселенія народовъ, которое открылось въ 376-мъ году нахлынутіемъ на Европу монгольскихъ Гунновъ. Что же касается исчезновенія, то изъ лѣтописца нашего слѣдуетъ, что при началѣ временъ историческихъ не было у Полянъ уже совершенно никакой памяти о христіанствѣ [1]).

Но если представляется весьма маловѣроятнымъ думать, чтобы во времена доисторическія христіанство распространялось между Полянами: то, напротивъ, относительно Угличей и Тиверцевъ эта вѣроятность не можетъ быть оспариваема. Они были сосѣдями Грековъ той части Нижней Мизіи, которая по отдѣленіи въ особую провинцію получила названіе Скиѳіи, и всего черезъ рѣку (разумѣемъ Дунай), а Грековъ колоній, находившихся на Днѣстрѣ и по берегу Чернаго моря между устьями Днѣстра и Дуная и совершенно непосредственнымъ образомъ. Они представляли изъ себя вовсе и не такихъ сосѣдей, на которыхъ бы Греки могли находить нестоящимъ обращать своего вниманія, не какое нибудь маленькое племя, которое бы совсѣмъ затиралось и терялось среди другихъ сосѣдей, а племя очень

[1]) Если бы вѣрить лѣтописцу, что кіевскіе Поляне рѣзко отличались отъ другихъ русскихъ Славянъ своими нравами, весьма значительно возвышаясь надъ ними въ семъ отношеніи,—что тогда какъ всѣ другіе русскіе Славяне „живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски“, Поляне „имѣху обычай отець своихъ кротокъ и тихъ и стыденье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыденье имѣху“, и что у нихъ существовали настоящіе браки, чего не было у другихъ русскихъ Славянъ: то подобную, сравнительно весьма значительную, цивилизованность (культурность) Полянъ противъ другихъ русскихъ Славянъ нужно было бы объяснять чѣмъ нибудь. Если не исключительно, то, между прочимъ, весьма вѣроятно было бы объяснять ее давними постоянными сношеніями Полянъ съ Греками. Но въ виду сего уже не такъ маловѣроятнымъ представлялось бы и предположеніе, что до нѣкоторой степени и на нѣкоторый срокъ водворялось между Полянами христіанство во времена доисторическія.—По увѣренію Іорнанда, послѣдній передъ нашествіемъ Гунновъ остготскій король Ерманарихъ, успѣвшій соединить подъ своею властію обоихъ Готовъ, покорилъ своему оружію всю или почти всю Великую Скиѳію и между прочимъ всѣхъ обитавшихъ въ ней русскихъ Славянъ (De Gothorum origine, cap. XXIII). Но о распространеніи отъ Готовъ христіанства между Полянами, не говоримъ уже о другихъ племенахъ, не можетъ быть и рѣчи, потому что, во-первыхъ, господство надъ ними Готовъ, если только оно дѣйствительно имѣло мѣсто, было очень непродолжительно, а во-вторыхъ—должно быть понимаемо вовсе не въ смыслѣ водворенія между ними Готовъ, а только въ смыслѣ наложенія на нихъ послѣдними своей дани.

многочисленное, на которое нельзя было смотрѣть иначе, какъ на цѣлый народъ [1]), и не какое нибудь племя крайне дикое, живущее «звѣриньскимъ образомъ и скотьски», а напротивъ болѣе или менѣе освободившееся отъ дикости и начавшее усвоять себѣ,—можетъ быть и очень вѣроятно, благодаря тому же сосѣдству съ Греками, настоящую человѣческую гражданственность [2]). Очень невѣроятно думать, чтобы у Грековъ Малой Скиѳіи и днѣстровско-черноморскихъ колоній вовсе не находилось ревности обращать въ христіанство подобныхъ сосѣдей. Указанное нами соображеніе, которое должно было отнимать у Грековъ желаніе распространять христіанство между Полянами, именно—что не представлялось возможнымъ основать у нихъ свою частную церковь, въ отношеніи къ Угличамъ и Тиверцамъ не должно было имѣть мѣста; при своемъ сосѣдствѣ съ Греками они могли входить въ составъ самой церкви греческой, съ тѣмъ, чтобы находиться въ завѣдываніи и получать себѣ духовенство отъ ближайшихъ къ нимъ епископовъ греческихъ. Служба Угличей и Тиверцевъ въ войскахъ имперіи, въ качествѣ наемниковъ, само-собою напоминаетъ таковую же позднѣйшую службу Варяговъ. Но если о Варягахъ, служившихъ въ войскахъ имперіи, мы знаемъ, что оказывалось между ними немалое количество отдѣльныхъ лицъ, которыя принимали христіанство: то не можемъ мы отрицать вѣроятности этого же и по отношенію къ Угличамъ и Тиверцамъ. Наконецъ, было бы очень невѣроятно и то, что во множествѣ плѣнныхъ, которыхъ выводили Угличи и Тиверцы изъ имперіи, вовсе не находилось людей, желавшихъ проповѣдывать христіанство своимъ языческимъ поработителямъ. Такимъ образомъ, въ виду сейчасъ нами указаннаго вовсе не можетъ быть отрицаема вѣроятность предположенія, что между Угличами и Тиверцами во вре-

---

[1]) „Бѣ множьство ихъ", говоритъ объ Угличахъ и Тиверцахъ нашъ лѣтописецъ, а готскій историкъ Іорнандъ представляетъ ихъ именно какъ особый славянскій народъ въ числѣ трехъ народовъ, на которые раздѣляетъ онъ Славянъ (первый народъ—Винды или Венеты, подъ которыми разумѣетъ всѣхъ русскихъ Славянъ, за исключеніемъ Угличей и Тиверцевъ, и съ тою или другою частію Славянъ западныхъ; второй народъ—Анты, подъ которыми разумѣетъ Угличей и Тиверцевъ; третій народъ—Славяне, подъ которыми разумѣетъ Славянъ дакійскихъ,—De Gothorum origine, capp. V и XXIII).

[2]) „Суть гради ихъ и до сего дне", говоритъ лѣтописецъ, желая, какъ должно думать, сказать этимъ, что у Тиверцевъ—Угличей развита была сравнительнымъ образомъ городская жизнь. А развитіе городской жизни предполагаетъ развитіе гражданственности (первое начало водворенія которой между Угличами-Тиверцами очень не невѣроятно возводить еще ко временамъ господства надъ ними Римлянъ).

мена доисторическія распространялось христіанство отъ Грековъ. Однако, мы имѣемъ косвенныя свидѣтельства, изъ которыхъ слѣдуетъ, что во всякомъ случаѣ распространенность эту мы не должны предполагать значительною, а только болѣе или менѣе незначительною. Бл. Өеодоритъ сообщаетъ о св. Іоаннѣ Златоустомъ, что онъ первый чрезъ посланныхъ имъ миссіонеровъ водрузилъ христіанскіе жертвенники у Скиөовъ кочевниковъ, жившихъ около Дуная, которые, какъ онъ узналъ, возжадали спасенія, но не имѣли вблизи себя людей, готовыхъ утолить ихъ жажду [1]). Если Златоустый былъ первый, сдѣлавшій нѣкоторый опытъ обращенія въ христіанство сосѣднихъ съ Греками Скиөовъ кочевниковъ и если въ его время не нашлось на мѣстѣ людей, способныхъ къ дѣятельности проповѣднической или въ данномъ случаѣ собственно—катихизаторской: то очевидно, что никакъ нельзя думать очень многаго о проповѣднической дѣятельности Грековъ и между сосѣдними имъ Скиөами осѣдлыми, каковы были Тиверцы съ Угличами [2]). Передающій извѣстія о службѣ нашихъ Славянъ въ войскахъ имперіи и объ ихъ весьма частыхъ набѣгахъ на послѣднюю, Прокопій Кесарійскій ведетъ у себя нарочитыя рѣчи объ языческой религіи Тиверцевъ-Угличей, но при этомъ не дѣлаетъ замѣчанія, чтобы между ними распространялось и христіанство [3]). Незначительное распространеніе христіанства между Тиверцами-Угличами могло остаться Прокопію неизвѣстнымъ; но чтобы онъ не зналъ или зная умолчалъ о распространеніи значительномъ, это очень невѣроятно.

Во второй половинѣ VII вѣка пришедшіе съ Востока Болгары заняли часть Византійской имперіи, находившуюся между Дунаемъ и Балканами, и вмѣстѣ съ симъ должно было случиться то, чтобы, съ одной стороны, христіанство въ бывшей греческой Малой Скиөіи если не совсѣмъ прекратило свое существованіе, то по крайней мѣрѣ утратило, если только прежде имѣло, духъ и ревность всякой пропаганды,

---

[1]) Въ Церк. Ист., кн. V гл. 31 (повторяется Георгіемъ, епископомъ Александрійскимъ,—у Фотія въ Библіотекѣ № 96, ed. *Beckeri* p. 80) и въ похвальномъ словѣ Златоустому,—у Фотія ibid. № 273, ed. id. p. 508.

[2]) Греки не заботились о проповѣди христіанства и между Готами, и если оно значительно распространилось между послѣдними, то помимо ихъ нарочитыхъ стараній.—Объ епископѣ Томійскомъ или Томитанскомъ Өеотимѣ, современникѣ Златоустаго, Созоменъ говоритъ, что за добродѣтельную жизнь его весьма почитали жившіе по ту сторону Дуная Гунны, но не говоритъ, чтобы онъ пытался распространять между Гуннами христіанство,—H. E. lib. 7, cap. 26 (У *Le Quien*'а въ Oriens Christ. I, 1214).

[3]) У *Stritt.* въ Memorr. popp. II, 28.

а съ другой стороны—что Угличи-Тиверцы были разобщены съ имперіей и какъ ея союзники и какъ ея враги. Но въ половинѣ IX вѣка сами Болгары, совершенно усвоившіе къ этому времени національность покоренныхъ ими въ Дакіи и за Дунаемъ Славянъ, приняли отъ Грековъ христіанство. А такимъ образомъ, съ половины IX вѣка и до самаго крещенія Владимира въ концѣ X вѣка христіанство могло распространяться между Угличами-Тиверцами отъ этихъ Болгаръ, представлявшихъ собою ихъ близкихъ единоплеменниковъ.

Нельзя, сказали мы, предполагать многаго. Но, предполагая не многое, можно допускать или по крайней мѣрѣ не невозможно не допускать, что христіанство явилось у Тиверцевъ-Угличей довольно рано и что оно существовало у нихъ во все продолженіе нашихъ временъ доисторическихъ, равно какъ и историческихъ до самаго св. Владимира. Однако, и это христіанство, съ вѣроятностію предполагаемое, какъ существовавшее у одного изъ славяно-русскихъ племенъ до самыхъ временъ историческихъ, не должно быть поставляемо въ связь съ послѣдующимъ христіанствомъ историческимъ. Угличи и Тиверцы не вошли въ составъ русскаго государства, основаннаго Рюрикомъ: въ 914-мъ году они были было покорены Игоремъ, но черезъ 30 — 40 лѣтъ послѣ сего они подпали власти Печенѣговъ, подъ которою и находились не только до крещенія Владимира, но и весьма долгое время послѣ [1]).

Окончимъ краткимъ повтореніемъ сказаннаго нами выше. Во времена доисторическія христіанство могло распространяться отъ Грековъ между двумя племенами русскихъ Славянъ, именно—у Тиверцевъ съ Угличами и у кіевскихъ Полянъ. Очень мало вѣроятности думать, чтобы оно дѣйствительно распространялось между вторыми, и напротивъ есть достаточная вѣроятность думать, что оно, въ болѣе или

[1]) Лѣтописецъ усвояетъ Тиверцамъ непонятное для насъ прозваніе Толковинъ или Толковиновъ: „Тиверци, яже суть Толковины“ (подъ 907 г. нач.). Въ Словѣ о полку Игоревомъ, въ разсказѣ о сновидѣніи вел. кн. Святослава Всеволодовича, называются какіе-то поганые Толковины, которые занимались добываніемъ жемчуга („сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ Тльковинъ великыи женчюгъ на лоно“). Если разумѣть подъ Толковинами „Слова“ Угличей и Тиверцевъ (занимавшихся добываніемъ жемчуга въ устьяхъ Днѣстра и Дуная и въ Черномъ морѣ?): то эпитетъ поганый нужно будетъ понимать не такъ, что они были особенно упорны въ язычествѣ, а такъ, что и послѣ принятія христіанства при Владимирѣ тѣми племенами русскихъ Славянъ, которые вошли въ составъ русскаго государства, они, находясь подъ властію Печенѣговъ, продолжали въ своемъ большинствѣ или какъ цѣлое племя оставаться язычниками.

менѣе незначительной впрочемъ степени, распространялось между первыми. Предполагая маловѣроятное, что оно распространялось и между Полянами, необходимо будетъ относить совершенное его исчезновеніе у нихъ къ очень задолгому времени до настатія временъ историческихъ. Предполагая нисколько не невѣроятное, что у Тиверцевъ съ Угличами христіанство существовало до самаго св. Владимира, мы не должны поставлять его въ связь съ христіанствомъ этого послѣдняго. Вообще, о взаимной связи между нашимъ христіанствомъ доисторическимъ,—допуская его существованіе, и начавшимся со св. Владимира христіанствомъ историческимъ должно думать, что этой связи между ними не было и что послѣднее, не ведя своего начала отъ перваго, явилось, какъ нѣчто совершенно новое и самостоятельное [1]).

---

[1]) О христіанствѣ въ доисторическія времена русскихъ Славянъ на территоріи теперешней Россіи, но не у нихъ самихъ, а у другихъ, обитавшихъ и до сихъ поръ обитающихъ на ней народовъ, что до насъ не касается, см. у *преосв. Макарія* въ его „Исторіи христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владимира, какъ введеніи въ исторію русской церкви“.

Сказаніе о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ.

Введеніемъ къ истинной, достовѣрной, исторіи государственной и церковной почти у всѣхъ народовъ служатъ такъ называемыя народныя преданія, которыя создаетъ иногда дѣйствительно совокупное творчество цѣлаго народа, иногда же напротивъ единичное творчество просто отдѣльныхъ лицъ. Исторія нашего русскаго христіанства начинается такимъ народнымъ преданіемъ, именно—общеизвѣстною повѣстью о путешествіи на Русь или точнѣе говоря—черезъ Русь апостола Андрея.

Какъ въ вопросѣ о народныхъ преданіяхъ вообще, такъ и въ вопросѣ о нашей повѣсти нельзя рѣшить, есть ли она произведеніе творчества общенароднаго или частнаго, принадлежащее въ послѣднемъ случаѣ какому-нибудь досужему грамотнику. Вѣроятнѣе и желательнѣе думать, конечно, первое, но нисколько не невозможно и второе.

Какъ бы то ни было, смыслъ и нравоученіе повѣсти ясны; она хочетъ сказать и доказать: мы—Русскіе составляемъ народъ въ христіанской церкви никакъ не послѣдній и наше христіанство ведетъ свое начало точно такъ же отъ самихъ апостоловъ, какъ и у кого бы то ни было; апостолы не могли водворить у насъ этого христіанства самымъ дѣломъ, но они посѣтили и благословили нашу землю и посредствомъ предъизображенія включили ее въ составъ церкви Христовой, которой такимъ образомъ она и стала частью съ самаго ея начала, хотя частью долгое время остававшеюся, такъ сказать, in petto, только въ мысли и предопредѣленіи. Если повѣсть принадлежитъ народному творчеству вообще, то она должна свидѣтельствовать о тщеславіи предковъ нашихъ, какъ цѣлаго народа, который не хотѣлъ оставаться въ послѣднихъ и, пришедъ ко Христу около одиннадцатаго часа, тѣмъ не менѣе желалъ перевести себя въ первые; если же повѣсть принадлежитъ одному лицу, то и свидѣтельствуетъ только о тщеславіи ея неизвѣстнаго автора.

Въ нашей первоначальной лѣтописи эта повѣсть записана въ слѣдующемъ видѣ. Изъ Греціи черезъ Россію лежалъ путь къ Варягамъ и далѣе до Рима, именно—изъ Чернаго моря Днѣпромъ до его верховьевъ, отсюда волокомъ [1]) до рѣки Ловати, которая впадаетъ и ведетъ въ озеро

---

[1]) Волокъ—отъ волочить, переволакивать по землѣ лодки изъ одной рѣки въ другую. Волокъ (переволока) между Днѣпромъ и Ловатью, шедшій, вѣроятно, съ

Ильмень; изъ Ильменя въ Волховъ, въ Ладожское озеро, въ устье этого озера или рѣку Неву и въ море Варяжское (Балтійское); по этому последнему къ Варягамъ и потомъ до Рима. Апостолъ Андрей, который проповѣдывалъ евангеліе по Черному морю, однажды пришелъ изъ Синопа, что на южномъ или азіатскомъ берегу его [1]), въ Херсонесъ Таврическій или Корсунь и здѣсь узналъ, что недалеко отсюда находится устье Днѣпровское. Пожелавъ побывать въ Римѣ, апостолъ отправился къ устью Днѣпра, чтобы пойти въ него сейчасъ указанною дорогой. Когда, совершая путь, поднимался онъ, съ сопровождавшими его учениками, на лодкахъ вверхъ по Днѣпру, то одинъ разъ случайно (по устроенію Божію) [2]) пришлось ему остановиться для ночлега у берега подъ горами. Горы эти были именно тѣ самыя, на которыхъ послѣ построенъ былъ Кіевъ. Вставъ на другой день поутру, апостолъ указалъ своимъ ученикамъ на горы и сказалъ: „Видите ли эти горы? Смотрите, ибо на этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, будетъ построенъ на нихъ великій городъ и Богъ воздвигнетъ на нихъ многія церкви“. Послѣ этого апостолъ взошелъ на горы, благословилъ ихъ, помолился и на той изъ нихъ, на которой послѣ былъ построенъ городъ въ частнѣйшемъ старомъ значеніи этого слова, поставилъ крестъ [3]). Идя своею дорогой далѣе, апостолъ пришелъ къ

Смоленска (гдѣ *смолились*,—древнее названіе Смоленска Смолнескъ, и окончательно приготовлялись лодки Верховлянъ-Новгородцевъ и Кривичей, имѣвшихъ пуститься въ плаваніе по Днѣпру?) на Великія Луки, съ пересѣченіемъ у Велижа Западной Двины, имѣлъ протяженія верстъ до 200.

[1]) Почти прямо противъ крымской Ѳеодосіи черезъ море,—тотъ самый, при которомъ русскій флотъ одержалъ знаменитую побѣду надъ турецкимъ флотомъ въ 1853-мъ году.

[2]) Въ Лаврент. лѣт.: „по приключаю“, *вар.* „по прилучаю“, въ Ипатск. лѣт. и Прологахъ (подъ 30 Ноября): „по приключаю Божію“.

[3]) Позднѣйшіе памятники точнымъ образомъ указываютъ, гдѣ позднѣйшимъ преданіемъ назначалось мѣсто этого креста. Такъ называемая Густинская лѣтопись (конца XVI—начала XVII вѣка) говоритъ: „Крестъ водрузи не далече нынѣшней браны (воротъ) отъ полудня“ (П. Собр. лѣтт. II, 251), разумѣя брану въ крѣпостномъ валу, который въ настоящее время не существуетъ (см. у *Закревскаго* въ Лѣтописи и описаніи г. Кіева, М., 1858., стр. 257). Захарія Копыстенскій въ своей Палинодіи пишетъ: „На той горѣ въ Кіевѣ, гдѣ стоялъ (апостолъ Андрей), которую зовутъ нынѣ Вздыхальною, якобы отъ того, ижъ на ней зъ учнями своими отъ трудовъ отдохнулъ,.... тогожъ часу (!) и церковь Воздвиженія честнаго креста была поставлена, гдѣ и теперъ естъ, якъ и повѣсть и до сихъ дней обносится о той церкви и о той горѣ“ (часть III, раздѣлъ I, артик. I,—въ Историческ. Библіотекѣ IV, 970; повторяется въ московской Книгѣ о вѣрѣ, въ статьѣ: „О увѣреніи и о крещеніи Русіи“, гл. 3, Гродненск. изд. л. 31); подобнымъ образомъ Иннокентій Гизель въ своемъ Синопсисѣ пишетъ: „Крестъ водрузи (апостолъ Андрей) на мѣстѣ, идѣже посемъ церковь креста Господня сооружися“ (С.-Пб., 1798 г., стр. 20). Крестовоздвиженская церковь теперь не существуетъ; она находилась не да-

Славянамъ, гдѣ послѣ построенъ былъ Новгородъ, то-есть къ племени славянскому, которое называлось этимъ именемъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. У здѣшнихъ людей онъ видѣлъ обычай, какъ они моются (въ баняхъ) и хвыщутся [1]), и подивился на нихъ. Затѣмъ онъ пошелъ къ Варягамъ и наконецъ пришелъ въ Римъ. Повѣствуя въ Римѣ, сколько успѣлъ съ своею проповѣдью и что̀ видѣлъ, апостолъ между прочимъ разсказывалъ: „Видѣлъ я нѣчто весьма чудное въ землѣ Славянской, когда шелъ сюда,—видѣлъ деревянныя бани, и накалятъ ихъ (то-есть каменки въ нихъ) докрасна и раздѣнутся совсѣмъ донага и обольются кислымъ квасомъ [2]) и возьмутъ на себя пучки молодыхъ прутьевъ и станутъ бить сами себя и до того себя добьютъ, что вылѣзутъ (*вар.* слѣзутъ, т. е. съ полка) едва живы; послѣ этого обольются холодною водой, и тогда снова оживутъ; и это дѣлаютъ постоянно, никѣмъ не будучи мучимы, но сами себя муча и такимъ образомъ дѣлая не омовенье себѣ, а мученье". Римляне, слышавъ разсказъ, дивились; апостолъ же, побывъ въ Римѣ, снова возвратился въ Синопъ.

Очень можетъ быть, что честолюбіе и тщеславіе нашихъ предковъ, желая достигнуть того, чтобы страна наша была посѣщена однимъ изъ апостоловъ, не особенно затруднились бы составить повѣсть объ этомъ и въ томъ случаѣ, если бы не представлялось къ сему никакого основанія и никакого внѣшняго повода. Но внѣшній поводъ составить такую повѣсть именно объ ап. Андреѣ дѣйствительно существовалъ. Недоумѣннымъ съ перваго взгляда представляется только то, что повѣсть состав-

---

леко отъ нынѣшней Андреевской церкви, къ югу отъ нея (*Берлинскаго* Краткое описаніе Кіева, Спб. 1820, стр. 189 и *Закревскій* ibid., стр. 147). Въ одномъ сборникѣ второй половины XVII вѣка замѣчается: „Крестъ святый, гдѣ теперь церковь святаго Симеона стоитъ, (апостолъ Андрей) поставилъ" (см. *у Бодянскаго* въ сочиненіи: О времени происхожденія славянскихъ письменъ, стр. LXV, прим. 109),—церковь эта въ настоящее время также не существуетъ и гдѣ находилась неизвѣстно. Что по автору повѣсти апостолъ водрузилъ крестъ на той части кіевской горы, которая послѣ обнималась городомъ въ собственномъ смыслѣ или городскою крѣпостью, это онъ даетъ знать въ словахъ: „и постави крестъ и помолися Богу и слѣзъ *съ горы сея,* идѣже послѣже бысть Кіевъ." А что первоначальный или довладимировскій городъ стоялъ не тамъ, гдѣ его полагаютъ позднѣйшее преданіе и нынѣшніе ученые, см. ниже.

[1]) „Хвощутся",—хвостаться, по теперешнему хвыстаться (у Малороссовъ: хвыскаться), то же что̀ хлестаться.

[2]) Вмѣсто „квасомъ уснияномъ" Лаврент. лѣтописи именно читается „квасомъ кислымъ" въ лѣтописяхъ новѣйшихъ (Никоновск., Софійск. Временникѣ); въ Ипатск. лѣт.: „мытелью" (деревенскіе жители и до сихъ поръ моютъ головы въ баняхъ квасомъ для очищенія ихъ отъ такъ называемой плоти; у Малороссовъ до настоящаго времени есть слово мытель, которое значитъ теплую воду съ квасомъ или съ мятой для мытья головы).

лена такъ, а не иначе. Большая часть греческихъ сказаній объ ап. Андреѣ говорятъ, что ему досталось въ удѣлъ проповѣдывать христіанство между прочимъ въ Скиѳіи, и нѣкоторыя изъ сказаній были переведены на славянскій языкъ въ очень древнее время [1]); а такъ какъ территорія, которую занимали наши предки, находилась именно въ Скиѳіи, о чемъ прямо говоритъ и нашъ лѣтописецъ, то надлежало бы ожидать, что составитель повѣсти заставитъ апостола предпринять нарочное путешествіе на Русь, а не совершить черезъ нее путешествіе только случайное, мимоходное. Можетъ быть, составителю повѣсти неизвѣстны были переведенныя на славянскій языкъ греческія сказанія, говорящія о проповѣди ап. Андрея въ Скиѳіи; можетъ быть, онъ находилъ невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ простирать проповѣдь апостола въ Скиѳіи до территоріи нашихъ предковъ; какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ у него было прямое или частное весьма важное побужденіе представлять дѣло именно такъ, какъ онъ его представляетъ. Если бы вести апостола въ Русь нарочно, то нужно было бы вести его для проповѣди христіанства людямъ, а не для благословенія необитаемыхъ горъ, ибо заставить его совершить весьма далекое нарочное путешествіе для послѣдней цѣли значило бы сказать о немъ не только нѣчто совсѣмъ невѣроятное, а даже и привлекающее на его память осмѣяніе. Но вести апостола въ Русь для проповѣди христіанства людямъ значило бы сочинить повѣсть объ его путешествіи въ Русь только для того, чтобы сказать, что приходилъ къ нашимъ предкамъ съ проповѣдію христіанства апостолъ и что они остались

---

[1]) Греческія сказанія объ ап. Андреѣ раздѣляются на два класса—на краткія извѣстія и пространныя житія. Краткія извѣстія читаются: у Оригена, Дороѳея Тирскаго, Евсевія Кесарійскаго, Епифанія Кипрскаго, неизвѣстнаго автора, приводимаго подъ именемъ Ипполита Римскаго, Никиты Пафлагонскаго, въ Менологіи импер. Василія Болгаробойца, у Икуменія Трикксnúmero скаго и Никифора Каллиста; пространныхъ житій извѣстно три: монаха и презвитера Епифанія, Симеона Метафраста и сейчасъ помянутаго Никифора Каллиста (который кратко сообщаетъ объ ап. Андреѣ въ своей Церк. Ист.). Что ап. Андрею досталось въ удѣлъ проповѣдывать христіанство между прочимъ въ Скиѳіи, это говорится во всѣхъ краткихъ извѣстіяхъ (при чемъ только у Никиты Пафлагонскаго названіе Скиѳіи замѣняется названіемъ Сарматіи, а у Икуменія Трикккскаго, который повторяетъ сотрудника Іеронимова Софронія Палестинскаго, подъ Скиѳіей ясно разумѣется Скиѳія не европейская, а азіатская, составлявшая нынѣшній русско-китайскій Туркестанъ). Изъ сказаній, заключающихъ въ себѣ краткія извѣстія, были переведены на славянскій языкъ: Περὶ τῶν δώδεκα ἀποστόλων неизвѣстнаго писателя, приводимаго подъ именемъ Ипполита Римскаго, читаемое въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. (л. 261), сказаніе изъ Менологія импер. Василія, читаемое въ нѣкоторыхъ Прологахъ XIII вѣка (подъ 30 Ноября), Σύγγραμμα περὶ τῶν μαθητῶν Κυρίου Дороѳеева и Σύγγραμμα περὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων Епифаніева, извѣстныя по рукописямъ XV вѣка (*Восток.* Опис. Рум. Муз. стр. 12, col. 2), но переводъ которыхъ не невѣроятно относить къ значительно болѣе раннему времени.

глухи къ его проповѣди. Такимъ образомъ, чтобы заставить ап. Андрея посѣтить Русь, а при этомъ сохранить и добрую славу нашихъ предковъ, представлялось возможнымъ только сочинить повѣсть объ его путешествіи черезъ Русь мимоходномъ, случайномъ. Существовали внѣшніе поводы или предлоги и для того, чтобы сочинить послѣдняго рода путешествіе. Предкамъ нашимъ извѣстны были въ переводѣ на славянскій языкъ такія греческія сказанія объ ап. Андреѣ, которыя, подробно говоря о мѣстахъ его проповѣди, утверждаютъ, что онъ былъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря,—въ Тавридѣ или Крыму, и здѣсь между другими городами въ Херсонесѣ или Корсуни [1]). Въ древнее время эта Корсунь могла быть названа, такъ сказать, самымъ преддверіемъ Руси, ибо хотя была не особенно близка къ ней, но составляла тогда для нея почти такой же неизбѣжный и такой же знакомый рынокъ, какой для нашихъ деревень составляютъ ближайшіе къ нимъ города, такъ какъ въ ней пріобрѣтали для себя Русскіе всѣ произведенія европейско-азіатской цивилизованной промышленности.

---

[1]) Извѣстны были два житія—Епифаніево и Метафрастово или по крайней мѣрѣ второе изъ нихъ (славянскій переводъ житія Метафрастова въ сокращенномъ видѣ читается въ Макарьевскихъ Четь-минеяхъ подъ 30 Ноября,—*нач.* „Сіи бѣяше отъ града Вивсаиды, сынъ Ионинъ“,—и оставшійся неподновленнымъ его языкъ ясно даетъ видѣть его древность. Греческій подлинникъ,—*нач.* Ἄρτι τοῦ παιδὸς Ζαχαρίου, Ἰωάννου φημὶ τοῦ πάνυ,—въ греческихъ богослужебныхъ Минеяхъ подъ 30-мъ Ноября, а у Миня въ числѣ житій, написанныхъ Метафрастомъ,—tt. CXIV—CXVI, его нѣтъ. Старшій извѣстный намъ списокъ славянскаго перевода житія Епифаніева читается въ рукописи конца XV начала XVI в.,—Моск. Дух. Акад. изъ Волоколл. № 592, л. 549 об. Греческій подлинникъ у *Миня* въ Патрол. t. CXX, col. 216, *нач.* Ἐπειδήπερ πολλοὶ ἀνεγράψαντο βίους καὶ πράξεις θεοφίλων ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν... *Начало* перевода, почему-то опускающаго до полуторыхъ печатныхъ четвертокъ подлинника и вообще, кажется, сдѣланнаго по его редакціи особой отъ напечатанной у Миня: „Святому Епифану, архіепископу Кипрьскому, глаголющю о блаженнѣмъ апостолѣ Андреѣ“... Епифаній жилъ не въ X—XI вѣкѣ, къ которому относитъ его Гарлесъ,—у *Фабриц.* VIII, 259 прим., но, какъ самъ даетъ знать, во времена иконоборцевъ, послѣ Константина Копронима,—† 775; а что онъ писалъ ранѣе Метафраста, видно изъ его словъ въ началѣ житія, слѣдующихъ за приведенными выше: τῶν δὲ μακαρίων ἀποστόλων οὐδεὶς βίους ἀνεγράψατο αἰσίως). Епифаній и Метафрастъ полагаютъ три путешествія ап. Андрея, изъ которыхъ два первыя посвящены были Малой Азіи и южному берегу Чернаго моря. (между городами на берегу моря и Синопъ), а послѣднее обнимало Закавказье, сѣверный берегъ Чернаго моря, Византію съ Иракліей и наконецъ Пелопоннесъ, гдѣ въ Патрахъ апостолъ и потерпѣлъ мученическую смерть. На сѣверномъ или русскомъ берегу Чернаго моря онъ былъ—по Епифанію: въ Воспорѣ, Θеодосіи или Θеодосіи, Херсонесѣ, опять въ Воспорѣ, изъ котораго на одномъ херсонскомъ кораблѣ переправился въ Синопъ, чтобы идти въ Византію; по Метафрасту: въ Воспорѣ и Херсонесѣ, изъ котораго также и для того же отправился въ Синопъ.

Изъ Корсуни во времена древнихъ предковъ нашихъ былъ путь черезъ Россію къ Варягамъ, а отъ Варяговъ до Рима, какъ они знали,—прямой и непрерывный путь моремъ: такимъ образомъ, дѣйствительно выходилъ путь изъ Корсуни въ Римъ черезъ Россію. Этимъ путемъ составитель повѣсти и провелъ ап. Андрея изъ Корсуни въ Римъ для того, чтобы заставить его мимоходомъ благословить горы кіевскія. Посылать апостола изъ Корсуни въ Римъ нашимъ путемъ есть одно и тоже, чтò посылать кого-нибудь изъ Москвы въ Петербургъ путемъ на Одессу; но представлять возможнымъ совершенно неестественное или невѣроятное есть одна изъ привиллегій составителей народныхъ легендъ. При томъ, сочиняя этотъ неожиданный и слишкомъ оригинальный путь, составитель повѣсти, по всей вѣроятности, не считалъ его такимъ невозможно страннымъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: имѣя недостаточныя географическія свѣдѣнія, онъ, вѣроятно, только находилъ его нѣсколько болѣе длиннымъ, чѣмъ прямой путь по морю Средиземному. Этотъ дѣйствительный путь составителю повѣсти былъ извѣстенъ и прямо имъ указывается [1]), такъ что если апостола, находившагося въ Корсуни при началѣ обоихъ путей, онъ считаетъ возможнымъ послать по первому, то ясно, что онъ не полагаетъ между обоими путями черезъ чуръ большаго различія. Если же и при всей скудости своихъ географическихъ свѣдѣній составитель повѣсти все таки зналъ, что, ведя апостола изъ Корсуни въ Римъ своимъ путемъ, онъ заставлялъ дѣлать его совершенно невѣроятный крюкъ: то онъ могъ находить достаточнымъ для себя, что какой ни какой путь существовалъ, а за тѣмъ, какъ это и всѣ составители народныхъ сказаній не сами себя обманывающіе, разсчитывалъ на невѣдѣніе и невѣжество своихъ читателей...

Необходимо думать, что повѣсть объ ап. Андреѣ явилась послѣ времени составленія первоначальной лѣтописи и есть въ сей послѣдней позднѣйшая вставка. Въ другой повѣсти, читаемой въ той же лѣтописи, говорится, что „сдѣ (въ Русской землѣ) не суть апостоли учили“ и что „тѣломъ апостоли не суть сдѣ были“ [2]). Принадлежитъ ли эта вторая повѣсть самому составителю лѣтописи или также есть въ ней вставка, но во всякомъ случаѣ она должна быть признаваема старѣйшею, чѣмъ наша повѣсть. А къ повѣсти о преложеніи книгъ на славянскій языкъ Меѳодіемъ и Константиномъ, внесена ли она въ лѣтопись самимъ лѣтописцемъ (бывъ составлена не имъ) или послѣ него, прибавляется замѣчаніе, что учитель намъ — Руси (не апостолъ Андрей), а какъ и всѣмъ Славянамъ, апостолъ Павелъ: „Словеньску языку учитель есть Андроникъ апостолъ,

[1]) „Отъ Рима придти по тому же (Варяжскому) морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода придти въ Понтъ море“; читается въ нашей же повѣсти (въ географическомъ введеніи въ нее).

[2]) Въ повѣсти объ убіеніи Варяговъ христіанъ при Владимірѣ язычникѣ.

въ Моравы бо ходилъ; и апостолъ Павелъ училъ ту, ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо быша Словене первое; тѣмъ же и Словеньску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есмо— Русь, тѣмъ и намъ Руси учитель есть Павелъ". Къ заключенію о не весьма раннемъ происхожденіи нашей повѣсти должно вести и то обстоятельство, что заразиться тщеславіемъ и подумать объ его удовлетвореніи предки наши могли не сейчасъ за тѣмъ, какъ приняли христіанство, но только послѣ того, какъ болѣе или менѣе обжились въ немъ и какъ оно болѣе или менѣе прочно водворилось и утвердилось въ ихъ странѣ, чѣмъ могла быть пробуждена ихъ гордость[1]).

Замѣчательна редакція повѣсти, помѣщенная въ лѣтописи. Серьезное по крайней мѣрѣ на половину перемѣшано въ ней съ шуточнымъ и юмористическимъ и апостолъ не совсѣмъ скромнымъ образомъ употребленъ въ орудіе насмѣшки. Принадлежа Малороссіи, редакція имѣетъ цѣлію на половину прославленіе Кіева, на горахъ котораго апостолъ водрузилъ крестъ, на половину же осмѣяніе великорусскаго Новгорода, въ которомъ онъ чудился страннымъ великорусскимъ банямъ. Извѣстно, что наши области любили смѣяться одна надъ другою и насочиняли одна про другую множество насмѣшливыхъ сказаній и присловій[2]); извѣстно, что въ особенности любили, какъ и до настоящаго времени любятъ, смѣяться одна

---

[1]) Черезъ 50 лѣтъ послѣ крещенія при Ярославѣ Русскіе съ скромнымъ смиреніемъ называли себя „малымъ стадомъ" (митр. Иларіонъ въ Словѣ о законѣ и благодати). Вѣроятно, такъ продолжали они смотрѣть на себя и еще лѣтъ около 50-ти. Но при такомъ незаносчивомъ взглядѣ еще не могли быть сочиняемы ими притязательныя повѣсти, по которымъ апостолы ходили бы въ ихъ землю для поставленія крестовъ на ихъ горахъ. Что въ вѣкъ составителя лѣтописи еще не было извѣстно повѣсти объ апостолѣ Андреѣ, объ этомъ необходимо заключить и изъ словъ преподобнаго Нестора, который, будучи несправедливо принимаемъ за самого лѣтописца, былъ его современникомъ и который въ житіи Бориса и Глѣба говоритъ: „не бѣша апостоли ходили къ нимъ" (Русскимъ). Первая церковь апостола Андрея была построена въ Кіевѣ весьма рано, именно—Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1086-мъ году (для дочери Анны или Янки, которая желала принять монашество и для которой онъ устроилъ при церкви женскій монастырь, — извѣстный Андреевскій Янчинъ,—Ипатск. лѣт. подъ 1086 г.). Но по сказанному сейчасъ выше вовсе не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы уже такъ рано могло существовать сказаніе о посѣщеніи апостоломъ Кіева; скорѣе наоборотъ существованіе самой церкви могло содѣйствовать до нѣкоторой степени возникновенію сказанія. Первая Крестовоздвиженская церковь, и то нѣсколько сомнительная (не знаемъ, та ли самая, о которой выше), построена въ Кіевѣ въ началѣ XIII вѣка (*Карамз.* III, прим. 326).

[2]) Ихъ и о нихъ можно читать въ книгахъ: *Снегирева* Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. IV, Москва, 1834, стр. 162 sqq (этнографическія пословицы), и *Сахарова* Сказанія Русскаго народа, томъ I, кн. 2, С.-Пб. 1841, стр. 107 sqq (Русскія народныя присловія).

надъ другою двѣ большія области—великорусская и малорусская. Редакція повѣсти объ апостолѣ Андреѣ, помѣщенная въ лѣтописи, представляетъ собою образецъ такихъ насмѣшливыхъ сказаній Малороссовъ о Великороссахъ. Малороссъ, у котораго нѣтъ нашихъ великорусскихъ бань[1]) и для котораго эти бани составляютъ крайне смѣшную странность [2]), съ своимъ прославленнымъ юморомъ говоритъ въ повѣсти Великороссу: бывъ у насъ въ Кіевѣ, апостолъ изрекъ пророчество, благословилъ горы и поставилъ на нихъ крестъ, а у васъ въ Новгородѣ только подивился на вашу хитрую выдумку самимъ себя сѣчь и мучить, о чемъ разсказывалъ даже въ Римѣ.

Естественно, что Новгородцы не желали остаться осмѣянными. И вотъ, въ отвѣтъ на кіевскую редакцію повѣсти явилась редакція новгородская. Не хотѣвъ или не умѣвъ отвѣтить на насмѣшку одинаковою насмѣшкой, Новгородцы вознаграждаютъ себя тѣмъ, что стараются возвысить себя надъ Кіевлянами. Говоря о Кіевѣ то же, что и выше, редакція новгородская умалчиваетъ о баняхъ новгородскихъ и вмѣсто того говоритъ, что въ области Новгородской апостолъ проповѣдывалъ слово Божіе [3]) и оставилъ на благословеніе свой жезлъ [4]). То-есть Новгородцы

[1]) Если кому вспомнится баня въ Кіевѣ Ольгина, въ которой были сожжены послы Древлянскіе: то, во-первыхъ, въ разсказѣ лѣтописи, какъ кажется, разумѣется не баня, а комната для мытья (комната съ ванными, баня въ западно-европейскомъ смыслѣ, что вовсе не одно и тоже съ великорусской или такъ называемой „русской" баней): „повелѣ Ольга мовь сотворити (Деревляномъ), рькуще сице: измывшеся придите ко мнѣ; они же (слуги) пережьгоша истопку (*вар.* истьбу,—жарко натопили избу, комнату), и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти"... (cfr лѣтоп. подъ 1095 г., объ избіеніи Половцевъ); во-вторыхъ, существованіе бань у князей на югѣ (въ Ипатск. лѣт. подъ 1205 г. разумѣется настоящая баня?) не составляло бы свидѣтельства о существованіи ихъ у народа: великорусскія бани происхожденія норманнскаго (*Погодина* Изслѣдованіи, замѣчаніи и лекціи, III, 463, cfr о нынѣшнихъ шведскихъ баняхъ въ статьѣ: „Страна полуночнаго солнца" въ Отечеств. Зап. 1883 г., Мартъ, стр. 228), и весьма возможно, что князья наши, бывшіе потомками Норманновъ, перенесли ихъ съ собою и на югъ.

[2]) Какую великую странность составляютъ наши великорусскія бани для тѣхъ, которые не имѣютъ ихъ, см. напримѣръ въ статьѣ „Буряты", помѣщенной въ *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*, ч. XXVI, кн. 4, стр. 60: „ужасная добровольная пытка (которой подвергаютъ себя Русскіе въ баняхъ) служитъ у Бурята главною имъ укоризною" и пр.

[3]) Новгородская редакція — въ Степенной книгѣ (I, 7 и 95, — въ житіяхъ Ольги и Владиміра) и въ житіи Михаила Саллоса, написанномъ по порученію новгородскаго архіепископа (послѣ митрополита) Макарія Василіемъ Михайловичемъ Тучковымъ (напечатано въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, IV, 36).

[4]) „Жезлъ свой (апостолъ) водрузи въ веси, нарицаемой Друзино" (Степ. кн. I, 7), — въ извѣстномъ Аракчеевскомъ селѣ Грузинѣ, находящемся на Волховѣ приблизительно на половинѣ его теченія (верстахъ въ 15 внизъ отъ Волховской

отвѣчають въ своей редакціи Кіевлянамъ: у васъ въ Кіевѣ апостолъ ограничился только тѣмъ, что поставилъ крестъ на пустыхъ горахъ, у насъ же сдѣлалъ гораздо бо́льшее, заявилъ къ намъ свое благоволеніе болѣе осязательнымъ образомъ.

Если первоначально Русскіе удовольствовались только тѣмъ, что заставили одного изъ апостоловъ благословить свою землю, то естественно, что съ теченіемъ времени ихъ притязанія должны быть увеличиться, тѣмъ болѣе, что позднѣйшая новгородская редакція повѣсти, говорящая, что апостолъ проповѣдывалъ въ области Новгородской слово Божіе, представляла имъ для таковыхъ притязаній нѣкоторыя основанія. Съ XVI вѣка, если не ранѣе, Русскіе начали считать и выдавать апостола Андрея за перваго дѣйствительнаго насадителя христіанской вѣры на Руси, и когда представлялись нужда или случай, съ гордостію и твердостію указывали на это, какъ на не подлежащій сомнѣнію фактъ. Извѣстный Антоній Поссевинъ, убѣждая царя Ивана Васильевича Грознаго къ соединенію съ папою, ссылался ему на примѣръ Грековъ, которые приняли унію на соборѣ Флорентійскомъ; царь отвѣчалъ: „Мы вѣримъ не въ Грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италіи, и съ тѣхъ поръ доселѣ мы соблюдали ее ненарушимою“ [1]). Въ половинѣ XVII вѣка, извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, посыланный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Грецію для описанія церковныхъ чиновъ, имѣлъ съ Греками горячіе споры по поводу дониконовскихъ несогласій нашихъ съ ними въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ. Когда Греки указывали Суханову на то, что мы — Русскіе приняли вѣру отъ нихъ — Грековъ и слѣдовательно во всемъ должны быть согласны съ ними, онъ отвѣчалъ: „Вскую вы собою хвалитеся, что мы отъ васъ крещеніе пріяли, мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея, когда онъ по вознесеніи Господни пріиде въ Византію и оттуда пойде Чернымъ моремъ до Днѣпра, и Днѣпромъ вверхъ до Кіева, и отъ Кіева даже до Великаго Новагорода, и ходя тѣмъ путемъ ученіе свое о вѣрѣ Христовѣ распространялъ, а иныхъ крестилъ... Вѣру вы изначала пріяли отъ апостола Андрея, а мы такожде отъ апостола Андрея“ [2]). Всѣмъ иностранцамъ, которые пріѣзжая въ Россію или

станціи Николаевской желѣзной дороги). Отъ этого водруженія апостоломъ креста будто бы и село получило свое имя (Друзино или Грузино отъ водружать или вогружать — житіе Михаила Саллоса, въ которомъ о жезлѣ подробно).

[1]) *Possevini* Colloquium primum съ Грознымъ de fide catholica въ Supplementum ad Historica Russiae Monimenta, p. 102.

[2]) Такъ называемый Малый Проскинитарій или собственно Статейный списокъ (несправедливо считаемый за раскольничій подлогъ), бесѣда въ Терговищи

встрѣчая Русскихъ за границею, распрашивали ихъ о вѣрѣ, они отвѣчали не иначе, какъ то же, что говорили Грозный Поссевину и Сухановъ Грекамъ [1]).

Древнимъ временамъ и древнимъ людямъ извинительно было создавать легенды; но на насъ въ свою очередь лежитъ обязанность отличать легенды отъ настоящей исторической истины... Всякое сказаніе мы, конечно, должны принимать въ томъ видѣ, какъ оно намъ сообщается. Сказаніе объ апостолѣ Андреѣ говоритъ, что онъ былъ въ Россіи потому, что хотѣлъ чрезъ нее пройти изъ Греціи въ Римъ: ясно, что сказаніе есть крайне несообразный вымыслъ, ибо оно заставляетъ апостола идти путемъ, который не только въ 50 разъ длиннѣе обыкновеннаго, но который въ его время просто былъ совершенно неизвѣстенъ. Поправляя сказаніе и ссылаясь при этомъ на свидѣтельства писателей греческихъ, что ап. Андрей проповѣдывалъ между прочимъ и въ Скиѳіи, мы будемъ утверждать, что онъ могъ быть въ Россіи нарочно? Но если дать вѣру писателямъ греческимъ относительно проповѣди апостола въ Скиѳіи, то у нихъ необходимо будетъ разумѣть подъ Скиѳіей вовсе не внутреннюю страну съ ея варварскимъ населеніемъ, а только ея южную окраину или сѣверный берегъ Чернаго моря съ находившимися на послѣднемъ греческими колоніями, какъ это дѣйствительно и разумѣютъ тѣ изъ писателей греческихъ, подробно говорящихъ о мѣстахъ проповѣди ап. Андрея, которые не имѣютъ слишкомъ большой наклонности къ баснословію [2]). Что

6-го Іюня (напеч. С. А. Бѣлокуровымъ въ Христ. Чтен. 1883 г., № 11—12 и въ 1 вып. II тома изслѣдованія „Арсеній Сухановъ", М. 1893 г.). Арсеній ссылается на не задолго передъ тѣмъ напечатанную въ Москвѣ извѣстную Книгу о правой вѣрѣ (въ этой послѣдней, въ главѣ 3,—„О увѣреніи и о крещеніи Руси", повторяется Захарія Копыстенскій, который, имѣя свои, спеціально южно-русскія, причины выдавать ап. Андрея за перваго насадителя христіанства на Руси, увѣряетъ, будто „святой Андрей, проходячи землю Росскую, многихъ крестилъ и до познанія Христа привелъ",—Палинод. ч. III, розд. 1, артик. 1,—въ Историч. Библіот. IV, 970).

[1]) *Герберштейна* Rerum Moscoviticarum Commentarii, у *Старчевскаго* въ Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI, vol. I, p. 19, *Фабра* Moscovitarum Religio ibid., p. 5, *Гваньини* Omnium regionum Moscoviae descriptio, ibid., p. 18, *Одерборна* Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita, ibid., vol. 2, p. 20 sub fin. Впрочемъ, еще и въ началѣ XVI вѣка находились у насъ своего рода такъ сказать либералы, которые повторяли древнѣйшее, до-легендарное, что русскому языку открылось вѣровать во Христа одному изъ послѣднихъ, „а не бывшу нико(торо)му же апостолу въ Русской земли",— Опис. Синодд. рукоп. *Горск. и Невостр.* № 326, л. 17 об., стр. 681 (А преп. Іосифъ Волоколамскій въ началѣ того же XVI вѣка рѣшалъ вопросъ, почему ап. Андрей не проповѣдывалъ христіанства въ Русской землѣ. Отвѣтъ: „возбраненъ бысть отъ Святаго Духа, его же судьбы бездна многа и сего ради суть сіа несказанны",—Просвѣтит., Казанск. изд. стр. 41).

[2]) Епифаній и Метафрастъ, подробно говорящіе о мѣстахъ проповѣди ап. Андрея, ограничиваютъ его дѣятельность въ Скиѳіи, какъ мы указали, только гре-

же касается до предположеній, будто апостолъ могъ доходить до нашихъ Кіева и Новгорода или хотя бы до одного перваго, то оно столько же вѣроятно, сколько и предположеніе, что апостолъ доходилъ до самаго Архангельска или до самаго Пустозерска. Въ вѣкъ апостоловъ страна наша представляла изъ себя находившуюся за предѣлами извѣстнаго міра невѣдомую и исполненную всевозможныхъ ужасовъ пустыню [1]). Зачѣмъ бы пошелъ въ эту невѣдомую пустыню апостолъ Андрей? Онъ могъ пойдти въ нее, какъ и во всякую другую подобную пустыню, только тогда, когда бы у него не было дѣла въ чертѣ самаго тогдашняго міра и было свободное время ходить по пустынямъ. Но это, какъ всякій знаетъ, было вовсе не такъ. Онъ не могъ имѣть никакой надежды утвердить сколько-нибудь прочнымъ образомъ христіанство въ совершенно разъобщенной съ остальнымъ міромъ варварской и населенной Богъ знаетъ кѣмъ странѣ: для чего же предпринималъ бы онъ въ нее путешествіе? Не для того же въ самомъ дѣлѣ, чтобы ставить кресты на необитаемыхъ горахъ или наблюдать такіе обычаи, какъ паренье въ баняхъ [2]).

ческими колоніями, находившимися на полуостровѣ Таврическомъ или Крыму. Никифоръ Каллистъ (извѣстный своею великою любовію если не къ сочиненію своихъ басенъ, то къ собиранію чужихъ), принадлежащее которому житіе ап. Андрея не напечатано и знаемо нами только по указаніямъ (*Фабриц*. Biblioth. Graec. ed. *Harles*, VII, 443, и *его же* Codd. Apocr. N. T., ed. 2, p. 502, not.), вѣроятно, баснословитъ въ немъ о путешествіи апостола и внутрь Скиѳіи, ибо въ своемъ краткомъ извѣстіи о мѣстахъ его дѣятельности, которое читается въ его Церковной Исторіи (lib. II, cap. 39) онъ говоритъ: „апостолу Андрею досталось идти къ язычникамъ, именно въ Каппадокію, Галатію и Виѳинію, обошедъ которыя, онъ ходилъ также въ страну, которая называется страною Антропофаговъ, и въ пустыни Скиѳскія по обоимъ берегамъ Евксинскаго Понта—сѣверному и южному". О странѣ Антропофаговъ Каллистъ, вѣроятно, говоритъ на основаніи апокрифическаго сказанія о городѣ Антропофаговъ (которое см. у *Тишендорфа* въ Acta Apostolorum apocrypha, Lipsiae, 1851); а это сказаніе есть самая нелѣпая фабула, въ которой ни мало не пахнетъ нашей Россіей (и сочинить которую, вѣроятно, подалъ поводъ Епифаній, говорящій, что жители города Синопа называются антропофагами за свои варварскіе и жестокіе нравы, а что жители города Амастриды прозваны были такъ за свое враждебное отношеніе къ апостолу и въ частности за то, что одинъ здѣшній жидъ откусилъ ему палецъ).

[1]) Населенную Антропофагами, покрытую чуть не вѣчными мраками, скованную страшными мразами и проч.

[2]) Кто, отказавшись отъ Новгорода, все-таки сталъ бы стоять за Кіевъ, до котораго будто бы апостолу легко было подняться Днѣпромъ, тому, кромѣ вопроса: зачѣмъ бы онъ поднялся, отвѣтимъ, что на самомъ дѣлѣ въ вѣкъ апостоловъ сдѣлать это было такъ же легко, какъ въ недавнее время подняться къ верховьямъ Нила. Отъ Геродота до временъ апостоловъ знакомство Грековъ съ нашею страной едва ли увеличилось, а этотъ послѣдній говоритъ, что греческіе колонисты сѣверныхъ береговъ Чернаго моря плавали вверхъ по Днѣпру (для торговли съ вар-

Нельзя и совершенно невѣроятно допустить, чтобы тѣлесно посѣтилъ нашу страну одинъ изъ апостоловъ, но необходимо принимать, что мысленно благословили ее всѣ они, — и мы Русскіе, подобно всѣмъ другимъ народамъ, принявшимъ христіанство не непосредственно изъ рукъ апостоловъ, „ничимъ же меньшіе" въ церкви Христовой кого бы то ни было [1].

20-го Января и 20-го Іюня воспоминаются нашею церковію мученики Инна, Рима и Пинна [2]), о которыхъ въ Менологіи импер. Василія сказано, что они были изъ Скиѳіи, изъ сѣверныхъ предѣловъ,—ἀπὸ Σκυθίας, ἐκ τοῦ βορείου μέρους, ученики св. ап. Андрея, что, учивъ о имени Христовомъ и многихъ обративъ къ правой вѣрѣ, они были схвачены княземъ варваровъ,—παρὰ τοῦ τῶν βαρβάρων ἄρχοντος, который и предалъ ихъ мученической смерти (подъ 20-мъ Января). Понимая греческое: ἀπὸ Σκυθίας, ἐκ τοῦ βορείου μέρους, въ смыслѣ: изъ Скиѳіи, изъ сѣверной ея части, и присоединяя къ сему то, что въ разсказѣ о мученіи говорится о жесточайшей зимней стужѣ и о замерзшихъ отъ стужи рѣкахъ, считаютъ не-

---

варами) только приблизительно до южной части губерніи Екатеринославской (до г. Александровска), а что было далѣе, того рѣшительно ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ сказать (кн. 4, глл. 53 и 56,—выписки съ русскимъ переводомъ и объясненія въ *Запискахъ Одесск. Общ. Ист.*, т. I, стр. 15, 16 и 54). Пусть припомнитъ читатель, что выше были Днѣпровскіе пороги (между Александровскомъ и Екатеринославомъ на протяженіи верстъ 70-ти), которые должны были полагать рѣшительную преграду знакомству съ дальнѣйшею внутреннею Россіей и надолго быть здѣсь для Грековъ геркулесовыми столбами.

[1]) Не признаетъ достовѣрною повѣсти о путешествіи ап. Андрея на Русь уже первый нашъ церковный историкъ митр. Платонъ, и только, какъ первый невѣрующій, высказываетъ свое невѣріе съ нѣкоторою прикровенностію (Исторіи ч. I, гл. II). Преосв. Филаретъ хотѣлъ было высказать свое невѣріе и безъ всякой прикровенности, но былъ воспрепятствованъ въ этомъ такъ называемыми „независящими обстоятельствами" (см. Прибавлл. къ творр. свв. отцц. 1884 г. кн. II, стр. 641 прим. А судя по тону, какимъ преосв. Филаретъ въ одномъ письмѣ къ А. В. Горскому говоритъ о догадкахъ преосв. Макарія относительно проповѣди ап. Андрея Славянамъ, слѣдуетъ думать, что онъ или предполагалъ единомысліе съ собой А—ра В—ча по данному предмету или же прямо зналъ объ этомъ его единомысліи.— Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому, М. 1885, № 90, стр. 227, письмо отъ 30-го іюня 1848-го года). Карамзинъ, вслѣдъ за митр. Платономъ, высказываетъ свое невѣріе повѣсти о путешествіи черезъ Русь ап. Андрея такимъ образомъ, что, сказавъ о путешествіи на основаніи лѣтописи въ текстѣ Исторіи, въ примѣчаніи дѣлаетъ оговорку: „Впрочемъ люди знающіе сомнѣваются въ истинѣ сего Андреева путешествія",—I, 17 и прим. 66.

[2]) По-гречески: Ἰννᾶ, Ῥημᾶ (Ῥιμμᾶ), Πιννᾶ. Въ одномъ сербскомъ Прологѣ первой половины XIV вѣка они называютсяЕненомъ, Нирриномъ и Пинною (по не Инемъ, какъ это у преосв. Филарета въ Житіяхъ южныхъ Славянъ и за нимъ у преосв. Сергія въ Полномъ мѣсяцесловѣ), см. Гласникъ Друштва сербск. слов., XVI, 37.

обходимымъ разумѣть подъ Скиѳіей ту ея часть, въ которой обитали наши предки—русскіе Славяне. Но греческое: ἀπὸ Σκυθίας, ἐκ τοῦ βορείου μέρους значитъ не—изъ Скиѳіи, изъ сѣверной ея части, а—изъ Скиѳіи, изъ сѣверной страны, т. е., которая есть сѣверная страна; что же касается до стужи и замерзанія рѣкъ, то онѣ имѣютъ мѣсто на пространствѣ всей бывшей Скиѳіи Грековъ до самой южной ея границы. Впрочемъ, къ устраненію напрасныхъ споровъ, существуетъ опредѣленное указаніе мѣста дѣятельности мучениковъ. Въ нашемъ славянскомъ Прологѣ разсказъ о мученіи заключается извѣстіемъ о перенесеніи мощей святыхъ (оно 20-го Іюня, тогда какъ 20-е Января — день кончины), въ которомъ говорится, что тѣла ихъ, погребенныя нѣкоторыми христіанами, епископъ (не сказано — чей и какой) вынулъ изъ могилы и положилъ въ своей церкви, а что спустя семь лѣтъ послѣ кончинъ мучениковъ, въ слѣдствіе ихъ явленія, тотъ же епископъ перенесъ мощи „въ мѣсто, нарицаемое Аликсъ, и (иже и?) пристанище сухо суще“ (подъ 20-мъ Іюня). Это извѣстіе взято изъ особаго сказанія о перенесеніи мощей. Въ особомъ сказаніи, которое извѣстно на греческомъ по одной рукописи Парижской публичной библіотеки XI вѣка, говорится, что святые пострадали въ Готѳіи и что мощи ихъ перенесены были въ приморское мѣстечко Аликсъ епископомъ Годдою [1]). Это значитъ, что святые пострадали въ южномъ Крыму, ибо здѣсь въ предѣлахъ греческой Скиѳіи и находилась такъ называемая Готѳія. Когда во второй половинѣ IV вѣка Готы принуждены были изъ теперешней южной Россіи удалиться отъ Гунновъ на западъ, то нѣкоторая часть тѣхъ изъ нихъ, которые жили въ Крыму, не послѣдуя за своими сородичами, остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ жительства; именно — остались двѣ небольшія общины: одна, занимавшая мѣстность близъ Босфора или Керчи, — Готы этой общины назывались Готами Тетракситами; другая, занимавшая узкую приморскую полосу земли между Балаклавой и Судакомъ, — Готы этой общины отъ своей области или областцы, носившей у Грековъ названіе Дори, извѣстны подъ именемъ Готовъ дорійскихъ, и поселенію этихъ-то вторыхъ Готовъ и было усвоено названіе Готѳіи, равно какъ и епископамъ учрежденной у нихъ епархіи дано было названіе епископовъ Готѳійскихъ. Въ сейчасъ указанной нами Готѳіи и пострадали наши мученики [2]). Епископъ Годда, перенесшій мощи ихъ въ мѣстечко Алискъ или Аликсъ, былъ епископъ Готѳійскій (имя епископа готское, cfr у Stritt. Memorr. popp. I, 125,—Godas) [3]. Алискъ

---

[1]) См. у *Верщинскаго* въ „Мѣсяцесловѣ“ подъ 20-мъ Іюня.

[2]) Вѣроятнѣе представлять дѣло такъ, что они пострадали не въ Готѳіи, уже бывшей сполна христіанскою (такъ какъ въ ней уже епископъ), а у какихъ-либо языческихъ сосѣдей Готовъ, сами бывъ изъ Готѳіи.

[3]) Когда послѣ конца IV и до VIII вѣка данъ былъ нашимъ Готамъ свой епископъ, остается неизвѣстнымъ. Первые извѣстные епископы Готѳійскіе суть: не

или Аликсъ есть нынѣшняя Алушта, находящаяся на берегу моря, въ 42 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Ялты и дѣйствительно принадлежавшая къ епархіи Готѳійской [1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ обстоятельной выписки изъ сказанія о перенесеніи мощей, читаемаго въ Парижской рукописи; но если нашъ славянскій Прологъ неошибочно воспроизводитъ сказаніе, говоря, что перенесеніе совершено „по седми лѣтѣхъ" мученія святыхъ: то это вовсе не вѣкъ учениковъ ап. Андрея, а неизвѣстное время, начиная съ конца IV столѣтія (Никодимъ въ своемъ Синаксаристѣ, можетъ быть, имѣвъ подъ руками сказаніе о перенесеніи мощей, не называетъ мучениковъ учениками ап. Андрея,—подъ 20-мъ Января) [2].

О стопахъ апостола Андрея, отпечатлѣвшихся на камени великомъ на берегу у моря близъ Херсона, см. въ Степен. книгѣ, I, 96. О пребы-

называемый по имени (Іоаннъ старшій?), подписавшійся подъ опредѣленіями иконоборческаго собора 754 г., и преемникъ этого безъименнаго епископа св. Іоаннъ, воспоминаемый нашею церковію 19-го Мая и 26-го Іюня (*Le Quien*'a Oriens Christ. I, 1243 fin.; а что сообщается Прокопіемъ Кесарійскимъ объ епископахъ Готскихъ за время импер. Юстиніана, относится не къ нашимъ Готамъ, а Тетракситамъ, при чемъ подъ епископами должны быть разумѣемы или Босфорскіе или, вѣроятнѣе, Фанагорійскіе, см. ниже объ епархіи Тмутараканской). Каѳедра древнихъ епископовъ Готѳійскихъ, если вѣрить позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, находилась въ несуществующемъ теперь городѣ Ѳеодоро, который вѣроятно полагать на мысу Ай-Тодоръ (т. е. святый Ѳеодоръ), лежащемъ въ 8 верстахъ къ югу отъ Ялты (но не вѣроятно видѣть въ городѣ Манкупѣ, развалины котораго верстахъ въ 10 къ востоку отъ Севастополя, ибо Манкупъ долженъ быть полагаемъ внѣ предѣловъ нашей Готѳіи).

[1]) См. у *Миклошича* въ Acta Patriarchat. Constantinop., II, 67 и 150 („Пристанище сухо суще", вѣроятно, есть переводъ греческаго Ξηρολιμένι, Ξηρολιμένας, какъ назывался иначе Аликсъ или подъ которымъ разумѣется сосѣднее съ нимъ мѣсто).

[2]) Польскій писатель половины XVII вѣка Станиславъ Лубинскій, епископъ Плоцкій, заставляетъ ап. Андрея проповѣдывать и насаждать христіанство въ Польшѣ. Но онъ дѣлаетъ это вовсе не на основаніи бывшаго у Поляковъ древняго преданія, которое бы могло быть приводимо въ связь съ нашимъ преданіемъ (и каковаго преданія у Поляковъ неизвѣстно), но, какъ это видно изъ него самого, единственно на основаніи того собственнаго общаго соображенія, что апостолъ проповѣдывалъ въ Скиѳіи, а что въ составъ Скиѳіи входила и Польша (въ сочиненіи: Vitae et series episcoporum Plocensium, котораго мы не имѣемъ подъ руками, но выдержка изъ котораго читается въ Пагіевыхъ примѣчаніяхъ къ Баронію подъ 965 г., n. VI, Лубинскій пишетъ: S. Andreas apostolus Scythiam Europeam, cujus appellatione universus septentrio continetur, primus ex Achaia, Istro transgresso, ingressus, revelatae a Christo veritatis lumen in Poloniam intulit. Современникъ Лубинскаго Симонъ Старовольскій, каноникъ Краковскій, также желающій возводить христіанство Польши ко временамъ апостольскимъ, ничего не говоря объ ап. Андреѣ, заставляетъ насаждать его въ ней жителей Понта, которые въ день Пятидесятницы слушали въ Іерусалимѣ проповѣдь ап. Петра, см. у *Мацѣевскаго* въ Исторіи первобытной христіанской церкви у Славянъ, русск. перев. стр. 223, прим. 234).

ванія апостола нѣкоторое время на каменномъ мысѣ одного изъ пороговъ Днѣпровскихъ (Ненасытицкаго или по древнему и старому Неясытицкаго),—у *Лерберга* въ Изслѣдованіяхъ, служащихъ къ объясненію древней русской исторіи, русск. перев. *Языкова*, С.-Пб., 1819, стр. 272 fin.. Преданіе Валаамскихъ монаховъ, будто апостолъ Андрей былъ на ихъ островѣ и будто свв. Сергій и Германъ, основатели монастыря, были его ученики, у преосв. *Макарія*, Ист. т. I, изд. 2-е, стр. 202, cfr описаніе рукописей Хлудова, № 245, л. 20. *Г. Арандаренко* въ своихъ „Запискахъ о Полтавской губерніи" утверждаетъ, что апостолъ Андрей былъ не въ Новгородѣ Славянскомъ или Великомъ, а Новгородѣ Сѣверскомъ (Черниговской губ.), и, ссылаясь на лѣтописи Кенигсбергскую и Воскресенскую, повѣствуетъ въ такомъ любопытномъ видѣ: „Апостолъ рѣкою Десною былъ тогда и въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, благовѣстилъ Евангеліе и почудился употребленію тамошнимъ народомъ бань своихъ, въ которыхъ, по словамъ его, *разжигался каждый человѣкъ на подобіе раскаленнаго камня* (!), сѣкъ себя хворостомъ до изнеможенія, а потомъ, повергаясь съ журчаніемъ въ рѣчную воду, выходилъ оттуда живъ и бодръ, *какъ бы никогда не расжиганъ* и не битъ" (Записокъ ч. III, Полтава, 1852, стр. 416).

О словахъ: «якоже рѣша». Въ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, о путешествіи черезъ Русь апостола Андрея есть ссылка на кого-то или на что-то, выраженная словами: „якоже рѣша". Въ первомъ изданіи Лаврентьевскаго списка лѣтописи, сдѣланномъ Археографическою Комиссіей, это „якоже рѣша" поставлено такъ, что какъ будто оно относится къ слѣдующему за тѣмъ описанію пути и путешествія апостола (Якоже рѣша, Ондрею учащю въ Синопіи и пришедшю въ Корсунь...) [1], на основаніи чего хотятъ видѣть въ этихъ словахъ ссылку лѣтописца (разумѣй: автора повѣсти) на народное преданіе, которое сообщило ему свѣдѣнія о посѣщеніи нашей страны апостоломъ. На самомъ дѣлѣ, какъ это и поправлено во второмъ изданіи Лаврентьевской лѣтописи (а также во второмъ изданіи и лѣтописи Ипатьевской) помянутыя слова относятся не къ послѣдующему, а къ предыдущему, именно—къ тому, что Андрей, братъ Петровъ, училъ по Черному морю, и должны быть понимаемы такъ: Черное море называется Русскимъ моремъ; по этому морю училъ Андрей, братъ Петровъ, „якоже рѣша", то-есть какъ о томъ сказали или говорятъ нѣкоторые. Въ этихъ словахъ авторъ повѣсти, несомнѣнно, ссылается или на Епифанія и Метафраста вмѣстѣ, или на котораго-нибудь изъ нихъ одного.

Дополнительное предположеніе. Мы принимаемъ, что повѣсть объ ап. Андреѣ, читаемая въ лѣтописи, состоитъ изъ двухъ частей—изъ геогра-

---

[1]) Неудачное чтеніе, вѣроятно, принадлежитъ покойному Строеву, ибо такъ стоитъ въ изданномъ имъ Софійскомъ Временникѣ; въ прежнихъ изданіяхъ лѣтописей (Никоновск., Кенигсб.) читается, какъ послѣ поправлено.

фическаго введенія о путяхъ изъ Греціи въ Кіевъ и черезъ Кіевъ и изъ самаго разсказа о путешествіи апостола. Но возможно, что считаемое нами за введеніе въ повѣсть составляетъ географическое замѣчаніе или географическое сообщеніе, принадлежащее самому лѣтописцу, и что оно-то и подало поводъ неизвѣстному ревнителю славы своего отечества и своей церкви составить повѣсть о путешествіи апостола. Въ географическомъ замѣчаніи или сообщеніи, съ одной стороны, говорится, что черезъ Россію можно было совершить круговое путешествіе, которое, начинаясь Понетскимъ или Чернымъ моремъ, приводило бы опять въ то же море, а съ другой стороны—оно (замѣчаніе—сообщеніе) оканчивается словами, что Понетское море слыветъ Русскимъ моремъ и что по нему, т. е. въ городахъ по берегамъ его, какъ пишутъ, училъ ап. Андрей, братъ Петровъ. По Черному морю, читалось въ лѣтописи, училъ ап. Андрей, а море это слыло Русскимъ моремъ: у ревнителя славы своего отечества и своей церкви могла явиться мысль сдѣлать апостола, учившаго по морю, слывшему Русскимъ, до нѣкоторой степени апостоломъ и самой страны Русской. А сообщеніе лѣтописца, что черезъ Россію можно было совершить круговое путешествіе, которое бы начиналось Чернымъ моремъ и оканчивалось тѣмъ же моремъ, указывало способъ, какъ сдѣлать ап. Андрея до нѣкоторой степени апостоломъ и самой страны Русской. Стоило усвоить апостолу, учившему по Черному морю, желаніе побывать въ Римѣ, который лежалъ на нашемъ круговомъ пути,—и онъ могъ быть проведенъ въ Римъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ опять возвратиться на Черное море, путемъ черезъ Россію, черезъ Кіевъ и Новгородъ...

II.

Вопросъ о крещеніи Аскольда и Дира.

Отъ временъ доисторическихъ обращаемся ко временамъ историческимъ, которыя начались съ основанія въ половинѣ IX вѣка нашего русскаго государства варягомъ Рюрикомъ.

Начало рѣчей о нашемъ христіанствѣ временъ историческихъ или о нашемъ христіанствѣ историческомъ составляетъ вопросъ о крещеніи кіевскихъ князей Аскольда и Дира [1]).

У великаго князя Рюрика, пришедшаго въ 862-мъ году княжить въ Новгородъ, были два мужа «не племени его, но бояриня» [2]), именно Аскольдъ и Диръ. Не желая оставаться съ Рюрикомъ въ Новгородѣ, они испросились у него пойдти съ родомъ своимъ въ Константинополь; но когда плыли внизъ по Днѣпру, то остановились въ Кіевѣ, овладѣли имъ и остались въ немъ княжить Полянскою землею, совокупивъ около себя многихъ Варяговъ.

Это сообщаетъ нашъ лѣтописецъ объ Аскольдѣ и Дирѣ самъ отъ себя. Затѣмъ у него слѣдуетъ заимствованіе изъ одного лѣтописца греческаго. Лѣтописцы греческіе говорятъ о нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III, послѣдніе годы правленія котораго совпадаютъ со временемъ княженія въ Кіевѣ Аскольда и Дира [3]), какихъ-то Руссовъ, князей которыхъ они не называютъ по именамъ и о мѣстѣ жительства которыхъ они не говорятъ точнымъ образомъ. Одного изъ этихъ лѣтописцевъ греческихъ, именно—продолжателя Георгія Амартола, нашъ лѣтописецъ имѣлъ у себя подъ ру-

[1]) Составляющему вопросъ крещенію Аскольда и Дира предшествуетъ легендарное крещеніе Новгородцевъ въ крымскомъ Сурожѣ. См. о немъ въ приложеніи.

[2]) По другому чтенію: „не племени его, ни бояриня“.

[3]) Убитъ въ 867-мъ году.

ками въ славянскомъ переводѣ. Считая вѣроятнымъ относить его разсказъ о Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, къ кіевскимъ Руссамъ Аскольду и Диру и дѣйствительно относя его къ нимъ, лѣтописецъ буквально и приводитъ его у себя, сдѣлавъ только то дополненіе, что прибавилъ имена Аскольда и Дира и положилъ событіе подъ 866-мъ годомъ, который по нему есть 14-й годъ правленія императора Михаила [1]).

---

[1]) Продолжатель Амартола по древнему славянскому (болгарскому) переводу: „царь же (Михаилъ) на Агаряны изиде воевать... Дошедшю же ему Черныя рѣки глаголемы, вѣсть ему епархъ посла, яко Русь на Костянтинъ градъ идуть; тѣмже царь прочь иде, Русь же внутрь... (пропускъ) вшедше, много убійствъ крестьяномъ сотвориша и во двою сту лодей Константинь градъ оступиша. Царь же, дошедъ, въ градъ вниде и съ патріархомъ Фотіемъ сущіи въ церкви святыя Богородица во Влахернахъ всенощную молбу сотвориша..., таже божественную ризу святыя Богородица съ пѣснями износяще въ море, скутъ **) (sic) омочивше, тишинѣ же сущи и морю укротившюся, абіе буря съ вѣтромъ въста и волнамъ великимъ воздвигшимся засобь, ***) безбожныхъ Руси людья возмяте, и къ брегу привержени и избіени, яко мало отъ нихъ таковыя бѣды избѣгнути, во своясн съ побѣженіемъ возвратишася“ (Сvнод. ркп. № 732, л. 330).

**) Въ подл. τῇ θαλάσσῃ ἄκρως προσέβαψαν.

***) Въ подл. κυμάτων ἐπαναστάσεις ἀλλεπάλληλοι ἐγένοντο.

Нашъ лѣтописецъ: „Въ лѣто 6374. Иде Асколдъ и Диръ на Греки и пріидоша въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на Огаряны и дошедшю ему Черные рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь на Царьгородъ идеть, и вратися царь. Си же внутрь Суду *) вшедше много убійство“... и такъ далѣе, какъ у продолжателя, безъ всякихъ прибавленій.

*) О Судѣ, подъ которымъ (собственно—подъ которою) должно разумѣть у лѣтописца въ настоящемъ случаѣ Босфорскій проливъ, см. ниже. Въ подлинникѣ: οἱ δὲ Ῥῶς φθάσαντες ἔνδον τοῦ ἱεροῦ γενέσθαι: Іеронъ — названіе крѣпости, именно Іерономъ, а точнѣе Іеронами у Грековъ назывались получившія свое имя отъ древняго языческаго святилища (ἱερόν) двѣ крѣпости, которыя находились на Босфорѣ, приблизительно на трети его протяженія отъ Чернаго моря, и которыя, стоя одна противъ другой на европейскомъ и на азіатскомъ берегу, заграждали проходъ по проливу къ Константинополю (въ настоящее время Караташъ и Іорозъ Калеси, недалеко отъ Румели и Анадолъ - Кавакъ, см *Византія* Ἡ Κωνσταντινούπολις, II, стр. 174 и 197, и вторую карту, приложенную къ сему тому; cfr Амартола по изд. *Муральта*, стрр. 652 и 841, а также *Гонз. де Клавихо* Дневникъ путешествія ко двору Тимура, въ переводѣ *Срезневск.*, стр. 96). Такимъ образомъ ἔνδον τοῦ ἱεροῦ значитъ: въ проливѣ по сю къ Константинополю сторону крѣпости Іе-

Далѣе нашъ лѣтописецъ ничего не говоритъ объ Аскольдѣ и Дирѣ, за исключеніемъ ихъ смерти, послѣдовавшей отъ руки Олега. Но многіе изъ лѣтописцевъ греческихъ, повѣствующихъ о нападеніи на Константинополь неизвѣстныхъ Руссовъ, которыхъ нашъ лѣтописецъ принимаетъ за Аскольда и Дира, говорятъ еще о принятіи этими Руссами христіанства [1]. Именно—они сообщаютъ, что Руссы, сдѣлавъ неудачное нападеніе на столицу имперіи, возвратились во-свояси, что императоръ послѣ этого вступилъ съ ними въ переговоры и что посредствомъ щедрыхъ подарковъ онъ преклонилъ ихъ къ миру и убѣдилъ креститься и принять епископа.

Итакъ, дѣло объ Аскольдѣ и Дирѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Лѣтописцы греческіе говорятъ о неудачномъ нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ о крещеніи какихъ-то неизвѣстныхъ Руссовъ, князей, которыхъ (какъ мы сказали) они не называютъ по именамъ и мѣста жительства которыхъ они не указываютъ точнымъ образомъ. Нашъ русскій лѣтописецъ относитъ разсказъ о нападеніи къ кіевскимъ князьямъ Аскольду и Диру, изъ чего должно слѣдовать, что и христіанство было принято этими же князьями. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ: справедливо ли нашъ лѣтописецъ относитъ сказанія Византійцевъ о неизвѣстныхъ Руссахъ къ Аскольду и Диру и дѣйствительно ли первыхъ можно принимать за послѣднихъ.

Мы полагаемъ, что отвѣтъ долженъ быть данъ отрицательный.

Если бы Руссы, нападавшіе на Константинополь и потомъ принявшіе христіанство и даже позволившіе водворить у себя епископа, были кіевскіе русскіе, то какое нибудь преданіе объ ихъ христіанствѣ необходимо должно было бы сохраниться въ Кіевѣ, ибо водвореніе епископа и слѣдовательно учрежденіе настоящей частной церкви, какъ всякій понимаетъ, есть такое событіе, которому весьма трудно было

рона (крѣпостей Іероновъ). У болгарскаго переводчика пропускъ, вѣроятно, потому, что онъ недоумѣвалъ, что значитъ тутъ τὸ ἱερὸν и затруднялся его перевести; смѣлый сербскій переводчикъ перевелъ: „Руси же приспѣвше внутрь быти церкве“ (Сѵнод. ркп. № 148, л. 386 об.).

[1]) Продолжатель Амартола говоритъ только о нападеніи, что приведено нами сейчасъ выше, но не говоритъ о крещеніи.

бы совершенно безслѣднымъ образомъ исчезнуть изъ памяти народной. А между тѣмъ мы видимъ, что таковаго преданія въ Кіевѣ вовсе не было. Лѣтописецъ знаетъ объ Аскольдѣ и Дирѣ изъ мѣстныхъ преданій только то, что они пришли въ Кіевъ изъ Новгорода, и болѣе ничего. Нашедъ въ греческомъ лѣтописцѣ, бывшемъ у него подъ руками, разсказъ о нападеніи Руссовъ на Константинополь, онъ относитъ его къ Аскольду и Диру, потому что за неимѣніемъ другихъ, извѣстныхъ ему, Руссовъ это представляется ему совершенно вѣроятнымъ; но онъ не имѣлъ подъ руками тѣхъ греческихъ лѣтописцевъ, которые говорятъ о крещеніи Руссовъ, нападавшихъ на Константинополь, а потому онъ ничего и не говоритъ о крещеніи Аскольда и Дира. Подобное совершенное отсутствіе въ Кіевѣ преданія о такихъ важныхъ событіяхъ, какъ крещеніе князей и полученіе своего епископа, по нашему мнѣнію, весьма и самымъ рѣшительнымъ образомъ говоритъ противъ вѣроятности мнѣнія, что Руссы, нападавшіе на Константинополь и потомъ принявшіе крещеніе, были Аскольдъ и Диръ съ своею дружиной. Въ томъ обстоятельствѣ, что на Аскольдовой могилѣ во времена лѣтописца (какъ это онъ сообщаетъ [1]) нѣкій Ольма поставилъ церковь—видѣть указаніе, что въ вѣкъ лѣтописца и этого Ольмы Аскольдъ слылъ за христіанина, нѣтъ никакого основанія. Если бы это было такъ, то лѣтописецъ и не преминулъ бы прямо сказать это; если же, несмотря на представлявшійся случай, онъ этого не говоритъ, то ясно, что никакихъ преданій о христіанствѣ Аскольда не знаетъ. Что же касается до Ольмы, то онъ поставилъ домовую церковь на могилѣ Аскольда просто по той причинѣ, что послѣдняя приходилась на его дворѣ, о чемъ прямо говоритъ лѣтописецъ, и что, представляя изъ себя холмъ или возвышенную площадку, каковы были могилы древнихъ князей, она оказывалась удобнымъ мѣстомъ для поставленія церкви [2]).

Аскольдъ и Диръ пришли изъ Новгорода въ Кіевъ въ 862-мъ году, а въ 866-мъ году, т.-е. черезъ четыре года, они нападаютъ, по лѣтописцу, на Константинополь. Возможно ли допустить, чтобы въ четыре года они успѣли настолько совокупить около себя Варяговъ и вообще стать настолько сильными, чтобы замыслить это нисколько нешуточное на-

[1]) Подъ 882-мъ годомъ.

[2]) А также, можетъ быть, руководствуясь и тѣмъ побужденіемъ, по которому Владиміръ приказалъ ставить первыя церкви „по мѣстомъ, идѣже (прежде) стояху кумиры“ (лѣт. подъ 988 г.), т. е. во свидѣтельство торжества христіанства надъ язычествомъ.

паденіе? Ясно, что дѣло—крайне сомнительно, но главное вовсе и не въ этомъ. Нашъ лѣтописецъ относитъ нападеніе Аскольда и Дира на Константинополь къ 866-му году. Мы не знаемъ, какими онъ руководился при этомъ основаніями [1]); но какъ бы то ни было, только Византійцы и одинъ западный лѣтописецъ относятъ нападеніе неизвѣстныхъ Руссовъ на Константинополь къ гораздо болѣе раннему времени, и не можетъ подлежать никакому спору и сомнѣнію, что этимъ послѣднимъ должно быть отдано рѣшительное предпочтеніе. Непосредственный современникъ событія, Никита Пафлагонскій, въ написанномъ имъ житіи патріарха Игнатія говоритъ о нашествіи Руссовъ прежде событій 861-го года, именно—прежде Константинопольскаго собора на Игнатія (такъ называемаго первовтораго или двукратнаго) и прежде бывшаго въ Константинополѣ въ семъ году (въ августѣ мѣсяцѣ) великаго землетрясенія. А такъ какъ сейчасъ помянутый соборъ былъ въ началѣ Мая 861-го года и онъ, по словамъ Никиты, имѣлъ мѣсто «не много спустя» времени послѣ нашествія Руссовъ [2]), то послѣднее должно относить или къ самому началу 861-го года, или къ концу предшествующаго 860-го. Симеонъ Логоѳетъ говоритъ, что нашествіе Руссовъ было въ десятый годъ правленія императора Михаила [3]). Полагаютъ, что это есть тотъ самый годъ, который у нашего лѣтописца, т.-е. 866-й; однако, это неправда. Императоръ Михаилъ, вступившій на престолъ въ началѣ 842-го года, царствовалъ сначала вмѣстѣ съ матерью своею Ѳеодорой, а потомъ отдѣльно. Годы того и другого правленія считаются особо. По Логоѳету, Михаилъ царствовалъ съ матеріею тринадцать лѣтъ [4]); слѣдовательно, первый годъ его отдѣльнаго правленія, въ которое случилось нашествіе Руссовъ, былъ 856-й, а слѣдовательно и десятый годъ его того же самаго правленія долженъ быть 866-й. Но мы не знаемъ и не умѣемъ въ настоящее время объяснить, по какой причинѣ, только Логоѳетъ, говоря объ отдѣльномъ правленіи Михаила, считаетъ его годы не съ 856-го, а съ 850-го, что у него совершенно ясно изъ года седьмаго, ибо къ сему году онъ относитъ

[1]) Основаній всего естественнѣе было бы искать у продолжателя Амартолова; но у этого послѣдняго событія описываются по царствованіямъ, безъ обозначенія годовъ.

[2]) Vita Ignatii, cap. IV, §§ 23 и 24, въ Acta Ss. *Болландистовъ*, Октября t. X, p. 182 sqq. Nec multum temporis fluxit (послѣ нашествія Россовъ) et rursus conciliabula... Житіе написано Никитой между 879 и 886 гг., см. ibid., p. 158, n. 5.

[3]) Ed. Paris., p. 445, n. XXXVIII.

[4]) Ed. id., p. 435, n. XIII.

низложеніе патріарха Игнатія [1]), которое было въ 857-мъ году. Такимъ образомъ, десятый годъ правленія Михаила въ дѣйствительности есть у Логоѳета 860-й годъ. Западный лѣтописецъ Іоаннъ, діаконъ Венеціанскій [2]), въ своемъ Chronicon Venetum говоритъ о нападеніи на Константинополь въ правленіе императора Михаила III народа Норманновъ, подъ которыми необходимо разумѣть нашихъ Руссовъ, ибо, съ одной стороны, это ясно видно изъ самаго описанія, а съ другой стороны — никакіе другіе Норманны при императорѣ Михаилѣ на Константинополь не нападали. Но онъ говоритъ объ этомъ событіи между 860-мъ и 863-мъ годами [3]). Итакъ, въ дѣйствительности нападеніе Руссовъ на Константинополь имѣло мѣсто не въ 866-мъ году, а или въ 860-мъ или самомъ началѣ 861-го года (Никита Пафлагонскій). А если это такъ, то Аскольдъ и Диръ не только не могли нападать на Константинополь, но еще не приходили и въ самую Россію [4]).

---

[1]) Ed. id., p. 441, n. XXVIII. Замѣчательно, что и у нашего лѣтописца счетъ годовъ отдѣльнаго правленія императора Михаила не дѣйствительный (съ 856-го года), а особенный, близкій къ Логоѳету: 866-й годъ у него есть не 10-й, а 14-й годъ правленія Михаила.

[2]) Писавшій между 980—1008 годами.

[3]) У *Миня* въ Патрол., t. CXXXIX, col. 905; у *Pertz'a* въ Monumenta Germaniae, IX, 18. Вотъ слова діакона Іоанна въ подлинномъ и цѣломъ видѣ: „Въ то время (указанное нами) полчища Норманновъ съ 360 кораблями дерзнули напасть на Константинополь; но поелику никоимъ образомъ не могли нанести вреда неодолимому (городу), то, предавшись сильному грабительству подгородій и нещадно избивъ весьма многихъ, съ тріумфомъ (добычей) возвратились во свояси".

[4]) А. А. Куникъ утверждаетъ, будто на основаніи письма папы Николая къ импер. Михаилу отъ Сентября 865 г. неопровержимо рѣшается вопросъ о нападеніи Руссовъ на Константинополь въ томъ смыслѣ, что оно было въ семъ 865-мъ г. (лѣтомъ), а намъ замѣчаетъ, что мы „въ этомъ случаѣ тщетно строимъ новыя гипотезы для опредѣленія времени похода" (Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ, ч. 1, С.-Пб. 1878, стр. 161 sqq.). Но мы не совсѣмъ понимаемъ достопочтеннаго ученаго: въ письмѣ своемъ папа говоритъ о нашествіи Руссовъ на Константинополь, но не указываетъ, когда оно было: изъ письма, конечно, неопровержимо слѣдуетъ, что нашествіе было прежде, чѣмъ оно писано, но какимъ образомъ слѣдуетъ, что было оно именно лѣтомъ 865 г., а не ранѣе? Почему-то упорно стоящій за 865 годъ, г. Куникъ не хотѣлъ надлежащимъ образомъ быть внимательнымъ къ письму, а между тѣмъ изъ него самого слѣдуетъ, что нашествіе должно быть относимо не къ 865 г., а къ нѣсколько болѣе раннему времени. Папа, укоряя императора за угрозы, которыя получилъ отъ него, пишетъ послѣднему: (Тѣ, которые, умертвивъ множество людей, сожгли церкви святыхъ и предмѣстія Константинополя почти до самыхъ его стѣнъ) не получили никакого отмщенія (et vere de istis nulla sit ultio), намъ же... высказываютъ угрозы"... (письмо и съ ру-

По сейчасъ нами сказанному, а всего болѣе — по этому отсутствію въ Кіевѣ преданія (къ каковому обстоятельству историки относятся съ совершенно непонятною для насъ легкостію), представляется намъ весьма и крайне труднымъ допустить, чтобы неизвѣстные Руссы, осаждавшіе Константинополь въ правленіе императора Михаила и потомъ принявшіе христіанство, были наши кіевскіе Руссы, предводимые Аскольдомъ и Диромъ [1]).

Но, отстранивъ нашихъ кіевскихъ Руссовъ, мы должны найти другихъ Руссовъ, ибо фактъ, что какіе-то Руссы осаждали Константинополь, остается несомнѣннымъ: гдѣ же мы ихъ возьмемъ?

Кедринъ и Зонара говорятъ, что Руссы, нападавшіе на Константинополь, жили около Тавра [2]); Никита Пафлагонскій также даетъ

скимъ переводомъ приведено у г. Куника). Если бы нападеніе имѣло мѣсто въ 865-мъ г., то укоръ папы былъ бы, очевидно, преждевременнымъ, ибо какое имѣлъ бы онъ (папа) основаніе предполагать, что императоръ не собирается нанести отмщенія? Если папа укоряетъ и считаетъ себя въ правѣ укорять, то не ясно ли, что отъ нападенія прошло такое болѣе или менѣе продолжительное время, которое дѣлало истиной и фактомъ то, что императоръ не собирается отмщать? (Г. Куникъ говоритъ: „Папѣ могло быть также небезызвѣстнымъ и то, что Михаилъ самъ лѣтомъ 865 г. вышелъ съ флотомъ противъ Критянъ“, стр. 174. Если бы достопочтенный ученый сказалъ намъ, откуда это извѣстно ему самому, и если бы онъ доказалъ намъ, что это именно былъ тотъ походъ, изъ котораго Михаилъ возвратился въ Константинополь, чтобы защищать послѣдній отъ Руссовъ, то мы, конечно, отказались бы отъ нашего года. А пока считаемъ нелишнимъ сообщить, что, обратившись къ спеціалисту въ дѣлѣ Папарригопулу, мы нашли у него походъ императора противъ Сарацинъ 859-го г., что̀ какъ разъ идетъ къ нашему мнѣнію о годѣ, и не нашли похода 865-го г.,—᾿Ιστορία τοῦ ῾Ελληνικοῦ ἔθνους, III, 830).

[1]) Въ подтвержденіе того, что не только сами Аскольдъ и Диръ принимали христіанство, но что послѣднее имѣло при нихъ въ Россіи бо́льшій или меньшій успѣхъ, преосв. Филаретъ ссылается на арабскаго писателя Массуди (Масуди), который писалъ: „изъ Склабовъ (Славянъ) одни — христіане, другіе — язычники“, и потомъ говорилъ: „изъ всѣхъ склабскихъ царей сильнѣйшій есть Диръ“,—Ист. цер. I, § 2 fin.. По какихъ Славянъ разумѣетъ Масуди, остается вовсе неизвѣстнымъ, а чтеніе у него имени одного изъ царей славянскихъ: Диръ, Дира совершенно ненадежно и большею частію ученыхъ понимается вовсе не о князьяхъ кіевскихъ (которыхъ можно было бы разумѣть подъ Диромъ, какъ преемниковъ послѣдняго на кіевскомъ великокняжескомъ престолѣ, такъ какъ самого Дира Масуди вовсе не былъ почти современникомъ, за каковаго выдаетъ его преосв. Филаретъ, ибо писалъ во второй четверти X вѣка), см. у *Гаркави* въ „Сказаніяхъ мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“, стр. 137 и 167, и у *Дорна* въ „Каспіи“, стр. XLIX.

[2]) Болѣе точное и прямое опредѣленіе мѣста ихъ жительства, которое дѣлаетъ сербскій сократитель Зонары, говоря, что они жили „во Евксинопонтѣ“

знать, что они жили тамъ же [1]), и мы почти съ полною увѣренностію думаемъ, что подъ этими Руссами должны быть разумѣемы Руссы Азовско-Таврическіе или Азовско-Крымскіе. О Руссахъ Азовско-Таврическихъ пока еще не найдено никакихъ историческихъ свѣдѣній. Но что они существовали, поселившись въ Тавридѣ и надъ нею при устьи Дона неизвѣстно когда до основанія нашего государства и потомъ исчезнувъ отчасти, вѣроятно, посредствомъ перехода къ намъ въ Кіевъ и къ Грекамъ въ Константинополь, отчасти посредствомъ слитія съ туземцами (отчасти, наконецъ, такъ какъ Норманны были народъ подвижный и представляли изъ себя именно тѣхъ людей, для которыхъ ubi bene, ibi patria, разсѣявшись по разнымъ мѣстамъ),—это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію и неоспоримое доказательство этого представляютъ свидѣтельствующія о нихъ названія мѣстъ, сохранявшіяся даже до довольно поздняго времени. Пространство на западномъ берегу Крыма отъ озера Тарпанчскаго до озера Евпаторійскаго называлось Varaegia, а первое изъ этихъ двухъ озеръ — Varangolimena или Varangico; весьма длинный и весьма узкій островъ при входѣ въ Днѣпровскій лиманъ, теперь извѣстный подъ именемъ Тендера или Тендры (въ древности Ахиллесовъ бѣгъ), назывался Rossa; мѣсто въ Крыму не много выше Евпаторійскаго озера (въ помянутой выше Варегіи) называлось Rossofar; мѣсто не много ниже того же озера, при маленькомъ озерѣ Камышлы, называлось Rossoca; на Азовскомъ морѣ при впаденіи въ него Дона находились поселенія: по западную сторону нынѣшняго Азова (генуезской Таны), вѣроятно—насупротивъ его, на правомъ берегу рѣки: Rossi, Rosso, fiume Rosso (т.-е. русская рѣка), по восточную сторону, въ томъ или другомъ небольшомъ разстояніи отъ него по берегу моря: Casar (Casal) de (de li) Rossi (т.-е. русское селеніе, село) [2]. Арабскій историко-географъ Ибнъ-Даста или Ибнъ-Дустэ, писавшій въ первыхъ годахъ X вѣка, говоритъ о Русскихъ, жившихъ на какомъ-то острову, который находился недалеко отъ Ха-

(*Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1847 г., № 1, отд. II, стр. 101), есть просто произвольная поправка его самого, сдѣланная на основаніи словъ Зонары, что Руссы (живщіе около Тавра) „опустошали съ флотомъ своимъ прибрежія Евксинопонта“ (на основаніи сербскаго сократителя Зонарина говорятъ о Руссахъ, иже и Кумани, живущихъ во Евксинопонтѣ, Степен. кн. I, 50 и 84, и Никоновск. лѣт. I, 21).

[1]) Rossi, atrocissima gens Schytarum a *Ponto Euxino* ad Stenum excursione facta.

[2]) См. *Спрунера* Historisch - geographisch. Hand - Atlas, 2 Aufl., Nordische Reiche № V, и италіанскіе periплы Крыма XIV—XVII вв. у *Тафеля* въ Constantinus Porphyrogenitus De provinciis regni Byzantini, Tubingae, 1847, p. 39.

зерана и Болгаріи, въ которые Руссы сбывали свои военные грабежи [1]): этихъ Руссовъ нельзя нигдѣ полагать болѣе, какъ именно на полуостровѣ Крымскомъ. Другіе многіе арабскіе и вообще восточные писатели прямо и ясно говорятъ намъ, что были Руссы, которые жили на берегахъ Чернаго моря, имѣя своей столицей городъ Русію (Rusîja), и что море это называлось по нимъ моремъ Русскимъ [2]). Наши ска-

---

[1]) Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ..., Славянахъ и Русскихъ Ибнъ-Даста, издалъ, перевелъ и объяснилъ *Д. А. Хвольсонъ*, С.-Пб. 1869, стр. 34. Подъ Хазераномъ должно разумѣть столицу Хазаръ Итиль (собственно одну часть города), находившуюся при впаденіи Волги въ Каспійское море, *Хвольсонъ*, ibid., стр. 151, и *Френъ*, Ibn-Foszl., 64. Что Ибнъ-Даста говоритъ не о Руссахъ, владѣвшихъ Славянами, каковы были кіевскіе, а о какихъ-то другихъ, это онъ ясно даетъ знать тѣмъ, что говоритъ объ ихъ набѣгахъ на Славянъ („Руссы имѣютъ царя, который зовется Хаканъ-Русь, они производятъ набѣги на Славянъ").

[2]) См. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte von *Frähn*, 27—33, 193—235 (Масуди, Димешки, Ибнъ-ель-Варди, Едризи, Магреби). Арабскіе писатели одни даютъ знать, другіе прямо говорятъ, что городъ Русія находился при впаденіи Дона въ Азовское море, тамъ, гдѣ, по другимъ приведеннымъ нами извѣстіямъ, былъ городъ Rossi, Rosso, fiume Rosso. Димешки пишетъ: „Руссы получили свое имя отъ города Русія, который лежитъ на сѣверномъ берегу названнаго по ихъ имени моря" (т.-е. Чернаго, за часть котораго принимаетъ Димешки море Азовское). Едризи: „отъ города Матерха (Matercha — Таматарха, Тмутаракань) до города Русіи 27 миль. Послѣдній лежитъ на великой рѣкѣ, которая выходитъ изъ горы Кукайя": Магреби: „на востокъ отъ города Судака входъ въ море Манитишъ (испорчено изъ Maiitis или Maeitis, т.-е. Maeotis). На его берегу лежитъ Русія, которая есть главный городъ Руссовъ" (Ibn-Foszl. *Френа*, 27 sqq). Рѣка Донъ, по имени обитавшихъ при ея устьи Русскихъ, какъ это слѣдуетъ заключить изъ арабскихъ писателей, носила названіе рѣки Русской (*Френъ* ibid., 38). — Извѣстенъ разсказъ Бертинской лѣтописи о Руссахъ, которые приходили въ Константинополь къ императору Ѳеофилу съ изъявленіемъ, какъ они говорили, дружбы своего князя, и которыхъ Ѳеофилъ, по ихъ желанію, въ 839-мъ году переправилъ къ Франкскому императору Людовику Благочестивому (*Pertz*, Monumenta Germaniae, I, 434). Князь этихъ Руссовъ, какъ они показывали, носилъ титулъ хакана. Такъ какъ князья сѣверныхъ Руссовъ, сколько извѣстно, не носили этого титула, то, слѣдовательно, разумѣются не они. Какіе же другіе Руссы? По нашему мнѣнію, ясно, что Азовско-Таврическіе, ибо титулъ хакана, очевидно, заимствованъ у Хазаръ, которыхъ эти послѣдніе Руссы были сосѣдями (что касается до страннаго увѣренія Руссовъ о невозможности возвратиться изъ Константинополя домой тѣмъ путемъ, которымъ пришли, и до ихъ желанія совершить этотъ обратный путь черезъ землю Франкскаго императора, то загадка изъясняется очень просто: они желали побывать у Франковъ, какъ справедливо заподозрилъ Людовикъ, съ цѣлями согляданія, желая сдѣлать страну ихъ поприщемъ своихъ набѣговъ и грабежей. Что предварительное согляданіе составляло ихъ обычай, это показываетъ ихъ нападеніе на Константинополь, о которомъ мы говорили выше: они напали на него, когда императоръ

занія подтверждають, что Черное море дѣйствительно называлось Русскимъ моремъ [1]). Но если это такъ, то весьма невѣроятно вмѣстѣ съ ними думать, чтобы море получило свое имя отъ нашихъ Русскихъ, которые только ходили по нему, но не жили на немъ, ибо нѣтъ другихъ примѣровъ, чтобы море получало имя отъ народа не жившаго на немъ, а только по немъ ходившаго. Напротивъ, помянутое обстоятельство заставляетъ необходимо предполагать, что были Русскіе, которые именно жили на этомъ морѣ и которые поэтому и дали ему свое имя [2]). Житія Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридска-

---

отсутствовалъ и занятъ былъ войной. У Ибнъ-Дасты: „царь Руссовъ (тоже) зовется Хаканъ-Русь“: это bis хаканъ несомнѣнно указываетъ на существованіе Русскихъ, жившихъ по сосѣдству съ Хазарами.—Такъ какъ импер. Θеофилъ, очевидно, не зналъ, что были за люди эти Руссы, которыхъ онъ отправилъ къ импер. Людовику, то изъ сего слѣдуетъ, что они поселились въ Тавридѣ не особенно задолго до 839-го года.

[1]) „Понетьское море, еже море словеть Руское“,—читаемая въ лѣтописи повѣсть объ ап. Андреѣ.

[2]) Насъ, кіевско-новгородскихъ Русскихъ, греческіе писатели до позднѣйшаго времени называли Тавро-скиθами. Но какъ объяснить это названіе, когда мы никогда не жили около Тавра? Представляется необходимымъ предположить, что были другіе Русскіе, которые дѣйствительно жили около него и что съ этихъ другихъ Русскихъ и перенесено Греками названіе Тавро-скиθовъ на насъ. Существованіе княжества Тмутараканскаго до сихъ поръ составляетъ необъяснимую загадку, т.-е. остается вопросомъ безъ отвѣта: для какой цѣли и зачѣмъ Русскіе утвердили свою власть на этомъ столь отдаленномъ отъ нихъ клочкѣ земли? Если мы предположимъ, что на полуостровѣ Таманскомъ Русскіе нашли колонію своихъ родичей, то отвѣтъ будетъ ясенъ (нѣкоторые Арабскіе писатели говорятъ о Таврическихъ Русскихъ, что они жили на семи островахъ, у *Френа*, 28: при взглядѣ на карту Таманскаго полуострова, всякому будетъ ясно, что значитъ семь островов; а что въ времена классической, а можетъ быть, и неклассической древности полуостровъ представлялъ изъ себя настоящее многоостровіе, см. *Гёрца* Археологич. топографію Таманскаго полуострова, стр. 31 sqq). На мудреный, повидимому, вопросъ: что заставило Русскихъ поселиться въ Тавридѣ, отвѣтъ весьма легокъ. Они жили, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Даста (у *Хвольсона*, стр. 35), исключительно военнымъ грабежомъ; слѣдовательно, самое лучшее мѣсто для нихъ было то, гдѣ представлялось наибольшее поприще для ихъ своеобразнаго промысла. Но лучшее мѣсто въ этомъ смыслѣ, чѣмъ полуостровъ Таврическій, трудно было найти: отсюда они могли грабить Грековъ, Хазаръ, Славянъ и вообще все, что было по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей и по рѣкамъ, въ нихъ впадающимъ. Мы сказали выше, что при удаленіи Остъ-Готовъ изъ теперешней южной Россіи остались въ Крыму двѣ небольшія готскія колоніи,—одна около Босфора или Керчи (Готы Тетракситы), другая въ области Дори (Готы Дорійскіе); къ этому должно быть прибавлено, что первая колонія переселилась потомъ на полуостровъ Таманскій. Встрѣча близкихъ родичей, каковы были Готы, могла послужить для странствующей колоніи

го [1]) сообщаютъ намъ, что въ первой половинѣ IX вѣка разбойничали въ Крыму и по Черному морю какіе-то Руссы: но какихъ другихъ Руссовъ можно будетъ подразумѣвать въ нихъ, кромѣ Азовско-Таврическихъ [2])?

Итакъ, повторяемъ, вопросъ о Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ принявшихъ крещеніе, остается нерѣшеннымъ, и представляется весьма сомнительнымъ или лучше сказать—совсѣмъ невѣроятнымъ то, чтобы они были наши кіевскіе Руссы съ князьями Аскольдомъ и Диромъ.

Но если такимъ образомъ весьма невѣроятно, что Руссы, нападавшіе на Константинополь въ правленіе императора Михаила III и потомъ принявшіе христіанство и даже епископа, были наши кіевскіе Аскольдъ и Диръ, то, съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго

(товарищества) Русскихъ внѣшнимъ поводомъ къ тому, чтобы избрать Крымъ и Тамань со всѣмъ Азовскимъ побережьемъ для своего поселенія.

[1]) См. о нихъ ниже.

[2]) Современный сказатель о Руссахъ, нападавшихъ на Константинополь, патріархъ Фотій, въ своихъ церковныхъ словахъ, сказанныхъ по поводу ихъ нападенія, говоритъ о мѣстѣ ихъ жительства, что они были народъ дальносѣверный (гиперборейскій) и гдѣ-то далеко отъ Грековъ жившій, — что они устремились съ сѣвера, съ конца земли,—что ихъ отдѣляли отъ Греціи „многія страны и народы, судоходныя рѣки и бурныя пучины“ (у *преосв. Порфирія*, стрр. 1, 3, 7 и 19,—обстоятельная цитата ниже). Это указаніе мѣста жительства Руссовъ, нападавшихъ на Константинополь, повидимому, вовсе не идетъ къ Руссамъ Азовско-Таврическимъ. Но полагаться и опираться на него въ виду другаго, нами сказаннаго, было бы неосновательно. Во-первыхъ, для всѣхъ вообще Грековъ почти все бывшее за предѣлами ихъ отечества по направленію къ сѣверу, въ этой невѣдомой Скиѳіи, было дальносѣвернымъ и гиперборейскимъ. Во-вторыхъ, Фотій въ частности яснымъ образомъ не заботится въ данномъ случаѣ о точности: изображая картину нашествія Руссовъ на Константинополь, онъ, съ одной стороны, хочетъ уподобить его тому нашествію языковъ многихъ на Вавилонъ и на Халдею, которое пророкъ Іеремія предъизображаетъ въ главахъ 50-й и 51-й, причемъ выраженія о мѣстѣ жительства Руссовъ „съ сѣвера, съ конца земли“ буквально беретъ у сего послѣдняго (гл. 50, стт. 3, 9 и 41; гл. 51, ст. 48), а съ другой стороны, — сближаетъ нашихъ Руссовъ съ тѣми библейскими Росами (Евр. Рошъ), живущими на концѣ сѣвера, о которыхъ говоритъ пророкъ Іезекіиль (гл. 38, стт. 2 и 15, и гл. 39, ст. 2). Дѣлая свое подражаніе первому изъ пророковъ въ цѣлой картинѣ и свое буквальное заимствованіе у обоихъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, Фотій самъ даетъ намъ этимъ знать, что на его дальній, гиперборейскій сѣверъ, съ котораго будто бы пришли Руссы, мы должны смотрѣть какъ на ораторскую вольность, и такимъ образомъ самъ отнимаетъ у насъ право видѣть въ нихъ дѣйствительное свидѣтельство, на основаніи котораго можно было бы рѣшать вопросъ о томъ, кто такіе были эти Руссы.

и невозможнаго въ томъ, что христіанство впервые явилось въ Кіевѣ именно еще при нихъ, подобно тому, какъ въ Новгородѣ оно могло явиться еще при Рюрикѣ. Аскольдъ и Диръ, княжившіе въ Кіевѣ въ продолженіе 20 лѣтъ (862—882), совокупили около себя, какъ говоритъ лѣтописецъ, многихъ Варяговъ. Но между этими Варягами, какъ скажемъ ниже, могли быть и христіане.

(Прокопій Кесарійскій говоритъ, что, по удаленіи восточныхъ или Понтійско-Таврическихъ Готовъ на западъ, нѣкоторая часть ихъ осталась на прежнемъ мѣстѣ жительства. Объ этихъ оставшихся Готахъ онъ говоритъ въ двухъ сочиненіяхъ—въ De aedificiis и въ De bello Gothico. Въ первомъ сочиненіи [1]) онъ говоритъ, что когда Ѳеодорихъ удалился въ Италію (въ 454-мъ году), то нѣкоторая часть Готовъ, жившихъ на Таврическомъ полуостровѣ или въ Крыму, не рѣшились слѣдовать за нимъ и навсегда остались на своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства, именно—что остались жить въ приморской области Дори, которая указана нами прежде. Во второмъ сочиненіи [2]) онъ говоритъ объ оставшихся отъ восточныхъ Готовъ на прежнемъ мѣстѣ жительства Готахъ Тетракситахъ (Γότθοι Τετραξῖται). Послѣднихъ Готовъ (Тетракситовъ) обыкновенно принимаютъ за однихъ и тѣхъ же Готовъ съ Готами области Дори, но это совершенно несправедливо. Готы Тетракситы, оставшіеся въ небольшомъ числѣ у Чернаго моря послѣ удаленія ихъ родичей на западъ, потомъ принуждены были Гуннами перемѣнить нѣсколько мѣсто своего жительства; но какъ до сей перемѣны, такъ и послѣ нея они жили «на самомъ берегу, гдѣ начинается излитіе Меотійскаго лимана» (Азовскаго моря въ Черное море). [3] Ясно, что они сначала жили или на Керченскомъ полуостровѣ [4]) и принуждены были Гуннами перейти въ Тамань или же наоборотъ; а кто прочитаетъ Прокопія (въ данномъ мѣстѣ не совсѣмъ опредѣленнаго) внимательно, кто приметъ въ соображеніе указанія, дѣлаемыя имъ какъ тутъ (что послѣ сказанной перемѣны жительства Готами Гунны владѣли морскимъ побережьемъ отъ Босфора до Херсона), такъ и въ извѣстіяхъ о Готахъ области Дори (что предъ Юстиніаномъ, послѣ помянутой перемѣны Готами мѣста жительства, Боспоръ принадлежалъ Гуннамъ), а также и обстоятельства дѣла (именно—что Го-

---

[1]) Lib. III, cap. VIII. Мѣсто приведено съ русскимъ переводомъ въ Крымскомъ Сборникѣ Кеппена, стр. 54 sqq.

[2]) Lib IV, cap. V.

[3]) Съ 5-й главой сравни 4-ю.

[4]) Маломъ полуостровѣ, выдающемся изъ большого полуострова Таврическаго.

тамъ естественно было первоначально явиться въ Крыму и неестественно на Кавказѣ), для того будетъ несомнѣнно, что должно разумѣть первое, т. е. что Готы послѣ перемѣны мѣста жительства поселились на Таманскомъ полуостровѣ [1]). Такимъ образомъ, Варяго-Руссы должны были найдти на Черномъ морѣ своихъ родичей не только въ Крыму, но и въ Тамани. Какъ поселились они съ одними, такъ естественно было имъ поселиться и съ другими. Принимая это, мы получимъ совершенно ясный, какъ мы говорили, отвѣтъ на тотъ крайне загадочный вопросъ: для какой цѣли и для какой нужды, наши кіевскіе Русскіе завели себѣ ничтожную колонію на Таманскомъ полуостровѣ. Весьма простой отвѣтъ будетъ тотъ, что они взяли въ свою власть, собственно совершенно ненужную имъ, Тамань (для набѣговъ по Каспійскому морю она нисколько не служила бы) потому, что она была населена ихъ родичами (и взяли въ свою власть не при Святославѣ, а по крайней мѣрѣ при Игорѣ до 944-го года, ибо когда въ договорѣ сего послѣдняго года съ Греками Русскіе обязуются не пускать на страну Корсунскую Черныхъ Болгаръ, жившихъ на Кавказѣ [2]), то этимъ ясно дается знать, что они уже владѣли Таманью). Мы увѣрены, т. е. самымъ рѣшительнымъ образомъ подозрѣваемъ, что епископію, открытую патр. Фотіемъ у черноморскихъ Русскихъ, должно видѣть въ греческой епископіи Тмутараканской (и что наша русская епископія Тмутараканская была только простымъ и непрерывнымъ продолженіемъ греческой). Когда именно была учреждена Греками епископія Тмутараканская, пока мы не знаемъ и имѣемъ одинъ только

---

[1]) Гунны, жившіе на Таманскомъ полуостровѣ и далѣе на Кавказѣ, говоритъ Прокопій, перешли Керченскій проливъ (для разъясненія фабулы о переходѣ, несовсѣмъ фабулёзной, сравни *Гёрца* Археолог. топографію Таманск. полуострова, стр. 15), нашли на Крымскомъ берегу Готовъ, которыхъ побѣдили и разогнали, и вышедъ изъ полуострова поселились на Дунаѣ; но за симъ одна часть ихъ рѣшилась снова возвратиться на прежнее мѣсто жительства: возвращаясь черезъ Тавриду, она нашла на Керченскомъ полуостровѣ Готовъ (читая описаніе перваго мѣста жительства Готовъ, окруженныхъ съ трехъ сторонъ моремъ, пусть читатель возьметъ карту и смотритъ Керченскій полуостровъ), заставила ихъ переселиться на другой берегъ (т. е. на Таманскій полуостровъ), а сама осталась на ихъ мѣстѣ.

[2]) Черные Болгары жили въ сѣверныхъ предгоріяхъ Кавказа, по Кубани и по Тереку (думаемъ, что нынѣшніе кавказскіе Болгары, о которыхъ см. въ Словарѣ *Семенова* подъ этимъ словомъ, представляютъ собою ихъ остатокъ, cfr Статейный списокъ посольства въ Грузію Никифора Толочанова въ Вивліоѳикѣ, V, стрр. 144, 220 и 249. А рѣка Cuphis Ѳеофанова, составлявшая южную границу древней великой Болгаріи, — Memorr. popp. II, 503 fin., вѣроятно, есть именно Кубань).

актъ изъ половины XII вѣка, въ которомъ упоминается епископъ Тмутараканскій, какъ тогда существовавшій (указъ патр. Луки Хризоверга, который 1156—1169, у Ралли и П. V, 98; въ росписаніяхъ или каталогахъ архіерейскихъ каѳедръ наша епархія ibidd. 475 и 496 прим.: епископъ и епархія называются τῶν Ματράχων и τῶν Μετράχων,— это вмѣсто τῶν Ματάρχων, ибо греческое названіе Тмутаракани, изъ котораго наше,—Ταματάρχα есть собственно τὰ Ματάρχα; что употребляемая въ церковныхъ актахъ форма Ματράχα или Μετράχα, вмѣсто гражданской Ματάρχα, — Констант. Порфирог. De administr. imper.,—была чуть ли не употребительнѣе, по крайней мѣрѣ на мѣстѣ, это заставляютъ думать итальянскіе периплы XIV—XVII вв., въ которыхъ Тмутаракань—Matreca, Matrega, Matriga, у *Тафеля* въ Constantinus Porphyrogenitus de provinciis regni Byzantini, Tubingae, 1847, p. 40). Предполагать, чтобы епархія Тмутараканская была учреждена Греками послѣ того, какъ владѣли Тмутараканью мы (послѣ конца XI в.), нѣтъ никакого основанія, ибо наша власть надъ нею уступила мѣсто власти не Грековъ, а кавказскихъ языческихъ народовъ; поэтому учрежденіе епархіи необходимо относить ко временамъ предшествующимъ нашему владѣнію, а на позднѣйшаго XII в. епископа Тмутараканскаго должно смотрѣть какъ на своего рода епископа in partibus, какъ на титулярнаго и безмѣстнаго епископа когда-то бывшей епархіи (объ этомъ обычаѣ Грековъ ставить титулярныхъ епископовъ съ именами каѳедръ, прекратившихъ свое существованіе, см. 6 вселенск. соб. пр. 37 и толкованіе на него Вальсамона. — Пѣвецъ Слова о полку Игоревомъ, обращаясь къ Тмутаракани съ комплиментомъ: «И тебѣ, Тьмутараканскый блъванъ», хочетъ сказать: и тебѣ, Тмутаракань, которая была христіанскою, а теперь опять стала болванскою,—идольскою, языческою). Относя учрежденіе епархіи ко временамъ, предшествующимъ нашему владѣнію Тмутараканью, мы получаемъ всю вѣроятность усвоять его именно патр. Фотію (на Константинопольскомъ соборѣ 879-го года между другими присутствовалъ епископъ Βαάνης τῶν Μαστράβων. Le Quien съ полною вѣроятностію предполагаетъ, что Μαστράβων вмѣсто Ματράχων,—Oriens Christ. I, 1325, а самого Βαάνης'а, можетъ быть — родственника извѣстному патрицію Βαάνης'у, который былъ представителемъ императора на соборѣ 869-го года и къ которому существуютъ два посланія патр. Фотія, судя по имени, не невѣроятно считать по происхожденію за Готѳина. Если въ росписаніи архіерейскихъ каѳедръ, которое усвояется самому патр. Фотію и относится къ 883-му году,—

у Ралли и II. V, 472 fin., нѣтъ епархіи τῶν Ματράχων, то это можетъ быть объясняемо какъ случайный пропускъ или понимаемо такъ, что ее исключили позднѣйшіе редакторы росписанія) [1]. Не забудемъ еще доказательства въ пользу существованія черноморскихъ Русскихъ и именно въ пользу того, что они поселились здѣсь съ Готами, слившись съ ними въ одно. Константинъ философъ, нашъ первоучитель славянскій, во время путешествія своего къ Казарамъ имѣлъ остановку въ Херсонѣ и между прочимъ «обрѣтъ же ту (въ Херсонѣ) евангеліе и псалтырь русскими письмены писано и человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою». Это мѣсто Паннонскаго житія Константинова, такъ сказать, сокрушило головы славянскимъ изслѣдователямъ. Но если мы примемъ вышесказанное, что Варяго-Руссы поселились въ Тавридѣ съ Готами и слились съ ними въ одинъ народъ, такъ что русское называли готскимъ и наоборотъ, то для насъ загадка разгадается: Константинъ встрѣтилъ въ Херсонѣ Варяго-Русса съ готскими евангеліемъ и апостоломъ (которые называются русскими по сейчасъ выше указанному). А кто сомнѣвается въ томъ, чтобы въ половинѣ IX вѣка могло еще оставаться (живымъ) богослуженіе на готскомъ языкѣ, тому отвѣчаетъ Валафридъ Страбонъ (Walafridus Strabus или Strabo,—Валафридъ Косой), западный писатель (спорной національности) именно половины IX вѣка († 849). Онъ говоритъ о богослуженіи на готскомъ языкѣ въ свое время: Studiosi illius (Gothicae) gentis divinos libros in suae locutionis proprietatem transtulerunt, quorum adhuc monumenta apud nonnullos habentur, *et fidelium fratrum relatione didicimus, apud quasdam Scytharum gentes, maxime Tomitanos, eadem locutione divina hactenus celebrari officia* [2]).

О нападеніи Руссовъ на Константинополь говорятъ: патріархъ Фотій въ двухъ словахъ, сказанныхъ по поводу этого событія, и отчасти въ

---

[1]) Самое учрежденіе Фотіемъ епископіи Тмутараканской должно быть считаемо не учрежденіемъ въ собственномъ смыслѣ, а только возобновленіемъ епископіи прежде существовавшей. Готы Тетракситы представляли собою оставшихся на прежнемъ мѣстѣ жительства Готовъ христіанъ, ибо Іоаннъ Златоустый поставилъ для нихъ въ Босфоръ епископа Униду (см. выше стр. 7, прим.); когда они принуждены были перейдти на полуостровъ Таманскій, для нихъ учреждена была здѣсь новая епископія Фанагорійская, которая упоминается подъ 519 г. (*Le Quien*, Oriens Christ. I, 1327, и которая должна быть разумѣема у Прокопія Кесарійскаго подъ 547 г.,—*Stritt.* Memorr. popp. I, 245). Возобновленіемъ этой епископіи Фанагорійской и должно быть считаемо учрежденіе Фотіемъ епископіи Тмутараканской.

[2]) De ecclesiasticarum rerum exordiis et incrementis liber unus, cap. VII fin. у *Миня* въ Patr., t. 114, p. 927.

окружномъ посланіи (слова напечатаны преосв. *Порфиріемъ Успенскимъ* въ книгѣ: Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго патріарха Константинопольскаго, С.-Пб., 1863, и во второй разъ напечатаны, съ существеннымъ исправленіемъ текста, академикомъ *Наукомъ* въ сборникѣ (котораго мы не имѣемъ подъ руками) Lexicon Vindobonense; окружное посланіе въ собраніи писемъ Фотія по изданію *Монтакуція*, Londini, 1651, p. 58, по изданію *Валенты*, тамъ же, 1864, p. 178); Никита Пафлагонскій въ житіи патріарха Игнатія, у *Болландистовъ* въ Acta Sanctorum, Octobr., t. X, d. 23. p. 182; продолжатель Амартола по изданію *Муральта*, p. 736; Левъ Грамматикъ, ed. Paris. (въ прибавленіи къ Ѳеофану), p. 463; Симеонъ Логоѳетъ, ed. id., p. 445 n. XXXVIII; такъ называемый продолжатель Константина Порфирогенита, lib. IV, n. XXXII, ed. id., p. 121; Кедринъ, ed. id., t. II, p. 551; Зонара, ed. id., t. II, p. 162 [1]).

Явившись на 200 ладьяхъ въ Константинопольскомъ устьи Босфорскаго пролива и опустошивъ страшнымъ образомъ берега его и близь лежащіе берега и острова Пропонтиды или Мраморнаго моря [2]), они приступили къ осадѣ самой столицы. Но послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ напрасныхъ усилій, они принуждены были снять ее и удалились домой. О причинѣ снятія осады продолжатель Амартола и повторяющіе его Левъ Грамматикъ и Симеонъ Логоѳетъ говорятъ: „Императоръ, возвратившись (въ городъ изъ Сарацинскаго похода), пребывалъ съ патріархомъ Фотіемъ во Влахернскомъ храмѣ Божіей Матери, гдѣ они умоляли и умилостивляли Бога; потомъ, вынесши съ псалмопѣніемъ святой омофоръ Богородицы, приложили его къ поверхности моря,—и между тѣмъ какъ передъ симъ была тишина и море было спокойно, внезапно поднялось дуновеніе вѣтровъ и непрерывное возстаніе волнъ и суда безбожныхъ Руссовъ разбились и только немногіе (изъ нихъ) избѣжали опасности" (продолжатель Порфирогенита, Кедринъ и Зонара, не разсказывая о чудѣ подробно, подразумѣваютъ его, когда говорятъ, что Руссовъ постигъ божественный гнѣвъ). Изъ свидѣтельства патріарха Фотія (во второмъ словѣ) оказывается, что дѣло было не такъ, именно—что риза Божіей Матери была не погружаема въ волны залива, а обносима по городскимъ стѣнамъ; онъ пишетъ: „Когда ризу Богоматери всѣ до одного носили вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ и защиты осажденныхъ и усердно совершали прилежныя моленія и литіи, тогда, по неизреченному человѣколюбію, при матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Божество преклo-

---

[1]) Напечатанный въ парижскомъ изданіи Византійцевъ, въ Scriptores post Theophanem, Георгій монахъ есть никто иной, какъ Амартолъ съ продолжателемъ.

[2]) Такъ называемые Принцевы (Πριγκηπόννησοι; островокъ Теревинѳъ, на которомъ они ограбили находившагося тамъ въ заточеніи патріарха Игнатія, принадлежитъ къ группѣ этихъ островковъ и называется въ настоящее время Антировитъ, см. Византія Κωνσταντινοῦπ., II, 316).

нилось и гнѣвъ его утихъ, и помиловалъ Господь достояніе свое. Носилась она вокругъ этихъ стѣнъ, и непріятели непостижимо какъ обращали тылъ свой; покрывала она городъ, и ихъ насыпь [1]) разсыпалась какъ бы по данному знаку; пріосѣняла она осажденныхъ, и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія, которымъ они окрылялись. Какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по оной стѣнѣ, варвары сняли осаду города, и мы избавились отъ угрожавшаго плѣна и сподобились нечаяннаго спасенія" [2]).

О крещеніи Руссовъ говорятъ: патріархъ Фотій въ окружномъ посланіи, § 35; продолжатель Порфирогенита; самъ Порфирогенитъ въ Basilius Macedo, n. XCVII, ed. Paris., p. 211; Кедринъ; Зонара, ibid., p. 173, и Михаилъ Глика, ed. id., p. 298. Патріархъ Фотій, говоря о Руссахъ вмѣстѣ съ Болгарами, пишетъ: „И не только этотъ народъ (Болгары) промѣнялъ первое нечестіе на вѣру во Христа, но даже и многими многократно прославленные и въ жестокости и скверноубійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою такъ называемые Руссы (τὸ Ῥῶς), которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы,—въ настоящее время даже и сіи промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ (ἐν ὑπηκόων τάξει) и друзей (нашихъ), вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли не задолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и лобызаютъ вѣрованія (θρησκεύματα) христіанъ съ великимъ усердіемъ и ревностію".

Продолжатель Порфирогенита, повторяемый Кедринымъ, кратко говоритъ: „Спустя немного времени (послѣ неудачной осады Константинополя) пришло отъ нихъ (Руссовъ) въ царствующій градъ посольство, просившее содѣлать ихъ участниками божественнаго крещенія, что̀ и было".

Пространно говоритъ о крещеніи Руссовъ самъ Порфирогенитъ, который, впрочемъ, начинаетъ тѣмъ, что умышленно или неумышленно смѣшиваетъ императора Михаила съ императоромъ Василіемъ и патріарха Фотія съ патріархомъ Игнатіемъ [3]): „И народъ Россовъ, воинственный и

---

[1]) О древнемъ обычаѣ брать осаждаемые города посредствомъ насыпей или присыпи къ ихъ стѣнамъ земли см. у *Свиды* въ Словарѣ, подъ сл. Χῶμα.

[2]) У преосвящен. *Порфирія*, стр. 24.

[3]) Василій Македонянинъ, дѣдъ Порфирогенита, былъ принятъ Михаиломъ въ соправители 26-го Мая 866-го года; убивъ его, остался на престолѣ одинъ съ 23-го Сентября 867-го года. Послѣ низложенія Фотія Игнатій вторично возведенъ Василіемъ на патріаршій престолъ 23-го Ноября того же 867-го года. На основаніи Порфирогенита, который относитъ крещеніе Руссовъ къ правленію императора Василія, говорятъ о немъ, какъ о событіи, имѣвшемъ мѣсто при семъ императорѣ: Кедринъ, Зонара и Глика.

безбожнѣйшій, посредствомъ щедрыхъ подарковъ золота и серебра и шелковыхъ одеждъ (императоръ Василій) привлекъ къ переговорамъ и, заключивъ съ ними мирный договоръ, убѣдилъ (ихъ) сдѣлаться участниками божественнаго крещенія и устроилъ такъ, что они приняли архіепископа [1]), получившаго рукоположеніе отъ патріарха Игнатія. Архіепископъ, прибывъ въ страну сказаннаго народа для помянутаго дѣла (его крещенія), принятъ былъ имъ благосклонно. Князь этого народа, созвавъ собраніе подданныхъ и предсѣдательствуя съ окружавшими его старцами, которые по причинѣ долгой привычки болѣе другихъ привержены были къ суевѣрію, и разсуждая о своей вѣрѣ и вѣрѣ христіанъ, призываетъ и спрашиваетъ (архіепископа), что̀ возвѣститъ и чему будетъ ихъ учить. Когда епископъ предложилъ книгу божественнаго Евангелія и возвѣстилъ имъ о нѣкоторыхъ чудесахъ Спасителя нашего и Бога и разсказалъ имъ исторію о нѣкоторыхъ чудесахъ, совершонныхъ Богомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ то Руссы тотчасъ поспѣшили сказать: „Если и мы не увидимъ чего-нибудь подобнаго и въ особенности того, что̀ ты говоришь о трехъ отрокахъ въ пещи, то совершенно тебѣ не повѣримъ и не будемъ слушать твоихъ рѣчей“. Онъ же (архіепископъ), будучи убѣжденъ въ неложности сказавшаго: аще что просите во имя Мое, пріимете, и еще: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, сотворитъ и больши сихъ сотворитъ, когда совершаемое имѣетъ быть не для тщеславія, а для спасенія душъ, сказалъ имъ: „Хотя и не должно искушать Бога, однако если вы отъ всего сердца рѣшили приступить къ Нему, просите, что̀ хочете—Богъ непремѣнно сдѣлаетъ по вѣрѣ вашей, хотя я есмь и смиренный и малѣйшій“. Они же просили самую книгу вѣры христіанской, то-есть, божественное и священное Евангеліе бросить въ разженный огонь, (обѣщаясь), если она останется невредимою, приступить къ Богу, котораго онъ проповѣдуетъ. Послѣ того, какъ это было сказано, священнослужитель поднялъ глаза и руки къ Богу и воззвалъ: „Прослави имя Твое святое, Іисусе Христе Боже нашъ, и нынѣ предъ глазами народа сего всего“. И брошена была въ печь съ огнемъ книга святаго Евангелія. По прошествіи достаточнаго времени, когда печь погасла, обрѣтенъ былъ священный свитокъ не пострадавшимъ и не поврежденнымъ и не получившимъ отъ огня никакого ущерба, такъ что даже кисти на концахъ связывавшихъ его шнуровъ (οἱ ἐν ταῖς κλειδώμασι τῆς Βίβλου κροσσοί) не потерпѣли никакого вреда или измѣненія. Увидѣвъ это и бывъ поражены величіемъ чуда, варвары безъ колебаній начали креститься (Порфирогенита повторяетъ Зонара) [2].

---

[1]) Т. е. епископа автокефальнаго, зависимаго (безъ посредства митрополита) прямо отъ патріарха, каковые епископы давались варварамъ въ случаѣ учрежденія у нихъ только епископій, а не митрополій.

[2]) Въ нашихъ русскихъ позднѣйшихъ извѣстіяхъ архіепископъ называется

Сказаніе о крещеніи новгородскаго князя въ Тавридѣ или Крыму, въ городѣ Сурожѣ.

Древній городъ Сурожъ есть нынѣшнее мѣстечко Судакъ, находящееся на юго-восточномъ берегу Крыма, на юго-западъ отъ Ѳеодосіи. Греки называли его Сугдѣей и Сугдаей [1]), западные—Содаей, Солдаей и Солдадіей, Арабы—Судакомъ, Сурдакомъ, Шолтадіей или Солтадіей [2]), и пр.

Въ житіи св. Стефана, архіепископа Сурожскаго, который умеръ около 790-го года, именно—на концѣ житія, въ числѣ чудесъ, находимъ слѣдующій разсказъ: „По смерти святаго „мало лѣтъ" минуло и пришла рать великая русская изъ Новагорода, „князь бранливъ и силенъ зѣло (такъ въ половинѣ списковъ житія, въ другой половинѣ: князь Бравлинъ, *вар.* Бравалинъ, Бравленинъ, — силенъ зѣло). Плѣнивъ (страну) отъ Корсуни до Керчи, онъ пришелъ со многою силою къ Сурожу. Десять дней тяжко бились между собою (осаждающіе и осажденные), и послѣ десяти дней вошелъ князь въ городъ, силою сломавъ (его) желѣзные ворота,—вошелъ въ городъ, обнаживъ мечъ свой, и пришелъ въ церковь св. Софіи и разбилъ двери и взошелъ туда, гдѣ гробъ святаго [3]). На гробѣ царскій покровъ и жемчугъ и золото, каменья драгоцѣнные и сосудовъ золотыхъ много: все (это) пограбили. И въ тотъ часъ разболѣлся (князь), — обратилось лицо его назадъ и лежа источалъ пѣну и возопилъ: „Великій человѣкъ и святой есть тотъ, который здѣсь; онъ ударилъ меня по лицу и обратилось лицо мое назадъ". И сказалъ князь боярамъ своимъ: „Возвратите все назадъ, что взяли". Они возвратили и хотѣли взять князя оттуда. Но князь возопилъ: „Не троньте меня, оставьте лежать, ибо меня хочетъ изломать одинъ старый святой мужъ, (онъ) притиснулъ меня, такъ что душа моя хочетъ выйти вонъ". И сказалъ имъ: „Тотчасъ выведите войско изъ сего города, и да не возьмутъ воины ничего". И вышло войско изъ города, но князь еще не вставалъ, пока опять не сказалъ боярамъ: „Возвратите все, сколько мы награбили священныхъ сосудовъ въ Корсуни, въ Керчи и вездѣ, принесите все сюда и положите на гробѣ Стефановѣ". Они возвратили все и ничего себѣ не оставили и положили при гробѣ святаго. *И паки въ ужасъ рече святый Стефанъ князю*: „Если не крестишься въ церкви моей, то не возвратишься (домой) и не выйдешь

Михаиломъ, см. преосвящ. *Макарія* Исторію христіанства въ Россіи до Владиміра, изд. 1 стр. 285, изд. 2 стр. 232; cfr у насъ ниже.

[1]) И по словамъ Броневскаго (*Записки Одесск. Общ. Исторіи*, VI, 346), будто бы еще Сидагіосомъ.

[2]) О Судакѣ см. въ Крымскомъ Сборникѣ *Кеппена*, стр. 113 и др.

[3]) Св. Стефанъ былъ погребенъ въ олтарѣ св. Софіи, см. „Замѣтки XII—XV вѣка, относящіяся къ Крымскому городу Сугдеѣ" въ *Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.*, V, 595.

отсюда". И возопилъ князь: „Пусть придутъ священники и крестятъ меня; если встану и лице мое обратится, крещуся". И пришли священники, и Филаретъ архiепископъ (преемникъ Стефана, какъ говорится объ этомъ въ житiи) и сотворили надъ княземъ молитву. И крестили его во имя Отца и Сына и Св. Духа, и обратилось лицо его опять. Крестились же и бояре всѣ. Но еще шея болѣла у князя, и сказали ему священники: „Дай обѣщанiе Богу, что отпустишь всѣхъ плѣнниковъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ взялъ отъ Корсуни до Керчи". Тогда князь повелѣлъ всѣмъ своимъ (отпустить находившихся у нихъ плѣнниковъ), и всѣхъ отпустили во свояси. Въ продолженiе недѣли (князь) не выходилъ изъ церкви, пока не далъ великiй даръ св. Стефану. Почтивъ городъ и гражданъ и священниковъ, (онъ) отошелъ во свояси. Слышавъ о томъ, другiе ратные не смѣли нападать (на городъ), а если нападали, то уходили посрамленные [1]).

Житiе св. Стефана не извѣстно на греческомъ языкѣ и читается только въ нашихъ славянскихъ рукописяхъ. Такъ какъ и самого Стефана нѣтъ въ греческихъ святцахъ въ числѣ святыхъ, то предполагали, что житiе составлено у насъ въ Россiи. Но предположенiе это неосновательно. По всѣмъ признакамъ несомнѣнно, что житiе происхожденiя греческаго, а не русскаго [2]). Отсутствiе же его въ греческихъ рукописяхъ, равно какъ и отсутствiе самого Стефана въ греческихъ святцахъ объясняется тѣмъ, что послѣднiй былъ святой не общiй, а только мѣстный— Сугдайскiй [3]). Такъ какъ разсказъ о Новгородцахъ читается не въ самомъ житiи, а въ чудесахъ, которыя могли быть приписаны послѣ, то съ вопросомъ о происхожденiи его самого не рѣшается вопросъ о происхожденiи нашего разсказа. Но необходимо думать, что и онъ происхожденiя греческаго, а не русскаго, и именно — что вмѣстѣ со всѣми другими чудесами, находящимися въ житiи (числомъ 4), принадлежитъ самому автору этого послѣдняго, ибо въ заключенiе чудесъ сказано: „си же изрядная

[1]) Списковъ житiя св. Стефана много (пять, если не болѣе, въ одной Московской Синодальной библiотекѣ). Приведенный нами русскiй переводъ разсказа сдѣланъ нами по рукописи фундамент. библiот. Московской Дух. Акад. XVI в. (декабрьская минея), № 90, л. 346 об..

[2]) Между прочимъ и въ подчеркнутыхъ нами словахъ: „и паки въ ужасѣ— князю", по всей вѣроятности, должно видѣть искаженiе переводчикомъ не понятаго имъ оригинала.

[3]) См. указанныя сейчасъ выше замѣтки о Сугдеѣ въ *Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.* V, 623, № 194. Въ настоящее время извѣстно и на греческомъ языкѣ краткое житiе Стефана. Такъ какъ въ немъ есть свѣдѣнiя, которыхъ не находится въ нашемъ житiи (о путешествiи въ Аѳины), то на основанiи сего слѣдуетъ заключать, что и наше житiе есть уже сокращенiе болѣе пространнаго житiя, ibid., стрр. 595 и 623.

чудеса сотвори Богъ преподобнымъ своимъ... сице же бысть *житіе* преподобнаго Стефана“ [1]).

Трудно опредѣлить съ точностію время жизни св. Стефана, ибо житіе отличается хронологическими несообразностями. Пятнадцати лѣтъ онъ пришелъ въ Константинополь, въ правленіе императора Ѳеодосія Адрамиттина (Андраминдина), слѣдовательно — въ 716-мъ или началѣ 717-го года, потому что Ѳеодосій Адрамиттинъ, царствовавшій одинъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ, оставилъ престолъ до 25-го Марта 717-го года (когда занялъ его Левъ Исавръ). Послѣ неизвѣстнаго количества лѣтъ ученія въ Константинополѣ, послѣ 15-ти лѣтняго пребыванія въ немъ при патріархѣ Германѣ и послѣ 30-ти лѣтняго пребыванія въ монастырѣ въ затворѣ, онъ могъ быть поставленъ въ архіепископы около 760-го года, а между тѣмъ, по житію, онъ будто бы былъ поставленъ помянутымъ выше патріархомъ Германомъ, который съ 715-го года былъ на каѳедрѣ въ продолженіе 15-ти лѣтъ и низведенъ съ нея въ 730-мъ году, и будто бы страдалъ за иконы, пробывъ въ санѣ архіепископа неизвѣстно сколько болѣе пяти лѣтъ, при Львѣ Исаврѣ и освобожденъ сыномъ его Константиномъ Копронимомъ, тогда какъ первый изъ этихъ двоихъ умеръ, а второй вступилъ на престолъ въ 741-мъ году. Представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что, дѣйствительно бывъ поставленъ около 760-го года, св. Стефанъ страдалъ за иконы не при Львѣ Исаврѣ, а при самомъ Константинѣ Копронимѣ (741—775), и что онъ есть одинъ и тотъ же съ Стефаномъ епископомъ Сугдайскимъ, который присутствовалъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ [2]), а также можетъ быть и съ Стефаномъ, ученикомъ Константинопольскаго Стефана Новаго, который былъ сосланъ Копронимомъ въ Сугдаю [3]). Такъ какъ въ 787-мъ году, когда былъ седьмой соборъ, онъ долженъ былъ имѣть возрастъ глубокой старости, то и смерть его послѣ сего времени должна быть относима къ 790—795-му году. Нашествіе

---

[1]) Четвертое чудо: „Анна же царица отъ Корсуня въ Керчь идущи, разболѣся на пути смертнымъ недугомъ на Чернѣй водѣ (Карасу)“, и, призвавъ въ помощь св. Стефана, чудесно и внезапно исцѣлѣла. Предполагать, что тутъ разумѣется наша царица Анна, жена св. Владиміра, было бы весьма поспѣшно. Тутъ можетъ быть разумѣема неизвѣстная намъ и старшая нашей греческая царевна Анна, которая шла въ Хазарію къ своимъ родственникамъ, ибо императоры Константинопольскіе бывали въ родствѣ съ хаганами Козарскими (Такъ, и современникъ Стефановъ, императоръ Константинъ Копронимъ, былъ женатъ въ первый разъ на хазарской царевнѣ, по греческимъ лѣтописцамъ — Иринѣ, дочери хагана, *Дюканжа* Famil. Byzant., 126, по нашему житію — Ѳеодорѣ, дочери Керченскаго царя. Да нашей царицѣ Аннѣ вовсе и не дорога была идти изъ Корсуни въ Керчь)

[2]) *Le Quien*, Oriens Christian., I, 1229.

[3]) Проложн. житіе Стефана Новаго въ Менологіи императора Василія подъ 28-мъ Ноября, cfr пространное житіе, написанное діакономъ Стефаномъ, въ Патрологіи *Миня*, t. C, col. 1100.

на Сурожъ непріятелей, называемыхъ Новгородцами, было при преемникѣ Стефана „мало лѣтъ“ послѣ его смерти. Слѣдовательно, должно быть относимо приблизительнымъ образомъ къ продолженію первой — началу второй четверти IX вѣка [1]).

Итакъ, спрашивается: какъ смотрѣть на этотъ разсказъ о нападеніи Новгородцевъ на Сурожъ въ первой — началѣ второй четверти IX вѣка? Удивляясь странному легковѣрію тѣхъ, которые хотятъ ему вѣрить, мы, съ своей стороны, рѣшительно не находимъ возможнымъ это сдѣлать. Во-первыхъ, до прибытія къ намъ Варяговъ-Руссовъ Новгородцы назывались не Русью, а Славянами. Вовторыхъ, мы ни изъ одного писателя не знаемъ и ни одного свидѣтельства не имѣемъ, чтобы Славяне наши, до прибытія къ намъ Варяговъ, занимались набѣгами на другіе народы, а напротивъ знаемъ только, что они сами были цѣлію этихъ набѣговъ и что эта постоянно страдательная роль составляла ихъ характеристическую и отличительную черту. Втретьихъ, въ то время вся южная Россія, заслонявшая собою Крымъ, принадлежала Хазарамъ, простиравшимъ свою власть до Кіева, и предполагать, чтобы Новгородцы отважились и могли и захотѣли зачѣмъ-то пробиться сквозь Хазаръ есть дѣло совершенно невѣроятное и немыслимое. Наконецъ, вчетвертыхъ, Новгородцы въ то время были данниками Варяговъ: до того ли же имъ было, чтобы предпринимать какіе бы то ни было, а тѣмъ болѣе такіе отдаленные и такіе невозможные походы? [2]).

Но кто же были эти непріятели, нападавшіе на Сурожъ? Непріятелей по близости могло быть много, и кто именно они такіе были, рѣшить невозможно. Предполагая, что запись о чудѣ принадлежитъ самому автору житія или что она вообще происхожденія греческаго, предполагая, что она сама подала поводъ сдѣлать изъ непріятелей Новгородцевъ, мы думаемъ, что имя этихъ непріятелей въ ней было οἱ (τὸ) Ῥῶς и что тутъ должны быть разумѣемы тѣ же Руссы Азовско-Таврическіе, о которыхъ мы вели рѣчь сейчасъ выше. Арабскіе писатели говорятъ, что Руссы, жившіе на Черномъ морѣ, занимались разбойничествомъ во всѣ стороны и что они постоянно дѣлали набѣги на владѣнія Хазаръ [3]). Керчь

[1]) Въ нашихъ хронографахъ, кратко выписывающихъ о нападеніи Бравалина на Сурожъ изъ житія св. Стефана, не знаемъ почему, оно относится къ царствованію императора Михаила и 852 г. (*Карамз.* т. I, прим. 289, *Попова* Хроногрр., I, 234).

[2]) Неизвѣстные воители не только взяли Сурожъ, но Корсунь и Керчь и разграбили всю мѣстность между двумя послѣдними городами или весь южный Крымъ: великую нужно имѣть вѣру, чтобы не находить невозможнымъ усвоять подобные блестящіе подвиги Новгородцамъ начала IX вѣка!

[3]) Ibn-Foszl. *Френа*, зз. 28 и 29.

и Сурожъ въ VIII и IX вѣкахъ принадлежали Хазарамъ [1]), и такимъ образомъ—послѣднимъ извѣстіемъ какъ бы прямо указываются намъ эти Азовско-Таврическіе или Черноморскіе Русскіе. Около одного времени съ нападеніемъ Руссовъ на Сурожъ имѣло мѣсто совершенно такое же нападеніе непріятелей, называемыхъ также οἱ Ῥῶς на городъ Византійской имперіи Амастриду [2]), какъ это мы знаемъ изъ житія св. Георгія Амастридскаго [3]). Ясно, что тамъ и здѣсь должны быть разумѣемы какіе-то

[1]) *Stritt.* Memorr. popp. III, 543 (и въ житіи Стефана говорится, что въ Керчи сидѣлъ хазарскій царь, см. выше).

[2]) Находящійся на азіатскомъ берегу Чернаго моря, не слишкомъ далеко отъ Константинополя, на половинѣ разстоянія между нимъ и Синопомъ, въ настоящее время Amasry.

[3]) Житіе, написанное неизвѣстнымъ, въ Acta SS. *Болландистовъ*, Февраля t. III, d. XXI, p. 269 sqq. Въ заключеніе житія изъ многихъ посмертныхъ чудесъ св. Георгія авторъ разсказываетъ два, и одно изъ нихъ есть чудо о Руссахъ (nn. 43—46, p. 278). Начавъ опустошеніе отъ Пропонтиды (подъ которою долженъ быть разумѣемъ въ данномъ случаѣ Босфорскій проливъ, см. объ употребленіи слова въ нашемъ смыслѣ въ статьѣ г. *Васильевскаго* „Русско-византійскіе отрывки, напеч. въ журн. Мин. Нар. Просв., ч. CXCVI, стр. 174 sqq) и опустошивъ и прочее морское побережье, Руссы наконецъ явились въ отечествѣ святаго — Амастридѣ. Нѣкоторые изъ нихъ пришли въ храмъ, въ которомъ лежало тѣло святаго, и начали раскапывать гробъ его, подозрѣвая, что въ послѣднемъ находится сокровище, но дерзнувшіе на сіе поражены были онѣмѣніемъ рукъ и ногъ и стали какъ бы связанные невидимыми узами. Вождь Руссовъ, пораженный чудомъ, спрашивалъ: какого божества это есть дѣйствіе и чѣмъ оно можетъ быть умилостивлено; получивъ въ отвѣтъ, что это есть дѣйствіе единаго Бога христіанскаго и что Онъ можетъ быть умилостивленъ молитвами христіанъ, а съ его стороны—освобожденіемъ плѣнныхъ, вождь сдѣлалъ послѣднее и просилъ первыхъ. Когда принесены были усердныя молитвы Богу и св. Георгію, варвары освободились отъ поразившаго ихъ божественнаго гнѣва, послѣ чего вождь заключилъ съ христіанами союзъ мира и дружества. Время жизни св. Георгія, хронологіи котораго у автора нѣтъ, опредѣляется тѣмъ, что онъ поставленъ въ епископы Амастридскіе патріархомъ Константинопольскимъ Тарасіемъ, занимавшимъ престолъ съ 784 по 806 г.: умеръ онъ, какъ это дается знать въ житіи, или въ правленіе императрицы Ирины (797—802 гг.), или въ началѣ правленія Никифора Геника (ἀπὸ Γενικῶν, съ конца 802 г. по 811, житія n. 33, p. 277). Сколько времени спустя послѣ смерти святаго случилось чудо, въ житіи ясно не говорится и не дается знать, но самъ авторъ его, обстоятельностію сообщаемыхъ имъ біографическихъ свѣдѣній, даетъ знать о самомъ себѣ, что если онъ не современникъ Георгія, каковымъ себя не называетъ, то во всякомъ случаѣ человѣкъ, жившій послѣ него спустя очень непродолжительное время. Руссы въ житіи характеризуются: „Случилось нашествіе Руссовъ (τῶν Ῥῶς), народа, какъ всѣ знаютъ, жесточайшаго и свирѣпаго и не имѣющаго даже ни малѣйшей частицы человѣколюбія, — звѣрообразные нравами, безчеловѣчные дѣлами, самымъ видомъ показывающіе скверноубійство, не находящіе ни въ чемъ другомъ съ прочими людьми радости, какъ въ кровопролитіи: этотъ-то народъ,

одни Руссы, разъѣзжавшіе для разбоевъ по Черному морю, и что разумѣть подъ этими морскими разбойниками Руссовъ Азовско-Таврическихъ есть единственное, что можно сдѣлать [1]).

Неизвѣстное по греческимъ рукописямъ, житіе Стефана Сурожскаго могло попасть къ намъ весьма простымъ образомъ. Сурожъ, будучи городомъ торговымъ, имѣлъ то особое значеніе въ торговлѣ, что въ немъ съѣзжались купцы европейскіе и азіатскіе для взаимнаго обмѣна своихъ товаровъ (т. е. что онъ былъ мѣстомъ своего рода Нижегородской ярмарки, которая была въ Тавридѣ, какъ въ средоточномъ пунктѣ Европы и Азіи, съ древнѣйшаго времени и мѣстомъ которой прежде Сурожа служилъ Босфоръ, нынѣшняя Керчь). Тѣ изъ русскихъ купцовъ, которые, торговали азіатскими товарами, и именно азіатскими шелковыми тканями ѣздили за ними въ Сурожъ, отъ чего и получили прозваніе Сурожанъ [2]).

губительный дѣломъ и именемъ (по всей вѣроятности аллюзія на ῥῶξ, которое употреблялось и въ формѣ ῥώς.—*Гедеон.* Отрывки изслѣдовв. о Варяжск. вопр. I, 60, что значитъ тарантулъ, ядовитый паукъ, а можетъ быть сближеніе съ библейскими пророка Іезекіиля Росами), начавъ опустошеніе отъ Пропонтиды" и проч. (въ житіи, которое у Болландистовъ только въ латинскомъ переводѣ, безъ греческаго подлинника, п. 43; греческій подлинникъ приведеннаго нами мѣста изъ житія въ статьѣ *А. А. Куника* „О запискѣ Готскаго топарха", напеч. въ *Запискахъ Имп. Акад. Наукъ*, томъ 24, кн. I, 1875, стр. 98, прим., также въ помянутой статьѣ *Васильевскаго*, ibid. ч. CXCV, стр. 304). Г. Куникъ хочетъ разумѣть подъ Руссами, нападавшими на Амастриду, Аскольда и Дира; но позволимъ себѣ замѣтить, что о Руссахъ этихъ говорится, какъ о народѣ, всѣмъ хорошо извѣстномъ по своимъ качествамъ, и что о нихъ прямо сказано: какъ всѣ знаютъ, ὡς πάντες ἴσασιν: какимъ образомъ будетъ это приложимо къ Аскольду и Диру, которые явились бы для грабежей въ первый разъ?

[1]) Въ 839 г., какъ видно изъ разсказа Бертинской лѣтописи подъ симъ годомъ, эти Руссы еще не были извѣстны въ Константинополѣ; слѣдовательно, они поселились въ Азовскомъ морѣ и въ Крыму и начали свои разбойничьи подвиги въ Черномъ морѣ не особенно задолго до нашего года. Что касается до ихъ прихода на указанное мѣсто жительства, то должно думать, что они пришли не моремъ, обогнувъ всю западную Европу и прошедъ мимо Константинополя, а сухимъ путемъ чрезъ нашу теперешнюю Россію (и слѣдовательно, что они принадлежали по своему происхожденію къ Норманнамъ не западнымъ,—датско-норвежскимъ, а восточнымъ,—шведскимъ, или однимъ и тѣмъ же съ нашими Варягами: и Людовикъ Благочестивый узналъ въ присланныхъ ему Ѳеофиломъ въ 839 г. Руссахъ именно Свеоновъ, т. е. Шведовъ).

[2]) Отсюда произошло названіе Суровской (вмѣсто Сурожской) рядъ. О Сурожѣ и купцахъ, торговавшихъ въ немъ или Сурожанахъ, упоминаютъ: Слово о полку Игоревомъ (по изд. въ *Русск. Достопам.*, ч. III, стр. 40: „велитъ послушати земли незнаемѣ—Вълзѣ и Поморію и Сурожу и Корсуню"), Ипатьевская лѣтопись подъ 1288 г. (при описаніи смерти Владимира Васильковича Галицкаго: „плакашеся надъ нимъ все множество Володимерцевъ, Нѣмци и Сурожьцѣ и Новгородци и Жи-

Такъ эти-то купцы и могли вывести изъ Сурожа житіе св. Стефана, мѣстнаго Сурожскаго святаго (котораго они должны были почитать, подобно тому какъ купцы, торгующіе на Нижегородской ярмаркѣ, почитаютъ преп. Макарія). Предположивъ, что эти купцы были Новгородцы или вообще откуда бы то ни было изъ сѣверной Руси, мы легко поймемъ, какимъ образомъ изъ οἱ Ῥῶς подлинника явилась въ славянскомъ переводѣ: „рать велика русская изъ Новограда". Если въ житіи говорилось о Русскихъ, то наши русскіе переводчики его естественно должны были заключить, что въ немъ говорится именно о насъ Русскихъ, ибо другихъ — Черноморскихъ Русскихъ, разумѣется, не могли же они знать. Если переводчики были изъ сѣверной Руси, то они должны были предположить подъ Русскими Новгородцевъ потому, что въ древнее время въ сѣверной Руси былъ одинъ только Новгородъ, которому можно было бы усвоить походъ въ чужія земли. Что касается до имени князя, то гораздо вѣроятнѣе думать, что подлинное чтеніе житія есть „бранливъ и силенъ", и что собственное имя Бравлинъ возникло изъ „бранливъ" просто вслѣдствіе описки писца: это имя какъ будто не есть славянское имя, а просто случайное соединеніе звуковъ, происшедшее сейчасъ указаннымъ путемъ (имя Бравлинъ

дове"); какъ о купцахъ удальныхъ молодцахъ говорятъ о Сурожанахъ народныя пѣсни (Пѣсни, собр. *Кирѣевск.*, вып. 3, стр. 107: „Ой ты гой еси охотничекъ, Суровецъ, богатъ самъ Суздалецъ"). По важному торговому значенію и по большой извѣстности у насъ Сурожа и Азовское море, составлявшее водяную дорогу къ нему, получило названіе Сурожскаго. Съ конца XIII вѣка Сурожъ замѣнила въ Крыму основанная Генуезцами Кафа, въ которую перешла изъ перваго и русская торговля (о сей послѣдней въ XV в. см. *Записки Одесск. Общ. Исторіи*, V, стрр. 213, 231, 234 перваго счета и втораго 148, 149), при чемъ однако купцы, въ ней торговавшіе, по прежнему продолжали называться Сурожанами. О позднѣйшихъ Сурожанахъ см. *Карамз.* V, 231 и примѣчч. 32, *70*, въ частности о Новгородскихъ— Собр. Госуд. Грам. и Догов. II, 58. Кромѣ Русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Сурожѣ, могли еще привести въ Россію житіе св. Стефана сами крымскіе Греки. Нѣкоторые утверждаютъ, не знаемъ на какомъ основаніи, что супруга Суздальскаго князя Константина Васильевича († 1355) была дочь крымскаго Манкупскаго князя (Родословная роспись потомковъ вел. кн. Рюрика, составленная *Н. Головинымъ*, М. 1851, V, 338, cfr *Карамз.* IV, прим. 374; городъ Манкупъ или Мангупъ, весьма замѣчательный своимъ положеніемъ на высокой неприступной скалѣ и нынѣ остающійся только въ необитаемыхъ развалинахъ, находился недалеко на востокъ отъ Севастополя; передъ 1474 годомъ Манкупскій князь Исайко предлагалъ свою дочь въ замужество за сына вел. кн. Ивана Васильевича III, *Карамз.* VI, 56: на основаніи этого предложенія есть вѣроятность заключать, что прежде дѣйствительно бывали браки между князьями Русскими и Манкупскими); къ вел. князю Василью Дмитріевичу пріѣхалъ на службу князь Стефанъ Васильевичъ именно изъ Сурожа (бывшій родоначальникомъ Ховриныхъ, Головиныхъ и Третьяковыхъ, Родосл. книга изд. *Новикова*, II, 270).

можетъ быть производимо только отъ слова бравый; но это послѣднее слово не есть славянское, а французское — происшедшее изъ греческаго βραβεῖον при посредствѣ латинскаго bravium—и въ русскій языкъ вошло весьма недавно, притомъ изъ бравый по славянскому словопроизводству не выйдетъ Брав-линъ [1]).

Сейчасъ далѣе мы должны будемъ начать рѣчи о христіанствѣ въ Россіи, какъ государствѣ, основанномъ Варягами. Считая вполнѣ доказаннымъ (всякаго рода доказательствами) и несомнѣннымъ то, что Варяги были Норманны [2]), мы позволимъ себѣ здѣсь высказаться относительно нѣкоторыхъ недоумѣній, которыя могутъ представляться таковыми и для самихъ такъ называемыхъ норманнистовъ. Эти недоумѣнія суть: вопервыхъ, Норманны не назывались Русью на западѣ, а только на востокѣ—у Русскихъ, Грековъ и Арабовъ; вовторыхъ, нашъ лѣтописецъ, съ одной стороны, называетъ Русь племенемъ норманнскимъ, между тѣмъ, какъ такого норманнскаго племени вовсе неизвѣстно, а съ другой стороны—утверждаетъ, что Рюрикъ понялъ съ собой въ Новгородъ всю Русь, т. е. все племя, что̀ совершенно невѣроятно. Относительно перваго недоумѣнія должно быть сказано слѣдующее. Русскіе и именно Новгородцы [3]) впервые познакомились съ Норманнами черезъ Финновъ, которые жили между одними и другими. Финны называли Норманновъ, какъ и до настоящаго времени называютъ Шведовъ, Rotsi, Ruotsi, Ruossi. Познакомившись съ Норманнами черезъ Финновъ, Русскіе (новгородскіе Славяне) естественно могли назвать ихъ и именемъ ихъ финнскимъ, и такимъ образомъ изъ финнскаго Rotsi-Ruossi и произошло русское (славянское) имя Норманновъ. Въ слѣдъ за Русскими назвали Норманновъ этимъ именемъ Греки [4]), а за Греками Арабы,

---

[1]) Житіе Стефана Сурожскаго привезено къ намъ, какъ нужно думать, около половины XV вѣка: первая извѣстная выписка изъ него читается въ житіи преп. Діонисія Прилуцкаго, написаніе котораго относятъ ко второй половинѣ XV вѣка (*Ключевск.* Житія, стр. 189); имя самого Стефана начинаетъ встрѣчаться въ нашихъ святцахъ (подъ 15 Декабря) съ конца XV — начала XVI вѣка (Троицк. Лаврск. ркп. N 617, л. 68 об., Опис. синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* N 352, л. 11, и N 408, л. 254 об.; *преосв. Сергія* Полный мѣсяцесловъ Востока, I, 158).

[2]) Варягъ (Varing, Väring) было не названіемъ Норманновъ, какъ народа, а тѣхъ между ними, которые артелями или ватагами отправлялись изъ отечества въ чужія земли для грабежа ихъ (а послѣ и для службы въ нихъ: Varing отъ wara—клятва, присяга (наше позднѣйшее: „вѣра—крестное цѣлованіе?“) и значитъ клятвенникъ, присяжникъ, потому что члены артелей предъ снаряженіемъ въ путь давали взаимную клятву въ томъ, чтобы не выдавать другъ друга и помогать другъ другу на чужой сторонѣ).

[3]) Всякій, конечно, понимаетъ, что слово Русскій мы употребляемъ по антиципаціи.

[4]) Οἱ Ῥῶς. Греки могли говорить и писать и οἱ Ῥοῦς; но они сближали Русскихъ, какъ мы выше сказали, съ библейскими Росами.

а такимъ образомъ и случилось, что на Востокѣ явилось имя Норманновъ Русь, бывшее неизвѣстнымъ на Западѣ. Что касается въ частности до Грековъ, то необходимо думать, что Черноморскіе (Азовско-Таврическіе) Норманны или Варяги на первыхъ порахъ своего поселенія при Черномъ морѣ, и сами называли себя передъ Греками именемъ Русскихъ. Если не ранѣе, то съ конца VIII вѣка во всей Европѣ очень хорошо было извѣстно, что такое Норманны, т. е. очень хорошо было извѣстно, что они суть морскіе пираты и разбойники, ибо свои знаменитые морскіе подвиги они начали на Западѣ если не ранѣе, то съ этого конца VIII вѣка [1]). Назвать себя передъ Греками съ перваго знакомства Норманнами значило заставить греческое правительство тотчасъ же принять противъ себя всю осторожность; а поэтому и естественно, что они назвали себя именемъ, которое давали имъ другіе. Что такъ поступили черноморскіе Норманны по отношенію къ Грекамъ, объ этомъ необходимо заключать изъ ихъ поведенія по отношенію къ Франкамъ. Въ 839-мъ году, о чемъ мы говорили выше, успѣли пробраться къ франкскому императору Людовику Благочестивому, съ посольствомъ константинопольскаго императора Θеофила, нѣсколько черноморскихъ Норманновъ съ цѣлями соглядатанія (надѣясь посредствомъ обмана пройдти и высмотрѣть всю имперію). Если бы они назвали себя Норманнами, то тотчасъ же были бы отправлены императоромъ на висѣлицу или по крайней мѣрѣ въ самое крѣпкое мѣсто; но они назвали себя Руссами, и императоръ, заподозрившій въ нихъ шпіоновъ, дознался, что они дѣйствительно Норманны, только „послѣ тщательнаго изслѣдованія" т. е. послѣ нарочнаго усерднаго дознаванія. Что касается до того, что лѣтописецъ дѣлаетъ изъ Руссовъ племя норманнское, тогда какъ Руссами назывались всѣ Норманны, и что онъ приводитъ съ Рюрикомъ въ Новгородъ всю Русь, что̀, конечно, совершенно невѣроятно: то, по нашему мнѣнію, это недоумѣнное должно быть объясняемо слѣдующимъ образомъ. Новгородско-кіевскіе Славяне первое время называли Норманновъ Руссами; съ этимъ именемъ (Руссовъ) Норманны водворились и между ними для владѣнія ими. Но потомъ Славяне узнали другое имя Норманновъ, которымъ они называли себя сами, т. е. имя Варяговъ, и постепенно усвоивъ это второе имя (которое и у самихъ Норманновъ, можетъ быть, явилось не вдругъ и не скоро) перестали называть ихъ первымъ именемъ. Въ то время, какъ лѣтописецъ писалъ свою лѣтопись, Норманны поселившіеся между нашими Славянами для владѣнія (какъ и сами уже эти Славяне), назывались Руссами, потому что съ этимъ первымъ именемъ поселились (которое и осталось за ними навсегда), но Норманны такъ сказать норманнскіе, Норманны, приходившіе тогда (во времена его—

---

[1]) *Einhardi* Annales съ 800 г., а послѣ него съ 830 г. Бертинская лѣтопись.

лѣтописца) изъ Норманніи, не назывались уже Русскими, а Варягами. Лѣтописецъ не зналъ, чтобы прежде всѣ Норманны назывались у насъ Русью, а поэтому и заключилъ, что Русь, поселившіеся у насъ, были особое племя Норманновъ. Заключивъ ошибочнымъ образомъ это, онъ уже необходимо долженъ былъ приводить съ Рюрикомъ въ Новгородъ всю Русь: между современными себѣ Варягами онъ не находилъ племени Руси, а отсюда и заключилъ, что оно все выведено Рюрикомъ въ Новгородъ.

III.

Христіанство въ Россіи отъ начала государства до св. Владиміра.

Мы должны начать здѣсь свои рѣчи съ того, чтобы назвать ошибочными и неправильными обыкновенныя представленія о христіанствѣ въ Россіи за пространство времени отъ начала государства до общаго крещенія Владиміромъ всей страны. Христіанство появлялось въ Кіевѣ въ правленіе Игоря; послѣ Игоря его приняла единолично или съ весьма немногими св. Ольга, а затѣмъ оно изчезло совсѣмъ или почти до времени Владиміра,—такъ обыкновенно или большею частію представляется дѣло. Въ дѣйствительности оно было вовсе не такъ. Явившись, можетъ быть, еще до Игоря, а во всякомъ случаѣ несомнѣнно въ его правленіе, христіанство не изчезало потомъ болѣе въ Кіевѣ, а постоянно существовало въ послѣднемъ до самого Владиміра, вслѣдствіе чего и его непрерывная исторія въ Россіи должна быть полагаема собственно не со времени втораго изъ князей, а не позднѣе какъ со времени перваго. Владиміръ вмѣстѣ съ собою крестилъ Русскихъ, сдѣлалъ христіанство общею вѣрою всего народа; но, прежде чѣмъ стать вѣрой общею и господствующею, христіанство довольно долгое время, не менѣе полувѣка, непрерывно существовало въ Россіи какъ вѣра частная, о бокъ и рядомъ съ господствующимъ язычествомъ.

Исторія нашего государства началась тѣмъ, что, бывъ добровольно призваны или (что гораздо вѣроятнѣе) недобровольно приняты, пришли владѣть нами норманскіе Варяги-Руссы. Эти Варяги довольно долгое время не смѣшивались съ коренными Славянами, представляя изъ себя отдѣльную владѣющую національность или какъ бы отдѣльную господствующую касту, однимъ словомъ—особо стоявшую толпу, иноплеменныхъ находниковъ и особый народъ въ народѣ. Христіанство впервые явилось въ Кіевѣ и до времени св. Владиміра существовало въ немъ и вообще въ Россіи если не единственнымъ, то

по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ между этими отдѣльными отъ коренныхъ Славянъ Варягами.

При Игорѣ.

Очень можетъ быть, что первые христіане между Варягами явились еще при Рюрикѣ и Олегѣ и одновременно съ Рюрикомъ при Аскольдѣ и Дирѣ. Съ своей родины, т. е. изъ своей Норманніи, они начали ходить на службу въ Константинополь не позднѣе конца первой половины IX вѣка [1]); не имѣемъ мы положительныхъ извѣстій, однако можемъ съ вѣроятностію предполагать, что они скоро начали принимать тамъ христіанство [2]); но между членами дружины Рюриковой могли быть люди, служившіе прежде въ Константинополѣ, и слѣдовательно такіе, которые могли принять тамъ христіанство. Равнымъ образомъ и послѣ прибытія къ намъ Рюрика подобные крещеные Варяги могли приходить къ нему, къ Аскольду съ Диромъ и къ Олегу изъ Константинополя. Какъ бы то ни было, наша лѣтопись ничего не говоритъ о христіанахъ Варягахъ при двухъ первыхъ великихъ князьяхъ, и мы положительно можемъ сказать только, что они явились въ Кіевѣ не позднѣе какъ въ правленіе Игоря [3]).

---

[1]) Изъ разсказа Бертинской лѣтописи подъ 839 г. о Руссахъ, присланныхъ византійскимъ императоромъ Θеофиломъ къ франкскому императору Людовику Благочестивому слѣдуетъ заключать, что до этого года Варяги еще не ходили на службу въ Константинополь; но въ разсказѣ нашей лѣтописи объ Аскольдѣ и Дирѣ дается знать, что въ 862 г. путь въ Константинополь имъ—Варягамъ уже хорошо былъ знакомъ (а осада Константинополя Азовско-Таврическими Руссами въ 860 г. не препятствуетъ относить путешествія въ него Руссовъ или Варяговъ съ самой родины къ болѣе раннему времени). Что касается до правленія Олега, то въ его договорѣ съ Греками 911-го года уже нарочито говорится „о работающихъ въ Грецѣхъ Руси у хрестьянскаго царя".

[2]) У себя дома Норманны начали принимать западное христіанство частичнымъ образомъ или поединично уже съ 826 г. Въ этомъ году крестился при дворѣ императора франкскаго Людовика одинъ изъ князей датскихъ, по имени Геріольдъ или Гаральдъ, прогнанный съ своего стола другими князьями датскими. Крещеніе Геріольда возбудило въ императорѣ желаніе учредить миссію для обращенія Норманновъ и исполнителемъ его желанія явился св. Ансгарій, монахъ Новокорвейскій, съ 831 по 865 г. первый архіепископъ Гамбургскій, который трудился надъ проповѣдію христіанства въ Даніи и Норвегіи съ Швеціей съ нѣкоторымъ успѣхомъ непосредственно и посредственно черезъ другихъ,—*Einhardi* Annales подъ 826 г. и житіе св. Ансгарія, написанное *Римбертомъ*,—въ Monumm. Germ. *Пертца*.

[3]) Когда послы Олега въ 911-мъ году заключили въ Константинополѣ миръ съ Греками, то, по словамъ нашей лѣтописи, „царь Леонъ почти послы Руские дар-

Что христіане были между кіевскими Варягами въ правленіе Игоря—это фактъ, извѣстный изъ договора послѣдняго съ Греками

ми—златомъ и паволоками и фофудьями и пристави къ нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту и полаты златыа и въ нихъ сущее богатство—злато много и паволоки и каменье драгое, и страсти Господни и вѣнецъ и гвоздіе и хламиду багряную и мощи святыхъ, учаще я къ вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру". Сличая это извѣстіе нашей лѣтописи съ греческими извѣстіями о пріемѣ въ Константинополѣ иностранныхъ пословъ, слѣдуетъ заключать, что какъ богатство императорскаго дворца, такъ и красота церквей (въ особенности св. Софіи), были показываемы нашимъ посламъ не столько за тѣмъ, чтобъ учить ихъ вѣрѣ христіанской, какъ заключаетъ лѣтописецъ отъ себя, сколько за тѣмъ, чтобы похвастать предъ ними и произвести на нихъ впечатлѣніе; совершенно подобное тому, что пишетъ нашъ лѣтописецъ о поведенія въ Константинополѣ съ послами Русскими, мы находимъ у Константина Порфирогенита о поведеніи съ послами Сарацинскими (De ceremon. aulae Byzant., lib. II, cap. 15, ed. Bonn. p. 590 sqq, у *Миня* въ Patr. t. 112, p. 1100). Страсти Господни и вѣнецъ и гвоздіе и пр. лѣтописецъ, вѣроятно, прибавляетъ самъ отъ себя, на основаніи своего предположенія о цѣли, съ которой были показываемы посламъ церкви. Преосв. Филаретъ, заимствуя свѣдѣніе у Буткова въ его „Оборонѣ лѣтописи русской", который въ свою очередь беретъ у Погодина въ его диссертаціи „О происхожденіи Руси", говоритъ: „Арабамъ въ 922 г. извѣстно было, что Руссы обращаются въ христіанскую вѣру",—пер. I § 3, изд. 3 стр. 7. Но арабскій писатель Ибнъ-Фоцланъ или Ибнъ-Фадланъ, котораго разумѣетъ преосв. Филаретъ и котораго см. у *Френа* въ сочиненіи Ibn—Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit и у *Гаркави* въ изданіи Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, не говоритъ объ обращеніи Руссовъ въ христіанскую вѣру. Тутъ случился съ Погодинымъ не совсѣмъ понятный и не совсѣмъ извинительный недоглядъ (хотя впрочемъ недогляды случаются со всѣми). У Френа, которымъ онъ пользуется, выписка извѣстій изъ Ибнъ-Фоцлана о Руссахъ кончается словами: „Что касается до Руссовъ настоящаго времени, то (всѣ) знаютъ, что они исповѣдуютъ христіанскую религію",— стр. 23. Но это говоритъ не Ибнъ-Фоцланъ, а тотъ другой арабскій писатель, именно—Якутъ, въ сочиненіи котораго помѣщены и у котораго берутся Френомъ извѣстія Ибнъ-Фоцлана о Руссахъ. На четыре строки выше сейчасъ приведенныхъ нами словъ, которыми кончается у Френа выписка изъ Ибнъ-Фоцлана, читается: „Это суть извѣстія, которыя я (т. е. я—Якутъ) буквально заимствовалъ изъ писанія Ибнъ-Фоцлана". Что касается до Якута, то онъ жилъ во второй половинѣ XII—первой половинѣ XIII вѣка († 1229.—Въ росписаніи архіерейскихъ каѳедръ, подвѣдомыхъ Константинопольскому патріарху, которое носитъ въ своемъ заглавіи имя императора Льва Мудраго, въ ряду митрополій на 61-мъ мѣстѣ стоитъ ἡ Ῥωσσία. Нѣкоторые ученые, въ подтвержденіе своихъ предзанятыхъ мыслей, находятъ возможнымъ пользоваться свидѣтельствомъ росписанія; но уже давно доказано и признано, что оно или не принадлежитъ Льву Мудрому или, если принадлежитъ, то интерполировано въ позднѣйшее время).

944-го года [1]) и всѣми общепринятый. Но страннымъ образомъ до сихъ поръ ни церковные ни гражданскіе историки наши не обращали серьезнаго вниманія на этотъ договоръ Игоря съ Греками. Никто не думалъ заявлять подозрѣнія, чтобы онъ былъ позднѣйшею поддѣлкой; всякому сколько-нибудь разумѣющему дѣло ясно, что текстъ его, какъ онъ помѣщенъ въ лѣтописи, представляетъ собою не вольную передачу, сдѣланную самимъ лѣтописцемъ, а самый документъ въ его подлинномъ видѣ и въ его подлинномъ и буквальномъ, въ переводѣ съ греческаго на русскій, чтеніи [2]). Слѣдовательно, въ договорѣ, какъ онъ помѣщенъ въ лѣтописи, мы несомнѣнно имѣемъ подлинный оффиціальный документъ. Но документъ этотъ говоритъ относительно христіанства въ Россіи во времена Игоря несравненно болѣе, нежели что̀ обыкновенно принято въ немъ видѣть и находить. Въ договорѣ два раза говорится о Варягахъ, какъ о сторонѣ, заключающей миръ съ Греками, и въ оба раза между ними различаются и отдѣльно упоминаются двѣ половины—некрещенная и крещенная [3]). Въ началѣ договора, гдѣ Русскіе даютъ обязательство соблюдать заключаемый

---

[1]) Въ договорѣ нѣтъ индикта и года, но время его написанія весьма точно опредѣляется тѣмъ, что онъ писанъ „при царѣ Романѣ и Константинѣ и Стефанѣ христолюбивыхъ владыкахъ“ и положенъ въ лѣтописи подъ 6453 г. Такъ какъ императоръ Романъ Лекапенъ (а Константинъ и Стефанъ его сыновья) согнанъ съ престола 16-го Декабря 944 г., то договоръ писанъ ранѣе сего; а такъ какъ въ 6453 сентябрьскомъ году отъ С. М. на 944 январскій годъ отъ Р. Х. приходятся мѣсяцы Сентябрь—Декабрь (дальнѣйшіе же къ 945 г.), то договоръ писанъ послѣ 1-го Сентября 944 г.

[2]) Договоръ прямо начинается непонятнымъ: „Равно другаго свѣщанья“... Это, какъ счастливо догадался Н. А. Лавровскій, есть неудачный переводъ греческаго ἴσον, которое буквально дѣйствительно значитъ „равно“, но которое употреблялось и до сихъ поръ употребляется еще въ значеніи: копія, каковое оно и имѣетъ въ данномъ случаѣ („равно другаго“—ἴσον τοῦ πρωτοτύπου, т. е. копія съ подлинника). О подлинности договора и о слѣдахъ въ немъ греческаго см. въ диссертаціи сейчасъ названнаго почтеннаго ученаго: О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договора Русскихъ съ Греками, С.-Пб. 1853. И Шлецеръ находилъ договоръ только весьма испорченнымъ (Нест. въ русск. перев., III, 90, что̀ собственно значитъ, что онъ самъ плохо зналъ славянскій языкъ и не принялъ во вниманіе, что договоръ есть переводъ съ греческаго), но и онъ не сомнѣвался въ его подлинности (см. *Соловьева* Ист. т. III, 4-го изд. стр. 124).

[3]) Порядокъ содержанія договора послѣ заглавія или надписанія: перечисленіе именъ пословъ русскихъ, обязательство пословъ соблюдать заключаемый миръ, пункты или статьи уложенные, подпись пословъ съ новымъ обязательствомъ соблюдать написанное.

миръ, мы читаемъ: «Иже помыслитъ отъ страны Рускія разрушити таку (таковую) любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да пріимутъ месть отъ Бога Вседержителя, осуженье на погибель и въ сій вѣкъ и въ будущій, и елико ихъ не хрещено есть, да не имутъ помощи отъ Бога ни отъ Перуна»... На концѣ договора, гдѣ Русскіе снова повторяютъ свои помянутыя обязательства, два раза написано—спачала какъ ручательство со стороны крещенной за себя и за сторону некрещенную: «а иже преступитъ се (написанное выше) отъ страны нашея или князь или инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имутъ помощи отъ Бога и да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій», потомъ какъ ручательство со стороны некрещенной за себя и за сторону крещенную: «аще ли же кто отъ князь или отъ людій Руских, ли хрестеянъ или нехрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, (да) будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву». Послѣ заключенія договора Русскіе послы были приводимы въ Константинополѣ къ присягѣ, и объ этомъ приписано въ немъ самомъ или въ самомъ его актѣ: «мы же (послы Русскіе), елико насъ хрестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильи въ сборнѣй церкви, предлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней...; а некрещеная Русь да полагаютъ [1]) щиты своя и мечи своя наги и обручи свои и прочая оружьи, и да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей» [2]).

Разсказавъ послѣ этого, какъ послы греческіе, прибывшіе изъ Константинополя въ Кіевъ, приводили къ присягѣ Игоря и его бояръ, и какъ крещенные между послѣдними были водимы на роту въ «сборную» церковь св. Иліи, лѣтописецъ заключаетъ: «мнози бо быша Варязи хрестеяни». Въ этихъ заключительныхъ словахъ лѣтописца, что многіе Варяги были христіанами, повидимому, представляется совершенно достаточный выводъ изъ всего того, что̀ сказано о христіанахъ

[1]) На основаніи выраженія о крещенныхъ Русскихъ въ прошедшемъ времени (кляхомся), а о некрещенныхъ въ будущемъ (да полагаютъ, то-есть, имѣютъ полагать) необходимо представлять дѣло такъ, что крещеные приведены были къ присягѣ во время написанія договора, а некрещеные имѣли быть приведены послѣ.

[2]) „Наги“, т. е. вынутыми изъ ноженъ, во свидѣтельство того, что преступнику клятвы достоитъ своимъ оружьемъ умрети; „обручи“—ручныя запястья отъ *объ* и *рука*, т. е. вокругъ руки (браслеты и можетъ быть—шейныя гривны); „прочая оружья“—прочіе воинскіе доспѣхи и (рыцарскія) украшенія, надъ которыми (положенными затѣмъ, что „да будемъ золоти яко золото се“,—договоръ Святосл.) они должны были произносить клятву.

въ самомъ договорѣ. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ, и слѣдуетъ только съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочесть договоръ, чтобы видѣть, что изъ него слѣдуетъ гораздо больше. Господствующею, оффиціальною вѣрою Русскихъ было язычество; но мы видимъ, что въ договорѣ вмѣстѣ съ стороной представителей вѣры господствующей вездѣ упоминаются, какъ равная сторона, представители и вѣры негосподствующей—христіанства: ясно, что христіанъ было не только много, но и весьма много, ибо иначе какимъ образомъ они получили бы равенство? Если сторона негосподствующая поставлена совершенно наравнѣ съ господствующею, то ясно и необходимо слѣдуетъ, что она имѣла надъ послѣднею нравственный перевѣсъ, ибо получить равенство при неимѣніи на то права она, очевидно, могла только въ случаѣ перевѣса. Но и этого мало. Рѣшительный нравственный перевѣсъ христіанъ надъ язычниками есть не только необходимое заключеніе, но положительный и несомнѣнный фактъ. Мы уже сказали выше, что имѣемъ передъ собою договоръ не въ передѣлкѣ или вольной передачѣ лѣтописца, а въ его подлинномъ видѣ и подлинномъ текстѣ. Что же мы въ немъ находимъ? Въ оффиціальномъ договорѣ съ другимъ народомъ кіевскіе Варяги дозволяютъ, чтобы сторона христіанъ, которая была негосподствующею, вездѣ была поставлена выше стороны язычниковъ, которая была господствующею. Если дозволяютъ, то очевидно—потому, что не хотятъ и не могутъ не дозволить; а если не хотятъ и не могутъ, то ясно, что хотящіе и могущіе были на сторонѣ христіанъ. Но и этого, наконецъ, мало: въ договорѣ не только ясно дается знать, что христіане первенствовали предъ язычниками, но прямо и опредѣленно заявляется, что именно имъ принадлежало все веденіе дѣла о немъ. «Мы же, елико насъ крестилися есмы»..., говорятъ они о себѣ, а о язычникахъ въ третьемъ лицѣ (и какъ бы пренебрежительно): «а не крещенная Русь полагаютъ»... Итакъ, оффиціальный и несомнѣнный документъ сообщаетъ намъ относительно правленія Игорева свѣдѣнія: христіанъ между Варягами было при немъ не только много, но и весьма много; если не численно (чего документъ не даетъ знать), то нравственно они преобладали надъ язычниками; они составляли партію политическую господствующую и въ ихъ рукахъ находилось веденіе государственныхъ дѣлъ. Все это, можетъ быть, не совсѣмъ ожиданно; но прежде чѣмъ обращаться къ разъясненію дѣла, мы должны еще указать послѣднюю и самую большую неожиданность. На основаніи всего нами сказаннаго, ее, полагаемъ, видитъ уже и самъ читатель. Какъ бы то ни было, она со-

стоитъ въ томъ, что долженъ быть отнесенъ къ числу сторонниковъ христіанства или къ числу христіанъ внутреннихъ самъ великій князь, т. е. Игорь. Если христіане нравственно преобладали надъ язычниками и если именно они составляли политическую партію господствующую, то оказывается совершенно необходимымъ сдѣлать и принять сейчасъ указанное нами предположеніе. Что оно въ собственномъ смыслѣ и безъ всякаго преувеличенія совершенно необходимо, — что безъ него невозможно объяснить преобладанія и господства христіанъ, это, надѣемся, слишкомъ ясно для всякаго и не требуетъ доказательствъ: будь великій князь на сторонѣ язычниковъ, онъ терпѣлъ бы христіанъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не предоставилъ бы имъ преобладанія, ибо иначе его поведеніе было бы совершенною и невозможною безсмыслицей. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ относительно правленія Игорева или, по крайней мѣрѣ, второй его половины, мы получаемъ тотъ выводъ, что христіанъ въ Кіевѣ между Варягами было весьма много и что даже самъ великій князь находился на сторонѣ ихъ или былъ внутреннимъ христіаниномъ, вслѣдствіе чего въ области дѣлъ политическихъ они явно и рѣшительно преобладали надъ язычниками.

Можетъ, повторяемъ, казаться все это не совсѣмъ ожиданнымъ; а между тѣмъ во всемъ этомъ нѣтъ ничего особеннаго страннаго.

Начнемъ съ того, какъ могли явиться въ Кіевѣ при Игорѣ Варяги христіане. Игорь, какъ всѣ язычники, отличался совершенною вѣротерпимостью и принималъ къ себѣ на службу приходившихъ Варяговъ безъ всякаго различія, были ли они язычники или христіане. Въ его время Варяги, находившіеся на службѣ въ Константинополѣ, какъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, если не въ большинствѣ своемъ, то въ значительномъ количествѣ, принимали христіанство [1]). Если мы предположимъ то, что предположитъ совершенно естественно, а именно что Варяги находили службу у Русскаго князя болѣе выгодною и почетною для себя, чѣмъ у императора Константинопольскаго, и что, вслѣдствіе того, они цѣлыми толпами переходили отъ послѣдняго къ первому, то и получимъ совершенно удовлетворительное объясненіе, какъ могли явиться въ Кіевѣ при Игорѣ

---

[1]) Константинъ Порфирогенитъ говоритъ о цѣлыхъ отрядахъ Руссовъ, служившихъ въ Константинополѣ, которые составлены были изъ однихъ крещеныхъ, De ceremonn. aulae Byzant., lib. II, cap. 15, ed. Bonn., p. 579, у *Миня* въ Patr. t. CXII, col. 1081.

весьма многіе Варяги христіане. Въ Константинополѣ Варяги должны были довольствоваться опредѣленнымъ жалованьемъ и не разсчитывать ни на что болѣе; напротивъ того, у Русскаго князя они могли надѣяться на обогащеніе добычею въ военныхъ походахъ, которые были бы предпринимаемы съ этою спеціальною цѣлію. Въ Константинополѣ они были только чуждые наемники и не могли добиваться служебныхъ положеній сколько-нибудь почетныхъ; напротивъ того, приходя въ Кіевъ къ своимъ, они тотчасъ же натурализовались и поступали на службу какъ бы въ своемъ собственномъ государствѣ. Наконецъ, въ Константинополѣ было благоустроенное государство и въ немъ, конечно, старались по возможности обуздывать людей съ слишкомъ широкими натурами, каковы были Варяги; напротивъ того, въ Кіевѣ была еще своя любезная имъ Норманнія, т.-е. еще приволье жить по-нормански. Совершенно естественно было по всему этому то явленіе, чтобы Варяги въ весьма большомъ числѣ переходили изъ Константинополя въ Кіевъ [1]).

Ничего не представляетъ невѣроятнаго и то, что самъ Игорь въ концѣ своего правленія стоялъ на сторонѣ христіанъ или былъ внутреннимъ христіаниномъ.

Игорь могъ склониться къ христіанству и стать внутреннимъ христіаниномъ или самъ собою или при посредствѣ жены своей Ольги. Очевидна вѣроятность послѣдняго, но, собственно говоря, совершенно такова же вѣроятность и перваго. Въ то время между Варягами началось рѣшительное или, по крайней мѣрѣ, очень значительное движеніе къ христіанству; многіе изъ Варяговъ, крещеныхъ въ Константинополѣ, пришли служить къ Игорю: что удивительнаго, что эти крещеные Варяги успѣли въ Кіевѣ пріобрѣсти христіанству одного изъ своихъ, то-есть Кіевскаго великаго князя? Обратились и обращались къ христіанству весьма многіе Варяги: но для князя въ числѣ этихъ многихъ была совершенно такая же возможность обратиться къ нему, какъ и для всякаго другого. Что касается до Ольги, то относительно ея необходимо предполагать, что, ставъ открытою христіанкою только послѣ смерти Игоря, она сдѣлалась таковою внутренно еще за долго до этой послѣдней. Но, ставъ сама христіанкою, она естественно должна была склонять къ христіанству и мужа. А если должна была

[1]) Церковь кіевскихъ Варяговъ была во имя одного святаго съ таковою же церковію Варяговъ константинопольскихъ (пророка Иліи). Довольно ясно дается этимъ знать, что первая была дочерью послѣдней.

склонять, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и дѣйствительно успѣла въ своихъ стараніяхъ.

Ставъ христіаниномъ внутренно, Игорь не сдѣлался имъ наружно или открыто. Это необходимо объяснять причинами политическими. Игорь былъ на престолѣ Кіевскомъ и всего вторымъ государемъ [1]); въ глазахъ своихъ подданныхъ Славянъ онъ все еще оставался такимъ же чуждымъ пришельцемъ, какими были Олегъ и Рюрикъ. По всему этому онъ еще не могъ чувствовать себя на своемъ престолѣ слишкомъ твердо. Но не чувствуя себя твердо на престолѣ, онъ не могъ отважиться и на такое важное дѣло, какъ перемѣна вѣры. Въ привязанности къ язычеству наши предки не составляли ни малѣйшаго исключенія изъ другихъ народовъ, и чтобы заставить ихъ принять новую вѣру, потребовалось бы употребить всю энергію власти, какъ это и было при Владимирѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Игорь не нашелъ возможнымъ попытаться употребить эту энергію, рискуя престоломъ. Впослѣдствіи положеніе Владимира было совсѣмъ не то, что положеніе Игоря. Онъ успѣлъ уже превратиться изъ Варяга въ Славянина, такъ что Славяне смотрѣли на него, какъ уже на своего природнаго государя. Когда онъ вводилъ новую вѣру, то Славяне не могли сказать ему, что-де поди-ка ты съ своей новой вѣрой туда, откуда пришелъ; но они весьма могли сказать это Игорю. Когда посягаетъ на прадѣдовскіе обычаи свой человѣкъ, то это бываетъ не такъ обидно, но когда посягательство идетъ со стороны, отъ чужихъ то оно вызываетъ противъ себя все раздраженіе оскорбленной національной гордости. Такимъ образомъ, не желая серьезно рисковать престоломъ, Игорь и остался наружнымъ язычникомъ, хотя сдѣлался внутреннимъ христіаниномъ.

Изъ внутренняго быта Варяговъ-христіанъ при Игорѣ мы знаемъ только то, что они имѣли въ Кіевѣ церковь пророка Иліи. Церковь эта называется въ лѣтописи «сборною». Если принимать выраженіе «сборная церковь» за переводъ греческаго καθολικὴ ἐκκλησία, то оно будетъ означать приходскую церковь въ противоположность церквамъ домовымъ; а если бы понимать его въ нашемъ русскомъ позднѣйшемъ смыслѣ, то нужно было бы разумѣть такую приходскую церковь изъ числа другихъ приходскихъ церквей, въ которой совершалась ежедневная служба (см. ниже). Не знаемъ, кѣмъ сдѣлано всѣми принимаемое предположеніе, что нашу церковь нужно полагать на мѣстѣ

---

[1]) То-есть, исключаемъ Рюрика, который княжилъ въ Новгородѣ.

нынѣшней церкви пророка Иліи, которая находится на Подолѣ, на берегу Днѣпра, за Братскимъ монастыремъ: предположеніе это совершенно несправедливо. Во-первыхъ, лѣтопись сообщаетъ намъ, что при Игорѣ на Подолѣ еще не было населенія [1]). Во-вторыхъ, еслибъ оно и было на немъ, то во всякомъ случаѣ необходимо предполагать, что господствующіе Варяги жили не тамъ, а на верху, въ самомъ городѣ или около него, а слѣдовательно и церковь христіанъ Варяговъ должна быть полагаема именно здѣсь. Втретьихъ, что она была вовсе не на Подолѣ, это ясно даетъ знать лѣтописецъ, когда говоритъ, что она была «надъ ручаемъ»: подъ ручаемъ разумѣется не Почайна, которая текла черезъ Подолъ, представлявшій во времена Игоревы болото, а Крещатицкій ручей; слѣдовательно, церковь находилась близъ сего послѣдняго и такъ какъ она стояла не на ручаѣ, а надъ ручаемъ, то ясно, что находилась на краю горы, обращенной къ ручью [2]).

---

[1]) Подъ 945 г., въ разсказѣ о приходѣ Древлянъ къ Ольгѣ послѣ смерти Игоря („на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ“).

[2]) Подъ ручаемъ принято разумѣть Почайну (которая въ настоящее время впадаетъ въ Днѣпръ за городомъ, а въ древнее и не особенно давнее время протекала черезъ весь Подолъ). Но, не говоря о сомнительности этого a priori, такъ какъ въ устьѣ Почайны была судовая пристань и слѣдовательно рѣкѣ, хотя и небольшой, но игравшей такую важную роль, названіе ручья не приличествовало, вотъ доказательство несправедливости этого a posteriori или прямое и положительное; неизвѣстный авторъ „Житія блаженнаго Володимера“, о которомъ будемъ вести пространныя рѣчи ниже, говоря о сокрушеніи Владиміромъ идоловъ въ Кіевѣ передъ приступомъ къ крещенію народа, пишетъ: „Волоса идола, егоже именоваху скотья бога, велѣ въ Почайну рѣку въврещи, Перуна же повелѣ привязати къ коневи къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на ручей“... (Крещатицкій ручей въ настоящее время не существуетъ и по его оврагу и бывшему руслу въ настоящее время идетъ Крещатицкая улица, составляющая Невскій проспектъ и Кузнецкій мостъ Кіева. Если Боричевъ взвозъ шелъ на гору не отъ Днѣпра и Почайны, а отъ Крещатицкаго ручья, то ясно, что и первоначальный или довладиміровскій городъ (крѣпость) находился не на горѣ Десятинной церкви, а на горѣ Михайловскаго монастыря, что предполагать требуется и всякими другими указаніями и соображеніями,—о топографіи Кіева см. ниже. Церковь находилась „надъ ручаемъ, конецъ Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ“: бесѣда значитъ тутъ улицу или (вѣроятнѣе) площадь,—есть малорусская пословица: „богатаго покута, убогаго бесѣда“, но что значитъ въ ней бесѣда? Названіе Пасынча, можетъ быть отъ пасынковъ, — древнихъ боярскихъ дѣтей, cfr *Карамз.* III, прим. 227. Козарѣ — улица или слобода (мѣстность), получившая названіе отъ Казаръ, которымъ Поляне платили дань до Аскольда и Дира и которые должны были имѣть въ Кіевѣ подворье для пріѣздовъ или для постояннаго житья своихъ чиновниковъ, какъ послѣ Татары въ Москвѣ).

Священниковъ для своей церкви Варяги христіане, конечно, получали изъ Константинополя (отъ тамошней варяжской церкви или тамошнихъ варяжскихъ церквей, если таковыхъ особыхъ церквей было нѣсколько).[1]

Государство русское Варяги христіане временъ Игоря сдѣлали государствомъ грамотнымъ. До времени договора Игорева послы и купцы русскіе, приходя въ Константинополь, приносили съ собою вмѣсто паспортовъ выдававшіяся отъ правительства печати [2]). Такъ

[1]) Гдѣ находилась въ Константинополѣ варяжская церковь пророка Иліи, о которой говорится въ договорѣ Игоря и которая была тамъ если не единственною, то, очевидно, главною варяжскою церковію, мы не знаемъ. Считаемъ вѣроятнымъ предполагать, что ее нужно видѣть въ церкви пр. Иліи εἰς τὸ Πετρίον или εἰς τὰ Πετρία, которая, бывъ построена при императорѣ Зенонѣ и бывъ возобновлена императоромъ Василіемъ Македоняниномъ, находилась на Золотомъ рогѣ или заливѣ, недалеко отъ нынѣшняго Фанаря, около воротъ городской стѣны отъ залива, которыя назывались τὸ Πετρίον и которыя, сохранивъ древнее имя до настоящаго времени, теперь называются Петри—Капи (Петри—ворота, *Дюканжа* Constantinop. Christ., lib. IV, cap. IV, и *Византія* Κωνσταντινούπ. 1, 563 и 567). Здѣсь въ городской стѣнѣ, посредствомъ другой примыкавшей къ ней круговой стѣны, была пристроена особая крѣпость, которая называлась Κάστρον τῶν Πετρίων (*патр. Константія* Κωνσταντίνιας, стр. 16): представляется вѣроятнымъ думать, что Варяги, служившіе солдатами въ крѣпостяхъ Константинополя, въ одной изъ нихъ имѣли и свою церковь. Св. Мама или Мамантъ, у котораго имѣли подворье въ Константинополѣ наши Русскіе (договоры Олеговъ и Игоревъ) былъ не особенно далеко отсюда (внѣ городской стѣны, близъ городскихъ воротъ, которые назывались Ξυλόπορτα и были послѣдними отъ залива во Влахернскомъ углу, немного далѣе отъ города нынѣшнихъ воротъ Айванъ или Ейванъ-Серай Капи; здѣсь была пристань св. Мамонта, которая, конечно, и служила мѣстомъ стоянки для приходившихъ русскихъ кораблей,—названіе подворья или слободы, въ которомъ оно находилось, и пристани—отъ бывшаго здѣсь монастыря св. Мамонта). Иные изслѣдователи наши, какъ кажется, того мнѣнія, что въ договорѣ разумѣется только одна церковь пр. Иліи, именно—Кіевская. Но что въ самомъ договорѣ, а не въ припискѣ къ нему лѣтописца („посланіи же сли Игоремъ"), разумѣется церковь пр. Иліи Константинопольская, въ которую водима была для присяги христіанская часть пословъ Игоря, находившихся въ Константинополѣ, это совершенно ясно. Въ XIV вѣкѣ упоминается церковь Богородицы τῆς Βαραγγιωτίσσης, находившаяся за алтаремъ св. Софіи (*Миклоги.* Acta Patriarchat. Constantinop., I, 423), но должно ли понимать ея имя въ томъ смыслѣ, что она принадлежала Варягамъ, остается намъ неизвѣстнымъ (не разумѣется ли церковь Богородицы, упоминаемая въ 3-й Юстиніановой новеллѣ, гл. 1, какъ построенная нѣкоей Вириной, и Βαραγγιωτίσσης не вмѣсто ли Βηρινιωτίσσης?).

[2]) Какъ бы марки или билеты, удостовѣрявшіе личность. Объ употребленіи печатей въ смыслѣ знаковъ предъявленія см. во второй половинѣ тома, стрр. 516 и 517 (но при этомъ сн. еще то, что говоритъ Константинъ Порфирогенитъ въ De

какъ эти особаго рода виды были весьма неопредѣленны и ненадежны, то при заключеніи договора Греки потребовали, чтобы на будущее время послы и купцы приходили съ грамотами, въ которыхъ было бы прописываемо, сколько кораблей пришло въ караванѣ (и сколько на нихъ людей), и изъ которыхъ лучше была бы видна благонадежность предъявителей. Если Русскіе приняли это условіе, то ясно, что они уже въ состояніи были и не затруднялись завести у себя канцеляріи для письмоводства. Такой возможностію они, очевидно, обязаны были христіанамъ, которые могли принести съ собою знаніе грамоты и искусство письма изъ Константинополя.

Крещеніе св. Ольги.

Ольга, жена Игоря, была родомъ Варяжка, т.-е. еще такая же отдѣльная отъ Славянъ иностранка, какъ предшествующіе Варяги-христіане и какъ всѣ вообще Варяги временъ Игоря [1]). Преданія объ ея красотѣ и необыкновенномъ умѣ находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что Олегъ привелъ ее Игорю изъ Пскова [2]), гдѣ она была, вѣроятно, дочерью одного изъ намѣстниковъ или боярь [3]), т.-е. если

administ. imper., cap. 53, ed. Bonn. p. 251).—Въ договорѣ Олеговомъ съ Греками 911 г. говорится, что послы русскіе подписали грамоту договорную „своею рукою". Если подпись не состояла въ начертаніи какихъ-нибудь условныхъ знаковъ, а была настоящая подпись, то будетъ слѣдовать, что искусство письма до нѣкоторой степени было извѣстно Русскимъ уже во времена Олега (между послами могли умѣть писать немногіе или даже и всего одинъ, чтобы подписаться за всѣхъ).

[1]) Что Ольга была Варяжка, это, во-первыхъ, показываетъ ея Варяжское имя (Ольга вмѣсто Олега—женское имя изъ мужскаго Олегъ, которое употреблялось и въ формѣ Ольгъ,—прилагат. притяжат. Ольговичъ),—во-вторыхъ, это должно предполагать на томъ основаніи, что еще не ославянившемуся Игорю Олегъ не могъ взять въ жены Славянки (на семъ, конечно, послѣднемъ основаніи называютъ Ольгу Варяжкою и ея позднѣйшія житія,— пространное въ Степ. кн. I, 6, краткое у *преосв. Макарія*, Ист. т. I, изд. 2 стр. 276, cfr *Карамз.* 1, 78). А о мнѣніи покойнаго архим. Леонида, основанномъ на одномъ Каменевичѣ-Рвовскомъ XV вѣка, будто Ольга была не Варяжка, а Болгарка, изъ города Плескова не русскаго, а древняго болгарскаго (Русск. Старина, 1888 г. Іюль, т. LIX, стрр. 215—224) можетъ быть упомянуто развѣ только для курьёза.

[2]) Лѣтоп. подъ 903 г.

[3]) Позднѣйшее преданіе, что Ольга была отъ веси Выбутскія, что въ настоящее время есть село Выбутино или Лабутино, находящееся въ 12-ти верстахъ отъ Пскова вверхъ по рѣкѣ Великой, „еще граду Пскову (тогда) не сущу", и что она была отъ рода не княжеска и не вельможеска, но отъ простыхъ людей, — въ

Олегъ, обходя всѣхъ дочерей бояръ кіевскихъ, взялъ невѣсту со стороны, то ясно, что эта невѣста выдавалась и славилась своими качествами.

Событіе принятія Ольгою христіанства изъясняется такъ же просто, какъ просто предполагается внутреннее обращеніе къ нему ея мужа Игоря. Въ дружинѣ этого послѣдняго было весьма много Варяговъ христіанъ, пришедшихъ изъ Константинополя. Какъ женщина весьма умная, Ольга должна была обратить вниманіе на этихъ Варяговъ новой вѣры; съ своей стороны и сами Варяги, разчитывая на тотъ же умъ Ольги, естественно должны были мечтать сдѣлать ее своею прозелиткою. Проповѣдничество Варяговъ-христіанъ и имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Ольга рѣшилась стать христіанкою. (Мы знаемъ, что она была женщина не просто съ большимъ умомъ, но съ умомъ именно государственнымъ. Это обстоятельство должно было послужить къ тому, чтобы для лицъ, принявшихъ на себя заботу убѣждать ее въ истинности христіанства, на половину облегчить ихъ трудъ. Указаніе на то, что христіанство стало вѣрою почти всѣхъ народовъ Европы и во всякомъ случаѣ есть вѣра народовъ между ними лучшихъ, — указаніе на то, что и между собственными ея сородичами (Варягами) наконецъ началось сильное движеніе къ нему, по примѣру другихъ народовъ, не могли не подѣйствовать на умъ Ольги, дѣлая для нея необходимымъ заключеніе, что у людей лучшихъ и вѣра должна быть лучшею. Но, приведенная къ этому предположенію, Ольга на половину приближалась къ тому, чтобъ убѣдиться въ истинности и самаго христіанства.)

Открытою христіанкой Ольга сдѣлалась только послѣ смерти мужа, и то, вѣроятно, не тотчасъ (о чемъ ниже). Но необходимо предполагать, что внутреннею христіанкою она сдѣлалась еще при его жизни и даже задолго до его смерти. Христіане если не были въ Кіевѣ еще до Игоря, то во всякомъ случаѣ начали являться къ сему послѣднему съ самаго начала его правленія, ибо то великое множество ихъ, которое мы видимъ при немъ въ концѣ его правленія, не могло же нахлынуть вдругъ. Но невозможно представлять дѣло такъ, что Ольга въ продолженіи цѣлыхъ многихъ десятковъ лѣтъ, въ продолженіе почти цѣлаго полустолѣтія[1]) видѣла христіанъ и не обращала на нихъ

сейчасъ указанныхъ житіяхъ (которыя, записывая или сочиняя преданіе, упустили изъ виду то, что Варяги были господа и что изъ нихъ не могло быть простыхъ людей).

[1]) Игорь былъ женатъ на Ольгѣ въ 903 г., ум. въ 945 г..

вниманія, а потомъ вдругъ подъ старость обратила вниманіе, да и сдѣлалась христіанкою. Ставъ внутреннею христіанкою при Игорѣ, она не могла при немъ креститься по тѣмъ же причинамъ политическимъ, о которыхъ говорили мы выше. Если бы великій князь дозволилъ стать открытою христіанкою своей собственной женѣ, то это было бы знакомъ черезъ-чуръ явнаго потворства и благоволенія христіанамъ, т.-е. такимъ дѣйствіемъ, на которое онъ не могъ рѣшиться. Если бы Ольга умерла прежде Игоря, то предъ смертію она, конечно, крестилась бы тайно.

Въ исторіи Ольги до сихъ поръ остаются не рѣшенными вопросы: когда и гдѣ она крестилась. Наша лѣтопись говоритъ, что для принятія христіанства она путешествовала въ Константинополь, гдѣ крещена была патріархомъ, имѣвъ своимъ воспріемникомъ императора, и относитъ это событіе къ 955-му году. Изъ греческаго писателя Константина Порфирогенита мы несомнѣнно узнаемъ, что она была въ Константинополѣ въ 957-мъ году. Принимая извѣстіе лѣтописи о крещеніи Ольги въ Константинополѣ и поправляя годъ ея по Порфирогениту, обыкновенно думаютъ, что она крестилась въ Константинополѣ въ 957-мъ году. Но согласиться съ этимъ общепринятымъ мнѣніемъ представляются самыя рѣшительныя затрудненія. Въ 957-мъ году, когда Ольга пріѣзжала въ Константинополь, императоромъ греческимъ былъ тотъ самый Константинъ Порфирогенитъ, сынъ Льва Мудраго, который въ своемъ сочиненіи «Объ обрядахъ или церемоніяхъ Византійскаго двора» (Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως) описалъ пріемъ Ольги, сдѣланный ей въ Константинополѣ. Описывая этотъ пріемъ, Константинъ описываетъ то, что̀ было при немъ самомъ, и слѣдовательно есть свидѣтель вполнѣ достовѣрный и надежный. Но подробно описывая то, какъ Ольга была принимаема при дворѣ, Константинъ ни единымъ словомъ и ни единымъ намекомъ не даетъ знать, чтобы она пріѣзжала въ Константинополь для крещенія и дѣйствительно была тамъ крещена. Со времени Шлёцера (Несторъ въ русск. перев., III, 427), имѣющаго на своей сторонѣ и Карамзина (I, прим. 381), на это возраженіе принято отвѣчать тѣмъ, что въ книгѣ, назначенной единственно для описанія придворныхъ церемоній, каково помянутое сочиненіе, Константинъ не имѣлъ нужды говорить о крещеніи Ольги. Отвѣтъ однако чрезвычайно слабъ и никакъ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Во-первыхъ, если бы Ольга тогда крестилась въ Константинополѣ, то это дало бы мѣсто не только обыкновеннымъ, но еще совершенно особымъ, весьма рѣдко могущимъ слу-

читься, придворнымъ церемоніямъ, и слѣдовательно Константинъ не только долженъ былъ бы упомянуть о нихъ, но и описать ихъ съ особою и нарочитою тщательностію. Во-вторыхъ, если предположить,— что однако совершенно невѣроятно, да никто и не предполагаетъ,— что Константинъ имѣлъ намѣреніе описать церемонію крещенія въ особомъ сочиненіи, то во всякомъ случаѣ необходимо было бы ожидать, что онъ, отсылая за подробностями къ этому особому сочиненію, упомянетъ о немъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, кратко, въ двухъ-трехъ словахъ, что необходимо требовалось послѣдовательностію и полнотою рѣчи. Наконецъ, въ-третьихъ, Константинъ совершенно ясно даетъ знать, что Ольга прибыла въ Константинополь уже крещенною. Описывая пріемы, сдѣланные ей при дворѣ, онъ ясно даетъ знать, что начинаетъ съ самаго перваго пріема [1]); но на этомъ пріемѣ является уже ея священникъ: очевидно, что она прибыла въ Константинополь уже христіанкою.

Итакъ, невозможно принимать, чтобы Ольга крестилась въ Константинополѣ въ свой пріѣздъ въ него въ 957-мъ году; напротивъ того, необходимо думать, что она крестилась когда-то прежде. Гдѣ же и когда?

Что касается до «гдѣ», то представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что она крестилась въ Кіевѣ, а не въ Константинополѣ. Правда, греческіе лѣтописцы Кедринъ и Зонара [2]), нашъ русскій сказатель монахъ Іаковъ [3]) и одинъ западный лѣтописецъ [4]) говорятъ согласно съ нашею лѣтописью, что Ольга крестилась въ Константинополѣ. Но допустить это значитъ принимать два путешествія Ольги въ Константинополь: одно въ 957-мъ году, когда она была уже крещенною, другое когда-то прежде для крещенія. Принять же два путешествія не весьма легко; во-первыхъ, эти путешествія, кромѣ ихъ трудности и даже опасности (отъ кочевниковъ, сидѣвшихъ на низовьяхъ Днѣпра) должны были обходиться черезчуръ дорого, и, удовлетворивъ своему любопытству видѣть столицу міра одинъ разъ, Ольга (о которой прямо остались преданія, какъ о женщинѣ очень эконом-

[1]) Онъ ясно даетъ знать это тѣмъ, что первый описанный у него пріемъ ея есть пріемъ въ аудіенцъ-залѣ при посредствѣ министра иностранныхъ дѣлъ (см. ниже).

[2]) *Stritt.* Memorr. popp. II, 976.

[3]) Въ Памяти и похвалѣ Владиміру, см. въ приложеніяхъ къ слѣдующей главѣ.

[4]) См. въ приложеніяхъ къ этой главѣ.

ной) едва ли захотѣла бы ѣхать въ нее въ другой разъ; во-вторыхъ, какъ мы увидимъ сейчасъ ниже, слѣдуетъ думать, что она крестилась не особенно задолго до 957-го года, но предполагать, чтобы она совершила двѣ поѣздки въ Константинополь въ небольшой промежутокъ времени, было бы очень невѣроятно. Что касается до поздняго, записаннаго у вышеуказанныхъ писателей, мнѣнія, будто Ольга крестилась въ Константинополѣ, то оно легко могло возникнуть, являясь какъ естественное предположеніе, что она именно затѣмъ путешествовала въ Константинополь, чтобы въ столицѣ христіанскаго міра принять крещеніе отъ руки вселенскаго патріарха [1]). Какъ однако не велика естественность этого предположенія въ дѣйствительности, мы очень хорошо знаемъ изъ того, что въ Константинополѣ не имѣлъ никакой охоты креститься и самъ Владиміръ. Рождается, конечно, вопросъ: зачѣмъ же Ольга ѣздила въ Константинополь въ 957-мъ году, если не для крещенія? Отвѣтъ на него очень простъ: затѣмъ, чтобы удовлетворить своему любопытству видѣть столицу христіанскаго и образованнаго міра, затѣмъ, чтобы видѣть баснословно-великолѣпный *Царь*городъ, чтобы видѣть жизнь и бытъ тѣхъ царей, которые, именуясь повелителями вселенной, хотя тогда уже и не повелѣвали ею, но все еще сохраняли свое прежнее обаяніе; а наконецъ, затѣмъ, что вмѣстѣ можетъ быть предполагаемо и какъ главное, чтобы въ столицѣ христіанства лучше научиться этому послѣднему [2]).

Что касается до «когда», то представляется вѣроятнымъ думать, что Ольга послѣ смерти Игоря оставалась некрещенною до тѣхъ поръ, пока была за малолѣтняго Святослава правительницей государства и продолжала оставаться лицомъ въ государствѣ оффиціальнымъ, и что она крестилась только послѣ того, какъ, нашедъ возможность сложить съ себя оффиціальное регентство, отошла по крайней мѣрѣ формальнымъ образомъ въ частную жизнь, послѣ чего народъ уже не имѣлъ права спрашивать съ нея за ея поступки.

---

[1]) Западный лѣтописецъ (продолжатель Регинова) былъ не поздній писатель, а непосредственный современникъ. Но его уравниваетъ съ поздними слишкомъ большая отдаленность отъ Россіи. Несовершенная обстоятельность его свѣдѣній видна изъ того, что онъ считаетъ Ольгу крещенною при императорѣ Романѣ (959—963 г.).

[2]) Очень можетъ быть, что христіанское имя Елены Ольга приняла въ честь супруги тогдашняго императора Константина Порфирогенита, которая также называлась Еленою. Но заключать изъ этого, чтобы она крестилась въ Константинополѣ, нѣтъ основанія. И Владиміръ назвался въ христіанствѣ Василіемъ по современному ему императору греческому.

Святославъ родился въ 942-мъ году [1]), слѣдовательно полнаго мужества не достигъ и въ 957-мъ году, когда Ольга несомнѣнно была уже крещенною. Какой годъ возраста принимать за неполное мужество, которое въ то время почиталось совершеннолѣтіемъ гражданскимъ, — прямыхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ или, по крайней мѣрѣ, не знаемъ. Полагая, что таковой годъ долженъ быть считаемъ не ранѣе, какъ съ 10-го, мы получимъ, что Ольга крестилась въ промежутокъ между 952—957 годами. Монахъ Іаковъ и вслѣдъ за нимъ позднѣйшіе жизнеописатели Ольги, говорятъ, что она пожила въ христіанствѣ 15 лѣтъ [2]), слѣдовательно, по Іакову, который относитъ ея смерть, также какъ и лѣтопись, къ 969-му году, она крестилась въ 954-мъ году. Много ниже мы увидимъ, что этотъ монахъ Іаковъ заслуживаетъ въ своихъ лѣтописныхъ показаніяхъ всей нашей вѣры; а потому, съ весьма большею вѣроятностію и со всѣмъ правомъ и можно остановиться на его годѣ [3]).

На вопросы: во-первыхъ, почему Ольга, бывъ послѣ смерти Игоря правительницей государства, не крестила народа, и во-вторыхъ, почему не крестила Святослава, когда этотъ былъ дитятей и еще не выходилъ изъ повиновенія, — отвѣты нами даны въ томъ, что сказано выше. По причинамъ политическимъ, потому что она не находила возможнымъ сдѣлать ни того, ни другого. Что касается въ частности до Святослава, то она, конечно, могла распоряжаться имъ какъ сыномъ, но не могла распоряжаться имъ какъ княземъ.

Монахъ Іаковъ сообщаетъ нѣсколько загадочное извѣстіе, что Ольга послѣ возвращенія изъ Константинополя, гдѣ онъ полагаетъ ея крещеніе, сокрушила идольскія требища [4]). Такъ какъ она не сокрушала, потому что не могла сокрушать, общественныхъ идольскихъ требищъ, то приведенное извѣстіе монаха Іакова, въ случаѣ, если оно вѣрно, необходимо понимать такъ, что она уничтожила требища

---

[1]) Лѣтоп. Ипатьевск., Воскр., Соф. Врем. Пропускъ извѣстія о годѣ рожденія Святослава въ лѣтописи Лаврентьевской, который могъ быть просто случайнымъ, происшедшимъ по винѣ переписчика или редактора, нисколько не говоритъ противъ его достовѣрности въ лѣтописи Ипатьевской.

[2]) Іакова см. ibid.; житія—у преосв. *Макарія*, Ист. т. I, изд. 2 стр. 77, и въ Степ. кн., I, 34.

[3]) Въ лѣтописи, какъ мы сказали, путешествіе Ольги въ Константинополь положено подъ 955 г., тогда какъ въ дѣйствительности оно было въ 957 г. Можно думать, что позднѣйшая легенда записана въ лѣтописи подъ тѣмъ годомъ, подъ которымъ стояла въ ней подлинная запись о крещеніи Ольги.

[4]) „Възвратися въ землю Рускую... и потомъ требища сокруши".

въ тѣхъ дворцахъ и помѣстьяхъ, которые составляли ея частную собственность. Если считать помянутое извѣстіе вѣрнымъ, то будетъ совершенно вѣроятнымъ сдѣлать еще одно предположеніе, именно—что Ольга, не имѣя возможности заботиться о распространеніи христіанства въ народѣ, по крайней мѣрѣ, заботилась объ его распространеніи въ своемъ домѣ, — между своими собственными придворными и между своею собственною прислугою и челядью.

Есть извѣстія, что Ольга строила церкви, именно—что она построила церковь св. Софіи въ Кіевѣ и что будто она оставила деньги на построеніе церкви св. Троицы во Псковѣ, который при ней, по подлежащему сказанію, еще не существовалъ и явился уже послѣ. Относительно перваго извѣстія дѣло само по себѣ не представляло бы ничего невѣроятнаго и невозможнаго. Ольга не распространяла христіанства въ народѣ и потому не имѣла нужды и побужденій строить церквей для народа; но въ Кіевѣ были многіе Варяги-христіане, которые нуждались въ церквахъ и уже имѣли ихъ: отчего же бы она—Ольга, удовлетворяя нуждѣ и побуждаемая благочестивымъ усердіемъ, не могла построить въ Кіевѣ для Варяговъ къ прежнимъ церквамъ одну или нѣсколько новыхъ? Однако, если дѣло таково само по себѣ, то положительное извѣстіе о построенной ею въ Кіевѣ церкви довольно сомнительно; его представляетъ собою запись въ святцахъ одного апостола начала XIV вѣка подъ 11 Мая, которая читается: «въ тъ (той) же день священіе святыа Софья (въ) Кыевѣ въ лѣто 6460» [1]). Относительно года, который отъ Р. Х. есть 952-й, во всякомъ случаѣ — небольшая ошибка, потому что въ этомъ послѣднемъ году Ольга еще не была крещена; а такъ какъ въ записи прямо не сказано, что освященіе Ольгиной церкви, то весьма возможно подозрѣвать ошибку и большую и разумѣть запись о Софіи Ярославовой (или же о Десятинной церкви Владимировой, о чемъ см. ниже). Что касается до денегъ на построеніе Псковской церкви св. Троицы, о чемъ говоритъ житіе Ольги, составленное въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ [2]), которое повѣствуетъ, что разъ Ольга прибыла близь рѣки Великія, гдѣ былъ тогда великій лѣсъ и многія дубравы, что, видѣвъ на мѣстѣ видѣніе, она предрекла построеніе на немъ города Пскова и въ послѣднемъ церкви св. Троицы и что потомъ возвратившись въ Кіевъ «посла много злата на Плескову рѣку (кому?) на созданіе церкви Святыя Троицы»: то мы полагаемъ, что это извѣстіе не заслуживаетъ

---

[1]) Опис. Синодд. ркпп. *Горск. и Невостр.*, №№ 45—47, стр. 314.

[2]) Въ Степ. кн., I, 31.

того, чтобы быть подвергаемымъ критикѣ [1]). Строила или не строила Ольга общественныя церкви для Варяговъ въ Кіевѣ, но необходимо думать, что она строила домовыя церкви для самой себя. Гдѣ эти послѣднія церкви были построены и въ какомъ числѣ, это пока остается, а вѣроятно и навсегда останется неизвѣстнымъ [2]).

На третій годъ послѣ своей поѣздки въ Константинополь, т.-е. въ 959-мъ году, Ольга посылала посольство къ Нѣмецкому королю (впослѣдствіи императору) Оттону I или Великому. Фактъ этого посольства, о которомъ не знаетъ или, по крайней мѣрѣ, не упоминаетъ нашъ лѣтописецъ, но о которомъ говорятъ многіе лѣтописцы западные, не подлежитъ сомнѣнію; несомнѣнно также и то, что оно было отъ нашей Кіевской Ольги, которую помянутые лѣтописцы называютъ христіанскимъ именемъ Елены, а не отъ кого-либо другаго [3]). Но за-

---

[1]) Болѣе древнее проложное житіе Ольги говоритъ только, что она провидѣла и предрекла построеніе Псковской церкви св. Троицы (у преосв. *Макарія* въ Ист., т. I, изд. 2 стр. 277).

[2]) Никоновская лѣтопись (I, 54) говоритъ объ Ольгиномъ селѣ Будутинѣ (въ которое она будто бы сослала мать Владиміра Малушу, о чемъ сдѣлаемъ замѣчаніе ниже). Если это Будутино есть одно и тоже съ Выбутинымъ, о которомъ немного выше: то можно предполагать, что въ этомъ своемъ селѣ Ольга дѣйствительно построила церковь и что преданіе о семъ построеніи и послужило поводомъ для легенды о деньгахъ на Псковскую церковь св. Троицы. По Никоновской лѣтописи, Ольга умираючи даде это село святѣй Богородицы (ibidd.). Такъ какъ совершенно возможно то, что Ольга строила для Варяговъ общественныя церкви; такъ какъ несомнѣнно, что со стороны Святослава не могло быть препятствій, чтобы она давала церквамъ имѣнія (см. ниже): то и нельзя рѣшительнымъ образомъ объявлять извѣстія за вымыслъ. Какъ единственно вѣроятное мѣсто этой возможной церкви долженъ быть предполагаемъ Кіевъ.

[3]) На томъ основаніи, что часть лѣтописцевъ и оффиціальный документъ Оттона называютъ народъ, отъ котораго прислано было посольство, Ругами,— Rugi, нѣкоторые (и въ томъ числѣ *Карамзинъ*, I, прим. 395) хотятъ разумѣть Руговъ — жителей острова Рюгена (тоже Славянъ). Но если у одной части лѣтописцевъ народъ называется Rugi, то у другой части, и въ томъ числѣ у имѣющаго въ данномъ случаѣ весьма большой авторитетъ, Титмара Мерзебургскаго (Chronic., lib. II, n. 14, у *Миня* въ Patrol. t. 139, p. 1212), gens Russiae, а между тѣмъ невозможность разумѣть дѣйствительныхъ Руговъ очевидна изъ словъ лѣтописцевъ о приславшей пословъ: Helena regina, quae Constantinopoli baptizata erat, ибо, во-первыхъ, не только весьма трудно предположить, что у Руговъ могла быть княгиня, которая поѣхала бы искать крещенія въ Константинополь, но и положительно извѣстно, что въ данное время такой княгини не было,—во-вторыхъ, западные лѣтописцы никогда не назвали бы княгиню Руговъ regina (королева). Была на западѣ нѣкая Hroswitha, иначе Helena von Rossow, монахиня одного монастыря, происходившая изъ благородной, можетъ быть, княжеской Бранденбургской фамиліи, со-

тѣмъ вопросъ: для чего было посылано посольство, долженъ навсегда остаться неразрѣшимою загадкою, если только не объяснять дѣла какія-нибудь новыя, пока неизвѣстныя, свидѣтельства. Западные лѣтописцы говорятъ, что Ольга присылала просить епископа и священниковъ, что вслѣдствіе просьбы поставленъ былъ въ 960-мъ году въ епископы Русскіе Либуцій, изъ братства монастыря св. Альбана близъ Майнца, но что когда онъ, не успѣвъ отправиться, умеръ въ началѣ слѣдующаго 961-го года, то на его мѣсто въ томъ году поставленъ былъ другой—Адальбертъ изъ братства монастыря св. Максимина въ Трирѣ (бывшій впослѣдствіи съ 968-го года архіепископомъ Магдебургскимъ). Но оказалось, по словамъ лѣтописцевъ, что посольство было прислано лживымъ и коварнымъ образомъ и что Русскіе солгали во всемъ. Прибывшій къ нимъ епископъ долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться назадъ (и притомъ такъ, что на возвратномъ пути онъ едва спасъ свою жизвь, а нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты) [1].

Самое вѣроятное объясненіе этого, совершенно загадочнаго, посольства есть слѣдующее: Ольга присылала къ королю вовсе не за тѣмъ, чтобы просить епископа и священниковъ, а за чѣмъ-то другимъ, намъ неизвѣстнымъ [2]); но Оттонъ I, извѣстный ревностный распространитель христіанства, и именно—распространитель его между Славянами [3]), пользуясь случаемъ посольства, рѣшилъ отправить къ Рус-

---

стоявшая въ родствѣ съ императоромъ Оттономъ и бывшая въ Константинополѣ, въ которомъ выучилась греческому языку (знаменитая стихотворица своего времени); но видѣть въ этой Еленѣ, какъ хотятъ нѣкоторые, Елену лѣтописцевъ—въ высшей степени странно. Regina никогда не будетъ означать только женщину, происходившую, можетъ быть, изъ княжеской фамиліи; von Rossow есть личное прозваніе (родовая фамилія), а всѣ лѣтописцы говорятъ о народѣ Ругахъ или Руссахъ, и притомъ какъ изъ von Rossow явилось бы у нихъ Rugi, Russia? Наконецъ, какой смыслъ будетъ этого посольства отъ княгини-монахини къ королю за епископомъ и пресвитерами (и съ какой стати записали бы о немъ лѣтописцы)? Почему нѣкоторые лѣтописцы и самъ Оттонъ называютъ Русскихъ Ругами, удовлетворительно объяснить не беремся; полагаемъ, просто потому, что на Западѣ не было хорошо извѣстно наше имя (cfr выше о томъ, что на Западѣ Норманны не назывались Руссами) и что такимъ образомъ въ названіи допущена ошибка.

[1]) Нѣкоторые изъ лѣтописцевъ (Ламбертъ) представляютъ дѣло такъ, что епископъ едва убѣжалъ живой изъ самой столицы Русской. Но это, очевидно, неточность.

[2]) Можетъ быть, просто за тѣмъ, за чѣмъ сама ѣздила въ Константинополь: собрать и получить нѣкоторыя свѣдѣнія о Западѣ.

[3]) Оттонъ I извѣстенъ тѣмъ, что для распространенія христіанства между окончательно побѣжденными имъ Славянами Полабскими (отъ Лабы—Ельбы) или

скимъ непрошеннаго епископа; лѣтописцы не знали дѣла обстоятельно, но такъ какъ епископъ былъ посланъ послѣ посольства, то и заключили, что онъ былъ посланъ вслѣдствіе этого послѣдняго (post hoc, ergo propter hoc). Къ крещенной Ольгѣ Оттонъ посылалъ епископа, конечно, затѣмъ, чтобы перезвать ее отъ патріарха Константинопольскаго къ своему папѣ Римскому.

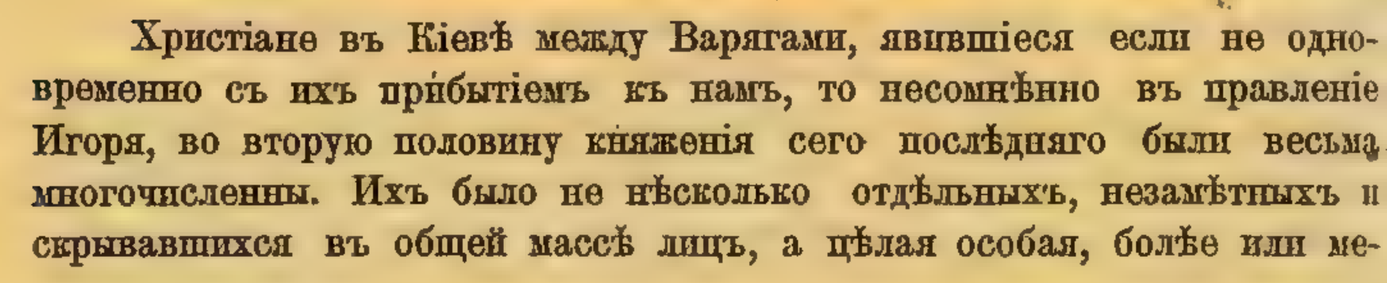
Такъ какъ церкви Греческая и Римско-католическая, въ дѣйствительности давно бывъ отдѣльными церквами, формально еще продолжали тогда составлять одну православную церковь, ибо окончательное раздѣленіе произошло между ними послѣ; такъ какъ далѣе новокрещенная Ольга могла быть только христіанкою, но не могла сдѣлаться ни сторонницею Греческой половины церкви, ни противницею половины Римской, то само по себѣ не представлялось бы совершенно невѣроятнымъ и то, что она посылала къ Оттону просить у него епископа. Но это предположеніе представляется именно совершенно невѣроятнымъ въ виду того, что епископъ былъ Ольгѣ вовсе не нуженъ. Сама принявъ христіанство, она не хотѣла, потому что не имѣла возможности, распространять его въ народѣ: на что̀ же стала бы она просить епископа? Притомъ и сами западные лѣтописцы говорятъ, что посольство было прислано лживымъ образомъ, т.-е. что Ольга вовсе не имѣла дѣйствительнаго желанія получить епископа.

Св. Ольга скончалась въ преклонной старости, будучи лѣтъ 70-ти—75-ти, въ 969-мъ году. Предъ смертію она заповѣдала не творить надъ собою тризны, т.-е. не совершать общественныхъ языческихъ игръ, которыя были совершаемы на могилахъ умершихъ князей и вообще знатныхъ лицъ. Бывъ похоронена по христіански [1])

Балтійскими основалъ шесть епископій (Магдебургскую и Мейссенскую на р. Ельбѣ, Мерзебургскую на Салѣ, Цейцкую на Ельстерѣ, Гавельбергскую при впаденіи Гавеля въ Ельбу и Бранденбургскую въ верховьяхъ послѣдней рѣки) и что изъ шести этихъ епископій онъ образовалъ особую Славянскую митрополію (Магдебургскую, первымъ на каѳедрѣ которой былъ помянутый Адальбертъ).

[1]) Лѣтописецъ говоритъ: „и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи прозвутера и тъ(ой) похорони блажену Ольгу“. Такъ какъ во-первыхъ, весьма вѣроятно предполагать, что Ольга имѣла не одного домоваго священника, а нѣсколькихъ, и такъ какъ, во-вторыхъ, кромѣ ея домовыхъ священниковъ, были въ то время въ Кіевѣ общественные и домовые священники у Варяговъ-христіанъ, то дѣло о похоронахъ должно быть представляемо не такъ, какъ представляетъ его лѣтописецъ: Ольга была похоронена не однимъ, а многими священниками (конечно, всѣми бывшими въ Кіевѣ, и не тайно, какъ это, кажется, хочетъ дать знать лѣтописецъ, а открыто и торжественно, къ чему препятствій со стороны Святослава не могло быть).

она была положена гдѣ-то въ особомъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, на дворѣ или въ саду одного изъ своихъ дворцовъ. Св. Владимиръ послѣ своего крещенія перенесъ мощи ея въ построенную имъ Десятинную церковь, гдѣ онѣ положены были въ небольшой каменной ракѣ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что память первой христіанки, предтекшей общему крещенію, какъ денница солнцу, Русскіе люди начали чтить съ самаго перваго времени; но когда она формально была причислена къ лику святыхъ и когда установлено было празднованіе ея памяти, это остается положительно неизвѣстнымъ, и едва ли уже при Владимірѣ, какъ обыкновенно думаютъ, и даже едва ли еще въ періодъ домонгольскій (cfr ниже, — лѣтописецъ и монахъ Іаковъ говорятъ только, что въ ихъ время была весьма чтима память Ольги, но не говорятъ ясно, чтобы она была празднуема).



Отъ Игоря до Владимира.

Христіане въ Кіевѣ между Варягами, явившіеся если не одновременно съ ихъ прибытіемъ къ намъ, то несомнѣнно въ правленіе Игоря, во вторую половину княженія сего послѣдняго были весьма многочисленны. Ихъ было не нѣсколько отдѣльныхъ, незамѣтныхъ и скрывавшихся въ общей массѣ лицъ, а цѣлая особая, болѣе или ме-

---

[1]) О перенесеніи мощей Ольги Владиміромъ въ Десятинную церковь ясно говорятъ только позднѣйшія ея житія (проложныя у преосв. *Макарія* въ Ист. т. I, изд. 2 стрр. 87 и 277, пространное въ Степ. кн. I, 35). Но послѣ Владимира мы дѣйствительно находимъ ея мощи въ Десятинной церкви (монахъ Іаковъ въ Памяти и Похвалѣ Владимиру или кто-то древній, сдѣлавшій у него вставку), а потому, всего вѣроятнѣе приписывать ихъ перенесеніе сюда именно ему. Подъ 1007-мъ г. въ Лаврент. лѣтописи не ясно записано: „перенесени святіи въ святую Богородицю"; но не особенно вѣроятно разумѣть это о перенесеніи мощей Ольги, ибо въ Ипатьевской лѣтописи вмѣсто „перенесени" читается „принесени", а въ нѣкоторыхъ другихъ опредѣленно: „принесены святыя иконы" (Кенигсб., при чемъ Татищевъ, II, 89, и Карамзинъ, I, 138, весьма правдоподобно подразумѣваютъ: изъ Греціи). Въ нашествіе Монголовъ мощи были сокрыты подъ спудомъ въ церкви; въ XVII в., по преданію, онѣ были открыты Петромъ Могилою, а въ XVIII в. снова сокрыты, по не совсѣмъ вразумительной причинѣ, въ неизвѣстномъ мѣстѣ (преосв. *Макарія* Ист. т. I, изд. 2 стр. 87). Въ родѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ хранится портретъ Ольги, писанный по преданію живописцемъ Константина Багрянороднаго послѣ ея крещенія, на которомъ читается греческая подпись: ἡ τοῦ γένους Ῥῶς δεσπηνά, ἐποίησε Γρηγόρως ὁ Ζογραφὸς Κωνσταντίνου τοῦ Πορφιρογενήτου (*Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи*, изд. *Говорскаго*, 1862 г. кн. 2, августъ, отд. IV, стр. 122). Это значитъ, что почтенные князья слишкомъ вдались въ обманъ какого-то ловкаго Грека.

нѣе значительная община, которая, существуя открыто и свободно рядомъ съ господствующимъ язычествомъ, имѣла всѣ принадлежности вполнѣ организованнаго религіознаго общества,—церкви и священниковъ. Такимъ образомъ, во вторую половину княженія Игоря христіанство является вполнѣ водворившимся въ Кіевѣ, какъ вѣра частная. Что же сталось съ нимъ у насъ потомъ? Послѣ Игоря историки наши ничего не говорятъ о немъ до Владимира, иначе сказать, молча предполагаютъ, что послѣ перваго изъ нихъ оно изчезло и что его существованіе было не болѣе какъ мимолетнымъ эпизодомъ. Мы уже говорили выше, что въ дѣйствительности дѣло должно быть представляемо вовсе не такъ. Весьма немного имѣемъ мы положительныхъ свидѣтельствъ, но само собою необходимо предполагать, что послѣ Игоря христіанство въ Россіи не изчезало, что оно продолжало оставаться въ ней, все въ томъ же положеніи многочисленной и вполнѣ организованной религіозной общины, отъ самой смерти Игоря до самаго крещенія Владимира, и что такимъ образомъ это христіанство Россіи, предшествующее крещенію послѣдняго, имѣетъ болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ непрерывнаго существованія.

Послѣ смерти Игоря (въ 945-мъ году) за малолѣтняго Святослава [1]) правительницей государства стала мать его Ольга. Въ это время она была внутреннею христіанкой, ибо таковою сдѣлалась, какъ необходимо предполагать, еще задолго до смерти мужа. Какимъ же долженствовало быть при ней положеніе христіанъ? Очевидно, что оно ни малѣйше не могло измѣниться къ худшему. Пока Ольга оставалась правительницей государства, она не только не находила возможнымъ распространять христіанство между своими подданными, но и сама не рѣшилась креститься. Изъ сего ясно, что объ ея совершенно явномъ и совершенно рѣшительномъ покровительствѣ христіанству не можетъ быть рѣчи. Но, конечно, она уже не была его гонительницей и, на сколько возможно было въ ея положеніи, оказывала ему самыя усердныя покровительство и поддержку тайныя. Слѣдовательно, не было никакихъ причинъ, чтобы въ малолѣтство Святослава и въ продолженіе регентства Ольги число христіанъ въ Кіевѣ уменьшилось противъ времени Игорева, и чтобы въ ихъ положеніи, сравнительно съ прежнимъ, произошло какое-нибудь ухудшеніе. Нужно только думать, что число христіанъ не прибывало, а отчасти, можетъ быть, даже и убывало, внѣшнимъ путемъ. Спеціальнымъ ремесломъ Варяговъ

---

[1]) Родился, какъ мы сказали, въ 942-мъ году.

была война, и они стремились туда, гдѣ стучали оружіемъ; но въ Кіевѣ, въ правленіе женщины, конечно, замолкли эти, имѣвшіе силу скликать ихъ, бранные звуки. Очень можетъ быть поэтому, что при Ольгѣ не продолжался наплывъ Варяговъ, а въ числѣ ихъ и христіанъ, въ Кіевъ изъ Константинополя. Очень можетъ быть даже, что нѣкоторые Варяги, и въ томъ числѣ христіане, по вышеуказанной причинѣ, т.-е. не желая сидѣть сложа руки, удалились при Ольгѣ изъ Кіева въ Константинополь или вообще искать счастія по бѣлу свѣту.

Неизвѣстно, когда въ промежутокъ годовъ 952—957 (см. выше) Ольга сложила съ себя регентство и правителемъ государства сталъ самъ князь Святославъ. Но, ставъ оффиціальнымъ образомъ правителемъ государства, Святославъ еще долгое время находился въ такомъ возрастѣ, что не могъ выходить изъ повиновенія матери и что послѣдняя, переставъ быть оффиціальною правительницею государства, должна была оставаться таковою на дѣлѣ. Лѣтопись даетъ намъ знать, что Святославъ началъ дѣйствовать самостоятельно съ 964-го года, когда ему исполнилось 22 года [1]). Слѣдовательно, положеніе христіанъ въ Кіевѣ до этого 964-го года оставалось все тѣмъ же, совершенно для нихъ благопріятнымъ, какъ и прежде, начиная со второй половины княженія Игоря.

Послѣ регентства Ольги оффиціальнаго и неоффиціальнаго настало собственное правленіе Святослава. Отецъ его Игорь былъ внутреннимъ христіаниномъ, мать стала открытою христіанкою: но сынъ въ этомъ отношеніи вышелъ ни въ отца ни въ мать. Святославъ былъ въ ряду нашихъ князей послѣдній Варягъ и въ то же время варяжскій рыцарь въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Не думая нисколько о государствѣ и совершенно бросивъ его на произволъ судьбы, онъ мечталъ только о томъ, чтобы сравняться въ славѣ съ своими норманнскими предками, чтобы искать единственно военныхъ приключеній и военныхъ доблестей. Стремленіе къ славѣ предковъ естественно должно было тѣснымъ образомъ связывать его и съ ихъ религіей и съ ихъ преданіями, которыя именно были религіей и преданіями героевъ. Святославъ не только не могъ бросить ихъ и промѣнять на христіанство, но напротивъ тѣмъ болѣе долженъ былъ стать ихъ ревностнымъ приверженцемъ, чѣмъ болѣе стремился возстановить въ себѣ и въ своей дружинѣ старыхъ славныхъ Норманновъ, ибо одно съ

---

[1]) Лѣтопись подъ 964 г.: „Князю Святославу возрасшу и возмужавшу, нача вои совокупляти многи и храбры“...

другимъ было нераздѣльно. Изъ язычника по рожденію Святославъ долженъ былъ стать горячимъ язычникомъ по убѣжденію и по принципу, какъ представитель старины, какъ носитель тѣхъ дѣдовскихъ идеаловъ, которые не имѣли совершенно ничего общаго съ христіанскимъ. Это послѣднее заповѣдуетъ продолжительныя молитвы, посты, послушаніе божественныхъ писаній, дѣла милосердія и нищелюбія, воздержаніе отъ пролитія крови человѣческой[1]); все это должно было казаться дикимъ истому рыцарю и ни малѣйше несовмѣстимымъ съ тѣмъ, къ чему стремились его помыслы,—и христіанство должно было стать въ глазахъ Святослава религіей смѣшною и достойною презрѣнія, назначенною совсѣмъ для иного рода людей[2]).

Такимъ образомъ, Святославъ былъ человѣкъ, не имѣвшій ни малѣйшей охоты и наклонности покровительствовать христіанству. Изъ этого однако вовсе и нисколько не слѣдуетъ того, чтобы при немъ оно должно было прекратить свое существованіе въ Кіевѣ. Святославъ былъ язычникъ, и какъ таковой, онъ не могъ быть гонителемъ христіанства. По представленіямъ всякаго язычника не одна вѣра должна господствовать во всемъ мірѣ, какъ единая истинная, а міръ долженъ быть раздѣленъ, какъ онъ и на самомъ дѣлѣ видитъ, между многими и разнообразными, одинаково истинными, вѣрами[3]). Язычникъ будетъ находить извѣстную вѣру совсѣмъ себѣ не по вкусу и не по сердцу, но тѣмъ не менѣе онъ не перестанетъ находить ее одинаково истинною и имѣющею одинаковое право существованія со всѣми дру-

---

[1]) (Патріархъ) „заповѣда (Ольгѣ) о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостини и о воздержаніи тѣла въ чистотѣ",—легенда о крещеніи Ольги.

[2]) Польскіе историки совершенно правдоподобно влагаютъ въ уста Батыя отвѣтъ посламъ папы, приглашавшимъ хана креститься: „не полезно есть храброму народу креститися, иже любятъ кровь проливати, а христіане понеже сего возбраняютъ, сего ради не суть храбри на брани", см. нашу Густинскую лѣтопись въ Собр. лѣтоп. II, 341. Въ романѣ Майнъ-Рида „Есперанса" мы встрѣтили разсказъ, не знаемъ — списанный ли съ дѣйствительности, но вѣрный ей теоретически, что Индіанка-христіанка убѣждаетъ мужа-язычника стать христіаниномъ и что послѣдній отвѣчаетъ: „мой богъ—богъ брани и крови, который любитъ только храбрецовъ"... Не въ области вѣроятнаго, а дѣйствительнаго извѣстно, что подобное приведенному выше отвѣчалъ франкскій король Хлодовикъ на первыя увѣщанія къ нему принять христіанство (Неандеръ, Герике).

[3]) „Es war allgemeiner Grundsatz des Alterthums (язычниковъ древности), dass die Götter selbst in jedem Lande die besondere Art ihrer Verehrung angeordnet hätten". *Giesler*, Kirchengesch., I, 1, § 12. Вмѣстѣ съ нѣмцемъ Гизелеромъ см. нашего Зиновія Отенскаго въ „Истины показаніи", Казанск. изд. стр. 394.

гими вѣрами; язычникъ будетъ даже презирать извѣстную вѣру и смѣяться надъ нею, но все-таки не перестанетъ считать ее истинною, только назначенною для низшихъ, чѣмъ онъ самъ, людей. Вслѣдствіе этого язычникъ, какого бы ни былъ худаго мнѣнія объ извѣстной вѣрѣ и какое бы ни питалъ къ ней нерасположеніе, все-таки не будетъ гнать ее: лучшія и худшія вѣры, по его воззрѣніямъ, всѣ одинаково отъ одного и того же Бога, и только назначены для лучшихъ и худшихъ людей. Единственный случай, когда онъ можетъ поднять гоненіе на другую вѣру, это—тогда, когда другая вѣра будетъ явно и рѣшительно посягать на его собственную, когда будетъ вести на счетъ послѣдней открытую пропаганду [1]). По всему сказанному, Святославъ,

[1]) Все сказанное нами, повидимому, рѣшительно опровергается тѣмъ, что языческіе римскіе императоры жестоко преслѣдовали первенствующихъ христіанъ. Однако это вовсе не такъ. Языческіе римскіе императоры видѣли въ первенствующемъ христіанствѣ не *существующую народную* религію, а нововозникающую и нововымышляемую, весьма вредную и ненавистную, религіозно-политическую секту (со стороны религіозной христіанство въ ихъ глазахъ было exitiabilis superstitio, Tacit. Annal., lib. XV, c. 44; со стороны политической христіане для нихъ были publici hostes, Tertull. Apologet., cap. 2). Проповѣдники христіанства, одушевляемые сознаніемъ его истинности, старались распространять его въ мірѣ, несмотря ни на какія препятствія, но по этому самому римскіе императоры считали своею обязанностію подавлять его всѣми зависящими отъ нихъ средствами. О совершенной терпимости языческихъ римскихъ императоровъ, преслѣдовавшихъ христіанство, ко всѣмъ *существовавшимъ народнымъ* религіямъ свидѣтельствуетъ ихъ Пантеонъ, который былъ посвященъ богамъ всего міра (и такъ называемый ихъ позднѣйшій въ религіи синкретизмъ; да припомнитъ также читатель, что Аѳиняне временъ апостола Павла чтили боговъ міра не только вѣдомыхъ, но и невѣдомыхъ). О терпимости къ христіанству именно Норманновъ и объ ихъ взглядахъ на религіи именно совершенно такихъ, какіе мы усвояемъ Святославу и вообще язычникамъ, см. *Римбертово* житіе св. Ансгарія (§§ 9, 11, 14, 19, 24, *26*, *27*, *30*, — подчекнутые §§, въ которыхъ взгляды; во время всей миссіонерской дѣятельности Ансгарія часть народа только одинъ разъ возстала противъ проповѣдниковъ по возбужденію лицъ заинтересованныхъ—жрецовъ—§ 17, cfr 16). О терпимости къ христіанству западныхъ Славянъ см. у *Гельмольда* въ Chronica Slavorum, Lib. 1 § 2. (терпимости именно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы христіане воздерживались отъ пропаганды). Совершенно о таковыхъ, какъ выше сказано, взглядахъ на религіи нашихъ теперешнихъ Сибирскихъ язычниковъ, см. въ *Духовной Бесѣдѣ* 1863 г., № 3, стр. 70. (Во 2-мъ томѣ, въ рѣчахъ о вѣротерпимости Монголовъ, мы приводимъ еще совершенно ясныя доказательства сейчасъ нами сказаннаго.—Языческая религія можетъ отличаться нетерпимостію въ томъ только случаѣ, если она не есть религія народная въ собственномъ смыслѣ, а происходящая отъ какого-нибудь одного, создавшаго ее, лица, и это потому, что творецъ религіи считалъ и объявилъ ее за единственно истинную: такова напр. была Зороастрова религія въ Персіи).

несмотря на все свое неблаговоленіе къ христіанству, несмотря на свое пренебреженіе и презрѣніе къ нему, не долженъ былъ гнать его послѣдователей, а, предоставляя имъ свободу, долженъ былъ только ограничиваться заявленіемъ своихъ помянутыхъ чувствъ къ ихъ вѣрѣ. Не распространяясь въ доказательствахъ того, чего людямъ, не имѣющимъ охоты съ нами согласиться, мы никогда не доказали бы, мы прямо сошлемся на лѣтопись, которая въ этомъ далеко небезспорномъ вопросѣ, къ нашему счастію, не оставляетъ насъ безъ положительнаго свидѣтельства. Она самымъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Святославъ не былъ гонителемъ христіанства, и что при немъ не было на христіанъ гоненія. «Аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому», говоритъ она объ отношеніи къ христіанству Святослава съ языческою частью дружины: если не возбраняли даже креститься язычникамъ, то ясно, что уже не преслѣдовали крещенныхъ, прежде ставшихъ христіанами.

Итакъ, при Святославѣ не было настоящаго гоненія на христіанъ, но было, такъ сказать, гоненіе только нравственное, состоявшее въ томъ, что князь съ языческою частью дружины смѣялись надъ ихъ вѣрой [1]). При этомъ своего рода гоненіи должно ли было исчезнуть христіанство въ Кіевѣ при Святославѣ или, по крайней мѣрѣ, должно ли было уменьшиться число его послѣдователей? Если бы люди принимали христіанство только внѣшнимъ образомъ, по какимъ-нибудь корыстнымъ разсчетамъ, то и подобное легкое гоненіе могло бы заставить ихъ отказаться отъ него: но этого не было, потому что совсѣмъ не могло быть, а искренніе христіане должны были смотрѣть на пренебреженіе и презрѣніе къ ихъ вѣрѣ со стороны князя только съ сожалѣніемъ, припоминая внутренно слова Писанія, что *безумніи возненавидѣша премудрость*, и говоря про себя то, что̀ по поводу Святослава говоритъ лѣтописецъ: «невѣрнымъ вѣра христьянска уродьство есть» [2]). Сейчасъ выше мы привели слова лѣтописи, изъ которыхъ видно, что при Святославѣ находились въ Кіевѣ язычники, же-

---

[1]) „Ругахуся“ значитъ именно смѣялись и ничего болѣе, т. е. вовсе не должно быть понимаемо въ смыслѣ наругательствъ посредствомъ какихъ-нибудь дѣйствій.

[2]) Словомъ „уродьство“ лѣтописецъ хочетъ сказать тоже, что̀ мы сказали выше, — что христіанство, требующее отъ человѣка добродѣтелей, противныхъ страстнымъ наклонностямъ его природы, въ которыхъ онъ видитъ добродѣтели (геройство, ищущее проявлять себя въ войнахъ, честь, налагающая обязанность мщенія и пр.) должно было казаться язычникамъ юродствомъ, т. е. вѣрою юродивыхъ, людей жалкихъ и ничтожныхъ духомъ.

лавшіе принять христіанство: если неблаговоленіе князя къ христіанству не останавливало отъ обращенія къ нему язычниковъ, то тѣмъ менѣе оно могло побуждать къ отпаденіямъ отъ него бывшихъ христіанами.

Не воздвигая на христіанъ настоящаго гоненія, Святославъ могъ заявлять свое къ нимъ неблаговоленіе посредствомъ того, что занимавшихъ между ними высшія должности устранялъ отъ послѣднихъ и замѣщалъ язычниками. Вслѣдствіе этого могло случиться, что, по крайней мѣрѣ, между христіанами изъ сословія бояръ могли найтись люди, которые предпочитали мѣста и положеніе вѣрѣ и которые поэтому снова возвратились отъ христіанства къ язычеству. Но лѣтопись даетъ намъ одно довольно ясное и положительное указаніе, что даже и этого не было, что вѣра была вѣрой, а служба службой, и что въ насмѣшкахъ надъ вѣрой христіанъ единственно и состояли при Святославѣ всѣ на нихъ гоненія. Въ послѣдніе годы правленія Игоря и въ малолѣтство Святослава при Ольгѣ главнымъ воеводою великокняжескимъ былъ Свѣнельдъ. Если этотъ Свѣнельдъ не былъ такимъ же внутреннимъ христіаниномъ, какъ Игорь и Ольга, то во всякомъ случаѣ необходимо думать, что онъ былъ не изъ враговъ, а изъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ друзей христіанства. Но онъ продолжалъ оставаться главнымъ воеводой и во все правленіе Святослава: довольно ясно дается этимъ знать, что съ прежними людьми не измѣнилось и прежнее отношеніе къ христіанамъ [1]).

Итакъ, все гоненіе Святослава на христіанъ состояло въ томъ, что онъ презиралъ и пренебрегалъ ихъ вѣру и что, вмѣстѣ съ другими язычниками, онъ смѣялся надъ нею. Но и касательно этого нравственнаго гоненія должна быть сдѣлана значительная оговорка по отношенію къ тѣмъ христіанамъ, которые имѣли пребываніе собственно въ Кіевѣ. Извѣстно, что Святославъ, послѣ того, какъ возросъ и возмужалъ и принялся за дѣятельность (въ 964 г.), почти постоянно отсутствовалъ изъ Кіева: сначала онъ велъ «войны многія» съ сосѣдями, а потомъ вдался въ войну болгарскую, изъ которой и не воз-

[1]) Въ договорѣ Святослава съ Цимисхіемъ 971 г. нѣтъ ни слова о христіанахъ. Но это можетъ значить не то, чтобы ихъ не было въ войскѣ Святослава, а только то, что онъ не хотѣлъ, подобно Игорю, давать имъ политическаго равноправія съ язычниками (По Льву діакону, кн. IX, гл. 6, первымъ вождемъ у Святослава въ походѣ Болгарскомъ былъ Икморъ; но, конечно, онъ ошибается: кромѣ собственныхъ показаній лѣтописца см. у послѣдняго сейчасъ указанный договоръ Святославовъ съ Греками).

вратился живымъ [1]). Кого Святославъ на время своихъ отсутствій оставлялъ вмѣсто себя оффиціальнымъ правителемъ, пока жива была Ольга († 969 г.), мы не знаемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что неоффиціальною и дѣйствительною правительницей была она. Слѣдовательно, при Святославѣ до смерти Ольги положеніе христіанъ, которые оставались собственно въ Кіевѣ, было совершенно такое же, какимъ было прежде въ дѣйствительное регентство Ольги и при Игорѣ [2]).

Преемникомъ Святослава былъ старшій сынъ его Ярополкъ, котораго онъ посадилъ въ Кіевѣ еще при своей жизни, послѣ смерти Ольги, и который былъ послѣднимъ великимъ княземъ передъ Владиміромъ [3]). Положительныхъ свѣдѣній объ Ярополкѣ или хотя бы указаній и намековъ мы не имѣемъ совершенно никакихъ [4]), и остается

---

[1]) Въ 964 г. походъ на Вятичей, въ 965 г. война съ Казарами, Ясами и Касогами (двое послѣдніе — сосѣди нашей Тмутаракани), въ 966 г. опять война съ Вятичами, съ 967 г. до смерти (въ 972 г.) война болгарская, съ которой Святославъ возвращался домой только одинъ разъ и не особенно на долго.

[2]) Есть одно свидѣтельство о христіанствѣ въ Россіи при Святославѣ, которое пока не совсѣмъ опредѣленно, такъ что можетъ быть относимо къ намъ и не къ намъ, и которое пока не можетъ быть выдаваемо за несомнѣнно достовѣрное; но въ случаѣ, если будетъ доказано, что оно относится именно къ намъ и достовѣрно, то оно будетъ представлять собою свидѣтельство весьма важное. Козьма Пражскій въ своей лѣтописи (lib. I, § 22) приводитъ грамоту папы Іоанна XIII къ Чешскому королю Болеславу II, писанную въ 972 г., которою папа дозволяетъ королю открыть въ Чехіи одну епископію (Пражскую). Вмѣстѣ съ симъ дозволеніемъ папа даетъ еще дозволеніе учредить одинъ женскій монастырь, и относительно этого послѣдняго предписываетъ: „verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica“... Подъ Ruzia gens можно разумѣть двоихъ — или Венгерскихъ Русскихъ, которые на своемъ теперешнемъ мѣстѣ жительства не позднѣйшіе пришельцы, какъ хотятъ утверждать Венгерскіе историки, а доисторическіе аборигены, и которые приняли христіанство греческаго обряда въ IX вѣкѣ отъ Болгаръ, бывъ до прихода Венгровъ ихъ данниками, или насъ — Русскихъ Кіевскихъ. Такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что Венгерскіе Русскіе усвоили себѣ имя Русскихъ уже послѣ 972 г., то существуетъ все основаніе полагать, что у Козьмы разумѣемся мы — Кіевскіе Русскіе. Если окажется возможнымъ доказать это положительнымъ образомъ и если затѣмъ будетъ доказана и несомнѣнная подлинность грамоты папы, то свидѣтельство, какъ мы сказали, получитъ весьма важное значеніе. Оно будетъ говорить, что христіанъ въ Россіи въ правленіе Святослава было такъ много, что о нихъ, какъ о составлявшихъ изъ себя цѣлую особую частную церковь, зналъ даже папа.

[3]) Въ продолженіе 970 — 972 гг. правитель, въ продолженіе 972 — 978 гг. дѣйствительный великій князь (о послѣдней цифрѣ, вмѣсто 980, ниже).

[4]) Свѣдѣнія такъ называемой Іоакимовой лѣтописи Татищева мы не признаемъ за свѣдѣнія.

только дѣлать предположенія. Чтò худое ни предположили бы мы объ Ярополкѣ, — смотрѣлъ ли онъ на вѣру христіанъ глазами отца, или она была ему еще болѣе антипатична, чѣмъ послѣднему, во всякомъ случаѣ останется несомнѣннымъ то, что онъ не воздвигалъ на христіанъ гоненія, и что послѣдніе продолжали при немъ пользоваться такою же свободой, какъ и во все предшествующее время, начиная съ своего перваго появленія; это — потому же, почему не воздвигалъ гоненія на христіанъ Святославъ, т. е. потому, что онъ былъ язычникъ и что язычество есть синонимъ терпимости. Гоненіе на другую вѣру можетъ быть слѣдствіемъ только убѣжденія, что моя вѣра есть единственная истинная, а всѣ другія вѣры ложны, и что поэтому всѣ другія вѣры должно истреблять, чтобы доставить всеобщее господство единой вѣрѣ истинной. Но взгляды язычниковъ на дѣло, какъ уже мы говорили, были иные; въ ихъ глазахъ всѣ вѣры были одинаково истинныя, составляющія не выдумку людскую, а происходящія отъ одного и того же Бога. Различіе религій и ихъ высшее или низшее на ихъ взглядъ достоинство означало, по ихъ мнѣнію, различіе низшихъ и высшихъ, лучшихъ и худшихъ людей, для которыхъ онѣ были предназначены. Какъ они презирали низшихъ себя, по ихъ мнѣнію, людей, такъ могли презирать и низшія своей, по ихъ мнѣнію, религіи. Но преслѣдовать то, что отъ Бога и имѣетъ свою разумную цѣль и законное назначеніе быть религіей низшихъ людей, имъ не могло приходить на мысль. Желаніе истреблять худшія религіи значило бы съ ихъ стороны ни что иное, какъ желаніе истреблять низшія расы людей.

Такимъ образомъ, какъ бы неблагопріятно расположеннымъ къ христіанству мы ни представляли себѣ Ярополка, во всякомъ случаѣ останется несомнѣннымъ то, что имъ не было воздвигаемо на христіанъ гоненія. Но собственно говоря, мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать объ Ярополкѣ ни самое худшее ни даже просто худое, а напротивъ имѣемъ рѣшительныя основанія предполагать самое лучшее. Не менѣе какъ до 10-ти, а можетъ быть и до 12-ти лѣтъ его возраста оставалась въ живыхъ бабка его Ольга [1]), которая и

[1]) Въ какомъ году родился Ярополкъ, въ лѣтописи не записано. Но есть одно обстоятельство, которое можетъ служить къ приблизительному опредѣленію ранняго предѣла его возраста въ минуту смерти Ольги. Святославъ, бывшій въ послѣдній разъ въ Кіевѣ именно въ 969 г., когда умерла Ольга, женилъ его на одной, приведенной имъ изъ Болгаріи, красивой Гречанкѣ: полагаемъ, трудно допустить, чтобъ это случилось даже ранѣе, чѣмъ Ярополку исполнилось 10 лѣтъ. Что касается до поздняго предѣла, то предполагать, чтобы ему въ минуту смерти Ольги

была собственною его воспитательницей вмѣсто постоянно отсутствовавшаго Святослава. Правда, и самъ Святославъ воспитанъ былъ Ольгой, и однако она не успѣла сдѣлать изъ него ни внѣшняго ни внутренняго христіанина. Но чрезвычайно рѣдки примѣры, чтобы два человѣка сряду — отецъ и сынъ выходили такими своеобразными людьми, каковъ былъ Святославъ, и историческо-физіологическая вѣроятность (если можно такъ выразиться) вся на той сторонѣ, что Ярополкъ, не будучи другимъ, выходящимъ изъ ряду вонъ, норманнскимъ удальцомъ, былъ просто обыкновеннымъ человѣкомъ. А вслѣдствіе этого есть вся вѣроятность думать, что съ воспитаніемъ Ярополка Ольгѣ была совсѣмъ другая удача, чѣмъ съ воспитаніемъ Святослава, т. е. что она дѣйствительно успѣла сдѣлать его человѣкомъ болѣе или менѣе благорасположеннымъ къ христіанству (Ярополкъ погибъ отъ руки Владимира 21—18 лѣтъ; если бы онъ жилъ долѣе, то очень можетъ быть, что не Владимиръ, а онъ былъ бы крестителемъ всей Руси).

Итакъ, вотъ исторія христіанства въ Россіи отъ начала государства до св. Владимира. Христіане между Варягами явились въ ней если не при Рюрикѣ и Олегѣ, то несомнѣнно при Игорѣ, во вторую половину правленія котораго ихъ было въ Кіевѣ весьма много и который въ эту вторую половину правленія самъ склонился внутренно на ихъ сторону. Пользуясь при Игорѣ всѣмъ покровительствомъ внутренно принадлежавшаго къ ихъ сторонѣ великаго князя, они продолжали пользоваться такимъ же покровительствомъ и въ правленіе Ольги. При Святославѣ они не пользовались этимъ покровительствомъ, а относительно Ярополка мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, но при томъ и другомъ они несомнѣнно не терпѣли гоненій и пользовались совершенною свободой.

Выше мы сказали, что имѣемъ весьма немного положительныхъ свидѣтельствъ относительно этого христіанства въ Россіи отъ Игоря до Владимира. Но теперь у читателя передъ глазами историческая сторона дѣла; надѣемся, онъ видитъ, что этихъ немногихъ свидѣтельствъ вполнѣ достаточно и что ими вполнѣ подтверждается все то, что мы говорили сейчасъ выше. Отъ смерти Игоря до Владимира самымъ худшимъ временемъ для христіанъ было правленіе Святослава. Но у насъ есть положительное свидѣтельство, которое говоритъ, что и въ это правленіе христіане не терпѣли гоненій и пользовались совершенною свободой (до такой степени, что даже язычники невозбранно прини-

было болѣе 12 лѣтъ, не позволяютъ собственные года Святослава, у котораго едва ли онъ могъ родиться ранѣе 15-тилѣтняго возраста.

мали христіанство). Слѣдовательно, они не терпѣли гоненій и пользовались свободой и во все прочее время. А если такъ, то изъ сего будетъ слѣдовать и все сказанное нами остальное.

При Игорѣ христіанъ между Варягами было весьма много. Послѣ него число ихъ, можетъ быть, по временамъ уменьшалось черезъ отбытіе нѣкоторыхъ въ Константинополь и вообще въ другія мѣста; но, во-первыхъ, убыль уходившихъ совсѣмъ или до нѣкоторой степени могли возмѣщать другіе, вновь приходившіе,—во-вторыхъ, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что христіанство много или мало, но постепенно, росло внутреннимъ образомъ черезъ обращеніе къ нему язычниковъ въ самомъ Кіевѣ. Свидѣтельства эти говорятъ намъ, что такія обращенія имѣли мѣсто въ правленіе Святослава, самое худшее для христіанъ, и тѣмъ даютъ намъ совершенное право распространять ихъ на все время до Владимира. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ получается заключеніе относительно числа христіанъ между Варягами до Владимира: явившись въ Кіевѣ не позднѣе правленія Игоря, съ той поры они постоянно находились въ немъ сравнительно въ весьма большемъ количествѣ.

Надѣемся, всякому понятно, какъ важно все сейчасъ сказанное нами по отношенію къ послѣдующему времени: къ княженію Владимира христіанство не было въ Россіи какою-нибудь вѣрою совсѣмъ невѣдомою, а напротивъ было вѣрою очень хорошо извѣстною; христіане находились въ Кіевѣ впродолженіе болѣе полустолѣтія, имѣя церкви и священниковъ, и жили не какъ-нибудь скрытно, а совершенно открыто, въ видѣ особой, дозволяемой и терпимой правительствомъ, иновѣрной общины.

Мы говорили только о христіанствѣ между Варягами, потому что о нихъ только говорятъ положительныя свидѣтельства. Но отъ Варяговъ не распространялось ли христіанство и между самими Славянами? Что касается до массы простаго народа, которая должна была видѣть въ Варягахъ особый отъ себя народъ, и которая къ этому особому народу, какъ къ господствующему, какъ представляющему изъ себя толпу иноземныхъ находниковъ, не могла относиться особенно дружелюбно, христіанство, вѣроятно, распространялось весьма мало, а можетъ быть даже и совсѣмъ не распространялось. Но въ высшемъ сословіи изъ природныхъ Славянъ, въ природно-славянской части боярства [1]), ко-

[1]) Между именами бояръ Игоря въ договорѣ 944 г. есть славянскія: Володиславъ, Предслава (хотя впрочемъ и бояре — Варяги могли уже начать тогда принимать славянскія имена).

торую желаніе участвовать во власти должно было объединять съ Варягами и отдѣлять отъ народа, христіанство могло болѣе или менѣе распространяться, хотя мы и не можемъ говорить ничего положительнаго.

Во вторую половину княженія Игоря у Кіевскихъ Варяговъ-христіанъ была по крайней мѣрѣ одна общественная церковь. Есть вся вѣроятность думать, что, при совершенной свободѣ строить церкви, ихъ съ теченіемъ времени было построено еще нѣсколько, ибо въ то время была наклонность строить какъ можно болѣе церквей, а строить церкви небольшихъ размѣровъ, каковы были тогдашнія, въ особенности деревянныя, какъ это должно было быть въ Кіевѣ, ровно ничего не стоило. А такимъ образомъ нисколько не будетъ страннымъ думать, что ко времени Владимира Кіевъ имѣлъ христіанскихъ церквей, можетъ быть, примѣрно цѣлый пятокъ, а можетъ быть, даже и болѣе. Кромѣ церквей общественныхъ, еще во времена Игоря были церкви и домовыя [2]); съ теченіемъ времени онѣ должны были также умножиться и въ пропорціи большей, чѣмъ общественныя. На нѣсколько церквей общественныхъ, на значительное число церквей домовыхъ въ Кіевѣ долженствовало быть весьма значительное количество христіанскихъ священниковъ, которыхъ въ то время, подобно церквамъ, была наклонность имѣть возможно большее количество, т. е. не одинъ-два-три, а по крайней мѣрѣ десятка два-три.

На какомъ языкѣ Кіевскіе Варяги-христіане совершали свое общественное богослуженіе? Положительныхъ данныхъ для отвѣта на вопросъ мы не имѣемъ никакихъ и остается дѣлать только предположенія. Предположеній возможно два, именно — что они совершали его или на греческомъ языкѣ или на готскомъ (т. е. при этомъ мы подразумѣваемъ, что нѣтъ совершенно никакихъ основаній и никакой вѣроятности предполагать, чтобы богослужебныя книги были переведены на ихъ собственный норманскій языкъ). Которому предположенію отдать преимущество, мы затрудняемся, однако склоняемся больше въ пользу втораго. Наши Кіевскіе Варяги, нѣтъ сомнѣнія, совершали богослуженіе на томъ самомъ языкѣ, на которомъ совершали его Ва-

---

[2]) Говоря о церкви пр. Иліи при Игорѣ: „се бо бѣ сборная церкви", что значитъ общественная, лѣтописецъ даетъ знать, что были церкви домовыя. За существованіе церквей домовыхъ говоритъ и всеобщій тогда въ Греціи обычай имѣть ихъ каждому мало-мальски знатному или, по крайней мѣрѣ, претендовавшему быть таковымъ, человѣку: домовая церковь была принадлежностію и вывѣской знатности (еще и обстоятельнѣе будемъ говорить о нихъ ниже).

ряги Константинопольскіе, такъ какъ наша Варяжская церковь (община) была дочерью варяжской церкви Константинопольской. Варяги жившіе въ Константинополѣ болѣе или менѣе знали греческій языкъ; правительство греческое духовное и свѣтское, нѣтъ сомнѣнія, было того желанія, чтобы богослуженіе совершалось у нихъ на греческомъ языкѣ, потому что позднѣйшіе Греки были столько же за господство у всѣхъ въ богослуженіи своего греческаго языка, сколько и позднѣйшіе латиняне за господство своего языка латинскаго (cfr ниже); но, съ другой стороны, готскій языкъ былъ для Норманновъ почти что свой, а между тѣмъ вліяніе греческаго правительства не могло быть на нихъ особенно сильнымъ, такъ чтобы они не дерзали своевольствовать. Если бы готскій языкъ въ X вѣкѣ нигдѣ не былъ въ живомъ употребленіи и оставался только археологическимъ памятникомъ въ книгахъ, то Норманны, конечно, не воззвали бы его къ новой жизни. Но мы имѣемъ свидѣтельства, что въ половинѣ IX вѣка у Готовъ, жившихъ въ предѣлахъ греческой имперіи, богослуженіе совершалось на своемъ готскомъ языкѣ: отъ половины же IX вѣка до X очень не далеко [1]).

Мы сказали выше, что Варяги-христіане водворили въ Россіи грамотность еще во времена Игоря. Разъ водворенная, она, нѣтъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ самими христіанами оставалась въ Россіи и во все послѣдующее время до Владимира. Буквы для письма, какъ это должно думать, были употребляемы греческія или готскія (взятыя тоже изъ греческаго алфавита, за исключеніемъ немногихъ буквъ самостоятельныхъ или взятыхъ изъ своихъ германскихъ рунъ), смотря по тому, на какомъ языкѣ было совершаемо богослуженіе [2]). Этотъ фактъ не-

---

[1]) Свидѣтельство Валафрида Страбона, приведенное нами выше. Кромѣ Готовъ Таврическихъ или Крымскихъ были въ Греціи еще Готы Мизійскіе: во-первыхъ, потомки приведенныхъ Ульфилой (о которыхъ мы говорили выше), во-вторыхъ, потомки тѣхъ многочисленныхъ Готовъ, которые при нашествіи Гунновъ въ 376 г. искали себѣ у Грековъ спасенія въ Мизіи. Въ этой послѣдней во второй половинѣ VII в. образовали свое государство Болгары, принявшіе въ половинѣ IX вѣка христіанство; но и подъ властію Болгаръ, сначала одною политическою, а потомъ и церковною, Готы могли сохранять свой готскій языкъ (Готовъ въ Болгаріи было до такой степени много, что и самихъ Болгаръ Сербы звали Готами, см. Рѣчникъ *Даничича* подъ сл. Готинъ).

[2]) Кому бы показалось страннымъ употребленіе греческихъ буквъ для письма на другомъ языкѣ, тому мы напомнимъ, что Болгары употребляли эти буквы для письма на болгарскомъ языкѣ не только въ древнія времена до изобрѣтенія славянской азбуки, о чемъ имѣются положительныя свидѣтельства, но даже въ недав-

прерывнаго существованія у насъ грамотности не позднѣе какъ со временъ Игоря, есть обстоятельство чрезвычайной важности по отношенію къ вопросу объ источникахъ нашей первоначальной или такъ называемой Несторовой лѣтописи...

Русская легенда о крещеніи Ольги въ Константинополѣ, записанная въ нашей лѣтописи подъ 955-мъ годомъ.

„Въ лѣто 6463 (955) пошла Ольга въ Грецію и пришла въ Константинополь. Царь былъ тогда (въ Константинополѣ) по имени Цимисхій (Цѣмьскій)[1]. И пришла къ нему Ольга, и увидѣлъ царь, что она весьма красива лицемъ и смысленна (умна) и удивился разуму ея и, бесѣдовавъ съ нею, сказалъ ей: „Достойна ты того, чтобы здѣсь въ Цареградѣ царствовать съ нами“[2]. Она же, понявъ рѣчи царя, сказала ему: „Я язычница; если хочешь, чтобъ я крестилась, крести меня (будь моимъ воспріемникомъ) самъ, если же нѣтъ, то не крещусь“—и крестили ее царь съ патріархомъ. Бывъ просвѣщена (крещеніемъ), она радовалась душой и тѣломъ, и преподалъ ей патріархъ поученіе о вѣрѣ и сказалъ: „Благословенна ты въ женахъ русскихъ за то, что возлюбила свѣтъ и оставила тьму: будутъ благословлять тебя люди русскіе до послѣдняго рода внуковъ твоихъ“. И заповѣдалъ ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостынѣ и о воздержаніи тѣла въ чистотѣ. Она же, приклонивши главу, стояла какъ губа напаяемая, внимая ученію; поклонившись патріарху, она сказала: „Молитвами твоими, владыка, да буду сохранена отъ сѣти непріязненныя“. Было наречено ей въ крещеніи имя Елена, какъ (называлась) и древняя царица, мать великаго Константина. Благословилъ ее патріархъ и отпустилъ. Послѣ крещенія позвалъ ее царь и сказалъ: „Хочу взять тебя замужъ за себя“. Она же отвѣчала: „Какъ хочешь взять меня, когда крестилъ меня самъ и назвалъ меня (своею) дочерью,—ты самъ знаешь, что у христіанъ нѣтъ такого закона“. И ска-

нее время господства у нихъ еллинизація. Есть даже новыя болгарскія книги, напечатанныя греческими буквами, напримѣръ: Ευαγγελιε να γοσποδα μπογα (Бога) η σπασα νασετο Ιησουσα Χριστω (sic), σιγα (теперь, нынѣ) νοβο τυποσανο (напечатано) να μπογαρσκοι εςικ... Σολον (Солунь), Σταμπα (типографія) Κυριακοβα Δαρζηλευ, 1852 (*Иречка* Болгарск. Библіогр., № 182).

[1]) Іоаннъ Цимисхій былъ императоромъ уже послѣ смерти Ольги съ 969 по 976 годъ. Цѣмьскій стоитъ только въ древнѣйшемъ или Лаврентьевскомъ спискѣ, во всѣхъ другихъ спискахъ, со включеніемъ и Ипатскаго, правильно—Константинъ, сынъ Леоновъ (Леонтовъ). У Стрыйковскаго впрочемъ былъ списокъ лѣтописи, въ которомъ, такъ же какъ въ Лаврентьевскомъ, читалось Цѣмьскій (Chronica, изд. Варш., 1846, т. I, стр. 120).

[2]) Ольга, вышедшая замужъ въ 903 г., должна была имѣть въ 955 г. около 60—65 лѣтъ. Тогдашній императоръ Константинъ Порфирогенитъ имѣлъ жену.

залъ царь: „Перехитрила ты меня, Ольга“ (переклюкала мя еси, Ольга). Давъ ей дары многіе—золото и серебро, матеріи дорогія и сосуды различные, царь отпустилъ ее, назвавъ своею дочерью. Она же, хотя (отправиться) домой, пришла къ патріарху, прося благословенія на домъ, и сказала ему: „Люди мои и сынъ мой язычники, чтобы (о если бы) Богъ сохранилъ меня отъ всякаго зла“. И сказалъ патріархъ: „Чадо вѣрное! во Христа крестилась ты и во Христа облеклась, Христосъ сохранитъ тебя, какъ сохранилъ Еноха въ первыхъ родахъ и потомъ Ноя въ ковчегѣ, Авраама отъ Авимилеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисея отъ Фараона, Давида отъ Саула, трехъ отроковъ отъ пещи, Даніила отъ звѣрей,—подобнымъ образомъ и тебя сохранитъ отъ врага и отъ сѣтей его“. Благословилъ ее патріархъ, и пошла она съ миромъ въ землю свою и пришла въ Кіевъ. Это было подобно тому, какъ при Соломонѣ пришла царица Эѳіопская къ Соломону, хотя слышать премудрость его, и видѣла многую мудрость и знаменія,—такъ и эта блаженная Ольга искала доброй мудрости Божіей: та искала мудрости человѣческой, а эта Божіей... Сія блаженная Ольга отъ юности все изыскивала на свѣтѣ семъ мудростію [1] (и потому) нашла бисеръ многоцѣнный, который есть Христосъ... Пришла Ольга въ Кіевъ, и прислалъ къ ней царь греческій, говоря: „Я много дарилъ тебя, ибо ты говорила мнѣ, что когда возвратишься въ Русь, пришлешь многіе дары,—рабовъ, воску и мѣховъ и войско на помощь“. Отвѣчала Ольга и сказала посламъ: „Скажите отъ меня царю: если ты постоишь у меня въ Почайнѣ столько же, сколько я у тебя стояла въ пристани, то тогда дамъ тебѣ дары“ [2]).

---

[1]) Лаврент. лѣт.: „си бо отъ възраста блаженая Ольга искаше мудростію все въ свѣтѣ семь“; Ипатская: „искаше мудростію, что есть луче всего въ свѣтѣ семъ“. Эти слова между прочимъ могутъ служить къ объясненію и того, зачѣмъ Ольга ходила въ Константинополь и посылала пословъ къ императору франкскому.

[2]) Вѣрно или невѣрно записанное преданіе, но смыслъ его тотъ, что Ольгу, по ея прибытіи въ Константинополь, очень долго,—не нѣсколько часовъ, а нѣсколько дней, держали въ пристани на кораблѣ, не впуская въ городъ. Дѣло дѣйствительно могло быть подобно тому, какъ представляетъ его наше преданіе. Русскіе принадлежали къ числу тѣхъ иностранцевъ, съ которыми Греки старались и имѣли причины быть какъ можно болѣе осторожными. Небывалый пріѣздъ Русской княгини могъ возбудить въ Константинополѣ разныя подозрѣнія, и тамъ весьма долгое время могли рѣшать вопросъ: пускать или не пускать ее въ городъ. По нашему преданію, Ольга весьма обидѣлась на Грековъ за эту съ нею проволочку; но думать, какъ обыкновенно думаютъ, что Греки хотѣли нанести ей намѣренное оскорбленіе, и вообще предполагать, что Ольга была трактуема въ Константинополѣ недостаточно хорошо, нѣтъ ни малѣйшаго основанія.—Константинопольская гавань въ лѣтописи называется Судомъ („яко же азъ въ Суду“). Σοῦδα—суда (но не судъ) значитъ ровъ, яма. Въ Константинополѣ въ частности Судой назывался ровъ, окружавшій городскую крѣпостную стѣну (очень хорошо сохранившійся и

Константинъ Порфирогенитъ о прiемахъ Ольги въ Константинополѣ во дворцѣ императорскомъ (De ceremoniis aulae Byzantinae, lib. II, cap. 15, ed. Bonn. p. 594, у *Миня* Patr. t. 112, col. 1108).

„Мѣсяца Сентября 9-го числа, въ середу, былъ прiемъ, во всемъ подобный предъидущему (одного сарацинскаго посла), по случаю прiѣзда Ольги (Ἔλγας), княгини Русскiя. Вошла (въ назначенное мѣсто дворца императорскаго) сама княгиня съ княгинями своими родственницами и съ избранными служанками [1]), она—идя впереди всѣхъ другихъ женщинъ, а—тѣ въ порядкѣ слѣдуя одна за другою, и стала на мѣстѣ, гдѣ логоѳетъ [2]) имѣетъ обычай предлагать вопросы. Послѣ нея вошли послы и стряпчiе [3]) русскихъ князей и стали далѣе между занавѣсями, и все прочее совершилось по вышесказанному прiему (посла сарацинскаго). Вышедши назадъ черезъ анадендрадiй и залу кандидатовъ и залу, въ которой стоитъ камилавка [4]) и производятся магистры, прошла черезъ онноподъ и золотую руку или портикъ августеона [5]) и тамъ сѣла. Когда императоръ по обыч-

до настоящаго времени). Почему лѣтописецъ называетъ Судомъ пристань, гавань,—не можемъ сказать; можетъ быть дѣйствительно назывались такъ у Грековъ гавани искусственныя, копаныя, которыхъ въ Константинополѣ было нѣсколько, въ противоположность естественнымъ (я которыхъ собственное названiе у Грековъ было τὰ νεώρια). Вѣроятнѣе всего впрочемъ, что лѣтописецъ не имѣлъ надлежащаго представленiя о Судѣ, и что для него это имя означало вообще воды Константинопольскiя (то онъ называетъ Судомъ Константинопольскiй или Босфорскiй проливъ, подъ 866 и 941 гг., то Константинопольскiй заливъ или Золотой рогъ, подъ 907 г., то пристань въ Константинополѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Проливъ назывался у насъ Судомъ и послѣ,—Антонiй Новгородскiй по изд. *Саввантова* стр. 173).

[1]) Προκρειτοτέρων θεραπαινῶν—разумѣются, конечно, придворныя дамы или боярыни Ольги.

[2]) Логоѳетъ—министръ иностранныхъ дѣлъ; подъ мѣстомъ разумѣется аудiенцъ-зала для прiема иностранныхъ пословъ (находившаяся въ зданiи называвшемся Магнавра).

[3]) Ἀποκρισιάριοι καὶ πραγματευταί.

[4]) Особой формы и особаго значенiя царскiй вѣнецъ, о которомъ см. ниже.

[5]) Названiя отдѣленiй и залъ дворца. Дворецъ Константинопольскихъ императоровъ не представлялъ изъ себя одного большаго зданiя или корпуса, а состоялъ изъ нѣсколькихъ зданiй, обнесенныхъ одной общей стѣной, на подобiе монастыря. Такъ какъ до настоящаго времени не сохранилось ни самаго дворца, ни его плана или обстоятельнаго описанiя, то его бывшее расположенiе, на основанiи описанiй необстоятельныхъ и ненарочныхъ, можетъ быть возстановлено только приблизительно. Такое приблизительное возстановленiе см. въ Энциклопедiи Эрша и Грубера, т. 84, статья: Griechische Kunst, S. 323. Подъ анадендрадiемъ, ἀναδενδράδιον, разумѣется садъ или аллея, ведшая отъ одного зданiя къ другому.

ному чину вошелъ въ дворецъ [1]), то былъ другой пріемъ слѣдующимъ образомъ. Въ залѣ Юстиніана былъ поставленъ возвышенный помостъ, покрытый красными, вышитыми золотомъ, коврами, и на немъ поставленъ былъ великій тронъ императора Ѳеофила [2]), а съ боку золотое царское кресло, два же серебряные органа двухъ партій [3]) поставлены были далѣе, за двумя занавѣсями, а органы, на которыхъ играютъ, поставлены были внѣ занавѣсей. Будучи позвана изъ августеона, княгиня прошла чрезъ абсидъ и чрезъ ипподромъ и внутренніе переходы того же августеона, и пришедши сѣла εἰς τὰ σκύλα [4]). Императрица [5]) сѣла на помянутомъ выше тронѣ (Ѳеофила), а невѣстка [6]) ея на креслѣ, и вошелъ весь кувуклій [7]) и препозитомъ и остріаріями введены были отдѣленія: отдѣленіе первое—государственныя дамы [8]), отдѣленіе второе—магистриссы, отдѣленіе третье—патрикіи (жены патрикіевъ), отдѣленіе четвертое—оффиціальныя протоспатареи, отдѣленіе пятое—остальныя протоспатареи, отдѣленіе шестое—спатаро-кандидатиссы, отдѣленіе седьмое—спатареи, страториссы и кандидатиссы. Послѣ этого введена была княгиня препозитомъ и двумя остіаріями, при чемъ она предшествовала, а за нею, какъ сказано, слѣдовали княгини ея родственницы и ея избранныя служанки. И сдѣланы были ей препозитомъ вопросы отъ лица императрицы,

---

[1]) То-есть, изъ своихъ внутреннихъ комнатъ въ парадныя отдѣленія дворца.

[2]) То-есть, тронъ, сдѣланный симъ императоромъ, cfr Scriptt. post Theophan. ed. Paris. pp. 416 и 516.

[3]) Извѣстныхъ партій ипподрома желтыхъ и голубыхъ, cfr ibid..

[4]) Σκῦλον значитъ добычу, отнятую у непріятелей, военный трофей, лат. spolium (и въ этомъ собственномъ значеніи обыкновенно употреблялось во множественномъ числѣ, — σκῦλα Μηδικά, βαρβαρικά, Лексик. *Пассова*). Слѣдовательно, подъ τὰ Σκῦλα какъ будто должно разумѣть залу, въ которой находились военные трофеи, или иначе дворцовый арсеналъ. Предположеніе *Дюканжа*, что scyla—carcer (Constantinop. Christ. Lib. II, p. 178) опровергается нашимъ мѣстомъ Константина Порфирогенита. Авторъ сейчасъ помянутой статьи Griechische Kunst въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, признавая τὰ σκῦλα за залу, не дѣлаетъ никакихъ предположеній относительно ея назначенія (S. 321, col. 1).

[5]) Жена Константина Порфирогенита, Елена.

[6]) Жена сына Константинова Романа, Анастасія Ѳеофано.

[7]) Кувуклій—штатъ низшихъ придворныхъ чиновниковъ, по нашему старому—спальниковъ, комнатныхъ дѣтей боярскихъ (κουβούκλειον изъ латинскаго cubiculum, что значитъ спальня, комната).

[8]) Αἱ ζωσταί: Зоста (отъ ζώννυμι опоясываю и ζώνη—поясъ, причемъ не совсѣмъ ясно, разумѣть ли поясъ въ собственномъ смыслѣ, одежный, или головную повязку) самая первая по государынѣ и при государынѣ дама. Ихъ было по одной, а въ данномъ случаѣ множественное число—потому, что разумѣются зоста императрицы и зоста невѣстки. (О произведеніи императоромъ зосты см. у Констант. Порфироген. ibid. кн. I, гл. 50).

и вышедши сѣла εἰς τὰ σκύλα. Императрица, вставши съ престола, прошла чрезъ лавсаикъ и трипетонъ и вошла въ кенургій, а чрезъ него въ свои внутренніе покои, княгиня же съ родственницами своими и служанками вошла черезъ залу Юстиніана и лавсаикъ и трипетонъ въ кенургій (и тамъ) отдыхала. Потомъ сѣлъ императоръ (во внутреннихъ покояхъ императрицы) съ императрицей и порфирородными своими дѣтьми, и позвана была княгиня изъ залы кенургія и по приглашенію императора сѣвши говорила съ нимъ, о чемъ хотѣла. Въ тотъ же день былъ парадный столъ [1]) въ той же залѣ Юстиніана. Императрица и невѣстка ея сѣли на помянутомъ тронѣ, а княгиня стала со стороны; когда же церемоніймейстеромъ стола введены были по обычному чину княгини (родственницы) и поклонились, то княгиня, немного наклонивъ голову (поклонившись) [2], сѣла по чину, гдѣ стояла, за усѣченный столъ съ государственными дамами [3]). Надлежитъ знать, что пѣвчіе церкви апостоловъ и софійскіе присутствовали при этомъ обѣдѣ и пѣли императорскіе гимны: также были играны и всякія театральныя игры. Въ хрисотриклинѣ же былъ другой парадный столъ, гдѣ обѣдали всѣ послы князей русскихъ и люди и родственники княгини и стряпчіе [4]), и получили—племянникъ ея 30 миліарисіевъ [5]), люди ея по 20 мил., 20 пословъ по 12 мил., 43 стряпчіе по 12 мил., священникъ Григорій [6]) 8 мил., два переводчика по 12 мил., люди Святослава по 5 мил., переводчикъ княгини 15 мил. Послѣ того, какъ императоръ всталъ изъ-за стола [7]), былъ (предложенъ) десертъ въ залѣ для завтраковъ,—былъ поставленъ небольшой золотой столъ, кото-

---

[1]) Κλητώριον, отъ καλέω—зову, собственно званый обѣдъ. Объ этихъ званыхъ обѣдахъ или парадныхъ столахъ императорскихъ обстоятельное см. у Констант. Порфирог. ibid. кн. 2, гл. 52 sqq.

[2]) Τὴν κεφαλὴν μικρὸν ὑποκλίνασα.

[3]) Ἐκαθέσθη εἰς τὸ ἀποκοπτὸν μετὰ ζωστῶν κατὰ τὸν τύπον. Τὸ ἀποκοπτὸν, ἡ ἀποκοπτὴ τραπέζα назывался небольшой особый столъ, за который отдѣльно садились императоръ и императрица съ немногими высшими чинами (Констант. Порфирог. ibid. кн. 2, гл. 52, τόμος β′ и passim въ другихъ нѣсколькихъ мѣстахъ). Въ данномъ случаѣ за этимъ „императорскимъ“ столомъ обѣдали: императрица съ невѣсткой, двѣ зосты и Ольга.

[4]) То-есть, для мужчинъ былъ особый столъ.

[5]) Миліарисій или миліарезій, иначе драхма, небольшая серебряная монета, (*Дюк.*, Gloss. Graec.), по счету К. Папарригопула (Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους, IV, 116), равнялся 35 копѣйкамъ сер., по счету Византія (Κωνσταντινούπ., III, 267) съ небольшимъ одному франку.

[6]) Παπᾶς Γρηγόριος. Въ просторѣчіи и даже не въ просторѣчіи, какъ въ данномъ случаѣ, Греки называютъ священниковъ—παπᾶς, παπάδες, откуда наше попъ. Попъ-священникъ отличается у Грековъ отъ Римскаго папы тѣмъ, что первый παπᾶς, а второй—πάπας.

[7]) Онъ обѣдалъ или отдѣльно или съ мужчинами въ хризотриклинѣ.

рый стоитъ въ пентапиргіи (пятибашеньѣ) [1] и разставленъ былъ на немъ десертъ на блюдахъ, украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями, и сѣлъ императоръ (Константинъ—авторъ) и Романъ Порфирогенитъ (сынъ Константина) и порфирородныя ихъ дѣти и невѣстка и княгиня, и поднесено было княгинѣ на золотомъ украшенномъ камнями блюдѣ [2]) 500 мил., и 18 служанкамъ по 8 мил. Мѣсяца Октября 18-го числа, въ воскресенье, былъ парадный обѣдъ въ хризотриклинѣ, и сидѣлъ (обѣдалъ) императоръ съ Русскими. И опять былъ другой парадный обѣдъ въ пентакувукліи св. Павла, и присутствовала императрица съ порфирородными ея дѣтьми и невѣсткой и княгиней, и дано было княгинѣ 200 мил., племяннику ея 20 мил., 18 рабынямъ (т. е. боярынямъ?) по 6 мил., 22 посламъ по 12 мил., 44 стряпчимъ по 6 мил., двумъ переводчикамъ по 12 мил." [3]—(Годъ пребыванія Ольги въ Константинополѣ опредѣляется указаніями Порфирогенита, что Сентября 9-е число было въ среду, а Октября 18-е въ воскресенье". Эти числа въ эти дни были въ продолженіе искомаго времени только въ 957-мъ году).

---

[1]) Построенномъ Θеофаномъ, Scriptt. post Theophan. ibidd..

[2]) Новгородскій архіепископъ Антоній (въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ), бывшій въ Константинополѣ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка и написавшій Царероградскій Паломникъ, между прочимъ сообщаетъ, что въ тамошней св. Софіи есть „блюдо велико злато служебное Олгы русской, когда взяла дань, ходивши Царюграду; во блюдѣ же Ольжинѣ камень драгій, на томъ же камени написанъ Христосъ, и отъ того Христа емлютъ печати людіе на все добро, у того же блюда все по верхови жемчюгомъ учинено" (Путешествіе Новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ, изд. *Савваитова*, 1872, стр. 58). Если блюдо, выдававшееся во времена Антонія за приношеніе Ольгино, дѣйствительно принадлежало ей, то весьма вѣроятно думать, что оно было то самое блюдо, о которомъ говоритъ Порфирогенитъ, то-есть что съ миліарезіями ей поднесено было и самое блюдо и что его она и пожертвовала въ св. Софію. Кромѣ сходства въ описаніи, за вѣроятность этого говорятъ слова Антонія: „когда взяла дань", которыя, кажется, нужно понимать такъ: блюдо поднесено было Ольгѣ, какъ дань, а она (на память о томъ, что взяла дань) пожертвовала его св. Софіи.

[3]) Несправедливо думая, на основаніи приведеннаго нами мѣста нашей лѣтописи, будто Ольга была трактуема въ Константинополѣ не особенно хорошо, Карамзинъ хочетъ видѣть доказательство этого и въ незначительности поднесенной ей и ея спутникамъ суммы (I, 102). Но опять несправедливо: Ольгѣ поднесено было не менѣе того, что было принято подносить въ подобныхъ случаяхъ (см. у того же Порфирогенита, непосредственно передъ разсказомъ о пріемѣ Ольги, разсказъ о пріемѣ сарацинскихъ пословъ, которые были гораздо важнѣе для Грековъ, чѣмъ русская княгиня), и самъ же Карамзинъ признаетъ и подтверждаетъ осязательнымъ примѣромъ (I, примѣч. 381), что смыслъ подобныхъ подносовъ или жалованій былъ не въ количествѣ. Изъ всего разсказа Порфирогенита ясно видно, что Ольга была принимаема въ Константинополѣ совершенно какъ слѣдуетъ.

Западные лѣтописцы о посольствѣ Ольги къ Оттону.

Продолжатель Регинона (половины X в., непосредственный современникъ) подъ 959 годомъ: „Пришли къ королю,—какъ послѣ оказалось, лживымъ образомъ,—послы Елены королевы Руговъ (Helenae reginae Rugorum), которая при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополѣ, и просили посвятить для сего народа епископа и священниковъ". Подъ 960 годомъ: (въ семъ году) „король праздновалъ праздникъ Рождества Христова во Франкфуртѣ, гдѣ Либуцій изъ братіи монастыря св. Альбана (въ Майнцѣ) достопочтеннымъ епископомъ (Бременскимъ) Адальдагомъ посвященъ въ епископы Ругамъ" (genti Rugorum). Подъ 961 годомъ: „Либуцій, котораго въ прошломъ году нѣкоторыя дѣла удержали отъ путешествія, скончался 15-го Марта настоящаго года; въ преемники ему посвященъ былъ Адальбертъ изъ братіи монастыря св. Максимина въ Трирѣ; сего послѣдняго благочестивѣйшій государь, съ обычнымъ ему милосердіемъ снабдивъ щедро всѣмъ нужнымъ, отправилъ съ честію къ Ругамъ (genti Rugorum)". Подъ 962 годомъ: „Въ семъ году возвратился назадъ Адальбертъ, поставленный въ епископы Ругамъ, ибо не успѣлъ ни въ чемъ томъ, за чѣмъ былъ посланъ, и видѣлъ свои старанія напрасными; на обратномъ пути нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты, самъ же онъ съ великимъ трудомъ едва спасся" (*Pertz*, Monumenta Germaniae, I, 624). Сего продолжателя дословно повторяетъ лѣтописецъ Саксонскій (Annalista Saxo XII в., см. *Шлецера*, Нест., III, 450; въ Acta SS. Болландистовъ, Junii t. 4, p. 32, приводимый подъ именемъ хронографа Магдебургскаго).

Лѣтопись Гильдесгеймская (конца X вѣка) подъ 960 г.: „Пришли къ королю Оттону послы Русскаго народа (Rusciae gentis) и просили его, чтобы онъ послалъ имъ одного изъ своихъ епископовъ, который показалъ бы имъ путь истины, и говорили, что хотятъ отстать отъ своего язычества и принять христіанскую вѣру. Король внялъ ихъ просьбѣ и послалъ православнаго вѣрою (fide catolicum) епископа Адальберта, но они, какъ показалъ исходъ дѣла, во всемъ солгали" (ibid., t. V, p. 60). Эту лѣтопись дословно повторяютъ, только съ прибавленіями на концѣ,—лѣтопись Кведлинбургская (первой половины XI вѣка) и Ламбертъ Герсфельдскій (обыкновенно названный Ашаффенбургскимъ, Scafnaburgensis, второй половины того же вѣка). Лѣтопись Кведлинбургская послѣ словъ „во всемъ солгали" прибавляетъ: „поелику и самъ помянутый епископъ не избѣжалъ смертной опасности отъ ихъ коварствъ" (ibid., p. 60); Ламбертъ Герсфельдскій послѣ словъ „епископа Адальберта" прибавляетъ: „который однако едва избѣжалъ ихъ рукъ" (ibid., p. 61).

Лѣтопись Корвейская подъ 959 г.: „Король Оттонъ по прошенію Русской королевы послалъ къ ней Адальберта, нашей обители инока, который послѣ сдѣланъ первымъ епископомъ въ Магдебургѣ" (*Шлецеръ*,

Нест. III, 451,—почему лѣтопись, вопреки Регинону, называетъ Адальберта инокомъ своей обители, не можемъ объяснить).

Дитмаръ Мерзебургскій (✝ 1018), говоря о поставленіи Адальберта въ архіепископы Магдебургскіе, пишетъ, что прежде онъ былъ посвященъ въ настоятели Руси—Rusciae, но оттуда былъ изгнанъ язычниками, Chronic., lib. II, cap. 14. Говоря ниже прямо о нашей Руси, онъ называетъ страну—Ruscia, народъ—Rusci, lib. VII, c. 52 и lib. VIII, c. 16.

Въ указѣ императора Оттона о поставленіи Адальберта въ архіепископы Магдебургскіе говорится, что прежде онъ былъ назначенъ и посланъ въ проповѣдники къ Ругамъ (Rugis olim praedicatorem destinatum et missum, *Pertz* ibid., IV, 561).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Крещеніе св. Владиміромъ всей Руси и совершенное утвержденіе христіанства на Руси при его преемникахъ.

I.

Владиміръ,—его собственное крещеніе и крещеніе имъ страны.

Дошедъ до событій самыхъ достовѣрныхъ, каково крещеніе Владиміра, мы все-таки не избавились отъ такъ называемыхъ народныхъ повѣстей. Напротивъ, теперь передъ нами повѣсть этого рода, которая можетъ быть названа таковою по преимуществу и по превосходству (κατ' ἐξοχήν).

Къ великому князю Кіевскому приходятъ послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ своихъ вѣръ; князь посылаетъ своихъ пословъ къ народамъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ; наконецъ, изъ всѣхъ вѣръ Русскіе выбираютъ вѣру самую лучшую: вотъ эта, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстная, повѣсть о крещеніи Владиміра. Прискорбна обязанность посягать на то, относительно чего весьма многіе такъ привыкли и такъ хотѣли бы не сомнѣваться и въ чемъ тщеславіе этихъ весьма многихъ находитъ такое себѣ удовлетвореніе. Но неумолимый долгъ историка заставляетъ насъ сказать, что повѣсть эта не заключаетъ въ себѣ ничего истиннаго, что она есть позднѣйшій вымыслъ и при томъ даже вымыслъ, по всей вѣроятности, не русскій, а греческій.

Передадимъ сначала подробно эту, ставшую, такъ сказать, классическою въ нашей исторіи, повѣсть. Будучи позднѣйшею вставкой въ лѣтописи и будучи поставлена въ ней безъ всякой связи съ предъидущимъ, она разсказываетъ слѣдующее:

Подъ 986-мъ годомъ, который есть 8-й годъ княженія Владимірова [1]). Пришли ко Владиміру Болгары вѣры Магометовой [2]) и говорили: «Ты князь мудрый и смысленный, а не знаешь закона (держишься недоброй, неистинной вѣры); вѣруй въ нашъ законъ и поклонись Магомету». И спросилъ Владиміръ: «Въ чемъ состоитъ ваша вѣра»? Они сказали: «Вѣруемъ въ Бога, а Магометъ заповѣдуетъ намъ обрѣзывать тайные уды, не ѣсть свинины, не пить вина; по смерти будемъ творить похоть блудную съ женами: дастъ Магометъ каждому по семидесяти женъ прекрасныхъ, изберетъ одну (изъ нихъ) прекраснѣйшую, возложитъ красоту всѣхъ на (эту) одну, и она будетъ человѣку жена». А также и здѣсь, говорили они,—достойно творить всяческій блудъ; кто убогъ на этомъ свѣтѣ, тотъ такъ же будетъ и тамъ. И иную многую лесть говорили они, чего и писать нельзя срама ради. Владиміръ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ихъ (*послушаше сладко*), когда говорили о женахъ, ибо самъ любилъ женщинъ и былъ сильно преданъ блуду; но то ему не любо было, чтобы обрѣзывать уды и не ѣсть свинаго мяса, а о запрещеніи пить отнюдь не хотѣлъ слушать, сказавъ: «Русскимъ питье—веселье, безъ того не можемъ быть» [3]). Потомъ пришли Нѣмцы, говоря: «Пришли мы, посланные (къ тебѣ) папою». Они сказали Владиміру: «Такъ приказалъ говорить тебѣ папа: земля твоя какъ и земля наша, а вѣра ваша не какъ наша; ибо наша вѣра есть свѣтъ, кланяемся Богу, который сотворилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всякое дыханіе, а ваши боги суть дерево». Владиміръ спросилъ: «Какая заповѣдь ваша»? Они сказали: «Постъ по силѣ, (а затѣмъ) кто что ни ѣстъ и ни пьетъ, все въ славу Божію, какъ сказалъ учитель нашъ (апостолъ) Павелъ». Владиміръ сказалъ Нѣмцамъ: «Идите назадъ, ибо отцы наши сего не

---

[1]) Владиміръ занялъ престолъ не въ 980-мъ, а въ 978-мъ году, ибо по самой же лѣтописи всѣхъ лѣтъ его правленія 37 (въ общей хронологіи подъ 852-мъ годомъ), а у монаха Іакова находимъ совершенно опредѣленное показаніе, что онъ сѣлъ въ Кіевѣ мѣсяца Іюня въ 11-й день въ лѣто 978. Когда лѣтопись говоритъ, что Ярополкъ княжилъ 8 лѣтъ (подъ тѣмъ же 852-мъ г.), то годы княженія нужно разумѣть не съ 972-го г., въ которомъ умеръ Святославъ, а съ 970-го, въ которомъ онъ посадилъ Ярополка при своей жизни; когда монахъ Іаковъ говоритъ, что Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ въ осьмое лѣто послѣ смерти отца своего Святослава, то у него нужно видѣть ошибку, происшедшую отъ забвенія, что Ярополкъ занялъ великокняжескій престолъ не послѣ смерти, а при жизни Святослава.

[2]) Т.-е. Болгары Волжско-Камскіе (называвшіеся у насъ Серебряными, нужно думать, отъ закамскаго или уральскаго серебра). См. о нихъ *Бестужева-Рюмина* Русскую исторію, I, 74 (съ указаніемъ литературы).

[3]) „Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти“.

принимали». Услышавъ обо (всемъ) этомъ, пришли Жиды Козарскіе [1]), говоря: «Слышали мы, что приходили Болгары и христіане, уча тебя каждый своей вѣрѣ; христіане вѣруютъ въ Того, Котораго мы распяли, а мы вѣруемъ во единаго Бога Авраамова, Исаакова, Іаковлева». И спросилъ Владиміръ: «Что есть законъ вашъ»? Они отвѣчали: «Обрѣзываться, не ѣсть ни свинины ни заячины [2]), хранить субботу». Владиміръ спросилъ: «А гдѣ земля ваша»? Они отвѣчали: «Въ Іерусалимѣ». Онъ спросилъ: «А тамъ ли и теперь»? Они отвѣчали: «Разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ землямъ за наши грѣхи, и предана была земля наша христіанамъ». Владиміръ сказалъ: «Такъ, какъ же другихъ учите, когда сами отвержены Богомъ и расточены? Если бы Богъ любилъ васъ и вѣру вашу, то вы не были бы расточены по разнымъ землямъ: или вы хотите, чтобы и съ нами случилось то же»? Послѣ этого Греки прислали къ Владиміру философа, говоря: «Слышали мы, что приходили Болгары и учили (убѣждали) тебя принять ихъ вѣру; но вѣра ихъ оскверняетъ небо и землю, они прокляты паче всѣхъ человѣкъ, ибо уподобились Содому и Гоморрѣ, на которые пустилъ Господь каменья горючіе, чтобы потопить ихъ; подобнымъ образомъ и сихъ ожидаетъ день погибели ихъ, когда Богъ придетъ судить землю и погубитъ всѣхъ, творящихъ беззаконіе и скверподѣющихъ: «си бо омываютъ оходы своя (и) въ ротъ вливаютъ и по брадѣ мажются, наричюще Бохмита, такоже и жены ихъ творятъ ту же скверну и ино пуще — отъ совокупленья мужьска и женска вкушаютъ». Слышавъ это, Владиміръ плюнулъ и сказалъ: «О отвратительно»! [3]). Философъ продолжалъ: «Еще слышали мы, что приходили изъ Рима (Нѣмцы) учить васъ своей вѣрѣ, но ихъ вѣра немного (нѣсколько) повреждена противъ нашей [4]), ибо служатъ на опрѣснокахъ, то-есть оплаткахъ, которыхъ Богъ не предалъ, повелѣвъ служить на хлѣбѣ, (ибо сказано): и преда апостоломъ, пріимъ хлѣбъ, и рече: се есть Тѣло Мое, ломимое за вы..., они же этого не творятъ, и (потому) вѣра ихъ (не совсѣмъ) исправна». Владиміръ ска-

[1]) О Козарахъ или Хазарахъ, которые имѣли свою столицу Итиль при устьѣ Волги и у которыхъ съ половины VIII вѣка іудейство, принесенное изъ греческой имперіи, было вѣрою государя и вельможъ, см. у *Бестуж. - Рюм.* ibid. I, 78 (съ указаніемъ литературы).

[2]) „Заячины" прибавлено, вѣроятно, потому, что старые Русскіе очень любили ѣсть ее.

[3]) „Си слышавъ, Володимеръ плюну на землю, рекъ: нечисто есть дѣло".

[4]) „Маломь съ нами развращена".

залъ: «Приходили ко мнѣ Жиды и говорили, что-де Нѣмцы и Греки вѣруютъ въ Того, Котораго мы распяли». Философъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, мы въ Него вѣруемъ, ибо пророки предрекли—одни, что Богъ родится, другіе, что Онъ будетъ распятъ и погребенъ, въ третій день воскреснетъ и вознесется на небеса: они же тѣхъ пророковъ избивали, а другихъ пилами претирали; когда же сбылись пророчества, (Богъ) сошелъ на землю, былъ распятъ и по воскресеніи вознесся на небо, то (Онъ) ждалъ отъ нихъ покаянія 46 лѣтъ, и поелику не покаялись, послалъ на нихъ Римлянъ, которые города ихъ разрушили, а самихъ расточили по разнымъ странамъ, въ которыхъ они и до сихъ поръ въ рабствѣ». Владиміръ спросилъ: «Но для чего Богъ сошелъ на землю и принялъ такую страсть»? Философъ сказалъ: «Если хочешь, (князь), послушать, то скажу тебѣ по ряду и обстоятельно, для чего Богъ сошелъ на землю». Владиміръ сказалъ: «Готовъ слушать съ большимъ удовольствіемъ (*послушаю радъ*)». И началъ философъ говорить такимъ образомъ...

За симъ слѣдуетъ весьма пространная рѣчь философа къ Владиміру, въ которой подробно излагается вся священная исторія ветхаго и новаго завѣта отъ начала до конца, отъ сотворенія міра до вознесенія Іисуса Христа и проповѣди апостоловъ. Показавъ такимъ образомъ планъ божественнаго домостроительства о спасеніи людей или то, для чего Богъ сходилъ на землю, философъ заключилъ свою рѣчь: «Предуставилъ же Богъ день, въ который хочетъ судить, пришедъ съ неба, живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его—праведникамъ царство небесное и красоту неизреченную и веселье безъ конца и жизнь вѣчную, а грѣшникамъ безконечную муку огненую и червя не усыпающаго». Сказавъ это, философъ показалъ Владиміру полотно, на которомъ написанъ былъ страшный судъ Господень, и указалъ ему одесную праведниковъ, въ веселіи идущихъ въ рай, а ошуюю грѣшниковъ, идущихъ въ муку.

Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: «Добро симъ—одесную, горе же симъ—ошуюю». Философъ сказалъ: «Если хочешь стать съ праведными одесную, то крестись». Владиміръ, положивъ на сердцѣ своемъ слова его, сказалъ: «Подожду и еще мало», — ибо хотѣлъ испытать о всѣхъ вѣрахъ. Давъ философу дары многіе, Владиміръ отпустилъ его съ честію великою.

Подъ 987-мъ годомъ. Созвалъ Владиміръ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и сказалъ имъ: «Вотъ приходили ко мнѣ Болгары, говоря: прими законъ нашъ; потомъ приходили Нѣмцы, которые также хвалили свой законъ; потомъ приходили Жиды; послѣ всѣхъ пришли

Греки, хуля всѣ законы, а хваля (только) свой, и много говорили, повѣствуя отъ начала міра о бытіи всего міра; хитры и чудны повѣсти ихъ, каждому любо послушать ихъ; говорятъ они, что и другой свѣтъ будетъ и кто-де вступитъ въ ихъ вѣру, тотъ умерши воскреснетъ и больше не будетъ умирать во вѣки, а кто вступитъ въ другую вѣру, тому на томъ свѣтѣ горѣть въ огнѣ. Какъ вы мнѣ ума прибавите, что посовѣтуете»,—спросилъ Владиміръ бояръ и старцевъ. Бояре и старцы отвѣчали: «Знаешь, князь, что свое никто не хулитъ, а хвалитъ; если хочешь испытать хорошенько, то имѣешь у себя мужей: пошли испытать службу каждаго изъ нихъ, какъ служатъ Богу». Эта рѣчь была люба князю и всѣмъ людямъ; избрали мужей добрыхъ и смысленныхъ, числомъ 10, и сказали имъ: «Идите сначала къ Болгарамъ и испытайте ихъ вѣру». Пошли они и пришедши видѣли скверныя дѣла ихъ и кланяньe въ ропатахъ [1]) и возвратились домой. И сказалъ Владимиръ: «Идите теперь къ Нѣмцамъ, посмотрите также и (у нихъ), и оттуда идите къ Грекамъ». Пришли они къ Нѣмцамъ и смотрѣли ихъ церковную службу; (потомъ) пришли въ Царьградъ и вошли къ царю. Царь спросилъ, для чего пришли, и они расказали ему бывшее. Выслушавъ ихъ, царь радъ былъ и сотворилъ имъ въ тотъ день честь великую. На утро (на другой день) царь послалъ къ патріарху и приказалъ сказать: «Пришли Русскіе и желаютъ смотрѣть нашу вѣру, прикажи убрать и приготовить церковь [2]), собери и приготовь (весь свой) причтъ [3]) и самъ соверши богослуженіе, чтобы видѣли они славу Бога нашего» [4]). Услышавъ это, патріархъ приказалъ созвать причтъ, и устроили праздничную службу, какъ это обычно въ праздники, зажгли ка(н)дила и составили пѣнія и лики. И пошли съ ними (послами) въ церковь и поставили ихъ по срединѣ

---

[1]) Мечетяхъ.

[2]) Т.-е. убрать и приготовить по праздничному, каковыя убранство и приготовленіе состояли особенно въ томъ, что привѣшивали къ иконамъ богатыя пелены и что развѣшивали въ церквахъ множество кандилъ и лампадъ, дабы устроить возможно блистательное освѣщеніе (φωταγωγία—иллюминація, см. ниже).

[3]) „Пристрой крилосъ". Подъ крилосомъ, т.-е. клиросомъ, разумѣются не пѣвчіе, а штатъ патріаршихъ богослужебныхъ „чиновниковъ". Клиросами назывались собственно штаты административныхъ архіерейскихъ чиновниковъ (см. ниже), а потомъ и штаты чиновниковъ богослужебныхъ, такъ какъ изъ чиновниковъ административныхъ многіе были вмѣстѣ и чиновниками богослужебными.

[4]) Вообще царь даетъ въ повѣсти тотъ приказъ патріарху, чтобы онъ совершилъ для Русскихъ въ св. Софіи возможно торжественнымъ образомъ праздничное богослуженіе.

церкви [1]), показывая имъ красоту церковную, пѣніе и службу архіерейскую и предстояніе діаконовъ, толкуя имъ, какъ они служатъ Богу своему (толкуя имъ чинъ своего богослуженія). Они же, бывъ въ изумленіи и удивленіи, похвалили службу ихъ. И призвали ихъ цари Василій и Константинъ и сказали: «Идите въ землю вашу», и отпустили ихъ съ дарами великими и съ честью. Когда они пришли въ свою землю, то Владимиръ созвалъ бояръ своихъ и старцевъ и сказалъ: «Вотъ пришли посланные нами мужи; послушаемъ, что они видѣли, пусть разсказываютъ предъ дружиною». Послы сказали: «Ходили мы къ Болгарамъ, и смотрѣли, какъ они покланяются въ храмѣ, то-есть, въ своей ропатѣ: стоятъ безпоясые, поклонившись сядетъ (на корточки) и смотритъ туда и сюда, какъ бѣшеный, «нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добръ законъ ихъ». Потомъ пришли мы къ Нѣмцамъ и видѣли, что они творятъ въ храмахъ своихъ многія службы, но красоты не видали никакой. Послѣ этого пришли мы къ Грекамъ, и ввели они насъ туда, гдѣ служатъ Богу своему, и не знаемъ мы—на небѣ мы были или на землѣ, ибо на землѣ нельзя видѣть такого зрѣлища и такой красоты; не умѣемъ вамъ разсказать, только то знаемъ, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми и что служба ихъ превосходитъ службу всѣхъ другихъ странъ; мы не можемъ забыть такой красоты; какъ всякій человѣкъ, если попробуетъ сладкаго, послѣ уже не хочетъ горькаго, такъ и мы не хочемъ здѣсь оставаться [2]). (Выслушавъ рѣчи пословъ), бояре въ отвѣтъ на нихъ сказали (Владимиру): «Если бы былъ худъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрѣйшею изъ всѣхъ людей» [3]). Владимиръ сказалъ: «Такъ гдѣ же крестимся»? Бояре сказали: «Гдѣ любо тебѣ».

«Минувшю лѣту», въ 988-мъ году, Владимиръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій, взялъ его и въ немъ крестился...

Кто любитъ занимательныя и замысловатыя повѣсти, не заботясь ни о чемъ другомъ, для кого сказка предпочтительнѣе всякой дѣйствительной исторіи, лишь бы имѣла указанное качество, того сейчасъ переданная повѣсть о крещеніи Владимира должна удовлетворять вполнѣ, ибо достоинство замысловатости ей принадлежитъ безспорно. Но не-

---

[1]) „Поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ“.

[2]) Смыслъ не совсѣмъ понятныхъ словъ, вѣроятно, тотъ, что — если вы не примете христіанской вѣры, то мы уйдемъ въ Константинополь, чтобы тамъ принять ее.

[3]) „Яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ“.

много критики, немного просто нѣкоторой мѣры въ вѣрѣ,—и съ пространною повѣстію тотчасъ же должно случиться такое чудо, что отъ нея останется только голый остовъ, а потомъ и отъ этого голаго остова останется только одна половина.

Предположимъ, что повѣсть принадлежитъ самому лѣтописцу. Можно ли, соблюдая нѣкоторую серьёзность, принимать, чтобы всѣ рѣчи пословъ, которыя онъ передаетъ, были подлинными ихъ рѣчами, а не просто собственнымъ его сочиненіемъ? Если бы лѣтописецъ былъ непосредственнымъ современникомъ, если бы онъ даже стоялъ на дворѣ великокняжескомъ въ то время, какъ послы были у Владимира, то и тогда онъ могъ бы только до нѣкоторой степени передать содержаніе рѣчей, но никакъ не самыя рѣчи въ ихъ подлинномъ видѣ. Но лѣтописецъ жилъ и писалъ спустя сто слишкомъ лѣтъ послѣ Владимира. Правда, онъ еще засталъ въ живыхъ людей, которые помнили крещеніе земли Русской или которые родились вскорѣ послѣ него [1]): но сколько нешуточнаго въ ссылкѣ на эти лица, дѣлаемой въ подкрѣпленіе того, будто лѣтописецъ могъ передать подлинныя рѣчи пословъ? Вотъ вамъ остающійся до сихъ поръ въ живыхъ какой-нибудь петербургскій уроженецъ и житель, родившійся въ годъ смерти Екатерины Великой, который знаетъ прошедшее только по собственной памяти, а не по книгамъ; спросите его о какихъ угодно знаменитыхъ бесѣдахъ, когда либо въ продолженіе царствованія веденныхъ Екатериной, что̀ онъ вамъ отвѣтитъ, т. е. что̀ онъ въ состояніи будетъ вамъ отвѣтить? Одни изъ упомянутыхъ людей могли сообщить лѣтописцу только кое-что, въ дѣтствѣ ими видѣнное, а другіе—только кое-что, въ дѣтствѣ изъ первыхъ устъ ими о событіи слышанное, и ни тѣ ни другіе никоимъ образомъ не могли сообщить ему подлинныхъ рѣчей всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя представляются въ повѣсти говорящими. А такимъ образомъ чрезъ сто слишкомъ лѣтъ лѣтописцу вовсе и никакъ не могло быть извѣстнымъ, что̀ говорили Владимиру послы, къ нему приходившіе, что̀ отвѣчалъ имъ онъ самъ, и вообще что было кѣмъ бы то ни было говорено. Слѣдовательно, повторяемъ,—всѣ рѣчи, которыя влагаются въ повѣсти въ уста говорящихъ въ ней лицъ, суть

---

[1]) Монахъ печерскій Іеремія, о которомъ лѣтописецъ, не давая впрочемъ ясно знать, засталъ ли самъ его въ живыхъ, говоритъ, что онъ „помняше крещенье земли Руськыя“ (Собр. лѣтт., I, 81), и бояринъ кіевскій Янъ Вышатичъ, который умеръ въ 1106 году, имѣя около 90 лѣтъ, и о которомъ лѣтописецъ говоритъ: „Отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь“.

ни что иное, какъ простой позднѣйшій вымыслъ самого лѣтописца, и слѣдовательно, за уничтоженіемъ рѣчей, въ повѣсти остаются только тѣ два голые факта, что, во-первыхъ, приходили послы ко Владиміру съ предложеніемъ вѣръ, и что, во-вторыхъ, онъ посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ [1].

Изъ этихъ двухъ голыхъ фактовъ вѣроятенъ самъ по себѣ только первый, другой же есть дѣло совсѣмъ невозможное, именно: могло быть, чтобы къ Владиміру приходили послы или миссіонеры съ проповѣдію о вѣрахъ и съ предложеніемъ ихъ, но не могло быть, чтобы Владиміръ самъ посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ.

Справедливо замѣчаютъ наши изслѣдователи, что этотъ выборъ Владиміромъ вѣры есть случай единственный во всей извѣстной исто-

---

[1]) Совершенную очевидность того, что рѣчи не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ позднѣйшимъ вымысломъ, пространно доказывать мы стѣсняемся, потому что она такъ очевидна и потому что въ области не церковной исторіи доказывать это считается уже излишнимъ и нѣсколько страннымъ. Но возьмите наконецъ самыя рѣчи. Неужели проповѣдники магометанскіе могли приходить къ Владиміру затѣмъ, чтобы держать предъ нимъ возможно срамныя рѣчи и такимъ образомъ доказать ему, что вѣра ихъ есть самая срамная въ мірѣ? Неужели проповѣдники еврейскіе приходили затѣмъ, чтобы сказать, что Евреи суть народъ, Богомъ отверженный? Неужели проповѣдники папскіе только и могли сказать то, что̀ влагаетъ имъ въ уста повѣсть, и не ясно ли, что не имѣющій смысла отвѣтъ Владиміра: „Идѣте опять, яко отци наши сего не пріяли суть“, значитъ то, что отъ одинаковыхъ съ Греками христіанъ составитель повѣсти не видѣлъ возможности отдѣлаться со смысломъ? Весьма понятно для насъ, какъ все читаемое нами въ повѣсти могъ написать позднѣйшій и нѣсколько наивный Русскій (или какъ все это могло сложиться у позднѣйшихъ Русскихъ); но чтобы все это могло быть такъ въ дѣйствительности, принимать это было бы болѣе чѣмъ странно.—(Влагая въ уста посламъ папинымъ слова: „аще кто пьетъ или ясть, то *все* въ славу Божію“, авторъ повѣсти хочетъ сказать, что латиняне ѣли въ числѣ всего удавленину, за что такъ укоряли ихъ Греки; а заставляя присемъ пословъ ссылаться на ап. Павла,—1 Кор. гл. 10, онъ хочетъ дать знать, что латиняне ссылались на апостола неправильно, перетолковывая его слова, ибо постановленіе собора апостольскаго,—Дѣян. 15, 29. Заставляя философа греческаго говорить Владиміру о магометанахъ, что „они омываютъ оходы своя, въ ротъ вливаютъ и по брадѣ мажются“ и пр., авторъ повѣсти, какъ это необходимо думать, повторяетъ басни, выдуманныя Греками насчетъ магометанъ, а о самихъ Грекахъ cfr Вальсамона въ толкованіи на 70-е правило Василія Великаго, у Ралли и П. IV, 229 fin.. Когда авторъ повѣсти говоритъ, будто магометане говорили Владиміру: кто убогъ на этомъ свѣтѣ, тотъ также будетъ и тамъ, то онъ противорѣчитъ тому, что̀ самъ сказалъ непосредственно выше: такъ принимали языческіе Литовцы,—*Бестуж.-Рюм.*, I, 85, а вѣроятно—и сами Русскіе).

ріи, но не совсѣмъ понятно, какъ они не замѣчаютъ, что онъ есть случай вмѣстѣ и невозможный, что онъ есть выдумка, съ одной стороны, пожалуй, затѣйливая, а съ другой стороны вовсе несостоятельная, чтобы не сказать болѣе, съ которою серьёзной наукѣ пора наконецъ разстаться. Приходившіе проповѣдники изложили Владиміру догматы своихъ вѣръ; но этого для него недовольно, и онъ хочетъ еще испытать о нихъ. Въ чемъ же должно состоять испытаніе? «Пославъ испытай»,—говорятъ будто бы Владиміру бояре и старцы,—«когождо ихъ службу, кто како служитъ Богу», т. е. испытаніе должно состоять въ согляданіи обрядовъ каждой вѣры. Уже историки прошлаго столѣтія Татищевъ и митрополитъ Платонъ въ состояніи были понять, что испытаніе или согляданіе обрядовъ есть дѣло странное [1]). Оно дѣйствительно есть дѣло не только странное, а просто совсѣмъ невѣроятное. Что такое обряды? Внѣшнія условныя дѣйствія, которыя сами по себѣ не имѣютъ значенія, которыя сами по себѣ ни худы ни хороши, которыя для человѣка посторонняго остаются совершенно непонятными и которыя не даютъ и рѣшительно не могутъ дать ни малѣйшаго понятія о вѣрѣ, коей они составляютъ внѣшнюю принадлежность. Какую же разумную цѣль имѣло бы со стороны Владиміра отправленіе посольства смотрѣть непонятныя и не имѣвшія ровно ничего сказать дѣйствія, и какимъ образомъ могло бы ему придти на мысль отправить не имѣющее никакого смысла посольство? Идите, посмотрите—у котораго народа лучше совершается церковная служба. Но что тутъ можетъ значить—лучше совершается: у кого она веселѣе совершается, у кого пышнѣе обстановлена [2])? Неужели Владиміръ

---

[1]) *Татищевъ* Истор. Росс. кн. II, прим. 180, стр. 406; *Платонъ* Кратк. Церк. Росс. Ист., I, 24. Желая придать посольству смыслъ, они предполагаютъ, что оно отправлено было не для согляданія обрядовъ, а для испытанія догматовъ. Но догматы должны были изложить приходившіе послы, и какое побужденіе могло бы быть для изслѣдованія ихъ на мѣстѣ?

[2]) Православный читатель, полагаемъ, не преминетъ сказать: у кого она совершается стройнѣе и чиннѣе, благочиннѣе и назидательнѣе. Но все это можетъ говорить только онъ, православный, имѣя въ умѣ готовое представленіе о благочиніи и назидательности своего богослуженія и сравнивая съ нимъ богослуженія другихъ вѣръ. А съ какой стати пришло бы на мысль язычнику предполагать, что въ богослуженіи одной вѣры болѣе, въ богослуженіи другой вѣры менѣе этихъ качествъ? Развѣ можно предполагать a priori, само по себѣ, что есть вѣры, отличающіяся безчиніемъ и неназидательностію богослуженія? Оставьте свою вѣру, оставьте всѣ вѣры христіанскія, возьмите вѣры языческія: будете ли вы предполагать, что богослуженіе однихъ между ними болѣе, а богослуженіе другихъ менѣе чинно и назидательно? Обряды богослужебные, равно какъ и житейскіе, будучи

могъ въ чемъ-нибудь подобномъ полагать лучшую вѣру, и не видитъ ли читатель, что дѣло получаетъ совсѣмъ, такъ сказать, тривіальный смыслъ? Какъ могло придти на мысль заставить Владимира судить о достоинствѣ вѣръ по достоинству обрядовъ позднѣйшему православному Русскому, или позднѣйшимъ таковымъ Русскимъ,—это не трудно понять, когда подобной мысли не находятъ странною даже и въ на-

---

внѣшними условными дѣйствіями, условными и принятыми обычаями, не имѣютъ безотносительнаго достоинства, а мы судимъ объ ихъ достоинствѣ единственно по степени нашей къ нимъ привычки: свои обряды, къ которымъ мы привыкли, для насъ хороши, чужіе и невиданные нами—странны и нехороши. Магометане совершаютъ внѣшнюю молитву такимъ образомъ, что распростираютъ руки и потомъ кланяются. На взглядъ Русскаго (который можетъ представить себѣ *чью бы то ни было* молитву только въ своей формѣ) это странно; а между тѣмъ это есть древній христіанскій образъ молитвы, заимствованный магометанами именно у христіанъ. Магометане при входѣ въ мечети совершаютъ омовенія лицъ и рукъ (у бассейновъ и фонтановъ, устрояемыхъ для сей цѣли на дворахъ мечетей). Русскому странно смотрѣть на эти поголовныя умыванія идущихъ молиться; а между тѣмъ это также древній христіанскій обычай, заимствованный магометанами также у христіанъ. Мы садимся за столъ для обѣда на стулья, восточные садятся на полъ, поджавъ ноги, древніе не садились, а ложились на постели (одры,—длинные диваны): намъ странно видѣть сидящихъ на полу, а имъ наоборотъ; намъ странно было бы видѣть лежащихъ, а имъ тоже было бы наоборотъ. Всякій слыхалъ, что у разныхъ народовъ весьма разнообразенъ способъ для здорованья лицъ встрѣчающихся: одни другъ другу кланяются, снимая шапки, другіе жмутъ другъ другу руки, третьи прижимаютъ свои руки къ сердцу, четвертые дуютъ другъ на друга, пятые трутся носами, шестые ложатся на животъ и ползутъ другъ къ другу, и т. д.: всякій находитъ хорошею свою форму, странными и худыми чужія. Внѣшній обрядъ и обычай есть то, къ чему прилагается пословица: что городъ, то норовъ (съ теченіемъ времени у однихъ и тѣхъ же людей мѣняются обряды и обычаи: если бы теперешнему Русскому человѣку воспроизвести древняго Русскаго человѣка съ его обрядами и обычаями, то весьма немалое показалось бы ему въ высшей степени страннымъ и, не знаючи, онъ пожалуй произнесъ бы судъ такой строгій, что, узнавши дѣло, весьма бы смѣшался). Нашъ авторъ повѣсти полагаетъ достоинство вѣръ и не въ достоинствѣ обрядовъ (хотя этого достоинства, какъ мы сказали, они и не имѣютъ), а въ степени великолѣпія храмовъ (иконостасы и иконы), богослужебныхъ принадлежностей (ризы и сосуды) и самаго богослуженія (множество служащихъ и пѣніе: у магометанъ послы Владимировы не нашли въ богослуженіи „веселья“, у Нѣмцевъ „красоты“, а у Грековъ нашли такую „красоту“, что недоумѣли сказать). Для насъ, Русскихъ, великолѣпіе составляетъ необходимую принадлежность храмовъ и богослуженія, и для насъ видѣть храмы и богослуженіе, въ которыхъ отсутствуетъ оно и господствуетъ простота, въ высшей степени странно. Но наоборотъ для людей, которые привыкли къ простотѣ храмовъ и богослуженія (каковы наприм. магометане и протестанты) совершенно въ такой же степени странно видѣть наше великолѣпіе.

стоящее время. Какъ позднѣйшій православный Русскій могъ написать о впечатлѣніяхъ пословъ все то, что̀ читается въ повѣсти, это, конечно, уже совсѣмъ для насъ понятно,—устами пословъ говоритъ намъ онъ самъ [1]).

[1]) О богослуженіи магометанъ послы Владимировы отзываются въ повѣсти: „смотрихомъ, како ся поклоняютъ въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще безъ пояса: поклонився сядеть и глядить сѣмо и овамо яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ". Всякій, конечно, самъ собою понимаетъ, что дѣйствительнаго смрада въ богослуженіи магометанъ нѣтъ никакого (свои мечети они содержатъ въ строгой чистотѣ и ведутъ себя въ нихъ опрятнѣе, чѣмъ мы въ нашихъ храмахъ,—у нихъ не принято плевать и харкать на полы мечетей, всегда покрытыя безукоризненно чистыми циновками); употребляя слово „смрадъ", авторъ хочетъ выразить свое отвращеніе къ богослуженію магометанъ. Когда онъ говоритъ, что въ богослуженіи магометанъ нѣтъ веселья, но печаль, то онъ съ своей точки зрѣнія правъ: богослуженіе магометанъ отличается совершенной простотой и вовсе не имѣетъ нашего великолѣпія, равно какъ и мечети ихъ вовсе не имѣютъ никакихъ украшеній (поэтому и въ великолѣпнѣйшихъ мечетяхъ Константинополя Русскій чувствуетъ себя какъ въ сараѣ, что̀ знаемъ по собственнымъ впечатлѣніямъ). Что хочетъ сказать авторъ словами: „глядитъ сѣмо и овамо, яко бѣшенъ" не знаемъ и не догадываемся, но вѣроятно, что онъ повторяетъ тутъ одинъ изъ многочисленныхъ старогреческихъ Witz'овъ насчетъ магометанъ. Укоризну: „стояще безъ пояса" объясняютъ намъ Responsa папы Николая ad consulta Bulgarorum (см. о нихъ въ нашей книгѣ: Краткій очеркъ исторіи церквей Болгарской, Сербской и Румынской), въ которыхъ между прочимъ читаемъ: Jam vero quod asseritis, Graecos vos prohibere communionem suscipere sine cingulis, quibus sacrae scripturae hoc prohibere jure probentur, nos penitus ignoramus, nisi forte... и пр., у *Миня* въ Патр. t. 119, p. 1000, n. LV; cfr митр. Кипріана въ Акт. Истор. т. I, стр. 118. О богослуженіи латинянъ авторъ повѣсти устами пословъ отзывается: „видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоея же". Такъ какъ у латинянъ богослуженіе отличается нисколько не меньшимъ великолѣпіемъ, чѣмъ у Грековъ, а въ особенно торжественныхъ случаяхъ и значительно превосходитъ послѣднее, вдаваясь въ совершенную театральность, до которой Греки, слава Богу, не дошли, то приведенныя слова автора должно понимать такимъ образомъ, что, прибѣгая къ нѣкоторой софистикѣ, онъ говоритъ не объ общественномъ богослуженіи ихъ въ собственномъ смыслѣ, а такъ сказать о приватно-общественномъ—о пѣніи обѣденъ на боковыхъ (нашихъ теперешнихъ придѣльныхъ) престолахъ, которыхъ въ большихъ католическихъ церквахъ очень помногу и на которыхъ въ праздники служится обѣденъ (нашихъ—раннихъ) очень большое количество,—эта противоположность между католиками и нами въ древнее время была еще рѣзче, чѣмъ теперь, потому что въ древнее время у насъ не было придѣльныхъ престоловъ, а были придѣльныя церкви, такъ что каждая церковь имѣла по одному престолу (на которомъ могла совершаться въ одинъ день только одна обѣдня), cfr ниже. Если бы повѣсть, подобную нашей, вздумалъ написать католикъ, то, поведши пословъ Владимировыхъ не къ Нѣмцамъ, а въ Римъ, гдѣ, хотя не было Софіи

Но предположимъ даже, что посольство имѣло бы смыслъ, хотя имѣть его и не могло. Оно, попрежнему, останется все-таки дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Владимиръ рѣшился принять греческое или православное христіанство будто бы послѣ выбора между многими предложенными ему вѣрами; но этотъ выборъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, есть ли нѣчто мыслимое въ приложеніи къ данному случаю? Люди перемѣняютъ вѣру двоякимъ образомъ—или машинально, потому что это имъ приказываютъ, или по внутреннему и искреннему убѣжденію. Владимиръ перемѣнилъ язычество на православное христіанство, конечно, не первымъ, а вторымъ образомъ. Если бы допускался выборъ при машинальной перемѣнѣ вѣры, то онъ былъ бы до нѣкоторой степени возможенъ, именно—выборъ вѣры болѣе выгодной въ томъ или другомъ внѣшнемъ отношеніи: но совмѣстимо ли понятіе выбора съ перемѣной по убѣжденію? Если я перемѣняю одно мнѣніе на другое по искреннему убѣжденію, то, очевидно, потому, что одно мнѣніе нахожу ложнымъ, а другое истиннымъ: какимъ же образомъ можетъ быть тутъ мѣсто выбору, т.-е. мѣсто выбору, когда у меня уже рѣшено, какое мнѣніе истинное вмѣсто моего прежняго ложнаго? Читатель, можетъ быть, не сразу насъ понимаетъ. Весьма простое дѣло состоитъ въ томъ, что при перемѣнѣ мнѣній по искреннему убѣжденію не бываетъ такъ, чтобы сначала я оставилъ мнѣніе ложное и потомъ сталъ искать истиннаго, но такъ, что я оставляю ложное мнѣніе только въ то самое время, какъ принимаю истинное, что одно замѣняетъ и такъ сказать вытѣсняетъ другое, и что эта смѣна происходитъ совершенно непосредственно. Точный образъ выраженія объ этой перемѣнѣ мнѣній по искреннему убѣжденію не тотъ, что я принялъ такое-то мнѣніе (истинное) послѣ того, какъ оставилъ такое-то (ложное), но тотъ, что я оставилъ такое-то мнѣніе, *потому что* принялъ такое-то; если оставляется прежнее мнѣніе, то необходимо предполагается новое, которое вмѣсто него принимается, и это послѣднее есть причина, почему оставляется первое. Конечно, и при перемѣнѣ мнѣній по искреннему убѣ-

---

Константинопольской, однако были такія базилики, какъ св. Петра Ватиканская (не нынѣшняя Микель-Анжеловская, а бывшая передъ нынѣшнею Константиновская) и св. Павла Extra muros, то, изобразивъ великолѣпіе храма и богослуженія (и между прочимъ пѣнія, во вкусѣ относительно котораго мы совершенно сходимся съ Западными и столько совершенно расходимся съ Греками...), имѣлъ бы полное право сказать о впечатлѣніи, полученномъ послами со стороны внѣшности, не меньшее того, что говоритъ авторъ нашей повѣсти.

жденію возможенъ внутренній выборъ, имѣющій себѣ мѣсто въ самомъ человѣкѣ (и могущій быть въ томъ случаѣ, если человѣкъ заразъ знакомится съ нѣсколькими иными мнѣніями, чѣмъ его собственное), ибо перемѣна совершается посредствомъ внутренняго процесса мышленія и обсужденія; но этотъ выборъ составляетъ одно нераздѣльное съ самымъ душевнымъ актомъ перемѣны ложнаго мнѣнія на истинное (предшествуя принятію новаго мнѣнія), и послѣ того, какъ онъ совершился, не можетъ быть мѣста для внѣшняго выбора мнѣній, ибо такой выборъ уже сдѣланъ. Ясно, что слѣдуетъ изъ сейчасъ сказаннаго по отношенію къ перемѣнѣ вѣры Владиміромъ. Если онъ рѣшился оставить свое язычество, то это могло быть только такъ, что вмѣсто него онъ рѣшился принять въ тоже время другую извѣстную вѣру, но не могло быть такъ, чтобъ онъ сначала рѣшился оставить язычество, а потомъ началъ выбирать себѣ другую вѣру; онъ могъ рѣшиться оставить одну вѣру только вмѣстѣ, тождевременно и нераздѣльно съ тѣмъ, какъ рѣшился принять другую. Ergo мнимый, произведенный будто бы имъ, выборъ вѣры представляетъ собою вещь невозможную. Мы знаемъ, что Владиміръ принялъ греческое православное христіанство; слѣдовательно, необходимо думать, что рѣшимость принять его явилась у него одновременно съ тѣмъ, какъ явилась рѣшимость оставить язычество или что онъ непосредственно, безъ всякихъ выборовъ, перемѣнилъ одно на другое. А такимъ образомъ, если мы допустимъ, что приходили къ Владиміру послы или миссіонеры съ предложеніемъ вѣръ, то необходимо думать, что, не убѣжденный ни однимъ изъ миссіонеровъ другихъ народовъ, онъ убѣжденъ былъ миссіонеромъ греческимъ, за чѣмъ безъ всякаго выбора вѣръ и послѣдовало принятіе вѣры православной [1]).

---

[1]) Такъ какъ люди, занимающіеся исторіей, большею частію не охотники до нѣсколько отвлеченнаго мышленія, то меня упрекали, что вышеприведенныя мои рѣчи о невозможности выбора Владиміромъ вѣръ не совсѣмъ или даже совсѣмъ не ясны; почему я печатно обѣщалъ, въ случаѣ 2-го изданія книги, высказаться яснѣе. Но теперь я нахожу, что отвлеченнаго невозможно сдѣлать наглядно яснымъ, такъ чтобы избавить читателя отъ всякаго напряженія головы. Къ сказанному присоединю то, что въ 1-мъ изданіи я написалъ еще въ дополненіяхъ: Рѣчь идетъ не о положительныхъ свѣдѣніяхъ, а о религіозныхъ вѣрованіяхъ или убѣжденіяхъ. Съ положительными свѣдѣніями можетъ случиться то, что повѣсть о крещеніи представляетъ случившимся съ религіозными вѣрованіями или убѣжденіями Владиміра. Положимъ, я имѣю свѣдѣніе о какомъ-нибудь происшествіи; поговоривши съ тремя-четырьмя человѣками, которые увѣряютъ меня, что мое свѣдѣніе ложно и въ то же время каждый разсказываетъ о происшествіи по своему, я могу усум-

Итакъ, повторяемъ, дѣло невозможное, чтобы Владиміръ выбиралъ вѣру и для этого посылалъ пословъ къ народамъ. Само по себѣ

читься въ моемъ свѣдѣніи и въ виду разнорѣчія другихъ показателей начать доискиваться истины. Но не можетъ случиться этого съ религіозными вѣрованіями и всякими убѣжденіями. Я имѣю извѣстныя религіозныя вѣрованія; ко мнѣ преемственно приходятъ три—четыре человѣка, имѣющіе религіозныя вѣрованія отличныя отъ моихъ и вмѣстѣ каждый свои особыя, и поочередно стараются убѣдить меня въ ложности моихъ мнѣній и въ истинности каждый своего. Здѣсь не можетъ случиться того, чтобы я, не бывъ убѣжденъ рѣчами ни одного собесѣдника, поколебался въ истинѣ своихъ вѣрованій и рѣшился предпринять розысканія истины; а случится или то, что я, не убѣжденный никѣмъ, останусь при своихъ вѣрованіяхъ, или—что, убѣжденный которымъ-нибудь однимъ, приму вмѣсто своихъ вѣрованій его вѣрованія. Представимъ себѣ философа, имѣющаго извѣстныя философскія убѣжденія. Онъ читаетъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ предлагаются другія убѣжденія и въ каждой свои: случится ли съ нимъ, чтобы этимъ фактомъ существованія многихъ другихъ убѣжденій онъ былъ поколебленъ въ истинности своихъ и началъ разыскивать между первыми истинныя? Конечно, нѣтъ: онъ или останется при своихъ убѣжденіяхъ или безъ розысканій перемѣнитъ ихъ на извѣстныя другія, которыя найдетъ болѣе истинными. Вообще, при перемѣнѣ религіозныхъ вѣрованій и всякихъ убѣжденій невозможенъ выборъ изъ многаго, а возможна только прямая и непосредственная перемѣна одного на другое (хотя преемственно эта перемѣна, разумѣется, можетъ совершиться и нѣсколько разъ). Никакого дѣйствія не бываетъ безъ причины; единственная причина, которая можетъ заставить человѣка отказаться отъ убѣжденій, коль скоро онъ ихъ имѣетъ, есть та, что онъ видитъ передъ собою другія извѣстныя убѣжденія, которыя находитъ болѣе истинными, и поэтому-то не выборъ изъ многихъ, а только перемѣна однихъ на одни. (Человѣческое мышленіе подчинено между прочимъ закону достаточнаго основанія,—principium rationis sufficientis: какъ никто не приметъ новаго убѣжденія безъ достаточнаго основанія, такъ никто безъ того же основанія не откажется и отъ стараго. Но такимъ основаніемъ въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть только новое убѣжденіе, которое человѣкъ находитъ болѣе истиннымъ; слѣдовательно, перемѣна убѣжденія на убѣжденіе и пр.). Защитники повѣсти могутъ возразить, что Владиміръ, какъ язычникъ, не имѣлъ никакихъ убѣжденій, что онъ былъ язычникомъ потому только, что родился имъ. Но этимъ они не только себѣ не помогутъ, а совсѣмъ уронятъ дѣло: не имѣющій никакихъ убѣжденій и только формально и наружно содержащій извѣстныя убѣжденія не будетъ доискиваться, какія между другими убѣжденіями суть истинныя, и если найдетъ нужнымъ то, чтобы изъ формальнаго и наружнаго адепта однихъ стать таковымъ же адептомъ другихъ, то сдѣлаетъ это по какимъ-либо соображеніямъ стороннимъ (а если изъ наружнаго и формальнаго адепта какихъ-нибудь убѣжденій онъ сдѣлается искреннимъ адептомъ другихъ убѣжденій, то опять не путемъ выбора...). — Невозможность представлять дѣло такимъ образомъ, чтобы Владиміръ, переслушавъ всѣхъ проповѣдниковъ и не убѣжденный ни однимъ, принялъ однако рѣшеніе оставить язычество, сознавалъ и самъ авторъ повѣсти. Поэтому, у него дѣло представляется такъ, что его убѣдилъ въ ложности язычества проповѣдникъ греческій. (Но если проповѣдникъ гре-

возможно только то, что къ нему приходили послы отъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ и что проповѣдь посла греческаго имѣла своимъ слѣдствіемъ его обращеніе въ православное христіанство. Это послѣднее не только было возможно, но и совершенно возможно, было возможно не только потому, что есть дѣло возможное само въ себѣ, но и потому, что мы имѣемъ прямыя историческія указанія въ семъ смыслѣ. Папы римскіе уже давно самымъ усерднымъ образомъ старались о распространеніи христіанства и своей власти между новыми языческими народами Европы и въ числѣ другихъ народовъ и между нашими сородичами Славянами; а что всего важнѣе и прямѣе, такъ это то, что — какъ удостовѣряютъ насъ положительныя свидѣтельства — они вовсе не забыли и про насъ (см. на концѣ этой главы добавочный отдѣлъ: «Увѣренія нѣкоторыхъ римско-католическихъ писателей» и пр.). Такимъ образомъ, приходъ къ Владиміру посла папскаго былъ возможенъ, такъ сказать, какъ самая возможность. Объ особенномъ миссіонерскомъ усердіи позднѣйшихъ Грековъ мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній. Но Россія была страна настолько близкая къ Греціи (настолько территоріальнымъ образомъ страна восточная, назначенная быть частію Европы восточной) и настолько находившаяся въ живыхъ связяхъ съ Греціей и даже земельномъ соприкосновеніи съ нею (наша Тмутаракань и греческія владѣнія въ Тавридѣ), что для Грековъ былъ весь интересъ видѣть насъ своими единовѣрцами и людьми себѣ подчиненными въ церковномъ отношеніи. Вслѣдствіе этого было весьма возможно то, чтобы вслѣдъ за посольствомъ папы и они поспѣшили послать къ Владиміру свое посольство [1]). Соревнуя папѣ и Грекамъ могли прислать свои посольства къ Владиміру и Болгары съ Хазарами. Такъ, говоримъ, весьма возможно было то, чтобы приходили къ Владиміру послы или миссіонеры съ предложеніемъ вѣръ.

Но и этого возможнаго само по себѣ не было на самомъ дѣлѣ.

Кромѣ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, мы въ настоящее время имѣемъ трехъ древнихъ сказателей, которые говорятъ о крещеніи Вла-

---

ческій убѣдилъ Владиміра въ ложности язычества, то вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ убѣдить и въ истинности христіанства, *ибо въ первомъ могъ убѣдить чрезъ то, что убѣдилъ во второмъ;* а если такъ, то не нужны и посольства...).

[1]) По извѣстію Никоновской лѣтописи,—I, 62 нач., къ предшественнику Владимірову Ярополку въ концѣ его правленія приходило посольство отъ Грековъ. Авторъ лѣтописи указываетъ причину посольства политическую. Но такъ какъ въ слѣдъ за Греками присылалъ къ Ярополку своихъ пословъ папа, — ibid., то не невѣроятно предполагать, что и со стороны Грековъ, какъ папы, дѣло шло о томъ, чтобы склонить его къ принятію христіанства.

димира. Они суть: митрополитъ Иларіонъ, современникъ Ярославовъ, писавшій между 1037-мъ и 1050-мъ годами, монахъ Іаковъ, современникъ Изяславовъ, писавшій около 1070-го года, и Несторъ Печерскій, современникъ древнѣйшаго нашего лѣтописца, за котораго несправедливо принимается онъ самъ. Если бы существовали факты, во-первыхъ — прихода къ Владимиру пословъ отъ народовъ, во-вторыхъ — его обращенія въ православное христіанство проповѣдью посла или миссіонера греческаго, то эти писатели должны были бы знать и должны были бы сказать о нихъ. Но всѣ трое не только ничего не говорятъ о нихъ, а напротивъ того—положительно, прямо и ясно даютъ знать, что дѣло было совершенно иначе, именно—что Владиміръ рѣшился принять христіанство самъ собой, безъ всякаго чьего-нибудь посредства, участія и содѣйствія.

Митрополитъ Иларіонъ говоритъ о крещеніи Владимира въ своемъ извѣстномъ Словѣ о законѣ и благодати. Въ повѣсти объ этомъ крещеніи, читаемой въ лѣтописи, главная мысль—та, что у Владимира и у всѣхъ Русскихъ достало ума и смысла отличить вѣру Грековъ отъ всѣхъ другихъ предлагавшихся имъ вѣръ, увидѣть, что она есть лучшая изъ всѣхъ вѣръ. Если бы Иларіону было извѣстно что-нибудь о приходѣ къ Владимиру пословъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ разныхъ вѣръ, то необходимо было бы предполагать, что и онъ, желая восхвалить великій смыслъ и остроуміе Владимира, — что онъ дѣлаетъ, — обратилъ бы вниманіе именно на эту сторону дѣла, т.-е. на то, что Владиміръ, имѣвъ предъ собою и слушавъ многихъ проповѣдниковъ, не далъ увлечь себя проповѣдникамъ вѣръ ложныхъ или исповѣданія неправаго и умѣлъ увидѣть и понять, что изъ всѣхъ вѣръ должно быть отдано предпочтеніе вѣрѣ греческой. Но что же мы у него находимъ? Одною изъ наиболѣе заслуживающихъ удивленія чертъ въ поступкѣ Владимира, принявшаго христіанскую вѣру, Иларіонъ находитъ то, что составляетъ совершенную и діаметральную противоположность съ разсказомъ лѣтописи, именно—находитъ заслуживающимъ удивленія то, что Владиміръ рѣшился принять эту вѣру, не бывъ никѣмъ въ ней просвѣщенъ и не бывъ никѣмъ къ ней призываемъ, что онъ, не слышавъ никакихъ проповѣдниковъ, своимъ великимъ умомъ въ состояніи былъ понять, что христіанство лучше язычества. «Како вѣрова! Како разгорѣся въ любовь Христову? Како взыска ты Христа?» спрашиваетъ онъ Владимира. И отвѣчаетъ: «Не видѣ апостола, пришедша въ землю твою и нищетою своею и наготою и гладомъ же и жаждою сердце твое клоняще на смиреніе. Не видѣ

бѣсъ изгоняща именемъ Христовымъ, болящіи здравующа, огня на хладъ прелагаема, мертвыхъ въстающе: сихъ всѣхъ не видѣ, како убо вѣрова? Дивное чудо! Иніи царіе и властеле, видяще си вся бывающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но паче на страсти и муки предаша ихъ. Ты же, о блаженниче, *безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу, токмо отъ благаго смысла и остроумія разумѣвъ*, яко есть Богъ единъ, Творецъ невидимымъ и видимымъ, небеснымъ и земленымъ, и яко посла въ міръ спасенія ради возлюбленнаго Своего Сына. И си помысливъ, вниде въ святую купѣль. И еже инѣмъ юродство мнится, тебѣ сила Божія вмѣнися»[1]). Взвѣшивая эти слова безъ предвзятой мысли, безъ желанія во что бы ни стало отстоять разсказъ лѣтописи, нельзя не сознаться и не согласиться, что въ нихъ говорится рѣшительно и діаметрально противоположное тому, что̀ повѣствуется въ этой послѣдней.

Монахъ Іаковъ, лѣтъ около пятидесяти тому назадъ открытый преосвященнымъ Макаріемъ, написалъ «Похвалу князю Русскому Володимеру», которая представляетъ собой совершенно первый по времени опытъ историческаго сказанія о крестителѣ Руси[2]). Въ этой похвалѣ Іаковъ нарочито говоритъ о причинахъ, расположившихъ Владимира оставить язычество и принять христіанство. Ничего не зная и ничего ни единымъ словомъ не говоря и не намекая о послахъ, будто бы приходившихъ къ Владимиру убѣждать его перемѣнить вѣру, онъ объясняетъ его поступокъ, во-первыхъ, тѣмъ, что самъ Богъ, «провидѣвъ доброту сердца его и призрѣвъ съ небеси милостію Своею, просвѣтилъ сердце его принять святое крещеніе»,—во-вторыхъ, тѣмъ, что «слышавъ о бабкѣ своей Ольгѣ, какъ шедши къ Царюгороду приняла она святое крещеніе, и какъ пожила (послѣ этого) добрѣ предъ Богомъ, всѣми добрыми дѣлы украсившися»,—что, все это слышавъ о бабкѣ своей, Владимиръ возгорѣлъ желаніемъ подражать ей и что это благое, разжженное въ немъ Духомъ Святымъ, соревнованіе и сдѣлало его христіаниномъ. Такимъ образомъ, по словамъ монаха Іакова, рас-

---

[1]) *Прибавл. къ Творр. Свв. Отцц.*, ч. II, 1844 г., стр. 242 (еще Иларіонъ напечатанъ въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.*, 1848 г. № 7).

[2]) Въ числѣ извѣстныхъ въ настоящее время первоначальныхъ нашихъ писателей монахъ Іаковъ занимаетъ по времени жизни, а слѣдовательно и по авторитету, какъ историческій свидѣтель, первое мѣсто послѣ митрополита Иларіона. Когда именно написана имъ похвала Владимиру—неизвѣстно, но другое сочиненіе (Сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба), старшее настоящаго, писано до 1072 г.; слѣдовательно, приблизительное время написанія Похвалы можетъ быть опредѣлено такъ, какъ мы указали выше.

положили Владиміра къ принятію христіанства, во-первыхъ, то, на что указываетъ Иларіонъ—просвѣщеніе свыше или, иначе говоря, его собственный разумъ и его собственная воля, озаренные этимъ высшимъ просвѣщеніемъ,—во-вторыхъ, примѣръ бабки Ольги.

Преподобный Несторъ Печерскій, какъ мы сказали, несправедливо принимаемый за лѣтописца, говоритъ о крещеніи Владиміра въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ. Подобно двумъ предшествующимъ, ничего не зная и не говоря о послахъ, приходившихъ ко Владиміру, онъ говоритъ подобно имъ обоимъ, что Владиміръ рѣшился принять христіанство самъ собою, будучи побужденъ къ тому просвѣщеніемъ свыше, и отличается отъ двухъ предшествующихъ только тѣмъ, что какъ будто даетъ знать, что Владиміру было особенное, сверхъестественное, откровеніе. Вотъ его слова: «Былъ въ тѣ годы князь, владѣвшій всею русскою землей, по имени Владиміръ. Онъ былъ мужъ праведный и милостивый къ нищимъ и къ сиротамъ и ко вдовицамъ, но язычникъ вѣрой. Богъ сотворилъ ему «нѣкое запятіе»[1]), чтобы онъ сталъ христіаниномъ, какъ въ древности Плакидѣ[2]). Плакида былъ мужъ праведный и милостивый, только язычникъ вѣрою, какъ пишется въ его житіи; но когда увидѣлъ онъ явившагося ему Господа нашего Іисуса Христа, то поклонился Ему и сказалъ: «Господи, кто Ты и что велишь рабу Твоему». Получивъ въ отвѣтъ: «Я Іисусъ Христосъ, Котораго ты не вѣдая почитаешь, иди и крестися», онъ тотчасъ взялъ жену и дѣтей своихъ и крестился... Такъ и съ симъ Владиміромъ явленіе Божіе сдѣлало то, что онъ сталъ христіаниномъ»[3]).

Мы предполагаемъ, что повѣсть о крещеніи Владиміра, помѣщенная въ лѣтописи, принадлежитъ самому лѣтописцу. Но изъ сейчасъ приведенныхъ нами писателей авторитетъ одного, какъ современника ему (Нестора), совершенно равенъ его авторитету, а авторитетъ двоихъ, какъ старшихъ его по времени (Иларіона и Іакова), гораздо важнѣе. Фактъ прихода къ Владиміру пословъ и его обращенія въ христіанство проповѣдью посла греческаго, если бы дѣйствительно имѣлъ

---

[1]) „Спону нѣкаку сотвори“.

[2]) Евстаѳія Плакиды, римскаго мученика конца II вѣка, призваннаго по житію отъ язычества въ христіанство, какъ указывается у прен. Нестора, — 20-го Сентября.

[3]) „Тако и сему Владимеру явленіе Божіе быти ему крестьяну створи же“. Несторово житіе Бориса и Глѣба напечатано нѣсколько разъ: *Православн. Собесѣдн.* 1858 г. въ ч. 1-й, *Бодянскимъ* въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1859 г. въ кн. 1-й, *Срезневскимъ* отдѣльно по такъ называемому Сильвестровскому списку, С.-Пб. 1860.

мѣсто, представлялъ бы собою въ исторіи крещенія Владимира такой крупный и важный фактъ, что не могъ бы не быть общеизвѣстнымъ, и слѣдовательно, какъ таковой, никоимъ образомъ не могъ бы остаться неизвѣстнымъ помянутымъ писателямъ; но зная о немъ, они никакъ не должны были бы пройти его молчаніемъ по той же самой его величайшей важности, по которой, въ случаѣ его существованія, не должны были бы остаться о немъ въ неизвѣстности. Между тѣмъ они не только ничего не говорятъ о немъ, а напротивъ того, прямо и ясно представляютъ дѣло совершенно иначе и совершенно устраняютъ всякую мысль о посольствѣ. Полагаемъ, отсюда совершенно необходимо слѣдуетъ то заключеніе, что фактъ посольства вовсе не существовалъ и что оно есть ничто иное, какъ вымыселъ самаго лѣтописца.

Это посольство, какъ мы говорили выше и какъ снова повторяемъ, есть дѣло совершенно вѣроятное и совершенно возможное само по себѣ. Но что оно не имѣло мѣста въ дѣйствительности и что въ области сей послѣдней оно есть позднѣйшій вымыселъ,—самаго лѣтописца или кого-нибудь другаго, о чемъ скажемъ ниже,—на это, сверхъ сейчасъ сказаннаго, мы имѣемъ и еще одно весьма убѣдительное доказательство.

Одновременно съ сочиненіями монаха Іакова, преосв. Макаріемъ было открыто и напечатано «Житіе блаженнаго Володимера», авторъ котораго не называетъ себя по имени и вообще остается неизвѣстнымъ. Самъ издатель, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе усвояютъ житіе тому же монаху Іакову. Но это не можетъ быть признано справедливымъ: не говоря о томъ, что принадлежность житія Іакову вовсе немыслима совмѣстно съ принадлежащей ему «Похвалой князю Русскому Володимеру» [1]), извѣстія Житія находятся въ такомъ рѣшительномъ противорѣчіи съ извѣстіями Іакова, что имъ положительно устраняется мысль объ одномъ и томъ же авторѣ [2]). Наше житіе Володимера, принадлежащее неизвѣстному автору, состоитъ изъ трехъ частей: въ первой части содержится повѣствованіе о крещеніи Владимира и о крещеніи имъ Кіевлянъ, именно — о посыланіи имъ пословъ для осмотра вѣръ къ Болгарамъ, Нѣмцамъ и къ Грекамъ въ

---

[1]) Т.-е. мы хотимъ сказать, что при написанной Іаковомъ „Похвалѣ“ написаніе имъ „Житія“ представлялось бы дѣломъ неумѣстнымъ и безцѣльнымъ.

[2]) По Житію Владимиръ крестился въ Корсуни послѣ ея взятія, а по Іакову онъ крестился за два года до похода на этотъ городъ; по Житію Владимиръ пожилъ въ христіанствѣ послѣ крещенія 33 года, а по Іакову 28 лѣтъ. Объ обоихъ обстоятельствахъ ниже.

Константинополь, съ отчетомъ возвратившихся пословъ о видѣнномъ,—о походѣ Владимира на Корсунь и о крещеніи его въ послѣднемъ,—о единовременномъ крещеніи Владимиромъ Кіевлянъ на рѣкѣ послѣ возвращенія изъ Корсуни; во второй части — краткія, отрывочно приводимыя, извѣстія о построеніи Владимиромъ церкви Богородицы Десятинной, объ его добродѣтеляхъ, объ его смерти на Берестовомъ и объ его погребеніи въ церкви Богородицы, имъ созданной; въ третьей части — похвала ему, какъ крестителю Руси, явившему себя вторымъ Моисеемъ и вторымъ Константиномъ Великимъ. Сравнивая житіе съ лѣтописью, мы находимъ, что первая часть его есть таже самая повѣсть о крещеніи, которая читается въ лѣтописи, только безъ начала и въ болѣе сокращенномъ видѣ относительно частностей изложенія, именно — что въ первомъ случаѣ не достаетъ разсказа о приходѣ къ Владимиру пословъ отъ народовъ (и рѣчь прямо начинается съ отправленія имъ самимъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ);—что краткія извѣстія второй части читаются въ лѣтописи на ряду съ другими ея извѣстіями;—что третью часть составляетъ таже самая похвала Владимиру, которая въ лѣтописи (подъ 1015 г.), только съ дополненіемъ и нѣкоторымъ распространеніемъ противъ этой послѣдней.

Двѣ повѣсти о крещеніи Владимира, — составляющая первую часть Житія и читаемая въ лѣтописи, очевиднымъ и безспорнымъ образомъ имѣютъ то взаимное между собою отношеніе, что или первая сокращена изъ второй или наоборотъ вторая распространена изъ первой [1]). Которое же изъ двухъ? Хотя сокращеніе повѣсти чрезъ выпущеніе изъ нея подробностей и слѣдовательно съ нанесеніемъ ущерба ея интересу есть дѣло не особенно цѣлесообразное; хотя сокращеніе повѣсти чрезъ опущеніе ея цѣлой начальной части есть дѣло совсѣмъ странное: однако практика нашихъ старыхъ составителей сборниковъ показываетъ, что это было у нихъ въ обычаѣ [2]). Слѣдовательно, возможно то, чтобы Житіе было не совсѣмъ толковымъ сокращеніемъ изъ лѣтописи (сокращеніемъ вмѣстѣ съ нѣкоторымъ дополненіемъ,—

---

[1]) Житіе Володимера и противъ него соотвѣтствующую ему выписку изъ лѣтописи мы печатаемъ въ приложеніи къ этой главѣ, гдѣ и просимъ читателя сравнивать ихъ собственными глазами.

[2]) Въ сборникахъ читается „Слово о томъ, како крестися Володимеръ, возьмя Корсунь“, представляющее собою именно сокращеніе повѣсти о крещеніи Владимира, находящейся въ лѣтописи, сдѣланное сейчасъ указаннымъ нами образомъ,—Румянц. Муз. *Восток.* № 306, стр. 434.

въ третьей части). Но составители подобныхъ сокращеній, сколько знаемъ, никогда не выдавали своихъ нехитрыхъ передѣлокъ (обработокъ) за свои настоящія сочиненія. Въ древней Руси авторская слава вовсе не составляла чего-нибудь слишкомъ высоко цѣнимаго, такъ чтобы люди имѣли побужденія слишкомъ дорожить ею и слишкомъ искать ея. А поэтому у насъ не только не явилось обычая создавать себѣ эту славу подобнымъ путемъ контрафакціи и плагіата; но даже и настоящіе авторы весьма нерѣдко не выставляли своихъ именъ подъ своими произведеніями [1]. Между тѣмъ авторъ Житія Володимерова говоритъ о немъ, какъ о своемъ настоящемъ сочиненіи. Въ заключеніе Житія, обращаясь съ молитвою къ царямъ Константину и Владиміру, изъ коихъ послѣдняго сравнилъ передъ тѣмъ съ первымъ, онъ взываетъ: «молюся (вама) и мило васъ дѣю [2]), *писаніемъ грамотица сея малыя*, юже, похваляя ваю, написахъ недостойнымъ умомъ и худымъ и невѣжьственнымъ смысломъ». Очевидно, что въ этихъ словахъ Житіе предъявляется намъ, какъ настоящее сочиненіе говорящаго ихъ, и если мы приметъ во вниманіе то, что говорящій хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ, не назвавъ себя по имени, слѣдовательно—не искалъ себѣ авторской славы, то у насъ не будетъ совершенно никакого повода подозрѣвать обмана, т-е. того обмана, чтобы простое сокращеніе чужаго готоваго труда выдавалось за настоящее сочиненіе. Такимъ образомъ, Житіе Володимера необходимо принимать не за сокращеніе изъ лѣтописи, а за настоящее самостоятельное сочиненіе [3]). Но если это такъ, то изъ сего будетъ наоборотъ слѣдовать, что повѣсть о крещеніи, читаемая въ лѣтописи, есть распространеніе и вторичная редакція Житія.

---

[1]) У насъ по другимъ побужденіямъ былъ другой обычай, именно—выдавать свои и вообще неизвѣстныхъ авторовъ сочиненія за творенія святыхъ отцевъ (побужденіе—приданіе сочиненіямъ авторитета и такимъ образомъ достиженіе черезъ нихъ бо́льшей пользы).

[2]) Или другая форма къ „милъ ся вамъ дѣю“ или ошибочная поправка изъ сего послѣдняго.

[3]) Житіе, послѣ предисловія о Владимірѣ, начинаетъ свое повѣствованіе словами: „ходиша *же* слуги его въ Болгары и въ Нѣмцы“. Это „же“ какъ будто даетъ знать, что тутъ не настоящее начало. Но если мы примемъ предположеніе, что авторъ его былъ Грекъ, о чемъ нѣсколько ниже, то неумѣстное повидимому въ данномъ случаѣ *же* для насъ объяснится: оно тогда будетъ греческимъ δέ, которое постоянно употребляется у Грековъ въ началѣ рѣчи вмѣсто δή или οὖν и соотвѣтствуетъ по значенію нашему итакъ (такъ вотъ; оборотъ простонародной рѣчи: *такъ вотъ* было то-то).

Дальнѣйшее слѣдствіе отсюда понятно. Если старшая или первоначальная редакція повѣсти о крещеніи, каковую мы имѣемъ въ Житіи, не знаетъ и не говоритъ о приходѣ къ Владиміру пословъ отъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ, а говоритъ только о посыланіи имъ самимъ пословъ для осмотра вѣръ: то ясно, что этотъ приходъ пословъ къ Владиміру, неизвѣстный автору первой редакціи, сочиненъ (и прибавленъ) только уже авторомъ второй или вторичной редакціи [1]).

Итакъ, присылъ къ Владиміру пословъ разными народами съ предложеніемъ вѣръ, самъ по себѣ совершенно возможный, въ дѣйствительности есть ничто иное, какъ позднѣйшій вымыслъ.

Послѣ посольствъ къ Владиміру и отъ него, что̀ передано нами выше, повѣсть о крещеніи, читаемая въ лѣтописи, говоритъ далѣе, воспроизводя помянутое житіе Володимера неизвѣстнаго автора, о завоеваніи Владиміромъ вѣры у Грековъ посредствомъ взятія ихъ города — Херсонеса Таврическаго или Корсуни. Выслушавъ возвратившихся пословъ, ходившихъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ, Владиміръ рѣшилъ, согласно съ поданнымъ ими мнѣніемъ, принять вѣру отъ Грековъ. Онъ обратился съ вопросомъ къ боярамъ: «гдѣ же крещеніе пріимемъ», и получивъ въ отвѣтъ: «гдѣ ти любо», — минувшу лѣту, въ лѣто 988, пошелъ войною на Корсунь, городъ греческій. Послѣ болѣе или менѣе продолжительной и упорной осады онъ наконецъ взялъ городъ при помощи средства, указаннаго однимъ измѣнникомъ, нашедшимся среди осажденныхъ (Анастасъ) [2]. Вошедъ въ Корсунь, Владиміръ послалъ въ Константинополь къ тогдашнимъ царямъ греческимъ Василію и Константину [3]), приказавъ говорить имъ: «я взялъ

---

[1]) Вотъ и еще доказательство, что къ Владиміру не приходили послы съ предложеніемъ вѣръ. По извѣстію Никоновской лѣтописи—I, 92, папа присылалъ къ Владиміру своихъ пословъ или въ Корсунь, когда онъ тамъ находился, или же въ Кіевъ тотчасъ по возвращеніи имъ изъ Корсуни (что̀ въ лѣтописи не совершенно ясно). То или другое, но цѣлію посольства необходимо предполагать желаніе папы перезвать Владиміра отъ Грековъ къ себѣ. А если такъ, то изъ сего должно слѣдовать, что передъ крещеніемъ Владиміра папа не присылалъ къ нему пословъ (ибо тотчасъ послѣ неудачной попытки убѣдить князя принять христіанство свое римское, онъ не сталъ бы дѣлать попытки перезвать его къ себѣ отъ Грековъ).

[2]) Разсказъ повѣсти въ подлинникѣ см. въ приложеніи.

[3]) Василій и Константинъ, родные братья, были сыновья Романа Младшаго, внуки Константина Порфирогенита, знаменитаго писателя, правнуки Льва Мудраго, праправнуки Василія Македонянина. Они правили совмѣстно съ 975-го по 1025 г., когда умеръ первый (а второй † въ 1028 г.), однако такъ, что дѣйствительнымъ императоромъ былъ этотъ первый (онъ есть знаменитый завоеватель Болгаріи или Болгаробойца,—Βουλγαροκτόνος).

вашъ славный городъ; слышу я, что вы имѣете сестру дѣвицу: если не выдадите ее за меня замужъ, то и съ вашей столицей сдѣлаю то же, что съ этимъ городомъ». Цари отвѣчали, что нельзя христіанамъ отдавать дѣвицъ въ замужество за язычниковъ, но что если онъ крестится, то получитъ и руку царевны и царство небесное. Владиміръ отвѣчалъ, что онъ уже и пришелъ на Корсунь съ принятымъ намѣреніемъ креститься, «потому что—говорилъ онъ—я уже передъ симъ сдѣлалъ дознаніе о вашей вѣрѣ и она мнѣ люба». Цари обрадовались, услышавъ это, и послали къ Владиміру сестру съ сановниками и пресвитерами. Владиміръ крестился, а послѣ крещенія обвѣнчался бракомъ съ царевною.

Если бы это завоеваніе Владиміромъ вѣры было дѣйствительною правдой, то оно представляло бы собой историческій казусъ весьма оригинальный и весьма недоумѣнный и столько же единственный въ своемъ родѣ, какъ и выборъ вѣры (такъ что и вообще наша церковная исторія была бы единственною въ своемъ родѣ). Къ разрѣшенію крайне смущающаго недоумѣнія, и это завоеваніе вѣры оказывается ничѣмъ инымъ, какъ простою фабулой. Противъ свидѣтельства повѣсти о крещеніи, читаемой въ лѣтописи, которой, по вышесказанному, мы имѣемъ всѣ основанія не вѣрить, предъ нами въ настоящее время свидѣтельство помянутаго выше монаха Іакова, которому мы не имѣемъ никакого основанія не довѣрять и авторитетъ котораго, какъ историческаго писателя изъ всѣхъ древнѣйшаго, есть безусловный и безспорный. Іаковъ говоритъ и сообщаетъ намъ, что Владиміръ крестился не въ Корсуни, послѣ того, какъ взялъ ее, а гдѣ-то индѣ и до похода на Корсунь, который онъ предпринялъ уже будучи христіаниномъ и спустя два года послѣ крещенія и въ который (походъ) онъ только женился на греческой царевнѣ — сестрѣ императоровъ.

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго выше и послѣ сейчасъ къ тому присказаннаго или прибавленнаго, мы получимъ для исторіи крещенія Владиміра слѣдующее отрицательное: во-первыхъ, онъ склоненъ былъ къ принятію православнаго христіанства не проповѣдью приходившаго къ нему миссіонера греческаго или какого бы то ни было православнаго, а кѣмъ-то другимъ; во-вторыхъ, онъ крестился не въ Корсуни отъ Грековъ, а гдѣ-то и отъ кого-то прежде.

Покончивъ съ тѣмъ, чего не было, обращаемся теперь къ тому, что могло быть и на самомъ дѣлѣ было, именно — что̀ расположило Владиміра къ принятію христіанства, отъ кого, когда и гдѣ онъ его принялъ?

Начнемъ съ послѣдняго: «отъ кого, когда и гдѣ».

Въ вопросѣ о принятіи Владиміромъ христіанской православной вѣры содержатся два отдѣльные вопроса, во-первыхъ: кѣмъ онъ обращенъ въ нее или кто былъ ея предъ нимъ проповѣдникомъ; во-вторыхъ: отъ кого онъ принялъ крещеніе.

Для проповѣди православнаго христіанства къ Владиміру не приходили ни посолъ греческій, о которомъ говоритъ повѣсть, ни какой бы то ни было сторонній миссіонеръ. Слѣдовательно, его проповѣдниковъ нужно искать дома, и слѣдовательно ясно, что таковыми были тѣ Варяги-христіане, которые въ весьма большомъ числѣ находились въ Кіевѣ со времени Игоря. Эти Варяги-христіане сдѣлали внутреннимъ христіаниномъ Игоря и расположили открыто принять христіанство его супругу Ольгу: они же обратили въ христіанство и Владиміра. Если эти домашніе христіане въ состояніи были обратить къ христіанству и въ христіанство двоихъ первыхъ, то очевидно, что подобное же они могли столько же сдѣлать и съ послѣднимъ, а такимъ образомъ симъ самымъ устраняются и всякіе вопросы о возможности дѣла. Что̀ расположило Владиміра къ принятію христіанства, объ этомъ мы будемъ говорить ниже; а здѣсь для полноты мы только должны не оставить сказать, что о такомъ, по видимому, неожиданномъ обстоятельствѣ, какъ обращеніе Владиміра въ христіанство домашними Варягами-христіанами, мы находимъ записанное преданіе, это именно— въ одной Исландской сагѣ [1]).

Что касается до крестителей Владиміра въ тѣснѣйшемъ смыслѣ или до тѣхъ, отъ кого онъ принялъ самое крещеніе, то здѣсь возможно предполагать нѣсколько случаевъ: во-первыхъ, онъ могъ быть крещенъ священниками тѣхъ же домашнихъ Варяговъ-христіанъ, которыми обращенъ былъ въ христіанство или расположенъ къ его принятію; во-вторыхъ, онъ могъ послать за крестителями въ Грецію или въ Болгарію; въ-третьихъ, онъ самъ могъ пойти для крещенія въ ту или другую изъ сейчасъ названныхъ странъ.

Наиболѣе вѣроятнымъ представлялось бы думать, что, рѣшившись принять христіанскую вѣру, Владиміръ тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ Греками, отъ которыхъ онъ долженъ былъ получить іерархію и церковное управленіе и съ которыми его церковная связь вообще необходимо предполагалась. Какъ однако это ни вѣроятно само

---

[1]) Объ Олавѣ, сынѣ Триггвіевѣ, конунгѣ Норвежскомъ, который, крестившись въ Греціи, убѣдилъ потомъ къ принятію христіанства и Владиміра. См. се въ приложеніи къ этой главѣ.

по себѣ и какъ наоборотъ ни мало съ перваго взгляда вѣроятно то, что было въ дѣйствительности, однако несомнѣнно, что Владиміръ принялъ крещеніе не отъ Грековъ и безъ всякихъ сношеній съ ними и что онъ не завязывалъ съ ними этихъ послѣднихъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ послѣ крещенія. Сейчасъ выше мы привели свидѣтельство монаха Іакова, что Владиміръ только спустя два года послѣ крещенія взялъ у Грековъ Корсунь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ монахъ Іаковъ совершенно ясно даетъ знать, что сношенія, въ которыя онъ вступилъ съ Греками послѣ взятія Корсуни, были первыми его сношеніями съ ними послѣ принятія христіанства,—что походъ на Корсунь именно и предпринятъ былъ съ тою цѣлію, чтобы завязать ихъ. Іаковъ говоритъ, что Владиміръ предпринялъ этотъ походъ, между прочимъ, съ тою цѣлію, чтобы привести на свою землю христіанъ и священниковъ, которые научили бы его людей закону христіанскому; стоя подъ осажденной Корсунью, Владиміръ молился, по Іакову: «Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебе прошу, даси ми градъ, да пріиму (й) и да приведу люди хрестьяны и попы на свою землю, да научать люди (мои) закону хрестьянскому». Если бы Владиміръ прежде имѣлъ сношенія съ Греками, то эти столь необходимые христіане и священники, очевидно, были бы и приведены въ Россію прежде; если же сего не было, то необходимо слѣдуетъ, что не было и сношеній. Дѣйствительно странный и неожиданный фактъ, что Владиміръ цѣлые два года послѣ крещенія не вступалъ въ сношенія съ Греками, основывается и не на одномъ только свидѣтельствѣ монаха Іакова, хотя и ему одному мы не имѣли бы совершенно никакого права отказать въ вѣрѣ. Ниже мы увидимъ, что Россія въ продолженіе значительно долгаго времени послѣ крещенія Владимірова оставалась безъ митрополита и безъ надлежащаго церковнаго управленія. Но если бы Владиміръ крестился отъ Грековъ, то какія причины могли бы воспрепятствовать послѣднимъ дать намъ митрополита и ввести у насъ полное церковное управленіе болѣе или менѣе вскорѣ послѣ этого крещенія? Никакихъ причинъ придумать нельзя, и слѣдовательно—единственно возможное изъ сего заключеніе есть то, Владиміръ крестился не отъ Грековъ и что въ продолженіе того или другаго времени послѣ крещенія онъ дѣйствительно не завязывалъ съ ними сношеній. Наконецъ, можемъ прибавить и то, что лѣтописцы греческіе не говорятъ о крещеніи Владиміра отъ нихъ, хотя и говорятъ объ его женитьбѣ на ихъ греческой царевнѣ.

Если не Греки были крестителями Владимира, то или Болгары или домашніе христіане.

Послѣ принятія христіанской вѣры Владимиръ имѣлъ нужду входить въ сношенія съ Болгарами для заимствованія отъ нихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ (которыя, какъ нужно принимать, онъ получилъ непосредственно отъ Болгаръ, а не черезъ посредство Грековъ, см. ниже). Весьма вѣроятно думать, что онъ входилъ въ эти сношенія не послѣ, а прежде приступа къ крещенію народа. Однако, вовсе не представляется вѣроятнымъ то, чтобы онъ и крестился отъ нихъ, то-есть чтобы, вознамѣрившись ввести въ странѣ христіанство, онъ вступилъ въ сношенія съ ними до своего собственнаго крещенія и чтобы для этого послѣдняго онъ или вызывалъ къ себѣ крестителей отъ нихъ или самъ ходилъ къ нимъ креститься. Для чего бы онъ это сдѣлалъ? Для приданія акту своего крещенія бо́льшей торжественности? Но въ такомъ случаѣ онъ необходимо обратился бы къ Грекамъ, ибо что такое были для Владимира эти Болгары, чтобы крещеніемъ отъ нихъ могла быть придана акту послѣдняго бо́льшая торжественность? Притомъ, какъ мы увидимъ сейчасъ ниже, едва ли слѣдуетъ думать, чтобы этому акту своего крещенія Владимиръ искалъ придать торжественность. Такимъ образомъ, относительно вопроса объ его крестителяхъ наиболѣе вѣроятнымъ представляется то, что, обращенный въ христіанство Кіевскими Варягами-христіанами, онъ и крещенъ былъ просто руками священниковъ этихъ послѣднихъ.

Повѣсть, помѣщенная въ лѣтописи, относитъ крещеніе Владимира къ 988-му году. Но и это оказывается не совсѣмъ точнымъ. По свидѣтельству монаха Іакова (въ Похвалѣ Владимиру) и преп. Нестора Печерскаго (въ Житіи Бориса и Глѣба), Владимиръ крестился въ 987-мъ году; именно — первый изъ нихъ говоритъ, что Владимиръ, умершій въ 1015-мъ году, пожилъ послѣ крещенія 28 лѣтъ, а второй прямо говоритъ, что оно было въ лѣто 6495 отъ сотворенія міра. Въ пользу Іакова и Нестора говорятъ и лѣтописцы греческіе: Владиміръ взялъ Корсунь послѣ крещенія черезъ два года на третій (по свидѣтельству Іакова), а по сейчасъ названнымъ лѣтописцамъ это могло быть не позднѣе начала 989-го года [1]).

---

[1]) Послѣ взятія Корсуни Владиміръ оказалъ военную помощь императорамъ греческимъ, боровшимся съ однимъ бунтовщикомъ, а эта помощь могла быть оказана не позднѣе апрѣля 989 г.,—*Krug's* Chronologie der Byzantier, 319. По Іакову, Владиміръ „послѣ крещенія на пятое лѣто Переяславль заложи", а „въ девятое

Итакъ, отстранивъ баснословіе повѣсти, мы получаемъ относительно обращенія Владимира въ христіанство и относительно его крещенія слѣдующее немногое: подобно своему дѣду Игорю и своей бабкѣ Ольгѣ, Владиміръ расположенъ былъ къ принятію христіанства кіевскими Варягами-христіанами; онъ крещенъ былъ, по всей вѣроятности, священниками этихъ Варяговъ-христіанъ; годъ его крещенія есть 987-й, который былъ девятымъ годомъ его правленія.

Сейчасъ мы указали то странное обстоятельство, что Владимиръ вошелъ въ сношенія съ Греками не при самомъ своемъ обращеніи въ христіанство, а только спустя два года послѣ крещенія. Мы снова должны возвратиться къ нему. Обстоятельство, дѣйствительно, весьма странное, но въ тоже время мы не имѣемъ ни малѣйшаго права въ немъ сомнѣваться, ибо не имѣемъ совершенно никакихъ основаній заподозривать достовѣрность историческихъ показаній монаха Іакова. Какъ же его понимать и какъ же его себѣ толковать?

Оно можетъ быть объяснено, если мы предположимъ нѣчто, чего обыкновенно не предполагаютъ, но что̀ предположить весьма возможно и естественно. Дѣло о крещеніи Владимира обыкновенно представляется такъ, что, рѣшившись принять христіанство и крестившись самъ, онъ тотчасъ же приступилъ къ крещенію и всего своего народа. Но дѣло могло быть и иначе. Рѣшившись принять христіанство и крестившись самъ, Владимиръ могъ не вдругъ приступить къ крещенію народа. Вѣря повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, и забывая о всякой естественности, обыкновенно полагаютъ, что приказаніе креститься всему народу стоило для Владимира такъ же мало, какъ для любаго барина стоитъ приказаніе лакею переодѣться изъ худаго кафтана въ хорошій:

десятину вда церкви Богородицы"; снеся эти показанія съ годами лѣтописи, получимъ годъ крещенія 987. У Іакова читается, что Владимиръ крестился въ десятое лѣто по убіеніи Ярополка; но тутъ должно видѣть ошибку вмѣсто девятое, какъ это и читается въ Никоновской (I, 25) и Псковской (Собр. лѣтт. IV, 175) лѣтописяхъ (недавно напечатанный сирскій историкъ начала XI вѣка Яхъя Антіохійскій говоритъ, что императоры съ помощью войскъ русскаго князя побѣдили бунтовщика въ сраженіи, происходившемъ 13 Апрѣля 989 г., см. „Извлеченія изъ записокъ Яхъи Антіохійскаго", изданныя, переведенныя и объясненныя *барономъ Розеномъ*, въ приложеніи къ XLIV т. Запис. Акад. Н., стр. 25. Когда издатель Яхъи полагаетъ, что Владимиръ оказалъ помощь императорамъ до взятія Корсуни, то мы этого совсѣмъ не постигаемъ, т. е. не постигаемъ, чтобы Владимиръ могъ оказать императорамъ помощь еще въ то время, какъ осаждалъ ихъ городъ и находился съ ними въ войнѣ, ибо людямъ, съ которыми воюютъ, не оказываютъ въ тоже время помощи).

приказалъ, и исполнено. Въ дѣйствительности, конечно, это не могло быть такъ. Перемѣнить вѣру для народа не шутка, а потому и приказать это не можетъ быть шуткой. Игорь и Ольга не отважились на то, чтобы ввести въ Россіи христіанство; Владимиръ отважился на это: но что́ удивительнаго, если прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, онъ довольно долгое время собирался съ духомъ? Крестившись самъ, Владимиръ могъ находить нужнымъ и благоразумнымъ подготовить народъ къ перемѣнѣ вѣры, и такимъ образомъ между его собственнымъ крещеніемъ и крещеніемъ народа и могло пройдти то или другое значительное время. Допустивъ это предположеніе, что Владимиръ не тотчасъ послѣ собственнаго крещенія приступилъ къ крещенію народа, мы поймемъ и то, по видимому, странное обстоятельство, что не передъ собственнымъ крещеніемъ и не тотчасъ послѣ него онъ вступилъ въ сношенія съ Греками. Крестившись самъ, но еще не рѣшаясь приступить къ крещенію народа, Владимиръ не вступалъ въ сношенія съ Греками потому, что его собственное крещеніе было дѣломъ частнымъ и что пока онъ еще не имѣлъ нужды въ этихъ сношеніяхъ; нѣкоторое время, пока до общаго крещенія народа, онъ могъ довольствоваться только тѣмъ, что сталъ членомъ кіевской христіанской общины [1]).

Выше мы сказали, что едва ли слѣдуетъ думать, чтобы дѣйствію своего крещенія Владимиръ хотѣлъ придать торжественность. Теперь, надѣемся, читатель понимаетъ наши слова. Если Владимиръ приступилъ къ крещенію всего народа не тотчасъ послѣ собственнаго крещенія, т. е. если онъ находилъ нужнымъ вести дѣло съ осторожностію, то весьма возможно предполагать, что это крещеніе было совершено не только не торжественно, а совсѣмъ скрытно отъ народа,—что Владимиръ нашелъ благоразумнымъ поступить такъ, чтобы не объявлять народу о своемъ намѣреніи принять христіанство, а объявиться ему уже послѣ принятія послѣдняго. Объявляя о намѣреніи, Владимиръ могъ бы опасаться болѣе или менѣе сильныхъ протестовъ, а совершившійся фактъ могъ быть легче и удобнѣе навязанъ народу. Повѣсть, помѣщенная въ лѣтописи, разсказавъ о крещеніи Владимира въ

[1]) Для убѣжденія тѣхъ, кому показалось бы страннымъ и невѣроятнымъ представлять дѣло такимъ образомъ, мы сошлемся на примѣры, вопервыхъ, не очень задолго до Владимира крестившагося польскаго короля Мечислава I, и вовторыхъ—весьма вскорѣ послѣ него крестившагося венгерскаго короля Стефана I. Оба эти государя крестились и нѣкоторое время были христіанами именно въ томъ скромномъ образѣ, какъ это мы предполагаемъ о Владимирѣ.

Корсуни, прибавляетъ: «Се же, не свѣдуще право, глаголють, яко крестился есть (Владимиръ) въ Кіевѣ, инии же рѣша: въ Василевѣ, друзіи же инако скажють». Намъ кажется, что въ этомъ, по мнѣнію автора повѣсти, неправомъ, на самомъ дѣлѣ и нужно искать праваго, именно—намъ думается, что вѣроятнѣйшимъ мѣстомъ крещенія Владимира должно считать Василевъ. Если онъ хотѣлъ креститься скрытно отъ народа, то естественно было сдѣлать ему это не въ Кіевѣ, а гдѣ-нибудь въ своемъ помѣстьи, каковымъ могъ быть Василевъ. Свое названіе послѣдній, очевидно, получилъ отъ христіанскаго имени Владимира: не весьма ли естественно предположить, что онъ получилъ его именно въ память крещенія въ немъ князя [1])?

Прежде чѣмъ обращаться къ рѣчи о томъ, что расположило и побудило Владимира оставить язычество и принять христіанство, считаемъ нужнымъ, дѣлая небольшое отступленіе, возвратиться къ знаменитой повѣсти о крещеніи Владимира, помѣщенной въ лѣтописи, чтобы дать о ней нѣкоторыя возможныя разъясненія.

Первоначальную редакцію повѣсти составляетъ та ея редакція, которая читается въ Житіи Володимеровомъ неизвѣстнаго автора, т. е. повѣсть первоначально явилась, подразумѣвается — первоначально сочинена, въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ Житіи, или иначе сказать — Житіе представляетъ собою первоначально сочиненную повѣсть о крещеніи Владимира. Въ этой первой редакціи, представляемой Житіемъ, повѣсть говоритъ о посыланіи Владимиромъ пословъ къ народамъ для осмотра или досмотра вѣръ, именно — къ Болгарамъ, Нѣмцамъ и Грекамъ, и потомъ объ его походѣ на Корсунь и о крещеніи въ семъ городѣ отъ руки мѣстнаго епископа. Послѣ первой редакціи явилась вторая — та, которая читается въ лѣтописи. Во второй редакціи—къ посольству, посыланному Владимиромъ къ народамъ, прибавлено поставленное и имѣвшее будто бы мѣсто впереди его посольство отъ народовъ къ Владимиру съ предложеніемъ вѣръ, причемъ къ тремъ помянутымъ выше народамъ присоединенъ еще четвертый — Жиды Козарскіе. Давая свою прибавленную часть въ пространной обработкѣ, въ видѣ бесѣды Владимира съ послами, при чемъ въ уста посла греческаго влагается пространнѣйшая рѣчь къ князю, вторая редакція соотвѣтственно съ этимъ обработываетъ и то готовое, что нашла въ первой редакціи: она значительно обстоятельнѣе гово-

[1]) Василевъ, въ настоящее время Васильковъ, на р. Стугнѣ, въ 36 верстахъ къ юго-западу отъ Кіева.

ритъ о пребываніи пословъ Владиміра въ Константинополѣ, прибавляетъ точныя свѣдѣнія о болѣзни, которой внезапно подвергся и отъ которой чудесно исцѣлился Владиміръ въ Корсуни, влагаетъ въ уста епископа Корсунскаго пространное наставленіе, обращенное къ новокрещенному.

Повѣсть такимъ образомъ была сочинена въ два пріема, и начато было съ того, что въ дѣйствительности есть дѣло невозможное,— съ посольства Владимирова къ народамъ для осмотра вѣръ.

Кто былъ первымъ творцомъ знаменитой повѣсти, пока остается неизвѣстнымъ. Но есть вся вѣроятность предполагать, что онъ былъ не Русскій, а Грекъ, т. е. одинъ изъ числа многихъ Грековъ, жившихъ въ Россіи въ періодъ домонгольскій. Сравнивъ Владиміра съ Константиномъ Великимъ, авторъ взываетъ къ нимъ обоимъ въ своей заключительной молитвѣ: «о святая царя Константине и Володимере! помогайта на противныя сродникомъ ваю и люди избавляйта отъ всякія бѣды *греческія* и рускія». Русскіе, такъ сказать, не притязали брать на себя то, чтобы молиться о Грекахъ, считая ихъ людьми слишкомъ высокими, чтобы они могли нуждаться въ чужихъ молитвахъ, а себя считая слишкомъ малыми, чтобы простирать на нихъ свои не прошенныя заботы, и подчеркнутое нами слово «греческія» рѣшительно заставляетъ подозрѣвать въ авторѣ Грека [1]).

На вопросъ: какимъ образомъ кому-то пришло въ голову сочинить нашу повѣсть, общій отвѣтъ есть тотъ, что такимъ же образомъ,

[1]) На греческое происхожденіе автора указываютъ, хотя и не несомнительно, и нѣкоторыя частности текста. Рѣчь пословъ о богослуженіи Болгаръ читается: „смотрихомъ, како поклоняются (Болгаре) въ ропатѣ, стояще безъ пояса"; ропата есть средневѣковое греческое ῥαπατίον (*Дюк.* Gloss. Graecit.). Вмѣсто попы у автора въ одномъ мѣстѣ (въ разсказѣ о крещеніи Владиміромъ Кіевлянъ) стоитъ папы, что очевидно есть греческое παπᾶς (Форма: „мило васъ дѣю" вмѣсто „милъ ся вамъ дѣю" не можетъ ли быть объясняема изъ греческаго?). Наконецъ, есть и еще одно обстоятельство, которое укрѣпляетъ въ мысли, что авторъ житія былъ Грекъ. На греческомъ языкѣ найдена повѣсть о крещеніи Владиміра, которая воспроизводя наши русскія повѣсти, присоединяетъ къ нимъ то, что первоучителей Константина и Меѳодія (называя послѣдняго Аѳанасіемъ) заставляетъ изобрѣтать славянскую азбуку для насъ — Русскихъ (такъ называемая легенда Бандуріева, см. ее въ приложеніи къ этой главѣ). Въ этой греческой повѣсти, какъ и въ нашемъ Житіи, не говорится о послахъ къ Владиміру, а прямо объ его послахъ къ народамъ. Если мы предположимъ, что авторъ Житія былъ Грекъ, что онъ написалъ его по-славянски и по-гречески и что Житіе, существовавъ на послѣднемъ языкѣ, послужило источникомъ (однимъ изъ источниковъ) для автора греческой повѣсти, то мы и поймемъ, отчего у послѣдняго нѣтъ о послахъ, приходившихъ къ Владиміру.

какимъ тысячѣ другихъ людей приходило въ голову сочинить тысячу другихъ повѣстей, т. е. что люди вообще одарены наклонностію сочинять. Нашелся человѣкъ, которому хотѣлось заставить міръ вѣрить той истинѣ, что мы — Русскіе выбирали вѣру изъ всѣхъ вѣръ и выбрали ту, которую нашли самою лучшею, и вотъ онъ и сочинилъ повѣсть. Если мы примемъ, что первоначальный авторъ повѣсти былъ Грекъ, тогда для насъ станетъ еще понятнѣе, какимъ образомъ она могла явиться. Средневѣковые Греки ни малѣйше не стѣснялись измышленіемъ, какъ очень хорошо знаетъ это всякій, кто имѣетъ съ ними хотя небольшое знакомство: а между тѣмъ для какого Грека не могло быть пріятнымъ и желательнымъ убѣдить Русскихъ въ томъ, что вѣра, которую они — Русскіе приняли отъ нихъ — Грековъ есть вѣра самая лучшая? Такимъ образомъ, дѣло о появленіи на свѣтъ нашей повѣсти изъяснялось бы весьма просто. Но намъ сильно подозрѣвается, что оно должно быть изъясняемо и еще проще, именно — что повѣсть въ своемъ первоначальномъ видѣ явилась не какъ прямо намѣренное измышленіе, а какъ плодъ простаго невѣжественнаго недоразумѣнія. Если только мы согласимся принять, что авторъ повѣсти въ ея первоначальномъ видѣ былъ не Русскій, а Грекъ, то ея происхожденіе легко и естественно можетъ быть изъяснено именно этимъ простѣйшимъ путемъ. Въ Никоновской лѣтописи мы читаемъ подъ 1001 годомъ: «Того же лѣта посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другихъ во Іерусалимъ и во Египетъ и въ Вавилонъ, соглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ» (I, 111). Согласимся предположить, что это извѣстіе, вѣрное или невѣрное, не есть позднѣйшее измышленіе, а читалось уже въ лѣтописяхъ временъ нашего автора, — и для насъ разъяснится болѣе, чѣмъ цѣлая половина дѣла. Посольство, о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись, было, по ея свидѣтельству, не до крещенія, а послѣ него, и не для соглядація вѣръ, а для соглядація жизни и быта народовъ, т. е. было подобно посольствамъ и поѣздкамъ Петра Великаго въ западную Европу или посольствамъ туда же нынѣшнихъ Китайцевъ и Японцевъ. Но авторъ-Грекъ могъ не самъ читать извѣстіе въ лѣтописи, а слышать его устно отъ не совсѣмъ толковыхъ разскащиковъ, или и самъ читавши могъ перепутать и вообразить, что посольство имѣло мѣсто не послѣ, а до крещенія. Если случилось у него тѣмъ или другимъ образомъ это послѣднее, то вотъ у него и готовъ былъ разсказъ о послахъ Владимира для осмотра вѣръ, по видимому, основанный на русской лѣтописи. Еще проще изъясняется остальная половина повѣсти. Есть

вся вѣроятность предполагать, что нашъ авторъ имѣлъ у себя въ рукахъ Похвалу Владиміру монаха Іакова, потому что онъ несомнѣнно имѣлъ въ рукахъ его другое сочиненіе [1]). Но въ этой похвалѣ онъ читалъ, что Владиміръ, стоя подъ осажденною Корсунью, молился Богу: «Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у тебе прошю, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, да научать люди закону крестьянскому». У монаха Іакова совершенно ясно говорится, что Владиміръ молился такъ уже на третій годъ послѣ крещенія. Но предположите въ авторѣ-Грекѣ нѣкоторую невнимательность чтенія, извиняемую при томъ же тѣмъ, что о крещеніи и о взятіи Корсуни у Іакова говорится не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ, возьмите приведенныя слова отдѣльно, сами-по-себѣ: дѣйствительно, весьма легко было подумать, что тутъ говоритъ человѣкъ, не крестившійся уже, а только еще собирающійся креститься. А если случилось это послѣднее, какъ легко было этому случиться, то вотъ у автора былъ готовъ разсказъ и о походѣ Владиміра подъ Корсунь для завоеванія вѣры, по видимому, также основанный на русскихъ извѣстіяхъ [2]). Когда извѣстіе Никоновской лѣтописи о посольствѣ Владиміромъ гостей для согляданія земель и обычаевъ ихъ авторъ понимаетъ въ смыслѣ посольства для согляданія вѣръ и когда это голое извѣстіе онъ комментируетъ такъ, что у Болгаръ и Нѣмцевъ послы видѣли ихъ скверныя дѣла, а бывъ въ храмѣ у Грековъ, не знали, гдѣ стоять — на землѣ или на небѣ: то, конечно, комментируетъ совершенно самъ отъ себя. Но естественно, что онъ такъ и долженъ былъ комментировать, потому что Владиміръ дѣйствительно принялъ вѣру отъ Грековъ.

После первой редакціи явилась вторая, въ томъ дополненномъ и обработанномъ видѣ, какъ читается повѣсть въ лѣтописи. Кому принадлежитъ эта вторая редакція, самому ли лѣтописцу или кому нибудь стороннему и послѣ него вставлена въ лѣтопись? Мы того рѣшительнаго мнѣнія, что не первое, а послѣднее. Прибавленное во второй редакціи къ первой есть намѣренное сочиненіе, котораго не

---

[1]) Сказаніе страстей о убіеніи святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба.

[2]) Съ нашимъ объясненіемъ дѣла мы предполагаемъ въ авторѣ весьма большое невѣжество и легкомысліе: но кто не знаетъ примѣровъ еще большаго невѣжества и легкомыслія? Изъ образцовъ искаженія Греками нашей собственной исторіи напомнимъ легенду Бандуріеву (а изъ славянской исторіи вообще мы напомнили бы такъ называемое Ѳеофилактово Житіе Климента Бѣлицкаго, если бы только былъ напечатанъ нашъ критическій его разборъ).

представляется возможнымъ объяснить никакимъ неумышленнымъ недоразумѣніемъ. Но изученіе лѣтописи приводитъ насъ къ высокому мнѣнію о лѣтописцѣ и намъ никоимъ образомъ не думается, чтобы онъ былъ сочинителемъ. Затѣмъ, есть вся вѣроятность думать, что уже и въ первой своей редакціи повѣсть явилась послѣ лѣтописца. Мы сказали выше, что вторую часть Житія Володимерова неизвѣстнаго автора составляютъ краткія извѣстія о построеніи Владиміромъ Десятинной церкви Богородицы, объ его добродѣтеляхъ, объ его смерти и погребеніи, и что эти извѣстія суть тѣже самыя, которыя читаются въ лѣтописи на ряду съ ея другими извѣстіями. Можно понимать дѣло такъ, что лѣтописецъ взялъ эти извѣстія изъ Житія Володимерова и вставилъ ихъ въ рядъ другихъ своихъ извѣстій, изъ чего будетъ слѣдовать, что лѣтопись написана позднѣе Житія. Но гораздо вѣроятнѣе понимать дѣло такъ, что авторъ Житія беретъ извѣстія изъ лѣтописи, именно — что, сочинивъ повѣсть о крещеніи Владиміра, онъ присоединилъ къ ней нѣсколько отрывочныхъ историческихъ извѣстій, взятыхъ изъ лѣтописи (которая слѣдовательно была написана до него). Побужденія, по которымъ онъ могъ сдѣлать это послѣднее, весьма понятны: собственную его цѣль составляло дать измышленную имъ повѣсть о крещеніи Владиміра; но онъ хотѣлъ дать повѣсти названіе и видъ житія; сообразно съ симъ, онъ долженъ былъ прибавить какія нибудь свѣдѣнія изъ дальнѣйшей жизни Владиміра послѣ крещенія и закончить его смертью, — это онъ и дѣлаетъ, прибавляя къ собственной (т. е. собственнаго сочиненія) повѣсти о крещеніи указанныя нами краткія свѣдѣнія, взятыя у лѣтописца. Точно также и относительно похвалы Владиміру, которая составляетъ третью часть Житія и которая есть одна и таже съ похвалой, читаемой у лѣтописца, вѣроятнѣйшимъ представляется думать не то, что лѣтописецъ взялъ ее у автора Житія, а обратное. Похвала эта есть одна и таже въ лѣтописи и въ Житіи, но въ послѣднемъ съ нѣкоторымъ пополненіемъ противъ первой, именно — въ лѣтописи Владиміръ сравнивается съ Константиномъ Великимъ, въ Житіи же сначала сравнивается съ Моисеемъ и потомъ съ Константиномъ Великимъ: если бы лѣтописецъ бралъ у автора Житія, а не наоборотъ, то какія бы онъ имѣлъ побужденія выпустить первое сравненіе? Наконецъ, мы имѣемъ почти положительное свидѣтельство, что Житіе писано послѣ лѣтописи. Авторъ Житія говоритъ, что Владиміръ «30 лѣтъ и 3» жилъ по святомъ крещеніи; эти 30 лѣтъ и 3 могутъ быть объяснены только тѣмъ, что авторъ имѣлъ подъ руками такой списокъ Несторова Житія Бориса

и Глѣба, въ которомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ спискахъ дошедшихъ до насъ, и между ними въ одномъ спискѣ XII вѣка [1]), годъ крещенія Владимирова ошибочно стоялъ 6490-й вмѣсто 6495-го [2]). Но Несторъ, котораго имѣлъ въ рукахъ авторъ Житія, былъ современникъ лѣтописца (и слѣдовательно, если авторъ жилъ послѣ перваго, то и послѣ втораго).[3]

Если повѣсть въ своей первой редакціи, какъ весьма можно подозрѣвать, не была сочинена намѣренно, а сочинилась случайно и неумышленно, то и ея нравоученіе, что мы Русскіе выбирали вѣру и приняли ту, которую нашли лучшею изъ всѣхъ, было дѣломъ болѣе случайнымъ, чѣмъ намѣреннымъ. Но цѣлію нисколько не случайною, а прямо намѣренною было это нравоученіе для автора второй редакціи. Не довольствуясь констатированіемъ того факта, что мы Русскіе потому приняли вѣру Грековъ, что послѣ произведеннаго выбора нашли ее самою лучшею, онъ задается задачею показать, что она дѣйствительно есть вѣра самая лучшая. По отношенію къ іудейству и магометанству онъ достигаетъ этого такимъ образомъ, что самихъ пословъ іудейскаго и магометанскаго заставляетъ изображать предъ Владимиромъ свои вѣры, какъ вѣры несостоятельныя, именно—посла іудейскаго заставляя изображать іудейство, какъ вѣру отверженную Богомъ, а посла магометанскаго изображать магометанство какъ вѣру безнравственную и срамную; въ уста послу папину, проповѣднику того же христіанства, что и посолъ греческій, авторъ не въ состояніи былъ вложить такихъ рѣчей, которыя бы служили къ осужденію латинства

---

[1]) Московск. Успенск. собора, изд. Бодянскимъ.

[2]) Какъ произошла ошибка въ славянскомъ письмѣ цифръ, это весьма понятно: 6495 по-славянски ҂ѕѵ҃ч҃є; нѣкоторые переписчики приняли послѣднюю цифру за букву е, означающую 90-е и отбросили; послѣ этого и осталось ҂ѕѵ҃ч.

[3]) Изъ Грековъ, на которыхъ можно гадать съ нѣкоторою вѣроятностію, намъ извѣстенъ пока только одинъ, это — монахъ Ѳеодосій, жившій въ Кіевѣ, вѣроятно, въ качествѣ какого-нибудь чина при митрополитѣ, въ первой половинѣ XII вѣка и переведшій съ греческаго языка на славянскій, по просьбѣ Черниговскаго князя Николая Святоши, подвизавшагося въ Печерскомъ монастырѣ (съ 1106 по 1142 или 43 г., Лѣтоп. и Патер. Печерск.), посланіе папы Льва Великаго къ Константинопольскому патріарху Флавіану объ ереси Евтихія (Напечатано въ *Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн.*, 1848 г., № 7. Грѣшный Ѳеодосій, сдѣлавшій изъ лѣтописи выписку повѣсти о крещеніи Владимира, читаемую въ Румянцевской рукописи № 306, у *Восток.* стр. 434, къ намъ не относится, ибо, во-первыхъ, его выписка вовсе не одно и то же съ нашимъ житіемъ, во-вторыхъ — см. о немъ въ *Чтеніяхъ о языкѣ и словесности II Отд. Акад. Н.* 1854 и 1855 гг. статью преосв. *Макарія:* Записка о Ѳеодосіи, списателѣ Житія Володимерова).

(а что касается до догматическо-обрядовыхъ ересей латинянъ, то автора хватало на столько, чтобы понимать несообразность—излагать ихъ предъ Владиміромъ язычникомъ); здѣсь онъ достигаетъ своей цѣли другимъ образомъ: вопервыхъ, при помощи того наивно-искусственнаго средства, что послу папину—проповѣднику ученія неправаго онъ связываетъ языкъ и заставляетъ его быть весьма малословнымъ и «неумѣющимъ глаголати» передъ Владиміромъ, тогда какъ наоборотъ въ уста послу греческому, проповѣднику ученія праваго, влагаетъ въ уста пространнѣйшую рѣчь (хотя рѣчь эта представляетъ апологію вообще христіанства, а не въ частности православія, и совершенно столько же могла быть рѣчью посла папина, какъ и греческаго),—во-вторыхъ посредствомъ поученія о латинянахъ къ Владиміру уже крестившемуся и ставшему на христіанскую точку зрѣнія, которое онъ заставляетъ говорить ему епископа Корсунскаго, его крестителя, и въ которомъ показывается отступленіе латинянъ отъ чистоты православія исторически, а ихъ развращенные обычаи, предполагающіе развращенное ученіе, обличаются отъ здраваго христіанскаго смысла. Наконецъ, эта пространнѣйшая рѣчь, влагаемая въ уста философа греческаго и, такъ сказать, господствующая надъ всею повѣстію, кромѣ указанной частной цѣли, вообще разсчитана на то, чтобы произвесть на читателя впечатлѣніе, что говорить такимъ обильнымъ образомъ, такъ сказать—всѣ голоса покрывая и потопляя, что имѣть такую рѣчь, неудержимо льющуюся какъ рѣка, могъ только проповѣдникъ одной вѣры истинной [1]).

Практическая цѣль нашей редакціи повѣсти есть та, чтобы укрѣпить русскихъ людей въ привязанности къ своей вѣрѣ и усилить въ нихъ отвращеніе къ чужимъ вѣрамъ. У насъ въ періодъ домонгольскій не было мѣста открытой пропагандѣ никакой чужой вѣры; равнымъ образомъ у насъ не угрожала тогда православію опасность и тайной пропаганды какой-нибудь иной вѣры. Такимъ образомъ, у насъ въ періодъ домонгольскій вовсе не было настоятельной нужды заботиться о томъ, чтобы отвращать русскихъ людей отъ чужихъ вѣръ. Но если

[1]) Рѣчь эта, какъ поученіе къ христіанину уже убѣжденному въ истинѣ христіанства, могла бы быть названа очень хорошею; но, заставляя произносить ее философа предъ Владиміромъ язычникомъ, неизвѣстный авторъ ся наивно забываетъ, что Владиміръ еще не христіанинъ и что наибольшая часть того, чѣмъ онъ его убѣждаетъ, для него еще вовсе не убѣдительна (въ литературномъ отношеніи наша рѣчь представляетъ собою не самостоятельное произведеніе, а компиляцію; но, какъ таковая, она должна быть признана весьма не дурною и даже положительно хорошею).

не было настоятельной нужды, то дѣло имѣло себя и не такимъ образомъ, чтобы исключительные ревнители отеческой вѣры не могли находить для себя никакихъ поводовъ заботиться объ ея охраненіи. Въ Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ постоянно жило немалое количество людей латинской вѣры въ качествѣ солдатъ въ войскахъ князей (въ нѣкоторомъ количествѣ Варяги послѣ прекратившагося ихъ наплыва и Нѣмцы), въ качествѣ иностранныхъ торговцевъ, въ качествѣ приходившихъ на время ремесленниковъ и принявшихъ русское подданство постоянныхъ жителей (колонистовъ) [1]. Въ Кіевѣ и, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ другихъ большихъ городовъ преимущественно Руси заднѣпровской или собственной Руси домонгольской было не малое количество Жидовъ [2]). Купцы русскіе, ведшіе заграничную торговлю, кромѣ латинскаго Запада, ѣздили въ магометанскую Камскую Болгарію и въ разновѣрный или всевозможновѣрный Крымъ. Наконецъ, князей нашихъ періода домонгольскаго вовсе не должно представлять себѣ въ такомъ совершенномъ разобщеніи съ Западомъ, въ какомъ были государи Московскіе XV—XVII в., а напротивъ должно представлять себѣ почти въ такомъ же живомъ и тѣсномъ общеніи, которое существуетъ теперь, со времени Петра Великаго. Такимъ образомъ, если не было между Русскими домонгольскаго періода пропаганды иныхъ вѣръ ни явной ни тайной, то нѣкоторые классы ихъ находились въ довольно большомъ общеніи съ иновѣрцами. А это и могло воспламенить ревность какого-нибудь особенно усерднаго поборника своей отеческой вѣры, чтобы въ видахъ укрѣпленія въ нашихъ древнихъ предкахъ сознанія превосходства ихъ православной вѣры надъ всѣми другими вѣрами и въ видахъ воспитанія и укрѣпленія въ нихъ отвращенія къ другимъ вѣрамъ создать нашу повѣсть [3]). (Можно предполагать съ нѣкоторою, впрочемъ—не

---

[1]) Авторъ Слова о латынѣхъ, которое усвояется Ѳеодосію Печерскому, но которое на самомъ дѣлѣ должно быть усвояемо Ѳеодосію Греку, жившему въ половинѣ XII вѣка, о которомъ мы сказали сейчасъ выше (см. ниже), говоритъ о латинянахъ, что „исполнилася и наша земля злыя тоя вѣры людей“,—cfr нарочитую рѣчь ниже.

[2]) О Жидахъ у насъ въ Россіи ниже также сказано будетъ нарочито.

[3]) Весьма намъ думается, что и вторая редакція повѣсти принадлежитъ также Греку, а не Русскому. Рѣшительное доказательство этого мы наклонны видѣть въ словахъ, которыя авторъ нашей редакціи повѣсти влагаетъ въ уста Владиміра: „Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти“. Чтобы Русскій устами Владиміра хотѣлъ санкціонировать русское пьянство, это представляется намъ совершенно невѣроятнымъ. Слова эти вложены въ уста Владиміра, очевидно, въ на-

особенно большою, вѣроятностію, что нашъ неизвѣстный авторъ второй редакціи былъ побужденъ къ ея составленію примѣромъ подобной повѣсти, которую онъ видѣлъ у однихъ изъ иновѣрцевъ, жившихъ въ Кіевѣ, именно—у Жидовъ повѣсти о принятіи іудейства Хазарами. Около половины VIII вѣка часть Хазаръ,—каганъ или государь съ высшимъ дворянствомъ, приняли іудейство. Какъ это случилось, остается неизвѣстнымъ. Но въ первой половинѣ XII вѣка испанскій Еврей Егуда Галеви (Jehuda Halevi) написалъ повѣсть о семъ обращеніи, въ которой представляетъ дѣло такимъ образомъ: хазарскому государю, который ревностно преданъ былъ своему идолопоклонству и имѣлъ благочестивыя чувства, нѣсколько разъ являлся во снѣ ангелъ, обращавшійся къ нему съ словами: «твои чувства добры, но твое служеніе Богу (gottesdienstliches Thun) не право»; чтобы узнать образъ праваго служенія Богу, государь обратился къ языческому философу, представителю пантеизма, къ христіанскому и магометанскому учителямъ; выслушавъ пространныя рѣчи всѣхъ, государь не удовольствовался ни однимъ и такъ какъ христіанскій и магометанскій учители ссылались на іудейство, какъ на исходный пунктъ своихъ вѣръ (bewahrheitende

смѣшку надъ Русскими и хотятъ сказать, что-де Русскій не забываетъ о винѣ, когда говоритъ и о вѣрахъ, и что-де при разсужденіи о достоинствѣ вѣръ для него первый вопросъ: а позволяетъ ли вѣра пить вино?—Басни о магометанахъ, читаемыя въ нашей редакціи повѣсти, сколько знаемъ, не встрѣчаются въ томъ видѣ, какъ онѣ въ ней, въ славянскихъ, переведенныхъ съ греческаго, книгахъ. Это даетъ знать, что авторъ нашей редакціи бралъ ихъ прямо изъ греческихъ книгъ, и слѣдовательно—что онъ былъ Грекъ (Есть въ нашей редакціи повѣсти одно, не совсѣмъ понятное для насъ противорѣчіе: философъ греческій говоритъ Владиміру, что вѣра латинянъ „маломь (мало) съ нами развращена“, а епископъ Корсунскій въ своемъ поученіи къ Владиміру говоритъ ему, что она много развращена. Не указываетъ ли это на цѣлыя три редакціи повѣсти, изъ которыхъ вторая не дошла до насъ?).—Относительно времени появленія нашей редакціи повѣсти есть въ ней одинъ признакъ, но далеко не опредѣленный. Владиміръ говоритъ въ ней посламъ папы: „идѣте опять (назадъ), яко отци наши сего не пріяли суть“; слова эти, не имѣющія смысла въ устахъ Владиміра, значатъ то, что редакція явилась послѣ болѣе или менѣе многократныхъ присыловъ папами къ намъ своихъ пословъ. Указываютъ еще на слова Владиміру жидовъ: „предана бысть земля наша хрестеяномъ“, при чемъ, если бы разумѣть ихъ о собственномъ времени автора нашей редакціи повѣсти, нужно было бы разумѣть времена господства въ Палестинѣ крестоносцевъ. Но слова могутъ быть понимаемы и о давно прошедшемъ (домусульманскомъ) времени. (Въ редакціи повѣсти упоминается миѳическій папа Петръ Гугнивый. Если бы признать справедливыми наши предположенія, что онъ явился не ранѣе конца XII—начала XIII вѣка, см. 2-й половины I-го тома стрр. 693 и 789: то симъ опредѣлилось бы и время появленія редакціи повѣсти).

Voraussetzung), то онъ захотѣлъ выслушать и учителя іудейскаго: этотъ послѣдній убѣдилъ государя въ истинѣ іудейства. Повѣсть Егуды Галеви, написанная съ цѣлію показать превосходство іудейства предъ философскимъ язычествомъ, магометанствомъ и христіанствомъ и, по мнѣнію Евреевъ, т. е. съ ихъ точки зрѣнія, выполняющая свою задачу превосходно, пользовалась и пользуется у нихъ величайшею славой, величалась и до сихъ поръ величается «безсмертнымъ твореніемъ» [1]). Принимая во вниманіе, что Евреи всего свѣта, по живому

[1]) *Graetz*'а Geschichte der Juden, VI, 162.—Повѣсть Егуды Галеви, написанная имъ на арабскомъ языкѣ, была имъ озаглавлена (въ переводѣ съ арабскаго на русскій при посредствѣ нѣмецкаго): „Книга доказательства и доводовъ на помощь презираемой религіи"; въ еврейскомъ переводѣ, который сдѣланъ былъ вскорѣ послѣ смерти автора, она названа: Céферъ гаккузари (Сеферъ — Козри) т. е. Книга Хазарина или хазарская. Еврейскій переводъ напечатанъ былъ въ первый разъ въ 1506 г. и потомъ печатаемъ много разъ. Въ 1660-мъ г. она была издана Буксторфомъ сыномъ въ латинскомъ переводѣ подъ заглавіемъ Liber Cosri; въ недавнее время часть ея издана въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: Das Buch Kusari. Мы не имѣли повѣсти подъ руками ни въ латинскомъ ни въ нѣмецкомъ переводахъ и передали ея содержаніе по указанной выше книгѣ *Graetz*'а Geschichte der Juden,—VI, 146 sqq; ея библіографію см. у *Fürst*'а въ Bibliotheca Judaica,—II, 36 fin. sqq. Полагаютъ, что исторической основой для повѣсти служило письмо хазарскаго кагана Іосифа, написанное въ половинѣ X вѣка (ок. 960-го г.) къ испанскому Еврею Хаздаю или Хиздаю и передающее по просьбѣ этого послѣдняго исторію обращенія Хазаръ въ іудейство. Это письмо шло бы намъ еще болѣе, чѣмъ повѣсть Егуды Галеви, ибо въ немъ говорится о посольствахъ, присыланныхъ къ кагану съ предложеніемъ вѣръ отъ царей христіанскаго и магометанскаго. Но мы того мнѣнія, что оно подложно и само составлено на основаніи повѣсти Егуды Галеви: что̀ сообщаетъ Іосифъ Хаздаю о современной себѣ Хазаріи, весьма подозрительно; когда о принявшемъ іудейство каганѣ говорится, что онъ еще будучи язычникомъ истребилъ всѣхъ идоловъ въ своей землѣ и идолослужителей предалъ смерти, то это представляется неудачной (перехитренной) поправкой противъ Галеви; наконецъ, и то обстоятельство, что письмо открыто Евреями только во второй половинѣ XVI вѣка послѣ того, какъ была не одинъ разъ напечатана повѣсть Галеви (объ открытіи у *Graetz*'а V, 367 и 370 примм.), наводитъ на сомнѣніе (въ русскомъ переводѣ письмо Іосифа къ Хаздаю напечатано въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.*, *1847-го г.* № 6, а извлеченіе изъ просительнаго письма Хаздая къ Іосифу, которое открыто одновременно съ первымъ и тоже должно быть считаемо подложнымъ, въ *Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи*, изд. Д. В., т. I. М. 1845). Cfr статью *П. П. Малышевскаго*: Евреи въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ, напечатанную въ Трудахъ Кіевск. Духовн. Академіи.—Кстати замѣтимъ здѣсь, что найденную будто бы, т. е. сочиненную, извѣстнымъ Фирковичемъ еврейскую запись о приходѣ въ 986-мъ г. пословъ Владиміра къ хазарскому кагану можно читать въ сейчасъ помянутой статьѣ г. Малышевскаго, по изд. отдѣльной брошюрой стр. 3 прим. (у *Graetz*'а о ней V, 550.

сознанію себя единымъ народомъ и по своему исключительному положенію среди другихъ народовъ, постоянно находятся во взаимномъ между собою общеніи, не невозможно предполагать, что повѣсть Егуды Галеви, столь дорогая для національно-религіозной гордости всѣхъ ихъ, доходила и до нашихъ кіевскихъ Евреевъ. Обращеніе подобной повѣсти между Евреями могло дать мысль и усердіе какому-нибудь Русскому или Греку, чтобы повѣсть о крещеніи, читавшуюся въ житіи Володимеровомъ неизвѣстнаго автора, переработать такъ, какъ она читается въ лѣтописи.—На мысль сочинить посольства къ Владиміру отъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ авторъ могъ быть наведенъ лѣтописью, въ которой онъ читалъ, что къ Ярополку не задолго до его смерти присылали въ одномъ году пословъ сначала Греки и потомъ папа, Никон. лѣт. подъ 979-мъ годомъ.—Объ источникахъ, которыми пользовался авторъ повѣсти при составленіи пространной рѣчи Владиміру философа греческаго и поученія ему епископа Корсунскаго, см. *Сухомлинова* О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, С.-Пб. 1856, стр. 54 sqq и *Павлова* Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей Греко-Русской полемики противъ латинянъ, С.-Пб. 1878, стр. 8 sqq [1]).

Усердный сочинитель не досмотрѣлъ въ нашей повѣсти о крещеніи, что по ней Владиміръ не считалъ нужнымъ посылать своихъ пословъ къ Хазарамъ, уже изъ самой бесѣды съ послами хазарскихъ Жидовъ убѣдившись, что іудейство есть вѣра, отверженная Богомъ. Или можетъ быть онъ хотѣлъ въ семъ случаѣ опровергнуть нашу повѣсть? Рошъ Мешехъ, что̀ должно понимать — Руссы Московскіе, тоже не дурно).

[1]) Наша повѣсть о крещеніи Владиміра (вторая редакція), написанная съ цѣлію доказать превосходство нашего православія передъ всѣми другими вѣрами, въ XVI вѣкѣ была обращена Русско-литовскими антитринитаріями на защиту антитринитаріанства противъ православія. Они сочинили письмо къ Владиміру будто бы отъ одного изъ его пословъ, отправленныхъ для осмотра вѣръ, именно—отъ Ивана Смеры Половлянина, датированное изъ Александріи (Никон. лѣт. подъ 1001-мъ годомъ о посольствахъ въ Римъ, Іерусалимъ, *во Египетъ*, принимаемыхъ Стрыйковскимъ за посольства для осмотра вѣръ), въ которомъ сильно укоряются Греки и ихъ вѣра и въ которомъ князь настоятельно убѣждается не принимать послѣдней. О письмѣ Смеры *Карамзинъ* I, прим. 447, митр. *Евгеній* въ Словарѣ Русскихъ свѣтскихъ писателей подъ сл. Іоаннъ Смера и спеціально—помянутый *П. П. Малышевскій* въ статьѣ: Подложное письмо Половца Ивана Смеры къ вел. кн. Владиміру св., напечатанной въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи за 1876-й г. (Любопытно читать въ письмѣ, какъ отвѣчается въ немъ на слова повѣсти, что послы наши, бывъ въ храмѣ Грековъ, не знали, гдѣ стоятъ — на землѣ или на небѣ: „изъ Іерусалима пришелъ я—пишетъ мнимый Смера—сюда въ Александрію; здѣсь я повсюду увидѣлъ божницы, построенныя роскошно, и людей, нравами похожихъ на аспидовъ и

Обращаясь къ рѣчи о томъ, что расположило Владимира принять христіанство, сначала скажемъ о мнѣніяхъ, съ которыми мы не согласны.

Особеннаго расположенія у Владимира къ принятію христіанства преосвящ. Филаретъ ищетъ въ его особенномъ душевномъ настроеніи, представляя его какъ тяжкаго, угрызаемаго совѣстью, грѣшника, который не находитъ успокоенія своей душѣ въ язычествѣ и ищетъ его внѣ сего послѣдняго. «Ужасное братоубійство,—говоритъ преосв. Филаретъ, — побѣды, купленныя кровію чужихъ и своихъ, сластолюбіе грубое не могли не тяготить совѣсти даже язычника. Владимиръ думалъ облегчить душу тѣмъ, что ставилъ новые кумиры на берегахъ Днѣпра и Волхова, украшалъ ихъ серебромъ и золотомъ, закалалъ тучныя жертвы передъ ними; мало того,—пролилъ даже кровь двухъ христіанъ на жертвенникѣ идольскомъ. Но все это, какъ чувствовалъ онъ, не доставляло покоя душѣ, — душа искала свѣта и мира»... Можетъ быть, это и привлекательная идеализація человѣка, но тѣмъ не менѣе вовсе не состоятельная. Братоубійство, совершенное Владимиромъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ особаго рода преступленій, которыя вызываются и оправдываются такъ называемою политическою необходимостію, и мы, къ прискорбію, не знаемъ ни одного примѣра ни въ древней, ни въ новой исторіи, чтобы подобное преступленіе легло свинцовою тяжестью на совѣсти того, кто его совершилъ. Сынъ Владимировъ, христіанинъ Ярославъ, подобно отцу и совершенно по такому же, какъ онъ, побужденію, поднимая руку на брата, не только не считалъ себя преступникомъ, а напротивъ съ упованіемъ призывалъ себѣ на помощь правду Божію: «И подойде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: не я почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отмѣстникъ Богъ крове братьи моея... суди ми Господи по правдѣ». Совершенно такое же оправданіе было и у Владимира, и совершенно тѣми же словами оправдывался и онъ, какъ это прямо говоритъ лѣтопись [1]). Предполагать, чтобы побѣды, купленныя кровію чужихъ и своихъ, могли тяготить совѣсть даже язычника, есть не только странная, но и смѣшная натяжка. Кому же неизвѣстно, что побѣды, купленныя какою бы то ни было цѣною, не только во времена языческія, но и

васпляковъ (т. е. Грековъ, имѣющихъ роскошныя божницы); но видѣлъ я также не мало молитвенныхъ домовъ христіанскихъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ идоловъ, а только столы и скамьи"..., у *Малыш.* отд. брош. стр. 2).

[1]) Подъ 980-мъ г.: „не азъ почахъ братью бити, но онъ, азъ же, того убоявся, придохъ нань".

во всѣ времена христіанскія, не исключая и нынѣшнихъ нашихъ, ни малѣйше не безпокоятъ совѣсти счастливыхъ побѣдителей и приносятъ имъ одно, считаемое притомъ величайшимъ, удовольствіе, и болѣе ничего? Не станемъ же мы считать Владимира какимъ-нибудь необычайнымъ исключеніемъ изъ всѣхъ людей? Грубымъ, необыкновеннымъ сластолюбцемъ считаютъ Владимира всѣ на томъ основаніи, что объ этомъ прямо говоритъ лѣтопись. Признаемся откровенно, мы не совсѣмъ вѣримъ, или, лучше сказать, совсѣмъ не вѣримъ извѣстію, читаемому въ лѣтописи, будто Владимиръ имѣлъ 800 наложницъ [1]), да еще кромѣ того, будучи не сытъ блуда, приводилъ къ себѣ чужихъ замужнихъ женъ и растлѣвалъ дѣвицъ. Владимиръ былъ не государь восточный, не Соломонъ и не Сарданапалъ (хотя въ лѣтописи и сравнивается онъ съ первымъ), а государь европейскій; если бы о другомъ европейскомъ государѣ говорилось то, что говорится о Владимирѣ, не счелъ ли бы всякій подобныхъ рѣчей съ перваго слова за совершенно несообразную фабулу? Почему же вовсе несообразное въ приложеніи къ другимъ было бы сообразнымъ въ приложеніи къ Владимиру? Ни про Соломоновъ, ни про Сарданапаловъ Владимиръ, конечно, не зналъ; но если бы онъ въ отношеніи къ многочисленности и пышности гарема хотѣлъ быть государемъ восточнымъ, то передъ нимъ былъ примѣръ кагановъ Хазарскихъ: однако и эти восточные государи въ Европѣ имѣли только по 25 женъ и 60 наложницъ [2]). Наконецъ, не превосходитъ ли всякій смыслъ то, что Владимиръ, имѣвъ гаремъ въ 800 наложницъ, все-таки еще приводилъ чужихъ замужнихъ женъ и растлѣвалъ дѣвицъ? Несообразное извѣстіе, очевидно, выдумано съ тою цѣлію, чтобы Владимира - язычника какъ можно рѣзче противопоставить Владимиру-христіанину, и вѣрить ему значило бы вѣрить совершенно невѣроятному [3]). Но если даже и

---

[1]) По Никоновской лѣтоп., I, 65, наложницъ у Владимира было даже и не 800, а 1100: 300 въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ, 300 въ Роднѣ и 200 на Берестовомъ.

[2]) См. у *Бестужева-Рюмина* въ Русск. ист. I, 81 (*Карамз.* I, прим. 90).

[3]) О рожденіи Владимиромъ Святополка отъ плѣнной Гречанки, бывшей передъ тѣмъ женою его старшаго брата Ярополка, лѣтописецъ говоритъ: „Володимеръ залеже жену братьню Грекиню, и бѣ непраздна, отъ неяже родися Святополкъ; отъ грѣховнаго бо корени золъ плодъ бываетъ: понеже бо была мати его черницею, а второе — Владимиръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичъ бысть убо; тѣмъ же и отецъ его не любяше, бѣ бо отъ двою отцю — отъ Ярополка и отъ Володимера“ (подъ 980-мъ г.). Справедливо или несправедливо то, что Владимиръ не любилъ Святополка, какъ рожденнаго отъ прелюбодѣйства, но эту нелюбовь,

допустить что нибудь подобное, то и въ этомъ случаѣ между Русскими X вѣка Владиміръ вовсе не будетъ представлять изъ себя необыкновеннаго и выходящаго изъ ряду вонъ исключенія. Дѣло въ томъ, что между предками нашими по норманской линіи или Русскими въ собственномъ смыслѣ, по особеннымъ обстоятельствамъ, господствовало до христіанства сластолюбіе, совершенно неограниченное. Въ древнѣйшее время Русскіе почти исключительно жили нападеніями на другіе народы и военными грабежами [1]). Главную добычу въ этихъ нападеніяхъ составляли плѣнники и плѣнницы, вслѣдствіе чего у нихъ явилась нарочитая и обширная торговля невольниками и невольницами. Съ теченіемъ времени Русскіе перестали быть исключительно разбойниками, но торговля невольниками и невольницами, по сдѣланной привычкѣ, продолжала составлять ихъ спеціальность, и такъ это было, какъ мы положительно знаемъ, и въ X вѣкѣ [2]). Но относительно этого особаго рода товара ввелся обычай, что пока онъ находился на рукахъ у купцовъ, они — купцы пользовались имъ сами: положительныя свидѣтельства изъ X вѣка говорятъ намъ, что каждая продаваемая невольница была для Русскаго, если онъ только хотѣлъ того, и его наложницей, и что это считалось дѣломъ вполнѣ естественнымъ и обыкновеннымъ [3]). Въ то время князь былъ самымъ первымъ купцомъ, и наложницъ въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, иногда бывало у Владиміра не по восьми сотъ, а не по одной тысячѣ. Мы не знаемъ, предавался ли онъ съ своими невольницами тому необузданному сластолюбію, о которомъ говорится въ лѣтописи; но если бы это было даже и такъ, то и въ этомъ случаѣ его совѣсть должна была мучиться столько же, сколько мучится совѣсть каждаго человѣка отъ дѣла со-

---

вслѣдствіе указанной причины, усвояетъ ему лѣтописецъ. Изъ сего слѣдуетъ, что лѣтописецъ далекъ былъ отъ того, чтобы считать Владиміра величайшимъ развратникомъ. А если такъ, то изъ этого въ свою очередь должно слѣдовать, что читаемое въ лѣтописи о развратѣ Владиміра не должно быть усвояемо ему самому.

[1]) Cfr Ибнъ-Дасту по изд. *Хвольсона*, стр. 35, § 2.

[2]) Ibn-Foszlan у *Френа*, S. 7; Ольга обѣщалась прислать императору въ даръ: *челядь*, воскъ и скору и пр. Святославъ говоритъ о Переяславцѣ Дунайскомъ, что въ него изъ Руси идутъ: скора и воскъ, медъ и *челядь*; въ разсказѣ объ одномъ чудѣ Николая Чудотворца, случившемся въ Константинополѣ въ правленіе императора Константина Мономаха (1042—1054), говорится, что нѣкій бояринъ, желая купити раба, „вземъ литру злата и всѣдъ на конь, доѣха до торгу, идѣже рустіи купци приходяще *челядь* продаютъ“ (рукоп. Моск. Дух. Акад. № 90, л. 222, чудо 34-е).

[3]) Ibn-Foszl. ibid. (Весьма вѣроятно, что это такъ было и у другихъ, занимавшихся торговлей невольниками; о кавказскихъ Горцахъ cfr статью: „У подошвы Ельборуса“, напеч. въ Вѣстникѣ Европы 1886, Февраль, стр. 563).

вершенно естественнаго и принятаго [1]). Наконецъ, какъ бы ни было въ дѣйствительности, преосв. Филаретъ забываетъ объ одномъ весьма простомъ обстоятельствѣ, изъ котораго необходимо должно слѣдовать, что сластолюбіе тутъ остается ни при чемъ: въ такихъ молодыхъ годахъ, въ какихъ Владимиръ принялъ христіанство (или невступно въ 30 лѣтъ, или никакъ не болѣе 30-ти), крайніе сластолюбцы никогда не приходятъ въ раскаяніе.

---

[1]) Мы весьма подозрѣваемъ, что изъ этой торговли невольницами и возникло сказаніе о многочисленнѣйшемъ гаремѣ Владимировомъ, т.-е. что продажныя невольницы, которыхъ онъ имѣлъ всегда много, прямо превращены въ его наложницъ. Адамъ Бременскій, говоря о Норманнахъ, что они презираютъ золото, серебро и все, что у другихъ считается драгоцѣннымъ, in sola mulierum copula modum nesciunt,—quisque secundum facultatem suarum virium duas aut tres et amplius simul habet, *divites et principes absque numero* (Lib. IV, c. 21), даетъ знать, что пользованіе невольницами какъ наложницами было у Норманновъ весьма распространено. Ибнъ-Фоцланъ говоритъ, что князь Руссовъ имѣлъ при себѣ назначенныхъ для его постели 40 служанокъ (vierzig Mädchen, у Френа S. 21). Прямо о самомъ Владимирѣ Титмаръ Мерзебургскій утверждаетъ, что онъ былъ fornicator immensus et crudelis (Chronic., lib. VII, c. 52). Такимъ образомъ, весьма возможно допустить, что Владимиръ до христіанства дѣйствительно неумѣреннымъ образомъ преданъ былъ пороку сластолюбія, но изъ этого ничего не будетъ слѣдовать, такъ какъ преданъ былъ вмѣстѣ со всѣми другими, а не исключительно противъ другихъ. Но за тѣмъ, есть основанія думать, что между Норманнами нашими Русскими или Кіевскими во время Владимира уже не господствовало прежняго невоздержанія и что и самъ Владимиръ уже не былъ до принятія христіанства тѣмъ сластолюбцемъ, каким могли быть его предшественники (и какимъ, можетъ быть, и представляетъ его Титмаръ по общимъ слухамъ объ этихъ послѣднихъ). Малушу или Малку, мать Владимирову, за то, что она позволила себѣ вступить въ связь съ Святославомъ, Ольга отослала во гнѣвѣ въ село Будутино (Никон. лѣт. I, 54). Митр. Иларіонъ, монахъ Іаковъ и преп. Несторъ, когда говорятъ, что Владимира расположила къ принятію христіанства благодать Св. Духа, какъ будто устраняютъ мысль о немъ, какъ о тяжкомъ грѣшникѣ въ язычествѣ (Когда второй говоритъ, что Владимиръ, ставъ христіаниномъ, каялся о прежнихъ грѣхахъ своихъ: „акы звѣрь бяхъ, много зла творяхъ въ поганьствѣ и живяхъ яко скоти наго“, то, можетъ быть, намекаетъ на языческое сластолюбіе, а можетъ быть—просто разумѣетъ нечистоту языческой жизни, какъ таковой). Что касается до того, чтобы Владимиръ приводилъ къ себѣ чужихъ замужнихъ женъ и растлѣвалъ дѣвицъ (подразумѣвается, — дочерей свободныхъ людей), то Адамъ Бременскій говоритъ: Capitali pena mulctatur (у Норманновъ), si quis uxorem alterius congoverit aut vi oppresserit virginem, Lib IV c. 21. Для объясненія того, что Владимиру усвояется это привоженіе чужихъ женъ и растлѣваніе дѣвицъ, можетъ быть, должны быть приняты въ соображеніе тѣ извѣстія о Норманнахъ, что они, дѣлая свои разбойничьи набѣги на другіе народы, uxores stuprabant, puellas devirginabant,—*Dudo Viromandensis* De moribus et actis primorum Normanniae ducum libri tres, Lib. I нач., у *Миня* въ Патр. t. 141 p. 622).

Итакъ, нѣтъ основаній и вѣроятности предполагать, чтобы Владиміръ долженъ былъ сознавать себя тяжкимъ грѣшникомъ. Но если бы, наконецъ, даже и предположить это, то изъ сего не будетъ слѣдовать того вывода, который дѣлаетъ преосв. Филаретъ. Мы не рѣшимъ вопроса, для чего Богъ терпитъ и допускаетъ ложныя религіи: но то несомнѣнный фактъ, что Онъ терпитъ ихъ и допускаетъ. А вслѣдствіе этого и въ ложныхъ религіяхъ, такъ же какъ и въ истинной, люди находятъ миръ и утѣшеніе своимъ смущаемымъ совѣстямъ, хотя и воображаемые.

О началѣ княженія Владимирова въ Кіевѣ лѣтопись говоритъ: «И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хорса-Дажьбога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь; и жряху имъ, наричуще я боги, и привожаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ и оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холм-отъ» (холмъ тотъ). Приводя это извѣстіе въ связь съ извѣстіями такъ называемой Іоакимовой лѣтописи Татищева, С. М. Соловьевъ все дѣло о крещеніи Владиміра представляетъ такъ: старшій братъ Владиміра Ярополкъ былъ приверженцемъ христіанства и покровителемъ его послѣдователей, вслѣдствіе чего нелюбимъ былъ кіевскими язычниками. Поднявъ войну на брата, Владиміръ объявилъ себя на сторонѣ язычниковъ и вслѣдствіе того, при помощи кіевскихъ недоброжелателей Ярополка, достигъ побѣды надъ нимъ и великокняжескаго престола. Обязанный достиженіемъ послѣдняго партіи языческой, Владиміръ ознаменовалъ начало своего правленія самою усердною ревностью къ язычеству... Но «русское язычество было такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ успѣхомъ вести спора ни съ одною изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ юговосточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христіанствомъ». Всѣ усилія Владиміра (съ дядей своимъ Добрыней) поднять сколько-нибудь язычество привели его только къ тому, что показали ничтожество и несостоятельность послѣдняго и указали ему путь къ христіанству, проповѣдники котораго и предстали предъ нимъ въ лицѣ кіевскихъ христіанъ Варяговъ.

Прежде всего, если Соловьевъ думаетъ, что Владиміръ убѣдился сначала въ ничтожествѣ и ложности язычества, а потомъ въ истинности христіанства, то онъ представляетъ дѣло, какъ мы говорили выше, совершенно невѣрно и совершенно невозможнымъ образомъ со стороны психологической. Владиміръ могъ убѣдиться въ томъ и дру-

томъ только одновременно, но никакъ не сначала въ одномъ, а потомъ въ другомъ (Если не ошибаемся, Соловьевъ представляетъ дѣло, приближаясь не по буквѣ, а по смыслу къ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, такимъ образомъ, что въ виду религій юго-восточной Европы, которыя всѣ превосходили язычество, Владиміръ сначала убѣдился въ ничтожествѣ послѣдняго, а потомъ началъ рѣшать, которая изъ этихъ религій есть самая лучшая. Если такъ, то это совершенно несостоятельно). Затѣмъ, эпизодъ усилій Владиміра поднять язычество (не въ виду всѣхъ религій юго-восточной Европы, а въ виду именно бывшаго въ Кіевѣ греческаго христіанства) самъ по себѣ не представлялъ бы ничего невѣроятнаго; но мы не можемъ допустить его потому, что онъ не представляется намъ вѣроятнымъ со стороны фактической. Не на основаніи мнимой Іоакимовой лѣтописи Татищева, а само по себѣ совершенно вѣроятно предполагать, что Ярополкъ былъ человѣкъ, расположенный къ христіанству, но совсѣмъ неудобнымъ представляется предполагать то, что Соловьевъ предполагаетъ далѣе. Если Ярополкъ, какъ говоритъ мнимая Іоакимова лѣтопись, — «даде христіанамъ волю велику» вопреки людямъ, т.-е. если онъ далъ волю велику христіанамъ, несмотря на вражду къ такому его поведенію дружины, которую нужно было бы разумѣть тутъ подъ людьми, то это значило бы, что онъ рѣшился дѣйствовать слишкомъ самостоятельно. Но онъ погибъ отъ руки Владиміра всего 20—23-лѣтнимъ юношей: вѣроятно ли предполагать, чтобы въ такіе годы онъ показалъ такую самостоятельность? Если дружина его была рѣшительно враждебна христіанству, то и онъ самъ, при всемъ расположеніи къ христіанамъ, не могъ дать имъ воли великой, а слѣдовательно—не могъ возбудить противъ себя и дружины. Не говоримъ далѣе о томъ, что Соловьевъ рѣшается предпочесть свидѣтельство мнимой Іоакимовой лѣтописи Татищева положительному свидѣтельству настоящей первоначальной лѣтописи, говорящей намъ совсѣмъ другое [1]), но спросимъ его, что будетъ значить: «Ярополкъ христіанамъ даде волю велику»? Ярополкъ могъ дать христіанамъ только полную свободу; но мы знаемъ, что та-

[1]) Т.-е. говорящей, что Владиміръ взялъ Кіевъ вслѣдствіе измѣны воеводы Ярополкова Блуда, прельстившагося на обѣщанія Владиміра, и при этомъ прямо прибавляющей, что Блудъ самъ было хотѣлъ убить Ярополка, но не рѣшился это сдѣлать, *боясь граждань* („самъ мысля убити Ярополка, гражаны же не бѣ лзѣ убити его“: а мнимая Іоакимова лѣтопись: „Ярополкъ не любимъ есть у людей, зане христіаномъ даде волю велику“). Единоличную измѣну, подобную Блудовой, послѣ встрѣчаемъ мы въ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ (Новг. І-я лѣтоп. подъ 1016-мъ г.).

кою полною свободой они пользовались и во времена Святослава: что онъ могъ прибавить къ тому? Наконецъ, мы допустили выше вражду дружины къ христіанству, какъ нѣчто вѣроятное: но вѣроятна ли она однако на самомъ дѣлѣ? Дружина вовсе не была враждебна христіанству при Игорѣ, Ольгѣ и Святославѣ: съ какой же стати она вдругъ стала бы враждебна ему при Ярополкѣ?

Когда лѣтопись говоритъ о поставленіи Владиміромъ въ началѣ княженія кумировъ въ Кіевѣ, то неизвѣстно, какъ понимать ее,—такъ ли, что Владиміръ сдѣлалъ тутъ нѣчто обыкновенное, что́ дѣлали и другіе предшествующіе князья, или такъ, что Владиміръ показалъ особенное усердіе къ язычеству и сдѣлалъ дѣло необыкновенное. Вѣроятнѣе послѣднее, какъ это обыкновенно всѣ и понимаютъ. Но если это такъ, то слѣдуетъ думать, что подобное особенное усердіе къ язычеству авторъ лѣтописи (или неизвѣстный позднѣйшій его дополнитель, каковаго весьма вѣроятно подозрѣвать тутъ) приписалъ Владиміру самъ отъ себя и произвольно, руководясь тѣмъ же самымъ побужденіемъ, по которому онъ дѣлаетъ его человѣкомъ невѣроятно сластолюбивымъ и развратнымъ (рѣчи о необыкновенномъ развратѣ Владиміра и его ревностномъ усердіи къ язычеству составляютъ въ лѣтописи одно цѣлое,—подъ 980 г.): онъ изобличаетъ себя своими собственными показаніями. Онъ говоритъ, что Владиміръ поставилъ Перуна и прочихъ боговъ на холмѣ внѣ двора теремнаго. Но мы положительно знаемъ изъ его же собственныхъ словъ, что Перунъ стоялъ тамъ при Игорѣ [1]). Слѣдовательно, или Владиміръ не имѣлъ нужды ставить тамъ Перуна, или онъ только замѣнилъ обветшавшую статую новою. Правда, лѣтопись говоритъ, что Владиміръ не только самъ поставилъ кумиры Перуна и другихъ боговъ въ Кіевѣ, но подобное же велѣлъ сдѣлать и Добрынѣ въ Новгородѣ, изъ чего вѣроятнѣйшее заключеніе, по видимому, то, что это поставленіе не было дѣломъ обыкновеннымъ. Однако и въ Новгородѣ оно могло быть только тѣмъ же, чѣмъ въ Кіевѣ—или дѣломъ обыкновеннымъ, или дѣломъ, не имѣющимъ смысла. «И пришедъ Добрыня Ноугороду», говоритъ лѣтопись,—«постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородьстіи аки богу». Но развѣ Новгородцы не были прежде язычниками и не имѣли прежде кумировъ? Что же можетъ значить это поставленіе одного кумира, какъ не то, что въ началѣ каждаго княженія было принято поставлять въ главнѣйшихъ городахъ по но-

---

[1]) Лѣтоп. подъ 945 г., о приведеніи Игоря къ присягѣ послами греческими.

вому кумиру, или какъ не простую безсмыслицу, которая сочинилась у лѣтописца (или его дополнителя) для его особенной цѣли?

Нѣтъ основаній отрицать и мы не отрицаемъ того факта, что при Владимирѣ одинъ разъ принесена была человѣческая жертва (при чемъ жребій случайнымъ образомъ палъ на христіанина) [1]. Но въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ никакого основанія видѣть доказательство особаго языческаго благочестія Владимира. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства какъ о томъ вообще, что человѣческія жертвы были въ обычаѣ между Норманнами язычниками, такъ и о томъ въ частности, что онѣ были въ обычаѣ между Норманно-Славянами у насъ въ Россіи до Владимира [2]).

Не находя вѣроятнымъ думать вмѣстѣ съ Соловьевымъ, чтобы Владимиръ въ началѣ своего княженія имѣлъ причины быть и дѣйствительно былъ усерднымъ язычникомъ, мы думаемъ и видимъ основанія думать, что онъ былъ человѣкомъ, расположеннымъ къ христіанству съ самаго начала и съ самаго своего дѣтства. Не на основаніи мнимой Іоакимовой лѣтописи Татищева, какъ уже мы говорили выше, а само по себѣ вѣроятно предполагать это о старшемъ братѣ Влади-

---

¹) Въ 983 г. Владимиръ пошелъ на Ятвяговъ (литовское племя, жившее на Западъ отъ Дреговичей, въ южной половинѣ нынѣшней Гродненской губерніи), побѣдилъ ихъ и взялъ ихъ землю. Когда онъ возвратился въ Кіевъ и рѣшилъ принести благодарственныя жертвы богамъ, то старцы и бояре сказали: „бросимъ жеребій на отрока (юношу) и на дѣвицу, и на кого падетъ жеребій, тѣхъ принесемъ въ жертву богамъ". Жеребій отрока палъ на сына одного Варяга, который пришелъ изъ Константинополя и былъ христіанинъ. Посланные отъ народнаго вѣча потребовали у Варяга его сына; но этотъ отвѣчалъ на требованіе укоризнами языческимъ богамъ. Тогда пошло къ дому все вѣче и, нашедъ его запертымъ, взяло его силой, а боярина съ сыномъ растерзало (имена мучениковъ, не записанные у лѣтописца, въ позднѣйшихъ проложныхъ сказаніяхъ—Ѳеодоръ и Іоаннъ; относительно ихъ погребенія лѣтописецъ говоритъ: „и не свѣсть никто же, гдѣ положиша я", но въ настоящее время мощи сына, извѣстныя, не знаемъ почему, подъ именемъ мощей младенца Іоанна, тогда какъ изъ лѣтописи ясно видно, что онъ былъ не младенецъ,—въ кіевскихъ Антоніевыхъ пещерахъ. Церковная память мучениковъ—12 Іюля).

²) О человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Норманновъ: Ибнъ-Даста по изд. *Хвольсона* стр. 38, § 9, Dudo Viromandensis Lib. I нач.,—въ Патр. *Миня* t. 141 p. 621 нач.; еще свидѣтельства см. въ Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ *Погодина*, т. 3 стр. 316; изъ новыхъ историковъ имѣющійся у насъ подъ руками *Веберъ* говоритъ объ этихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Норманновъ, какъ о фактѣ положительномъ (Menschenopfer blieben lange Nationalsitte Норманновъ,—въ Нѣмецк. подл. изд. 14, B. I, S. 574, § 336). О сихъ жертвоприношеніяхъ у насъ до Владимира—Левъ діаконъ Калойск., кн. IX, гл. 6: (О нихъ у западныхъ Славянъ—*Срезневскаго* Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ, Спб., 1848, стр. 76).

мировомъ Ярополкѣ: но совершенно такая же вѣроятность предполагать то же и о самомъ Владимирѣ. Вмѣстѣ съ Ярополкомъ онъ былъ воспитанъ своей бабкой Ольгой. Если онъ былъ моложе Ярополка, который остался послѣ Ольги лѣтъ 13-ти, то необходимо принимать, что моложе весьма не на много лѣтъ—года на два, не болѣе, а возможно даже, что и не моложе, ибо онъ могъ быть младшимъ сыномъ не по лѣтамъ, а потому, что былъ рожденъ отъ наложницы; слѣдовательно, имѣвъ Ольгу своею воспитательницей лѣтъ до 10—11, а можетъ быть и болѣе, онъ имѣлъ одинаковую возможность съ Ярополкомъ получить одно и то же съ нимъ настроеніе мыслей. Но, повторяемъ, если мы допускаемъ какъ весьма вѣроятное, что Ольга успѣла сдѣлать человѣкомъ, расположеннымъ къ христіанству, Ярополка, то таковымъ же могла она сдѣлать и Владимира. Нѣтъ никакой невѣроятности, а напротивъ есть вся вѣроятность думать такъ само по себѣ; но кромѣ того насъ располагаютъ думать именно такъ нѣкоторыя положительныя указанія. Изъ пяти законныхъ женъ Владимира, называемыхъ лѣтописцемъ (подъ 980 г.), четыре были христіанки: Гречанка, двѣ Чехини и Болгарка. Если бы Владимиръ въ началѣ своего княженія считалъ себя обязаннымъ казаться и на самомъ дѣлѣ былъ усерднымъ язычникомъ, то, съ одной стороны, чтò за средство угождать язычникамъ—брать въ жены христіанокъ, а съ другой стороны—усердный язычникъ и въ тоже время рѣшительное предпочтеніе христіанкамъ. Далѣе, если о Гречанкѣ мы знаемъ, что она явилась въ видѣ рабы, взятой на войнѣ, то мы не знаемъ ничего подобнаго и едва ли имѣемъ право предполагать объ остальныхъ трехъ. Предположите, что всѣ три онѣ были знатнаго происхожденія и вышли замужъ за Владимира добровольно, чтò предполагать есть вѣроятнѣйшее. Съ какой стати отцы-христіане имѣли бы охоту выдавать дочерей своихъ, а дочери-христіанки съ какой стати имѣли бы охоту идти замужъ за усерднаго язычника?

Такимъ образомъ, и само по себѣ и на основаніи положительныхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ, наивѣроятнѣйшимъ представляется думать то, что Владимиръ былъ человѣкъ болѣе или менѣе расположенный къ христіанству съ самаго начала своего княженія. Въ Кіевѣ были многіе Варяги-христіане, и вотъ они и превратили его расположеніе къ христіанству въ совершенную рѣшимость принять его. Жены-христіанки, о которыхъ мы сейчасъ говорили, конечно, не могли явиться при этомъ ни чѣмъ инымъ, какъ усердными помощницами людей, старавшихся склонить его къ христіанству. Мы знаемъ, что

польскій князь Мечиславъ I, обратившійся въ христіанство не задолго до Владиміра, былъ убѣжденъ къ его принятію именно своею супругой христіанкой [1]): отчего же до нѣкоторой степени подобнаго не могло бы быть и у насъ? [2]).

У Игоря и Ольги достало ума понять превосходство христіанства предъ язычествомъ, и первый изъ нихъ склонился на его сторону внутренно, а вторая рѣшилась принять его открыто. Но для Владиміра это было гораздо легче, чѣмъ для нихъ обоихъ, ибо, кромѣ собственнаго ума, онъ имѣлъ предъ собою ихъ примѣръ. А слѣдовательно, и вопросъ: какъ убѣдился Владиміръ въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ, не требуетъ никакого особеннаго разъясненія.

Итакъ, снова повторяемъ, наиболѣе вѣроятнымъ представляется думать, что Владиміръ рѣшился принять христіанство не послѣ напрасныхъ усилій поднять язычество, а имѣвъ расположеніе къ нему съ дѣтства и за симъ съ самаго вступленія на великокняжескій престолъ,—шедъ къ нему, такъ сказать, прямымъ путемъ. Указанныя нами выше обстоятельства даютъ знать, что усилія кіевскихъ Варяговъ-христіанъ окончательно склонить его на сторону христіанства не могли быть особенно великими. Болѣе или менѣе задолго до окончательной рѣшимости принять христіанство, болѣе или менѣе вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, Владиміръ беретъ женъ-христіанокъ: если при заключеніи этихъ браковъ у него уже не было внутренно рѣшено стать христіаниномъ, то есть очевидная вѣроятность предполагать, что онъ былъ недалеко отъ такого рѣшенія. Ища себѣ въ жены христіанокъ, Владиміръ, очевидно, самъ шелъ на встрѣчу христіанству, самъ искалъ окончательнаго сближенія съ нимъ [3]).

---

[1]) Домбровкою или Боною, дочерью чешскаго государя Болеслава I.

[2]) Женщинамъ вообще усвояется весьма немаловажная роль въ распространеніи христіанства въ Европѣ: обращеніе франкскаго короля Хлодвига приписывается его супругѣ бургундійкѣ Клотильдѣ; обращеніе англо-сакскаго короля Едильберта—его супругѣ франкской княжнѣ Бертѣ; обращеніе современныхъ Владиміру венгерскихъ королей Гейзы и Стефана (перваго на половину, втораго совсѣмъ) приписывается ихъ супругамъ—сестрѣ польскаго короля Адельгейдѣ и сестрѣ императора Гизлѣ. Чехинямъ, супругамъ Владиміра, кто бы онѣ ни были, конечно, было извѣстно о поведеніи и объ успѣхѣ Домбровки въ Польшѣ, а потому имъ естественно было и подражать ей. Но, можетъ быть, одна изъ этихъ Чехинь была даже прямо рода княжескаго и приходилась Домбровкѣ близкою родственницей, ибо если отдана была княжна за язычника Мечислава, то могла быть отдана и за Владиміра. Въ семъ послѣднемъ случаѣ княжнѣ младшей естественно было видѣть какъ бы свое призваніе въ томъ, что̀ удалось сдѣлать княжнѣ старшей.

[3]) Владиміръ женился не на одной христіанкѣ, а на нѣсколькихъ, тогда какъ, конечно, зналъ, что у христіанъ принято имѣть по одной женѣ: это, по ви-

Такъ кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ представлять себѣ дѣло о личномъ обращеніи Владимира въ христіанство. Но онъ не только самъ принялъ его, а рѣшился вмѣстѣ съ тѣмъ совершить и чрезвычайно важный государственный переворотъ—сдѣлать христіанство вѣрою всего своего народа.

Принявъ вѣру истинную, Владимиръ, естественно, долженъ былъ воодушевляться желаніемъ дать ту же вѣру и своему народу. Но, думаемъ, необходимо предполагать, что въ этомъ послѣднемъ его рѣшеніи принимали дѣятельное участіе и мотивы государственные, что онъ тутъ дѣйствовалъ не только какъ равноапостольный, но и какъ великій государь.

Народы, предназначенные къ исторической жизни, живутъ благоустроенными государствами. Народы, только что начинающіе жить государственно, обыкновенно, примыкаютъ къ народамъ, которые, начавъ жить давнѣе, служатъ въ данномъ мѣстѣ представителями этой государственности, чтобы по преемству историческому быть ихъ наслѣдниками. Новая исторія нашей части свѣта или Европы состоитъ въ томъ, что новые, явившіеся въ ней для государственной жизни, народы примкнули къ состоявшимъ на лицо представителямъ этой жизни — Грекамъ и Римлянамъ, чтобы составить одно съ ними и продолжить міръ греко-римскій. У каждаго изъ новыхъ европейскихъ народовъ настоящая государственная жизнь начинается со времени принятія имъ христіанства. Съ одной стороны, это значитъ, что народы заимствовали стремленіе къ таковой жизни и самую эту жизнь отъ Грековъ и Римлянъ, смотря потому, отъ тѣхъ или другихъ получили христіанство, а съ другой стороны или на оборотъ — это значитъ, что у каждаго изъ народовъ христіанство было вводимо такими государями, которые сознавали необходимость водворенія въ своихъ странахъ государственной жизни. Такой государь въ лицѣ Владимира явился и у насъ на Руси.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о государственномъ характерѣ Игоря, чтобы отвѣчать на вопросъ: присоединялось ли у него къ личному убѣжденію въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ и созна-

---

димому, не показываетъ, чтобы онъ шелъ на встрѣчу христіанству. Но требовать отъ язычника, чтобы онъ совсѣмъ сталъ христіаниномъ прежде обращенія въ христіанство, было бы притязательно (Какъ отцы христіане имѣли охоту выдавать дочерей своихъ за человѣка многоженнаго, это не совсѣмъ понятно; но это не совсѣмъ понятное есть фактъ, а изъ сего слѣдуетъ только то, что въ древнихъ нравахъ не все для насъ понятно).

ніе необходимости послѣдняго въ видахъ государственныхъ. Судя о немъ по женѣ его Ольгѣ, вѣроятнѣе отвѣчать да, чѣмъ нѣтъ. Но какъ бы то ни было, онъ не могъ думать о томъ, чтобы перемѣнить вѣру государства, когда не могъ отважиться и на то, чтобы лично сдѣлаться христіаниномъ открытымъ. Преемникомъ Игоря былъ сынъ его Святославъ. Это былъ, если угодно, отважный и блестящій рыцарь, а если угодно — пустой искатель приключеній, во всякомъ же случаѣ — всего менѣе настоящій государь. Онъ не только не могъ думать о томъ, чтобы совершить великую государственную реформу посредствомъ введенія христіанства, но напротивъ того его норманскія стремленія, всю основу которыхъ составляло право кулака и меча, были совершенно враждебны христіанскимъ понятіямъ о гражданственности. Владиміръ представляетъ рѣшительную противоположность со своимъ отцомъ. Это ни малѣйше не удалый рыцарь, но государь-собиратель и строитель земли въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Онъ ведетъ очень много войнъ, но война для войны не имѣетъ для него смысла, и всѣ войны ведутся имъ исключительно для цѣлей государственныхъ, для расширенія или для охраненія предѣловъ государства. Одинъ разъ въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ онъ увлекается за предѣлы благоразумія, подчиняетъ себѣ народъ, который онъ не въ состояніи былъ держать своимъ данникомъ, — онъ сознается въ этомъ и спѣшитъ оставить народъ въ покоѣ: предпринявъ въ 985-мъ году безполезный походъ на Болгаръ и одержавъ безполезную надъ ними побѣду, онъ спѣшитъ заключить съ ними миръ и удалиться, ибо сознаетъ съ своими совѣтниками, что «симъ дани ему не даяти». Походъ на Царьградъ послѣ Олега и Игоря сталъ для князей Кіевскихъ, такъ сказать, традиціоннымъ средствомъ добыть себѣ славы; но мы видимъ, что Владиміръ не имѣетъ ни малѣйшаго и помышленія объ этомъ славномъ, но безполезномъ, походѣ. Послѣ войнъ, предпринятыхъ исключительно въ видахъ пользы государственной, Владиміръ былъ занятъ тѣмъ, что и должно составлять занятіе истиннаго государя, именно — строеніемъ и нарубаніемъ или заселеніемъ городовъ вокругъ своей столицы и совѣтованіями съ своею дружиной «о строи земленѣмъ и о уставѣ земленѣмъ». Въ немногихъ словахъ лѣтописи: «и бѣ Володимеръ думая (съ дружиной) о строи земленѣмъ и о уставѣ земленѣмъ» сообщается намъ несомнѣнное извѣстіе, что Владиміръ былъ истинный государь, поставлявшій цѣлію своей дѣятельности благоустроеніе государства и усердно объ этомъ заботившійся. Наконецъ, приведенное нами выше извѣстіе Никоновской лѣтописи о томъ, что

Владимиръ посылалъ пословъ въ другія страны для осмотра быта и жизни другихъ народовъ, если только мы согласимся признать это извѣстіе за истинное, невольно напоминаетъ о Петрѣ Великомъ и даетъ намъ знать, что Владимиръ принадлежалъ не просто къ числу истинныхъ государей, но именно къ числу тѣхъ истинныхъ государей изъ ряду вонъ, къ которымъ и этотъ послѣдній. Но если все это такъ, то Владимиръ, лично приведенный и пришедшій къ убѣжденію въ превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ, не могъ не придти къ убѣжденію и въ государственной необходимости ввести его въ своей странѣ вмѣсто язычества. Русь X вѣка было бы совершенно несправедливо и неосновательно представлять себѣ такою отчужденною отъ другихъ и самозаключенною, какъ это было, напримѣръ, въ XVI—XVII вѣкѣ: напротивъ, въ то время Русскіе считали себя вполнѣ принадлежащими и на самомъ дѣлѣ вполнѣ принадлежали къ семейству европейскихъ народовъ, составляя совершенно столько же живой его членъ, какимъ мы опять потомъ стали послѣ Петра Великаго и какимъ состоимъ въ настоящее время. Но принадлежа и желая принадлежать къ семейству европейскихъ народовъ, мы оказывались въ немъ, такъ сказать, уродомъ. Всѣ другіе европейскіе народы, за исключеніемъ только насъ да еще Венгровъ, были уже христіанскими и начали жить тою новою гражданскою жизнію, которую получили вмѣстѣ съ христіанствомъ и которая рѣшительно отдѣляла ихъ отъ народовъ языческихъ, какъ особый нравственный міръ. Чтобы войти въ этотъ міръ, чтобы стать такими же, какъ всѣ, и не составлять изъ себя особняка, и намъ ничего не оставалось болѣе сдѣлать, какъ послѣдовать примѣру другихъ и стать христіанами. Въ своемъ постепенномъ движеніи съ Запада на Востокъ христіанство дошло уже непосредственно до насъ: передъ тѣмъ оставались впереди насъ Поляки, но въ 966-мъ году, т. е. за 12 лѣтъ до восшествія Владимирова на престолъ, и они приняли христіанство, и такимъ образомъ очередь передали намъ. Человѣкъ съ истинно государственными способностями, государь съ отличающею великихъ людей способностію понимать требованія времени, Владимиръ понялъ настоявшую Россіи необходимость стать страною христіанскою для того, чтобы сдѣлаться страною вполнѣ европейскою, и это политическое убѣжденіе, соединяясь съ прямымъ и непосредственнымъ желаніемъ дать народу истинную вѣру, и произвело то, что онъ не только самъ принялъ христіанство, но рѣшился сдѣлать это послѣднее вѣрою и своего государства.

Представителями христіанства, отъ которыхъ Владимиръ могъ заимствовать его, были въ то время Греки и папа. Если бы прихо-

дили къ нему миссіонеры отъ однихъ или отъ другаго, то онъ и принялъ бы христіанство отъ той стороны, миссіонеры которой убѣдили бы его сдѣлать это [1]). Но обратителями Владимира были кіевскіе Варяги-христіане. Ихъ собственное христіанство было происхожденія константинопольскаго [2]); но такъ какъ въ то время Греки и латиняне составляли еще двѣ половины одной православной церкви, ибо раздѣленіе случилось нѣсколько позднѣе, и такъ какъ они сами — Варяги не имѣли ни малѣйшаго личнаго интереса въ томъ, чтобы убѣждать Владимира принять христіанство именно отъ Грековъ, то необходимо предполагать, что, убѣдивъ его принять христіанство, они затѣмъ оставили совершенно на его собственную волю — отъ кого принять. Такимъ образомъ необходимо думать, что для Владимира не былъ рѣшенъ заранѣе, а долженствовалъ быть рѣшенъ имъ самимъ вопросъ: отъ кого принять ему христіанство. Владимиръ рѣшился креститься отъ Грековъ, а не отъ папы. Само-собою разумѣется, что онъ рѣшилъ для себя вопросъ не съ богословской точки зрѣнія, ибо, намѣреваясь принять христіанство, онъ еще не былъ богословомъ, да если бы и былъ, то самаго вопроса, какъ таковаго (какъ богословскаго вопроса), еще не существовало, такъ какъ Греки и латиняне, какъ мы сказали, еще составляли тогда двѣ половины одной и той же православной церкви. Ближайшею причиной, побудившей Владимира предпочесть Грековъ папѣ, конечно, было то, что послѣдній былъ весьма далеко отъ насъ и до того вре-

[1]) Впрочемъ и тутъ, собственно говоря, оставалась бы для Владимира полная возможность выбора. Посолъ греческій или папинъ убѣдилъ бы его въ истинности христіанства; но такъ какъ Греки и латиняне тогда еще составляли двѣ половины одной и той же православной церкви, то ни тотъ ни другой посолъ, конечно, не сталъ бы доказывать ему, что противная сторона есть еретическая, вмѣстѣ съ которою невозможно спасеніе (хотя въ повѣсти о крещеніи Греки и заставляются дѣлать это относительно латинянъ). Тотъ или другой посолъ, конечно, убѣждалъ бы Владимира принять христіанство именно своей стороны (ибо, какъ мы уже замѣчали, кромѣ общаго православія, была еще раздѣлявшая людей власть); но убѣждалъ бы не доводами богословскими, а тѣми или другими соображеніями сторонними; а въ этихъ послѣднихъ былъ компетентенъ и самъ Владимиръ (Замѣтимъ здѣсь кстати: кто хотѣлъ бы настаивать на дѣйствительности прихода къ Владимиру пословъ или миссіонеровъ въ тѣхъ видахъ, что симъ приходомъ объясняется — почему Владимиръ принялъ православіе, а не латинство; тотъ изъ сейчасъ сказаннаго можетъ видѣть, что приходъ тутъ не служитъ ни къ чему).

[2]) Если иному читателю можетъ припомниться, что варяжская вѣра была у насъ впослѣдствіи синонимомъ латинской, то на это должно сказать ему, что латинская вѣра стала варяжскою съ начала XI вѣка, когда Норвегія и Швеція, откуда были Варяги, обратились изъ язычества въ латинское христіанство.

мени мы не бывали съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, между тѣмъ какъ Греки были почти наши сосѣди и у насъ издавна были съ ними самыя дѣятельныя и живыя связи и сношенія, и что самое положеніе нашей страны на Востокѣ указывало намъ именно на христіанъ восточныхъ. Но и болѣе глубокія политическія соображенія должны были заставить Владимира уклониться отъ святаго отца. Крестившись отъ папы, Владимиръ вступилъ бы въ многочисленный сонмъ окружавшихъ его государей, могъ бы получить королевскій вѣнецъ — все это было очень лестно... Но, съ другой стороны, вступивъ въ сонмъ, онъ былъ бы въ немъ младшимъ и послѣднимъ; вступивъ въ этотъ сонмъ, онъ сдѣлался бы весьма ограниченнымъ въ своей свободѣ его членомъ. Напротивъ, крестившись отъ Грековъ, Владимиръ оставался самъ-по-себѣ, сохранялъ себѣ всю свою свободу и не подвергалъ себя никакой опасности быть въ мальчикахъ и на послугахъ у другихъ... Надъ сужденіями и дѣлами человѣческими высится Божественный Промыслъ, невидимо управляющій ими. Принимая христіанство, мы не могли выбирать между православіемъ и неправославіемъ (не могли не только потому, что были не въ состояніи, но и потому, что неправославія еще не было): по устроенію Промысла мы очутились стоящими на десной сторонѣ перваго.

(Въ сферѣ небогословской и нецерковной обыкновенно или по крайней мѣрѣ большею частію думается, что принятіе нами вѣры отъ Грековъ имѣло своимъ слѣдствіемъ наше многовѣковое невѣжество со всѣми его печальными плодами. Это невѣжество, конечно, есть фактъ; но ниже мы увидимъ, что въ сужденіяхъ объ его причинахъ мы далеко не справедливы).

Спустя два года послѣ собственнаго крещенія, Владимиръ рѣшился приступить къ крещенію всего народа. Прежде чѣмъ дѣлать это, онъ рѣшился войти въ сношенія съ Греками, такъ какъ для будущей Русской церкви ему нужна была отъ послѣднихъ высшая іерархія, т. е. епископы съ митрополитомъ или какимъ-либо другимъ предстоятелемъ во главѣ. Для сей цѣли Владимиру, по видимому, надлежало отправить къ Грекамъ посольство съ изъявленіемъ своей нужды и съ просьбой объ ея удовлетвореніи. Но онъ поступилъ иначе: онъ отправился войной на греческій городъ Херсонесъ Таврическій или Корсунь, изъявилъ непреклонное намѣреніе взять его и только въ качествѣ побѣдителя завязалъ съ Греками сношенія. Какъ понимать этотъ странный поступокъ Владимира? Обыкновенно говорятъ, что гордость могущества и славы не позволяла Владимиру унижаться въ разсужденіи Грековъ и являться передъ ними въ роли просителя, что

явившись къ нимъ просителемъ, а не побѣдителемъ, онъ могъ справедливо опасаться униженія и оскорбленія отъ византійскаго высокомѣрія, и при этомъ ссылаются на примѣръ Ольги (Карамз. и преосв. Филар.). Но когда предполагаютъ во Владимирѣ гордость могущества и славы и крайнюю щекотливость этой гордости, то представляютъ его себѣ какимъ-то Тамерланомъ, завоевателемъ полусвѣта, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было и безъ чего предполагаемая въ немъ гордость становится совсѣмъ невѣроятною, заставляя воображать его человѣкомъ до послѣдней степени смѣшнымъ. Гордость Владимира, правда—одержавшаго довольно много побѣдъ, но побѣдъ не особенно достославныхъ, и считавшаго себя сильнымъ брать дань только съ народовъ, носящихъ лапти, а не сапоги [1]),—если эта гордость дѣйствительно была въ немъ, долженствовала быть весьма умѣренною, и при той ея степени, въ какой она можетъ быть въ немъ воображаема, онъ ничего не могъ видѣть для себя унизительнаго въ томъ, чтобы обратиться къ Грекамъ съ просьбою. Когда говорятъ о византійскомъ высокомѣріи и самомнѣніи, то говорятъ совершенную правду. Но, во-первыхъ, это смѣшное и притязательное на нашъ взглядъ высокомѣріе вовсе не могло казаться таковымъ Владимиру и его современникамъ, которые видѣли въ имперіи не жалкую руину и не внутреннюю пустоту подъ наружнымъ блескомъ, а нѣчто совсѣмъ другое, и которые, не имѣя никакихъ притязаній равнять себя съ нею, должны были питать къ ней всевозможное уваженіе. Во-вторыхъ, совершенная неправда, будто это высокомѣріе, доходя до настоящей глупости, дозволяло себѣ положительно оскорблять варваровъ, когда они появлялись къ Грекамъ въ видѣ просителей, и будто такое именно оскорбленіе потерпѣла Ольга въ свой пріѣздъ въ Константинополь. Мы ужъ говорили выше, что съ Ольгой ничего оскорбительнаго въ Константинополѣ не случилось, что она была принимаема тамъ совершенно подобающимъ образомъ: съ какой же стати опасался бы оскорбленій Владимиръ? Притомъ, когда ссылаются на это небывалое оскорбленіе, то страннымъ образомъ считаютъ нужнымъ представлять дѣло такъ, что какъ будто и Владимиръ долженъ былъ самъ лично отправиться въ Константинополь. Такимъ образомъ, ни гордость Владимира, ни опасеніе оскорбленій со стороны Грековъ вовсе не могутъ изъяснить странный и загадочный поступокъ Владимира. Въ чемъ же могло быть дѣло? Во-первыхъ, не невѣроятно думать, что Владимиръ опасался со

[1]) Походъ на Болгаръ 985 г.

стороны Грековъ нѣкоторыхъ притязаній и хотѣлъ ихъ заранѣе и рѣшительно отстранить. Греки были не папа; однако и у нихъ была весьма сильная наклонность смотрѣть на народы, принимавшіе ихъ вѣру и становившіеся въ церковную отъ нихъ зависимость, какъ на народы себѣ подручные и въ отношеніи политическомъ, какъ на своихъ вассаловъ. Въ началѣ IX вѣка Руссы Таврическіе приняли отъ Грековъ христіанство, и патріархъ Фотій спѣшитъ назвать ихъ подданными имперіи, хотя они вовсе и не думали о подданствѣ [1]. Императоры константинопольскіе, какъ это мы имѣемъ право думать по нѣкоторымъ указаніямъ, включали имена народовъ, содержавшихъ православную вѣру, въ свой титулъ, считая ихъ какъ бы вассальными себѣ и какъ бы притязая быть по отношенію къ нимъ тѣмъ же, чѣмъ былъ императоръ западно-римскій или нѣмецкій по отношенію къ своимъ курфирстамъ и князьямъ [2]. Не невѣроятно думать, что у Владиміра было опасеніе подобныхъ притязаній отъ Грековъ и что оно-то между прочимъ и заставило его явиться въ первый разъ предъ ними съ мечемъ побѣдителя въ рукахъ, ибо по отношенію къ побѣдителю уже не могли имѣть мѣста никакія притязанія. Во-вторыхъ, необходимо думать, что дѣло было въ томъ желаніи Владиміра вступить въ бракъ съ греческою царевной, сестрой константинопольскихъ императоровъ, которое онъ изъявилъ послѣ взятія Корсуни. Для варвара и владѣтеля варварской страны, каковъ былъ Владиміръ, получить руку греческой царевны была вещь весьма нелегкая, и если Владиміръ хотѣлъ этого, то онъ дѣйствительно долженъ былъ воевать съ Греками и предъявлять имъ свое желаніе только въ качествѣ побѣдителя. Браки съ варварами, естественно, должны были чрезвычайно оскорблять гордость Грековъ [3]; выходъ замужъ за варварскихъ князей, естественно,

---

[1]) См. выше выдержку изъ Окружнаго посланія Фотіева.

[2]) Въ половинѣ XIV в. султанъ египетскій титулуетъ императора константинопольскаго въ своемъ посланіи къ нему: rex Graecorum, rex Bulgarorum, Asaniorum, Blachorum, *Rhossorum* et Alanorum (*Stritter*, Memorr. popp. II, 1027). Слѣдуетъ думать, что султанъ повторяетъ титулъ, который императоръ самъ усвоялъ себѣ (рѣшительное подтвержденіе нашихъ предположеній встрѣтилъ *А. С. Павловъ* у одного греческаго писателя XIV вѣка, см. въ его изданіи: Памятники древне-русскаго каноническаго права, ч. I, втораго счета стр. 273 прим.).

[3]) См. Константина Порфирогенита De administrando imperio, c. 13, гдѣ нарочито трактуется о семъ. Когда императоръ нѣмецкій Оттонъ I въ 968 г. искалъ руки старшей сестры нашей Анны для своего сына, то даже ему отвѣчали: Inaudita res est, ut porphygoreniti porphyrogenita, hoc est in purpura nati filia in purpura nata, gentibus misceatur, *Liutprandi* Legatio, c. 15.

долженъ былъ представляться дѣломъ ужаснымъ для греческихъ царевенъ; поэтому, само собою понятно, что Греки заключали подобные браки только въ случаѣ настоятельной нужды, въ особенности такіе изъ нихъ, когда не сами женились на варварскихъ княжнахъ, а своихъ княженъ должны были выдавать за варваровъ. Но для чего могъ быть нуженъ Владиміру этотъ бракъ съ греческою царевной, котораго онъ такъ усиленно добивался? Предположить, чтобы для удовлетворенія простаго тщеславія состоять въ родствѣ съ императорами, было бы очень мелко, и настоятельная энергія въ достиженіи ничтожной цѣли заставляла бы предполагать во Владимірѣ человѣка совсѣмъ пустаго. Чтобы эта энергія получила смыслъ, необходимо предполагать что-нибудь бо̀льшее, какую-нибудь дѣйствительную, сознававшуюся Владиміромъ, нужду. Необходимо, по нашему мнѣнію, предполагать то, о чемъ мы говорили немного выше, именно—что при обращеніи въ христіанство всего народа у Владиміра нераздѣльно шли съ заботами религіозными заботы государственныя, что, рѣшившись крестить свой народъ, онъ не только хотѣлъ дать ему вѣру истинную, но и ввести его въ семью народовъ цивилизованныхъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать его не только народомъ христіанскимъ, но и европейскимъ во всемъ смыслѣ этого слова. При этомъ послѣднемъ предположеніи для насъ будетъ совершенно понятно желаніе Владиміра—во что̀ бы то ни стало вступить въ бракъ съ греческою царевной. Греки имѣли стать цивилизаторами Руси, и для Владиміра чрезвычайно важно было, чтобъ они имѣли добросовѣстную охоту быть цивилизаторами возможно усердными, чтобы они безъ заднихъ мыслей имѣли расположеніе желать Руси всего лучшаго. Но какъ было этого достигнуть? Ясно, что бракъ съ греческою царевной представлялся наилучшимъ къ этому средствомъ: вступивъ съ императорами греческими въ родство, онъ тѣмъ пріобрѣталъ бы ихъ неподдѣльное и возможно усердное доброжелательство [1]).

Взявъ Корсунь [2]), Владиміръ немедленно отправилъ посольство въ Константинополь къ тогдашнимъ императорамъ Василію и Констан-

[1]) Чтобы не показалось читателю страннымъ предполагаемое нами опасеніе Владиміра, что Греки не захотятъ стать цивилизаторами Руси, напомнимъ ему XV—XVI вѣкъ нашей исторіи, когда западные наши сосѣди обнаруживали такое нехотѣніе.

[2]) Время, избранное Владиміромъ для похода на Корсунь, обнаруживаетъ въ немъ то благоразуміе, о которомъ говорили мы выше: онъ предпринялъ его, когда императоры константинопольскіе, по случаю явившихся бунтовщиковъ (Склира и потомъ Варды Фоки), находились въ весьма стѣснительномъ положеніи. — Разсказъ лѣтописи о взятіи Владиміромъ Корсуни см. въ приложеніи къ этой главѣ.

тину, съ одной стороны—прося для имѣвшей вслѣдъ за симъ явиться Русской церкви того, что ей было нужно отъ Грековъ, а съ другой стороны—себѣ прося въ замужство сестру императоровъ, царевну Анну [1]). Желаніе ли возвратить Корсунь, опасеніе ли угрозы Владимира, какъ говоритъ авторъ его Житія и вслѣдъ за нимъ повѣсть о крещеніи, явиться подъ Константинополемъ, а всего болѣе, вѣроятно, какъ говорятъ лѣтописцы греческіе, желаніе и настоятельная нужда получить отъ Владимира военную помощь противъ явившихся тогда и грозившихъ сильною опасностію бунтовщиковъ [2]), заставили императоровъ согласиться на желаніе Владимира вступить съ нимъ въ родство. Женившись въ Корсуни на сестрѣ императоровъ [3]) и затѣмъ

---

[1]) Анна родилась 13-го Марта 963-го года (*Krug's* Chronologie d. Byzantier, SS. 318 и 328), слѣдовательно, въ 989-мъ г., когда Владимиръ взялъ Корсунь, ей было 26 лѣтъ.

[2]) Варды Фоки съ товарищами. Греческихъ лѣтописцевъ см. въ приложеніи къ этой главѣ.

[3]) По житію Владимиръ крестился въ Корсуни, то-есть, вѣнчался бракомъ съ царевной Анной, въ церкви св. Іакова; по Лаврент. списку повѣсти—въ церкви св. Василія. Мы полагаемъ, что вмѣсто того и другаго должно быть считаемо правильнымъ показаніе Ипатскаго списка повѣсти, по которому онъ крестился въ церкви св. Софіи. Есть основанія полагать (мы укажемъ ихъ ниже), что каѳедральнымъ храмомъ Корсуни была церковь св. Софіи; но Владимиръ вѣнчался, конечно, въ каѳедральномъ храмѣ, ибо, не говоря о другомъ, вѣнчаніе совершалъ, конечно, самъ епископъ.—Не сдѣлавъ выше замѣчанія объ языческихъ женахъ Владимира, сдѣлаемъ его здѣсь. На вопросъ объ этихъ женахъ, очень неважный самъ по себѣ, но возбуждающій любопытство иныхъ, мы не можемъ отвѣчать совершенно ничего положительнаго, потому что совершенно ничего положительнаго не знаемъ. Если принимать, что Владимиръ крестился тайно отъ народа, то нужно будетъ думать, что, пока онъ не объявилъ себя народу въ качествѣ христіанина, онъ не отпускалъ ихъ отъ себя, а только пересталъ имѣть своими настоящими женами, начавъ довольствоваться какъ таковою настоящею женой—которою нибудь одною изъ нихъ (а относительно того—вѣнчался или не вѣнчался съ этою одной христіанскимъ бракомъ, ничего не можемъ сказать). Когда онъ женился на греческой царевнѣ, конечно, всѣхъ женъ отослалъ отъ себя со включеніемъ и помянутой одной. Что касается до того, какъ онъ ихъ устроилъ, то относительно тѣхъ изъ нихъ, которыя хотѣли идти замужъ, можно думать, что онъ выдалъ ихъ за бояръ, а относительно тѣхъ, которыя не хотѣли идти замужъ, необходимо думать, что онъ устроилъ имъ приличное существованіе (Единственно извѣстная изъ всѣхъ женъ по имени есть Рогнѣда, дочь Рогвольда Полоцкаго, которая принадлежала къ послѣдней, сейчасъ указанной, категоріи, которую, по словамъ лѣтописца, — подъ 980-мъ г., Владимиръ посадилъ близъ Кіева на Лыбеди, гдѣ послѣ было сельцо Предславино, и которая умерла въ 1000-мъ году (Легенду о ней, какъ она хотѣла было убить Владимира, измѣнившаго ей въ любви, см. у *Карамз.* I, 126 нач.). А подъ умершею въ томъ же году Малфридью, какъ это записано въ лѣтописи

или на самомъ дѣлѣ получивъ или—какъ должно думать (о чемъ сейчасъ ниже),—только обнадеженный получить немедленно вслѣдъ за симъ митрополита и епископовъ для будущей Русской церкви, а во всякомъ случаѣ получивъ и взявъ съ собою нужное количество священниковъ, Владиміръ возвратился въ Кіевъ, чтобы приступить къ крещенію всего своего народа.

Владиміръ крестился (самъ лично) въ 987-мъ году, Корсунь была взята имъ черезъ два лѣта на третье послѣ крещенія въ 989-мъ году [1]).

Общее крещеніе народа, къ которому приступилъ Владиміръ послѣ возвращенія изъ Корсуни, само собою разумѣется, было начато съ Кіевлянъ. Этотъ первый приступъ къ нему, какъ заставляютъ вѣрить свидѣтельства, былъ сдѣланъ безъ митрополита и епископовъ, съ одними только священниками; т.-е. на основаніи свидѣтельствъ выходитъ такъ, что Владиміръ не привелъ самъ митрополита и епископовъ, а что они были присланы къ нему спустя только нѣкоторое время послѣ его возвращенія, и что онъ крестилъ Кіевлянъ съ бывшими у него и привезенными имъ священниками, не дождидаясь ихъ (митрополита и епископовъ) прибытія. Житіе Володимера неизвѣстнаго автора и за нимъ повѣсть о крещеніи, читаемая въ лѣтописи, говорятъ, что Владиміръ взялъ съ собою изъ Корсуни поповъ, но не говорятъ, чтобы взялъ митрополита и епископовъ. Потомъ, о крещеніи Кіевлянъ они говорятъ, что Владиміръ совершилъ его съ попами (царицыными и корсунскими), и не говорятъ, чтобы съ митрополитомъ и епископами. Если бы авторъ житія, которое повторяетъ повѣсть, руководствовался только своими соображеніями, то ему естественно было бы предположить, что Владиміръ самъ вмѣстѣ съ собою привелъ митрополита и епископовъ. Если же онъ не говоритъ о послѣднихъ, говоря только о попахъ, то заставляетъ предполагать, что онъ вос-

---

Лаврентьевской, вѣроятнѣе, кажется, разумѣть мужчину, какого-либо знатнаго боярина, Малфрида, какъ это записано въ лѣтописи Ипатской и за нею въ позднѣйшей Никоновской; въ послѣдней подъ 1002-мъ г. уже совершенно ясно: „преставися Малвредъ сильный“—т. е. одинъ изъ богатырей, рыцарей Владимировыхъ).

[1]) По свидѣтельству монаха Іакова, Владиміръ взялъ Корсунь черезъ два года на третій послѣ своего крещенія, которое имѣло мѣсто въ 987-мъ г., а по свидѣтельству лѣтописцевъ греческихъ и арабскихъ, онъ оказалъ военную помощь императорамъ Константинопольскимъ, что было послѣ взятія Корсуни, или до Апрѣля мѣсяца 989-го года или въ этомъ мѣсяцѣ (см. выше). Стоящій въ лѣтописи 988-й годъ, если принять за справедливое извѣстіе житія Владимірова, что онъ осаждалъ Корсунь шесть мѣсяцевъ, будетъ дѣйствительнымъ годомъ его отправленія въ походъ.

производить въ этомъ случаѣ какія-то имѣвшіяся у него положительныя свидѣтельства (можетъ быть, запись, читавшуюся въ лѣтописи; можетъ быть, запись, читавшуюся гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ). Сказаніе о крещеніи Новгородцевъ, читаемое въ позднѣйшихъ редакціяхъ первоначальной лѣтописи, [1]) хотя и не съ совершенной опредѣленностію, однако даетъ знать, что митрополитъ и епископы прибыли въ Россію только уже въ 991-мъ году. «Въ лѣто 6499 (991),—читаемъ въ немъ,—крестився Володимеръ и взя у Фотія патріарха у царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона и Новгороду архіепискупа [2]) Якима Корсунянина... и приде (въ семъ 991-мъ г.) къ Новугороду архіепискупъ Якимъ»... Лѣтопись можно, правда, понимать такимъ образомъ, что она говоритъ только о приходѣ въ 991-мъ г. епископа Іоакима въ Новгородъ, оставляя неизвѣстнымъ то, когда онъ прибылъ съ митрополитомъ изъ Константинополя въ Кіевъ. Но вѣроятнѣе и прямѣе понимать ее такъ, что и самый приходъ митрополита съ епископами она относитъ къ тому же 991-му году.

Выборъ кандидатовъ въ митрополиты и епископы (съ наборомъ чиновниковъ или клирошанъ къ каждому изъ нихъ), который на первый разъ, какъ это необходимо предполагать, производился съ особою тщательностію, былъ дѣломъ нелегкимъ. А поэтому и нѣтъ ничего удивительнаго, что съ присыломъ митрополита и епископовъ могли значительно замедлить. Что же касается до крещенія Кіевлянъ (именно однихъ только ихъ), то Владиміръ, имѣя у себя готовыхъ священниковъ, которыхъ бы могъ дать крещеннымъ, не имѣлъ нужды дожидаться прихода митрополита и епископовъ.

Въ Корсуни, съ переговорами о бракѣ и съ самымъ его совершеніемъ, съ переговорами объ устройствѣ церковнаго управленія, съ наборомъ священниковъ и другихъ необходимыхъ людей, Владиміръ имѣлъ весьма немало дѣла. Поэтому, нужно думать, что онъ пробылъ въ ней болѣе или менѣе долгое время и что возвратился изъ нея въ Кіевъ или только въ самомъ концѣ 989 г., или даже въ слѣдующемъ 990 г. Такъ какъ нѣтъ основаній и нельзя предполагать, чтобы по возвращеніи онъ дѣйствовалъ съ поспѣшностію и тотчасъ же совершилъ крещеніе Кіевлянъ, какъ только прибылъ въ Кіевъ: то вообще представляется необходимымъ принимать за годъ этого крещенія 990-й годъ (четвертый отъ собственнаго крещенія Владимирова).

[1]) Собр. лѣтт. V, 121 и VII, 313.

[2]) Архіепискупа—позднѣйшая поправка вмѣсто епискупа; о патр. Фотіи см. ниже.

Житіе Володимера неизвѣстнаго автора и за нимъ повѣсть о крещеніи, помѣщенная въ лѣтописи, представляютъ дѣло о крещеніи Владиміромъ Кіевлянъ такимъ образомъ, что—возвратился изъ Корсуни, сокрушилъ бывшіе въ городѣ идолы, отдалъ въ одинъ прекрасный послѣ сего вечеръ приказъ явиться всѣмъ на другой день поутру на рѣку для купанія (что̀ есть крещеніе какъ внѣшнее дѣйствіе) въ новую вѣру,—и сдѣлалъ людей изъ язычниковъ христіанами, т.-е. представляютъ дѣло такимъ образомъ, будто вся недолгая исторія состояла въ томъ, что приказалъ и исполнено. Вслѣдъ за Житіемъ и повѣстію и новые изслѣдователи бо́льшею частью такимъ же образомъ представляютъ себѣ крещеніе Владиміромъ какъ Кіевлянъ, такъ и всего вообще народа: въ Кіевѣ—приказалъ и исполнено; въ другихъ городахъ—приходилъ, приказывалъ и было исполняемо. Позволяемъ себѣ съ полною увѣренностію думать, что это было не совсѣмъ такъ. Когда предстояло крестить цѣлый народъ, то, конечно, не могло быть и мысли о томъ, чтобы вездѣ наставить въ вѣрѣ всѣхъ и каждаго; въ подобныхъ случаяхъ уже по неизбѣжной необходимости бо́льшая часть людей исполняетъ простой приказъ. Но если не было возможности нигдѣ наставить всѣхъ, то была возможность вездѣ наставлять нѣкоторыхъ, которые бы своимъ сознательнымъ поведеніемъ въ перемѣнѣ вѣры могли служить своего рода доказательствомъ для другихъ; была возможность если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени вездѣ вводить новую вѣру такимъ образомъ, чтобы ея принятіе представлялось не дѣломъ принужденія, а дѣломъ свободы и убѣжденія. Предполагать, чтобы Владиміръ при обращеніи народа въ христіанство не хотѣлъ дѣлать того возможнаго, что̀ требовалось всякими доводами разума человѣческаго и что̀ вмѣстѣ требовалось достоинствомъ и самой новой вѣры, значило бы воображать его себѣ однимъ изъ тѣхъ деспотовъ, которые, зная только одно: «приказываю и исполняй», не хотятъ давать ни малѣйшаго мѣста свободному убѣжденію даже и тамъ, гдѣ отъ него не могло бы быть ничего, кромѣ пользы, и гдѣ бы оно было желательно и для нихъ самихъ. Монахъ Іаковъ, влагая въ уста Владиміру, стоявшему подъ осажденной Корсунью, молитву къ Богу: «Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебе прошу, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, *да научатъ* люди (моя) закону крестьянскому», даетъ намъ прямо знать, что Владиміръ хотѣлъ вводить, а слѣдовательно и вводилъ, христіанство въ своемъ народѣ не только посредствомъ принужденія, но и посредствомъ наученія.

О томъ, что̀ только предполагается, само собою понятно, не можетъ быть никакихъ положительныхъ рѣчей. А слѣдовательно, мы не можемъ сказать ничего положительнаго и о томъ, какимъ образомъ Кіевляне были приготовляемы Владиміромъ къ крещенію. Можно предполагать, что народу приказано было собираться на сходки,—что такихъ сходокъ назначено было нѣсколько въ разныхъ частяхъ города,—что въ продолженіе того или другаго времени онѣ происходили регулярно, въ опредѣленные сроки, и что такимъ образомъ онѣ представляли изъ себя какъ бы временныя училища (огласительныя школы) для взрослыхъ. Можно и должно предполагать, что на тѣ отдѣльныя лица, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ имѣли особенный авторитетъ между своими согражданами, было обращено особенное вниманіе,—что лица эти, имѣвшія вліять на другихъ своимъ примѣромъ и словомъ, были собираемы на особенныя сходки, на которыхъ они были наставляемы въ христіанствѣ и убѣждаемы къ его принятію съ особою старательностію и людьми особенно на это способными.

Принимая за совершенно вѣроятное сейчасъ сказанное, мы находимъ не невѣроятнымъ сдѣлать еще предположеніе. Греческіе священники, приведенные Владиміромъ изъ Корсуни, были люди способные къ учительству; но они не знали русскаго языка и могли объясняться только черезъ переводчиковъ, что̀ въ приложеніи къ дѣлу учительства весьма неудобно. Чтобы имѣть возможность надлежащимъ образомъ учить крещаемыхъ, должны были найдти священниковъ, которые бы могли говорить съ народомъ его собственнымъ языкомъ и которые бы такимъ образомъ совершили его оглашеніе подъ руководствомъ священниковъ греческихъ. Такихъ священниковъ отчасти уже представляли собою священники кіевскихъ Варяговъ-христіанъ, бывшіе въ Кіевѣ передъ симъ; но этихъ священниковъ сравнительно и на все число имѣвшихъ креститься было слишкомъ мало. Если бы въ помощь къ нимъ не могло быть найдено другихъ священниковъ, способныхъ быть учителями со стороны языка, то, конечно, должны были бы удовольствоваться и ими одними и тѣмъ, что̀ они могли сдѣлать. Но эти другіе священники могли быть найдены, и именно—во-первыхъ, у Болгаръ, во-вторыхъ, прямо у Русскихъ,—другихъ Русскихъ, особыхъ отъ нашихъ Кіевскихъ и ставшихъ христіанами прежде этихъ послѣднихъ. Ранѣе или позднѣе, Владиміръ долженъ былъ пріобрѣсти отъ Болгаръ славянскія богослужебныя книги. А если такъ, то естественнѣе думать, что онъ позаботился о нихъ прежде крещенія народа, чтобы къ сему послѣднему имѣть уже ихъ на лицо. Но пріобрѣтая

отъ Болгаръ книги, Владимиръ имѣлъ готовый случай, чтобы пріобрѣсти вмѣстѣ съ тѣмъ и священниковъ, которые могли бы быть приготовителями его народа къ христіанству. Еслибы кому-нибудь представилось, что Владимиръ не вдругъ могъ обратиться мыслію къ Болгарамъ, то лѣтопись положительно отвѣчаетъ намъ, что онъ хорошо былъ знакомъ съ ними еще до крещенія: въ 985 г. онъ имѣлъ съ ними или съ преддунайскою частью ихъ войну [1]), затѣмъ прежде или послѣ этой войны онъ женился на Болгаркѣ. Другіе Русскіе, особые отъ Кіевскихъ и ставшіе христіанами прежде ихъ, у которыхъ Владиміръ могъ взять священниковъ, были Венгерскіе или Угорскіе Русскіе, которые жили и до настоящаго времени живутъ по ту сторону Карпатъ въ сѣверо-восточной Венгріи и которые были обращены въ православное христіанство, какъ мы замѣчали выше, за цѣлое столѣтіе до насъ. Языкъ единоплеменныхъ намъ Болгаръ довольно близокъ

[1]) Карамзинъ полагаетъ что война 985-го г. была съ Болгарами Камскими. Но это совершенно неосновательно. Лѣтопись говоритъ о походѣ: „Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торки берегомъ приведе на конихъ". Еслибы Владимиръ ходилъ на Болгаръ Камскихъ, то онъ бы плылъ по Волгѣ, а Торковъ привелъ бы берегомъ той же рѣки; но сказать просто „иде въ лодьяхъ" и „берегомъ приведе", когда отъ Кіева добраться до Волги было такъ далеко, было бы со стороны лѣтописца въ высшей степени странно. Потомъ, въ X вѣкѣ по берегу Волги, покрытому непроходимымъ лѣсомъ, вовсе невозможно было проводить конницы (Никоновская лѣтопись, точно обозначая Болгаръ, съ которыми воевалъ Владимиръ въ 985-мъ г., называетъ ихъ Низовскими, что̀ значитъ именно Дунайскихъ, ибо они были внизу отъ Кіева, какъ Кіевъ внизу отъ Новгорода и Смоленска,—Ипатск. лѣт. 2 изд. стр. 87, 253 и 259, Дополн. къ Акт. Ист. т. I, стр. 4 col. 2). Что касается до знакомства Русскихъ съ Дунайской Болгаріей во времена Владимира независимо отъ личныхъ отношеній къ ней послѣдняго, то ежегодные торговые караваны ихъ, отправлявшіеся изъ Кіева въ Константинополь, обыкновенно дѣлали на пути привалы въ нѣсколькихъ приморскихъ городахъ Болгаріи (Конст. Порфирог. De administr. imper., c. 9), при чемъ былъ веденъ съ нею по пути болѣе или менѣе обширный торгъ [Святославъ подъ 969-мъ г.: въ Переяславецъ изъ Руси идутъ скора и воскъ, медъ и челядь.—Въ 985-мъ г. часть Болгарскаго государства, находившаяся между Дунаемъ и Балканами (нынѣшняя Болгарія), была во власти Грековъ, см. нашъ Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 8; но по сю сторону Дуная Болгарамъ издавна принадлежали въ томъ или другомъ значительномъ объемѣ Валахія съ Молдавіей. Когда Греки завоевали сейчасъ указанную нами часть Болгарскаго государства, то задунайская (а по отношенію къ намъ—преддунайская) часть владѣній,—эти Валахія съ Молдавіей,—или осталась за Болгарскими государями или же объявила себя самостоятельной. Часть сей-то части владѣній, принадлежавшей ли тогда Болгарскимъ государямъ или бывшей самостоятельною, и хотѣлъ, какъ нужно думать, подчинить своей власти Владимиръ въ 985-мъ г.].

къ нашему русскому, а въ древнее время былъ и еще ближе, однако же, во всякомъ случаѣ, не на столько, чтобы Болгаринъ и Русскій могли понимать другъ друга съ перваго слова. Но эти Угорскіе или Венгерскіе Русскіе были совсѣмъ тѣже Русскіе, что и мы, и даже говорили однимъ нарѣчіемъ съ Кіевлянами,—такъ называемымъ теперь малороссійскимъ; слѣдовательно, они какъ разъ представляли собою то, что̀ нужно было Владиміру. Они были непосредственными сосѣдями нашей Червонной или Галицкой Руси, и Владиміръ не могъ не знать о нихъ; а потому, предполагая вѣроятнымъ, что онъ позаботился пріобрѣсти священниковъ изъ Болгаріи, нельзя не предполагать столько же и даже болѣе вѣроятнымъ, что онъ позаботился пріобрѣсти послѣднихъ и отъ нихъ—Венгерскихъ Русскихъ.

Какъ совершено было Владиміромъ крещеніе Кіевлянъ, мы не знаемъ. Очень можетъ быть, что дѣло происходило подобно тому, какъ оно представляется въ Житіи Володимера и въ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, а именно—что всѣ жители города крещены были единовременно (а не по частямъ), что они явились на мѣсто крещенія, которымъ была рѣка, въ назначенный день, по приказанію князя. Только при этомъ совсѣмъ невѣроятнымъ образомъ представляютъ дѣло Житіе Володимерово и повѣсть, когда говорятъ, будто (всѣ) «людье (слышавъ приказаніе князя) съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы (-ша) сего князь и боляре пріяли» [1]). Должно думать, что огласительная проповѣдь священниковъ принесла весь свой плодъ и что болѣе или менѣе значительное количество людей было убѣждено посредствомъ нея и приведено къ сознанію въ ложности язычества и истинности христіанства: всѣ такіе люди, очень можетъ—представлявшіе собою не совершенное меньшинство въ общей массѣ, нѣтъ сомнѣнія, съ величайшею радостью и сердечнымъ ликованіемъ шли исполнить приказаніе креститься. Необходимо предполагать, что было весьма немалое количество такихъ, которые, хотя сами сознательно и не были убѣждены въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ, но предпочитали своему сужденію сужденіе высшихъ и покорно шли креститься, дѣйствительно говоря то, что̀ житіе и повѣсть влагаютъ въ уста всѣмъ. Но затѣмъ необходимо и всякое правдоподобіе требуетъ предполагать, что было нѣкоторое, а можетъ быть—и немалое, количество такихъ, которые остались глухи къ проповѣди и въ глазахъ которыхъ князь и бояре были

[1]) Житіе и повѣсть противорѣчатъ сами себѣ, когда говорятъ, что при низверженіи Перуна „плакахуся его невѣрніи людье“.

отступниками отъ староотеческой вѣры. Одни изъ такихъ могли быть заставлены повиноваться угрозами или даже прямо силой, а другіе, вѣроятно, не были заставлены никакими средствами и—или искали спасенія въ бѣгствѣ [1]) или сдѣлались, такъ сказать, языческими мучениками. Митрополитъ Иларіонъ, молча о послѣднемъ разрядѣ упорныхъ, ясно говоритъ о первомъ: «да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго, крещахуся, понеже бѣ благовѣріе его со властію сопряжено». [2]).

Вслѣдъ за крещеніемъ Кіевлянъ или непосредственно передъ нимъ, какъ необходимо само собою разумѣть, Владиміромъ были сокрушены въ Кіевѣ языческіе идолы, находившіеся на мѣстахъ общественныхъ мольбищъ, и тотчасъ же затѣмъ было срублено потребное и возможное на первый разъ количество христіанскихъ церквей. Спеціальный вопросъ составляетъ то, когда была построена церковь въ честь ангела Владимірова св. Василія, поставленная на мѣстѣ того Перуна, который находился на холму близъ двора загороднаго терема, т. е. послѣ собственнаго крещенія Владиміра или уже послѣ крещенія всего народа? Представлялось бы вѣроятнымъ думать, что своего ангела Владиміръ почтилъ тотчасъ послѣ своего крещенія; но такъ какъ лѣтописецъ весьма ясно даетъ знать, что холмъ, на которомъ стоялъ Перунъ съ

---

[1]) Татищевъ, по своему обычаю, выдаетъ это предположеніе за положительный фактъ (II, 75 нач.).

[2]) По житію Володимера неизвѣстнаго автора-Грека, о которомъ мы говорили выше, и по другому житію его же—проложному, общее крещеніе Кіевлянъ было совершено въ рѣкѣ Почайнѣ; по повѣсти же, помѣщенной въ лѣтописи,—въ Днѣпрѣ. Проложное житіе, точнѣе опредѣляя на Почайнѣ мѣсто крещенія, говоритъ: „и оттолѣ наречеся мѣсто святое, идѣже нынѣ церкы есть Петрова“ (въ одномъ сборникѣ XVI вѣка, въ статьѣ: Сказаніе о первыхъ князехъ русскихъ: „церковь святаго апостола Петра“, Опис. Синодд. рукоп. *Горск.* и *Невостр.*, № 326, л. 47, стр. 684; въ Степенн. кн.,I, 141: святаго мученика Турова (Тудора, т. е. Ѳеодора?) что, вѣроятно, не совсѣмъ ошибка, а имѣетъ отношеніе къ Туровой (Тудоровой?) божницѣ, о которой упоминается въ Ипатской лѣтописи подъ 1146-мъ г.). Авторъ Синопсиса, нѣтъ сомнѣнія, передавая преданіе, которое существовало въ его время, говоритъ, что крещеніе совершено было „на рѣкѣ Почайнѣ, идеже при брезѣ нынѣ церковь святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба“ (8-е изд. С.-Пб. 1798, стр. 71). Ни церквей Петровой (о которой cfr Никон. лѣт. подъ 1008-мъ г.) и Борисоглѣбской ни божницы Туровой мѣстность въ настоящее время неизвѣстна. Что касается до Крещатика или Хрещатика, то, по автору Синопсиса, онъ получилъ названіе отъ того, что тутъ крещены были сыновья Владиміра (ibid.). Но не получилъ ли онъ имя просто отъ того, что сюда ходили на водокрещи, то-есть на освященіе воды?

другими идолами, былъ главнымъ языческимъ мольбищемъ Кіевлянъ, то на самомъ дѣлѣ гораздо вѣроятнѣе полагать, что Владимиръ рѣшился разрушить это мольбище только или непосредственно передъ или непосредственно вслѣдъ за крещеніемъ Кіевлянъ, и что такимъ образомъ онъ находилъ необходимымъ терпѣть языческія моленія подлѣ своего собственнаго дворца въ продолженіе трехъ лѣтъ послѣ собственнаго обращенія въ христіанство [1]).

Для крещенія другихъ городовъ послѣ Кіева нужно было поставленіе священниковъ (которые бы могли быть даны крещеннымъ въ этихъ другихъ городахъ). Священниковъ могли ставить только епископы, и слѣдовательно — ясно, что къ крещенію другихъ городовъ послѣ Кіева Владимиръ могъ приступить только послѣ прибытія митрополита и епископовъ. Временемъ прибытія митрополита и епископовъ, какъ мы сказали, долженъ быть полагаемъ 991-й годъ. Во всякомъ случаѣ они прибыли не позднѣе сего года, ибо въ этомъ году пришелъ въ Новгородъ назначенный въ него епископъ.

Новгородская лѣтопись отождествляетъ приходъ въ Новгородъ епископа и крещеніе Новгородцевъ, т. е. представляетъ дѣло такимъ образомъ, что Новгородцы были крещены епископомъ въ томъ же году, въ который онъ пришелъ къ нимъ, или тотчасъ послѣ прихода. Мы думаемъ, что это было не такъ и что епископъ болѣе или менѣе долго

---

[1]) Когда Перунъ сволоченъ былъ въ Днѣпръ, то Владимиръ „пристави (приставовъ) рекъ: аще кдѣ пристанеть, вы отрѣвайте его отъ берега, дондѣже пороги проидеть, то тогда охабитеся его; они же повелѣная створиша: яко пустиша и, проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня рѣнь, якоже и до сего дне словеть“. Что разумѣются за пороги между Кіевомъ и находящимся весьма не далеко отъ него Выдубицкимъ монастыремъ (Перуня рѣнь), сказать не можемъ. Вмѣсто рѣнь Карамзинъ (I, прим. 459) читаетъ: рѣль, что̀, по его мнѣнію, значитъ мысъ и что̀ въ старомъ (ср. у него самого V, прим. 254) и въ теперешнемъ новгородскомъ нарѣчіи значитъ низменное мѣсто, поемный лугъ, но едва ли это основательно. Такъ какъ отрѣвать значило и значитъ оттаскивать (см. выше: отрѣвайте), то рѣнь, можетъ быть, значитъ пристань (въ обратномъ смыслѣ мѣста, отъ котораго оттаскиваются служащіе для перевоза паромы), каковая и дѣйствительно была тутъ, ибо тутъ былъ перевозъ черезъ Днѣпръ (въ малорусскомъ языкѣ Галиціи „рѣнь“ будто бы значитъ пески). Относительно посрамительнаго способа сокрушенія Владимиромъ идоловъ cfr у Гельмольда (Lib. II c. 12), какъ король Датскій Вальдемаръ сокрушилъ въ 1168-мъ году идолъ Святовита у покоренныхъ имъ Ругіянъ (et fecit produci simulachrum illud antiquissimum Zvantevith, et jussit mitti funem in collo ejus et trahi per medium exercitum in oculis Sclavorum, et frustatim concisum in ignem mitti).—Самый разсказъ лѣтописи см. въ приложеніи къ этой главѣ.

жилъ въ некрещенномъ городѣ (подобно тому какъ епископы Ростовскіе жили въ некрещенномъ городѣ весьма долго). Необходимо думать, что въ порядкѣ крещенія остальной Руси послѣ Кіева было наблюдаемо нѣкоторое сообразованіе съ обстоятельствами и условіями. А это сообразованіе требовало, чтобы послѣ Кіева была крещена область Кіевская въ тѣснѣйшемъ смыслѣ и чтобы только потомъ было приступлено къ крещенію другихъ большихъ, служившихъ центрами, городовъ съ ихъ округами. Тогдашняя Русь, только что соединенная изъ отдѣльныхъ областей, еще не представляла изъ себя сплошнаго и компактнаго цѣлаго, какъ въ настоящее время; она состояла еще изъ многихъ отдѣльныхъ цѣлыхъ, каковыми были вошедшія въ составъ всего государства частныя области: Кіевская или Полянская, Черниговская или Сѣверянская, Смоленская или Кривичская, Новгородская или Славянская въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и проч.. Кіевъ, идеально ставшій столицею всего государства, названный матерью городовъ Русскихъ [1]), на самомъ дѣлѣ въ понятіи народа еще продолжалъ быть таковою только для области Кіевской или для области племени Полянскаго. Такимъ образомъ, великая перемѣна, которую народъ позволилъ совершить съ собою въ Кіевѣ, еще ничего не говорила другимъ областямъ русскимъ, потому что другія области еще смотрѣли на свои столицы и на свои старшіе города. Но для области Кіевской въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, для земли Полянской, примѣръ Кіева былъ совершенно обязателенъ. Не могла же область быть врозь съ своею столицей, съ своимъ старшимъ городомъ, въ которомъ была ея голова. «На что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди станутъ»,—таково было отношеніе областей къ ихъ центрамъ: Кіевъ сдумалъ на томъ, чтобы исполнить волю князя и перемѣнить вѣру, — на чемъ же оставалось стать области, какъ не на томъ же, т. е. чтобы безъ дальнихъ напрасныхъ раздумываній и колебаній послѣдовать его примѣру? [2])

---

[1]) Матерь городовъ—греческ. μητρόπολις (какъ назывались у Грековъ главные города областей въ административномъ отношеніи, — наши губернскіе).

[2]) Когда Оттонъ Бамбергскій, креститель Балтійскихъ (польскихъ) Поморянъ прибылъ съ проповѣдію (въ 1124-мъ году) въ городъ Юлину (Волынь), то жители отвѣчали ему, что пусть онъ идетъ въ старшій городъ — Штетинъ и что — какъ поступятъ старшіе Штетинцы, такъ сдѣлаютъ и они младшіе Юлинцы (super hoc verbo se facturos, quidcumque facerent Stetinenses; hanc enim civitatem antiquissimam et nobilissimam dicebant in terra Pomeranorum matremque civitatum), Vita S. Ottonis въ Acta SS. Болландистовъ, Іюля t. 1 p. 400, *Гильфердинга* Исторія Балтійскихъ Славянъ, т. I стр. 12 (Cfr Ипатск. лѣт. подъ 1286-мъ годомъ, 2 изд. стр. 599 нач., о Краковянахъ).

Такимъ образомъ, необходимо думать, что вслѣдъ за Кіевомъ крещена была область Кіевская и что въ дальнѣйшемъ, хотя вѣроятно и быстромъ, но все-таки постепенномъ, крещеніи остальной Руси былъ наблюдаемъ тотъ порядокъ, чтобы крестить сначала тѣхъ, отъ кого ожидалось менѣе сопротивленія, и чтобы наоборотъ тѣмъ, отъ кого ожидалось этого сопротивленія болѣе, дать больше времени свыкнуться съ мыслью о необходимости перемѣнить вѣру.

Если мы примемъ сейчасъ сказанное, что Новгородъ былъ крещенъ не тотчасъ послѣ Кіева въ 991-мъ году, а въ неизвѣстномъ году спустя то или другое время послѣ него: то мы поймемъ, какимъ образомъ Владиміръ приготовлялъ къ принятію христіанства остальную Русь. Въ Новгородъ епископъ былъ посланъ тотчасъ, какъ онъ прибылъ съ митрополитомъ изъ Греціи; но городъ былъ крещенъ не тотчасъ послѣ сего, а спустя тотъ или другой промежутокъ времени: ясно, что епископъ, посланный въ городъ тотчасъ по своемъ прибытіи изъ Греціи и прежде чѣмъ рѣшено было крестить послѣдній, посланъ былъ за тѣмъ, чтобы приготовить жителей къ крещенію. Какъ поступилъ Владиміръ въ отношеніи къ Новгороду, такъ онъ могъ поступить и въ отношеніи ко всѣмъ городамъ, въ которыхъ намѣревался учредить епископскія каѳедры или — что̀ то же — ко всѣмъ городамъ важнѣйшимъ, ибо каѳедры были учреждены въ этихъ городахъ.

Крещеніе всей Руси, послѣ того какъ Владиміръ приступилъ къ нему, очевидно, должно было составлять главный предметъ его дѣятельности. Послѣ 990-го года, въ который приступлено было къ этому крещенію, Владиміръ княжилъ 25 лѣтъ: слѣдовательно, имѣлъ совершенно достаточно времени для того, чтобъ употребить въ этомъ отношеніи всѣ свои заботы. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ успѣлъ Владиміръ сдѣлать; но мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія о томъ, чего онъ не сдѣлалъ и что̀ было дѣлаемо уже послѣ него. Предполагая съ совершеннымъ правомъ и основаніемъ, что все, о чемъ не говорится послѣ, было уже сдѣлано имъ, мы получимъ, что онъ крестилъ половину Руси, и именно — что онъ крестилъ всю ту часть ея, которая по населенію была чисто русско-славянскою или Русью въ собственномъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ, и что оставилъ некрещенною часть Руси не-русскую — инородческую (и иноплеменную). Собственную Русь составляли: Новгородскіе Славяне (не включая въ ихъ число подвластныхъ имъ инородцевъ), вся часть Руси заднѣпровская, начиная съ сидѣвшихъ въ верховьяхъ Днѣпра Кривичей и кончая, вѣроятно, сидѣвшею на Днѣстрѣ сѣверною (нѣкоторою) частью

Тиверцевъ, и въ Руси преддн͡ѣпровской или сюсторонней племя С͡ѣверянъ, которые, сид͡ѣвъ по Десн͡ѣ, Семи и Сул͡ѣ, занимали нын͡ѣшнюю губернію Черниговскую, с͡ѣверныя части губерній Полтавской и Харьковской и западную часть губерніи Курской, на восток͡ѣ по г. Курскъ включительно. Русь инородческую (и иноплеменную) составляли: огромная область Ростовская съ Б͡ѣлозерьемъ, которую населяли инородцы Меря и Весь, область Муромская, населяемая инородцами Муромой, и земля Вятичей съ Радимичами. Посл͡ѣдніе — Вятичи съ Радимичами были Славяне, но Славяне не нашего русскаго, а ляшскаго или польскаго, племени и были позднѣйшими къ намъ выходцами. Поселившись не среди настоящихъ Русскихъ, такъ чтобы могли быть окружены ими и ихъ вліяніемъ со вс͡ѣхъ сторонъ, а съ краю и примыкая съ одной стороны къ нимъ, а съ другой, — къ инородцамъ (къ помянутымъ Мер͡ѣ и Муром͡ѣ) [1], они весьма долгое время им͡ѣли наклонности сознавать себя Русскими еще мен͡ѣе, ч͡ѣмъ настоящіе инородцы. Если бы судить по пространству, то нужно было бы сказать, что Владиміромъ была крещена меньшая половина Руси, ибо Русь собственная относилась тогда къ Руси инородческой приблизительно такъ же, какъ въ настоящее время европейская Россія относится къ Сибири.

Какъ было совершаемо и совершено Владиміромъ крещеніе собственной Руси, мы не им͡ѣемъ совершенно никакихъ св͡ѣд͡ѣній. Изв͡ѣстіе позднѣйшей л͡ѣтописи Густинской, что Владиміръ, разд͡ѣливъ государство на уд͡ѣлы между сыновьями, «посла съ ними (въ ихъ области) и священники, запов͡ѣдая имъ, да кождо по всей области своей повел͡ѣваетъ учити люди и крестити людей и церкви ставити, еже и бысть» [2]), нисколько не могло бы быть принято, какъ положительное свид͡ѣтельство, но какъ предположеніе оно не только было бы совершенно в͡ѣроятно, но и необходимо долженствовало бы быть сд͡ѣлано, если бы только не было несостоятельно т͡ѣмъ, что въ 991-мъ году, съ котораго было приступлено къ крещенію всей Руси, сыновья Владиміра были еще весьма молоды и что разв͡ѣ немногіе изъ нихъ были

[1]) Радимичи, сид͡ѣвшіе по Сож͡ѣ, занимали восточную половину губерніи Могилевской; Вятичи, сид͡ѣвшіе къ востоку отъ нихъ, въ верховьяхъ Оки, занимали с͡ѣверный уголъ губерніи Черниговской (Гомель на ихъ западной границ͡ѣ), восточную бо́льшую половину губерніи Орловской и южную половину губерніи Калужской (ихъ города въ первой: Брянскъ, Мценскъ, Карачевъ, С͡ѣвскъ, во второй: Воротинескъ между Калугой и Перемышлемъ, Козельскъ).

[2]) П. Собр. Л͡ѣтт., II, 259.

уже посажены на удѣлы. Что лѣтопись Густинская предполагаетъ (высказывая въ видѣ положительнаго факта) о сыновьяхъ Владимира, то, конечно, совершенно необходимо предполагать объ его посадникахъ. Но мы думаемъ, что должно быть предполагаемо не одно это, а и гораздо большее, именно — что, во-первыхъ, Владимиръ самъ лично принималъ дѣятельное участіе въ крещеніи если не всѣхъ, то большей части областей, и во-вторыхъ — что онъ самъ лично возможно-усерднымъ образомъ производилъ надзоръ за тѣмъ, чтобы христіанство въ областяхъ водворялось возможно скорѣе и успѣшнѣе. Владимиръ принялъ христіанство не въ преклонной старости, а именно въ годы наибольшей способности человѣка къ дѣятельности (невступно въ 30 или съ небольшимъ 30-ти лѣтъ): очевидно, есть вся вѣроятность предполагать самое широкое участіе непосредственное. Если великіе князья Кіевскіе, по свидѣтельству Константина Порфирогенита (De administr. imper., с. 9), и безъ всякой особенной нужды имѣли обычай проводить цѣлую половину года въ объѣздахъ своей земли, въ такъ называемомъ полюдьи, то тѣмъ болѣе Владимиръ долженъ былъ предпринимать поѣздки по областямъ въ виду такой нарочитой и важной нужды, какъ ихъ крещеніе и утвержденіе въ нихъ христіанства. Сыновья Владимира, по мѣрѣ того, какъ выростали и были сажаемы на удѣлы, должны были постепенно снимать съ него бремя личныхъ заботъ [1]).

(Въ позднѣйшихъ редакціяхъ первоначальной лѣтописи читается подъ 991-мъ годомъ сказаніе о крещеніи Новгородцевъ; но въ немъ о самомъ крещеніи ничего нѣтъ. Вотъ это сказаніе: «Пришелъ въ Новгородъ епископъ Іоакимъ, и требища разрушилъ и Перуна посѣкъ и приказалъ (стащить) и бросить въ Волховъ. Обвязавъ веревками, его волокли по навозу («по калу») и били палками и пихали. И въ то время вошелъ въ Перуна бѣсъ и началъ онъ кричать: «О горе, охъ мнѣ, достался немилостивымъ симъ рукамъ». Когда вринули его въ Волховъ, то, плывя сквозь великій мостъ, онъ бросилъ на него свою палицу и сказалъ: «этимъ будутъ поминать меня Новгородскія дѣти»,— безумные, и нынѣ біяся ей, утѣху творятъ бѣсамъ [2]). И наказалъ

---

[1]) Въ собственной Руси Владимиромъ были посажены на удѣлы: въ Новгородѣ — сначала Вышеславъ, а потомъ, послѣ его смерти, Ярославъ, въ Полоцкѣ — Изяславъ, въ Туровѣ — Святополкъ, въ землѣ Древлянской — Святославъ, во Владимирѣ Волынскомъ — Всеволодъ.

[2]) Разумѣется страсть Новгородцевъ къ кулачнымъ боямъ, о которой cfr Акт. Истор. I, 89.

(епископъ), чтобы никто нигдѣ не перенималъ его. Пошелъ Пидблянинъ[1]) поутру на рѣку, намѣреваясь горшки везти въ городъ, а Перунъ пришлылъ къ берегу, и оттолкнулъ его шестомъ и сказалъ: «Ты Перунище, досыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви прочь», — и поплыло изъ свѣта «некошное»[2]). — Умолчаніе сказанія, представляющаго собою какъ будто легендарный отрывокъ отъ цѣлаго, объ участіи Владиміра въ крещеніи города не должно быть понимаемо непремѣнно въ томъ смыслѣ, что Владиміръ не принималъ этого участія: сказаніе молчитъ и вообще объ участіи гражданской власти, которое необходимо предполагается. Если же это правда, то дѣло должно быть понимаемо такъ, что на Добрыню, который былъ посадникомъ Новгорода, Владиміръ надѣялся, какъ на самого себя).

Когда мы говоримъ, что при Владимірѣ крещена была вся собственно русская Русь, то этого никакъ не должно понимать въ томъ смыслѣ, будто крещены были всѣ до одного человѣка. Не желавшихъ креститься, нѣтъ сомнѣнія, было весьма много какъ въ Кіевѣ, такъ и вообще во всей Руси. Въ самомъ Кіевѣ, т.-е. именно въ самомъ городѣ Кіевѣ, полицейскій надзоръ, какъ нужно предполагать, былъ настолько силенъ и дѣйствителенъ, что эти не желавшіе не могли укрыться и должны были—или креститься неволей, или спасаться бѣгствомъ, или же, можетъ быть, подвергнуться казнямъ. Но въ области Кіевской, т. е. по ея пригородамъ и селамъ, и во всей остальной Руси какъ по городамъ, такъ и по селамъ, значительная часть не желавшихъ креститься имѣли полную возможность скрываться, а слѣдовательно и скрывались. Такимъ образомъ, это дѣло о крещеніи Руси Владиміромъ должно понимать такъ, что было крещено бо́льшее или меньшее большинство жителей, что язычество было объявлено вѣрою запрещенною и преслѣдуемою (religio prohibita, intolerata, illicita) и что оно, хотя далеко еще не перестало существовать, стало вѣрою тайною, подобно расколу старообрядства во времена его сильнѣйшихъ преслѣдованій.

Мы уже начинали говорить выше, что совершенная покорность Русскихъ въ дѣлѣ перемѣны вѣры волѣ князя и такъ называемое мир-

[1]) Въ Новгор. III лѣтоп. Пидблянинъ, въ Соф. Врем. Видьблянинъ. Питба или Пидба, погостъ Пидебской, съ церковію св. Николая, находился на лѣвой сторонѣ Волхова, при впаденіи въ него рѣчки Питьбы или Пидьбы, въ трехъ, а по другимъ,—въ четырехъ, старыхъ верстахъ отъ Новгорода, см. *Карамзина* III, прим. 327, V, прим. 254, и IX, прим. 268, Новгородскія писцовыя книги, III, С.-Пб. 1868, стрр. 13 и 24, *Неволина* о Пятинахъ, стрр. 120 и 389.

[2]) Собр. лѣтт. V, 121 (Софійск. Временн. *Строева*, I, 87) и VII, 313.

ное распространеніе христіанства на Руси есть не что иное, какъ невозможная выдумка нашихъ неумѣренныхъ патріотовъ, хотящихъ приносить здравый смыслъ въ жертву своему патріотизму. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе новой вѣры сопровождалось немалымъ волненіемъ въ народѣ, что были открытые сопротивленія и бунты, хотя мы и не знаемъ о нихъ никакихъ подробностей. О крещеніи Новгородцевъ сохранилась пословица, что «Путята крестилъ ихъ мечемъ, а Добрыня огнемъ». Это, очевидно, значитъ, что въ Новгородѣ новая вѣра была встрѣчена открытымъ возмущеніемъ и что для подавленія послѣдняго потребовались и были употреблены самыя энергическія мѣры. Очень возможно, что подобныя возмущенія были и не въ одномъ Новгородѣ. Въ то время собственная Русь, кромѣ раздѣленія на многія области, раздѣлялась еще на двѣ большія половины, которыя сдѣлалъ изъ нея союзъ данничества иноплеменникамъ предъ основаніемъ собственнаго государства, именно — на половину сѣверную, съ Новгородомъ во главѣ, которая передъ Рюрикомъ платила дань Варягамъ, и половину южную, съ Кіевомъ во главѣ, которая платила передъ нимъ дань Хазарамъ. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что половина Руси, издавна до нѣкоторой степени тянувшая къ Кіеву, послѣдовала его примѣру въ дѣлѣ перемѣны вѣры значительно съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ половина сѣверная (состоявшая изъ Новгородцевъ, Кривичей, Полочанъ и Дряговичей), для которой примѣръ Кіева не могъ имѣть ни малѣйшей нравственной обязательности [1]).

---

[1]) Топографія Новгорода возбуждаетъ недоумѣнія и какъ будто сообщаетъ новыя данныя къ исторіи крещенія его жителей. Рѣкою Волховомъ Новгородъ раздѣляется на двѣ половины—Софійскую, получившую названіе отъ находящагося на ней Софійскаго каѳедральнаго собора, и Торговую, получившую названіе отъ находящихся на ней торговыхъ или гостинныхъ рядовъ. Такъ какъ въ древнее время жилище князей было не на Софійской сторонѣ, а на Торговой (Ярославово дворище), то какъ будто слѣдуетъ, что и первоначальный Кремль города находился не на первой сторонѣ, а на послѣдней (вокругъ жилища князей), и что Кремль Софійскій (оставшійся потомъ единственнымъ Кремлемъ Новгорода) явился только вмѣстѣ съ соборомъ. Если это такъ, то можно предполагать, во-первыхъ, что Новгородцы не позволили епископу поселиться съ его соборомъ въ своемъ Кремлѣ; во-вторыхъ, что князья нашли нужнымъ обнести домъ епископовъ Кремлемъ или крѣпостію для ихъ безопасности отъ ихъ паствы (Софійскій Кремль и въ настоящее время не особенно великъ, но онъ расширенъ противъ первоначальнаго Мстиславомъ,—Новг. I лѣт. подъ 1116-мъ г., слѣдовательно въ первоначальномъ видѣ онъ дѣйствительно представлялъ крѣпость только около дома и каѳедральнаго собора епископовъ).

Преимущественная защита всякой вѣры естественна ея нарочитымъ служителямъ, которые, съ одной стороны, обязуются къ тому своимъ призваніемъ, а съ другой—побуждаются личнымъ интересомъ. Наше язычество не имѣло нарочитыхъ служителей въ собственномъ смыслѣ или жрецовъ, а имѣло только волхвовъ, частное религіозно-общественное служеніе которыхъ состояло въ прорицаніи будущаго и вообще практикѣ всего сверхъ-естественнаго. Несомнѣнно, что сословіе волхвовъ въ языческой Руси было очень многочисленно; имѣемъ положительныя данныя для заключенія, что волхвы имѣли желаніе противодѣйствовать введенію христіанства [1]); но за всѣмъ тѣмъ мы вовсе не полагаемъ, чтобы правительство должно было одолѣть ихъ въ настоящей систематической борьбѣ. Сословіе нашихъ волхвовъ не было сословіемъ организованнымъ, такъ чтобы борьба съ ихъ стороны могла быть ведена общею массой и по одной общей командѣ. Они представляли борцовъ немалочисленныхъ, но разрозненныхъ и одиночныхъ, а при такомъ положеніи дѣла правительству, какъ оно поступало послѣ [2]), не было затрудненія освобождаться отъ нихъ тѣмъ, что они внезапно исчезали и пропадали безъ вѣсти, бывъ по мѣрѣ ихъ опасности или заключаемы въ тюрьмы или предаваемы смертной казни.

Мы сказали, что Владимиръ крестилъ всю собственную Русь и оставилъ не крещенною Русь инородческую. Въ продолженіе 25-ти лѣтъ, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, онъ находился въ полной возможности крестить не только первую, но и вторую. Если онъ не сдѣлалъ послѣдняго, то, нѣтъ сомнѣнія, не по недостатку времени. Нельзя полагать причиной сего и то, чтобы онъ встрѣтилъ между инородцами непреодолимое сопротивленіе. Это сопротивленіе могло быть; но если бы онъ захотѣлъ одолѣть и сокрушить его, если бы онъ захотѣлъ прибѣгнуть къ крещенію огнемъ и мечемъ, какъ это, по свидѣтельству пословицы, случилось съ Новгородцами, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ успѣлъ бы настоять на своемъ и достигнуть своей цѣли. Необходимо думать, что онъ оставилъ инородцевъ до времени въ покоѣ по побужденіямъ государственнаго благоразумія. Всѣ они давно были данниками Руси (Меря съ Весью и Мурома—со времени Рюрика, Вятичи — со времени Олега); но пока оставались инородцами, они все были не крѣпки къ Руси и все еще не составляли настоящей Руси.

---

[1]) Ибо знаемъ объ ихъ нѣкоторыхъ попыткахъ къ изгнанію христіанства, уже введеннаго,—изъ лѣтоп. подъ 1071-мъ г.; обстоятельнѣе скажемъ ниже.

[2]) Лѣтоп. подъ 1071-мъ г.

Необходимо было позаботиться о томъ, чтобы обрусить ихъ. Но чтобы успѣшнѣе и скорѣе достигнуть этого послѣдняго, благоразуміе требовало не раздражать ихъ, не возбуждать искусственнымъ образомъ чувства ихъ особой національности и не давать имъ повода поднимать знамя возстанія за отеческую вѣру, чѣмъ легко создалась бы упорная вражда, имѣвшая надолго отчуждить ихъ отъ Русскихъ. Заботиться объ ихъ обрусеніи прежде, чѣмъ объ ихъ крещеніи, предписывала политика или государственное благоразуміе, но въ то же время дѣло имѣло себя такимъ образомъ, что съ достиженіемъ одной цѣли, достигалась и другая; сдѣлавшись Русскими, они, такъ сказать, eo ipso имѣли сдѣлаться и христіанами. Вятичи съ Радимичами, какъ уже мы говорили, не были инородцы въ собственномъ смыслѣ, но они были столько строптивы, что съ ними надлежало обходиться еще болѣе осторожно, чѣмъ съ настоящими инородцами,—послѣ перваго покоренія Олегомъ, они были потомъ снова покоряемы Святославомъ и дважды самимъ Владиміромъ.

Итакъ, Владимиръ, какъ креститель Руси, долженъ быть разумѣемъ таковымъ въ смыслѣ возможно обширномъ, полномъ и собственномъ. Онъ былъ ея крестителемъ не только въ томъ смыслѣ, что положилъ первое начало введенію въ ней христіанства и замѣнѣ имъ язычества,—что сдѣлалъ первый нѣкоторый приступъ къ ея крещенію, но и въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно крестилъ всю Русь и все русское государство въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого послѣдняго, какъ собственной Руси. Крещеніе всей Руси вовсе не должно быть понимаемо такъ, что крещены были всѣ до одного человѣка; полное водвореніе въ ней христіанства должно быть представляемо не столько какъ внутреннее и настоящее, сколько какъ наружное и просто внѣшнее: но дѣло, по самому его существу, и могло быть сдѣлано въ томъ и другомъ отношеніи только болѣе или менѣе поверхностно. Что можно было сдѣлать Владимиру для общаго крещенія Руси и для полнаго водворенія въ ней христіанства, то было не только имъ начато, но и вполнѣ и до совершеннаго конца сдѣлано.

Мы говорили выше, что Владимиръ не только былъ крестителемъ Руси, но хотѣлъ быть и ея просвѣтителемъ, желалъ и имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее страною не только христіанскою, но и европейскою во всемъ смыслѣ этого послѣдняго слова. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Корсуни, или приведши самъ вмѣстѣ съ священниками или получивъ немного спустя времени вмѣстѣ съ митрополитомъ и епископами ученыхъ людей и учителей, Владимиръ роздалъ этимъ послѣднимъ въ

ученіе дѣтей «нарочитые чади», т. е. своихъ бояръ и, по всей вѣроятности, лучшихъ граждан̕ъ кіевскихъ. Весьма неудачнымъ образомъ предполагая, что дѣти нарочитой чади набраны были для приготовленія въ священники, въ этомъ распоряженіи Владиміра, обыкновенно, видятъ заботу, относившуюся къ церкви. Но дѣти знатныхъ людей не могли быть набраны для сейчасъ указанной цѣли, ибо, съ одной стороны, они нужны были для государственной службы, а съ другой — отцы ихъ не могли имѣть ни малѣйшей охоты отдавать ихъ для приготовленія въ священники, которые должны были выбираться не изъ знати, а совсѣмъ изъ другихъ сословій. Дѣти знатныхъ людей могли быть набраны для ученія только съ тою цѣлью, чтобы стать людьми болѣе или менѣе просвѣщенными независимо ни отъ какихъ практическихъ цѣлей; иначе сказать, помянутое распоряженіе Владиміра означаетъ, что съ генераціи набранныхъ дѣтей онъ хотѣлъ водворить въ высшемъ русскомъ обществѣ греческое просвѣщеніе. Къ обстоятельной рѣчи объ этомъ мы возвратимся послѣ.

Такова исторія собственнаго крещенія Владиміра и крещенія имъ Руси. Къ нему не приходили послы или миссіонеры отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ, хотя и могли приходить; онъ не посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ и для выбора лучшей между ними, ибо подобное посольство есть вещь невозможная и немыслимая: онъ принялъ греческое православное христіанство не какимъ-нибудь безпримѣрнымъ образомъ въ исторіи и не съ какою-нибудь сказочною замысловатостью, а совершенно просто и естественно, какъ принимали христіанство всѣ европейскіе государи. Мы вовсе не питаемъ напрасной надежды, чтобы всѣ сразу согласились съ нами видѣть въ повѣсти о крещеніи Владиміра, помѣщенной въ лѣтописи, то, что она есть на самомъ дѣлѣ, т. е. простое сочиненіе: люди, привыкшіе воображать, что мы совсѣмъ особый народъ и что у насъ все было не полюдски, конечно, не сразу отступятся отъ своего мнѣнія. Но мы имѣемъ твердую увѣренность, что при свѣтѣ критики житіе этого преданія весьма недолгое и что, во всякомъ случаѣ, его выбытіе изъ исторіи есть не болѣе какъ вопросъ времени.

Повторимъ кратко дѣйствительную исторію крещенія Владиміра со всѣмъ ей предшествующимъ. Тотчасъ или вскорѣ послѣ основанія нашего государства Рюрикомъ, къ великимъ князьямъ нашимъ начали являться на службу изъ Константинополя Варяги-христіане, и во вторую половину княженія третьяго изъ нихъ—Игоря этихъ Варяговъ-

христіанъ собралось въ Кіевѣ такъ много, что они составили изъ себя цѣлую общину, которая позаботилась о надлежащемъ устройствѣ себя въ отношеніи религіозномъ, завела церкви и священниковъ. Община эта со времени Игоря продолжала и оставалась существовать въ Кіевѣ до самаго крещенія Владимира. Варягамъ-христіанамъ естественно было держаться того убѣжденія, что христіанство должно смѣнить въ Россіи язычество, какъ оно смѣнило его почти въ другихъ странахъ, а во всякомъ случаѣ имъ естественно было одушевляться непосредственнымъ желаніемъ обратить къ единой истинной вѣрѣ страну, находившуюся во мракѣ языческаго суевѣрія. Отсюда необходимо должно было случиться, чтобы находившіеся близъ великихъ князей Варяги-христіане стали проповѣдниками передъ ними христіанства. Превосходство христіанства передъ язычествомъ такъ велико и такъ очевидно, что при нѣкоторой способности проповѣдниковъ къ проповѣди и при нѣкоторой способности слушателей къ ея пониманію, не заграждаемой никакими предразсужденіями, успѣхъ проповѣди есть именно тотъ результатъ, которому быть надлежитъ. И вотъ, такимъ образомъ проповѣдь кіевскихъ Варяговъ-христіанъ и имѣла своимъ результатомъ, что Россія черезъ своихъ князей стала страною христіанскою. Варяги обратили къ христіанству Игоря и его супругу Ольгу, и первое стало бы общею вѣрою Руси уже со времени ихъ, еслибы они находили возможнымъ отважиться на то, чтобы перемѣнить вѣру народа. Послѣ Святослава, анти-христіанина по характеру, престолъ великокняжескій перешелъ къ внукамъ Ольги. Весьма вѣроятно предполагать, какъ то и предполагаютъ, что Ярополкъ послѣ воспитанія, полученнаго отъ Ольги, также склонёнъ былъ Варягами-христіанами на сторону христіанства, какъ она сама и ея мужъ Игорь; но если онъ имѣлъ намѣреніе и рѣшимость ввести въ Россію христіанство, то ему помѣшала въ этомъ ранняя смерть отъ руки брата. Ярополку наслѣдовалъ Владимиръ. Варяги-христіане обратились къ нему съ своею проповѣдью такъ же, какъ къ его предшественникамъ, а слѣдствіемъ проповѣди и было то, чему, при отсутствіи особенныхъ исключительныхъ препятствій, и быть надлежало — его обращеніе въ христіанство. Совершенно возможное само по себѣ, это обращеніе должно было случиться тѣмъ легче, что оно было подготовлено: примѣръ дѣда и бабки, воспитаніе, полученное отъ второй, и наконецъ, по всей вѣроятности, примѣръ брата—вотъ что̀ уже предварительно имѣлъ Владимиръ въ пользу новой вѣры. Не видѣвъ у себя никакихъ пословъ или миссіонеровъ, не посылавъ своихъ пословъ по землямъ,

Владимиръ расположенъ и убѣжденъ былъ къ принятію греческаго православнаго христіанства кіевскими Варягами-христіанами, а затѣмъ, что касается до обращенія всего народа, то въ семъ послѣднемъ случаѣ, какъ необходимо думать, онъ дѣйствовалъ не только какъ человѣкъ, желающій дать другимъ истинную вѣру, но и какъ государь, сознававшій настоятельную необходимость этой вѣры государственную. Рѣшившись креститься самъ и крестить весь свой народъ, Владимиръ не нашелъ возможнымъ сдѣлать того и другаго одновременно, но сначала крестился самъ частнымъ, и по всей вѣроятности — болѣе или менѣе тайнымъ образомъ, а къ общему крещенію народа приступилъ только послѣ довольно продолжительнаго приготовленія. Предъ общимъ крещеніемъ народа Владиміру нужно было войти въ сношенія съ Греками для іерархическаго устройства будущей русской церкви; такъ какъ для цѣлей государственныхъ онъ считалъ нужнымъ для себя родственный союзъ съ императорами Константинопольскими, то и вступилъ въ эти сношенія весьма оригинальнымъ образомъ, именно—въ качествѣ побѣдителя Грековъ. Послѣ приступа къ общему крещенію народа Владиміръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи много лѣтъ; вслѣдствіе того онъ не только началъ его, но и довелъ до самаго конца, крестивъ всю русско-славянскую часть Руси, которая составляла тогда собственное русское государство.

Все внутреннее выражается и олицетворяется во внѣшнемъ. Насажденная на Руси церковь христіанская требовала внѣшняго представительства, требовала такой церкви въ смыслѣ зданія, которая бы была церковью всей Руси и матерью всѣхъ церквей русскихъ, которая, однимъ словомъ, вещественно и монументально представляла бы собою духовную церковь русскую (подобно тому, какъ въ московской Руси представлялъ ее московскій Успенскій соборъ, а нынѣ въ Руси петербургской представляетъ соборъ Исакіевскій). Такую всерусскую церковь, или иначе сказать, церковь совершенно исключительную по размѣрамъ и великолѣпію, единственную каменную среди церквей деревянныхъ, Владиміръ началъ строить вскорѣ послѣ того, какъ приступилъ къ общему крещенію народа, именно—на другой годъ послѣ похода на Корсунь, и строивъ пять лѣтъ окончилъ въ 996-мъ году [1]).

---

[1]) Десятинная церковь была освящена: по однимъ записямъ—11 Мая, по другимъ—12 (см. у *преосв. Макар.* т. I, изд. 2, стр. 52). Мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ первое число, ибо мы предполагаемъ, что Владиміръ и митрополитъ — Грекъ, освящавшіе церковь, хотѣли, чтобы годовой праздникъ ея освященія (въ древнее

Какъ бы поручая крещеную Русь покрову этой церкви, посвященной Божіей Матери (празднику Успенія) и отъ данной ей десятины получившей названіе Десятинной, Владиміръ молился въ ней за Русь въ первый разъ по ея совершеніи: «Господи Боже! призри съ небесе и вижь, и посѣти винограда своего, и сверши, яже насади десница Твоя — новыя люди си, имже обратилъ еси сердце въ разумъ познати Тебе, Бога истиннаго». Церковь эта, вещественно олицетворявшая собою духовную русскую церковь, бывъ поставлена на томъ холмѣ, на которомъ прежде было главное языческое мольбище и на которомъ прежде стоялъ идолъ главнаго языческаго бога — Перуна, представляла собою истинный трофей христіанства надъ язычествомъ [1]).

время дни освященія церквей долженствовали быть для нихъ великими годовыми праздниками, см. о семъ ниже) приходился въ одинъ день, каково 11 Мая, съ великимъ константинопольскимъ праздникомъ основанія города („обновленіе" Царяграда въ святцахъ значитъ основаніе, заложеніе. Выше мы привели запись, читаемую въ однихъ святцахъ начала XIV вѣка о празднованіи 11 Мая освященія св. Софіи, построенной въ 952-мъ году; такъ какъ изъ Титмара Мерзебургскаго мы узнаемъ, что Десятинная церковь первоначально, вѣроятно — до построенія Софіи Ярославовой, называлась также Софіей, см. 2-й половины тома стр. 87, то представляется очень вѣроятнымъ разумѣть помянутую запись именно о Десятинной церкви.—Какъ разумѣть десятину, данную церкви Владиміромъ, см. ниже).

[1]) Что Десятинная церковь была поставлена на томъ холмѣ, на которомъ прежде стоялъ Перунъ, это ясно даетъ знать лѣтопись. Послѣдній стоялъ на холмѣ внѣ двора загороднаго каменнаго терема (Лѣтоп. подъ 908-мъ и 945-мъ годами,—Лаврент. изд. 2, стрр. 53, 54 и 77, Ипатск. изд. 2, стрр. 33, 35 и 52); но и Десятинная церковь была поставлена предъ дворомъ теремнымъ („дворъ теремный за святою Богородицею" или иначе: св. Богородица предъ дворомъ теремнымъ, подъ 945-мъ годомъ, Лавр. стр. 54, Ипатск. стр. 35). На холмѣ этомъ, по ясному свидѣтельству лѣтописи, была поставлена церковь св. Василія: но мы полагаемъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы на одномъ холмѣ были поставлены двѣ церкви. Если лѣтопись подъ 980-мъ годомъ говоритъ: „на томъ холмѣ нынѣ церкы стоить, святаго Василія есть" и не упоминаетъ о церкви Десятинной, то это, вѣроятно, должно понимать такъ, что церковь св. Василія, построенная прежде, была поставлена на самомъ мѣстѣ Перунова идола, а Десятинная — болѣе или менѣе поодаль (собственно на мѣстѣ двора убитыхъ при Владимірѣ язычникѣ Варяговъ-христіанъ, лѣт. подъ 980-мъ годомъ). Нынѣшнее кіевское преданіе раздѣляетъ церкви Васильевскую и Десятинную весьма значительнымъ промежуткомъ мѣста; но относительно этого преданія должно сказать: во-первыхъ, вовсе не есть нѣчто положительно и несомнѣнно доказанное, что сохранившаяся отъ древняго времени и признаваемая за Васильевскую церковь (Трехсвятительская) дѣйствительно есть Васильевская; во-вторыхъ, въ Кіевѣ послѣ Владиміра церквей св. Василія было построено еще нѣсколько; нынѣшняя Васильевская (Трехсвятительская) церковь, если она дѣйствительно есть Васильевская, можетъ быть принимаема, напримѣръ, за ту церковь св. Василія, которую въ 1197-мъ году великій князь Рюрикъ Ростиславичъ поста-

Совершивъ великое дѣло крещенія Руси и ея введенія въ семью народовъ, призванныхъ къ исторической жизни, бывъ рѣшителемъ ея судьбы и нашимъ первымъ Петромъ Великимъ, Владиміръ, подобно этому послѣднему, скончался въ старости далеко не преклонной, на 55—56 году жизни и никакъ не болѣе, 15-го Іюля 1015-го года [1]).

Онъ имѣлъ нѣкоторыя частныя, рѣзко выдававшіяся, черты въ своемъ характерѣ, которыя не могли остаться безъ памяти въ потомствѣ и о которыхъ такъ или иначе упоминаютъ всѣ сказанія, говорящія о немъ. Онъ былъ, во-первыхъ, изъ числа тѣхъ безгранично щедрыхъ людей, которые считаютъ все принадлежащее имъ столько же собственностью своею, какъ и всѣхъ ихъ окружающихъ; во-вторыхъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ истинно гуманныхъ натуръ, которыя не понимаютъ, какъ можно быть довольну самому, когда не столько же довольны и всѣ окружающіе. По всему этому, смотря на жизнь, не какъ аскетъ, которымъ онъ не былъ, а съ той, для неаскетовъ и въ предѣлахъ мѣры совершенно правильной точки зрѣнія, что «жизнь для жизни намъ дана» (разумѣемъ при семъ то, что говоритъ ап. Павелъ въ 1 посл. къ Тимоѳею, IV, 3—5), Владиміръ хотѣлъ, чтобы жизнь его окружающихъ текла въ полномъ довольствѣ и веселіи, и чтобы этихъ обязанныхъ князю довольствомъ и веселіемъ людей было какъ можно болѣе. Когда Владиміръ сталъ христіаниномъ, то эта наклонность и потребность его натуры щедро довольствовать людей выразилась въ христіанской добродѣтели безграничнаго милосердія къ нищимъ и убогимъ. У него было заведено, чтобы во дворцѣ великокняжескомъ каждую недѣлю былъ обильный пиръ для всѣхъ чиновниковъ дворцовыхъ и городскихъ и для лучшихъ городскихъ гражданъ при немъ самомъ и безъ него: «По вся недѣли устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ и гридемъ и соцькымъ и десятьскымъ и нарочитымъ мужемъ при князи и безъ князя; бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего». Въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ были имъ устраиваемы нарочитые пиры, по случаю какихъ нибудь праздниковъ (которые въ древнее время вообще были празднуемы у насъ не по теперешнему, о чемъ см. ниже). Объ освященіи и по поводу освященія церкви въ

вилъ на Новомъ княжемъ дворѣ (Ипатск., 1197). Если не ошибаемся, относительно мѣстности Десятинной церкви одного мнѣнія съ нами и преосв. *Макарій* (Ист. т. I, изд. 2 стр. 49).

[1]) Подлинное извѣстіе лѣтописи о смерти Владиміра см. въ приложеніи къ этой главѣ.

Василевѣ лѣтопись говоритъ: «постави церковь и створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ [1]) меду, и съзываше (т. е. каждый годъ въ день освященія церкви) боляры своя и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многи... Праздновавъ князь дній 8 и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица [2]) и ту паки сотворяше праздникъ великъ, сзывая бещисленное множество народа». О христіанскомъ милосердіи Владимира къ нищимъ и убогимъ лѣтопись говоритъ: «Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу — питье и яденье и отъ скотьницъ кунами [3]). Устрои же и се, рекъ: «яко немощніи и больніи не могуть долѣсти двора моего» — повелѣ пристроити кола [4]) и вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другыхъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: кдѣ больній и нищь, не могы ходити? тѣмъ раздаваху на потребу». Можетъ показаться преувеличеннымъ это свидѣтельство лѣтописи, но оно вполнѣ подтверждается свидѣтельствами митрополита Иларіона и монаха Іакова. «Кто исповѣсть», восклицаетъ первый, — «многія твоя нощныя милостыни и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должнымъ и къ вдовамъ и къ всѣмъ требующимъ милости! Слышалъ бо глаголъ Господенъ... не до слышанія стави глаголанное, но дѣломъ сконча слышанное, просящимъ подавая, нагія одѣвая, жадныя и алчныя насыщая, болящимъ всяко утѣшеніе посылая, должныя искупая, работныя свобождая. Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаеми суть». Второй пишетъ: «Болѣ всего бяше милостыню творя князь Володимеръ: иже немощніи и старѣи не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то въ дворъ имъ посылаше; немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженный князь Володимеръ даяше. И не могу сказати многія его милостыня: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но по всей земли Руской, — и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагія одѣвая, алчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостію; нищая и сироты и вдовицы и слѣпыя и хромыя и трудоватыя вся милуя и одѣвая и накормя и напаяя». На на-

---

[1]) Позднѣйшія извѣстія опредѣляютъ одну проварю меду въ берковецъ солоду (*Карамз.* I, прим. 476).

[2]) То-есть, къ храмовому празднику Десятинной церкви.

[3]) Отъ ключницъ деньгами.

[4]) Телѣги, возы.

рочитыхъ праздникахъ, каковы освященія церквей, Владимиръ раздавалъ нищимъ огромныя деньги — до 300 и болѣе гривенъ.

Владимиръ былъ причисленъ къ лику святыхъ не тотчасъ послѣ своей смерти и даже весьма не скоро. Что было этому причиной, мы не можемъ сказать положительно, но съ вѣроятностью предполагаемъ, что она заключалась въ тѣхъ его изобильныхъ пирахъ, о которыхъ мы сейчасъ сказали. Память о нихъ долго жила въ народѣ [1]) и они-то и могли смущать и затруднять совѣсть народную признать Владимира святымъ, ибо пиры и святость, которая — по позднѣйшимъ, впавшимъ въ односторонность, понятіямъ — стала непремѣннымъ синонимомъ аскетизма, должны были представляться вещами трудно совмѣстимыми. Владимиръ могъ быть признанъ святымъ, когда живая память о пированьяхъ — почестныхъ пирахъ и о столованьяхъ — почестныхъ столахъ его наконецъ совсѣмъ исчезла, оставшись только въ былинахъ народныхъ, и когда онъ остался для представленія народнаго только крестителемъ Руси. Не знаемъ, когда именно и какъ это случилось; служба Владимиру написана по признакамъ въ періодъ домонгольскій, но не въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка или еще ранѣе, какъ думаетъ преосв. Филаретъ и какъ наклоненъ думать преосв. Макарій, а вѣроятно въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка, ибо для современныхъ автору ея русскихъ князей Владимиръ — не дѣдъ и не прадѣдъ, а уже праотецъ [2]); затѣмъ, сколько имѣемъ свѣдѣній въ настоящее время, онъ называется въ лѣтописи святымъ въ первый разъ подъ 1254-мъ годомъ (Ипатск., ср. тамъ же подъ 1229-мъ годомъ), а о празднованіи памяти его какъ святаго въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1263-мъ годомъ (Лаврент.). Монахъ Іаковъ, защищая умершаго Владимира отъ нареканія, что онъ не творитъ чудесъ, говоритъ: «Не дивимся, возлюбленнѣи, аще чудесъ не творитъ по смерти: мнози бо святіи праведніи не сотвориша чудесъ, но святи суть. Рече бо нѣгдѣ о томъ святый Златоустъ [3]): Отъ чего познаемъ и разумѣемъ свята человѣка? Отъ чудесъ ли или отъ дѣлъ? И рече: Отъ дѣлъ познати, а не отъ чудесъ»... и пр. Лѣтопись, и за нею Житіе Володимера, [4]) жалуясь на своихъ современниковъ, что они не

---

[1]) См. Иларіона сейчасъ выше. Другое свидѣтельство — былины народныя.

[2]) Преосв. *Филаретъ* въ Исторіи, I, § 30, и въ Обзорѣ § 22; преосв. *Макарій* въ Исторіи, т. I, изд. 2 стр. 103.

[3]) Разумѣется, кажется, мѣсто изъ слова Златоустаго De compunctione ad Demetrium, — Montfauc. edit. Parisina altera I, 167 fin...

[4]) Объ отношеніи между лѣтописію и Житіемъ въ данномъ мѣстѣ см. выше.

воздаютъ ему по должному за его великое благодѣяніе крещенія Русской земли, забывая молиться за него въ день его памяти, вслѣдствіе чего Богъ могъ бы его прославить, говорятъ съ укоромъ: «Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу онаго възданью... Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу зань въ день преставленья его, видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и»... Владиміръ похороненъ былъ въ построенной имъ Десятинной церкви, въ придѣлѣ св. Климента, гдѣ мраморный гробъ его поставленъ былъ рядомъ съ таковымъ же гробомъ прежде него умершей его супруги царевны Анны [1]). Мощи Владиміра, въ нашествіе Монголовъ погребенныя подъ развалинами Десятинной церкви, оставались въ землѣ до первой половины XVII вѣка, до митрополита Петра Могилы. Этотъ послѣдній, возобновляя въ 1635-мъ г. Десятинную церковь, нашелъ гробъ Владиміра и вынулъ изъ него останки (всѣ находившіеся или только часть—неизвѣстно), изъ коихъ въ настоящее время глава находится въ большой церкви Печерскаго монастыря, ручная кость—въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, одна челюсть отъ главы—въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (Эта послѣдняя прислана была въ даръ царю Михаилу Ѳеодоровичу Петромъ Могилой въ 1640-мъ г., при чемъ митрополитъ между прочимъ просилъ государя, чтобы онъ «велѣлъ своимъ государевымъ мастеромъ своею царскою казною сдѣлать раку на мощи прародителя своего святаго и равноапостольнаго князя Владимера, которая будетъ поставлена съ его мощи у святой Софіи, юже сооружи великій князь Ярославъ сынъ его,»—Акты Южн. и Западн. Росс., III, стрр. 29 и 44. Перенесеніе мощей изъ Десятинной церкви въ Софійскую, вмѣстѣ съ гробомъ преп. Ѳеодосія Печерскаго (sic), предполагалось совершить въ томъ же году, по полученіи раки,—тамъ же, стр. 29).

---

[1]) Которая умерла въ 1011-мъ г. Что Владиміръ былъ погребенъ въ Десятинной церкви, объ этомъ говоритъ наша лѣтопись; что гробъ его былъ поставленъ именно въ придѣлѣ (придѣльной церкви, устроенной въ одномъ изъ боковыхъ притворовъ или папертей) св. Климента, рядомъ съ гробомъ его супруги царевны Анны, объ этомъ говоритъ Титмаръ Мерзебургскій, — Chronic. lib. VII, cap. 52 (называющій именемъ придѣла самую Десятинную церковь. — Скилица, не знаемъ—на какомъ основаніи, говоритъ, что Анна умерла послѣ Владиміра, въ 1023—26-мъ г.,—Memorr. popp. II, 1010, а подобно Скилицѣ о смерти Анны послѣ Владиміра говоритъ и нашъ такъ называемый Переяславскій лѣтописецъ, — Времени. кн. 9, стр. 34).

(Никоновская лѣтопись и Степенная книга увѣряютъ, будто Владимиръ не только хотѣлъ быть крестителемъ своей Руси, но помышлялъ о распространеніи христіанства и между сосѣдними народами, именно говорятъ, что онъ посылалъ своего миссіонера (родомъ Грека) къ Болгарамъ Волжско-камскимъ (первая—I, 95, вторая—I, 147). Извѣстіе, конечно, не особенно надежное (а въ подробностяхъ баснословное), но нельзя сказать, чтобы совершенно и очевидно невѣроятное. Великіе люди, къ которомъ несомнѣнно принадлежалъ Владиміръ, имѣютъ наклонность создавать великіе и широкіе планы,—и кто знаетъ, можетъ быть,—и въ самомъ дѣлѣ онъ мечталъ о томъ, чтобы въ противоположность союзу новыхъ народовъ западной Европы создать союзъ народовъ Европы восточной? Когда тѣ же Никоновская лѣтопись и Степенная книга сообщаютъ, что къ Владимиру пришло на службу и приняло у него православное христіанство нѣкоторое количество Болгарскихъ и Печенѣжскихъ князей (первая — I, 95 и 103 вторая—I, 149), то не сообщаютъ ничего невѣроятнаго: эти приходы значатъ то же, что позднѣйшіе боярскіе «пріѣзды» къ князьямъ и отъѣзды отъ нихъ).

II.

Ярославъ, довершитель дѣла Владимирова со стороны духовной.

Послѣ смерти Владимира въ его семействѣ настало междоусобіе. Старшій сынъ, Святополкъ, опасаясь соперничества братьевъ или желая вмѣстѣ съ тѣмъ быть и единовластцемъ, рѣшился избить ихъ. Послѣ убійства троихъ—Бориса Ростовскаго, Глѣба Муромскаго и Святослава Древлянскаго, онъ встрѣтилъ отпоръ въ Ярославѣ Новгородскомъ. Продолжавшаяся между братьями въ теченіе пяти лѣтъ междоусобная война окончилась въ пользу Ярослава, который и занялъ престолъ великокняжескій, ставъ такимъ образомъ преемникомъ Владимира въ дѣлѣ утвержденія на Руси христіанства.

Занявъ престолъ великокняжескій не по праву старшинства, а случайнымъ образомъ, и имѣвъ при этомъ за собою такое нехорошее прошлое, какъ открытая вражда съ отцомъ, Ярославъ, къ счастію, оказался вполнѣ достойнымъ преемникомъ отца какъ въ области государственной, такъ и церковной. Въ этой послѣдней области онъ былъ усерднымъ продолжателемъ и докончателемъ начатаго, но не оконченнаго, Владимиромъ. Указывая сдѣланное Ярославомъ и вмѣстѣ—отношеніе его дѣятельности къ предшествующей дѣятельности Владимира, лѣтописецъ говоритъ: «Яко же бо се нѣкто землю разоретъ, другій же насѣетъ, тако и сей (Ярославъ): отецъ бо его Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ, сей же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій».

Дѣятельность Ярослава или сдѣланное имъ состояло въ томъ, что Русь, крещенную Владимиромъ, онъ сдѣлалъ книжною и грамотною, или иначе сказать—что, послѣ введенія въ Россіи христіанства внѣшняго, онъ далъ ей средства сдѣлаться христіанскою и внутренно. Мы сказали выше, что Владимиръ тотчасъ или вскорѣ послѣ возвращенія изъ Корсуни набралъ дѣтей нарочитой чади и роздалъ ихъ въ ученье полученнымъ изъ Греціи учителямъ, и что это дѣйствіе его нужно понимать, какъ приступъ къ осуществленію желанія и заботы ввести въ Россіи просвѣщеніе. Эти заботы Владимира ввести въ Рос-

сіи просвѣщеніе несомнѣнно поддерживалъ и Ярославъ, какъ мы скажемъ о семъ ниже. Но то, о чемъ мы говоримъ теперь, должно быть отличаемо отъ нихъ и должно быть представляемо не какъ продолженіе уже начатаго Владиміромъ, а какъ нѣчто новое и особое. Настоящее просвѣщеніе могло быть введено только въ небольшомъ классѣ избранной и нарочитой чади или высшей аристократіи, ибо только у лицъ, принадлежавшихъ къ ней, могли быть охота и побужденіе отдавать дѣтей своихъ въ настоящее ученіе и только у нихъ могли быть средства платить за него учителямъ, такъ какъ оно не имѣло быть даровымъ или казеннымъ. Послѣ высшей аристократіи оставалось нѣсколько классовъ всѣхъ другихъ людей. Здѣсь нельзя было думать о настоящемъ просвѣщеніи и въ то же время невозможно было оставить людей ни съ чѣмъ, ибо такимъ образомъ они оставались бы нисколько не просвѣщенными въ христіанствѣ; настоящее просвѣщеніе здѣсь должна была замѣнить простая грамотность — умѣнье читать и затѣмъ собственное болѣе или менѣе усердное чтеніе учительныхъ книгъ. Чтобы привести Русь въ возможность стать грамотною и читающею, нужно было доставить ей книги, подразумѣвается, заимствовавъ послѣднія со стороны: это и сдѣлалъ Ярославъ. Заботы о средствахъ общенародной грамотности или объ этихъ книгахъ при Владимірѣ были еще преждевременны, ибо во все его правленіе масса народа должна была оставаться еще холодною къ христіанству, а слѣдовательно—имѣть весьма мало стремленія и къ поученію въ немъ [1]. Но въ правленіе Ярослава, по истеченіи сорока-пятидесяти лѣтъ после крещенія, христіанство ужъ успѣло, если не во всей Руси,—чего предполагать вовсе невозможно,—то по крайней мѣрѣ въ самомъ Кіевѣ болѣе или менѣе укрѣпиться или укорениться во всѣхъ слояхъ общества. Такимъ образомъ, въ правленіе Ярослава, по крайней мѣрѣ въ самомъ Кіевѣ уже во всѣхъ слояхъ общества явилась привязанность къ христіанству и бо́льшая или меньшая часть его граждавъ стала въ своихъ чувствахъ уже совсѣмъ настоящими христіанами. Вслѣдствіе того и заботы объ общенародной грамотности, преждевре-

---

[1]) Если Несторъ въ Житіи Бориса и Глѣба говоритъ, что „блаженный Борисъ взимаше книги и чтяше,.. чтяше же житія и мученія святыхъ“, то, надѣемся, читатель не увидитъ въ этихъ словахъ возраженія противъ всего того, что̀ мы говоримъ о дѣятельности Ярослава по введенію книжности въ Россіи. Нѣкоторыя учительныя книги пріобрѣлъ и для собственнаго употребленія имѣлъ, конечно, уже и Владиміръ (не говоря о томъ, что слова Нестора болѣе фраза, чѣмъ положительное свидѣтельство).

менныя при Владимирѣ, теперь оказались настоятельно нужными. Великая заслуга Ярослава состояла въ томъ, что онъ, такъ сказать — не задерживая теченія исторіи и естественнаго хода жизни, не оказался глухимъ къ очередной неотмѣнной нуждѣ времени.

О дѣятельности Ярослава относительно перенесенія на Русь грамотности и книжности лѣтопись говоритъ: «и собра (Ярославъ) писцы многы и прекладаше отъ Грекъ на словѣньское письмо, и списаша книги многи,.. многы (книги) написавъ положи въ святѣй Софьи — церкви, юже созда самъ». Не совсѣмъ вразумительную рѣчь лѣтописца, какъ кажется, нужно понимать такъ, что Ярославъ, во-первыхъ, собралъ многихъ писцовъ, которые переписывали уже готовые славянскіе переводы, и во-вторыхъ—что онъ нашолъ переводчиковъ, которые переводили съ греческаго языка на славянскій, и что такимъ образомъ тѣмъ и другимъ путемъ онъ и доставилъ Русскимъ весьма многія четіи книги. Если же не такъ нужно понимать лѣтописца, то по крайней мѣрѣ такъ необходимо представлять самое дѣло. Въ Болгаріи прежде насъ ужъ очень много книгъ переведено было съ греческаго языка на славянскій; переводить тѣ же книги вновь и не захотѣть просто воспользоваться готовыми переводами, очевидно, было бы отсутствіемъ всякаго смысла. А потому, необходимо предполагать, что прежде чѣмъ переводить, Ярославъ позаботился пріобрѣсти изъ Болгаріи существовавшіе тамъ готовые переводы. Послѣ полученія этихъ переводовъ онъ и самъ могъ, какъ увѣряетъ лѣтопись,—заставлять переводить тѣ книги, которыхъ не было въ переводахъ, и которыя онъ находилъ нужными,—объ этомъ послѣднемъ мы обстоятельнѣе скажемъ ниже. Всѣ собранныя книги, какъ посредствомъ простаго списыванія, такъ и посредствомъ переводовъ, Ярославъ положилъ въ созданной имъ св. Софіи.

Пріобрѣсть тѣмъ или другимъ способомъ переводы книгъ, собрать ихъ въ одно мѣсто и такимъ образомъ сдѣлать изъ нихъ одну публичную библіотеку, это, повидимому, дѣло небольшое и во всякомъ случаѣ слишкомъ малое для того, чтобы водворить въ странѣ грамотность. Въ дѣйствительности это было дѣло весьма нелегкое; въ этомъ заключалось все, что можно было сдѣлать, и этимъ вполнѣ достигалась предположенная цѣль. Въ то время не было печатанія книгъ, а было рукописаніе, письмо было тогда уставное, а матеріаломъ для книгъ служилъ кожаный пергаминъ, вслѣдствіе чего процессъ писанія долженъ былъ совершаться чрезвычайно медленно. По всему этому приготовленіе книгъ въ то время было дѣломъ такой величайшей трудно-

сти и важности, о которой мы не можемъ составить себѣ и понятія и которая людямъ, знающимъ представлять себѣ дѣло только въ томъ видѣ, что—пошолъ въ лавку да купилъ книгу, можетъ показаться пожалуй даже смѣшною. Въ настоящее время имѣй только деньги и ничего не стоитъ составить библіотеку хоть въ нѣсколько милліоновъ томовъ. Въ тогдашнее время дѣло было не только въ деньгахъ, которыхъ на одну рукопись требовалось столько же, сколько теперь чуть не на полтысячи печатныхъ книгъ [1]), но еще кой въ чемъ, съ чѣмъ нельзя было справиться ни съ какими деньгами. Требовалось найдти, во-первыхъ, искусныхъ писцовъ; а такъ какъ несомнѣнно, что таковые писцы въ то время были необыкновенно рѣдки, то лишнихъ писцовъ противъ того, сколько ихъ могло найдтись въ наличности, очевидно, нельзя было создать никакими деньгами, и слѣдовательно—приходилось довольствоваться тѣми, которые были, сколько бы ихъ мало ни было. Во-вторыхъ, никакими деньгами нельзя было достигнуть того, чтобы писцы писали рукописи скорѣе, нежели какъ они могли; но могли они, какъ уже мы сказали, писать только чрезвычайно медленно. Предположимъ, что Ярославъ составилъ при св. Софіи библіотеку въ пятьсотъ рукописей среднихъ размѣровъ (какъ Остромирово евангеліе). Каждый писецъ могъ написать въ годъ только двѣ такія рукописи; слѣдовательно, десять писцовъ могли написать пятьсотъ рукописей только въ продолженіе 25-ти лѣтъ. Лѣтопись говоритъ, что Ярославъ собралъ писцовъ многихъ. Въ тогдашнемъ Кіевѣ онъ ни подъ какимъ видомъ не могъ найдти болѣе десяти писцовъ; предположимъ, что еще десять писцовъ онъ досталъ изъ Болгаріи, и что такимъ образомъ вообще онъ въ состояніи былъ собрать двадцать писцовъ. Для этихъ двадцати писцовъ, чтобы написать библіотеку въ пятьсотъ рукописей, требовалось времени никакъ не менѣе двѣнадцати лѣтъ съ половиной. Изъ этого ясно, что во времена Ярослава составить одну порядочную библіотеку было дѣломъ величайшаго труда, и что составленіе подоб-

[1]) По существующимъ примѣрамъ (Остромирово евангеліе), мы знаемъ, что на написаніе обыкновенныхъ размѣровъ рукописи, изъ которой въ печати выйдетъ совсѣмъ небольшая книга, требовалось полгода. Такъ какъ въ то время ремесло писанія, по крайней рѣдкости мастеровъ, несомнѣнно было весьма дорогое, то за полгода писцу нужно было заплатить приблизительно никакъ не менѣе пятисотъ рублей серебромъ на нынѣшнія деньги. Слѣдовательно, одна обыкновенная рукопись стоила пятьсотъ рублей серебромъ только въ письмѣ, не считая пергамина, который долженъ былъ быть весьма дорогъ, ибо не дѣлался въ Россіи, а привозился изъ-за границы.

ной библіотеки было событіемъ величайшей, истинно исторической важности [1]).

Одна публичная библіотека на всю страну, это, повидимому, было слишкомъ мало, и этимъ, повидимому, слишкомъ недостаточно достигалась указанная нами выше цѣль ея учрежденія. Это и на самомъ дѣлѣ было не весьма много. Но, во-первыхъ, по тогдашнимъ условіямъ Руси, подобныхъ публичныхъ библіотекъ и въ дѣйствительности могло быть заведено немного, а именно только двѣ—въ Кіевѣ и еще въ Новгородѣ, ибо тогда только эти два города были на столько центральными городами не для однихъ своихъ округовъ, а и для всей Руси, чтобы въ нихъ можно было заводить съ дѣйствительнымъ смысломъ публичныя библіотеки, заводить же ихъ въ какихъ-либо другихъ городахъ значило бы затрачивать громадные труды и деньги для того, чтобы затрата принесла самую ничтожную пользу (дѣлать почти тоже, что—строить напримѣръ мостъ черезъ Волгу, чтобы доставить возможность ѣздить по нему одной деревнѣ). Такимъ образомъ, устроивъ публичную библіотеку въ Кіевѣ, Ярославъ собственно сдѣлалъ половину дѣла. Мы не знаемъ, въ состояніи ли онъ былъ сдѣлать все дѣло, т. е. устроить двѣ библіотеки. Но во всякомъ случаѣ во второй библіотекѣ пока вовсе не было нужды, и то, что̀ сдѣлалъ онъ, было все, что̀ требовалось сдѣлать, ибо Новгородъ, какъ это мы положительно знаемъ, во времена Ярослава еще весьма далекъ былъ отъ того, чтобы сознавать нужду въ библіотекѣ христіанскихъ учительныхъ книгъ [2]).

Можетъ быть, иной читатель, не съ разу понимая дѣло, задастъ вопросъ: какимъ образомъ публичная библіотека, учрежденная Ярославомъ, должна была служить къ водворенію грамотности и книжности на Руси? Въ дѣйствительности это весьма просто и послѣ очень небольшаго размышленія о дѣлѣ представится совершенно противополож-

[1]) Для большей убѣдительности укажемъ на примѣръ изъ позднѣйшаго времени. Наша Троицкая Лавра составляла свою библіотеку рукописей, если считать концомъ составленія конецъ XVII вѣка, въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ съ половиной. Не будучи богата совсѣмъ такъ, какъ владѣтельный государь, она тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, располагала средствами огромными. И однако въ продолженіе трехъ сотъ съ половиной лѣтъ она успѣла составить библіотеку рукописей никакъ не превосходившую полуторыхъ тысячъ книгъ или NN (800 находится до настоящаго времени на лицо; около двухъ сотъ, если не гораздо менѣе, взято въ Московскую Духовную Академію; остальныя пятьсотъ полагаемъ на взятыя въ разное время въ Москву къ царю и патріарху и на утраченныя во время пожаровъ).

[2]) См. лѣтопись подъ 1071 г.; обстоятельно будетъ ниже.

ный вопросъ: да какъ же бы иначе это могло и случиться? Чтобы водворилась книжность, нужно было, чтобы явились книги; чтобы явились книги, нужно было, чтобы онѣ могли быть съ чего-нибудь списываемы: но съ чего стали бы ихъ списывать, если бы правительствомъ не заведено было для сего казенной публичной библіотеки? Книги, уже переведенныя на славянскій языкъ, нужно было доставать изъ Болгаріи; книги, еще не переведенныя, но желаемыя въ переводѣ, нужно было доставать въ подлинникахъ изъ Греціи и потомъ переводить: возможно ли это было для частныхъ лицъ? Если бы Ярославъ не сдѣлалъ того, что̀ онъ сдѣлалъ, то нѣтъ сомнѣнія, мы все-таки не остались бы безъ книжности, но тогда мы не заразъ получили бы совершенно достаточный для насъ кругъ учительной письменности, а все мало-мальски необходимое пріобрѣтали бы, говоря почти безъ преувеличенія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Лѣтопись ничего не говоритъ намъ, но по соображенію со свѣдѣніями о позднѣйшемъ времени и по самой вѣроятной естественности дѣла необходимо предполагать, что заведенная Ярославомъ въ Кіевѣ публичная библіотека тотчасъ же породила особое сословіе ремесленниковъ—книжныхъ писцовъ, что писцы эти, представлявшіе собою древнія типографіи, начали списывать—списывать и продавать книги, и что такимъ образомъ и пошла книжность...

Не знаемъ, имѣлъ ли въ виду Ярославъ, учреждая свою библіотеку, необходимость ея еще въ одномъ весьма важномъ отношеніи. Книги тогда были письменныя, а не печатныя; если ошибки возможны и при печатаніи, то онѣ въ десять и въ двадцать разъ болѣе возможны при письмѣ. Чтобы, по мѣрѣ списыванія, отъ писца къ писцу, ошибки совсѣмъ не переполнили книгъ, необходимо было, чтобы существовали возможно исправные списки, по которымъ новые списки могли бы быть правимы, чтобы существовали, какъ называли у насъ въ старое время таковые списки,—«добрые переводы». Но гдѣ могли бы искать писцы книжные и вообще кто бы то ни было добрыхъ переводовъ, еслибы они не находились въ публичномъ, общеизвѣстномъ и общедоступномъ, мѣстѣ?

Итакъ, Владимиръ былъ крестителемъ Руси, а Ярославъ насадителемъ въ ней книжности, ея—если можно такъ выразиться—ограмотителемъ.

Мы уже говорили выше, что общенародную грамотность, которая предполагаетъ только умѣнье читать и о которой мы говорили сейчасъ, должно отличать отъ настоящаго просвѣщенія, какъ вещи отъ нея особой.

Послѣ Владимира, нѣтъ сомнѣнія, заботился о поддержаніи просвѣщенія въ высшемъ классѣ общества и Ярославъ, хотя мы и не имѣемъ относительно сего никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ. Необходимо предполагать это, во-первыхъ, потому, что дѣло начато было слишкомъ недавно, чтобы уже успѣли охладѣть къ нему и махнуть на него рукою; во-вторыхъ, Ярославъ былъ вовсе не такой человѣкъ, который способенъ былъ бросить хорошія начинанія своего отца. Если отъ его заботъ о воспитаніи собственныхъ дѣтей (о чемъ обстоятельнѣе скажемъ ниже) можно заключать къ его заботамъ и вообще о просвѣщеніи, то необходимо думать, что онъ заботился о немъ никакъ не менѣе Владимира [1]).

Достраивая зданіе русской церкви, до половины возведенное Владимиромъ, Ярославъ продолжалъ заботиться объ окончаніи и того, что оставалось не совсѣмъ конченнымъ уже въ прежде возведенной его части. Тотчасъ послѣ приступа къ крещенію народа Владимиръ приказалъ рубить церкви по городамъ и ставить къ нимъ священниковъ. Спустя нѣкоторое время, нѣтъ сомнѣнія, онъ приказалъ рубить первыя и ставить вторыхъ не только по городамъ, но и по селамъ. Но все-таки для всей Руси тѣхъ и другихъ требовалось такъ много, что во все время его правленія однихъ не могло быть нарублено, а другихъ наставлено въ достаточномъ количествѣ. Ярославъ, по свидѣтельству лѣтописи, усердно заботился объ умноженіи священниковъ и церквей, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и его заботы все-таки еще не привели къ тому, чтобы священниковъ и церквей стало совсѣмъ достаточно. Примѣръ Новгорода показываетъ, что въ правленіе Ярослава дѣло о приготовленіи кандидатовъ въ священники лежало еще всецѣло на попеченіи правительства. Подъ 1030-мъ годомъ лѣтописи сообщаютъ, что Ярославъ, пришедъ въ Новгородъ, собралъ отъ старостъ и отъ поповыхъ дѣтей 300 человѣкъ и повелѣлъ ихъ учити книгамъ. Извѣстіе это, обыкновенно не совсѣмъ правильно понимаемое, хочетъ сказать, что Ярославъ приказалъ набрать у старостъ, которые были представителями крестьянскихъ обществъ, и чрезъ нихъ самихъ—крестьянскихъ (но не ихъ собственныхъ) дѣтей [2]), и также дѣтей священ-

[1]) Что сообщаемое лѣтописями подъ 1030 г. извѣстіе о приказаніи набрать въ Новгородѣ отъ старостъ и отъ поповыхъ дѣтей 300 сюда не идетъ, объ этомъ сейчасъ ниже.

[2]) Дѣти могли быть набраны—или для ученія наукамъ, въ видахъ просто образованія, или для ученія грамотѣ съ спеціальною цѣлію приготовленія во священники. Въ первомъ случаѣ были бы набраны дѣти нарочитой чади или высшей

ническихъ, и раздать тѣхъ и другихъ учить грамотѣ съ цѣлью приготовленія въ священники. Если еще само правительство должно было заботиться о приготовленіи кандидатовъ въ священники въ Новгородѣ, то оно же, конечно, должно было заботиться о нихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Всегда бываетъ такъ, что люди, дѣлая что-нибудь, вмѣстѣ съ необходимымъ заботятся, если это бываетъ возможно, о красотѣ, приличіи, достоинствѣ, смотря по тому, которое изъ этихъ качествъ требуется, вообще о внѣшней видимости и представительности. Естественно, что и основатели русской церкви заботились не только о томъ, чтобы она была, но и о томъ, чтобы она имѣла достойную внѣшность.

Владимиръ началъ эти заботы построеніемъ Десятинной церкви; Ярославъ продолжилъ ихъ, соединивъ съ того же рода заботами государственныя. Съ принятіемъ христіанства Русь стала государствомъ европейскимъ. Слѣдовательно, и о представительности Кіева надлежало позаботиться не только какъ столицы церкви, но и какъ столицы государства европейскаго. Порядочная столица непремѣнно должна была имѣть приличный «Кремль» или то, что̀ въ тогдашнее время называлось въ собственномъ смыслѣ городомъ. Кремль или городъ Кіева первоначальный, до-олеговскій, былъ малъ и ничтоженъ, что даетъ знать лѣтопись, когда называетъ его уменьшительно «градкомъ» [1]). Владимиръ построилъ свой новый городъ на томъ бывшемъ до него загородьи, гдѣ стоялъ княжескій загородный теремъ и гдѣ было главное мольбище Кіевлянъ, и гдѣ потомъ онъ (Владимиръ) поставилъ церкви св. Василія и Десятинную [2]). Но, вѣроятно, и этотъ второй городъ не соотвѣтствовалъ достоинству столицы государства: Ярославъ построилъ третій городъ, о сравнительной обширности котораго свидѣтельствуетъ лѣтопись, называя его «городомъ великимъ». Подражая Константинополю, который былъ и долженствовалъ быть для насъ идеаломъ, Ярославъ назвалъ главные въѣздные ворота въ городъ Золотыми,—нѣтъ сомнѣнія, устроивъ ихъ до нѣкоторой степени соот-

---

аристократіи, къ которой старосты вовсе не принадлежали; во-второмъ случаѣ мальчики должны были набираться просто изъ низшихъ классовъ и не могло быть никакой причины, чтобъ ихъ захотѣли набрать именно изъ дѣтей старостъ. Что извѣстіе лѣтописей нужно понимать именно такъ, какъ мы его понимаемъ, это показываетъ и образъ ихъ выраженія. Онѣ не говорятъ: старостиныхъ и поповыхъ дѣтей, но отъ старостъ и поповыхъ дѣтей.

[1]) Подъ 862 г., въ разсказѣ о занятіи Кіева Аскольдомъ и Диромъ.

[2]) Обстоятельную топографію Кіева см. ниже.

вѣтственно первообразу и украсивъ соотвѣтственно имени. На воротахъ была поставлена церковь во имя Благовѣщенія съ тою цѣлію, по изъясненію митрополита Илларіона, «да еже цѣлованіе архангелъ дастъ Дѣвици, будетъ и граду сему; къ оной бо: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою, къ граду же: радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою» [1]). Въ своемъ новомъ городѣ Ярославъ построилъ новый великокняжескій дворецъ, который служилъ резиденціей для послѣдующихъ великихъ князей, и который, если не былъ хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ, чего мы не знаемъ, то по крайней мѣрѣ былъ сравнительно обширенъ, ибо въ отличіе отъ другихъ, существовавшихъ въ Кіевѣ и близъ него княжескихъ дворцовъ, называется «великимъ дворомъ» [2]).

Этими гражданскими постройками сдѣлавъ Кіевъ малымъ Константинополемъ, какъ столицу государства, Ярославъ хотѣлъ затѣмъ сдѣлать его таковымъ же и относительно святыни христіанской. Въ своемъ новомъ городѣ онъ воздвигъ храмъ Софіи—Премудрости Божіей, въ соотвѣтствіе знаменитой Софіи Константинопольской. Съ этою послѣднею Софіей, которая въ то время была буквально единственнымъ храмомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, воздвигнутая Ярославомъ Софія не имѣла ничего общаго, кромѣ имени (вовсе не будучи и по формѣ уменьшеннымъ ей подражаніемъ, какъ это обыкновенно думаютъ), но сравнительно съ тѣмъ, что̀ было тогда у другихъ новыхъ народовъ, она несомнѣнно была храмомъ великолѣпнымъ, храмомъ, которымъ имѣли полное право гордиться Русскіе, и о которомъ современники безъ хвастовства могли говорить, что она есть «церкви дивна и славна всѣмъ округнымъ странамъ, яко же ина не обрящется во всемъ полунощи земленѣмъ отъ востока до запада» [3]). Близъ церкви св. Софіи Ярославъ построилъ два княжескихъ или—если можно такъ выразиться—придворныхъ монастыря, мужской—въ честь ангела своего св. Георгія, и женскій—въ честь ангела супруги своей св. Ирины. Сдѣлавъ для гражданскаго и церковнаго украшенія Кіева сейчасъ нами указанное, Ярославъ, конечно, не сдѣлалъ его и ни въ какомъ отно-

---

[1]) Какую форму имѣли Константинопольскіе Золотые ворота во времена Ярослава, остается неизвѣстнымъ; а въ нынѣшнемъ видѣ эти ворота суть позднѣйшіе, см. у *Византія* въ Κωνσταντινούπολις'ѣ, I, 312—313, и у *Унгера* въ Quellen d. Byzantinisch. Kunstgeschichte, I, S. 41, n. 87.

[2]) Ипатск. лѣтопись подъ годами 1146, 1150 три раза и 1154 (2-го изд. стрр. 229, 276, 279, 288, 326); ср. Лаврент. лѣтоп. подъ 1151 г.

[3]) Слова митр. Иларіона.

шеніи подобнымъ одной изъ теперешнихъ столицъ; но все измѣряется и оцѣнивается относительно,—для своего времени и это немногое было такъ много, что престольный городъ Руси получилъ оттолѣ право называться «славнымъ и великимъ градомъ [1]).

Владиміръ и Ярославъ были насадителями христіанства на Руси: первый крестилъ ее внѣшнимъ образомъ, второй просвѣтилъ ее учительными книгами, давъ ей средства перейдти отъ внѣшняго христіанства къ внутреннему. Дѣло еще далеко не было совсѣмъ окончено,—внѣшнимъ образомъ оставалась не крещенною еще цѣлая половина Руси, внутреннимъ и истиннымъ христіанство начинало становиться еще только въ самомъ Кіевѣ; тѣмъ не менѣе Русь стала уже отселѣ страною несомнѣнно и вполнѣ христіанскою. Въ первомъ отношеніи христіанство было водворено въ ней еще не вполнѣ, но уже совершенно прочно и безповоротно, во второмъ отношеніи христіанство еще только начиналось, но для него уже было сдѣлано то, чтобъ оно на этомъ началѣ не остановилось: въ томъ и другомъ отношеніи времени оставалось продолжать и доканчивать свое.

---

[1]) Слова его же.

III.

Окончательное распространеніе христіанства на Руси послѣ Владимира.

Мы сказали выше, что Владимиръ крестилъ половину Руси, которая по своему населенію была чисто русская, и оставилъ некрещенною другую половину, которая была по населенію или инородческою, какъ области Ростовская и Муромская съ значительною частью области Новгородской, или хотя славянскою, но не чисто русскою, какъ земля Вятичей. Когда мы говоримъ, что Владимиръ крестилъ русскую половину Руси, то, какъ уже замѣчали прежде, это нужно понимать не такъ, что онъ крестилъ въ ней всѣхъ до одного человѣка, а такъ, что онъ крестилъ большинство жителей, что онъ объявилъ христіанство вѣрою, которая должна быть принята всѣми, и что онъ запретилъ язычество. Посредствомъ укрывательства, которое было очень возможно, нѣтъ сомнѣнія, еще весьма многіе остались язычниками, а такимъ образомъ и въ этой крещенной части Руси христіанство могло водвориться совершенно только со временемъ. Съ какою постепенностію оно водворялось здѣсь и какъ скоро окончательнымъ образомъ водворилось, относительно этого мы не имѣемъ совершенно никакихъ положительныхъ свѣдѣній, и слѣдовательно остается просто предполагать, что оно водворялось мало-по-малу, по мѣрѣ теченія времени. Подобнымъ же образомъ, совсѣмъ не имѣя свѣдѣній объ окончательномъ и совершенномъ водвореніи христіанства и въ названныхъ нами инородческихъ и иноплеменныхъ областяхъ, мы скажемъ только о томъ, что̀ намъ извѣстно объ его въ нихъ насажденіи въ качествѣ вѣры, имѣвшей замѣнить собою язычество.

Если Кіевъ не оставилъ намъ достовѣрныхъ свѣдѣній о своемъ обращеніи въ христіанство, то тѣмъ менѣе мы вправѣ спрашивать этого отъ какихъ-нибудь глухихъ инородческихъ областей, въ которыхъ письменность началась слишкомъ не рано или совсѣмъ не начиналась до позднѣйшаго времени, изъ которыхъ однѣ слишкомъ не скоро начали помышлять, а другія и совсѣмъ не помышляли вести

свои отдѣльныя лѣтописи [1]) и въ которыхъ устное преданіе, какъ это и всегда бываетъ въ глухихъ мѣстахъ, имѣло всю свою свободу и все свое приволье.

Мы сказали выше, что Владиміръ, руководясь побужденіями государственнаго благоразумія, не хотѣлъ крестить инородческой Руси силой и принужденіемъ. Сколько знаемъ и сколько можемъ предполагать, не было употреблено этой силы въ дѣлѣ ихъ обращенія и впослѣдствіи, и у всѣхъ у нихъ христіанство первоначально водворено было нравственными усиліями не вооруженныхъ, въ собственномъ смыслѣ, проповѣдниковъ, а окончательно утвердилось вмѣстѣ съ ихъ обрусѣніемъ и вслѣдствіе сего послѣдняго.

Первыми водворителями христіанства въ Ростовѣ и его области были его епископы, каѳедра которыхъ была учреждена въ немъ при первомъ раздѣленіи Россіи на епархіи или при первомъ введеніи у насъ епархіальнаго управленія, что̀ случилось на пятый годъ послѣ крещенія Владиміра и на третій годъ послѣ его возвращенія изъ Корсуни, именно—въ 991-мъ году. Не предполагая крестить инородцевъ силой и принужденіемъ, какъ это имѣло быть съ собственною Русью (которая крещена была не только проповѣдью, но и принужденіемъ), Владиміръ учредилъ въ Ростовѣ епископскую каѳедру, должно думать, потому, что въ этомъ слишкомъ отдаленномъ отъ собственной Руси городѣ сознавалась необходимость епископа для бывшей въ немъ ко-

---

[1]) Выражаясь такимъ образомъ, что допускаемъ, какъ возможное, существованіе въ періодъ домонгольскій другихъ областныхъ лѣтописей, кромѣ лѣтописи Новгородской, мы имѣемъ въ виду ссылку Симона Владимірскаго на „старую лѣтопись Ростовскую" (въ Патерикѣ). Но, собственно говоря, мы находимъ рѣшительно невѣроятнымъ допустить, чтобы въ инородческомъ, безграмотномъ и до начала XIII вѣка безкняжескомъ Ростовѣ велась своя лѣтопись, и думаемъ, что Симонъ называетъ лѣтопись Ростовскою въ несобственномъ смыслѣ или что наоборотъ что̀-нибудь Ростовское онъ называетъ лѣтописью въ несобственномъ смыслѣ. (Всего вѣроятнѣе разумѣть у него диптихъ или сунодикъ, т. е. поминальникъ Ростовской архіерейской каѳедры, каковые сунодики, весьма возможно, даже прямо назывались лѣтописями, ибо въ древнее время слово лѣтопись употреблялось довольно въ обширномъ смыслѣ: запись на книгѣ — лѣтопись, подпись на иконѣ, на памятникѣ, на зданіи — лѣтопись, и пр. Такъ какъ первые епископы Ростовскіе были изъ монаховъ Печерскихъ, то и могло войти въ Ростовѣ въ обычай — записывать въ поминальникъ имена всѣхъ архіереевъ, бывшихъ изъ монаховъ Печерскихъ, т. е. бывшихъ на какихъ бы то ни было каѳедрахъ, о чемъ говоритъ Симонъ. Но съ какой стати въ настоящей лѣтописи Ростовской велся бы обстоятельный списокъ архіереевъ, поставленныхъ изъ монаховъ Печерскихъ?).

лоніи Русскихъ и для чиновниковъ [1]), и что онъ представлялъ уже удобства для учрежденія каѳедры (каковыхъ, вѣроятно, не представлялъ не менѣе отдаленный Муромъ); а затѣмъ, епископы, конечно, съ самаго начала имѣли своею миссіей и то, чтобы не силой и принужденіемъ, а свободнымъ убѣжденіемъ склонять и обращать въ христіанство и инородцевъ. Первымъ Ростовскимъ епископомъ былъ Ѳеодоръ, Грекъ родомъ, какъ и всѣ вообще первые русскіе епископы. При содѣйствіи гражданской власти, которая олицетворялась тогда въ особѣ удѣльнаго князя [2]), руками язычниковъ или призванныхъ изъ крещенной Руси христіанъ, онъ построилъ въ Ростовѣ великолѣпный деревянный храмъ. Но его усилія, большія или малыя, сколько-нибудь водворить христіанство между здѣшними инородцами были совершенно напрасны. Вторымъ епископомъ былъ Иларіонъ, вѣроятно — также Грекъ, хотя позднѣйшее положительное свидѣтельство объ этомъ не имѣетъ ровно никакого историческаго авторитета. Проповѣдь между инородцами и этого втораго епископа также была безуспѣшна. Позднѣйшее сказаніе, которое говоритъ о напрасныхъ усиліяхъ Ѳеодора и Иларіона водворить христіанство между Ростовцами, — баснословитъ, что оба епископа, одинъ за другимъ, «не терпяще невѣрія и досаженія людій, избѣгоша» съ своей каѳедры; но, не побѣдивъ невѣрія, они совершенно ограждены были отъ досаженій гражданскою властью [3]).

[1]) Да припомнитъ читатель нынѣшній Туркестанскій край съ учрежденною въ немъ епископскою каѳедрой. Ростовъ былъ административнымъ центромъ весьма обширной области, а потому и чиновниковъ въ немъ и его области должно было находиться сравнительно очень много. Равнымъ образомъ и о колоніи Русскихъ слѣдуетъ думать, что она была здѣсь болѣе многочисленна, чѣмъ въ другихъ инородческихъ городахъ: крѣпость Ростова къ Русскому государству съ самаго древняго времени видна изъ того, что уже при Олегѣ въ немъ сидѣлъ важный или перваго разряда намѣстникъ великокняжескій,—лѣтоп. подъ 907-мъ г.

[2]) При Владимирѣ удѣльными князьями въ Ростовѣ были сначала Ярославъ, а потомъ Борисъ.

[3]) Извѣстія объ епископахъ Ѳеодорѣ и Иларіонѣ находятся въ житіи (точнѣе—въ сказаніи объ обрѣтеніи мощей) св. Леонтія Ростовскаго. Изъ многихъ редакцій этого послѣдняго (*Ключевскій*, Древнерусскія житія, какъ историческій источникъ, М. 1871, стр. 3 и слѣд.) имѣютъ нѣкоторое историческое значеніе извѣстія только первой изъ нихъ или древнѣйшей, извѣстія же всѣхъ остальныхъ, позднѣйшихъ, суть не что иное, какъ ни на чемъ не основанные простые вымыслы ихъ авторовъ. Первая редакція напечатана въ *Православ. Собесѣдн.* 1858 г., кн. 1, стр. 301 и слѣд. Что Ѳеодоръ былъ Грекъ, это, какъ сказали мы, необходимо предполагать потому, что и всѣ самые первые епископы, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ, были Греки. Что Иларіонъ былъ тоже Грекъ, это вѣроятно предполагать, во-первыхъ, потому, что въ его время большинство епископовъ было еще изъ Гре-

Третьимъ Ростовскимъ епископомъ былъ св. Леонтій. По однимъ не совершенно надежнымъ извѣстіямъ [1]), онъ былъ рожденіемъ и воспитаніемъ константинопольскій Грекъ; по другимъ, также не вполнѣ достовѣрнымъ [2]), онъ былъ постриженникъ Печерскаго монастыря, изъ чего вѣроятнѣйшее заключеніе есть то, что былъ Русскій. Не совсѣмъ правдоподобнымъ образомъ примиряя извѣстія, хотятъ представлять дѣло такъ, что онъ былъ родомъ Грекъ, но что, пришедши въ Россію, постригся и подвизался въ Печерскомъ монастырѣ, изъ котораго и былъ возведенъ на каѳедру. Если вѣрны наши свѣдѣнія о годѣ поставленія его преемника, то онъ занималъ каѳедру неизвѣстно сколь долгое время, до 1077-го года [3]). Св. Леонтій успѣлъ сдѣлаться крестителемъ Ростова, чего напрасно добивались (если только впрочемъ дѣйствительно добивались) двое его предшественниковъ. Какъ онъ достигъ этого, т. е. какъ велъ онъ дѣло проповѣди, приведшее къ крещенію, подробности вовсе неизвѣстны. Писанное чрезъ сто лѣтъ послѣ его смерти житіе его говоритъ, что, оставивъ закоренѣлыхъ въ язычествѣ взрослыхъ, онъ старался учить дѣтей, что первые, бывъ раздражены его проповѣдью, рѣшились-было убить его, но что когда хотѣли они это сдѣлать, онъ вышелъ къ нимъ въ священныхъ ризахъ,

---

ковъ, что изъ Русскихъ они еще только начали быть ставимы, и что еслибы онъ принадлежалъ къ послѣднимъ, то о семъ, какъ объ обстоятельствѣ замѣчательномъ, гдѣ-нибудь и какъ-нибудь было бы записано; во-вторыхъ, потому, что по извѣстіямъ, хотя и не совершенно достовѣрнымъ, даже и преемникъ Иларіона (св. Леонтій) былъ еще изъ Грековъ. а не изъ Русскихъ.—Думать вмѣстѣ съ позднѣйшими Ростовскими грамотниками и патріотами, будто первые Ростовскіе епископы были поставляемы и присылаемы патріархами Константинопольскими, значитъ — имѣть охоту вѣрить совершеннымъ нелѣпостямъ. Патріархи вообще ставили митрополитовъ, но не ставили епископовъ въ митрополіи, ибо не имѣли на это права; полагать, чтобы патріархи знали о Ростовѣ и прилагали о немъ особенное попеченіе, есть верхъ наивности, извинительной въ старыхъ Ростовскихъ патріотахъ, но ни въ комъ болѣе (Наши предположенія о томъ, когда и по какимъ побужденіямъ сказанное могло быть вымышлено, см. ниже).

[1]) Житія или сказанія объ обрѣтеніи мощей, о которомъ въ предъидущемъ примѣчаніи и которое (первая редакція) написано не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ послѣ смерти св. Леонтія.

[2]) Симона Владимірскаго въ посланіи къ Поликарпу, который писалъ еще позднѣе лѣтъ на 60 слишкомъ. Если однако принять, что Симонъ причисляетъ Леонтія къ постриженникамъ Печерскимъ на основаніи отмѣтки Ростовскаго каѳедральнаго синодика,—см. прим. выше,—то его показаніе нужно будетъ принимать какъ достовѣрное.

[3]) Извѣстны, несколько не надежныя впрочемъ, записи, которыя относятъ его смерть къ 1072—1073 г. (*Ключевскаго* Житія, стр. 13, прим. 2).

съ соборомъ іерейскимъ и діаконскимъ, что они были поражены при этомъ чудеснымъ видѣніемъ лица его, какъ лица ангела, и что вслѣдствіе этого и послѣдовало общее желаніе креститься. Проповѣдь двухъ первыхъ епископовъ, не имѣвшая прямыхъ послѣдствій, могла имѣть своимъ результатомъ по крайней мѣрѣ то, что подготовила умы язычниковъ къ принятію христіанства, а церковь, построенная еще первымъ изъ нихъ, должна была непрестанно имъ проповѣдывать, что христіанства, принятаго во всей русской Руси, имъ не избыть. Обратившись съ проповѣдью по прибытіи на каѳедру и потомъ настоятельно обращаясь съ нею къ лучшимъ и болѣе другихъ уже обрусѣвшимъ гражданамъ, св. Леонтій и могъ наконецъ подѣйствовать на ихъ подготовленные умы, а примѣру ихъ послѣдовали и остальные, или, по крайней мѣрѣ, большинство сихъ послѣднихъ [1]).

Преемникомъ св. Леонтія былъ св. Исаія [2]), родомъ Русскій, постриженникъ Печерскаго монастыря, послѣ котораго былъ игуменомъ въ Кіевскомъ Изяславовомъ монастырѣ св. Димитрія. Каѳедру Ростовскую, на которую возведенъ былъ съ сейчасъ помянутаго игуменства, онъ занималъ съ 1077-го по 1089-й годъ, слѣдовательно въ продолженіе 12-ти лѣтъ [3]). Св. Исаія былъ преемникомъ св. Леонтія въ дѣлѣ

---

[1]) Что касается до крещенія Чудскаго конца города преп. Авраміемъ, о чемъ повѣствуется въ его житіи, то во-первыхъ, Авраміи жилъ не въ началѣ XI в. при Владимірѣ и Борисѣ, а несравненно позднѣе, какъ это скажемъ и докажемъ ниже, и во-вторыхъ, подъ крещеніемъ, по всей вѣроятности, должно разумѣть не крещеніе въ собственномъ смыслѣ, а отвращеніе отъ языческаго суевѣрія людей уже крещенныхъ. Леонтій, по его житію, совершивъ крещеніе жителей Ростова, „съ миромъ къ Господу отъиде". Напротивъ того, Симонъ Владимірскій говоритъ, что язычники (оставшіеся не крещенными) послѣ многихъ мученій предали его смерти, почему и причисляетъ его къ мученикамъ. Извѣстіе Симона представляется совершенно невѣроятнымъ: что язычники могли имѣть желаніе убить епископа, это весьма возможно, но какъ допустила бы ихъ сдѣлать это гражданская власть, про которую забываетъ Симонъ въ своемъ повѣствованіи? (Если Симонъ, называя Леонтія, будто бы потерпѣвшаго мученическую смерть, „третьимъ гражданиномъ небеснымъ Рускаго міра со онѣма Варягома", хочетъ сказать, что Леонтій пострадалъ ранѣе Бориса и Глѣба, то это будетъ крайняя у него несообразность: Печерскій монастырь, изъ котораго былъ, по словамъ Симона, Леонтій, явился спустя много времени послѣ мученичества Бориса и Глѣба).

[2]) Свѣдѣнія о немъ въ житіи его, которое написано въ концѣ XV вѣка, послѣ 1474-го г. (*Ключевскаго* Житія, стр. 24). Оно напечатано въ *Православ. Собесѣдн.* 1858-го г., кн. I, стр. 434.

[3]) Такъ по житію, но за полную достовѣрность хронологіи вовсе нельзя поручиться; cfr въ Патерикѣ Печерскомъ повѣствованіе Поликарпа (котораго впрочемъ мы тоже вовсе не относимъ къ числу повѣствователей совершенно достовѣрныхъ) о затворникѣ Никитѣ.

апостольства и продолжателемъ его трудовъ. Не захотѣвшая креститься при первомъ часть жителей Ростова осталась не крещенною и при немъ, но онъ положилъ начало христіанству въ другихъ городахъ и мѣстахъ области Ростовской и соединенной съ нею области Суздальской. Мы уже говорили выше, что какъ во всемъ, такъ и въ дѣлѣ перемѣны вѣры, весьма важенъ былъ примѣръ старшихъ городовъ каждой области, которымъ во всемъ считали себя обязанными слѣдовать города младшіе. Примѣръ Ростова долженъ былъ подѣйствовать на другіе города области, вслѣдъ за которыми мало-по-малу должны были послѣдовать и принадлежавшія къ нимъ села. Сколь много успѣлъ сдѣлать св. Исаія, т. е. до какой степени успѣлъ водворить христіанство въ области Ростовской, мы не знаемъ. Весьма поздній жизнеописатель неопредѣленно говоритъ: «и обходитъ убо (Исаія) прочія грады и мѣста еже въ Ростовстѣй и Суздальстѣй области и невѣрныхъ увѣщаетъ вѣровати въ Святую Троицу — Отца и Сына и Святаго Духа и просвѣщаетъ святымъ крещеніемъ». Важнѣйшимъ городомъ въ области послѣ Ростова былъ Суздаль, составлявшій главный городъ частнѣйшей области Суздальской: необходимо предполагать, что на него прежде всего и обратилъ свое вниманіе святой Исаія. Подъ 1096-мъ г. мы находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что въ семъ году уцѣлѣли въ Суздалѣ отъ пожара «дворъ монастырскій Печерскаго монастыря и церкы, яже тамо (на дворѣ) есть св. Дмитрея, юже бѣ далъ Ефремъ и съ селы». Кто именно долженъ быть разумѣемъ здѣсь подъ Ефремомъ, остается неизвѣстнымъ, — если епископъ (митрополитъ) Переяславскій, что̀ обыкновенно предполагается, но что весьма мало вѣроятно [1]), то дача могла имѣть мѣсто еще при жизни Исаіи, ибо этотъ Ефремъ былъ его современникомъ; если же его собственный преемникъ на Ростовской каѳедрѣ, что̀ не только го-

---

[1]) Епископъ Переяславскій Ефремъ, носившій по особымъ обстоятельствамъ титулъ митрополита, но вовсе не бывшій митрополитомъ Русскимъ или Кіевскимъ, какъ это ошибочно полагаютъ, могъ имѣть только то отношеніе къ епархіи Ростовской, что она была въ одномъ удѣльномъ княженіи съ его собственною. Епископъ Ростовскій Ефремъ также, какъ и Исаія, бывшій изъ монаховъ Печерскихъ (въ Патерикѣ у Симона называемый Суздальнымъ), и, вѣроятно, непосредственно преемствовавшій ему на каѳедрѣ, построилъ въ Суздалѣ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ каменную церковь св. Богородицы (Лавр. лѣт. подъ 1222-мъ г.). Не знаемъ, когда это случилось, но во всякомъ случаѣ не позднѣе 1125-го г., когда умеръ Владиміръ Мономахъ; а такъ какъ въ городахъ только что обращенныхъ не строили церквей каменныхъ, то построеніе таковой церкви въ Суздалѣ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что онъ обращенъ былъ задолго до 1125-го г.

раздо вѣроятнѣе, но что, собственно говоря, есть и единственное вѣроятное, то дача могла случиться только послѣ его смерти. Какъ бы то ни было, построеніе церкви, существовавшей въ 1096-мъ году, со всею вѣроятностію можетъ быть относимо еще къ правленію Исаіи, а такимъ образомъ ему же со всею вѣроятностію можетъ быть усвояемо и крещеніе Суздаля. Представляется весьма правдоподобнымъ думать, что монахи Печерскіе, получившіе въ даръ отъ преемника Исаіина помянутую церковь, были и помощниками послѣдняго въ дѣлѣ крещенія города, ибо, какъ мы сказали выше, онъ самъ былъ изъ постриженниковъ Печерскаго монастыря [1]).

Послѣ смерти Ярослава Великаго область Ростовская присоединена была къ удѣлу Переяславля Русскаго или Кіевскаго и досталась младшему его сыну Всеволоду. Сынъ этого послѣдняго, знаменитый Владимиръ Мономахъ, въ своей молодости многократно путешествовалъ въ Ростовъ и; какъ мы имѣемъ положительныя доказательства, весьма любилъ его и его область [2]). Такъ какъ молодость Мономаха именно падаетъ на годы управленія Ростовской каѳедрой св. Исаіи [3]), то со всею вѣроятностію можно и должно предполагать, что епископъ въ своей апостольской дѣятельности находилъ самаго усерднаго и ревностнаго помощника въ истинно и усердно благочестивомъ князѣ, насколько это было въ средствахъ послѣдняго и насколько это отъ него зависѣло.

Много или мало успѣлъ св. Исаія распространить христіанство въ области Ростовской, во всякомъ случаѣ онъ успѣлъ положить то первое начало, которое было важнѣе всего и за которымъ, скоро или нескоро, но необходимо долженъ былъ послѣдовать желаемый конецъ. Дальнѣйшему болѣе или менѣе быстрому распространенію христіанства въ области должна была весьма много содѣйствовать власть гражданская, которая, съ одной стороны, при положенномъ твердомъ началѣ

---

[1]) А что касается до церкви св. Димитрія, то представляется столько же вѣроятнымъ думать, что Исаія построилъ ее въ честь того св. Димитрія, у котораго онъ былъ въ Кіевѣ игуменомъ.

[2]) О путешествіи Мономаха въ Ростовъ см. въ его духовной грамотѣ. Объ его любви къ Ростову и къ Ростовской области свидѣтельствуетъ то, что въ первомъ онъ построилъ весьма хорошую церковь, бывшую предметомъ его особенныхъ заботъ (по совершенному подобію Кіевской Печерской церкви, въ которую онъ присылалъ изъ Кіева иконы, Патер. Печерск.), а во второй основалъ новый городъ въ свое имя (Владиміръ Кляземскій).

[3]) Мономахъ родился въ 1053-мъ году; слѣдовательно, на время правленія Исаіи приходится 24—36-й годы его жизни.

могла уже безъ опасенія употреблять силу и понужденіе, а съ другой стороны — должна была споспѣшествовать цѣли умноженіемъ храмовъ. Область Ростовская состояла собственно изъ трехъ областей — области Ростовской въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, области Суздальской и Бѣлозерья. Послѣ св. Бориса область Ростовская не имѣла своихъ князей въ продолженіе цѣлаго столѣтія до начала XII вѣка [1]). Съ этого времени въ ней снова явились князья, но первенствующая роль при этомъ оказалась не за Ростовомъ, а за Суздалемъ. Первый удѣльный князь, данный области Ростовской въ началѣ XII вѣка, былъ князь не Ростовскій, а Суздальскій [2]). Вскорѣ область Суздальская въ новооснованномъ Владимірѣ стала даже центромъ всей Руси, Ростовъ же началъ имѣть своихъ собственныхъ удѣльныхъ князей не ранѣе, какъ съ 1207-го года [3]). Князья области Суздальской были въ тоже время князьями и области Ростовской, но такъ какъ, конечно, сначала они заботились о первой и потомъ уже о второй, то на семъ основаніи необходимо предполагать, что окончательно христіанство водворено было скорѣе не въ области Ростовской, а въ Суздальской. Въ глухомъ и обширномъ Бѣлозерьи, которое начало имѣть своихъ отдѣльныхъ князей только уже послѣ нашествія Монголовъ, христіанство распространялось, нѣтъ сомнѣнія, весьма медленно и окончательно водворено было весьма поздно [4]).

---

[1]) Мономахъ, какъ сейчасъ мы сказали, много разъ посѣщалъ область Ростовскую, но не видно, чтобъ онъ былъ ея удѣльнымъ княземъ; сынъ его Мстиславъ былъ посаженъ на столъ Ростовскій (1095 г.), но оставался на немъ весьма недолго.

[2]) Младшій сынъ Мономаха Юрій Долгорукій, посланный отцемъ въ Суздаль около 1105-го года (въ весьма молодыхъ годахъ, — Симонъ въ Патерикѣ въ разсказѣ о созданіи церкви Печерской, а онъ женатъ былъ въ 1107-мъ году, — лѣт.).

[3]) Въ 1175-мъ году Ростовцы посадили было у себя Мстислава Ростиславича, племянника Боголюбскаго, но онъ сидѣлъ у нихъ весьма недолго, и рядъ постоянныхъ князей Ростовскихъ начинается именно съ 1207-го года, съ Константина Всеволодовича.

[4]) Ссылаясь чрезъ автора Исторіи Росс. Іерархіи на лѣтописца Устюжскаго, относятъ къ XI вѣку существованіе монастыря Троицкаго Гледенскаго, находящагося близъ Устюга. Но лѣтописецъ Устюжскій у автора Исторіи Іерархіи (III, 694) этого не говоритъ, а только самъ послѣдній предполагаетъ это. Предполагать то же самое вмѣстѣ съ нимъ мы находимъ совершенно невозможнымъ. Затѣмъ, слѣдуя тому же автору Исторіи Іерархіи, относятъ къ тому же XI вѣку основаніе монастыря Челмогорскаго или Челменскаго, находившагося въ 43 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Каргополя при озерѣ Челмогорскомъ. Но, не говоря

Позднее сказаніе приписываетъ крещеніе Мурома князю Константину Святославичу, внуку Ярослава Великаго, правнуку Владимира Святаго, подъ которымъ, очевидно, долженъ быть разумѣемъ Ярославъ Святославичъ, первый князь Муромскій послѣ св. Глѣба и родоначальникъ послѣдующаго дома князей Муромскихъ и Рязанскихъ, посаженный въ Муромѣ въ 1096-мъ году и послѣ 33-лѣтняго въ немъ княженія умершій въ 1129-мъ году [1]). Заставляя жить этого князя на цѣлое столѣтіе позднѣе противъ его дѣйствительнаго времени, сказаніе представляетъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Послѣ св. Глѣба, который напрасно старался обратить Муромцевъ въ христіанство, они жили сами о себѣ, пребывая въ поганствѣ и зли суще, въ продолженіе двухъ сотъ слишкомъ лѣтъ. Наконецъ, Богъ вдохнулъ въ сердце помянутому князю Константину Святославичу желаніе стать просвѣтителемъ Мурома, и онъ началъ проситься у отца, чтобы тотъ отпустилъ его господствовать въ Муромѣ. Отпущенный отцомъ и снабженный имъ для взятія города войскомъ, Константинъ отправилъ впереди себя увѣщевать Муромцевъ сдаться и покориться сына своего Михаила. Когда Муромцы убили этого послѣдняго, Константинъ подступилъ къ городу, чтобы взять его силою. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія Муромцы сдались и пустили къ себѣ князя, но рѣшительно не хотѣли принимать христіанства. Наконецъ Богъ, услышавъ продолжительныя и горячія молитвы князя, смягчилъ сердца упорныхъ людей и они изъявили желаніе креститься.

Весь этотъ разсказъ есть не что иное, какъ вымыслъ, не знаемъ — обязанный ли своимъ происхожденіемъ общимъ силамъ Муромцевъ или того одного ритора XVI вѣка, который написалъ сказаніе. Послѣ св. Глѣба Муромъ не отпадалъ отъ власти Руси и не жилъ самъ о себѣ, но, оставаясь подъ помянутою властію, принадлежалъ съ своею областію къ удѣлу Черниговскому [2]). Князь Ярославъ Святославовичъ, не имѣвшій нужды брать Мурома силой, а просто получившій его себѣ въ удѣлъ (изъ удѣла Черниговскаго), не могъ быть

о совершенной невѣроятности дѣла самого по себѣ, въ житіи преп. Кирилла, основателя монастыря, прямо говорится, что онъ пришелъ „на Челму гору въ лѣто 6824-е", т. е. въ 1316-мъ году (*Ключевскій*, стр. 321).

[1]) Житіе Муромскихъ князей Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора, о времени написанія и о редакціяхъ котораго см. у *Ключевскаго*, стр. 287; самое житіе напечатано въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, I, 229.

[2]) Въ 1088-мъ году Муромъ взяли Болгары, но взяли не затѣмъ, чтобы удержать его за собою, а только затѣмъ, чтобы ограбить.

его первымъ крестителемъ потому, что въ 1096-мъ году, въ которомъ онъ былъ посаженъ на княженіе Муромское (не отцомъ, котораго давно не было въ живыхъ, а старшимъ братомъ Олегомъ), въ городѣ Муромѣ существовалъ уже монастырь [1]), изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ, что въ немъ было уже христіанство.

Какимъ проповѣдникамъ Муромъ обязанъ своимъ христіанствомъ, остается неизвѣстнымъ. Такъ какъ, принадлежа къ удѣлу Черниговскому, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежалъ и къ епархіи Черниговской, то самое вѣроятное предполагать тутъ труды епископовъ Черниговскихъ и лицъ, ими посыланныхъ и отъ нихъ приходившихъ.

Существованіе монастыря въ Муромѣ въ 1096-мъ году показываетъ, что христіанство было водворено въ немъ не непосредственно передъ симъ годомъ, а по крайней мѣрѣ лѣтъ за 10 — за 15, и слѣдовательно — первое введеніе его въ немъ должно быть относимо по крайней мѣрѣ къ 1085-му — 1080-му году, что̀ будетъ значить, что Муромъ крестился спустя лѣтъ 20 — 15 послѣ Ростова, и именно въ то самое время, какъ христіанство, бывъ распространяемо въ области Ростовской, явилось въ ближайшемъ къ нему городѣ сей послѣдней — Суздалѣ. Что князь Ярославъ или Константинъ Святославичъ, княжившій въ Муромѣ цѣлые 33 года, не бывъ первымъ его крестителемъ, могъ много содѣйствовать распространенію и утвержденію въ немъ христіанства, это совершенно вѣроятно, хотя положительнаго пока мы ничего и не знаемъ [2]).

Къ области Муромской принадлежала область Рязанская. О крещеніи ея мы тоже не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній. Такъ какъ Рязань была ближе къ Чернигову, главному городу всего удѣла и мѣстопребыванію областнаго епископа, и такъ какъ она представляла собою часть инородческой области Муромской непосредственно сосѣднюю съ собственною Русью, крещенною съ самаго начала, то съ совершенною вѣроятностію должно предполагать, что она стала христіанскою раньше Мурома и во всякомъ случаѣ не позднѣе его.

---

[1]) Спаса, Лаврент. лѣт., изд. 2 стр. 229.

[2]) Съ другой стороны, то обстоятельство, что Ярославъ Святославичъ въ свое долговременное правленіе не построилъ въ Муромѣ церкви, которая при немъ или послѣ него стала бы соборомъ, не говоритъ въ пользу его особеннаго усердія объ утвержденіи христіанства въ Муромѣ. По сказанію, онъ погребенъ былъ съ своими сыновьями Михаиломъ мученикомъ (по сказанію) и другимъ Ѳедоромъ въ построенной имъ церкви Благовѣщенія, на мѣстѣ которой воздвигнутъ былъ монастырь, какъ увѣряетъ то же сказаніе, по приказанію царя Ивана Васильевича Грознаго (*Карамзинъ*, II, прим. 153, col. 70).

Вятичи съ Радимичами, бывъ не инородцами, а тѣми же Славянами, только иного племени, крещены были значительно позднѣе, чѣмъ помянутые выше инородцы [1]). Изъ всѣхъ извѣстій, которыя мы имѣемъ, видно, что съ этими древними Поляками на нашей территоріи князьямъ нашимъ было столько же хлопотъ, сколько намъ съ современными. Бывъ въ первый разъ покорены еще Олегомъ и потомъ бывъ много разъ снова покоряемы, они оставались только данниками Руси, весьма плохо признававшими ея власть и имѣвшими своихъ собственныхъ князей, не менѣе какъ до конца XI вѣка: Владиміръ Мономахъ въ своей духовной грамотѣ въ числѣ своихъ военныхъ походовъ упоминаетъ о трехъ походахъ на Вятичей и на ихъ князей. Пока Вятичи оставались Вятичами, т. е. пока область ихъ, находясь только въ нѣкоторомъ подданствѣ Руси, управлялась своими собственными князьями, нечего было и думать о томъ, чтобы пытаться крестить ихъ. Эти попытки могли начаться только тогда, когда Вятичи были совершенно покорены Русскими, и когда, лишенные своихъ князей, они получили правительство въ лицѣ русскихъ чиновниковъ, что̀ случилось не ранѣе конца XI вѣка (вѣроятно, послѣ упомянутыхъ выше походовъ Владиміра Мономаха). Область Вятичей до совершеннаго ея покоренія числилась принадлежащею, а послѣ покоренія дѣйствительно стала принадлежать къ удѣльному княжеству Черниговскому. По всей вѣроятности, стараніями Черниговскихъ князей и епископовъ христіанство мало-по-малу и было между ними водворено. Положительнаго объ этихъ стараніяхъ мы однако же совершенно ничего не знаемъ. Изъ немалаго, вѣроятно, числа проповѣдниковъ, трудившихся надъ обращеніемъ особенно упорныхъ въ язычествѣ людей, мы знаемъ только одного сторонняго, — это монахъ Печерскаго монастыря св. Кукша, который жилъ около половины XII вѣка и который, неизвѣстно сколько Вятичей крестивъ, отъ некрещеныхъ потерпѣлъ мученическую смерть. Исторія этого крестителя Вятичей даетъ предпола-

[1]) Область ихъ мы указали выше, именно — первые занимали сѣверный уголъ губерніи Черниговской и губернію Орловскую и Калужскую, а вторые — восточную половину губерніи Могилевской (кромѣ указанныхъ нами выше нынѣшнихъ городовъ, въ землѣ Вятичей упоминаются неизвѣстныя намъ мѣста и мѣстности: Блеве, Болдыжъ, Воробеинъ, Вщижъ, Вятичъ, Домагощь, Обловь, Подесенье (по р. Деснѣ), Ярышевъ, — Ипатск. лѣт., Index; Корьдно — въ грамотѣ Мономаха; въ землѣ Радимичей — рѣка (рѣчка) Пищана или Песчана, впадающая въ Сожъ въ Старо-Быховскомъ уѣздѣ близь мѣстечка Пропойска [см. Словарь *Семенова* подъ сл. Пещана], — лѣтоп. подъ 984-мъ г.).

гать, что христіанство тогда еще только вводилось между ними: если язычники дерзнули поднять на него руки въ виду русскихъ властей, то ясно, что онъ былъ изъ числа самыхъ первыхъ проповѣдниковъ, когда язычество было еще во всей своей силѣ и еще ни малѣйше не думало уступать мѣста христіанству. Всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о Вятичахъ, заставляютъ предполагать, что послѣднее распространялось между ними весьма медленно и окончательно водворилось весьма не скоро [1].

Новгородцы съ Ладожанами и Изборяно-Псковичами представляли собою на своемъ теперешнемъ мѣстѣ жительства славянскихъ колонистовъ, которые, пришедъ откуда-то, поселились въ инородческой, Чудской или Финской, землѣ и которые, объявивъ себя господами инородцевъ и высшими собственниками всей ихъ обширной территоріи, дѣйствительно или номинально подчинивъ ихъ своей власти (подобно тому, какъ Европейцы заняли земли дикарей въ Америкѣ, Африкѣ и Австраліи), основали между ними свое промышленно-торговое (эксплуатаціонное) государство [2]. Должно полагать, что это основаніе колоніи имѣло мѣсто болѣе или менѣе задолго до основанія нашего государства Рюрикомъ. Но, съ другой стороны, столько же вѣроятнымъ представляется думать, что въ періодъ времени, прошедшій отъ основанія колоніи до введенія въ Россіи христіанства Владиміромъ, обрусѣніе инородцевъ шло весьма медленно и что къ минутѣ этого введенія отношеніе между Славянами и инородцами было въ своеобразномъ государствѣ почти такое же, какое въ Кіевѣ между Варягами и Славянами. На этомъ основаніи необходимо думать, что Владиміромъ крещены были въ области Новгородской только самые, весьма не-

---

[1]) Есть легенда о крещеніи Мценянъ, въ которой утверждается, что до половины XV вѣка „во градѣ Мценскѣ мнози (оставались) невѣрующе въ Христа Бога нашего", и что окончательно христіанство было въ немъ водворено въ 1445-мъ году великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ и митрополитомъ Фотіемъ съ употребленіемъ большой воинской силы, см. *Русск. Вивліоѳ.*, изд. *Полевымъ*, I, стр. 361 (въ 1445-мъ году великимъ княземъ былъ Василій Васильевичъ Темный, а митрополита послѣ Исидора не было; Василій Дмитріевичъ 1389 — 1425, митрополитъ Фотій 1408 — 1431).

[2]) Новгородцы потому и удержали общее или народное имя Славянъ, вмѣсто принятія какого-нибудь частнаго или племеннаго, что были Славяне поселившіеся между неславянами. Что касается до вопроса: откуда они пришли, то мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ мнѣніе наиболѣе простое и котораго, если не ошибаемся, держится большинство, именно—что они пришли весьма не издалека и были ἄποικοι (выселенцы) сосѣднихъ съ Финнами Кривичей.

многіе, города—Новгородъ, Ладога, Псковъ, и что затѣмъ вся остальная сельско-деревенская земля была предоставлена будущему времени. О послѣдующемъ крещеніи обширной области Новгородской, древніе предѣлы которой могутъ быть опредѣлены только неопредѣленнымъ: «куда коса и топоръ ходили», мы также ничего не знаемъ, какъ и о крещеніи другихъ областей, о которыхъ говорили выше. Нужно вообще полагать, что христіанство мало-по-малу распространялось въ области не столько нарочитыми стараніями Новгородцевъ, которыя предполагать у нихъ мы имѣемъ весьма мало основаній, сколько само собою по мѣрѣ обрусѣнія инородцевъ, которые, превращаясь въ Русскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ или вслѣдъ за тѣмъ обращались и въ христіанство. Инородцы ближайшей къ Новгороду округи должны были скоро или нескоро обрусѣть сплошною массой, а слѣдовательно и христіанство скоро или нескоро должно было явиться здѣсь вѣрою цѣлаго населенія. Но въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ обрусѣніе, конечно, совершалось только въ видѣ появленія бо̀льшихъ или меньшихъ отдѣльныхъ и разбросанныхъ пятенъ на сплошной инородческой массѣ, по мѣрѣ того какъ возникали въ средѣ инородцевъ города (городки), погосты и вообще селитьбы съ чисто Русскимъ населеніемъ. Подобнымъ образомъ, идя вслѣдъ за обрусѣніемъ, должно было распространяться въ этихъ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ и христіанство. Подъ самый конецъ періода домонгольскаго, въ 1227-мъ году, Новгородскій князь (послѣдующій великій князь) Ярославъ Всеволодовичъ крестилъ принудительнымъ образомъ Кареловъ, тогдашнюю территорію которыхъ составляли: юго-восточная часть Финляндіи, часть нынѣшней Петербургской губерніи, сосѣдняя съ Ладожскимъ озеромъ, большая часть Олонецкой губерніи и часть Архангельской до такъ называемаго Карельскаго берега Бѣлаго моря (Слов. *Семен.*, см. Карелы), т.-е. территорія которыхъ составляла сѣверо-западную часть Новгородскихъ владѣній. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1227-мъ годомъ о нашемъ крещеніи читается: «тогоже лѣта князь Ярославъ Всеволодовичь пославъ крести множство Корѣлъ, мало не всѣ люди», каковыми словами довольно ясно дается знать, что до 1227-го года Карелы оставались язычниками въ своемъ рѣшительномъ большинствѣ или въ своей массѣ. Но отъ Кареловъ едва ли должно заключать къ другимъ инородцамъ Новгородской области. Карелы занимали мѣстность, не представлявшую выгодъ для промысловыхъ поселеній и привлекательности вообще для житья (покрытую болотами или же безплодно-каменистую, какъ составлявшую продолженіе Финляндіи), вслѣдствіе чего Рус-

скіе не занимали или не посядали на ихъ территоріи земель въ вотчинное владѣніе и не селились между ними, стремясь для той и для другой цѣли въ такъ называемое Заволочье (мѣстность между Онегой и Сѣверной Двиной до Мезени). А по этой причинѣ, вопреки другимъ инородцамъ области, Карелы и могли оставаться язычниками въ своемъ рѣшительномъ большинствѣ или въ своей массѣ до самаго конца періода домонгольскаго [1].

Нарочитыми борцами за язычество противъ христіанства, какъ мы говорили, долженствовали быть у насъ волхвы, которые не были жрецами въ собственномъ смыслѣ, каковыхъ у насъ вообще не было, но которые были у нашихъ язычниковъ профессіональными служителями религіи, какъ прорицатели будущаго и какъ люди призванные творить чудесное, — «волшвеное» или волшебное (на помощь людямъ во всякихъ ихъ дѣлахъ), ибо прорицаніе и волшебство составляли необходимый элементъ всякаго язычества. Положительныхъ извѣстій объ этой борьбѣ, которая не могла быть, какъ мы сказали, упорною и опасною, мы имѣемъ весьма мало, а именно и всего два, относящіяся къ одному времени и дающія тотъ общій выводъ, что борьба, не бывъ упорною и опасною, была однако довольно продолжительна.

Подъ 1071-мъ годомъ лѣтописецъ разсказываетъ: явился волхвъ, прельщенный бѣсомъ; пришедъ въ Кіевъ, онъ началъ проповѣдывать па-

---

[1]) Если Заволочская Чудь, едва ли бывшая менѣе многочисленною, чѣмъ Карелы, безслѣдно исчезла, а послѣдніе, не смотря на христіанство, въ довольно значительномъ числѣ до сихъ поръ остаются настоящими Карелами, отдѣльными и отличными отъ Русскихъ и даже не знающими русскаго языка, то къ объясненію этого служитъ сейчасъ сказанное нами.—На юго-восточной окраинѣ Новгородскихъ владѣній, въ нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ Тверской губерніи Торжкѣ, полагается основаніе монастыря въ первой половинѣ XI вѣка, именно—Борисоглѣбскаго Новоторжскаго, основаннаго, какъ принимается, преп. Ефремомъ Угриномъ, братомъ Георгія Угрина, любимаго слуги св. Бориса. Но чтобы основателемъ Новоторжскаго монастыря дѣйствительно былъ преп. Ефремъ Угринъ, и чтобы онъ дѣйствительно былъ основанъ въ первой половинѣ XI вѣка, это болѣе чѣмъ сомнительно. См. ниже въ главѣ о монастыряхъ. Равнымъ образомъ мы весьма мало расположены вѣрить и тому, чтобы на другую окраину Новгородскихъ владѣній, на мѣсто нынѣшней Вологды, пришелъ изъ Кіева основатель бывшаго Троицкаго Кайсаровскаго монастыря преп. Герасимъ въ 1149-мъ г., см. ниже тамъ же (Вологда, собственно говоря,—не окраина Новгородскихъ владѣній, а Новгородская колонія на территоріи, принадлежавшей Ростову,—въ Ростовскомъ Бѣлозерьѣ).—О Вятчанахъ (Хлыновцахъ), Новгородскихъ колонистахъ въ землѣ Вотяковъ, которые не распространяли христіанства между инородцами и напротивъ сами изъ себя представляли весьма оригинальныхъ христіанъ, сдѣлаемъ замѣтку ниже, въ главѣ объ управленіи.

роду, что на пятое лѣто Днѣпръ потечетъ назадъ и что земли будутъ переступать съ своихъ мѣстъ на чужія, что греческая земля станетъ на мѣстѣ русской, а русская на мѣстѣ греческой, и что и прочія земли измѣнятъ свои мѣста.

Лѣтописецъ не говоритъ прямо, чтобы это былъ волхвъ, проповѣдывавшій именно возстановленіе язычества, а не былъ просто волхвъ, хлопотавшій только о волшебствѣ, съ отдѣленіемъ и обособленіемъ послѣдняго отъ язычества,—такъ сказать съ вынесеніемъ его изъ сферы религіозной (о волхвахъ этой второй категоріи читается у лѣтописца нѣсколько записей, — подъ 1024-мъ г. и потомъ подъ нашимъ 1071-мъ г.). Но онъ даетъ ясно знать, что въ волхвѣ должно видѣть именно одного изъ прямыхъ, нарочито выступавшихъ, борцовъ за язычество противъ христіанства, когда говоритъ, что онъ обратился въ Кіевѣ съ открытою проповѣдію къ народу: волхвы второй категоріи или волхвы единственно какъ волхвы (какъ своего рода промышленники), которыми кишѣла русская земля не только во времена лѣтописца, но и до позднѣйшаго недавняго времени, не имѣли нужды и вовсе не могли находить благоразумнымъ, чтобы выступать съ открытою проповѣдію чего-нибудь въ народѣ, ибо послѣднее значило бы самимъ и намѣренно выдавать себя въ руки правительства [1]). Какъ понимать приведенную выше проповѣдь волхва, не совсѣмъ ясно; но, какъ кажется, она имѣетъ тотъ смыслъ, что-де земли христіанскія будутъ поражены отъ боговъ языческихъ тяжкими бѣдствіями и страшными переворотами и что-де русская земля, чтобы избѣжать угрожающихъ христіанамъ золъ, снова должна возвратиться къ язычеству.

О томъ, какъ встрѣтилъ народъ въ Кіевѣ проповѣдь волхва, лѣтописецъ говоритъ: «невѣгласи послушаху его, вѣрніи же смѣяхуся, глаголюще: бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебе». Судьба волхва, которому правительство, нѣтъ сомнѣнія, не дало долго проповѣдывать, была та, что «въ едину нощь (онъ) бысть безъ вѣсти», т. е. что онъ былъ тайно схваченъ и затѣмъ или навсегда засаженъ въ тюрьму или —что гораздо вѣроятнѣе—преданъ смертной казни.

---

[1]) Если дѣятельность нѣкоторыхъ волхвовъ, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ подъ 1024-мъ г. и потомъ подъ нашимъ 1071-мъ г. (волхвы Ярославскіе), принимала такіе размѣры, что о ней доходило до свѣдѣнія правительства, то это не составляетъ возраженія противъ сейчасъ нами сказаннаго,—въ этихъ случаяхъ волхвы доводили о себѣ до свѣдѣнія правительства (своею дѣятельностію) безъ своего намѣренія.

Между 1074-мъ и 1078-мъ годами явился волхвъ въ Новгородѣ [1]). По словамъ лѣтописца, онъ творился аки богъ,—говорилъ, что провидитъ все (будущее), хулилъ вѣру христіанскую и обѣщался пройдти передъ всѣми по Волхову (какъ по суху) [2].

Въ Новгородѣ еще и въ 1074—78-мъ году христіанство было болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ: проповѣдь волхва произвела мятежъ противъ правительства, всѣ жители обратились на его (волхва) сторону и хотѣли убить епископа. Если бы это послѣднее случилось и Новгородцы снова стали язычниками, то само собою разумѣется, что стали бы не надолго: за симъ послѣдовала бы кровавая расправа съ ними со стороны центральнаго правительства, т. е. Кіевскаго, и они во второй разъ крещены были бы огнемъ и мечемъ. Къ счастію Новгородцевъ, ихъ спасла отъ ужасной драмы находчивость и рѣшительность ихъ князя Глѣба Святославича. Когда епископъ, облекшись въ богослужебныя одежды и взявъ крестъ, вышелъ на площадь и сказалъ: «кто хочетъ вѣрить волхву, пусть идетъ за нимъ, а кто вѣруетъ (во Христа), пусть идетъ ко кресту», то на сторонѣ епископа сталъ только князь съ своей дружиной, а весь народъ пошелъ къ волхву, «производя великій мятежъ», т. е. какъ должно понимать, рѣшительно и бурно высказываясь противъ христіанства. При такомъ положеніи дѣла, Глѣбъ взялъ подъ полу своего платья топоръ, пошелъ къ волхву и завелъ съ нимъ бесѣду: «знаешь ли, что будетъ завтра поутру и во весь день до вечера?» — «все знаю» (отвѣчалъ волхвъ); «а знаешь ли, что будетъ сегодня?»—«сотворю великія чудеса» (отвѣчалъ волхвъ). При этихъ словахъ князь выхватилъ топоръ и разсѣкъ имъ волхва надвое. Неожиданный конецъ имѣлъ то дѣйствіе, что народъ тотчасъ же разошелся.

Близость по времени появленія волхвовъ Кіевскаго и Новгородскаго заставляетъ до нѣкоторой степени подозрѣвать, что ихъ дѣятельность находилась въ связи, слѣдовательно—заставляетъ до нѣкоторой степени подозрѣвать, что представителями язычества была предпринята въ данное время организованная и общая попытка возстановить свою старую вѣру. Весьма возможно однако, что близость была просто

---

[1]) Волхвъ явился при князѣ Новгородскомъ Глѣбѣ Святославичѣ. Глѣбъ Святославичъ посаженъ былъ на Новгородское княженіе послѣ 3-го Мая 1074-го г. (лѣтопись въ разсказѣ о смерти Θеодосія Печерскаго, въ минуту которой Глѣбъ въ Кіевѣ) и за то или другое время до конца 1076-го г., когда умеръ его отецъ (см. грамоту Владиміра Мономаха въ Лаврент. лѣт. подъ 1096-мъ г., 2 изд. стр. 239 нач). Самъ онъ убитъ въ 1078 г.

[2]) Лѣтоп. подъ 1071-мъ г., fin..

случайная и что оба волхва дѣйствовали единолично, представляя изъ себя одинокихъ ревнителей или фанатиковъ [Волхвъ Новгородскій явился приблизительно на пятый годъ послѣ пророчества волхва Кіевскаго: не значитъ ли это, что волхвы нашли посредствомъ своего волшвенія,—посредствомъ своей какой-нибудь астрологіи, что пятый годъ отъ 1071-го г. будетъ годомъ великихъ, благопріятныхъ для нихъ и ихъ дѣла, событій, и не въ увѣренности ли относительно сего и явился волхвъ Новгородскій? Въ Кіевѣ была предъузнана смерть князя Глѣба Святославича, убитаго въ 1078-мъ г. въ Заволочьѣ (Никита, затворникъ Печерскій, прельщенный бѣсомъ,—въ Патерикѣ): не значитъ ли это, что князь былъ убитъ волхвами или по ихъ наущенію и что въ замыслѣ участвовали и волхвы Кіевскіе?].

Есть въ лѣтописи еще третье извѣстіе о появленіи волхва, въ которомъ, по всей вѣроятности, разумѣется волхвъ нашей категоріи, т. е. выступавшій съ открытою проповѣдію о возстановленіи язычества и объ изгнаніи христіанства. Этотъ волхвъ явился въ 1091-мъ г. въ Ростовѣ, который около 1071-го г., когда являлся волхвъ Кіевскій, только что былъ крещенъ. Лѣтописецъ даетъ знать, что не успѣлъ волхвъ явиться и начать свою проповѣдь, какъ былъ схваченъ и казненъ: «въ се же лѣто (1091-е)—пишетъ онъ [1])—волхвъ явися въ Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе».

Само собою разумѣется, что кромѣ попытокъ открытой проповѣди о формальномъ возстановленіи язычества на мѣсто христіанства, волхвы вели постоянную тайную проповѣдь о сохраненіи язычества вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ правительство было противъ нихъ безсильно, и они своею проповѣдію, конечно, немало содѣйствовали тому, чтобы въ народѣ болѣе или менѣе долго оставалось двоевѣріе,—открытое христіанство въ соединеніи съ тайнымъ язычествомъ. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ.

---

[1]) 1091 г. fin..

Увѣренія нѣкоторыхъ римско-католическихъ писателей, будто мы—Русскіе обращены въ христіанство латинскими миссіонерами, и дѣйствительныя попытки папъ обратить насъ въ христіанство и восхитить насъ у Грековъ.

Для кого изъ Русскихъ не будетъ въ высшей степени неожиданнымъ узнать оригинальную истину, будто предки наши обращены были изъ язычества въ христіанство латинскими миссіонерами, будто первое нѣкоторое время мы принадлежали къ Римской половинѣ церкви и будто мы очутились потомъ на сторонѣ Греческой только вслѣдствіе непохвальной измѣны святому отцу? Однако есть нѣкоторые католическіе писатели, которые утверждали и до сихъ поръ непрочь утверждать это.

Средневѣковая письменность, какъ извѣстно, вездѣ оставила много баснословнаго. Въ средневѣковой латинской письменности дѣйствительно есть сказанія, баснословящія вышеуказанное. И вотъ нѣкоторые латинскіе писатели и хватаются за эти сказанія. Само собою понятно, что хватаются не даромъ, а ради практической цѣли. Таковую практическую цѣль составляетъ желаніе послужить осуществленію весьма смѣшной въ существѣ, но никогда (даже и донынѣ) не покидающей Римскій престолъ, мечты привлечь насъ—Русскихъ подъ свой кровъ и подъ свою власть. Если мы—Русскіе обращены изъ язычества въ христіанство латинскими миссіонерами и если мы очутились на сторонѣ Грековъ только отщепившись отъ латинянъ, то исторія налагаетъ-де на насъ обязанность снова возвратиться къ послѣднимъ.

Латинскія сказанія, баснословящія, будто мы обращены изъ язычества въ христіанство латинскими миссіонерами, усвояютъ совершеніе этого дѣла нѣмецкому миссіонеру начала XI вѣка, епископу или архіепископу in partibus infidelium Бруну или Брунону (Brun, Bruno), по монашескому имени Бонифацію [1]). Происходивъ изъ весьма знатной

---

[1]) Что Брунъ въ монашествѣ назывался Бонифаціемъ, см. лѣтопись Кведлинбургскую подъ 1009-мъ г., лѣтопись Магдебургскую подъ тѣмъ же годомъ и анналиста Саксонскаго подъ 1009-мъ и 1106-мъ гг. Нѣкоторые изъ одного Бруна-Бонифація дѣлаютъ двоихъ—Бруна и Бонифація.

фамиліи [1]), Брунъ съ ранняго дѣтства отличался глубокой набожностію; по окончаніи ученія онъ поступилъ въ духовное званіе, затѣмъ постригся въ монахи и наконецъ, послѣдуя примѣру многихъ, рѣшился посвятить себя апостольскому дѣлу проповѣди христіанства между язычниками. Для своей цѣли онъ испросилъ себѣ у папы посвященіе въ санъ епископа или архіепископа [2]) in partibus infidelium и отправился на проповѣдь.

Плодомъ этой проповѣди и было будто бы наше обращеніе изъ язычества въ христіанство. Утверждаютъ или — что̀ тоже — баснословятъ сіе два древніе латинскіе писателя. Первый изъ нихъ есть итальянецъ Петръ Даміани или Петръ Даміанъ (Petrus Damiani, P. Damianus), изъ монаховъ и настоятелей монастыря Fontis Avellani въ средней Италіи (близъ города Губбіо, находящагося недалеко на сѣверо-западъ отъ города Перуджіо, который въ свою очередь во 100 съ небольшимъ верстахъ на сѣверъ отъ Рима) епископъ Остіенскій и кардиналъ, умершій въ 1072-мъ году, святой Римской церкви, знаменитый своимъ суровымъ подвижничествомъ, церковно-общественной дѣятельностью и сочиненіями. Второй есть интерполяторъ хроники французскаго монаха Адемара, умершаго около 1030-го года, неизвѣстно когда жившій, но не позднѣе конца XII вѣка.

У Петра Даміани читается цѣлая повѣсть о крещеніи насъ — Русскихъ епископомъ Бруномъ. Она находится въ принадлежащемъ ему житіи св. Ромуальда, основателя конгрегаціи Камальдуловъ въ орденѣ Бенедиктинцевъ († 1027-мъ году), къ ученикамъ котораго, по его увѣренію, принадлежалъ Брунъ или, какъ онъ называетъ его по монашескому имени, Бонифацій. Повѣсть довольно длинна и хотя она не содержитъ въ себѣ ничего историческаго, дѣйствительнаго или мнимаго, а разсказываетъ только о великихъ чудесахъ, при которыхъ будто бы совершено Бруномъ наше обращеніе въ христіанство, но поелику касается насъ — Русскихъ, то мы приведемъ ее сполна. Вотъ эта повѣсть: «(Отправившись на проповѣдь) и пришедъ къ язычникамъ [3]), (Бонифацій) началъ проповѣдывать съ такимъ горячимъ настояніемъ, что никто не сомнѣвался въ томъ, что святой мужъ сга-

---

[1]) См. анналиста Саксонскаго подъ указанными годами.

[2]) Епископа по Титмару Мерзеб., архіепископа по лѣтт. Кведлинб. и Магдеб. и анналисту Сакс.. Дѣло, полагаемъ, должно понимать такъ, что Брунъ поставленъ былъ въ епископы автокефальные (зависимые отъ самого папы), которые (вѣроятно и у латинянъ, какъ у Грековъ) назывались архіепископами.

[3]) Которые не называются по имени.

ралъ желаніемъ мученичества. Но они (язычники), опасаясь, чтобы у нихъ не случилось того же, что было послѣ мученія блаженнаго Адалберта [1]), когда блистающими знаками чудесъ обращены были многіе изъ славянскаго племени, въ продолженіе долгаго времени съ хитрымъ коварствомъ удерживаютъ руки отъ святаго мужа и, тогда какъ онъ сгаралъ сильнымъ желаніемъ умереть, они, не желая его убивать, жестоко (его) щадятъ. Когда же достопочтенный мужъ пришелъ къ королю Руссовъ (ad regem Russorum) и съ твердою ревностію горячо началъ проповѣдывать, то король, видя его одѣтымъ въ рубища и ходящаго босыми ногами, подумалъ, что святой мужъ занимался этимъ (проповѣдію) не ради вѣры, а скорѣе для того, чтобы собрать деньги. Посему обѣщалъ ему, что если онъ откажется отъ подобнаго вздора, то одаритъ его бѣдность богатствами съ величайшею щедростію. Тогда Бонифацій сейчасъ и безъ замедленія возвращается въ гостинницу, одѣвается подобающимъ образомъ въ драгоцѣннѣйшія первосвященническія украшенія и въ такомъ видѣ снова является во дворецъ короля. Увидѣвъ его украшеннымъ столь великолѣпными одѣяніями, король сказалъ: теперь знаемъ, что тебя побуждаетъ къ вздорному ученію не нужда бѣдности, а незнаніе истины; однако, если хочешь, чтобы было принимаемо за истинное то, въ чемъ увѣряешь, то пусть будутъ воздвигнуты два высокіе костра изъ бревенъ, отдѣленные одинъ отъ другаго самымъ узкимъ промежуткомъ, и когда отъ подложеннаго огня разгорятся такимъ образомъ, что огонь обоихъ сольется въ одно, ты пройди черезъ (сквозь) промежутокъ: если огонь причинитъ тебѣ сколько нибудь вреда, то мы предадимъ тебя совершенному сожженію, если же (чему нельзя вѣрить) ты выйдешь здравъ, то мы всѣ безъ всякаго колебанія увѣруемъ въ твоего Бога. Этотъ уговоръ понравился не только Бонифацію, но и всѣмъ присутствовавшимъ язычникамъ: Бонифацій, одѣвшись такимъ образомъ, что какъ бы намѣревался совершать торжество миссы (литургіи), сначала со всѣхъ сторонъ очистилъ огонь святою водой и кажденіемъ ладона, затѣмъ вошелъ въ клокочущіе клубы пламени, и вышелъ невредимымъ до такой степени, что не сгорѣлъ ни малѣйшій волосъ его головы. Тогда король и прочіе, которые присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, толпами бросаются къ ногамъ блаженнаго мужа, слёзно просятъ прощенія и настоятельнѣйше умоляютъ крестить ихъ. Итакъ, начало́ стекаться къ крещенію

---

[1]) Разумѣется Адалбертъ или Войтехъ, епископъ Пражскій, потерпѣвшій мученическую смерть въ Пруссіи, въ которую онъ пришолъ для проповѣди, въ 997-мъ году.

такое множество язычниковъ, что святой мужъ поспѣшилъ къ нѣкоторому обширному озеру и крестилъ народъ въ семъ изобиліи водъ. Король рѣшилъ, что, оставивъ королевство сыну, онъ самъ, доколѣ будетъ живъ, никоимъ образомъ не разлучится съ Бонифаціемъ. Братъ короля, жившій вмѣстѣ съ нимъ, поелику не хотѣлъ вѣровать, въ отсутствіе Бонифація былъ самимъ королемъ умерщвленъ. Но другой братъ, который жилъ отдѣльно отъ короля, когда пришелъ къ нему достопочтенный мужъ, не хотѣлъ слушать его словъ, но пылая противъ него крайнимъ гнѣвомъ за обращеніе брата, тотчасъ схватываетъ (его), а потомъ, опасаясь, что если будетъ держать его живымъ, то король похититъ его изъ его рукъ, приказалъ обезглавить его на своихъ глазахъ въ присутствіи немалой толпы людей. Но тотчасъ и самъ ослѣпъ и такой поразилъ его со всѣми, кто присутствовалъ, ужасъ (столбнякъ), что не могли ни говорить, ни чувствовать, ни совершать какое либо человѣческое дѣйствіе, но всѣ пребывали оцѣпенѣлыми и неподвижными, какъ камни. Король, услышавъ объ этомъ, пораженный чрезвычайною скорбію, принимаетъ твердое рѣшеніе не только предать смерти брата, но посѣчь мечами и всѣхъ, которые были участниками такого злодѣянія. Но когда съ поспѣшностью пришелъ туда и увидѣлъ тѣло мученика лежащимъ еще на мѣстѣ, а брата и остальныхъ людей съ ужасомъ увидѣлъ стоящими безъ чувствъ и движенія, то со всѣми своими надумалъ, чтобы прежде была (совершена о нихъ) молитва, не возвратитъ ли имъ, можетъ быть, Божественное милосердіе чувство, котораго лишились, потомъ — если согласятся вѣровать, то, бывъ прощены въ преступленіи, пусть останутся жить, если же нѣтъ, то всѣ да погибнутъ отъ отмстительныхъ мечей. Итакъ, когда самимъ королемъ и прочими христіанами принесена была продолжительная молитва, то не только возвращается оцѣпенѣвшимъ людямъ прежнее чувство, но сверхъ того и умножается помыслъ горячо желать истиннаго спасенія, ибо усердно и съ плачемъ просятъ прощенія въ своемъ злодѣяніи, принимаютъ таинство крещенія съ великою поспѣшностію и надъ тѣломъ блаженнаго мученика строятъ церковь. Однако, если бы я попытался сообщить о всѣхъ дарахъ добродѣтелей сего удивительнаго мужа, о которыхъ можетъ быть сказано не ложно, то можетъ быть не достало бы языка, но не недостало бы матеріи» [1])... Такова повѣсть. Впереди ея, начиная рѣчь о Бонифаціи, Даміани говоритъ, что «нынѣ Русская церковь хвалится имѣть его какъ блаженнѣйшаго мужа».

[1]) Vitae S. Romualdi capp. XXVI et XXVII, у Миня въ Patr. t. 144, p. 976 sqq.

Интерполяторъ хроники Адемаровой говоритъ, что императоръ Оттонъ III много заботился о просвѣщеніи христіанствомъ окрестныхъ народовъ, преданныхъ идоламъ, ибо «у него были два достопочтеннѣйшіе епископа (миссіонера), т. е. святой Адалбертъ, архіепископъ города Праги, который въ провинціи Богеміи, и святой Брунъ (Brunus), епископъ города Осбурга, который въ провинціи Баваріи, родственникъ императора»[1]). Затѣмъ повѣствуетъ онъ о миссіонерской дѣятельности того и другаго епископа. Мы опустимъ его рѣчи объ Адалбертѣ, котораго онъ называетъ архіепископомъ, замѣтивъ только, что объ его дѣятельности сообщается баснословный вздоръ, и приведемъ то, что онъ говоритъ о Брунѣ и именно въ отношеніи къ Россіи. «Примѣру (Адалберта, отправившагося на проповѣдь) послѣдовалъ Брунъ епископъ и просилъ императора, чтобы приказалъ вмѣсто него посвятить въ епископы на его столъ, кого онъ избралъ, по имени Одольрика[2]). Когда это было сдѣлано, онъ смиренно отходитъ въ провинцію Угрію, которая называется Бѣлой Угріей, въ отличіе отъ другой Угріи Черной[3])... Онъ обратилъ къ вѣрѣ Угрію провинцію (и) другую, которая называется Россія (Russia)... Но когда онъ простерся до Печенѣговъ и началъ проповѣдывать имъ Христа, то пострадалъ отъ нихъ, какъ пострадалъ и святой Адалбертъ[4]). Ибо Печенѣги, свирѣпствуя дьявольскою яростію, извлекли всѣ внутренности его чрева чрезъ малое отверстіе въ боку и содѣлали его мужественнымъ мученикомъ Божіимъ. Тѣло его народъ Русскій выкупилъ за дорогую цѣну, и построили въ Россіи монастырь его имени, и началъ (онъ) сіять великими чудесами. Спустя немного дней, пришолъ въ Россію нѣкоторый греческій епископъ и обратилъ низшій классъ народа[5]) этой провинціи, который еще былъ преданъ идоламъ, и заставилъ ихъ принять обычай Греческій относительно рощенія бороды и прочаго» (in barba crescenda et ceteris exemplis)[6]).

---

[1]) Нашего Бруна авторъ смѣшиваетъ съ другимъ епископомъ Бруномъ, братомъ императора Генриха II, преемника Оттонова. Ни Осбурга, ни какого другаго города нашъ Брунъ епископомъ не бывалъ.

[2]) Разумѣется св. Удальрикъ или Ульрихъ, епископъ Аугсбургскій, умершій въ 973-мъ году задолго до того, какъ нашъ Брунъ отправился на проповѣдь.

[3]) О дѣятельности Бруна въ Угріи отчасти баснословится, отчасти усвояется ему то, что принадлежало Адалберту Пражскому.

[4]) По автору, Адалбертъ пострадалъ у Печенѣговъ.

[5]) Medietatem ipsius, i. e. Russiae.

[6]) Ademari S. Cibardi monachi Historiarum libri tres, lib. III ad cap. 31, у *Миня* въ Patr. t. 141, col. 48, у *Пертца* въ Monumenta VI, 129.

На основаніи сейчасъ приведенныхъ повѣстей нѣкоторые Римско-католическіе писатели и объявляютъ насъ за первоначальныхъ католиковъ и за бѣглецовъ отъ св. отца. Если бы это дѣйствительно было такъ, то изъ сего не слѣдовало бы для насъ ровно никакого нравоученія или, если угодно, слѣдовало бы нравоученіе обратное тому, которое выводятъ помянутые писатели: предки наши, состоявъ подъ властію папы, отложились отъ нея; странны были бы мы, если бы, не научаясь ихъ примѣромъ, снова захотѣли искать этой власти. Но самособою разумѣется, что это было не такъ. Въ высшей степени было бы наивно, если бы мы отказались отъ своихъ собственныхъ свидѣтельствъ, если бы мы согласились признать, что у насъ было запамятовано или неимовѣрно ловкимъ образомъ скрыто, отъ кого мы приняли христіанство, и преклонились подъ увѣреніями двухъ латинскихъ баснотворцевъ. Не имѣя чѣмъ опровергнуть этихъ баснотворцевъ, кромѣ нашихъ собственныхъ свидѣтельствъ, мы должны были бы оставить католическихъ писателей вѣрить имъ, сколько хотятъ, и развѣ на отместку имъ выдумать что нибудь въ родѣ того, что самъ папа обращенъ въ христіанство нами—Русскими. Заграждаютъ однако имъ суесловящія уста и ихъ собственные свидѣтели и увы! — даже самъ епископъ Брунъ, ихъ мнимый Русскій апостолъ. Есть западный писатель, который былъ не только современникомъ нашего Бруна, но его сверстникомъ, товарищемъ по школѣ и родственникомъ, — это Титмаръ, епископъ Мерзебургскій. Титмаръ говоритъ въ своей хроникѣ какъ о крещеніи Русскихъ, такъ и о миссіонерской дѣятельности Бруна. Говоря о крещеніи, онъ ни единымъ словомъ не намекаетъ, чтобы оно было плодомъ проповѣди Бруна и прямо утверждаетъ, что Владиміръ принялъ вѣру отъ Грековъ [1]). Говоря о миссіонерской дѣятельности Бруна, онъ ни единымъ словомъ не намекаетъ, чтобы она простиралась и на Россію, и ясно даетъ знать, что она началась уже послѣ того, какъ мы приняли христіанство: Брунъ, по его свидѣтельству, посвященъ въ епископы и выступилъ на эту дѣятельность послѣ смерти императора Оттона III при его преемникѣ Генрихѣ II, а Оттонъ III умеръ въ 1002-мъ году [2]). Отъ самого Бруна

[1]) Chronic lib. VII c. 52.

[2]) Chronic. lib. VI c. 58. Далѣе Титмаръ говоритъ, что Брунъ умеръ въ 1009-мъ г. in duodecimo conversionis ac inclitae conversationis suae anno. Подъ conversio и conversatio должно разумѣть постриженіе въ монахи, cfr Дюканжа Gloss. Latinit. подъ первымъ словомъ. И самъ Петръ Даміани говоритъ, что Брунъ выступилъ на миссіонерскую дѣятельность послѣ смерти Адалберта Пражскаго, слѣдоват. послѣ 997-го года.

сохранилось до настоящаго времени письмо къ императору Генриху, въ которомъ онъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ Россіи [1]). Изъ письма оказывается, что Брунъ дѣйствительно былъ у насъ въ Россіи, но не для проповѣди, о которой не говоритъ ни единаго слова, а уже послѣ того, какъ мы были крещены, что̀ онъ даетъ знать совершенно ясно и что̀ столько же ясно и изъ времени, когда онъ у насъ былъ и которое есть правленіе самого Генриха (по признакамъ 1006—7 годъ). Брунъ былъ у насъ въ Россіи случайнымъ образомъ, именно — по пути, идучи для проповѣди отъ Венгровъ къ Печенѣгамъ и возвращаясь отъ послѣднихъ назадъ. Онъ былъ принятъ Владиміромъ весьма дружелюбно, гостилъ у него цѣлый мѣсяцъ и, съ своей стороны (какъ увѣряетъ), оказалъ ему услугу тѣмъ, что содѣйствовалъ заключенію мира съ Печенѣгами. Истинная исторія миссіонерской дѣятельности Бруна состоитъ въ томъ, что онъ выступилъ на нее уже послѣ того, какъ мы приняли христіанство, что онъ проповѣдывалъ въ Польшѣ, т.-е. какъ нужно думать—въ ея языческой Помераніи, потомъ въ Венгріи, у Печенѣговъ и Пруссовъ и что наконецъ въ 1009 г. онъ потерпѣлъ мученическую смерть въ странѣ, занимавшей средину между Пруссіей и Россіей, т.-е. очевидно въ Литвѣ [2]).

Всякія невѣрныя историческія показанія и всякія басни происходятъ отъ двухъ причинъ,—или отъ ненамѣреннаго недоразумѣнія или отъ намѣреннаго умысла. Которое изъ двухъ было причиной, что Петръ Даміани и неизвѣстный интерполяторъ Адемара дѣлаютъ епископа Бруна нашимъ крестителемъ, положительно сказать не можемъ. Такъ какъ время миссіонерской дѣятельности Бруна почти совпадаетъ со временемъ нашего крещенія, такъ какъ онъ проповѣдывалъ въ странахъ, сосѣднихъ съ нашей Россіей и даже былъ въ ней самой, то очевидно, что существовали поводы для недоразумѣнія. Тѣмъ не менѣе однако насъ какъ-то невольно клонитъ къ подозрѣнію, что причиной было не оно, а намѣренный умыслъ, желаніе создать ту практическую истину, будто мы обращены въ христіанство латинскими миссіонерами [3]). Во всякомъ случаѣ весьма поучительно баснословіе

---

[1]) Письмо напечатано покойнымъ *Гильфердингомъ* въ Русской Бесѣдѣ 1856 г. кн. 1, отд. Науки, стрр. 1—34.

[2]) Титмаръ Мерзеб.,—цитата выше. По лѣтописи Кведлинбургск.—на границахъ Россіи и Литвы.

[3]) Къ повѣсти Петра Даміани есть варіантъ, принадлежащій нѣкоему Виперту, который выдаетъ себя за ученика Брунова, что̀ совершенно сомнительно, но который жилъ однако не позднѣе XI в. (у *Пертца* въ Monumenta VI, 579). Если бы было доказано, что Даміани имѣлъ въ рукахъ сего Виперта (а что ко-

Петра Даміани. Онъ жилъ очень немного спустя времени послѣ Бруна, такъ что для насъ отдаленныхъ людей смотритъ совсѣмъ настоящимъ его современникомъ; по своему положенію и по своимъ качествамъ онъ представляется человѣкомъ вполнѣ авторитетнымъ: не будь другихъ свидѣтелей, и его баснословіе шло бы за настоящее историческое показаніе. Ясно изъ его примѣра, до какой степени баснословіе въ исторіи возможно и до какой степени основательно то, чтобы историкъ прежде всего былъ скептикомъ.

Если мы—Русскіе были обращены въ христіанство не латинскими миссіонерами, то, какъ говорили мы выше, папа дѣйствительно дѣлалъ было попытку обратить насъ въ христіанство; а потомъ онъ дѣлалъ было и еще другую попытку, именно—Владимира уже крестившагося отклонить отъ признанія власти Грековъ и подчинить своей собственной власти.

Извѣстія объ этихъ попыткахъ читаются только въ одной изъ новѣйшихъ редакцій первоначальной лѣтописи, именно—въ редакціи, находящейся въ Никоновской лѣтописи. Но нѣтъ никакого основанія подозрѣвать, чтобы онѣ были позднѣйшимъ вымысломъ, потому что вовсе нельзя придумать побужденій, по которымъ вымыслъ могъ быть сдѣланъ (а наоборотъ, должно думать, что въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ редакціяхъ первоначальной лѣтописи извѣстія опущены, къ чему безъ труда можетъ быть указано и побужденіе, каково—желаніе авторовъ редакцій изгладить изъ памяти нашей исторію о сношеніяхъ нашихъ съ папами). Подъ 979-мъ г. въ Никоновской лѣтописи читается: «того же лѣта придоша послы къ Ярополку изъ Рима отъ папы». Въ годѣ—ошибка, потому что Ярополкъ убитъ Владимиромъ, какъ мы говорили выше, не въ 980-мъ г. (что неправильно полагаетъ Никоновская лѣтопись вмѣстѣ съ другими), а въ 978-мъ г.; такъ какъ извѣстіе перенесено на несоотвѣтствующій годъ, по всей вѣроятности, съ ближайшаго къ нему соотвѣтствующаго, то его должно понимать въ томъ общемъ смыслѣ, что послы приходили въ самомъ концѣ правленія Ярополка. Затѣмъ, въ Никоновской лѣтописи читается подъ 988-мъ г., что, когда Владимиръ находился во взятой имъ Корсуни, «придоша (къ нему) послы изъ Рима отъ папы и мощи святыхъ принесоша» [1]).

торый котораго нибудь варіируетъ, это весьма вѣроятно), то его намѣренность не подлежала бы сомнѣнію, ибо у Виперта мѣсто дѣятельности и смерти Бруна не Россія, а Пруссія.

[1]) Это извѣстіе читается и въ Степенной книгѣ, I, 135 fin. (о взаимномъ отношеніи Никоновской лѣтописи и Степенной книги см. ниже).

Не можетъ быть никакихъ сомнѣній на счетъ того, какъ понимать эти два посольства папы. Къ Ярополку, въ концѣ его кратковременнаго и неожиданно пресѣкшагося правленія, когда на самомъ дѣлѣ онъ началъ было только приходить въ возрастъ зрѣлой юности, папа присылалъ посольство за тѣмъ, чтобы убѣдить его принять христіанство. Къ Владиміру, тотчасъ и вскорѣ послѣ занятія имъ мѣста Ярополкова, папа почему-то не присылалъ посольства [1]). Но потомъ онъ узналъ, что Владиміръ, уже крестившійся, находится въ Корсуни съ тѣмъ, чтобы завязать церковныя сношенія съ Греками и подчинить имъ въ церковномъ отношеніи Русь, которую намѣревался крестить,—и онъ (папа) поспѣшилъ отправить къ князю въ Корсунь посольство, чтобы попытаться подчинить его вмѣсто Грековъ себѣ [2]).

О дальнѣйшихъ попыткахъ папъ подчинить насъ своей власти скажемъ ниже.

---

[1]) Посольство къ Ярополку, по всей вѣроятности, присылалъ и папою въ первые годы правленія Владиміра былъ Бенедиктъ VII, занимавшій престолъ съ 975-го по 984-й г. Среди тогдашнихъ, бо́льшею частію весьма недостойныхъ, папъ онъ составлялъ исключеніе (по крайней мѣрѣ, нѣкоторое), такъ что историки отзываются объ его церковной ревности съ особенной похвалой (Альцогъ). и почему онъ не посылалъ посольства къ Владиміру послѣ неудавшагося посольства къ Ярополку, остается неизвѣстнымъ. Два преемника Бенедиктовы,—Іоаннъ XIV и Бонифацій VII, занимали престолъ менѣе, чѣмъ по году, слѣд. не имѣли времени заботиться о нашей Россіи (а второй не имѣлъ и охоты, ибо былъ знаменитое „horrendum monstrum Bonifacius, cunctos mortales nequitia superans“). Къ Владиміру въ Корсунь присылалъ посольство папа Іоаннъ XV, занимавшій престолъ съ 985-го по 996-й годъ.

[2]) Слова Никоновской лѣтописи, что послы папы принесли Владиміру въ Корсунь мощи святыхъ, невольно наводятъ насъ на подозрѣнія относительно мощей св. Климента Римскаго, которыя Владиміръ принесъ съ собою изъ Корсуни въ Кіевъ. Мощи Климента, умершаго въ Корсуни, въ ссылкѣ отъ Траяна въ тамошнія каменоломни, неизвѣстно когда послѣ древнихъ временъ передъ половиной IX в. оказались сокрытыми въ неизвѣстное мѣсто. Въ половинѣ IX в. открылъ ихъ Константинъ философъ, нашъ первоучитель Славянскій (бывшій и довольно долго проживавшій въ Корсуни проѣздомъ къ Хазарамъ). Въ житіи Константина (Паннонск.) говорится, что онъ взялъ мощи Климента съ собой въ Константинополь, изъ котораго потомъ въ Моравію, и что ходивъ изъ Моравіи въ Римъ (въ которомъ и умеръ) онъ принесъ ихъ въ даръ папскому престолу. Можно понимать дѣло такъ, что Константинъ взялъ не всѣ мощи, а только часть ихъ и что остававшуюся часть Владиміръ и принесъ изъ Корсуни въ Кіевъ. Но не невозможно понимать его и такъ, что мощи Климента прислалъ Владиміру папа,—прислалъ съ тою особенною цѣлію, чтобы показать, что-де и обрѣтникъ Славянской грамоты и первый Славянскій учитель признавалъ власть его—папы (о Константинѣ cfr ниже).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Житіе Владимира, принадлежащее неизвѣстному автору, по всей вѣроятности, Греку, и соотвѣтствующая ему часть повѣсти о крещеніи Владимира, помѣщённой въ лѣтописи.

„Житіе блаженаго Володимера", принадлежащее неизвѣстному автору, по всей вѣроятности, Греку, какъ мы говорили выше, открыто преосвящ. Макаріемъ; напечатанное имъ сначала въ Христіанск. Чтеніи за 1849 г.,— кн. II, оно потомъ перепечатано имъ въ Исторіи Русской Церкви (въ приложеніяхъ къ т. I, изд. 2 стр. 264 sqq).

Преосвящ. Макарій принимаетъ два вида или двѣ редакціи житія (Истор. т. II, изд. 2 стр. 151). Но это не совсѣмъ вѣрно. Собственно житія извѣстна одна редакція, а затѣмъ есть позднѣйшія компиляціи, въ которыхъ житіе является въ соединеніи съ другими древними сказаніями.

У преосвящ. Макарія были въ распоряженіи два списка житія: Сахаровскій XVI в., по которому онъ его напечаталъ, и Болотовскій XVII, изъ котораго онъ выставилъ варіанты. Намъ извѣстенъ еще третій списокъ—въ ркп. фундаментальн. библіотеки Московск. Дух. Академіи № 198, л. 232 об., XVII вѣка[1]).

Позднѣйшихъ компиляцій, о которыхъ мы сейчасъ сказали, намъ извѣстно двѣ: первая въ Румянцевской рукописи по Описанію Востокова № 436, л. 264 fin., стр. 697 col. 1 fin., не начала XVI в., какъ думаетъ

А что касается до того, что Владиміръ могъ взять мощи отъ папы, то, во-первыхъ, папа тогда былъ еще православный (а соревнованіе между нимъ и патріархомъ Константинопольскимъ о власти совсѣмъ другое дѣло),—во-вторыхъ, святыня не перестаетъ быть святыней даже и въ рукахъ невѣрныхъ (пусть вспомнитъ читатель позднѣйшее полученіе Ризы Господней отъ шаха Персидскаго).

[1]) Рукопись есть сборникъ, вторая большая половина котораго состоитъ изъ статей по русской исторіи, именно: л. 86, Житіе Ольги, тоже что въ Степ. кн. I, 5; л. 160 об., Похвала Ольгѣ, таже что тамъ же стр. 44; л. 188, Память и похвала Володимеру монаха Іакова, которую печатаемъ ниже; л. 202, Слово о законѣ и о благодати (митр. Иларіона); л. 232 об., наше житіе. Мы относимъ рукопись къ XVII в., но ея полууставное, переходящее въ скоропись, письмо какъ-то весьма неопредѣленно, и очень можетъ быть, что она даже XVI в..

Востоковъ, а XVII и, вѣроятно, второй половины (вторая редакція преосв. Макарія). Компиляція надписывается: „Мѣсяца Іюля въ 15 день память благовѣрнаго великаго князя Владимира, нареченнаго въ крещеніи Василія". Она состоитъ: сначала 11 строкъ—начало проложнаго житія, которое печатаемъ ниже (Сей бысть сынъ Святославль отъ племени Варяжска... и посла по всѣмъ языкомъ, испытая законъ, како вѣрують), потомъ житіе съ самаго начала (Ходиша же слуги его), но не до конца, а въ размѣрѣ трехъ пятыхъ [1]); конецъ опять изъ Пролога (Преставися къ Богу мѣсяца...). Вторая компиляція въ Милютинской Минеѣ подъ 15-мъ Іюля, Синод. ркп. № 807 л. 954. Надписаніе и небольшое начало изъ монаха Іакова, который ниже, а потомъ житіе.

„Житіе блаженаго Володимера [2]).

Сице убо бысть малымъ прежде сихъ лѣтъ, сущу самодержцю всея Рускыя земля Володимеру, въкуку же Иолжину, а правнуку Рюрикову, ходиша же слугы его въ Болъгары и въ Нѣмци, и видѣша скверная дѣла ихъ; и оттолѣ идоша въ Царьградъ и видѣша украшеніа церковная и чинъ божественныя службы, изрядная архіерѣйская лѣпота, пѣнья же и ликы, и предстоянія дьяконъ, и ту пребыша 8 дней. Царь же Василей и Костянтинъ отъпустиша я с дары и с честию.

Повѣсть, помѣщенная въ лѣтописи.

„Избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: „идите первое въ Болгары, и испытайте первое вѣру ихъ". Они же идоша, и пришедше видѣша скверныя дѣла и кланянье въ ропати, (и) придоша въ землю свою. И рече имъ Володимеръ: „идѣте паки въ Нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки". Они же придоша въ Нѣмци и съглядавше церковную службу ихъ, (и) придоша Царюгороду, и внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша, они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ въ тойже день. Наутрія посла къ патреарху, глаголя сице: „придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительскія ризы, да видятъ славу Бога нашего". Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ и кадила вожьгоша, пѣнья и

[1]) Изъ пяти страницъ въ Исторіи преосв. Макарія три первыя, — до смерти на Берестовомъ.

[2]) Такъ въ Сахар. и Академ., въ Болотовск.: Испытаніе блаженаго князя Владимира.

Житіе.

Они же прідоша въ Русь. Володимеръ же созва бояры своя и старцы, и рече имъ: „се прідоша посланніи наши, да слышимъ отъ нихъ бывшая". И рекоша слуги ходившая: „яко смотрихомъ, како покланяются Болгаре в ропатѣ, стояще без пояса, и поклонився сядеть и глядить сѣмо и овамо, акы бѣшенъ; и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, и нѣсть добръ законъ ихъ. Въ Нѣмцехъ же многы видѣхомъ въ храмѣхъ службы творяща, а красоты никоея не видѣхомъ въ нихъ. Прідохомъ же и во Греки, въ Царьградъ, и ведоша ны, идѣже служать Богу своему, и не вѣмы, на небеси ли есмы были или на земли: нѣсть нигдѣже такова видѣнія, ни красоты такія не доумѣемъ сказати; токмо то вѣмы, яко тамо Богъ со человѣкы пребываетъ, и есть служба ихъ лучши всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя: всякъ бо человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди же не приметъ горести; тако и мы, княже, не можемъ здѣ быти, но идемъ тамо". Бояре же рекоша: „аще не бы былъ добръ законъ Гре-

Лѣтопись.

лики съставиша. И иде съ ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архіерейски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же, во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я царя Василій и Костянтинъ, рѣста имъ: „идѣте въ землю вашю", и отпустиша я съ дары велики и съ честью.

Они же придоша въ землю свою, и созва князь боляры своя и старца, (и) рече Володимеръ: „се придоша посланіи наши мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее". И рече: „скажите предъ дружиною". Они же рѣша: „яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще безъ пояса; поклонився сядеть, и глядить сѣмо и онамо яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добро законъ ихъ. И придохомъ въ Нѣмци и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще укусить сладка, послѣди горести не пріимаеть, тако и мы не имамы сдѣ быти". Отвѣщавше же

Житіе.

ческый, то не бы пріяла Олга, баба твоя". Володимеръ же рече: „воля Господня да будеть!" И умысли въ себѣ: „сице сътворю".

Минувшю же лѣту, иде съ вои на Корсунь. Корсуняне же боряхуся крѣпко со града. Володимеръ же рече: „аще ми ся не предасте, стояти имамъ за три лѣта". Они же не послушаша, и стоя шесть мѣсяць [2]). Бѣ же въ Корсуни мужь именемъ Анастасъ; сей написавъ на стрѣлу и пусти ю къ Володимеру: „ко кладязю отъ въсточныя страны града въ градѣ по трубамъ воды сведены; копавъ перейми я" [3]). Князь же, се слышавъ, рече: „Господи Боже! аще ми се сбудется, абіе крещюся". И повелѣ копати въпреки трубамъ, и переяша

Лѣтопись.

боляре рекоша: „аще бы лихъ законъ Гречьскій, то не бы баба твоя пріяла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ". Отвѣщавъ же Володимеръ рече: „гдѣ крещенье пріимемь?" Они же рекоша: „гдѣ ти любо".

И минувшю лѣту, въ лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ Гречьскій, и затворишася Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ града въ лимени, дали града стрѣлище едино [1]), и боряхуся крѣпко изъ града, Володимеръ же объстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: „аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта". Они же не послушаша того, Володимеръ же изряди воѣ свое, и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне, подъкопавше стѣну градь-

---

[1]) Топографію Корсуни см. въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, томъ 2, отд. 1 стр. 256 нач. sqq. Она находилась на мысу между двумя заливами—нынѣшней Карантинной бухтой съ восточной стороны и нынѣшнимъ Круглымъ заливомъ съ западной (въ двухъ верстахъ къ западу отъ Севастополя). „Лимень объ онъ полъ града", т. е. по ту сторону города въ направленіи отъ Кіева—пристань въ Кругломъ заливѣ.

[2]) Если принять это извѣстіе за справедливое, то, какъ замѣчали мы выше, будетъ слѣдовать, что Владимиръ, взявшій Корсунь въ началѣ 989 г., отправился въ походъ на нее дѣйствительно въ 988 г., который стоитъ въ лѣтописи.

[3]) Житіе нужно понимать: въ колодецъ или систерну, которая находится въ городѣ на восточной сторонѣ или въ восточной его части, по трубамъ проведены воды, подразумѣвается—извнѣ. Повѣсть, наоборотъ, разумѣя подъ колодезями бассейны внѣ города, изъ которыхъ проведена была въ него вода, едва-ли дѣлаетъ правильную поправку: по отношенію къ кораблямъ Владимира въ пристани востокомъ былъ городъ, а по отношенію къ его осадному лагерю на сушѣ (которую Корсунь имѣла съ южной стороны) колодези или бассейны были съ юга (о нихъ и о водопроводѣ см. ibid. стрр. 258 и 262). Полякъ Броневскій, описавшій развалины Корсуни во второй половинѣ XVI вѣка, согласно съ житіемъ говоритъ, что хранилища проведенной воды были у восточной стѣны города (Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. VI стр. 341).

Житіе.

воду. Людіе же въ градѣ изнеможаху жажею водною, и предащася. Онъ же, вземъ градъ, посла къ царемъ къ Василію и къ Костянтину въ Царьградъ, глаголя има: „се градъ вашь славный взяхъ, слышахъ же, яко имѣста сестру дѣвою,—дайте ю за мя; аще ли ми ея не даста, азъ Царюграду тако сътворю, яко сему". Она же отвѣщаста: „намъ не достоитъ за некрещеныя давати, но крещиніе (да) пріимеши; аще ли сего не сътвориши, не дадѣмъ сестры своея за тя". Володимеръ отвѣща посланнымъ: „пришедше отъ васъ крестятъ мя". И посласта царя [2]) Анну, сестру свою, и съ нею воеводы и прозвутеры, и пріидоша в Корсунь. А Володимеръ разболѣся. Епископъ же съ попы Корсуньскими и съ попы царицины, огласивше, крестиша и въ церкви святаго Иякова в Корсунѣ градѣ, и нарекоша имя ему Василей. И бысть чюдо дивно и преславно: яко възложи руку на нь епископъ, и абіе цѣлъ бысть отъ язвы [3]). Възрадовася сердцемъ, и мнози отъ бояръ его въ томъ часѣ крестишася: и постави церковь въ Корсунѣ на горѣ святаго Василіа [4]).

Лѣтопись.

скую, крадуще сыплемую персть и ношаху къ себѣ во градъ, сыплюще по средѣ града [1]); воини же присыпаху болѣ, а Володимеръ стояше. И (се) мужь Корсунянинъ стрѣли, имснемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: „кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идетъ по трубѣ; копавъ перейми". Володимеръ же слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: „аще се ся сбудеть, и самъ ся крещаю". И ту абье повелѣ копати преки трубамъ и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко царема Василью и Костянтину, глаголя сице: „се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, сътворю граду вашему, якоже и сему створихъ". И слышаста царя, быста печальна, (и) въздаста вѣсть, сице глаголюща: „не достоитъ хрестеяномъ за поганыя дати; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное пріимеши, и съ нами единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своея за тя". Си

---

[1]) Объ обычаѣ не только Русскихъ, но и вообще древнихъ, брать стѣны осаждаемыхъ городовъ посредствомъ „присны", см. выше стр. 51, прим. 1.

[2]) Въ Акад.: и посласта царицу Анну сестру...

[3]) Обращаемъ особенное вниманіе читателя на разсказъ о чудѣ въ житіи и въ повѣсти. Такъ какъ послѣдующіе сказатели никогда не сокращаютъ чудесъ, то, по нашему убѣжденію, тутъ рѣшительное доказательство, что авторъ житія по отношенію къ автору повѣсти есть предшествующій, а не послѣдующій.

[4]) Относительно церкви, въ которой Владимиръ вѣнчался съ царевной, какъ мы говорили выше, вѣроятнѣйшее есть думать, что она была каѳедральная Корсунская—Св. Софіи, какъ это въ Ипатской лѣтописи. Что касается до церкви, которую онъ поставилъ, то—въ житіи—св. Василія, въ Лаврент. лѣтоп.—безъ имени,

Житіе. Лѣтопись.

слышавъ Володимеръ, рече посланымъ отъ царю: „глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ днiй законъ вашь, и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша посланіи нами мужи". И си слышавше царя, рада быста и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: „крестися, и тогда послевѣ сестру свою къ тобѣ". Рече же Володимеръ: „да пришедъше съ сестрою вашею крестять мя". И послушаста царя, (и) посласта сестру свою, сановники нѣкія и прозвутеры; она же не хотяше ити: „яко въ полонъ", рече, „иду, лучи бы ми сдѣ умрети". И рѣста ей братья: „еда како обратитъ Богъ тобою Рускую землю въ покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати; видиши ли колько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ аще не идеши, тоже имутъ створити намъ",—и одва ю принудиша. Она же сѣдъши въ кубару, цѣловавши ужики своя, съ плачемъ поиде черезъ море. И приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне съ поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ. По Божью же устрою въ се время разболѣся Во-

---

а по Ипатск. лѣтоп.—св. Іоанна Предтечи. Развалины церквей Корсунскихъ оставались до позднѣйшаго времени, а отчасти остаются, кажется, и теперь (послѣ осады Севастополя); если бы произведены были такія тщательныя раскопки, какія умѣютъ дѣлать другіе люди, а не мы (а какъ мы поступили съ развалинами Корсуни, см. *Карамз.* I, прим. 449), то можетъ быть и открыто было бы что-нибудь важное (Древніе строители церквей имѣли обычай изсѣкать въ нихъ записи объ ихъ построеніи или дѣлать такъ называемыя ихъ лѣтописи; если бы была найдена такая запись Владимира о построенной имъ церкви, то она могла бы быть открытіемъ величайшей важности).

Житіе.	Лѣтопись.
	лодимеръ очима и не видяше ничтоже (и) си не домышляшеться что сотворити, и тужаше велми, и посла къ нему царица, рькущи: „аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли (ни), то не имаши избыти сего". Си слышавъ Володимеръ, рече: „да аще истина будеть, то поистинѣ великъ Богъ будеть хрестеянескъ", и повѣлѣ хрестити ся. Епископъ же Корсунскій съ попы царицины, огласивъ, крести Володимира; яко възложи руку нань, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье и прослави Бога, рекъ: „топерво увѣдѣхъ Бога истиньнаго". Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся въ церкви святаго Василья [1]), и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съкрая церкве стоить и до сего дне [2]), а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченье. Се же не свѣдуще право глаголють, яко крестилъ ся есть въ Кіевѣ, и ини же рѣша: Василевѣ, друзіи же инако скажють.
И посемь поимъ царицю и Анастаса и попы Корсуньскія, съ мощьми святаго Климента и Фива, ученика его, поимавъ же иконы изборныя и	Володимеръ же посемъ, поемъ царицю и Настаса и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа [3]), ученика его, поима съсуды

[1]) Въ Ипатск. лѣтоп.: „Крестижеся въ церкви святое Софьи, и есть церкви...

[2]) Броневскій упоминаетъ о какомъ-то царскомъ дворцѣ (Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. VI стр. 342): ужъ не должно ли это понимать такъ, что домъ, въ которомъ жилъ Владиміръ, со времени его пребыванія получилъ названіе дворца и подъ этимъ названіемъ слылъ до позднѣйшаго времени? Свой дворецъ Броневскій полагаетъ въ восточной части города.

[3]) Никакого святаго Фива нѣтъ въ святцахъ греческихъ; нашъ Фивъ, вѣроятно, былъ мѣстный херсонскій святой.

Житіе.

книгы. А градъ Корсунь вдасть царема за вѣно, сестры дѣля ею. А самъ въ Кіевъ вшедъ, повелѣ испровврещи и избити кумиры, овыи иссѣщи [3]), а иныя пжжещи; а Волоса идола, его же именоваху скотья бога, велѣ въ Почайну рѣку въврещи; Перуна же повелѣ привязати к коневи къ хвосту [4]), и влещи съ горы по Боричеву на ручей, а слугы приставили бити идолы жезліемъ. Се же не яко древу чюющу, но на поруганіе бѣсу, иже прелщаше ны симъ образомъ. Плакахужеся его невѣрніи людіе, еще бо бяху не пріали святаго крещенія. И привлекше кумира Перуна, въвергоша й въ Днѣпръ рѣку, и проплы порогы, извѣрже й вѣтръ на берегъ, и оттолѣ прослу Перуня гора [5]). И положи заповѣдь по всему граду, да утрѣ вси обрящются на рѣци, богатъ ли или убогъ или нищь или работенъ. Да се же людіе слышавше, радостно течаху, глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояри пріяли. Наутрѣя же изыде Володимеръ, съ попы царицины и съ Корсуньскими, и снидеся [6]) бещисла народа: влѣзше в воду до шія, а иніи до персій, младіи же по брегу, а жены

Лѣтопись.

церковныя (и) иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ [1]), идѣже съсыпаша средѣ града крадуще приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи и 4 кони мѣдяны [2]), иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко же не вѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Кіеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровврещи, овы осѣчи, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ человѣкы, да възмездье пріиметь отъ человѣкъ. Велій еси, Господи, чюдна дѣла твоя! вчёра чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемь. Влекому же ему по ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрніи людье, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и привлекше вринуша й въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: „аще кдѣ пристанеть, вы отрѣвайте его отъ берега, донделе порогы проидеть; то тогда оха-

---

[1]) Въ Ипатск. лѣт.: „постави же церковь святаго Іоанна Предтечи въ Корсуни на горѣ“...

[2]) „Капища“—статуи, собственно идолы: двѣ бронзовыхъ статуи и четыре бронзовыхъ коня (Не лежатъ ли эти статуи и кони и до сихъ поръ въ Кіевѣ въ землѣ?)

[3]) Акад.: съсѣщи.

[4]) Акад.: къ коневью хвосту.

[5]) Акад.: Перуна города.

[6]) Болотовск. и Академ.: и съ Корсуньскими на Почайну рѣку и снидеся...

Житіе.

младенци держаще; а папы на брезѣ молитвоваху. И бысть радость велика крестившимся людемь, и идоша коꙁдо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и вси людіе, и помолися: „Боже, сътворивый небо и землю и море и вся яже въ нихъ! Призри на люди твоя, и дай имъ познати Тебе (*Болот.* истиннаго Бога), и утверди въ нихъ вѣру неблазнену, а мнѣ помози на врагы, да побѣжу я“. И повелѣ крестьяномъ ставити церкви по тѣмъ мѣстомъ, идѣже кумиры стояли; а самъ постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стоялъ Перунъ идолъ. И повелѣ попомъ по градомъ и по селомъ люди ко крещенію приводити и дѣти учити грамотѣ [1]).

Лѣтопись.

битеся его“. Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣнь и оттолѣ прослу Перуня рѣнь, яко же и до сего дне словеть. Посемъ же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: „аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, или работникъ, противенъ мнѣ да будеть“. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли“. Наутрія же изиде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсуньскыми на Днѣпръ, и снидеся безъ числа людій: влѣзоша въ воду и стояху ови до шіе, а друзіи до персій, младіи же отъ берега, друзіи же млади держаще, свершеніи же бродяху; попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: „увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сдѣ бо мняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ, и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласа (сего), а не отъ апостолъ ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ“. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо рече:

---

[1]) Въ Румянц. компиляціи № 436 вмѣсто: „дѣти учити грамотѣ“ читается согласно съ лѣтописью: „дѣти нача поимати у нарочитыхъ и даяти на ученіе книжное“.

Житіе.

Минувшу же лѣту, умысли создати церковь святыя Богородица, пославъ приведе мастера [1]) отъ Грекъ. Свершенѣ же ей бывши, украси ю, и [2]) иконами удививъ, и поручи ю Анастасу Корсунянинию, и попы Корсунскія пристави служити въ ней, и вдасть все имъ, еже бѣ взялъ в Корсуни, и кресты, и отда отъ всего имѣнія десятую [3]) той церкви и отъ града.

Лѣтописъ.

„Боже створивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и дажь имъ, Господи, увѣдѣти Тобе истиньнаго Бога, яко же увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на Тя и на твою державу, побѣжю козни его“. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но аки по мертвыхъ плакахуся.

Въ лѣто 6497 (989) [4]). Посемъ же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьянстѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица (и) пославъ приведе мастеры отъ Грекъ. И наченшю же здати и яко скончa зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы Корсуньскыя пристави служити въ ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ въ Корсуни: иконы и съсуды и кресты.

---

[1]) Такъ во всѣхъ трехъ спискахъ.

[2]) Въ Академ.: *и* нѣтъ.

[3]) „Часть“ нѣтъ во всѣхъ трехъ спискахъ.

[4]) Такъ въ Лаврентьевск. сп., въ Ипатск.: въ лѣто 6499 (991).

Житіе.

Бѣ бо велми милостивъ, по словеси Господню, иже речеся: *блажени милостивіи, яко ти помилованы будуть* [1]); бяху же нищии приходяще на дворъ его по вся дни и пріимаху кто чего требоваше, а недужнымъ, не могущимъ ходити, повелѣ слугамъ, да въ домы приносятъ имъ [2]); и многи створи добродѣтели.

Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша й, бѣ бо Святополкъ въ Кіевѣ; и нощію же межи клѣтьми пріимавше [3]) помостъ, въ коврѣ опрятавше, и ужи свѣсиша на землю и

Лѣтопись.

(Подъ 996-мъ годомъ, послѣ разсказа объ освященіи Кіевской Десятинной церкви, о построеніи церкви Преображенія въ Василевѣ и о праздкованіи праздниковъ Преображенія и Успенія) Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою еуангелье чтомо: блажени милостивіи, яко ти помиловани будуть, и пакы: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ, и пакы: не скрывайте собѣ скровищь на земли, идѣже тля тлить и татье подкапывають, но скрывайте себѣ скровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлить ни татье крадуть, и Давыда глаголюща: блаженъ мужь милуя и дая, Соломона же слыша глаголюща: вдаяй нищему, Богу въ заимъ даетъ,—си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу,—питье и яденье и отъ скотниць кунами. Устрои же и се, рекъ: „яко немощніи и больніи не могутъ долѣсти двора моего“,—повелѣ пристроити кола (и) вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь розноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, впрашающимъ: „кдѣ больній и нищь, не могы ходити?“ тѣмъ раздаваху на потребу.

(Подъ 1015-мъ годомъ). Умре же на Берестовѣмь, и потаиша й, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ; ночью же межю клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше въ коверъ и ужи свѣ-

[1]) Мѳ. 5, 7.

[2]) Въ Акад.: приносятъ имъ потребы.

[3]) Въ Академ.: проимавше.

Житіе.

положиша [1] (й) на сани, везше поставиша й во святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдавше людіе, снидошася безъ числа и плакашася по немъ, боляре яко заступника ихъ земли и убозѣи яко и [2]) кормителя.

Оле чюдо! Яко вторый Іерусалимъ на земли явися Кіевъ и вторый Моисей Володимеръ явися. Онъ стѣнный законъ въ Іерусалимѣ, отлучающе отъ идолъ, а се чистую вѣру и крещеніе святое, вводящее въ жизнь вѣчную. Онъ ко единому Богу веляше въ законъ прiити, се вѣрою и святымъ крещеніемъ просвѣти всю Русьскую землю и приведе къ Пресвятѣй Троици—къ Отцу и Сыну и Святому Духу, и добродѣтелію получи жизнь вѣчную и люди, тому же научивъ, введе въ царство небесное. Онамо къ единѣмъ апостоломъ рече Господь: *не бойся малое* Мое *стадо* [3]), здѣже ко всѣмъ тоже речено. Онамо 40 дний и 3 Моусѣй и [4]) законъ давъ преставися и на горѣ погребенъ, се же 30 лѣтъ и 3 бывъ во святомъ крещеніи, вѣру чистую [5]) съблюдъ, заповѣди съвершивъ Господня, преставися, в руцѣ Божіи душю свою предавъ. И тѣло же его честное вложиша в гробъ мраморянъ и съхраниша съ плачемъ благовѣрнаго князя.

[1]) Въ Акад.: и возложше.

[2]) Въ Акад.: *и* нѣтъ.

[3]) Лук. 12, 33.

[4]) Въ Академ.: *и* нѣтъ.

[5]) Въ Академ.: честну.

Лѣтопись.

сиша на землю; възложьше й на сани, везъше поставиша й въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвше людье, безъ числа снидошася и плакашася по немь, боляре аки заступника ихъ земли, убозіи аки заступника и кормителя. И вложиша й въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его съ плачемь, блаженаго князя.

Житіе.

И бысть вторый Костянтинъ въ Руской земли Володимеръ, се есть новый Костянтинъ великаго Рима, иже, крестився самъ, и люди своя крести: тако и се сътвори подобно ему. Аще бо бѣ и преже въ поганствѣ на скверную похоть желая, но послѣже прилежа къ покоянію, якоже апостолъ вѣщеваетъ [1]): *идѣже умножися грѣхъ, ту изобилуеть* [2]) *благодать* [3]). Аще бо въ невѣжьствѣ етера съгрѣшенія быша, послѣже раскаяшася [4]) покаяніемъ и милостынями, якоже глаголеть: въ чемъ тя застану, въ томъ тя и [5]) сужю, якоже пророкъ глаголеть: *живу Азъ Аданаи Господь, яко не хощю смерти грѣшникомъ, но обратитися имъ отъ пути вашего злаго* [6]), мнози бо праведнія, не [7]) творяще по правдѣ, живуще погибають. Дивно же есть се, колико добра сътворилъ Рустѣй земли, крестивъ ю; мы же, крестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданію. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ былѣ быхомъ въ прельсти дьяволи, яко и прародители наши погинуша. Да аще быхомъ имѣли потщаніе и молбу приносили Богу зань въ день преставленія его, вида бы [8]) Богъ тщаніе наше къ нему, прославилъ бы и, намъ бо достоить зань Бога молити,

[1]) Въ Академ.: вѣщаетъ.

[2]) Въ Академ.: изобилуется.

[3]) Римл. 5, 20.

[4]) Въ Академ.: разсыпашася.

[5]) Въ Академ.: *и* нѣтъ.

[6]) Іезек. 33, 11.

[7]) Въ Академ.: *не* нѣтъ.

[8]) Въ Академ.: вѣдалъ бы.

Лѣтопись.

(Непосредственно въ слѣдъ за предъидущимъ).

Се есть новый Костянтинъ великаго Рима, иже крестися самъ и люди своя: тако и сь створи подобно ему. Аще бо и бѣ преже на скверньную похоть желая, но послѣже прилежа къ покаянью, якоже апостолъ вѣщаваеть: идѣже умножиться грѣхъ, ту изобильствуеть благодать. Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю; мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша. Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу зань въ день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему прославилъ бы и, намъ бо достоить зань Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ. Но даждь ти Господь по сердцу твоему и вся прошенья твоя исполни, его же (*вар.* еже) желаше царства небеснаго; даждь ти Господь вѣнець съ праведными, въ пищи райстѣй веселье и ликъствованье съ Авраамомь и съ прочими патріархы, якоже Соломонъ рече: умершю мужу праведну, не погыбаеть упованье. Сего бо в память

Житіе.

понеже тѣмъ Бога познахомъ. Но даждь Господи[1]) по сердцу твоему и вся прошенія твоя исполни, иже желаше царства небеснаго; дажь ти Господи вѣнецъ съ праведными, въ пищи райстѣй веселіе и ликъствованіе съ Аврамомъ и съ прочими патріархи, якоже Соломонъ рече: *умершю мужю праведну не погибаеть упованіе.* Сего бо въ память держати рустіи людіе, поминающе святое крещеніе, и прославляють Бога въ молитвахъ и въ пѣснѣхъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви новіи людіе, просвѣщени святымъ Духомъ, чающе надежи великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, въздати[2]) комуждо противу трудомъ неизреченную радость, юже буди улучити всѣмъ крестьяномъ.

О святая царя, Костянтине и Володимере! Помогайта на противныя сродникомъ ваю и люди избавляйта отъ бѣды греческыя и рускыя, и о мнѣ грѣшнѣмъ помолитася къ Богу, яко имуще дерзновеніе къ Богу, да спасуся ваю молитвами. Молюся и мило васъ дѣю[3]) писаніемъ грамотица сея малыя, юже, похваляю васъ[4]), написахъ недостойнымъ умомъ и невѣжьственнымъ смысломъ. Вы же, святая, молящеся о насъ, о людехъ своихъ, пріимѣте на молитву къ Богу святую ваю сыну —Бориса и Глѣба, да вси вкупѣ възможете Господа умолити, съ помощью силы креста честнаго и съ

Лѣтопись.

держать русьстіи людье, поминающе святое крещенье, и прославляють Бога въ молитвахъ и въ пѣснѣхъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви, новіи людье, просвѣщени Святымь Духомь, чающе надежи великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, въздати комуждо противу трудомъ неиздреченьную радость, юже буди улучити всѣмъ хрестьяномъ".

(Этого заключенія нѣтъ въ лѣтописи).

---

[1]) Т. е. но да дасть Господь.., да исполнитъ...

[2]) Должно подразумѣвать пропущенное: имуща?

[3]) Въ Академ.: и молитву ся дѣю.

[4]) Въ Академ.: похваляя ваю.

Житіе. Лѣтопись.

молитвами пресвятыя Богородица, Госпожа нашея, и со всѣми святыми (въ Академ.: Аминь)".

2. Память и похвала Владимиру монаха Іакова.

Этотъ чрезвычайно важный историческій памятникъ открытъ и напечатанъ преосвящ. Макаріемъ одновременно съ сейчасъ приведеннымъ житіемъ Владимира (послѣ Христ. Чтенія также перепечатанъ имъ въ Исторіи, въ приложеніяхъ къ I т., 2 изд. стр. 255 sqq).

Память и похвала читается въ спискахъ въ двухъ видахъ—въ полномъ, съ заглавіемъ, которое сейчасъ ниже, и въ сокращенномъ, именно—только его вторая меньшая половина (что̀ указано ниже) подъ заглавіемъ: „Житіе благовѣрнаго Владимера, нареченнаго во святомъ крещеніи Василіа, крестившаго Русьскую землю".

Списковъ Памяти въ полномъ видѣ у преосв. Макарія были два вышеуказанные: Сахаровскій и Болотовскій. У насъ подъ руками третій списокъ—въ вышепомянутой рукописи Моск. Дух. Академіи № 198, л. 188. Изъ списковъ въ сокращенномъ видѣ преосв. Макарію извѣстенъ одинъ—Румянцевскій № 434, л. 486, стр. 677; у насъ еще другой списокъ—библіотеки Троицкой Лавры № 792, л. 88.

Перепечатываемъ преосв. Макарія съ указаніемъ нѣкоторыхъ варіантовъ по Академ. сп. № 198 и съ нѣкоторыми по нему поправками, что̀ замѣчаемъ.

„Мѣсяца Июля въ 15 день. Память и похвала князю рускому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю Рускую отъ коньца и до коньца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Иіаковомъ мнихомъ. Господи благослови отче.

Паулъ святый Апостолъ, церковный учитель и свѣтило всего міра, посылая к Тимоѳію писаніе, глаголаше: *чадо*, Тимоѳію, *еже слыша отъ мене многы послухы, тоже предажь и вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольнь будуть и иныя научити* [1]). И блаженный Апостолъ Лука Евангелистъ къ Ѳеофилу писаше глаголя [2]): *понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вещехъ, бывшихъ въ насъ, изволися и мнѣ, ходившю исперва и по всѣхъ, писати тебѣ, державный Ѳеофиле, да разумѣеши о нихже начатъ Іисусъ творити же и учити* [3]). Къ тому Ѳеофилу написа Дѣянія Апостольска и Евангеліе святый Апостолъ Лука. Потомъ многихъ святыхъ писати

---

[1]) 2 Тим. 2, 1. 2.

[2]) Нѣсколько поправляемъ преосв. Макарія по Акад. сп.

[3]) Лук. 1, 1—4.

начаша житіа и мученія. Такоже и азъ, худый мнихъ Иіаковъ, слышавъ отъ многихъ о благовѣрнемъ князѣ Володимери вся Рускыя земля, о сыну Святославлѣ, и мало събравъ отъ многыхъ я [1]) добродѣтели его написахъ, и о сыну его, реку же святую и славную мученика Бориса и Глѣба,—како просвѣти благодать Божіа сердце князю Володимеру, сыну Святославлю и внуку Игореву, и възлюбивый [2]) человѣколюбивый Богъ, хотяй спасти всякаго человѣка и в разумъ истиный пріити, и вжада святого крещеніа. *Якоже жадаетъ еленъ на источникы водныя* [3]), тако вжада благовѣрный князь Володимеръ святаго крещеніи, и Богъ сътвори хотѣніе его. Пишетъ бо: *волю боящихся его сътворитъ, и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ я* [4]); и самъ рече Господь: *просите и пріимите, ищите и обрящете, толцѣте и отверзется вамъ; всякъ просяй приметъ, ищай обрящетъ, толкущему отверзется* [5]); и пакы рече: *иже вѣру имѣтъ, крестится и спасенъ будетъ, а иже вѣры не иматъ, не крестится, уже осужденъ будетъ* [6]).

Взыска спасеніа, и прія отъ бабѣ [7]) своей Олзѣ, како шедше ко Царюгороду и приялa бяше святое крещеніе, и пожи добрѣ предъ Богомъ, всѣми добрыми дѣлы украсившися, и почи с миромъ о Христѣ Іисусѣ и въ вѣрѣ блазѣ,—то слышавъ князь Владимеръ отъ бабѣ [8]) своей Олзѣ, нареченнѣй въ святомъ крещеньи Елена, тоя и житіе подража,—святыя царица Елены, блаженныя княгыни Олги; то слышавъ Владимеръ, разгарашеся Святымъ Духомъ сердце его, хотя святого крещеніа. Видя же Богъ хотѣніе сердца его, провидя доброту его и призрѣ съ небесе милостію своею и щедротами и въ Троици славимый Богъ, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, на князя Володимера,—испытая сердца и утробы, Богъ праведенъ, вся прежде вѣдый, и просвѣти сердце князю Рускыа земля Володимеру пріати святое крещеніе.

Крестижеся самъ Володимеръ, и чада своя и весь домъ свой святымъ крещеніемъ просвѣти, и свободи всяку душю, мужескъ полъ и женескъ, святого ради крещеніа. И възрадовася и възвеселися о Бозѣ давидьскы [9]) князь Володимеръ, и акы святый пророкъ дивный Аввакумъ о Господѣ веселяся и радуяся о Бозѣ Спасѣ своемъ [10]). О блаженое время и день добрый, исполненъ всего блага, въ онже крестися Володимеръ князь! И нареченъ бысть во святомъ крещеніи Василей и даръ Божій

---

[1]) Въ Академ., какъ и въ Болот.: отъ многія добродѣтели.

[2]) Въ Болот.: возлюби й, въ Академ... возлюбивый й.

[3]) Пс. 41, 2.

[4]) Пс. 144, 19.

[5]) Матѳ. 6, 7, 8, Лук. 11, 9. 10.

[6]) Марк. 16, 16.

[7]) Въ Акад. *отъ* баба, но должно быть *о* бабѣ, какъ это и читается въ Болот..

[8]) Въ Акад. о бабѣ.

[9]) Нѣсколько поправляемъ по Акад. сп.

[10]) Тоже.

осѣни его, благодать Святаго Духа освѣти сердце его и навыче по заповѣди Божіи ходити и жити добрѣ о Бозѣ [1]), и вѣру тверду удержа неподвижиму. Крести же всю землю Рускую отъ коньца и до коньца, и поганьскыя богы, пачежъ и бѣсы, Перуна и Хорса и ины многы попра, и съкруши идолы и отверже всю безбожную лесть. И церковь созда каменну во имя пресвятыя Богородица, прибѣжище и спасеніе душамъ вѣрнымъ, и десятину ей вда, тѣмъ попы набдѣти и сироты и вдовица и нищая. И потомъ всю землю Рускую и грады вся украси святыми церквами, и отвержеся всея дьяволя льсти, и пріиде отъ тмы дьяволя на свѣтъ съ чады своими, пріиде къ Богу крещеніе пріимъ и всю землю Рускую исторже изъ устъ дьяволь и къ Богу приведе и къ свѣту истинному. Рече бо Господь пророкомъ [2]): *изводяй отъ нечестия нечестиваго, акы уста мои еси* [3]): и бысть князь Володимеръ, акы уста Божіа, и человѣкы отъ льсти дьяволя къ Богу приведе. О колика радость и веселіе бысть на земли! И ангели възвеселишася, и архангели, и святыхъ дуси взыграшася. Самъ рече Господь, колика *радость бываетъ на небесѣхъ о единѣмъ грѣшницѣ кающемся* [4]). Толико безъ числа душь по всей земли Руской приведены къ Богу святымъ крещеніемъ! Похвалы всякыя дѣло достойно сътвори и радости духовныя полно.

О блаженный и треблаженный княже Володимере, благовѣрне и христолюбиве и страннолюбче! Мъзда твоя многа зѣло предъ Богомъ. Тоже блаженный Давыдъ глаголаше: *блаженъ человѣкъ, егоже ты накажеши, Господи, отъ закона твоего научиши и да укротиши отъ дній лютъ* [5]). Блаженный князь Володимеръ уклонився отъ службы дьяволя и пріиде къ Христу Богу, Владыцѣ своему, и люди вся приведе и научи я служити Богу. Самъ бо Господь рече: *иже сотворитъ и научитъ, сей великъ наречется въ царствѣ небеснемъ* [6]). А ты, о блаженный княже Володимерю, бысть Апостолъ въ князѣхъ, всю землю Рускую приведъ къ Богу святымъ крещеніемъ, и научи люди своя кланятися Богу, славити и пѣти Отца и Сына и Святаго Духа. И вси людіе Рускыя земля познаша Бога тобою, божественный княже Володимере! Възрадовашежеся Ангельстіи чини, агници чистіи [7]), нынѣ радуються вѣрніи и воспѣша и въсхвалиша. Акы младенци иеврейстіи съ вѣтвьми усрѣтоша Христа, вопіюще: осана Христу Богу, побѣдителю смерти: тако и новоизбранніи людіе Рускыя земля въсхвалиша Владыку Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, и къ Богу

---

[1]) Тоже.

[2]) Акад.: и пророкомъ.

[3]) Іер. 15, 19.

[4]) Лук. 15, 7. 10.

[5]) Пс. 93, 12. Болот. и Акад.: лютъ.

[6]) Матѳ. 5, 19.

[7]) Акад.: и агнѣцѣ чистѣ.

приближившеся святымъ крещеніемъ, и дьявола отвергъшеся и службы его поругашася и поплеваша бѣсы и познаша Бога истиннаго, Творца и Съдѣтеля всей твари, и поють по вся дни живота и на всякъ часъ пѣснь чюдную, хвалу Архангельскую: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцехъ благоволеніе* [1]). И ты, блаженный княже Володимерю, подобно Костянтину великому сътвори. Якоже онъ, вѣрою великою и любовію Божіею подвигся, утверди всю вселенную любовію и вѣрою, и святымъ крещеніемъ просвѣти весь миръ и законъ Божій по всей вселеннѣй заповѣда и раздруши храмы идольскыя со лжеименными боги, святыя же церкви по всей вселеннѣй постави на хвалу Богу, въ Троици славимому, Отцю и Сыну и Святому Духу, и крестъ обрете, всего мира спасеніе, съ божественною и богомудрою матерью своею святою Оленою, и чяды многы [2]) приведе къ Богу святымъ крещеніемъ бесчисленное множество, и требища бѣсовская потреби и храмы идольскыя раздруши, и церквами украси всю вселенную и грады [3]), и заповѣда въ церквахъ памяти святыхъ творити пѣніи и молитвами и праздникы праздновати на славу и на хвалу Богу. Такоже и блаженный князь Володимеръ сътвори съ бабсю своею Олгою [4]).

Та бо блаженная княгыни руская Олга, по смерти мужа своего Игоря, князя рускаго, освящена бывши Божіею благодатію и въ сердци пріимши Божію благодать. О како похвалю блаженную княгыню Олгу, братіе!—Не вѣдѣ. Тѣломъ жена сущи, мужеску мудрость имѣющи, просвѣщена Духомъ Святымъ, разумѣвши Бога истиннаго, Творца небу и земли, въставьши иде в землю грѣческую, въ Царьградъ, идѣже цари крестьяны и крестьянство утвердися, и пришедше проси крещеніа, и пріимши святое крещеніе възвратися въ землю рускую, въ домъ свой, къ людемъ своимъ, съ радостию великою, освящена духомъ и тѣломъ, несущи знаменіе честнаго креста. И потомъ требища бѣсовьская съкруши и начя жити о Христѣ Інсусѣ, възлюбивши Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею, и поиде въ слѣдъ Господа Бога, всими добрыми дѣлы освѣтившися и милостынею украшьшися, нагыя одѣвающи, жадныя напаяющи и странныя упокоющи [5]), нищая и вдовица и сироты—вся милующи и потребу дающи всяку съ тихостію и любовію сердца, и молящи Бога день и нощь о спасеніи своемъ. И тако поживши и добрѣ славящи Бога въ Троици, Отца и Сына и Святаго Духа, почи въ блазѣ вѣрѣ, скончя житіе свое съ миромъ о Христѣ Інсусѣ, Господѣ нашемъ. И Богъ прослави тѣло своея си Олены, ей же имя въ святомъ крещеніи наречено, блаженыя княгыни Олги, и есть въ

---

[1]) Лук. 2, 14.

[2]) Слѣдуемъ чтенію Болот. сп.

[3]) Такъ Болот. и Акад.

[4]) Передъ слѣдующимъ отдѣломъ въ Сахар. и въ Акад. надписаніе киноварью: „Похвала княгинѣ Олтѣ, како крестися и добрѣ поживе по заповѣди Господни“.

[5]) Акад.: покоявающи.

гробѣ тѣло ея честное, и неразрушимо пребываетъ и до сихъ дней. Богъ бо своя рабы славить; рече бо пророкъ: *славящая мя прославлю и укоряяй бесчестенъ будетъ* [1]). Блаженная бо княгыни Олга прослави Бога всѣми дѣлы своими добрыми, и Богъ прослави ю. Ино [2]) чюдо слышите о ней: въ гробѣ, идѣже лежитъ блаженное и честное тѣло блаженныя княгынѣ Олгы, — гробъ камень малъ въ церкви святыя Богородица, ту церковь създа блажены князь Володимеръ каменую в честь святѣй Богородици, и есть гробъ блаженыя Олги,—и на верху гроба оконце сътворено, и туда видѣти тѣло блаженыя Олгы лежащи цѣло, да иже съ вѣрою придетъ, отворится оконце, и видѣть честное тѣло лежаще цѣло, и дивися чюду таковому, толико лѣтъ въ гробѣ лежащу тѣлу не разрушимуся. И человѣци же вѣрніи, видѣвше чудо толико, славять Бога, дивящеся милости Божіей, юже имать на святыхъ своихъ. О дивное и страшное чюдо, братіе, и преславно! Достойно похвалы всякоя тѣло то честное: въ гробѣ цѣло, якы спя, почиваетъ! По истинѣ, *дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ Израилевъ* [3]). То видяще [4]) вѣрніи человѣцѣ прославять Бога, прославляющаго рабы своя. А другымъ, иже не съ вѣрою приходять, не отворится оконце гробное, и не видять тѣла того честнаго, но токмо гробъ. Тако Богъ прослави рабу свою Олгу, рускую княгыню, нареченую въ святомъ крещеніи Елена [5])! По святомъ же крещеніи си блаженная княгыни Олга живе лѣтъ 15, и угодивъ Богу добрыми дѣлы своими и успѣ мѣсяца Июля въ 11 день въ лѣто 6477-е, душю свою честную предавши в руцѣ Владыцѣ Христу Богу.

Послушайте возлюбленніи [6])! Блаженный же князь Володимеръ [7]), внукъ Олжинъ, крестивси самъ, и чада своя и всю землю Рускую крести отъ конца и до конца, храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посѣче и идолы съкруши, и всю землю Рускую и грады (пропускъ?) и честными иконами церкви украси [8]) и памяти святыхъ въ церквахъ творяще пѣніемъ и молитвами; и праздноваше свѣтло праздники Господьскыя, три трапезы по-

---

[1]) 1 Царств. 2, 30.

[2]) Акад.: И ино.

[3]) Пс. 67, 36.

[4]) Поправляемъ по Акад. сп..

[5]) Полагаемъ, что со словъ: „Ино чюдо слышите", есть позднѣйшая вставка, хотя сдѣланная еще въ періодъ до-монгольскій.

[6]) Со словъ: „Блаженный же князь Володимеръ" начинается память и похвала въ спискахъ Румянц. и Троицк.. Думаемъ, что „послушайте возлюбленніи" приписано въ то время, какъ Память начала быть читаема въ церквахъ въ день празднованія кончины Владимира. Можно думать, что она только отсюда была читаема и что поэтому именно въ нѣкоторыхъ спискахъ она и писана не вся, а только съ того, что̀ отсюда.

[7]) Поправляемъ чтеніе по Акад. сп..

[8]) Такъ и въ Акад. сп..

ставляше: первую митрополиту съ епископы и съ черноризьцѣ и съ попы, вторую нищимъ и убогымъ, третьюю собѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ. Подобяся царемъ святымъ блаженый князь Володимеръ Пророку Давиду, царю Езекѣю и преблаженному Иосѣю и великому Костянтину, иже избраша и изволиша Божій законъ боле всего и послужиша Богу всѣмъ сердцемъ и получиша милость Божію и наслѣдиша рай и пріаша царство небесное и почиша съ всѣми святыми, угожьшими Богу: такоже и [1]) блаженый князь Володимеръ, послуживъ Богу всѣмъ сердцемъ и всею душею. Не дивимся, възлюбленѣи, аще чюдесъ не творить по смерти: мнозѣ бо святѣи праведнѣи не сътвориша чюдесъ, но святи суть. Рече бо нѣгдѣ о томъ святый Іоаннъ Златоустъ [2]): отъ чего познаемъ и разумѣемъ свята человѣка, отъ чюдесъ ли или отъ дѣлъ? И рече: отъ дѣлъ познати, а не отъ чюдесъ. Много бо и волъсви чюдесъ сътвориша бѣсовьскымъ мечтаніемъ; и бяху святѣи Апостолѣ и бяху лжіи Апостолѣ [3]), бѣша святѣи пророцѣ и бяху лжіи [4]) пророцѣ, слугы дьяволя; ино чюдо, и самъ сотона преображается въ ангелъ свѣтелъ. Но отъ дѣлъ разумѣти святаго, якоже Апостолъ рече: *плодъ духовный естъ любы, терпѣніе, благовѣріе, благость, кротость и въздержаніе, на таковыхъ нѣстъ закона* [5]). Блаженый же князь Володимеръ всѣмъ сердцемъ и всею душею Бога възлюби и заповѣди Его взыска и съхрани. И [6]) вся страны бояхуся его и дары приношаху ему. И възвеселися и възрадовася о Бозѣ и о святѣмъ крещеньи, и хваляше и славяше Бога о всемъ томъ князь Володимеръ, и сице въ радости смиреніемъ сердца глаголаше: „Господи, Владыко благый! Помянулъ мя еси и привелъ мя еси на свѣтъ, и познахъ я (Тя?), всея твари Творца. Слава Ти [7]), Боже всѣхъ, Отче Господа Бога нашего Іисуса Христа! Слава Ти [8]) съ Сыномъ и Святымъ Духомъ! Сице мя помиловавъ! Во тмѣ бяхъ, дьяволу служай и бѣсомъ, но Ты мя святымъ крещеніемъ просвѣти. Акы звѣрь бяхъ, много зла творяхъ въ поганьствѣ, и живяхъ якы скотина, но Ты мя укроти и наказа своею благодатью. Слава Ти, Боже, въ Троици славимый, Отце и Сыне и Святый Душе, Троице Святая! Помилуй мя, настави мя на путь твой и научи мя творити волю твою, яко Ты еси Богъ мой“. Князь же Володимеръ поревьнова святыхъ мужь дѣлу и житію ихъ, и възлюби Авраамово житіе, и подража странолюбіе

---

[1]) *и* изъ Акад. сп..

[2]) Акад.: Иванъ Златоустый.

[3]) Акад.: и бяху святѣи апостоли и бяху блаженіи апостоли, что можетъ быть ошибка изъ блазніи.

[4]) Акад.: лживіи.

[5]) Гал. 5, 22.

[6]) *и* въ Акад. нѣтъ.

[7]) Въ Акад.: славити.

[8]) Въ Акад. опять: славити.

его, Іяковлю истину, Моисѣеву кротость, Давидово безлобіе, Костянтина царя великаго, перваго царя крестьянскаго, того подражая правовѣріе. Боле же всего бяше милостыню творя князь Володимеръ: иже немощнѣи и старѣи не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то въ дворъ имъ посылаше: немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженый князь Володимеръ дяяше. И не могу сказати многыя его милостыня: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но и по всей земли руской и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагыя одѣвая, алчьныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостію, церковникы чтя и любя и милуя, подавая имъ требованіе; нищія и сироты и вдовица и слѣпыя и хромыя и трудоватыя и вся милуя и одѣвая и накорьмя и напаяя. Такоже пребывающу князю Володимерю въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божіа просвѣщаше сердце его, и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его всѣ. Идѣже идяше, одолѣваше: Радимицѣ побѣди и дань на нихъ положи, Вятичи побѣди и дань на нихъ положи на обоихъ, и Ятьвягы взя, и Сребреныя Болгары [1]) побѣди, и на Казары шедъ побѣди я и дань на нихъ положи. Умысли же и на грѣчьскый градъ Корсунь, и сице моляшеся князь Володимиръ Богу: „Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебе прошю, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, и да научать люди закону крестьяньскому“. И послуша Богъ молитвы его, и прия градъ Корсунь. И взя съсуды церковныя и иконы и мощи святаго священномученика Климента и иныхъ святыхъ. Въ ты дни [2]) бѣяста царя два въ Цариградѣ: Костянтинъ и Василей. И посла к нимъ Володимеръ, прося у нихъ сестры ожениться, да ся бы болма на крестьяньскый законъ направилъ. И даста ему сестру свою, и дары многы присласта к нему, и мощи [3]) святыхъ даста ему; положи я. Тако добрѣ [4]) поживе благовѣрный князь Володимеръ, и скончя житіе свое въ правовѣрнѣй вѣрѣ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, и съ благовѣрною Олгою: и та бо шедши Царюграду прияла бяше святое крещеніе, и много сотворивъ добра въ житіи семъ предъ Богомъ, и скончя житіе свое въ добрѣй вѣри, и почи съ миромъ, в руцѣ Божіи душю предавши. И еще живу сущю Володимеру князю, рать бяше отъ Печенѣгъ. Володимеръ же бяше болѣстію одержимъ; въ той же болѣзни предасть душю свою в руцѣ Божіи [5]).

---

[1]) Такъ въ Сахар., Болот., Румянц. и Троицк., но въ Акад.: Сербяны и Болгары. У Татищева (II, 63 fin.) и у Стрыйковскаго (подъ 985-мъ годомъ) также, кажется, были списки, въ которыхъ читалось какъ въ Академ..

[2]) Въ Акад.: И въ ты дни.

[3]) Поправляемъ по Акад..

[4]) Въ Акад.: даста ему, и тако положь добрѣ поживе....

[5]) Передъ дальнѣйшимъ въ Сахар. и Акад. надписано киноварью: „Молитва князя Володимера“.

Володимеръ князь, отходя свѣта сего, сице моляшеся глаголя: „Господи Боже мой! Не позналъ Тебе Бога [1]), но помиловалъ мя еси и святымъ крещеніемъ просвѣтилъ мя еси: и познахъ Тя, Боже всѣхъ, святый Творче всея твари, Отче Господа нашего Іисуса Христа! Слава Ти съ Сыномъ и Святымъ Духомъ. Владыко Боже! Не помяни моей злобы: не позналъ есмь Тебе въ поганьствѣ, нынѣ же Тя знаю и видѣ [2]). Господи Боже мой! Помилуй мя [3]): аще мя хощеши казнити и мучити за грѣхы моя, казни Самъ мя, Господи, бѣсомъ не предай же мене". И сице глаголя и моляся Богу, преда душу свою с миромъ Ангеломъ Господнимъ, и успѣ. Праведныхъ бо душа в руцѣ Божіи суть, и мъзда имъ отъ Бога, и строеніе имъ отъ Вышняго; того ради пріимуть вѣнець красоты отъ рукы Господня. По святомъ же крещеньи поживе блаженый князь Володимеръ 28 лѣтъ. На другое лѣто по крещеніи къ порогомъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ взя, на четвертое лѣто церковь камену святыя Богородица заложи, а на пятое лѣто Переяславль заложи, в девятое лѣто десятину блаженый и христолюбивый князь Володимеръ вда церкви святѣй Богородици и отъ имѣнія своего. О томъ бо и самъ Господь рече: *идѣже есть съкровище ваше, ту и сердце ваше будетъ* [4]). Блаженый князь Володимеръ имяше съкровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы: тамо и сердце его бѣ, въ царствіи небеснѣмъ. И Богъ поможе ему, и сѣде въ Кіевѣ на мѣстѣ отца своего Святъслава и дѣда своего Игоря. А Святослава князя Печенѣзѣ убиша; а Ярополъкъ сѣдяше въ Кыевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава, и Олегъ идый съ вои у Вручя града мостъ ся обломи съ вои и удавиша Олга въ гребли, и Ярополка убиша въ Кыевѣ мужи Володимеровѣ. И сѣде въ Кыевѣ князь Володимеръ в'осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца Июня въ 11-й день, въ лѣто 6486. Крестижеся князь Володимеръ въ десятое лѣто по убіеніи брата своего Ярополка. Каяшеся и плакашеся [5]) блаженый князь Володимеръ всего того, елико сътвори въ поганьствѣ, не зная Бога. Познавъ же Бога истиннаго, Творца небеси и земли, покаявся всего и отвержеся дьявола и бѣсовъ и всея службы его и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостынею. Успе съ миромъ мѣсяца Июля въ 15 день, въ лѣто 6523 о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава и держава со Отцемъ" [6]).

---

[1]) Поправляемъ по Акад. сп.

[2]) Такъ и въ Акад., въ Болот.: вѣдѣ.

[3]) Акад.: Помилуй мя Боже.

[4]) Матѳ. 6, 21.

[5]) Исправляемъ по Акад. сп.

[6]) Съ „емуже" изъ Акад. сп.

3. Проложное сказаніе о Владимирѣ.

Помѣщаемъ это сказаніе ради его относительной древности, не столько впрочемъ для пользованія, сколько для свѣдѣнія, по древнѣйшей извѣстной намъ рукописи, которая есть синодальный пергаминный Прологъ 1400-го года, № 240, и въ которомъ оно подъ 15-мъ Іюля,—л. 139 об..

„Вотъ день святаго князя Володимира, крестившаго всю Рускую землю [1]).

Сь бысть сынъ Святъславль, отъ племени варяжьска, князь Володимеръ. Первое ко идоломъ много тщаніе творя по отцю преданію, да егда Богъ восхотѣ избрати люди овы, вдохну въ сего благодать Святаго Духа, и возбну отъ сна, отъ лютаго идолослуженія, и посла по всимъ языкомъ, испытая законъ ихъ, како вѣрують, и увиди въ (sic) святую грѣчкую вѣру, яко свѣщю на свѣтилѣ и рече въ собѣ: сице створю, пойду въ землю ихъ и плѣню грады ихъ, и обращю учителя, — да еже умысли, то и сотвори. Шедъ взя Корсунь [2]), и посла къ царю грѣчкому, глаголя: дай за меня сестру свою, аще ли не даси, створю граду твоему, яко и сему створихъ; онъ же отвѣща: нѣсть здѣ таковаго обычая, крестьяномъ даяти за поганыя, аще ли ся крестишь, то и се получиши и вяще сего царство небесное. И рече Владимиръ: тако створю, пришедше отъ тебе съ царицею крестятъ мя. И въ то время впалъ бяше Володимиръ въ недугъ обѣма очима, и рече пославши царица къ нему: аще не крестишися, не избудеши болѣзни сея; онъ же рече: крестите мя, ибо на то вы есмь призвалъ. И егда крестиша й, створися чюдо веліе: вшедшю ему во святую купель и отверзостася ему очи и бысть акы николиже имѣвъ недуга; прозрѣвъ, похвали всихъ Бога, и просвѣщенъ бывъ радовашеся душею и тѣломъ. И пришедъ къ Кіеву изби вся идолы: Перуна, Хорса, Дажьбога и Мокошь и прочая вся кумиры, и посемь созва все множество людии, заповѣда имъ креститися, нарекъ имъ день, рекъ: аще кто не обрящется

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сборникахъ сказаніе надписывается: „Похвала (Слово похвально) благовѣрному князю Владимеру, нареченному въ крещеніи святемъ Василію“: Лаврск. Троицк. ркп. № 792 л. 84 об., Румянц. № 434 л. 487 об., у Вост. стр. 677 fin..

[2]) Въ спискѣ сказанія, находящемся въ Румянцевскомъ Торжественникѣ конца XV вѣка (у Восток. № 435, стр. 687) здѣсь читается замѣчательная вставка: „Шедъ взя Корсунь градъ, князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за Ждьберномъ; не роспустивъ полковъ и посла Олга воеводу своего съ Ждьберномъ въ Царьградъ къ царемь просити за себе сестры ихъ“... Въ этой замѣткѣ какъ будто говоритъ современникъ, но откуда она взята переписчикомъ рукописи? Если онъ не нашелъ ее гдѣ нибудь какъ случайную замѣтку, а взялъ ее изъ цѣлаго сочиненія, то, конечно, весьма желательно, чтобы открыто было это послѣднее.

утро на рѣцѣ, то будетъ противникъ мнѣ. И сниде на Почайну рѣку всь воздстрастъ мужъ и женъ и младенци, свершеніи же стояху въ водѣ, ови до пояса, инія до выя, а друзіи бродяху, а прозвутери по брегу стояще молитвы глаголаху яко надъ крестимыми, и оттолѣ наречеся мѣсто святое, идѣже нынѣ церкы есть Петрова, и тъ бысть первый ходатай нашему спасенію. Володимиръ же, возрѣвъ на небо, помолися за крестьяны, глаголя: призри на новопросвѣщенныя люди сія и дай же имъ Господи увидити тебе истиньнаго Бога, утверди въ нихъ правую вѣру, и мнѣ помози Господи на супротивнаго врага, да надѣяся на твою державу попру козни его. Повелѣ же по всимъ градомъ ставити церкви [1]), а самъ созда церковь святую Богородицю. Пребывъ же нѣколико лѣтъ, нача болѣти и преставися къ Богу мѣсяца Іюля въ 15 день; тѣло же его положиша въ церкви святыя Богородица, юже самъ созда, и плакася его все множество людіи, боярѣ аки отца, люди акы заступника, сироты акы помощника, нищіи и вдовици акы печалника и кормителя. Да како тя возможемъ по достоянію похвалити, сотворшаго дѣло равно апостоламъ? Хвалитъ убо Римьская земля Петра и Павла, Асья Богословца Іоанна, Египетьская земля Марка, Антіохійская Лука (sic), а Грѣчкая Андрея, вся же Руская земля тебе, Володимере, яко Господня апостола, молебными пѣсньми память твою празднующе. Похвальныя вѣнца приносимъ ти, глаголюще: радуйся, Володимере, пріимый вѣнець отъ Вседержителя Бога, радуйся святая главо, вожю и учителю нашъ, имже избывше тмы свѣтъ познахомъ, радуйся честное древо самаго рая, иже возрасти намъ святѣи лѣторасли святую мученику Бориса и Глѣба, отъ неюже нынѣ сынове рустіи насыщаются, пріемлюще недугомъ исцѣленіе; радуйся дѣлателю вѣрный Христовъ, и растерзавъ лестное терьніе и раздрушивъ, взоравъ крещеніемъ всю землю, и насѣявъ святыми книгами, отъ нихже жнуть рустѣи сынови полезныя рукояти (sic) покаянію, и друзіи уже ядять нескудную пищю въ царствіи небеснѣмь, еяже трапезы сподобимся и мы недостойніи, кающеся о согрѣшеніи“.

4. Бандуріево греческое сказаніе о крещеніи Владиміра.

Это сказаніе найдено славянскимъ ученымъ первой половины XVIII вѣка Анзельмомъ Бандуріемъ (Бандуричемъ) въ одной новаго [2]) письма рукописи Парижской королевской библіотеки. Оно напечатано Бандуріемъ въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ въ его Imperium Orientale, T. II, Animadverss. in librum Constant. Porph. De administr. imper. pp. 112 — 116, и потомъ перепечатано въ Боннскомъ изданіи Ви-

[1]) Въ указанномъ спискѣ Румянцевск. Торжественника: „Ставити церкви по всему граду и по селомъ, а самъ“..., что впрочемъ, очевидно, есть чтеніе неправильное, хотя Востоковъ и принимаетъ его за болѣе правильное.

[2]) У Карамзина, I, 129, ошибочно сказано: „древней рукописи“.

зантійцевъ, Constant. Porphyrog. vol. III, p. 357 sqq (въ тѣхъ же на ту же книгу примѣчаніяхъ Бандуріевыхъ); въ одномъ латинскомъ переводѣ — у Стриттера въ Memor. pop. II, 959 fin.; по-русски въ сокращенной передачѣ у Шлецера въ Несторѣ, II, 542 § 3, и у Карамзина, I, прим. 447. Въ спискѣ Парижской библіотеки, найденномъ Бандуріемъ, сказаніе не имѣетъ начала; недавно нашъ русскій ученый В. Э. Регель нашолъ въ одной рукописи Патмосскаго монастыря Іоанна Богослова полный списокъ, т. е. и съ недостающимъ въ Парижской рукописи началомъ сказанія. Г. Регель напечаталъ найденный имъ списокъ въ своемъ изданіи: Analecta Byzantino-Russica, Petropoli, 1891.

Сказаніе не имѣетъ совершенно никакого историческаго значенія. Но мы печатаемъ его въ полномъ русскомъ переводѣ — во-первыхъ, для свѣдѣнія, во-вторыхъ — какъ образецъ повѣстей, на сочиненіе которыхъ способны были Греки.

„Обстоятельное повѣствованіе о томъ, какъ крестился народъ Росовъ.

Поелику божественное и преблагое блаженное благосердіе истиннаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа всегда и вездѣ во всемъ благодѣтельствуетъ намъ по своей благости и исполняетъ всѣ наши хотѣнія: то надлежитъ, чтобы и мы, многое ли малое ли знаемъ подлинно благое, не молчали о немъ, но наивозможно громко обнародывали и возвѣщали, дабы божественное благосердіе Бога и несравненное благоутробіе, которое не хочетъ смерти грѣшниковъ, но всегда принимаетъ обращеніе, болѣе возбуждало удивленія и было возвеличаемо. Итакъ, достойно, чтобы и мы предложили повѣствованіе и сказали отчасти, какъ безчисленный народъ Росовъ позналъ истинное благочестіе и сподобился божественной бани и крещенія.

Начальствовали надъ помянутымъ народомъ въ продолженіе немалыхъ временъ многіе и великіе начальники, прозванія которыхъ не должно намъ исчислять по причинѣ безчисленнаго множества именъ ихъ. По прошествіи же многихъ временъ начальствовалъ надъ ними и нѣкоторый начальникъ по имени Владиміръ, умомъ и смысломъ весьма много превосходившій прежнихъ. Итакъ, этотъ, сидя самъ съ собою (наединѣ), часто весьма дивился и недоумѣвалъ, видя тьмочисленный и толикій народъ оный преклоняющимся туда и сюда и упорствующимъ (погрязающимъ) ради ученія и служенія ихъ чтилища (?), поелику одни лобызали и чтили (вѣру) Евреевъ какъ величайшую и древнюю, а другіе ублажали вѣру Персовъ и къ ней прилѣплялись, и другіе вѣру Сирійцевъ, и иные вѣру Агарянъ, и было во всѣхъ сихъ величайшее смѣшеніе и любопреніе объ ихъ ученіи и вѣрѣ. Итакъ, видя и слыша толикій раздоръ и великое и многообразное смѣшеніе онаго безчисленнаго народа, остросмысленный и великоумный начальникъ, которому была ввѣрена власть надъ ними, поражался и недоумѣвалъ и не зналъ, какъ и быть. Въ одинъ день, выбравъ благопріятное время, призываетъ къ себѣ преимуществовавшихъ разумомъ и

опытностію и допытывается у нихъ, какъ народъ ихъ погрязаетъ въ весьма многихъ вѣрахъ и ученіяхъ, и искалъ узнать обстоятельно лучшее изъ сихъ (лучшую изъ сихъ вѣръ), дабы онъ и самъ избралъ это. Когда услышали это, то нѣкоторые изъ нихъ, отвѣтивъ начальнику ихъ великому королю (πρὸς τὸν μέγαν ῥῆγαν), сказали: „мы, сіятельнѣйшій и досточтимый начальникъ, нашъ державный господинъ! не можемъ хорошо сказать того, кто изъ всѣхъ насъ правильно мыслитъ и лучше другихъ богочтитъ, только то (знаемъ), что во всей вселенной два суть мѣста пренаилучшія, изъ которыхъ одно называется Римомъ, а другое Константинополемъ, почему и полагаемъ, что въ нихъ однихъ истинное и правое богопочтеніе". Услышавъ это, великій оныхъ и многоразумный начальникъ опять спрашивалъ: „Скажите вы, и какъ же можемъ мы узнать это обстоятельнымъ образомъ и удостовѣриться". Они же сказали ему: „если хочешь узнать достовѣрное и истинное, то изъ всѣхъ насъ, которые подъ твоей рукой, избери четырехъ мужей изъ лучшихъ, которые острѣе другихъ и опытностью и разумомъ, и ихъ пошли въ Римъ, и они, все тамошнее хорошо высмотрѣвъ и испытавъ, пусть опять придутъ къ намъ, и мы, услышавъ отъ нихъ достовѣрную и чистую истину, уразумѣемъ, и тогда да будетъ то, что прикажешь". И они сказали это начальнику ихъ.

Онъ же поспѣшно исполнилъ ихъ совѣтъ и слово и, выбравъ изъ числа своихъ четырехъ мужей, разумѣющихъ отличать хорошее отъ худаго, посылаетъ въ древній Римъ, чтобы изслѣдовали и обозрѣли тамъ все [1]) и хорошо изучили ихъ богопочтеніе. Они же, такъ сказать, на крыльяхъ достигаютъ Рима, и все тамъ изслѣдуютъ и осматриваютъ и хорошо обозрѣваютъ благоукрашеніе божественныхъ храмовъ и видятъ (дозираютъ) тамошнихъ архіереевъ и іереевъ; и не только это, но видятъ и самого патріарха ихъ, называемаго также папой, и слышатъ отъ него весьма многія къ пользѣ (своей) рѣчи. И такимъ образомъ съ поспѣшностію возвращаются назадъ и достигаютъ своей страны и являются къ великому королю и тамъ обстоятельно повѣствуютъ, что̀ видѣли и слышали. Они съ настояніемъ увѣряли, что великое и истинное (есть то, что̀ они видѣли), и что нѣтъ нужды въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи и изысканіи, и „если хочешь,—говорили,—свѣтлѣйшій и славнѣйшій нашъ самодержецъ и князь, принять ихъ вѣру, то дай знать имъ и ты хорошо будешь посвященъ въ ихъ ученіе". Когда же бывшіе съ нимъ князья все выслушали, особенно же тѣ, которые уже и прежде были его совѣтниками [2]), то опять и опять сказали ему: „нехорошимъ кажется всѣмъ намъ дѣломъ, чтобы они не развѣдали и не узнали обстоятельно и относительно Константинополя, поелику и этотъ городъ, какъ утверждаютъ нѣ-

---

[1]) До этого недостаетъ въ Парижскомъ спискѣ сказанія Бандуріева и читается въ одномъ Патмосскомъ спискѣ г. Регеля; съ слѣдующаго слова—оба списка.

[2]) Подразумѣвается—на то, чтобы послать пословъ для осмотра вѣръ.

которые, есть великій нѣкій и превосходный; итакъ, надлежитъ, чтобы и его богопочтеніе и службу [1]) они изслѣдовали и испытали, и такимъ образомъ изъ обѣихъ изберемъ лучшее". Выслушавъ это, благоразумный и славный король согласился и благосклонно принялъ (совѣтъ). Посему многократно помянутыхъ выше четырехъ мужей еще посылаетъ и въ Константинополь, дабы и тамъ все обозрѣли и извѣдали. И съ большимъ трудомъ достигаютъ и его (Константинополя) и приходятъ къ содержавшему тогда скипетръ Римскій, разумѣю—Василію изъ Македоніи, и сообщаютъ причину своего прибытія. Онъ же, любезно и прелюбезно ихъ принявъ, тотчасъ приставилъ къ нимъ нѣкоторыхъ князей изъ числа разумныхъ, чтобы показали имъ все лучшее въ городѣ, и чтобы хорошо могли уразумѣвать ихъ спросы и давать на нихъ отвѣты. (Приставленные) же мужи, взявъ (ихъ) и показавъ (имъ) въ городѣ многое достойное зрѣнія, вошли въ славный и великій божественный храмъ Премудрости Божіей (Софіи). И какъ повѣствуютъ (какъ носится молва, ὡς ὁ λόγος κρατεῖ), тогда совершался въ немъ великій праздникъ,—Златоустаго ли или Успенія пресвятыя Матери моего Бога, точно не умѣю сказать, только праздникъ совершался удивительный и великій. И четыре оные мужа, будучи съ нашими князьями, осматривали весь храмъ и видя великое освѣщеніе совершаемаго праздника и слыша благозвучіе пѣсней, въ удивленіи недоумѣвали. Итакъ, когда они пробыли тамъ вечерній гимнъ и утренній [2]), и многое сказали и слышали, настаетъ и время священной и божественной литургіи, и опять названные мужи съ царскими князьями входятъ въ достопочитаемый и величайшій храмъ, чтобы быть зрителями безкровнаго и божественнаго тайноводства. Достигнувъ въ разсказѣ моемъ доселѣ, изумляюсь человѣколюбію Бога, хотящаго всѣмъ спастися и въ познаніе истины пріити. Итакъ, когда языческіе оные и варварскіе мужи вошли, какъ сказано, въ превеликій храмъ и тамъ стоя все дѣлаемое въ храмѣ смотрѣли и тщательно замѣчали, — какъ сначала былъ такъ называемый малый входъ, потомъ съ великолѣпіемъ совершился великій и иподіаконы и діаконы выходили изъ святаго алтаря съ лампадами и рипидами, а также весьма многіе іереи и архіереи по обычаю со страшными и божественными тайнами и самъ, имѣвшій тогда святительство, патріархъ, и какъ всѣ присутствовавшіе пали на полъ и горячо изливали молитву и взывали: Господи помилуй, а одни только [3]) четыре оные языческіе мужа съ открытыми глазами и не боязненно смотрѣли и все совершаемое замѣчали. Посему и милосердый и человѣколюбивый Богъ нашъ открылъ очи мужей оныхъ, и видѣли они нѣчто страшное и преестественное, вопросивъ о чемъ обстоятельно, узнали истину. Ибо когда окончился оный божествен-

---

[1]) Τὸ σέβας καὶ τὴν λατρείαν.

[2]) Т. е. вечерню и заутреню.

[3]) Рѣчь выходитъ нѣсколько безъ смысла, но мы въ этомъ не виноваты.

ный и великій входъ и отъ преклоненія всѣ встали, то мужи, видѣвшіе странное видѣніе, тотчасъ взяли за руки находившихся близъ нихъ князей императора и сказали имъ слѣдующее: „не отрицаемъ, все что мы доселѣ видѣли, страшно и велико, но сейчасъ видѣнное нами превыше естества человѣческаго, ибо видѣли мы нѣкихъ крылатыхъ юношей, одѣтыхъ въ странную (и) прекрасную одежду,—они не ходили по полу храма, но носились по воздуху, поя: святъ, святъ, святъ, что̀ всѣхъ насъ болѣе всего другаго поразило и привело въ великое недоумѣніе". Когда услышали это князья императора, то отвѣчали имъ: можетъ быть, вы не знаете всѣхъ таинствъ христіанъ и никогда не слыхали, что ангелы сходятъ съ небесъ и священнодѣйствуютъ съ нашими іереями. Они, услышавъ это, сказали: всеистинно и ясно есть то, что намъ говорите, и не нуждаемся въ другомъ доказательствѣ, ибо мы сами все видѣли собственными глазами; отпустите же насъ скорѣе возвратиться туда, откуда мы посланы, чтобы увѣдомить и удостовѣрить владыку нашего о томъ, что видѣли и что хорошо узнали. (Итакъ), ихъ отослали опять туда съ радостію великою и съ веселіемъ. Они же, возвратившись и прибывши въ свою страну, нашли славнаго и великаго короля и поклонившись ему сказали все, что̀ видѣли, и разъяснили ясно, говоря и сіе: „не отрицаемъ, что великое нѣчто и славное мы видѣли прежде въ Римѣ, все же видѣнное (нами) въ Константинополѣ поражаетъ умъ человѣческій", и все разсказывали ему по порядку и подробно. Великій же ихъ князь, когда точно узналъ отъ нихъ истину и удостовѣрился, нисколько не медлитъ, но тотчасъ посылаетъ къ благочестивѣйшему царю Римлянъ въ Константинополь и проситъ архіерея, чтобы тьмочисленный тамъ народъ научилъ и крестилъ,—содержалъ же тогда скипетръ Римскій Василій изъ Македоніи. Принявъ съ радостію посланныхъ оттуда мужей, онъ послалъ имъ нѣкоего архіерея, славнаго благочестіемъ и добродѣтелію и съ нимъ двухъ мужей Кирилла и Аѳанасія [1]), также добродѣтельныхъ и весьма разумныхъ и мудрыхъ, которые были исполнены не только знанія божественнаго писанія, но хорошо научены были и внѣшней мудрости, какъ достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ изобрѣтенныя ими письмена. Они, отправившись туда, всѣхъ научили и крестили и привели къ благочестію христіанъ. Видя же, что народъ этотъ совершенно варварскій и невѣжественный [2]), названные ученые мужи не находили возможнымъ научить ихъ двадцати четыремъ письменамъ (буквамъ) эллинскимъ, посему, чтобы опять не отклонились они отъ благочестія, начертали имъ и научили ихъ тридцати пяти письменамъ [3]), которыя называются: ἄς, μπούκη, βέτὸ, γλαῶὸ, ὸοπρῶ...

[1]) Разумѣй—Кирилла и Меѳодія, Славянскихъ просвѣтителей.

[2]) βάρβαρον πάντῃ καὶ σόλοικον.

[3]) Надѣемся, самъ читатель замѣчаетъ оригинальное остроуміе автора: Кириллъ и Аѳанасій потому начертали для Русскихъ свои *тридцать-пять* буквъ, что видѣли невозможнымъ научить ихъ *двадцати четыремъ* греческимъ....

и пр. Таковы суть тридцать пять буквъ Росовъ, которыя и до сихъ поръ изучаютъ всѣ и хорошо знаютъ благочестіе.

Нѣкоторые же говорятъ, что тамъ было и таковое чудо. Еще будучи содержимы суевѣріемъ, самъ князь и бояре его и весь народъ и размышляя о прежней своей вѣрѣ и вѣрѣ христіанъ, призываютъ къ себѣ недавно прибывшаго архіерея и спрашиваетъ князь: что̀ онъ намѣревается имъ проповѣдывать и чему учить. Когда же онъ предложилъ священную книгу Божественнаго Евангелія и повѣствовалъ о нѣкоторыхъ чудесахъ, совершенныхъ Богомъ въ человѣческомъ образѣ [1]), то толпа Росовъ сказала: если и мы не увидимъ чего нибудь подобнаго, и въ особенности что̀ ты говоришь о случившемся съ тремя отроками въ пещи, то совершенно не будемъ тебѣ вѣрить. Онъ же, вѣруя неложному слову сказавшаго: аще что просите во имя Мое, получите, и: вѣруй въ Мя, дѣла яже азъ творю, и той сотворитъ и больши сихъ сотворитъ, сказалъ имъ: хотя и не должно искушать Господа Бога, но если вы отъ всей души рѣшились приступить къ Нему, просите, чего хотите, и Богъ непремѣнно сотворитъ по прошенію вашему, хотя мы малѣйшіе и недостойные. Они же тотчасъ попросили, чтобы свитокъ Божественнаго Евангелія брошенъ былъ въ разведенный ими огонь, и (обѣщались), если онъ сохранится невредимымъ, приступить къ проповѣдуемому имъ Богу. Согласились на этомъ. И послѣ того какъ іерей поднялъ глаза и руки къ небу и воззвалъ: прослави Духа твоего Святаго, Іисусе Христе Боже нашъ — въ глазахъ всего народа брошена была въ печь книга святаго Евангелія. Печь достаточное время была разжигаема и наконецъ и совсѣмъ погасла, но священный свитокъ найденъ былъ не пострадавшимъ и не поврежденнымъ и не потерпѣвшимъ отъ огня никакого ущерба. Видя это и будучи поражены величіемъ чуда, варвары безъ колебанія устремились къ крещенію и очищенные умомъ прославили Спасителя Господа, которому слава и держава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“.

Если находились Греки, способные сочинять повѣсти, подобныя сейчасъ представленной, то нѣтъ ничего удивительнаго, что нашолся Грекъ, который сочинилъ и наше житіе Владимира.

5. Греческіе и арабскіе писатели о женитьбѣ Владимира на царевнѣ Аннѣ.

Кедринъ (ed. Paris. t. II p. 699, у Стритт. въ Memor. pop. II, 1009): „(Императоръ Василій) много убѣждалъ (патриція Дельфину, соучастника бунтовщика Варды Фоки) отступить (съ войскомъ) отъ Хризополя (нынѣшн. Скутари), и не могъ убѣдить. Изготовивъ ночью корабли и на нихъ посадивъ Руссовъ, — ибо онъ успѣлъ призвать ихъ на помощь и сдѣлать князя ихъ Владимира своимъ родственникомъ (κηδεστήν, зятемъ), женивъ

[1]) Ἐν τῇ ἀνθρωπίνῃ ἐπιδημίᾳ, т. е. Іисусомъ Христомъ на землѣ.

(его) на сестрѣ своей Аннѣ,—неожиданно переправляется съ ними и, напавъ на враговъ, легко овладѣваетъ послѣдними" (это говоритъ Кедринъ между 15 Августа 987-го и Апрѣлемъ 989-го года, Krug's Chronologie d. Byzantier, S. 319 прим.). Въ другомъ мѣстѣ, ed. Paris. t. II p. 710 fin., Кедринъ называетъ Владимира зятемъ Василія.

Зонара (ed. Paris. t. II p. 221, у Стритт. ibidd.): „Когда Дельфина сталъ лагеремъ у Хризополя, императоръ внезапно напалъ на него съ народомъ Русскимъ,—ибо вступилъ въ родство съ княземъ русскимъ Владимиромъ чрезъ выдачу (за него) сестры своей Анны,—и легко завладѣваетъ противниками".

Яхъя Антіохійскій, начала XI вѣка: „И взбунтовался открыто Варда Фока и провозгласилъ себя царемъ въ середу, день праздника Креста, 14 Сентября 987-го года и овладѣлъ страною Грековъ до Дорилеи и до берега моря и дошли войска его до Хризополя. И стало опаснымъ дѣло его и былъ имъ озабоченъ царь Василій по причинѣ силы его войскъ и побѣды его надъ нимъ. И истощились его богатства и побудила его нужда послать къ царю Русовъ,—а они его враги,—чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи. И согласился онъ на это. И заключили они между собою договоръ о свойствѣ и женился царь Русовъ на сестрѣ царя Василія, послѣ того какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ... И выступилъ царь Василій и его братъ Константинъ со своими войсками и съ войсками Русовъ и столкнулись съ Вардою Фокою въ Абидосѣ и побѣдили Фоку; и былъ онъ убитъ въ субботу 13 Апрѣля 989-го года" (въ изд. *бар. Розена,* указанномъ выше, стрр. 23 и 25)[1].

Ельмакинъ, второй половины XIII вѣка: „Сильно началъ бояться императоръ Василій Варды Фоки, къ тому же у него не доставало и денегъ. Посему принужденъ былъ послать къ королю Руссовъ, которые были его врагами, и просить у него помощи. Этотъ обѣщалъ ему ее, прося его вступить въ родственный союзъ. И взялъ король замужъ сестру императора римскаго Василія, послѣ того какъ сей убѣдилъ его, чтобы онъ принялъ христіанскую вѣру" (Historia Saracenica у *Круга* въ Chronologie S. 319; говоритъ между октябремъ 987-го и 13 Апрѣля 989-го года, *Кругъ* ibid.).

Изъ писателей греческихъ непосредственнымъ современникомъ взятія Владимиромъ Корсуни и его женитьбы на царевнѣ Аннѣ былъ Левъ діаконъ Калойскій. Но, къ сожалѣнію, онъ въ своей исторіи, которую кончаетъ именно 989-мъ годомъ, не повѣствуетъ о нихъ ни нарочито ни мимо-

---

[1]) Если писавшій въ Антіохія Яхъя не зналъ, что Владимиръ вступалъ въ договоръ съ императорами о бракѣ, уже бывъ крещенъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Онъ самъ тутъ же показываетъ, что дѣло не было ему извѣстно обстоятельнымъ образомъ, ибо говоритъ, что Василій послалъ къ Владимиру свою сестру впослѣдствіи съ митрополитомъ и епископами.

ходомъ, а только кратко упоминаетъ о первомъ, именно говоритъ, что явленіе необычайной кометы въ 986-мъ году и огненные столпы, являвшіеся на сѣверной части неба, кромѣ другихъ бѣдствій, предвѣщали и завоеваніе Херсонеса Тавроскиѳами (кн. X, гл. 10 нач., въ греческ. подл. у *Газе* p. 108,—въ русск. перев. *Д. Попова* стр. 108).

[Титмаръ Мерзебургскій говоритъ, что Владиміръ привелъ себѣ жену изъ Греціи, по имени Елену, которая обручена была нѣмецкому Оттону III, но которая у послѣдняго была коварнымъ образомъ восхищена (Chronic. lib. VII c. 52 нач.). Почтенный епископъ гнѣвается на нашего — какъ онъ величаетъ—короля по какому-то недоразумѣнію, вѣроятно считая его виновникомъ того неудачнаго нѣмецкаго посольства въ Константинополь за невѣстой, о которомъ говоритъ лѣтопись Гильдесгеймская подъ 995-мъ годомъ. Наша Анна была родная тетка Оттона III, ибо супруга Оттона II, а его — Оттона III мать, Ѳеофано или Стефана была родная старшая сестра Анны].

Анна, какъ мы сказали, родилась за два дня до смерти своего отца Романа Младшаго, 13-го Марта 963-го года (Кедринъ у *Круга* въ Chronol. d. Byzant. S. 318).

---

6. Сага объ Олавѣ, сынѣ Триггвіевѣ.

Сага эта, принадлежащая къ собранію сагъ такъ называемой младшей Едды, сдѣланному въ первой половинѣ XIII вѣка Снорро Стурлюзономъ (1188—1241), въ исландскомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ напечатана протоіер. Сабининымъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, т. 4, кн. I, М. 1840.

Астрида, жена конунга Норвежскаго Триггвія, послѣ того какъ мужъ ея былъ убитъ соперниками, принуждена была бѣжать изъ отечества. Во время бѣгства она родила сына по имени Олава, что случилось въ 969-мъ году, на 32-мъ году правленія императора Оттона Великаго. На четвертый годъ бѣгства, послѣ укрывательства въ разныхъ мѣстахъ, Астрида захотѣла поѣхать въ Гардарикію къ конунгу Валдамару (въ Россію, къ Владимиру), у котораго вмѣстѣ съ другими Норвежцами былъ на службѣ братъ ея Сигурдъ. На пути напали на нихъ и захватили ихъ морскіе разбойники изъ Эстляндіи, но Олавъ былъ выкупленъ изъ плѣна своимъ дядей Сигурдомъ, который былъ посланъ Валдамаромъ для взысканія въ той странѣ дани. Сдѣлавшись по одному особенному случаю извѣстенъ конунгу, Олавъ былъ приближенъ имъ къ себѣ и затѣмъ началъ пользоваться отъ него такою любовію, какъ будто былъ его собственный сынъ (будучи особенно покровительствуемъ супругой конунговой Адлогіей, умнѣйшею изъ всѣхъ женъ). Совершивъ у Валдамара великіе военные подвиги и вообще ставъ защитой его страны отъ враговъ, а также ознаменовавъ себя отвращеніемъ къ идолопоклонству, Олавъ возбудилъ къ себѣ зависть приближенныхъ конунга, которые и начали настоятельно клеветать на него послѣднему. Принужденный вслѣдствіе клеветъ оставить Гардарикію, Олавъ отправился въ Винняндію (землю Славянъ Венедовъ на Балтійскомъ морѣ), гдѣ женился на правительницѣ государства Гейрѣ, дочери конунга Бурислава, и гдѣ снова завоевалъ всѣ провинціи и крѣпости, которыя отложились было отъ власти Гейры, и совершилъ другія знаменитыя дѣла. Послѣ случившейся смерти своей супруги, Олавъ отправился странствовать,—сначала въ Данію, а потомъ снова въ Гардарикію, къ конунгу Валдамару. Будучи опять принятъ послѣднимъ и его супругой весьма ласково и перезимовавъ у него съ своими воинами зиму, Олавъ въ одну ночь видѣлъ великое и достопримѣчательное видѣніе, въ которомъ небесный гласъ призывалъ его для познанія истиннаго Бога ѣхать въ Грецію. Повинуясь этому гласу, Олавъ немедленно отправился въ Гре-

цію, гдѣ многими славными учителями былъ наставленъ въ христіанской вѣрѣ и сподобился принять крещеніе. Послѣ сего онъ просилъ епископа, по имени Павла, чтобы этотъ ѣхалъ въ Гардарикію проповѣдывать христіанство язычникамъ. Епископъ, великій другъ Божій, изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы Олавъ ѣхалъ напередъ и растолковалъ причину его—епископа посѣщенія, дабы вожди не сопротивлялись, когда онъ будетъ насаждать тамъ христіанскую религію. Возвратившись въ Гардарикію, Олавъ тотчасъ началъ убѣждать къ принятію христіанства конунга и его супругу. Сперва конунгъ изъявилъ рѣшительное нежеланіе оставить отеческую вѣру; но потомъ, убѣжденный рѣчами своей супруги, которая внила истинѣ гораздо скорѣе, перемѣнилъ мысли. Тутъ прибылъ помянутый епископъ Павелъ, который и крестилъ конунга и его народъ (Въ сагѣ говорится о матери Владимира, которая была очень старая и слабая, такъ что непрестанно лежала на одрѣ болѣзни, но которая по внушенію прорицательнаго духа предъугадывала будущее и предрекла обращеніе Владимира въ христіанство чрезъ Олава: можно думать, что сага разумѣетъ тутъ бабку Владимирову Ольгу).

Олавъ, сынъ Триггвіевъ,—Триггвезонъ, король Норвежскій, былъ вводителемъ христіанства въ Норвегіи, къ каковому дѣлу онъ приступилъ не ранѣе 993—995-го года, т. е. уже послѣ Владимирова крещенія. Но годъ его приступа къ крещенію Норвежцевъ былъ вмѣстѣ годомъ и его возвращенія въ Норвегію изъ продолжительныхъ странствованій по чужимъ землямъ и самъ онъ крестился гдѣ-то (по Неандеру—въ Англіи) и когда-то еще во время этихъ странствованій. Если онъ крестился и не въ Греціи и позднѣе Владимира, все таки можетъ быть принимаемо, что во время своего проживанія у послѣдняго,—а это признается фактомъ,—онъ дѣйствительно склонялъ его къ принятію христіанства, ибо есть основанія полагать, что намѣреніе сдѣлать тоже самому было принято имъ болѣе или менѣе задолго до дѣйствительнаго крещенія (cfr *Неандера* Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche, VI Band, 4 Aufl. S. 32)[1].

---

[1]) Но если бы, наконецъ, сага говорила и совершенную неправду (хотя и трудно предполагать, чтобы въ Исландіи стали сочинять совершенную неправду о нашемъ Владимирѣ), то ущерба отъ этого намъ не было бы рѣшительно никакого (ибо сага, въ случаѣ, если она говоритъ правду, служитъ только къ подтвержденію нашихъ предположеній).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Управленіе.

I.

Введеніе управленія. — Митрополія и митрополиты.

Когда говорятъ о нашемъ первоначальномъ церковномъ управленіи, то обыкновенно принимаютъ за нѣчто само собой и естественно предполагаемое — тотъ случай, что Русская церковь въ административномъ отношеніи была подчинена церкви Греческой; почему, проходя молчаніемъ самый фактъ этого подчиненія, какъ не требующій объясненій, прямо обращаются къ рѣчи о томъ, въ чемъ и какъ оно выразилось. На самомъ дѣлѣ, это подчиненіе вовсе не составляетъ подобнаго нѣчто, само собой предполагаемаго, и первая рѣчь, которая должна быть въ настоящей главѣ о нашемъ церковномъ управленіи въ періодъ до-монгольскій, есть именно рѣчь о томъ фактѣ, что Русская церковь при ея основаніи не получила самостоятельности и была подчинена въ административномъ отношеніи церкви Греческой. Должно различать особые одинъ отъ другаго вопросы о пользѣ и о правѣ. Очень можетъ быть, что подчиненіе было для Русской церкви полезно, но объ этомъ рѣчь другая, а сначала рѣчь о правѣ, отдѣльно взятомъ и самомъ по себѣ. Рѣчь эта тѣмъ болѣе весьма не излишня, что далеко не всѣ у насъ яснымъ образомъ представляютъ себѣ, какъ имѣетъ себя право въ данномъ случаѣ.

Церковное управленіе слагается, если можно такъ выразиться, изъ двухъ элементовъ — изъ того, что̀ есть въ немъ богоучрежденнаго, и того, что̀ есть въ немъ обыкновеннаго, человѣческаго. Богоучрежденное въ церковномъ управленіи составляетъ то, что каждое отдѣльное христіанское общество, большое или малое, должно имѣть свою іерархію, состоящую изъ епископа, пресвитеровъ и діаконовъ, все же остальное въ немъ, составляющее систему такъ называемой админи-

стративной централизаціи, есть происхожденія столько же человѣческаго, какъ все вообще человѣческое, какъ всѣ порядки обыкновенныхъ человѣческихъ или гражданскихъ обществъ. Первоначально каждая отдѣльная церковная община, какъ бы она мала ни была и хотя бы заключалась въ одномъ селѣ или въ одной деревнѣ, если она имѣла своего епископа, была церковью совершенно самостоятельной и ни отъ кого независимой, ибо она представляла изъ себя совершенно полную частную церковь [1]). По этому богоучрежденному порядку, не полагающему ничего болѣе, какъ отдѣльную, большую или малую, общину съ епископомъ во главѣ, церковь вселенская имѣла представлять изъ себя совокупность такого же безчисленнаго множества независимыхъ и самостоятельныхъ, соединяемыхъ и объединяемыхъ только узами братской любви и ничѣмъ болѣе, частныхъ церквей, сколько въ ней было общинъ. Но такъ какъ люди, по своей природѣ несовершенные, не въ состояніи осуществлять идеаловъ божественныхъ и не могутъ поддерживать въ своей средѣ мира и добраго ряда однимъ духомъ любви, то богоучрежденное въ церкви скоро потребовалось дополнить человѣческимъ, именно—по подобію гражданскихъ обществъ ввести въ ней систему подчиненія и административной централизаціи. Эта система централизаціи, будучи по своему происхожденію нисколько не божественною, а обыкновенною человѣческою, имѣетъ въ церкви совершенно тѣ же значеніе и авторитетъ, что въ обыкновенныхъ гражданскихъ обществахъ или, иначе сказать, церковь совершенно приравнивается по ней къ этимъ послѣднимъ.

---

[1]) Въ первое время не было приходовъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, т. е. отдѣльныхъ церковныхъ общинъ съ своими особыми церквами, которыя бы находились подъ завѣдываніемъ только пресвитеровъ или священниковъ. Въ первое время каждая таковая отдѣльная община, имѣвшая свою особую церковь, какъ бы она ни была незначительна и хотя бы ограничивалась одной деревней, представляла изъ себя полную частную церковь — имѣла своего епископа съ бо́льшимъ или меньшимъ соборомъ пресвитеровъ (Епископы селъ и деревень — хорепископы, которые первоначально были столько же полными и полноправными епископами, какъ и епископы городовъ). Церковь и при ней особая община, собственно говоря, необходимо предполагаютъ епископа, ибо каждая община есть особая частная церковь въ смыслѣ духовномъ, а эта послѣдняя не можетъ быть безъ епископа; и сіе-то разумѣетъ Игнатій Богоносецъ или вообще древній писатель, извѣстный подъ его именемъ, когда говоритъ: „одинъ жертвенникъ, какъ одинъ епископъ со пресвитерствомъ и діаконами“ (Посл. къ Филадельф. гл. 4, cfr апост. пр. 31, Антіох. соб. пр. 5, Карѳаг. соб. пр. 10). О происхожденіи приходовъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, которые по отношенію къ каѳедральной церкви епископа собственно суть филіалы, выставки, приписныя церкви, скажемъ ниже.

Все человѣческое, будетъ ли оно въ государствѣ или въ церкви, дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать только въ предѣлахъ обыкновенныхъ человѣческихъ правъ. Слѣдовательно, церковное управленіе во всемъ объемѣ своей административной централизаціи, которая не есть въ ней божественное, а есть просто человѣческое, совершенно равносильно и однозначуще съ управленіемъ государственнымъ и ограничивается тѣмъ же самымъ объемомъ правъ, что и это второе, ни болѣе, ни менѣе. Въ сферѣ государственной, по отношенію къ международному, занимающему насъ, вопросу между людьми твердо признано и общепринято — во-первыхъ, что одно государство не имѣетъ права посягать на подчиненіе себѣ другаго, — во-вторыхъ, что каждое государство у себя дома имѣетъ полное право распоряжаться своими дѣлами совершенно самостоятельно и ни отъ кого независимо. Эти два общія положенія имѣютъ совершенно одинаковое значеніе какъ въ области чисто государственной, такъ и въ области церковной, поколику послѣдняя (во всемъ объемѣ своей административной централизаціи) не есть область собственно церковная, а церковно-государственная.

Какъ ни одно государство не имѣетъ права посягать на подчиненіе себѣ другаго и какъ каждое государство имѣетъ право распоряжаться своими внутренними дѣлами совершенно самостоятельно, такъ, въ буквальную, можно сказать, параллель къ этому, ни одна частная церковь не имѣетъ права посягать на подчиненіе себѣ другой таковой же и каждая частная церковь имѣетъ право устроять свои внутреннія дѣла совершенно ни отъ кого независимо. Объёмъ и сущность правъ въ послѣднемъ случаѣ совершенно одни и тѣ же, что и въ первомъ, ибо и въ церкви въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не право божественное, которое сюда вовсе не простирается, а обыкновенное право человѣческое.

Такимъ образомъ, частная церковь Греческая имѣла совершенно такое же право подчинить себѣ частную церковь Русскую, какое право имѣло бы государство Греческое подчинить себѣ государство Русское, т. е. не имѣла права ни малѣйшаго и вовсе никакого [1]). И однако это подчиненіе не только имѣло мѣсто, но, какъ необходимо предполагать, было выдаваемо со стороны Грековъ за дѣло совершенно естественное и натуральное, — за дѣло, которому такъ и надлежало быть. Какъ же это могло случиться?

---

[1]) Т. е. имѣла совсѣмъ такое же право, съ какимъ въ настоящее время патріархи Константинопольскіе изъявили бы притязаніе на новое подчиненіе себѣ Русской церкви.

Въ области церкви такъ же, какъ и области государства, люди сохраняютъ наклонность злоупотреблять своими правами, преувеличивая ихъ значеніе и перетолковывая ихъ по своему желанію. Въ церкви Греко-Римской, не на основаніи какихъ нибудь предписаній божественныхъ, а просто волею человѣческою, учреждена была система административной централизаціи, которая на высшей своей ступени состояла изъ пяти патріархатовъ. Эти административные пять патріархатовъ, имѣвшіе все свое значеніе для церкви Греко-Римской, которою и для которой были учреждены, для другихъ церквей имѣли столько же значенія, сколько для другихъ государствъ имѣло значенія то обстоятельство, что имперія Греко-Римская раздѣлена была на такое, а не другое, количество генералъ-губернаторствъ (діоцезовъ), т. е. рѣшительно и совершенно никакого. Но Греки, нѣкоторое время представлявшіе собою почти всю вселенскую церковь, ибо христіанская вселенная нѣкоторое время вся заключалась въ предѣлахъ имперіи Греко-Римской, возъимѣли притязаніе смотрѣть на эти, касавшіеся ихъ и никого болѣе, патріархаты, какъ на административный строй, имѣвшій обнимать собою всю церковь вселенскую, и въ то же время, такъ какъ о патріархатахъ говорятъ вселенскіе соборы, производить ихъ учрежденіе не отъ своей собственной воли, но отъ воли Божественной, дѣйствовавшей черезъ эти послѣдніе. «Вселенскіе соборы учредили пять патріаршествъ для всей церкви вселенской», т. е. иначе сказать — вселенскіе соборы будто бы опредѣлили, чтобы всѣ церкви во вселенной находились подъ вѣдѣніемъ церкви Греко-Римской, — таковы были взгляды, притязанія и увѣренія позднѣйшихъ Грековъ [1]. Эти притязанія были совершенно равносильны тому, какъ если бы

[1]) „Пять патріаршествъ знаемъ во всемъ мірѣ, ибо какъ тѣло наше управляется пятью чувствами, такъ и Христово тѣло — церковь вѣрныхъ управляется пятью чувствами — пятью престолами“, говоритъ патріархъ Антіохійскій Петръ (первой половины XI в.) въ посланіи къ патріарху Аквилейскому; „пяти патріархамъ раздѣлены церкви (αἱ ἐνορίαι) четырехъ предѣловъ вселенной“, говоритъ Ѳеодоръ Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ на правила, — у *Ралли* и *П.* II, 41 fin., и IV, 408 fin. (Вальсамонъ буквально повторяетъ приведенныя слова нѣсколько разъ; на этомъ основаніи можно думать, что онъ беретъ ихъ готовыми изъ сложившагося, такъ сказать, катихизиса греческихъ притязаній). См. также Нила Доксопатра въ его Τάξις'ἐ τῶν πατριαρχικῶν θρόνων, — въ Патрол. *Миня* t. 132, col. 1097 (Ученіе о пяти патріархатахъ впервые было высказано Греками на Константинопольскомъ соборѣ 869-го года, на которомъ представитель со стороны императора патрицій Ваанисъ говорилъ: Posuit Deus Ecclesiam suam in quinque patriarchiis, et definivit in Evangeliis suis, ut nunquam aliquando penitus decidant, eo quod capita Ecclesiae sint).

Греки говорили, что вселенскіе соборы подчинили всѣ государства въ мірѣ ихъ государству греческому. Но такъ какъ, выдумывая притязанія, они исключительно себѣ же самимъ усвояли право и суда относительно ихъ вѣрности, то людямъ новымъ въ христіанствѣ и не знавшимъ своихъ правъ ничего не оставалось болѣе, какъ соглашаться съ ними. «Я тебѣ говорю, что ты обязанъ платить мнѣ деньги; ты не долженъ сомнѣваться въ своей обязанности, ибо это говорю тебѣ я, а я знаю твои обязанности», — именно въ этомъ, нѣсколько оригинальномъ, видѣ имѣло себя дѣло [1].

---

[1]) Если бы пять патріархатовъ Греко-Римскихъ и дѣйствительно учреждены были вселенскими соборами, то изъ этого ровно бы ничего не слѣдовало. Канонисты греческіе забываютъ, что вселенскіе соборы вмѣстѣ съ общими дѣлами всей вселенской церкви занимались еще частными дѣлами и церкви Греко-Римской: учрежденіе ими пяти патріархатовъ, если бы оно дѣйствительно имѣло мѣсто, значило бы только учрежденіе ими сихъ патріархатовъ для этой церкви Греко-Римской и болѣе ничего. Но вселенскіе соборы вовсе и не учреждали патріархатовъ, которые вмѣстѣ со всей системой церковно-административной централизаціи явились еще до нихъ (1-го всел. соб. прр. 6 и 7 и 3-го всел. соб. пр. 8) и которые во времена ихъ, но вовсе не по ихъ установленію, стали называться патріархатами вмѣсто прежняго имени діоцезовъ, διοίκησις, какъ назывались высшіе церковно-административные округи дотолѣ, заимствовавъ имя отъ діоцезовъ или генералъ-губернаторствъ гражданскихъ, которымъ они соотвѣтствовали, подобно тому какъ и вся вообще церковно-административная централизація вполнѣ соотвѣтствовала централизаціи гражданской (имя патріарха, въ 4 вѣкѣ, Григоріями Богословомъ и Нисскимъ, употребляемое какъ почетный титулъ всякаго епископа, Suiceri Thes. Eccl. II, 640, впервые употребляется какъ частнѣйшее имя высшихъ предстоятелей церкви, вмѣсто прежнихъ именъ: епископъ, экзархъ діоцеза и архіепископъ, въ Дѣяніяхъ 4 вселенскаго собора, Русск. Казанск. перев. Дѣянн. т. III стр. 575, и у историка Сократа, V, 8). По отношенію къ патріархатамъ или церковнымъ діоцезамъ вселенскіе соборы сдѣлали только то, что отчасти сами нарушили, отчасти допустили и признали нарушеніе ихъ полнаго соотвѣтствія съ діоцезами гражданскими, именно — 4-й вселенскій соборъ, во-первыхъ, соединилъ подъ власть одного патріарха (діоцезальнаго епископа) Константинопольскаго (который, послѣ перенесенія столицы государства изъ Рима въ Константинополь, ставъ таковымъ въ діоцезѣ Ѳракійскомъ вмѣсто епископа Ираклійскаго, былъ признанъ въ семъ достоинствѣ и вмѣстѣ въ своемъ старшинствѣ предъ всѣми діоцезальными епископами послѣ Римскаго 2-мъ вселенскимъ соборомъ, пр. 3) три діоцеза — Ѳракійскій, Понтійскій и Азійскій, пр. 28, — во-вторыхъ, призналъ выдѣленіе изъ діоцеза Антіохійскаго и возведеніе въ особые патріархаты (съ отдѣльнымъ отъ діоцеза округомъ) епископіи Іерусалимской, что было сдѣлано императоромъ Ѳеодосіемъ Младшимъ, Дѣянн. Собб. Русск. Казанск. перев. т. IV стр. 170, sqq. Вообще, Греко-Римскіе патріархаты были административные округи частной Греко-Римской церкви и болѣе ничего: какое отношеніе они могли имѣть къ церкви вселенской и какимъ образомъ они могли быть учреждены для всей ея? Само собою разумѣется, что

Такимъ образомъ, Греческая церковь не имѣла совершенно никакого права на то, чтобы подчинять себѣ церковь Русскую, и послѣдняя не имѣла совершенно никакой обязанности къ тому, чтобы признать надъ собою власть церкви Греческой.

Но этого мало. Изъясняя всѣ права, которыя въ данномъ случаѣ имѣли Русскіе, — что къ нашему предмету пожалуй прямо и не относится, но что не излишне для полноты рѣчи, — мы должны сказать гораздо болѣе. Права частныхъ церквей въ устройствѣ своей внутренней администраціи, какъ мы говорили выше, совершенно одинаковы съ правами въ этомъ отношеніи частныхъ государствъ, ибо въ томъ и другомъ случаѣ они совершенно одни и тѣ же. Какъ устройство администраціи каждаго государства принадлежитъ исключительно ему самому и никому болѣе, такъ и совершенно въ той же мѣрѣ

никто никогда не опредѣлялъ, чтобы патріархатовъ было во вселенской церкви пять, а не болѣе; но равнымъ образомъ никто никогда не опредѣлялъ и того, чтобы ихъ было пять, а не болѣе, и въ церкви Греко-Римской. — Въ діоцезахъ Ѳракійскомъ и Азійскомъ, подчиненныхъ патріарху Константинопольскому, жили народы варварскіе или были населенія инородческія, негреческія, области которыхъ, въ изъятіе изъ общаго порядка управленія, не составляли изъ себя митрополій съ подчиненными епископіями, и каждая составляла изъ себя только одну епископію (въ діоцезѣ Ѳракійскомъ область Малая Скиѳія съ епископомъ въ городѣ Томи, въ діоцезѣ Азійскомъ область Исаврія съ епископомъ въ городѣ Исаврополѣ, Cod. Iustin. lib. 1, tit. III c. 36, Номокан. Фотія тит. 1, гл. 20). Четвертый вселенскій соборъ, подчиняя помянутые діоцезы патріарху Константинопольскому, постановляетъ относительно епископовъ инородческихъ областей, чтобы они зависѣли не отъ какихъ нибудь сосѣднихъ митрополитовъ, а непосредственно отъ самаго патріарха и были поставляемы не кѣмъ либо изъ первыхъ, а самимъ послѣднимъ: „въ діоцезахъ Понтійскомъ, Азійскомъ и Ѳракійскомъ должны быть поставляемы святѣйшимъ престоломъ святѣйшей церкви Константинопольской только митрополиты (но не епископы, которые должны быть ставимы своими, подчиненными патріарху, митрополитами), а также отъ него же должны быть поставляемы и епископы варварскихъ областей въ указанныхъ выше діоцезахъ (ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων, пр. 28). Это весьма простое опредѣленіе вселенскаго собора канонисты Греческіе (Зонара и Вальсамонъ въ толкованіяхъ на помянутое правило) понимаютъ такъ, будто соборъ предопредѣлилъ во власть патріарха Константинопольскаго всѣ имѣвшіе принимать христіанство варварскіе или новые народы, какъ зависимые, такъ и независимые отъ Грековъ, въ томъ числѣ и насъ Русскихъ... (2-е правило 2-го вселенскаго собора говоритъ о тѣхъ же въ несобственномъ смыслѣ народахъ варварскихъ, жившихъ въ предѣлахъ имперіи и церкви Греческой, а не о какихъ нибудь народахъ въ собственномъ смыслѣ, представлявшихъ изъ себя особыя государства, и разумѣетъ то, что „по утвердившемуся обычаю отцевъ“ ихъ области должны быть управляемы каждая однимъ епископомъ, а не митрополитами съ епископами).

устройство внутренней администраціи каждой частной церкви принадлежитъ исключительно ей самой и никому болѣе. Слѣдовательно, Русская церковь не только имѣла право на то, чтобы быть совершенно самостоятельною и независимою, но еще и на то, чтобы устроить свою внутреннюю администрацію такъ, какъ ей самой желалось и представлялось лучшимъ, исключительно по своей собственной волѣ. Говоря это послѣднее, мы думаемъ сказать не только то, что Русскіе, не смѣя превосходить Грековъ или даже и равняться съ ними, могли только до нѣкоторой степени подражать имъ, а то, что они имѣли безусловно неограниченное право поступать такъ, какъ сами хотѣли. Въ Греко-Римской имперіи система церковной администраціи состояла въ раздѣленіи всей области церкви на пять патріархатовъ съ подчиненными имъ митрополіями. Русскіе имѣли полное право учредить у себя не только тѣ же пять патріархатовъ, но даже и болѣе и вообще столько, сколько бы сами пожелали [1]). Вмѣсто системы патріар-

---

[1]) Выражаясь такъ, мы имѣемъ въ виду право какъ чистое право, въ его отвлеченности и въ его неограниченной полнотѣ; а было ли бы сообразно съ положеніемъ тогдашней Русской церкви учрежденіе многихъ патріархатовъ, это, конечно, другой вопросъ. Что, усвояя Русскимъ право учредить нѣсколько или сколько хотѣли патріархатовъ, мы не проповѣдуемъ какое нибудь неправославіе, какъ это пожалуй можетъ показаться иному читателю, сошлемся на XVII в., которому извинительно было бы даже и неканоническое принимать за каноническое: когда Симеонъ Полоцкій предложилъ свой извѣстный проектъ учредить въ Россіи именно столько патріархатовъ, сколько ихъ было въ имперіи Греко-Римской, т. е. пять, то не нашли его мысли антиканоническою и еретическою (ибо она была было принята царемъ и обсуждаема), а только неудобо-исполнимою. Прежде Полоцкаго доказывалъ Грекамъ, что ихъ четыре патріаршества были только для ихъ царства и что онѣ учреждены не вселенскими соборами, а „по царскому изволенію", извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ (Статейный списокъ или такъ называемый Малый Проскинитарій, — бесѣда 6-го Іюня. А что вообще независимый государь можетъ устроить у себя патріаршій престолъ, см. Извѣстіе о началѣ патріаршества въ Россіи, въ Дополнн. къ Актт. Историч. т. 2 стр. 191 sub fin.: „благочестивый царь... аще и по власти (т. е. своей собственной) можаше превысочайшій престолъ патріаршескій устроити, яко царь и самодержецъ"...). — Когда по поводу учрежденія независимой церкви въ нынѣшнемъ королевствѣ греческомъ патріархъ Константинопольскій возобновилъ старыя рѣчи о богоучрежденности будто бы пяти патріархатовъ, то ему пришлось услышать рѣшительную отповѣдь и отъ самихъ Грековъ: со стороны Аѳинской было написано нѣсколько сочиненій, въ которыхъ опровергается эта мнимая богоучрежденность со всею подобающею доказательностію (особенно сочиненіе Фармакида Ὁ συνοδικὸς τόμος ἢ περὶ ἀληθείας, ἐν Ἀθήναις, 1852, въ которомъ см. ч. 1 гл. 3: Περὶ τῆς ἐπὶ τῶν ἀποστόλων καὶ τῆς μετ' αὐτοὺς διοικήσεως τῆς ἐκκλησίας. Впрочемъ, уже и въ старое время Греки писали противъ самихъ себя, когда опровергали притязанія папы на главенство, называя эти при-

хатовъ съ митрополіями они имѣли право ввести какую нибудь другую систему [1]); однимъ словомъ — имѣли право устроить свою церковную администрацію совершенно независимо отъ Грековъ и ихъ примѣра, единственно своимъ собственнымъ разумомъ и по своему собственному усмотрѣнію.

Такъ имѣетъ себя вопросъ о чистомъ правѣ. Мы уже говорили выше и здѣсь снова (для нѣкоторыхъ читателей) повторяемъ, что право и польза суть вещи совсѣмъ различныя между собою и совсѣмъ отдѣльныя одна отъ другой. Рѣшая вопросъ о правѣ, мы разумѣемъ одно чистое право и ничего болѣе. Что касается до того, была ли зависимость Русской церкви отъ церкви Греческой благомъ для первой или зломъ, то на этотъ особый и самъ по себѣ вопросъ мы и отвѣчать будемъ особо.

Первое учрежденіе у насъ церковнаго управленія, о которомъ, къ сожалѣнію, вовсе ничего не говоритъ наша первоначальная лѣтопись, пока покрыто мракомъ совершенной неизвѣстности. Что Греки предложили Владиміру и вмѣстѣ потребовали отъ него, чтобы Русская церковь была подчинена церкви Греческой въ качествѣ ея митрополіи, — это необходимо предполагать. Что Владиміръ не могъ ничего отвѣчать и возражать имъ на это отъ каноническаго права, котораго совсѣмъ не зналъ, это также предполагается само собою. Изъ всего этого слѣдовало бы заключать, что Русская церковь стала той митрополіей Константинопольскаго патріархата, которою мы ее единственно знаемъ, съ самаго перваго введенія у насъ церковнаго управленія. Но существуютъ основанія думать, что первоначально дѣло было не такъ, а именно — что Русская церковь первоначально получила было самостоятельность или независимость съ титуломъ своего высшаго предстоятеля архіепископъ, каковой титулъ, по его позднѣйшему употребленію у Грековъ, носили предстоятели частныхъ церквей, независимыхъ отъ ихъ пяти патріарховъ [2]). Двое древнихъ нашихъ писателей—мо-

---

тязанія, одинаковыя съ тѣми, которыя сами они предъявляли по отношенію къ другимъ народамъ, стремленіемъ къ тиранніи въ церкви и къ ея порабощенію: Левъ Ахридскій, Никита Стиѳатъ, Нилъ Кавасила и другіе).

[1]) Какъ это у насъ въ настоящее время и дѣйствительно есть.

[2]) Представляя собою изъятіе изъ общаго порядка управленія, позднѣйшіе архіепископы были у Грековъ двухъ классовъ — низшіе и высшіе митрополитовъ: архіепископы, низшіе митрополитовъ, были такіе епископы, которые, не подчиняясь, какъ того требовалъ общій порядокъ, мѣстнымъ или окружнымъ митрополитамъ, зависѣли прямо и непосредственно отъ патріарховъ, — такихъ архіепископовъ въ позднѣйшее время было очень много. см. каталоги архіерейскихъ каѳедръ у *Ралли* и *П.* V, 456 и 475; архіепископы, высшіе митрополитовъ, были такіе митрополиты,

нахъ Іаковъ, о которомъ была рѣчь у насъ выше, и преп. Несторъ Печерскій, говоря о нашихъ древнихъ митрополитахъ, усвояютъ имъ вмѣстѣ съ титуломъ митрополита титулъ архіепископа, именно—первый изъ нихъ въ своемъ Сказаніи страстей святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба называетъ то митрополитомъ, то архіепископомъ митрополита Іоанна, который былъ вторымъ высшимъ предстоятелемъ нашей церкви, а послѣдній въ своемъ Житіи тѣхъ же мучениковъ называетъ то однимъ, то другимъ именемъ митрополитовъ Іоанна и Георгія [1]). Отъ перваго высшаго предстоятеля нашей церкви Леона или Льва мы имѣемъ на греческомъ языкѣ одно сочиненіе. Въ надписаніи большей части извѣстныхъ въ настоящее время списковъ сочиненія читается: Λέοντος μητροπολίτου, но въ надписаніи одного списка вмѣсто μητροπολίτου стоитъ ἀρχιεπισκόπου [2]), и такъ какъ позднѣйшее превращеніе ἀρχιεπισκόπου въ μητροπολίτου,—намъ извѣстно сочиненіе въ спискахъ позднѣйшихъ,—будетъ для насъ совершенно понятно, а обратное превращеніе изъ μητροπολίτου въ ἀρχιεπισκόπου останется далеко не совсѣмъ понятнымъ: то вѣроятнѣйшимъ первоначальнымъ чтеніемъ должно быть считаемо второе. Но монахъ Іаковъ и преп. Несторъ не могли усвоять нашимъ митрополитамъ титулъ архіепископа и не могъ присвоять себѣ этого титула митр. Левъ ни съ того ни съ сего, потому что титулы: архіепископъ и митрополитъ вовсе не были титулы однозначащіе или тождественные. Какъ же объяснять это? Можно объяснять двумя

которые, не подчиняясь патріархамъ, пользовались совершенной независимостью и автономіей или которые въ сущности были тоже, что сами патріархи и отличались отъ послѣднихъ только именемъ, — такихъ архіепископовъ, называвшихся автокефальными, что значитъ самоглавный, т. е. самостоятельный, независимый, было немного: Кипрскій (сохраняющій свои права до настоящаго времени,—6-го всел. соб. пр. 39), первой Юстиніаны, Иверскій (у *Ралли* и *П.* II, 172, а потомъ два Иверскихъ), Болгарскій и Сербскій (о второмъ и двухъ послѣднихъ см. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей Болгарской, Сербской и Румынской).

[1]) Іаковъ въ разсказѣ чуда о слѣпомъ („Ярославъ князь, слышавъ о чудѣ, славляше Бога и святую мученику и, призвавъ митрополита, съ весельемъ сказаше ему вся; архіепископъ же, слышавъ, хвалу воздавъ Богу"...); Несторъ въ разсказѣ о томъ же чудѣ и въ разсказѣ о построеніи Изяславомъ церкви (первый называетъ митрополита архіепископомъ одинъ разъ, второй митрополитовъ архіепископами—много разъ).

[2]) См. покойнаго *В. И. Григоровича* Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, Казань 1848, стр. 14 (τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Ῥωσίας Λέοντος λόγος и пр.). А еще въ одномъ спискѣ стоитъ ἐπισκόπου, что, очевидно, изъ ἀρχιεπισκόπου,— *А. С. Павлова* Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей Греко-Русской полемики противъ латинянъ, Спб., 1878, стр. 115 прим.

предположеніями: или что Греки дали Русскимъ при учрежденіи ихъ церкви обыкновеннаго митрополита, подчиненнаго Константинопольскому патріарху, но только почтили и отличили митрополита отъ другихъ митрополитовъ титуломъ архіепископа безъ соединенныхъ съ нимъ правъ, т. е. дали архіепископа, такъ сказать, только титулярнаго; или что они дали было имъ дѣйствительнаго, дѣйствительно автокефальнаго, архіепископа, т. е. при первомъ учрежденіи Русской церкви признали было за нею независимость отъ Константинопольскаго патріарха или самостоятельность. Но предполагать первое не представляется намъ вѣроятнымъ, съ одной стороны, потому, что подобныхъ титулярныхъ архіепископовъ у Грековъ не было, а съ другой стороны и главное—, потому, что останется для насъ совершенно непонятнымъ, почему предстоятели Русской церкви не удержали почетнаго титула архіепископа, какъ своего обыкновеннаго титула, т. е. почему вмѣсто митрополитовъ не стали они называться архіепископами. Предполагать второе не представляетъ ничего особенно невѣроятнаго. Мы сказали выше, что противъ требованій Грековъ, чтобы Русская церковь была подчинена церкви Греческой въ качествѣ ея митрополіи, Владиміръ не могъ ничего возразить отъ чистаго каноническаго права, такъ какъ совсѣмъ его не зналъ. Но онъ могъ искать и требовать для Русской церкви независимости, опираясь не на право, котораго не зналъ, а на примѣръ, который видѣлъ. Передъ нимъ находилась церковь Болгарская, которая была совершенно то же, что̀ церковь Русская, т. е. столько же новая и недавняя. Такъ какъ эта послѣдняя имѣла автокефальнаго архіепископа, то естественно было и Владиміру потребовать, чтобы Русской церкви дано было то же самое, что̀ было дано ей. Мы знаемъ, что Греки заставлены были дать автокефалію Болгарскимъ митрополитамъ политическою нуждой [1]). Но подобнымъ образомъ и Владиміръ велъ переговоры съ ними о своемъ церковномъ управленіи изъ взятаго у нихъ города и въ то время, какъ императоры Константинопольскіе весьма нуждались въ его военной помощи. Въ первомъ случаѣ къ нуждѣ присоединилось добровольное расположеніе со стороны императора вслѣдствіе того обстоятельства, что имѣлъ мѣсто бракъ Болгарскаго государя съ Греческою царевной. Но то же самое было и при второмъ случаѣ [2]).

---

[1]) См. въ нашей указанной книгѣ.

[2]) Позволяя себѣ пускаться въ область предположеній, можно предполагать, что Владиміръ хотѣлъ вступить въ сношенія съ Греками послѣ принятія христіанства въ качествѣ ихъ побѣдителя не потому только, что указано нами выше,

Такимъ образомъ, повторяемъ, существуютъ основанія думать, что при первомъ учрежденіи Русской церкви Греки признали было за нею независимость и самостоятельность, давъ ей автокефальнаго архіепископа. Но если согласиться принимать это, то изъ тѣхъ же монаха Іакова и преп. Нестора будетъ слѣдовать, что періодъ самостоятельнаго существованія русской церкви былъ чрезвычайно непродолжителенъ, —что онъ представлялъ изъ себя лишь мимолетный эпизодъ, который ограничивался и всего нѣсколькими годами и кончился или вскорѣ послѣ смерти Владиміра святаго или даже еще при его жизни. Мы сказали, что Іоанна, который былъ вторымъ высшимъ предстоятелемъ Русской церкви послѣ Леона или Льва, Іаковъ и Несторъ называютъ то архіепископомъ, то митрополитомъ: по отношенію къ его предшественнику на основаніи этого должно заключать, что тотъ былъ дѣйствительный архіепископъ, потому что иначе осталось бы для насъ необъяснимымъ, откуда у него (Іоанна) взялся титулъ архіепископа; но по отношенію къ нему самому слѣдуетъ, что онъ не былъ уже дѣйствительнымъ архіепископомъ, а, будучи титулуемъ такъ въ несобственномъ смыслѣ и только какъ бы по наслѣдству, былъ уже митрополитомъ, ибо усвоять титулъ митрополита дѣйствительному архіепископу значило бы унижать и умалять его достоинство. Допускать такой мимолетный эпизодъ независимаго существованія Русской церкви, по видимому, очень странно и очень невѣроятно; на самомъ дѣлѣ въ этомъ не будетъ ничего страннаго и невѣроятнаго. Позднѣйшіе Греки признавали автокефалію или независимость за церквами народовъ, которые принимали отъ нихъ христіанство, только съ величайшей неохотой, когда были къ этому вынуждаемы или побуждаемы особыми обстоятельствами (примѣръ Болгаръ и Сербовъ, о которомъ см. въ нашей помянутой книгѣ «Краткій очеркъ»): Владиміру въ минуту заимствованія имъ отъ нихъ іерархіи по указаннымъ нами обстоятельствамъ они нашлись вынужденными дать автокефалію его Русской церкви; но скоро потомъ они могли надумать, чтобы взять этотъ даръ назадъ. Россія представляла собою страну, церковная власть надъ которой должна была представляться Грекамъ чрезвычайно важною по соображеніямъ и церковнымъ и политическимъ: въ первомъ случаѣ патріархи Константинопольскіе могли разсчитывать на то, чтобы, въ случаѣ нуждъ, собирать черезъ митрополитовъ въ обширной странѣ богатую воитію (βοήθεια) или производить въ ней денежные сборы; во

но и по сейчасъ указанному, т. е., чтобы имѣть возможность потребовать у нихъ автокефаліи своей церкви.

второмъ случаѣ они могли разсчитывать на Русскихъ, какъ на союзниковъ и помощниковъ себѣ въ своей непрестанной борьбѣ съ многочисленными и со всѣхъ сторонъ окружавшими ихъ врагами. По этимъ причинамъ и было очень возможно случиться тому, чтобы, бывъ вынуждены дать Русской церкви автокефалію при самомъ ея учрежденіи, они тотчасъ же потомъ начали стараться объ ея подчиненіи себѣ. Могли достигнуть они этого самовластно, вынудивъ Русскихъ признать свою церковную власть; могли достигнуть они этого и такъ, чтобы склонить Русскихъ признать свою власть добровольно. Что касается до возможности перваго случая, то все дальнѣйшее поведеніе Русскихъ по отношенію къ Грекамъ не только въ продолженіе періода домонгольскаго, но и послѣ, удостовѣряетъ насъ въ томъ, что они не оказали бы Грекамъ рѣшительнаго сопротивленія (какъ оказали его въ нашемъ случаѣ Болгары). Что касается до втораго случая, то Греки могли убѣдить Русскихъ къ добровольному признанію своей власти изображеніемъ ея полезности и необходимости для нихъ, какъ для народа новаго въ христіанствѣ. Если предполагать первый случай, то нужно будетъ думать, что онъ имѣлъ мѣсто уже послѣ смерти св. Владимира, ибо невѣроятно допустить, чтобы Греки рѣшились насильственно посягнуть на самостоятельность Русской церкви уже при немъ самомъ; при предположеніи нашего случая временемъ посягновенія Грековъ на самостоятельность Русской церкви нужно было бы считать первые годы правленія Ярослава, когда онъ еще не былъ тѣмъ великимъ Ярославомъ, какимъ сталъ впослѣдствіи [1]). Если предполагать второй случай, то очень возможно, что онъ имѣлъ мѣсто еще при самомъ Владимирѣ и что при этомъ весьма не мало помогла Грекамъ его супруга—сестра императоровъ.

Наше предположеніе эпизода автокефаліи не имѣетъ особенной твердости и мы не настаиваемъ на немъ усиленнымъ образомъ (хотя безъ него мы и не въ состояніи объяснить себѣ удовлетворительнымъ образомъ, откуда взялся у нашихъ митрополитовъ титулъ архіепископа).

---

[1]) Въ нашемъ случаѣ временемъ посягательства всего вѣроятнѣе было бы считать смерть Леона или Льва и замѣну его Іоанномъ; но когда умеръ одинъ и когда занялъ каѳедру другой, остается намъ совершенно неизвѣстнымъ. Въ первомъ изданіи мы высказываемъ догадку, что Іоаннъ могъ быть природнымъ Русскимъ. Но въ виду недосмотрѣннаго нами положительнаго свидѣтельства, что служба свв. Борису и Глѣбу была написана имъ по-гречески, мы должны отказаться отъ догадки. Свидѣтельство представляетъ собою надпись надъ канономъ святымъ, которая читается: „Канонъ святынма, имѣяи по главамъ *грьчьскыи* стихъ ся: Давиду пѣснь приношу (и) Роману“, см. 2-й половины тома стр. 431.

Но во всякомъ случаѣ, еще повторяемъ, эпизодъ не долженъ быть принимаемъ за что-нибудь невозможное и невѣроятное [1]).

Оставляя этотъ краткій эпизодъ автокефаліи, если только онъ имѣлъ мѣсто, и обращаясь къ тому, что послѣ него стало или же съ самаго начала было установлено въ дѣйствительности, мы находимъ, что Русская церковь не образовала изъ себя въ отношеніи къ управленію независимой частной церкви, но была присоединена къ церкви Греческой, какъ административная часть послѣдней, именно— что изъ всей ея была сдѣлана одна митрополія и что какъ таковая она была подчинена патріарху Константинопольскому наравнѣ со всѣми прочими собственно греческими его митрополіями.

Русская церковь явилась митрополіей Константинопольскаго патріархата совершенно исключительной, ибо, съ одной стороны, была именно цѣлая частная церковь, обнимавшая цѣлое самостоятельное государство, а съ другой стороны — по своей обширности не только превосходила весь патріархатъ Константинопольскій со всѣми его митрополіями, но и совсѣмъ равнялась или, можетъ быть, только немного не равнялась всей церкви Греческой со всѣми ея четырьмя патріархатами. Поэтому естественно было, чтобы Русская церковь, какъ митрополія Константинопольскаго патріархата была отличена отъ другихъ, собственно греческихъ, митрополій патріархата какими-либо особыми преимуществами. Обращаясь къ дѣйствительности, находимъ, что, съ одной стороны, это на самомъ дѣлѣ было такъ, а съ другой стороны— что это было совершенно не такъ, вообще находимъ рѣзкое противорѣчіе и какой-то рѣшительный контрастъ, котораго мы не въ состояніи объяснить. Извѣстный Георгій Кодинъ сообщаетъ намъ, что патріархи Константинопольскіе посылали грамоты ко всѣмъ своимъ митрополитамъ съ восковыми печатями (κηρόβουλλα) и только къ одному

[1]) Если титулъ архіепископа явился у нашихъ митрополитовъ не тѣмъ путемъ, который мы указываемъ, то останется предполагать, что первый нашъ митрополитъ присвоилъ его себѣ незаконнымъ образомъ, желая хотя именемъ приравнивать себя къ архіепископамъ автокефальнымъ. Какъ бы то ни было, но, не зная изъ періода домонгольскаго другихъ примѣровъ, кромѣ указанныхъ, чтобы митрополиты наши назывались и архіепископами, мы знаемъ, что послѣ нашествія Монголовъ это второе названіе употреблялось о нихъ, а нѣкоторыми употреблялось и самими о себѣ, — и какъ другими, такъ и самими, очевидно, въ смыслѣ титула высшаго, чѣмъ митрополитъ (употребляются названія: митропольскій архіепископъ, архіепископъ-митрополитъ),—непрерывно до митр. Макарія, а вѣроятно — и до самаго учрежденія патріаршества (когда въ приложеніи къ патріархамъ стало дѣйствительнымъ ихъ титуломъ).

русскому митрополиту съ свинцовою печатію (μολιβδόβουλλον)[1]: это значитъ, какъ видно изъ того же Кодина, что въ нашемъ случаѣ русскій митрополитъ приравнивался къ автокефальнымъ архіепископамъ. Слѣдовало бы вмѣстѣ съ этимъ ожидать, что русскому митрополиту дано было самое высшее мѣсто между всѣми митрополитами, что онъ поставленъ былъ даже внѣ ряда митрополитовъ греческихъ, на особомъ мѣстѣ между ними и патріархомъ. Но ничего этого вовсе и не было; въ степенныхъ спискахъ или каталогахъ митрополитовъ Константинопольскаго патріархата русскіе митрополиты занимали между другими митрополитами весьма низкое мѣсто: въ древнѣйшемъ извѣстномъ каталогѣ они стоятъ на 61-мъ мѣстѣ[2]), а потомъ они понижены были и еще на цѣлыя девять мѣстъ[3]). Къ этому имѣемъ и частнѣйшія свидѣтельства, что когда русскіе митрополиты бывали въ Константинополѣ и присутствовали на патріаршихъ соборахъ, то вовсе не занимали между другими митрополитами перваго мѣста[4]).

Итакъ, Русская церковь, не получивъ административной самостоятельности, но бывъ подчинена церкви Греческой (ставъ въ административномъ отношеніи частью другой частной церкви) получила себѣ высшаго начальника въ лицѣ патріарха Константинопольскаго.

Права сего послѣдняго по отношенію къ Русской церкви имѣли быть тѣ же самыя, что̀ и къ другимъ, собственно греческимъ, митро-

---

[1]) У *Ралли* и *П.* V, 509 fin..

[2]) Въ каталогѣ, усвояемомъ импер. Льву Мудрому († 911), но на самомъ дѣлѣ составленномъ или по крайней мѣрѣ получившемъ теперешній видъ неизвѣстно когда гораздо позднѣе его,—у *Ралли* и *П.* V, 474.

[3]) При Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ (1306—1328); его каталогъ ibid. стр. 493.—Относительно увѣренія нѣкоторыхъ списковъ такъ называемаго Устава Владимирова, будто первый нашъ митрополитъ былъ почтенъ лампадою (для предношенія) и сакомъ, т. е. саккосомъ, яко вторый патріархъ, сн. 2-й половины тома стр. 225 sqq..

[4]) Присутствовавшій на соборѣ, бывшемъ при патр. Іоаннѣ (вѣроятно, Ксифилинѣ, который сидѣлъ на каѳедрѣ съ 1064-го по 1075-й годъ) русскій митрополитъ занималъ между 17-ю находившимися на соборѣ архіереями, между которыми не указаны и не могутъ быть сосчитаны митрополиты, 9-е мѣсто, см. у *Бандинія* въ его Catalogus'ѣ codicum manuscriptorum (Graecorum) Bibliothecae Mediceae Laurentianae p. 76, col. 1, § LIII; присутствовавшій на одномъ изъ соборовъ, бывшихъ при патр. Николаѣ Грамматикѣ (1084—1111), русскій митрополитъ занималъ послѣднее мѣсто между пятью находившимися на соборѣ митрополитами, — у *Ралли* и *П.* V, 60, а присутствовавшій на соборѣ 1156-го года русскій митрополитъ занималъ послѣднее мѣсто между пятнадцатью митрополитами,—у *Анжело Майо* въ изданіи Spicilegium Romanum, X, 19, и въ Патрологіи *Миня* t. 140, col. 149 нач..

поліямъ, ибо, какъ административная митрополія, она совершенно приравнивалась къ симъ послѣднимъ. Права эти были слѣдующія:

1) Патріархъ поставлялъ митрополитовъ,—пунктъ, который требуетъ особой рѣчи и о которомъ обстоятельнѣе скажемъ сейчасъ ниже; 2) патріархъ былъ начальникомъ митрополитовъ, и именно такъ, что не имѣлъ права мѣшаться въ ихъ внутреннюю дѣятельность, пока эта послѣдняя не представляла ничего противузаконнаго и неправильнаго [1]), но имѣлъ право и вмѣстѣ обязанъ былъ останавливать ихъ, призывать къ суду и подвергать наказаніямъ въ случаѣ допущенія ими дѣяній неправильныхъ и противозаконныхъ; 3) собиралъ митрополитовъ на областные соборы для разсужденій о церковныхъ дѣлахъ и нуждахъ своей области [2]); 4) въ качествѣ высшей судебной инстанціи принималъ аппелляцію на судъ митрополитовъ, наконецъ 5) не на основаніи прямыхъ правилъ каноническихъ, а на основаніи обычая, который явился помимо правилъ и думалъ опираться на нихъ не прямымъ образомъ, онъ имѣлъ право такъ называемой ставропигіи, именно — право во всѣхъ предѣлахъ своего округа брать въ свое непосредственное вѣдѣніе, освобождая отъ власти мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ, отдѣльные монастыри и церкви [3]).

---

1) Такъ это опредѣляютъ правила каноническія касательно отношеній митрополитовъ къ епископамъ, — Апост. пр. 34, Антіох. соб. пр. 9, а отношенія патріарховъ къ митрополитамъ долженствовали быть тѣ же, что первыхъ ко вторымъ,— Двукратн. соб. пр. 15.

2) Не ежегодно, а по мѣрѣ нужды и по усмотрѣнію. Ежегодно собирать соборы обязаны были епархіальные митрополиты изъ подвѣдомыхъ имъ епископовъ; патріархъ же собиралъ ежегодные соборы только изъ непосредственно подвѣдомыхъ ему архіепископовъ и изъ митрополитовъ титулярныхъ (каковые у Грековъ были) или не имѣвшихъ подъ собою епископовъ, но не изъ митрополитовъ дѣйствительныхъ. Это затѣмъ, чтобы, собирая ежегодные соборы изъ митрополитовъ дѣйствительныхъ, не лишить послѣднихъ возможности собирать свои собственные соборы, см. у *Ралли* и *П.* II, 325, и III, 536. Иногда предъявляли патріархи право и къ митрополитамъ дѣйствительнымъ призывать ихъ на ежегодные соборы, — это увидимъ ниже въ исторіи нашей же церкви (св. митр. Алексій).

3) Σταυροπήγιον — крестоводруженіе. При основаніи приходскихъ церквей и монастырей мѣстные епископы сами лично или чрезъ уполномоченныхъ пресвитеровъ водружали на приготовленныхъ для первыхъ и для церквей вторыхъ мѣстахъ деревянные кресты (въ срединѣ полукружія будущихъ алтарей, съ извѣстными на крестахъ надписями, см. ниже въ чинѣ заложенія церквей); давая чрезъ то дозволеніе на ихъ строеніе и какъ бы видимымъ знакомъ отмѣчая и утверждая чрезъ то свою надъ ними власть. Такимъ образомъ, право ставропигіи патріарховъ собственно означало ихъ право водружать свои кресты, вмѣсто мѣстныхъ епископовъ, при основаніи новыхъ церквей и монастырей во всѣхъ предѣлахъ ихъ округовъ

Мы сказали выше, что право патріарха ставить митрополитовъ требуетъ особой рѣчи. Въ X в., когда мы приняли христіанство, и въ послѣдующее время патріархи Константинопольскіе пользовались этимъ правомъ не совсѣмъ такъ, какъ это постановлено было правилами каноническими, причемъ изъ сего несогласія позднѣйшей практики съ правилами по отношенію собственно къ намъ — Русскимъ выходило совершенно существенное различіе. Каноническія правила предоставляютъ патріархамъ только право [посвящать митрополитовъ, послѣ того какъ они будутъ избраны и имъ представлены, самое же избраніе по нимъ должно быть производимо епархіальными соборами епископовъ каждой митрополіи [1]. Напротивъ, въ X в. и послѣ патріархи

и чрезъ сіе крестоводруженіе брать таковые монастыри и церкви въ свою непосредственную власть. Но на практикѣ это право было простираемо и на существовавшіе уже монастыри и церкви. Ставить тѣ и другія подъ непосредственную власть патріарховъ, освобождая отъ власти мѣстныхъ епископовъ, или дѣлать ихъ ставропигіальными патріаршими обыкновенно старались такъ называемые ктиторы однихъ и другихъ (см. о нихъ ниже), ибо это составляло привилегію и льготу (подобнымъ образомъ у насъ въ позднѣйшее время введся обычай, чтобы монастыри во всѣхъ дѣлахъ недуховныхъ, бывъ освобождаемы отъ власти своихъ епископовъ, были вѣдаемы самими государями,—приказомъ Большаго Дворца). Правила каноническія дозволяютъ митрополитамъ брать клириковъ у подвѣдомыхъ имъ епископовъ, Карѳ. соб. пр. 66, а такъ какъ опредѣленное о митрополитахъ наипаче приличествуетъ патріархамъ, Двукр. соб. пр. 15, то на семъ и основывали право патріаршей ставропигіи (Матѳей Властарь усвояетъ это право одному патріарху Константинопольскому, — Синтагмы буква П, гл. 8, — у *Ралли* и *П.* VI, 429, но Вальсамонъ усвояетъ его всѣмъ патріархамъ,—въ толкованіи на 31 Апост. пр.,—ibid. II, 42. Ставропигіальными монастырями и церквами завѣдывали патріаршіе экзархи,—ibid. V, 110, 579).—Четвертый вселенскій соборъ постановляетъ: „аще на митрополита области епископъ или клирикъ имѣетъ неудовольствіе, да обращается или къ экзарху діоцеза или къ престолу царствующаго града и отъ него да судится“ (прр. 9 и 17). Нѣкоторые подъ экзархами діоцезовъ разумѣютъ всѣхъ вообще экзарховъ, изъ чего выводятъ то заключеніе, что соборъ опредѣляетъ патріарху Константинопольскому право принимать апелляціи на судъ митрополитовъ и другихъ патріархатовъ помимо мѣстныхъ патріархатовъ (Аристинъ у *Ралли* и *П.* II, 240, и Властарь ibid. VI, 429). Но другіе разумѣютъ подъ экзархами діоцезовъ только экзарховъ діоцезовъ Ѳракійскаго, Понтійскаго и Азійскаго, которые тѣмъ же соборомъ были подчинены Константинопольскому патріарху, и потому въ помянутомъ предписаніи собора не видятъ предоставленія патріарху Константинопольскому никакого особаго преимущества (Зонара въ толков. на 17 пр. Халкид. соб., ibid. II, 260).

[1]) 4 всел. соб. пр. 28: „митрополиты должны постановляемы быть Константинопольскимъ архіепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія и по представленіи ему онаго“. Что обычай избранія митрополитовъ былъ именно такой,

не только посвящали митрополитовъ, но и избирали ихъ, именно—съ соборомъ находившихся при нихъ архіереевъ. Ясно существенное отличіе практики отъ правилъ въ приложеніи къ намъ. По правиламъ,—русскаго митрополита долженъ былъ бы избирать соборъ русскихъ епископовъ; слѣдовательно, онъ былъ бы избираемъ изъ природныхъ Русскихъ. Но практика была та, чтобы русскаго митрополита избиралъ патріархъ съ соборомъ находившихся при немъ архіереевъ, и слѣдствіемъ этого было то, что митрополитами нашими были присыланные изъ Константинополя Греки. Такимъ образомъ, оказывается, что они - Греки не только безъ всякаго права подчинили себѣ Русскую церковь, но, собственно говоря, нарушали дѣйствительныя права и въ томъ случаѣ, когда заставляли насъ имѣть митрополитовъ изъ нихъ, а не изъ природныхъ Русскихъ. До какой однако степени было зломъ для насъ все это, на сей вопросъ отвѣтимъ ниже.

Главнымъ и важнѣйшимъ между сейчасъ указанными правами, очевидно, было неканоническое право патріарховъ избирать русскихъ митрополитовъ. Что же касается до собственныхъ начальственныхъ отношеній патріарха къ Русской церкви, то они долженствовали быть, какъ видно изъ сказаннаго, весьма ограниченными: патріархъ не имѣлъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Русской церкви и могъ проявлять свою власть по отношенію къ ней только въ тѣхъ случаяхъ, когда ея дѣла и дѣянія ея митрополитовъ представляли что-либо противозаконное и неправильное. Ясно, что это не могло быть часто, а вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что это не могло быть и такимъ вмѣшательствомъ со стороны патріарховъ въ дѣла Русской церкви, которое должно было бы признать для нея тягостнымъ. Правомъ избирать русскихъ митрополитовъ патріархи пользовались и непремѣнно хотѣли пользоваться, въ слѣдствіе чего въ продолженіе всего періода домонгольскаго митрополиты наши были не изъ природныхъ Русскихъ, а изъ Грековъ, за исключеніемъ двухъ случаевъ, когда епископы наши, по настояніямъ гражданскаго правительства, восхитили у патріарха его право. Не знаемъ, насколько усердно патріархи хотѣли вмѣши-

какой мы указали, см. каноническое посланіе 3 всел. соб. къ собору Памфилійскому и Сардикійск. соб. пр. 6; что оно должно было принадлежать не патріарху, это ясно и изъ самаго приведеннаго правила, ибо послѣ учиненія оно имѣло быть ему представлено (см. и самыя дѣянія собора, — въ русск. перев. Дѣяній собб. т. IV, стр. 382). А если Вальсамонъ утверждаетъ, будто этотъ новый порядокъ введенъ именно помянутымъ правиломъ 4 всел. собора (въ толк. на 6 пр. Сардик. соб., у *Ралли* и *П.* III, 245): то онъ говоритъ неправду.

ваться во внутреннія дѣла Русской церкви, когда представлялись имъ къ тому законные поводы; но во всякомъ случаѣ объ этомъ вмѣшательствѣ ихъ извѣстно чрезвычайно немногое. Относительно путешествій нашихъ митрополитовъ на патріаршіе соборы, требованіе чего со стороны патріарховъ составляло ихъ право, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, причемъ не имѣемъ свѣдѣній и о томъ, какъ часто были собираемы патріархами эти соборы въ продолженіе нашего періода до-монгольскаго [1]). Что именно извѣстно о проявленіяхъ власти патріарховъ Константинопольскихъ въ отношеніи къ Русской церкви въ продолженіе періода домонгольскаго, за исключеніемъ избранія и поставленія митрополитовъ, объ этомъ скажемъ ниже, а теперь обратимся къ симъ послѣднимъ.

Въ системѣ греческаго церковнаго управленія митрополитъ соотвѣтствовалъ гражданскому губернатору, а подчиненные ему епископы — уѣзднымъ свѣтскимъ начальникамъ. Каждый уѣздный городъ имѣлъ своего епископа, власть котораго обнимала городъ и принадлежащій ему уѣздъ; каждый губернскій городъ имѣлъ своего митрополита, власть котораго обнимала всѣ епископіи, входившія въ составъ гражданской губерніи [2]). Власть митрополитовъ по отношенію

[1]) Какъ кажется, соборы изъ всѣхъ митрополитовъ были собираемы патріархами весьма не часто и они обыкновенно довольствовались соборомъ изъ архіепископовъ и митрополитовъ титулярныхъ, о которыхъ сказали мы выше (если митрополиты дѣйствительные находились въ Константинополѣ случайно, для своихъ дѣлъ, то они обыкновенно и по праву присутствовали на упомянутыхъ соборахъ).

[2]) Система греческаго церковнаго управленія (административной централизаціи), какъ мы говорили выше, образовалась въ полномъ соотвѣтствіи съ системой управленія гражданскаго. Въ послѣдней, начиная снизу: уѣздный городъ съ его уѣздомъ (первый—πόλις, второй — παροικία, по-русски буквально — приселица, περιοικίς—околодокъ), губернскій городъ съ губерніей, обнимавшей то или другое количество уѣздовъ (первый — μητρόπολις, вторая — ἐπαρχία), генералъ-губернаторство или діоцезъ (διοίκησις), обнимавшій то или другое количество губерній. Подобнымъ образомъ въ первой: епископъ—церковный начальникъ уѣзднаго города и уѣзда (его область не ἐπαρχία, что значитъ губернія и какъ назывались области митрополитовъ, а παροικία, откуда, черезъ посредство латинскихъ paroecia и parochia, у Поляковъ и у Малоруссовъ парафія — приходъ, — Апост. пр. 34, Анкирск. соб. прр. 13 и 18, Антіох. соб. пр. 9 и другія, cfr Зонару у *Ралли и П.* III, 185, а о томъ, что каждый городъ имѣлъ своего епископа см. ibid. I, 143 fin.); епископъ митрополіи, епархіи, экзархъ епархіи, митрополитъ — церковный начальникъ епископій, обнимавшихся гражданской губерніей; епископъ діоцеза,—экзархіи, экзархъ, архіепископъ, а потомъ патріархъ (съ удержаніемъ въ титулѣ имени архіепископа: архіепископъ такой-то и патріархъ),—церковный начальникъ митрополій, обнимавшихся гражданскимъ діоцезомъ или генералъ-губернаторствомъ. Это полное со-

къ составлявшимъ ихъ митрополіи или церковныя губерніи епископамъ была та же, что власть патріарховъ по отношенію къ митрополитамъ, отличаясь отъ сей послѣдней только въ дѣлѣ избранія епископовъ. Избраніе митрополитовъ принадлежало, т. е. долженствовало принадлежать, не патріархамъ съ соборомъ находившихся при нихъ архіереевъ, а соборамъ епископовъ самыхъ митрополій; напротивъ, избраніе епископовъ принадлежало не соборамъ пресвитеровъ каждой епископіи, а тѣмъ же соборамъ епископовъ каждой митрополіи [1]). Не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла своихъ епископій, въ которыхъ епископамъ принадлежала такая же самостоятельность, какъ и митрополитамъ [2]), и относительно которыхъ сдѣлано было только одно исключеніе, митрополитъ имѣлъ высшій надзоръ надъ епископами, обладая правомъ и обязанный подвергать ихъ суду и наказаніямъ, въ случаѣ той или другой ихъ неисправности, и, конечно, низлагать ихъ въ случаѣ ихъ тяжкихъ винъ и совершенной негодности. Въ томъ и другомъ случаѣ судъ долженъ былъ твориться не единолично митрополитомъ, но не иначе какъ при участіи собора епископовъ его митрополіи [3]). Какъ патріархамъ принадлежало право аппелляціи на судъ митрополитовъ, такъ въ свою очередь митрополитамъ принадлежало право аппелляціи на судъ подчиненныхъ имъ епископовъ. Всѣ дѣла сего послѣдняго рода, подобно тому какъ и творить судъ надъ самими

отвѣтствіе системы церковнаго управленія системѣ управленія гражданскаго осталось неприкосновеннымъ на послѣдующее время въ двухъ первыхъ степеняхъ, начиная снизу (бывъ подтверждено и правилами каноническими, 4 всел. соб. пр. 17 и 6 всел. соб. пр. 38), но было съ теченіемъ времени, какъ мы сказали выше, нарушено относительно третьей степени или высшей. Діоцезовъ гражданскихъ было въ Восточной имперіи пять: Египетскій съ главнымъ городомъ Александріей, Восточный съ главнымъ городомъ Антіохіей, Азійскій съ главнымъ городомъ Ефесомъ, Понтійскій съ главнымъ городомъ Кесаріей Каппадокійской (отъ того Василій Великій архіепископъ, а не митрополитъ) и Ѳракійскій съ главнымъ городомъ Иракліей, а потомъ Константинополемъ. Столько же было первоначально и церковныхъ діоцезовъ, экзархатовъ или архіепископій, позднѣйшихъ патріархатовъ (cfr 2 всел. соб. пр. 2). Но потомъ три діоцеза гражданскіе—Ѳракійскій, Понтійскій и Азійскій соединены въ одинъ діоцезъ духовный (Константинопольскій), а одинъ діоцезъ гражданскій—Восточный раздѣленъ на два діоцеза церковные (Антіохійскій и Іерусалимскій).

[1]) Гражданскіе законы греческіе въ своихъ предписаніяхъ относительно избранія епископовъ расходятся нѣсколько съ правилами каноническими. Укажемъ это ниже.

[2]) Апост. пр. 34, Антіох. соб. пр. 9.

[3]) Тѣ же правила.

епископами, они должны разсуждать не иначе, какъ соборно, т. е. съ соборомъ прочихъ епископовъ своей области. Непосредственное вмѣшательство въ дѣла подчиненныхъ епископовъ, о которомъ сказали мы, дозволялось и предписывалось митрополитамъ относительно хозяйственной экономіи епископій. Седьмой вселенскій соборъ, подтверждая каноническое опредѣленіе предшествующаго времени, чтобы каждая церковь (т. е. каждая епископія) имѣла для дѣлъ хозяйственныхъ своего особаго эконома, предписываетъ, что въ случаѣ, если бы какой епископъ не захотѣлъ самъ поставить таковаго, то его долженъ поставить своею собственною властію окружной митрополитъ (пр. 11). За симъ извѣстно еще соборное опредѣленіе патр. Алексѣя 1028-го г., впрочемъ имѣвшее, вѣроятно, значеніе только временной мѣры, вызванной обстоятельствами, которымъ дозволяется и предписывается митрополитамъ самое дѣятельное и непосредственное вмѣшательство въ хозяйственныя дѣла подвѣдомыхъ имъ епископій [1]). Такъ какъ, по каноническимъ постановленіямъ, епископы ничего важнаго не могли дѣлать безъ воли и согласія митрополитовъ, а эти послѣдніе наоборотъ, какъ мы сейчасъ сказали, ничего таковаго не могли дѣлать безъ вѣдома и согласія собора подчиненныхъ имъ епископовъ: то въ слѣдствіе сего открывалась нужда въ томъ, чтобы какъ можно чаще собирались епархіальные или губернскіе (митрополитанскіе) церковные соборы. До конца VII в. было правиломъ, чтобы соборы эти собирались дважды въ году [2]); шестой вселенскій соборъ, по разнымъ причинамъ, нашелся вынужденнымъ вмѣсто двухъ разъ назначить одинъ разъ [3]), что̀ и осталось правиломъ на будущее время.

Первоначальная общерусская или кіевская лѣтопись по древнѣйшей, дошедшей до насъ, ея редакціи Лаврентіевско-Ипатской ничего не говоритъ объ учрежденіи у насъ митрополіи и о первомъ нашемъ митрополитѣ; проходя совершеннымъ молчаніемъ исторію полученія нами церковной іерархіи, она въ первый разъ упоминаетъ о митрополитѣ случайнымъ образомъ только подъ 1039 годомъ [4]). Затѣмъ, мы имѣемъ два разногласящія извѣстія о первомъ нашемъ митропо-

---

[1]) У *Ралли* и *П.* V, 25.

[2]) Апост. пр. 37, 1-го всел. соб. пр. 5, 4-го всел. соб. пр. 19, Антіох. соб. пр. 20.

[3]) Пр. 8.

[4]) „Въ лѣто 6547 священа бысть церкы святыя Богородиця, юже созда Володимеръ, отець Ярославль, митрополитомъ Ѳеопемптомъ“ — вотъ ея первое извѣстіе и первая рѣчь о митрополитахъ.

литѣ: лѣтопись Новгородскихъ владыкъ (епископовъ—архіепископовъ) [1], позднѣйшія редакціи первоначальной лѣтописи, находящіяся въ лѣтописяхъ Софійской (Софійскомъ Временникѣ) и Воскресенской и часть списковъ такъ называемаго устава Владимирова говорятъ, что первымъ митрополитомъ нашимъ былъ Леонъ, который, по нашимъ редакціямъ первоначальной лѣтописи, былъ присланъ къ Владимиру изъ Константинополя въ 991-мъ году; такъ называемая Степенная книга, позднѣйшая редакція первоначальной лѣтописи кіевской, находящаяся въ лѣтописи Никоновской и другая часть списковъ устава Владимирова говорятъ, что первымъ нашимъ митрополитомъ былъ Михаилъ, приведенный, по двумъ первымъ, самимъ Владимиромъ изъ Корсуни въ 988-мъ году и имѣвшій Леона, который по нимъ былъ второй, своимъ преемникомъ. Въ обоихъ случаяхъ свидѣтельствъ собственно по одному: въ первой группѣ повторяется лѣтопись Новгородскихъ владыкъ, во второй — Степенная книга; относительно первой группы мы не имѣемъ нужды это доказывать, а что касается до второй, то Никоновская лѣтопись въ данномъ случаѣ воспроизводитъ Степенную книгу почти буквально, а уставъ Владимировъ, въ дѣйствительности не принадлежащій Владимиру (о чемъ ниже), указываетъ свой источникъ тѣмъ, что имѣетъ Михаила только въ позднѣйшихъ (послѣ Степенной книги явившихся) спискахъ, тогда какъ въ древнѣйшихъ — Леона. Спрашивается: которому изъ двухъ свидѣтельствъ должно быть отдано предпочтеніе? По нашему убѣжденію, несомнительно, что лѣтописи Новгородскихъ владыкъ. Веденіе этой лѣтописи, говорящей о первомъ митрополитѣ по поводу поставленія въ Новгородъ перваго епископа, началъ или современникъ учениковъ этого послѣдняго или же прямо ученикъ его ученика [2]), т. е. вообще такой близкій ко времени перваго митрополита человѣкъ, который никакъ не могъ не знать его имени; напротивъ, Степенная книга составлена въ XVI в. и при томъ извѣстна своей крайней въ историческомъ от-

[1]) Подъ лѣтописью Новгородскихъ владыкъ разумѣемъ ту ихъ лѣтопись, позднѣйшая редакція которой помѣщена въ приложеніи къ 2-й Новгородской лѣтописи,— Собр. лѣтт. III, 179 (въ Духовномъ Вѣстникѣ 1862 г., Мартъ, стр. 56, напечатанъ болѣе древній, сокращенный списокъ).

[2]) Говоря о преемникѣ перваго Новгородскаго епископа Іоакима, онъ пишетъ: „И бѣ въ его мѣсто ученикъ его Ефремъ и благословенъ бысть епископомъ Іоакимомъ, иже ны учити, понеже Руская земля вновѣ крестися“ (Собр. лѣтт. III, 179), по другому чтенію: „и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше“.

ношенiи недоброкачественностiю [1]): какое основанiе и какое оправданiе мы будемъ имѣть для того, чтобы предпочитать свидѣтельство новое и идущее изъ источника совершенно сомнительнаго свидѣтельству весьма древнему и почти современному, т. е. не будетъ ли это рѣшительно вопреки всякихъ правилъ и всякихъ требованiй исторической критики? Извѣстiе Степенной книги о митрополитѣ Михаилѣ съ перваго же взгляда поражаетъ своею странностiю: митрополитъ Михаилъ, по ея словамъ, привелъ съ собою изъ Грецiи шесть епископовъ; однако, приведши съ собою епископовъ, онъ не учредилъ епископскихъ каѳедръ, — это дѣлаетъ по ней, какъ и по редакцiямъ первоначальной лѣтописи, которыя называютъ первымъ митрополитомъ Леона, только этотъ послѣднiй. Митрополитъ, не дѣлающiй того, что онъ долженъ бы былъ сдѣлать, не наводитъ ли на мысль, что онъ возникъ и приставленъ впереди дѣйствительнаго перваго митрополита по какому нибудь недоразумѣнiю? Отправляясь искать это недоразумѣнiе, мы дѣйствительно его находимъ. Недоразумѣнiе стоитъ въ зависимости отъ другаго недоразумѣнiя. Во всѣхъ безъ исключенiя нашихъ лѣтописяхъ и памятникахъ, говорящихъ о первомъ нашемъ митрополитѣ, т. е. какъ одной, такъ и другой группы, утверждается, будто онъ присланъ намъ или полученъ нами отъ патрiарха Фотiя, который умеръ за цѣлое слишкомъ столѣтiе до Владимира (891) [2]). Преосвящ. Филаретъ объясняетъ эту несообразность тѣмъ, что имя Фотiя употребляется лѣтописцами не въ смыслѣ живаго лица, а по примѣру Болгарiи въ переносномъ смыслѣ представителя греческаго православiя въ противоположность инославiю латинскому [3]). Но, во-первыхъ, у древнихъ вовсе не было въ обычаѣ употреблять

[1]) Составитель Степенной книги, собственно говоря, былъ человѣкъ очень почтенный, трудолюбиво собиравшiй свѣдѣнiя изъ всякихъ источниковъ на подобiе нынѣшнихъ ученыхъ историковъ. Но, во-первыхъ, онъ собиралъ свѣдѣнiя безъ всякой критики, относясь съ одинаково полной вѣрой ко всему, что находилъ; во-вторыхъ, по обычаю всѣхъ людей, не вполнѣ надлежащимъ образомъ понимающихъ исторiю, онъ позволялъ себѣ поступать такъ, чтобы свои простыя предположенiя выдавать за положительные факты (послѣ такъ дѣлалъ у насъ Татищевъ), и наконецъ — въ-третьихъ, подобно всѣмъ сейчасъ указаннымъ людямъ, онъ смѣшивалъ исторiю съ поэзiей и матерiалъ, собранный въ источникахъ, не затруднялся дополнять e suo ventre.

[2]) „Крестися Володимеръ и взя у Фотiя патрiарха у Царьградскаго перваго митрополита Кiеву Леона“.... „Володимеръ посла (изъ Корсуни) въ Греки къ преосвященному Фотiю патрiарху Цареградскому и взятъ отъ него перваго митрополита Михаила Кiеву“....

[3]) Исторiи перiодъ 1, § 15, изд. 3 стр. 50.

подобныхъ иносказаній; во-вторыхъ, противопоставлять греческаго православія у насъ было совершенно нечему и о самомъ примѣрѣ Болгаріи ровно ничего неизвѣстно. Вообще, признавая объясненіе преосв. Филарета натянутымъ и несостоятельнымъ, нужно объяснять дѣло гораздо проще. Необходимо думать, что предки наши имѣли въ своихъ рукахъ въ славянскомъ переводѣ окружное посланіе патр. Фотія (Ἐγκύκλιος ἐπιστολή)[1]. Въ этомъ посланіи Фотій между прочимъ сообщаетъ свѣдѣнія о крещеніи современныхъ ему, точно неизвѣстныхъ намъ, Русскихъ, которые послѣ неудачной осады Константинополя рѣшились принять христіанство, т. е. тѣхъ Русскихъ, о которыхъ говорили мы выше въ главѣ объ Аскольдѣ и Дирѣ; именно онъ пишетъ: «не только Болгары промѣняли прежнее нечестіе на вѣру во Христа, но даже и многими многократно прославленные и въ жестокости и скверноубійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы,—въ настоящее время даже и сіи промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ и друзей (нашихъ), вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли не задолго; и *до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и лобызаютъ вѣрованія христіанъ съ великимъ усердіемъ и прилежаніемъ*». Необходимо думать, что эти рѣчи патр. Фотія о современныхъ ему Русскихъ наши лѣтописцы по недоразумѣнію и невѣдѣнію и приняли за рѣчи о нашихъ Кіевскихъ Русскихъ съ Владиміромъ во главѣ и что въ этихъ-то рѣчахъ они и увидѣли свидѣтельство, будто митрополитъ былъ присланъ Владиміру патр. Фотіемъ. Такимъ образомъ, въ лѣтописи Новгородскихъ владыкъ, въ которой говорилось о первомъ нашемъ митрополитѣ, но не было сказано, отъ какого патріарха онъ присланъ, было прибавлено, что онъ присланъ отъ патр. Фотія [2]). Когда сдѣлано

---

[1]) Весьма вѣроятно думать, что это посланіе Фотія было переведено Болгарами на славянскій языкъ, вмѣстѣ съ посланіемъ патріарха къ ихъ царю Михаилу, въ весьма древнее время. Что оно было извѣстно въ нашей средне-вѣковой письменности, видно изъ того, что выдержка изъ него приводится въ Степенной книгѣ,—I, 81.

[2]) А могло быть и такъ, что стоявшее въ лѣтописи имя дѣйствительнаго патріарха, при которомъ мы приняли христіанство, было ошибочнымъ образомъ замѣнено именемъ Фотія, или даже и такъ, что уже самъ начинатель лѣтописи не зналъ имени дѣйствительнаго патріарха и самъ поставилъ вмѣсто него имя Фотія.

добавленіе, не знаемъ, но не позднѣе XIII в., ибо въ спискѣ устава Владимирова отъ второй половины этого вѣка уже читается: «всприіялъ есмь святое крещеніе отъ Грецьскаго царя и отъ Фотія патріарха Цареградьскаго, взяхъ перваго митрополита Леона Кіеву».... Составитель Степенной книги читалъ въ Новгородской лѣтописи (что̀ и самъ повторяетъ,—I, 134 fin. и 145), что первый митрополитъ былъ полученъ нами отъ патр. Фотія, но въ тоже время въ другихъ своихъ источникахъ онъ находилъ, что митрополитъ, данный отъ Фотія Русскимъ, назывался не Леономъ, а Михаиломъ. Лѣтописцы греческіе въ извѣстныхъ въ настоящее время ихъ спискахъ не называютъ по имени епископа, посланнаго патр. Фотіемъ къ современнымъ ему Русскимъ, но въ нашихъ славянскихъ сказаніяхъ, ссылающихся на Зонару и на Куропалата или Скилицу, не знаемъ—на какомъ основаніи, онъ называется митрополитомъ Михаиломъ: «въ лѣто 886,—читаемъ въ Густинской лѣтописи, — пріиде Михаилъ митрополитъ въ Русь, посланъ отъ Василія Македона, царя Греческаго и Фотія патріарха, иже увѣряя Русь вверже еваигеліе въ огнь и не изгорѣ, и симъ чудомъ ужаси Русь и многія крести» (Собр. лѣтт. II, 239). То же повторяется во всѣхъ статьяхъ о такъ называемыхъ пяти крещеніяхъ Руссовъ или Славяно-Руссовъ (при ап. Андреѣ, при Кириллѣ и Меѳодіи, при Фотіи, при Ольгѣ и при Владимірѣ), именно—въ той же Густинской лѣтописи, ibid стр. 253, въ предисловіи къ печатному Патерику Печерскому, въ Синопсисѣ, въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго [1]), изъ нея въ Книгѣ о вѣрѣ (гл. 3), а изъ сей послѣдней въ Никоновской Кормчей. Въ помянутыхъ сказаніяхъ совершенно ясно говорится, что митр. Михаилъ былъ присланъ Русскимъ отъ патр. Фотія не при Владимірѣ, а гораздо ранѣе; но составитель Степенной книги предпочиталъ вѣрить Новгородской лѣтописи, лѣтописямъ и памятникамъ ее повторяющимъ (уставъ Владимира,—что̀, какъ мы сказали, повторяетъ и самъ) [2]. Такимъ образомъ, у него оказывались два свидѣтельства о

---

[1]) Копыстенскій, человѣкъ ученый и слѣдовательно, какъ можно предполагать, самъ смотрѣвшій источники, на которые ссылается, пишетъ: „Іоаннъ Запаросъ въ томѣ третьемъ пишетъ: царь-мовитъ-Василій (Македонянинъ) съ народомъ Роскимъ примире учинивши, справилъ, а бы онъ въ признане вѣры христіанской пришолъ и гды ся крестити обѣцовали, архіерея имъ послалъ Михаила митрополита“.... Палинодіи ч. 3, розд. 1, артик. 1, — въ Русской Исторической библіотекѣ, томъ 4. кн. 1, стр. 971.

[2]) Императоръ, посылавшій къ (неизвѣстнымъ) Руссамъ вмѣстѣ съ патр. Фотіемъ митр. Михаила, былъ, по сказаніямъ, Василій (Македонянинъ). Но и Владимиръ крестился при импер. Василіи (Болгаробойцѣ). Это совпаденіе именъ должно

первомъ нашемъ митрополитѣ, полученномъ отъ патр. Фотія, и ему предстояло рѣшить, которое свидѣтельство правильнѣе: онъ и рѣшилъ, что правильнѣйшее свидѣтельство есть то, которое называетъ его Михаиломъ. Ясны при этомъ и побужденія, которыя могли заставить его склониться въ пользу такого рѣшенія: въ позднѣйшихъ редакціяхъ первоначальной лѣтописи, называющихъ первымъ митрополитомъ Леона, говорится, что онъ былъ полученъ Владиміромъ въ 991-мъ г.; а между тѣмъ по этимъ редакціямъ, какъ и по древнѣйшей, самъ Владиміръ крестился въ Корсуни въ 988-мъ г.; слѣдовательно по этимъ редакціямъ отъ крещенія Владимірова до прибытія Леона оставался промежутокъ времени безъ митрополита. Находя въ своихъ извѣстіяхъ другаго митрополита кромѣ Леона, т. е. Михаила, составитель естественно и заподозрилъ, что въ нашихъ редакціяхъ первоначальной лѣтописи пропускъ и что на пустой промежутокъ долженъ быть поставленъ именно тотъ другой митрополитъ, котораго онъ находилъ въ сказаніяхъ [1]).

Итакъ, первымъ митрополитомъ нашимъ былъ Леонъ или Левъ, присланный Владиміру изъ Константинополя въ 991-мъ году, слѣдо-

было укрѣплять составителя Степенной книги въ томъ мнѣніи, что сказанія должно относить именно къ Владиміру.

[1]) Степенная книга и за нею Никоновская лѣтопись не только даютъ намъ новаго митрополита, но изъ того же suo ventre, о которомъ сказали мы выше, сообщаютъ и его характеристику съ частичкой біографіи и нѣкоторыя свѣдѣнія объ его дѣятельности. По словамъ Степенной книги (и за нею Никоновской лѣтописи) митр. Михаилъ ходилъ съ приведенными имъ шестью епископами въ Новгородъ „и многи люди крести", затѣмъ съ четырьмя епископами въ Ростовъ „и крестиша людей безчисленное множество", а самъ Владиміръ съ двумя епископами ходилъ въ Суздальскую землю, гдѣ „крестиша вся люди" (Въ Новгородѣ Степенная книга креститъ не всѣхъ людей и не безчисленное множество потому, что на основаніи Новгородской лѣтописи должна крестить его затѣмъ во второй разъ). Въ характеристикѣ митр. Михаила, которую не считаемъ нужнымъ приводить, говорится, что онъ былъ родомъ Сиринъ; это, вѣроятно, съ какого-нибудь повода, котораго однако въ настоящее время не можемъ указать (Не помнимъ, какой-то стараго времени славянофилъ дѣлаетъ догадку, что вмѣсто Сиринъ должно читать Сербинъ).—Такъ какъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ почиваютъ мощи митрополита Михаила, перенесенныя, по преданію, изъ Десятинной церкви въ началѣ XII вѣка, то должно думать, что въ Кіевъ принесены были изъ Таврической Руси мощи того митрополита (архіепископа) Михаила, который былъ при патр. Фотіи крестителемъ Таврическихъ Руссовъ и который въ отдаленномъ смыслѣ можетъ быть принимаемъ, и на самомъ дѣлѣ былъ принимаемъ, и за нашего перваго крестителя (до 1730-го г. мощи почивали въ Антоніевыхъ пещерахъ, а въ этомъ году по Высочайшему указу перенесены въ соборную церковь Лавры, — митр. *Евгенія* Описаніе Кіевопечерской Лавры, изд. 2 стр. 115 и *его же* Описаніе Кіево-соф. собора, стр. 64 нач.).

вательно—отъ патр. Николая Хризоверга, который занималъ каѳедру съ 983-го по 996-й г. Отъ чего могло случиться, что Греки прислали Владиміру митрополита не въ Корсунь тотчасъ послѣ того, какъ онъ вступилъ съ ними въ сношенія, а спустя цѣлые три года послѣ похода на Корсунь, т. е. какъ будто непонятнымъ образомъ медливъ учрежденіемъ въ Россіи церковнаго управленія, мы уже говорили выше: имѣлъ быть посланъ не одинъ митрополитъ, а и все потребное количество епископовъ, а при каждомъ изъ послѣднихъ бо́льшій или меньшій, по возможности достаточный, штатъ священниковъ; чтобы найти и набрать всѣхъ нужныхъ людей, очевидно, требовалось весьма не мало времени, такъ что даже и цѣлые три года не должны представлять ничего особенно страннаго. Первымъ дѣломъ Леона по прибытіи на Русь было учрежденіе церковнаго управленія, открытіе епархій и поставленіе епископовъ,—объ этомъ мы скажемъ ниже. Затѣмъ, необходимо думать, хотя мы и не имѣемъ положительныхъ извѣстій, что онъ оказывалъ возможно дѣятельное содѣйствіе Владиміру въ крещеніи Руси. Наконецъ, онъ извѣстенъ, какъ писатель, оставившій послѣ себя одно полемическое сочиненіе противъ Латинянъ, о которомъ скажемъ также ниже и которое своими учено-литературными достоинствами показываетъ, что онъ былъ человѣкъ не случайно попавшійся, а дѣйствительно нарочитымъ образомъ и съ особеннымъ стараніемъ избранный. Умеръ онъ неизвѣстно когда послѣ 1004-го и до 1008-го года [1]).

Первоначальная общерусская лѣтопись по древнѣйшей дошедшей до насъ ея редакціи не говоритъ о первомъ нашемъ митрополитѣ, о которомъ мы узнаемъ изъ мѣстной лѣтописи Новгородской (лѣтописи Новгородскихъ владыкъ). Не говоритъ она о митрополитахъ, какъ мы сказали, и потомъ до 1039-го г. Затѣмъ, въ ней самой и въ ея продолженіяхъ, обнимающихъ періодъ до-монгольскій, по тѣмъ же древнѣйшимъ редакціямъ послѣднихъ, дѣло имѣетъ себя слѣдующимъ образомъ: лѣтописи вовсе не ведутъ нарочитаго списка митрополитовъ, съ отмѣтой непрерывной ихъ смѣны; нѣкоторыхъ митрополитовъ отмѣчены въ нихъ годы прибытія или поставленія и годы смерти, другихъ митрополитовъ отмѣчены которые нибудь одни годы, либо первые либо вторые, и наконецъ о третьихъ упоминается только случайнымъ обра-

---

[1]) Подъ 1004-мъ г. онъ упоминается какъ живой, а въ 1008-мъ г. его преемникъ,—Никон. лѣт. Положительное свидѣтельство Татищева,—II, 89, будто Леонъ умеръ въ 1007 г., очевидно, основывается на произвольномъ пониманіи неопредѣленнаго свидѣтельства Степенной книги (I, 166 fin).

зомъ. Первоначальная лѣтопись въ своихъ извѣстіяхъ о митрополитахъ, какъ за время до 1039-го г., такъ и послѣдующее, нѣсколько дополняется отчасти изъ редакцій позднѣйшихъ и отчасти изъ нѣкоторыхъ древнихъ житій. Извѣстія, которыя находимъ въ продолженіяхъ первоначальной лѣтописи по ихъ древнѣйшимъ редакціямъ, остаются единственными нашими извѣстіями, не бывъ болѣе ниоткуда дополняемы. На основаніи древнихъ лѣтописей съ указанными дополненіями составляется каталогъ митрополитовъ періода до-монгольскаго, состоящій изъ 21 лица. Для пространства времени, обнимаемаго періодомъ домонгольскимъ, этотъ каталогъ, конечно, не коротокъ; но чтобы онъ былъ совершенно полонъ, какъ то нѣкоторые принимаютъ, это вовсе не составляетъ дѣла рѣшеннаго, ибо лѣтописи, какъ мы сказали, не ведутъ нарочитаго непрерывнаго списка митрополитовъ и о нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаютъ только случайнымъ образомъ. И дѣйствительно мы находимъ нѣкоторые позднѣйшіе источники, которые увѣряютъ насъ, что каталогъ долженъ быть еще дополненъ по крайней мѣрѣ на три лица. Захарія Копыстенскій, намѣстникъ и потомъ архимандритъ Печерскій († 1626), помѣстилъ въ своей Палинодіи [1]) каталогъ митрополитовъ, при составленіи котораго пользовался не только лѣтописями, но еще «Кіевскимъ столичнымъ помянникомъ», т. е. помянникомъ или диптихомъ митрополитовъ, веденнымъ при ихъ каѳедральной Кіево-Софійской церкви, и изъ этого помянника сообщаетъ намъ имена трехъ, неизвѣстныхъ намъ по лѣтописямъ, митрополитовъ [2]). Если помянникъ, бывшій въ рукахъ у Копыстенскаго, представлялъ собою не подлинникъ, а—что̀ есть вѣроятнѣйшее—позднѣйшую переписку, то, конечно, могли попасть въ него и митрополиты никогда не существовавшіе, внесенные произвольно и ошибочно переписчиками. Однако, за дѣйствительное существованіе всѣхъ трехъ его митрополитовъ, лишнихъ противъ лѣтописей, весьма много или, по крайней мѣрѣ, весьма не мало говоритъ то обстоятельство, что всѣхъ ихъ мы находимъ въ позднѣйшихъ московскихъ спискахъ [3]) ми-

[1]) Обширномъ полемическомъ сочиненіи противъ уніатовъ, написанномъ въ 1621-мъ г. и напечатанномъ въ 1878-мъ г. въ „Русской Исторической библіотекѣ" (т. 4 кн. 1, а глава изъ Палинодіи, въ которой содержится каталогъ митрополитовъ, напечатана въ изслѣдованіи покойнаго *Ф. А. Терновскаго* „Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси", вып. 2, Кіевъ, 1876, стр. 200 sqq, гдѣ см. и о самой Палинодіи).

[2]) Глава изъ Палинодіи, содержащаяся въ сейчасъ помянутомъ сочинѣніи г. Терновскаго. Стр. 210.

[3]) Подъ каталогомъ разумѣется то, что̀ не только перечисляетъ имена митрополитовъ, но и сообщаетъ о нихъ свѣдѣнія хронологическія и (бо̀льшія или

трополитовъ, составленныхъ, по всей вѣроятности, при помощи помянниковъ какихъ-нибудь епископій (въ которыхъ, какъ должно думать, писались имена митрополитовъ на ряду съ именами мѣстныхъ епископовъ), — списки эти намъ извѣстные: при Никоновской лѣтописи,— Полн. собр. лѣтт. т. IX, стр. XIII, а по старому отдѣльному изданію т. I прилож. стр. 3, при Воскресенской лѣтописи,—Полн. собр. т. VII, стр. 239, въ Новгородской 1-й лѣтописи по Академическ. списку,— Продолженія Вивліоѳики ч. II, стр. 316, напечатанный изъ одной Новгородской рукописи въ 3-мъ выпускѣ Лѣтописи занятій Археогр. Коммиссіи, Отд. III, стр. 41, находящійся въ рукописи Моск. Дух. Академіи изъ Воколл. N 529, л. 659. Не признавая существованія лишнихъ митрополитовъ Копыстенскаго и списковъ за совершенно несомнительное, съ другой стороны, мы вовсе не находимъ возможнымъ и основательнымъ и того, чтобы относиться къ нимъ съ совершеннымъ невѣріемъ. Мы внесемъ ихъ въ нашъ нижеслѣдующій каталогъ, предоставляя окончательно рѣшить вопросъ о нихъ (конечно, не особенно важный) будущему времени [1]).

меньшія) историческія (таковъ каталогъ Копыстенскаго, таковы и другіе каталоги, о которыхъ ниже); а списки — простое перечисленіе именъ, безъ всякихъ какихъ-нибудь обозначеній.

[1]) Кромѣ каталога Захаріи Копыстенскаго въ его Палинодіи, который есть первый, извѣстный намъ, по времени, существуютъ другіе каталоги: 1) Сильвестра Коссова (изъ префектовъ Кіевской Академіи епископа Мстиславскаго и потомъ митрополита Кіевскаго, † 1657 г.), составленный на основаніи лѣтописей (безъ Никоновск. и Степенной кн. и поэтому не имѣющій Іоанна 1-го) и польскихъ историковъ (ссылки на Стрыйковскаго), не принимающій новыхъ противъ лѣтописей митрополитовъ Палинодіи, которая была у автора въ рукахъ (напечатанъ въ приложеніи къ польскому Патерику Коссова—Πατερικὸν: Żywoty SS. Oycow Pieczarskych, w Kiiowie, roku 1635; заглавіе каталога, стр. 164: Chronologia o prawosławnych metropolitach Ruskich et caet., отъ начала до Петра Могилы. Митр. Евгеній въ Описаніи Кіево-соф. собора, стр. 81 fin., говоритъ, что Коссовъ по Стрыйковскому послѣ митрополита Матѳея полагаетъ новаго противъ лѣтописей Никиту. Въ настоящую минуту мы не имѣемъ подъ руками Патерикона, но мы видѣли его и въ нашихъ замѣткахъ о немъ не значится этой особенности); 2) св. Димитрія Ростовскаго, дополняющій списокъ митрополитовъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ, митрополитами Палинодіи (напечатанъ съ дополненіемъ изъ Селлія и неизвѣстно откуда и кажется съ измѣненіями въ Московскомъ Любопытномъ Мѣсяцесловѣ на 1776 годъ В. Рубана, стр. 54; о подлинникѣ см. словарь Евгенія I, 132 № 16, обычное названіе—Кіевскій каталогъ, cfr того же Евгенія Опис. Кіево-соф. соб. стр. 66 и слѣдд); 3) Неизвѣстнаго, составляющій начало общаго каталога всѣхъ Русскихъ архіерейскихъ каѳедръ и имѣющій надписаніе: „Каталогъ или лѣтописаніе бытности архіереевъ Россійскихъ" и проч., относительно списка митрополитовъ повторяющій

Митрополитовъ несомнительныхъ, какъ мы сказали, извѣстно 21, а съ тремя не несомнительными ихъ будетъ 24. Рядъ ихъ послѣ Леона есть слѣдующій:

2. Іоаннъ 1-й, по свидѣтельствамъ не совершенно надежнымъ занявшій каѳедру не позднѣе 1008 г. [1]), а по свидѣтельствамъ совсѣмъ надежнымъ — занимавшій ее въ первые годы правленія Ярослава [2]), (который 1019—1054).

3. Ѳеопемптъ, упоминаемый подъ 1039 г. [3]).

4. Кириллъ 1-й, не упоминаемый лѣтописями, но стоящій въ Кіево-Софійскомъ помянникѣ, которымъ пользовался Копыстенскій, и

св. Димитрія (находится въ рукописи, во многихъ спискахъ, которыхъ у насъ подъ руками два—фундамент. библіот. М. Д. Акад. № 122 и Виѳанск. Семин. библіот. № 2140; обычное названіе—Московскій каталогъ—Евг. ibid. I, 131. Что разумѣть подъ именемъ Московскаго каталога, на который ссылается св. Димитрій у Рубана, остается намъ неизвѣстнымъ, но не одинъ изъ указанныхъ выше списковъ, ибо изъ него берутся разныя свѣдѣнія, напр. о митрр. Ѳеопемптѣ, Ефремѣ, Матѳеѣ, Кириллѣ, которыхъ въ спискахъ вовсе нѣтъ); 4) Никодима Селлія (Датскаго уроженца, обратившагося въ православіе, † 1746, о немъ Евгеній въ Словарѣ), дополняющій списокъ митрополитовъ лѣтописей и Палинодіи еще двумя новыми митрополитами, неизвѣстно откуда взятыми (каталогъ въ сочиненіи De Russorum Hierarchia, о которомъ ibid.); 5) Игнатія Кульчинскаго (уніатскаго монаха, † 1741), не имѣющій митрополитовъ лишнихъ противъ лѣтописей (въ сочиненіи Specimen Ecclesiae Ruthenicae, Pars 3, по новому Парижскому изданію Мартынова стр. 111 sqq); 6) извѣстнаго Михаила Лекеня (Le Quien), по списку, сообщенному изъ Петербурга въ 1730-мъ г., и такъ же, какъ каталогъ Кульчинскаго, не представляющій митрополитовъ лишнихъ противъ лѣтописей (Oriens Christianus I, 1261). Хронологическія показанія каталоговъ, не только дополняющія, но и поправляющія лѣтописи или ихъ игнорирующія, суть не что иное, какъ произвольныя, ни на чемъ не основанныя, предположенія ихъ авторовъ (или Польскихъ историковъ, у которыхъ берутся) и не имѣютъ, помимо лѣтописей, совершенно никакого значенія.

[1]) Подъ свидѣтельствами не совершенно надежными разумѣемъ свидѣтельства Никоновской лѣтописи,—I, 112, и Степенной книги,—I, 166 fin, которыя говорятъ, будто въ 1008 г. Іоаннъ построилъ двѣ каменныя церкви,—одну въ Кіевѣ, другую въ Переяславлѣ, каковое строеніе митрополитомъ каменныхъ церквей есть дѣло совершенно невѣроятное.

[2]) Іаковъ и Несторъ въ Сказаніяхъ о Борисѣ и Глѣбѣ, въ чудесахъ. Копыстенскій называетъ, какъ онъ говоритъ, по Кіевскому помяннику Іоной. Это значитъ, что или переписчикъ помянника неправильно читалъ въ своемъ оригиналѣ или самъ Копыстенскій неправильно читалъ въ помянникѣ сокращенное написаніе **Іѡн** (изъ Копыстенскаго Іона перешолъ и въ другіе каталоги). У Рубана въ каталогѣ св. Димитрія читается, не знаемъ — кому принадлежащее, второму или первому: „подъ симъ Іоною полагаютъ нѣкоторые Георгія и Никифора сомнительными“.

[3]) Въ 1036 г. былъ въ Кіевѣ митрополитъ, ибо въ этомъ году поставленъ Новгородскій епископъ Лука Жидята.

въ московскихъ спискахъ митрополитовъ Никоновской лѣтописи, напечатанномъ въ Лѣтописяхъ Археографич. Коммиссіи и читаемомъ въ Волоколамск. рукописи № 529.

5. Иларіонъ, поставленный въ 1051 г.

6. Ефремъ, упоминаемый подъ 1055 г. [1]).

7. Георгій, упоминаемый подъ 1072 и 1073 гг. [2]).

8. Іоаннъ 2-й, прибывшій, если вѣрить показанію нѣкоторыхъ позднѣйшихъ источниковъ, передъ 1077 г. или не позднѣе сего года [3]) и скончавшійся въ 1089 г. [4]).

---

[1]) Въ Новгородск. 1-й лѣтоп. по Академ. списку въ Продолж. Вивліоѳ. II, 354, въ Софійск. Временникѣ, въ Новгородск. 2-й лѣт., въ Никоновск. и Тверск. лѣтт. Нѣкоторые сомнѣваются въ существованіи сего митрополита, но онъ есть, по свидѣтельству Копыстенскаго, въ Кіево-Софійскомъ помянникѣ и во всѣхъ указанныхъ московскихъ спискахъ.

[2]) Что касается до его прибытія около 1062 г., то основанія въ пользу сего предположенія, приводимыя преосвящ. Макаріемъ (II, 14, прим. 20), не совсѣмъ тверды. Преп. Ѳеодосій Печерскій, нашедшій, по лѣтописцу, уставъ Студійскаго монастыря у одного монаха, пришедшаго съ митр. Георгіемъ, по тому же лѣтописцу, который долженъ быть предпочитаемъ Нестору, какъ современникъ Ѳеодосіевъ, каковымъ послѣдній не былъ, началъ заботиться объ исканіи устава не тотчасъ послѣ вынесенія монастыря изъ пещеры на верхъ земли, что по Нестору было въ 1062 г., а спустя то или другое время. Въ 1061 г. и потомъ въ 1069 г. былъ въ Кіевѣ митрополитъ, ибо въ первомъ году поставленъ Новгородскій епископъ Стефанъ, а во второмъ Новгородск. еп. Ѳеодоръ. Подъ митрополитомъ 1069 г. по всей вѣроятности долженъ быть разумѣемъ Георгій.

[3]) Житію Исаіи Ростовскаго, по которому Исаія поставленъ въ епископы митр. Іоанномъ въ 1077 г. (см. выше). Въ 1078 г. былъ въ Кіевѣ митрополитъ, ибо въ семъ году поставленъ Новгородскій епископъ Германъ.

[4]) Митр. Іоаннъ въ надписаніи его Правила Іакову черноризцу, о которомъ ниже, называется пророкомъ Христа или пророкомъ Христовымъ: „Іω(анна), митрополита Русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа (Христовымъ)... Правило... Іакову черноризцу". Это весьма загадочное прозваніе объясняетъ намъ племянникъ нашего митрополита, греческій писатель первой половины XII вѣка, Ѳеодоръ Птохопродромъ, который говоритъ: πάππου γὰρ εὐμοίρηκα Προδρομωνύμου καὶ θεῖον ἔσχον Χριστὸν ὠνομασμένον, τῆς Ῥωσικῆς πρόεδρον, ἁβρὸν ἐν λόγοις (у *Миня* въ Патрол. t. CXXXIII col. 1412), т. е. мнѣ выпало счастіе имѣть дѣда, который былъ соименень Предтечѣ (имѣлъ прозваніе предтечи, Продрома), и я имѣлъ дядю, который названъ былъ Христомъ,—предстоятеля Русской церкви, изящнаго въ словѣ". Изъ этого оказывается, что наше русское „нареченіе" митрополита „пророкъ Христовъ" есть переводъ его греческаго прозванія Христопродромъ (собственно бы нужно: предтеча Христовъ, но такъ перевести, вѣроятно, нашли неудобнымъ и несообразнымъ).

9. Іоаннъ 3-й, преемникъ предшествующаго, прибывшій въ 1089 г. или 1090 г. [1]) и умершій послѣ годичнаго правленія.

10. Николай, упоминаемый подъ 1097 и 1101 гг. [2]).

11. Никифоръ 1-й, прибывшій 6 Декабря 1104 г. и умершій въ Апрѣлѣ 1121 г. (Лаврент. и Ипатск.) [3].

12. Никита, преемникъ Никифора, прибывшій въ 1122 г. (Лавр. и Ип.) и умершій 9 Марта 1126 г. (Лавр., по Ипатск.—въ 1127 г.) [4].

13. Михаилъ, по Ипатской лѣтописи прибывшій въ 1131 г., по вѣроятнѣе, что по крайней мѣрѣ не позднѣе 1129 г.[5]), оставившій каѳедру и удалившійся въ Константинополь въ 1145 г. (Лавр.).

14. Климъ или Климентъ, преемникъ Михаила, поставленный въ 1147 г., послѣ неоднократнаго удаленія съ каѳедры окончательно оставившій ее въ 1155 г. и упоминаемый какъ живой подъ 1164 г. (см. ниже) [6].

---

[1]) Первый годъ въ Лаврент. лѣт., второй въ Ипатск.

[2]) Въ 1096 г. былъ въ Кіевѣ митрополитъ, ибо въ этомъ году поставленъ Новгородскій епископъ св. Никита. Что касается до Ефрема, котораго ставитъ Никоновская лѣтопись (и за нею всѣ каталоги) между Іоанномъ 3-мъ и симъ Николаемъ, то онъ былъ не митрополитъ Русскій, а епископъ Переяславскій, и носилъ имя митрополита только титулярно (см. о немъ ниже).

[3]) У Татищева,—II, 169 fin., неизвѣстно откуда взятое баснословіе, что онъ избранъ великимъ княземъ изъ епископовъ Полоцкихъ и что по приказанію великаго князя онъ поставленъ самими русскими епископами.

[4]) По Татищеву,—II, 225, также изъ епископовъ русскихъ, назначенный великимъ княземъ, но ходившій для поставленія въ Константинополь.

[5]) Въ Ноябрѣ—Декабрѣ 1129 г. поставленъ Новгородскій архіепископъ Нифонтъ и предполагать, чтобы между Никитой и Михаиломъ былъ еще митрополитъ и чтобы Михаилъ явился послѣ него такъ скоро, не представляется вѣроятнымъ. По житію вел. кн. Мстислава (Ѳеодора) митр. Михаилъ освящалъ построенную имъ въ Кіевѣ церковь св. Ѳеодора (у *Восток.* въ Опис. Рум. Муз. стр. 452 col. I fin.), а церковь, заложенная въ 1128 г. (Лаврент. лѣт.), едва ли была строена болѣе года.

[6]) Копыстенскій свидѣтельствуетъ, что въ Кіево-Соф. помянникѣ послѣ Михаила стояло имя Константина, и потомъ самъ ставитъ Климента, Константина и пр., такъ что у него выходятъ три Константина. Но тутъ должно видѣть ошибочное примиреніе помянника съ лѣтописями. Въ помянникѣ, какъ необходимо думать, не стояло имени Климента, изглаженнаго его преемникомъ по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже. Находя въ помянникѣ за Михаиломъ Константина, а въ лѣтописяхъ Климента, Копыстенскій и думаетъ, что Константинъ помянника есть предшественникъ Климента.—Селлій, неизвѣстно на чемъ основываясь, послѣ Михаила ставитъ подъ 1146 г. Кирилла (у Рубана въ дополнн. къ Димитрію Ростовскому).

15. Константинъ 1-й, преемникъ Климента, пришедшій въ 1156 г. послѣ Апрѣля мѣсяца (Лавр. и Ип., cfr Новг. 1 лѣт.) [1], удалившійся съ каѳедры въ 1158 г. и умершій въ 1159 г. (Лавр. и Новгор. 1).

16. Ѳеодоръ, преемникъ Константина, пришедшій въ Августѣ 1161 г. (Ип.), сидѣвшій на каѳедрѣ или годъ и 10 мѣсяцевъ или просто 10 мѣсяцевъ и умершій въ 1162 г. или 1163 г. [2]).

17. Іоаннъ 4-й, преемникъ Ѳеодора, пришедшій въ 1164 г. (Ип.). и умершій въ 1166 г. (Новгор. 1; по свидѣтельству Татищева, неизвѣстно откуда взятому, III, 146,—Мая 12).

18. Константинъ 2-й, преемникъ Іоанна, пришедшій въ 1167 г. (Новг.) и упоминаемый потомъ по поводу одного событія, которое Лаврентьевская лѣтопись относитъ къ 1169 г., а Ипатская къ 1172 г.

19. Никифоръ 2-й, упоминаемый съ 1182 по 1197 г. (Конечные годы въ Ипатск.).

Въ одной изъ греческихъ рукописей московской сvнодальной библіотеки читается постановленіе Константинопольскаго патріаршаго собора, имѣвшее мѣсто при патр. Михаилѣ Анхіалѣ 24 Марта 1171 г., и въ числѣ другихъ присутствовавшихъ на соборномъ засѣданіи митрополитовъ называется Михаилъ Русскій (Μιχαὴλ Ῥωσίας) [3]. Такъ какъ совершенно невѣроятно полагать, чтобы это былъ предшествующій Михаилъ, все еще остававшійся въ живыхъ и присутствовавшій на соборѣ въ качествѣ бывшаго Русскаго митрополита: то необходимо принимать его за Михаила 2-го, преемника Константинова и предшественника Никифорова. Но мы не рѣшаемся пока поставить его прямо подъ номеръ по совершенному отсутствію его имени въ какихъ-либо нашихъ памятникахъ, такъ какъ остается при этомъ возможнымъ предположеніе, что онъ былъ поставленъ въ Константинополѣ въ митрополиты Русскіе, но за скорою смертію или почему-либо другому не приходилъ въ Россію.

---

[1]) А поставленный не позднѣе Января мѣсяца того же года (см. у *Анжело Майо* въ Spicilegium Romanum, X, 19) и у *Миня* въ Патрологіи t. 140, col. 149 нач. (на соборѣ, бывшемъ 26 Января сего года присутствовалъ Русскій митрополитъ).

[2]) Ипатская лѣтопись говоритъ, что Ѳеодоръ, пришедшій (по ней) въ Августѣ 1161 г., умеръ послѣ 10-мѣсячнаго правленія въ 1163 г. (подъ симъ послѣднимъ годомъ). Тутъ очевидно ошибка или въ показаніи времени правленія, или въ годѣ смерти.

[3]) См. открытое письмо ко мнѣ *А. С. Павлова*, напечатанное въ Правосл. Обозр. 1881 г., томъ II, стр. 352, и *архим. Владимира* Описаніе рукописей сvнодальной библіотеки, № 336, л. 89 об., стр. 495.

20. Гавріилъ.

21. Діонисій.

Ни о томъ ни о другомъ не упоминаютъ лѣтописи, но оба они, по свидѣтельству Копыстенскаго, находятся въ Кіево-Софійскомъ помянникѣ, а равнымъ образомъ находятся и во всѣхъ указанныхъ нами выше Московскихъ спискахъ. Втораго изъ нихъ—Діонисія упоминаетъ и одна изъ лѣтописей, именно такъ называемая Типографская [1]), только ставитъ его подъ такимъ годомъ, въ которомъ по Лаврентьевской лѣтописи былъ другой митрополитъ (подъ 1210 г., въ которомъ по Лавр. слѣдующій Матѳей) [2].

22. Матѳей, упоминаемый въ первый разъ подъ 1210 г. (Лавр.) и умершій 22 Августа 1220 г. (Лавр.) [3].

23. Кириллъ 2-й, поставленный въ Январѣ 1224 г. (Лавр.), скончавшійся въ 1233 (Новгор. 1) [4].

24. Іосифъ, прибывшій въ 1237 г. (Новг. 1) и за тѣмъ болѣе не упоминаемый.

Обычный способъ поставленія русскихъ митрополитовъ въ продолженіе періода до-монгольскаго былъ тотъ, что они не только посвящались, но и избирались патріархами Константинопольскими. Слѣдовательно, всѣ они долженствовали быть Греками. Но могли быть исключенія, которыхъ по лѣтописямъ намъ извѣстно два и которыя состояли въ томъ, что Русскіе сами избирали своихъ митрополитовъ и сами поставляли ихъ у себя дома своими епископами безъ сношеній съ патріархами. Были или не были другія исключенія, кромѣ двухъ

[1]) Лѣтописецъ, содержащій Россійскую исторію отъ 6714 (1206) лѣта до лѣта 7042 (1534). Москва, 1784, стр. 2.

[2]) У Татищева подъ 1198 г. упоминается митр. Іоаннъ,—III, 329.

[3]) Московскій каталогъ или „Лѣтописаніе бытности“ ставитъ послѣ Матѳея предшествующаго Діонисія, а у Селлія (Дополнн. къ Димитрію Рост. у Рубана) по немъ еще другой Діонисій, посвященный будто бы въ 1217 г...

[4]) Густинская лѣтопись, которой слѣдуютъ всѣ каталоги, раздѣляетъ этого митр. Кирилла на двоихъ Кирилловъ — первый съ 1225 г., второй съ 1230. Не знаемъ, на чемъ она основывается, но необходимо думать, что ошибается, ибо Лаврентьевская лѣтопись, говорящая о поставленіи Кирилла въ 1224 г., и Новгородск. лѣт., говорящая о смерти Кирилла въ 1233 г., образомъ своего выраженія ясно даютъ знать, что говорятъ объ одномъ и томъ же, замѣчательномъ и выдававшемся изъ ряда другихъ, митрополитѣ („блаженный“). Что основанія Густинской лѣт. новыя и произвольныя, это дается подозрѣвать тѣмъ, что она называетъ своего перваго Кирилла Русиномъ вопреки помянутымъ лѣтописямъ, которыя обѣ называютъ Кирилла Грекомъ.

извѣстныхъ, мы не можемъ сказать положительнымъ образомъ, ибо свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о митрополитахъ, весьма неполны и весьма недостаточны. Могли быть другіе случаи, подобные указаннымъ; могли быть равнымъ образомъ и тѣ случаи, что кандидаты въ митрополиты были избираемы въ Россіи и изъ Русскихъ и только посвящаемы патріархомъ. Обыкновенно предполагается, что ни первыхъ случаевъ, кромѣ двухъ извѣстныхъ, ни вторыхъ не было; предполагать это дѣйствительно есть наивѣроятнѣйшее, однако же не должно забывать, что это есть именно только вѣроятное и что въ виду крайней, такъ сказать, небрежности лѣтописей относительно извѣстій о митрополитахъ и въ виду пропуска такого исключительно важнаго событія, какъ приходъ къ намъ изъ Греціи перваго митрополита, вѣроятность далеко не можетъ быть признана первостепенною. Есть все основаніе и все право принимать, что митрополиты, вступленіе которыхъ на каѳедру отмѣчено въ лѣтописяхъ и о вступленіи которыхъ говорится какъ о приходѣ: «приде митрополитъ»..., всѣ были Греки (хотя и митрополиты, избранные въ Россіи и изъ Русскихъ и только посвященные патріархомъ, тоже приходили бы). Такихъ митрополитовъ 9-ть, именно: Іоаннъ 3-й, Никифоръ 1-й [1]), Никита, Михаилъ, Константинъ 1-й, Ѳеодоръ, Іоаннъ 4-й, Константинъ 2-й, и Іосифъ [2]). Изъ остальныхъ 9-ти, за исключеніемъ перваго Леона, двоихъ Русскихъ, поставленныхъ въ Россіи (Иларіона и Климента) и троихъ Кіево-Софійскаго помянника Копыстенскаго (Кирилла 1-го, Гавріила и Діонисія) объ одномъ, именно—Кириллѣ 2-мъ, говорится, что онъ «поставленъ», а объ остальныхъ 8-ми ничего не говорится, ибо ихъ вступленія на каѳедру совсѣмъ не отмѣчены въ лѣтописяхъ. О Кириллѣ, котораго вступленіе обозначено словомъ «поставленъ», прямо сказано, что онъ былъ Грекъ, и такимъ образомъ лѣтописи указаннымъ путемъ не опредѣляютъ намъ національности 8-ми митрополитовъ, о которыхъ онѣ говорятъ. Изъ этихъ 8-ми митрополитовъ о двоихъ, именно—Іоаннахъ 1-мъ и 2-мъ положительно извѣстно, что они были Греки [3]), а о третьемъ Георгіи это можетъ быть положительно утверждаемо на

---

[1]) Митр. Никифоръ 1-й прямо даетъ видѣть въ себѣ Грека въ своемъ поученіи на недѣлю Сыропустную, о которомъ ниже.

[2]) Іосифа Новгородская лѣтопись даже прямо называетъ Грекомъ: „приде митрополитъ Грьчинъ изъ Никѣя въ Кіевъ, именемъ Есифъ".

[3]) Объ Іоаннѣ 1-мъ см. выше стр. 200; національность Іоанна 2-го извѣстна изъ языка его сочиненій, о которыхъ ниже, въ главѣ о просвѣщеніи, и см. также выше стр. 280, прим. 1.

основаніи свидѣтельствъ, хотя не прямыхъ, но совершенно достаточныхъ [1]), и наконецъ о третьемъ—Никифорѣ 2-мъ нѣкоторыми непрямыми указаніями дается это подозрѣвать [2]). Слѣдовательно, не имѣется у насъ никакихъ данныхъ для опредѣленія національности 7-ми митрополитовъ,—четырехъ, о которыхъ говорятъ лѣтописи (Ѳеопемпта, Ефрема, Николая и Матѳея) и трехъ Кіево-Софійскаго помянника. Если должно быть признано за вѣроятнѣйшее то, что не было у насъ въ періодъ до-монгольскій другихъ случаевъ поставленія митрополитовъ въ самой Руси, кромѣ двухъ извѣстныхъ: то вмѣстѣ съ этимъ и относительно національности 7-ми сейчасъ указанныхъ митрополитовъ вѣроятнѣйшее будетъ то, что всѣ они были Греки; только относительно вѣроятности должно быть повторено то же самое, что сказано выше.

До какой крайней степени скудными свѣдѣніями мы обладаемъ о митрополитахъ нашихъ періода домонгольскаго и объ ихъ дѣлахъ, это мы давали знать уже не одинъ разъ выше. Рядъ митрополитовъ весьма не короткій; но мы совершенно избавлены отъ труда излагать и обозрѣвать дѣятельность не только всѣхъ ихъ, многихъ или нѣкоторыхъ между ними, но хотя бы одного изъ всѣхъ. Въ лѣтописяхъ мы находимъ небольшое количество общихъ отзывовъ о митрополитахъ; отчасти изъ лѣтописей, отчасти изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, и притомъ самымъ плохимъ образомъ, два-три, а точнѣе говоря одинъ-два, случая изъ ихъ правительственной дѣятельности,—и только. Общихъ отзывовъ о митрополитахъ читаемъ въ лѣтописяхъ пять, — три о Грекахъ и два о двоихъ Русскихъ. Изъ трехъ отзывовъ о Грекахъ два хвалебные и одинъ укоризненный. О митрополитѣ Іоаннѣ 2-мъ († 1089) лѣтопись отзывается съ величайшими похвалами, какъ о человѣкѣ исключительномъ: «бысть мужъ хитръ книгамъ и ученью, милостивъ (къ) убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому — богату и убогу, смиренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же [3]), книгами святыми утѣшая печальныя, и сякого (такого) не бысть прежде въ Руси,

---

[1]) Преп. Ѳеодосій Печерскій нашелъ въ Кіевѣ Студійскій уставъ у Михаила чернца монастыря Студійскаго, „иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ", лѣт. подъ 1055 г. (ясно даетъ Георгій видѣть въ себѣ Грека и своимъ невѣріемъ въ святость мучениковъ Бориса и Глѣба, о чемъ въ Несторовомъ житіи послѣднихъ).

[2]) Дѣло епископа Ростовскаго—Полоцкаго Николая, о которомъ Лавр. лѣт. подъ 1185 г., а Ипатск. подъ 1183 г., и въ которомъ даетъ себя видѣть его предилексія къ Грекамъ.

[3]) Молчаливъ и рѣчистъ въ одно и то же время, нѣтъ сомнѣнія, должно понимать такъ, что молчаливъ на пустяшныя рѣчи, а рѣчистъ на учительныя.

ни по немъ не будетъ сякъ» [1]). Митрополитъ Кириллъ 2-й, предпослѣдній за періодъ до-монгольскій († 1223), былъ по отзыву лѣтописи «учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ» [2]). Отзывъ укоризненный лѣтопись дѣлаетъ о митр. Іоаннѣ 3-мъ, преемникѣ Іоанна 2-го, который былъ по ней человѣкъ слабый духомъ и по причинѣ скопчества крайне болѣзненный тѣломъ (а также, вѣроятно, и странный видомъ, — безбородый) [3] и который занималъ престолъ митрополичій весьма не на долгое время, какъ страшная тѣнь: въ годъ смерти Іоанна 2-го, говоритъ лѣтопись, «пошла Янка, дочь Всеволодова, въ Грецію (къ своимъ родственникамъ), и привела съ собой митрополита Іоанна скопца; когда его увидѣли, то всѣ люди сказали: «да это пришолъ мертвецъ»; онъ умеръ, пробывъ (на каѳедрѣ) отъ года до года (т. е. ровно одинъ годъ); былъ онъ мужъ некниженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ» [4]). О двоихъ Русскихъ лѣтописи отзываются—объ Иларіонѣ: «(бѣ) мужъ благъ, книженъ и постникъ» [5]), о Климентѣ: «бысть книжникъ и философъ такъ (такой), яко же въ Русской земли не бяшеть» [6]). Эти общіе отзывы лѣтописей о митрополитахъ, въ которыхъ почти исключительно обращается вниманіе на книжность и учительность, дополняются для насъ въ томъ же отношеніи сохранившимися до настоящаго времени сочиненіями митрополитовъ. На основаніи сихъ послѣднихъ должны быть причислены къ учительнымъ изъ числа Грековъ, кромѣ Іоанна и Кирилла: первый митрополитъ Леонъ (какъ упомянули мы выше) и потомъ Георгій и Никифоръ 1-й (о чемъ см. ниже, въ главѣ о просвѣщеніи). Сохранившіяся сочиненія Іоанна 2-го вполнѣ подтверждаютъ отзывъ лѣтописи объ его книжности и учительности, а одно сохранившееся сочиненіе митр. Иларіона даетъ видѣть въ немъ человѣка не просто книжнаго, а совсѣмъ выдающагося изъ ряда вонъ.

Изъ правительственной дѣятельности митрополитовъ періода до-монгольскаго, какъ мы сказали, извѣстно одинъ-два случая. Совершенно точно говоря, ихъ извѣстно два. Случаи эти относятся не къ дѣятельности конструитивной (если позволительно такъ выразиться),

---

[1]) Подъ 1089 г.

[2]) Лаврентьев. лѣт. подъ 1224 г.

[3]) Въ Греціи скопцы между монахами составляли явленіе весьма обычное. Откуда они брались, скажемъ ниже въ главѣ о монашествѣ.

[4]) Подъ 1089 г.

[5]) Подъ 1051 г.

[6]) Ипатск. лѣт. подъ 1147 г.

а къ дѣятельности текущей, обычной, т. е. они представляютъ собою не случаи какихъ-либо новыхъ мѣропріятій на пользу церкви, а случаи проявленія обычной власти митрополитовъ, именно—случаи суда митрополитами епископовъ. Мы уже предваряли выше, что они извѣстны весьма плохо. Первый случай: въ 1055-мъ г. былъ оклеветанъ предъ митрополитомъ Ефремомъ Новгородскій епископъ Лука Жидята однимъ изъ своихъ холоповъ; вызванный митрополитомъ въ Кіевъ, онъ былъ осужденъ имъ и просидѣлъ въ заключеніи три года, послѣ чего успѣлъ оправдаться и снова возвратился на свой столъ, а клеветника постигла жестокая казнь [1]). Какъ совершаемъ былъ судъ,—что̀ знать было бы для насъ главное, т. е. по каноническимъ правиламъ соборно съ епископами или вопреки этихъ правилъ единолично, на это, къ сожалѣнію, вовсе не намекается. Во всякомъ случаѣ для насъ замѣчательно тутъ то, что епископъ подвергается казни заточенія, которая, если не ошибаемся, есть казнь неканоническая, и что клеветникъ подвергается духовною властью гражданскому кровавому наказанію—урѣзанію носа и обѣихъ рукъ (впрочемъ, можетъ быть, былъ подвергнутъ наказанію не духовною властію, а гражданскою, по представленію первой и по собственному суду). Второй случай: въ 1156-мъ г. Андрей Боголюбскій, желая удалить съ своей Ростовской каѳедры епископа Нестора, прислалъ его въ Кіевъ на судъ къ митрополиту Константину 1-му съ какими-то на него обвиненіями. На этотъ разъ судъ, окончившійся оправданіемъ епископа, какъ сообщаетъ источникъ о немъ говорящій, но въ показаніи о процессѣ суда не особенно впрочемъ надежный [2]), производимъ былъ соборно, причемъ дѣло подвер-

[1]) Новгородск. 1-я лѣт. по Академ. сп. въ Продолж. Вивліоѳ. I, 345, Новгородск. 2-я лѣт. и Софійск. Временн. подъ 1055-мъ г. говорятъ: „(Въ) семъ же лѣтѣ клевета бысть на епископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новгорода и иде къ Кіеву, и осуди (его) митрополитъ Ефремъ, и пребысть тамо три лѣта“. Никоновская лѣтопись и за нею Тверская дополняютъ: „отъ своего холопа Дудики въ неподобныхъ рѣчехъ“ и „осуди митрополитъ Ефремъ по Дудикинымъ рѣчемъ и злыхъ его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ“. Первыя лѣтописи подъ 1058-мъ г.: „архіепископъ (sic) Лука прія свой столъ въ Новгородѣ и свою волость, Дудицѣ же холопу оскомины—урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ и бѣжа въ Нѣмцы“. Вторыя:... „въ Нѣмцы, сице же и его лукавымъ совѣтникамъ Козмѣ и Демьяну достойное воздаша злодѣянію ихъ“.

[2]) Посланіе Константинопольскаго патріарха Луки Хризоверга къ Андрею Боголюбскому,—Никон. лѣтоп. II, 182 и у преосвящ. Макарія т. 3. изд. 2. стр. 299. Мы называемъ посланіе въ показаніи о процессѣ суда источникомъ не особенно надежнымъ потому, что патріархъ, можетъ быть, говоритъ объ этомъ процессѣ суда со словъ самого Нестора. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ подъ

галось продолжительному и тщательному изслѣдованію, иначе сказать, судъ производимъ былъ сообразно каноническимъ о немъ постановленіямъ [1]).

Итакъ, за цѣлыя двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, за цѣлый періодъ времени мы не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній о церковно-правительственной дѣятельности нашихъ митрополитовъ. Это, конечно, въ высшей степени прискорбно; однако необходимо надлежащимъ образомъ смотрѣть на предметъ и не спѣшить дѣлать выводовъ, которые дѣлать было бы несправедливо. Нѣкоторые, смотря съ предубѣжденіемъ на господство у насъ Грековъ, отъ этого рѣшительнаго отсутствія въ лѣтописяхъ извѣстій о дѣятельности митрополитовъ спѣшатъ заключать къ рѣшительному отсутствію сколько-нибудь замѣчательныхъ совершенныхъ ими дѣлъ, и затѣмъ спѣшать заключать о крайней или, по меньшей мѣрѣ, несомнѣнной ихъ - митрополитовъ Грековъ недоброкачественности. Спеціальную рѣчь объ этомъ мы будемъ вести нѣсколько ниже, а здѣсь пока ограничимся однимъ простымъ замѣчаніемъ, что подобное заключеніе далеко не основательно.

Мы сказали выше, что по каноническимъ правиламъ митрополиты обязаны были ежегодно собирать къ себѣ на соборъ подвѣдомыхъ имъ епископовъ для разсужденія о нуждахъ церкви и для рѣшенія дѣлъ, подававшихся на аппелляцію къ ихъ — митрополитовъ суду отъ суда епископовъ. Къ величайшему сожалѣнію надлежитъ думать, что наша Русская церковь съ самаго древняго времени подлежитъ укору въ несоблюденіи этого весьма важнаго предписанія каноническихъ правилъ о митрополичьихъ ежегодныхъ соборахъ. Необходимо думать, что въ періодъ до-монгольскій епископы собирались къ митрополиту въ Кіевъ гораздо чаще, нежели какъ это стало впослѣдствіи, и что со-

---

1156-мъ г., что „на туже зиму иде епископъ Несторъ въ Русь и лишиша и епископьи"; но Никоновская лѣтопись дополняетъ, что Несторъ, осужденный было митрополитомъ въ 1156-мъ г., былъ оправданъ имъ послѣ новаго испытанія его дѣла въ слѣдующемъ въ 1157-мъ г.. Она называетъ обвинителями его или, какъ она говоритъ, клеветниками на него „своихъ домашнихъ"; но изъ посланія патріарха къ Боголюбскому видно, что обвинителемъ былъ не кто иной, какъ самъ князь и что домашніе епископа были только свидѣтелями (и—по увѣренію Никон. лѣт.— подвергались наказанію отъ митрополита за лжесвидѣтельство).

[1]) Еще извѣстны два случая проявленія митрополитами своей власти надъ епископами, именно — митр. Климентомъ надъ епископомъ Новгородскимъ Нифонтомъ и митр. Константиномъ 2-мъ надъ Ростовско-Суздальскимъ епископомъ Θеодоромъ или Θеодорцемъ. Но они суть случаи не столько суда, сколько личной расправы митрополитовъ съ епископами; о нихъ скажемъ ниже.

боры не ежегодно регулярные и необязательные были устрояемы митрополитами сравнительно довольно нерѣдко. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ предполагать, что въ продолженіе этого періода въ отношеніяхъ митрополитовъ къ епископамъ было значительно болѣе простоты и духа братства, гораздо менѣе духа высокаго начальства съ одной стороны и духа чиновничьей субординаціи съ другой, нежели какъ то стало потомъ на Москвѣ. При этой предполагаемой со всею вѣроятностію относительно того времени простотѣ отношеній слѣдуетъ полагать, что безъ дальнихъ и безъ всякихъ формальностей епископы обращались къ митрополиту и лично являлись въ Кіевъ всякій разъ, какъ это находили почему-нибудь нужнымъ. Но за всѣмъ симъ необходимо думать, что у насъ не было введено и не существовало въ до-монгольскій періодъ обычая ежегодно и регулярно собирать предписанныхъ каноническими правилами соборовъ митрополіи или иначе всей Русской церкви, которая представляла изъ себя митрополію, ибо на существованіе обычая такихъ ежегодныхъ соборовъ мы не находимъ рѣшительно никакихъ указаній ни въ лѣтописяхъ ни въ какихъ-либо памятникахъ до-монгольскаго періода. Нельзя винить въ этомъ однихъ митрополитовъ; по всей вѣроятности, они виноваты были даже всѣхъ менѣе. Мы знаемъ, что и въ Греціи епископы весьма неохотно являлись на эти соборы, которые слишкомъ ограничивали ихъ власть [1]); тѣмъ болѣе это должно было случиться у насъ, гдѣ въ дальности епископій отъ митрополіи существовалъ, до нѣкоторой степени, основательный предлогъ уклоняться отъ сихъ соборовъ, и гдѣ, какъ положительно свидѣтельствуетъ намъ митрополитъ Іоаннъ 2-й въ такъ называемомъ Правилѣ черноризцу Іакову, епископы уклонялись отъ соборовъ и не ежегодныхъ и не срочныхъ, а созывавшихся митрополитами по требованію нуждъ [2]). Эти послѣдніе виновны только тѣмъ, что не настаивали, во что бы то ни стало, на точномъ исполненіи

---

[1]) Лаодикійск. соб. пр. 40, 4-го всел. соб. пр. 19, 6-го всел. соб. пр. 8 fin. (Карѳагенск. соб. пр. 53 по пространному чтенію у *Ралли* и *П.*, III, 433). Относительно времени, соотвѣтствующаго нашему періоду домонгольскому, см. патр. Алексѣя у *Ралли* и *П.*, V, 27).

[2]) Въ Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права, изданныхъ *А. С. Павловымъ* и составляющихъ VI томъ Русской Исторической библіотеки, col. 18, § 31: „иже не послушають епископи своего митрополита совокуплятися призываеміи отъ него сборъ сотворити, иже (такъ какъ) злѣ творящаа, посварити ихъ отеческимъ наказаніемъ“. Разумѣть эти слова митр. Іоанна о правильныхъ ежегодныхъ соборахъ мы не находимъ основательнымъ, ибо самый образъ выраженія показываетъ, что тутъ разумѣются соборы не ежегодные, а созываемые по мѣрѣ нужды.

каноническихъ требованій относительно помянутыхъ соборовъ. Весьма прискорбно это, отъ чего бы ни случившееся, опущеніе не столько по отношенію къ самому періоду до-монгольскому, сколько по отношенію къ послѣдующему времени. Въ періодъ до-монгольскій митрополиты Греки, послѣдуя добрымъ обычаямъ своей родины, нѣтъ сомнѣнія, и при отсутствіи сихъ регулярныхъ соборовъ въ достаточной степени поддерживали духъ коллегіальности и братства между епископами и духъ совѣщательности въ общецерковномъ управленіи. Но послѣ перенесенія каѳедры митрополіи въ Москву, въ иныхъ людяхъ и подъ иными вліяніями, начался тотъ духъ разъединенія и разобщенія, которому могли бы воспрепятствовать только помянутые соборы. Если бы Москва наслѣдовала отъ Кіева обычай ежегодно совѣщаться о дѣлахъ церкви, то вѣроятно весьма много хорошаго напридумывала бы она на пользу сей послѣдней...

Въ періодъ московскій наши митрополиты имѣли обычай изрѣдка обращаться къ духовенству и къ міранамъ митрополіи съ своими учительными окружными посланіями. Хотя отъ митрополитовъ нашего періода неизвѣстно ни одного такого посланія, однако мы имѣемъ основанія полагать, что обычай ведетъ свое начало отъ нихъ (основанія укажемъ во 2-мъ томѣ).

Что касается до путешествій нашихъ митрополитовъ въ Константинополь, къ патріарху, то намъ извѣстно нѣсколько, весьма немного, частныхъ случаевъ того, что митрополиты находились въ Константинополѣ; но какъ именно часто предпринимали они путешествія, это остается намъ совершенно неизвѣстнымъ [1]).

Въ числѣ митрополитовъ періода до-монгольскаго, какъ мы сказали, двое были не Греки, а природные Русскіе, избранные и поставленные въ самой Россіи. Такъ какъ обычный порядокъ былъ тотъ, чтобы митрополиты избирались и посвящались въ Константинополѣ, то само собою предполагается, что эти два случая представляли собою событія исключительныя.

---

[1]) Частные извѣстные случаи и всего ограничиваются числомъ четырехъ: при патр. Іоаннѣ Ксифилинѣ (1064—1075) присутствовалъ на патріаршемъ соборѣ не называемый по имени русскій митрополитъ, см. выше стр. 280; въ 1073-мъ году митр. Георгій, по свидѣтельству нашей лѣтописи, находился въ Греціи; на одномъ изъ соборовъ, бывшихъ при патр. Николаѣ Грамматикѣ (1084—1111) присутствовалъ не называемый по имени Русскій митрополитъ,—выше стр. 281; на соборѣ 1171-го года присутствовалъ русскій митрополитъ Михаилъ,—выше стр. 282.

Первый случай имѣлъ мѣсто при второмъ христіанскомъ государѣ нашемъ,—при Ярославѣ Великомъ. Лѣтопись говоритъ, что въ 1051-мъ г. Ярославъ, собравъ епископовъ, поставилъ въ св. Софіи митрополитомъ Илларіона, который былъ предъ тѣмъ священникомъ при церкви находившагося подъ Кіевомъ великокняжескаго села Берестова [1]), который отличался весьма строгой, подвижнической, жизнію [2]) и который былъ человѣкъ необыкновенно умный, вѣроятно—отлично по своему времени образованный и блистательно, изъ ряду вонъ, краснорѣчивый, о чемъ скажемъ ниже. Лѣтопись ни единымъ словомъ не говоритъ, что заставило Ярослава поставить Иларіона, т. е. поставить митрополита у себя дома и своими епископами, безъ всякаго сношенія съ Греками [3]), и слѣдовательно—остается дѣлать только догадки. Одна изъ позднѣйшихъ лѣтописей, именно—Никоновская, а вслѣдъ за нею и нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей, предполагаютъ, что причиной была война Ярослава съ Греками. Но предположеніе это не можетъ быть признано основательнымъ: Ярославъ имѣлъ войну съ Греками въ 1043-мъ г.; чрезъ три года, слѣдовательно—въ 1046-мъ г., былъ заключенъ миръ и отъ него до поставленія Иларіона прошли цѣлые пять лѣтъ. За симъ, остается предполагать, какъ и предполагаетъ большинство новыхъ изслѣдователей, что Ярославъ былъ недоволенъ существовавшимъ порядкомъ избранія и поставленія митрополитовъ, по которому мы должны были получать Грековъ, приходившихъ изъ Константинополя, и что онъ хотѣлъ ввести новый порядокъ ихъ избранія и поставленія — изъ природныхъ Русскихъ и въ самой Россіи. Предположеніе само по себѣ представляется весьма естественнымъ и вѣроятнымъ. Если мы припомнимъ то, что говорили выше о полученной нами сначала автокефаліи, то оно будетъ казаться еще болѣе вѣроятнымъ, именно—тогда можно будетъ объяснять дѣло такъ, что Ярославъ хотѣлъ возвратить эту данную намъ и тотчасъ же отнятую автокефалію. Какъ однако, повидимому, ни вѣроятно предполагать все это, мы съ своей стороны весьма и крайне сомнѣваемся, чтобы и на самомъ дѣлѣ предполагать это было должно. Что Ярославъ могъ стать недоволенъ существовавшимъ порядкомъ, что онъ могъ имѣть мысль и желаніе ввести новый порядокъ, а тѣмъ болѣе возвра-

---

[1]) Въ мѣстности Печерскаго монастыря.

[2]) О жизни лѣтопись подъ 1051-мъ г.

[3]) Вся рѣчь лѣтописи о поставленіи Иларіона состоитъ въ слѣдующемъ: „въ лѣто 6559 постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Руси въ святѣй Софьи, собравъ епископы".

тить порядокъ первоначальный (автокефалію), это, повторяемъ, само по себѣ весьма возможно. Но нѣтъ совершенно никакихъ положительныхъ признаковъ думать, чтобы это и на самомъ дѣлѣ было такъ. Ярославъ былъ отецъ, память котораго свято чтили его дѣти. Если бы онъ имѣлъ помянутую мысль, то онъ, конечно, завѣщалъ бы ее симъ послѣднимъ; а если бы это было такъ, то необходимо было бы ожидать, что сыновья его будутъ настаивать на введенномъ имъ новомъ порядкѣ и будутъ стараться его отстаивать. Никакихъ слѣдовъ ничего подобнаго однако мы вовсе не видимъ. Правда, что лѣтописныя извѣстія, которыя мы имѣемъ за то время, чрезвычайно скудны и неполны; но если бы не нарочными рѣчами, то по крайней мѣрѣ какой-нибудь обмолвкой и какимъ-нибудь случайнымъ замѣчаніемъ лѣтопись дала бы знать, что была послѣ Ярослава борьба за введенный имъ новый порядокъ; но никакихъ и подобныхъ случайныхъ намековъ вовсе неизвѣстно. На другой годъ послѣ смерти Ярослава мы находимъ на каѳедрѣ митрополичьей Грека Ефрема [1]). Если бы было извѣстно, что онъ пришелъ еще при немъ, то это положительно и прямо значило бы, что Ярославъ, ставя Иларіона, не думалъ вводить никакихъ новыхъ порядковъ. Но предположимъ, что Ефремъ пришелъ не при немъ, а уже послѣ его смерти. На другой годъ послѣ смерти отца дѣти принимаютъ митрополита Грека: вѣроятнѣйшее отсюда заключеніе, конечно, есть то, что отецъ не завѣщалъ дѣтямъ не принимать Грековъ. Мы полагаемъ, что поступокъ Ярослава гораздо вѣроятнѣе понимать просто какъ отдѣльный поступокъ, при которомъ не имѣлось въ виду ничего общаго и ничего дальнѣйшаго, а также и ничего прежняго. Ярославу очень понравился Иларіонъ, который, сколько мы знаемъ о немъ, дѣйствительно заслуживалъ самой полной любви. Желая видѣть его митрополитомъ, онъ и приказалъ епископамъ поставить его—не потому, чтобы имѣлъ въ виду начать имъ рядъ митрополитовъ

---

[1]) Что Ефремъ былъ Грекъ, положительнымъ образомъ этого намъ неизвѣстно, но, какъ говорили мы выше, это есть вѣроятнѣйшее предполагать. Видѣть въ Ефремѣ самого Иларіона подъ монашескимъ именемъ, представляется намъ совершенно не основательнымъ: лѣтописецъ называетъ Иларіона тѣмъ именемъ, которое онъ носилъ въ митрополитахъ, слѣдовательно—это имя и есть монашеское, а какъ назывался онъ въ міру, лѣтописецъ этого не сообщаетъ (вѣроятно, потому, что не знаетъ). Отъ самого Иларіона сохранилось исповѣданіе вѣры, данное имъ письменно предъ принятіемъ сана митрополичьяго, и подъ этимъ исповѣданіемъ онъ подписался: „мнихъ и прозвитеръ Иларіонъ", см. Прибавлл. къ Творр. свв. Отцц. ч. II, 1844-го года, стр. 255.

изъ природныхъ Русскихъ, а потому только, что именно его хотѣлъ видѣть митрополитомъ. Ярославъ зналъ Иларіона, который, весьма возможно, былъ его духовникомъ, какъ человѣка строго-подвижнической жизни, блестяще талантливаго и высоко образованнаго, и ему могло казаться обиднымъ для русской чести, чтобы, обходя такое свѣтило, посылать за митрополитомъ въ Грецію. Изъ-за одного человѣка, повидимому, не стоило рѣшаться на то, чтобы входить въ ссору съ Греками. Но Ярославъ былъ такой государь, который нисколько не стѣснялся Греками,—захотѣлъ и сдѣлалъ, не обращая никакого на нихъ вниманія [1]). Что поступокъ Ярослава долженъ быть понимаемъ именно такъ, какъ мы его понимаемъ, въ пользу этого говорятъ и нѣкоторыя, положительно извѣстныя намъ, обстоятельства. Если бы Ярославъ, ставя Иларіона въ митрополиты, хотѣлъ начать съ него новый порядокъ, то это означало бы разрывъ церковнаго союза съ Греками, а вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ и вообще вражду его къ нимъ. Съ другой стороны и Греки, если бы дѣло дѣйствительно имѣло себя такъ, воспылали бы той же враждой къ Ярославу. Между тѣмъ, или предъ самымъ поставленіемъ или послѣ самаго поставленія Иларіона Ярославъ женилъ своего любимаго сына Всеволода на греческой царевнѣ [2]). Если бракъ имѣлъ мѣсто до поставленія, то онъ свидѣтельствуетъ, что не было вражды съ Греками у Ярослава; если послѣ поставленія, то онъ свидѣтельствуетъ, что не было таковой вражды у Грековъ къ нему. Сейчасъ указанное обстоятельство располагаетъ насъ думать, что поставленіе Иларіона не имѣло своимъ слѣдствіемъ даже и кратковременнаго недоразумѣнія и неудовольствія съ Греками, что, поставивъ его, потому что хотѣлъ поставить его именно, Ярославъ тотчасъ же затѣмъ вошелъ въ сношенія и объясненія съ послѣдними. Представивъ и объяснивъ имъ, что случившееся поставленіе

---

[1]) Относительно позднѣйшаго времени мы знаемъ, что Греки очень не торопились съ замѣщеніемъ каѳедры русской митрополіи, когда она упразднялась. Если это было такъ и въ древнее время, то можно предполагать, что Ярославъ былъ разсерженъ и оскорбленъ медленіемъ Грековъ и что, не желая ждать, онъ и поставилъ митрополита въ самой Россіи. Когда митрополитъ былъ поставленъ, Греки могли извиниться передъ нимъ, а такимъ образомъ и дѣло могло быть улажено.

[2]) На какой-то близкой родственницѣ Константинопольскаго императора Константина Мономаха (1042—1054), но не на его дочери, ибо Константинъ, сколько извѣстно, дочерей не имѣлъ (отъ сего и старшій сынъ Всеволода Владиміръ прозванъ Мономахомъ). Въ какомъ году женатъ былъ Всеволодъ, мы не знаемъ, но первое дитя у него (помянутый сейчасъ сынъ Владиміръ Мономахъ) родилось въ 1053 г.

должно быть понимаемо какъ отдѣльный и исключительный случай, не долженствующій имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, онъ этимъ вполнѣ ихъ и удовольствовалъ, заставивъ признать совершившійся фактъ, а такимъ образомъ по поводу поставленія не былъ нарушаемъ и миръ церковный. Считаемъ нужнымъ прибавить къ сему еще нѣчто, что̀ беремъ изъ области только вѣроятнаго. Въ 1055-мъ г., какъ мы говорили выше, имѣлъ мѣсто судъ митр. Ефрема надъ Новгородскимъ епископомъ Лукой Жидятой. Новгородскія лѣтописи не указываютъ причинъ суда, но лѣтопись Никоновская утверждаетъ, что епископъ былъ оклеветанъ предъ митрополитомъ «въ неподобныхъ рѣчехъ». Согласившись признать это дополнительное сообщеніе Никоновской лѣтописи, согласившись за тѣмъ думать, что неподобныя рѣчи относились къ самому митрополиту, весьма вѣроятно будетъ понимать дѣло такъ, что Лука Жидята—природный Русскій высказывалъ свое недовольство тѣмъ, что послѣ митрополита изъ Русскихъ (Иларіона) снова явился на каѳедру Грекъ. Но если мы согласимся на все это, то тутъ же будемъ имѣть и доказательство, что князья нисколько не раздѣляли негодованія епископа: нисколько не защищенный послѣдними, Лука былъ суждень и осужденъ митрополитомъ, и пробылъ въ Кіевѣ (въ большемъ или меньшемъ заключеніи), пока не успѣлъ такъ или иначе оправдаться, три года.

Второй случай имѣлъ мѣсто черезъ сто лѣтъ послѣ Ярослава, въ половинѣ XII вѣка. Въ 1145-мъ году, въ правленіе великаго князя Всеволода Олеговича (изъ рода князей Черниговскихъ, внука Святослава Ярославича), митрополитъ Михаилъ, занимавшій каѳедру впродолженіе 16—14 лѣтъ (см. выше), оставилъ Кіевъ и удалился въ Константинополь къ патріарху. Въ 1147-мъ году преемникъ Всеволода († 1146) великій князь Изяславъ Мстиславичъ (изъ племени Мономаховичей, родоначальникъ линіи князей Волынскихъ, внукъ Владимира Мономаха) поставилъ преемника Михаилу, митрополита Клима или Климента, изъ природныхъ Русскихъ и въ самой Россіи безъ сношеній съ патріархомъ. Къ этимъ краткимъ извѣстіямъ лѣтописи, къ сожалѣнію, не прибавляютъ совершенно никакихъ комментаріевъ относительно вопросовъ: почему и что̀. Само собою, конечно, разумѣется, что Михаилъ оставилъ Кіевъ и удалился въ Константинополь по какимъ-нибудь неудовольствіямъ; можно разумѣть тутъ, какъ обыкновенно разумѣютъ, неудовольствія на междуусобія князей, которыя были особенно сильны въ княженіе именно Всеволода, такъ какъ онъ, по

своимъ личнымъ цѣлямъ, нарочито возбуждалъ и поддерживалъ ихъ [1]); но вѣроятнѣе разумѣть какія-нибудь личныя, неизвѣстныя намъ, неудовольствія съ великимъ княземъ, ибо въ періодъ до-монгольскій междуусобія князей были такъ обычны, что если бы митрополиты хотѣли оставлять изъ-за нихъ престолъ, то ни одинъ изъ нихъ не остался бы на немъ до смерти. По той или другой причинѣ удалился Михаилъ, но представляется затѣмъ вѣроятнѣйшимъ думать, что Изяславъ рѣшился поставить преемника ему въ самой Руси не въ гнѣвѣ на его поступокъ, а въ гнѣвѣ на поведеніе патріарха Константинопольскаго послѣ его поступка, именно — на медленіе послѣдняго дать Русскимъ митрополита. Михаилъ удалился не при немъ, а при его предшественникѣ, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго и къ которому, за его поведеніе по отношенію къ себѣ, не могъ питать и сохранять иныхъ чувствъ, кромѣ чувства вражды (Всеволодъ устранилъ было Изяслава отъ великокняжескаго престола, желая передать его своему брату Игорю Олеговичу); слѣдовательно — весьма сомнительно, чтобы онъ могъ наслѣдовать отъ перваго гнѣвъ на поступокъ митрополита, та или другая была причина послѣдняго. Что касается до патріарха, то этотъ, вслѣдствіе жалобъ Михаила на Русскихъ, могъ медлить назначеніемъ новаго митрополита съ цѣлію изъявить имъ свое неудовольствіе и наказать ихъ, что и могло возбудить гнѣвъ Изяслава, которому досталось, такъ сказать, въ чужомъ пиру похмѣлье, т. е. приходилось нести наказаніе за вину другихъ [2]). Лѣтопись сообщаетъ [3]), что Михаилъ, удаляясь изъ Кіева, оставилъ епископамъ рукописаніе о томъ, «яко не достоитъ имъ безъ митрополита въ святѣй Софьи (т. е. Кіевской митрополичьей) служити». Такъ этому надлежало быть и по правиламъ каноническимъ [4]); тѣмъ болѣе нарочитое подтвержденіе

---

[1]) Сн. *Соловьева* Исторіи Россіи т. 2, изд. 4 стрр. 110, 112 и 114.

[2]) Въ 1145-мъ году патріархомъ Константинопольскимъ былъ Михаилъ Оксить или Куркуя; въ слѣдующемъ 1146-мъ году его смѣнилъ Козма Аттикъ, который низложенъ былъ въ Февралѣ 1147-го года и послѣ котораго престолъ оставался празднымъ до конца Декабря 1147-го года, когда занялъ его Николай Музалонъ. Очень можетъ быть, что эти смѣна патріарховъ и незамѣщенность каѳедры, а не что нибудь другое, и были причиной медленія въ поставленіи Русскаго митрополита.

[3]) Ипатская подъ 1147-мъ годомъ.

[4]) По которымъ епископъ не можетъ дѣлать ничего архіерейскаго, а въ томъ числѣ и совершать служеній въ храмахъ, безъ дозволенія мѣстнаго епископа, см. прр. Апост. 35, 6 Всел. соб. 20 и Антіох. соб. 13 и 22, и толкованія на нихъ (если отсутствуетъ дозволяющій, то не можетъ быть дано и получено дозволенія).

правилъ митрополитомъ долженствовало произвести то, чтобы ихъ нарушеніе казалось преступленіемъ. Михаилъ оставилъ свое рукописаніе, нѣтъ сомнѣнія, съ цѣлію наказать Всеволода Олеговича лишеніемъ архіерейскаго служенія въ главномъ храмѣ его столицы; по за смертію Всеволода, вслѣдствіе медленія патріарха назначить новаго митрополита, наказаніе приходилось нести Изяславу. Лишеніе архіерейскаго служенія само по себѣ не было обстоятельствомъ первостепенной важности, но оно должно было сильно оскорблять гордость и щекотливость великаго князя, ибо чрезъ это, къ униженію передъ другими князьями, онъ представлялся какъ бы находящимся подъ эпитиміей и подъ запрещеніемъ. Между тѣмъ Изяславъ Мстиславичъ, одинъ изъ выдающихся по своему характеру князей періода домонгольскаго, былъ вовсе не изъ числа тѣхъ людей, которые имѣютъ наклонность терпѣливо сносить оскорбленія своей гордости. По той или другой причинѣ Изяславъ рѣшилъ избрать и поставить преемника Михаилу въ самой Россіи, не обращаясь къ патріарху, но главный вопросъ здѣсь состоитъ въ томъ, что̀ имѣлъ онъ при семъ въ виду? Хотѣлъ ли поставить митрополита подобнымъ образомъ только на этотъ одинъ разъ или же хотѣлъ установить новый способъ избранія митрополитовъ вообще на будущее время? Извѣстно, что считается имѣющимъ положительное свидѣтельство въ свою пользу второе. Однако, это положительное свидѣтельство относится не къ самому поставленію Климента, а къ дальнѣйшему, и, какъ увидимъ ниже, не имѣетъ никакого значенія и смысла. О поставленіи Климента говорятъ лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская, первая весьма кратко, вторая довольно подробно, и обѣ говорятъ такъ, что обходятъ совершеннымъ молчаніемъ нашъ вопросъ, именно — одна кратко сообщая, а другая довольно подробно разсказывая о немъ, какъ о событіи случившемся въ такомъ-то году, и ни единымъ словомъ не касаются того, какъ его понимать. Вся рѣчь Лаврентьевской лѣтописи есть слѣдующая: «Въ лѣто 6655 (1147) Изяславъ постави митрополита Клима, калугера Русина, особь съ шестью епископы, мѣсяца Іюля въ 27, на память святаго Пантелеимона». «Въ то же (1147-е) лѣто, — пишетъ Ипатская лѣтопись, — постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ Заруба», затѣмъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ поставленія, о протестѣ противъ него нѣкоторыхъ епископовъ и только. Если бы мы имѣли передъ собою рѣчи людей, у которыхъ въ обычаѣ говорить опредѣленно и обстоятельно, тогда было бы для насъ несомнѣнно, какъ понимать это совершенное умолчаніе о смыслѣ событія: умалчи-

вается, обыкновенно, то, что само собою подразумѣвается и чего по этой причинѣ разсказывающему не приходитъ на умъ замѣчать нарочито; слѣдовательно, тогда было бы для насъ несомнѣнно, что случай, о которомъ намъ повѣствуется безъ всякаго замѣчанія и поясненія, какъ понимать его, долженъ быть понимаемъ какъ случай единичный, ибо при подобномъ образѣ повѣствованія это подразумѣвается само собой, а что-либо другое никакъ не можетъ подразумѣваться, или иначе сказать — подразумѣвается только это, а не что-либо другое. Но наши лѣтописцы въ отношеніи къ церковнымъ дѣламъ, какъ мы уже давали знать много разъ выше, вовсе не могутъ быть признаны людьми, имѣющими наклонность говорить опредѣленно и обстоятельно; а слѣдовательно, и обычный способъ пониманія людскихъ рѣчей не можетъ быть приложенъ къ ихъ указаннымъ рѣчамъ (потому что въ отношеніи къ ихъ рѣчамъ о церковныхъ дѣлахъ никогда не будетъ для насъ несомнѣннымъ, чтобы недосказанное было то, что̀ само собою должно быть подразумѣваемо, а не то, что̀ они по своему обычаю просто не досказываютъ). Когда невозможно толковать людей съ увѣренностію, то остается толкованіе вѣроятное. Это послѣднее, конечно, есть то, что̀ въ другомъ случаѣ, т. е. въ приложеніи къ другимъ людямъ, было бы несомнѣннымъ. Такимъ образомъ, рѣчи лѣтописцевъ о поставленіи Климента Изяславомъ представляется вѣроятнѣйшимъ понимать такъ, что послѣдній въ одинъ данный разъ хотѣлъ поставить митрополита въ Россіи и не имѣлъ намѣренія навсегда ввести новый порядокъ избранія митрополитовъ. Считать наиболѣе вѣроятнымъ первое, а не второе, заставляетъ и собственное поведеніе Изяслава. Поставивъ Климента въ митрополиты, онъ не входилъ въ сношенія съ патріархомъ, чтобы испросить у него митрополиту признаніе законности, — это мы знаемъ положительно [1]). Слѣдовательно, если предполагать, что Изяславъ, ставя Климента, имѣлъ намѣреніе ввести новый порядокъ поставленія митрополитовъ, то нужно будетъ понимать его поведеніе такъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать это самовольно, не ища согласія патріарха. Но сдѣлать это значило произвести схизму и расколъ между Русскою церковію и Греческой: чтобы рѣшился на послѣднее Изяславъ Мстиславичъ или вообще какой бы то ни было Русскій князь XII в., это представляется намъ весьма сомнительнымъ. Другое дѣло поступокъ единичный: разгнѣванный патріархомъ князь

---

[1]) Изъ рѣчей Клименту епископа Новгородскаго Нифонта, Ипатск. лѣт. подъ 1147-мъ и 1159-мъ годами.

могъ отмстить первому тѣмъ, что на одинъ разъ восхитилъ у него его право ставить митрополитовъ и произвелъ временную схизму. За личное оскорбленіе, которое Изяславъ находилъ въ поведеніи патріарха по отношенію къ себѣ, онъ могъ имѣть желаніе и во гнѣвѣ рѣшимость отмстить тѣмъ же личнымъ оскорбленіемъ; но идти далѣе, ввести постоянную смуту въ церковь, — это въ виду всегдашней благоразумной умѣренности нашихъ князей, которымъ никогда не былъ присущъ духъ крайняго радикализма, представляется весьма маловѣроятнымъ. Но если бы мы вопреки того, что представляется вѣроятнѣйшимъ на основаніи лѣтописей и на основаніи исторіи самаго дѣла, какъ мы ее знаемъ, все-таки захотѣли представить его себѣ такъ, что Изяславъ не только въ одинъ данный разъ хотѣлъ поставить митрополита въ самой Россіи, а вообще ввести новый порядокъ ставленія митрополитовъ, то и въ этомъ случаѣ обычныя представленія, будто таково было желаніе всей Руси, сильно будто бы оскорблявшейся и тяготившейся властью митрополитовъ Грековъ, были бы далеко невѣрны. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ, что Изяславъ поставилъ Климента въ митрополиты «особь съ шестью епископы». Это «особь» значитъ то, что Изяславъ поставилъ Климента не по совѣту и соглашенію съ другими князьями, а безъ нихъ и вопреки имъ, одинъ самъ собой, и слѣдовательно — тѣ или другія мысли были у него при поставленіи Климента, прочіе князья не раздѣляли ихъ и не сочувствовали имъ. До какой степени между прочими князьями было мало противниковъ власти митрополитовъ Грековъ, если только самъ Изяславъ вообще былъ имъ, видно изъ того, что къ нимъ не принадлежалъ родной братъ Изяслава, находившійся съ нимъ въ наилучшихъ братскихъ отношеніяхъ — Ростиславъ Смоленскій (какъ увидимъ ниже). Въ этомъ случаѣ оставалось бы вѣрнымъ только то, что большинство Русскихъ епископовъ было противъ власти митрополитовъ Грековъ или по крайней мѣрѣ не за нее.

Въ 1147-мъ г. въ Россіи было 10 или 11 архіерейскихъ каѳедръ [1]), изъ нихъ одна была праздною [2]); слѣдовательно всѣхъ епископовъ

---

[1]) Десять: Черниговская, Переяславская, Владимиро-Волынская, Бѣлгородская, Юрьевская, Туровская, Полоцкая, Новгородская, Ростовская и Смоленская; одиннадцатая — Галичская открыта неизвѣстно когда до 1165-го г. и весьма возможно, что въ 1141-мъ г. (см. ниже въ приложеніи къ этой главѣ: Частнѣйшія извѣстія объ епархіяхъ).

[2]) Туровская, епископъ который въ 1146-мъ г. удаленъ былъ съ каѳедры Изяславомъ по причинамъ политическимъ, Лаврент. и Ипат. лѣтт.

было 9 или 10. Изъ этихъ 9-ти или 10-ти епископовъ явились къ Изяславу на соборъ въ Кіевъ для избранія и поставленія митрополита въ самой Россіи, по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, шестеро, а по свидѣтельству Ипатской лѣтописи, какъ кажется, въ данномъ случаѣ болѣе вѣрному, пятеро [1]). Изъ остальныхъ епископовъ двое не явились на соборъ потому, что были противъ поставленія митрополита въ Россіи, а о мысляхъ прочихъ ничего неизвѣстно и очень можетъ быть, что они уклонились отъ собора не по собственнымъ волѣ и намѣренію, а по причинамъ независящимъ, т. е. потому, что не желали ихъ участія въ соборѣ ихъ удѣльные князья [2]). Изъ двоихъ епископовъ, прямо заявившихъ свое несогласіе на поставленіе Климента и протестовавшихъ противъ него, одинъ былъ Грекъ; слѣдовательно изъ всѣхъ Русскихъ епископовъ, которые были родомъ Русскіе, протестовалъ только одинъ [3]). Передавая часть или же вообще сущность соборныхъ разсужденій, Ипатскій лѣтописецъ пишетъ, что епископъ Черниговскій, или старшій по столу между присутствовавшими, или болѣе другихъ авторитетный лично, говорилъ: «я знаю, что епископы, составивъ изъ себя соборъ, имѣютъ право поставить митрополита [4])....

---

[1]) Ипатскій лѣтописецъ, вообще обнаруживающій въ себѣ человѣка болѣе близко знакомаго съ дѣломъ о поставленіи Климента, прямо перечисляетъ епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, именно—по нему они были: Черниговскій, Переяславскій, Владимірскій, Бѣлгородскій и Юрьевскій.

[2]) Ипатская лѣтопись какъ будто представляетъ дѣло такимъ образомъ, что епископы, несогласные на поставленіе Климента, протестовали на соборѣ. Но Новгородская 1-я лѣт., весьма подробная о своемъ Новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ, бывшемъ противъ поставленія Климента, ничего не говоритъ объ его путешествіи въ Кіевъ въ 1147-мъ г., и слова, съ которыми Ипатск. лѣтопись заставляетъ Нифонта обращаться къ Клименту какъ бы на соборѣ, могли быть говоримы только уже послѣ него (когда Климентъ былъ посвященъ). Само по себѣ непонятно, зачѣмъ епископы, несогласные на поставленіе Климента, прибыли бы на соборъ (и даже—какъ были бы пущены на него), и Нифонтъ, если бы былъ на немъ, долженъ былъ попасть въ заточеніе тотчасъ послѣ него (Впрочемъ, если въ лѣтописи, въ данномъ мѣстѣ, измѣнить пунктуацію и въ перечисленіи епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, послѣ „Володимерьскии Өедоръ“ поставить не запятую, какъ въ печатномъ, а точку: то и она не будетъ говорить, что епископы несогласные присутствовали на соборѣ).

[3]) Что касается до епископа Полоцкаго, то его считать протестовавшимъ, на основаніи Ипат. лѣт. подъ 1156-мъ г. (2-го изд. стр. 333), нѣтъ никакого достаточнаго основанія,—онъ могъ быть только человѣкомъ гибкимъ.

[4]) „Азъ свѣдѣ, яко достоитъ сшедшеся епископомъ митрополита поставити“. Можно понимать не совсѣмъ опредѣленнаго лѣтописца и такъ, что епископъ говорилъ это Изяславу до собора, т. е. что послѣдній, желая поставить митрополита

я знаю, что мы имѣемъ право поставить; къ тому же у насъ есть глава святаго Климента: какъ Греки ставятъ (патріарховъ) рукой святаго Іоанна, (такъ и мы поставимъ митрополита» [1]). «Такъ порѣшили», говоритъ лѣтописецъ, и 27 Іюля 1147-го г. былъ поставленъ въ митрополиты главою св. Климента избранный вел. княземъ кандидатъ— Климъ или Климентъ, монахъ и схимникъ, т. е. монахъ великаго образа, по отзыву того же лѣтописца, который мы приводили уже выше, «книжникъ и философъ такъ, яко(ва) же въ Русской земли не бяшетъ» [2]).

Два епископа, прямо протестовавшіе противъ поставленія митрополита въ Россіи, были Нифонтъ Новгородскій и Мануилъ Смоленскій. Мануилъ былъ родомъ Грекъ, и этимъ помимо всего дальнѣйшаго объясняется его протестъ [3]). Но Нифонтъ, по всей вѣроятности, былъ природный Русскій [4]). Предполагая, что при поставленіи Климента

въ самой Руси, предварительно совѣтовался съ епископомъ, можно ли это сдѣлать, и епископъ отвѣчалъ утвердительно.

[1]) „Якоже ставятъ Греци рукою святаго Ивана“. Что разумѣть подъ этими словами, до сихъ поръ не разыскано; но что у Грековъ что-то такое дѣйствительно было, объ этомъ необходимо заключать изъ словъ Новгородскаго архіепископа Антонія, который въ своемъ Константинопольскомъ Паломникѣ говоритъ, что въ св. Софіи Константиноп. находится „Германа рука, ею же ставятся патріарси“ (по изд. *Савваитова*, Спб. 1872, стр. 56; тутъ же см. примѣч. 8-е ученаго издателя).

[2]) „Постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ Заруба“. „Смолятича“ обыкновенно понимаютъ такъ, что Климентъ былъ родомъ Смолянинъ, изъ Смоленской области; но весьма возможно и то, что оно было родовымъ его прозваніемъ. Выведъ изъ Заруба, т. е. приведши изъ монастыря, который былъ въ Зарубѣ. Зарубовъ извѣстно два: Кіевскій, находившійся на той сторонѣ Днѣпра противъ впаденія въ него съ этой стороны р. Трубежа (часто упоминаемый въ лѣтописяхъ; точное опредѣленіе его мѣста въ Книгѣ большому чертежу стр. 93, въ настоящее время деревня Зарубинцы), и Смоленскій, точнымъ образомъ неизвѣстно гдѣ находившійся (Дополн. къ Акт. ист. 1, 6 и Ипатск. лѣт. 2 изд. стр. 364). Вѣроятнѣе разумѣть первый, о существованіи въ которомъ монастыря извѣстно положительно.—Замѣчательно, что при избраніи кандидата въ митрополиты было отступлено отъ обычаевъ греческихъ: въ Греціи не ставили въ епископы монаховъ великаго образа или схимниковъ, каковъ былъ Климентъ (см. ниже).

[3]) Епископъ Владимирскій Ѳеодоръ по Лаврентьевск. лѣт. (подъ 1137-мъ г.) былъ (какъ и Мануилъ, ibid.) скопецъ. На этомъ основаніи гораздо вѣроятнѣе считать его Грекомъ, чѣмъ Русскимъ. А если такъ, то странно и замѣчательно, что онъ не протестовалъ (бывъ епископомъ собственной области Изяслава, въ случаѣ протеста онъ рисковалъ престоломъ и по этой причинѣ не протестовалъ?).

[4]) Относительно національности Нифонта мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній и ясныхъ указаній. Если бы онъ былъ Грекъ, то Новгородскій лѣтописецъ, непосредственный его современникъ (и, можетъ быть, священникъ, имъ поставленный,

имѣлось въ виду навсегда установить порядокъ избранія и поставленія митрополитовъ въ самой Россіи, находятъ страннымъ, что противъ этого могъ протестовать Русскій, и объясняютъ поведеніе Нифонта частными интересами Новгородской каѳедры, для которой было болѣе выгодно, чтобы митрополиты были изъ Грековъ и поставленные въ Греціи. Но, во-первыхъ, далеко для насъ неясно, какимъ образомъ для епископовъ Новгородскихъ послѣднее могло быть болѣе выгоднымъ: послѣ Изяслава остался старый порядокъ поставленія митрополитовъ, и мы знаемъ, что епископы Новгородскіе не извлекли изъ него для своихъ интересовъ никакихъ выгодъ. Если разумѣютъ право апелляціи къ патріарху (при предположеніи, что поставляемые въ Россіи митрополиты остались бы въ подчиненіи послѣднему), то напротивъ для епископовъ Новгородскихъ былъ бы болѣе выгоденъ новый порядокъ, чѣмъ старый, ибо тягаться въ Константинополѣ съ митрополитомъ изъ Русскихъ можно было съ надеждой на успѣхъ, тогда какъ

Новгор. 1-я лѣт. подъ 1144-мъ г.), говорящій о немъ много и обстоятельно, кажется, долженъ бы былъ это замѣтить (у него о поставленіи Нифонта: „въ се же лѣто (1130) отвержеся архіепископъ (sic,—по позднѣйшей поправкѣ переписчиковъ) Іоаннъ Новагорода, и поставиша архіепископа Нифонта, мужа свята и зѣло боящася Бога, и приде Новугороду мѣсяца Января въ 1 день, на святаго Василья, въ обѣднюю“). Въ своихъ отвѣтахъ Кирику Нифонтъ ссылается на церковные обычаи Царьграда и всей Греческой земли и области (у Калайд. стрр. 176 и 178); но это можетъ значить не то, что онъ былъ родомъ Грекъ, а то, что онъ путешествовалъ на Востокъ для поклоненія св. мѣстамъ или по другой причинѣ (cfr ниже), и что онъ пробылъ тамъ довольно долго (чтобы узнать обычаи всей земли): объ обычаяхъ онъ сообщаетъ для свѣдѣнія и для соображенія, но не для исполненія, какъ бы того слѣдовало ожидать отъ Грека. Когда въ 1156-мъ г. Нифонтъ собрался идти въ Кіевъ, то, по словамъ Новгородскаго лѣтописца, „иніи мнози глаголаху, яко, полупивъ святую Софію, пошолъ Царюграду“; но слухъ этотъ могъ распространиться объ Нифонтѣ не потому, чтобы онъ былъ родомъ Грекъ, а по его особеннымъ отношеніямъ къ патріарху (о которыхъ ниже). Свидѣтельство о Нифонтѣ повѣсти Патерика Печерскаго, составленной въ XV в. (*Ключевск.* Древне-русскія житія святыхъ, стр. 261), повторяемое въ его житіи, составленномъ въ XVI в. (Памятни. старинной русской литерат. гр. Кушелева-Безбородко, IV, 1), что онъ былъ постриженникъ Печерскаго монастыря, не имѣетъ авторитета; но весьма большое право предполагать это даетъ Ипатская лѣтопись (подъ 1156-мъ г.), по которой въ бывшемъ Нифонту видѣніи преп. Ѳеодосій Печерскій называлъ его: „брате *сыну*“. А во всякомъ случаѣ, по свидѣтельству той же лѣтописи (ibid.), Нифонтъ „бѣ имѣя велику любовь къ святѣй Богородици (Печерской или къ ея монастырю) и къ отцу Ѳеодосью“. Постриженникъ или только усердный почитатель Печерскаго монастыря, это, конечно, весьма рѣшительнымъ образомъ говоритъ за то, что Нифонтъ былъ не Грекъ, а природный Русскій.

тягаться съ митрополитомъ изъ Грековъ было дѣло безнадежное. Во-вторыхъ, когда говорятъ объ интересахъ Новгородской каѳедры, то забываютъ, что Нифонтъ былъ еще не природный Новгородецъ, какъ и всѣ его предшественники пришлый человѣкъ и что въ его время интересы Новгородской каѳедры были еще вовсе не то, что въ послѣдствіи,—Нифонтъ былъ еще, по отношенію къ своей паствѣ, не послѣдующій владыка Новгородскій, безъ котораго Новгородъ не дѣлалъ шагу въ своихъ гражданскихъ дѣлахъ (какъ впрочемъ по настоящему смотрѣть на великое политическое значеніе послѣдующихъ владыкъ Новгородскихъ, объ этомъ ниже), а просто епископъ, какъ и всѣ епископы. Если нѣтъ основаній предполагать личныхъ интересовъ, то остается предполагать искреннее убѣжденіе и особые взгляды. По искреннему убѣжденію Нифонтъ находилъ дѣло, сдѣланное Изяславомъ, незаконнымъ; допуская, что оно состояло въ томъ, чтобы ввести новый порядокъ избранія митрополитовъ и слѣдовательно—допуская, что вопросъ былъ тутъ не только въ законности дѣла (какъ при единичномъ случаѣ), но и въ его пользѣ и желаемости, мы должны будемъ понимать поведеніе Нифонта такимъ образомъ, что онъ находилъ дѣло не только незаконнымъ, но и неполезнымъ и нежелаемымъ. Думающіе объ этомъ предметѣ противное сему, полагаютъ и увѣрены, что именно согласно съ ними всѣ думали въ древнее время, но, какъ мы сказали и указали выше, они весьма ошибаются: никто изъ князей не сочувствовалъ намѣренію Изяслава поставить Климента и слѣдовательно—никто изъ нихъ не сочувствовалъ мысли Изяслава ввести новый порядокъ поставленія митрополитовъ, если только такая мысль была у него. Если никто изъ свѣтскихъ, изъ міранъ, не сочувствовалъ указанной мысли Изяслава, то нѣтъ ничего удивительнаго, что нашелся и епископъ, который былъ противъ нея, и мы съ своей стороны должны не удивляться этому, а принимать это къ свѣдѣнію: такой компетентный судья лучшаго и худшаго, какъ Нифонтъ, былъ рѣшительно за старый порядокъ; слѣдуетъ отсюда заключеніе, что этотъ порядокъ не былъ такъ нехорошъ, какъ это иные думаютъ представлять.

Но, какъ мы говорили выше, болѣе чѣмъ вѣроятно, что при поставленіи Климента дѣло шло не о новомъ способѣ избранія митрополитовъ, а только объ одномъ случаѣ поставленія (т. е. его—Климента). Слѣдовательно, Нифонтъ возставалъ не противъ того, что считаютъ русскими интересами, а только противъ одного поступка Русскихъ или точнѣе поступка Изяслава съ половиною Русскихъ епископовъ.

Лѣтописи Ипатская и 1-я Новгородская, согласно передающія [1]) протесты Нифонта, увѣряютъ, что онъ не возставалъ противъ избранія кандидата въ митрополиты изъ среды самихъ Русскихъ и самими Русскими епископами, но, во-первыхъ, противъ его самовольнаго посвященія послѣдними безъ благословенія патріарха, и во-вторыхъ— противъ того, что посвященный митрополитъ не искалъ вступить въ общеніе съ патріархомъ и оставался внѣ союза и въ расколѣ съ нимъ. Если это вѣрно, то Нифонтъ, показывая въ себѣ человѣка, знающаго правила церковныя, какимъ онъ намъ и извѣстенъ, былъ совершенно правъ. Патріархи Константинопольскіе присвоили себѣ право избранія митрополитовъ (и въ томъ числѣ Русскаго) противъ правилъ каноническихъ; но право посвященія митрополитовъ принадлежало имъ на основаніи этихъ правилъ. Митрополитъ, находившійся внѣ общенія съ своимъ патріархомъ, конечно, былъ митрополитъ, производящій расколъ и находящійся въ расколѣ съ нимъ.

Протестовавшихъ епископовъ Климентъ старался примирить съ собою, добивался склонить къ признанію своей законности и власти. Относительно Мануила Смоленскаго, который не имѣлъ никакого особеннаго авторитета ни по каѳедрѣ, ни лично (какъ слѣдуетъ думать), и протестъ котораго, вслѣдствіе его греческаго происхожденія, долженъ былъ казаться пристрастнымъ, хотя бы даже и не былъ таковымъ, и поэтому терять свое значеніе, митрополитъ, вѣроятно, безпокоился не особенно много. Но совсѣмъ другое дѣло былъ Нифонтъ. Епископъ одной изъ главныхъ и видныхъ каѳедръ, человѣкъ весьма авторитетный лично и притомъ авторитетный именно со стороны знанія каноновъ церковныхъ, въ которыхъ была здѣсь вся сила [2]), онъ представлялъ съ своимъ непризнаніемъ митрополита такое для всѣхъ возраженіе противъ его законности, безъ устраненія котораго послѣдняя вовсе не могла считаться безспорною. Поэтому онъ употребилъ всѣ усилія заставить Нифонта признать себя. Однако все было напрасно, и Нифонтъ остался непреклоненъ. Послѣ двухгодичныхъ тщетныхъ стараній, или какъ выражается Ипатская лѣтопись [3])—«мученій» съ Нифонтомъ, митрополитъ рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ силѣ: при содѣйствіи вел. князя епископъ Новгородскій былъ приведенъ въ

---

[1]) Первая подъ 1147 и 1156 гг., вторая подъ 1149 г.

[2]) Къ Нифонту обращались съ спросами другіе епископы (у Кирика: „Климъ вопроша нашего епископа отъ Полотьскаго епископа", Калайд. стр. 181, т. е. Климъ спрашивалъ Нифонта по порученію Полотскаго епископа).

[3]) Подъ 1156 г.

Кіевъ и посаженъ въ заключеніе въ Печерскій монастырь, въ которомъ впрочемъ находился весьма недолго,—въ томъ же въ 1149-мъ году, въ которомъ онъ былъ посаженъ, Юрій Долгорукій согналъ съ престола великокняжескаго Изяслава, а съ послѣднимъ удалился изъ Кіева и Климентъ [1]). Ту же силу хотѣлъ употребить митрополитъ и съ Мануиломъ и, вѣроятно, гораздо ранѣе, чѣмъ съ Нифонтомъ; но не наклонный къ славѣ страдальца за правду Грекъ спасался отъ рукъ митрополита тѣмъ, что бѣгалъ отъ него и укрывался [2]).

Не признавая законности и власти митрополита, Нифонтъ ставилъ себя чрезъ то въ непосредственную власть патріарха [3]). И патріархъ дѣйствительно поспѣшилъ принять его въ свою непосредственную власть. Отъ Сентября 1148-го года сохранился до настоящаго времени документъ, въ которомъ Нифонтъ называетъ себя архіепископомъ [4]): имя архіепископа не было въ то время почетнымъ титуломъ (какъ у насъ теперь), а обозначало (какъ уже мы говорили) такого епископа, который, не находясь въ подчиненіи своего окружнаго митрополита, зависѣлъ непосредственно отъ патріарха; такимъ образомъ это имя, употреблямое Нифонтомъ, несомнѣнно показываетъ, что онъ формально былъ принятъ патріархомъ въ свое непосредственное вѣдѣніе. Тотъ или другой смыслъ имѣло поставленіе Климента и зналъ ли патріархъ хорошо, какой оно имѣло смыслъ, но во всякомъ случаѣ, и какъ поступокъ единичный, оно долженствовало быть ему ненавистнымъ, потому что представляло собою опасный прецедентъ. Поэтому онъ настоятельно поощрялъ Нифонта къ борьбѣ съ Климентомъ, и, по свидѣтельству Ипатской лѣтописи [5]), «присла къ нему грамоты, блажа (его) и причитая къ святымъ» [6]).

---

[1]) Долгорукій вошелъ въ Кіевъ 23 Августа; насколько ранѣе посаженъ былъ Нифонтъ, неизвѣстно.

[2]) Ипатск. лѣт. подъ 1156 г., 2-го изд. стр. 333 fin..

[3]) „Не могу съ тобою служити, говорилъ Нифонтъ Клименту, ни вспоминати тебе въ святѣй службѣ, но поминаю патріарха". Ипатск. лѣт. подъ 1156 г.

[4]) Антиминсъ съ подписью послѣдняго, см. въ Археологическ. описаніи церковныхъ древностей въ Новгородѣ архим. *Макарія*, I, 254, также въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка *И. И. Срезневскаго*, Спб. 1863, стр. 30 (cfr ниже въ главѣ о просвѣщеніи сочиненіе Кирика Новгородскаго: „Ученіе, имъ же вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ", въ которомъ онъ называетъ Нифонта архіепископомъ).

[5]) Подъ 1156 г.

[6]) Одна изъ грамотъ въ житіи Нифонта XVI вѣка, которое напечатано въ Памятн. Русск. Литерат. *Кушелева-Безбородко*, IV, 5, и отдѣльно у *преосвящ. Макарія*, т. 3, изд. 2, стр. 297.

Климентъ былъ поставленъ Изяславомъ въ митрополиты въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1147-го года. На третій годъ послѣ поставленія, въ Августѣ мѣсяцѣ 1149-го года, Изяславъ былъ согнанъ съ великокняжескаго престола, какъ мы сказали выше, своимъ дядей Юріемъ Долгорукимъ. Вмѣстѣ съ княземъ долженъ былъ удалиться изъ Кіева и митрополитъ, что значитъ—во-первыхъ, то, что будучи личнымъ твореніемъ Изяслава, онъ, хотѣлъ или не хотѣлъ, имѣлъ быть врагомъ его враговъ, во-вторыхъ и главное,—что Юрій не признавалъ законности его поставленія [1]). Въ продолженіе слѣдующаго 1150-го года Изяславъ дважды сгонялъ съ престола Юрія и столько же разъ возвращался съ нимъ въ Кіевъ митрополитъ. Возвратившись во второй разъ, онъ оставался на каѳедрѣ въ теченіе пяти лѣтъ до 1155-го года, когда Юрій послѣ смерти Изяслава († 13 Ноября 1154-го года) окончательно занялъ великое княженіе. Его удаленіе съ каѳедры въ 1155-мъ году, при этомъ окончательномъ занятіи Юріемъ великокняжескаго престола, было вмѣстѣ и послѣднимъ его съ нея удаленіемъ.

Климентъ занималъ каѳедру митрополичью съ небольшими перерывами въ продолженіе девяти лѣтъ (1147—1155). Такъ какъ онъ не признавалъ власти патріарха, а патріархъ не признавалъ его законности, то значитъ, что въ его правленіе Русская церковь находилась въ схизмѣ и расколѣ съ церковью Греческою. Слѣдовательно, за періодъ до-монгольскій мы имѣемъ девятилѣтній эпизодъ раскола между Русскою и Греческою церквами.

Здѣсь бы собственно должна была кончаться исторія Климента, которая могла имѣть тотъ или другой смыслъ по намѣренію Изяслава и которая на дѣлѣ, во всякомъ случаѣ, имѣла смыслъ единичнаго поступка. Но вмѣшался въ исторію составляющій, такъ сказать, злую судьбу новыхъ изслѣдователей почтенный В. Н. Татищевъ, и она продолжается гораздо далѣе.

Юрій, какъ мы сказали, два раза не надолго занимавъ престолъ великокняжескій при жизни Изяслава, окончательно занялъ его послѣ его смерти. Въ первые два раза онъ такъ помалу сидѣлъ на престолѣ, что вовсе не могъ имѣть времени позаботиться о новомъ митрополитѣ въ замѣнъ не признаваемаго имъ Климента. Но, избавившись отъ соперника, онъ сѣлъ наконецъ на немъ твердо и теперь хлопоты о митрополитѣ были однимъ изъ первыхъ его дѣлъ. Ни сколько не думая

[1]) Что видно изъ его послѣдующаго поведенія: послѣ 1155 г. онъ, не поставивъ новаго митрополита, какъ Изяславъ Климента, послалъ за митрополитомъ въ Грецію (митр. Константинъ 1-й).

ставить въ митрополиты другаго Русскаго изъ собственныхъ сторонниковъ, что̀ онъ долженъ былъ бы сдѣлать, если бы при поставленіи Климента, какъ это думаютъ, рѣшено было то, чтобы начать имъ рядъ митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, Юрій послалъ за митрополитомъ къ патріарху. Въ Константинополѣ, гдѣ—весьма возможно—понимали дѣло о поставленіи Климента въ самомъ худомъ и опасномъ видѣ, т. е. какъ попытку начать поставленіе митрополитовъ въ самой Россіи, поспѣшили поставить и отправить на Русь требуемаго митрополита [1]). Прибывъ въ Кіевъ въ 1156-мъ году или на другой годъ послѣ занятія престола великокняжескаго Юріемъ, митрополитъ этотъ,—Константинъ 1-й, началъ съ того, что запретилъ всѣхъ священниковъ, поставленныхъ Климентомъ и предалъ проклятію, не знаемъ—въ какой формѣ произнесённому и совершонному, умершаго Изяслава Мстиславича,—священники впрочемъ скоро были разрѣшены, давъ митрополиту рукописаніе противъ Климента. Не долго однако сидѣлъ Константинъ на своей каѳедрѣ. Призвавшій его Юрій Долгорукій умеръ въ 1157-мъ г. (15 Мая) [2], т. е. на другой годъ послѣ его прибытія, и престоломъ великокняжескимъ овладѣли сыновья покойнаго Изяслава съ тѣмъ, чтобы передать его дядѣ своему Ростиславу Мстиславичу Смоленскому. При первомъ вступленіи въ Кіевъ Изяславичей (весной 1158-го года) Константинъ, виновный предъ ними въ проклятіи ихъ отца, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ [3]). Изяславичи хотѣли возвратить на каѳедру поставленнаго ихъ отцомъ Климента; но его рѣшительно не хотѣлъ Ростиславъ, считавшій незаконнымъ его поставленіе, и когда племянники послали звать его въ Кіевъ, то онъ прежде всего поспѣ-

---

[1]) Юрій послѣ смерти Изяслава (и по устраненіи соперниковъ—Ростислава Смоленскаго и Изяслава Давидовича Черниговскаго) занялъ престолъ великокняжескій о вербницѣ 1155 г. (Новгор. 1-я лѣт.), а новый митрополитъ былъ поставленъ до 26-го Января 1156 г., см. выше стр. 290 прим.

[2]) По Ипатск. лѣт. ошибочно 15 Мая 1158 г.

[3]) Бѣжалъ въ Черниговъ, гдѣ въ слѣдующемъ 1159 г. и умеръ. Объ его смерти въ Лаврентьевской лѣтописи читается: „Бысть же смерть его сица: яко умирающу ему призва къ собѣ епископа Черниговьскаго Антонья (преемника Онуфріева, родомъ Грека), заклятъ и́, глаголя сице: яко по умертвіи моемъ не погребешь тѣла моего, но ужемь поверзше (повязавше?) за нозѣ мои извлечете мя изъ града и поверзѣте мя псомъ на расхытанье; по умертвіи же его епископъ то все створи повелѣная ему имь, народи же вси дивишася о смерти его; на утрій же день Святославъ князь, здумавъ съ мужи своими и съ епископомь, вземше тѣло его, и похорониша въ церкви у Святаго Спаса". Константинъ причисленъ къ лику нашихъ святыхъ и память его—5 Іюня.

шилъ заявить имъ это нехотѣніе свое имѣть Климента митрополитомъ: «се вы являю,—сказалъ онъ имъ чрезъ своего посла,—не хочу Клима у митропольи видѣти, зане не взялъ благословенія отъ святыя Софіи и отъ патріарха» [1]. Такъ какъ сыновья Изяслава ни подъ какимъ видомъ не хотѣли Константина, потому что онъ проклиналъ ихъ отца, то между дядей и племянниками вышло упорное преніе, которое наконецъ уладили тѣмъ, чтобы не брать ни Климента, ни Константина, а просить новаго митрополита изъ Греціи. Этотъ новый митрополитъ, по имени Ѳеодоръ, прибывшій въ 1161-мъ году, жилъ весьма не долго и умеръ въ 1162-мъ или 1163-мъ году (см. выше въ каталогѣ митрополитовъ). Между тѣмъ въ это время Климентъ успѣлъ какимъ-то образомъ войти въ расположеніе Ростислава (вѣроятно, при содѣйствіи племянниковъ послѣдняго, помянутыхъ Изяславичей), и когда Ѳеодоръ умеръ, то онъ отправилъ посольство въ Константинополь съ просьбой, чтобы тамъ признали Климента законнымъ митрополитомъ. Но его посолъ встрѣтился на дорогѣ и воротился назадъ съ новымъ митрополитомъ, который уже шелъ изъ Греціи, т. е. патріархъ, по всей вѣроятности, узнавъ о перемѣнѣ мыслей Ростислава, возможно поспѣшилъ поставленіемъ и отправленіемъ митрополита, чтобы не дать занять престола Клименту, котораго онъ, разумѣется, не хотѣлъ. Зная о перемѣнѣ мыслей Ростислава и ожидая его сопротивленія принять новаго митрополита, изъ Константинополя отправили съ симъ послѣднимъ нарочнаго императорскаго посла и богатые дары. Когда прибылъ митрополитъ, Ростиславъ дѣйствительно сначала сопротивлялся принять его, но потомъ... потомъ, прежде чѣмъ былъ принятъ новый митрополитъ, было еще что-то такое, но что именно—остается неизвѣстнымъ, потому что во всѣхъ спискахъ Кіевской лѣтописи, которая говоритъ о прибытіи митрополита, въ данномъ мѣстѣ пропускъ. Татищевъ увѣряетъ, что Ростиславъ согласился принять митрополита, но будто онъ сказалъ при этомъ слѣдующее знаменитое, въ чемъ вся сущность второй половины исторіи о Климентѣ и изъ-за чего эту вторую половину мы досказываемъ: «я сего митрополита за честь и

[1]) Ипатск. лѣт. подъ 1159 г., 2 изд. стр. 345. Преосвящ. Макарій говоритъ, т. 3, изд. 2 стр. 19, что Ростиславъ не хотѣлъ Климента, „поддавшись внушенію своего епископа Мануила Грека", но не знаемъ на какомъ основаніи. Что Ростиславъ дѣйствовалъ не по чьему либо внушенію, а по собственному убѣжденію, это показываетъ дальнѣйшее его поведеніе (признаніе Климента подъ условіемъ). А первое княженіе Ростислава послѣ смерти Изяслава, на которое ссылается преосвящ. Макарій, продолжалось всего одну недѣлю (Новгор. 1-я лѣт. подъ 1154 г.).

за любовь царскую нынѣ пріиму, но впредь ежели патріархъ, безъ вѣдома и опредѣленія нашего, противно правилъ святыхъ апостолъ (!), въ Русь митрополита поставитъ, не токмо не пріиму, но и законъ сдѣлаемъ вѣчный избирать и постановлять епископамъ Русскимъ съ повелѣнія великаго князя» [1]).

Что въ лѣтописяхъ въ нашемъ мѣстѣ пропускъ намѣренный, это не невѣроятно; слѣдовательно, возможно предполагать, что Ростиславъ дѣйствительно говорилъ послу императора что-то такое нехорошее, что̀ послѣдующіе усердные цензора сочли за необходимое изгладить. Но сказалъ ли онъ именно то, что́ заставляетъ сказать его Татищевъ? На Руси послѣ поставленія Климента принимали уже двухъ митрополитовъ, присыланныхъ изъ Греціи (Константина и Ѳеодора), и принимали не только безъ всякаго сопротивленія, но и сами нарочно посылавъ просить ихъ; за вторымъ изъ митрополитовъ — Ѳеодоромъ посылалъ именно самъ Ростиславъ, который рѣшительно не хотѣлъ Климента, «зане не взялъ благословенія отъ святыя Софіи и отъ патріарха». Послѣ двухъ митрополитовъ нарочно прошенныхъ, послѣ рѣшительныхъ настояній въ одномъ случаѣ самого Ростислава, чтобы митрополитъ былъ взятъ отъ патріарха, этотъ послѣдній присылаетъ третьяго, — и вдругъ будто бы Ростиславъ говоритъ то, что́ заставляетъ его говорить Татищевъ. Какой смыслъ будутъ имѣть его слова, т. е. какую невозможную безсмыслицу они собой представляютъ? Ростиславъ весьма могъ сердиться на то, что въ Константинополѣ намѣренной поспѣшностію отняли у него возможность посадить на митрополію Климента; онъ могъ сорвать сердце въ какихъ-нибудь нехорошихъ или даже и очень нехорошихъ словахъ, касавшихся чести императора и патріарха; но чтобы онъ сказалъ то, что̀ онъ говоритъ у Татищева, это совершенно невѣроятно. Дѣло тутъ было исключительно въ одномъ Климентѣ и ни въ чемъ больше, т. е. Ростиславъ хотѣлъ посадить его только на митрополію и вовсе не думалъ о томъ, чтобы и всѣхъ послѣ него митрополитовъ ставить изъ Русскихъ. Ему мѣшаютъ въ этомъ, и вдругъ онъ говоритъ: «ну такъ за это мы не станемъ вообще брать у васъ митрополитовъ». Раздражительный ребенокъ, у котораго отнята игрушка, конечно, можетъ дать такой отвѣтъ; но отъ человѣка взрослаго, при всей взбалмошности, какую бы мы въ немъ ни предположили, онъ невозможенъ. Ростиславъ могъ весьма сопротивляться, могъ весьма сердиться; но сопротивляться не

---

[1]) Ист. III, 142.

тому, чтобы Греки вообще давали намъ митрополитовъ, а только тому, чтобы принять отъ нихъ митрополита въ данномъ случаѣ,—сердиться не на то, что вообще Русская церковь находилась въ зависимости отъ Греческой, а только на то, что въ данномъ случаѣ эта зависимость мѣшала исполниться его желанію. Весьма странно, какъ защитники приведенныхъ словъ Татищева не видятъ, что онѣ рѣшительно опровергаются поведеніемъ Ростислава именно въ данную минуту. Онъ хочетъ посадить или возвратить на митрополію Климента, но онъ желаетъ сдѣлать это не иначе, какъ испросивъ ему признаніе и благословеніе у патріарха, для чего и отправилъ было въ Константинополь посла: могъ ли человѣкъ, поступавшій такъ, сказать въ то же время слова, которыя заставляетъ говорить его Татищевъ? Съ какой стати этотъ послѣдній влагаетъ въ уста Ростислава приведенныя слова, это объясняется очень просто. Съ той стати, что онъ вообще писалъ Русскую исторію не такъ, какъ она была, но какъ хотѣлъ онъ представлять ее самъ, и что онъ собственное, къ великому сожалѣнію и къ величайшему несчастію позднѣйшихъ историковъ, ни малѣйше не стѣснялся выдавать за почерпнутое въ источникахъ [1]).

Итакъ, въ період до-монгольскій было два случая поставленія митрополитовъ Кіевскихъ изъ природныхъ Русскихъ и въ самой Россіи, — первый при Ярославѣ, второй черезъ сто лѣтъ при Изяславѣ. Весьма вѣроятно или даже болѣе чѣмъ вѣроятно, что ни тотъ ни другой случай не имѣлъ значенія попытки ввести новый порядокъ ставленія митрополитовъ и что оба представляютъ собою единичные случаи восхищенія у патріарховъ ихъ права ставить нашихъ митрополитовъ. Но допустимъ общепринимаемое мнѣніе, что они имѣли значеніе указанныхъ попытокъ. Попытки, говорятъ, означаютъ то, что Русскіе недовольны были властію митрополитовъ-Грековъ, а изъ этого слѣдуетъ, что они были плохаго мнѣнія о доброкачественности этой власти. Однако, — во-первыхъ, на цѣлый періодъ только двѣ попытки:

---

[1]) О Татищевѣ, человѣкѣ собственно весьма почтенномъ и историкѣ не только весьма, но и замѣчательно, талантливомъ, лишь отличавшимся указаннымъ весьма дурнымъ обычаемъ, общимъ впрочемъ его времени, чего не хотятъ взять въ разсчетъ новые изслѣдователи, мы будемъ вести нарочитую рѣчь въ особомъ приложеніи. „Законъ сдѣлаемъ вѣчный избирать и поставлять (митрополитовъ) епископамъ Русскимъ съ повелѣнія великаго князя", — Татищевъ могъ говорить въ свое время такъ грозно, но вѣрить, чтобы это могло быть сказано въ XII вѣкѣ, было бы очень легкомысленно.

конечно, нельзя сказать, что заявленіе недовольства было слишкомъ рѣшительное и настоятельное. Во-вторыхъ, первая попытка имѣла мѣсто такъ рано, что власть митрополитовъ-Грековъ еще вовсе не могла обнаружить своего качества, и слѣдовательно тутъ протестъ былъ не противъ этого послѣдняго (а предполагая, что дѣйствительно былъ протестъ — независимо отъ него противъ подчиненія Русской церкви власти церкви Греческой). Въ половинѣ XII вѣка, къ которому относится второй случай, Русскіе, конечно, уже имѣли возможность судить и составить себѣ понятіе о качествѣ власти митрополитовъ-Грековъ. Но при этомъ второмъ случаѣ мы видимъ, что противъ митрополитовъ - Грековъ были далеко не всѣ: большинство епископовъ было за митрополита изъ Русскихъ или по крайней мѣрѣ не противъ него, всѣ же князья, за исключеніемъ самого виновника попытки (предполагая, что случай имѣлъ значеніе попытки), были за митрополитовъ-Грековъ. Мы вовсе не имѣемъ данныхъ, чтобы положительно сказать, на чьей сторонѣ было мнѣніе большинства; но, во-первыхъ, если относительно епископовъ, людей заинтересованныхъ, можетъ быть подозрѣваемо, что они желали видѣть во главѣ своей митрополита изъ природныхъ Русскихъ по причинамъ стороннимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ благомъ церкви, то ничего подобнаго нельзя предполагать о князьяхъ. Во-вторыхъ, епископа Новгородскаго Нифонта, который стоялъ на сторонѣ князей, лѣтопись, и именно лѣтопись Кіевская, а не Новгородская, не только не укоряетъ, но и называетъ поборникомъ всей Русской земли и ревнивымъ по божественѣмъ [1]).

Если не ошибаемся, общепринятое мнѣніе, что Русскіе до-монгольскаго періода были недовольны властію митрополитовъ-Грековъ, значительно основывается на томъ, что до-монгольскіе предки наши питали весьма мало симпатіи къ національному характеру Грековъ, какъ народа, что они за нѣкоторыя черты ихъ народнаго характера столько же презирали ихъ, какъ древніе Римляне классическихъ Эллиновъ [2]). Но если такъ, то тутъ несправедливое обобщеніе: націо-

---

[1]) Ипатск. подъ 1156-мъ годомъ, 2-го изд. стр. 332 fin..

[2]) Грекъ есть хитрецъ, обманщикъ, скаредъ и трусъ — вотъ представленіе, которое имѣли русскіе о Грекахъ съ дурной стороны. „Суть бо Греци льстиви и до сегодни", говоритъ лѣтописецъ, разсказывая какъ они хотѣли было обмануть Святослава (весьма возможно впрочемъ, что говоритъ не самъ лѣтописецъ, какъ обыкновенно думаютъ, а одинъ изъ его читателей, замѣтка котораго, сдѣланная на полѣ, внесена была потомъ въ текстъ, и замѣчательно, что въ Ипатск. лѣт. вмѣсто льстиви стоитъ: мудры). Повѣствуя о вѣроломномъ поступкѣ одного епи-

нальныя черты характера Грековъ, за которыя Русскіе презирали ихъ, нисколько не препятствовали быть хорошими правителями митрополитамъ-Грекамъ, и это презрѣніе, которое питали Русскіе къ нѣкоторымъ чертамъ греческаго характера, само по себѣ, было бы совсѣмъ несправедливо принимать за доказательство недовольства недоброкачественностію власти митрополитовъ-Грековъ. Такимъ образомъ, это общепринятое мнѣніе, что Русскіе недовольны были властію митрополитовъ-Грековъ, по причинѣ ея дурнаго качества, на что указываютъ какъ на доказательство дѣйствительной ея недоброкачественности, становится весьма и весьма сомнительнымъ.

Допуская, что случаи поставленія митрополитовъ въ Россіи имѣли значеніе попытокъ ввести новый порядокъ ихъ ставленія (не избранія только, но и ставленія), можно понимать дѣло еще такъ, что Русскіе желали этого новаго порядка не по нерасположенію къ власти митрополитовъ-Грековъ по причинѣ ея недоброкачественности, а по желанію освободить церковь Русскую отъ зависимости церкви Греческой, что было оскорбительно для національнаго самолюбія. Не видимъ нужды и цѣли отвѣчать на вопросъ: насколько это вѣроятно [1]), но во всякомъ случаѣ единственнымъ законнымъ путемъ тутъ для Русскихъ было то, о чемъ въ продолженіе періода до-монгольскаго, не подвергая сомнѣнію греческаго ученія о пяти патріархатахъ для всей вселенской церкви, несомнѣнно не думали, т. е. искать и требовать независимости Русской церкви. Пока же Русская церковь оставалась и признавала себя митрополіей Константинопольскаго патріарха, дотолѣ и право поставленія митрополитовъ принадлежало ему законнымъ и безспорнымъ образомъ.

Прежде чѣмъ обращаться къ собственной рѣчи о томъ, какъ смотрѣть на господство у насъ митрополитовъ-Грековъ въ продолженіе періода до-монгольскаго — какъ на благо или какъ на зло, считаемъ нужнымъ указать еще одно обстоятельство, которое относится къ исто-

---

скопа, родомъ Грека, лѣтописецъ въ объясненіе просто прибавляетъ: „бѣше бо родомъ Гречинъ". Народныя пословицы говорятъ о лживости и хитрости Грековъ: „Торопчанина обманетъ Цыганъ, Цыгана — Жидъ, Жида — Грекъ, а Грека — чортъ"; „Грекъ скажетъ правду однажды въ годъ"; объ ихъ скаредности: „Грекъ за злато себѣ очи вылупитъ"; объ ихъ трусости и ничтожествѣ: „ракъ не рыба, а Грекъ не человѣкъ".

[1]) Относительно Ярослава, который можетъ быть представляемъ человѣкомъ еще не успѣвшимъ помириться съ подчиненностію Русской церкви, это не невѣроятно; относительно Изяслава это возможно, но безъ прямыхъ указаній никакъ не можетъ быть считаемо вѣроятнымъ.

ріи поставленія нашихъ митрополитовъ. Страннымъ и возбуждающимъ вопросъ образомъ выражается Лаврентьевская лѣтопись о появленіи на каѳедрѣ предпослѣдняго нашего митрополита въ періодъ до-монгольскій — Кирилла 2-го. Опа говоритъ: «въ лѣто 1224-е поставленъ бысть митрополитомъ въ святей Софьѣ (въ) Кіевѣ блаженный Кириллъ Гречинъ, мѣсяца Генваря въ 6, въ праздникъ Богоявленья». Дѣло въ томъ, что о всѣхъ другихъ митрополитахъ-Грекахъ лѣтописи употребляютъ выраженіе не поставленъ, а приде, и что о приходѣ ни одного изъ нихъ не записано съ такою такъ сказать тщательностію. Оба эти обстоятельства не мало располагаютъ понимать лѣтописца такъ, что Кириллъ былъ посвященъ въ самой Россіи. Если бы это было такъ, то мы бы имѣли еще случай поставленія митрополита въ Кіевѣ и притомъ замѣчательный случай — поставленія не Русскаго, а Грека. А если бы это послѣднее было такъ, то затѣмъ рождались бы вопросы: какъ и отъ чего это случилось — съ дозволенія или безъ дозволенія патріарха и не скрывается ли тутъ цѣлой исторіи. Считая напраснымъ гадать что-нибудь, пока самое обстоятельство, вызывающее на гаданія, только заставляетъ предполагать себя, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить его для свѣдѣнія, въ надеждѣ на возможность того или иного разъясненія въ будущемъ [1]).

Обращаемся къ указанной рѣчи о томъ, какъ намъ самимъ смотрѣть на господство у насъ въ продолженіе періода до-монгольскаго митрополитовъ-Грековъ. О правахъ мы уже говорили выше, именно — мы уже говорили, что Греки не имѣли ни малѣйшаго дѣйствительнаго права на то, чтобы подчинять себѣ Русскую церковь. Но отстраняя право, о которомъ рѣчь рѣшонная, какъ смотрѣть на самый фактъ? Это обстоятельство, что въ продолженіе двухвѣковаго съ половиною до-монгольскаго періода митрополитами нашими были Греки, было благомъ или зломъ для Русской церкви?

Не только либералы, которые eo ipso обязаны быть о дѣлѣ самаго худаго мнѣнія, но даже и консерваторы, которые весьма бы не желали говорить о Грекахъ слишкомъ не хорошо, находятъ себя вынужденными сознаться, что господство ихъ у насъ не можетъ быть признано для насъ благомъ. Вопреки тѣмъ и другимъ и рискуя прослыть

---

[1]) Надобно впрочемъ имѣть въ виду Новгородскую 1-ю лѣтопись, въ которой о Кириллѣ сообщается такъ, что не возбуждается никакихъ недоумѣній и вопросовъ; подъ 1233-мъ годомъ въ ней записано: „томъ же лѣтѣ преставися блаженный митрополитъ всея Руси Кыевскый именьмъ Кюрилъ; родомъ Грьцинъ бѣ, приведенъ бысть изъ Никѣя“.

за слишкомъ большаго оригинала, мы того мнѣнія, что господство Грековъ не было для насъ большимъ и рѣшительнымъ зломъ ни въ какомъ отношеніи и что наоборотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно было положительнымъ и величайшимъ благомъ.

Начиная съ тѣхъ, кого мало заботитъ качество власти митрополитовъ Грековъ и которые только весьма недовольны будто бы оставшимися въ Русской жизни слѣдами отъ продолжительнаго господства у насъ и надъ нами Грековъ, мы должны сказать, что эти Греки служатъ для насъ въ нашей исторіи козломъ отпущенія. Сравнивая себя съ людьми западно-европейскими, мы находимъ въ себѣ кое-что не совсѣмъ хорошее; самолюбіе не дозволяетъ намъ винить въ недостаткахъ нашихъ самихъ себя; подъ руками Греки, — ославленная западной Европой Византія, и мы спѣшимъ взвалить вину на нихъ, все разрѣшая однимъ словомъ: византійщина. Народъ нашъ слишкомъ внѣшне понимаетъ вѣру, полагая ее главнымъ образомъ въ томъ, чтобы какъ можно крѣпче класть кресты на груди и какъ можно сильнѣе бить лбомъ объ полъ: византійщина. Священникъ у насъ съ трепетомъ входитъ въ прихожую къ своему архіерею и растягивается ему въ ноги: византійщина. Дьяконы наши съ своими знаменитыми басами вмѣсто раздѣльной и разумной человѣческой рѣчи даютъ намъ наслаждаться безсмысленнымъ ораніемъ и гудѣніемъ: византійщина. Въ живописи нашей безобразный типъ: византійщина. Однимъ словомъ, все у насъ, надъ чѣмъ самъ Русскій порядочный человѣкъ долженъ пожимать плечами, есть византійщина. И однако все это совершенно и рѣшительно несправедливо. Когда западная Европа называетъ средневѣковыхъ Грековъ презрительно Византіей, то она разумѣетъ ихъ извѣстные недостатки, но это вовсе не значитъ, чтобы она разумѣла тѣ самые недостатки, которые мы находимъ въ самихъ себѣ и чтобы это давало намъ право, окрещивая недостатки именемъ Византіи, спѣшить взваливать вину за нихъ на Грековъ. У средне-вѣковыхъ Грековъ были свои недостатки, называемые общимъ именемъ византінизма, но не тѣ, которые мы находимъ въ самихъ себѣ и за которые мы хотимъ винить ихъ. Шестнадцатый вѣкъ всѣми считается такимъ временемъ, когда посѣвы византінизма разцвѣли у насъ во всемъ блескѣ: и однако извѣстный знаменитый Максимъ Грекъ, прибывъ въ Москву, до такой степени мало узналъ въ нашей Руси свою Византію, что оказался въ первой человѣкомъ какъ бы совсѣмъ изъ другого міра. Но если не виноваты въ нашихъ недостаткахъ Греки, то кто же виноватъ въ нихъ? Этотъ наивнѣйшій вопросъ можно слышать отъ людей вовсе ненаивныхъ. Отвѣтъ, однако, простъ: если

въ вашихъ недостаткахъ не виноватъ никто другой, то, очевидно, виноваты въ нихъ вы сами. Кромѣ византіизма есть еще нашъ московитизмъ, которымъ мы не обязаны никому, кромѣ самихъ себя (и, разумѣется, обстоятельствъ). Этотъ-то послѣдній мы несправедливо и смѣшиваемъ съ первымъ. Ниже намъ придется не одинъ разъ возвратиться къ рѣчи о сей предполагаемой винѣ Грековъ въ нашемъ такъ называемомъ византіизмѣ и мы возвратимся къ нему еще и нарочитымъ образомъ. А здѣсь ограничимся краткимъ указаніемъ того, какъ несправедливо винить въ немъ Грековъ. Западная Европа начала свою культурную жизнь съ запасомъ изъ прошлаго не бо́льшимъ того, который мы могли заимствовать изъ Византіи. Если посѣвъ сѣмянъ одного и того же качества тамъ принесъ одни плоды, а у насъ совсѣмъ другіе, то ясно, что виноваты не сѣмяна, а почва и еще что-нибудь другое.

Митрополиты родомъ Греки, говорятъ люди, держащіеся худаго мнѣнія о качествѣ ихъ власти, не могли такъ же усердно заботиться о дѣлахъ Русской церкви, какъ усердно заботились бы о нихъ митрополиты изъ природныхъ Русскихъ. Это совершенная правда, которой никто не будетъ отрицать, какъ никто не будетъ оспаривать того общаго положенія, что урожденный свой человѣкъ или человѣкъ собственной народности всегда и вездѣ лучше иностранца (подразумѣвается, если будетъ съ нимъ совершенно равнокачественнъ). Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ то, что митрополиты-Греки не составляли безусловнаго блага для Русской церкви, противъ котораго нельзя было бы сдѣлать совсѣмъ возраженій. Но спрашивается: такъ ли велико могло быть проистекавшее отсюда зло, чтобы его должно было считать положительнымъ и большимъ зломъ? Превосходство человѣка своей національности передъ иностранцемъ заключается въ томъ, что первый имѣетъ патріотизмъ, который есть расположеніе жертвовать собой для отечества, а второй его не имѣетъ. Патріотизма невозможно вдохнуть въ иностранца, потому что онъ есть свойство прирожденное; а такъ какъ бываютъ случаи, гдѣ патріотизмъ является совершенно необходимымъ, то изъ сего слѣдуетъ, что бываютъ случаи, когда иностранецъ никоимъ образомъ не можетъ замѣнить человѣка своей національности. Но устраните эту патріотическую необходимость жертвовать собой, въ случаѣ которой человѣкъ своей національности не можетъ быть замѣненъ иностранцемъ, и различіе между первымъ и вторымъ окажется вовсе не такое большое, какое можно было бы предполагать. Человѣкъ находится на службѣ въ чужой странѣ; ожи-

дать, чтобы для чужой страны онъ захотѣлъ жертвовать собой, было бы напрасно и неосновательно; но если онъ честный человѣкъ, то онъ будетъ исполнять свои обязанности усердно и добросовѣстно, и слѣдовательно—тамъ, гдѣ не будутъ требоваться патріотическія жертвы, онъ совсѣмъ замѣнитъ собою человѣка собственной національности. Митрополиты наши родомъ Греки были именно чиновники, служившіе въ чужой странѣ. Патріотизма, охоты жертвовать собой за наше отечество мы, конечно, напрасно стали бы съ нихъ спрашивать, и когда представлялись къ тому немногіе случаи, его дѣйствительно у нихъ не оказывалось; но затѣмъ ничто не мѣшало имъ быть совершенно добросовѣстными и возможно усердными чиновниками или исполнителями своихъ обязанностей. Не отрицаемъ, что и въ обыкновенномъ положеніи чиновникъ своей національности все-таки лучше чиновника иностранца, ибо всякое, даже и самое пустое, дѣло требуетъ душевнаго участія, котораго у своего всегда найдется больше, чѣмъ у иностранца, но повторяемъ, что разность не такая большая, чтобы могла быть рѣчь о великомъ злѣ.

Періодъ митрополитовъ-Грековъ, говорятъ, ознаменованъ такою скудостію дѣлъ на пользу церкви, что о нихъ совершенно ничего не говорятъ лѣтописи. Послѣднее совершенная правда, но изъ этого, какъ мы уже давали знать выше, вовсе не слѣдуетъ, какъ необходимый выводъ, первое. Положимъ, что митрополиты-Греки совершенно ничего не дѣлали; несомнѣнно однако, что каждый изъ нихъ приходилъ и каждый умиралъ. Но и объ этихъ приходахъ и объ этихъ смертяхъ лѣтописи говорятъ далеко не всѣхъ митрополитовъ: значитъ ли это, что иные митрополиты являлись къ намъ не приходя и что иные митрополиты исчезали не умирая? Лѣтописи, дѣйствительно, ничего не говорятъ о дѣятельности митрополитовъ, и это заслуживаетъ величайшаго сожалѣнія; но это вовсе не значитъ непремѣнно того, чтобы не было самой дѣятельности, а можетъ означать только то, что лѣтописи, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не считали своею обязанностію и задачею и вообще не имѣли наклонности и охоты говорить о дѣятельности митрополитовъ, какъ вмѣстѣ съ митрополитами-Греками они ровно ни слова не говорятъ о дѣятельности и двухъ митрополитовъ природныхъ Русскихъ. Тѣ, которые заключаютъ отъ молчанія о дѣятельности къ ея отсутствію, полагаютъ, что лѣтописи много говорятъ о дѣятельности митрополитовъ послѣдующаго времени. Они совершенно ошибаются: о дѣятельности митрополитовъ послѣдующаго времени лѣтописи говорятъ совершенно столько же мало, а если

угодно, то и еще менѣе. Если, несмотря на то, о послѣдующихъ митрополитахъ мы знаемъ болѣе, такъ это потому, что отъ нихъ дошли до насъ акты и грамоты. Отъ митрополитовъ періода до-монгольскаго не дошло до насъ никакихъ ни актовъ ни грамотъ. Но не говоримъ о совершенной возможности предположенія, что акты и грамоты пока еще не открыты и могутъ быть открыты впослѣдствіи, — кто знаетъ, до какой степени памятники письменности до-монгольскаго періода истреблены, найдетъ ли тотъ невозможнымъ предполагать, что могли безвозвратно погибнуть и требуемые нами акты и грамоты [1])? Слѣдовательно, и это отсутствіе актовъ и грамотъ, будучи весьма печальнымъ фактомъ, не будетъ давать мѣста ровно никакимъ положительнымъ выводамъ.

Наконецъ, предполагающіе скудость дѣятельности митрополитовъ-Грековъ смѣло полагаютъ, что если бы на ихъ мѣстѣ были природные Русскіе, то они надѣлали бы Богъ знаетъ чего. Смѣлость ихъ однако ни на чемъ не основана и только свидѣтельствуетъ объ ихъ наивности. Замѣчательныя дѣла вовсе не составляютъ такихъ пустяковъ, которыми должна кишѣть каждая страница исторіи, и люди, дѣлающіе что-либо необычное и особенное, являются вовсе не такъ часто, чтобы послѣ двоихъ таковымъ долженъ быть третій. Послѣдующая исторія Русской церкви именно и доказываетъ намъ, что мы были бы несправедливы, непремѣнно требуя отъ періода до-монгольскаго замѣчательныхъ дѣлъ и замѣчательныхъ людей. Вотъ какъ имѣютъ себя замѣчательныя дѣла въ послѣдующее время: въ 1274-мъ году Владимирскій соборъ митрополита Кирилла 3-го; въ 1503-мъ году, т. е. чрезъ пространство времени немного неравное періоду до-монгольскому, въ Москвѣ соборы при митрополитѣ Симонѣ, а въ промежутокъ замѣчательнаго ровно ничего. Что касается до замѣчательныхъ людей, то періодъ Московскій продолжался почти четыреста лѣтъ и однако на всемъ пространствѣ его мы знаемъ между митрополитами и патріархами только двухъ изъ ряду вонъ выдающихся церковныхъ дѣятелей — митрополита Макарія и патріарха Никона, и при томъ послѣдняго принимая за таковаго только съ величайшими оговорками. Слѣдовательно, если даже согласимся допустить, что въ періодъ до-монгольскій совсѣмъ не было ни замѣчательныхъ дѣлъ ни замѣчательныхъ дѣятелей, то и изъ этого еще не будетъ слѣдовать заключенія объ его особенной недоброкачественности.

---

[1]) См. нѣсколько ниже, въ этой же главѣ.

Возражаютъ и еще противъ митрополитовъ Грековъ періода до-монгольскаго. Но у насъ нѣтъ охоты опровергать возраженій по совершенной ихъ несостоятельности.

Итакъ, митрополиты-Греки періода до-монгольскаго ни въ какомъ отношеніи не составляютъ положительнаго, а тѣмъ болѣе — великаго зла. Но, какъ сказали мы выше, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они составляютъ величайшее благо,—до такой степени величайшее, что мы не только должны примириться съ совершенно ни на какомъ правѣ не основаннымъ притязаніемъ Грековъ подчинять себѣ въ церковномъ отношеніи другіе православные народы, но и благодарить Бога, что они имѣли подобное притязаніе.

Вообразимъ, что, имѣя въ періодъ до-монгольскій митрополитовъ не изъ Грековъ, а изъ природныхъ Русскихъ, мы имѣли бы въ нихъ не ангеловъ, а такихъ же людей со страстями и слабостями, какъ и всѣ люди, и затѣмъ обратимся къ тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ Руси. Тогдашняя система наслѣдованія престола великокняжескаго, состоявшая не въ наслѣдованіи отцу старшаго сына, а совсѣмъ въ другомъ, всѣмъ извѣстномъ, порядкѣ, отчасти сама по себѣ, отчасти вслѣдствіе злоупотребленій, которыя она вызывала и допускала, имѣла своимъ слѣдствіемъ то, что если не всегда, то бóльшею частію на престолѣ великокняжескомъ смѣняли врагъ врага. Но эта смѣна враговъ врагами на престолѣ великокняжескомъ какія могла бы имѣть послѣдствія для митрополіи, въ случаѣ если бы митрополиты наши ставимы были у насъ дома? Она необходимо имѣла бы своимъ послѣдствіемъ то, что въ митрополіи происходили бы тѣ же самыя замѣшательства и скандалы, которые происходили въ великокняженіи, что въ дѣлахъ церкви произошелъ бы величайшій и крайне соблазнительный хаосъ, что достоинство митрополита могло бы быть совершенно уронено и что вообще церковь наша пришла бы въ такое состояніе, что представляла бы изъ себя самое печальное зрѣлище. Вообразите, что на престолѣ великокняжескомъ въ не особенно продолжительномъ времени преемствуютъ три или четыре князя другъ другу враги, каковые случаи бывали. Первый князь оставляетъ своего митрополита; второй сгоняетъ его и ставитъ своего; третій сгоняетъ и этого и еще ставитъ своего; четвертый сгоняетъ, наконецъ, и этого и еще ставитъ своего, такъ что за разъ будутъ четыре митрополита. Каждый изъ согнанныхъ митрополитовъ, разумѣется, не считаетъ себя законно лишеннымъ престола и снова домогается получить его или поставить его вновь гдѣ-нибудь внѣ Кіева; епископы Русскіе раздѣляются между

четырьмя митрополитами на четыре партіи, и начинается борьба четырехъ враговъ, представляющихъ изъ себя не два, а именно четыре лагеря... Всякій, немного имѣющій воображенія, читатель представитъ себѣ, какое бы вышло изъ этого величайшее зло и какой бы произошелъ отъ сего невообразимый соблазнъ. Можетъ быть, читатель наивно воображаетъ, что митрополиты изъ природныхъ Русскихъ не захотѣли бы доводить дѣла до соблазновъ и вели бы себя какъ святые. Увы, изъ послѣдующаго времени мы знаемъ одинъ случай, когда Русскимъ епископамъ представилось показать себя, — это послѣ смерти св. митрополита Алексія: и они показали себя людьми ни малѣйше не лучшими другихъ людей... Но то, что мы сказали выше, есть еще не все. Русь до-монгольская состояла изъ многихъ удѣльныхъ княженій. Великіе князья, смѣняя другъ друга, смѣняли бы и митрополитовъ; но кромѣ того при избраніи каждаго митрополита въ лагерѣ каждаго великаго князя изъ удѣльныхъ князей, принадлежавшихъ къ его сторонѣ, составлялись бы отдѣльныя партіи, между которыми происходили бы изъ-за избранія митрополитовъ еще свои внутренніе раздоры и смуты. Кто имѣетъ понятіе о дѣлахъ патріархіи Константинопольской послѣ взятія Константинополя Турками, кто немного знаетъ самыя худшія времена этого періода ея, тотъ составитъ себѣ понятіе о дѣлахъ Русской до-монгольской церкви—каковы онѣ были бы въ случаѣ избранія митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, если мы скажемъ, что онѣ представляли бы то же, что эти дѣла патріархіи Константинопольской въ ея помянутыя худшія времена.

Въ самомъ началѣ настоящаго отдѣла мы сказали, что въ X в., когда мы приняли христіанство, и въ послѣдующее время патріархи Константинопольскіе поставляли митрополитовъ не совсѣмъ согласно съ правилами церковными,—что патріархамъ принадлежало собственно только ихъ посвященіе, но не избраніе, которое должны были производить соборы епископовъ каждой митрополіи. Если бы Русскіе хорошо знали правила церковныя и рѣшительно настояли на томъ, чтобы по отношенію къ нимъ было поступаемо вполнѣ согласно съ сими правилами, то, повидимому, тогда дѣло могло бы имѣть себя наилучшимъ образомъ. Съ одной стороны, Русскіе имѣли бы своихъ митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, а съ другой стороны, такъ какъ ихъ посвященіе производилось бы не дома, а въ Константинополѣ, предотвращалась бы опасность того появленія заразъ многихъ митрополитовъ и тѣхъ смутъ на митрополичьей каѳедрѣ, о которыхъ мы сказали сейчасъ выше. Мы съ своей стороны держимся рѣшительнаго убѣж-

денія, что и это незнаніе Русскими правилъ церковныхъ было счастіемъ для Русской церкви. Дѣло въ томъ, что и при посвященіи митрополитовъ въ Константинополѣ, въ случаѣ если бы они избирались дома, опасность смутъ и соблазновъ въ митрополіи нисколько бы не устранилась. На престолѣ великокняжескомъ смѣняетъ врагъ врага; вмѣстѣ съ соперникомъ онъ изгоняетъ и митрополита, который былъ его сторонникомъ, затѣмъ избираетъ своего сторонника и посылаетъ его въ Константинополь съ тяжкими обвиненіями на предшественника, какъ на человѣка совершенно недостойнаго каѳедры: что дѣлать патріарху? Положимъ, что онъ судилъ бы и судилъ самымъ безпристрастнымъ образомъ: но какой соблазнъ производили бы въ Русской церкви и эти суды, въ которыхъ обѣ стороны—и обвиняющая и обвиняемая не остановились бы ни предъ какими взаимными клеветами? Но такъ какъ патріархи Константинопольскіе и всѣ имѣвшіе у нихъ вліяніе на дѣла были тоже не ангелы, то они не судили бы, а вышло бы совсѣмъ другое, еще гораздо худшее, чѣмъ при посвященіи митрополитовъ въ самой Россіи. Патріархи ставили бы Русскимъ митрополитовъ въ такомъ множествѣ, какого бы они требовали, и въ то же время открылось бы мѣсто самыхъ широкихъ размѣровъ подкупу, — тому въ высшей степени соблазнительному подкупу, котораго примѣръ мы видимъ въ помянутое нами время послѣ смерти св. митрополита Алексія. Очень можетъ быть, что замѣщеніе каѳедры Русской митрополіи Греками производилось въ Константинополѣ не безъ грѣха. Русская митрополія, совершенно исключительная въ числѣ другихъ митрополій Константинопольскаго патріархата, какъ чрезвычайно лакомый кусокъ, нѣтъ сомнѣнія, сильно манила всѣхъ; весьма вѣроятно поэтому, что при ея замѣщеніи имѣли мѣсто и интриги и подкупъ и всѣ неблаговидныя средства. Но по крайней мѣрѣ ничего этого Русскіе не знали...

Итакъ, вотъ наше мнѣніе о томъ обстоятельствѣ, что въ продолженіе періода до-монгольскаго митрополитами нашими были не природные Русскіе, а Греки изъ Константинополя. Это господство митрополитовъ-Грековъ не было и не можетъ быть признано безусловнымъ благомъ, поколику таковымъ вообще не можетъ быть господство иностранцевъ. Но вовсе не было оно и положительнымъ, а тѣмъ болѣе великимъ зломъ, въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ было положительнымъ и величайшимъ благомъ. Въ періодъ до-монгольскій, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ Руси, митрополитами нашими и долженствовали быть Греки. Будучи иностранцами, они не

замѣняли собой вполнѣ и не могли замѣнить природныхъ Русскихъ; но за то, не принесши всего добра, которое бы принесли природные Русскіе, они предохранили Русскую церковь отъ опасности такихъ великихъ золъ, что послѣднее самымъ безусловнымъ образомъ перевѣшиваетъ собою первое.

Послѣ всего сказаннаго у насъ остается еще нѣкоторая рѣчь о митрополитахъ-Грекахъ. Доселѣ мы отвѣчали на вопросъ: какъ смотрѣть на то обстоятельство, что митрополитами нашими въ періодъ до-монгольскій были Греки, а не природные Русскіе. Но за этимъ, что̀ думать о нашихъ митрополитахъ-Грекахъ періода до-монгольскаго независимо отъ сего: худы или хороши они были сами по себѣ, не бывъ въ состояніи вполнѣ замѣнить природныхъ Русскихъ и оставаясь иностранцами, т. е. худы или хороши они были какъ иностранцы? Положительныхъ данныхъ для отвѣта на вопросъ, какъ мы уже говорили выше, нѣтъ совершенно никакихъ, и остается дѣлать только предположенія. Что же предполагать? Если не имѣемъ положительныхъ данныхъ, то вся справедливость и все сознаніе долга быть безпристрастными требуютъ, чтобы мы держались въ предположеніяхъ золотой середины. Мы не имѣемъ права и основанія утверждать, чтобы всѣ митрополиты-Греки были на выборъ люди самые хорошіе, въ родѣ Іоанна 2-го и Кирилла 2-го; но въ то же время мы не будемъ имѣть никакого права и основанія утверждать и противное,—чтобы они представляли собой какой-нибудь исключительный подборъ людей мало способныхъ и мало достойныхъ, въ родѣ Іоанна 3-го: наши митрополиты-Греки были люди какъ люди, не исключительно хорошіе, но и не исключительно худые, — вотъ справедливѣйшее, что̀ должно о нихъ думать. Мы говорили выше, что предки наши не питали ни малѣйшаго уваженія къ національному характеру Грековъ,—что они представляли ихъ какъ бы олицетвореніемъ лести. Положимъ, что предки наши были совершенно правы; было бы однако въ высшей степени несправедливо и неладно полагать, будто эта національная черта характера Грековъ, антипатичная сколько нашимъ предкамъ, столько же и кому бы то ни было, дѣлала ихъ людьми ни на что негодными. Всякій народъ имѣетъ свои особенные національные недостатки; эти недостатки болѣе или менѣе отпечатлѣваются на всей его дѣятельности и болѣе или менѣе даютъ ей свой характеръ: но подъ ограничивающимъ условіемъ этихъ недостатковъ каждый народъ болѣе или менѣе способенъ ко всему хорошему, и что касается именно до Грековъ, то мы знаемъ, что они были народъ способный къ сему по-

слѣднему болѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ. Такимъ образомъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ только то, что дѣятельность нашихъ митрополитовъ-Грековъ, имѣя недостатки, должна была отпечатлѣвать на нихъ и выражать въ нихъ болѣе или менѣе національный греческій характеръ; но затѣмъ ничто не препятствовало ей имѣть всѣ добрыя качества. Не имѣя права и основанія, какъ мы уже сказали выше, предполагать исключительный избытокъ этихъ качествъ, мы въ то же время не имѣемъ права и основанія предполагать и исключительный ихъ недостатокъ или исключительную ихъ скудость, т. е. иначе сказать, мы имѣемъ вѣроятнѣйшимъ предъ собою то, чтобы быть о митрополитахъ-Грекахъ средняго и обычнаго добраго мнѣнія. Но митрополиты эти управляли Русскою церковію въ продолженіе цѣлыхъ двухъ сотъ лѣтъ съ половиной и при томъ управляли въ такое время, когда она росла и устроялась, т. е. въ такое время, когда сравнительно требовалась все-таки большая дѣятельность. Слѣдовательно, заключительнымъ нравоученіемъ будетъ то, что митрополиты эти по всей справедливости должны быть поминаемы въ нашей исторіи нѣкоторымъ добрымъ словомъ. Ниже еще мы возвратимся къ нимъ. Не имѣя совершенно никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ ихъ дѣятельности церковно-правительственной, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности государственной: въ этой послѣдней, какъ увидимъ ниже, они явили себя самымъ достойнымъ образомъ (тамъ мы увидимъ, какъ мало пользы, если не много зла, было бы и для государства, если бы митрополитами нашими были природные Русскіе, а не Греки).

Выше мы видѣли, что при поставленіи Климента половина Русскихъ епископовъ была за митрополита изъ Русскихъ, а рѣшительное большинство ихъ по крайней мѣрѣ не противъ него. Послѣ сейчасъ сказаннаго позволительно думать, что желаніе епископовъ видѣть на каѳедрѣ митрополичьей человѣка изъ природныхъ Русскихъ имѣло своей причиной не заботы о благѣ церкви, а что-либо другое, стороннее. Можно думать, что̀ причиной было то же, по чему чиновникамъ никакого нашего присутственнаго мѣста не можетъ нравиться, чтобы предсѣдателемъ у нихъ былъ постоянно Нѣмецъ. Нѣмецъ требуетъ отъ Русскихъ нѣмецкой аккуратности и усидчивости и вообще всего нѣмецкаго, и не хочетъ знать, что многое, что̀ для Нѣмца: вздоръ, пустяки, совсѣмъ въ русской натурѣ и въ русской крови... Подобное, т. е. несходство народными характерами могло быть причиной и того, что епископы Русскіе не долюбливали своихъ митрополитовъ-Грековъ (Грекъ—человѣкъ тонкій и дипломатъ, а Русскій — человѣкъ простой

и нѣсколько аляповатый: естественно, что одному тяжело и не совсѣмъ по себѣ было водиться съ другимъ...).

Есть еще особый взглядъ на дѣло, о которомъ мы должны сказать въ заключеніе всего. Нѣкоторые думаютъ, что митрополиты-Греки были совершенно необходимы для Русской церкви въ періодъ до-монгольскій, что безъ нихъ она не могла бы существовать. Съ этимъ мнѣніемъ, представляющимъ противоположную крайность тому, которое мы разбирали выше, также нельзя совсѣмъ согласиться. Въ самое первое время, конечно, необходимы были Греки; но было бы странно думать, будто мы до такой степени были безталанны, чтобы не могли обходиться безъ нихъ цѣлыя сотни лѣтъ. Положимъ, что примѣръ Иларіона, который, бывъ и всего третьимъ нашимъ митрополитомъ, былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ митрополитовъ за весь періодъ домонгольскій, есть исключеніе. Но несомнѣнно, что если не всё сряду Иларіоны, то вообще люди способные и достойные занимать каѳедру митрополичью нашлись бы и въ достаточномъ количествѣ.

Первоначально, въ продолженіе лѣтъ 50-ти, митрополиты наши имѣли свою каѳедру не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ, именно—въ томъ Переяславлѣ, по древнему—Русскомъ или Кіевскомъ, который въ настоящее время есть Полтавскій, и который находится на нашей или лѣвой сторонѣ Днѣпра въ 94½ верстахъ внизъ отъ Кіева, лежа не на самомъ Днѣпрѣ, а въ 8½ отъ него верстахъ, при сліяніи рѣкъ Альты и Трубежа (или при впаденіи первой въ послѣднюю). Этотъ фактъ первоначальнаго существованія или нахожденія каѳедры митрополита не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Отъ перваго митрополита нашего Леона или Льва сохранилось до настоящаго времени греческое сочиненіе, которое надписывается: Λέοντος μητροπολίτου (ἀρχιεπισκόπου) τῆς ἐν Ῥωσία Πρεσθλάβας; древній нашъ лѣтописецъ подъ 1089-мъ г. свидѣтельствуетъ, что «бѣ преже въ Переяславли митрополья», а говоря о построеніи Ярославомъ св. Софіи, даетъ знать, что въ Кіевѣ каѳедра митрополитовъ явилась только при сей церкви, построенной чрезъ 50 лѣтъ послѣ учрежденія нашей митрополіи. Но что могла быть за причина, что каѳедра митрополіи первоначально учреждена была не въ Кіевѣ, столицѣ государства, а въ Переяславлѣ? Недавно сдѣлано предположеніе, что вѣроятно въ Кіевѣ съ самаго начала не нашлось для митрополита удобнаго помѣщенія, а въ Переяславлѣ такое нашлось, и что вѣроятно поэтому они и были поселены тамъ на время до приготовленія въ Кіевѣ помѣщенія. Съ этимъ предположеніемъ, которое, очевидно, не можетъ быть при-

знано состоятельнымъ и само въ себѣ, нельзя согласиться потому, что каѳедра митрополіи оставалась въ Переяславлѣ цѣлыя 50 лѣтъ. Если бы митрополитъ первоначально помѣщенъ былъ въ Переяславлѣ за неимѣніемъ дома для него въ Кіевѣ (допустимъ это странное предположеніе), то онъ былъ бы переведенъ въ послѣдній года черезъ два—черезъ три, а во всякомъ случаѣ къ тому времени, какъ построена была Десятинная церковь, ибо если ему предназначалось собственно жить въ Кіевѣ, то очевидно, что эта церковь долженствовала бы служить и его каѳедральною церковію. Построивъ эту церковь, Владиміръ не перевелъ однако къ ней митрополита: ясно, что по его мысли Переяславль навсегда назначался быть мѣстомъ каѳедры послѣдняго. Не находя возможнымъ отвѣчать что-либо удовлетворительное на нашъ вопросъ, мы пока принуждены довольствоваться отвѣтомъ только не прямымъ, а именно — что намѣреніе Владиміра помѣстить митрополита не въ столицѣ государства, а отдѣльно, въ особой резиденціи, не представляетъ собою примѣра единственнаго въ своемъ родѣ,—что такъ было и у многихъ другихъ [1]). Изъ Переяславля въ Кіевъ перевелъ митрополитовъ Ярославъ, который учредилъ ихъ каѳедру при построенной имъ церкви св. Софіи. Епископы, смѣнившіе собою въ Переяславлѣ митрополитовъ, нѣкоторое время продолжали именоваться митрополитами, представляя собою митрополитовъ титулярныхъ (каковые бывали и у Грековъ, см. ниже). Что касается до отношеній митрополитовъ къ Кіеву, пока они имѣли пребываніе въ Переяславлѣ: то должно думать, что именно онъ признавался и былъ ихъ престольнымъ городомъ въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова (тогда какъ Переяславль составлялъ только ихъ резиденцію) [2].

---

[1]) У Болгаръ въ періодъ перваго царства до 1019 г. столицей государства былъ Переяславль, а каѳедра митрополита-патріарха, по всей вѣроятности, находилась въ Доростолѣ; у Сербовъ во все время существованія ихъ государства каѳедра архіепископовъ-патріарховъ была врозь съ столицами государства (см. нашу книгу: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской). Такъ было у нѣкоторыхъ, если не у многихъ, и на Западѣ. — Можно предполагать, что Владиміръ, поселяя митрополита въ Переяславлѣ, отдалъ ему этотъ городъ въ полную власть и собственность, чтобы такимъ образомъ сдѣлать его своего рода княземъ, а Ярославъ перенесъ митрополію въ Кіевъ—во-первыхъ, потому, что нашелъ это неудобнымъ, а во-вторыхъ, затѣмъ, чтобы придать болѣе блеска столицѣ государства.

[2]) Cfr патріаршее соборное дѣяніе 1354-го г. о перенесеніи каѳедры русской митрополіи (собственно: резиденціи митрополитовъ) изъ Кіева во Владиміръ въ Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича* I, 351, и въ Памятн. канонич. права, изд.

Составляетъ вопросъ собственная епархіальная область нашихъ митрополитовъ. Объ этомъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить объ епархіяхъ епископовъ.

Въ періодъ до-монгольскій была у насъ сдѣлана одна попытка учредить въ Россіи другую митрополію кромѣ Кіевской, именно — въ половинѣ XII вѣка Андреемъ Боголюбскимъ.

Андрей Боголюбскій, второй удѣльный князь Суздальскій, наслѣдовавшій па удѣлѣ своему отцу Юрію Долгорукому, успѣлъ и съумѣлъ создать себѣ на своемъ Сѣверѣ такую силу, что рѣшительно возвысился надъ упадавшими князьями Кіевскими и открылъ собою рядъ великихъ князей на новомъ мѣстѣ. Чтобы окончательно сдѣлать свой Владиміръ Клязмскій столицей великаго княженія, Боголюбскому естественно было имѣть желаніе видѣть въ немъ митрополита. Такъ какъ въ его время Владиміръ еще не былъ единой столицей великаго княженія, перемѣщенной изъ Кіева, а былъ новой и другой столицей рядомъ съ послѣднимъ, и столицей еще только de facto, но не de jure, то онъ не могъ поступить такъ, чтобы перевесть прежняго митрополита изъ Кіева во Владиміръ, и долженъ былъ искать учрежденія второй или новой митрополіи. Въ 1162-мъ году [1]), послѣ приготовленія для будущаго митрополита каѳедры въ великолѣпномъ храмѣ Успенія Божіей Матери и имѣя уже готоваго кандидата въ нѣкоемъ Ѳеодорѣ или Ѳедорцѣ, о которомъ скажемъ ниже, по совѣту съ своими боярами, онъ отправилъ посольство съ просьбой объ отдѣленіи области Суздальской отъ епархіи Ростовской и объ учрежденіи во Влади-

---

Павл., втораго счета col. 63 (Свидѣтельство Дитмара, что каѳедральною церковію митрополитовъ въ Кіевѣ была Десятинная Владимирова церковь, см. во 2-й половинѣ тома стр. 87 (по 1 изд.); Несторъ въ житіи Бориса и Глѣба, въ разсказѣ объ одномъ изъ чудесъ, говоритъ о „кафоликании клисна", т. е. о каѳедральной церкви (καθολικὴ ἐκκλησία) митрополитовъ до ихъ переселенія изъ Переяславля въ Кіевъ, но не называетъ ее по имени и не указываетъ, гдѣ она была).

[1]) Лѣтопись Никоновская, повѣствующая о попыткѣ Боголюбскаго (II. 179) относитъ его посольство въ Константинополь къ 1160-му г. Но, во-первыхъ, оно было при митр. Ѳеодорѣ, а сей послѣдній по Ипатской лѣтописи пришолъ въ Августѣ 1161-го г.; во-вторыхъ, другія событія, о которыхъ говоритъ Никоновская лѣтопись подъ симъ 1160-мъ г. (возвращеніе Боголюбскимъ епископа Леона и изгнаніе имъ братьевъ) Ипатская лѣтопись относитъ къ 1162-му г. Впрочемъ извѣстно, что и хронологія Ипатской лѣтописи далеко не надежна (Если принимать, какъ это представляется вѣроятнымъ, что Боголюбскій началъ хлопотать объ учрежденіи у себя во Владимірѣ особой митрополіи по окончаніи стройкой своего знаменитаго Владимірскаго собора, то послѣдній освященъ былъ осенью 1161-го г., см. 2-й половины тома стр. 98, по 1-му изданію).

мирѣ митрополіи къ Константинопольскому патріарху Лукѣ Хризовергу. Но его желанію не суждено было исполниться. Патріархъ созвалъ соборъ, обсудилъ на немъ просьбу и въ своей грамотѣ [1]) прислалъ отвѣтъ, въ которомъ содержался рѣшительный отказъ. Раздѣляя одинъ отъ другаго вопросы о пользѣ и о правѣ, мы не знаемъ, что отвѣчать на первый,—очень можетъ быть, что учрежденіе второй митрополіи не послужило бы къ государственной пользѣ Россіи; очень можетъ быть даже, что оно не послужило бы и къ пользѣ церковной. Но что касается до втораго вопроса, то патріархъ, собственно говоря, не имѣлъ никакого права отказать Боголюбскому въ его просьбѣ. Патріархъ мотивируетъ свой отказъ тѣмъ, что каноны церкви запрещаютъ нарушать установленные предѣлы митрополій и епископій и что посему онъ не можетъ отдѣлить область Суздальскую отъ епархіи Ростовской и учредить въ Россіи вмѣсто одной митрополіи двѣ; но патріархъ софистически примѣняетъ тутъ къ Русской церкви каноны, которые относятся къ митрополіямъ греческимъ: эти послѣднія обнимали собою гражданскія греческія губерніи, и каноны дѣйствительно запрещаютъ раздѣлять одну гражданскую губернію на двѣ церковныя митрополіи или на нѣсколько митрополій чрезъ возведеніе въ митрополиты (настоящіе, а не титулярные только) епископовъ уѣздныхъ городовъ (4-го всел. соб. пр. 12). Что же касается до Русской церкви, то къ ней имѣли отношеніе другіе каноны, а именно — что «распредѣленіе церковныхъ приходовъ (округъ) да послѣдуетъ гражданскому порядку» (4-го всел. соб. пр. 17 и 6-го всел. соб. пр. 38), по которымъ каждый губернскій городъ въ Греціи долженъ былъ имѣть своего митрополита. Если въ Греціи каждая гражданская губернія eo ipso была митрополіей, то Боголюбскій (равно какъ и всякій другой нашъ удѣльный князь) имѣлъ право требовать, чтобы сдѣланъ былъ митрополіей его удѣлъ, ибо наши удѣлы, конечно, уже равнялись греческимъ губерніямъ. Подобно Владиміру онъ не зналъ своихъ правъ, иначе онъ учредилъ бы у себя митрополію самъ, безъ спроса у патріарха, ибо это было его правомъ, какъ государя, и по современнымъ ему воззрѣніямъ греческимъ (см. у *Ралли* и *П.* II, 262, и VI, 275, — хотя впрочемъ тутъ вопросъ, кого считать высшей государственной властью по отношенію къ Русской церкви, о чемъ ниже). Объ истинной причинѣ отказа мы скажемъ послѣ, когда будемъ досказывать исторію попытки

---

[1]) Она въ Никон. лѣт., а въ болѣе первоначальномъ видѣ у преосв. Макарія въ т. 3, изд. 2 стр. 298.

Боголюбскаго доставить своему удѣлу церковную независимость отъ Кіевскаго митрополита, не кончившуюся нашимъ исканіемъ получить себѣ митрополита (см. въ этой главѣ, въ дополненіи къ отдѣлу: Пространство церковнаго суда и церковные законы).

II.

Епископскія каѳедры, епископы и епархіальное управленіе.

Отъ митрополитовъ переходимъ къ епископамъ.

Епископскія каѳедры были учреждены у насъ тотчасъ по прибытіи къ намъ нашего перваго митрополита, каковое учрежденіе было его первымъ дѣломъ по прибытіи. Это учрежденіе каѳедръ, по свидѣтельству лѣтописей [1]), имѣло мѣсто въ одномъ и томъ же году съ самымъ прибытіемъ, именно 991-мъ, что будетъ третьимъ годомъ послѣ похода Владимирова на Корсунь и вторымъ послѣ приступа къ общему крещенію народа. Мы уже неоднократно давали знать выше, какъ у Грековъ малы были епископіи. Первоначально каждая отдѣльная церковная община, какъ городская, такъ и сельская, или каждый приходъ (при чемъ каждый городъ, большой или малый, всегда составлялъ одну общину или одинъ приходъ) имѣлъ своего епископа; впослѣдствіи уничтожили сельскихъ епископовъ и оставили только городскихъ, но этихъ послѣднихъ оставили всѣхъ, такъ что въ Греціи непремѣнно и ео ipso каждый городъ имѣлъ своего епископа [2]). Этотъ вопросъ о томъ или другомъ количествѣ епархій не есть только вопросъ простой церковной статистики, но весьма важный вопросъ о самомъ духѣ церковнаго управленія, ибо бо́льшее количество начальниковъ имѣетъ себя такъ, а меньшее количество совсѣмъ иначе, ибо въ одномъ случаѣ преобладаетъ духъ простоты, а въ другомъ духъ власти; въ одномъ случаѣ возможность бо́льшей близости епископовъ къ своимъ паствамъ, въ другомъ—меньшей. Россія наша, по своимъ условіямъ, по своему съ древняго до настоящаго времени подавляющему ее пространству, вовсе не могла быть раздѣлена на епархіи въ томъ смыслѣ и такимъ образомъ, какъ это было въ Греціи. Тогдашняя собственная Русь

---

[1]) Тѣхъ, которыя считаютъ первымъ митрополитомъ дѣйствительнаго перваго митрополита Леона, см. ихъ выше.

[2]) Номоканонъ Фотія титл. 1, гл. 20 и титл. 8, гл. 1,—у *Ралли* и *П.* I, 57 и 143 fin...

была по ту сторону Днѣпра, что̀ въ настоящее время составляетъ Россію западную, заднѣпровскую; въ сравненіи съ безпредѣльной Россіей нашей, находящейся по сю сторону Днѣпра, она представляется намъ весьма малой. Но и на пространствѣ той или тогдашней Россіи, если бы поставить задачею сдѣлать епископовъ такъ же близкими во всякомъ смыслѣ къ ихъ паствамъ, какъ это было въ Греціи, нужно было бы учредить епископій ни какъ не менѣе, какъ ста два. Но это было невозможно, ибо на огромномъ пространствѣ у насъ было въ высшей степени рѣдко населеніе и весьма многимъ изъ епископовъ, такъ же близкихъ къ своимъ паствамъ, какъ это было въ Греціи, у насъ пришлось бы имѣть въ своемъ завѣдываніи деревни по двѣ—по три, никакъ не болѣе. Если бы были учреждены у насъ епархіи во всѣхъ городахъ, какъ это было въ Греціи, то хотя городовъ въ сравненіи съ послѣднею у насъ было ничтожное количество, однако относительнымъ образомъ всё-таки явилось бы у насъ епархій довольно значительное число. Но епископовъ нужно было содержать, а наибольшая часть городовъ тогдашней непромышленной Руси были тѣ же бѣдныя деревни и носили названіе городовъ только въ смыслѣ болѣе или менѣе укрѣпленныхъ мѣстъ [1]). Вслѣдствіе всего этого громаднѣйшая Россія по необходимости имѣла быть раздѣлена на такое малое количество епархій, что каждая наша епархія равнялась десяткамъ двумъ-тремъ епархій греческихъ, а нѣкоторыя изъ нихъ (Новгородская, Ростовская) равнялись цѣлымъ сотнямъ послѣднихъ [2]). Это совсѣмъ иное, чѣмъ въ Греціи, раздѣленіе Россіи на епархіи, будучи дѣломъ простой необходимости, въ то же время, какъ мы сказали, должно было внести въ наше епархіальное управленіе значительно иной духъ, нежели какой былъ въ Греціи: немногіе епископы огромныхъ территорій должны были явиться совсѣмъ съ инымъ характеромъ, чѣмъ весьма многіе епископы весьма малыхъ областей.

Сколько было на первый разъ учреждено Владиміромъ епархій, остается положительно неизвѣстнымъ, ибо изъ лѣтописей, говорящихъ

---

[1]) Чтобы читателя не дивили укрѣпленныя деревни (древніе города), пусть онъ припомнитъ кавказскія укрѣпленныя станицы недавняго времени.

[2]) Въ самой Греціи для двухъ областей, населенныхъ, выражаясь по-гречески, народами варварскими и представлявшихъ тѣ же неудобства къ учрежденію въ каждомъ городѣ епископской каѳедры, что̀ и наша Россія, сдѣлано было исключеніе, чтобы всѣми городами той и другой изъ нихъ завѣдывалъ одинъ епископъ (области—такъ называемая Малая Скиѳія въ Европѣ и Исаврія въ Малой Азіи,—въ послѣдней впрочемъ всего два города. См. по цитатѣ втораго примѣч. выше).

о семъ учрежденіи, Новгородскія называютъ прямо только своего собственнаго епископа, а потомъ прибавляютъ: «и по инѣмъ градомъ (постави митрополитъ) епискупы»; лѣтопись Никоновская кромѣ Новгорода называетъ прямо четыре города и потомъ прибавляетъ: «и по инымъ многимъ градомъ епископы (митрополитъ) постави» [1]. Четыре города, прямо называемые послѣдней лѣтописью, суть: Черниговъ, Ростовъ, Владиміръ Волынскій [2]) и Бѣлгородъ. Отправляясь искать другихъ епархій, открытыхъ при Владимірѣ, кромѣ указанныхъ пяти, мы находимъ, что изъ всѣхъ епархій, существовавшихъ въ послѣдующее время періода до-монгольскаго, только о трехъ неизвѣстно положительнымъ образомъ, что онѣ открыты послѣ Владиміра, объ остальныхъ же всѣхъ положительно извѣстно, что онѣ открыты уже именно послѣ него; слѣдовательно рѣчь и можетъ быть только объ этихъ трехъ епархіяхъ. Сіи три епархіи суть: Туровская, Полоцкая и Тмутараканская. Если мы дадимъ вѣру словамъ Никоновской лѣтописи, что кромѣ прямо названныхъ ею городовъ были открыты епархіи и въ другихъ городахъ, то изъ сейчасъ названныхъ трехъ мы, во всякомъ случаѣ, открытіе которой нибудь должны будемъ усвоять Владиміру. Такъ какъ дать вѣру ея словамъ есть всѣ основанія, ибо считать перво-открытыми только пять прямо названныхъ епархій было бы слишкомъ мало, при чемъ на за-днѣпровскую или собственную Русь приходилось бы и всего три епархіи; такъ какъ Туровъ и Полоцкъ принадлежали къ такимъ городамъ, въ которыхъ открытіе епархій есть вся вѣроятность усвоять Владиміру, а Тмутаракань наоборотъ была такимъ городомъ, въ которомъ нѣтъ вѣроятности усвоять открытіе епархіи кому-либо послѣ него: то мы принимаемъ за самое вѣроятное, что всѣ три названныя епархіи были открыты при Владимірѣ. Полоцкъ, въ настоящее время ничтожный и не столько русскій, сколько жидовскій, городишко, въ древнее время былъ главнымъ городомъ особаго племени Полочанъ или Полоцкихъ Кривичей; въ правленіе Святослава или Ольги послѣ Игоря прибывшій изъ-за моря варягъ Рогвольдъ основалъ было въ немъ особое княжество варяжско-русское, которое уничтожилъ Владиміръ, побѣдивъ и убивъ Рогвольда; что Владиміръ считалъ его въ числѣ важнѣйшихъ городовъ своего времени, видно изъ того, что

---

[1]) I, 105.

[2]) Владиміра лѣтопись не называетъ Волынскимъ, а просто Владиміромъ. Но въ другомъ Владимірѣ—Клязьемскомъ, хотя бы онъ и былъ основанъ Владиміромъ Святымъ (а не Мономахомъ), что впрочемъ весьма сомнительно, епископская каѳедра учреждена только уже въ 1214-мъ году.

онъ отдалъ его въ удѣлъ старшему сыну отъ Рогнѣды и второму по старшинству между всѣми своими сыновьями (послѣ Святополка) Изяславу: по всему этому есть вся вѣроятность усвоять открытіе епархіи Полоцкой именно Владиміру. Вѣроятность эта усиливается еще болѣе тѣмъ, что въ противномъ случаѣ мы должны будемъ допустить, что цѣлый край, несомнѣнно крещенный при Владимірѣ (область Полоцкая) былъ оставленъ безъ собственнаго епископа и ввѣренъ былъ тому или другому епископу отдаленному. Туровъ, въ настоящее время даже и не городъ, а мѣстечко [1]), былъ главнымъ городомъ племени Дряговичей и хотя послѣ Владиміра въ періодъ удѣловъ не игралъ значительной роли, но при немъ самомъ несомнѣнно, хотя и не совсѣмъ понятно, занималъ между городами одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, что̀ видно изъ того, что Владиміръ отдалъ его въ удѣлъ самому старшему сыну Святополку (равно какъ и послѣ него Ярославъ старшему сыну Изяславу): слѣдовательно, и въ немъ такъ же совершенно вѣроятно усвоять основаніе епархіи Владиміру, какъ и въ Полоцкѣ. Что касается до Тмутаракани, этой отдаленной и загадочной колоніи Русскихъ, находившейся на нынѣшнемъ полуостровѣ Тамани, то въ ея недолговременное существованіе послѣ Владиміра настоящимъ удѣльнымъ княземъ ея,—каковые князья послѣ Владиміра заботились о дальнѣйшемъ открытіи епархій,—былъ и всего одинъ—сынъ его Мстиславъ, такъ что открытіе епархіи Тмутараканской можетъ быть усвояемо только или ему или сему Мстиславу. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ усвоять ея открытіе ему, чѣмъ Мстиславу: этотъ послѣдній, какъ показываетъ его поведеніе, вовсе не смотрѣлъ на Тмутаракань какъ на такое мѣсто, въ которомъ бы онъ желалъ остаться навсегда [2]), а поэтому не могъ онъ имѣть охоты заботиться и объ открытіи въ ней епархіи [3]). Такимъ образомъ, кромѣ

---

[1]) Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, на р. Припяти, на половинѣ разстоянія между Мозырью и Пинскомъ.

[2]) Въ 1024 г., послѣ неудачной попытки занять престолъ великокняжескій, онъ отнялъ у Ярослава заднѣпровскую Русь и сѣлъ въ Черниговѣ.

[3]) Собственно мы думаемъ, хотя и сносимъ свои мысли подъ черту, что епархія Тмутараканская существовала еще до Владиміра. Тмутаракань, какъ это со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, составляла часть той Руси Азовско-Таврической, о которой мы говорили выше, по каковой именно причинѣ Кіевскіе Русскіе, завоевавъ ее, и удержали ее за собой въ видѣ колоніи. Таврическимъ Русскимъ далъ епископа патр. Фотій, и этотъ-то епископъ, какъ у насъ есть рѣшительная наклонность полагать, и есть нашъ позднѣйшій Тмутараканскій епископъ. Усвояя открытіе епархіи Тмутараканской Владиміру, мы будемъ имѣть передъ собою во-

пяти епархій, объ открытіи которыхъ Владиміромъ лѣтописи говорятъ положительно, со всею вѣроятностію должно усвоять ему открытіе еще трехъ епархій. Три епархіи, конечно, не составляютъ многихъ епархій, о которыхъ говоритъ Никоновская лѣтопись кромѣ пяти прямо ею названныхъ; тутъ одно изъ двухъ—или вскорѣ послѣ Владиміра нѣкоторыя изъ епархій имъ открытыхъ были закрыты или выраженіе Никоновской лѣтописи «по инымъ многимъ градомъ» есть просто преувеличеніе; такъ какъ первое почти совсѣмъ невѣроятно, то слѣдуетъ думать послѣднее [1]).

Восемь епархій, а не считая Тмутараканской, семь епархій на всю Русь,—это, конечно, весьма немного. Но такъ какъ усердіе Владиміра къ христіанству и церкви не можетъ подлежать сомнѣнію, то слѣдуетъ думать, что открытіе бо́льшаго числа епархій не представлялось возможнымъ и удобнымъ [2]). Сравнивая произведенное церковное дѣленіе Россіи на епархіи съ ея гражданскимъ раздѣленіемъ при Владимірѣ, находимъ, что шесть епархій были открыты въ городахъ, которые были при Владимірѣ удѣльными, одна—въ городѣ, который почему-то не былъ при немъ удѣльнымъ, но который былъ самымъ старшимъ послѣ Кіева, и одна—въ городѣ, который не имѣлъ никакого гражданскаго значенія и учрежденіе каѳедры въ которомъ должно быть объясняемо причинами церковно-административными и еще, такъ сказать, личными. Города, бывшіе при Владимірѣ удѣльными, суть: Владиміръ Волынскій, Туровъ, Полоцкъ, Новгородъ, Ростовъ и Тмутаракань; городъ, не бывшій удѣльнымъ при немъ, но самый старшій послѣ Кіева—Черниговъ; городъ, не имѣвшій никакого гражданскаго значенія—Бѣлгородъ. Изъ городовъ, бывшихъ при Владимірѣ удѣльными, не

просъ, на который нельзя отвѣтить совершенно ничего сколько нибудь удовлетворительнаго, именно—зачѣмъ Владиміръ открылъ эту епархію?

[1]) О митр. Михаилѣ Никоновская лѣтопись говоритъ, что онъ привелъ съ собою отъ патр. Фотія шесть епископовъ (1, 103). Если принимать, что эти слова должны быть перенесены съ Михаила на Леона, то это будетъ значить, что при самомъ первомъ учрежденіи каѳедръ ихъ было учреждено шесть и что остальныя двѣ, которыя съ вѣроятностію должны быть относимы ко времени Владиміра, были открыты при немъ, но не при первомъ учрежденіи каѳедръ, а впослѣдствіи времени.

[2]) Пихлеръ въ своей Geschichte der kirchlichen Trennung,—II, 502, ссылаясь на Ренодота, котораго мы не имѣемъ подъ руками, говоритъ, будто у Египетскихъ Коптовъ въ XII вѣкѣ принималось, что 10 епископовъ могутъ сами поставить себѣ патріарха. Если бы думать, что это принималось и у Грековъ въ X вѣкѣ, то можно было бы подозрѣвать, что сами они сначала не хотѣли открывать у насъ бо́льшаго количества епархій, нежели какое было открыто.

были открыты епархіи: въ неизвѣстномъ по имени главномъ городѣ области Древлянской и въ Муромѣ. Древній Бѣлгородъ въ настоящее время есть мѣстечко Бѣлгородка, находящееся въ 23½ верстахъ къ юго-западу отъ Кіева и составляющее первую станцію на почтовой дорогѣ къ Житомиру: или онъ самъ составлялъ или въ немъ находилось одно изъ главныхъ имѣній Владиміра, ибо до принятія христіанства, по словамъ лѣтописца, у него помѣщена была здѣсь значительная часть его многочисленныхъ будто бы наложницъ (300 изъ 800); на третій годъ послѣ похода на Корсунь (991), вѣроятно, одновременно съ тѣмъ, какъ водворять епископа, Владиміръ заложилъ въ Бѣлгородѣ настоящій городъ или крѣпость и значительно умножилъ его населеніе посредствомъ вывода изъ другихъ мѣстъ, «бѣ бо, говоритъ лѣтописецъ,—любя градъ сь». Впослѣдствіи, однако, онъ называется «градомъ малымъ» [1]. Въ этомъ, не имѣвшемъ въ гражданскомъ отношеніи совершенно никакого значенія, городѣ Владиміръ учредилъ архіерейскую каѳедру, какъ слѣдуетъ думать, во-первыхъ—за тѣмъ, что, назначивъ престольнымъ городомъ митрополита не Кіевъ, а Переяславль, онъ хотѣлъ имѣть въ епископѣ Бѣлгородскомъ такого архіерея, который бы въ потребныя времена могъ совершать въ Кіевѣ архіерейскія служенія и вообще былъ для него—великаго князя архіереемъ такъ сказать придворнымъ, episcopus curialis, каковые бывали у другихъ государей; во-вторыхъ—за тѣмъ, чтобы дать въ немъ митрополиту какъ бы викарія и помощника. Въ неизвѣстномъ главномъ городѣ области Древлянской Владиміръ не учредилъ архіерейской каѳедры, какъ необходимо думать, потому, что небольшая область эта была близка къ другимъ епархіямъ и въ частности, какъ можно предполагать, потому, что она назначена была въ епархіи епископу Бѣлгородскому. Учредивъ епархію въ инородческомъ Ростовѣ, Владиміръ не учредилъ ея въ инородческомъ Муромѣ, вѣроятно, потому, что въ первомъ и его области была болѣе или менѣе значительная колонія настоящихъ Русскихъ и что самые инородцы его уже показывали бо́льшую или меньшую наклонность къ обрусѣнію, а Муромъ напротивъ еще представлялъ изъ себя совсѣмъ глухую и совсѣмъ цѣльную инородческую украйну, въ которой учрежденіе архіерейской каѳедры было бы совершенно безполезнымъ и оказывалось совершенно неудобнымъ.

Послѣ Владиміра до нашествія Монголовъ было открыто въ Россіи еще ровно столько же епархій, сколько было открыто имъ, т. е.

---

[1]) Лаврент. лѣт. подъ 1097 г.: „Бѣлгородъ градъ малъ у Кіева, яко 10 верстъ вдалѣ“ (въ Ипатск. лѣтоп. ошибочно—Звенигородъ).

восемь, именно: Переяславская и Юрьевская при Ярославѣ, Смоленская въ 1137-мъ году, Галичская до 1165-го года, Рязанская до 1207-го года, Владимиро-Клязьемская въ 1214-мъ году, Перемышльская въ 1220-мъ году или прежде сего года и Угровская не задолго до нашествія Монголовъ. Всѣхъ епархій къ нашествію послѣднихъ должно было бы такимъ образомъ быть 16; но такъ какъ одна изъ нихъ—Тмутараканская, вмѣстѣ съ самымъ своимъ княжествомъ, прекратила существованіе или въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, то ихъ было 15. Само собою разумѣется, что новыя епархіи послѣ Владимира были открываемы въ городахъ значительнѣйшихъ, какъ это было при немъ самомъ и какъ это долженствовало быть по самому существу дѣла. Значительнѣйшими городами въ періодъ домонгольскій были у насъ стольные города удѣльныхъ княженій, которыя раздѣлялись на два разряда, такъ сказать—на первичныя и вторичныя, именно: вся Россія раздѣлилась на извѣстное количество удѣловъ, которые, представляя изъ себя въ свою очередь новыя особыя цѣлыя, раздѣлялись на удѣлы частнѣйшіе и боковые или такъ сказать подъудѣлы. Послѣ Владимира учреждены были епископскія каѳедры во всѣхъ стольныхъ городахъ главныхъ явившихся удѣловъ и только въ весьма немногихъ стольныхъ городахъ удѣловъ частнѣйшихъ, а именно и всего въ одномъ—Перемышлѣ, который былъ частнѣйшимъ удѣломъ Галича [1]. Изъ епархій, открытыхъ Владимиромъ, одна представляла собою исключеніе противъ гражданскаго порядка (Бѣлгородская); изъ епархій, открытыхъ послѣ Владимира, такое исключеніе представляли двѣ—Юрьевская и Угровская. Что касается до всѣхъ вообще епархій періода до-монгольскаго, то въ отношеніи къ епархіямъ, открытымъ при Владимирѣ, произошло послѣ него нѣкоторое измѣненіе въ гражданскомъ порядкѣ, а именно: Черниговъ, который не былъ при немъ удѣломъ, сталъ таковымъ съ Ярослава, и наоборотъ — Ростовъ бывшій при немъ удѣломъ, послѣ него пересталъ быть таковымъ на долгое время. Такимъ образомъ, отношеніе всѣхъ вообще епархій періода до-монгольскаго къ гражданскому или государственному порядку будетъ: 10 епископскихъ каѳедръ существовали въ стольныхъ городахъ главныхъ или первичныхъ удѣловъ, именно: Черниговская, Переяславская, Владимиро-Волынская, Туровская, Полоцкая, Новгородская. Смоленская, Галичская, Рязанская и Владимиро-Клязьемская; одна каѳедра

[1]) Перемышль собственно былъ старше Галича, но въ половинѣ XII вѣка роли перемѣнились.

существовала въ стольномъ городѣ частнѣйшаго удѣла—Перемышльская, одна—въ городѣ бывшемъ удѣльномъ—Ростовская и три представляли собою исключеніе противъ гражданскаго порядка: Бѣлгородская, Юрьевская и Угровская. Особыхъ нѣкоторыхъ рѣчей требуютъ епархія Переяславская и двѣ сейчасъ названныя послѣднія. Епископская каѳедра въ Переяславлѣ была открыта или была оставлена на мѣсто каѳедры митрополичьей, которая послѣ 1037-го года переведена была Ярославомъ въ Кіевъ къ построенной имъ св. Софіи [1]); въ воспоминаніе того, что епископія Переяславская наслѣдовала митрополіи, первые Переяславскіе епископы или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ носили титулъ митрополитовъ [2]). Епископія Юрьевская учреждена была Ярославомъ въ построенномъ имъ городѣ Юрьевѣ, который въ настоящее время есть мѣстечко Бѣлая Церковь, находящееся на р. Роси въ 81 верстѣ къ юго-западу отъ Кіева. Въ этомъ городѣ или городкѣ, построенномъ въ великомъ княженіи, гдѣ при Ярославѣ были два епископа (самъ митрополитъ и епископъ Бѣлгородскій), и которому не было придано Ярославомъ никакого политическаго значенія, епископская каѳедра, нѣтъ сомнѣнія, учреждена была имъ по одной изъ тѣхъ причинъ, по которымъ была учреждена Владиміромъ каѳедра Бѣлгородская, именно—чтобы дать митрополиту втораго викарія или помощника, при чемъ частнѣйше, какъ думаемъ, нужно разумѣть то, что, давая митрополиту втораго викарія, Ярославъ хотѣлъ доставить ему возможность безъ призыва другихъ архіереевъ производить посвященія епископовъ. Городъ Угровскъ или Угровескъ нахо-

---

[1]) Заложенной въ семъ 1037 г., но неизвѣстно когда оконченной.

[2]) Называется митрополитомъ епископъ Переяславскій Ефремъ. Что этотъ Ефремъ не былъ митрополитомъ Кіевскимъ или настоящимъ Русскимъ, какъ то думаютъ нѣкоторые, а былъ епископомъ Переяславскимъ и носилъ имя митрополита только титулярно, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Лѣтописецъ, во-первыхъ, прямо и ясно называетъ Ефрема митрополитомъ именно Переяславскимъ (подъ 1089 г.), во-вторыхъ,—называетъ его митрополитомъ подъ такимъ годомъ (тѣмъ же 1089), когда въ Кіевѣ былъ настоящій митрополитъ (Іоаннъ 3-й), въ-третьихъ,—назвавъ сначала митрополитомъ, послѣ называетъ (подъ 1091 и 1123 гг.) просто епископомъ. Преп. Несторъ въ житіи преп. Ѳеодосія говоритъ объ Ефремѣ, который былъ постриженникомъ Печерскаго монастыря, что онъ „поставленъ митрополитомъ въ городѣ Переяславли“ (митрополиты посвящались въ Константинополѣ, а объ Ефремѣ, жившемъ предъ возведеніемъ на каѳедру въ семъ послѣднемъ городѣ, Несторъ ясно даетъ знать, что онъ былъ призванъ домой и потомъ посвященъ). Наконецъ, и Симонъ въ Патерикѣ, не думая причислять Ефрема къ митрополитамъ Кіевскимъ, называетъ его епископомъ Переяславскимъ. О титулярныхъ митрополитахъ въ Греціи см. 4-го вселенскаго соб. пр. 12.

22*

дился въ древней сѣверо-восточной Галиціи, въ нынѣшней Люблинской губерніи нашего бывшаго царства Польскаго, при впаденіи рѣки или рѣчки Угеръ, отъ которой и получилъ названіе, въ Западный Бугъ (противъ городка или мѣстечка Опалина,—въ настоящее время селеніе Угрускъ). Изъ селенія въ городъ возвелъ Угровскъ великій князь галичскій Даніилъ Романовичъ, который хотѣлъ было жить въ немъ вмѣсто своего стольнаго города Галича, столько извѣстнаго крамолами его бояръ, но который скоро избралъ послѣ него имъ же построенный и весьма недалеко отсюда находившійся Холмъ. Въ Угровскѣ епископская каѳедра была учреждена Даніиломъ, какъ это необходимо думать, по той личной причинѣ, которая для Владимира была одною изъ причинъ учрежденія каѳедры въ Бѣлгородѣ, именно—чтобы имѣть въ его епископѣ своего епископа придворнаго (недолго существовавъ въ Угровскѣ, каѳедра переведена была Даніиломъ послѣ нашествія Монголовъ въ Холмъ, въ который, какъ мы сказали, переселился изъ Угровска и онъ самъ).

Пятнадцать епархій на всю и на цѣлую Русь. Въ сравненіи съ Греціей это было до послѣдней степени мало. Если бы у насъ понятіе города, который у Грековъ необходимо и само собою предполагалъ епископа, было приложено по крайней мѣрѣ ко всѣмъ безъ исключенія стольнымъ городамъ удѣльнымъ, т. е. какъ первичныхъ, такъ и вторичныхъ удѣловъ, то епархій долженствовало бы быть открыто не менѣе какъ вдвое. Кромѣ того, послѣ Владимира несомнѣнно явились и неудѣльные такіе города, въ которыхъ бы могли существовать епископскія каѳедры. Такимъ образомъ, у насъ вообще могло бы быть открыто епархій если не приблизительно такъ же много, какъ было ихъ въ Греціи, то гораздо болѣе того, сколько ихъ было открыто на самомъ дѣлѣ. Но Владимиръ, открывшій весьма малое количество весьма обширныхъ епархій по необходимости, положилъ этимъ, такъ сказать, принципъ немногочисленности и обширности епархій. Весьма вѣроятно, что и князья не имѣли особенной охоты учреждать епархій, ибо сіи учрежденія должны были сопровождаться для нихъ весьма чувствительными расходами,—на построеніе приличныхъ каѳедральныхъ соборовъ, на обезпеченіе каѳедръ землями и проч. Но несомнѣнно, что главнымъ образомъ и настойчиво противодѣйствовали открытію новыхъ епархій уже бывшіе епископы, ибо для этихъ послѣднихъ сокращеніе ихъ существовавшихъ епархій было ни чѣмъ инымъ, какъ пропорціональнымъ сокращеніемъ ихъ доходовъ (о которыхъ ниже). Что главное препятствіе было именно въ епископахъ, а не князьяхъ, и что первые смо-

трѣли на открытіе новыхъ епархій съ величайшимъ неудовольствіемъ, на это мы имѣемъ положительныя доказательства. Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ, въ 1137-мъ г. открывшій епархію Смоленскую чрезъ отдѣленіе отъ Переяславской, въ своей учрежденной грамотѣ епископіи, составленной съ первымъ епископомъ Мануиломъ (тѣмъ самымъ, о которомъ была рѣчь выше), пишетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ: «(аще) епископъ который начнетъ *несытствомъ*, хотя ити въ Переяславль и сію епископью приложити къ Переяславлю, да буди ему клятва» [1]). Немного выше мы видѣли, что патріархъ Константинопольскій Лука Хризовергъ софистически ссылался Андрею Боголюбскому на каноны, запрещающіе нарушать установленные предѣлы митрополій и епископій; нѣтъ сомнѣнія, что на эти каноны подобнымъ же образомъ весьма ссылались наши епископы. Какъ не торопились у насъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, учреждать епископіи даже въ стольныхъ городахъ первичныхъ удѣловъ, видно изъ того, что епископія Галичская учреждена лѣтъ черезъ 60 послѣ возникновенія удѣла, а Рязанская и Владимиро-Клязьемская черезъ цѣлое столѣтіе [2]).

Такимъ образомъ слишкомъ малое количество и слишкомъ большая обширность епархій стали навсегда отличительной характеристической чертой администраціи Русской церкви, внесши въ наше епархіальное управленіе значительно иной, чѣмъ въ Греціи, духъ.

Наибольшая часть епархій сполна обнимали собою тѣ области или тѣ удѣлы, въ стольныхъ городахъ которыхъ находились епископскія каѳедры. Но три епархіи находились (совмѣщались) въ одной и той же области; эти епархіи были—самого митрополита и епископовъ Бѣлгородскаго и Юрьевскаго. Епархія митрополита при первомъ ея учрежденіи была образована не изъ одной области великаго княженія,

---

[1]) Дополн. къ Акт. Истор., т. I № 4, стр. 7 sub. fin.

[2]) Изъ отвѣтовъ митр. Іоанна 2-го Іакову черноризцу (о которыхъ ниже) видно, что вопросъ о слишкомъ маломъ количествѣ и о слишкомъ большой обширности нашихъ епархій занималъ наше древнее общество. Между другими отвѣтами читается слѣдующій, къ сожалѣнію, весьма неясно изложенный въ славянскомъ переводѣ греческаго подлинника: „Иже участить епископью свою по земли той, паче кдѣ многъ народъ и людіе и гради, о нѣмже се тщаніе и попеченіе (и) намъ любезно мнится се быти; боязньно же; но обаче и первому стольнику рускому изволить(ся) и сбору страны всея тоя, невъзбранно да будетъ",—въ Русскихъ Достопамятн. I, 102-я, въ Памятн. каноннч. права, изд. *Павл.* col. 19. Въ весьма не ясно изложенномъ отвѣтѣ ясно по крайней мѣрѣ то, что митр. Іоаннъ былъ вовсе не противъ открытія новыхъ епископій и не думалъ ссылаться на каноническія правила, будто бы запрещающія дѣлать это.

къ которому принадлежало при Владимірѣ послѣдующее княжество Переяславское, но еще области Древлянской, присоединенной къ великому княженію при Ярославѣ, и въ то же время изъ области великаго княженія отъ нея взята была часть для образованія епархіи Бѣлгородской. За тѣмъ, послѣ перехода митрополитовъ изъ Переяславля въ Кіевъ на Переяславскую часть митрополіи поставленъ былъ особый епископъ, а при учрежденіи каѳедры въ Юрьевѣ взята была отъ нея часть для образованія епархіи Юрьевской. Епархіи Бѣлгородская и Юрьевская, находившіяся въ одной и той же съ митрополіею области великаго княженія, по всей вѣроятности, обнимали части этой области только весьма незначительныя. Имѣла ли первая епархія другіе города, кромѣ Бѣлгорода, не знаемъ; а ко второй, кромѣ самого Юрьева, принадлежалъ еще Каневъ [1]).

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ епархіяхъ періода домонгольскаго сообщаемъ въ особомъ приложеніи къ настоящей главѣ.—Странно и невѣроятно, по видимому, было бы предполагать, чтобы у насъ въ древнее время могла существовать область, которая не принадлежала бы ни къ какой епархіи и которая бы такимъ образомъ находилась какъ бы внѣ церкви. А между тѣмъ должно думать, что подобная оригинальная область дѣйствительно существовала и именно—какъ таковую область со всею вѣроятностію должно представлять себѣ небольшую область Вятскую (нынѣшнюю губернію того же имени), которая, какъ маленькое независимое русское государство съ республиканскимъ правленіемъ, явилось въ землѣ финнскихъ Вотяковъ, бывъ основано въ концѣ XII вѣка Новгородскими выходцами, представлявшими изъ себя по своему характеру, нужно думать, тоже самое, что позднѣйшіе московскіе выходцы, изъ которыхъ образовалось Донское казачество (По мѣстнымъ позднѣйшимъ лѣтописямъ, которымъ весьма странно было бы усвоять совершенную достовѣрность, Вятка основана въ 1174-мъ году. Пересказъ мѣстныхъ лѣтописей у *П. Рычкова:* въ Опытѣ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ, Спб., 1767, стр. 187 sqq, и въ Продолженіи журнала или дневныхъ записокъ путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства... 1770-го г. Спб., 1772, стр. 29 sqq, см. также *Карамзина* т. III, col. 22, и *Костомарова* Сѣверно-русскія народоправства, I, 241). Вятчане вовсе не признавали надъ собой государственной власти своей метрополіи—Новгорода и были людьми совершенно свободными и „самовластными"; но точно также необходимо думать, что они не признавали надъ собой и церковной власти Новгородскаго архіепископа. Это последнее необходимо думать потому, что когда въ XV вѣкѣ Вятка покорена была Московскими великими князьями, она поступила подъ церковную власть митрополитовъ Московскихъ, а не оставлена за архіепископами Новгородскими, что было бы, если бы она дотолѣ принадлежала архіепископамъ (а чтобы она была перечислена при семъ изъ-подъ власти вторыхъ во власть первыхъ, на это нѣтъ никакихъ указаній). Какъ пріобрѣтали себѣ Вятчане священниковъ, пока не находились подъ властію никакого епископа, остается неизвѣстнымъ; но по всей вѣроятности у нихъ было въ семъ отношеніи такъ, какъ у раскольниковъ поповцевъ

Въ Греціи въ позднѣйшее время, по крайней мѣрѣ съ импер. Льва Мудраго († 911-мъ, см. Вальсамона у *Ралли* и *П.* III, 516) каѳедры митрополитовъ имѣли свои опредѣленныя степени старшинства и младшинства, вмѣстѣ съ чѣмъ и сами митрополиты опредѣленныя мѣста сосѣданія. Не можемъ сказать, имѣли или нѣтъ эти степени каѳедры епископовъ, находившихся подъ митрополитами. Точно также не можемъ сказать, имѣли или не имѣли ихъ и наши епископіи въ періодъ до-монгольскій. Какъ кажется,—нѣтъ. Во-первыхъ, если бы были эти степени, то лѣтописи въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится перечислять многихъ епископовъ, всегда ставили бы ихъ въ одномъ порядкѣ, а между тѣмъ этого въ нихъ не находимъ,—въ разныхъ случаяхъ порядокъ разный. Во-вторыхъ, если бы были степени, то старшими долженствовали бы быть епископы: Новгородскій, какъ епископъ главнаго послѣ Кіева города, Черниговскій, какъ епископъ старшаго города послѣ Кіева въ южной Руси, и Переяславскій, какъ епископъ наслѣдовавшій митрополитамъ. Епископа Новгородскаго не встрѣчаемъ въ перечисленіяхъ вмѣстѣ съ другими епископами, но епископы Черниговскій и Переяславскій не являются въ нихъ старшими [1]). Не имѣя степеней, епископы наши, вѣроятно, сосѣдали, на основаніи древняго обычая и правила [2]), по старшинству посвященія. Въ 1165-мъ г.

до появленія австрійскаго священства: отчасти они привозили себѣ священниковъ изъ сосѣдней Руси, отчасти изъ той же и изъ всякой Руси священники приходили и прибѣгали къ нимъ сами. Послѣднимъ мы хотимъ сказать, что, весьма вѣроятно, не только приходили къ нимъ священники законные или незапрещенные, но и прибѣгали священники запрещенные и разстриженные и даже,—что нисколько не невозможно,—священники самозванцы. До какой крайней степени худо было у Вятчанъ христіанство передъ поступленіемъ ихъ подъ власть Москвы, это видно изъ посланій на Вятку митр. Іоны (Область или территорія Вятчанъ называлась Вятской землей и Вяткой, но городъ Вятка назывался не Вяткой, а Хлыновымъ, и первое названіе носитъ только съ 1780-го года. Хлыномъ называется человѣкъ уклоняющійся, убѣгающій отъ чего нибудь, а хлынуть, отхлынуть значитъ удалиться съ поспѣшностію, убѣжать; такимъ образомъ, названіе города Хлыновъ весьма вѣроятно переводить на современный русскій языкъ: Бѣгляковъ или Бѣжецкъ,—что, можетъ быть, и дѣйствительно значитъ названіе другой Новгородской колоніи—нынѣшняго Тверского Бѣжецка. Это даетъ знать, какого рода Новгородскими выходцами была основана колонія). Мы возвратимся къ Вятчанамъ послѣ.

[1]) Въ Лаврентьевск. лѣтоп. подъ 1089-мъ г. епископы: Бѣлгородскій, Ростовскій, Черниговскій, Юрьевскій; подъ 1091-мъ г.: Переяславскій, Владимирскій, Черниговскій, Юрьевскій. Въ Ипатской лѣтоп. подъ 1147-мъ г.: Черниговскій, Бѣлгородскій, Переяславскій, Юрьевскій, Владимирскій.

[2]) Карѳагенск. собора пр. 97-е (на греческомъ у *Ралли* и *П.*, въ полномъ видѣ, 86-е).

епископъ Новгородскій получилъ отъ митрополита титулъ архіепископа (о чемъ ниже), и вмѣстѣ съ этимъ несомнѣнно пріобрѣлъ старшинство между епископами (если только уже прежде не имѣлъ его).

Самые первые епископы наши, какъ это нужно думать, сполна всѣ или же почти всѣ были изъ Грековъ [1]). У насъ самихъ, можетъ быть, и находились люди, годные для избранія въ епископы, между священниками тѣхъ христіанъ, которые существовали въ Кіевѣ до Владимира, но, конечно, такихъ людей было немного [2]), а во всякомъ случаѣ, при ненедостаткѣ кандидатовъ въ епископы изъ Грековъ, что должно быть предполагаемо, едва ли бы на первое исключительное время захотѣли поставить изъ нихъ многихъ епископовъ. Со второй смѣны епископовъ должно было начаться ихъ ставленіе вмѣстѣ съ Греками и изъ природныхъ Русскихъ. Одновременно съ учрежденіемъ каѳедръ имѣли быть образованы при нашихъ епископахъ, для управленія епархіями, особые соборы пресвитеровъ, которые назывались клиросами и члены которыхъ назывались клириками или клирошанами (обстоятельнѣе говорить о нихъ будемъ ниже). Необходимо

---

[1]) Что касается до самаго поставленія епископовъ Грековъ, то можно думать двояко—или что всѣ они поставлены были въ Греціи и приведены въ Россію уже готовыми или что въ Греціи были поставлены только двое—трое, чтобы съ этими двумя—тремя митрополитъ могъ въ самой Россіи поставить остальныхъ (для каковой, впрочемъ, цѣли и безъ поставленія двоихъ—троихъ могли быть нарочно присыланы изъ Греціи съ митрополитомъ тамошніе епископы), а остальные поставлены въ самой Россіи и не только изъ лицъ, приведенныхъ митрополитомъ, но и изъ тѣхъ Грековъ, которыхъ ранѣе привелъ изъ Корсуни Владиміръ. Обыкновенно предполагаютъ первое, но существующія данныя болѣе за то, чтобы предполагать второе. Въ Новгородъ былъ поставленъ епископомъ Іоакимъ Корсунянинъ, т. е. родомъ изъ Корсуни. Если бы всѣ епископы были поставлены въ Константинополѣ, то ихъ не стали бы искать въ такихъ далекихъ мѣстахъ, какъ Корсунь; если Іоакимъ былъ поставленъ въ епископы, то самое вѣроятное предполагать, что онъ былъ изъ числа священниковъ, приведенныхъ Владиміромъ изъ Корсуни, а поставленъ прибывшимъ митрополитомъ въ Кіевѣ.

[2]) Не невозможно предполагать, что могли найтись они и между мірянами. А что касается до немедленнаго поставленія мірянъ въ епископы, то извѣстно предписаніе двукратнаго собора по поводу поставленія Фотіева, чтобы никто изъ мірянъ не былъ внезапно возводимъ на высоту епископства (пр. 17), если бы оно и составляло препятствіе, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ могло бы быть нарушено, въ дѣйствительности же не составляло препятствія: время предварительнаго испытанія въ церковныхъ степеняхъ для избиравшихся въ епископы мірянъ, точно не опредѣленное соборомъ, неписанный обычай Грековъ ограничивалъ всего семью днями для каждой степени; см. Вальсамона въ толкованіи на указанное правило нашего собора,—у *Ралл.* и *П.* II, 703 fin..

думать, что при первыхъ же нашихъ епископахъ эти соборы пресвитеровъ были составлены не изъ однихъ Грековъ, но и изъ природныхъ Русскихъ; но между членами этихъ соборовъ изъ числа природныхъ Русскихъ, къ которымъ, что̀ вѣроятно предполагать само по себѣ и на что имѣемъ и прямыя указанія, первые епископы относились какъ къ своимъ нарочитымъ ученикамъ и изъ числа которыхъ приготовляли себѣ преемниковъ [1]), и должны были оказаться люди, способные быть избираемыми въ епископы. Въ болѣе или менѣе непродолжительное за симъ время въ этихъ епархіальныхъ пресвитерско-клирошанскихъ соборахъ природные Русскіе имѣли составить такое рѣшительное большинство въ сравненіи съ Греками, что при крайней немногочисленности нашихъ первыхъ епархій, люди способные и достойные быть епископами несомнѣнно могли бы быть находимы и между ними одними, такъ что въ не особенно продолжительномъ времени отъ начала у насъ христіанства и отъ учрежденія у насъ каѳедръ епископы могли бы быть ставимы у насъ и изъ однихъ природныхъ Русскихъ. Этого послѣдняго впрочемъ не случилось, а случилось, какъ мы положительно знаемъ, то, что послѣ появленія достаточнаго количества кандидатовъ въ епископы между самими Русскими, послѣдніе начали быть ставимы преимущественнымъ образомъ изъ нихъ, но что вмѣстѣ съ ними въ продолженіе всего періода домонгольскаго до самаго его конца въ томъ или другомъ нѣкоторомъ числѣ ставимы были и Греки. Причиной сего было то, что въ продолженіе всего періода митрополитами нашими были Греки. Собственные пресвитерско-клирошанскіе соборы ихъ, какъ таковыхъ, должны были постоянно состоять въ преобладающемъ или непреобладающемъ числѣ изъ Грековъ, которыхъ они приводили съ собой изъ Константинополя: но они постоянно имѣли охоту ставить своихъ клирошанъ-Грековъ въ епископы.

Пресвитерско-клирошанскіе соборы должны были состоять изъ бѣлыхъ или мірскихъ священниковъ; но въ то время, какъ мы приняли отъ Грековъ христіанство, они, какъ кажется, состояли у нихъ не только изъ бѣлыхъ священниковъ, но отчасти и изъ монаховъ. Если это дѣйствительно такъ, то могло быть это и у насъ еще до появленія монастырей, о каковомъ времени мы говоримъ, и именно—могло быть такъ, что иныя лица, избиравшіяся въ пресвитеры—клирошане, могли изъявлять желаніе принимать монашеское постриженіе, чтобы

[1]) Лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ сообщаетъ, что первый Новгородскій епископъ Іоакимъ приготовилъ было преемника себѣ въ ученикѣ своемъ Ефремѣ.

монашествовать безмонастырно и на должностяхъ приходскихъ священниковъ, чѣмъ были пресвитеры-клирошане (на подобіе нынѣшнихъ членовъ консисторій). Между клирошанами изъ бѣлыхъ священниковъ могли быть и безжонные или холостые, ибо у Грековъ такіе священники всегда были. Что касается до препятствія къ избранію въ епископы тѣхъ бѣлыхъ женатыхъ священниковъ, которые имѣли живыхъ женъ: то о немъ должно быть сказано, что въ дѣйствительности оно было не такъ велико, какъ бы слѣдовало по 48-му правилу Трульскаго собора, именно—что въ то время жоны избиравшихся въ епископы священниковъ, какъ это видно изъ одной новеллы импер. Исаака Ангела (1185—1195 гг.), не вступали обязательно въ удаленные отъ обитанія епископовъ монастыри, но оставались жить въ міру [1]).

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что при крайней немногочисленности нашихъ епархій и въ однихъ пресвитерско-клирошанскихъ соборахъ оказывалось достаточное количество способныхъ и достойныхъ кандидатовъ въ епископы. Могутъ быть однако предполагаемы исключительные случаи избранія въ епископы и священниковъ рядовыхъ приходскихъ, къ чему не было никакихъ препятствій, а также и мірянъ, что у Грековъ тогда еще не совершенно вывелось, ибо между тѣми и другими могли случаться люди исключительные, заставлявшіе предпочитать ихъ кандидатамъ обыкновеннымъ.

Епископскіе клирики или клирошане, изъ которыхъ должны были избираться у насъ епископы первое нѣкоторое время, представляли собою у Грековъ одинъ классъ кандидатовъ въ епископы; другой классъ у нихъ составляли тогда монахи. У насъ этотъ другой классъ кандидатовъ въ епископы явился спустя лѣтъ 50 послѣ крещенія Владимирова. Когда съ наличностію кандидатовъ у насъ стало то же самое, что было у Грековъ, относительно дальнѣйшаго времени надлежало бы ожидать, что и избираемость кандидатовъ одного и другаго класса у насъ будетъ приблизительно та же самая, какая была у Грековъ, т. е. что изъ одного и другаго класса кандидатовъ у насъ будутъ избираемы епископы приблизительно въ такомъ же количествѣ, какъ это было у нихъ. Но въ дѣйствительности представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ принимать, что со времени появленія у насъ монаховъ дѣло избранія у насъ епископовъ не пошло такъ, чтобы явиться болѣе или менѣе близкимъ повтореніемъ бывшаго у Грековъ, а что напротивъ въ семъ случаѣ мы разошлись съ ними или уклонились отъ нихъ.

---

[1]) У *Ралли* и *П.* V, 321.

Два класса кандидатовъ въ епископы относились одинъ къ другому такъ, что клирики были кандидатами изначальными и имѣвшими свои права, такъ сказать, eo ipso, а монахи были кандидатами позднѣе явившимися и постепенно пріобрѣтавшими права путемъ усиленія обычая. Не знаемъ, какъ было въ наше время съ взаимнымъ отношеніемъ кандидатовъ въ Греціи египетско-сиро-палестинской, въ патріархатахъ Александрійскомъ, Іерусалимскомъ и Антіохійскомъ, но что касается до Греціи малоазійско-ѳракійской, до патріархата Константинопольскаго: то, сколько можемъ судить по примѣру замѣщенія самой каѳедры патріаршей и на основаніи извѣстныхъ намъ свидѣтельствъ, монахи, ставъ главными кандидатами въ епископы вмѣстѣ съ клириками, чтобы въ качествѣ таковыхъ замѣстить собою мірянъ, еще вовсе не взяли рѣшительнаго перевѣса надъ первыми, такъ что епископы были избираемы главнымъ образомъ изъ однихъ и изъ другихъ, но никакъ не болѣе изъ монаховъ, чѣмъ изъ клириковъ, при чемъ права клириковъ всѣми признавались, а права монаховъ никто прямо не выставлялъ [1]). Что же касается до насъ, то изъ существующихъ дан-

---

[1]) Монахи начали быть ставимы въ епископы или, точнѣе говоря, изъ монаховъ начали быть ставимы епископы тотчасъ, какъ явилось монашество, и весьма скоро это поставленіе ихъ въ епископы сдѣлалось настоящимъ обычаемъ (Посланіе св. Аѳанасія Александрійскаго къ епископу Драконтію, нарочитое по отношенію къ нашему вопросу, которое написано въ 354-мъ или 355-мъ г. и въ которомъ говорится, что до того или другого года уже многіе монахи поставлены въ епископы,—у Миня въ Патрол. t. XXV, col. 532; 3-е и 6-е слова св. Іоанна Златоустаго о священствѣ, въ которыхъ говорится о поставленіи епископовъ изъ монаховъ какъ объ обычаѣ не только утвердившемся, но и успѣвшемъ уже обнаружить свои темныя или отрицательныя стороны, именно—что иные епископы, поставленные изъ монаховъ, вмѣсто того, чтобы посвящать себя всей той многообразной дѣятельности, которая отъ нихъ требовалась, хотѣли и на каѳедрахъ оставаться тѣми же самозаключенными аскетами, которыми были до епископства. См. затѣмъ Кодексъ импер. Юстиніана, lib. I, tit. III, capp. 48 и 53, и его новеллы 123-ю и 137-ю). Но что касается до патріаршей каѳедры Константинопольской, то до половины X вѣка на нее поставляемы были клирики (изъ числа таковыхъ самой каѳедры) или міряне, а монахи (не разумѣя при этомъ тѣхъ мірянъ, которые постригались передъ самымъ поставленіемъ въ патріархи) только въ видѣ исключенія (первымъ таковымъ исключеніемъ былъ Евтихій, поставленный въ 552-мъ г.). Съ половины X вѣка начали быть ставимы на нее монахи въ замѣну мірянъ, но за время нашего періода домонгольскаго отношеніе поставленныхъ изъ нихъ къ поставленнымъ изъ клириковъ является половиной на половину. Что въ продолженіе нашего времени въ предѣлахъ патріархата Константинопольскаго клирики признавались главными кандидатами въ епископы, а права монаховъ, какъ таковыя, еще открыто не предъявлялись, см. замѣчаніе Скилицы по поводу поставленія въ 1075-мъ г. импер. Ми-

ныхъ слѣдуетъ заключать, что послѣ того какъ явились у насъ монастыри и въ нихъ монахи, способные и достойные быть епископами, эти послѣдніе стали у насъ рѣшительно преобладающими кандидатами въ епископы. Правда, что существующія данныя не могутъ быть признаны совершенно достаточными: мы вовсе не имѣемъ полныхъ каталоговъ нашихъ епископовъ періода домонгольскаго и о тѣхъ отдѣльныхъ епископахъ, которыхъ знаемъ, не о всѣхъ намъ извѣстно, изъ кого они были избраны. Но тѣмъ не менѣе едва ли можно признать данныя недостаточными для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ сейчасъ указанное заключеніе: Симонъ Владимірскій свидѣтельствуетъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу, что изъ монаховъ одного Печерскаго монастыря въ продолженіе періода домонгольскаго было поставлено епископовъ до 50-ти человѣкъ; затѣмъ, положительныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ епископахъ, изъ кого они были поставлены, насколько мы имѣемъ этихъ свѣдѣній, сводятся къ тому, что о всѣхъ мы знаемъ, какъ о поставленныхъ изъ монаховъ, и только о четверыхъ или пятерыхъ, при чемъ въ томъ или другомъ числѣ одинъ случай совершенно исключительный, мы знаемъ, какъ о поставленныхъ не изъ монаховъ. Но если мы примемъ заключеніе, то возникаетъ вопросъ: отъ чего у насъ въ періодъ домонгольскій послѣ появленія у насъ монаховъ стало съ избраніемъ епископовъ значительно не такъ, какъ это было за данное время у Грековъ, и именно — отъ чего у насъ явилось это рѣшительное преобладаніе монаховъ надъ составлявшими первоначально единственныхъ нашихъ кандидатовъ въ епископы клириками или клирошанами?

Въ отвѣтъ на вопросъ нужно будетъ предполагать, что у насъ иначе, чѣмъ у Грековъ, стало съ замѣщеніемъ коллегій епископскихъ клириковъ или клирошанъ, именно—что онѣ начали быть замѣщаемы у насъ людьми не того общественнаго класса или не того мірскаго сословія, изъ котораго могли бы быть браты архіереи. Будучи высшими церковными правителями или администраторами, архіереи представляютъ собою духовныхъ бояръ и духовныхъ сановниковъ. А по этой причинѣ съ весьма древняго времени стали выбирать ихъ у Грековъ преимущественнымъ образомъ изъ людей мірскаго сословія боярско-сановничьяго. Случиться этому или установиться этому обы-

---

ханомъ Дукою въ Константинопольскіе патріархи Іерусалимскаго монаха Козьмы,— у Le Quien'a I, 263 fin., и отвѣты Іоанна епископа Китрскаго Константину архіепископу Дирраxійскому, — у *Ралли* и *П.* V, 406, cfr у Zhishman'a въ Die Synoden und die Episcopat - Aemter in der morgenländischen Kirche S. 212.

чаю, какъ всякій самъ легко пойметъ, было совершенно естественно и необходимо: при совершенно одинаковой возможности избранія нашихъ духовныхъ бояръ и сановниковъ изъ всѣхъ мірскихъ сословій,— а это было именно такъ, съ какой стати, т. е. для какихъ цѣлей и по какимъ побужденіямъ, хотѣли бы выбирать ихъ изъ сословій низшихъ, а не изъ сословія боярскаго, иначе сказать—съ какой стати хотѣли бы изъ крестьянъ создавать бояръ искусственныхъ, по существу—монструозныхъ, обходя бояръ естественныхъ? Дѣлать первое при одинаковой возможности дѣлать второе, очевидно, могло бы придти людямъ въ голову только въ случаѣ господствованія между ними какихъ-либо соціалистическихъ теорій. Установленію нашего обычая, чтобы епископы были избираемы преимущественно изъ людей высшаго мірскаго происхожденія, кромѣ совершенной естественности и необходимости дѣла самого по себѣ, должны бы содѣйствовать еще два нарочитыя обстоятельства. Во-первыхъ, епископы суть такіе правители, отъ которыхъ по свойству ихъ должности требуется, чтобы они были людьми по возможности хорошо образованными; а такіе люди были именно въ высшемъ сословіи, а не въ низшихъ. Во-вторыхъ, съ весьма древняго времени, не позднѣе какъ съ первой половины V вѣка, ввелся въ Греческой церкви обычай, чтобы посвящаемые въ епископы платили своимъ посвятителямъ съ ихъ чиновниками, подъ именемъ καθιερατικόν'а и ἐνθρονιαστικόν'а, очень большія пошлины, простиравшіяся со всѣми издержками посвященія, смотря по доходности епархій, до очень значительной суммы,—до пяти тысячъ нашихъ рублей, а очень можетъ быть, что чуть и не до всѣхъ десяти: но для большинства людей изъ низшихъ сословій это, конечно, были пошлины непосильныя [1]). Если бы помимо прямаго занятія епископскихъ мѣстъ

[1]) О пошлинахъ, давая знать, что онѣ были очень значительны, говорятъ дѣянія 4-го вселенскаго собора, бывшаго въ 451-мъ г., см. Дѣянн. собб. въ русск. перев. т. IV, стрр. 208, 380 sqq. Импер. Юстиніанъ, желая пресѣчь злоупотребленія съ пошлинами, назначилъ опредѣленные ихъ размѣры, именно—чтобы, смотря по доходности епархій, онѣ были пяти классовъ и состояли изъ 28, 42, 120, 300 и 400 золотыхъ монетъ (иперпировъ), въ которыхъ полагаютъ цѣнности $20^1/_2$ нынѣшнихъ французскихъ франковъ,—новелла 123, гл. 3 (въ Іосифовско-Никоновской Кормчей гл. 42, § 32, л. 319). Но несомнѣнно, что назначенная императоромъ такса вовсе не искоренила злоупотребленій и что на самомъ дѣлѣ пошлины всегда болѣе или менѣе значительно превышали сейчасъ указанные ихъ размѣры (А что касается до другихъ издержекъ посвященія, то поклоны и подносы чиновникамъ посвятителей сверхъ пошлинъ и парадные обѣды для однихъ и для другихъ и вообще для всѣхъ, кто имѣлъ право на подобные обѣды, должны были обходиться не менѣе, какъ въ цѣлыя тысячи нашихъ рублей).

люди изъ боярско-сановничьяго сословія вовсе не шли въ духовное званіе, тогда при условіи избранія епископовъ изъ нихъ надлежало бы установиться обычаю избранія епископовъ преимущественнымъ образомъ изъ міряпъ. Но коллегіи клириковъ или клирошанъ при епископахъ представляли собою коллегіи епархіальныхъ чиновниковъ, и эти коллегіи если не при всѣхъ епископахъ, которыхъ имѣлъ въ Греціи каждый городъ, то при митрополитахъ и при патріархахъ составлялись главнымъ образомъ изъ лицъ того же боярскаго происхожденія. А такимъ образомъ, были ставимы въ епископы главнымъ образомъ люди, принадлежавшіе къ боярскому сословію, бывъ избираемы отчасти изъ мірянъ, отчасти изъ клириковъ или клирошанъ. Когда явились монахи и когда вошло въ обычай избирать изъ нихъ епископовъ, послѣдніе также начали быть избираемы главнымъ образомъ изъ монаховъ мірскаго боярскаго происхожденія [1]). Въ патріархатѣ Константинопольскомъ, сколько можно судить по примѣру самой патріаршей каѳедры, съ этими тремя классами кандидатовъ въ епископы, по своему мірскому происхожденію принадлежавшихъ главнымъ образомъ къ боярскому сословію, какъ мы сказали, было такимъ образомъ, что до половины X вѣка избираемы были клирики и міряне, а потомъ начали быть избираемы клирики и монахи, при чемъ въ продолженіе нашего періода домонгольскаго послѣдніе еще вовсе не взяли рѣшительнаго перевѣса надъ послѣдними, а было между ними еще такъ, что одни и другіе были избираемы половина на половину. Если у насъ въ продолженіе періода домонгольскаго послѣ того, какъ у насъ явились монахи, мы не видимъ того же самого, что̀ было въ Греціи, т. е. собственно въ патріархатѣ Константинопольскомъ; если у насъ, какъ мы должны думать, заключая отъ существующихъ данныхъ, монахи стали рѣшительно преобладающими кандидатами въ епископы, а примѣры избранія въ епископы клириковъ или клирошанъ, которыхъ положительнымъ образомъ неизвѣстно намъ ни одного, должны быть предполагаемы какъ исключительные случаи: то причиной сего должно быть считаемо слѣдующее: у насъ, такъ же какъ и у Грековъ, по миноваціи первыхъ временъ исключительныхъ начали быть избираемы въ

[1]) Что въ Греціи съ весьма древняго времени, какъ этому необходимо и надлежало быть, епископы были избираемы главнымъ образомъ изъ людей, принадлежавшихъ къ высшему мірскому сословію, это доказываетъ церковная исторія, насколько въ ней извѣстно о происхожденіи епископовъ, и это доказываютъ житія святыхъ, насколько въ житіяхъ указывается происхожденіе нашего разряда святыхъ; cfr Сардикійскаго собора прpp. 10 и 12.

епископы главнымъ образомъ люди мірскаго боярскаго происхожденія,—что предполагать во всякомъ случаѣ необходимо; но людей боярскаго происхожденія у насъ не было между клириками или клирошанами и они были только между монахами, иначе сказать—у насъ не повелось того, чтобы люди изъ высшаго сословія шли въ клирики или клирошане, а повелось только то, чтобы они шли въ монахи. Можетъ быть съ вѣроятностію указываема и причина, отъ чего у насъ не повелось, чтобы люди изъ высшаго или боярскаго сословія шли въ клирики или клирошане. Причиной этой можетъ быть считаемо то, что митрополитами нашими были Греки, а не природные Русскіе. Необходимо думать, что клирошанами у нихъ самихъ если не въ продолженіе всего періода домонгольскаго, то по крайней мѣрѣ первое довольно продолжительное время были главнымъ образомъ Греки, которыхъ они приводили съ собой изъ Константинополя: но при закрытости доступа для бояръ въ коллегію клириковъ самого митрополита у нихъ и могло явиться нежеланіе, чтобы поступать въ клирики только къ епископамъ (къ которымъ вѣроятно и въ самой Греціи поступали въ клирики только уже бояре самаго низшаго разбора, а можетъ быть и совсѣмъ не поступали никакіе бояре).

Итакъ, существующія данныя заставляютъ принимать, что у насъ въ продолженіе періода домонгольскаго, послѣ того, какъ явились у насъ монастыри и въ нихъ монахи, способные и достойные быть епископами, эти послѣдніе стали рѣшительно преобладающими кандидатами въ епископы и что поставленія въ епископы изъ другихъ кандидатовъ были только болѣе или менѣе немногочисленными исключеніями, каковыхъ исключеній въ дѣйствительности намъ извѣстно четыре или пять. Это о природныхъ Русскихъ. Затѣмъ, какъ уже мы говорили, намъ положительно извѣстно, что въ продолженіе всего періода до самаго его конца въ томъ или другомъ нѣкоторомъ числѣ ставимы были въ епископы Греки, въ которыхъ надлежитъ видѣть принадлежавшихъ къ бѣлому или черному духовенству клириковъ или клирошанъ самихъ митрополитовъ.

Что у насъ были ставимы епископы изъ монаховъ не какого бы то ни было мірскаго происхожденія, а главнымъ образомъ именно происхожденія аристократическаго, принадлежавшихъ по міру къ сословію боярскому, это необходимо предполагать уже на основаніи того, что сказано нами сейчасъ выше. Если дѣйствительно у насъ было такъ, что со времени появленія монастырей монахи стали рѣшительно преобладающими кандидатами въ епископы: то подобное разногласіе

наше съ современной Греціей,—собственно съ патріархатомъ Константинопольскимъ, можетъ быть объяснено единственно тѣмъ, что указано нами выше, т. е. предположеніемъ, что люди аристократическаго происхожденія, изъ которыхъ у насъ, такъ же какъ и въ Греціи, главнымъ образомъ были избираемы епископы, шли у насъ въ монахи и не шли въ епископскіе клирики или клирошане. Но во всякомъ случаѣ, необходимо предполагать это и само по себѣ. Точно такъ же и относительно насъ невозможно допустить того противуестественнаго, какъ не было подобнаго въ Греціи, чтобы при одинаковой возможности избирать на мѣста духовныхъ сановниковъ, каковы архіереи, монаховъ мірскаго высокаго или низкаго происхожденія, стали избирать у насъ не первыхъ, а вторыхъ. И у насъ, такъ же какъ у Грековъ, требовалось отъ архіереевъ, чтобы они были людьми по возможности образованными (въ нашемъ смыслѣ слова): а такіе люди и у насъ были и могли быть главнымъ образомъ между монахами изъ сословія высшаго, а не изъ сословій низшихъ, и у насъ образованность (въ нашемъ смыслѣ слова) должна была зависѣть отъ сословности еще гораздо болѣе, чѣмъ у Грековъ (см. ниже, въ главѣ о просвѣщеніи). И къ намъ перешолъ отъ Грековъ обычай, чтобы посвѣщаемые платили своимъ посвятителямъ тѣ же большія пошлины, которыя существовали у нихъ. Наконецъ, мы положительнымъ образомъ знаемъ, что во времена послѣмонгольскія у насъ дѣйствительно было такъ, какъ за времена домонгольскія мы считаемъ необходимымъ представлять предположительнымъ образомъ. Первоначально люди высшаго мірскаго происхожденія стриглись у насъ въ монахи, конечно, безъ всякой мысли объ архіерействѣ, а ихъ стали избирать у насъ въ архіереи потому, что они были людьми высшаго происхожденія. Но потомъ, какъ это весьма возможно и вѣроятно, начали стричься они и съ прямою мыслію объ архіерействѣ (какъ въ настоящее время съ этою прямою мыслію стригутся въ монахи люди получившіе академическое образованіе). Въ предшествующихъ нашихъ рѣчахъ, говоря, что въ епископы избираемы были люди высшаго мірскаго происхожденія, мы постоянно прибавляемъ: главнымъ, преимущественнымъ образомъ, т. е. мы весьма допускаемъ возможность исключеній. Если гдѣ допустима эта возможность исключеній, то, конечно, въ нашемъ случаѣ, потому что если гдѣ могли и должны были отдавать предпочтеніе личнымъ выдающимся достоинствомъ людей ихъ происхожденію, то при избраніи на мѣста епископскія. Но такъ какъ худое всегда и вездѣ идетъ объ руку съ хорошимъ, то вмѣстѣ съ примѣрами избранія въ епи-

скопы людей невысокаго происхожденія выдававшихся своими достоинствами должны быть предполагаемы примѣры избранія людей невысокаго происхожденія и надѣленныхъ особенною ловкостію. Что касается до пошлинъ, которыя должны были платить за свое поставленіе люди бѣдные; то на вопросъ относительно ихъ можетъ быть предполагаемо— или что платили ихъ за поставляемыхъ тѣ князья, которые останавливались своимъ выборомъ на людяхъ бѣдныхъ, или что онѣ были уплачиваемы изъ суммъ подлежащихъ каѳедръ, если послѣднія имѣли таковыя суммы, или наконецъ—что сами поставляемые дѣлали займы, чтобы потомъ уплачивать ихъ изъ своихъ доходовъ.

Первый явившійся у насъ монастырь былъ Георгіевскій монастырь, построенный Ярославомъ въ 1037-мъ г. или непосредственно послѣ сего года въ качествѣ придворнаго великокняжескаго монастыря. Послѣ Ярослава начали строить монастыри частные люди и продолжали строить ихъ его дѣти и внуки. Что касается до этихъ послѣднихъ, то, съ одной стороны, они строили фамильные монастыри въ общей столицѣ ихъ Кіевѣ, а съ другой стороны—придворные или вообще княжескіе монастыри въ самыхъ своихъ удѣлахъ. Боярамъ естественно было стричься въ монахи въ княжескихъ монастыряхъ, а князьямъ естественно было избирать въ епископы монаховъ своихъ монастырей. Поэтому, вѣроятно думать, что изъ монаховъ княжескихъ монастырей были главнымъ образомъ избираемы кандидаты въ епископы. Однако, былъ одинъ монастырь, построенный не князьями, который, представляя собою рѣшительное исключеніе, отчасти самъ непосредственно, отчасти черезъ посредство княжескихъ монастырей, далъ въ продолженіе періода домонгольскаго такое количество епископовъ, что возмѣщалъ, такъ сказать, всю группу частныхъ монастырей; это, какъ уже мы давали знать,—знаменитый Печерскій монастырь преподд. Антонія и Ѳеодосія. По свидѣтельству Симона Владимірскаго въ посланіи къ Поликарпу, отчасти прямо изъ монаховъ этого монастыря, отчасти изъ игуменовъ княжескихъ монастырей, которые взяты были на игуменство изъ монаховъ Печерскихъ, было поставлено въ епископы въ продолженіе періода домонгольскаго не менѣе человѣкъ 50-ти. Должно предполагать, что въ знаменитомъ Печерскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ монастырями княжескими наиболѣе постригались въ монашество люди боярскаго происхожденія и что монахи этого монастыря, принадлежавшіе по своему происхожденію къ сословію боярскому, отличались особенною строгостію жизни и особеннымъ стремленіемъ къ книжности, составлявшей тогдашнее наше просвѣщеніе, что выдвигало ихъ,

какъ кандидатовъ на епископскія мѣста. А могло быть и такъ, что монахамъ Печерскаго монастыря, происходившимъ изъ сословія боярскаго, была усвоена привиллегія кандидатуры въ епископы уже потому, что онъ былъ исключительно знаменитый монастырь.

Послѣ того, какъ явились у насъ монастыри и монахи стали рѣшительно преобладающими кандидатами въ епископы, эти послѣдніе кромѣ монаховъ могли быть ставимы у насъ въ видѣ исключеній изъ бѣлыхъ священниковъ, принадлежавшихъ къ епископскимъ клиросамъ, или же приходскихъ и изъ мірянъ. Какъ многочисленны были исключенія не можемъ сказать, но намъ прямо извѣстно ихъ всего четыре или пять случаевъ. Эти случаи, въ которыхъ во всѣхъ исключеніемъ являются бѣлые священники, суть: поставленіе Иларіона въ митрополиты въ 1051-мъ г., о чемъ говорили выше; поставленіе въ епископы-архіепископы Новгородскіе: Іоанна въ 1110-мъ г., Иліи въ 1164-мъ г. и Гавріила, родного брата и преемника Иліина, въ 1186-мъ г. [1]), и еще, можеть быть, поставленіе въ епископы Ростовскіе Іоанна въ 1190-мъ г. [2]). Изъ этихъ пяти или четырехъ священниковъ объ одномъ, именно Иларіонѣ, мы положительнымъ образомъ знаемъ, что онъ не былъ изъ числа священниковъ, принадлежавшихъ къ епископскимъ клирикамъ или клирошанамъ, а объ остальныхъ остается намъ неизвѣстнымъ, принадлежали они къ этимъ клирикамъ или были изъ рядовыхъ приходскихъ священниковъ [3]). Не рѣшаясь сказать, какъ многочисленны

---

[1]) Гавріилъ не называется прямо священникомъ, но что онъ былъ дѣйствительно священникъ, а не мірянинъ, это дается знать въ разсказѣ объ его поставленіи (1-я Новгород. лѣт.), въ которомъ не упоминается, чтобы прежде посвященія въ епископы онъ проведенъ былъ чрезъ низшія степени клира.

[2]) Въ 1214-мъ г. этотъ Іоаннъ отписался отъ епископьи и постригся въ черицы въ Боголюбовомъ монастырѣ (Лаврент. лѣт.). Если постригся въ черицы по удаленіи съ каѳедры, то, повидимому, слѣдуетъ, что поставленъ въ епископы не изъ черицовъ. Но до поставленія въ епископы онъ былъ духовникомъ великаго князя (та же лѣтоп. подъ 1190-мъ г.) и такъ какъ духовники у князей наибольшею частію были изъ монаховъ: то можно понимать дѣло и такъ, что онъ поставленъ былъ въ епископы изъ монаховъ малаго образа, а по удаленіи съ каѳедры постригся въ великій образъ (хотя, съ другой стороны, о второмъ преемникѣ Іоанновомъ Кириллѣ, поставленномъ изъ монаховъ малаго образа и по удаленіи съ каѳедры постригшемся въ великій образъ, та же Лаврент. лѣтопись говоритъ прямо и точно).

[3]) Илія избранъ былъ въ епископы Новгородскіе изъ приходскихъ священниковъ Новгородской церкви св. Власія. Но это не препятствуетъ считать его за священника, принадлежавшаго къ епископскому клиросу: священники - клирошане, какъ скажемъ ниже, были настоятелями приходскихъ церквей, на подобіе нынѣшнихъ членовъ консисторій.

были исключительные случаи поставленія епископовъ не изъ монаховъ, мы однако думаемъ, что они не ограничивались только четырьмя или пятью, прямо намъ извѣстными. Въ періодъ домонгольскій священники стольныхъ княжескихъ городовъ, и между сими священниками особенно принадлежавшіе къ епископскимъ клиросамъ, находились въ значительно близкомъ общеніи съ князьями, которые такимъ образомъ могли хорошо знать ихъ; а по этой причинѣ, не отрицая вѣроятности того, чтобы между нашими священниками могли случаться хотя изрѣдка люди незаурядные по своимъ достоинствамъ, можно думать, что и исключительные случаи ихъ избранія имѣли мѣсто не въ одномъ только Новгородѣ. Предполагать тоже заставляетъ и одно извѣстное намъ свидѣтельство. Въ 1229-мъ г. Новгородцы оставались безъ архіепископа и тогдашній ихъ князь Михайло Всеволодовичъ Черниговскій говорилъ имъ: «се у васъ нѣту владыки, а нелѣпо быти граду сему безъ владыцѣ, сочите (ищите) таковаго мужа въ попѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ черепьцихъ ли»[1]). Если бы до такой степени чрезвычайно рѣдки были случаи избранія епископовъ изъ бѣлыхъ священниковъ, что ограничивались бы и всего извѣстными намъ четырьмя-пятью, а за вычетомъ совсѣмъ исключительнаго случая избранія Иларіона въ митрополиты, тремя—четырьмя: то едва ли бы князь сказалъ: «сочите въ попѣхъ ли». Но съ другой стороны нельзя предполагать и того, чтобы исключительные случаи были болѣе или менѣе многочисленны: обыкновенными кандидатами въ епископы были считаемы монахи, и поэтому первые могли быть избираемы не изъ нихъ, а изъ бѣлыхъ священниковъ, очевидно, лишь тогда, когда между послѣдними оказывались люди слишкомъ выдающіеся своими достоинствами (или же по крайней мѣрѣ надѣленные совсѣмъ необычайной ловкостью); но подобные люди вообще очень не часты. Что касается до избранія въ наше время епископовъ изъ міряни, то по всей вѣроятности и болѣе чѣмъ вѣроятно, что случаевъ такого избранія совсѣмъ не было, потому что и въ Греціи въ то время, о которомъ говоримъ, уже совсѣмъ вышло изъ обычая избирать міряиъ[2]).

Въ отношеніи къ поставленію въ епископы бѣлыхъ священниковъ и міряиъ имѣетъ мѣсто вопросъ о предварительномъ постриженіи ихъ въ монахи. Постригать въ монахи бѣлаго священника или мірянина передъ поставленіемъ въ епископы и считать это постриженіе необхо-

---

[1]) 1-я Новгор. лѣт. въ Собр. лѣтт. III, 45.

[2]) Послѣдній патріархъ Константинопольскій, избранный изъ міряиъ, былъ Константинъ Лихудъ, поставленный въ 1059-мъ г.

димымъ для сего поставленія [1]), есть нѣчто такое, что понять весьма не легко. Собственно и строго говоря, епископъ есть не монахъ, а именно епископъ, только взятый изъ сословія монаховъ и перестающій быть монахомъ съ минуты своего посвященія, поелику епископство и монашество, какъ двѣ противоположности, не совмѣстимы между собою [2]). Такимъ образомъ, если епископъ, поставленный и изъ

[1]) Т. е. разумѣемъ не то, когда бѣлый священникъ или міряпинъ самъ пострижется въ монахи и потомъ будетъ поставленъ въ архіереи, а то, когда тотъ или другой постригается въ монахи передъ поставленіемъ въ архіереи и именно для сего поставленія.

[2]) Правило каноническое говоритъ: „аще который епископъ или кто иной архіерейскаго сана восхощетъ снити въ монашеское житіе и стати на мѣсто покаянія, таковой впредь уже да не взыскуетъ употребленія архіерейскаго достоинства, ибо обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства и начальствованія“ (собора въ храмѣ св. Софіи пр. 2). Если архіерей, ставшій монахомъ, „лишаетъ себя архіерейскаго достоинства“ и если „монашество прекращаетъ архіерейство“ (употребляемъ выраженія Зонары и Вальсамона въ толкованіи на приведенное правило, у *Ралли* и *П.* II, 709 нач. и 710 нач.): то очевидно, что наоборотъ и монахъ, ставшій архіереемъ, перестаетъ быть монахомъ, ибо — и + или + и —, конечно, одно и тоже (а „предсѣдающій не можетъ быть въ то же время покоряющимся и учащій учимымъ“, Зонара ibid.). Cfr Іоанна Златоустаго о священствѣ слово 6-е, въ которомъ именно изображается разность священства и монашества. Архіереи изъ монаховъ носятъ монашеское одѣяніе и соблюдаютъ монашеское воздержаніе отъ извѣстныхъ родовъ пищи (а въ древности и волосы на головѣ носили по монашески, а не какъ мірскіе священники, о чемъ ниже). Не знаемъ, какъ ввелось это — посредствомъ ли прямаго предписанія церкви или путемъ добровольнаго обычая (какъ будто гдѣ-то мы встрѣчали свидѣтельство, что первое, но, къ сожалѣнію, память въ настоящую минуту намъ не служитъ); это значитъ, что церковь предписываетъ архіереямъ, бывшимъ монахамъ или архіереямъ изъ монаховъ, удерживать и соблюдать то изъ монашескаго, что не несовмѣстимо съ архіерействомъ (У насъ погребаемые архіереи отпѣваются священническимъ, а не монашескимъ чиномъ; слѣд., наша церковь не смотритъ на архіереевъ, какъ на монаховъ. Издавна идущій обычай нашихъ архіереевъ носить цвѣтное одѣяніе,—„пестрое духовенство“,—какъ нужно думать, имѣетъ своимъ основаніемъ ихъ взглядъ на себя какъ не на монаховъ).—Священство не уничтожаетъ монашества въ іеромонахахъ, но послѣдніе суть священники особаго рода, священники не для пастырства, а только для совершенія церковныхъ службъ въ монастыряхъ (cfr Вальсамона въ томъ же толкованіи ibid. p. 710).—Издатели греческаго Пидаліона, стоящіе за нынѣшній взглядъ греческой церкви, что всякій, поставляемый въ архіереи, долженъ быть предварительно постригаемъ въ монахи, примм. къ 1 и 51 апостт. прр., въ то же время признаютъ, что архіерейство и монашество, ἐναντία ὄντα ἀναμεταξὺ τῶν, ἡνωμένα νὰ εὑρίσκονται εἰς τὸν αὐτὸν καιρὸν, ἀδύνατόν ἐστι,—толк. на 2 пр. собора въ храмѣ св. Софіи: какимъ образомъ совершается тутъ у нихъ примиреніе, мы не понимаемъ.

самихъ монаховъ, перестаетъ быть монахомъ послѣ поставленія, то постригать въ монахи бѣлаго священника предъ поставленіемъ въ епископы значитъ постригать его за тѣмъ, чтобы онъ тотчасъ же потомъ сложилъ съ себя монашество. А считать необходимымъ постриженіе въ монахи для поставленія въ епископы значило бы ничто иное, какъ дѣйственность богоучрежденнаго таинства, каково священство, поставлять въ зависимость отъ того, что имѣетъ происхожденіе просто человѣческое, каково монашество. Но у Грековъ въ позднѣйшее время вошло въ обычай требовать отъ бѣлыхъ священниковъ и міряпъ, поставляемыхъ въ архіереи, предварительнаго постриженія въ монахи. Какимъ образомъ и по какимъ побужденіямъ возникъ обычай, остается для насъ неяснымъ; но думаемъ относительно этого слѣдующее: монахъ, поставляемый въ архіереи, перестаетъ быть монахомъ, но съ него снимаются при семъ только тѣ монашескіе обѣты, которые несовмѣстимы съ архіерействомъ, каковы обѣты—повиновенія и ученичества, неисходнаго пребыванія въ монастыряхъ съ невмѣшательствомъ ни въ церковныя, ни въ житейскія дѣла (4-го всел. соб. пр. 4), но не снимаются тѣ монашескіе обѣты, которые совмѣстимы съ архіерействомъ, каковы обѣты — подвижничества въ жизни, цѣломудрія и нестяжательности; а такъ какъ и отъ всякаго архіерея весьма желательны строгость жизни, цѣломудріе и нестяжательность, то, чтобы рѣшительнѣе обязывать всѣхъ ихъ къ соблюденію этихъ требованій, и придумали достигать цѣли по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которые поставлялись не изъ монаховъ, чрезъ предварительное постриженіе въ монахи: бѣлый священникъ и міряникъ, постриженные въ монахи непосредственно передъ архіерействомъ, перестаютъ быть монахами съ минуты поставленія въ архіереи, но при этомъ во всей силѣ остаются на нихъ нарочито и торжественно данные ими обѣты по отношенію къ сейчасъ указаннымъ требованіямъ. Какъ бы то ни было, но мы положительно знаемъ, что не только въ продолженіе всего нашего періода до-монгольскаго, но и значительно далѣе, по крайней мѣрѣ до первой половины XV вѣка, у Грековъ еще не было непремѣннымъ и обязательнымъ образомъ требуемо, чтобы всѣ не монахи, избиравшіеся въ архіереи, принимали передъ поставленіемъ монашеское постриженіе [1]). Что касается до нашихъ четырехъ или пяти бѣ-

---

[1]) Изъ патріарховъ Константинопольскихъ, поставленныхъ не изъ монаховъ, первый принялъ передъ поставленіемъ монашеское постриженіе Никифоръ I, Исповѣдникъ (806—815), бывшій до избранія мірскимъ чиновникомъ. Живя въ мірѣ онъ имѣлъ намѣреніе постричься въ монахи, но прежде, чѣмъ привелъ намѣреніе въ

лыхъ священниковъ, поставленныхъ въ епископы въ продолженіе періода до-монгольскаго: то Иларіонъ принялъ предъ поставленіемъ монашеское постриженіе [1]), относительно Іоанна Новгородскаго не имѣ-

исполненіе, былъ избранъ въ патріархи; поэтому онъ просилъ императора, чтобы прежде поставленія ему дозволено было принять монашество: послѣ отказовъ отъ патріаршества изъявивъ наконецъ согласіе быть поставленнымъ, — онъ καὶ τὸ μὲν σχῆμα τοῦ λαϊκοῦ πρὸς τὴν τοῦ μονήρους μεταμεῖψαι ἀγγελοειδῆ πολίτειαν τὸν βασιλέα εὐθὺς παρῃτήσατο, τῇ ἀκριβείᾳ τὴν ἀκρίβειαν, καὶ τοῖς καλῶς προςδιανυθεῖσι πόνοις ἐπιπονωτέραν προστιθεὶς τελειότητα, т. е. тотчасъ же испросилъ у императора дозволенія на то, чтобы образъ мірянина перемѣнить на ангеловидное состояніе монашескаго образа, приложивъ ревность къ ревности и къ хорошо совершоннымъ трудамъ труднѣйшее совершенство, житіе въ Acta SS. Болландистовъ, Марта t. II, pp. 294 и 704. Послѣ Никифора очень много патріарховъ было избираемо не изъ монаховъ; но о бо́льшей части этихъ избиравшихся мы не имѣемъ положительныхъ и прямыхъ свѣдѣній, какъ они поставлялись,—съ предварительнымъ постриженіемъ въ монахи или безъ него. Что касается до этихъ положительныхъ свѣдѣній, то онѣ, отрывочнымъ образомъ доходя до начала XIV вѣка, говорятъ, что непосредственный преемникъ Никифора Ѳеодотъ Мелиссенъ или Касситеръ, отдѣляемый отъ него полустолѣтіемъ Фотій и избранный въ 1283 г. Григорій II, Кипрскій, были поставлены изъ мірянъ съ предварительнымъ постриженіемъ въ монахи, а что въ 1191 г. Георгій Ксифилинъ изъ бѣлаго клира и въ 1316 г. Іоаннъ Глика изъ мірянъ были поставлены безъ предварительнаго постриженія (см. въ Прибавлл. къ Творр. Свв. Отцц. 1862 г. ч. XXI, статью: О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной, стрр. 348 fin., 352 и 356). Сѵмеонъ Солунскій въ первой четверти XV вѣка съ одной стороны говоритъ объ обычаѣ постригать предварительно въ монахи избираемыхъ въ епископы изъ немонаховъ, какъ объ обычаѣ рѣшительно господствующемъ, но съ другой стороны, даетъ знать, что были допускаемы еще поставленія и безъ постриженія, — De poenitentia cap. 266 и De sacerdotio, у Миня въ Патрол. t. 155, pp. 489 и 964, cfr сейчасъ указанную статью, стр. 358 (На Константинопольскомъ соборѣ 879—880 г. восточные говорили посламъ папы по принятому чтенію дѣяній соборныхъ: εἰς τὴν ἀνατολὴν, εἰ μὴ ἐστι κεκαρμένος ἐν Χριστῷ, ἐπίσκοπος ἢ πατριάρχης οὐ γίνεται, т. е. на востокѣ, если кто не постриженъ во Христѣ, епископомъ или патріархомъ не бываетъ (у Hergenröther'а въ сочиненіи Photius, Patriarch von Constantinopel, t. II, стр. 486), въ каковыхъ словахъ издатели греческаго Пидаліона (въ прим. къ апостольск. пр. 51) видятъ положительное доказательство, что въ половинѣ XI вѣка у Грековъ никого не поставляли безъ предварительнаго постриженія въ монахи. Но въ приведенныхъ словахъ вмѣсто μὴ должно поставить μὲν, ибо вся рѣчь читается: εἰς ἀνατολὴν... οὐ γίνεται, ἡ δὲ δύσις καὶ τοὺς ὄντας μοναχοὺς κληρικοὺς ποιεῖ, τοῦτο δὲ ἡμεῖς οὐ γνωρίζομεν, что будетъ значить: на востокѣ, если кто постриженъ во Христѣ, не бываетъ епископомъ или патріархомъ, а западъ дѣлаетъ клириками и сущихъ (настоящихъ, совершенныхъ) монаховъ, — сего мы не знаемъ. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ словахъ говорится и содержится свидѣтельство, что на Востокѣ не поставляли въ архіереи монаховъ, постриженныхъ въ великій ангельскій образъ или схиму.

[1]) Отъ митр. Иларіона, какъ мы упоминали выше, сохранилось исповѣданіе

емъ прямыхъ свѣдѣній, Илія и Гавріилъ не принимали постриженія [1]), а относительно Іоанна Ростовскаго, полагая, что онъ былъ поставленъ изъ бѣлыхъ священниковъ, надлежало бы думать то же, что мы положительно знаемъ о двухъ послѣднихъ.

Мы сказали, что Греки, бывъ избираемы, какъ это необходимо думать, изъ состоявшихъ при митрополитахъ клириковъ или чиновниковъ, были ставимы у насъ въ епископы вмѣстѣ съ природными Русскими въ продолженіе всего періода до-монгольскаго до самаго его конца. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что митрополиты - Греки, каковыми они были всѣ, за исключеніемъ двоихъ, имѣли большую наклонность ставить въ епископы своихъ клириковъ - Грековъ, были ли они изъ людей богатыхъ или бѣдныхъ, при чемъ послѣднихъ они могли посвящать въ долгъ, подъ условіемъ, чтобы пошлины за посвященіе были выплачиваемы послѣ посвященія изъ доходовъ епархій. Однако, нельзя думать и того, чтобы въ періодъ до-монгольскій у насъ слишкомъ много было епископовъ-Грековъ, ставленныхъ изъ этихъ митрополичьихъ клириковъ. Греки пользовались у насъ слишкомъ незавидной репутаціей, и трудно допустить, чтобы князья наши, которые имѣли рѣшительное вліяніе на замѣщеніе каѳедръ (о чемъ сейчасъ ниже), чувствовали особенную охоту видѣть у себя епископовъ Грековъ. Была одна епархія, которую, вслѣдствіе ея особыхъ обстоятельствъ, Грекамъ удавалось замѣщать особенно часто, такъ что они считали ее какъ бы своею епархіей и которую они, если вѣрить извѣстіямъ, до нѣкоторой степени сдѣлали епархіей полугреческой. Это—епархія Ростовская. Въ Ростовѣ послѣ св. Бориса не было своего удѣльнаго князя до начала XIII вѣка и онъ принадлежалъ до конца XI вѣка вмѣстѣ съ Суздалемъ къ удѣлу Переяславскому, а послѣ сего къ удѣлу Суздальскому. Князья Переяславскіе, имѣя епископовъ Ростовскихъ вдали отъ себя, а князья Суздальскіе, имѣя ихъ все-таки не при себѣ, какъ можно думать, по этой причинѣ давали свое согласіе митрополитамъ, чтобы каѳедра Ростовская была замѣщаема Греками [2]).

вѣры, которое онъ письменно далъ епископамъ передъ своимъ поставленіемъ. Подъ этимъ исповѣданіемъ онъ подписался: „мнихъ и презвитеръ Иларіонъ“.

[1]) Что Илія и Гавріилъ не принимали постриженія и оба постриглись передъ смертью (первый съ именемъ Іоанна, второй—Григорія), объ этомъ ясно говоритъ имѣющаяся современная запись, см. Опис. сѵнодд. ркпп. Горск. и Невостр. № 380 л. 189 об., Отд. III стр. 269 fin., cfr Ипатск. лѣт. подъ 1166.

[2]) Что касается до того, что Греки успѣли сдѣлать епархію Ростовскую до нѣкоторой степени полугреческою, то въ житіи царевича Ордынскаго Петра, Ро-

По каноническимъ правиламъ, избраніе епископа должно быть совершаемо соборомъ епископовъ митрополіи, подъ предсѣдательствомъ митрополита [1]), безъ всякаго участія гражданской власти, вмѣшательство которой положительно воспрещается и признается противуканоническимъ [2]). Какъ было дѣло въ семъ отношеніи у насъ въ Россіи, мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія только за вторую половину домонгольскаго періода и именно—свѣдѣнія, состоящія въ томъ, что у насъ, вопреки канонамъ, избирали кандидатовъ въ епископы не митрополиты съ соборомъ епископовъ, а князья подлежащихъ удѣловъ. Повелось ли это у насъ съ самаго начала или вошло въ обычай только съ теченіемъ времени и не вдругъ, остается неизвѣстнымъ, но есть основанія считать вѣроятнѣйшимъ послѣднее. Въ Новгородѣ епископы были не избиранные самими Новгородцами, а присыланные изъ Кіева, до первой половины XII вѣка. Въ лѣтописяхъ не говорится прямо, отъ кого они были присыланы—отъ великаго князя или отъ митрополита; но такъ какъ Новгородцы задолго до половины XII вѣка перестали принимать отъ великихъ князей и своихъ князей удѣльныхъ (выбирая ихъ сами), то вѣроятнѣйшимъ представляется думать, что отъ послѣдняго, а не отъ перваго. Но если бы въ другихъ мѣстахъ съ давняго времени установился обычай избирать епископовъ самимъ, то было бы совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ и почему долгое время медлили послѣдовать этому обычаю другихъ въ Новгородѣ, гдѣ были всѣ причины, чтобы онъ явился самъ собой и ранѣе, чѣмъ у другихъ. Первое прямое извѣстіе объ избраніи епископа удѣльнымъ княземъ находимъ въ лѣтописи подъ 1126-мъ годомъ [3]); затѣмъ онѣ идутъ непрерывно до конца періода, при чемъ однако не мѣшаетъ замѣтить въ нихъ ту односторонность, что только указанное первое относится къ южной Руси, всѣ же прочія къ Руси сѣверной или Владимирской. По одному поводу находимъ высказаннымъ въ лѣтописяхъ общій взглядъ на дѣло и состоявшій именно въ томъ, что право избирать епископа принадлежитъ не митрополиту, а князю и гражданамъ. Въ

стовскаго святаго, утверждается, что въ половинѣ XIII вѣка, когда Ростовская каѳедра уже давно перестала быть замѣщаема Греками, въ Ростовской соборной церкви на правомъ клиросѣ пѣли по-славянски, а на лѣвомъ по-гречески,—Правосл. Собесѣдн. 1859, I.

[1]) 1 всел. соб. пр. 4; 4 всел. соб. пр. 28 sub fin.; 7 всел. соб. пр. 3; Антіох. соб. прр. 19 и 23.

[2]) Апост. пр. 30, 7 всел. соб. пр. 3.

[3]) Марка въ Переяславль княземъ Ярополкомъ Владимировичемъ, Лавр. лѣт.

1185-мъ году митрополитъ Никифоръ 2-й поставилъ было епископомъ въ Ростовъ безъ сношенія съ великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ нѣкоего Николая Грека, но великій князь не принялъ послѣдняго и принудилъ митрополита поставить своего кандидата; по этому поводу авторъ одной лѣтописи [1]) замѣчаетъ отъ себя, что на святительскій чинъ достоинъ восходитъ только тотъ, «кого князь восхощетъ и людье», а другой лѣтописецъ [2]) заставляетъ великаго князя сказать митрополиту: «не избраша сего людье земли нашее». Впрочемъ, это нарушеніе нами каноновъ церковныхъ относительно избранія епископовъ не должно быть представляемо какъ собственное наше дѣло, а только какъ повтореніе нами или воспроизведеніе того, что̀ прежде насъ сдѣлано было въ Греціи: послѣ Юстиніановыхъ гражданскихъ законовъ, расходящихся въ своихъ предписаніяхъ относительно избранія епископовъ съ правилами каноническими, хотя и имѣющихъ въ виду не интересъ власти государственной [3]), въ началѣ второй половины X вѣка импер. Никифоръ Фока себѣ самому присвоилъ право назначенія епископовъ, что́ и осталось потомъ на послѣдующее время [4]). Исторія нарушенія каноновъ у насъ въ Россіи, вѣроятно, была такова, что сначала великіе князья усвоили себѣ право указывать митрополитамъ кандидатовъ въ епископы [5]) и что потомъ удѣльные князья не желая быть въ зависимости отъ великихъ князей въ нашемъ отношеніи, усвоили право избранія епископовъ себѣ самимъ. Выше мы дали знать, что изъ свидѣтельствъ объ избраніи епископовъ самими князьями только одно относится къ южной Руси, всѣ же прочія къ сѣверной. Очень возможно предполагать, что въ южной Руси до са-

---

[1]) Лаврентьевской.

[2]) Ипатскій подъ 1183 г.

[3]) Юстиніанъ въ своихъ гражданскихъ законахъ предписываетъ, чтобы клирики и лучшіе граждане подлежащихъ городовъ (κληρικοὶ καὶ πρῶτοι τῆς πόλεως) выбирали трехъ кандидатовъ въ епископы и чтобы изъ этихъ троихъ избиралъ и поставлялъ одного митрополитъ, — новеллы 123 гл. I, и 137 гл. 2 (повторено въ Базиликахъ или Царскихъ книгахъ,—ib. III, tit. I, cap. VIII).

[4]) Спустя то или другое время послѣ Никифора Фоки установился обычай, чтобы отъ церковной власти было представляемо на усмотрѣніе императоровъ по три кандидата, но обычай установился лишь въ такомъ нетвердомъ видѣ, что императоры нарушали его всякій разъ, когда хотѣли,—*Морини* de sacris ordinationibus, ed. Antverp. p. 155 sqq (Вальсамонъ и Властарь о правѣ императоровъ, не подлежащихъ ни законамъ ни канонамъ, назначать епископовъ по своему усмотрѣнію, у *Ралли* и *П.* III, 350, и VI, 344).

[5]) Лука Жидята былъ поставленъ въ 1036 г. въ епископы Новгородскіе какъ будто именно такимъ образомъ.

маго конца періода было и такъ и иначе, т. е. что епископы избирались то самими князьями, то митрополитами, и что только сѣверная Русь, явившаяся представительницей принципа щекотливой власти, однажды присвоивъ себѣ право, уже потомъ ревниво и неуклонно охраняла его.

Нѣкоторые примѣры изъ позднѣйшаго времени періода домонгольскаго показываютъ, что князья заранѣе разузнавали о людяхъ, достойныхъ быть епископами, и заранѣе намѣчали ихъ. Умираетъ въ области епископъ и князь тотчасъ же отправляетъ за кандидатомъ на его мѣсто куда нибудь далеко: очевидно, что этотъ кандидатъ былъ уже предъизбранъ въ умѣ князя.

Изъ ближайшаго къ періоду домонгольскому времени мы знаемъ примѣры, что епископы были предъизбираемы и на самомъ дѣлѣ (вопреки 23-му правилу Антіохійскаго собора). Въ 1261-мъ году въ Ростовѣ при жизни епископа Кирилла, достигшаго глубокой старости, по благословенію тогдашняго митрополита Кирилла 3-го и самого епископа, «изведоша архимандрита Святаго Богоявленія Игнатья (избравъ его въ будущіе преемники Кириллу), и бысть причетникъ Святыя Богородица въ Ростовѣ» [1]). Т. е. предъизбраннаго преемника епископу заранѣе помѣстили при каѳедральномъ соборѣ, взявъ его съ его дѣйствительнаго мѣста. Очень вѣроятно, что такъ бывало и въ періодъ домонгольскій [2]).

Не на нашихъ князьяхъ лежала вина въ томъ, что относительно избранія епископовъ они посягнули на каноны. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это посягновеніе было вовсе не къ пользѣ самого дѣла. При избраніи епископовъ митрополитами князья всегда могли имѣть бдительный надзоръ надъ тѣмъ, чтобы митрополиты не допускали злоупотребленій; а между тѣмъ при избраніи епископовъ

---

[1]) Лаврент. лѣт. „Бысть причетникъ" значитъ былъ причисленъ, причтенъ, къ клиру, къ штату соборному. Въ другомъ мѣстѣ, подъ 1301 г., таже лѣтопись страннымъ образомъ употребляетъ слово причетникъ о поставленномъ епископѣ: „въ Новѣгородѣ Великомъ поставленъ бысть Ѳеоктистъ епископомъ... и бысть причетникъ святое Софьи Новгородскые".

[2]) Мы говорили выше, что самые первые наши епископы, по всей вѣроятности, нарочито приготовляли преемниковъ себѣ. Но здѣсь мы говоримъ не только о приготовленіи преемниковъ, но и о формальномъ ихъ избраніи и назначеніи (Ученикъ перваго Новгородскаго епископа Іоакима Ефремъ въ продолженіе пяти лѣтъ послѣ его смерти завѣдывалъ епархіей, но онъ не былъ предъизбранъ въ епископы, какъ и не былъ потомъ поставленъ. Во всякомъ же случаѣ самое первое время, какъ время исключительное, не должно быть принимаемо въ счетъ).

ими самими была полная возможность дѣйствію всякихъ стороннихъ вліяній [1]). Представлялось бы то, что князья должны были лучше знать достойныхъ людей, чѣмъ митрополиты; но послѣдніе должны были совершать избранія не единолично, а съ соборомъ епископовъ, а епископамъ люди достойные могли быть извѣстны нисколько не менѣе, чѣмъ князьямъ.

Мы уже неоднократно давали знать выше, что огромное пространство нашихъ епархій должно было имѣть весьма значительное вліяніе на духъ и характеръ нашихъ архіереевъ. Вліяніе это, къ сожалѣнію, было неизбѣжно, но оно было и могло быть не къ лучшему, а къ худшему. Архіерей по своей идеѣ не есть только административно-судебный чиновникъ надъ духовенствомъ бо́льшаго или меньшаго округа, не имѣющій никакого отношенія къ мірскому населенію этого округа, но есть совершенно такой же пастырь сего послѣдняго, сколько всякій приходскій священникъ есть пастырь своихъ прихожанъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ есть не только пастырь, но и архипастырь, т. е. не только самъ пастырь, но и начальникъ надъ другими пастырями. По сей именно идеѣ первоначально каждая отдѣльная церковная община, малая и большая, или каждый отдѣльный приходъ имѣлъ непремѣнно своего епископа. Уничтоженіе епископовъ сельскихъ и оставленіе только городскихъ, съ образованіемъ епископскихъ округовъ или приходовъ [2]) такъ, чтобы они обнимали города съ уѣздами, было собственно посягательствомъ на архіерейство, какъ на пастырство. Но такъ какъ въ Греціи остановились на этомъ и не пошли далѣе, то посягательство, не проведенное слишкомъ далеко,

---

[1]) Одна лѣтопись даетъ знать, что имѣли мѣсто подкупы не только бояръ княжескихъ, но даже и самихъ князей (Новгородская 1-я подъ 1228 г., въ разсказѣ объ избраніи въ архіепископы Новгородскіе Хутынскаго черица Арсенія). Не знаемъ мы изъ періода домонгольскаго свидѣтельствъ о томъ, какъ люди честолюбивые добивались при дворахъ княжескихъ епископскихъ мѣстъ; но что́ говоритъ объ этихъ людяхъ Епифаній Премудрый въ житіи св. Стефана Пермскаго за XIV вѣкъ, по всей вѣроятности должно быть относимо уже и къ нашему времени (Выдѣляя Стефана изъ числа искателей епископства, Епифаній говоритъ о немъ: „не бо вѣдалъ, яко быти ему епископомъ, и не добивался владычьства, ни вертѣлся, т. е. передъ княземъ и его боярами, ни тщался, ни наскакивалъ, ни накупался, ни насуливался посулы; не далъ бо никому же ничто же и не взялъ у него отъ поставленія никто же ничто же, ни дара, ни посулы, ни мзды",—Памятники *Кушелева-Безбородко*, IV, 148).

[2]) Епископскіе округи, какъ уже мы говорили, назывались не епархіями, что̀ означало округъ митрополіи, а именно приходами—παροικία.

не имѣло и такого слѣдствія, чтобы совершенно разрушить архіерейство, какъ пастырство. Архіерей вмѣсто одного прихода ставшій пастыремъ цѣлаго округа приходовъ, конечно, не могъ уже для всѣхъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ для одного. Но въ Греціи уѣзды были весьма малы, такъ что епархіи въ ихъ новомъ объемѣ, послѣ уничтоженія епископій сельскихъ, сдѣлались приблизительно равны не болѣе, какъ нашимъ благочиніямъ. Архіерей такого малаго округа еще въ значительной степени сохранялъ возможность остаться истиннымъ пастыремъ своей паствы. Свои сравнительно весьма малыя епархіи архіереи имѣли полную возможность обходить ежегодно; обходя ихъ, они имѣли полную возможность останавливаться въ каждомъ селеніи на болѣе или менѣе продолжительное время, такъ что,—какъ положительно вмѣняетъ имъ это въ обязанность одинъ императорскій указъ,—могли посѣтить по одиночкѣ домы всѣхъ своихъ пасомыхъ, не исключая и хижинъ бѣдняковъ, чтобы съ каждымъ пастырски обо всемъ побесѣдовать и каждаго наставить на путь благочестія [1]). Находясь отъ своего архіерея не за сотни верстъ, а много—много верстахъ 15—20-ти, всѣ христіане его епархіи имѣли полную возможность обращаться къ нему со всѣми своими дѣлами и нуждами, требующими его пастырскаго благословенія и наставленія. Такимъ образомъ, для мірянъ своихъ епархій архіереи въ Греціи и до позднѣйшаго времени остались

---

[1]) Новелла импер. Алексѣя Комнина, у *Ралли* и *П.* V, 303. „Апостолы не для инаго чего обходили вселенную, какъ для того, чтобы преподавать правое проповѣданіе всѣмъ людямъ. Итакъ, должно и архіереямъ, которые наслѣдовали ихъ честь, каждому подобнымъ образомъ дѣлать въ своемъ округѣ, поелику не служитъ къ униженію архіерея, а напротивъ къ величайшей чести, если онъ взойдетъ и въ хижину бѣдняка, обстоятельно познакомится съ его положеніемъ и направитъ его на путь благочестія, ибо такой архіерей дѣлается подражателемъ учениковъ Христовыхъ и Самого Христа, и этимъ преимущественно исполняетъ обязанность архіерейскаго званія. И „каноникопъ“ (κανονικόν—подать архіереямъ съ мірянъ епархіи, о которой ниже) для того назначенъ архіереямъ, чтобы каждый, обходя (епархію) и уча, отъ него питался. Итакъ, пусть знаетъ всякій архіерей, что онъ облеченъ на этотъ духовный трудъ и онъ долженъ это исполнить, какъ и блаженные оные отцы (древніе архіереи) и самые божественные апостолы во всю жизнь творили это“ (До какой степени во времена св. Іоанна Златоустаго епископы принимали участіе въ дѣлахъ мірянъ и до какой степени простирали свое попеченіе надъ ними, это видно изъ его словъ: Εἰ γαρ μὴ καθ'ἑκάστην ἡμέραν μᾶλλων τῶν ἀγοραίων περινοστεῖ τὰς οἰκίας ὁ τὴν ἐπισκοπὴν ἔχων, προσκρούμματα ἐντεύθεν ἀμύτητα,—ed. Montfauc. I, 489, т. е. имѣющій епископство не болѣе ли каждый день обойдетъ домовъ, чѣмъ разносчикъ, получая отсюда несказанныя [неисчислимыя] непріятности?)

въ большей или меньшей степени истинными пастырями и не превращались въ ихъ представленіи во что-то такое, что засажено въ губернскомъ городѣ за двѣнадцатью стеклами, что «для насъ недоступно и не имѣетъ къ намъ никакого отношенія» и что существуетъ единственно на страхъ и на грозу попамъ [1])...

По отношенію къ священникамъ или пресвитерамъ архіереи, собственно говоря, вовсе не суть высокіе начальники и грозные судьи, которыхъ послѣдніе обязаны только трепетать. Пресвитеры собственно суть духовные соначальники епископовъ надъ духовными подчиненными, которые суть міряне. Въ первенствующей церкви, какъ мы говорили, вовсе не было такихъ приходовъ, въ которыхъ бы были одни пресвитеры, но каждый приходъ имѣлъ епископа и при немъ соборъ и коллегію пресвитеровъ. Одинъ вмѣстѣ съ другими, но никакъ не одинъ безъ другихъ, составляли духовное начальство общины; архіерей былъ въ этомъ соборѣ или въ этой коллегіи президентомъ, пресвитеры—членами и совѣтниками [2]). Когда уничтожены были сельскіе епископы и сельскія церковныя общины или приходы подчинены были вѣдѣнію епископовъ городскихъ; когда въ самыхъ городахъ, изъ которыхъ каждый первоначально, былъ ли онъ великъ или малъ, представлялъ изъ себя только одинъ приходъ, ибо въ нихъ, такъ же какъ въ селахъ, епископы съ пресвитерами составляли по одной нераздѣльной коллегіи, явились приходы въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. явились особыя церкви, къ которымъ отъ собора пресвитеровъ, состоящаго при епископахъ, начали быть отряжаемы и назначаемы особые завѣдующіе и настоятели [3]): тогда явились пресвитеры не состоящіе при епископахъ, но живущіе отъ нихъ отдѣльно. Это выбытіе нѣкоторыхъ пресвитеровъ

---

[1]) Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ Константинополѣ въ половинѣ XIV в., пишетъ въ своемъ Странникѣ, что когда онъ съ своими спутниками былъ въ св. Софіи, то увидѣлъ ихъ и бесѣдовалъ съ ними святой патріархъ Цареграда Исидоръ (Вухирасъ), и по этому поводу восклицаетъ: „о великое чудо! колико смиренія бысть ему, ижъ беседова съ странники — ны грѣшніи: *не нашъ бо обычай имѣетъ* (На взглядъ Стефана увидѣть архіерея бесѣдующаго съ такими людьми, какъ странники,—великое чудо...).

[2]) Примѣчаніе къ сейчасъ сказаннымъ нами словамъ вышло у насъ слишкомъ велико, и поэтому мы печатаемъ его на концѣ главы, вмѣстѣ съ приложеніями.

[3]) О происхожденіи приходовъ въ теперешнемъ смыслѣ см. у Бингама въ Antiquitt. Eccless. vol. 3 p. 593 sqq (lib. IX cap. VIII, § 2). Къ вопросу о времени появленія этихъ приходовъ прибавимъ, кажется, не указанное Бингамомъ: Гангр. соб. пр. 6 и Сокр. Hist. Eccl. l. VII c. 36.

изъ собора пресвитерскаго, находившагося при епископѣ, нисколько не означало въ сущности пониженія этихъ пресвитеровъ и ихъ нисхожденія въ рядъ простыхъ подчиненныхъ. Въ одной большой общинѣ (епископіи) явилось нѣсколько частныхъ общинъ (приходовъ въ теперешнемъ смыслѣ) и этими послѣдними начали завѣдывать отдѣльныя лица изъ той коллегіи начальниковъ, которая стояла во главѣ большой общины; ясно, что это собственно—не подчиненные, а отдѣльные представители и уполномоченные центральнаго начальства. Но въ то же время эти пресвитеры, находившіеся на частныхъ участкахъ (приходахъ) по самому своему положенію подвергались опасности низойти на степень простыхъ подчиненныхъ. Центральное начальство, котораго они были частными представителями, естественно, должно было имѣть надъ ними надзоръ. Надзору надъ сотоварищами, каковы были пресвитеры на отдѣльныхъ приходахъ по отношенію къ епископу съ находящимся при немъ соборомъ пресвитеровъ, легко было превратиться, по мѣрѣ теченія времени, въ надзоръ надъ подчиненными, а такимъ образомъ и симъ пресвитерамъ оказаться по отношенію къ епископамъ не болѣе какъ ихъ простыми подчиненными. Это превращеніе священниковъ приходскихъ изъ сотоварищей и соначальниковъ въ подчиненные случилось и въ Греціи; но здѣсь, благодаря именно той же малости епархій, дѣло опять остановилось на полдорогѣ и не дошло до своей крайности. Приходскіе священники стали подчиненными, но при малости епархій они всѣ были такъ близки къ епископу, всѣ такъ часто видѣлись и обращались съ нимъ и въ епископіи, въ которую приходили къ нему, и въ своихъ собственныхъ приходахъ, въ которые онъ приходилъ къ нимъ, что во взаимныхъ отношеніяхъ однихъ къ другимъ навсегда должна была уцѣлѣть и остаться весьма значительная доля простоты и близости, при которыхъ не могло быть и помину о томъ, чтобы начальникъ вознесся на недосягаемую высоту, а подчиненный ниспалъ въ неизмѣримую глубину, чтобы одинъ сталъ олицетвореніемъ грозной власти, а другой—рабской приниженности и рабскаго трепета. Въ Греціи приходскіе священники стали лицами подчиненными архіереямъ, но подчиненіе установилось въ возможно лучшемъ видѣ этого послѣдняго, избѣжавъ по возможности всего, что есть въ немъ худаго и крайняго.

Не то должно было случиться съ отношеніями архіереевъ къ ихъ паствамъ и къ ихъ духовенствамъ у насъ въ Россіи вслѣдствіе обширности нашихъ епархій. Епархіи наши были такъ обширны, что для бо́льшей части своихъ паствъ архіереи наши не имѣли физической возможности быть пастырями, ибо не имѣли возможности видѣть

тѣхъ, кого надлежало пасти. Средство для пастырскаго общенія архіереевъ съ ихъ паствами представляли объѣзды епархій. Но, при обширности послѣднихъ, архіереи могли совершать ихъ только такимъ образомъ, чтобы быть далеко не во всѣхъ селеніяхъ, а лишь въ центральнѣйшихъ пунктахъ, и останавливаться въ каждомъ мѣстѣ не на болѣе или менѣе продолжительное время, а лишь на такой короткій срокъ, чтобы увидѣть толкущуюся толпу пасомыхъ и ничего болѣе. При малости епархій архіереи безъ всякихъ неудобствъ для текущихъ дѣлъ управленія и безъ всякихъ неудобствъ для людей, имѣвшихъ настоятельную нужду ихъ видѣть, могли отсутствовать изъ мѣстъ своего обычнаго пребыванія или изъ своихъ каѳедральныхъ городовъ на болѣе или менѣе продолжительное время, ибо было незатруднительно для нихъ непрерывное дѣятельное сношеніе съ каѳедрами и всѣмъ имѣвшимъ настоятельную въ нихъ нужду легко было ихъ найдти: напротивъ, при обширности епархій архіереи должны были настоятельно заботиться о томъ, чтобы по возможности менѣе продолжительное время находиться въ отлучкѣ отъ каѳедръ и изъ мѣстъ обычнаго пребыванія. Такимъ образомъ вообще—при обширности нашихъ епархій объѣзды архіереевъ могли быть только весьма быстрыми проѣздами по центральнымъ пунктамъ и ничѣмъ болѣе. Составляя трудъ, объѣзды нисколько не достигали своей цѣли, и поэтому были архіереями нашими оставлены [1]). Слѣдовательно, архіереи наши могли и имѣли возможность быть истинными пастырями только для незначительныхъ, ближайшихъ къ нимъ, частей ихъ епархій. Но человѣкъ устроенъ такъ, что если для него невозможно все, то онъ нисходитъ («съѣзжаетъ»—

[1]) Какъ часто обязаны были греческіе епископы посѣщать свои епархіи, остается намъ неизвѣстнымъ; но, по всей вѣроятности, не менѣе какъ по однажды въ годъ (что̀ предписывалось на Западѣ,—*Гизелера* KG. II, 1, § 8 fin., 4 Aufl. S. 73): импер. Алексѣй Комнинъ въ указанной выше новеллѣ, не назначая опредѣленнаго срока, предписываетъ посѣщать какъ можно чаще, συνεχέστερον, — у *Ралли* и *П.* V, 304 (По нашему петровскому Регламенту, „подобаетъ епископу въ годъ или въ два года единожды обити и посѣтить епархію свою"). Что то или другое первое время епископы наши объѣзжали свои епархіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ подать ихъ съ низшаго духовенства, которая называлась подъѣздомъ и которая явилась какъ даръ или поклонное имъ отъ духовенства при объѣздѣ ими епархій (См. также грамоту Новгородскаго князя Святослава епископу Нифонту, въ Русск. Достопп. I, 85 нач.: „въ поѣздѣ отъ всее земли владыцѣ"...). Что болѣе или менѣе задолго до нашествія Монголовъ епископы наши прекратили объѣзды епархій (хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не прекратилась сейчасъ названная подать, о чемъ см. ниже), объ этомъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Кириллъ 3-й въ дѣяніяхъ Владимірскаго собора 1274 года.

если только позволительно въ данномъ случаѣ это тривіальное выраженіе) на ничто. Человѣкъ по своей слабости болѣе наклоненъ къ ничему, чѣмъ къ чему-нибудь, и ему нужны только предлогъ и извиненіе для того, чтобы онъ поспѣшилъ послѣдовать своей склонности; въ томъ обстоятельствѣ, что для него невозможно все, онъ находитъ таковые предлогъ и извиненіе и, хватаясь за нихъ, быстро приходитъ къ этому ничто, къ которому его влечетъ его природа. Архіереи наши были совершенно такіе же люди, какъ всѣ люди, и помянутый нами законъ наклонности болѣе ни къ чему, чѣмъ къ чему-нибудь, долженъ былъ имѣть и надъ ними всю свою силу. Невозможность быть пастырями для всѣхъ предоставляла дѣло ихъ собственной волѣ, — мѣрѣ и степени ихъ собственнаго усердія. Но предоставленные самимъ себѣ и находя предлоги оправдывать свое неособенное усердіе, они, по указанному нами закону человѣческой природы, и кончили тѣмъ, что медленнѣе или скорѣе свели возможное нѣчто на болѣе удобное ничто. Не имѣя возможности быть дѣйствительными пастырями для всѣхъ, архіереи наши все меньше и меньше заботились о томъ, чтобы быть таковыми пастырями нѣкоторыхъ и кончили тѣмъ, что совсѣмъ перестали быть ими, ставъ какъ бы не существующими для паствъ и оставшись только высшими церковными чиновниками, окружными начальниками приходскихъ духовенствъ.

На характеръ отношеній архіереевъ къ подчиненнымъ имъ приходскимъ духовенствамъ обширность нашихъ епархій должна была вліять также далеко не съ хорошей стороны. Совершенно естественно, что—чѣмъ обширнѣе область, тѣмъ начальникъ сознаетъ себя бо́льшимъ начальникомъ. Но епархіи наши не были тѣми крошечными областями, представляющими собой не болѣе какъ волости или станы, каковы были епархіи въ Греціи; онѣ были такъ обширны, что не только обнимали цѣлыя удѣльныя княженія, но даже по нѣскольку этихъ послѣднихъ. Совершенно естественно и извинительно было поэтому явиться у нашихъ архіереевъ гораздо бо́льшему духу власти, нежели какъ это было въ Греціи. Чѣмъ болѣе извѣстной категоріи начальниковъ, тѣмъ менѣе они сознаютъ свою власть и свое значеніе и, наоборотъ, чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ они выше и тѣмъ они большіе начальники. Въ имперіи греческой, которая развѣ немногимъ превосходила относительно пространства нашу тогдашнюю Россію число архіереевъ восходило до многихъ сотенъ [1]); у насъ же, на пе-

[1]) При импер. Юстиніанѣ, по Синекдему Гіерокла, въ Греціи было 64 губернскихъ и 935 уѣздныхъ городовъ, слѣдов. столько же было и епископовъ. Послѣ

много меньшемъ, а можетъ быть даже и не меньшемъ, пространствѣ архіереевъ было и всего—сначала 8, а къ нашествію Монголовъ 15: естественно, что у нашихъ архіереевъ должно было явиться совсѣмъ иное сознаніе своей власти, чѣмъ у первыхъ.

Обширность епархій, съ другой стороны, и подчиненное духовенство должна была приводить къ тому, чтобы и оно само и добровольно усвояло все бо́льшую и бо́льшую власть своимъ архіереямъ. Подчиненный тѣмъ свободнѣе и непринужденнѣе чувствуетъ себя съ своимъ начальникомъ, чѣмъ чаще съ нимъ видится и чѣмъ болѣе обращается; напротивъ, онъ со страхомъ и трепетомъ предстаетъ передъ него, если ему приходится видѣть его слишкомъ рѣдко. При обширности нашихъ епархій священники наши могли видѣть своихъ архіереевъ только весьма рѣдко, хотя, какъ увидимъ ниже, и чаще нынѣшняго. Естественно, что уже они сами, никѣмъ не нудимые, представали предъ архіереевъ не иначе, какъ съ самымъ крайнимъ смиреніемъ и униженіемъ, и это тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, рѣшительное большинство ихъ, какъ увидимъ ниже, было не только безъ всякаго образованія, которое пробуждаетъ сознаніе своего достоинства, но едва-едва грамотные, а съ другой стороны — что всѣ они по своему происхожденію были изъ класса самаго невысокаго. Такимъ образомъ, обширность нашихъ епархій должна была приводить къ тому, чтобы, съ одной стороны, архіереи наши поддались духу властительства или высоковластія, а съ другой стороны—чтобы подчиненное имъ духовенство исполнилось духа особеннаго смиренія и рабства. Слѣдствіемъ того и другаго у насъ было то, что архіерей, какъ начальникъ священниковъ, сталъ по отношенію къ нимъ слишкомъ высоко и недоступно, — что священники, какъ подчиненные архіерея, стали по отношенію къ нему слишкомъ низко и приниженно.

Итакъ, пастыри своихъ паствъ болѣе по имени, чѣмъ на дѣлѣ, слишкомъ высокіе начальники своихъ подчиненныхъ — таковыми явились у насъ архіереи.

Причиной этого грустнаго факта должна быть считаема впрочемъ не исключительно одна только обширность нашихъ епархій, но и еще нѣчто другое, болѣе существенное и болѣе, если такъ можно выразиться, органическое, именно—что, при переходѣ на новую почву,

---

Юстиніана, вѣроятно, много городовъ, а съ ними и епископій, перестало существовать отъ набѣговъ варварскихъ. Но все-таки число послѣднихъ продолжало оставаться очень большимъ; на Константинопольскихъ соборахъ при Фотіи присутствовало епископовъ—861 г. болѣе 300, 879—880 г. слишкомъ 380.

архіерейство отъ этого самаго должно было потерпѣть значительное измѣненіе къ худшему, что на новой почвѣ оно, такъ сказать, должно было нѣсколько выродиться. Въ Греціи, гдѣ именно впервые и явилось христіанство, духъ преданія въ архіерействѣ непрерывно шелъ отъ временъ апостольскихъ. По мѣрѣ теченія времени и тамъ архіерейство не восходило все къ бо́льшему и бо́льшему совершенству, а удалялось все больше и больше отъ первоначальнаго совершенства. Но тамъ помянутый духъ непрерывнаго преданія, хотя съ теченіемъ времени умалившись и ослабѣвъ, все-таки остался въ архіерействѣ съ тѣмъ, чтобы благотворно въ немъ дѣйствовать и чтобы представлять собою противодѣйствіе рѣшительному вторженію инаго духа. Перенесенное къ намъ, архіерейство стало у насъ совершенно вновѣ, ибо переносятся учрежденія, но не переносится духъ. Такимъ образомъ, у насъ архіерейство должно было совершенно вновь создать себѣ свой духъ и характеръ или совершенно вновь слагать себя въ нравственный типъ. Безъ всякой подкладки добраго преданія люди были предоставлены самимъ себѣ. Но человѣкъ, предоставленный самому себѣ, всегда и вездѣ оказывается человѣкомъ, — всегда въ этомъ случаѣ онъ наклоненъ поставить дѣло такъ, чтобы обязанностей взять какъ можно менѣе, а наоборотъ власти присвоить какъ можно болѣе. Обширность нашихъ епархій представляла извиненіе нашимъ епископамъ въ первомъ случаѣ и невольно ихъ влекла къ сверхдолжному во второмъ. Люди оказались людьми, и такимъ образомъ одно въ соединеніи съ другимъ—извиняющія и располагающія обстоятельства вмѣстѣ съ естественной, ничѣмъ не задержанной, наклонностію воспользоваться ими, и произвели то, что архіерейство наше сложилось въ нравственный типъ, значительно отличный отъ типа греческаго,—что по отношенію къ мірскимъ населеніямъ своихъ епархій наши архіереи стали пастырями болѣе въ смыслѣ отвлеченномъ и духовномъ, чѣмъ дѣйствительномъ,—что по отношенію къ подчиненнымъ духовенствамъ они стали начальниками слишкомъ высоко стоящими и многовластными, далеко болѣе должнаго грозными и страшными.

Ничто не бываетъ вдругъ. И архіереи наши, разумѣется, не сразу явились такими, какими мы ихъ видимъ потомъ. Но несомнѣнно то, что они начали становиться такими еще съ самаго начала или еще въ періодъ Кіевскій и что архіерейство наше позднѣйшее не есть что-либо новое противъ архіерейства древнѣйшаго, но что непрерывная исторія его восходитъ къ самому началу. Впослѣдствіи на Москвѣ явились и еще обстоятельства, которыя должны были дѣйствовать на

нашихъ архіереевъ въ томъ же направленіи, но эти обстоятельства только прибавили дѣла и не могутъ быть считаемы первыми причинами, изъ которыхъ долженъ быть изъясняемъ характеръ нашего архіерейства.

Вышеприведенныя наши рѣчи клонятся вовсе не къ тому, чтобы обвинять нашихъ архіереевъ, а къ тому, чтобы разъяснять факты. Къ оправданію нашихъ архіереевъ можетъ служить примѣръ архіереевъ западныхъ. Съ людей образованныхъ спрашивается болѣе, чѣмъ съ необразованныхъ; наши архіереи были необразованы, тогда какъ западные были люди образованные. Но и эти послѣдніе стали (поставили себя) въ такія же отношенія къ паствѣ и подчиненному духовенству, какъ и наши.

Въ настоящее время у насъ переводятъ архіереевъ съ каѳедры на каѳедру въ видѣ повышенія или вообще по соображеніямъ административнымъ. Этотъ обычай, имѣющій въ основаніи своемъ взглядъ на архіереевъ, какъ на чиновниковъ и устраняющій взглядъ на нихъ, какъ на пастырей, начался у насъ, если не ошибаемся, не ранѣе второй половины XVI вѣка [1]). Правила каноническія весьма строго воспрещаютъ безпричинныя перемѣщенія архіереевъ съ каѳедры на каѳедру [2]) и дозволяютъ это только по винамъ благословнымъ, когда можетъ произойти отъ сего особенная польза для населенія епархіи [3]). Въ древней Руси по примѣру древней Греціи и въ старой Руси до указаннаго сейчасъ времени, вопреки примѣру позднѣйшей Греціи, вовсе не было обычая перемѣщать архіереевъ съ каѳедры на каѳедру [4]).

---

[1]) Первый припоминаемый нами примѣръ есть примѣръ патр. Іова, который съ епископіи Коломенской переведенъ былъ на архіепископію Ростовскую. Изъ самихъ патріарховъ извѣстны перемѣщеніемъ епископовъ—Филаретъ (Кипріана Новгородскаго, Павла Крутицкаго), а особенно Никонъ (см. у *Соловьева* т. XI, 2-го изд. стр. 318).

[2]) Вселенск. 1-го соб. пр. 15, *Сардик. соб. прр. 1 и 2* („ибо отцы,—говоритъ Аристинъ,—изъ самаго дѣла уразумѣли, что никто изъ епископовъ не старается быть перемѣщеннымъ изъ бо́льшаго города въ меньшій, но (всякій) стремится перескочить (μεταπηδᾶν) изъ меньшаго (низшаго) города въ бо́льшій (высшій",— у *Ралли* и *П.* III, 231). Какъ рѣшительно былъ противъ перемѣщеній Константинъ Великій, см. у Евсевія въ De vita Const. lib. III c. LIX sqq (желаніе Антіохіянъ перемѣстить къ себѣ изъ Кесаріи самого Евсевія).

[3]) Апост. пр. 14. При этомъ нѣкоторые толкователи (Арменопулъ,—Ἐπιτομὴ τῶν κανόνων, τμῆμ. ά, ἐπιγρ. δ') и, какъ кажется справедливо, разумѣютъ перемѣщеніе не навсегда, а на время, для временнаго завѣдыванія епархіей (какъ Григорій Богословъ завѣдывалъ епархіей Константинопольской).

[4]) Въ послѣмонгольской Руси, исключая отступленіе отъ сего при замѣщеніи самой каѳедры митрополичьей, каковое отступленіе могло быть подводимо подъ

Выше мы не сказали объ уровнѣ просвѣщенія или о степени просвѣщенности нашихъ архіереевъ періода до-монгольскаго. Объ этомъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить вообще о нашемъ просвѣщеніи въ продолженіе настоящаго періода, гдѣ рѣчь о семъ будетъ болѣе удобною.

Отъ самихъ архіереевъ обращаемся къ органамъ или чиновникамъ ихъ епархіальнаго управленія.

Первоначально, когда каждая церковная община во главѣ собора пресвитерскаго имѣла своего епископа, епархіальнаго начальства надъ самимъ духовенствомъ не было и не могло быть, ибо все оно, состоя при епископѣ, представляло изъ себя одну корпорацію духовнаго или церковнаго начальства, имѣющую духовными подчиненными себѣ мірянъ епархіи или общинъ. Когда явились приходы въ собственномъ смыслѣ, съ одной стороны—чрезъ уничтоженіе сельскихъ епископій, а съ другой—чрезъ учрежденіе таковыхъ и въ самыхъ городахъ, и когда такимъ образомъ, въ лицѣ пресвитеровъ сихъ послѣднихъ, явились по епархіямъ подчиненные изъ самаго духовенства: то епархіальное начальство стали или остались составлять епископъ съ соборомъ пресвитеровъ, находившихся при немъ самомъ или при его каѳедрѣ. Епископъ съ находящимся при немъ или каѳедральнымъ соборомъ пресвитеровъ—въ такомъ видѣ епархіальное начальство существовало довольно долгое время [1]). Такъ какъ въ Греціи епархіи, и послѣ ихъ расширенія,

---

указанное апостольское правило. Въ Греціи перемѣщенія архіереевъ съ каѳедры на каѳедру, не въ видѣ впрочемъ нашего нынѣшняго какъ бы непремѣннаго правила, начались давно, см. у *Ралли* и *П.* V, 116 и 391, въ Пидаліонѣ примѣчч. къ апостол. пр. 14-му и Сардик. соб. 1-му.

[1]) Такъ какъ штаты священниковъ при каѳедральныхъ архіерейскихъ соборахъ были въ Греціи, судя по Константинопольской св. Софіи, очень велики, то должно думать, что совѣты епископовъ составляли не всѣ эти священники, а старшіе между ними въ извѣстномъ, опредѣленномъ числѣ; иначе было бы неудобно и для всякихъ дѣлъ должны были бы собираться чуть не цѣлые соборы (императоръ Юстиніанъ назначаетъ штатъ священниковъ св. Софіи въ 60 человѣкъ,—Новелла 3 гл. 1 sub fin., а императоръ Ираклій, † 641, въ 80 человѣкъ, у *Ралли* и *П.* V, 231, cfr Номокан. Фотія тит. 1 гл. 30, — ibid. I, 69 (Когда нашъ Антоній Новгородскій увѣряетъ, что „у святыя Софіи 3000 поповъ“ и что изъ нихъ 500 штатныхъ, получающихъ ругу,—Константиноп. Паломникъ по изд. *Савваитова* стр. 173,—(о штатныхъ попахъ сравн. Новеллу Алексѣя Комнена у *Ралли* и *П.* V, 295: ἔμβαθμοι κληρικοὶ καὶ περισσοί): то на его показаніе, вѣроятно, нужно смотрѣть также, какъ на показанія другихъ нашихъ паломниковъ, будто св. Софія „имать дверей 365, такожъ и престоловъ“,—Стефанъ Новгор.).

происшедшаго отъ уничтоженія сельскихъ епископій, были все-таки малы, то тамъ не было никакой нужды въ уѣздномъ духовномъ начальствѣ, соотвѣтствующемъ нашимъ духовнымъ правленіямъ или благочиннымъ, ибо тамъ каждый епископъ остался въ полной возможности надзирать надъ всею епархіею самъ непосредственно [1]).

При архіереяхъ съ соборами пресвитеровъ, которые составляли правительственную и судебную власть церковную, съ весьма ранняго времени начали появляться разные исполнительные чиновники, которые отчасти были изъ числа самихъ же пресвитеровъ [2]), а преимущественно, и въ позднѣйшее время, кажется,—исключительно, изъ діаконовъ [3]). Эти исполнительные чиновники, первоначально подручные архіереямъ съ соборами пресвитеровъ, съ теченіемъ времени пріобрѣтали все больше и больше значенія и въ заключеніе окончили тѣмъ, что совсѣмъ замѣнили собою пресвитеровъ, сами ставъ на мѣсто этихъ послѣднихъ и изъ исполнительныхъ чиновниковъ превратились въ

---

[1]) Не было впрочемъ чиновниковъ уѣздныхъ, постоянно жившихъ въ уѣздахъ, но были чиновники странствующіе, посылавшіеся отъ епископовъ или визитаторы,—это періодевты (περιοδευταί, отъ περιοδεύω, собственно обхожу, а не собственно—врачую, исправляю, ибо въ классической древности періодевтами назывались странствующіе лекаря). Бывъ священниками и не имѣя собственныхъ приходовъ, періодевты обходили епархіи, чтобы производить надзоръ и устроять дѣла церковныя (περιοδευταὶ δὲ λέγονται, διὰ τὸ περιέρχεσθαι καὶ καταρτίζειν τοὺς πιστούς, μὴ ἔχοντας καθέδραν οἰκείαν,—Зонара въ толков. на 57 пр. Лаодик. соб., у *Ралли* и *П.* III, 223; οὗτοι περιοδεύουσι καὶ ἐπιτηροῦσι τὰ ψυχικὰ σφάλματα καὶ καταρτίζουσι τοὺς πιστούς,—Вальсам. ibidd). Въ позднѣйшее время періодевты стали называться екзархами (περιοδευταὶ δὲ εἰσιν οἱ σήμερον προβαλλόμενοι παρὰ τῶν ἐπισκόπων ἔξαρχοι, Вальсам. ibidd., cfr Дюканжа Gloss. Graecit. подъ сл. περιοδευτής).

[2]) Вѣроятно, тѣхъ младшихъ, которые не были членами архіерейскихъ совѣтовъ, см. примѣчаніе выше, на стр. 372.

[3]) Ὀφφίκια ἐκκλησιάστικά,—Трулльск. соб. пр. 7, cfr Новеллу Ираклія у *Ралли* и *П.* V, 232 и 233 (ὀφφίκια ἤ τα λεγόμενα ἐπιτάγματα). Ὀφφίκιον отъ лат. officium—должность вообще, а въ частности должность высшаго исполнительнаго чиновника при большемъ чиновникѣ (оффиціалъ, cfr Дюканжа Gloss. Latinit.). Георгій Кодинъ, писавшій въ половинѣ XV вѣка, увѣряетъ, что наши чиновники, въ его время бывшіе уже сановниками, о чемъ сейчасъ ниже, первоначально всѣ были изъ пресвитеровъ,—De officiis Constantinopolitanis, гл. 9, въ Патр. Миня t. 157 p. 84; но это ошибочно. Видя передъ собою сановниками діаконовъ, которые, какъ таковые, возвышались надъ пресвитерами, и думая, что эти сановники всегда были сановниками, Кодинъ, естественно, находилъ необычнымъ, что діаконы стали выше пресвитеровъ; не зная, какъ на самомъ дѣлѣ это случилось, онъ и предполагаетъ, что первоначально сановниками были пресвитеры, а потомъ придумываетъ благословную причину случившейся перемѣны, которая ibidd. и которая въ существѣ не объясняетъ ничего.

сановниковъ [1]). Послѣ такой совершившейся перемѣны, епархіальное начальство начали представлять изъ себя архіерей и находящійся при немъ штатъ разныхъ наименованій духовныхъ чиновниковъ или сановниковъ. Полное число главныхъ между этими чиновниками, завѣдывавшихъ отдѣльными частями епархіальнаго управленія и имѣвшихъ при себѣ болѣе или менѣе многочисленныя канцеляріи [2]), по правилу и по обычаю церкви Константинопольской, долженствовало быть шесть, именно: великій экономъ, завѣдывавшій всѣми имѣніями и всѣмъ хозяйствомъ епископіи; великій сакелларій [3])—начальникъ мужскихъ и женскихъ монастырей, наблюдавшій за ихъ нравами и хозяйствами; великій скевофилаксъ—хранитель и начальникъ каѳедральной ризницы, распорядитель по церкви относительно ея чистоты, убранства, освѣщенія и пр., въ случаѣ небытности въ приходскихъ церквахъ [4]) священниковъ, имѣвшій подъ своимъ охраненіемъ ризницу и все имущество сихъ послѣднихъ; великій хартофилаксъ [5]), чиновникъ самый важный, (называемый устами и правой рукой епископа,—*Вальсам.* и *Кодинъ*), представлявшій собою епископскаго канцлера и вмѣстѣ юрисконсульта, который приготовлялъ и скрѣплялъ своею подписью всѣ исходившія отъ лица епископа оффиціальныя бумаги и который обязанъ былъ заботиться объ охраненіи епископскихъ правъ, отчасти вѣдавшій дѣла епархіальнаго управленія, каковы—производство въ церковныя степени, разрѣшеніе и запрещеніе браковъ, и наконецъ—епархіальный судія духовенства и монаховъ во всѣхъ дѣлахъ, какъ собственно духовныхъ, такъ и гражданско-уголовныхъ; сакеллій или сакелларій (безъ прибавленія: великій, но иногда съ прибавленіемъ: малый, второй, μικρός, δεύτερος), подобный великому сакелларію начальникъ приходскихъ цер-

---

[1]) Изъ ὀφφίκια—ἀρχοντίκια,—Зонара и Вальсам. въ толков. на 7 пр. Трулльск. соб., у *Ралли* и *П.* II, 321 и 322.

[2]) Приказы—σεκρέτα (латинск. secretum), Вальсам. у *Ралли* и *П.* II, 587, и IV, 533 sub fin., cfr Дюканжа Constantinop. Christ. lib. II, c. XIV, p. 161 (порусски σεκρέτον буквально—тайбница, какъ и переводилось въ древнее время,—„тайбница царева").

[3]) Σακελλάριος отъ σάκελλον; которое есть латинск. sacellum—мѣшокъ для храненія денегъ, мѣсто для храненія денегъ, казначейство; сакелларій собственно казначей (т. е. нужно думать, что въ древнѣйшее время его обязанности были иныя, чѣмъ въ позднѣйшее; у императоровъ сакелларій и въ позднѣйшее время—казначей).

[4]) Которыя по своему происхожденію какъ бы филіалы каѳедральной епископской.

[5]) Собственно—дѣлохранитель, архиваріусъ.

квей съ ихъ имѣніями и епископской для наказуемыхъ священниковъ темницы [1]); протекдикъ—официальный защитникъ (адвокатъ, ходатай) со стороны церкви всѣхъ, имѣвшихъ право на ея защиту и искавшихъ послѣдней, въ особенности рабовъ, отыскивавшихъ свободу, и свободныхъ людей, находившихся въ опасности порабощенія, затѣмъ, выражаясь по нынѣшнему, епископскій судебный слѣдователь и судебный приставъ, отчасти какъ бы полицейскій епископскій чиновникъ, имѣвшій нѣкоторый надзоръ надъ духовенствомъ и наконецъ епископскій судія міранъ, насколько они подлежали суду церкви и могли быть къ нему привлечены [2]).

Когда случилось въ Греціи, что сейчасъ указанные нами чиновники замѣнили собою въ епархіальномъ управленіи соборъ каѳедральныхъ пресвитеровъ, остается точно неизвѣстнымъ. Въ началѣ XIII вѣка это было уже «древнее преданіе» [3]), а въ концѣ XI, началѣ XII вѣка при Алексѣѣ Комненѣ (1081—1108)—случившимся за многіе годы (πρὸ μακροῦ χρόνου) [4]; но, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ заключать изъ указанія Константина Порфирогенита въ его книгѣ «О церемоніяхъ Византійскаго двора (Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως), этого еще не было въ половинѣ X вѣка [5]).

---

[1]) Которая, какъ хранилищница людей, подобно хранилищу денегъ называлась также σάκελλον (σακέλλη, σακέλι).

[2]) Протекдикъ причисленъ къ пяти первымъ въ позднѣйшее время (у *Ралли* и *П.* V, 409), и такъ какъ всѣ чиновники архіерейскіе считались по пяткамъ или пятерицамъ, то и въ числѣ шести они продолжали называться пятерицей: первая пятерица—πρώτη πεντάς (ibid. стр. 531 sqq). Эта первая пятерица имѣла особое названіе—ἐξωκατάκοιλοι, объясненіе котораго см. ниже.

[3]) Іоаннъ Китрскій у *Ралли* и *П.* V, 409 fin., cfr Вальсамона ibid. IV 533 fin..

[4]) У *Ралли* и *П.* II, 156.

[5]) Говоря объ императорскихъ званыхъ или парадныхъ обѣдахъ (κλητώρια), Константинъ Порфирогенитъ помѣщаетъ у себя подробный списокъ всѣхъ чиновниковъ гражданскихъ и церковныхъ, въ какомъ порядкѣ они садятся за столъ, т. е. списокъ съ обозначеніемъ степеней всѣхъ чиновниковъ,—Lib. II, cap. 52, τόμ. 3, у *Миня* въ Патр. t. 112, p. 1346 sqq. Въ этомъ спискѣ относительно главнаго и самаго старшаго по времени появленія исполнительнаго чиновника патріаршаго—эконома (который еще не называется великимъ экономомъ, а просто экономомъ) находимъ, что его имя написано дважды, и именно—во-первыхъ, очень высоко, немного ниже митрополитовъ и епископовъ и много выше пресвитеровъ придворныхъ и св. Софіи; во-вторыхъ—значительно низко, много ниже пресвитеровъ, непосредственно послѣ кубикуляріевъ или комнатныхъ чиновниковъ патріаршихъ (κουβικουλάριοι, стольники и спальники) и непосредственно передъ діаконами

Въ нашей Русской церкви коллегіями епархіальныхъ чиновниковъ у епископовъ являются состоящіе при нихъ клиросы или крылосы. Что разумѣть подъ этими клиросами—штатъ ли чиновниковъ съ особенными наименованіями и должностями, какъ это стало въ Греціи въ позднѣйшее время, или безразличный соборъ пресвитеровъ, какъ это было въ древнѣйшее время, остается неизвѣстнымъ; но гораздо вѣроятнѣе, что послѣднее, а не первое, ибо постоянно говорится о клиросахъ вообще безъ различенія въ нихъ особыхъ чиновниковъ и ни одно изъ указанныхъ выше греческихъ названій этихъ особыхъ чиновниковъ какъ въ лѣтописяхъ, такъ и вообще въ нашихъ памятникахъ, вовсе не встрѣчается.

О клиросахъ или крылосахъ, состоящихъ при епископахъ или при каѳедральныхъ епископскихъ соборахъ, мы встрѣчаемъ въ памят-

---

придворными и св. Софіи. Относительно перваго или высокаго мѣста замѣчено: καθὰ τὰ νῦν ἐτιμήθη, т. е. какъ нынѣ (онъ—экономъ) почтенъ, а относительно втораго или низкаго мѣста необходимо думать, что оно есть то, которое онъ занималъ до сейчасъ указаннаго почтенія или повышенія. Такимъ образомъ, если первый изъ исполнительныхъ чиновниковъ только что повышенъ былъ и поставленъ выше пресвитеровъ, а дотолѣ былъ гораздо ниже ихъ, то ясно, что исполнительные чиновники были ниже пресвитеровъ (и что ихъ возвышеніе началось именно съ сего повышенія эконома, сдѣланнаго самимъ Константиномъ). О прочихъ исполнительныхъ патріаршихъ чиновникахъ въ спискѣ не упоминается поименно; но по всей вѣроятности они должны быть подразумѣваемы подъ οἱ καγκελλάριοι τῶν σεκρέτων (канцелярскіе чиновники, подъячіи, писцы приказовъ или присутственныхъ мѣстъ), которые стоятъ почти въ самомъ концѣ списка (Константинъ Порфирогенитъ неоднократно говоритъ объ ἄρχοντες τοῦ πατριάρχου или τῆς ἐκκλησίας, иногда отличая ихъ отъ пресвитеровъ, у *Миня* pp. 170, 256, 368, 1044, 1156: это, по всей вѣроятности, должно понимать такъ, что, какъ замѣчали мы выше, не всѣ каѳедральные пресвитеры были совѣтниками епископовъ, а только старшіе между ними въ извѣстномъ числѣ, къ опредѣленію котораго у патріарха Константинопольскаго, можетъ быть, должно служить то указаніе Константина, что если патріархъ обѣдалъ у императора съ избраннымъ причтомъ, то пресвитеровъ было съ нимъ 24,—у *Миня* p. 1381. Ἄρχοντες иногда называются именемъ σεκρέτον: πατριάρχης μετὰ τοῦ σεκρέτου αὐτοῦ, у *Миня* p. 1148. Употребляемое Константиномъ παπάδες τοῦ σεκρέτου или σεκρετικοὶ παπάδες, у *Миня* p. 1381, 1388, 1401, должно понимать не въ смыслѣ священниковъ приказныхъ или канцелярскихъ, а въ смыслѣ клириковъ, причетниковъ, ибо слово παπᾶς употреблялось у Грековъ не только въ смыслѣ священника, но и вообще клирика, причетника, см. въ Новеллѣ Алексѣя Комнина, у *Ралли* и *П.* V, 280, λιτὸς παπᾶς ἤτοι ἀναγνώστης. Названіе κουβικουλάριοι или κουβουκλείσιοι, у *Миня* pp. 1156, 1349, употребляется Константиномъ въ смыслѣ комнатныхъ патріаршихъ чиновниковъ, тогда какъ послѣ оно стало употребляться и въ смыслѣ чиновниковъ приказныхъ,—Вальсам. у *Ралли* и *П.* II, 323 fin., т. е. послѣ комнатные чиновники, вѣроятно, были и приказными.

никахъ довольное число упоминаній. Преп. Несторъ въ житіи Θеодосія Печерскаго говоритъ о клиросѣ Кіевской св. Софіи [1]); въ дарственной грамотѣ князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи 1150-го г. говорится, что князь даетъ средства содержанія епископу съ клиросомъ его [2]); въ Новгородской 1-й лѣтописи подъ 1156-мъ г. говорится о клиросѣ Новгородской св. Софіи; въ Лаврентьевской лѣтописи говорится подъ 1230-мъ г. о клиросѣ епископа Владимиро-Кляземскаго, подъ тѣмъ же 1230-мъ и подъ 1231-мъ годами о клиросѣ Ростовской соборной или каѳедральной епископской церкви, подъ 1257-мъ г. вообще о соборныхъ епископскихъ клирошанахъ [3]); въ Ипатской лѣтописи подъ 1223-мъ и 1288-мъ годами—о клиросѣ епископіи Владимиро-Волынской; въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1273-го г. о соборныхъ епископскихъ клирошанахъ.

Что эти клиросы не были при епископахъ только штатами ихъ соборныхъ священниковъ, а вмѣстѣ были при нихъ штатами ихъ епархіальныхъ чиновниковъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Прежде всего, это показываетъ ихъ названіе, перешедшее къ намъ отъ Грековъ. Клиросъ или клиръ (κλῆρος) у Грековъ собственно значитъ вообще духовенство [4]), но въ частнѣйшемъ и такъ сказать въ техническомъ смыслѣ клириками у нихъ назывались именно архіерейскіе чиновники [5]): ясно, что и у насъ названіе клиросъ, принятое для употре-

[1]) На концѣ житія, въ чудесахъ: „Паки повѣдаху, яко единъ отъ клироса святыя и великыя церкве Софія, болящу ему“... Еще о клиросѣ Кіевской св. Софіи говорится въ похвальномъ словѣ неизвѣстнаго св. Клименту Римскому, см. у *преосв. Макарія* т. III, изд. 2-го стр. 217 fin..

[2]) Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 4, стр. 5.

[3]) Еще см. годы 1189-й и 1237-й.

[4]) И преимущественно духовенство низшее, внѣолтарное, Вальсам. у *Ралли* и *П.* II, 485.

[5]) Собственное названіе архіерейскихъ чиновниковъ: ἐκκλησιαστικοὶ ἄρχοντες—церковные сановники, ἐκκλ. ἀξιωματικοί—церковные чиновники; названія совокупности или корпораціи чиновъ: ὀφφίκια ἐκκλησιαστικά (съ измѣненнымъ смысломъ сл. ὀφφίκια, см. выше), ἀρχοντίκια, ἀξιώματα, ἐπιτάγματα, λειτουργήματα, διακονήματα, κληρικάτα,—спеціальныя сочиненія о нихъ: Συνταγμάτιον περὶ τῶν ὀφφικίων, κληρικάτων καὶ ἀρχοντικίων.... ἐκκλησίας, патр. Іерусалимск. *Хризанѳа*, 1-е изд. въ Торговищѣ, 1715, 2-е въ Венеціи, 1778, и Die Synoden und die Episcopal-Aemter in der morgenländischen Kirche, von *Jos. Zhishman*, Wien, 1867; русскія: Разсужденіе о чинахъ Греко-россійской церкви митр. *Евгенія*, М. 1817, О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви іеромон. *Павла*, Спб. 1857, О чинахъ патріаршей Константинопольской церкви въ средніе вѣка—статья въ Правосл. Собесѣдн. 1868-го г. Въ греческихъ памятникахъ, соотвѣтствующихъ на-

бленія не въ общемъ смыслѣ духовенства, а въ частномъ смыслѣ духовенства соборнаго архіерейскаго, можетъ означать въ приложеніи

шему періоду до-монгольскому, намъ пока не случалось встрѣчать употребленія названія κληρικοί—клирики въ смыслѣ архіерейскихъ чиновниковъ (по всей вѣроятности въ нашемъ смыслѣ, но не совершенно ясно, употребляется названіе въ новеллѣ Іоанна Комнина, 1118—1143, которая у *Ралли* и *П.* V, 306). Но о семъ свидѣтельствуютъ извѣстные намъ записи и памятники XIII—XIV вѣка и обычай настоящаго времени; записи см. въ Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. V, стрр. 604, 612, 615 и 616, памятники—въ Acta Patriarchatus Constantinopolitani, изданныхъ Миклошичемъ, т. I, стрр. 17 нач., 50 нач., и 575, т. II, стр. 571 fin., а о настоящемъ времени издатели Пидаліона пишутъ: τὴν σύμερον κληρικοὶ ὀνομάζονται ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον οἱ τὰ ἐκκλησιασικὰ ἀρχοντίκια καὶ ὀφφίκια ἔχοντες, τόσον ἱερώμενοι, ὅσον καὶ λαϊκοὶ (въ примѣч. къ Апост. пр. 2); тоже самое Византій,—Κωνσταντινούπ. III, 523 (Относительно XVI и XVII вв. Іеровей Монемвасійскій въ Хронографѣ и Аѳанасій Ипсиланти въ Исторіи Грековъ отъ взятія Константинополя Турками.— Κληρικάτα ὀφφίκια, собственно значившее должности, службу низшихъ, внѣолтарныхъ клириковъ,—у *Ралли* и *П.* 21, стало потомъ означать должности чиновниковъ,—у *Чишмана* въ указ. сочин. стр. 90 примѣч. 7. Какъ на Востокѣ названіе клирикъ съ теченіемъ времени изъ общаго стало частнѣйшимъ, вмѣсто духовенства вообще стало употребляться о церковныхъ чиновникахъ, такъ на Западѣ то же самое случилось съ canonicus—каноникъ, которое первоначально значило духовнаго вообще или совершенно соотвѣтствовало названію клирикъ въ его общемъ значеніи,—ὁ ἀπὸ κάνονος, κανονικὸς).—Кромѣ названія лицъ въ двухъ указанныхъ смыслахъ, у насъ въ Россіи слово клиросъ, съ простонародной евколофонической перестановкой—крылосъ, употребляется еще какъ названіе мѣстъ стоянія въ церкви пѣвцовъ и чтецовъ. Отъ названія въ которомъ изъ двухъ первыхъ смысловъ происходитъ это второе синекдохическое названіе, употребляющее имя лицъ вмѣсто имени мѣста, на которомъ они стоятъ, не можемъ сказать, но вѣроятнѣе — отъ названія во второмъ смыслѣ. Если бы производить его отъ низшихъ клириковъ (которые преимущественно разумѣются подъ словомъ клиръ въ общемъ смыслѣ, см. выше), какъ мѣсто ихъ стоянія, то названіе нужно было бы считать заимствованнымъ изъ Греціи (ибо у насъ низшаго клира не звали клиромъ и клиросомъ), но въ Греціи, сколько знаемъ, мѣсто стоянія для пѣвцовъ вовсе не называется клиросомъ. Что же касается до названія клиросъ въ смыслѣ соборныхъ священниковъ, то оно могло быть перенесено на мѣста стоянія пѣвцовъ потому, что въ соборахъ священники (соборные клиросы), какъ это въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ соборахъ и до настоящаго времени, сами пѣли, стоя внѣ алтаря на мѣстахъ, которыя называются крылосами, сн. Вивліоѳ. VI, 209 и 388, XI, 6 (т. е. мы хотимъ сказать: названіе мѣстъ стоянія пѣвцовъ и чтецовъ—клиросъ отъ клироса или клирошанъ въ смыслѣ соборныхъ священниковъ. Особые огороженные клиросы, которые въ настоящее время есть во всѣхъ церквахъ, въ древнѣйшее время по всей вѣроятности были только въ соборахъ).—Кромѣ каѳедральныхъ соборовъ мы встрѣчаемъ клирошанъ въ монастыряхъ,—подъ 1175-мъ г. упоминаются въ Лаврентьевской лѣтописи клирошане Боголюбскіе, т. е. Боголюбскаго монастыря: это значитъ, что въ монастыряхъ въ несобственномъ смыслѣ назывались клирошанами старшіе монахи (позднѣйшіе соборные старцы).

къ этому послѣднему духовенству только ту его особенность, что оно было не просто духовенствомъ, но вмѣстѣ представляло собой при архіереѣ и его епархіальныхъ чиновниковъ,—было его каноникатомъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ на Западѣ соборные архіерейскіе каноники суть одновременно и священники и епархіальные чиновники. Лѣтопись, говоря о клиросѣ, ясно отличаетъ его отъ простыхъ священниковъ, какъ корпорацію отдѣльную и употребляетъ въ примѣненіи къ нему такія выраженія—эпитеты, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подъ нимъ должна быть разумѣема корпорація священниковъ совсѣмъ особыхъ,—священниковъ возвышенныхъ надъ другими и имѣющихъ власть: «игумени и попове и святыя сборныя церкве клиросъ», говоритъ она въ одномъ мѣстѣ; «игумени и попове и черньци и пресвѣтлый клиросъ сборныя церкве святыя Богородица», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ [1]). Въ житіи св. Аврамія Смоленскаго протопопъ каѳедральнаго архіерейскаго соборнаго клироса называется первымъ отъ старѣйшихъ [2]). Если протопопъ соборнаго клироса есть первый отъ старѣйшихъ, то ясно, что всѣ соборные священники—клирошане суть старѣйшіе; если же они суть старѣйшіе, то очевидно, что они суть корпорація епархіальныхъ чиновниковъ и начальниковъ. Въ посланіи неизвѣстнаго по имени епископа Владимирскаго къ неизвѣстному по имени великому князю, сыну Александра Невскаго († 1263) о неприкосновенности судовъ церковныхъ говорится, что эти суды даны клирошанамъ на потребу [3]): подъ судами разумѣются судебныя пошлины; но если онѣ идутъ клирошанамъ, то ясно потому, что послѣдніе суть судящіе. О митрополитѣ Максимѣ говорится въ лѣтописяхъ, что, перенося каѳедру митрополіи изъ Кіева во Владиміръ, онъ пришелъ изъ перваго въ послѣдній со всѣмъ своимъ клиросомъ [4]). Если бы его клирошане были просто священники, то онъ не имѣлъ бы нужды брать ихъ съ собой, ибо таковыхъ онъ нашелъ бы и во Владимирѣ; если же онъ взялъ ихъ, то ясно, что они были не просто священники, но и епархіальные чиновники. Несомнительно ясныя свидѣтельства о соборныхъ клиросахъ, какъ о штатахъ епархіальныхъ чиновниковъ, къ нашему счастію, сохранили для насъ позд-

---

[1]) Лаврент. лѣт. подъ 1230-мъ и 1231-мъ гг.

[2]) „Призва (епископъ Смоленскій) единаго отъ своего честнаго крылоса, перваго отъ старѣйшихъ—протопопа именемъ Георгія", Правосл. Собесѣдн. 1858-го г. ч. 3, стр. 385.

[3]) Опис. Румянц. Муз. *Восток.* стр. 28.

[4]) Такъ называемая Типографск. лѣтоп. стр. 58 нач., также Степенн. кн. I, 378.

нѣйшіе памятники Западно-Русской церкви, въ которой эти клиросы не были оттѣснены, какъ то случилось на Москвѣ, свѣтскими архіерейскими чиновниками, такъ называемыми архіерейскими боярами. Въ редакціи Патерика Печерскаго такъ называемой Акакіевской, составленной въ Печерскомъ монастырѣ въ половинѣ XV вѣка, позднѣйшая приписка влагаетъ въ уста умирающему преп. Ѳеодосію слова, обращенныя къ вел. кн. Святославу: «и се поручаю твоему благочестію святы сій монастырь..., да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ *никтоже отъ клирикъ Софейскихъ*» [1]): ясно, что тутъ клирикъ есть чиновникъ, ибо съ какой стати опасаться обладанія отъ простаго священника [2])? Виленскій соборъ 1509-го г. постановляетъ, что если священникъ дойдетъ до великихъ безчинствъ, то «намъ (епископамъ) соборнѣ, съ нашимъ крылосомъ—съ священно-иноки и попы, таковому безчиннику не велѣти священствовати» [3]). Въ 1539-мъ г. была учреждена епископія Львовская, на мѣсто давно закрытой Галичской, и первый епископъ Львовскій Макарій въ томъ же 1539-мъ г. созвалъ священниковъ Львовскихъ и, посовѣтовавшись съ ними, учинилъ клиросъ и предоставилъ ему власть держать, какъ и у иныхъ епископовъ [4]). Въ посланіи архимандрита Уневскаго Исаіи Болобана, имѣвшаго быть постановленнымъ въ епископы Львовскіе на мѣсто дяди его Гедеона Болобана, адресованномъ къ будущей паствѣ отъ 3 Февраля 1607-го г. читаемъ: «пришедъ во Львовъ усердно во любвѣ Христовѣ собрахъ священное братство презвитерей и канониикъ сирѣчь правильныхъ священникъ, иже въ священнѣмъ церкви судилищѣ со епископомъ предсѣдятъ».... и еще обѣщаніе: «каноны (намъ) утвердити и чинъ намъ клириковъ расписати опаства дѣля судовъ, на нихже оффѣкіяхъ духовныхъ мужемъ лѣпо быти» [5]). Дѣйствительно поставленный на мѣсто Гедеона Евстафій Тисаровскій въ своей грамотѣ къ той же пас-

[1]) См. Историческія чтенія о языкѣ и словесности II Отд. Акад. Наукъ за годы 1856-й и 1857-й, стр. 48.

[2]) А опасеніе клириковъ, какъ чиновниковъ, значитъ то, что этимъ клирикамъ монастыри отдавались епископами въ пользованіе, какъ бы въ аренду (см. ниже).

[3]) Акт. Истор. т. I, № 289, стр. 527 col. 2.

[4]) Акты Южной и Западной Россіи т. I, № 103, стр. 106, см. также № 118, стр. 124 fin. „Созвавши священники Львовскіе—пишетъ епископъ — и розмовши (sic) зъ ними, учинили есмо клиросъ и заставили есьмо имъ моцно держати и по ныхъ будучимъ потомкомъ, такъ какъ у иньшихъ епископіахъ есть".

[5]) Акты, относящіеся къ исторіи Южно-Западной Руси, издалъ А. С. Петрушевичъ, Львовъ, 1868 г., стрр. 9 fin. и 13 sub fin.

твѣ отъ 22 Января 1608-го г. даетъ твердое обѣщаніе соблюдать права и привиллегіи клирошанъ своей каѳедры [1]).

Къ сейчасъ сказанному мы должны сдѣлать одну оговорку. Мы говоримъ о клирикахъ или клирошанахъ, составлявшихъ административно-судебные коллегіи или соборы при епископахъ, какъ о священникахъ ихъ каѳедральныхъ соборныхъ церквей. Такъ вездѣ говорятъ о нихъ и такъ вездѣ представляютъ ихъ памятники. Но, какъ кажется и даже весьма вѣроятно, это нужно понимать особымъ образомъ, а именно—что клирошане были соборными священниками и въ то же время имѣли свои приходы, т. е. что въ соборахъ они были главными священниками, имѣя подъ собой еще другихъ священниковъ, не принадлежавшихъ къ клиросу, и болѣе числились, чѣмъ состояли дѣйствительными священниками. Въ этомъ видѣ представляетъ дѣло памятникъ XVI в.,—запись помянутаго выше епископа Львовскаго Макарія [2]). Странный фактъ этотъ, неизъяснимый въ XVI в., изъяснится

---

[1]) Галицкій Науковый Сборникъ 1868-го г., выпускъ I и II, стр. 70.—Что касается до Московской Руси послѣмонгольскаго періода, то упоминаются клирошане: въ междумитрополію между Максимомъ и Петромъ, именно—говорится, что послѣ смерти перваго отправился въ Константинополь искать поставленія въ митрополиты нѣкій игуменъ Геронтій, который взялъ съ собой святительскую одежду и утварь, одну икону Богородицы и жезлъ пастырскій „и сановники церковныя" (Степ. кн. I, 414),—эти сановники суть именно клирошане, а названіе есть переводъ греческ. ἄρχοντες, какъ титуловались послѣдніе; при митр. Ѳеогностѣ—Акт. Истор. т. I, стр. 1 col. 1, fin.; послѣ Алексѣя до Кипріана, Карамз. V, примм. 57 и 60; при Кипріанѣ, Карамз. V, прим. 254 стр. 99 нач. (при чемъ употребляется замѣчательное выраженіе: „со всѣмъ своимъ клиросомъ, *бьло образующимъ*. У самого Кипріана въ поученіи къ духовенству 1395-го г., Акт. Ист. т. I, № 11 стр. 20: „ино гды бываютъ сборныя церкви, а суть попы крилошане съ дьяконы"... Въ написанномъ имъ житіи митр. Петра: патріархъ прислалъ судить Петра „единаго отъ клирикъ церковныхъ" т. е. одного изъ чиновниковъ патріархіи, Степ. кн. I, 417. Какъ должно думать, клирошане исчезли или начали исчезать въ Московской Руси со времени митр. Іоны.—Изъ актовъ юго-западной Руси, говорящихъ объ епископскихъ клирошанахъ намъ извѣстна одна грамота 1366-го г., въ которой называется владыка Перемышльскій Иларіонъ съ своими крылошанами, см. Памятки дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русского, изд. *Я. Головацкимъ*, Львовъ, 1867, стр. 7 нач. Въ позднѣйшей Кіевской Руси клиросы иногда называются по западному капитулами,—Русская историч. библіотека, изд. Археогр. Комм. т. IV, стр. 64 и Галицкій Науковый Сборникъ 1868-го г., вып. III и IV, стр 346).

[2]) Акты Южной и Западной Россіи т. I, № 103. Что клирошане принадлежали къ собору, видно изъ того, что они имѣли въ немъ недѣлю, что кажется нужно понимать не въ смыслѣ службы въ продолженіе недѣли, а въ смыслѣ службы въ воскресенье и завѣдыванія (въ продолженіе недѣли) ставлениками; что они

для насъ, если мы позволимъ себѣ предположить, что такъ было и въ періодъ домонгольскій. У Грековъ дѣйствительно было такъ, что указанные выше чиновники епископскіе съ одной стороны состояли при епископахъ и ихъ соборахъ, а съ другой стороны были настоятелями приходовъ. Это произошло такимъ образомъ и отъ того, что когда начали являться въ городахъ особые приходы, то для завѣдыванія ими отряжались отъ епископскихъ каѳедръ главные или старшіе священники [1]). Къ рѣчи о семъ будемъ имѣть случай возвратиться еще послѣ.

Какимъ образомъ епархіальные клиросы участвовали у насъ въ епархіальномъ управленіи архіереевъ, мы пока не имѣемъ рѣшительно никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Предполагая со всею вѣроятностію, что наши клиросы соотвѣтствовали не позднѣйшимъ греческимъ чиновникамъ съ особыми наименованіями и съ особымъ у каждаго кругомъ дѣятельности, а древнѣйшимъ соборамъ пресвитеровъ, иначе сказать — предполагая со всею вѣроятностію, что въ то время, какъ мы заимствовали отъ Грековъ епархіальное управленіе, оно было у нихъ еще въ своей древнѣйшей, а не позднѣйшей, формѣ, слѣдуетъ думать, что наши клиросы представляли собой не вторую, а первую форму греческаго епархіальнаго управленія, т. е. что они представляли собой не штаты особыхъ чиновниковъ, между которыми подъ высшимъ надзоромъ архіерея раздѣлены были епархіальное управленіе и судъ, а безраздѣльные соборы пресвитеровъ, которые цѣлыми своими корпораціями составляли по-

---

имѣли приходы, видно изъ того, что въ записи они называются по именамъ и каждый съ своимъ приходомъ (на концѣ).

[1]) Что чиновники изъ пресвитеровъ имѣли свои приходы, см. у *Кодина* въ De officiis (выписка у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ сл. ἐξωκατάκοιλοι). Но что точно также и ставшіе чиновниками діаконы остались настоятелями приходовъ, это знаемъ изъ примѣра извѣстнаго канониста Ѳеодора Вальсамона: состоя въ должности патріаршаго хартофилакса, онъ былъ діакономъ великой церкви и въ тоже время πρῶτος τῶν Βλαχερνῶν, т. е. настоятелемъ Влахернской церкви,—у *Ралли* и *П.* 1, 31, надписаніе (точно также въ Римѣ presbyteri и diaconi cardinales, состоящіе въ коллегіи папы, были настоятелями приходовъ, по которымъ титулуются и до настоящаго времени). Помянутые греческіе чиновники носили особое названіе — ἐξωκατάκοιλοι (ἐξωκατάκηλοι). Самое вѣроятное объясненіе названія есть то, что ἐξωκατάκοιλοι есть нѣсколько поврежденное или нѣсколько измѣненное изъ ἐξωκατάκελλοι, что̀ будетъ означать чиновниковъ, живущихъ внѣ кельи, т. е. внѣ дворца епископскаго, каковыми были наши чиновники, какъ состоявшіе настоятелями приходовъ (κατάκελλος изъ κατά и κέλλη,—чиновникъ живущій при кельѣ, во дворцѣ епископскомъ; ἐξωκατάκελλος—живущій внѣ кельи, внѣ дворца).

стоянные совѣты епископовъ въ дѣлѣ управленія и суда. Если это такъ, то за симъ слѣдуетъ думать, что каждый членъ каѳедральнаго клироса, не имѣя ничего отдѣльнаго и опредѣленно назначеннаго въ своемъ завѣдываніи, имѣлъ значеніе только какъ членъ, во всемъ участвующій вмѣстѣ съ другими, и что въ случаѣ необходимости раздѣленія дѣлъ между членами или въ случаѣ необходимости порученія какихъ-либо дѣлъ отдѣльнымъ членамъ, это производилось не по опредѣленному и однажды навсегда назначенному правилу, а каждый разъ по особому усмотрѣнію епископа со всѣмъ остальнымъ клиросомъ. Какъ велико было у насъ значеніе каѳедральныхъ клиросовъ при епископахъ или насколько велика была ихъ власть въ епархіальномъ управленіи совмѣстно съ властію сихъ послѣднихъ, мы также пока совершенно ничего не знаемъ. Но если первоначально, что̀ весьма вѣроятно, клиросы и составляли изъ себя дѣйствительную власть, совмѣстную съ властію епископа, то во всякомъ случаѣ въ томъ обстоятельствѣ, что ни одинъ изъ членовъ клироса не имѣлъ ничего опредѣленнаго въ своемъ завѣдываніи и каждый изъ нихъ имѣлъ значеніе только какъ членъ цѣлаго, заключалась причина, чтобы клиросы съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе утрачивали свое значеніе, а наконецъ и совсѣмъ его потеряли, низшедши на степень простыхъ соборныхъ причтовъ или, если предполагать то, что мы сейчасъ предположили, разрушившись такимъ образомъ, что каждый членъ его низшелъ на степень простаго настоятеля своей церкви. Отнять у человѣка опредѣленно принадлежащія ему права будетъ значить именно отнять или совершить правонарушеніе, но постепенно отдалять, а наконецъ и совсѣмъ отдалить отъ себя корпорацію совѣтниковъ, это должно было совершиться мало-по-малу и незамѣтно и даже безъ намѣренія и вины отдаляющаго. Съ нашими клиросами должно было случиться то же, что въ Греціи случилось съ соборами пресвитеровъ, т. е. что съ теченіемъ времени на ихъ мѣсто стали исполнительные чиновники.

Кромѣ каѳедральныхъ клиросовъ, которые представляли собою пресвитерскіе совѣты или соборы при епископахъ, епархіальное управленіе еще состояло у насъ: изъ намѣстниковъ, и именно двухъ родовъ—однихъ, которые находились при самихъ епископахъ, и другихъ, которые жили на уѣздахъ, завѣдуя извѣстными частями епархіи, и которые въ свою очередь также имѣли при себѣ свои клиросы или соборы пресвитеровъ,—изъ тіуновъ и, по всей вѣроятности, изъ десятинниковъ.

Если предполагать, что должность намѣстника не была впервые учреждена у насъ, а была заимствована нами какъ готовая изъ церкви

Греческой, то не легко будетъ указать, какой должности въ церкви Греческой она соотвѣтствовала. Названіе должности не представляется буквальнымъ переводомъ ни одной изъ должностей извѣстныхъ въ церкви Греческой и по всей вѣроятности есть наше собственное, занятое изъ области гражданской [1]). Всего ближе подходитъ къ слову намѣстникъ греческое τοποτηρητής—мѣстоблюститель, но у Грековъ топотиритами или мѣстоблюстителями назывались не постоянные епархіальные чиновники, а временные послы куда-нибудь, имѣвшіе представлять тамъ, куда посланы, лицо пославшаго, напр. послы на соборы, посланники для ходатайства о чемъ-либо къ царямъ и пр. (cfr Вальсам. у *Ралли* и *П.* III, 357). Послѣ мѣстоблюстителей должность намѣстника, состоявшая въ большей или меньшей замѣнѣ или представительствѣ лица епископа въ епархіальномъ управленіи и судѣ, между должностями, бывшими въ церкви Греческой, можетъ быть сближаема только съ двумя—или хартофилакса или синкелла. Такъ какъ относительно должности перваго со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что въ то время, какъ мы заимствовали отъ Грековъ церковное управленіе, ея еще не было или что она была еще только должностію низшею, исполнительною, то остается думать, что наши намѣстники соотвѣтствовали греческимъ синкелламъ. Синкеллы, явившіеся въ церкви Греческой весьма рано, первоначально означали просто пресвитеровъ или монаховъ, которые жили при епископахъ или въ однихъ келліяхъ съ ними и которыхъ имѣть сожителями, въ томъ или другомъ числѣ, требовалъ отъ епископовъ обычай для неукоризненности—propter testimonium ecclesiasticum, т. е. для свидѣтельства непорочности жизни и для предотвращенія неблагопріятныхъ слуховъ. Но съ теченіемъ времени изъ простыхъ сожителей при епископахъ синкеллы превратились въ настоящихъ чиновниковъ и притомъ чиновниковъ весьма важныхъ, что̀ видно изъ того, что синкеллы патріарховъ заняли мѣсто выше митрополитовъ [2]). Въ чемъ именно состояла должность синкелловъ,

[1]) Въ области гражданской намѣстники въ древнее время обыкновенно назывались (по лѣтописямъ) посадниками, но cfr такъ называемый уставъ Владиміровъ по списку второй половины XIII вѣка, у Карамз. къ т. 1 прим. 506 („въ которомъ городѣ намѣстникъ",—на самомъ концѣ) и въ Собраніи Госуд. Грам. II, 6 sub fin., актъ 1284 г. (Артемій намѣстникъ).

[2]) См. у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ сл. σύγκελλος. За позднѣйшее время сказанное должно разумѣть о протосинкеллахъ, т. е. первыхъ или старшихъ между многими явившимися синкеллами (которыхъ импер. Ираклій назначаетъ патріарху двоихъ, у *Ралли* и *П.* V, 232). Въ X вѣкѣ, по свидѣтельству Константина Порфирогенита, синкеллы давались патріархамъ императорами (не ясно,—всѣ

положительно неизвѣстно; но слѣдуетъ думать, что они были какъ бы вторыми «я» епископовъ, т. е. возможно полномочными ихъ викаріями или возможно полными представителями и замѣнителями лица ихъ самихъ во всей области епархіальныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, сближеніе нашихъ намѣстниковъ съ греческими синкеллами, если бы признать это сближеніе вѣрнымъ, должно было бы вести къ тому, чтобы видѣть въ нихъ викаріевъ и представителей епископовъ или ихъ намѣстниковъ въ томъ смыслѣ совершенной замѣны, какъ это слово принято понимать. Весьма немногія положительныя извѣстія, которыя мы имѣемъ о нашихъ намѣстникахъ, и при томъ не изъ періода до-монгольскаго, а уже послѣдующаго времени, не противорѣчатъ вѣроятности указаннаго предположенія. Греческіе синкеллы всѣ жили при епископахъ, напротивъ наши намѣстники—одинъ жилъ при епископѣ, а другіе посылались въ уѣзды для самостоятельнаго управленія отдѣльными частями епископій. Это различіе, если только вообще вѣрно наше сближеніе намѣстниковъ съ синкеллами, должно было зависѣть отъ того, что у Грековъ епископіи были такъ малы, что не было нужды раздѣлять ихъ на намѣстничества, у насъ же напротивъ онѣ были такъ велики, что подобное раздѣленіе оказывалось необходимымъ [1]). Однако, не представляется невѣроятнымъ думать и того, что должность намѣстника впервые или самостоятельно была учреждена именно у насъ и что она создана была по подобію должности намѣстниковъ мірскихъ или княжескихъ (при чемъ малоупотребительное по отношенію къ княжескимъ чиновникамъ названіе намѣстникъ, можетъ быть, взято именно за тѣмъ, чтобы отличить ихъ отъ послѣднихъ). Мы положительно знаемъ, что у насъ самостоятельно учреждена была другая церковная должность, тіуна (равно какъ и должность десятинника); а поэтому можетъ быть предполагаемо таковое же самостоятельное учрежденіе и должности намѣстника [2]).

или одинъ главный), De ceremm. Lib. II, cap. V, и за столами императорскими занимали мѣсто гораздо выше митрополитовъ, между самыми первыми сановниками имперіи (за общій столъ на обѣдахъ послѣ усѣченнаго или собственно императорскаго, о которомъ выше стр. 101, прим. 3, садятся: магистръ, ректоръ, сункеллъ, ibid. Lib. II, cap. 52, τόμ. 3 нач.).

[1]) Впрочемъ знаемъ нѣкоторые примѣры, что и у Грековъ въ епархіяхъ обширныхъ, подобно нашимъ, были синкеллы, жившіе въ уѣздахъ (а не при епископахъ) и завѣдывавшіе отдѣльными частями епархій. См. книгу Ἱστορία τῆς Ἑπτανήσου et caet., ὑπὸ Π. Χιώτου, μέρος ά, ἐν Κερκύρα, 1863, стр. 241: островомъ Итакой (Теакой), принадлежавшимъ къ епархіи епископа Кефаллинійскаго (Кефалонійскаго), завѣдывалъ особый протосинкеллъ послѣдняго.

[2]) Замѣчательно, что въ Новгородской Судной грамотѣ архіепископскій на-

По скольку намѣстниковъ было и полагалось быть у каждаго епископа и было ли положено что-нибудь въ этомъ отношеніи, пока остается совершенно неизвѣстнымъ. Но частные извѣстные примѣры нѣкоторыхъ епископій даютъ знать, что ихъ было весьма непомногу и что области намѣстниковъ уѣздныхъ (не жившихъ при самихъ архіереяхъ) едва ли не совпадали съ областями намѣстниковъ (посадниковъ) княжескихъ, т. е. что по скольку и гдѣ въ княженіяхъ были вторые, постольку и тамъ были въ епархіяхъ и первые. Симонъ, епископъ Владимирскій, въ посланіи къ Поликарпу даетъ знать, что у него въ епархіи Владимирской было два намѣстника—одинъ при немъ самомъ во Владимирѣ, и другой въ Суздалѣ; онъ пишетъ Поликарпу: «аще бы ты былъ достоинъ, не быхъ тя пустилъ отъ себе, но своима рукама намѣстника тя себѣ поставилъ быхъ во обѣ епископьи Володимерю и Суздалю», т. е. позволяя себѣ преувеличеніе или шерболу, онъ хочетъ сказать: если бы ты былъ достоинъ, то я бы поставилъ тебя намѣстникомъ не только на одно изъ двухъ моихъ намѣстничествъ, но и на оба. Симонъ раздѣляетъ свою епархію на двѣ части по двумъ большимъ гражданскимъ областямъ, изъ которыхъ она состояла; есть вся вѣроятность думать, что и вообще намѣстники были въ епархіяхъ по большимъ гражданскимъ областямъ, изъ которыхъ онѣ состояли.

Намѣстникъ, находившійся при самомъ епископѣ былъ епископскимъ или епархіальнымъ судіей, какъ это мы знаемъ изъ достаточнаго количества свидѣтельствъ [1]). Затѣмъ, очень вѣроятно, что онъ болѣе или менѣе замѣнялъ и представлялъ епископа и въ дѣлахъ правленія; но насколько и въ чемъ именно, это остается неизвѣстнымъ. Необходимо думать, что судъ былъ производимъ нашимъ намѣстникомъ не единолично, а коллегіально при участіи или всего собора клирошанъ или извѣстнаго количества его членовъ, ибо даже въ весьма позднее время было весьма твердо признаваемо, что святительскій судъ долженъ быть соборный (Стоглавъ). О намѣстникахъ, находившихся не при самыхъ епископахъ, а на отдѣльныхъ намѣстничествахъ,

---

мѣстникъ называется одинъ разъ владычнимъ посадникомъ,—Акт. Эксп. т. I, № 92, стр. 70, col. 1 нач.

[1]) См. такъ называемый Уставъ Владимира, житіе св. Алексѣя, который былъ при Ѳеогностѣ намѣстникомъ, въ Степенн. кн. 1, 450, Уставную грамоту вел. кн. Василія Димитріевича и митр. Кипріана въ Акт. Эксп. т. 1 № 9, Судную Новгородскую грамоту ibid. № 92 и запись Новгородскую о церковномъ судѣ ibid. № 103.

мы пока не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній. Изъ позднѣйшаго времени, когда на отдѣльныя намѣстничества начали быть назначаемы лица свѣтскія и когда они больше или меньше утратили свое значеніе противъ древнѣйшаго времени и потеряли свой первоначальный характеръ, съ этими намѣстничествами до-монгольскаго періода можетъ быть сравниваемо только Кіевское намѣстничество Московскихъ митрополитовъ, пока митрополиты владѣли Кіевомъ. Намѣстники Кіевскіе, и въ позднѣйшее время всегда назначавшіеся не изъ свѣтскихъ, а изъ духовныхъ лицъ, обладали самыми обширными полномочіями, вполнѣ представляя собою лицо митрополитовъ во всемъ дѣлѣ церковнаго управленія и суда, за исключеніемъ поставленія въ церковныя степени, чего не могли дѣлать по неимѣнію епископскаго сана и что должны были дѣлать по ихъ грамотамъ сосѣдніе епископы [1]. Но таковы ли были по своимъ полномочіямъ намѣстники періода до-монгольскаго, это остается неизвѣстнымъ. Слишкомъ обширная власть намѣстника Кіевскаго можетъ быть изъясняема тѣмъ исключительнымъ обстоятельствомъ, что Кіевъ находился слишкомъ далеко отъ Москвы и притомъ въ другомъ государствѣ, такъ что митрополиты по необходимости должны были уволить тамошнее духовенство отъ всякихъ обращеній къ нимъ самимъ за чѣмъ бы то ни было. Такъ ли же было, когда этихъ исключительныхъ обстоятельствъ не существовало, т. е. такъ ли было съ уѣздными намѣстниками періода до-монгольскаго, это пока составляетъ вопросъ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ думать, что намѣстники эти въ большей или меньшей степени представляли и замѣняли лицо епископовъ. Если они замѣняли ихъ вполнѣ, имѣя полномочіе рѣшать дѣла собственною властію, то въ этомъ случаѣ необходимо предполагать, что духовенству намѣстничествъ предоставлено было право апелляціи отъ нихъ къ самимъ епископамъ.

При уѣздныхъ намѣстникахъ, такъ же какъ при самихъ епископахъ, были свои клиросы или свои административно-судебные соборы пресвитеровъ. Было бы необходимо предполагать это уже само по себѣ: если сами епископы управляли и судили не единолично, то тѣмъ болѣе или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ не менѣе страннымъ представлялось бы думать, чтобы единоличная и неограниченная власть была предоставлена намѣстникамъ. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ относительно

[1] Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. II, № 167, стр. 524.

этого положительныя свидѣтельства, хотя принадлежащія и не періоду домонгольскому, а болѣе позднему времени [1]).

Появленіе тіуновъ при епископахъ относятъ къ позднѣйшему времени; но несомнѣнно, что они принадлежатъ къ числу чиновниковъ епископскихъ, явившихся съ самаго перваго времени: мы имѣемъ положительное свидѣтельство объ ихъ существованіи въ началѣ второй половины XII вѣка [2]). Тіуны княжескіе и боярскіе, бывъ подручниками тѣхъ, при комъ состояли, были главнымъ образомъ подручными судьями (представлявшими изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ и людей, спеціально и нарочито знающихъ судъ и законы, каковымъ знаніемъ не всегда могли обладать ихъ принципалы). Должно думать, что и епископскіе тіуны представляли изъ себя тѣхъ же подручныхъ судей, именно—что они состояли въ качествѣ помощниковъ по судебной части при епископскихъ намѣстникахъ, обязанные, можетъ быть, судить міранъ, насколько эти послѣдніе подлежали суду церковному. Затѣмъ, свѣдѣнія, относящіяся къ позднѣйшему времени (къ концу XVI—началу XVII вѣка, къ правленію патр. Іова), представляютъ намъ ихъ какъ епископскихъ полицейскихъ надзирателей надъ духовенствомъ, именно—надзирателей въ самыхъ каѳедральныхъ городахъ и надъ духовенствомъ какъ мѣстнымъ, такъ и пришлымъ или временно проживавшимъ въ нихъ.

---

[1]) Клиросъ во Псковѣ въ концѣ XIV в., гдѣ было намѣстничество архіепископа Новгородскаго,—грамота митр. Кипріана въ Акт. Ист. т. 1, № 8, стр. 17; клирошане въ Самборѣ въ началѣ XV в., гдѣ было намѣстничество епископа Перемышльскаго,—грамота въ Акт. Зап. Росс. т. 1, № 31, стр. 45; крылошане въ Вильнѣ въ концѣ XV вѣка, гдѣ было намѣстничество Кіевскаго митрополита,—ibidd. № 152, стр. 175.—Высокое общественное положеніе епископскихъ намѣстниковъ въ древнее время видно изъ того, что они являются при князьяхъ вмѣстѣ съ ихъ старшими боярами при заключеніи международныхъ договоровъ, Собр. Госуд. Грам. II, 6 sub fin. Въ XVI и XVII вѣкѣ въ Галиціи намѣстниковъ избирали не епископы, а клирошане, первые же только благословляли или утверждали ихъ, см. Акт. Южн. и Западн. Росс. I, 106 и грамоту епископа Львовскаго Евстафія Тисаровскаго, указанную выше. Что же касается до древняго времени, то, какъ кажется, избирали ихъ епископы: слова епископа Владимирскаго Симона, приведенныя выше, и въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1273 года замѣчаніе, что иногда епископы поставляли намѣстниковъ на мздѣ.

[2]) Сохранилась одна рукопись, написанная въ Новгородѣ при епископѣ Аркадіи, занимавшемъ каѳедру съ 1156 г. по 1163 г., и на рукописи записано, что она кончена при нашемъ епископѣ „и при тіунѣ Тупочелѣ“,—*Срезневск.* Древніе памятники русскаго письма и языка, стр. 33 col. 1 (затѣмъ въ 1366 г. упоминается тіунъ епископа Перемышльскаго,—*Головацкаго* Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго, стр. 7).

Весьма вѣроятно думать, что съ самаго древняго времени, какъ и въ позднѣйшее время, тіуны были изъ людей свѣтскихъ, а не духовныхъ,—изъ свѣтскихъ служилыхъ людей при архіереяхъ или такъ называемыхъ боярскихъ при нихъ дѣтей. Введеніе у насъ въ лицѣ тіуновъ свѣтскаго элемента въ управленіе и судъ церковные находило свое оправданіе въ примѣрѣ церкви греческой (если не было прямымъ его воспроизведеніемъ): наши тіуны представляли собою до нѣкоторой степени то же самое, что̀ греческіе экдики; но экдики у Грековъ въ позднѣйшее время, по свидѣтельству Вальсамона, всегда были изъ міранъ, а не изъ духовныхъ [1]).

(Въ позднѣйшее время по всѣмъ нашимъ городамъ являются соборы съ протопопами во главѣ. Не знаемъ, когда начали появляться эти соборы. Но если съ древнѣйшаго времени, что̀ вѣроятнѣе и о чемъ ниже, то не должно думать, чтобы ихъ протопопы съ самаго перваго появленія представляли собою вторую инстанцію уѣздной власти подъ намѣстниками; первоначально они были только первыми священниками въ соборахъ (какъ теперь), а чиновниками стали въ Западной Руси и на Москвѣ въ позднѣйшее время (въ Западной Руси не только сдѣланы были начальниками протопопы городскіе, но учреждены были протопопіи и уѣздныя, какъ наши теперешнія благочинія, что̀ было взято съ образца декапатовъ Римско-католическихъ). Вальсамонъ даетъ знать (у *Ралли* и *П.* III, 142), что въ Греціи протопопы замѣнили собою въ малыхъ городахъ или пригородахъ и въ большихъ селеніяхъ древнихъ хорепископовъ, но, по его же свидѣтельству, административное значеніе хорепископовъ совершенно уничтожилось (παντελῶς ἠπράκτησεν), слѣдовательно, не перешло на протопоповъ, (ibid. III, 47, и IV, 277), а Аристинъ даетъ знать, что они только въ своихъ селеніяхъ первенствуютъ, т. е. что они суть только начальные іереи (старшіе священники или настоятели въ приходахъ многоклирныхъ,—ibid. III, 140. Πρωτοπαπαδίκιον въ Греціи, ibid, II, 148 нач., не значило административный округъ епархіи, а малый городъ или большое селеніе, принадлежащее епископу).

Итакъ, у насъ органами епархіальнаго управленія въ періодъ до-монгольскій были: во-первыхъ, каѳедральные клиросы, которые со-

---

[1]) У *Ралли* и *П.* IV, 531 нач. (Въ древнѣйшее время экдики у Грековъ если не всегда были, то по крайней мѣрѣ иногда бывали и изъ духовныхъ: напр. патріархъ Константинопольскій Іоаннъ 5-й, † 674, былъ изъ пресвитеровъ и протекдиковъ великой церкви. Впрочемъ, изъ протекдиковъ по однимъ извѣстіямъ, по другимъ же—изъ хартофилаксовъ).

ставляли изъ себя пресвитерскіе совѣты или соборы при епископахъ, и, во-вторыхъ, намѣстники этихъ послѣднихъ съ своими помощниками—тіунами, изъ коихъ (намѣстниковъ) одинъ, состоявшій при самой каѳедрѣ, былъ викаріемъ и помощникомъ епископа въ самомъ мѣстѣ его нахожденія, а другіе, жившіе въ уѣздахъ на отдѣльныхъ намѣстничествахъ, обладая бо̀льшими или меньшими полномочіями и также имѣя при себѣ свои клиросы, были особыми уѣздными епархіальными начальниками.

Къ этимъ двумъ категоріямъ чиновниковъ со всею вѣроятностію должна быть причислена еще третья, которая достовѣрно извѣстною становится только въ послѣдующее время, но которой начало есть всѣ основанія относить еще къ сему первому періоду. Это—чиновники уѣздные низшіе и, какъ нужно думать, не изъ клира или духовенства, а подобно тіунамъ изъ міряиъ.

Въ Греціи, какъ мы говорили, не было постоянныхъ уѣздныхъ чиновниковъ въ епархіальномъ управленіи, потому что при весьма небольшомъ пространствѣ епархій въ нихъ не было никакой нужды. Напротивъ, у насъ, при слишкомъ большой обширности епархій, была въ такихъ чиновникахъ настоятельная и неизбѣжная нужда. Не знаемъ точно, какимъ изъ чиновниковъ греческихъ соотвѣтствовали наши намѣстники; во всякомъ случаѣ тѣ изъ нихъ, которые не жили при самихъ епископахъ, а находились на особыхъ намѣстничествахъ, представляя собою нововведеніе противъ церкви Греческой, были чиновниками уѣздными. Но такъ какъ этихъ намѣстниковъ, по причинѣ ли ихъ большихъ полномочій и высокаго положенія или по чему-нибудь другому, было въ епархіяхъ весьма не по многу, то для болѣе дѣйствительнаго надзора надъ духовенствомъ требовались подъ ними еще низшіе уѣздные чиновники. Въ послѣ-монгольское время мы находимъ такихъ низшихъ уѣздныхъ чиновниковъ въ такъ называемыхъ десятинникахъ, и мы думаемъ, что эти десятинники явились въ качествѣ уѣздныхъ епархіальныхъ чиновниковъ еще во время до-монгольское. По своему первоначальному происхожденію десятинники суть собственно сборщики десятины въ пользу епископовъ съ населеній епархій. Наши епископы со стороны государственной власти были обезпечены въ средствахъ содержанія тѣмъ, что князья уступили имъ десятину или десятую часть съ податей или оброковъ, которые они собирали съ населеній, и съ нѣкоторыхъ другихъ статей своихъ доходовъ, а также предоставили взимать имъ десятину и со всѣхъ частныхъ собственниковъ, о чемъ обстоятельнѣе скажемъ ниже. При этомъ,

что касается именно до десятины или десятой части съ казенныхъ податей или оброковъ, то князья поступали не такъ, чтобы собирали ее сами вмѣстѣ съ своими девятью десятыми частями и потомъ выдавали ее епископамъ гуртомъ по разсчету, а такъ, что, выключивъ ее изъ своихъ доходовъ, предоставляли собирать ее у самихъ плательщиковъ самимъ епископамъ, какъ отдѣльную подать. Такимъ образомъ, собственное назначеніе десятинниковъ, какъ мы сказали, состояло въ томъ, чтобы собирать съ населеній епархій эту десятину княжескихъ податей, отдѣленную въ пользу епископовъ. Эти-то десятинники въ періодъ послѣ-монгольскій и являются не только сборщиками десятины или податей, но вмѣстѣ и низшими епархіальными чиновниками, надзирающими надъ духовенствомъ. Когда совершилось ихъ превращеніе изъ простыхъ сборщиковъ въ епархіальныхъ чиновниковъ, пока остается совершенно неизвѣстнымъ, но, какъ мы сказали выше, со всею вѣроятностію надлежитъ думать, что превращеніе имѣло мѣсто еще во время до-монгольское. Когда бы ни случилось это превращеніе, во всякомъ случаѣ его необходимо объяснять нуждой. Епархіи наши были слишкомъ обширны, а между тѣмъ уѣздныхъ чиновниковъ, которые бы могли надзирать надъ духовенствомъ, за исключеніемъ намѣстниковъ, надзоръ которыхъ простирался еще на слишкомъ большіе частные округи, не было учреждено по неимѣнію такихъ чиновниковъ въ церкви Греческой. Десятинники, живя для своихъ сборовъ въ уѣздахъ по участкамъ или десятинамъ, представляли собою готовыхъ людей, которыми съ полнымъ удобствомъ можно было воспользоваться для цѣлей надзора, т. е. представляли собою готовыхъ людей, къ обязанности которыхъ производить сборы съ полнымъ удобствомъ могла быть присоединена еще обязанность надзирать надъ духовенствомъ своихъ округовъ или десятинъ. Такъ какъ это было удобно, то и было сдѣлано. Но если сейчасъ указаннымъ образомъ необходимо объяснять превращеніе десятинниковъ изъ простыхъ сборщиковъ податей въ административныхъ епархіальныхъ чиновниковъ, то и послѣднее событіе необходимо относить еще ко времени до-монгольскому. Та нужда, которая заставила превратить десятинниковъ изъ простыхъ сборщиковъ въ административныхъ чиновниковъ, во время до-монгольское столько же существовала и совершенно столько же была настоятельна, какъ и послѣ. За время до-монгольское мы не можемъ указать никакихъ препятствій, которыя бы помѣшали совершиться этому превращенію еще тогда; предполагать же, что тогда еще не успѣли догадаться сдѣлать то, что сдѣлали послѣ, очевидно, есть дѣло нисколько не правдо-

подобное, ибо догадаться было слишкомъ просто, такъ какъ на догадку невольно наводило самое дѣло, и для того, чтобы сдѣлать ее, періодъ домонгольскій представлялъ слишкомъ достаточно времени.

Мы сказали, что десятинники, по всей вѣроятности, были не изъ самаго клира или духовенства, а изъ лицъ свѣтскихъ. Въ послѣдующее время они всегда и непремѣнно были изъ свѣтскихъ, а не изъ духовныхъ, и вопросъ только о древнѣйшемъ времени или собственно въ томъ: были ли они свѣтскими съ самаго начала или же превратились въ таковыхъ изъ духовныхъ только впослѣдствіи, въ періодъ послѣ-монгольскій или Московскій? Для отвѣта на вопросъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Такъ какъ мы знаемъ, что въ періодъ Московскій случилась замѣна лицъ духовныхъ лицами свѣтскими (такъ называемыми архіерейскими боярами) въ центральномъ епархіальномъ управленіи: то представлялось бы думать, что имѣла мѣсто та же замѣна, случившаяся въ тотъ же періодъ Московскій, и въ нашемъ случаѣ. Но относительно первой замѣны мы знаемъ, чѣмъ она изъясняется; въ изъясненіе же нашей второй замѣны мы не въ состояніи придумать ничего основательнаго и напротивъ предположеніе, что десятинники были изъ людей свѣтскихъ съ самаго начала, является необходимымъ для совершенно удовлетворительнаго изъясненія первой замѣны [1]). Такимъ образомъ, представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что десятинники не стали у насъ изъ свѣтскихъ только въ періодъ Московскій, а были таковыми съ самаго начала. Но если это такъ, то мы въ семъ случаѣ отступили отъ примѣра Грековъ, а равно отъ примѣра Болгаръ и Сербовъ. У Грековъ, Болгаръ и Сербовъ епископы также взимали подати съ мірскихъ населеній епархій и также собирали ихъ посредствомъ своихъ собственныхъ чиновниковъ; но у всѣхъ троихъ чиновники эти были лица духовныя, такъ называемые экзархи, которые, бывъ посылаемы для сбора податей, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ и визитовать или ревизовать епархіи [2]). Чѣмъ объяснить это наше отступленіе отъ примѣра Грековъ, Болгаръ и Сербовъ, не можемъ сказать положительнымъ образомъ. Правда, что у Грековъ въ нашъ періодъ домонгольскій лица свѣтскія уже начали быть принимаемы въ число чиновниковъ архіерейскихъ, именно—въ число чиновниковъ низшихъ послѣ указанныхъ высшихъ (и за давнимъ исключеніемъ между этими послѣдними экдиковъ, о чемъ

---

[1]) Объ этомъ читатель долженъ смотрѣть уже во 2-мъ томѣ нашей Исторіи.

[2]) См. Вальсамона у *Ралли* и *П.* I, 63 sub fin., и II, 592 нач.

мы говорили)[1]; но такъ какъ экзархамъ главнымъ образомъ было усвояемо еще то значеніе, что они, обходя епархіи, примѣчаютъ и исправляютъ въ нихъ все духовное, требующее исправленія (см. выше стр. 340): то едва ли были уже посылаемы у нихъ тогда экзархами лица свѣтскія. Какъ случилось у насъ, что десятинниками у архіереевъ стали міряне, само по себѣ это изъясняется очень просто: при учрежденіи епархій епископы были спабжены у насъ отъ гражданскаго правительства для ихъ нуждъ, какъ вотчинниковъ и вообще какъ людей, представлявшихъ изъ себя большихъ бояръ, свѣтскими служилыми людьми; чтобы не содержать этихъ служилыхъ людей посредствомъ жалованья, архіереи и назначили въ кормленіе имъ десятинничество[2]). Вопросъ однако въ томъ, какимъ образомъ случилось, что это простое, вовсе не являвшееся похвальнымъ нововведеніемъ въ области церковной администраціи, сдѣлано было у насъ вопреки примѣру Грековъ. Такъ какъ наша десятина представляла собою совершенно тоже, что̀ десятина западная, и былъ, по всей вѣроятности, взята съ примѣра этой послѣдней, о чемъ скажемъ ниже: то подозрѣвается намъ, что и десятинниками у насъ стали лица свѣтскія именно по примѣру западному[3]). Какъ бы то ни было, но это наше нововведеніе противъ церкви Греческой со всею вѣроятностію должно быть признано за несчастіе для нашего низшаго духовенства: свѣтскіе десятинники, ставъ административными чиновниками, явились такими грабителями этого духовенства, какими едва ли бы явились десятинники духовные (обстоятельнѣе объ этомъ во 2-мъ томѣ).

Итакъ, со включеніемъ десятинниковъ, общій составъ епархіальныхъ чиновниковъ въ періодъ домонгольскій будетъ: а) чиновники центральные или находившіеся при самомъ архіереѣ: 1) его намѣстникъ, представлявшій собою его помощника и какъ бы его викарія,

---

[1]) Относительно Грековъ см. у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. ἔξαρχος, относительно Болгаръ у *Срезневскаго* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ,—прилож. къ 34 т. Записокъ Акад. Наукъ. № 4, стр. 20, относительно Сербовъ въ нашемъ Краткомъ очеркѣ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 685, § 38.

[2]) И у Сербовъ архіереи имѣли наклонность сдѣлать то же, но были остановлены въ семъ случаѣ государственною властію, см. нашъ Краткій очеркъ, стр. 686, § 38.

[3]) Какія лица были сборщиками десятины на Западѣ, этого, къ сожалѣнію, мы не могли доискаться въ находящихся у насъ подъ руками книгахъ. Но у Дюканжа въ Glossarium'ѣ Latinitatis подъ сл. decimarii есть выписки, изъ которыхъ какъ будто слѣдуетъ, что ими были лица свѣтскія.

съ своимъ подручникомъ — тіуномъ; 2) каѳедральный клиросъ или штатъ каѳедральныхъ священниковъ, составлявшій правительственную коллегію при архіереѣ; б) чиновники уѣздные: 1) намѣстники областные съ тѣми же своими подручниками тіунами и также имѣвшіе при себѣ свои клиросы—болѣе или менѣе полномочные начальники отдѣльныхъ округъ, на которые раздѣлялись епархіи; 2) десятинники—низшіе надзиратели надъ духовенствомъ.

III.

Пространство епархіальнаго суда. Церковные законы. Дополненіе объ епископахъ (архіепископы).

Отъ представителей или органовъ епископской власти обращаемся теперь къ ея у насъ пространству.

Епископъ есть духовный начальникъ надъ своею паствою и духовный ея судья. Эта власть принадлежитъ ему по божественному праву; этой власти никто не можетъ ни расширить и ни умалить у него, и въ этомъ отношеніи епископъ всегда и вездѣ одинъ и тотъ же. Но власть епископовъ, нерасширимая и несократимая сама въ себѣ, можетъ болѣе или менѣе расширяться на счетъ власти гражданской, которая можетъ поступаться и обыкновенно поступается епископамъ большею или меньшею частію своихъ правъ. Такъ какъ это послѣднее есть дѣло совершенно свободное, зависящее въ каждой странѣ отъ доброй воли гражданскаго правительства, то и власть епископовъ частныхъ церквей можетъ быть шире или уже, смотря потому, сколько въ какой странѣ уступается гражданскимъ правительствомъ его собственныхъ правъ епископамъ. Слѣдовательно, вопросъ о пространствѣ власти епископовъ въ нашей Русской церкви есть вопросъ о томъ: сколько уступило имъ своихъ правъ наше гражданское правительство. За тѣмъ еще одно ограниченіе. Власть бываетъ двоякая—правительственная или административная и судебная; первая есть власть непрерывно дѣйствующая и привязанная къ извѣстному роду дѣлъ (правительственный или административный чиновникъ непрерывно исполняетъ извѣстныя обязанности), вторая есть власть дѣйствующая перерывами и могущая простираться на дѣла разнаго рода (судія разбираетъ дѣла преемственно одни за другими и можетъ разбирать одни послѣ другихъ дѣла разныхъ категорій или классовъ). Такъ какъ двухъ

властей, непрерывно дѣйствующихъ и привязанныхъ къ извѣстнаго рода дѣламъ, не можетъ соединять въ себѣ одно и то же лицо безъ ущерба для одной или другой власти и такъ какъ епископы суть уже правители (администраторы) духовные: то на семъ основаніи гражданскія правительства не могутъ уступать имъ, а они не могутъ принимать отъ правительствъ какой-либо части власти правительственной (административной). Въ самой церкви, ограждающей духовную правительственную власть отъ всякаго ослабленія посредствомъ примѣшенія къ ней власти правительственной мірской, съ самаго древняго времени существовало каноническое и твердое постановленіе, чтобы епископы, пресвитеры и діаконы не принимали на себя никакихъ мірскихъ попеченій, а иначе были извергаемы изъ сана [1]). Такимъ образомъ, когда идетъ рѣчь объ уступкѣ епископамъ гражданскими правительствами бо́льшей или меньшей доли своихъ правъ, то всегда должны быть разумѣемы права судебныя, но не правительственныя (административныя); а слѣдовательно въ частности и въ нашей Русской церкви могла получить то или другое расширеніе только власть епископовъ первая, а не послѣдняя, которая и у насъ, такъ же какъ вездѣ, была ни шире, ни уже того, какою она должна быть по своему существу.

Прежде всего у насъ, такъ же какъ и въ Греціи, судебная власть епископовъ была расширена посредствомъ того, что имъ предоставлены были въ подсудность священники не только какъ духовные чиновники, но и какъ граждане, т. е. въ подсудность не только по преступленіямъ противъ своей должности, но и по всѣмъ вообще, за исключеніемъ преступленій уголовныхъ самыхъ тяжкихъ. Объ этомъ мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить о приходскомъ духовенствѣ.

Другимъ и важнѣйшимъ расширеніемъ у насъ судебной власти епископовъ было то, которое случилось прямо на счетъ мірянъ, чрезъ предоставленіе епископамъ гражданскаго суда надъ сими послѣдними. Объ этомъ второмъ расширеніи мы и скажемъ теперь.

Такъ какъ вѣру и церковь и епископовъ мы заимствовали отъ Грековъ, то естественно было бы ожидать, что и въ сейчасъ указанномъ отношеніи епископы будутъ поставлены у насъ совершенно въ то же положеніе, какъ это было въ Греціи. Но у насъ обстоятельства и условія были иныя, а потому и дѣло вышло значительно иначе. Въ Греціи, гдѣ юридическія понятія стояли на иной степени развитія,

---

[1]) Апостт. прр. 6, 81 и 83, 4 всел. соб. прр. 5 и 7, 7 всел. соб. пр. 10, Двукратн. 11 и Карѳаг. 19.

чѣмъ у насъ, государственный судъ былъ дѣломъ чисто государственнымъ. Наятой или какимъ бы то ни было способомъ поставленный правительствомъ судія производилъ судебное разбирательство, постановлялъ приговоръ и тѣмъ кончалось его отношеніе къ подсудимымъ— съ нихъ самихъ онъ не получалъ себѣ никакого вознагражденія за свой трудъ [1]). Напротивъ, у насъ въ Россіи дѣло было еще въ такомъ положеніи, что судей содержали сами судящіеся, именно — съ каждаго судебнаго дѣла шла въ пользу первыхъ извѣстная опредѣленная пеня или пошлина. Въ Греціи вмѣшательство кого-либо посторонняго въ дѣло государственнаго суда не причиняло ни малѣйшаго личнаго ущерба судьямъ и развѣ могло доставлять имъ одно облегченіе, уменьшая количество дѣлъ, подлежащихъ разбирательству; напротивъ, у насъ всякое подобное вмѣшательство было посягательствомъ на доходы судей, на ихъ содержаніе. Вслѣдствіе этого, совершенно различнаго, отношенія судей къ суду въ Греціи и у насъ, очевидно, и пространство юрисдикціи епископовъ не могло явиться у насъ совершеннымъ снимкомъ съ таковаго же въ Греціи. Такъ какъ въ Греціи было совершенно безразлично для судей, судили ли судъ они сами или онъ былъ предоставленъ кому-нибудь другому; такъ какъ тамъ правительство, допуская участіе въ судѣ стороннихъ людей, не наносило ни малѣйшаго ущерба личному интересу дѣйствительныхъ судей: то тамъ, вслѣдствіе высокаго понятія о нравственной доброкачественности епископовъ и въ освященіе обычая, сложившагося еще въ то время, когда церковь находилась подъ государствомъ языческимъ, епископамъ предоставлено было весьма обширное право вмѣшательства въ дѣло государственнаго суда. Пока государство было языческимъ, у христіанъ установился обычай, въ случаѣ тяжебъ и ссоръ обращаться не къ суду государственныхъ языческихъ судей, но къ суду судей собственныхъ, добровольно избранныхъ и въ особенности къ суду пред-

[1]) Новеллы Юстиніана 17 гл. 1 и 124 глл. 1—3, Еклоги Льва Исавра тит. VII, новелла Константина Копронима περὶ ἐκταγιατικῶν у *Цахаріе* въ Ius Graecoromanum III, 267, Царскихъ книгъ кн. VII, тит. IV гл. V (Арменопула Прохиронъ кн. IV, глл. 45 и 46, cfr *Неволина* О пространствѣ церковнаго суда въ Полномъ собр. сочинн. VI, 300, sqq. Такъ называемыя спортуллы — σπόρτουλλα, иначе ἐκταγιατικά, ἐκβιβαστικά, ἐφόδια, συνήθειαι (пошлины) взимаемы были не судьями, а судебными приставами, и представляли собою то, что у насъ было „хоженое“ и „ѣзженое“ недѣльщиковъ. Судьямъ третейскимъ Юстиніанъ предоставляетъ брать съ обѣихъ тяжущихся сторонъ нѣкоторое вознагражденіе за трудъ разбирательства гражданскихъ дѣлъ, если тяжба не менѣе какъ о ста золотыхъ монетахъ,—новелла 82 гл. 9).

стоятелей общинъ—епископовъ. Такъ какъ въ самомъ существѣ суда не было никакихъ препятствій, чтобы этотъ до-христіанскій обычай допустили и христіанскіе императоры; такъ какъ, съ другой стороны, высокое понятіе о нравственныхъ качествахъ епископовъ обязывало сдѣлать это, сохранивъ и подтвердивъ имъ преимущество, которымъ они до той поры пользовались съ такимъ безукоризненнымъ достоинствомъ: то христіанскіе императоры и поспѣшили сдѣлать это, предоставивъ епископамъ сначала неограниченное, а потомъ нѣсколько ограниченное право третейскихъ судей, т. е. право, чтобы епископы, если бы тяжущіеся по взаимному соглашенію не захотѣли идти къ обыкновеннымъ судьямъ, а захотѣли обратиться къ нимъ, принимали таковыхъ на судъ и чтобы ихъ судъ имѣлъ совершенно ту же самую силу, какъ если бы онъ былъ произведенъ обыкновенными судьями. Это право предоставилъ епископамъ первый же христіанскій императоръ Константинъ Великій, о чемъ Созоменъ пишетъ: «позволилъ тяжущимся, чтобы они обращались къ суду епископовъ, если бы они не хотѣли идти въ гражданскіе суды; приговоры епископовъ не только имѣли всю силу, но даже и бо́льшую, чѣмъ другихъ судей, какъ бы были постановлены самимъ императоромъ, и ректоры провинцій съ ихъ чиновниками обязаны были приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія епископовъ» [1]). Это узаконеніе Константина было повторяемо нѣсколько разъ и послѣдующими императорами и оставалось въ силѣ до позднѣйшаго времени; только вскорѣ послѣ Константина сдѣлано было то ограниченіе, чтобы епископы принимали къ своему третейскому суду дѣла гражданскія, но не уголовныя [2]).

У насъ, какъ мы сказали, было такъ, что съ каждаго судебнаго дѣла въ пользу судей шла извѣстная пошлина. Предоставить кому бы то ни было право третейскаго суда или право судящимся уклоняться отъ суда обыкновенныхъ судей у насъ значило лишать этихъ послѣд-

---

[1]) Hist. Eccles. lib. I, c. 9.

[2]) Cod. Justinian. lib. 1, tit. IV, legg. 7 и 8. Впрочемъ, и въ позднѣйшее время, какъ даютъ знать свидѣтельства, судили и уголовныя легкія преступленія,—Вальсам. у *Ралли* и *П.* III, 495 fin (узаконенія Юстиніана не внесены въ Царскія книги Льва Мудраго,—Вальсам. ibid. I, 171; но это по всей вѣроятности должно понимать не такъ, чтобы онѣ положительнымъ образомъ были отмѣнены, а такъ, что книги, не говоря отдѣльно объ епископахъ, какъ о третейскихъ судьяхъ, разумѣютъ ихъ вмѣстѣ съ другими въ своихъ общихъ рѣчахъ о третейскихъ судьяхъ, которыя въ кн. VII, тит. II. Что и послѣ изданія Царскихъ книгъ епископы пользовались правомъ третейскаго суда, при чемъ нарочитымъ судьей въ семъ случаѣ былъ у нихъ протекдикъ, см. у *Ралли* и *П.* III, 495, fin).

нихъ принадлежавшихъ имъ доходовъ. Такимъ образомъ, по сей причинѣ у насъ и епископамъ вовсе не могло быть предоставлено права, усвоеннаго имъ въ Греціи. Напротивъ, изъ того обстоятельства, что нашъ судъ представлялъ собой доходъ, само собою вытекало то непремѣнное положеніе, что судъ, предоставленный одному, долженъ быть неприкосновененъ для всякаго другаго, какъ собственность перваго, а слѣдовательно—и по отношенію къ епископамъ вытекало то положеніе, что для нихъ долженъ быть неприкосновененъ судъ, предоставленный гражданскимъ судьямъ.

Однако, и у насъ было такъ, что государство почтило епископовъ значительной уступкой имъ своихъ правъ; только у насъ это было совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Греціи, и уступка имѣла другой смыслъ и значеніе, чѣмъ тамъ. Не допуская вмѣшательства епископовъ въ область суда гражданскаго, предполагая это вмѣшательство столько же невозможнымъ, сколько вообще невозможно чье бы то ни было посягательство на чужую собственность, государство или князья сдѣлали у насъ то, что расширили собственную постоянную область суда епископовъ на счетъ суда гражданскаго, т. е. что, не предоставляя епископамъ права постоянно вмѣшиваться во всѣ дѣла суда гражданскаго, они предоставили ихъ постоянному вѣдѣнію нѣкоторыя такія дѣла, которыя собственно подлежали сему послѣднему суду. Въ Греціи чрезъ предоставленіе епископамъ права третейскихъ судей свидѣтельствовалось уваженіе къ ихъ высокому нравственному характеру; у насъ уступкой епископамъ нѣкоторыхъ предметовъ суда гражданскаго дѣлался имъ денежный даръ, предоставлялось имъ нѣсколько лишнихъ статей дохода.

Относительно исторіи расширенія у насъ суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго, къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало положительныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній.

Существуютъ такъ-называемые церковные уставы Владиміра и Ярослава или ихъ будто бы дарственныя грамоты церкви, которыя именно дѣлаютъ то, что расширяютъ судъ церковный на счетъ суда гражданскаго, предоставляя первому одна одно, другая другое количество дѣлъ гражданскихъ. Но если бы который-нибудь изъ этихъ уставовъ, исключающихъ себя взаимно, и былъ подлиннымъ, то во всякомъ случаѣ оставалось бы несомнѣннымъ, что ни одинъ извѣстный въ настоящее время списокъ того и другаго не представляетъ ихъ въ подлинномъ видѣ, а всѣ представляютъ въ большей или меньшей позднѣйшей передѣлкѣ, и что, такимъ образомъ, мы лишены возможности знать,

что въ томъ и другомъ уставѣ есть подлинное. Такъ или иначе, больше или меньше, расширенъ былъ у насъ судъ церковный на счетъ суда гражданскаго въ самомъ началѣ, но необходимо принимать, что впослѣдствіи съ нимъ не случилось того, чтобы его пространство временно сокращалось, а было то, что онъ постепенно все болѣе и болѣе расширялся. Между тѣмъ изъ половины XII вѣка мы имѣемъ документальное свидѣтельство о пространствѣ у насъ церковнаго суда, изъ котораго оказывается, что даже и въ то время онъ еще имѣлъ иные и болѣе узкіе предѣлы, чѣмъ по какому бы ни было изъ списковъ того или другаго устава. Такое документальное свидѣтельство составляетъ жалованная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данная имъ новооткрытой Смоленской епископіи въ 1150-мъ г. (о ней ниже).

Затѣмъ, вопреки нынѣшнимъ горячимъ и не горячимъ защитникамъ подлинности уставовъ, съ совершенною рѣшительностію должно возвратиться къ мнѣнію Карамзина, что они суть не подлинные уставы или грамоты, а позднѣйшія поддѣльныя произведенія.

Уставъ Владимира, дошедшій до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ [1]) и множествѣ списковъ, начинается краткимъ введеніемъ о принятіи Владимиромъ христіанства отъ Грековъ и о взятіи имъ у нихъ перваго митрополита, и потомъ содержитъ запись о дарствованіяхъ великаго князя, которыя суть: пожалованіе десятины Кіевской церкви св. Богородицы; предоставленіе въ подсудность епископамъ — во-первыхъ, всѣхъ міряпъ по нѣкоторымъ дѣламъ гражданскимъ, во-вторыхъ—нѣкоторыхъ классовъ міряпъ и духовенства по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ; порученіе завѣдыванію епископовъ богоугодныхъ заведеній и ихъ надзору торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. «Се азъ князь Василій, нарицаемый Володимеръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ (и) блаженныя княгини Ольги, въспріялъ есмь святое крещеніе отъ Грецьскаго царя и отъ Фотія патріарха Царегородьскаго (и) взяхъ перваго митрополита Леона Кіеву, иже крьсти всю землю Русьскую святымъ крщеніемъ. Потомъ же лѣтомъ многымъ минувшемъ создахъ церковь святыя Богородица Десятиньпую, и дахъ ей десятину по всѣй земли Рустѣй изъ княженія въ сборьную церковь, отъ всего княжа суда,... изъ торгу,... изъ домовъ па всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякого жита... Потомъ разверзъше Грецьскыи Номоканонъ и обрѣтохъ

---

[1]) Въ трехъ редакціяхъ: древней, которая должна быть принимаема за оригинальную автора, и въ двухъ позднѣйшихъ. См. въ приложеніи къ этой главѣ.

въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжь князю судити ни боярамъ его ни судьямъ,... а се церковніи суды: роспустъ, смилное, заставанье... (перечисляются дѣла гражданскія, по которымъ всѣ міряне должны быть подвѣдомы суду епископовъ). Се же искони установлено есть и поручено святымъ пискупьямъ (епископамъ) городскія и торговыя всякія мѣрила и спуды и звѣсы... А се церковные люди: игуменъ, попъ, дьяконъ... (перечисляются люди, предоставленные епископамъ въ подсудность по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ), монастыреве, больницѣ»... (богоугодныя заведенія).

Все, что находится въ уставѣ не только по всѣмъ извѣстнымъ редакціямъ, но и по всѣмъ безъ изъятія многочисленнымъ спискамъ всѣхъ редакцій, конечно, есть въ немъ подлинное и первоначальное, принадлежащее самому его автору. Съ этимъ совершенно согласны и защитники подлинности устава. Итакъ, во-первыхъ, по всѣмъ спискамъ уставъ сначала говоритъ о дарованіи Владиміромъ десятины Кіевской церкви Богородицы, а потомъ о предоставленіи извѣстной части гражданскаго суда и пр. всѣмъ Русскимъ епископамъ. Если читатель припомнитъ себѣ, что десятина была дана не одной Кіевской церкви Богородицы и не одной митрополіи, но и всѣмъ епископіямъ, то онъ пойметъ всю несообразность того, какъ имѣетъ себя дѣло въ уставѣ. Уставъ говоритъ о пространствѣ суда, предоставленнаго всѣмъ Русскимъ епископамъ; но и десятина была дана всѣмъ имъ: ясно, что и о предоставленіи послѣдней онъ долженъ былъ говорить не одной Кіевской церкви Богородицы, а и всѣмъ епископіямъ. Эта совершенная и въ подлинномъ Владиміровомъ уставѣ невозможная несообразность, очевидно, должна быть объясняема такъ, что позднѣйшіе составители устава не знали о дарованіи Владиміромъ десятины всѣмъ епископіямъ,—что, читавъ въ лѣтописи о десятинѣ только Кіевской церкви Богородицы, они и даруютъ послѣднюю только ей одной и ставятъ частное распоряженіе о ней во главѣ тѣхъ общихъ узаконеній, которыя сочиняютъ сами.

Во-вторыхъ, по всѣмъ спискамъ устава Владиміръ даетъ десятину Кіевской церкви Богородицы «во всей земли Русской». Но это невозможно и совсѣмъ нелѣпо; Владиміръ далъ и могъ дать десятину Кіевской церкви Богородицы только въ области великаго княженія, десятина же съ прочихъ областей или удѣловъ долженствовала быть дана и дана была ихъ собственнымъ епископіямъ [1]).

---

[1]) Намъ, конечно, поспѣшатъ возразить, что такъ говоритъ о дарованіи десятины и лѣтопись. Однако это не такъ; въ лѣтописи Владиміръ говоритъ: „даю

Втретьихъ, по всѣмъ спискамъ устава Владимиръ говоритъ, что онъ предоставляетъ суду епископовъ извѣстное количество дѣлъ гражданскихъ на основаніи греческаго Номоканона. Но это неправда, и слѣдовательно—самъ Владимиръ не могъ этого сказать.

Вчетвертыхъ, по всѣмъ спискамъ устава Владимиръ предоставляетъ суду епископовъ «смилное» или тяжбы изъ-за брачныхъ контрактовъ (рядныхъ грамотъ) и тяжбы о «задницѣ» или о наслѣдствѣ («дѣти тяжутся о задницю»). Но относительно тяжебъ о наслѣдствѣ мы имѣемъ положительное свидѣтельство, что при Ярославѣ онѣ подлежали суду князя [1]), а затѣмъ—ни однихъ, ни другихъ тяжебъ не находимъ подлежащими суду епископовъ даже въ половинѣ XII вѣка (грамота Ростислава Смоленскаго).

Впятыхъ, по всѣмъ спискамъ устава предоставляются въ немъ завѣдыванію епископовъ больницы, гостинницы, страннопріимницы, съ судомъ надъ паломниками, лѣчцами и сторонниками. Но несомнѣнно, что при Владимирѣ, какъ и послѣ, у насъ вовсе не было помянутыхъ богоугодныхъ заведеній (cfr 2-й половины тома стр. 749 по 1 изд.).

Въ наибольшей части списковъ устава во вступленіи говорится о томъ, что Владимиръ послѣ крещенія взялъ у патріарха перваго митрополита Кіеву, такъ что это мѣсто (о взятіи митрополита у патріарха) со всею вѣроятностію должно быть относимо къ мѣстамъ, принадлежащимъ оригиналу. Но во всѣхъ тѣхъ спискахъ, которые, говоря о семъ, называютъ патріарха по имени,—а такихъ списковъ въ своей категоріи рѣшительное большинство, — онъ есть Фотій, умершій до Владимира за сто лѣтъ [2]).

церкви сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ *моихъ* десятую часть". Лѣтопись говоритъ, будто Владимиръ „далъ бѣ десятину къ церкви той по всей Русской земли" только подъ 1169-мъ г. (Лавр.,—Ипатск. подъ 1172-мъ г.), когда уже плохо разумѣлось, что такое десятина (а какъ это послѣднее могло случиться, ясно будетъ изъ слѣдующихъ ниже рѣчей о десятинѣ).

[1]) Въ Правдѣ Ярославовой: „Аже братья ростяжуться передъ княземъ о задницю"... то... Толковать образъ выраженія: „аже ростяжутся" такъ, что тяжущимся предоставляется обращаться къ суду князя, если они не хотятъ идти на судъ епископа, натянуто и неосновательно. По характеру нашего суда, о чемъ мы говорили немного выше, у насъ не могло быть того, чтобы тяжущимся было предоставлено по произволу обращаться къ тому или другому суду. Словомъ „аже", которое въ данномъ случаѣ дѣйствительно сообщаетъ рѣчи нѣкоторую неопредѣленность, начинается въ Правдѣ чуть не каждый параграфъ или каждая статья.

[2]) Имени патр. Фотія нѣтъ въ нѣкоторыхъ спискахъ устава позднѣйшаго времени, когда было узнано, что онъ не современникъ Владимира. Но вмѣстѣ съ рѣшительнымъ большинствомъ позднѣйшихъ списковъ оно стоитъ въ спискѣ древнѣй-

Какъ нахожденіе чего-нибудь во всѣхъ спискахъ устава свидѣтельствуетъ о принадлежности этого чего-нибудь самому автору, такъ, наоборотъ, отсутствіе чего-нибудь во всѣхъ спискахъ устава должно, конечно, свидѣтельствовать о небытіи этого послѣдняго въ самомъ оригиналѣ. Между дѣлами, поручаемыми вѣдѣнію епископовъ, ни въ одномъ спискѣ устава не читается: «аще кто водитъ двѣ женѣ». Между тѣмъ со всею необходимостію должно предполагать, что это преступленіе предоставлено суду епископовъ съ самаго начала и самимъ св. Владиміромъ. Отсутствіе его въ уставѣ даетъ знать, что послѣдній явился въ то время, когда языческій обычай двоеженства совсѣмъ вывелся или, по крайней мѣрѣ, сталъ такъ рѣдокъ и незамѣтенъ, что не напомнилъ о себѣ его авторамъ.

Если бы Владиміръ дѣйствительно далъ церкви свой писанный или письменный уставъ, то подобный чрезвычайно важный для церкви законодательный памятникъ, конечно, былъ бы сохраненъ духовенствомъ не только сѣверной Руси, но и южной, и ожидать его сохраненія въ южной Руси были бы гораздо большія основанія, чѣмъ въ сѣверной. Между тѣмъ позднѣйшая южная Русь вовсе не знала никакого устава Владимирова [1]).

шемъ, такъ что несомнительно должно быть принимаемо за принадлежащее оригиналу устава.

[1]) Въ позднѣйшей южной Руси извѣстенъ только уставъ Ярославовъ, совсѣмъ отличный отъ устава Ярославова сѣвернаго, который мы разумѣемъ въ самомъ текстѣ,—Акты Западн. Россіи т. I, №№ 43, 82 и 166. Этотъ послѣдній уставъ, также подложный, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о подложности устава Владимірова, ибо онъ даетъ видѣть, что въ позднѣйшей южной Руси пространство церковнаго суда было не то, какимъ бы оно должно было быть по уставу Владимирову (въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ Кормчихъ, списанныхъ съ древнихъ списковъ южнаго происхожденія, читается уставъ Владиміровъ, напр. въ спискѣ Кормчей XVI вѣка Румянцевскаго Музея по описанію Востокова № 235. Это должно понимать не такъ, чтобы уставъ читался въ самыхъ оригиналахъ, а такъ, что писцы списковъ помѣщаютъ его у себя сверхъ послѣднихъ, или въ дополненіе къ послѣднимъ).—„Чтобы сохранить подлинность устава Владимирова,—говоритъ *Неволинъ*,—можно предполагать, что по какой нибудь причинѣ уставъ Владиміровъ не былъ извѣстенъ Ростиславу Мстиславичу (Смоленскому)",—О пространствѣ церковнаго суда въ Полномъ собраніи сочиненій т. VI, стр. 291. Но предполагать это совершенно невозможно и было бы въ высшей степени странно. Да если бы Ростиславъ и не зналъ устава Владимирова, то онъ зналъ бы, какое пространство на основаніи устава имѣлъ судъ церковный въ дѣйствительности и конечно предоставилъ бы его епископу Смоленскому въ томъ объемѣ, который онъ имѣлъ (между тѣмъ какъ онъ предоставляетъ его совсѣмъ не въ томъ объемѣ, какой дается ему уставомъ).

Со всякими усиліями можно еще пожалуй доказывать подлинность устава Владимирова; но никакими усиліями нельзя доказать подлинности устава Ярославова, такъ что самая попытка дѣлать это была бы оригинальнымъ упорствомъ и болѣе ничего.

Уставъ этотъ, дошедшій до насъ, также какъ и уставъ Владимировъ, въ немаломъ количествѣ списковъ и также не совсѣмъ въ одной редакціи [1]), представляетъ собою списокъ преступленій противъ нравственнаго христіанскаго закона, которыя вмѣстѣ признаются и преступленіями государственно-уголовными и по которымъ всѣ міряне предоставляются суду церковному,—митрополита и епископовъ, не только какъ по преступленіямъ нравственнымъ, подлежащимъ духовнымъ епитиміямъ, что само собою разумѣется, но и какъ по преступленіямъ государственно - уголовнымъ, подлежащимъ мірскимъ наказаніямъ; при этомъ точно обозначаются размѣры денежныхъ штрафовъ, которые должны быть взимаемы епископами съ виновныхъ. «Се азъ князь великій Ярославъ, сынъ Володимерь, по данью (въ другихъ спискахъ— по записи) отца своего, сгадалъ есмь съ митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми съ греческимъ Номоканономъ, аже не подобаетъ сихъ тяжъ судити князю и бояромъ; далъ есмь митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ въ Номоканонѣ, по всѣмъ градомъ и по всей области, гдѣ крестьянство есть. Аже кто умчитъ дѣвку или насилитъ, за соромъ ей»... столько-то, епископу столько-то. «Аже кто пошибаетъ (бьетъ) боярскую дщерь или боярскую жену»..., за соромъ ей столько-то, а епископу столько-то, и т. д.

По всѣмъ спискамъ устава Ярославъ говоритъ, что онъ сложилъ его по данью или по записи отца. Но если Владимиръ имѣлъ намѣреніе написать уставъ, то съ какой стати онъ не сдѣлалъ бы этого самъ, а поручилъ устно или письменно (!) Ярославу (котораго онъ вовсе не прочилъ въ свои преемники)? И почему Ярославъ исполнилъ бы волю отца не въ началѣ правленія, а только подъ самый конецъ его? Вообще непонятныя въ подлинномъ Ярославовомъ уставѣ слова показываютъ только то, что составители его не знали о существованіи мнимаго устава Владимирова, что вполнѣ подтверждается и взаимнымъ счисленіемъ ихъ содержанія (А митрополитъ Иларіонъ, поставленный подъ самый конецъ правленія Ярослава, конечно, потому, что составители не знали другаго митрополита времени Ярослава).

По всѣмъ спискамъ устава Ярославъ говоритъ, что онъ предо-

[1]) См. также въ приложеніи къ этой главѣ.

ставляетъ епископамъ тѣ суды, которые писаны въ правилахъ въ Номоканонѣ. Но это совершенная неправда.

По всѣмъ спискамъ устава размѣры штрафовъ за преступленія отличаются несообразностями.

По всѣмъ спискамъ устава въ немъ есть такія рѣчи, которыя вовсе не идутъ въ жалованную грамоту князя митрополиту и епископамъ и превращаютъ его изъ сей послѣдней въ нѣчто другое, въ церковное каноническое сочиненіе; именно, во-первыхъ, говорится о такихъ правахъ митрополитовъ и епископовъ надъ священниками и монахами и о такихъ взаимныхъ правахъ священниковъ между собой, которыя вовсе не касаются князя; во-вторыхъ, говорится не только о преступленіяхъ гражданскихъ, подлежащихъ гражданскимъ наказаніямъ, но и о преступленіяхъ духовныхъ, подлежащихъ духовнымъ наказаніямъ—епитиміямъ.

Послѣ этихъ признаковъ подложности устава не совсѣмъ рѣшительныхъ есть въ немъ признаки подложности совершенно и безусловно рѣшительные.

Во-первыхъ, судъ митрополита и епископовъ надъ мірянами по преступленіямъ уголовнымъ расширяется въ уставѣ до такой степени, какъ у насъ этого не только не могло быть и не было во времена Ярослава, но несомнѣнно не было и никогда послѣ (разнаго вида кражи). А если авторъ устава предоставляетъ суду митрополита и епископовъ даже поджигательство, то доходитъ уже до совершеннаго абсурда. Въ семъ весьма важномъ уголовномъ преступленіи не только міряне всегда судились судомъ гражданскимъ, но, по всей вѣроятности, всегда подлежали ему и лица духовныя [1]).

Во-вторыхъ, наибольшую часть преступленій уставъ облагаетъ двойнымъ наказаніемъ,—денежнымъ штрафомъ въ пользу епископа и казнью въ собственномъ смыслѣ со стороны князя. Не допуская того, чтобы наше древнее законодательство представляло собою нѣчто противное разуму человѣческому и нѣчто немыслимымъ образомъ выдававшееся изъ всѣхъ другихъ законодательствъ, конечно, нельзя допустить и того, чтобы у насъ въ древнее время преступленія могли быть обложены двойнымъ наказаніемъ [2]).

---

[1]) То же должно разумѣть объ убійствахъ и душегубствѣ, которыя предоставляются суду митрополита и епископовъ нѣкоторыми списками устава. — Относительно времени Ярославова сравнивай его „Русскую Правду“.

[2]) Въ объясненіе этой несообразности *Неволинъ* ссылается на примѣръ государствъ западныхъ, въ которыхъ церковныя преступленія, признававшіяся и граж-

Неизвѣстный авторъ устава Владимирова, заставляя Владимира предоставлять суду митрополита и епископовъ по извѣстнымъ дѣламъ гражданскимъ и по извѣстнымъ преступленіямъ уголовнымъ всѣхъ мірянъ, ссылается на греческій Номоканонъ: «разверзше греческій Номоканонъ, обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжь князю судити ни бояромъ его ни судьямъ». То же дѣлаетъ и авторъ устава Ярославова. Въ греческомъ Номоканонѣ вовсе нѣтъ того, чтобы дѣла гражданскія и преступленія уголовныя, которыя предоставляются нашими уставами суду митрополита и епископовъ, предоставлялись суду послѣднихъ [1]). Однако, ссылка уставовъ на греческій Номоканонъ оказывается сдѣланною не совсѣмъ безъ всякаго основанія или не совсѣмъ простою фальшью и ложью. Въ Номоканонѣ или Кормчей книгѣ послѣ каноновъ церковныхъ и послѣ гражданскихъ законовъ, относящихся къ церкви [2]), еще помѣщено нѣсколько краткихъ общихъ руководствъ къ послѣднимъ законамъ, изъ коихъ однѣ представляютъ собою оффиціальные памятники законодательства, а другія произведенія частныхъ юристовъ; эти руководства суть: выписка изъ ветхозавѣтнаго законодательства Моѵсеева [3]), уставъ о наказаніяхъ неизвѣст-

---

данскими преступленіями, были обложены двойной денежною пенею,—въ пользу князя и епископа.—О пространствѣ церк. суда въ Полн. собр. сочинн. VI, 302. Но ссылка совершенно неосновательна. На Западѣ помянутыя преступленія подлежали суду смѣсному (forum mixtum) и онѣ не были обложены двойною пенею, а одна пеня съ нихъ раздѣлялась между двумя судьями на двѣ части. Дѣйствительное объясненіе дѣла не это: въ нашихъ Кормчихъ, о чемъ говоримъ сейчасъ ниже, находятся статьи, относящіяся къ греческому гражданскому законодательству, въ которыхъ назначаются тѣлесныя наказанія за разныя преступленія; усвояя судъ по многимъ изъ этихъ преступленій церковной власти, составитель устава Ярославова и присоединяетъ къ своимъ денежнымъ пенямъ въ пользу епископовъ эти тѣлесныя наказанія со стороны гражданской власти (тогда какъ у насъ, какъ и на Западѣ, гражданская власть наказывала не тѣлесными наказаніями, а тѣми же пенями).—Доказывающіе подлинность устава Ярославова желаютъ заставить вѣрить тому, чему не находила возможнымъ вѣрить даже старая Русь: хотя уставъ писался и переписывался частными людьми, но на него вовсе нѣтъ прямыхъ оффиціальныхъ ссылокъ, какъ на уставъ Владимировъ.

[1]) Желающій можетъ смотрѣть *Неволина* О пространствѣ церк. суда, стр. 277.

[2]) Собранія сихъ законовъ, сдѣланнаго Іоанномъ Схоластикомъ: въ Никоновской печатной Кормчей гл. 42, и извлеченія изъ собранія сихъ законовъ, представляемаго такъ называемымъ Κείμενον'омъ Номоканона Фотіева: въ Никоновск. Кормчей гл. 44,

[3]) Въ Никон. Кормч. гл. 45, надписаніе: „Избраніе отъ закона Богомъ даннаго Израильтяномъ Моѵсеомъ"..., состоитъ изъ 50 главъ.

наго частнаго юриста, названный «Закономъ суднымъ» [1]), Еклога Льва Исавра [2]) и Прохиронъ Василія Македонянина [3]). Сейчасъ указанныя руководства къ гражданскимъ законамъ помѣщены въ Кормчей книгѣ вовсе не потому, чтобы дѣла гражданскія и преступленія уголовныя, о которыхъ въ нихъ говорится, предоставлены были императорами въ Греціи суду церковному, а совсѣмъ по другой причинѣ. Въ Греціи, какъ мы говорили, епископамъ предоставлено было право третейскихъ судей, т. е. право принимать къ себѣ на судъ всѣхъ міряпъ и во всякихъ дѣлахъ, если бы они не пожелали судиться у обыкновенныхъ судей. По этой причинѣ въ Греціи судьи церковные имѣли такую же нужду въ знаніи законовъ гражданскихъ, какъ и судьи гражданскіе. А поэтому-то руководства къ гражданскимъ законамъ и внесены въ Кормчую книгу [4]). Но у насъ это было понято иначе: законы гражданскіе, внесенные въ Кормчую книгу по сейчасъ указанной причинѣ, у насъ были поняты какъ законы, трактующіе о власти епископовъ (предоставляющіе въ исключительную подсудность послѣднихъ дѣла и преступленія, о которыхъ въ нихъ говорится). И вотъ эти-то руководства къ гражданскимъ законамъ, помѣщенныя въ Кормчей и вовсе не думающія предоставлять въ (исключительную) подсудность епископамъ дѣлъ и преступленій, о которыхъ говорятъ, и составляютъ тотъ греческій Номоканонъ, по которому будто бы не подобаетъ извѣстныхъ тяжъ гражданскихъ и преступленій уголовныхъ князю судити ни боя-

---

[1]) Въ Никон. Кормч. гл. 46, надписаніе: „Законъ судный людемъ царя Константина Великаго“. Въ древнѣйшихъ спискахъ статья называется просто „Закономъ суднымъ“ (*Востон.* Опис. Рум. Муз. стр. 275 col. 2 и наша Академич. ркп. № 54, л. 38), а въ позднѣйшихъ спискахъ усвоена Константину Великому потому, что въ началѣ ея читается: „Прежде всякія правды достойно о Божіи правдѣ глаголати, тѣмже и святый Константинъ, первый законъ списавъ, предаде сице глаголя“... (Съ учеными примѣчаніями статья напечатана во 2. т. Русскк. Достопп).

[2]) Въ Никон. Кормч. гл. 50; усвояемая Льву Мудрому надписывается: „Леона, царя премудраго, и Константина, вѣрною царю, главизны о совѣщаніи обрученій и образѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ“ (О томъ, что Еклога принадлежитъ не Льву Мудрому, а Льву Исавру, см. *Геймбаха* въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, т. 86, S. 214).

[3]) Въ Никон. Кормч. гл. 49; надп.: „Закона градскаго главы различны въ четыредесятихъ гранѣхъ“ (О Прохиронѣ въ Энцикл. Эрша и Гр. ibid. S. 303).

[4]) Греческихъ Номоканоновъ, имѣющихъ такой же составъ, какъ наша славянская Кормчая книга, какъ будто неизвѣстно. Поэтому, можетъ быть, что послѣдняя получила тотъ составъ, который она имѣетъ, и не у Грековъ, а уже у Болгаръ, которые могли соединить церковные законы съ греческими гражданскими законами для того, чтобы имѣть тѣ и другіе въ одномъ мѣстѣ.

ромъ его ни судьямъ. Этотъ-то мнимый Номоканонъ и служитъ для составителей уставовъ источникомъ, на основаніи котораго они составляютъ свои списки преступленій уголовныхъ и дѣлъ гражданскихъ, предоставляемыхъ ими суду митрополитовъ и епископовъ [1]). При семъ составитель устава Владимирова обнаруживаетъ въ пользованіи источникомъ мѣру и благоразуміе, составляя свой списокъ такимъ образомъ, чтобы противъ него не могло быть сдѣлано серьёзныхъ возраженій; напротивъ, составитель устава Ярославова, одушевляемый желаніемъ создать епископамъ изъ суда церковнаго возможно солидную статью доходовъ, не хочетъ знать никакой мѣры и благоразумія, дѣлая почти весь судъ гражданскій общимъ достояніемъ князя и епископа (предоставляя первому казнить, а второму усвояя взиманіе денежныхъ штрафовъ).

Но съ совершенною вѣроятностію, и даже болѣе чѣмъ съ вѣроятностію, надлежитъ думать, что составители уставовъ Владимирова и Ярославова, расширяя нашъ судъ церковный одинъ такъ, другой иначе, дѣлаютъ это не только на сейчасъ нами указанномъ основаніи, но еще и на другомъ основаніи, болѣе такъ сказать прямомъ и дѣйствительномъ, хотя и столько же произвольномъ; это именно на основаніи примѣра церкви западной. Относительно устава Владимирова мы видимъ положительное доказательство сего въ томъ, что онъ предоставляетъ суду епископовъ тяжбы о наслѣдствѣ. Греческіе законы положительно предоставляютъ эти тяжбы суду гражданскому и положительно и строго воспрещаютъ мѣшаться въ нихъ судьямъ духовнымъ [2]). По нашей Ярославовой правдѣ онѣ также принадлежатъ суду граж-

---

[1]) Одинъ изъ позднѣйшихъ, XVII вѣка, читателей устава Владимирова усмотрѣлъ, подобно намъ, что̀ должно разумѣть подъ „греческимъ Номоканономъ“, на который ссылается уставъ, и сдѣлалъ на полѣ замѣтку: „зри царскій уставъ“, подъ которымъ разумѣетъ статьи по гражданскому законодательству, помѣщенныя въ Кормчей (см. въ Вивліоѳ. VI, 5, гдѣ замѣтка внесена уже въ самый текстъ устава).—Въ одной изъ статей по гражданскому законодательству, помѣщенныхъ въ Кормчей, именно—въ „Законѣ судномъ“ (Никон. Кормч. гл. 46) говорится о двухъ наказаніяхъ за преступленія—гражданскомъ, состоящемъ въ разныхъ казняхъ, и церковномъ, состоящемъ въ духовныхъ епитиміяхъ: можетъ быть, эта рѣчь о двухъ наказаніяхъ и подала автору устава Ярославова мысль обложить преступленія двумя гражданскими наказаніями.

[2]) Номокан. Фотіевъ тит. 8 гл. 13,—у *Ралли* и *П.* I, 157. Хотя узаконеніе Юстиніаново не внесено въ Царскія книги,—ibid. 158 нач., но неизвѣстно и положительнаго закона, который бы предоставлялъ тяжбы по духовнымъ завѣщаніямъ церковному суду (cfr ibid. 159).

данскому. Но на Западѣ онѣ дѣйствительно подлежали суду духовному. Затѣмъ, указанныя нами выше мірскія лица, которыя уставъ предоставляетъ суду епископовъ и которыя у насъ никогда не подлежали ему, на Западѣ дѣйствительно были подсудны епископамъ; это такъ называвшіяся тамъ miserabiles personae. Что касается до устава Ярославова, то предоставленіе имъ смѣсному суду митрополита и князя почти всѣхъ гражданскихъ преступленій есть именно западное, ибо на Западѣ принималось, что delicta, quae utraque lege puniuntur, canonica scilicet et civili, sunt mixti fori; тамъ дѣйствительно было преступленіемъ смѣшаннаго суда даже и поджигательство [1]). Надлежитъ со всею вѣроятностію думать, что уставы сочинены были въ Новгородѣ; но въ Новгородѣ западные церковные порядки могли стать извѣстными сначала отъ явившихся въ немъ съ заморскими купцами католическихъ священниковъ, что̀ случилось не позднѣе половины XII вѣка (2-й полов. тома стр. 706 по 1-му изд.), а потомъ отъ Нѣмцевъ, поселившихся въ сосѣдней съ Новгородскою областію Ливоніи, что̀ случилось во второй половинѣ того же XII вѣка и при чемъ въ ближайшемъ къ Новгородской епархіи Дерптѣ была открыта католическая епархія въ 1219-мъ г. (ibid. стр. 705 по 1-му изд. [2]).

---

[1]) См. *Неволина* О пространствѣ церковнаго суда въ Полн. собр. сочинн. VI, 286 sqq. Кромѣ Вальтера мы не имѣли подъ руками другихъ новыхъ книгъ, указываемыхъ авторомъ; но взамѣнъ ихъ у насъ подъ руками старая книга: *Jo. Caroli Antonelli* Tractatus de regimine ecclesiae episcopalis, Venet., 1723. А когда *Неволинъ* утверждаетъ, будто при Владимірѣ церковный судъ могъ имѣть у насъ то же пространство, что̀ и на Западѣ, то мы положительно знаемъ, что онъ не имѣлъ сего пространства (и смотри тутъ у него прилежно объ единственной возможности сохранить подлинность устава).—Что касается до большихъ и малыхъ бояръ устава Ярославова, то весьма намъ думается, что это западные barones majores и minores (*Дюканжа* Gloss. Latinit., сл. Baro, Т. I, pp. 1031, 1032, 1038).

[2]) Если бы уставъ Владиміровъ былъ сочиненъ въ южной, Кіевской Руси, то онъ былъ бы извѣстенъ въ ней; но, какъ мы сказали, онъ вовсе не былъ извѣстенъ въ ней. Въ сѣверной Руси онъ могъ быть сочиненъ въ двухъ главныхъ центрахъ церковной жизни—Владимірѣ или Новгородѣ (сочиненъ до появленія третьяго центра—Москвы). Но онъ сочиненъ не во Владимірѣ, ибо неизвѣстный Владимірскій епископъ въ своемъ посланіи къ неназываемому по имени сыну Александра Невскаго не признаетъ его подлинности во всемъ его объемѣ, такъ какъ не приводитъ изъ него сполна всего, предоставляемаго въ немъ суду епископовъ,—Памятники древне-русск. канонич. права, изд. *Павлов.*, col. 117. Относительно устава Ярославова мы не можемъ представить болѣе или менѣе положительныхъ доводовъ, чтобы въ предѣлахъ сѣверной Руси онъ былъ сочиненъ именно въ Новгородѣ; но вообще эта великая свобода, которую позволяетъ себѣ авторъ въ распоряженіи съ гражданскимъ судомъ, указываетъ именно на Новгородъ (Много-

Послѣ мнимыхъ уставовъ Владимира и Ярослава, которые, какъ мы сказали, въ своемъ теперешнемъ видѣ мало принесли бы намъ пользы и въ томъ случаѣ, если бы тотъ или другой изъ нихъ былъ подлиннымъ, мы остаемся и всего съ однимъ достовѣрнымъ актомъ изъ періода домонгольскаго, который говоритъ о пространствѣ у насъ церковнаго суда или юрисдикціи епископовъ. Актъ этотъ есть упомянутая нами выше грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данная имъ Смоленской епископіи вскорѣ послѣ основанія сей послѣдней, въ 1150-мъ году. Предоставляемая этой грамотой князя епископамъ Смоленскимъ область суда является значительно расширенною на счетъ суда гражданскаго. Грамота ясно даетъ знать, что князь Смоленскій не первый дѣлаетъ это расширеніе суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго, но что онъ уступаетъ его своимъ епископамъ въ томъ объемѣ, въ какомъ въ его время онъ принадлежалъ всѣмъ епископамъ [1]). Такимъ образомъ, изъ находящагося въ нашемъ распоряженіи единственнаго достовѣрнаго документа мы узнаемъ о началѣ расширенія у насъ суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго только то, что это случилось когда-то до половины XII вѣка.

Необходимо думать, что первое начало расширенія суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго восходитъ ко времени самаго св. Владимира. Онъ ввелъ въ Россіи церковное управленіе и учредилъ впервые епископіи. Какимъ-нибудь образомъ онъ долженъ былъ опредѣлить область церковнаго суда, чтобы власть епископовъ не сталкивалась со властію гражданскою. Но если бы онъ опредѣлилъ область церковнаго суда такъ, чтобы епископамъ не вмѣшиваться ни во что собственно гражданское, то весьма невѣроятно было бы предполагать, чтобы это его узаконеніе могло быть отмѣнено въ пользу епископовъ кѣмъ-либо изъ послѣдующихъ великихъ князей. Суду епископовъ, какъ увидимъ ниже, были предоставлены большею частію такія гражданскія преступленія [2]), которыя не считались преступленіями въ языческой

ученый и основательный *Неволинъ*, желающій доказать подлинность устава Владимірова,—иногда впрочемъ говоритъ такъ, что какъ будто смѣется надъ желаніемъ,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ аргументируетъ такимъ образомъ, что показываетъ и свою собственную крайнюю наивность и разсчитываетъ на таковую же наивность читателя, напр. по Полн. изд. сочин. стр. 292). Оба устава съ примѣчаніями см. въ приложеніяхъ къ этой главѣ.

[1]) „А тяжь епископлихъ, пишетъ князь, не судити никому же, судитъ ихъ самъ епископъ", т. е. тѣхъ тяжъ или дѣлъ судебныхъ, которыя подлежатъ суду епископовъ.

[2]) Употребляемъ слово гражданскій, очевидно, не въ противоположность уголовный, а церковный.

Руси, и необходимо думать, что дѣло началось именно съ нихъ. Такъ какъ при Владимирѣ представители суда гражданскаго, только-что превратившіеся въ христіанъ изъ язычниковъ, не могли считаться надежными преслѣдователями и карателями сихъ преступленій, то естественно было, чтобы Владимиръ отдалъ ихъ вѣдѣнію и суду епископовъ. Такъ какъ преступленія эти, не бывъ прежде преступленіями, вмѣстѣ съ симъ не составляли прежде и статей дохода для гражданскихъ судей, то не могло быть препятствія и протеста противъ отдачи ихъ вѣдѣнію епископовъ и съ той стороны, что сею отдачею нарушались права гражданскихъ судей: отдачею не отнимались у кого-нибудь прежде бывшія статьи дохода, а только создавались для епископовъ новыя. Но если бы судъ по тѣмъ преступленіямъ, которыя мы находимъ послѣ подсудными епископамъ, не былъ предоставленъ послѣднимъ уже самимъ Владимиромъ и находился нѣкоторое время въ вѣдѣніи судей гражданскихъ: то весьма трудно предполагать, чтобы созданныя и находившіяся нѣкоторое время въ обладаніи гражданскихъ судей статьи дохода могли быть потомъ уступлены епископамъ.

Какія именно преступленія гражданскія были предоставлены Владимиромъ суду епископовъ или какъ первоначально была опредѣлена имъ область суда послѣднихъ, вопросъ этотъ, за отсутствіемъ положительныхъ извѣстій, конечно, навсегда долженъ остаться вопросомъ. Сейчасъ выше мы сказали, что впослѣдствіи были подсудными епископамъ большею частію такія преступленія, которыя въ языческой Руси не были преступленіями. Поелику этого рода преступленія Владимиръ имѣлъ всѣ побужденія предоставить вѣдѣнію епископовъ, ибо только они могли съ надлежащимъ знаніемъ судить и съ надлежащимъ усердіемъ преслѣдовать ихъ; поелику, съ другой стороны, тѣхъ преступленій, которыя были таковыми уже въ языческой Руси, Владимиръ не имѣлъ побужденій отдавать епископамъ, а въ финансовой сторонѣ дѣла были и положительныя къ тому препятствія: то вообще необходимо думать, что Владимиръ первоначально предоставилъ епископамъ то или другое количество дѣлъ первой, а не второй категоріи. Владимиръ не давалъ письменнаго узаконенія, которымъ бы опредѣлялась область суда церковнаго, и мы думаемъ, т. е. намъ представляется вѣроятнымъ думать, что первоначально дѣло было установлено только въ принципѣ—что̀ можетъ и что̀ не можетъ принадлежать къ области церковнаго суда, но что подробности, болѣе или менѣе опредѣленныя границы сего суда установили только время и обычай. Когда Русскіе приняли христіанство, то оказались преступленіями многія такія дѣла,

которыя прежде не считались преступленіями. Всѣ такія преступленія прежде всего были преступленіями церковными или духовными, преступленіями противъ христіанскаго закона и уже потомъ стали преступленіями гражданскими, потому что гражданская власть, ставъ на христіанскую точку зрѣнія, должна была признать ихъ таковыми. Какъ преступленія церковныя епископы должны были начать преслѣдовать ихъ съ самаго начала и никого не спрашиваясь, своею собственною властію. Но вотъ и гражданская власть, укрѣпляясь въ христіанскихъ взглядахъ, мало-по-малу начала признавать ихъ преступленіями и съ свой точки зрѣнія и облагать ихъ соотвѣтствующими гражданскими наказаніями. Такъ какъ гражданская власть усвоила и заимствовала свой взглядъ отъ церкви, то совершенно естественно было, чтобы и гражданскій судъ съ гражданскими наказаніями по помянутымъ преступленіямъ, по мѣрѣ того, какъ она признавала ихъ преступленіями гражданскими, она предоставила тѣмъ же епископамъ, которые уже вѣдали и преслѣдовали ихъ, какъ преступленія церковныя. Она должна была сдѣлать это тѣмъ болѣе, что сама, не теряя ничего изъ принадлежавшаго ей, она создавала для епископовъ новыя статьи дохода. Гражданскій судъ отказывался только отъ вновь явившихся статей дохода, но эти новыя статьи явились благодаря именно взглядамъ церкви, а съ другой стороны на гражданскомъ правительствѣ лежала забота о возможно болѣе удовлетворительномъ обезпеченіи церкви: естественно поэтому было случиться, чтобы князья, въ таковой заботѣ объ этомъ обезпеченіи церкви и въ своемъ усердіи къ сему, рѣшились сдѣлать помянутую, не особенно большую съ ихъ стороны, жертву.

Итакъ, повторяемъ, всего вѣроятнѣе думать, что первоначально только въ принципѣ было установлено, какая именно область преступленій гражданскихъ можетъ поступить въ юрисдикцію епископовъ, но что потомъ частнѣйшимъ образомъ область этой юрисдикціи расширялась и слагалась постепенно. Объ отвѣтѣ на вопросъ: въ какой именно постепенности и какъ именно шло дѣло, очевидно, не можетъ быть и рѣчи, когда мы ничего положительнаго не можемъ отвѣчать и на всѣ другіе вопросы, впереди его стоящіе. Естественно предполагать, что власть гражданская скорѣе признала преступленіями гражданскими преступленія церковныя наиболѣе важныя, и слѣдовательно вообще нужно предполагать, что въ признаніи послѣднихъ первыми она шла, основываясь на семъ началѣ бо́льшей важности.

Грамота Ростислава Мстиславича Смоленскаго, которая сообщаетъ намъ свѣдѣнія о пространствѣ у насъ суда епископскаго въ половинѣ

XII в., къ сожалѣнію, пока извѣстна намъ въ спискѣ не совсѣмъ исправномъ, такъ что пока мы узнаемъ изъ нея не совершенно все то, что намъ надлежало бы въ данномъ случаѣ знать [1]). Слѣдующія преступленія предоставляетъ она суду епископовъ Смоленскихъ не только какъ преступленія церковныя, подлежащія духовнымъ наказаніямъ, что само собою подразумѣвается, но и преступленія гражданскія, подлежащія гражданскимъ наказаніямъ—большимъ или меньшимъ денежнымъ штрафамъ: 1) «роспусть» или роспускъ, т. е. какъ судъ по дѣламъ о роспускѣ, законно вчиняемымъ, такъ и преслѣдованіе роспусковъ, совершонныхъ своевольно и неправильно; 2) «ажъ водитъ кто двѣ жонѣ», т. е. если кто, не довольствуясь одною женою, какъ требуетъ христіанство, позволитъ себѣ по-язычески многоженство; 3) «аще кто поимется чрезъ законъ», т. е. браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства; 4) «(тяжа) уволочская, аще уволочетъ кто дѣвку»; объ этомъ преступленіи сказано, что его судитъ князь или посадникъ и только выдаетъ епископу половину штрафа: «што возьметъ князь, съ епископомъ на полы, или посадникъ что возьметъ свои тяжи, то съ епископомъ на полы»; 5) «зелья и душегубства», т. е. всѣ виды волшебства и колдовства и происходящій отъ сего всякій вредъ; 6) «аще бьетася двѣ женѣ», т. е. если подерутся и будутъ искать суда (выйдутъ на поединокъ?) двѣ женщины. За симъ остаются еще двѣ тяжи или два судебныя дѣла, но въ чемъ онѣ состоятъ, понять нельзя; о первой тяжѣ сказано: «а пятое (пятая тяжа)—ажъ ту женку, то епископу»; о второй: «девятая (тяжа)—ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви» [2]). Такимъ образомъ, въ половинѣ XII вѣка суду епископовъ не только духовному, но и гражданскому подлежали: во-первыхъ, три вида дѣлъ брачныхъ: многоженство, браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства и роспуски; во-вторыхъ, зелейничество и волшебство; въ-третьихъ, бои между женщинами, и наконецъ два вида преступленій, остающіеся неизвѣстными. Почему предоставлены были суду епископовъ преступленія брачныя и волшебство, это ясно изъ того, что сказано нами выше: въ языческой Руси эти преступленія не считались преступленіями, т. е. онѣ предоставлены были полному вѣдѣнію епископовъ за тѣмъ, чтобы могли

---

[1]) Напечатана въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ, т. I, № 4, стр. 5; нужное намъ мѣсто въ грамотѣ—стр. 7, col. 1 нач.

[2]) Еще объ одной тяжѣ сказано такъ, что, можетъ быть, разумѣются двѣ тяжи, при чемъ рѣчь объ одной непонятная: „шестая (тяжа) вопросъ, а то епископу, зелья и душегубства—тяжа (та же шестая, ибо седьмая далѣе) епископля“.

быть преслѣдуемы съ тою надлежащею неукоснительностію и строгостію, которыхъ правительство вовсе не могло ожидать отъ гражданскихъ судей. Что касается въ частности до дѣлъ брачныхъ, то онѣ имѣютъ нѣкоторыя специальныя свойства, которыя заставляли, чтобы онѣ предоставлены были вѣдѣнію епископовъ. Для сужденія объ однихъ изъ этихъ дѣлъ судія долженъ имѣть специальныя каноническія свѣдѣнія, при разбирательствѣ другихъ судья долженъ быть не только судьею, но и нравственнымъ увѣщателемъ; то и другое, будучи невозможно для гражданскихъ судей, такъ-сказать необходимо отдавало эти дѣла въ руки епископовъ. И въ самой Греціи судъ по дѣламъ брачнымъ до такой степени почитался наиболѣе приличествующимъ епископамъ и они до такой степени считались по этимъ дѣламъ судьями наиболѣе компетентными и наиболѣе соотвѣтствующими, что если не обязательно предписывалось, то настоятельно рекомендовалось, чтобы эти дѣла производились разбирательствомъ не иначе, какъ у епископовъ [1]). Почему предоставляются суду епископовъ бои между женщинами, на этотъ вопросъ мы не можемъ ничего сказать удовлетворительнаго. Можетъ быть, предоставлявшіе ихъ суду епископовъ имѣли въ виду то, чтобы судъ по этимъ боямъ, имѣвшимъ причинять бóльшій соблазнъ, чѣмъ бои мужчинъ, не ограничивался наложеніемъ однихъ наказаній, но и сопровождался нравственными увѣщаніями, или можетъ быть съ другой стороны имѣли въ виду то, чтобы избавить виновныхъ женщинъ отъ позора стоять и давать свои показанія на судѣ у обыкновенныхъ судей. Преступленіе уволока или умыканія, т. е. увоза или похищенія дѣвицъ для брака не предоставляется суду епископовъ, но имъ уступается только половина штрафа, который возьмутъ съ виновныхъ имѣющіе судить князь или его посадникъ. Преступленіе это, какъ мы думаемъ, не было предоставлено суду епископовъ потому, что оно было преступленіемъ уже въ языческой Руси и что, какъ таковое, оно уже до христіанства принадлежало гражданскимъ судьямъ. Предполагать это даетъ намъ право лѣтописецъ. Онъ сообщаетъ, что обычай умыканія дѣвицъ, бывшій у многихъ Славянъ,— у Древлянъ, Вятичей, Радимичей и Сѣверянъ, не существовалъ у

---

[1]) Новелла Алексѣя Комнина у *Ралли* и *П.* V, 281, самый конецъ новеллы (дѣла брачныя имѣютъ двѣ стороны—церковную и гражданскую; что по церковной сторонѣ онѣ подлежали суду церкви, это само собой разумѣется, но императоръ, какъ кажется, предоставляетъ ихъ суду церкви и по гражданской сторонѣ, cfr посланіе Константинопольскаго патріарха Германа II къ нашему мптр. Кириллу II, въ Памятнн. канонич. права *Павлова* col. 83 нач.).

Полянъ или Славянъ Кіевскихъ, у которыхъ, по его свидѣтельству, были настоящіе браки. Такъ какъ гражданское правительство, водворившись среди сихъ послѣднихъ Славянъ, естественно должно было усвоить и ихъ взгляды на вещи, то отсюда весьма вѣроятно предполагать, что оно начало смотрѣть на умыканіе, какъ на преступленіе и начало преслѣдовать его какъ таковое еще во времена языческія [1]). Почему, не предоставляя умыканія суду епископовъ, предоставили имъ половину штрафа за это преступленіе, положительно сказать не можемъ. Можетъ быть потому, чтобы епископовъ, имѣвшихъ въ семъ случаѣ бо̀льшую возможность надзора, чѣмъ гражданская власть, побудить бдительно надзирать и неупустительно указывать случаи преступленія.

Мы сказали выше, что въ древней Руси со всѣхъ дѣлъ судебныхъ гражданскихъ шла въ пользу судей извѣстная пошлина и что большая часть преступленій уголовныхъ, за исключеніемъ самыхъ тяжкихъ, были наказуемы денежнымъ штрафомъ въ пользу тѣхъ же судей. Вслѣдствіе этого гражданская власть, уступивъ суду епископовъ извѣстное количество дѣлъ гражданскихъ, пожертвовала имъ, какъ мы сказали, извѣстное количество статей своихъ доходовъ. Какъ именно велика была жертва правительства въ предоставленіи суду епископовъ указанныхъ нами выше дѣлъ гражданскихъ или, иначе сказать, какъ велики были денежные штрафы, которые шли епископамъ съ суда за указанныя преступленія, пока остается намъ неизвѣстнымъ, ибо пока вовсе не извѣстно такихъ актовъ, въ которыхъ бы опредѣлялся размѣръ этихъ штрафовъ. Есть основаніе только вообще предполагать, что эти судебные доходы епископовъ были довольно значительны, что они не только окупали трудъ суда, но и приносили такую выгоду, которою стоило дорожить и которую стоило отстаивать. Это ясно изъ тѣхъ дошедшихъ до насъ сочиненій, которыя были писаны въ защиту церковнаго суда отъ посягательства судей гражданскихъ и которыя, защищая неприкосновенность этого суда, говорятъ, что онъ данъ на потребу клирошанамъ и на вспомоществованіе всѣмъ ищущимъ помощи церкви [2]).

---

[1]) Техническое названіе законной жены въ древней Руси было „водимая" (Лѣтоп. о женахъ Владиміра подъ 980 г.), т. е. ставшая сожительницею по брачному обряду Кіевскому или Полянскому, о которомъ лѣтописецъ говоритъ: „не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но *привожаху* вечеръ, а заутра приношаху по ней что вдадуче".

[2]) „Суды церковные даны закономъ Божіимъ и прежними цари и великими нашими князи; князю и боярамъ и судіямъ въ тѣ суды нельзѣ вступатися..., то

Грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, какъ мы сказали выше, пока есть единственный, извѣстный въ настоящее время, достовѣрный актъ изъ всего періода до-монгольскаго, который сообщаетъ намъ свѣдѣнія о пространствѣ области церковнаго суда. Такимъ образомъ мы знаемъ о семъ пространствѣ только за половину XII вѣка, и за тѣмъ прямо переносимся въ періодъ Московскій.

Сравнивая пространство области церковнаго суда, какое она имѣла въ половинѣ XII вѣка, съ ея пространствомъ въ позднѣйшее Московское время, мы находимъ, что когда-то впослѣдствіи, послѣ половины XII вѣка, эта область значительно расширилась. Кромѣ всего указаннаго выше, впослѣдствіи времени суду епископовъ подлежали еще: 1) тяжбы по ряднымъ грамотамъ или брачнымъ контрактамъ; 2) дѣла по духовнымъ грамотамъ или завѣщаніямъ, по раздѣлу наслѣдствъ и о душеприкащикахъ, злоупотребляющихъ своими правами; 3) дѣла по кабаламъ и по жалобамъ рабовъ на господъ и наоборотъ; 4) жалобы родителей на дѣтей въ непослушаніи или въ какихъ иныхъ непстовствахъ; 5) жалобы мужей на женъ и женъ на мужей въ прелюбодѣяніи и въ иныхъ дѣлахъ; 6) дѣла о бракахъ дѣтей противъ воли родителей; 7) дѣла о незаконныхъ дѣтяхъ, отъ которыхъ отказываются родители; 8) дѣла о насиліи женъ и дѣтей; 9) тяжбы изъ-за такъ-называемыхъ поклажаевъ или отдачи вещей на сохраненіе; 10) дѣла объ усыновленіи и о наслѣдствѣ дѣтямъ усыновленнымъ; 11) нѣкоторые виды безчестія (кто кого назоветъ выблядкомъ или прелюбодѣемъ или инымъ какимъ словомъ; кто дерзнетъ рукою за тайные уды или кто чью жену опростоволоситъ [1]).

Когда случилось это расширеніе суда церковнаго,—еще въ періодъ до-монгольскій или уже въ періодъ Московскій?

Представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ думать, что еще въ періодъ до-монгольскій съ тѣмъ промежуточнымъ временемъ отъ нашествія Монголовъ до возвышенія Москвы, которое можно назвать періодомъ Владимирскимъ. Князья Московскіе были весьма благочестивы, весьма уважали епископовъ и вообще санъ духовный, но въ то же

дано клирошаномъ на потребу, и старости и немощи и въ недугъ впадшихъ чадь многъ кормленіе, пищихъ кормленіе, обидимыхъ помоганіе"... и пр., Памятн. канонич. права *Павлова*, col. 118.

[1]) Стоглавн. гл. 68, соборныя статьи 28 Мая 1667 г.,—въ Акт. Экспед. т. IV, № 155, стр. 205, статьи о святительскихъ судахъ патр. Адріана,—въ приложеніи къ диссертаціи *Калачова* о Кормчей, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847 г. № 4, стр. 11, докладные пункты Сѵнода 12 Апрѣля 1722 г.,—въ Собр. Закон. т. VI, № 3963.

время весьма крѣпко и ревниво оберегали свои изстаринныя права, и полагать, чтобы они захотѣли поступиться ими епископамъ, есть дѣло весьма сомнительное и маловѣроятное. То же самое оказывается наиболѣе вѣроятнымъ и по другимъ сторонамъ дѣла: невозможно предположить, чтобы границы между судами гражданскимъ и церковнымъ все еще оставались нетвердыми и неопредѣленными до самаго начала XIV вѣка, откуда начинается періодъ Московскій; необходимо думать, что время неопредѣленности прекратилось и твердое установленіе границъ имѣло мѣсто ранѣе указаннаго времени; а слѣдоват. необходимо за симъ думать, что и расширеніе суда церковнаго, какимъ мы находимъ его въ позднѣйшее время противъ XII вѣка, произошло когда-то ранѣе Москвы. Время Московское можно назвать временемъ юридической ясности или юридическаго уясненія: подведены были обстоятельные счеты всему предшествующему, каждый остался на будущее время съ тѣмъ, съ чѣмъ оказался, но тутъ же былъ и конецъ всякому дальнѣйшему расширенію чьихъ-либо правъ на счетъ правъ великаго князя. То, что князья Московскіе при своемъ появленіи нашли изстари принадлежащимъ епископамъ, они оставили имъ, не посягая на установленныя временемъ границы ихъ области, но въ то же время не дозволяли имъ нарушать и своихъ также установленныхъ временемъ границъ. Такъ представляется самымъ вѣроятнымъ разумѣть дѣло относительно князей Московскихъ, а слѣдовательно и расширеніе границъ области суда церковнаго относить ко времени до-московскому.

Какимъ образомъ первоначально произошло расширеніе суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго, это мы объясняли выше и это объясняется довольно легко. Но значительно иное дѣло—то новое или послѣдующее расширеніе, о которомъ мы говоримъ теперь. Первоначально расширеніе произошло не вслѣдствіе того, что гражданская власть поступилась церкви извѣстнымъ количествомъ дѣлъ и преступленій, бывшихъ дотолѣ въ ея вѣдѣніи, а вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ церкви создались въ гражданской области новыя преступленія, которыя и были предоставлены ей—церкви. Но дальнѣйшее расширеніе области суда церковнаго или то, о которомъ мы говоримъ сейчасъ, должно было совершаться уже положительнымъ образомъ на счетъ суда гражданскаго или въ прямой и положительный ему ущербъ, ибо должно было совершаться тѣмъ путемъ, чтобы дѣла, прежде бывшія подсудными суду гражданскому, перешли въ область суда церковнаго. Какимъ же образомъ могло случиться, что

гражданская власть, по финансовой сторонѣ дѣла рѣшительно заинтересованная въ томъ, чтобы не дозволять области суда церковнаго расширяться на счетъ его собственной области, однако дозволила, чтобы таковое расширеніе имѣло мѣсто?

Если расширеніе дѣйствительно имѣло мѣсто, то, значитъ, была возможность ему случиться и, значитъ, были причины, вслѣдствіе которыхъ оно на самомъ дѣлѣ случилось. Вопросъ слѣдовательно только въ томъ: какъ же можно объяснить дѣло наиболѣе вѣроятнымъ образомъ?

Всѣ указанныя нами выше дѣла и преступленія, которыя позднѣе, послѣ половины XII вѣка, вошли въ область суда церковнаго, имѣютъ то особенное, всѣмъ имъ общее, свойство, что для удовлетворительнаго рѣшенія ихъ не достаточенъ судъ по формѣ, но желателенъ судъ по совѣсти, для котораго требуется, чтобы судія представлялъ изъ себя не только просто судію, но и имѣющаго авторитетъ нравственнаго увѣщателя, ибо однѣ изъ нихъ таковы, что могутъ считаться удовлетворительно оконченными только тогда, когда вмѣстѣ съ разсужденіемъ самой тяжбы будетъ возстановленъ добрый миръ между судящимися, а другія таковы, что самое это разсужденіе можетъ быть удовлетворительно произведено только тогда, когда, не довольствуясь отвѣтами по формѣ, судія сдѣлаетъ обращеніе къ искренней совѣсти судящихся и изъ этого обращенія вынесетъ для себя то или другое убѣжденіе. Такими судьями не были обыкновенные судьи гражданскіе, но могли быть только судьи духовные—священники, и слѣдовательно всѣ эти дѣла заключали въ себѣ, въ своихъ свойствахъ, естественное тяготѣніе къ церкви. Мы сказали, что у насъ въ Россіи, по той причинѣ, что судъ былъ доходъ для судей, никому, а въ томъ числѣ и епископамъ, не было и не могло быть предоставлено право третейскаго суда, потому что всякое уклоненіе судящихся отъ обыкновенныхъ подлежащихъ судей лишало бы сихъ послѣднихъ ихъ доходовъ. Но въ дѣлѣ суда легко предписывать, чтобы никто помимо установленныхъ судей не смѣлъ обращаться къ третейскимъ судьямъ, но трудно и совершенно невозможно слѣдить за точнымъ исполненіемъ предписанія, если почему-нибудь сами судящіеся найдутъ болѣе выгоднымъ для себя и вообще предпочтительнымъ судъ вторыхъ, а не первыхъ, судей. Такимъ образомъ, если могли быть причины, чтобы судящіеся предпочитали въ помянутыхъ судебныхъ дѣлахъ судъ епископовъ и вообще судъ духовныхъ судей суду гражданскихъ судей, то они и имѣли полную возможность, не смотря на существовавшее запрещеніе, обращаться по своему желанію къ суду первыхъ, а не послѣднихъ. Но

помянутыя причины, какъ мы сказали, были: всѣ указанныя выше дѣла именно такого рода, что судящіеся всегда должны были желать, чтобы онѣ разбирались не просто судьями, а именно пастырями и духовными отцами. Въ объясненіе послѣднихъ словъ мы должны напомнить читателю, что̀ сказали о церковномъ судѣ періода до-монгольскаго выше. Впослѣдствіи на Москвѣ судьями духовными стали лица мірскія,—такъ-называемые свѣтскіе чиновники архіереевъ, и судъ духовный пользовался репутаціей нисколько не лучшей, если только не гораздо худшей, суда гражданскаго. Но въ періодъ до-монгольскій судьями были именно лица духовныя—священники, составлявшіе каѳедральные клиросы архіереевъ. Мы не имѣемъ совершенно никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ объ ихъ доброкачественности, но во всякомъ случаѣ необходимо думать, что они были не хуже судей гражданскихъ и что во всякомъ случаѣ за ними сполна оставалось преимущество духовнаго сана. Такимъ образомъ, по указаннымъ нами обстоятельствамъ, совершенно естественно было случиться тому, чтобы судящіеся во всѣхъ указанныхъ выше дѣлахъ, обходя судъ обыкновенныхъ или гражданскихъ судей, обращались къ суду епископовъ или вообще судей духовныхъ. Но если это долженствовало быть такъ, то за симъ естественно было случиться тому, чтобы дѣла, съ которыми первоначально обращались къ суду епископовъ добровольно, потомъ стали имъ подсудными совсѣмъ и оффиціально или совершенно вошли въ область суда церковнаго. Всякая давность, по употребленію или по злоупотребленію, создаетъ право. Долговременное обращеніе въ помянутыхъ выше дѣлахъ къ третейскому суду епископовъ создало для нихъ (епископовъ) право притязать на эти дѣла, какъ на полную собственность, и вслѣдствіе этого должна была возникнуть у нихъ тяжба съ судьями гражданскими. Кто же долженъ былъ остаться побѣдителемъ и кто долженъ былъ уступить? Для государства быть обидчикомъ церкви есть роль весьма неблагодарная, и всякій государь всегда предпочтетъ слыть ея благодѣтелемъ, чѣмъ обидчикомъ, если только для этого не требуется какая-нибудь жертва, превышающая мѣру. Епископы, защищая свои притязанія, могли говорить, что тѣ суды «клирошаномъ на потребу, нищихъ кормленіе, сиротамъ и убогимъ промышленіе» и пр.; но что подобное могли говорить князья? Уступить спорныя дѣла церкви значило оказать ей благодѣяніе, не уступить — значило не хотѣть сдѣлать ей благодѣянія: такъ какъ церкви естественно жить благодѣяніями отъ государей, а государямъ естественно оказывать благодѣянія церкви, то поэтому и

должно было случиться, чтобы въ спорѣ о судѣ князья уступили епископамъ [1]).

Когда послѣ половины XII вѣка государство оффиціально признало помянутыя дѣла и преступленія подлежащими суду церковному и когда такимъ образомъ послѣдній получилъ тотъ объемъ, какой онъ имѣлъ въ позднѣйшее время, это остается неизвѣстнымъ. Вѣроятно, что дѣло происходило не вдругъ и что судъ церковный достигъ своего окончательнаго расширенія только въ самое послѣднее время періода до-монгольскаго или, что̀ едва ли даже не вѣроятнѣе, въ промежутокъ между періодами до-монгольскимъ и Московскимъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о пространствѣ церковнаго суда въ позднѣйшей южной или Кіевской Руси. Но если ему подлежало только то, что указывается въ такъ называемомъ Ярославовомъ уставѣ южно-русской редакціи [2]): то позднѣйшее расширеніе суда церковнаго, о которомъ сейчасъ говоримъ, имѣло мѣсто въ одной сѣверной Руси. Въ этомъ случаѣ нужно будетъ думать, что оно началось въ Новгородѣ и изъ него распространилось по остальной сѣверной Руси. Въ Новгородѣ дѣйствительно существовали особенныя обстоятельства, которыя могли содѣйствовать тому, чтобы судъ церковный расширился на счетъ суда гражданскаго: князья были здѣсь перемѣнные и не могли пользоваться особеннымъ уваженіемъ народа, напротивъ владыки скоро пріобрѣли въ глазахъ послѣдняго очень большой авторитетъ, а поэтому и естественно было случиться здѣсь тому, чтобы судъ церковный началъ быть предпочитаемъ суду гражданскому; съ другой стороны, и прямое стремленіе здѣшнихъ епископовъ расширить свой судъ на счетъ суда гражданскаго не могло встрѣтить здѣсь такого рѣшительнаго отпора, какъ въ другихъ мѣстахъ.

---

[1]) Имѣемъ однако нѣкоторыя указанія, что расширеніе суда церковнаго совершилось не безъ борьбы между властью церковной и государственной: въ житіи преп. Аврамія Смоленскаго говорится объ епископѣ Смоленскомъ Лазарѣ, занимавшемъ каѳедру въ первой четверти XIII вѣка и оставившемъ се въ 1225 г. или передъ симъ годомъ: „сей бо бѣяше ради Бога оставилъ епископью свою и за многія обидѣнія святихъ церквей, иже обидятъ властели, отъимающе чюжая безъ правды",—Правосл. Собесѣдн. 1858 г., ч. 3, стр. 376 нач.; патріархъ Константинопольскій Германъ въ своемъ посланіи къ митр. Кириллу II приказываетъ всѣмъ нашимъ князьямъ, подъ угрозою неразрѣшимагѡ отлученія, отребаться отнюдь отъ святительскихъ судовъ,—въ Памятни. *Павлова* col. 82 fin..

[2]) Именно: разводы, браки на другой женѣ при жизни первой, явный блудъ и еретичество, подъ которымъ должно разумѣть волшебство и колдовствѡ, — Акты Западн. Россіи т. I № 166, стр. 191.

Говоря объ окончательномъ расширеніи церковнаго суда, должно возвратиться съ рѣчами къ такъ-называемому церковному уставу Владимира. Не будучи подлинной грамотой этого государя, уставъ тѣмъ не менѣе не былъ просто литературнымъ памятникомъ, а имѣлъ несомнѣнное и важное практическое значеніе. Не знаемъ, насколько онъ помогъ и помогъ ли сколько-нибудь церковному суду въ самомъ его расширеніи, но то несомнѣнно, что онъ весьма много ему помогъ прочно и навсегда утвердиться въ пріобрѣтенныхъ имъ границахъ. Явившись около того времени, какъ совершилось окончательное расширеніе церковнаго суда или когда этотъ послѣдній достигъ наибольшаго своего объема, во второй половинѣ XII вѣка или по крайней мѣрѣ не ранѣе, уставъ этотъ скоро пріобрѣлъ себѣ всеобщую вѣру. Но онъ назначаетъ суду церковному почти тѣ же самыя широкія границы, которыя получилъ послѣдній на наибольшей степени своего расширенія. Такимъ образомъ, достигнувъ этого наибольшаго расширенія, церковный судъ сталъ подъ охрану и защиту такого узаконенія, какъ завѣтъ перваго крестителя Руси. Насколько стала твердою общая вѣра въ то, что уставъ есть подлинное и дѣйствительное узаконеніе Владимира, настолько же судъ церковный сталъ безопасенъ отъ посягательства власти гражданской. Въ этомъ мнимомъ уставѣ слѣдующее пишется отъ лица Владимира о судахъ церковныхъ или имѣющихъ подлежать вѣдѣнію епископовъ: «растворивше греческій Номоканонъ, обрѣтохомъ, еже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжъ князю судити, ни бояромъ его, ни тіуномъ, (и) далъ есмь тѣ суды церквамъ Божіимъ—митрополиту и всѣмъ епископамъ по (всей) Руской земли: роспускъ, смильное (тяжбы о приданомъ), заставаніе (въ блудѣ), умычки (невѣстъ), пошибаніе (ссоры и тяжбы) между мужемъ и женою о животѣ (объ имѣніи), въ племени или въ сватовствѣ поймутся (т. е. заключатъ браки), вѣдьство (вѣдовство), потвори, чародѣянія, волхвованія, зелейничество, уреканія (оскорбленіе словами) три: блядцею, зеліи и еретичествомъ, зубояжа (т. е. вѣроятно болѣе или менѣе сильное укушеніе противника въ дракѣ), или сынъ отца біетъ или матерь дочка біетъ или сноха свекровь, или кто уречется (т. е. будетъ браниться) скверными словы и прилагая отца и матерь, или сестры или дѣти, а любо племя тяжутся о задници (т. е. о наслѣдствѣ), церковная татьба, мертвецы сволочатъ (т. е. вынимаютъ изъ могилъ для обкрадыванія), крестъ (придорожный) посѣкутъ или на стѣнахъ трески (щепы) емлютъ изъ креста, скотъ или псы или птицы безъ всякія нужды введетъ въ церковь или что неподобно церкви сдѣетъ, или два друга

имѣтася бити (и) единаго жена другаго иметъ за лоно и раздавитъ, или кого застанутъ съ четвероножиною, или кто подъ овиномъ молится или во ржи или подъ рощеніемъ или у воды, или дѣвка дитя повержетъ. Ты вси суды, — заключаетъ уставъ свое перечисленіе,— церквамъ Божіимъ даны суть закономъ Божіимъ, по правиломъ святыхъ отецъ, христіанскими цари и князи во всѣхъ христіанскихъ людѣхъ».

Уставъ не вполнѣ обнимаетъ все то, что въ позднѣйшее время дѣйствительно начало принадлежать суду епископовъ [1]), но онъ предоставляетъ этому суду, если не на дѣлѣ, то на словахъ, такъ многое и общій, если не дѣйствительный, то видимый итогъ его такъ великъ, что впослѣдствіи, въ защиту принадлежности какого бы то ни было дѣла суду церковному, можно было ссылаться на него съ полною увѣренностію и не боясь встрѣтить возраженій, просто глухимъ образомъ или огуломъ [2]).

---

[1]) Изъ вышеуказаннаго нѣтъ дѣлъ по кабаламъ, о незаконныхъ дѣтяхъ и изъ-за поклажаевъ.

[2]) Ни въ подлинныхъ актахъ ни въ мнимомъ уставѣ Владимировомъ мы не находимъ присвоеннымъ суду церковному одного разряда дѣлъ, присвоенія котораго ему по примѣру Греціи надлежало бы ожидать: это тяжебъ между господами и ихъ временными или такъ называемыми кабальными холопами (изъ-за срока житья, изъ-за размѣровъ платы и пр.), которыя въ Греціи изъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ обязательно подлежали суду церковному (въ томъ, думаемъ, смыслѣ, что если одна тяжущаяся сторона хотѣла этого именно суда, а не гражданскаго, то другая не имѣла права отказываться отъ него, — Вальсам. у *Ралли* и *П.* III, 495 fin., который усвояетъ право нашего суда одному только судилищу патріарха Константинопольскаго въ лицѣ его протекдика). Необходимо объяснять это такъ, что судъ по даннымъ тяжбамъ существовалъ у насъ уже до принятія нами христіанства и что какъ уже прежде сего принадлежавшій гражданскимъ судьямъ онъ и не отданъ былъ епископамъ (Стоглавый соборъ усвояетъ суду епископовъ тяжбы по кабаламъ, но Судебникъ Грознаго, равно какъ и Ивана III, тяжбы по кабаламъ холопьимъ или о холопствѣ предоставляетъ суду боярскому, такъ что въ Стоглавникѣ должны быть разумѣемы другія кабалы,—какія, впрочемъ, не можемъ сказать, ибо и кабалы денежныя, по Судебнику, какъ будто подлежать тому же суду бояръ, — § 36). Древніе наши „кулаки“ создали себѣ изъ отдачи денегъ подъ кабальное холопство отвратительно-жидовскій промыселъ, состоявшій въ томъ, чтобы съ закабалявшихъ имъ себя брать въ отработкѣ натурою самые безсовѣстные проценты и чтобы самымъ нечестнымъ образомъ разсчитываться съ ними относительно уплаты капитала и процентовъ (это кулачество—„иманіе изгойства“, что можно перевести: сниманіе съ человѣка послѣдней рубашки, дранье съ живаго кожи, „прасоленье (ростовщичество) живыми душами“; „закабалить себя“ — войдти въ неоплатный долгъ): по нѣкоторымъ указаніямъ слѣдуетъ думать, что это была настоящая торговля нег-

Всѣмъ доселѣ сказаннымъ мы не вполнѣ кончили рѣчь о расширеніи области суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго. Въ указанныхъ выше дѣлахъ и преступленіяхъ всѣ безъ исключенія міряне подлежали суду епископовъ, а не гражданскихъ судей. Но кромѣ сего, отчасти мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, отчасти со всею или по крайней мѣрѣ съ большою вѣроятностію можемъ предполагать, что существовали такіе разряды мірянъ, которые были предоставлены суду епископовъ не только по указаннымъ выше, но и вообще по всѣмъ дѣламъ и преступленіямъ, т. е. которые были предоставлены епископамъ въ полную подсудность и которые были какъ бы причислены къ духовному сословію и къ духовному вѣдомству. Мнимый уставъ Владимира насчитываетъ такихъ разрядовъ довольно много [1]). Для времени Владимира, которому уставъ не принадлежитъ, его свидѣтельство не можетъ имѣть никакого значенія. Можно было бы подумать, что онъ списываетъ современную себѣ дѣйствительность; но и этого въ полномъ объемѣ вовсе нельзя принять [2]). Что касается до извѣстій относительно сего положительныхъ и несомнѣнныхъ, то въ грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава мы находимъ, что онъ предоставляетъ въ полную подсудность своего епископа разрядъ людей, называемыхъ прощениками. Къ сожалѣнію, изъ грамоты Ростислава вовсе не видно, была ли эта полная подсудность прощениковъ епископамъ всеобщею въ его времена или только онъ самъ предоставилъ ихъ своему епископу; «а се даю святѣй Богородици и епископу — пишетъ онъ въ грамотѣ—прощеники съ медомъ и съ кунами и съ вирою и съ продажами, и не надобѣ ихъ судити никакому же человѣку». Что за разрядъ людей составляли прощеники или что такое они были, это тоже дѣло далеко неясное. Въ памятникахъ письменности нѣсколько позднѣйшаго, послѣмонгольскаго, времени выраженія: быть прощену, получить прощеніе, употребляются въ смыслѣ получить чудесное исцѣленіе отъ болѣзни при мощахъ или отъ иконы; слѣдовательно, по этимъ памятникамъ, подъ прощениками должно было бы разумѣть людей чудесно исцѣленныхъ. Но упомянутыхъ выраженій не встрѣчается въ памятникахъ письменности періода до-монгольскаго. Самое слово

рами): древніе наши духовники приглашались дѣйствовать на русскихъ жидовъ мѣрами нравственными и эпитиміями церковными.

[1]) „А се церковніи люди: игуменъ, попъ..., паломникъ, лечецъ, прощеникъ, баба вдовица, задушный человѣкъ, слѣпецъ, хромецъ..., больницы, гостинницы, страннопріимницы,—то люди церковные, богадѣльные“.

[2]) См. въ приложенія.

прощеникъ, обозначающее людей прощенныхъ и—какъ весьма вѣроятно предполагать — прощенныхъ въ смыслѣ духовномъ, конечно, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что должно разумѣть именно помянутыхъ выше людей. Но такъ какъ въ періодъ до-монгольскій, мощи были въ одномъ Кіевѣ и о чудотворныхъ иконахъ не встрѣчается извѣстій, то весьма возможно, что прощеники до-монгольскаго періода были что-нибудь и иное [1]). Въ сказаніяхъ позднѣйшаго времени встрѣчаемъ еще прощениковъ, нѣсколько отличныхъ отъ указанныхъ выше. Извѣстный иностранецъ Маржеретъ, писавшій о нашемъ отечествѣ въ началѣ XVII вѣка, говоритъ, что «въ Россіи есть особенный орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смерти, были соборованы масломъ, однако не умирали. Такіе люди обязываются носить до самой кончины платье, похожее на монашеское, что считается очень благоугоднымъ дѣломъ. Жены ихъ имѣютъ право выдти за другаго мужа» [2]). Начало этого разряда прощениковъ съ большою вѣроятностію можетъ быть относимо къ періоду до-монгольскому. Ростиславъ отдаетъ прощениковъ своему епископу съ медомъ, съ кунами, съ вирою и продажами; подъ вирою и продажами разумѣются пошлины съ дѣлъ судныхъ и денежные штрафы за преступленія; подъ кунами или деньгами могутъ быть разумѣемы или ежегодный оброкъ или право наслѣдованія имѣнія послѣ смерти; но что такое разумѣть подъ медомъ, это остается темнымъ. Возможно предполагать, что прощеники выбывали изъ сословій, къ которымъ они принадлежали, и поступали въ свой особый разрядъ или какъ бы въ свой особый орденъ при совершеніи особаго церковнаго молебствія, на которомъ употреблялся сыченый и не сыченый медъ, и можетъ быть въ грамотѣ именно и разумѣется этотъ медъ со всѣмъ доходомъ отъ молебствія (т. е. со всѣмъ, что бы положили на молебенъ всѣ присутствующіе и что при существовавшемъ обычаѣ могло быть и очень значительнымъ).

---

[1]) Въ XVI в., какъ видно изъ словъ Герберштейна, разумѣли подъ прощениками въ уставѣ Владимира именно прощениковъ сейчасъ указаннаго рода; онъ пишетъ: Volodimerus potestati spiritualium subjecit.... et eos, qui miraculum ab aliquo sanctorum acceperint.

[2]) Въ сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ ч. 1, изд. 3 стр. 261 нач., въ особой книжкѣ Историческія записки, сочиненныя Маржеретомъ, Москва, 1830, стр. 42 fin. И въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ мѣстахъ Россіи, люди соборованные масломъ и потомъ выздоровѣвшіе считаются какъ бы умиравшими и воскресшими и поэтому обязанными жить не какъ другіе люди и по возможности отказаться отъ житейской суеты (въ особенности людямъ брачнымъ вмѣняется въ обязанность отказаться отъ брачнаго сожитія).

Итакъ, въ половинѣ XII в. такъ называемые прощеники или вообще во всей Россіи и всѣхъ ея епархіяхъ находились въ полной подсудности епископамъ или по крайней мѣрѣ они были отданы въ такую подсудность епископу въ епархіи Смоленской. Было ли это вообще или въ частности, во всякомъ случаѣ необходимо будетъ понимать дѣло такъ, что причиной тутъ было исключительное общественное положеніе прощениковъ, т. е. что неизвѣстно въ чемъ состоявшее прощеніе какъ бы выдѣляло ихъ изъ числа прочихъ мірянъ и дѣлало ихъ какъ бы людьми Божіими, на каковомъ основаніи мірская власть и отдала ихъ въ полное вѣдѣніе епископовъ или пожертвовала церкви.

Этими прощениками епархіи Смоленской ограничиваются всѣ наши положительныя свѣдѣнія о лицахъ, принадлежавшихъ въ полную подсудность епископамъ. Не имѣя положительныхъ свѣдѣній, но заключая отъ послѣдующаго времени, можно съ большою вѣроятностію предполагать, что подобнымъ же образомъ былъ вполнѣ подсуденъ епископамъ еще одинъ разрядъ мірянъ, не вслѣдствіе своего особаго общественнаго положенія, а на другомъ основаніи, именно—по землѣ. Это именно жившіе на церковныхъ земляхъ нищіе. Относительно послѣдующаго времени мы знаемъ, что нищіе для удобства сбора милостыни имѣли обычай жить при церквахъ, вмѣстѣ съ причтами послѣднихъ, на церковныхъ или на погостныхъ земляхъ; они жили въ домахъ или въ кельяхъ, которыя отчасти, вѣроятно, строили они сами, арендуя землю у причтовъ, а отчасти, вѣроятно, были строимы людьми благотворительными, или пріобрѣтавшими у причтовъ право поселять нищихъ безплатно или предоставлявшими имъ право взимать плату [1]). Всѣ такіе нищіе, жившіе на церковныхъ земляхъ, въ послѣдующее время были вполнѣ подсудны епископамъ или составляли какъ бы церковныхъ людей, за тѣми исключеніями, которыя были общи для всѣхъ вообще церковныхъ людей и о которыхъ скажемъ ниже [2]). Можно съ

---

[1]) См. Новгородскія писцовыя книги, напечатанныя въ приложеніяхъ къ сочиненію Неволина „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ", стрр. 136, 140, 146, 151, 153 и многія другія. Что это было такъ уже и въ древнее до-монгольское время, см. въ житіи Бориса и Глѣба монаха Іакова, чудо 6-е (Христ. Чтен. 1849-го г. кн. 11, стр. 406).

[2]) См. въ Актахъ Экспед. т. III № 67, стр. 104 col 1 fin и Судебники Ивана III и Грознаго,—въ первомъ по изд. въ Акт. Историч. т. I, стр. 155 col 1 fin., во второмъ по тому же изд. § 91 (въ Судебникахъ собственно старая вдовица, которая питается отъ церкви Божіей и подъ которою по всей вѣроятности должно разумѣть и бабу вдовицу мнимаго устава Владимирова).

вѣроятностію предполагать, что эта полная подсудность указанныхъ нищихъ епископамъ началась еще въ періодъ до-монгольскій. Не имѣя положительныхъ о семъ свѣдѣній, мы однако находимъ нѣкоторыя на это указанія. Митрополитъ Кириллъ 3-й въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274-го г. между другими злоупотребленіями епископовъ указываетъ то, что они дѣлаютъ насилія нищимъ, заставляя ихъ жать на себя или «сѣно сѣчи или провозъ дѣяти» [1]). Можно конечно разумѣть тутъ и вообще нищихъ, которыхъ епископы заставляли работать на себя потому, что они собирали милостыню у церквей. Но вѣроятнѣе разумѣть именно тѣхъ между ними, которые и жили при самыхъ церквахъ и на которыхъ епископы имѣли дѣйствительныя права, какъ на людей себѣ подсудныхъ [2]).

Итакъ, расширеніе области суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго у насъ произошло трояким образомъ: во-первыхъ, священники были отданы въ подсудность епископамъ не только какъ священники, но и какъ граждане; во-вторыхъ, по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ и преступленіямъ были предоставлены ихъ суду всѣ міряне; въ-третьихъ, нѣкоторые разряды мірянъ были отданы имъ въ полную подсудность подобно священникамъ.

Въ заключеніе нашихъ рѣчей о пространствѣ у насъ церковнаго суда скажемъ о наказаніяхъ, употреблявшихся у насъ церковною властію.

Такъ какъ церковная или духовная власть есть власть не отъ міра сего, то каноны воспрещаютъ ей употребленіе наказаній мірскихъ и предоставляютъ употребленіе наказаній только духовныхъ, которыя суть—по отношенію къ мірянамъ: поученія и вразумленія (διδασκαλίαι καὶ

---

[1]) Памятнн. каноннч. права *Павлова*, col. 92.

[2]) Если не вездѣ въ Россіи, то по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ, какъ кажется, были еще міряне особаго класса, предоставленные суду церковному, это—изгои, подъ которыми должно разумѣть кабальныхъ холоповъ, вышедшихъ на волю. Изгоевъ причисляетъ къ церковнымъ людямъ уставъ князя Всеволода Новгородскому владыкѣ; и хотя уставъ этотъ есть простое сочиненіе, но можно думать, что въ данномъ случаѣ онъ не сочиняетъ, а беретъ съ дѣйствительности, ибо въ Ярославовомъ уставѣ Новгороду о мостахъ (о мощеніи улицъ) изгои поставляются въ связь съ епископомъ чрезъ то, что имъ назначается мостить участокъ вмѣстѣ съ послѣднимъ,—*Карамз.* II, прим. 108. Если предположеніе справедливо, то мы не можемъ сказать, съ какою цѣлію изгои были предоставлены суду церковному,—съ тою ли, чтобы увеличить доходы епископовъ или, наоборотъ, чтобы поставить изгоевъ подъ ихъ особое покровительство (а также останется для насъ вопросомъ и то,—всѣ ли вообще изгои, или только какая-либо особая часть ихъ).

νουθεσίαι), епитиміи (состоявшія въ лишеніи св. причастія на то или другое время), отлученіе отъ церкви, преданіе анаѳемѣ, совершенное изверженіе изъ церкви; по отношенію къ клирикамъ: тѣ же поученія и вразумленія, временное запрещеніе, совершенное изверженіе изъ клира [1]). Въ случаѣ если бы виновный, не смотря на церковныя наказанія, остался непокорнымъ и продолжалъ возмущать миръ церкви, епископамъ предоставляется, не употребляя мірскихъ наказаній самимъ, предавать виновнаго гражданской власти [2]). Но скоро проникли въ церковь и мірскія наказанія: епископы начали облагать клириковъ денежными штрафами, что было имъ дозволено гражданскими законами импер. Юстиніана [3]), подвергать ихъ заключенію, для чего явились при епископскихъ каѳедрахъ нарочитыя темницы (см. выше стр. 370), и подвергать тѣлесному наказанію въ собственномъ смыслѣ этого слова [4]). Въ позднѣйшее время формально призналъ за епископами право подвергать клириковъ мірскимъ наказаніямъ импер. Алексѣй Комнинъ (1081—1118) въ одной изъ своихъ новеллъ [5]). Не знаемъ положительнымъ образомъ, употреблялись ли наши наказанія въ отношеніи къ мірянамъ церковно согрѣшавшимъ; но считаемъ это болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, ибо положительно знаемъ, что онѣ были употребляемы въ отношеніи къ мірянамъ, подлежавшимъ суду церковной власти по дѣламъ гражданскимъ [6]). Какъ было у насъ въ періодъ домонгольскій, не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній; но въ позднѣйшее время у насъ было такъ, что были подвергаемы церковною властію мірскимъ наказаніямъ какъ клирики, такъ и міряне, и весьма вѣроятно думать, что это началось еще въ періодъ домонгольскій [7]). Въ вышеприведенныхъ рѣ-

---

[1]) Антіохійск. соб. пр. 5, двукратн. соб. пр. 9, cfr Номоканонъ Фотіевъ титл. 9, гл. 10 sqq. Въ толкованіи на 5 правило Антіохійскаго собора Зонара говоритъ: Σημειωτέον ἐκ τούτου κανόνος, ὅτι ἀπηγόρευται ἐπισκόποις κολάζειν ὅλως τινάς· ἐπιτιμίοις δε μόνοις σωφρονίζειν αὐτούς,—у *Ралли* и *П.* III, 137 нач.

[2]) Сейчасъ указанными соборными правилами.

[3]) Новелла 123, гл. 6.

[4]) Двукратн. соб. пр. 9.

[5]) У *Ралли* и *П.* V, 281: виновные клирики ἢ χρήματα ἀπαιτῶνται ἢ καὶ κολάζωνται.

[6]) Вальсамонъ свидѣтельствуетъ, что подвергаемы были тѣлесному наказанію (посредствомъ батога, палки,—διὰ σκυτάλης) судившіеся у протекдика по дѣламъ относительно рабства міряне рабы и свободные,—у *Ралли* и *П.* II, 681 fin.

[7]) Въ Греціи запрещалось подвергать тѣлесному наказанію μετὰ θυμοῦ καὶ μανίας,—у *Ралли* и *П.* II, 682 нач., у насъ въ позднѣйшее время обыкновенно назначалось бить плетьми или шелепами нещадно.

чахъ мы разумѣемъ употребленіе епископами мірскихъ наказаній за такія преступленія, подвергать за которыя этимъ наказаніямъ запрещено канонами, именно—по отношенію къ клирикамъ за преступленія церковныя или за согрѣшенія духовныя и за преступленія по должности; по отношенію къ мірянамъ—за первыя изъ нихъ. Но въ Греціи и у насъ клирики были предоставлены суду епископовъ не только какъ вообще христіане и какъ чиновники церковные, но и какъ граждане; а у насъ кромѣ того была предоставлена суду епископовъ нѣкоторая часть преступленій гражданскихъ, совершаемыхъ и мірянами. Изъ этого выходитъ, что за тѣ преступленія церковныя, которыя признавались гражданскою властію и за преступленія гражданскія, клирики и міряне, насколько они подлежали гражданскому суду епископовъ, должны были облагаться двойнымъ мірскимъ наказаніемъ. Какъ это было на самомъ дѣлѣ, не знаемъ: относительно клириковъ вѣроятно имѣли силу именно въ отношеніи къ нимъ постановленные каноны, что не отмстиши дважды за едино [1]); но что касается до мірянъ, то не невозможно, что они дѣйствительно были подвергаемы двойному наказанію, напр. денежному штрафу и тѣлесному наказанію или же удвоенному денежному штрафу (и въ позднѣйшее время это какъ будто дѣйствительно такъ и бывало [2]). Въ Греціи съ древняго времени епископы позволяли себѣ злоупотреблять однимъ церковнымъ наказаніемъ, именно отлученіемъ отъ церкви, употребляя его какъ средство для вымогательства денегъ или же какъ средство личнаго мщенія [3]). Въ позднѣйшее время это злоупотребленіе и у насъ также было сильно, какъ въ Греціи; бывъ или не бывъ столько же сильнымъ уже и въ періодъ домонгольскій, во всякомъ случаѣ оно началось у насъ еще въ этотъ періодъ, какъ свидѣтельствуютъ дѣянія Владимирскаго собора 1273-го г. [4]).

Церковное управленіе предполагаетъ церковные законы, къ которымъ мы теперь по порядку и обратимся.

---

[1]) Апост. пр. 25, Василія Вел. пр. 32.

[2]) Сейчасъ сказанное нами не противорѣчитъ тому, что выше мы сказали въ отношеніи къ мнимому уставу Ярославову: тамъ разумѣемъ мы обложеніе преступленій двумя мірскими наказаніями по одной ихъ гражданской сторонѣ или въ качествѣ преступленій только гражданскихъ.

[3]) Новелла Юстиніана 123, гл. 11, всел. 7 соб. пр. 4.

[4]) Въ Памятнн. *Павлов.* col 92 fin. („угодья нѣкоего дѣля", вѣроятно, есть переводъ греческаго διά τινα ἰδίαν ἐμπάθειαν, какъ это стоитъ въ 4 пр. 7 всел. соб.).

Такъ какъ каждая частная церковь есть нераздѣльная и органическая часть церкви вселенской, а эта послѣдняя имѣетъ свои общіе и общеобязательные для всѣхъ ея частей законы, то прежде всего само собою предполагается, что каждая частная церковь должна имѣть и принимать эти общіе законы или такъ называемые каноны. Затѣмъ, каждая частная церковь можетъ имѣть законы частные или мѣстные, которые имѣютъ значеніе только для ней самой и ни для кого болѣе и которые, въ предѣлахъ права, можетъ издавать или ея собственная высшая власть или же власть государственная, подъ которою она (церковь) состоитъ.

Что Русская церковь признала и приняла общіе законы церковные или каноны съ самаго своего начала, это само собою разумѣется, ибо безъ того она не могла бы быть церковію, и здѣсь рѣчь можетъ быть только о переводахъ сихъ каноновъ на славянскій языкъ. Въ Греческой церкви въ X вѣкѣ, когда мы приняли христіанство, было въ практическомъ употребленіи изданіе каноновъ такъ-называемое Фотіево. Это изданіе, впервые сдѣланное неизвѣстно кѣмъ около половины VI вѣка, послѣ не одинъ разъ неизвѣстными лицами дополнявшееся и окончательно дополненное патр. Фотіемъ въ 883-мъ году, состоитъ изъ двухъ частей — первая представляетъ собою систематическій указатель къ канонамъ, сопровождаемый указаніемъ и краткою передачею касающихся церкви гражданскихъ законовъ, раздѣленный по содержанію на 14 титлъ или отдѣленій, изъ которыхъ каждое подраздѣляется на большее или меньшее количество главъ; вторая часть содержитъ самый текстъ каноновъ, расположенный въ порядкѣ соборовъ и отцовъ, ихъ написавшихъ. Такъ какъ мы приняли христіанство спустя много времени послѣ патріарха Фотія, то слѣдовало бы ожидать, что у насъ явится въ славянскомъ переводѣ его окончательная редакція. На самомъ дѣлѣ было однако не такъ—въ періодъ до-монгольскій мы имѣли въ славянскомъ переводѣ номоканонъ, носящій его имя, не въ его окончательной редакціи, а въ послѣдней, сдѣланной передъ нимъ и представляющей собраніе каноновъ еще не въ совершенной и окончательной полнотѣ, какъ это у него самого, именно—въ этой редакціи, бывшей у насъ въ славянскомъ переводѣ, недостаетъ правилъ двухъ соборовъ, бывшихъ при самомъ Фотіи—такъ называемаго двукратнаго или перво-втораго 861-го г. и бывшаго въ храмѣ Софіи 879-го г. [1]).

---

[1]) Первоначальный Славяно-русскій номоканонъ, *А. С. Павлова*. Казань, 1869.

Странность эту необходимо объяснять тѣмъ, что мы не взяли на себя труда самимъ перевести для себя номоканонъ съ греческаго языка, а воспользовались готовымъ переводомъ его, сдѣланнымъ въ Болгаріи. Болгары приняли христіанство до 883-го года, когда Фотій издалъ свою редакцію, а потому и номоканонъ они, очевидно, должны были перевести для себя съ редакціи болѣе ранней. Такимъ образомъ, не взявъ на себя труда самимъ перевести номоканонъ, мы имѣли въ періодъ до-монгольскій въ славянскомъ переводѣ не совершенно полное собраніе каноновъ церковныхъ, хотя недостававшее, какъ мы указали сейчасъ выше, и было весьма незначительно. Кромѣ собранія каноновъ по номоканону такъ-называемому Фотіеву, мы имѣли въ періодъ до-монгольскій въ славянскомъ переводѣ еще другое, но уже весьма значительно неполное, ихъ собраніе, сдѣланное Іоанномъ Схоластикомъ или адвокатомъ Антіохійскимъ, послѣ патріархомъ Константинопольскимъ (565—578), въ половинѣ VI вѣка, и представляющее собою систематическій, раздѣленный по содержанію на 50 титлъ, сводъ текста [1]) каноновъ апостольскихъ, четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ и Василія Великаго. Это собраніе Схоластика (Συναγωγὴ κανόνων), долгое время у Грековъ бывшее въ общемъ употребленіи одновременно съ номоканономъ, получившимъ въ окончательной редакціи названіе Фотіева, по всей вѣроятности, переведено было на славянскій языкъ, Меѳодіемъ первоучителемъ для Моравовъ [2]); заимствованное отъ нихъ Болгарами, оно потомъ одновременно съ первымъ или подобно первому было взято отъ послѣднихъ и нами [3]).

---

[1]) Не только указатель каноновъ, какъ въ первой части номоканона Фотіева, а самые каноны въ полномъ видѣ. Index, какіе каноны въ каждомъ титлѣ, см. въ статьѣ И. И. Срезневскаго: Греческая Иверская Кормчая XI—X в, съ собраніями каноновъ и законовъ Іоанна Схоластика, Спб. 1871.

[2]) Въ такъ-называемомъ Паннонскомъ житіи Меѳодія говорится, что не задолго до своей смерти въ 885 г. онъ озаботился перевесть между другими книгами и „номоканонъ рѣкше закону правила“.

[3]) Въ славянскомъ переводѣ первой части номоканона такъ называемаго Фотіева опущено указаніе гражданскихъ законовъ, такъ что она представляетъ въ переводѣ только указатель къ канонамъ; что же касается до указанія (носящаго на греческомъ особое названіе κείμενον'а), то не сполна, а въ извлеченіи оно переведено было особо (въ Іосифовско-Никоновской печатной Кормчей оно составляетъ 44-ю главу).—Іоаннъ Схоластикъ вмѣстѣ съ сводомъ каноновъ составилъ извлеченіе изъ новеллъ Юстиніана касающихся церкви гражданскихъ законовъ, относительно котораго полагаютъ, что оно переведено одновременно съ сводомъ каноновъ (въ печатной Кормчей оно составляетъ главу 42-ю. Сводъ и извлече-

Такимъ образомъ, Русь до-монгольская имѣла каноны церковные въ славянскомъ переводѣ, хотя и не въ совершенно полномъ составѣ. Но на какой степени находилось знаніе этихъ каноновъ? Всегда само собою предполагается, что каждое духовное лицо (священники и епископы) обязано совершенно знать каноны церковные, какъ основные законы церкви, и однако съ этимъ знаніемъ всегда бываетъ то же, что съ нашимъ русскимъ обязательнымъ для всякаго знаніемъ законовъ Россійской Имперіи, т. е. что мало кто обладаетъ имъ и мало кто о немъ заботится. Никто не отрицаетъ обязательной силы каноновъ церковныхъ; но въ практической жизни дѣйствуютъ не они непосредственно, а заведенный на основаніи ихъ (а отчасти и помимо ихъ и вопреки имъ) обычай; въ практической жизни требуется знаніе и соблюденіе сего послѣдняго и нисколько не первыхъ, знаніе которыхъ представляется излишнимъ и ненужнымъ и простою ученою роскошью. На этомъ основаніи даже въ настоящее время мы не найдемъ ни одного священника, который бы порядочно зналъ каноны церковные и имѣлъ бы сколько-нибудь удовлетворительное понятіе о книгѣ, называемой Кормчею (кромѣ того, что она есть книга весьма толстая), и между самими епископами совершенно основательное знаніе каноновъ церковныхъ еще вовсе не составляетъ обычнаго дѣла. Если таково знаніе каноновъ церковныхъ даже въ настоящее время, то само собою предполагается, что въ періодъ до-монгольскій оно имѣло быть еще несравненно ниже. Но въ этотъ періодъ были и особенныя причины, по которымъ дѣло долженствовало быть такъ, чтобы священники не имѣли о канонахъ ни малѣйшаго понятія и чтобы нѣкоторое знаніе ихъ составляло только исключительную спеціальность епископовъ. Въ настоящее время, когда существуетъ книгопечатаніе, каждая церковь безъ труда можетъ пріобрѣсти печатную Кормчую, но въ періодъ до-монгольскій было рукописаніе и тогда еще было оно,

---

ніе кто-то позднѣйшій соединилъ въ одно мѣсто и это соединеніе извѣстно подъ именемъ номоканона Схоластикова).—Номоканонъ Фотіевъ и сводъ каноновъ Схоластиковъ неизвѣстны на славянскомъ языкѣ въ отдѣльномъ видѣ, но обыкновенно составляютъ первую или начальную часть юридическаго сборника, который называется Номоканономъ или Кормчей книгой. О статьяхъ сборника послѣ каноновъ см. въ приложеніи. Что касается до названія Кормчая книга, которое, если не ошибаемся, не было извѣстно старымъ Грекамъ (Кормчая погречески Πηδάλιον), то, можно думать, оно произошло у насъ такимъ образомъ, что въ славянскомъ переводѣ греческаго νομοκάνων (νομοκάνονον) „закону правила“ послѣднее слово было принято вмѣстѣ прáвила за правúла.

какъ говорили мы выше, до такой степени дорого и до такой степени мастерство скудное мастерами, что пріобрѣтеніе каждой книги стоило если не дороже, то едва ли не затруднительнѣе для приходовъ чѣмъ построеніе самихъ церквей. По этой причинѣ необходимо думать, что собранія каноновъ церковныхъ или Кормчей книги, далеко не неизбѣжно нужной, а между тѣмъ при ея огромности долженствовавшей быть чрезвычайно дорогою, въ періодъ до-монгольскій вовсе не имѣли приходскія церкви (за исключеніемъ можетъ быть приходовъ въ любимыхъ имѣніяхъ княжескихъ, куда могли прикладывать книгу князья) и что она исключительно находилась только по епископіямъ [1]). Нельзя ручаться за то, чтобы и въ этихъ послѣднихъ она была непремѣнно во всѣхъ; но если и предполагать это, то объ ея употребленіи нужно думать то же, что въ настоящее время мы знаемъ объ ея употребленіи по селамъ, т. е. что она составляла книгу, лежащую и чрезвычайно мало употребляемую,—книгу, въ которой невѣдомо что писано. Тогдашніе епископы наши, какъ и всѣ тогдашніе люди (о чемъ будемъ говорить ниже), не имѣли настоящаго образованія и были не болѣе, какъ простые грамотники. Но чтобы простой грамотникъ сталъ читать каноны церковные и въ состояніи былъ справиться съ ними, т. е. надлежащимъ образомъ уразумѣвать и понимать ихъ, это весьма сомнительно. Для чтенія каноновъ церковныхъ требуется какое-нибудь руководство, которое бы помогло ознакомиться съ ними вообще и которое бы помогало разумѣнію каждаго изъ нихъ въ частности, но такого руководства, пока не написаны были извѣстныя толкованія на каноны—Зонарино, Вальсамоново и Аристиново, явившіяся позднѣе, вовсе не было. Неистолкованные каноны церковные, переведенные буквально, а вслѣдствіе этого и не особенно вразумительно, съ греческаго, представлялись архіереямъ у другихъ православныхъ Славянъ «помраченными облакомъ мудрости эллинскаго языка» [2]); нѣтъ сомнѣнія, что такими находили ихъ и наши архіереи и что какъ таковые ихъ весьма уважали, но весьма мало читали и изучали.

Частные или мѣстные законы каждой частной церкви, обязательные только для ней самой и ни для кого болѣе, какъ мы сказали,

[1]) Имѣемъ свидѣтельство, что въ Болгаріи прямо запрещено было имѣть Кормчую книгу въ приходскихъ церквахъ (см. у *Восток.* въ Опис. Румянц. Муз. стр. 291 col. 1), по всей вѣроятности изъ опасенія, чтобы она не была въ нихъ съ искаженными правилами. Не невозможно предполагать, что такое запрещеніе существовало и у насъ.

[2]) У Сербовъ; точное указаніе ниже.

составляютъ узаконенія или указы—во-первыхъ, ея собственной высшей власти, во-вторыхъ, власти государственной, подъ которою каждая частная церковь находится. Само по себѣ совершенно ясно, что̀ должно разумѣть подъ частными законами каждой частной церкви. Но довольно хитрый вопросъ, что̀ должна была разумѣть подъ своими частными законами Русская церковь. Дѣло въ томъ, что она была въ такомъ особенномъ положеніи, что и составляла и не составляла изъ себя частную церковь. Какъ церковь совсѣмъ особаго государства и какъ церковь совсѣмъ отдѣльная, она, конечно, составляла особую частную церковь; но въ то же время въ административномъ отношеніи она не составляла самостоятельной частной церкви, а была только частію другой таковой же церкви—митрополіей Константинопольскаго патріарха, совершенно такою же, какъ всѣ прочія его митрополіи. Какъ особая частная церковь она должна была признавать своими мѣстными законами только узаконенія и указы своихъ собственныхъ митрополитовъ и великихъ князей (а каждая изъ ея епископій еще своихъ удѣльныхъ князей); но какъ административная часть церкви Греческой, какъ митрополія патріарха Константинопольскаго, она должна была признавать таковыми и узаконенія и указы патріарховъ Константинопольскихъ и императоровъ греческихъ. Что она должна была признавать первые, это ясно, ибо патріархи Константинопольскіе были высшіе административные начальники Русской церкви и ихъ власть въ сей послѣдней была совершенно такова же, какъ во всѣхъ другихъ подчиненныхъ имъ митрополіяхъ. Не столько ясно, чтобы Русская церковь должна была признавать своими законами относящіяся до дѣлъ церковныхъ узаконенія и указы императоровъ греческихъ; но и это такъ. Помянутые узаконенія и указы императоровъ, очевидно, должны были простираться на всю административную Греческую церковь, ибо будучи адресуемы патріархамъ и будучи для нихъ обязательны, они вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, были обязательны и для всѣхъ подчиненныхъ имъ митрополитовъ, а Русская церковь была частью административной церкви Греческой, была митрополіей Константинопольскаго патріарха, черезъ котораго подчинялась и императору греческому. Однако, для Русской церкви признать всѣ мѣстные законы церкви Греческой и своими таковыми же законами было бы несовершенно удобно. Во-первыхъ, признавать обязательными для себя указы императоровъ греческихъ Русскіе не могли не находить обиднымъ для своей національной чести. Во-вторыхъ, не всѣ мѣстныя греческія узаконенія могли быть примѣнимы къ Россіи по различію мѣстныхъ условій. Какъ рѣ-

шали Русскіе до-монгольскаго періода этотъ запутанный и хитрый вопросъ, остается неизвѣстнымъ. Какъ общій вопросъ, они по всей вѣроятности вовсе не ставили его и не рѣшали; а что касается до практики, то, сколько достаетъ нашихъ свѣдѣній для того, чтобы судить о дѣлѣ, они относились къ этимъ законамъ такъ, что отвѣтъ выходилъ и да и нѣтъ, что и признавали они ихъ и не признавали. Они вовсе не заботились о томъ, чтобы привести эти законы въ полную для себя извѣстность и чтобы всѣ ихъ имѣть въ славянскомъ переводѣ, но переводы, дѣланные другими, они заимствовали отъ этихъ другихъ, а кое-что, можетъ быть, перевели и сами. Затѣмъ, что касается до самаго употребленія законовъ, то Русскіе, ни положительно отрицая, ни положительно признавая ихъ, съ одной стороны вовсе не пользовались ими непосредственнымъ образомъ, а съ другой стороны приняли изъ нихъ все то, что перешло къ нимъ изъ Греческой церкви путемъ обычая. Вообще, какъ въ канонической, такъ и въ этой неканонической части мы приняли отъ Грековъ не законы церковные съ тѣмъ, чтобы по этимъ законамъ самимъ устроить церковь, а готовый образецъ сей послѣдней, на сколько въ своихъ несущественныхъ частностяхъ онъ могъ быть принятъ нами и какъ она (церковь) по тѣмъ и другимъ законамъ (каноническимъ и неканоническимъ) была устроена у Грековъ. Какъ, признавъ обязательную силу каноновъ церковныхъ, мы однако не исправили по нимъ у себя тѣхъ отступленій отъ нихъ, которыя дозволили Греки, а оставили дѣло въ томъ видѣ, какъ получили отъ нихъ [1]); такъ, признавая или не признавая обязательное значеніе мѣстныхъ греческихъ законовъ, мы безъ размышленій и безъ критики и безъ различенія каноническаго отъ неканоническаго приняли обычаи, основанные на сихъ законахъ, совершенно такъ же, какъ и обычаи, основанные на канонахъ. Перенимая образецъ, мы принимали при этомъ законы просто на вѣру и вовсе не заботились о томъ, чтобы доискиваться и рѣшать, что̀ въ принятыхъ нами обычаяхъ основывается на канонахъ, что̀ на мѣстныхъ узаконеніяхъ, и на сколько послѣднія имѣютъ для насъ обязательную силу [2]).

---

[1]) Напр. заимствовали отъ нихъ антиканоническій обычай взиманія платы за поставленіе въ церковныя степени, допустили у себя антиканоническое стяжательное монашество.

[2]) До начала X вѣка дѣйствующее гражданское законодательство Грековъ составляли Кодексъ Юстиніановъ и Новеллы или новые послѣ Кодекса указы императоровъ. Извлеченія изъ Кодекса и Новеллъ относящихся къ церкви законовъ, сдѣланныя патріархами Іоанномъ Схоластикомъ и Фотіемъ, были переведены на

Сколько имѣемъ свѣдѣній и сколько можемъ предполагать и заключать, страннымъ и не совсѣмъ обычнымъ образомъ вела себя и церковь Греческая по отношенію къ церкви Русской въ дѣлѣ этихъ мѣстныхъ законовъ. Такъ какъ церковь Русская была митрополіей Константинопольскаго патріархата, то слѣдовало бы ожидать, что всѣ вновь выходившія узаконенія патріарховъ и императоровъ или по крайней мѣрѣ однихъ первыхъ будутъ оффиціально сообщаемы ей къ свѣдѣнію и исполненію наравнѣ со всѣми прочими митрополіями, и однако этого вовсе не было, какъ слѣдуетъ думать на основаніи того, что подобныхъ узаконеній извѣстно на славянскомъ языкѣ въ нашихъ русскихъ Кормчихъ только весьма небольшое количество [1]). Такимъ образомъ, сами патріархи Константинопольскіе какъ бы и не признавали и признавали Русскую церковь за особую частную церковь.

Безспорно обязательными для Русской церкви частными законами со стороны церкви Греческой были указы патріарховъ Константинопольскихъ, спеціально касавшіеся ея самой и именно къ ней самой адресованные. Такихъ указовъ за весь періодъ до-монгольскій пока извѣстно и всего два, это именно—грамота патр. Луки Хризоверга къ Андрею Боголюбскому съ отказомъ учредить митрополію во Владимірѣ, съ рѣшеніемъ по дѣлу епископа Ростовскаго, котораго гналъ князь и предписаніемъ относительно постовъ въ дни праздничные, что составляло тогда въ Россіи предметъ споровъ, и грамота патріарха Германа 2-го къ митрополиту Кириллу 2-му отъ 1228-го года о непоставленіи во священники рабовъ, предварительно не отпущенныхъ на свободу (къ обѣимъ грамотамъ возвратимся ниже) [2].

Частные законы Русской церкви въ строгомъ и тѣсномъ смыслѣ слова мѣстные, какъ мы сказали, должны были составлять законода-

---

славянскій языкъ и вошли въ нашу Кормчую (въ Іосифовско-Никоновской печатной Кормчей гл. 42 и 44; извлеченіе Фотіево или его такъ называемый Κείμενον,—послѣдняя глава, только въ сокращеніи). Но въ началѣ X вѣка имп. Левъ Мудрый сдѣлалъ новое изданіе законовъ подъ именемъ Царскихъ книгъ, при чемъ все изъ прежнихъ законовъ, что не вошло въ новое изданіе, потеряло свою силу. Царскія книги Льва остались совершенно неизвѣстными нашимъ предкамъ.

[1]) Изъ патріаршихъ узаконеній находятся въ нашей Кормчей: соборныя постановленія относительно брака патріарховъ Сисинnія, 996—999, Алексѣя, 1025—1043, и неизвѣстнаго (въ Никоновской печатной Кормчей гл. 52), и соборные отвѣты на разные, предложенные отъ нѣкоторыхъ монаховъ, вопросы патр. Николая Грамматика, 1084—1111 (въ Никоновск. Кормчей гл. 54); изъ императорскихъ узаконеній—три Новеллы имп. Алексѣя Комнина, 1081—1118 (ibid. гл. 43).

[2]) Обѣ грамоты въ Памятн. канонич. права *Павлова*, №№ 3 и 5.

тельные акты, т. е. сего рода грамоты или указы, ея собственныхъ митрополитовъ и ея собственныхъ великихъ князей. Такъ какъ періодъ до-монгольскій былъ временемъ введенія и водворенія христіанства въ Россіи, иначе сказать—временемъ, когда естественно должны были возникать всякаго рода недоумѣнія и вопросы, требовавшіе разрѣшенія и разъясненія путемъ законодательнымъ, то, повидимому, нужно смотрѣть на него какъ на періодъ законодательной дѣятельности наиболѣе усиленной. Какъ было дѣло въ дѣйствительности, мы не знаемъ, но пока въ настоящее время отъ періода до-монгольскаго неизвѣстно совершенно ни одного указаннаго рода законодательнаго акта. Что могло погибнуть безвозвратно или можетъ оставаться доселѣ неизвѣстнымъ даже множество актовъ, въ этомъ нѣтъ совершенно ничего невѣроятнаго; вотъ одинъ совершенно убѣдительный на это примѣръ: лѣтописи даютъ знать, что въ періодъ до-монгольскій было писано весьма много такъ-называемыхъ крестныхъ или договорныхъ грамотъ между князьями, и однако въ настоящее время пока неизвѣстно изъ нихъ совершенно ни одной. Такимъ образомъ, могли быть законодательные акты помянутаго рода даже въ цѣломъ множествѣ, хотя мы вовсе ихъ и не знаемъ [1]). Но съ другой стороны, какъ кажется, вѣроятнѣе думать, что актовъ не было множества, и именно—что Русская церковь до-монгольскаго періода законодательствовала не столько путемъ письменнымъ, который въ то время былъ по многому путь весьма затруднительный, сколько путемъ устнымъ. Епископы собирались на соборы къ митрополиту, если не ежегодно въ опредѣленные сроки, то все-таки довольно часто: на этихъ соборахъ и могли митрополиты законодательствовать въ видѣ наставленій епископамъ. Приходское духовенство каждой епархіи собиралось ежегодно, если не всё каждый разъ, то по очереди, къ своимъ епископамъ на такъ-называемые «сборы», о которыхъ скажемъ ниже: на этихъ сборахъ епископы въ свою очередь и могли законодательствовать по своимъ епархіямъ. Такъ представляется вѣроятнѣйшимъ думать, но такъ ли было дѣло въ дѣйствительности, это въ концѣ концовъ составляетъ вопросъ.

---

[1]) Еще одинъ примѣръ уже изъ области самой церкви. До недавняго времени почти совсѣмъ ничего не было извѣстно письменнаго изъ административно-судебной дѣятельности патріарховъ Константинопольскихъ XIII—XV вѣка, такъ что можно было думать, что они правительствовали безписьменно. Но вдругъ сдѣлано открытіе—и найдено въ семъ отношеніи весьма многое (Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV—MCCCCII, ediderunt *Fr. Micklosich et Jos. Müller*, Vindobonae, два тома. 1850—52).

По тогдашнему политическому строю Руси не только вся Русская церковь имѣла своего государственнаго главу въ великомъ князѣ, но и каждая епископія имѣла своего особеннаго таковаго же главу въ своемъ удѣльномъ князѣ. Какъ великій князь могъ законодательствовать во всей Русской церкви, такъ каждый удѣльный князь могъ законодательствовать въ своей епископіи. Изъ памятниковъ этого частнѣйшаго мѣстно-русскаго законодательства отъ періода до-монгольскаго сохранились до настоящаго времени два,—именно: грамота Новгородскаго князя Святослава Ольговича, написанная въ 1137 году и содержащая въ себѣ распоряженія относительно епископской десятины въ Новгородской епархіи [1]), и грамота Смоленскаго князя Ростислава, о которой много разъ мы говорили выше [2]).

Не имѣя отъ періода до-монгольскаго, за исключеніемъ весьма не многаго сейчасъ указаннаго, памятниковъ церковнаго мѣстно-русскаго законодательства въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, мы имѣемъ отъ него нѣсколько частныхъ сочиненій каноническаго содержанія, неоффиціальная цѣль и задача которыхъ—преподать наставленія относительно тѣхъ или другихъ предметовъ церковной практики. Таковыя сочиненія въ настоящее время извѣстны:

1) Упоминаемое въ памятникахъ до-монгольскаго періода подъ именемъ «Устава бѣлеческаго» (мірскаго) и «нѣкоторой заповѣди», въ позднѣйшихъ рукописяхъ, называемое «Заповѣдію святыхъ отецъ къ исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ» сочиненіе митрополита Георгія [3]).

---

[1]) Напеч. въ Русскихъ Достопамм. 1, 82.

[2]) Есть еще грамота Всеволода—Гавріила Мстиславича Новгородскому Софійскому собору (напеч. преосв. *Макаріемъ* въ Ист. т. 2, изд. 2, стр. 380). Но она очевидно подложна. Объ этой грамотѣ Всеволода, равно какъ и объ его грамотѣ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ (Русск. Достопамм. 1, 77), которая большею частію не считается подложною, но которая по всей вѣроятности есть таковая же, см. въ приложеніяхъ къ настоящей главѣ.

[3]) Кирикъ въ своемъ Вопрошаніи пишетъ: „рѣхъ (епископу Нифонту): написано, владыко, есть въ уставѣ бѣлеческомъ, яко добро бы блюстися (мужамъ отъ женъ въ великій постъ), яко Христовъ постъ есть, аще ли не могутъ, а (по крайней мѣрѣ) преднюю недѣлю и послѣднюю“ (въ Памятн. Павлова col. 38, § 57); еще: „прочтохъ ему (Нифонту) изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ суботу и въ пятокъ лежитъ человѣкъ, а зачнетъ дѣтя, будетъ любо тать, любо разбойникъ, любо блудникъ, любо трепетникъ, а родителема опитемья два лѣта“ (ibid. col. 44, § 74); и еще: „прашахъ и сего: аже даютъ сорокоустье служити за упокой, и еще живи суще? Не можетъ, рече, того взборонити, аже приносятъ спасенія хотяче душя своей, еже творишь и митрополита Георгія Рускаго написавша, а нѣту того нигдѣ же“ (ibid. col. 51, § 101). Первое и второе написано, а третье запре-

Содержаніе сочиненія, имѣющаго цѣлію преподать новымъ въ христіанствѣ Русскимъ наставленія наиболѣе для нихъ нужныя, весьма разнообразно, а по изложенію оно не отличается послѣдовательностію. Сначала идутъ въ немъ уставы о поклонахъ и о пищѣ въ разныя времена года, потомъ уставъ относительно плотскаго сожитія съ женами въ великій постъ и о причастіи, а затѣмъ смѣшанно—правила и наставленія относительно брака, отцовъ духовныхъ, лицъ поставляемыхъ во священники и другія церковныя степени, о плотскомъ супружескомъ сожитіи вообще, о постриженіи въ монашество, о родильницахъ, объ эпитиміяхъ за разныя согрѣшенія и пр. и пр. Странную судьбу имѣло сочиненіе митрополита Георгія въ періодъ до-монгольскій. Какъ написанное митрополитомъ, оно, повидимому, должно было получить всеобщую распространенность и всеобщую извѣстность и стать до нѣкоторой степени какъ бы оффиціальнымъ уставомъ Русской церкви. Однако этого вовсе не случилось. Спустя 50 лѣтъ послѣ смерти митрополита Георгія, а можетъ быть и менѣе, о существованіи его сочиненія вовсе не знали даже епископы и оно было извѣстно только нѣкоторымъ [1]).

2) Посланіе преп. Ѳеодосія Печерскаго къ вел. кн. Изяславу Ярославичу, написанное въ отвѣтъ на его вопросъ и поэтому называемое въ спискахъ «Вопрошаніе Изяславле» [2]). Въ краткомъ посланіи этомъ преп. Ѳеодосій, во-первыхъ, отвѣчаетъ на вопросъ великаго князя—можно ли рѣзать скотъ для пищи въ воскресенье; во-вторыхъ, говоритъ, вѣроятно тоже по поводу спроса великаго князя или бывшей бесѣды съ нимъ, о постѣ въ среду и пятокъ.

3) «Правило церковное вкратцѣ» митр. Іоанна 2-го, написанное къ нѣкоему черноризцу Іакову въ отвѣтъ на предложенные имъ митрополиту вопросы [3]).

щается именно въ нашей Заповѣди, изъ чего и слѣдуетъ, что она есть то сочиненіе, которое Кирикъ называетъ уставомъ бѣлеческимъ и нѣкоторой заповѣдью и которое онъ усвояетъ митр. Георгію. О спискахъ Заповѣди, по которымъ она намъ извѣстна, см. въ 1-мъ изданіи этой половины тома стр. 507.

[1]) Какъ показываетъ одна изъ сейчасъ сдѣланныхъ выписокъ изъ Кирика.

[2]) Напечатано преосвящ. *Макаріемъ* въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. II, выпускъ 11, стр. 213 и въ Исторіи т. 2, изд. 2, стр. 335.

[3]) Напечатано въ Русскихъ Достопамм. 1, 89, преосв. *Макаріемъ* въ Истор. т. 2, изд. 2 стр. 369, и *Павловымъ* въ Памятникахъ каноническаго права, № 1. Отрывки греческаго текста, найденные послѣднимъ,—въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. XXII, кн. 2.

4) Такъ называемое «Вопрошаніе Кириково», именно—собраніе отвѣтовъ, полученныхъ іеромонахомъ и доместикомъ Новгородскаго Антоніева монастыря Кирикомъ отъ разныхъ лицъ, къ которымъ онъ обращался съ своими вопросами, преимущественно отъ трехъ епископовъ — Новгородскихъ: Нифонта (1129—1156) и Иліи (1165—1185) и неизвѣстной епархіи Саввы [1]).

Оба сочиненія по содержанію крайне разнообразны, а по изложенію совершенно смѣшанны. Черноризецъ Іаковъ обращался къ митрополиту Іоанну, а Кирикъ къ нѣсколькимъ лицамъ съ разными, недоумѣнными для нихъ, вопросами изъ обширной области церковной практики, и въ обоихъ сочиненіяхъ отвѣты изложены совершенно безъ всякаго систематическаго порядка, просто въ случайной связи. Такъ, въ Правилѣ митр. Іоанна: о времени крещенія младенцевъ, достоитъ ли матери кормить дитя до 40 дней, о неядѣніи давленины и звѣроядины, о служащихъ на опрѣснокахъ или латинянахъ, о ядящихъ мясо въ великое говѣніе, объ имѣющихъ по двѣ жены, о волхвованіи, и пр. Въ Вопрошаніи Кириковомъ: о молитвѣ осквернившимся сосудамъ, о заупокойной литургіи, о лихвѣ, о постриженіи чернеца въ схиму, о принятіи въ православіе латинянъ, достоитъ ли рѣзати скотъ въ воскресенье, о поклонникахъ, ходящихъ въ Іерусалимъ, и пр. Правило митрополита Іоанна и Вопрошаніе Кириково важны для насъ въ томъ отношеніи, что показываютъ, какими вопросами церковной практики наиболѣе интересовались Русскіе люди до-монгольскаго періода и насколько встрѣчали они затрудненій и недоумѣній въ ея области. Къ этой сторонѣ дѣла мы возвратимся послѣ. Мы не будемъ подробно передавать здѣсь содержанія обоихъ сочиненій, равно какъ и Устава бѣлеческаго митр. Георгія, а воспользуемся одними и другимъ по частямъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

5) Поученіе Новгородскаго епископа (архіепископа) Иліи, адресованное имъ къ подвѣдомому духовенству вскорѣ по занятіи каѳедры и вмѣстѣ съ различными нравственными увѣщаніями содержащее и нѣсколько каноническихъ предписаній [2]).

---

[1]) Напечатано съ довольнымъ количествомъ пропусковъ въ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка *Калайдовича*, стр. 173 sqq, и въ полномъ видѣ *Павловымъ* въ Памятн. канонич. права, № 2.

[2]) Весьма интересное поученіе это открыто *Павловымъ* въ одной рукописи Московскаго Публичнаго Музея (изъ собранія покойнаго А. Н. Попова) и напечатано имъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Октябрьской книжкѣ 1890-го года.

6) Наставленіе священникамъ того же архіепископа Иліи, написанное имъ вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ по имени епископомъ Бѣлгородскимъ, относительно двухъ особенныхъ случаевъ, могущихъ имѣть мѣсто при совершеніи литургіи [1]).

Упоминается еще какой-то Θеодосъ, написавшій что-то каноническое [2]). Но какой и что—пока остается неизвѣстнымъ. Въ позднѣйшихъ сборникахъ не мало статей каноническаго содержанія, изъ которыхъ многія вѣроятно русскаго происхожденія и нѣкоторыя можетъ быть изъ до-монгольскаго періода. Но послѣднія опять тоже не могутъ быть отдѣлены и указаны. (О новонайденномъ указанномъ поученіи Новгородскаго архіепископа Иліи, которое было предложено имъ священникамъ своей епархіи въ первое «сборное» воскресеніе по занятіи имъ каѳедры, см. ниже между приложеніями къ этой главѣ).

Докончимъ рѣчь объ епископахъ до-монгольскаго періода.

Мы сказали выше, что Андрей Боголюбскій потерпѣлъ неудачу въ своихъ стараніяхъ учредить у себя во Владимирѣ особую митрополію. Кандидатомъ въ будущіе митрополиты, какъ мы тоже говорили, у него былъ предназначенъ нѣкій Θеодоръ или, какъ ругательно называютъ его лѣтописи, Θедорецъ, по однимъ не вполнѣ достовѣрнымъ извѣстіямъ—Русскій изъ знатнаго боярскаго рода и постриженикъ Печерскаго монастыря [3]), по другимъ такимъ же извѣстіямъ—Грекъ, племянникъ Смоленскаго епископа Мануила [4]). Объ этомъ Θеодорѣ или Θедорцѣ, послѣ несостоявшагося дѣла объ учрежденіи митрополіи во Владимирѣ, лѣтописи [5]) разсказываютъ слѣдующее: Андрей Боголюбскій рѣшилъ поставить его въ епископы Ростовскіе, но онъ, не смотря на всѣ увѣщанія великаго князя, не хотѣлъ пойдти на поставленіе къ митрополиту въ Кіевъ, а пошелъ въ Константинополь, гдѣ и былъ посвященъ патріархомъ; сѣвъ на каѳедрѣ, онъ оказался неистовымъ тиранномъ и совершеннымъ злодѣемъ: «мнози,—говорятъ лѣтописи,—пострадаша человѣцы отъ него, въ держаньи его, и сѣлъ избебывши

---

[1]) Напечатано въ Памятникахъ Россійск. Словесности, стр. 223, и перепечатано *Павловымъ* въ Памятн. каноннч. права, № 4, col. 75.

[2]) У Кирика, по *Павл.* col. 38, § 57. У него же приводятся наибольшія выдержки изъ одной или нѣсколькихъ безъименныхъ „нѣкоторыхъ заповѣдей"; но русскія или переводныя эти заповѣди, остается неизвѣстнымъ.

[3]) Никоновской лѣтописи II, 206 нач. (и *Татищева* III, 160, 161, 167 и 168).

[4]) Посланія патр. Луки Хризоверга къ Боголюбскому по списку въ Никон. лѣт. II, 184.

[5]) Лаврент. подъ 1169 г., Ипатск. подъ 1172 г., Никоновск. подъ 1170 и 1171 гг.

и оружья и конь, друзіи же и работы добыша, заточенья и грабленья; не токмо простцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ереѣмъ безмилостивъ сый мучитель, другимъ человѣкомъ головы порѣзывая и бороды, инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзая, а иныя распиная на стѣнѣ и муча немилостивнѣ, хотя исхитити отъ всѣхъ имѣнье, имѣнья бо бы не сытъ, аки адъ»; наконецъ онъ кончилъ тѣмъ, что повелѣлъ затворить во Владимирѣ всѣ церкви, со включеніемъ и своего каѳедральнаго собора, такъ что «не бысть звонѣнья ни пѣнья по всему городу»; послѣ всего Андрей Боголюбскій послалъ его въ Кіевъ къ митрополиту, которымъ онъ и былъ казненъ, какъ злодѣй и еретикъ.

Представлять дѣло такъ, какъ представляютъ намъ его лѣтописи, было бы совершенно безъ смысла. Боголюбскій настоятельно увѣщеваетъ Ѳеодора идти на поставленіе въ Кіевъ; послѣдній, не слушая его, идетъ въ Константинополь, и, однако, когда возвращается, князь принимаетъ его. Сѣдши на каѳедру, Ѳеодоръ начинаетъ неистово злодѣйствовать,—князь всѣ его злодѣйства терпитъ; наконецъ, онъ затворяетъ во Владимирѣ всѣ церкви, князь и это терпитъ и только уже послѣ сего отправляетъ его на судъ къ митрополиту. Возможно ли такое терпѣніе отъ какого бы то ни было князя и тѣмъ болѣе отъ Андрея Боголюбскаго, который гонялъ епископовъ безъ малѣйшаго стѣсненія? Какимъ образомъ епископъ могъ неистовствовать не только надъ духовенствомъ, но и надъ мірянами, и притомъ надъ послѣдними даже болѣе, чѣмъ надъ первыми? Что̀ будетъ значить и какой смыслъ будетъ имѣть затвореніе всѣхъ церквей? Наконецъ, какимъ образомъ совершенно изъ ряду вонъ выходящій злодѣй не казненъ безъ дальняго суда въ самомъ Владимирѣ, а посланъ на судъ къ митрополиту въ Кіевъ? Само собою разумѣется, что дѣло, представляемое лѣтописцами безсмысленно, должно имѣть какой-нибудь смыслъ. Если Ѳеодоръ поставился въ епископы не въ Кіевѣ, а въ Константинополѣ, то, нѣтъ сомнѣнія, съ согласія Боголюбскаго; если Боголюбскій терпѣлъ злодѣйства Ѳеодора, такихъ или не такихъ размѣровъ, какъ онѣ изображаются въ лѣтописяхъ, если онъ позволилъ ему затворить во Владимирѣ всѣ церкви, то, очевидно, были всего этого причины,—что епископъ дѣйствовалъ съ попущенія и дозволенія князя. Въ чемъ же могло быть дѣло? Ѳеодоръ съ дозволенія князя могъ отправиться для посвященія въ епископы не къ митрополиту въ Кіевъ, а въ Константинополь къ патріарху, только по той причинѣ, что хотѣлъ пріобрѣсти себѣ отъ патріарха особыя права, и именно—единственно возможное для епископа право автокефаліи или независимости отъ митрополита,

съ непосредственнымъ подчиненіемъ самому патріарху. Необходимо думать, что въ этомъ правѣ автокефаліи и было все дѣло. Андрей Боголюбскій, не успѣвъ получить для своего Владимира отдѣльнаго митрополита, хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы его епископъ Ростовскій былъ автокефальнымъ или независимымъ отъ Кіевскаго митрополита епископомъ и съ этою цѣлію отправилъ Ѳеодора въ Константинополь. Послѣдній былъ посвященъ патріархомъ въ епископы Ростовскіе, но получилъ ли при семъ право автокефаліи, это остается неизвѣстнымъ и, судя по послѣдующему, гораздо вѣроятнѣе думать—нѣтъ, чѣмъ да [1]). Какъ бы то ни было, необходимо думать затѣмъ, что Ѳеодоръ, по возвращеніи изъ Константинополя, съ согласія князя, объявилъ себя автокефальнымъ епископомъ, ибо только этимъ предположеніемъ можетъ быть со смысломъ объяснено то, что повѣствуютъ лѣтописи о неистовствахъ Ѳеодора далѣе. Эти неистовства должны значить, что между епископомъ Ростовскимъ, который объявилъ себя автокефальнымъ, и между митрополитомъ Кіевскимъ, который не хотѣлъ признавать его автокефаліи, завязалась ожесточенная борьба,—что въ этой борьбѣ духовенство и граждане Владимирскіе раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ одна держала сторону епископа, а другая сторону митрополита, и что епископъ съ княземъ и воздвигли безпощадное гоненіе на сторону съ ними несогласную, хотя весьма можетъ быть, что, изображая эту безпощадность гоненія и представляя ее безпричиннымъ неистовствомъ Ѳеодора, лѣтописцы и впадаютъ въ большее или меньшее преувеличеніе. Могло дѣло доходить и до затворенія всѣхъ храмовъ Владимирскихъ, — этотъ поступокъ со стороны епископа могъ значить то, что онъ хотѣлъ подѣйствовать на сторону ему враждебную посредствомъ церковнаго отлученія. Конецъ борьбы былъ тотъ, что Боголюбскій выдалъ своего епископа митрополиту. Что принудило къ этому князя и при томъ такого, вовсе не имѣвшаго охоты уступать кому бы то ни было, князя, какъ Боголюбскій, остается неизвѣстнымъ; но вѣроятно то, что Ѳеодоръ, не успѣвъ добыть автокефаліи въ Константинополѣ, объявилъ себя автокефальнымъ самозванно, что митрополитъ успѣлъ доказать это и что такимъ образомъ

[1]) Никоновская лѣтопись увѣряетъ, будто патріархъ потому поставилъ Ѳеодора въ епископы, что повѣрилъ увѣреніямъ, „яко нѣсть нынѣ въ Кіевѣ митрополита". На самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, было не такъ: патріархъ не могъ не знать, былъ или не былъ въ Кіевѣ митрополитъ, а если, нарушая каноническія правила, взялъ на себя поставить, то, конечно, потому, что или ему или его приближеннымъ щедро было заплачено.

онъ успѣлъ вооружить противъ него, какъ противъ наглаго обманщика, все общественное мнѣніе Россіи, которому и не нашелъ возможнымъ или благоразумнымъ сопротивляться Боголюбскій [1]). Митрополитъ, получивъ въ свои руки Θеодора, предалъ его, если вѣрить лѣтописямъ, жесточайшей казни, именно: ему урѣзали языкъ, отсѣкли правую руку, выпули очи и затѣмъ—если не самъ онъ послѣ всего этого умеръ—такъ или иначе совсѣмъ его казнили. Приводитъ въ невольное изумленіе эта нисколько не духовная, выходящая изъ всякихъ предѣловъ по своей жестокости и безпримѣрная въ нашей исторіи, казнь; но сказать что-либо о ней мы поставлены недостаткомъ свѣдѣній въ совершенную невозможность: вѣроятно, вражда между митрополитомъ и епископомъ доходила до самой крайней степени (затвореніе епископомъ храмовъ Владимирскихъ, какъ мѣра карательная противъ сторонниковъ митрополита, позволяетъ думать, что дѣло доходило до взаимныхъ проклятій), такъ что первый, получивъ въ руки послѣдняго, по своему противъ него ожесточенію и снѣдаемый единственно чувствомъ и жаждою мщенія, не въ состояніи былъ соблюсти въ казни никакой мѣры [2]).

---

[1]) Въ проложномъ житіи св. Кирилла епископа Туровскаго читаемъ, что онъ „Θеодорца, за укоризну тако нарицаемаго, ересь обличи и проклятъ его". Можно думать, что и всѣ епископы Юга, возбуждаемые своими князьями, конечно, весьма не сочувствовавшими стремленіямъ Андрея Боголюбскаго, были противъ притязаній Θеодора. А борьбу со всѣми епископами Боголюбскій не могъ находить благоразумною (Кириллъ Т., какъ увѣряетъ его проложное житіе, „многа посланія написа Андрею Боголюбскому отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній". Очень можетъ быть, что эти посланія касались дѣла Θеодорова; но, къ сожалѣнію, пока ни одного изъ нихъ неизвѣстно).

[2]) Удѣлъ Суздальскій, только что открытый передъ Боголюбскимъ, былъ одинъ изъ самыхъ младшихъ и слѣдовательно одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ; не составляя части собственной Руси, а обнимая территорію инородческую, онъ былъ къ тому же не собственная Русь, а нѣчто только добавочное къ ней,—нѣчто въ родѣ нынѣшняго Туркестана. И вдругъ князь этого какъ бы уже внѣрусскаго и только полурусскаго удѣла изъявляетъ притязаніе на то, чтобы замѣнить собою великаго князя Кіевскаго, чтобы стать распорядителемъ судебъ всей Руси и всѣхъ ея князей. Само собою предполагается, что такое совершенно необычайное и совершенно невѣроятное притязаніе было встрѣчено всѣми князьями русскими не съ благодушіемъ и не съ равнодушіемъ, а съ самымъ крайнимъ негодованіемъ. Но самому Боголюбскому князья ничего не могли сдѣлать и съ какими бы ни худыми чувствами должны были преклоняться передъ силой. Тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ они должны были выместить свой гнѣвъ и свою злобу на орудіи его замысловъ, когда представился имъ случай. Противъ самозваннаго архіепископа поднялъ борьбу митрополитъ, и необходимо думать, что князья съ жаромъ и рвеніемъ бросились на сторону митрополита, что посредствомъ своихъ епископовъ они употребили всѣ

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ эпизодъ борьбы Ѳеодора съ митрополитомъ не принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ Русской церковной исторіи, но нельзя до крайности не пожалѣть, что лѣтописцы наши намѣренно или тенденціозно передаютъ его до послѣдней степени неудовлетворительно: болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ своемъ полномъ и настоящемъ видѣ онъ весьма много послужилъ бы къ характеристикѣ времени. Во всякомъ случаѣ, на той и на другой сторонѣ мы видимъ между борющимися безпощадную жестокость, изъ которой слѣдуетъ то заключеніе, что время вовсе не должно быть представляемо такимъ мягкимъ, какъ это наклонны дѣлать иные.

Епископы автокефальные или непосредственно зависимые отъ патріарха назывались у Грековъ архіепископами. Одновременно съ тѣмъ, какъ епископъ Ростовскій добивался получить себѣ значеніе автокефальнаго епископа, другой епископъ, именно—Новгородскій, получилъ его титло, но безъ его значенія, т. е. названіе архіепископа безъ соединенной съ нимъ автокефаліи. Настоящее автокефальное архіепископство могъ дать только патріархъ, освобождая епископа отъ власти митрополита и подчиняя непосредственно себѣ, но епископу Новгородскому далъ архіепископство какъ простое титло Кіевскій митрополитъ. Въ 1165-мъ г., въ Мартѣ мѣсяцѣ, посвященъ въ епископы Новгородскіе митрополитомъ Іоанномъ 4-мъ Илія, выбранный изъ священниковъ одной изъ Новгородскихъ церквей; въ томъ же году, спустя то или другое время послѣ посвященія Иліи, ходилъ изъ Новгорода въ Кіевъ къ митрополиту игуменъ Юрьева монастыря Діонисій, и «повелѣно бысть (съ этимъ Діонисіемъ) владыцѣ архіепископство митрополитомъ» — такъ передаютъ дѣло Новгородскія лѣтописи [1]). Съ какой стати епископъ Новгородскій возведенъ былъ митрополитомъ въ титулярные архіепископы, каковыхъ въ Греціи вовсе не было, лѣтописи нисколько не объясняютъ, но дѣло довольно понятно само по себѣ. Выше мы говорили, что епископъ Новгородскій Нифонтъ, не признавая законности митр. Климента, взятъ былъ патріархомъ въ свою непосредственную власть и что такимъ образомъ онъ былъ сдѣланъ и сталъ автокефальнымъ архіепископомъ. Преемникъ Нифонта († 1156), когда

усилія возбудить противъ Боголюбскаго въ лицѣ Ѳеодора возможно сильную бурю общаго гнѣва... Такъ представлять дѣло необходимо; а при такомъ представленіи дѣла станетъ до нѣкоторой степени понятною и совсѣмъ необычайная по своей жестокости казнь, которой подвергся Ѳеодоръ. До послѣдней степени возбужденная вражда князей къ патрону хотѣла выместить и показать себя на кліентѣ...

[1]) Новгор. 1-я лѣт..

послѣ Климента снова явились на каѳедрѣ митрополичьей законные митрополиты, опять сталъ простымъ епископомъ, ибо опять подчинился митрополиту. Но послѣ архіепископа, что̀ по названію болѣе и важнѣе, чѣмъ епископъ, Новгородцамъ не хотѣлось имѣть простого епископа, — и вотъ они и придумали доставить своему епископу не значеніе архіепископа (автокефалію), а его имя, какъ почетный титулъ (бывъ съ своимъ изобрѣтеніемъ далекими предтечами Петербургскаго періода). Митрополитъ, давая епископу имя или титло архіепископа, нововводилъ тутъ такую затѣю, которой совсѣмъ не знала церковь Греческая. Но такъ какъ затѣя была совершенно невинная, ибо все дѣло было въ одномъ и простомъ имени, и притомъ такая, о которой можно было и не доводить до свѣдѣнія патріарха, что̀ по всей вѣроятности митрополитъ и сдѣлалъ [1]): то, получивъ отъ богатыхъ Новгородцевъ или отъ ихъ богатаго владыки приличные дары, онъ и могъ охотно согласиться ее допустить. Что касается до епископовъ Новгородскихъ, то титулъ архіепископа, не давъ имъ никакихъ правъ, прибавилъ имъ нравственнаго авторитета, какъ людямъ, почтённымъ особымъ титломъ, и безспорно возвысилъ ихъ надъ другими епископами, потому что имя архіепископа значитъ если не начальника надъ епископами, то во всякомъ случаѣ начальнаго епископа [2]).

IV.

Приходское духовенство и приходы.

Обращаемся къ низшему или приходскому духовенству.

О томъ, какъ нужно думать относительно самаго перваго появленія у насъ священниковъ, съ запасомъ которыхъ Владиміръ приступилъ къ общему крещенію народа, мы уже говорили выше. Прежде всего онъ имѣлъ то или другое нѣкоторое число ихъ уже готовымъ въ священникахъ тѣхъ Варяговъ-христіанъ, которые были въ Кіевѣ передъ его крещеніемъ. Затѣмъ, изъ похода Корсунскаго онъ при-

---

[1]) Патріархи называютъ архіепископовъ Новгородскихъ епископами въ половинѣ XIV в. (*Миклош.* Acta Patriarch. Constantinop. I, 347).

[2]) Т. е. по словопроизводству; въ приложеніи къ автокефальнымъ епископамъ оно вовсе не значило начальнаго епископа, а значило епископа, непосредственно подчиненнаго патріарху. Въ нашихъ Азбуковникахъ: „архіепископъ—начало епископомъ, рекше начальствуяй (надъ епископы), архіепископи (бо) учинени, яко да назираютъ надъ епископы“...

велъ съ собою священниковъ греческихъ. Такъ какъ однихъ и другихъ не могло быть достаточнымъ для того, чтобы приступить къ общему крещенію народа и такъ какъ послѣдніе изъ нихъ, по незнанію русскаго языка, имѣли быть болѣе общими руководителями дѣла крещенія, чѣмъ принимать на себя дѣйствительное пастырство надъ крещенными: то со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать еще, что было выписано и получено бо́льшее или меньшее количество священниковъ изъ Болгаріи и, можетъ быть, также изъ Венгерской Руси. Такъ или иначе создавъ необходимый запасъ священниковъ, Владимиръ приступилъ къ общему крещенію народа. Но съ минуты приступа къ сему послѣднему открывалась нужда уже не во временномъ только бо́льшемъ или меньшемъ ихъ запасѣ, а въ томъ, чтобы дать ихъ въ возможно достаточномъ количествѣ всей странѣ, чтобы представить и поставить то огромное ихъ количество, при которомъ бы всѣ новокрещенные не по имени только, а на самомъ дѣлѣ оказались съ своими пастырями и при которомъ бы могли быть образованы приходы болѣе или менѣе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Какъ ведено было правительствомъ это дѣло созданія первыхъ священниковъ для всей страны, въ лѣтописи, къ сожалѣнію, не находимъ извѣстій. Она сообщаетъ, что Владимиръ сейчасъ или вскорѣ послѣ возвращенія изъ похода подъ Корсунь «пославъ нача поимати у нарочитыя чади дѣти и даяти нача на ученье книжное»; но, какъ уже мы говорили выше, это извѣстіе нужно понимать такъ, что дѣти нарочитой чади или бояръ были собраны и розданы на ученье книгамъ не съ тою спеціальною цѣлію, чтобы приготовить въ нихъ будущихъ священниковъ, а съ тою общею цѣлію, чтобы сдѣлать ихъ просвѣщенными людьми, чтобы съ ихъ генераціи ввести въ сословіи боярскомъ образованность и просвѣщеніе, о чемъ, какъ это необходимо думать, заботился Владимиръ. Дѣти бояръ необходимы были для великокняжеской службы и нельзя думать, чтобы правительство рѣшилось пожертвовать ими церкви, тѣмъ болѣе, что въ жертвѣ этой не было никакой нужды, ибо для церкви совершенно было безразлично—будутъ ли ея священники изъ дѣтей боярскихъ или изъ кого бы то ни было. Съ другой стороны, и сами бояре не могли имѣть ни малѣйшей охоты на то, чтобы отпустить дѣтей своихъ въ священники, ибо это значило бы то же, что имѣть охоту отдать своихъ дѣтей на низведеніе изъ бояръ въ пролетаріи.

Не имѣя положительныхъ извѣстій, остается дѣлать предположенія. Единственное предположеніе, которое можетъ быть здѣсь дѣлаемо, есть слѣдующее: крестивъ каждую большую область, Владимиръ оста-

влялъ вездѣ нѣкоторое количество священниковъ изъ того общаго запаса ихъ, который имѣлъ, и одновременно съ симъ было приступаемо въ каждой области къ набору кандидатовъ въ священники изъ ея новокрещенныхъ или новообращенныхъ. Если бы кому-нибудь не кстати вспомнилось, что апостолъ и за нимъ отеческія правила запрещаютъ ставить во священники новокрещенныхъ, то отвѣтъ этому кому-нибудь тотъ, что нарушить запрещеніе была неизбѣжная нужда, что причина, по которой эно сдѣлано: *да не разгордѣвся въ судъ впадетъ діаволъ*, у насъ вовсе не имѣла приложенія и что по нуждѣ бывало нарушеніе каноновъ и въ самой древней церкви, какъ свидѣтельствуютъ тѣ же каноны [1]). Сейчасъ мы сказали, что дѣти боярскія набраны были въ ученье книгамъ не для приготовленія во священники; но и вообще думать, будто первые кандидаты во священники были набираемы изъ дѣтей, значитъ предполагать то, что изъ всего есть наименѣе вѣроятное. Набрать дѣтей значило—обречь себя на продолжительное ожиданіе, между тѣмъ какъ въ священникахъ была настоятельная нужда: съ какой же бы непостижимой стати набрали дѣтей, а не взрослыхъ? Очень можетъ быть, что не вполнѣ строго сообразовались съ предписаніемъ каноновъ церковныхъ, требующимъ, чтобы во священники были поставляемы люди не моложе 30-лѣтняго возраста, какъ не со всею строгостію наблюдалось у насъ это предписаніе и во все послѣдующее время, но совершенно необходимо предполагать, что были набираемы въ кандидаты не дѣти, а люди взрослые, которые, послѣ возможно скораго и бѣглаго приготовленія (о которомъ скажемъ вслѣдъ за симъ ниже), тотчасъ же могли бы быть поставляемы во священники.

Однимъ разъ сдѣланнымъ наборомъ кандидатовъ во священники вовсе не могли кончиться заботы правительства по приготовленію сихъ послѣднихъ. Напротивъ, послѣ перваго набора долженъ былъ имѣть мѣсто цѣлый періодъ таковыхъ правительственныхъ наборовъ, который, какъ нужно думать, въ однихъ мѣстахъ окончился ранѣе, въ другихъ позднѣе, но который вообще продолжался не менѣе какъ до половины княженія Ярослава, а можетъ быть и значительно далѣе: лѣтописи свидѣтельствуютъ, что такой правительственный наборъ сдѣланъ былъ по приказанію Ярослава въ Новгородѣ въ 1030 году [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что самый первый наборъ кандидатовъ во священники во всѣхъ областяхъ былъ наборомъ чисто и буквально принудительнымъ, что,

---

[1]) 1 всел. соб. пр. 2.

[2]) Софійск. лѣт. въ Полн. собр. лѣтт. т. V и Никон. лѣт. подъ симъ годомъ.

при отсутствіи добровольныхъ охотниковъ, кандидаты были набираемы или вербуемы силой, при чемъ сейчасъ помянутый примѣръ Новгородскаго набора 1030 года даетъ основанія предполагать, что вербовка и доставка или поставка нужнаго количества кандидатовъ была возлагаема на старостъ крестьянскихъ обществъ [1]). Съ перваго взгляда представлялось бы вѣроятнымъ предполагать, что не одинъ первый наборъ былъ принудительнымъ, но что и нѣсколькіе или даже многіе послѣдующіе были таковыми же, такъ что нужно было бы думать, что священство довольно долгое время было своего рода военною повинностію, имѣвшею причинять правительству не мало заботъ и хлопотъ. Едва ли однако слѣдуетъ предполагать это на самомъ дѣлѣ. Глубоко искренняя и настоящая привязанность къ христіанству явилась не вдругъ, но предубѣжденіе противъ него должно было пройдти довольно скоро, а вмѣстѣ съ симъ столько же скоро должны были явиться и добровольные охотники идти въ священники. Совершенно естественно стремиться человѣку перейдти изъ худшаго положенія въ лучшее; если правительству окажется нужда призвать людей къ новому роду дѣятельности и если для него при этомъ безразлично, изъ кого бы эти люди ни были, то оно всегда найдетъ желающихъ поспѣшить на его призывъ изъ числа тѣхъ людей, для которыхъ новое положеніе будетъ бо́льшимъ или меньшимъ улучшеніемъ противъ прежняго. Положеніе нашего приходскаго духовенства, собственно говоря, съ самаго начала было вовсе и далеко не блистательнымъ. Но все же былъ весьма немалочисленный классъ людей, для которыхъ оно должно было представляться значительно лучше ихъ собственнаго положенія. А такъ какъ для правительства было совершенно безразлично—пойдутъ ли во священники эти люди или другіе, то и представляется не мало вѣроятнымъ думать, что послѣ перваго же набора изъ числа сихъ людей явились добровольные охотники идти во священники и что такимъ образомъ послѣдующіе правительственные наборы послѣ самаго перваго были не столько принудительными вербовками, сколько вызываніемъ и набираніемъ добровольныхъ охотниковъ.

Когда этихъ добровольныхъ охотниковъ явилось столько, что ими несомнѣнно уже имѣло быть обезпечено дальнѣйшее пополненіе священниковъ, правительство должно было прекратить свои наборы и

---

[1]) „Приде (Ярославъ) къ Новугороду (и) собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ“. Отъ старостъ, какъ уже мы говорили выше, нужно понимать не такъ, что дѣтей ихъ, а такъ, что имъ, какъ представителямъ крестьянскихъ обществъ, приказано было набрать кандидатовъ изъ сихъ послѣднихъ.

священство начало существовать, такъ-сказать, само о себѣ, помимо его заботъ.

Вовсе не изъ дѣтей бояръ было составлено наше духовенство первоначально посредствомъ правительственныхъ наборовъ: вовсе не дѣти бояръ шли у насъ во священники и въ послѣдующее время. Никто не пойдетъ изъ лучшаго положенія въ худшее и всякій пойдетъ только изъ худшаго положенія въ лучшее,—вотъ общій законъ, который, въ приложеніи къ нашему священству, долженъ былъ дѣйствовать такъ же, какъ и вездѣ, и по силѣ этого закона оно должно было составиться и составляться изъ людей снизу. Положеніе нашего приходскаго духовенства въ періодъ до-монгольскій и матеріально и нравственно было такъ незавидно, что охотники идти во священники могли быть ни изъ бояръ, ни изъ купцовъ, ни вообще изъ зажиточныхъ людей, хотя бы то и крестьянъ, а только изъ людей бѣднѣйшихъ, были они горожане или крестьяне, вообще изъ людей городскихъ или сельскихъ настолько бѣдныхъ, что священство было бы для нихъ пріобрѣтеніемъ. Очень можетъ быть, что въ періодъ домонгольскій еще и не существовало у насъ никакого ограниченія относительно поступленія мірянъ во священники, какъ существовало это ограниченіе въ Греціи и какъ послѣ находимъ его и у насъ [1]). Но и безъ положи-

[1]) Міряне, поступавшіе во священники, переставали нести государственныя повинности, слѣдовательно, такъ сказать, пропадали для государства и переставали для него существовать: чтобы уменьшить ущербъ для государства отъ поступленія мірянъ въ священники и дѣлаемы были ограниченія относительно этого поступленія. Въ Греціи въ древнѣйшее время, начиная съ Константина Великаго, существовали слѣдующія ограниченія: 1) въ городахъ запрещено было принимать въ клиръ такъ называемыхъ декуріаловъ или куріоновъ (decurio, curialis, βουλευτής), обязанныхъ нести разныя общественныя повинности, и вообще болѣе состоятельныхъ гражданъ (называвшихся плебеями,—plebeji divites), а равнымъ образомъ средне-низшаго разряда государственныхъ чиновниковъ (adparitor, cohortalinus, ταξεώτης); 2) въ деревняхъ выбирать священниковъ только изъ жителей самыхъ деревень, а въ помѣстьяхъ только изъ состоящихъ въ нихъ крестьянъ, (ἐναπόγραφος),— Cod. Theod. lib. XVI, tit. II, legg. 3, 6 (законы Константина Великаго, въ которыхъ прямо объясняются побужденія къ ограниченію), 17 и 33; Cod. Justinian. lib. I, tit. III, leg 11, Novell. 6 cap. 4 и 123 cap. 15, cfr у *Ралли* и *П.* I, 74 sqq (Никон. Кормч. гл. 42, § 47 и 51). Въ позднѣйшее время изъ числа этихъ ограниченій какъ будто не существовало ограниченія относительно состоятельныхъ городскихъ гражданъ (декуріоновъ и плебеевъ),—Царскія книги lib. III, tit. 1, §§ 28 и 32, tit. III, § 6, cfr у *Ралли* и *П.* ibid. Что касается до того, какъ было у насъ въ Россіи въ позднѣйшее время, то въ договорной грамотѣ вел. кн. Василія Дмитріевича и митр. Кипріана постановляется: „а слугъ моихъ князя великаго и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити",—Акт.

тельнаго ограниченія, на основаніи одного лишь указаннаго нами общаго соціальнаго закона, что никто не пойдетъ изъ лучшаго положенія въ худшее (а также и того закона, что никто не пойдетъ изъ худшаго положенія едва въ нѣсколько лучшее, но съ трудомъ пріобрѣтаемое, ибо для исканія священства нужно было учиться грамотѣ) должно было случиться, чтобы между мірянами сталъ поставлять кандидатовъ во священники только одинъ бѣднѣйшій ихъ классъ,—тотъ классъ, который въ старое время носилъ общее названіе бобылей и казаковъ, а въ настоящее время носитъ общее названіе пролетаріевъ.

Но какъ никогда не бываетъ правила безъ исключенія, такъ весьма возможно думать, что въ видѣ исключенія поступали иногда во священники и люди богатые, имѣвшіе внутреннее расположеніе къ священству и желавшіе посвятить себя Богу нѣсколько иначе, чѣмъ тѣ, которые постригались въ монахи. Это тѣмъ болѣе должно было случаться въ періодъ до-монгольскій, что тогда священство и монашество еще были, такъ-сказать, довольно въ одной цѣнѣ и что послѣднее еще не заслоняло до такой степени перваго, какъ это случилось послѣ [1]).

Необходимо впрочемъ думать, что главный контингентъ священства составляли не міряне, а дѣти самихъ священниковъ. Тѣ, которые полагаютъ, что наслѣдственность духовенства есть у насъ вещь очень недавняя, весьма ошибаются. Въ старое время не было у насъ наслѣдственности, узаконенной въ томъ смыслѣ, чтобы мірянамъ совершенно загражденъ былъ доступъ къ священству, какъ это было въ новѣйшее время до недавнихъ поръ; но въ старое время была наслѣдственность не только обычная, но даже и узаконенная въ томъ смыслѣ, что дѣтямъ священниковъ, желавшимъ идти по стопамъ отцовъ, предоставлены были нѣкоторыя важныя льготы. Обычай, чтобы дѣти

Эксп. I, № 9, стр. 5 col. 2. Но представляется вѣроятнымъ думать, что въ періодъ домонгольскій еще не было этого ограниченія на основаніи слѣдующаго: во-первыхъ, митр. Кириллъ въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г. между прочимъ предписываетъ дознаваться относительно ищущаго священства, не бѣгаетъ ли онъ даней,—въ Памятнн. *Павл.* col. 91, изъ чего должно заключать, что данныхъ людей дозволялось ставить во священники; во вторыхъ, ханы монгольскіе въ своихъ ярлыкахъ дозволяютъ митрополитамъ принимать въ клиръ кого бы то ни было; но если бы прежде существовало ограниченіе, то едва ли бы ханы отмѣнили его.

[1]) Митр. Кириллъ въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274-го г. даетъ знать, что иногда поступали въ священники люди, имѣвшіе челядь (предписываетъ смотрѣть, чтобы ищущій священства не томилъ своей челяди голодомъ и наготою), — въ Памятнн. *Павлов.* col. 91.

священниковъ шли также во священники, долженъ былъ установиться очень просто и естественно и совершенно необходимымъ образомъ. Всякій человѣкъ приготовляетъ своихъ дѣтей къ тому, что̀ есть онъ самъ по своему положенію или по своимъ занятіямъ,—иначе этого не можетъ быть; натурально, что и священники готовили своихъ дѣтей именно къ священству, а не къ чему нибудь другому. Для поступленія во священники требовались грамотность и умѣнье священствовать въ смыслѣ умѣнья совершать церковныя службы и исправлять церковныя требы: кому было естественнѣе учиться первой и кому было удобнѣе и сподручнѣе учиться второму, какъ не дѣтямъ священниковъ, которыя учителями грамоты могли имѣть своихъ отцовъ, а учиться священству въ помянутомъ смыслѣ должны были въ продолженіе всего своего дѣтства? Сынъ священника, не хотѣвшій идти во священники, долженъ былъ выбыть въ разрядъ тяглыхъ людей; такъ какъ это выбытіе не могло сдѣлать его богатымъ, то остаться бѣднякомъ нетяглымъ все-таки было предпочтительнѣе, чѣмъ стать бѣднякомъ тяглымъ. Такимъ образомъ, по всему сказанному, самъ собою долженъ былъ установиться обычай, чтобы дѣти священниковъ шли преимущественно въ тѣ же священники. Обычай этотъ до того былъ естественъ и явиться и установиться ему до того казалось всѣмъ натуральнымъ и необходимымъ, что поповъ сынъ, не умѣющій грамотѣ и слѣдовательно не хотящій идти во священники, считался какимъ-то выродкомъ и уродомъ,—онъ назывался изгоемъ, что̀ означало какъ бы заштатный классъ людей потерявшихъ и какъ бы промотавшихъ право принадлежать къ тому сословію, къ которому они дотолѣ принадлежали [1]). Гражданское правительство съ своей стороны предоставляло льготы дѣтямъ священниковъ въ тѣхъ своихъ узаконеніяхъ, что, во-первыхъ, сынъ священника, пока онъ жилъ при отцѣ, не былъ дѣлаемъ тяглымъ человѣкомъ,—во-вторыхъ, что если бы онъ самъ отдѣлился отъ отца и добровольно поступилъ въ тяглые люди, то и послѣ этого онъ все-таки могъ, если бы хотѣлъ, быть поставленъ во священники [2]). Смыслъ втораго узаконенія ясенъ; что касается до перваго, то правительство, не привлекая къ отбыванію государственныхъ повинностей сына священника,

---

[1]) Въ подложной грамотѣ Всеволода Новгородской св. Софіи: „изгои три: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ“... (у преосв. *Макарія* въ Ист. т. 2, изд. 2, стр. 383).

[2]) Въ помянутой Уставной грамотѣ вел. кн. Василія Димитріевича и митр. Кипріана: „который поповичъ будетъ писанъ въ мою (великаго князя) службу, а восхочетъ стати въ попы или діаконы, ино ему волно стати; а поповичъ, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣстъ отцовъ, ино той митрополичъ“.

который еще не избралъ рода жизни, конечно, хотѣло дать ему чрезъ это возможность готовиться къ священству. Наслѣдственность духовнаго званія, совершенно естественная по существу дѣла, несомнѣнно ведетъ свое начало отъ самаго перваго времени: въ 1030-мъ году Ярославъ приказываетъ въ Новгородѣ набрать кандидатовъ во священники «отъ старостъ», т. е. чрезъ старостъ у крестьянъ, и «отъ поповыхъ дѣтей» [1]).

Изъ сказаннаго нами выше слѣдуетъ, что у насъ явились священники въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ въ весьма непродолжительномъ времени послѣ того, какъ, приступивъ къ общему крещенію страны, вмѣстѣ съ тѣмъ приступили и къ образованію ихъ сословія. Что это было дѣйствительно такъ, имѣемъ мы и положительныя доказательства. Подъ 1051-мъ г., по поводу поставленія Илларіона въ митрополиты, лѣтопись разсказываетъ, что у Ярослава было подъ Кіевомъ село или имѣніе (мыза, ферма) Берестовое, въ которомъ была церковь святыхъ апостоловъ, и что въ этомъ селѣ при сейчасъ названной церкви онъ набдѣлъ или содержалъ многихъ поповъ («попы многы»). Если совершенно безъ всякой нужды, а потому только, что «попы любяше по велику», Ярославъ содержалъ многихъ священниковъ при церкви, находившейся въ его имѣніи, то ясно, что въ послѣднихъ вовсе не чувствовалось недостатка. Что касается до всего послѣдующаго времени періода до-монгольскаго, то слѣдуетъ вообще думать, что священниковъ у насъ былъ не недостатокъ, а избытокъ, превышавшій болѣе или менѣе дѣйствительную нужду.

Кандидатами во священники были, какъ мы сказали, во-первыхъ—дѣти священниковъ, во-вторыхъ—желавшіе міряне. Такъ какъ между послѣдними нужно предполагать желавшихъ идти во священники лишь въ одномъ бѣднѣйшимъ ихъ классѣ, то можетъ казаться съ перваго

[1]) Въ Греціи съ этою наслѣдственностію священства доходило даже до того, что нѣкоторые старые священническіе роды получали отъ императоровъ наслѣдственное право священства (имѣвъ быть ставимы епископами, хотя бы и были недостойны или, если не хотѣли идти во священники, имѣвъ право на мѣста, которыя сдавали въ аренду другимъ), см. Вальсамона у *Ралли* и *П.* II, 380 (о наслѣдственности священства у Армянъ — Труллъск. соб. пр. 33. О наслѣдственности священства у Сербовъ см. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, стр. 692 fin.: „да се попъ отъ попа стави“. Въ одной статьѣ о Кавказѣ, — „Въ Сванетіи“, помѣщ. въ Вѣстникѣ Европы 1886 г., Августъ, стр. 579, мы встрѣтили, что тамъ была и есть наслѣдственность священства. Вообще, необходимо принимать, что наслѣдственность священства была вездѣ, гдѣ были женатые священники).

взгляда, что вообще кандидаты во священники были не особенно многочисленны. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Во-первыхъ, уже однѣ дѣти священниковъ, изъ коихъ бо́льшая часть несомнѣнно предпочитала стремиться къ священству, чѣмъ выходить въ тяглые люди—въ крестьяне, представляли собою такой контингентъ, который долженъ былъ вполнѣ обезпечивать нужду, ибо съ каждымъ поколѣніемъ ихъ число, естественно, все болѣе и болѣе должно было увеличиваться. Во-вторыхъ, хотя между міряпами могли имѣть охоту идти во священники только люди изъ класса бѣднѣйшаго, однако не должно представлять себѣ классъ этотъ малочисленнымъ, ибо извѣстно, что классъ бѣдныхъ людей нигдѣ не бываетъ малочисленъ. Необходимо думать, какъ уже мы говорили, что ни матеріально, ни нравственно духовенство наше не было поставлено въ періодъ до-монгольскій особенно или сколько нибудь хорошо; но для бѣдныхъ людей возможность попасть во священники все-таки должна была представляться значительнымъ пріобрѣтеніемъ, все-таки значительною перемѣною худшаго на лучшее, и если не совсѣмъ выходомъ изъ пролетаріевъ, то по крайней мѣрѣ переходомъ въ аристократы между сими послѣдними. По всему этому необходимо думать, что для нашего класса міряпъ священство составляло предметъ самыхъ горячихъ желаній, что оно было цѣлію ихъ завѣтныхъ стремленій, подобно тому, какъ для людей всѣхъ классовъ цѣлію таковыхъ стремленій служитъ то самое высшее, чего они могутъ достигнуть. А слѣдовательно необходимо думать, что міряне эти не только шли во священники, когда ихъ звали туда, но и сами изъ всѣхъ силъ добивались священства, употребляя всѣ старанія о томъ, чтобы приготовить себя къ нему со стороны грамотности или вообще способности совершать съ грѣхомъ пополамъ церковныя службы [1]). Но если такимъ образомъ не только не было недостатка въ кандидатахъ во священники, но и было ихъ изобиліе, то вмѣстѣ съ симъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ должны были явиться почти въ такомъ же изобиліи и священники.

Въ періодъ до-монгольскій, какъ и послѣ до новѣйшаго времени, не было чего-нибудь похожаго на штаты приходскихъ священниковъ, напротивъ приходы пользовались совершенно неограниченной свободой имѣть священниковъ столько, сколько сами хотѣли. Такъ какъ

[1]) Въ древнее время довольно дорого стоило поставиться во священники, о чемъ скажемъ ниже. Со всею вѣроятностію нужно предполагать, что у насъ, какъ это было въ Греціи, бѣдные люди, желавшіе поставиться во священники, собирали деньги на посвященіе по міру.

приходы обязаны были содержать священниковъ, то, разумѣется, долженствовала быть какая-нибудь норма, свыше которой и сами прихожане не могли желать имѣть священниковъ [1]). Но поелику, съ одной стороны, содержаніе крайне невзыскательныхъ священниковъ тогда было совсѣмъ не то, что въ настоящее время, а съ другой стороны—для прихожанъ было тѣмъ лучше, чѣмъ было ихъ болѣе, то необходимо думать, что тогдашняя норма, опредѣлявшаяся не кѣмъ-нибудь сверху, а просто самими прихожанами, относилась къ нынѣшней никакъ не менѣе какъ 10 къ 1, т. е. что считавшееся тогда нормальнымъ число священниковъ было по крайней мѣрѣ въ 10 разъ болѣе нынѣшняго. Если не было препятствій со стороны прихожанъ, чтобы священниковъ было множество, то тѣмъ менѣе онѣ могли быть со стороны епископовъ. Какого бы множества священниковъ ни желали себѣ прихожане, епископы не имѣли никакого права отказывать имъ, ибо норма количества, какъ мы сказали, могла опредѣляться только желаніемъ прихожанъ и болѣе ничѣмъ. Съ другой стороны, обстоятельства дѣла имѣли себя такъ, что епископы не только не должны были останавливать прихожанъ, когда они желали себѣ черезъ-чуръ много священниковъ, а напротивъ только должны были съ охотою удовлетворять ихъ желаніемъ, какъ бы онѣ ни были неумѣренны и неблагоразумны. За каждое поставленіе во священники въ то время епископы взимали опредѣленную, довольно высокую, плату, которую еще сами возвышали произвольно и незаконно. Чѣмъ болѣе приходилось имъ ставить священниковъ, тѣмъ болѣе для нихъ было выгодно. Въ виду этого, епископы не только не должны были унимать прихожанъ, когда они желали себѣ священниковъ черезъ-чуръ много, а напротивъ должны были всевозможно поощрять ихъ къ тому, чтобы они желали ихъ какъ можно болѣе. Если мы допустимъ весьма возможное предположеніе, что у насъ люди не были болѣе совершенны, чѣмъ въ Греціи, то, судя по тамошнимъ порядкамъ, не невѣроятно предположить, что съ этимъ размноженіемъ священниковъ епископы позволяли себѣ даже злоупотребленія. Въ Греціи епископы до такой степени обратили поставленіе священниковъ въ простую статью дохода, что ставятъ рѣшительно всякаго желающаго, кто, желая поставиться, въ состояніи приличнымъ образомъ заплатить. Но такъ какъ, съ одной стороны,

---

[1]) Въ позднѣйшее время норма эта доходила до того крайняго, что при 15 дворахъ прихода бывало при церкви по два священника, см. Правосл. Собесѣдн. 1863-го г., кн. III, стр. 54.

правила каноническія рѣшительно требуютъ, чтобы священники были рукополагаемы не иначе, какъ въ извѣстные приходы [1]), а съ другой стороны, прихожане не могутъ же содержать столькихъ священниковъ, сколько бы имъ ни наставили епископы, то въ Греціи выдумано ставить священниковъ номинально-приходскихъ или приписныхъ, которые только причисляются къ извѣстнымъ приходамъ, но нисколько не состоятъ въ нихъ дѣйствительными священниками, и которые, будучи въ сущности безприходными, представляютъ собою только кандидатовъ на имѣющія открыться мѣста [2]). Нѣтъ ничего невозможнаго, что это злоупотребленіе существовало и у насъ въ Россіи. Подъ 1159-мъ г. въ лѣтописяхъ читаемъ, что въ этомъ году Ростовцы и Суздальцы выгнали отъ себя епископа своего Леона, «зане умножилъ бяше церкви, грабяй попы». Въ не совсѣмъ вразумительныхъ словахъ лѣтописей, по всей вѣроятности, разумѣется одинъ изъ видовъ того злоупотребленія, о которомъ мы говорили сейчасъ, именно—что Леонъ умножилъ количество приходовъ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность какъ можно болѣе ставить священниковъ, съ которыхъ онъ бралъ весьма высокую плату за поставленіе [3]).

Итакъ, что касается до количества приходскихъ священниковъ въ періодъ до-монгольскій, то, повторяемъ, необходимо представлять дѣло такъ, что не только не чувствовалось въ нихъ недостатка, а напротивъ было ихъ великое изобиліе,—что тогдашняя норма превышала нынѣшнюю приблизительно, по крайней мѣрѣ, разъ въ десять.

Пока продолжался періодъ правительственныхъ наборовъ, забота о замѣщеніи приходовъ священниками лежала на правительствѣ, которое или само непосредственно вело дѣло, назначая кандидата на каждый приходъ изъ имѣвшагося у него запаса или предоставляя этотъ свой запасъ кандидатовъ гуртомъ въ распоряженіе епископовъ. Послѣ того какъ правительство устранилось отъ приготовленія кандидатовъ, забота о замѣщеніи приходовъ священниками не стала дѣломъ епископовъ, которые вовсе не имѣли въ своемъ распоряженіи людей, которыхъ бы они могли ставить, а сполна и исключительно легла на самихъ прихожанъ. Умиралъ или выбывалъ священникъ: прихожане

---

[1]) 4 всел. соб. пр. 6.

[2]) Объ этихъ священникахъ номинальныхъ и приписныхъ см. новеллу Алексѣя Комнина у *Ралли* и *П.* V, 295: ἀπογεγραμμένοι μεν ὑπάρχουσι καὶ δουλευούσι τῇ ἐκκλησίᾳ, οὐ λαμβάνουσι δὲ τι, ἀλλ' ἐλπίδι καὶ μόνη τρέφονται προκοπῆς.

[3]) Въ Петровскомъ дополненіи къ архіерейской присягѣ: „поповъ (мнѣ архіерею) для прибытку не умножать“.

сами обязаны были найти ему преемника и привести его къ епископу; послѣдній же только посвящалъ его или, если уже онъ былъ посвященный, только благословлялъ. Можетъ показаться съ перваго взгляда, что эта обязанность пріискивать священниковъ составляла въ древнее время весьма трудную заботу для прихожанъ. Но изъ того, что̀ сейчасъ выше сказали мы о множествѣ желавшихъ тогда поступить во священники, слѣдуетъ, что это было вовсе не такъ. Прихожане развѣ въ крайне рѣдкихъ случаяхъ могли быть поставляемы въ необходимость пріискивать кандидатовъ, большею же частію долженствовало быть такъ, что кандидаты сами являлись къ нимъ въ томъ или другомъ множествѣ и имъ оставалось только выбирать [1]). Само собою разумѣется, что чѣмъ богаче былъ приходъ, тѣмъ большее должно было являться и число кандидатовъ. Но и приходы наибѣднѣйшіе не должны были оставаться совсѣмъ безъ охотниковъ занять ихъ. Мы сказали выше, что у насъ, какъ и въ Греціи, вѣроятно существовалъ обычай ставить священниковъ только приписныхъ, священниковъ только in spe. Для подобныхъ священниковъ и приходы самые худые составляли все-таки нѣчто; а такъ какъ въ древнее время была для священниковъ совершенно полная свобода переходить съ прихода на приходъ, то они охотно должны были занимать и худые приходы на время до пріисканія лучшихъ, на которые могли перемѣщаться при первой открывшейся возможности. Судя по послѣдующему, послѣ-монгольскому, старому времени, нужно думать, что если не всегда, то иногда прихожане заключали со священниками контракты, въ которыхъ, съ одной стороны, давалось обязательство доставлять приличное содержаніе, а съ другой добросовѣстно и неукоснительно исполнять обязанности [2]). Такъ какъ съ приходовъ бѣдныхъ священники могли уйти во всякое время и такимъ образомъ прихожане этихъ приходовъ подвергались опасности внезапно оказаться совсѣмъ безъ священника, то по сей нѣтъ сомнѣнія, причинѣ иногда назначался и прописывался въ контрактѣ срокъ, на который нанимался священникъ къ приходу [3]) и ранѣе котораго, подразумѣвается, онъ не могъ его оставить (А такъ какъ въ богатыхъ приходахъ прихожане могли наоборотъ отказывать священникамъ отъ мѣстъ по истеченіи договореннаго или контрактнаго

---

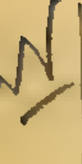
[1]) Малорусская пословица говоритъ: „А бы люде, а попъ буде".

[2]) Образецъ позднѣйшихъ таковыхъ контрактовъ или „порядныхъ" см. въ Актахъ Юридич. 1838-го г. № 185.

[3]) Ibid..

времени: то въ этихъ приходахъ уже не прихожане были въ зависимости отъ священниковъ, а напротивъ священники становились въ зависимость отъ прихожанъ, cfr въ Акт. Ист. т. V, № 122).

Сейчасъ помянутое нами право перехода состояло въ томъ, что священникъ, поставленный на одинъ приходъ, во всякое время (по скольку не связанъ былъ договоромъ), по своей доброй волѣ, могъ оставить его и пойдти искать себѣ другой не только въ предѣлахъ своей собственной епархіи, но и гдѣ бы то ни было въ чужихъ епархіяхъ. Для этого требовалось только, чтобы священникъ запасся отъ архіерея такъ называемой отпускной грамотой, изъ которой бы явствовало, что онъ есть не самозванецъ, а дѣйствительно поставленный священникъ и что онъ не состоитъ подъ запрещеніемъ. Съ этой грамотой онъ искалъ себѣ новаго прихода, и когда находилъ, то утверждаемъ былъ архіереемъ на новомъ мѣстѣ посредствомъ грамоты благословенной. Такъ какъ всякому человѣку естественно желать лучшаго, то само собою разумѣется, что священники не упускали пользоваться правомъ перехода, стремясь съ худшихъ приходовъ на лучшіе, а изъ этого слѣдуетъ, что они представляли собой людей болѣе или менѣе бродячихъ, были пастырями, которые какъ можно чаще старались мѣнять своихъ овецъ [1].



Со всею вѣроятностію или, лучше сказать, съ совершенною несомнительностію должно предполагать, что у насъ въ періодъ до-монгольскій, по подобію Грековъ, были ставлены въ приходскіе священники не только бѣлые священники, но и монахи или іеромонахи. Въ имперіи Греческой съ весьма древняго времени, съ самого Константина Великаго, сдѣлано было значительное ограниченіе относительно принятія въ клиръ мірянъ (см. выше стр. 430), такъ что иные епископы должны были нуждаться въ клирикахъ. Предъ епископами были монахи, которые представляли собою мірянъ, отказавшихся отъ міра, которые освобождены были отъ всѣхъ обязательствъ мірскихъ (ибо это такъ было) и которые отданы были въ подчиненіе имъ—епископамъ: ясно, что ничего не было легче, какъ придти послѣднимъ къ мысли брать необходимыхъ клириковъ изъ нихъ. Такъ это и случилось: соборы дозволили епископамъ «по необходимой надобности» брать

[1]) Въ древнемъ святительскомъ поученіи новопоставленному священнику содержится между прочимъ предписаніе послѣднему отъ лица епископа: „а къ ней же церкви поставленъ еси, не оставити (ти) ея во всѣ дни живота своего“,—въ Памятин. *Павлов.* col. 108. Но это предписаніе у насъ, какъ и въ Греціи, оставалось совершенно мертвой буквой.

клириковъ изъ монаховъ [1]), а гражданская власть съ своей стороны и еще значительно ранѣе соборовъ прямо предписала это [2]). Въ древнѣйшее время, какъ это необходимо думать, ставили въ приходскіе священники не іеромонаховъ, а бѣлыхъ священниковъ, взятыхъ изъ монаховъ, въ чемъ есть существенное различіе, ибо послѣдніе переставали быть монахами и освобождались отъ тѣхъ обѣтовъ монашескихъ, которые несовмѣстимы съ пастырствомъ, а первые не перестаютъ быть ими и не освобождаются ни отъ какихъ обѣтовъ и какъ таковые, собственно говоря, не могутъ быть пастырями [3]). Но между тѣми и другими не было никакого видимаго различія, ибо монахи, поставлявшіеся въ бѣлые священники, не освобождались отъ даннаго ими и совмѣстимаго съ пастырствомъ обѣта цѣломудрія и поставлялись безъ предварительной женитьбы, которая вовсе не составляетъ необходимаго условія священства, а различіе невидимое, то различіе, что монахъ есть ученикъ, а не учитель, повинующійся, а не начальствующій (собора въ храмѣ Софіи пр. 2), въ позднѣйшее время, съ потемнѣніемъ и потускнѣніемъ истиннаго взгляда на монашество, съ утратою живаго и отчетливаго представленія о томъ, что́ составляетъ его сущность, перестало быть помнимо и примѣчаемо. Вслѣдствіе этого іеромонахи явились тѣмъ же или пошли за то же, что́ и бѣлые священники изъ монаховъ, т. е. за настоящихъ священниковъ съ полною правоспособностью пастырства. Послѣ этого смѣшенія іеромонашества съ настоящимъ священствомъ, въ Греціи начали замѣщать мѣста приходскихъ священниковъ монахами такимъ образомъ, что не ставили бѣлыхъ священниковъ изъ монаховъ, а назначали на мѣста іеромонаховъ, что̀ продолжается и до настоящаго времени. Брать приходскихъ священниковъ изъ монаховъ первоначально заставила нужда. Но впослѣдствіи къ нуждѣ присоединились еще двѣ причины. Во-первыхъ, многіе іеромонахи предпочитали свободную жизнь на приходахъ жизни въ монастыряхъ, и вслѣдствіе этого постарались достигнуть того, чтобы дѣло нужды превратить въ дѣло обычное. Во-вторыхъ, особый, водворившійся въ церкви Греческой, а точнѣе говоря—созданный монахами, обычай. Право исповѣди не принадлежало въ Гре-

---

[1]) 4 всел. соб. пр. 4

[2]) Законъ 398 года: Si quos forte episcopi deesse sibi clericos arbitrantur, ex monachorum numero rectius ordinabunt: non obnoxios publicis privatisque rationibus cum invidia teneant (поясняетъ законъ свой мотивъ), sed habeant jam probatos,—Cod. Theod. lib. XVI, tit. II, leg. 32, cfr Новеллы Юстиніана, 5, гл. 8, и 123, гл. 15.

[3]) Cfr въ Πηδάλιον'ѣ къ 4 пр. 4-го всел. соб. прим. 2.

ческой церкви eo ipso каждому священнику, а давалось архіереями только нѣкоторымъ священникамъ, болѣе способнымъ къ ея совершенію. Монахи успѣли достигнуть того, чтобы это право исключительно сосредоточилось въ ихъ рукахъ, т. е. чтобы духовничество исключительно было поручаемо іеромонахамъ (обстоятельно см. ниже). Такъ какъ не вездѣ и не во всѣхъ мѣстностяхъ было столько монастырей, чтобы міряне безъ затрудненія могли ходить въ нихъ на исповѣдь, то ввелся обычай, чтобы іеромонахами духовниками были снабжаемы приходы. У насъ не было никакой нужды ставить іеромонаховъ въ приходскіе священники, потому что никогда и нигдѣ у насъ не могло чувствоваться недостатка кандидатовъ изъ міряпъ; но о второй, указанной выше, причинѣ (стремленіе іеромонаховъ на приходы), заключая по послѣдующему времени, нужно думать, что она была сильна у насъ столько же, какъ и въ Греціи. Относительно духовничества мы не доходили до такой совершенной крайности, какъ Греки, однако есть вся вѣроятность принимать, что и у насъ іеромонахи были предпочтительными духовниками передъ бѣлыми священниками. Такимъ образомъ, необходимо думать, что у насъ въ періодъ до-монгольскій, какъ въ современной ему Греціи и какъ у насъ самихъ въ послѣдующее время, были приходскими священниками не только бѣлые священники, но и монахи или іеромонахи. Въ настоящее время приходскіе священники изъ іеромонаховъ называются у Грековъ игуменами; ниже увидимъ, что въ позднѣйшее время они и у насъ назывались такъ же; изъ этого слѣдуетъ то заключеніе, что такъ назывались они у Грековъ и у насъ и въ древнее время. Когда мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ нашихъ извѣстія, что какое либо дѣло сдѣлали «вси игумени и попове», то болѣе чѣмъ вѣроятно, что каждый разъ должно разумѣть не однихъ только игуменовъ монастырей, но и іеромонаховъ, игуменившихъ у приходскихъ церквей.

Мы Русскіе не можемъ представить себѣ мірскаго или приходскаго священника иначе, какъ человѣкомъ женатымъ. Между тѣмъ женитьба или супружество нисколько не необходимо для священства и священникомъ можетъ быть совершенно безразлично какъ человѣкъ женатый, такъ и холостой, въ послѣднемъ случаѣ съ тѣмъ ограниченіемъ, что не можетъ жениться послѣ посвященія или что женившись долженъ оставить священство (и не только безразлично, но по идеѣ и столько же бы предпочтительно, сколько дѣвство предпочтительнѣе супружества) [1]. Обязательный (и весьма благоразумный) законъ, чтобы

---

[1]) Правила каноническія, запрещающія клирикамъ бракъ послѣ посвященія, исключая чтецовъ и пѣвцовъ: Апост. 26, Трулльск. соб. 6.

священники были непремѣнно женаты (ибо идея и практика иногда вещи совсѣмъ различныя) явился у насъ весьма давно: не позднѣе какъ со времени св. митрополита Петра у насъ было требуемо, чтобы вдовые священники шли въ монахи или оставляли священство. Но такъ какъ въ семъ случаѣ мы не послѣдовали примѣру Грековъ, которые допускали и допускаютъ холостыхъ священниковъ [1]), а установили законъ сами собой, то необходимо думать, что мы дошли до него не сразу и что такимъ образомъ въ періодъ до-монгольскій его еще не существовало. Митрополитъ Георгій, повторяющій въ своемъ уставѣ 1-е правило Неокесарійскаго собора: «попъ, аще женится, преставити отъ чину...» даетъ знать, что случаи поставленія холостыхъ въ священники бывали. Впрочемъ, вообще необходимо думать, что случаи бывали очень рѣдко и представляли собой не болѣе, какъ только исключенія, ибо желавшіе дѣвствовать должны были предпочитать священству монашество.

Въ Западной Руси въ XVI в., передъ введеніемъ уніи, какъ извѣстно, было не малое количество священниковъ двоеженцевъ (что̀ должно понимать отчасти такъ, что они были ставимы изъ двоеженцевъ, а отчасти и такъ, что уже, будучи священниками, вступали во второй бракъ,—относительно послѣдняго имѣемъ совершенно ясныя свидѣтельства). Такъ какъ эти священники были у насъ въ XIV—XV вѣкѣ (свидѣтельства, относящіяся ко времени митр. Кипріана) и такъ какъ они были у Грековъ и въ древнее время и во время, соотвѣтствующее нашему періоду домонгольскому [2]): то болѣе чѣмъ съ вѣроятностію надлежитъ думать, что они были у насъ и въ продолженіе періода домонгольскаго.

Существовало и допускалось у насъ въ періодъ до-монгольскій замѣчательное злоупотребленіе относительно поставленія во священ-

---

[1]) Относительно древняго времени см. новеллу Юстиніана 123, гл. 14, и Царскія книги, кн. III, тит. I, § 27; относительно XVII вѣка у Арсенія Суханова въ Проскинитаріи, въ бесѣдѣ съ патріархомъ Александрійскимъ Іоанникіемъ, читаемъ: „Арсеній рекъ: мощноль неженатаго въ попы поставити? И патріархъ рекъ: мощно, и указалъ на своихъ предстоящихъ, и тѣ неженаты поставлены въ попы, и паки рекъ патріархъ: мочно поставить и неженатаго, только ему не мощно будетъ послѣ поставленія жениться, а если женится, не будетъ попъ" (Синод. ркп. № 574, л. 59. Впрочемъ, относительно настоящаго времени въ Аѳинахъ увѣряли насъ, что въ священники ставятся непремѣнно женатые и притомъ только уже болѣе или менѣе достаточно пожившіе *въ бракѣ* и имѣющіе дѣтей).

[2]) Трулльск. соб. пр. 3, указъ патр. Алексѣя († 1043) у *Ралли* и *П.* V, 28, Вальсамонъ ibid. II, 23.

ники, объясняемое нуждой времени. Бѣдные и вообще простые люди довольно долгое время послѣ принятія христіанства чуждались у насъ церковнаго вѣнчанія браковъ, находя его нужнымъ только для бояръ, а сами довольствуясь бракомъ мірскимъ, наслѣдованнымъ отъ язычества (обстоятельнѣе ниже). Но въ священники наибольшею частію ставились люди бѣдные и простые. Нѣтъ сомнѣнія, за невозможностію находить достаточнаго количества кандидатовъ во священники, вѣнчанныхъ по христіански, въ періодъ до-монгольскій допускалось, чтобы ставимы были во священники и не вѣнчанные, а вступившіе въ брачное сожитіе посредствомъ мірскихъ браковъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они вѣнчались предъ посвященіемъ, при чемъ, если были дѣти, то привѣнчивались (также ниже). Въ Уставѣ бѣлеческомъ митр. Георгія читается: «аще (кто) не вѣнчался будетъ, не достоинъ поповства, да вѣнчався съ женою станетъ попомъ, достоинъ бо ся вѣнчати, аще и дѣти будутъ» [1]).

Въ томъ же уставѣ митр. Георгія читаемъ еще правила относительно поставленія во священники:

«Аще въ поганствѣ грѣхи будетъ сотворилъ, развѣе душегубства, а по крещеніи будетъ не согрѣшилъ, станетъ попомъ».

«Аще кто научится грамотѣ, а будетъ души не погубилъ, а жену понялъ дѣвою и въ татьбѣ будетъ не вязанъ, а инъ грѣхъ сотворилъ будетъ, да покается о нихъ ко отцю (духовному) и схранитъ епитемью, и будетъ попъ».

«Аще обручена жена будетъ дьяку, а умретъ, не совокупився съ нею, достоинъ ему, иную поимше, стати попомъ».

«Аще будетъ на лици знаменіе, аки кровь, не можетъ стати попомъ».

Кромѣ священниковъ причты церковные состояли у насъ въ древнее время, такъ же какъ и въ настоящее, изъ діаконовъ, дьячковъ и пономарей.

Не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ, но по аналогіи съ

---

[1]) Ркп. Троицкой Лавры № 204, л. 266. Въ Волоколамск. ркп. № 566 и въ Сѵнодальн. ркп. по Опис. *Горск.* и *Невостр.* № 326, въ которыхъ находятся отрывки изъ устава Георгіева, это правило читается: „Аще ли дьякъ безъ вѣнчанія жену поялъ есть, а будетъ достоинъ поповства, то вѣнчався съ нею станетъ въ попы“. Если бы было первоначальнымъ сіе послѣднее чтеніе, то это значило бы, что терпѣли на мѣстахъ такихъ дьяковъ, которые, бывъ поставлены холостыми, вступили потомъ въ бракъ безъ церковнаго вѣнчанія (въ другомъ мѣстѣ первой ркп. правило читается, какъ въ Лаврск.).

церковью Греческой и по заключенію отъ позднѣйшаго времени [1]) нужно думать, что дьяконы не считались у насъ въ древнее время необходимостію всякаго мало-мальски порядочнаго прихода, а, напротивъ, что они были чрезвычайно рѣдки—въ епископскихъ каѳедральныхъ соборахъ, въ соборахъ уѣздныхъ, а за тѣмъ еще при весьма немногихъ церквахъ [2]). Такъ какъ дьяконы должны были считаться необходимыми или по крайней мѣрѣ желательными при служеніяхъ праздничныхъ—на храмовыхъ праздникахъ приходовъ, то вѣроятно было бы предполагать, что они были распредѣлены по епархіямъ такъ, чтобы каждый приходъ имѣлъ удобство привозить ихъ къ себѣ на нужное время, т. е. какъ-нибудь по бо́льшимъ или меньшимъ округамъ; но пока относительно этого мы не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній. У Грековъ въ общежитіи и просторѣчіи діаконъ назывался и доселѣ называется уменьшительно διακός [3]), откуда нашъ дьякъ. Въ древнѣйшее время и у насъ онъ назывался однимъ и другимъ именемъ, а потомъ второе имя было усвоено у насъ чтецамъ и пѣвцамъ, о чемъ скажемъ сейчасъ ниже.

Правила, читаемыя въ нашихъ канонических сочиненіяхъ періода до-монгольскаго относительно поставленія въ діаконы:

У митр. Георгія въ Уставѣ:

«Аще ли попъ ставитъ покаяльнаго сына діакономъ, аще будетъ прежде поятья жены своея съ иными блудъ сотворилъ, не достоитъ его поставити и лише осужденіе пріиметъ» (Первыя слова, по всей вѣроятности, нужно понимать такъ, что если священникъ духовникъ дастъ своему духовному сыну свидѣтельство, что онъ достоинъ въ дьяконы).

У Кирика въ Вопрошаніи:

«Аще кто холостъ буда (будучи) сотворитъ блудъ и отъ того ся дѣтя родитъ, не достоитъ поставити діакономъ».

---

[1]) См. вопросы Ѳеогноста, епископа Сарайскаго, и одно поученіе митр. Кипріана въ Памятнн. *Павлов.* coll. 132, § 6, и 236 fin. Въ древнее время не было такихъ кандидатовъ на священнослужительскія мѣста, которые бы могли быть поставлены только въ діаконы, но не въ священники, а сами кандидаты, конечно, предпочитали искать священства, а не діаконства; что же касается до прихожанъ, то не повелось имѣть діаконовъ, и прихожане не заботились о нихъ, тѣмъ болѣе, что они представляли собою лишнихъ церковниковъ. которыхъ надлежало бы ружить.

[2]) По грамотѣ Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опокахъ,—церкви соборной, въ которой имѣла быть вседневная служба, одному дьякону при многихъ попахъ полагается служить только по субботамъ и по воскресеньямъ (Русск. Достопамм. I, 78).

[3]) А дьяконица—διάκισσα.

«Оже дѣвку растлитъ, и паки ся оженитъ иною, недостоитъ поставити».

«(Если ищущій діаконства будетъ виновенъ въ татьбѣ),—аже будетъ татьба велика, а не уложатъ ее отай (не уладятъ дѣла относительно ея тайно), но сильну прю составятъ передъ княземъ и передъ людьми, то недостоитъ того ставити діакономъ, и ожели окрадеться (будетъ виновенъ въ воровствѣ), а то уложатъ отай, то достоитъ».

«Аже паробка (слугу, холопа) господа вяжутъ (и) бьютъ украдшаго что-либо, достоитъ ставити».

Относительно поставленія въ священники и діаконы должно составлять предметъ величайшей заботливости со стороны епископовъ, чтобы не были поставляемы люди по чему нибудь недостойные. По этому у насъ въ слѣдъ за Греціею требовалось, чтобы поставленіе имѣло мѣсто не иначе, какъ послѣ того, когда о достоинствѣ ищущаго поставленія засвидѣтельствуетъ его духовникъ съ другими семью (шестью) знающими его священниками [1]).

Относительно иподіаконовъ, занимающихъ середину между діаконами и дьяками, въ Правилѣ митр. Іоанна предписывается, что они должны вступать въ бракъ до посвященія, а иначе погубляютъ свой чинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дается знать, что прежде дозволялось имъ жениться и послѣ посвященія (Можетъ быть перешла къ намъ отъ Грековъ остававшаяся у послѣднихъ по злоупотребленію практика, которую относительно діаконовъ установляетъ Анкирскій соборъ въ пр. 10).

Дьячекъ есть уменьшительное отъ дьякъ и собственно должно бы было дьячекъ. Въ письменныхъ актахъ древняго времени не употребляется уменьшительная форма дьячекъ, но всегда дьякъ (какъ въ Малороссіи и до сихъ поръ: дякъ). Служитель церковный, который у насъ названъ былъ именемъ дьяка, а послѣ сталъ называться дьячкомъ, у Грековъ назывался и называется ἀναγνώστης—чтецъ и ψάλτης—

---

[1]) Дѣянія Владимирскаго собора 1274 г. въ Памятнн. *Павлов.* col. 91 sub fin. Духовникъ со всѣми прочими священниками долженъ былъ пріѣзжать къ архіерею, чтобы засвидѣтельствовать о достоинствѣ поставляемаго, а когда это было затруднительно, долженъ былъ пріѣзжать одинъ, а отъ прочихъ священниковъ привозить заручную удостовѣрительную грамоту,—ibid. col. 424 (въ позднѣйшее время, въ XVI вѣкѣ, это дѣлалось такъ, что ставленника исповѣдалъ архіерейскій іеромонахъ въ присутствіи семи городскихъ священниковъ и свидѣтельствовалъ объ его достоинствѣ предъ этими послѣдними: разсказъ Артемія, игумена Троицкаго, на судѣ о своемъ поставленіи).

пѣвецъ. Наше русское названіе чтецовъ и пѣвцовъ—дьякъ, какъ они у Грековъ не называются, есть греческое уменьшительное имя дьяконовъ, перенесенное на нихъ съ послѣднихъ. Относительно этого перенесенія должно думать слѣдующее: такъ какъ чтецы и пѣвцы носятъ одну и ту же богослужебную одежду съ діаконами—стихарь, то первоначально называли ихъ у насъ однимъ и тѣмъ же именемъ съ первыми—діаконами и діаками, причемъ, если нужно было отличить настоящихъ діаконовъ отъ чтецовъ и пѣвцовъ, прибавляли къ имени прилагательное «урарный» [1]) (орарный); но потомъ было принято различать однихъ отъ другихъ тѣмъ, что настоящихъ діаконовъ стали называть полнымъ ихъ именемъ—діаконъ, а вторыхъ ихъ уменьшительнымъ именемъ—дьякъ. Въ древнее и вообще въ старое время дьячки (дьяки) были у насъ не только церковными причетниками, но и своего рода чиновниками свѣтскими, хотя это и запрещаютъ правила церковныя. Въ древнее время люди грамотные, и особенно люди умѣющіе писать,—ибо и въ настоящее время умѣть читать и писать не совсѣмъ одно и то же, а въ древнее время было и совсѣмъ не одно и то же (уставное письмо) [2]—составляли величайшую рѣдкость; а между тѣмъ никакая община или никакой приходъ не могъ совсѣмъ обходиться безъ человѣка грамотнаго и умѣющаго писать, ибо иначе нельзя было бы написать никакого акта и нельзя бы прочесть никакого акта написаннаго: церковные пѣвцы-чтецы или дьяки, поелику они уже по своей должности обязаны были быть грамотными, вмѣстѣ съ этой непосредственной должностью обязывались быть и приходскими писарями и читарями [3]) (отъ этой второй и второстепенной должности церковныхъ дьяковъ получили названіе дьяковъ и всѣ вообще писаря) [4].

---

[1]) „Дьяконъ урарьный" въ Хроникѣ Амартола,—ркп. Моск. Д. Акад. № 100, л. 193 и об., „дьякъ уларьный" въ Узаконеніи Константина,—Русскк. Достопп. II, 182 нач.

[2]) По свидѣтельству Ейнгарда, Карлъ Великій, начавшій учиться писать въ зрѣлыхъ лѣтахъ, не могъ выучиться искусству письма надлежащимъ образомъ: temptabat et scribere, sed parum successit labor praeposterus ac sero inchoatus,—Vita Caroli M., § 25 fin.

[3]) Обязательства дьячковъ позднѣйшаго времени быть мірскими писарями см. въ Акт. Юрид. 1838 г., №№ 285, 286 и 302, cfr Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, гл. X, ст. 248, гл. XI, ст. 4.

[4]) Въ грамотѣ Всеволода у церкви Ивана Предтечи на Опокахъ при многихъ священникахъ полагается одинъ дьякъ (Русскк. Достопамм. I, 78): изъ этого слѣдуетъ, что его обязанность была читать, а что пѣли—сами священники (т. е. тѣ изъ нихъ, которые не служили).

По 17-му апостольскому правилу дьякъ не можетъ быть двоеженцемъ. Но гражданскими греческими законами, равно какъ и на дѣлѣ въ Греціи имъ дозволялось двоеженство, съ условіемъ въ законахъ, но не всегда на дѣлѣ, чтобы двоеженцы не были ставимы въ діаконы и священники [1]). Вѣроятно, что и у насъ въ періодъ домонгольскій было такъ, какъ у Грековъ было на дѣлѣ. Опредѣленный греческими гражданскими законами возрастъ для дьяковъ былъ 18-лѣтній [2]), но на самомъ дѣлѣ ихъ ставили и гораздо ранѣе,—какъ только дитя въ состояніи будетъ читать и пѣть (восьми лѣтъ и даже шести и трехъ!) [3]. Какъ было у насъ въ періодъ домонгольскій, не имѣемъ свѣдѣній.

Въ лѣтописи упоминаются дядьки, которымъ гуменцо простриженo, но которые не поставлены, т. е. дьяки, которые посвящены, но не поставлены на мѣста [4]). Что такое были эти дьяки, посвященные, но не имѣющіе мѣстъ, изъ лѣтописи ясно не видно; но необходимо думать, что желавшіе поступить въ духовное званіе заранѣе посвящались въ дьяки, какъ это было весьма обычно и въ Греціи [5]), чтобы быть та-

---

[1]) У *Ралли* и *П.* I, 211 и 212, II, 23 и 24 (Вальсамонъ того мнѣнія объ этомъ двоеженствѣ дьяковъ, что второбрачный не можетъ быть поставленъ въ дьяки, но что дьяку, овдовѣвшему въ дьячествѣ, дозволительно жениться во второй разъ).

[2]) Новелла Юстиніана 123, гл. 13.

[3]) *Арменопула* Prochir., append. tit. IV, § 9 (по славянски въ Памятн. *Павлов.* col. 464), Вальсам. у *Ралли* и *П.* I, 66—68.

[4]) Ипатск. лѣтоп. подъ 1148-мъ г., 2 изд. стр. 259 fin. „Аче и дьякъ, а гуменьце ему простриженo, а не поставленъ будетъ"...

[5]) См. Вальсамона въ толков. на 33 правило шестаго всел. соб. и на 14 пр. седьмаго всел. соб.,—у *Ралли* и *П.* II, 381 и 616 sqq (Кромѣ этихъ дьяковъ безмѣстныхъ, въ Греціи были еще, такъ сказать, полудьяки: непосвященные въ дьяки епископами, но носившіе или стрижку и одежду дьяческія, о которыхъ ниже, или только одну послѣднюю, и иногда то или другое съ дѣтства,— 14 пр. седьмаго всел. соб. и Вальсамонъ ibidd.; у послѣдняго стр. 616: ὁρῶμέν τινας νηπιόθεν μελανειμονήσαντας.... καὶ κουρὰν δεξαμένους μὴ διὰ χειροθεσίας τοῦ ἐγχωρίου ἐπισκόπου — „видимъ нѣкоторыхъ, въ дѣтствѣ надѣвшихъ одежду клириковъ",—которая долженствовала быть черная,—„и остриженіе принявшихъ не отъ руки мѣстнаго епископа", а—подразумѣвается—отъ руки не священной, начавшихъ носить стрижку клириковъ просто по своему и родителей своихъ произволу. Въ славянскомъ переводѣ Номоканона Схоластикова, въ прибавочныхъ статьяхъ къ самому Номоканону, полудьяки—дѣти называются дьячцами: „аще ли кто дѣтескъ сы, ли мирскымъ ли мнишескымъ чиномъ или дьячець *), оскверніится отъ нѣкоего мужа",

---

*) Приводимыя слова читаются въ Послѣдованіи исповѣди, усвояемомъ Іоанну Постнику: на греческомъ „дьячець"—παπαδίτζης,—*Io. Morini* De poenitentia, прибавл. p. 86 sub. fin.

кимъ образомъ кандидатами возможно дѣйствительными, какъ бы признанными. До пріисканія мѣстъ эти дьяки вѣроятно частнымъ образомъ дьячествовали въ приходахъ, къ которымъ принадлежали по рожденію или въ домахъ у богатыхъ людей и вообще вездѣ, гдѣ ихъ частнымъ образомъ нанимали. Въ случаѣ особенныхъ нуждъ эти дьяки должны были идти на войну съ прочими гражданами [1]).

Будучи не только церковными чтецами и пѣвцами, но и приходскими секретарями или писарями, дьяки въ древнее время, какъ это необходимо думать, были не то, что въ настоящее время дьячки, а лицами въ приходахъ болѣе или менѣе или, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени важными и влiятельными [2]).

Пономарь есть греческое παραμονάριος, что̀ происходитъ отъ παραμένω и значитъ человѣка, пребывающаго при чемъ нибудь, стерегущаго что нибудь. Греческіе парамонари, обыкновенно жившіе при самыхъ церквахъ и бывшіе ихъ смотрителями, имѣли своею обязанностію содержать церкви въ чистотѣ, приготовлять ихъ для богослуженія и прислуживать священникамъ во время совершенія его послѣдними [3]). Какъ клирики, состоявшіе при священныхъ мѣстахъ

рки. Моск. Д. Акад. № 54, лл. 73 об. и 127 об. Весьма вѣроятно, что эти полудьяки или какъ бы самодьяки были и у насъ. Въ тѣхъ же прибавочныхъ статьяхъ сейчасъ указаннаго Номоканона дается знать, что въ Греціи они позволяли себѣ надѣвать въ церкви богослужебную одежду: „аще діакъ алаксается—греч. ἀλλαξάεται, ἀλλάσσεται, собственно переодѣвается, но въ церковномъ языкѣ—надѣваетъ богослужебную одежду,—нехеротонисанъ, да имаетъ епитемію 3 лѣта“, л. 90).

[1]) Ипатск. лѣт. ibid.

[2]) Дьяки или дьячки, искавшіе дальнѣйшей промоціи въ дьяконы и священники, должны были представлять епископамъ свидѣтельства отъ своихъ духовныхъ отцовъ въ томъ, что они достойны священства. Дьякъ, получившій отъ духовнаго отца такое свидѣтельство, что̀ дѣлалось большею частію заблаговременно, въ древнее время носилъ особое названіе „покаяльника“ (какъ совершившій требуемое покаяніе,—см. Устава бѣлеческаго митр. Георгія по нашему изданію правила 17, 45, 61, 70, 91 и 164).

[3]) Въ отношеніи къ своимъ церковнымъ обязанностямъ они соотвѣтствовали параекклесіархамъ соборныхъ церквей и монастырей, которые имѣли екклесіарховъ (самые екклесіархи монастырскіе иногда называются парамонарями). При церквахъ малыхъ, вѣроятно, они были и сторожами ихъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; при церквахъ же большихъ, вѣроятно, они имѣли подъ собою сторожей, какъ своихъ помощниковъ (у Константина Порфирогенита въ De ceremoniis, по изд. *Миня* pp. 173 и 261, упоминаются προσμονάριοι, которыхъ какъ будто должно отличать отъ парамонаріевъ и подъ которыми какъ будто должно разумѣть именно сторожей).

и обращавшіеся съ священными предметами въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, они обыкновенно избирались изъ людей почтенныхъ (какъ кажется, преимущественнымъ образомъ изъ безбрачныхъ или вдовыхъ; бывали примѣры избранія изъ парамонарей въ патріархи: Петръ Кнафей Антіохійскій). Нашихъ древнихъ пономарей не слѣдуетъ представлять себѣ смотрителями церквей, ибо наши церкви были очень незначительны, чтобы имѣть нужду въ смотрителяхъ: по относительно ихъ обязанностей церковныхъ нужно полагать, что онѣ были однѣ и тѣ же съ обязанностями греческихъ парамонаріевъ и что чтецами и пѣвцами лѣваго клироса они стали только въ позднѣйшее время [1]). Не имѣя обязанности пѣть и читать, они могли быть поставляемы и изъ людей совсѣмъ безграмотныхъ, что̀, какъ кажется, большею частію и было [2]). Но такъ какъ они должны были входить въ олтарь (для его метенія и вообще чищенія, для зажиганія въ немъ свѣчей, для приготовленія и подаванія кадила), то было требуемо, чтобы они были «отъ чистыхъ», т. е. изъ единобрачныхъ [3]). Дьяки и пономари, въ отличіе отъ священниковъ и діаконовъ, назывались общимъ именемъ причетниковъ [4]).

---

[1]) Грамота Всеволода Новгородск. Софійск. собору называетъ пономаря „свѣщегасомъ" (у преосв. *Макарія*, т. II, изд. 2 стр. 383 нач.), а архіепископъ Новгородскій Геннадій въ концѣ XV в.—„свѣщеносомъ" (Акт. Ист. т. I, стр. 144, col. 2). Имѣемъ свидѣтельства, что въ нѣкоторыхъ даже большихъ, соборныхъ, церквахъ не было пономарей, такъ что ихъ, по всей вѣроятности, замѣняли сторожа, которые прямо называются въ штатахъ этихъ церквей (а сторожа, конечно, уже не пѣли и не читали на лѣвомъ клиросѣ),—грамота Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опокахъ (Русскк. Достопп. I, 77 sqq.); а съ другой стороны имѣемъ указанія, что иногда пономари были вмѣстѣ и сторожами церквей (въ житіи Меркурія Смоленскаго пономарь называется стражемъ церковнымъ).

[2]) Въ актахъ нигдѣ не говорится, что въ діаконы и попы ставимы были пономари, но всегда дьяки. На основаніи этого должно предполагать, что въ пономари ставимы были люди безграмотные, которымъ не могло быть дальнѣйшей промоціи.

[3]) Дѣянія Владимирскаго собора 1274-го г. въ Памятнн. *Павл.* col. 99, cfr митр. Кипріана ibid. col. 259 и также неизвѣстнаго, ibid. col. 124 fin., (а если дьякамъ разрѣшалось двоеженство, то они не имѣли нужды входить въ олтарь).—По одному древнему святительскому поученію новопоставленному священнику, пономари не постригались епископами, какъ дьяки, а только получали отъ нихъ благословеніе на отправленіе своихъ обязанностей,—у *Павл.* ibid. col. 105.

[4]) Въ сейчасъ помянутыхъ дѣяніяхъ Владим. собора, ibid. col. 91. Причетникъ отъ причитати (ibid. col 86) т. е. къ церкви, есть переводъ греческаго κληρικός (въ Ник. Кормч. гл. 42, выписки изъ новеллъ Юстиніана). О раздѣленіи у Грековъ всѣхъ членовъ клира на два класса: ἱερώμενοι—высшіе, отъ епископа до иподіакона,

Въ несобственномъ смыслѣ принадлежатъ еще у насъ къ церковнымъ причтамъ просфоропеки или просвирницы (просвирни, просвирёны), т. е. особыя при церквахъ женщины, вдовы или незамужнія дѣвицы, приготовляющія для нихъ просфоры. Эти просфоропеки или просвирницы явились у насъ не съ самаго начала, а послѣ половины XII и не позднѣе второй половины XIII в. [1]). Въ Греціи не было и до настоящаго времени нѣтъ нашихъ просвирницъ и тамъ дѣло съ просфорами имѣетъ себя такъ, что для церквей ихъ пекутъ обыкновенные булочники и хлѣбники, у которыхъ онѣ покупаются, а частные люди, желающіе помянуть на просфорахъ живыхъ или мертвыхъ (т. е. принести ихъ въ церковь для вынутія), отчасти покупаютъ ихъ у тѣхъ же булочниковъ и хлѣбниковъ [2]), отчасти пекутъ сами [3]). Такъ было и у насъ по крайней мѣрѣ до половины XII вѣка, ибо въ вопрошаніи Кириковомъ читаемъ вопросо-отвѣтъ: «прашахъ: единою просфурою достоитъ ли служити? (рече:) аже будетъ далече, яко въ селѣ, а негдѣ будетъ взяти другое просфуры, то достоитъ; аже будетъ близь торгъ, гдѣ купити, то не достоитъ, — аже ли како гдѣ не будетъ, по нужи достоитъ».... Но у насъ греческіе порядки были совершенно неудобны, ибо у насъ не только не было особыхъ булочниковъ и хлѣбниковъ въ селахъ, но и въ иныхъ городахъ они приготовляли свои произведенія не каждый день, а только въ извѣстные дни недѣли, именно — къ недѣльнымъ базарнымъ днямъ, почему и просфоры пекли только къ этимъ днямъ (для селъ) и подъ воскресенья (для своихъ городскихъ церквей). Вслѣдствіе этого у насъ даже въ иныхъ изъ городовъ не служили въ будни литургіи за невозможностью достать просфоръ, а въ селахъ, привозя просфоры изъ городовъ съ базаровъ, принуждены были служить на просфорахъ испеченныхъ Богъ знаетъ когда, совсѣмъ старыхъ и зачерствѣлыхъ [4]). По причинѣ

и κληρικοί—всѣ прочіе, см. у Вальсамона въ толков. на 77 пр. Трулльск. соб. у *Ралли* и *П.* II, 485.

[1]) Въ половинѣ XII вѣка ихъ еще не было, см. Кирика сейчасъ ниже, а въ такъ называемомъ уставѣ Владиміра по списку конца XIII вѣка онѣ уже есть (Карамз. къ т. I прим. 506: „а се церковные люди: игуменъ, попъ..., проскурница"...)

[2]) Въ греческихъ городахъ можно видѣть и слышать, какъ разносчики-булочники идутъ съ корзинками и кричатъ: καλὰ προσφοράκια, т. е. хорошія просвирки!

[3]) Поэтому въ Греціи продаются печати для просфоръ (деревянныя) и всякій порядочный хозяинъ имѣетъ ихъ.

[4]) Извѣстенъ разсказъ въ житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго, что онъ въ своемъ Курскѣ, видѣвъ, какъ не поются литургіи за невозможностію доставать просфоры, самъ рѣшился стать просфоропекаремъ и продавцемъ ихъ. Дѣло должно по-

этого крайняго неудобства порядковъ греческихъ у насъ и сдѣлано было то нововведеніе противъ Грековъ, что поставлены были при церквахъ особыя женщины для печенія просфоръ (каковое нововведеніе, какъ мы сказали падаетъ на пространство времени отъ половины XII до второй половины XIII в.). Есть большая вѣроятность думать, что должность просфоропекъ не была создана у насъ совсѣмъ вновь, но что ими были сдѣланы или стали женщины, уже прежде бывшія при церквахъ въ другой должности. Въ Греціи съ древняго до настоящаго времени было и есть, а у насъ было въ древнее и старое время такъ, что мужчины и женщины становились въ церквахъ за богослуженіемъ не вмѣстѣ или смѣшанно, а особо одни отъ другихъ: гдѣ были верхнія галереи или такъ-называемыя полати, мужчины становились внизу, въ самой церкви, а женщины на сихъ полатяхъ; гдѣ ихъ не было, мужчины въ передней половинѣ церкви, а женщины въ задней, отдѣленныя отъ мужчинъ особымъ возвышеніемъ пола своей части и особой рѣшоткой (обстоятельнѣе ниже). Для смотра за женскими половинами церквей, для поставленія въ нихъ свѣчъ предъ иконами во время богослуженія и пр., въ Греціи были (и до сихъ поръ есть) при церквахъ особыя женщины, которыя собственно и по-просту не знаемъ какъ назывались, но которыя почетно величались и титуловались діакониссами [1]). Есть большая вѣроятность думать, что эти діакониссы или смотрительницы женскихъ отдѣленій церквей были и у насъ и что онѣ-то и стали у насъ просфоропеками, соединивъ въ себѣ двѣ должности. И не только весьма вѣроятно предполагать, что у насъ эти діакониссы были, но даже едва ли не должно будетъ усвоять имъ за древнее время особое, такъ-ска-

нимать такъ, что въ Курскѣ (какъ должно подразумѣвать, и въ другихъ подобныхъ, т. е. небольшихъ городахъ) булочники пекли просфоры только къ воскресеньямъ, такъ что въ будни ихъ нельзя было достать. У митр. Георгія читаемъ въ Уставѣ: „проскуры аще изыдетъ 8 дніи, не пѣти ею", и еще: „аще будетъ проскура разсѣлася, а иное не будетъ проскуры"... У Кирика въ Вопрошаніи: „просфурою, рече, достоитъ просфумисати за двѣ недѣли", т. е. просфора годна для службы въ продолженіи двухъ недѣль. Эти правила, непонятныя при нынѣшнихъ порядкахъ, весьма понятны изъ того, что мы сказали выше. У Кирика въ Вопрошаніи есть наставленія о томъ, какія женщины не должны печь просфоръ (у *Павл.* въ Памятни. coll. 50 и 59): ихъ должно относить не къ особымъ просфоропекамъ, которыхъ не было, а ко всякимъ домовымъ хозяйкамъ (которыя пекли для себя сами, если не хотѣли покупать). Это отсутствіе у насъ особыхъ просфорницъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе полутораста лѣтъ и происходившія отсюда величайшія неудобства— для господъ, плохо разумѣющихъ исторію, весьма поучительный примѣръ того, какъ и до вещей самыхъ простыхъ люди додумываются весьма не скоро.

[1]) Вальсамонъ у *Ралли* и *П.* IV, 477. Cfr ibid. V, 231.

зать, совсѣмъ причетническое значеніе. Вальсамонъ о современныхъ ему діакониссахъ Константинопольской св. Софіи говоритъ: «въ святѣйшей церкви престола Константинопольскаго діакониссы рукополагаются (προχειρίζονται, точно—проручествуются), и не имѣютъ только одного участія въ жертвенникѣ (въ которомъ имѣли участіе древнія діакониссы, о которыхъ онъ говоритъ выше), но церковничествуютъ многое (ἐκκλησιάζουσι δὲ πολλά) и завѣдуютъ по-церковнически (ἐκκλησιαστικῶς) женскимъ отдѣленіемъ церкви» [1]). Не совсѣмъ понятное «церковничествуютъ многое» въ связи рѣчи заставляетъ подозрѣвать, что тутъ дѣло идетъ о пѣніи діакониссами тѣхъ церковныхъ службъ, которыя могутъ быть пѣты внѣ алтаря [2]). Это подозрѣніе превращается въ увѣренность, когда мы припомнимъ другія, сами по себѣ тоже не совсѣмъ понятныя свидѣтельства. Въ словѣ на обрѣтеніе мощей св. Климента Римскаго, разсказывающемъ исторію этого обрѣтенія, совершеннаго Константиномъ философомъ, первоучителемъ Славянскимъ («Слово на принесеніе мощемъ, историческую имуще бесѣду»), говорится, что когда обрѣтенныя въ морѣ и принесенныя въ городъ (Херсонесъ) мощи были поставлены въ одной церкви, то по приказанію архіепископа было совершено всенощное бдѣніе «до полунощи убо мужескимъ поломъ, а отъ полунощи до утра черноризицами и благовѣрными женами, обычай такъ сущь вѣрными тѣми (sic) до скончанія». Архіепископъ Новгородскій Антоній въ своемъ Константинопольскомъ Паломникѣ говоритъ, что въ Софіи Константинопольской недалеко отъ южнаго боковаго алтаря есть мѣсто, гдѣ «мироносица поютъ» [3]). Снесеніе приведенныхъ мѣстъ не оставляетъ въ насъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Греціи, вездѣ или по крайней мѣрѣ индѣ, совершаемы были подъ руководствомъ нашихъ діакониссъ такъ-сказать совсѣмъ женскія внѣалтарныя церковныя службы, т. е. службы, отправлявшіяся или пѣвшіяся исключительно женщинами [4]). Есть нѣкоторыя

---

[1]) У *Ралли* и *П.* IV, 477.

[2]) А могутъ быть пѣты внѣ алтаря и не священниками, какъ знаетъ, а можетъ-быть и не знаетъ, читатель, всѣ церковныя службы, за исключеніемъ литургіи. Въ другихъ случаяхъ Вальсамонъ употребляетъ слово ἐκκλησιάζειν въ смыслѣ: находиться въ церкви (и именно—или вообще находиться въ церкви или находиться въ самой церкви, а не притворѣ),—у *Ралли* и *П.* IV, 8 bis, 426 fin., 461 bis. Но съ прилагательнымъ πολλά это значеніе, очевидно, къ слову не идетъ.

[3]) По изд. *Савваитова* col. 62.

[4]) *Серединск.* О богослуженіи западной церкви, III, 16: Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (на Западѣ) есть капитулы, состоящіе изъ женщинъ знатнаго происхожденія, которыя потому носятъ названіе канониссъ (canonichessa); онѣ отправляютъ ве-

основанія предполагать, что и у насъ нѣчто подобное было въ древнее время. Въ Стоглавѣ читаемъ: «Безчиніе (творится) у проскурницъ: боголюбцы даютъ проскурнямъ деньги на проскуры о здравіи или за упокой, и она спроситъ имени о здравіи, да надъ проскурою сама приговариваетъ, якоже арбуи въ Чуди, а за упокой также мертвыхъ имянъ спрашиваетъ, да надъ проскурою приговариваетъ, а тѣ проскуры попу даетъ, и попъ людемъ даетъ и къ себѣ относитъ, а на жертвенникѣ тѣхъ проскуръ о здравіи и за упокой не проскомисаетъ» (Глава 5, отвѣтъ на 11 вопросъ); а въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274-го г., по всей вѣроятности, разумѣются тѣ же проскурницы подъ нѣкіими несвященными, о которыхъ говорится, что они «освящають приносимая къ церкви плодоносія, рекше крупы или кутья за мертвыя» (у *Павл.* col. 98, § 6). Можно, конечно, предполагать, что наши просфорницы усвоили себѣ свое странное какъ бы священствованіе безъ всякаго повода; но вѣроятнѣе предполагать поводъ и именно—что сейчасъ указанное было малымъ и искаженнымъ остаткомъ ихъ древняго причетничества.

Кромѣ священниковъ приходскихъ, въ до-монгольской, какъ и въ послѣдующей старой Руси, былъ еще особенный, весьма немалочисленный классъ ихъ—именно священниковъ домовыхъ. Въ Греціи съ древняго времени предоставлено было всякому желающему имѣть для себя свою домовую церковь, пользуясь каковымъ правомъ имѣли ихъ бо́льшая часть знатныхъ и вообще состоятельныхъ людей [1]), при чемъ дѣло относительно ихъ должно быть понимаемо вовсе не такъ, что онѣ были устрояемы въ самыхъ домахъ, въ особыхъ комнатахъ, какъ теперь у насъ, а такъ, что онѣ устроялись особыми небольшими зданіями на дворахъ. Отъ Грековъ обычай имѣть такія церкви перешолъ и къ намъ Русскимъ. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, до какой степени былъ у насъ распространенъ и силенъ обычай имѣть эти церкви въ періодъ до-монгольскій, но есть вся вѣроятность предполагать, что онъ былъ распространенъ столько же, какъ это было въ Греціи. Имѣть небольшую домовую деревянную церковь стоило

чернюю и утреннюю службу, въ хорѣ, въ особеннаго рода мантіяхъ". Cfr *Дюканжа* Gloss. Latinit. подъ сл. Canonicus, t. II. p. 182 fin.

[1]) Назывались τὰ εὐκτήρια (иногда съ прибавленіемъ ἀρχοντικά) и οἱ εὐκτήριοι οἶκοι, см. 6 всел. соб. пр. 31 и соб. двукратн. пр. 12 и толкованія къ нимъ, у *Ралли* и *П.* II, 371 и 687, и еще ibid. II, 581, 589, *627* fin., IV, 459, V, 31; также у *Дюканжа* въ Gloss. Latinit. подъ словами Oratorium и Oraculum, у Свицера въ Thesaurus подъ Εὐκτήριον и во всякой хорошей археологической книгѣ.

столько же мало, сколько имѣть на дворѣ лишнее строеніе; а такъ какъ дѣло, нѣтъ сомнѣнія, было поставлено такимъ образомъ, что домовая церковь считалась признакомъ знатности, то необходимо думать, что имѣли ихъ не только всѣ люди дѣйствительно знатные, но и всѣ тѣ, которые тянулись въ знать или, иначе сказать, что имѣли ихъ весьма многіе. Титмаръ Мерзебургскій, современникъ Владимировъ, говоритъ, что ко времени смерти послѣдняго въ Кіевѣ было 400 церквей [1]); Никоновская лѣтопись увѣряетъ, что въ пожаръ 1017 г. сгорѣло въ немъ церквей «яко до семи сотъ» [2]), а по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи въ пожаръ 1124-го г. ихъ сгорѣло въ немъ «близь шести сотъ». Эти огромныя цифры, совершенно невѣроятныя и невозможныя для церквей приходскихъ, нѣтъ сомнѣнія, должны быть понимаемы такъ, что въ первой нужно разумѣть до трехъ четвертей, а во второй и третьей—пяти шестыхъ и шести седьмыхъ, если только во всѣхъ трехъ не гораздо болѣе, церквей домовыхъ. Но при всякой домовой церкви, какъ это мы имѣемъ право заключать по позднѣйшему времени, держали особыхъ домовыхъ священниковъ. Домовыя церкви, конечно, были только въ тѣхъ большихъ городахъ, гдѣ жили знатные люди и преимущественно въ самомъ Кіевѣ. Предполагая, что имѣли ихъ, а съ ними и домовыхъ священниковъ, не только дѣйствительно знатные люди, но и всѣ тѣ, которые хотѣли тянуться за знатными и слыть за таковыхъ, мы должны будемъ представлять дѣло такъ, что этихъ домовыхъ священниковъ было въ Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ весьма и весьма большое количество. Этого однако мало. Данныя позднѣйшаго времени заставляютъ предполагать, что домовыхъ священниковъ было не только весьма большое, но совсѣмъ чрезвычайно большое количество. Въ позднѣйшее время, какъ сообщаютъ намъ положительныя свидѣтельства, имѣли домовыхъ священниковъ не только тѣ, которые имѣли домовыя церкви, но весьма многіе и изъ тѣхъ, которые не имѣли послѣднихъ,—имѣли за тѣмъ, чтобы священники совершали для нихъ всѣ церковныя службы, за исключеніемъ литургіи, на домахъ, въ ихъ моленныхъ или такъ-называемыхъ крестовыхъ комнатахъ [3]). Не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ, но со всею вѣроятностію можемъ предполагать, что это такъ было и въ древнѣйшее время. Такъ какъ содержать домоваго священника столько же ничего

---

[1]) Chronic. lib. VIII, c. 16.

[2]) I, 124. О пожарѣ говорятъ и лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская, но, къ сожалѣнію, о церквахъ въ нихъ только: „и погорѣша церкви".

[3]) *Котоших.* гл. XIII нач.

не стоило, сколько содержать одного лишняго лакея, и единственный дѣйствительный расходъ на него составляла единовременная плата за посвященіе, то необходимо думать, что вообще домовыхъ священниковъ или капеллановъ имѣли, если не положительно всѣ тѣ, то по крайней мѣрѣ наибольшая часть всѣхъ тѣхъ, которыхъ въ позднѣйшее время стали называть общимъ именемъ дворянства, и слѣдовательно необходимо представлять дѣло такъ, что въ Кіевѣ и потомъ во Владимирѣ—средоточіяхъ этого послѣдняго были цѣлыя тысячи домовыхъ священниковъ, что они были переполнены и такъ-сказать кишѣли ими[1]).

Мы сказали сейчасъ, что содержаніе домоваго священника столько же мало стоило, сколько содержаніе одного лишняго лакея. Есть основанія думать, что въ періодъ до-монгольскій эти домовые священники и на самомъ дѣлѣ большею частію были лакеями и холопами тѣхъ, для которыхъ они были священниками. Баринъ отдавалъ своего раба или дворового выучиться грамотѣ, затѣмъ посылалъ къ епископу для посвященія, и вотъ ему былъ священникъ — его собственный крѣпостной. Какъ имѣли господа изъ своихъ крѣпостныхъ разныхъ ремесленниковъ, псарей, музыкантовъ, такъ на ряду съ ними имѣли изъ тѣхъ же крѣпостныхъ и домовыхъ священниковъ. Что дѣло было не только весьма нерѣдко, но и большею частію такъ, объ этомъ необходимо заключать изъ сохранившейся до настоящаго времени грамоты патріарха Константинопольскаго Германа къ нашему митрополиту Кириллу 2-му отъ 1228-го г., въ которой патріархъ предписываетъ митрополиту искоренить то злоупотребленіе, что нѣкоторые въ Русской землѣ ставятъ рабовъ во священники, не освобождая ихъ отъ рабства: «дошло до слуховъ нашего смиренія—пишетъ патріархъ,—что нѣкоторые въ Русской странѣ пріобрѣтаютъ куплею рабовъ, даже и плѣнниковъ (т. е. нехристіанъ), и отдаютъ ихъ учиться священной грамотѣ (подразумѣвается, — плѣнниковъ напередъ крестивъ), а потомъ, когда придутъ въ возрастъ, возводятъ ихъ по чину къ священнодостоянію, приводя ихъ къ епископамъ, но не освобождаютъ ихъ напередъ отъ рабства, такъ что и послѣ священнаго поставленія іереи безчествуются рабіимъ именемъ[2]). Если слухъ о такомъ злоупотребленіи дошолъ до патріарха Константинопольскаго, находившагося притомъ въ 1228 г.

---

[1]) До какой степени много было этихъ священниковъ въ позднѣйшей Москвѣ, это мы увидимъ впослѣдствіи.

[2]) Въ Памятни. *Павлов.* col. 79 fin..

въ Никеѣ, то необходимо думать, что оно не составляло рѣдкаго исключенія, а было болѣе или менѣе общимъ обычаемъ [1]).

---

[1]) На Западѣ въ данномъ случаѣ дѣло было совершенно такъ же, какъ у насъ, и вотъ какимъ образомъ рисуетъ его, помогая намъ представлять съ нѣкоторою живостію наши порядки, западный писатель первой половины IX вѣка, (Агобардъ архіепископъ Ліонскій: increbuit consvetudo impia, ut paene nullus inveniatur anhelans et quantulumcunque proficiens ad honores et gloriam temporalem, qui non domesticum habeat sacerdotem, non cui obediat, sed a quo incessanter exigat licitam simul atque illicitam obedientiam, non solum in divinis officiis, verum etiam in humanis, ita ut plerique inveniantur, qui aut ad mensas ministrent aut canes ducant aut caballos, quibus feminae sedent, regant aut agellos provideant. Et quia tales, de quibus haec dicimus, bonos sacerdotes in domibus suis habere non possunt, non curant omnino, quales clerici illi sunt, quanta ignorantia coeci, quantis criminibus involuti; tantum ut habeant presbyteros proprios, quorum occasione deserant ecclesias seniores et officia publica. Quod autem non habeant eos propter religionis honorem, apparet ex hoc, quod non habent eos in honore. Unde et contumeliose eos nominantes, quando volunt eos ordinari presbyteros, rogant nos (епископовъ) aut jubent dicentes: habeo unum clericionem (клиричишка), quem mihi nutrivi de servis meis propriis aut beneficialibus sive pagensibus aut obtinui ab illo vel illo homine sive de illo vel illo pago, — volo ut ordines eum mihi presbyterum (выписка у *Гизелера* въ Kirchengeschichte.—Dritte Periode, Zweiter Theil, cap. III § 7 прим. 12, 4-го изд. 2 B., 1 Abth., S. 56). Въ Грузіи до позднѣйшаго времени домовые священники у помѣщиковъ были изъ ихъ холоповъ, и вотъ что мы читаемъ объ этомъ въ статьѣ: „Упраздненіе двухъ автономій", помѣщенной въ Историческомъ Вѣстникѣ Суворина, въ январской книжкѣ 1885 г., стр. 34: „священникъ (крѣпостной) отбывалъ личныя и поземельныя повинности наравнѣ съ другими крестьянами и при перекочевкѣ господина нерѣдко можно было видѣть его въ числѣ прислуги, нагруженнаго тяжестью господскаго багажа; у всякаго почти помѣщика была домашняя церковь, имѣющая снаружи видъ деревяннаго амбара съ крестикомъ на крышѣ, внутри ея былъ самый незатѣйливый иконостасъ, а книги, утварь, антиминсъ и чаши хранились въ кладовой помѣщика; когда нужно было совершать службу, ключница выносила всѣ вещи въ церковь, звала того изъ слугъ, который былъ священникомъ,—онъ облачался въ ризы и служилъ; по окончаніи же службы все запиралось въ кладовую, а священникъ возвращался къ исполненію своихъ обязанностей; священниковъ, какъ и другихъ своихъ подвластныхъ, продавали помѣщики" (Въ самой Греціи запрещено было ставить въ священники рабовъ или холоповъ, и однако было нѣчто очень близкое къ этому поставленію: въ священники вотчинъ или помѣстій тамъ повелѣвалось ставить изъ числа принадлежавшихъ къ вотчинамъ крестьянъ,—ἐναπόγραφοι, adscriptii, фермеры, жившіе на земляхъ вотчинъ, см. у *Дюканжа* въ Gloss. Latinit. сл. Ascriptitii, и эти священники имѣли оставаться крестьянами вотчинниковъ и послѣ поставленія,—Царскія книги кн. III, тит. I, § XXXII fin.).—Въ Греціи было въ обычаѣ, чтобы вельможи поручали своимъ домовымъ священникамъ управленіе своими имѣніями, вслѣдствіе чего Константинополь былъ наполненъ священниками, искавшими мѣстъ домовыхъ священниковъ у вельможъ (седьмаго всел. соб. пр. 10 и толкованія на него). У насъ, по всей вѣроятности, этого не было.

Не изъ среды высшихъ сословій общества было наше духовенство въ періодъ до-монгольскій; не высока была степень и его просвѣщенія, подобно тому, какъ и во все послѣдующее время старой Руси. Владимиръ, какъ мы говорили выше, имѣлъ желаніе и намѣреніе ввести въ Россіи просвѣщеніе,—не грамотность только, а именно настоящее просвѣщеніе, каково было оно тогда въ Греціи, изъ которой онъ могъ его заимствовать. Но это имѣло быть сдѣлано и неудавшееся начало этому было у насъ положено не посредствомъ основанія казенныхъ училищъ, которыхъ въ Греціи не было, а посредствомъ водворенія у насъ частныхъ учителей, которые бы, какъ это было въ Греціи, частнымъ образомъ вели и поддерживали дѣло образованія, содержа у себя на домахъ частныя училища или какъ бы пансіоны и преподавая науки желающимъ. Этотъ греческій способъ поддержанія просвѣщенія, если бы онъ даже и удался, во всякомъ случаѣ былъ бы не для духовенства, а для боярства, въ которомъ Владимиръ и пытался ввести просвѣщеніе, ибо желавшіе получать послѣднее должны были бы на свои собственныя средства покупать его у частныхъ учителей, сами платя за ученіе (обстоятельнѣе скажемъ въ главѣ о просвѣщеніи).

Не предназначенное быть сословіемъ просвѣщеннымъ, духовенство наше имѣло быть только грамотнымъ. Въ первое время, пока кандидаты во священники были поставляемы правительствомъ, вербуемые посредствомъ особыхъ казенныхъ наборовъ, очевидно, само же правительство должно было заботиться и объ ихъ обученіи грамотѣ. Какъ именно это было дѣлано, положительныхъ и прямыхъ извѣстій у насъ нѣтъ; но съ одной стороны—существуютъ нѣкоторыя указанія, а съ другой стороны, дѣло таково, что само по себѣ ясно, какое предположеніе есть тутъ вѣроятнѣйшее. Кандидаты во священники были набираемы правительствомъ для церкви и для епископовъ; ихъ приготовленіе должно было состоять не только въ обученіи грамотѣ, но и въ наученіи совершать церковныя службы и вообще священствовать: по обѣимъ этимъ причинамъ кому могло быть поручаемо ихъ приготовленіе кромѣ епископовъ? Не знаемъ мы, была ли нужда приготовлять кандидатовъ во священники правительственнымъ образомъ въ Греческой церкви конца X—начала XI вѣка; но такая нужда бывала въ ней въ древнѣйшее время, и ихъ приготовляли именно епископы, у которыхъ для сей цѣли въ числѣ епархіальныхъ чиновниковъ были особые учители [1]). Такимъ образомъ, необходимо предпо-

---

[1]) См. *Zhishman'*а Die Synoden und die Episcopal-Aemter in d. morgenländ. Kirche, S. 149: Διδάσκαλος τῆς ἐκκλησίας, κρατῶν καὶ τὰ σχολία τῆς ἐπισκοπῆς.

лагать, что набиравшіеся правительствомъ кандидаты были вручаемы имъ епископамъ и что при каѳедрахъ сихъ послѣднихъ и подъ ихъ надзоромъ они и были приготовляемы къ священству, т. е. иначе сказать, необходимо предполагать, что, пока продолжался періодъ правительственныхъ наборовъ, при каѳедрахъ епископовъ существовали временныя школы для кандидатовъ во священники, которыхъ отличіе отъ школъ совсѣмъ обыкновенныхъ было то, что учениками были не мальчики, а люди взрослые, ибо таковыми должны быть представляемы кандидаты не только самаго перваго, но и всѣхъ правительственныхъ наборовъ. Что дѣло было дѣйствительно такъ, на это мы имѣемъ, какъ мы сказали, и положительныя указанія. Новгородскій лѣтописецъ пишетъ подъ 1030-мъ г. о смерти перваго Новгородскаго епископа Іоакима: «преставися архіепископъ (читай вмѣсто позднѣйшей поправки: епископъ) Акимъ Новгородскій и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше» [1]). Едва ли можно смотрѣть на эти слова иначе, какъ не такъ, что тутъ говоритъ одинъ изъ бывшихъ кандидатовъ во священники, учившійся и приготовлявшійся къ священству при Новгородской епископской каѳедрѣ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ прекратились правительственные наборы кандидатовъ во священники, должны были прекратить свое существованіе и сейчасъ указанныя школы при епископскихъ каѳедрахъ. Мы не знаемъ, была ли бы у правительства охота содержать эти школы на свой счетъ,—вѣроятнѣе нѣтъ, чѣмъ да; несомнѣнно, что не имѣли бы никакой охоты содержать эти школы на свой счетъ епископы, ибо это значило бы съ ихъ стороны жертвовать значительную часть своихъ доходовъ, въ первое время вовсе не черезчуръ огромныхъ: во всякомъ случаѣ, эти школы не могли бы существовать по той весьма простой причинѣ, что онѣ не имѣли бы учениковъ. Дѣти священниковъ могли выучиваться грамотѣ и научаться совершенію церковныхъ службъ у своихъ отцовъ: съ какой же бы стати отцы ихъ стали отдавать ихъ въ епископскія школы и принимать на себя сопряженныя съ симъ совершенно напрасныя хлопоты? Міряне, желавшіе пойти во священники, имѣли учителей грамотности и священствованія у себя дома или въ тѣхъ же священникахъ или въ явившихся вездѣ спеціальныхъ учителяхъ грамоты, создавшихъ изъ этого учительства частное ремесло, и затѣмъ въ наглядной школѣ своихъ приходскихъ церквей: имѣя полную возможность приготовиться къ свя-

---

[1]) Новгор. лѣт. 2-я, Софійск. 2-я, Никоновск., Тверск..

щенству у себя дома, съ какой стати они имѣли бы охоту поступать въ епископскія школы, т. е. бросать свое крестьянство, отправляться въ епископскій городъ и тамъ выживать то или другое количество лѣтъ? [1]) Такимъ образомъ, послѣ прекращенія правительственныхъ наборовъ, во все послѣдующее время періода до-монгольскаго, какъ потомъ и въ дальнѣйшей старой Руси, кандидаты во священники или вообще въ духовное званіе получали приготовленіе къ своему служенію частнымъ образомъ и въ мѣстахъ своего рожденія и жительства: дѣти священниковъ и вообще духовныхъ—у своихъ отцовъ; міряне, желавшіе пойдти во священники, отчасти у тѣхъ же священниковъ и вообще духовныхъ въ ихъ домовыхъ училищахъ, которыя если не немногіе изъ нихъ, то нѣкоторые, какъ необходимо думать, содержали, отчасти въ таковыхъ же домовыхъ училищахъ мірянъ или такъ-называвшихся впослѣдствіи, а можетъ быть и тогда, мастеровъ.

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ о томъ, на какой степени высоты находилась грамотность между нашими священниками до-монгольскаго періода; но такъ какъ дѣло велось тогда такъ же, какъ послѣ, именно—не состоя ни на чьемъ попеченіи и ни подъ чьимъ надзоромъ и будучи совершенно предоставлено самому себѣ: то необходимо думать, что она находилась, также, какъ и послѣ, на самой крайней степени невысоты и что священники до-мон-

---

[1]) Если бы читателю показались странными наши рѣчи, то пусть онъ припомнитъ, съ какими величайшими усиліями и съ какимъ энергическимъ участіемъ воинскихъ командъ въ продолженіе XVIII вѣка сгоняемы были ученики въ новосозидавшіяся школы настоящаго времени. Сн. въ Собр. законн. т. VIII № 5882.— Когда архіепископъ Новгородскій Геннадій велѣлъ было учить приводившихся къ нему безграмотныхъ ставленниковъ у себя въ домѣ, то они, поучився мало, просились прочь (Акт. Ист., т. I, № 104). При этомъ, вовсе не должно представлять себѣ дѣла такъ, чтобы всѣ, желавшіе поступить въ священники, готовились къ нему съ дѣтства; напротивъ, должно быть представляемо какъ совершенно обыкновенное, что человѣкъ проживалъ мужикомъ лѣтъ до 25—30 и затѣмъ принимался за ученье, чтобы, немного поучившись, идти къ архіерею просить мѣста (Положительныя свидѣтельства относительно сего за вторую половину XVI—начало XVII вѣка Петра Петрея и другихъ см. у *Рушинскаго* въ статьѣ: Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ, помѣщен. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1871 кн. 3, стр. 176). Пусть вообразитъ себѣ читатель, что въ настоящее время вдругъ объявлено, что-де для священства достаточно знанія одной грамоты и что-де желающимъ учиться ей предоставляется на произволъ: учиться въ духовныхъ училищахъ или у себя дома. Что выйдетъ? Выйдетъ то, что училища мгновенно опустѣютъ и принуждены будутъ закрыться и что возобновится старый порядокъ частныхъ училищъ по селамъ.

гольскаго періода въ большинствѣ своемъ были еле-еле грамотны, едва-едва, что̀ называется, брели. Всѣмъ извѣстны отзывы о малограмотности нашихъ священниковъ XV и XVI вѣковъ, сдѣланные архіепископомъ Новгородскимъ Геннадіемъ и Стоглавымъ соборомъ. «Се приведутъ ко мнѣ мужика—пишетъ Геннадій о кандидатахъ во священники—и азъ велю ему апостолъ дати чести,—и онъ не имѣетъ ни ступити, и азъ ему велю псалтырю дати,—и онъ по тому едва бредетъ...; азъ прикажу учити ихъ октеніи,—и онъ ни къ слову не можетъ пристати: ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ» [1]. Въ опредѣленіяхъ Стоглаваго собора читаемъ: «ставленики, хотящіе во дьяконы и въ попы ставитися, грамотѣ мало умѣютъ; и святители истязуютъ ихъ о томъ съ великимъ запрещеніемъ: почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣтъ чинятъ: «мы-де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учитися негдѣ, сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ»; а отцы ихъ и мастеры ихъ и сами по тому жъ мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ» [2]. Члены Стоглаваго собора полагаютъ, что прежде бывало значительно лучше, потому что прежде бывали многія училища [3]; но они ошибаются,—и прежде, восходя до самаго начала, было всегда такъ же, ибо и прежде училищъ никогда не было (за исключеніемъ самаго перваго времени, когда священство создавалось, такъ-сказать, искусственно правительствомъ) и всѣ желавшіе поставиться и попасть во священники также учились или у своихъ отцовъ (священниковъ) или у мастеровъ (частныхъ учителей). Итакъ, еле-еле бредетъ по книгѣ, черезъ каждыя два слова запинаясь,—вотъ несомнѣнный аттестатъ въ учености большинству нашихъ священниковъ до-монгольскаго періода, равно какъ и послѣдующаго стараго времени.

Вмѣстѣ съ большинствомъ, какъ извѣстно, всегда бываетъ меньшинство. Между священниками нашими періода до-монгольскаго оно должно быть предполагаемо двухъ родовъ — высшее и низшее большинства.

Первое меньшинство, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, составляли, если не бо̀льшая, то по крайней мѣрѣ довольно значительная часть священниковъ городскихъ. Между священниками этими не могло быть людей образованныхъ въ теперешнемъ или собствен-

---

[1]) Акт. Ист. т. I, № 104, стр. 147 col. 2.

[2]) Стогл. гл. 25, Казанск. изд. стр. 120.

[3]) ibidd.

номъ смыслѣ этого слова; но есть вся вѣроятность полагать, что довольно значительная часть ихъ были не только грамотными, но и образованными въ тогдашнемъ смыслѣ слова. Тогдашнее наше образованіе состояло послѣ умѣнья грамотѣ въ собственной бóльшей или меньшей начитанности въ тѣхъ учительныхъ книгахъ, которыя существовали въ славянскомъ переводѣ съ греческаго. Священники сельскіе не имѣли никакой возможности быть начитанными, хотя бы иные изъ нихъ того и желали, ибо имъ совсѣмъ не по чемъ было быть начитанными. Книги въ древнее время составляли такую невѣроятную для настоящаго времени драгоцѣнность, что библіотеки сельскихъ приходскихъ церквей не только совсѣмъ не имѣли и вовсе не помышляли о томъ, чтобы имѣть четіи книги, но до послѣдней степени страдали недостаткомъ, а иногда и совершеннымъ отсутствіемъ, и книгъ богослужебныхъ. Въ другомъ положеніи были въ этомъ случаѣ священники городскіе и по преимуществу стольныхъ городовъ удѣльныхъ. Четіи книги, сколько ихъ было, сосредоточены были въ городахъ, въ библіотекахъ людей богатыхъ, къ которымъ эти священники и могли имѣть возможно полный доступъ въ качествѣ приходскихъ священниковъ или пастырей послѣднихъ. Быть въ возможности сдѣлать что-нибудь, конечно, не значитъ непремѣнно и на самомъ дѣлѣ сдѣлать это что-нибудь. Находясь въ возможности быть начитанными, священники городскіе, конечно, могли и не пользоваться ею. Гораздо бóльшая однако вѣроятность думать, что древнее священство наше не представляло изъ себя сплошь поголовной малограмотности, что священники городскіе дѣйствительно пользовались своею возможностію быть начитанными или, что то же, по тогдашнему образованными и что такимъ образомъ то или другое большинство этихъ священниковъ представляли собою по тогдашнему классъ людей образованныхъ. Мы знаемъ изъ періода до-монгольскаго одну исторію, которая служитъ къ косвенному подтвержденію нашихъ словъ, а именно—исторію, изъ которой видно, что городскіе священники этого періода весьма дорожили репутаціей людей учительныхъ и что они весьма недружелюбно относились къ тѣмъ, кто посягалъ на ихъ славу въ семъ отношеніи. Въ Смоленскѣ въ лицѣ преподобнаго Аврамія явился учительный монахъ, къ которому устремились всѣ, искавшіе душеспасительныхъ бесѣдъ, бросая своихъ духовныхъ отцовъ,—и священники Смоленскіе воспылали противъ этого непрошеннаго учителя такою ненавистію, что готовы были «жива его пожрети», устроили противъ него настоящій

бунтъ и успокоились только тогда, когда у него отнято было право учительства [1]).

Второе, совсѣмъ противоположное первому и весьма любопытное, меньшинство составляли изъ себя священники совсѣмъ безграмотные. Мы не знаемъ пока положительныхъ свидѣтельствъ изъ періода до-монгольскаго, что такіе священники тогда были, но мы имѣемъ положительныя письменныя свидѣтельства, что они были въ продолженіе первой половины XVIII в. [2]), мы имѣемъ положительныя устныя и письменныя свидѣтельства отъ живыхъ людей, что ихъ застали какъ исключенія (и по глухимъ мѣстамъ вовсе не малочисленныя) еще наши дѣды [3]), слѣдовательно необходимо думать, что они тѣмъ болѣе были въ періодъ до-монгольскій. Какъ однако человѣкъ, совсѣмъ не знающій грамотѣ, могъ быть священникомъ, которому нужно совершать столько службъ и которому безъ книгъ, а слѣдовательно и безъ умѣнья грамотѣ, повидимому, невозможно обойтись? Этотъ, съ перваго взгляда неразрѣшимый, вопросъ, однако разрѣшается. Искусствомъ сочинять люди начали заниматься задолго до того времени, какъ изобрѣли письменность. Пока не была изобрѣтена эта послѣдняя, все сочиненное сохранялось въ простой памяти. До какой невѣроятной степени простая память могла замѣнять собою письменность или записи, до какой степени она могла вмѣщать въ себѣ цѣлыя книги, когда была въ этомъ нужда, мы и представить себѣ не можемъ, не видя предъ собою примѣровъ. Тѣмъ не менѣе однако это не подлежитъ никакому сомнѣнію и мы имѣемъ на это положительныя свидѣтельства: всѣмъ и каждому извѣстно, что цѣлыя Иліада и Одиссея Гомера, прежде чѣмъ были записаны, сохранялись въ памяти рапсодовъ. Кромѣ свидѣтельствъ мертвыхъ, сказанное нами несомнѣнно подтверждаютъ и свидѣтельства живыя. Сербы и Черногорцы отличались и отличаются особенною страстію къ слаганію народныхъ эпическихъ сказаній на подобіе гомеровскихъ. Ученые въ послѣднее время начали ихъ записывать; но между

---

[1]) Житіе Аврамія напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ, въ 3-й части 1858 г.

[2]) Прибавленій къ Творр. свв. отцевъ ч. XXI, 1862 г., стр. 205 нач., Ист. *Соловьева* т. 16, изд. 2 стр. 375, Біографіи Тверскихъ іерарховъ прот. *К. Чередњева*, Тверь 1859, стр. 117, *Н. Розанова* Исторія Моск. Епарх. Управленія, ч. 2-й кн. 1-я, Москва 1870, стр. 69.

[3]) Письменное свидѣтельство, что въ первой четверти прошлаго столѣтія было весьма немалое количество священниковъ „совершенно безграмотныхъ и заучившихъ церковную службу наизусть“ въ Пензенско-Саратовской епархіи, см. въ январской книжкѣ Русской Старины за 1879 годъ, въ статьѣ „Ириней епископъ Пензенскій“,—отд. VII, стр. 159. См. еще ibid., 1882 г. Августъ, стр. 341.

неучеными людьми онѣ и до сихъ поръ хранятся въ памяти, и память иного присяжнаго сербскаго рапсода вмѣщаетъ и хранитъ ихъ въ себѣ столько, что просто поразительно. Мы сами лично знаемъ людей, и совсѣмъ не особенно замѣчательныхъ въ своемъ родѣ, которые знаютъ на память такія длинныя эпическія повѣсти, для довольно скораго «сказа» которыхъ требуется не менѣе двухъ часовъ, и весь запасъ памяти которыхъ до такой степени великъ, что для непрерывной рѣчи нужна по крайней мѣрѣ цѣлая недѣля, если не болѣе. Итакъ, вотъ разрѣшеніе повидимому неразрѣшимаго вопроса: люди безграмотные ухитрялись достигать того, чтобы грамотность замѣнять памятью. Сынъ священника или сынъ міряшна, желавшій поступить во-священники, прилежно ходилъ въ церковь, усердно и напряженно заучивалъ за священникомъ и за дьячкомъ все читаемое и поемое и наконецъ достигалъ того, что въ состояніи былъ стать священникомъ, такъ-сказать, изустнымъ, или же и у самихъ учителей грамоты, у такъ называемыхъ мастеровъ, бывало такъ, что иные ученики, готовившіеся во священники, предпочитали не учиться умѣнью чтенія, а заучивать церковныя службы наизусть [1]). Само собою разумѣется, что заучивались не всѣ церковныя книги отъ доски до доски и со включеніемъ мѣсячныхъ миней, что́, конечно, совершенно невозможно; но заучивалось то, что считалось неизбѣжно необходимымъ. Само собою разумѣется, что такіе священники «наизусть» далеко были не безъ изъяновъ, но все-таки они были священники... [2]) Предполагать, чтобы въ до-монгольское время богослуженіе по всѣмъ приходскимъ церквамъ совершалось такъ же полно, какъ въ настоящее время, было бы очень наивно. Въ настоящее время каждая приходская церковь снабжена полнымъ кругомъ богослужебныхъ книгъ, но въ то время это было, какъ уже мы неоднократно давали знать, весьма далеко не такъ. Слѣдовательно, и священники, умѣющіе грамотѣ, за отсутствіемъ книгъ, по необходимости совершали церковныя службы только весьма сокращенно. А слѣдовательно, и священники безграмотные, кратко служившіе по другой причинѣ, вовсе не представляли собой чего-нибудь черезъ-чуръ страннаго и необычнаго. Невольно рождается вопросъ: что̀ могла быть за причина, что люди предпочитали такой страшный трудъ, какъ заучиваніе наи-

---

[1]) Cfr архіепископа Геннадія въ Акт. Истор. т. I, № 104, стр. 148.

[2]) Въ сейчасъ выше указанной статьѣ: „Ириней епископъ Пензенскій" сообщается, что нѣкоторые изъ безграмотныхъ священниковъ знали только по одному евангелію, которое и читали постоянно на утреняхъ и литургіяхъ и на всякихъ службахъ, что произносимыхъ въ слухъ молитвъ они знали только начала.

зусть, такому простому дѣлу, какъ выучиться читать? Въ виду несомнѣнности факта остается отвѣчать, что первое находили болѣе легкимъ, чѣмъ послѣднее, что пріобрѣтеніе искусства чтенія считалось дѣломъ величайшаго труда, который многіе находили для себя непосильнымъ [1].

Мы, разумѣется, вовсе не знаемъ, какъ былъ великъ процентъ священниковъ вовсе безграмотныхъ въ періодъ до-монгольскій. Но было обстоятельство, на которое мы намекнули сейчасъ выше и на основаніи котораго необходимо заключать, что процентъ священниковъ, которые, бывъ неграмотными или грамотными, находились вынужденными совершать службы наизусть, былъ весьма не малъ. Въ до-монгольскій періодъ книги составляли такую трудно пріобрѣтаемую рѣдкость, что не только нельзя предполагать, чтобы всѣ приходскія церкви были снабжены богослужебными книгами въ достаточномъ количествѣ, но, напротивъ, необходимо предполагать, что такихъ церквей, за исключеніемъ епископій, было чрезвычайно мало, если только не совсѣмъ не было,—что большая часть церквей были снабжены ими болѣе или менѣе недостаточно и что наконецъ нѣкоторыя, если не многія, церкви не были снабжены ими никакимъ образомъ, т. е. совсѣмъ ихъ не имѣли. Въ церквахъ весьма недостаточно снабженныхъ книгами и въ церквахъ вовсе ими не снабженныхъ,—въ совокупности тѣхъ и другихъ было, несомнѣнно, весьма немало,—священники и грамотные по необходимости должны были служить наизусть—въ однихъ большую часть службъ, въ другихъ же рѣшительно все. Церковь совершенно безъ книгъ, священникъ и дьячки, совершающіе церковныя службы совсѣмъ наизусть,—это, повидимому, необыкновенно удивительно; но давно извѣстно, что не всѣ тѣ вещи суть чудеса, которыя мы расположены принимать за таковыя [2]...

---

[1]) При старомъ способѣ обученія грамотѣ искусству читать можно было выучиться весьма не скоро, — зимы въ двѣ, въ три, не ранѣе. Между тѣмъ не невѣроятно предполагать, что у мастеровъ существовали такія сокращенія церковныхъ службъ, которыя выучивать наизусть можно было гораздо скорѣе. При этомъ, могло представляться, что учить церковныя службы наизусть и вмѣстѣ съ тѣмъ учиться ихъ совершенію, гораздо ближе къ дѣлу.

[2]) Каждый изъ насъ слыхалъ въ дѣтствѣ и не въ дѣтствѣ забавные и повидимому невѣроятные анекдоты о совершеніи церковныхъ службъ священниками малограмотными и безграмотными и къ какимъ они прибѣгали способамъ, чтобы скрыть отъ прихожанъ свое невѣжество. Всѣ эти анекдоты основываются на дѣйствительной дѣйствительности стараго времени. Что было у насъ съ совершеніемъ церковныхъ службъ даже въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., пусть читатель смотритъ сочиненіе *Посошкова* Книга о скудости и богатствѣ, гл. I о духовности.

Въ настоящее время архіереи наши управляютъ своими епархіями такъ-сказать письменно и бумажно, посредствомъ указовъ. Но въ древнее время этотъ способъ управленія былъ неудобопримѣнимъ: невозможно было имѣть нынѣшнихъ канцелярій, ибо негдѣ было взять писцовъ; невозможно было писать въ сотняхъ и тысячахъ экземпляровъ указы, ибо писать ихъ на пергаментѣ было бы крайне дорого и при тогдашнемъ способѣ писанія нужно было бы имѣть канцеляріи въ 10 разъ болѣе многочисленныя, чѣмъ нынѣшнія. Такимъ образомъ, въ древнее время долженъ былъ преобладать и господствовать способъ управленія изустный, посредствомъ устной передачи приказовъ. При обширности епархій и этотъ изустный способъ управленія представлялъ немалыя трудности. Но ему помогалъ тотъ, какъ мы говорили выше, существовавшій въ древней Руси обычай, чтобы священники епархій ежегодно собирались къ своимъ архіереямъ на епархіальные соборы или сборы. Опредѣленнымъ временемъ этихъ сборовъ была недѣля православія или первое воскресенье великаго поста, которое и получило отъ нихъ названіе сборнаго [1]). Обычай былъ заимствованъ, какъ необходимо думать, отъ церкви Греческой, въ которой, вѣроятно, было принято, чтобы торжество православія архіереи совершали вмѣстѣ со всѣми священниками своихъ епархій [2]). Едва ли можно думать, чтобы у насъ собирались всѣ священники каждой епархіи, ибо по той же обширности послѣднихъ у насъ было бы это невозможно; вѣроятнѣе, что они собирались въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ поочередно. Но во всякомъ случаѣ чрезъ то или другое количество являвшихся священниковъ архіереи и могли разсылать изустно свои приказанія и указы по епархіямъ. Къ величайшему сожалѣнію, мы пока вовсе не имѣемъ сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній объ

Какъ церкви скудно снабжены были у насъ богослужебными книгами (и иногда совсѣмъ не имѣли ихъ) даже въ періодъ Московскій, когда книги значительно подешевѣли и стали значительно болѣе доступными для пріобрѣтенія чѣмъ прежде, увидимъ ниже (А какъ священники и грамотные и въ весьма позднѣйшее время служили обѣдни безъ служебника наизусть, ограничиваясь одними только возгласами, см. Дневныя записки св. Димитрія Ростовск. въ Вивліоѳ. XVII, 102).

[1]) Новгор. 1 лѣт. подъ 1178 и 1230 гг.: „по чистѣи недѣли на Сборъ“.

[2]) Предположеніе подтверждаетъ Константинъ Порфирогенитъ, который говоритъ, что въ недѣлю православія служатъ съ патріархомъ въ Влахернской церкви μητροπολῖται, ἀρχιεπίσκοποι καὶ ἐπίσκοποι, ὅσοι δ’ἂν τύχωσιν ὄντες τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐν τῇ πόλει, ὁμοίως καὶ κληρικοὶ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας καὶ οἱ τῶν ἔξω ἐκκλησιῶν καὶ ὅσοι δ’ ἂν ἐν πᾶσι τοῖς μοναστήριοις τὸν μονήρη βίον ἀσκοῦσιν ἐν ταύτῃ τῇ θεοφιλάκτῳ πόλει, De ceremonn. Lib. 1, cap. 28 нач., у *Миня* p. 396 нач.

этихъ ежегодныхъ сборахъ священниковъ къ архіереямъ. Очень можетъ быть, что иные архіереи, не довольствуясь только тѣмъ, что являвшіеся священники сослужили имъ на торжествѣ православія, оставляли ихъ у себя на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы составлять съ ними настоящіе соборы для разсужденій обо всякаго рода текущихъ дѣлахъ и нуждахъ и что такимъ образомъ сборы эти въ древнее время играли въ церковной администраціи болѣе или менѣе важную роль [1]).

Священники не только суть священники или чиновники церковные, но, какъ всѣ чиновники, вмѣстѣ и граждане государства. Вслѣдствіе этого они подлежатъ двоякой подсудности—церковной и государственной. Какъ въ Греціи юрисдикція епископовъ простирались на священниковъ и вообще всѣхъ духовныхъ или клириковъ не только какъ на чиновниковъ церковныхъ, но и какъ на гражданъ: такъ это было и у насъ. У Грековъ въ минуту принятія нами отъ нихъ христіанства и въ дальнѣйшее время нашего періода домонгольскаго священники въ качествѣ гражданъ подлежали суду епископовъ во всѣхъ преступленіяхъ уголовныхъ и во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ; но съ тѣмъ ограниченіемъ въ первомъ случаѣ, что если преступленіе было очень тяжкое, требовавшее настоящей казни, то виновный, по изверженіи изъ сана, предавался для положенной закономъ казни гражданскимъ судьямъ (такъ какъ налагать на кого бы то ни было казни было

[1]) Въ записи о преставленіи Тверскаго епископа Арсенія, помѣщенной въ 4-й Новгородской лѣтописи, подъ 1409 г.—Собр. лѣтт. IV, 111, читаемъ о нашихъ сборахъ случайную замѣтку: „приспѣвшу сбору всегодищному, многолѣтствовахомъ пастырю и учителю своему въ недѣлю сборную; въ понедѣльникъ же ученіе слышахомъ изъ устъ его и нѣкая исправленія отъ законныхъ дѣлъ; послѣ же (даде) всѣмъ благословеніе и прощеніе и отъидохомъ въ свояси“. Образцы поученій, которыя должны были говорить епископы соборамъ священниковъ,—въ Памятнн. *Павлов.* №№ 8 и (вѣроятно) 134, I. Въ позднѣйшихъ западно-русскихъ Кормчихъ надъ этими образцовыми поученіями читается надписаніе: „Въ понедѣлокъ второе недѣли поста на собраніе священническое науки исправленій духовныхъ... и поученіе мое имя рекъ архіепископа... къ вамъ... всему священническому чину“ (у *Павл.* ibid. col. 111, легенда). Въ древнемъ святительскомъ поученіи новопоставленному священнику читается: „на сборъ приходи на исправленіе церковьныхъ вещій, на пріятье истиньнаго разума...,—у *Павлов.* ibid. col. 108.—О нашихъ соборахъ на католическомъ Западѣ, имѣвшихъ мѣсто также въ великомъ постѣ, см. у *Альцога* въ Kirchengeschichte, § 195, 8 Aufl. I B., S. 504.—Не давно найдено поученіе архіепископа Новгородскаго Иліи, предложенное имъ священникамъ своей епархіи въ первое сборное воскресеніе по занятіи имъ каѳедры. См. о поученіи ниже, въ приложеніяхъ къ этой главѣ.

не дѣло епископовъ), и съ тѣмъ ограниченіемъ въ обоихъ случаяхъ, что если изъ двоихъ судившихся одинъ былъ міряниномъ и если онъ составлялъ сторону обвиняемую, то нужно было обращаться къ гражданскому судьѣ, сообразно общему положенію греко-римскаго законодательства, что ἐνάγων δεῖ ἀκολουθεῖν τῷ φόρῳ ἐναγομένου (actor forum rei sequitur, ищея обращается къ судьѣ отвѣтчика) [1]. У насъ было то же самое, что у Грековъ [2]), съ тѣмъ только отличіемъ относительно втораго указаннаго ограниченія, что въ семъ случаѣ у насъ полагался судъ общій или смѣсный, т. е. судили вмѣстѣ оба судіи—церковный и княжескій, при чемъ присуждалъ наказаніе и получалъ судебные штрафы и пошлины судья обвиненнаго [3]). Въ позднѣйшее время наши духовные (преимущественно монахи) весьма старались о томъ, чтобы въ качествѣ гражданъ освобождаться отъ суда своихъ епископовъ и испрашивать привиллегію подсудности самимъ государямъ: можетъ быть что это началось уже въ періодъ домонгольскій [4]).

Во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ духовенство составляетъ сословіе болѣе или менѣе привиллегированное въ отношеніи къ государственнымъ податямъ и повинностямъ. Такъ это было въ Греціи, такъ это было и у насъ. Въ имперіи греческой время, соотвѣтствующее нашему періоду домонгольскому, относительно нашихъ привиллегій, раздѣляется на двѣ половины: на половину до импер. Мануила Комнина (1143—1180), и на половину послѣ сего императора. До Ма-

[1]) У *Ралли* и *П.* I, 165, III, 331 sqq, IV, 536, V, 228 (что епископы не присуждаютъ къ казнямъ—I, 191).

[2]) Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ въ грамотѣ Смоленской епископіи: „ажъ церковный человѣкъ дойдетъ до чего, то своему епископу".—Дополн. къ Акт. Ист. т. I, стр. 7, col. 1.

[3]) По свидѣтельству актовъ не періода домонгольскаго, а уже послѣдующаго времени (и у Грековъ импер. Алексѣй Комнинъ въ одной своей новеллѣ предписываетъ совершенно такой же смѣсный судъ, какой былъ у насъ,—у *Ралли* и *П.* V, 281. Еще онъ постановилъ было, чтобы въ случаѣ суда между клирикомъ и міряниномъ, тяжущіеся обращались къ суду самого императора, но потомъ отмѣнилъ,—ibid. I, 166 нач.).—Относительно перваго указаннаго ограниченія между нами и Греками было то различіе, что за бо́льшую часть преступленій у насъ полагались денежные штрафы (которые всѣ должны были взимать епископы) и только за весьма немногія, самыя тяжкія преступленія полагалась настоящая казнь: (иначе сказать, что случаи преданія епископами духовныхъ суду гражданскому у насъ долженствовали быть гораздо рѣже).

[4]) По свидѣтельству Вальсамона, и у греческихъ духовныхъ было весьма большое стремленіе обращаться въ качествѣ гражданъ къ судамъ мірскимъ, — у *Ралли* и *П.* III, 335 fin.

нуила Комнина греческое духовенство было свободно: отъ личныхъ повинностей (προσωπικαὶ λειτουργίαι,—городскія и вообще земскія службы по выборамъ или очереди), отъ натуральныхъ повинностей (починки мостовъ, дорогъ и пр., которыя называются грязными повинностями,—ῥυπαραὶ λειτουργίαι), отъ домовой или подомной подати (μιτάτον), отъ экстраординарныхъ податей (ἔξω ὡρισμένα τελέσματα,—за право торговли и еще не знаемъ за что), отъ новыхъ налоговъ (καιναὶ συντέλειαι); не было свободно: отъ поголовной подати (κεφαλίτιων, иначе κεφάλαιον, ἐπικεφάλαιον, κεφαλικὸς φόρος, capitatio), отъ поземельной подати (ζευγολόγιον), отъ постойной повинности (δοχή), отъ денежной повинности (сборовъ на военный флотъ,—ἀπόδοσις πλωίμων, и, можетъ быть, еще на что нибудь [1]). Импер. Мануилъ Комнинъ своими двумя новеллами, изъ коихъ одна 1144-го года, а другая—неизвѣстнаго позднѣйшаго, освободилъ духовенство отъ поземельной подати, отъ постойной и денежной повинностей и вообще отъ всякихъ податей и повинностей, за исключеніемъ поголовной подати [2]). Какъ было у насъ въ періодъ домонгольскій, положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Но со всею вѣроятностію надлежитъ думать, что у насъ съ самаго перваго времени духовенство было освобождено отъ всякихъ государственныхъ податей и повинностей, такъ что съ самаго перваго времени стало сословіемъ какъ бы внѣгосударственнымъ («обѣлённымъ») въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Ханы монгольскіе въ своихъ ярлыкахъ освобождаютъ наше духовенство отъ всякихъ податей и повинностей; но едва ли можно думать, чтобы ханы захотѣли сами отъ себя даровать духовенству бо́льшія привиллегіи, нежели какія оно имѣло прежде. Если бы духовенство наше не было освобождено отъ какихъ либо податей и повинностей, то, конечно, оно искало бы освободиться отъ нихъ и до насъ должны были бы сохраниться памятники сего исканія: а между тѣмъ такихъ памятниковъ мы вовсе не знаемъ. (Имѣемъ позднѣйшія свидѣтельства, что не признавалась свобода ду-

---

[1]) Царскія книги, кн. III, тит. III, §§ 2—6, и извлеченіе изъ новеллъ Мануила Комнина, о которомъ сейчасъ ниже.

[2]) Извлеченіе изъ новеллъ Мануила Комнина de immunitate clericorum, которыя неизвѣстны въ подлинномъ видѣ,—у *Ралли* и *П.* II, 570, и у *Цахаріе* въ Jus Graeco-Romanum, III, 432; о годѣ первой новеллы—у послѣдняго. Въ новеллахъ различаются δημοσιακοὶ ἱερεῖς,—общественные или приходскіе священники, и προσωπικοὶ ἱερεῖς,—личные священники, находившіеся въ имѣніяхъ церковныхъ и монастырскихъ. Послѣдніе какъ будто освобождены были Мануиломъ Комниномъ отъ всѣхъ безъ исключенія податей и повинностей.

ховенства отъ постойной повинности; но не признавалась не по закону, а по злоупотребленію, и не правительствомъ, а его частными чиновниками. За тѣмъ, въ позднѣйшее время, начиная съ XVI вѣка, духовенство начало быть привлекаемо къ участію въ денежныхъ сборахъ для общественныхъ нуждъ; но это было нововведеніе, каковымъ именно оно и представляется въ извѣстіяхъ).

Въ Греціи приходское духовенство было тяглымъ по отношенію къ епископамъ, именно—платило имъ извѣстныя ежегодныя подати. Таковымъ стало оно и у насъ въ Россіи,—объ этомъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить о средствахъ содержанія епископовъ.

Ипатская лѣтопись въ одномъ мѣстѣ, именно подъ 1187-мъ годомъ, при описаніи смерти Галичскаго князя Ярослава Осмомысла Владиміровича называетъ церковные «зборы вся» (которые созвалъ князь для прощальной бесѣды) [1]. Что разумѣть подъ этими многими зборами или соборами? Впослѣдствіи мы увидимъ, что нѣкоторые города (Новгородъ, Псковъ и Москва) имѣли помногу соборовъ (Новгородъ и Москва по семи, Псковъ—пять), что каждый соборъ имѣлъ своего соборскаго поповскаго старосту (въ Новгородѣ и Псковѣ) или своего протопопа (въ Москвѣ) и что духовенство городовъ и принадлежавшихъ имъ уѣздовъ было раздѣлено между этими соборами, составляя при каждомъ изъ нихъ какъ бы особую корпорацію или свое особое цѣлое. Эти позднѣйшіе соборы по своему происхожденію имѣли значеніе не административное, а богослужебное, именно—значеніе церквей, въ которыхъ должно совершаться ежедневное богослуженіе всѣмъ составомъ (поочередно) причисленныхъ къ нимъ священниковъ (о чемъ скажемъ ниже). Но относительно древнихъ сборовъ или соборовъ представляется намъ не невѣроятнымъ сдѣлать другое предположеніе. Выше мы говорили, что памятники юго-западной Руси XVI вѣка представляютъ дѣло о священникахъ, составлявшихъ архіерейскіе клиросы, такимъ образомъ, что, съ одной стороны, они принадлежали къ каѳедральнымъ архіерейскимъ соборамъ, а съ другой стороны—были настоятелями приходскихъ церквей. Если предположить, что такъ было и въ періодъ до-монгольскій, то можно будетъ думать, что священники раздѣлены были на соборы по тѣмъ приходскимъ церквамъ, которыми завѣдывали члены клироса, и что, составляя при сихъ цер-

[1]) 2 изд. стр. 442. Точно также позднѣйшая лѣтопись (такъ названная) Тверская подъ 1159 г. говоритъ, что одинъ князь „посла въ Кіевъ къ святѣй Софіи и по всѣмъ соборамъ, да творятъ стояніе всенощное въ церквахъ“ (Полн. собр. лѣтт. т. 15, стр. 228 fin).

квахъ таковые особые соборы или подраздѣленныя цѣлыя, они находились подъ частнѣйшею властію и подъ частнѣйшимъ надзоромъ ихъ настоятелей, которые по отношенію къ нимъ были ихъ непосредственными начальниками и какъ бы ихъ благочинными.

Отъ священниковъ обращаемся къ приходамъ или приходскимъ церквамъ.

Самые первые приходы были учреждены правительствомъ. Крестя извѣстное мѣсто или извѣстную мѣстность, правительство ставило извѣстное количество церквей и къ нимъ опредѣляло священниковъ. Но эти первые приходы, какъ само собою разумѣется, были чрезвычайно велики [1]) и каждый изъ нихъ съ теченіемъ времени долженъ былъ раздѣлиться на бо́льшее или меньшее количество новыхъ приходовъ. Положительныхъ свѣдѣній относительно возникновенія этихъ такъ-сказать вторичныхъ приходовъ мы не имѣемъ никакихъ. Само собою должно подразумѣвать, что пока крещенные оставались христіанами лишь по имени, они нисколько не заботились объ устроеніи приходовъ и что заботы эти начались только съ тѣхъ поръ, какъ изъ христіанъ по имени они начали превращаться въ христіанъ дѣйствительныхъ. Что касается до дальнѣйшаго времени, когда это послѣднее совсѣмъ случилось и когда дѣло съ приходами пришло такъ-сказать въ свою норму, то объ ихъ количествѣ у насъ въ періодъ до-монгольскій должно думать то же самое, что и о количествѣ священниковъ, т. е. что ихъ было никакъ не болѣе должнаго мало, а развѣ болѣе должнаго много, никакъ не недостатокъ, а развѣ излишекъ и избытокъ. Въ древнее время не было никакихъ штатовъ для приходовъ и никакихъ формальностей, которыя бы затрудняли ихъ открытіе, а епископы, которымъ принадлежало право дозволять это открытіе или которые по крайней мѣрѣ обладали возможностію не дозволять его [2]), какъ мы сказали выше, не только не имѣли никакихъ побуж-

---

[1]) Крестя городъ, правительство раздѣляло его на нѣсколько участковъ и въ каждомъ ставило церковь; крестя уѣздъ, тоже раздѣляло его на нѣсколько участковъ или становъ и въ каждомъ ставило церковь: такъ должно представлять дѣло. Относительно обширности уѣздныхъ изъ этихъ первыхъ приходовъ должно думать приблизительно то же, что въ настоящее время видимъ въ Сибири.

[2]) Какъ было дѣло съ открытіемъ приходовъ, мы не знаемъ: можетъ быть предварительно испрашивалось разрѣшеніе у епископовъ, а можетъ быть и нѣтъ, такъ что у нихъ были только просимы антиминсы въ церкви уже построенныя (не давая антиминсовъ епископы и могли бы препятствовать открытію новыхъ приходовъ).

денiй препятствовать размноженiю приходовъ, а напротивъ имѣли личный интересъ въ томъ, чтобы поощрять послѣднее. Построить деревянную церковь, каковы были церкви до-монгольскаго перiода, и при томъ—деревянную церковь какихъ угодно малыхъ размѣровъ и снабженную принадлежностями такъ, что онѣ, за исключенiемъ двухъ-трехъ иконъ, могли быть изготовлены въ деревнѣ и собственными средствами, о чемъ обстоятельнѣе скажемъ ниже, ничего не стоило, а прiискиванiе священниковъ не только было весьма легко, какъ видно изъ сказаннаго выше, но они даже сами могли содѣйствовать размноженiю приходовъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Приходы устроялись и церкви строились обществами и отдѣльными людьми, и именно обществами: въ городахъ — концами, слободами, улицами, полуулицами и вообще бо́льшими или меньшими сосѣдствами и околотками, въ деревняхъ—разныхъ размѣровъ округами, волостями и волостками; частными людьми: 1) собственниками-землевладѣльцами въ ихъ имѣнiяхъ (включая въ то число и князей, какъ частныхъ собственниковъ), 2) не собственниками, но по тѣмъ или другимъ побужденiямъ хотѣвшими строить церкви для общинъ (сельскихъ и городскихъ), которыя не имѣли ихъ и которыя изъявляли желанiе ихъ имѣть.

Приходскiя церкви, построенныя общинами или составлявшiя «мiрское строенiе», конечно, съ самаго перваго времени были тою же общинною собственностiю, что̀ и въ настоящее время, ибо быть чѣмъ-нибудь инымъ не могли. Общины, конечно, съ древняго времени завѣдывали ими такъ же, какъ и теперь, т. е. чрезъ выборныхъ людей или церковныхъ старостъ. Въ позднѣйшее время старостъ приставляли не по одному, а по нѣскольку и по крайней мѣрѣ по два. Весьма вѣроятно, что такъ было съ самаго древняго времени [1]) и что цѣлiю сего было устроить нѣкоторый контроль надъ расходованiемъ церковныхъ денегъ (само собою подразумѣвается, что въ древнее время не велось нынѣшнихъ приходо-расходныхъ книгъ, хотя впрочемъ нѣкоторыя записи на «доскахъ», отмѣтки на биркахъ или посредствомъ бирокъ [2], можетъ быть, и были) [3].

---

[1]) Многiе старосты церкви Ивана Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ (по мнимой, хотя и древней) грамотѣ Всеволода (Русскк. Достопамм. I, 77 sqq) не составляютъ свидѣтельства, ибо положенiе и завѣдыванiе этой церкви были исключительныя.

[2]) Бирка изъ нѣмецк. Birke—береза, ибо и до настоящаго времени для бирокъ употреблются березовыя палочки (Руссы-Норманны).

[3]) Впрочемъ, и церкви, построенныя общинами, какъ ихъ ктиторiи (см. сей-

Совсѣмъ иное, чѣмъ о церквахъ, построенныхъ самими общинами, и довольно неожиданное должно думать о тѣхъ приходскихъ церквахъ, которыя были строены для общинъ частными людями. Въ Греціи частные люди, строившіе общественныя церкви приходскія или неприходскія (ибо бывали общественныя церкви и неприходскія или безприходныя), и въ своихъ ли имѣніяхъ или гдѣ бы то ни было, становились ихъ наслѣдственными такъ-называемыми ктиторами или получали на нихъ наслѣдственное такъ-называемое ктиторское право (κτίτορες, κτιτορικὸν δίκαιον), то же что на западѣ патроны и патронатъ [1]). Это право состояло, во-первыхъ, въ томъ, что ктиторы безотчетно и единолично, на правахъ частной собственности, распоряжались доходами церквей; во-вторыхъ, что они поставляли къ нимъ священниковъ и причетниковъ (на Западѣ jus praesentandi, въ позднѣйшей западной Руси—право «поданья», т. е. право указывать, назначать кандидатовъ во священники). По закону, человѣкъ, желавшій построить общественную церковь и пріобрѣсти на нее себѣ и своимъ потомкамъ право ктиторства, долженъ былъ обезпечить содержаніе ея самой и священническаго при ней причта прикладомъ къ ней движимаго или недвижимаго имѣнія, которое бы давало соотвѣтствующій доходъ [2]). На самомъ дѣлѣ это далеко не всегда дѣлалось [3]); но если дѣлалось, то имѣніе, разъ приложенное къ церкви и ставшее ея собственностію, не могло быть снова взято у ней ни самимъ ктиторомъ, ни его потом-

---

часъ ниже), если не всегда въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ идеѣ имѣли то существенное отличіе отъ нынѣшнихъ, что составляли дѣйствительную полную собственность общинъ, причемъ священники были не болѣе, какъ наемниками послѣднихъ, не имѣвшими никакого права мѣшаться въ хозяйство церквей (Извѣстная намъ частная область русская, въ которой было такъ и въ дѣйствительности, есть область Псковская; обстоятельно скажемъ во 2-мъ томѣ, а пока см. напр. въ Акт. Ист. т. V, № 122, и въ Описаніи документовъ и дѣлъ св. Сгнода т. I, прилож. № XXXIII). Мы сказали выше, что прихожане сами должны были находить себѣ священниковъ. Но въ дѣйствительности это составляло не только ихъ обязанность, но и ихъ право (какъ и частныхъ ктиторовъ).

[1]) Κτίτωρ значитъ здатель, строитель; но такъ назывались не только дѣйствительные строители церквей, но и ихъ потомки и вообще наслѣдники и преемники, владѣвшіе церквами, ими построенными. Въ ектеніѣ: „еще молимся о блаженныхъ и приснопамятныхъ создателяхъ святаго храма сего" разумѣются именно ктиторы: Ἔτι δεόμεθα ὑπὲρ τῶν μακαρίων καὶ ἀειμνήστων κτιτόρων τοῦ ἁγίου οἴκου τούτου.

[2]) Новелла Юстиніана 67, гл. 2, о наслѣдственности новелла 123, гл. 18.

[3]) Сравни 7-го всел. соб. пр. 17.

ками, ни вообще кѣмъ бы то ни было [1]). Такимъ образомъ, ктиторы, если они снабжали церкви имуществами, переставали быть собственниками этихъ послѣднихъ; но они и ихъ потомки оставались полными собственниками доходовъ церквей какъ отъ приложенныхъ имѣній, такъ и отъ всего, что приходило въ церкви помимо ихъ, т. е. ктиторы были собственниками церквей какъ бы на правахъ вѣчной аренды, имѣя право на доходы, но не имѣя права на имущество. Относительно поставленія священниковъ и причетниковъ ктиторы ограничены были въ своемъ правѣ тѣмъ, что должны были представлять кандидатовъ достойныхъ и что епископы обязаны были посвящать только таковыхъ, имѣя въ противномъ случаѣ власть замѣщать мѣста по собственному избранію [2]). Ктиторы не обязаны были предоставлять священникамъ всего дохода, который доставляла служба при церкви, но имѣли право входить съ ними въ частное и произвольное соглашеніе на счетъ платы за службу, такъ что священники служили при ктиторскихъ церквахъ по частному найму ктиторовъ, получая отъ нихъ условленную ругу (ῥόγα) или находясь у нихъ на ругѣ, на жалованьѣ [3]). Если ктиторъ былъ человѣкъ богатый и благочестивый, то, конечно, не только весь доходъ, получавшійся церковію, употреблялъ на нее саму и на служащихъ при ней священниковъ, но и прилагалъ изъ собственныхъ средствъ, если то требовалось; но иначе было дѣло, если онъ былъ человѣкъ бѣдный, принужденный, напримѣръ, построить церковь въ своемъ небольшомъ имѣніи или же если потомки богатаго человѣка бѣднѣли. Въ этомъ случаѣ церковь, принадлежавшая кому-нибудь по праву ктиторскому или составлявшая ктиторію, становилась для ея владѣльца какъ бы имѣніемъ, изъ котораго извлекались доходы: нѣкоторая часть того, что она доставляла, употреблялась на нее саму; нѣкоторая часть на наемъ священника или священниковъ, а все остальное обращалось ктиторомъ въ собственную пользу. Съ теченіемъ времени число подобныхъ ктиторій стало болѣе или менѣе велико, и, такимъ обра-

---

[1]) Собора двукратн. пр. 1, cfr схолію къ 1 гл. 2 тит. Номоканона Фотіева,—у *Ралли* и *П.* I, 91 fin., и въ Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича* II, 323 sub fin., что впрочемъ, какъ видно изъ указаннаго правила и изъ другихъ свидѣтельствъ (напр. Acta Patriarchat. I, 77), не всегда было такъ.

[2]) Новелла Юстиніана 123, гл. 18, Вальсамонъ у *Ралли* и *П.* II, 651, — и, какъ подразумѣвается изъ сказаннаго, имѣя право смѣщать священниковъ, которые бы оказались недостойными послѣ посвященія, Вальсам. ibidd., Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича* I, 569.

[3]) Acta Patriarchat. I, 569, II, 393 нач. и 496 нач.

зомъ, явился цѣлый классъ общественныхъ, приходскихъ и неприходскихъ церквей, которыми (собственно доходами съ которыхъ) владѣли частные люди на правахъ собственности и для которыхъ эти церкви составляли какъ бы имѣнія (вѣчныя аренды). Вошло въ обычай передавать ктиторское право не только посредствомъ наслѣдства [1]), но и посредствомъ продажи, такъ что и въ отношеніи къ формѣ перехода помянутыя церкви приравнялись къ частнымъ имѣніямъ.

Такое приравненіе ктиторскихъ церквей къ частнымъ имѣніямъ сдѣлало то, что ихъ начали строить съ прямою цѣлію создавать изъ нихъ имѣнія. Бѣдный предпріимчивый человѣкъ находилъ часть города или деревню, которыя не имѣли своей церкви и желали бы имѣть ее, или вообще мѣсто, которое бы обѣщало доходы, собиралъ деньги на богоугодное дѣло — сооруженіе храма, строилъ на собранныя деньги церковь и, такимъ образомъ, становился собственникомъ своеобразнаго имѣнія. Это дѣлали міряне, но не было никакихъ препятствій дѣлать этого и священникамъ: и они дѣйствительно дѣлали это и, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, предпочтительно предъ мірянами [2]).

Если ктиторы вымирали или почему-либо оставляли свои ктиторіи, то церкви не становились общинною собственностію населеній тѣхъ мѣстъ, гдѣ находились, но, продолжая оставаться ктиторіями, поступали въ собственность епископій, которыя были наслѣдницами послѣ первыхъ ктиторовъ и преемницами во владѣніи послѣ вторыхъ. Епископіи поступали съ доставшимися имъ ктиторіями такъ, что или продавали и дарили ихъ въ вѣчное владѣніе или отдавали за деньги и безмездно во временное пользованіе [3]) (во временное безмездное пользованіе ктиторіи отдавались преимущественно епископскимъ чи-

---

[1]) Ктиторское право было наслѣдственно по крайней мѣрѣ со временъ Юстиніана, — новелла 123, гл. 18; относительно позднѣйшаго времени см. Acta Patriarchat. I, 138, 179, 231; II, 391 fin., 404, 405, 455 fin.. О продажѣ у *Ралли* и *П.* I, 91 fin., Acta Patriarch. I, 392; II, 322, 392. Ктиторское право оставлялось въ наслѣдство, отдавалось въ приданое и продавалось не только все въ однѣ руки, но и по частямъ, см. предъидущія цитаты въ Acta Patriarchat. и еще II, 392 нач., 445 и 468.

[2]) 7-го всел. соб. пр. 17. Соборъ не говоритъ прямо, съ какою цѣлію не имѣвшіе средствъ міряне и клирики предпринимали строить церкви, но цѣль эта ясна изъ того значенія, которое могли имѣть для бѣдныхъ людей построенныя ими церкви. Совершенно ясное свидѣтельство, что священникъ построилъ церковь, чтобы создать себѣ изъ нея имѣніе,—въ Acta Patriarch. II, 404.

[3]) У *Ралли* и *П.* V, 21, Acta Patriarch. I, 77, 423 fin., 455, 474, 568; II, 388, 399 нач., 414, 467, 495 fin.

новникамъ, для которыхъ онѣ были тѣмъ, что на старомъ русскомъ языкѣ называлось «кормленіемъ»; по-гречески временное пользованіе— ἐφορία, а въ позднѣйшее время также ἐξαρχία).

Изъ Греціи ктиторское право перешло и къ намъ въ Россію. Въ древнихъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ (или по крайней мѣрѣ мы лично не знаемъ пока) никакихъ прямыхъ на него указаній. Но мы находимъ его у насъ въ позднѣйшее время: не говоря объ юго-западной Руси XVI—XVII вѣка, въ которой мы видимъ его подъ названіемъ патроната и гдѣ можно было бы производить его изъ латинской церкви, мы находимъ остатки его на Москвѣ. Всѣ позднѣйшія такъ-называемыя ружныя церкви представляли собою ничто иное, какъ княжескія ктиторіи и получали отъ правительства или отъ князей ругу какъ таковыя. Своимъ ктиторскимъ правомъ поставлять въ эти церкви священниковъ государи пользовались еще въ XVI в., что внѣ Москвы и дѣлали посредствомъ своихъ мѣстныхъ чиновниковъ (дворецкихъ и дьяковъ) [1]. Стоглавый соборъ свидѣтельствуетъ, что въ его время многіе міряне и священники собирали на построеніе церквей и строили послѣднія [2]). Очень можетъ быть, что не всѣ строили, чтобы создать себѣ ктиторіи, но несомнѣнно, что нѣкоторые строили именно съ этою цѣлію [3]). Церкви, которыми владѣли священники, какъ частною собственностію и которыя продавали, какъ таковыя, мы находимъ у насъ въ половинѣ XVII вѣка; въ опредѣленіяхъ Московскаго собора 1667-го г. читаемъ: «святыя церкви священникомъ корчемствовати и продавати нелѣпо есть, зане Христосъ Спаситель нашъ искупи святую церковь пречистою своею кровію и свободи ю; совѣтуемъ убо нынѣ всѣмъ прихожанамъ коеяждо церкви (говорятъ восточные патріархи) православнымъ христіаниномъ, живущимъ здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и прочимъ и благословляемъ васъ, да искупите святыя церкви продаемыя и церковныя мѣста, развѣ домоваго ихъ строенія храминъ, да будутъ свободны и подъ единою главою и вла-

---

[1]) Стоглавъ, гл. 41 вопр. 15, Казанск. изд. стр. 177.

[2]) Глава 5, вопросы 13 и 19, Казанск. изд. стрр. 59 и 63 fin. (Частныя свидѣтельства о строеніи священниками церквей см. въ Собр. лѣтт. тт. III, стр. 148 нач., и VI, стр. 234 fin., у *Воздвиженскаго* въ Историческомъ обозрѣніи Рязанской іерархіи, стрр. 44 и 46 прим.).

[3]) Въ 84-й главѣ Стоглавника, Казанск. изд. стр. 369 sub fin., подъ строящими церкви „мѣстъ ради", по всей вѣроятности, должны быть разумѣемы священники, строившіе церкви, чтобы создавать себѣ мѣста (а въ текстѣ Стоглавника передъ словами или послѣ словъ „мирскимъ людемъ", вѣроятно, пропущено „попомъ").

стію, еще есть Христосъ: а продавати церкви Христовы и церковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть и беззаконно» [1]).

Необходимо или по крайней мѣрѣ весьма вѣроятно думать, что въ періодъ до-монгольскій бояре и вообще собственники-землевладѣльцы поставляли въ священники своихъ холоповъ, о чемъ мы говорили выше, не только въ свои домовыя, но и въ приходскія церкви, находившіяся въ ихъ имѣніяхъ (право поставлять въ которыя священниковъ принадлежало имъ, какъ ихъ—церквей ктиторамъ).

---

[1]) Дополн. къ Акт. Ист. т. V, № 102, стр. 473, § 30; опредѣленіе повторяется Московскимъ соборомъ 1675 г., бывшимъ при патр. Іоакимѣ,—Ист. Іер. I, 346 нач. Архіепископъ Гнезненскій Іоаннъ de Lasco въ своей запискѣ De Ruthenorum nationibus earumque erroribus, представленной Латеранскому собору 1514 г., пишетъ: item dicunt (Rutheni), licite vendi posse praelaturas ac beneficia, aut emi, similiter et sacros ordines (?); et quae beneficia patres tenuere, dicunt filii, ad ea jus haereditarium se habere et succedunt, praesertim in parochialibus ecclesiis (Historica Russiae Monimenta *Тургенева*, т. I, стр. 127 col. 1). Въ позднѣйшее время, что, можетъ быть, началось и съ древняго времени, священники становились собственниками церковныхъ мѣстъ еще такимъ образомъ, что покупали ихъ у прихожанъ, т. е. прихожане какого-нибудь прихода продавали мѣсто у своей церкви въ собственность какому-нибудь священнику (настоящую, такъ чтобы онъ передалъ его своему роду какъ наслѣдство или продалъ другому священнику), см. у *Соловьева* въ Исторіи, т. XIII, 2-го изд. стр. 96.—У Грековъ до сихъ поръ весьма не мало приходскихъ церквей, которыя составляютъ частную собственность мірскихъ людей и священниковъ, и онѣ начали превращаться въ домовыя церкви или въ общественныя только съ недавняго времени. Въ королевствѣ Греческомъ закономъ 1834 г. предписано: „церкви, составляющія частную собственность (αἱ ἰδιοκτῆται ἐκκλησίαι), тогда только могутъ быть приходскими, когда будутъ куплены приходомъ или будутъ подарены ему собственникомъ (παρὰ τοῦ ἰδιοκτήτου),—изданіе законовъ королевства, касающихся церкви и народнаго просвѣщенія, подъ заглавіемъ 'Εκκλησιαστικὰ καὶ ἐκπεδευτικά, т. I, Аѳины, 1860, стр. 31. Одинъ Грекъ въ Аѳинахъ увѣрялъ насъ, что на островахъ Архипелага до недавняго времени почти всѣ приходскія церкви составляли частную собственность священниковъ. У Грековъ турецкихъ приходскія церкви, составляющія частную собственность, называемыя (полагаемъ) по-турецки τὰ γεδίκια, предписано обратить въ общественныя посредствомъ выкупа, если собственникъ—священникъ, или посредствомъ простаго уничтоженія права собственности, если онъ міряининъ, новыми церковными законами 1862 г. (Γενικοὶ κανονισμοὶ περὶ διευθετήσεως τῶν ἐκκληστιαςικῶν καὶ ἐθνικῶν πραγμάτων et caet., Κωνσταντινουπ. 1862, Κανονισμοῦ 5 ἄρθρ. 12 (на островѣ Корфу составляютъ до настоящаго времени частную собственность мощи св. Спиридона Тримифунтскаго вмѣстѣ съ церковію, въ которой находятся,—фамиліи Булгарисовъ, которою получены въ приданое за дѣвицею отъ фамиліи Калохеретисовъ, принесшей мощи изъ Константинополя послѣ взятія послѣдняго Турками,—Ἱστορία τῆς Ἑπτανήσου ὑπὸ Π. Χιώτου, Μέρος 6, стр. 144).

Въ Греціи ктиторы церквей предъявляли странное притязаніе, что священники и вообще клирики послѣднихъ не должны подлежать власти мѣстныхъ епископовъ, а знать власть единственно ихъ—ктиторовъ [1]). Въ лѣтописяхъ нашихъ находимъ одно указаніе, дающее предполагать, что и у насъ притязалось и было нѣчто подобное въ періодъ до-монгольскій. Въ 1136-мъ г. женился въ Новгородѣ тогдашній Новгородскій князь Святославъ Олеговичъ; бракъ былъ почему-то незаконный [2]) и епископъ Нифонтъ отказался вѣнчать его (въ древнее время браки князей вѣнчали епископы) и не позволилъ быть на немъ своимъ священникамъ и монахамъ; не смотря на это, князь былъ обвѣнчанъ въ своей придворной церкви священниками этой послѣдней (Новгор. 1-я лѣт.). Можно впрочемъ понимать тутъ дѣло еще и такъ, что священники не всѣхъ ктиторскихъ церквей находились у насъ въ особыхъ, не нормальныхъ, отношеніяхъ къ епископамъ, но что занимали исключительное положеніе именно придворные княжескіе священники, какъ и въ Греціи занимали таковое положеніе придворные императорскіе священники [3]).

Послѣ церквей приходскихъ должно быть сказано еще о церквахъ придѣльныхъ (погреч. παρεκκλήσιον, παρακλήσιον, παρακλῆσι). Въ настоящее время придѣлами называются у насъ боковые алтари въ церквахъ; не то были они въ древнее и старое время. Въ древнее и старое время придѣлы или собственно придѣльныя церкви были—во-первыхъ, малыя настоящія церкви или церквицы, устроенныя или сдѣланныя внутри большихъ церквей, во-вторыхъ—малыя церкви, пристроенныя или придѣланныя къ большимъ церквамъ снаружи. Въ первомъ случаѣ онѣ устроялись въ папертяхъ или притворахъ церквей, на полатяхъ или верхнихъ галлереяхъ и въ боковыхъ алтарныхъ абсидахъ или отдѣленіяхъ (діаконикахъ). Если въ боковыхъ алтарныхъ отдѣленіяхъ, то не такимъ образомъ, что алтарь помѣщался въ отдѣленіи, а церковію для него служила самая настоящая церковь (какъ это

---

[1]) У *Ралли* и *П.* I, 188 fin., II, 236 нач. и 650 fin. То же самое было и на Западѣ, см. у *Гизелера* Dritte Periode, Zweiter Theil, cap. III, § 7 (4-го изд. II, 1, S. 56).

[2]) Cfr. у *Татищ.* II, 469, прим. 393.

[3]) См. грамоту патр. Алексѣя 1029-го г. у *Ралли* и *П.* V, 29 (то же и въ Сербіи, въ которой княжескіе священники составляли особое вѣдомство подъ властію придворнаго („дворскаго") протопопа, какъ у насъ военные священники подъ властію оберъ-священниковъ,—нашъ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 689 fin.).

нынѣ), а такимъ образомъ, что весь придѣлъ или вся придѣльная церковь помѣщалась въ отдѣленіи (крошечный алтарь въ немъ и потомъ въ немъ же крошечная церковь), такъ что выходъ изъ отдѣленія въ самую церковь былъ выходомъ вонъ изъ придѣла (отъ XVII в. не мало сохранилось такихъ придѣловъ до настоящаго времени, изъ новѣйшихъ церквей можемъ указать на петербургскій Исакіевскій соборъ, въ которомъ придѣлы устроены на старый манеръ, при чемъ только особымъ огражденіемъ ихъ служатъ не глухія стѣнки, а рѣшотки) [1]. У насъ въ періодъ домонгольскій большія церкви, строенныя князьями и по своему назначенію бывшія придворными княжескими и каѳедрально-епископскими, были окружаемы съ трехъ сторонъ (за исключеніемъ восточной) глухими папертями, въ которыхъ погребались князья и епископы (погребавшіеся въ церквахъ не въ томъ смыслѣ, чтобы въ самыхъ церквахъ, а именно въ папертяхъ, см. ниже въ главѣ о богослуженіи) [2]. Съ устроенія алтарей въ этихъ папертяхъ и началось у насъ строеніе придѣльныхъ церквей, при чемъ мыслію и побужденіемъ было то, чтобы поминовенная безкровная жертва приносилась такъ сказать надъ самыми гробами умершихъ. По свидѣтельству нашей лѣтописи, св. Владимиръ погребенъ въ Десятинной церкви, а по свидѣтельству Титмара Мерсебургскаго—въ церкви св. Климента: это должно понимать такъ, что онъ погребенъ въ паперти Десятинной церкви, въ которой былъ устроенъ придѣлъ св. Климента. Ярославъ былъ погребенъ въ паперти св. Софіи (по свидѣтельству Нестора въ житіи Бориса и Глѣба), и необходимо думать, что въ этой паперти также былъ устроенъ придѣлъ. Упоминаемый подъ 1180-мъ г. придѣлъ Новгородской св. Софіи былъ также устроенный въ паперти [3]). Главною цѣлію дальнѣйшаго устроенія въ церквахъ и при церквахъ (а при церквахъ, въ видѣ особыхъ пристроекъ къ нимъ, вошло въ обычай устроять придѣлы потому, что далеко не всѣ церкви имѣли притворы или паперти), какъ должно думать было желаніе богатыхъ людей имѣть

[1]) Въ старое время у Грековъ принималось, что одна церковь должна имѣть только одинъ алтарь, поэтому придѣлы внутри церквей и устроялись въ видѣ особыхъ церквей, cfr Іоанна митрополита Клавдіопольскаго сочиненіе противъ латинянъ,—у *А. С. Павлова* въ Критическихъ опытахъ по исторіи древнѣйшей Греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 190, § 14.

[2]) Но при отсутствіи у церквей папертей—и въ нихъ самихъ.

[3]) Новгор. 1-я лѣт. „Притворяне“ Стоглаваго собора, гл. 41, вопр. 14, Казанск. изд. стр. 176, суть именно священники придѣловъ, находившихся въ притворахъ или папертяхъ.

какъ бы свои собственныя поминовенныя церкви, т. е. богатые люди устрояли въ церквахъ или при церквахъ придѣлы и къ нимъ опредѣляли или нанимали священниковъ, съ назначеніемъ имъ извѣстной руги, для той цѣли, чтобы священники служили по нимъ и по ихъ родамъ заупокойныя литургіи. Но иногда, какъ показываетъ примѣръ Новгородской церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, придѣлы устрояемы были и съ тою цѣлію, чтобы по воскресеньямъ могли быть пѣты въ церквахъ раннія обѣдни. Въ придѣлѣ этой церкви (устроенномъ на ея полатяхъ) назначено было ея строителемъ (княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, построившимъ церковь въ 1127—1130-мъ г.) пѣть обѣдню по недѣлямъ или воскресеньямъ [1]), а такъ какъ по Уставу «въ недѣлю не пѣти литургіи за упокой» (митр. Георгій, § 28), то очевидно, что и обѣдни имѣли быть пѣты не заупокойныя, а обыкновенныя раннія (церковь Іоанна Предтечи была поставлена на Торгу, и вѣроятно думать, что придѣлъ былъ устроенъ въ ней для раннихъ воскресныхъ обѣденъ съ тою цѣлію, чтобы купцамъ, которые не могли ходить за позднюю обѣдню, дать возможность отстоять раннюю). При Новгородской церкви св. Михаила въ 1219-мъ г. устроенъ былъ придѣлъ въ видѣ наружной малой пристройки одновременно съ построеніемъ самой церкви и самими строителями этой послѣдней. Это, вѣроятно, должно понимать такъ, что пѣніе заупокойныхъ литургій по буднямъ находили болѣе удобнымъ въ малой церкви, чѣмъ въ большой (Такъ какъ богатые люди, составлявшіе боярство, имѣли въ древнее время свои домовыя церкви, въ которыхъ и могли совершать родовыя поминовенія, то нужно думать, что придѣлы при церквахъ съ цѣлію этого поминовенія преимущественно были устрояемы купцами, которые, какъ вѣроятно думать, а по позднѣйшему времени прямо слѣдуетъ думать, не присвоили себѣ привиллегіи имѣть домовыя церкви. Затѣмъ, и бояре могли устроять придѣлы при церквахъ надъ своими гробами [2]). Если съ служеніемъ въ придѣльныхъ церквахъ въ древнее время было такъ же, какъ въ позднѣйшее: то для сего служенія наибольшею частію были назначаемы или нанимаемы особые священники, такъ что церкви или церквицы эти представляли изъ себя со-

---

[1]) Грамота Всеволода церкви въ Русскк. Достопп. I, 78.

[2]) Относительно придѣловъ, устроявшихся въ особыхъ малыхъ пристройкахъ къ церквамъ, должно припомнить предписанія позднѣйшаго времени, чтобы изъ нихъ въ самыя церкви не было внутренняго хода и чтобы они были именно особыми отъ послѣднихъ церквами.

всѣмъ особыя церкви, хотя находились при другихъ церквахъ или даже внутри ихъ самихъ [1]). Отъ чего вошло это въ обычай, когда было бы совершенно удобно для священниковъ самыхъ настоящихъ церквей и было бы для нихъ выгоднѣе, положительно сказать не можемъ, но полагаемъ, что причиной сего были съ одной стороны канонъ церковный, а съ другой—множество священниковъ. 15-й канонъ 7-го вселенскаго собора запрещаетъ поставлять клирика къ двумъ церквамъ, а такъ какъ священниковъ было великое множество, то, при полной возможности точнымъ образомъ соблюдать канонъ, и хотѣли это послѣднее дѣлать [2]).

Въ городахъ составляли особый классъ церквей церкви соборныя или соборы. Въ настоящее время городскіе соборы имѣютъ у насъ только то значеніе, что въ нихъ собираются священники городовъ для пѣнія царскихъ молебновъ; но въ древнее и старое время они имѣли иное и, какъ надлежитъ думать, бо́льшее значеніе, хотя, къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о нихъ и недостаточны. Въ древнее и старое время соборными церквами или соборами назывались такія церкви въ городахъ, въ которыхъ не только священниками ихъ самихъ (церквей), но бо́льшими или меньшими общинами священниковъ и другихъ городскихъ церквей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и церквей уѣздныхъ, посредствомъ очереднаго служенія была держима ежедневная служба, чего въ другихъ городскихъ церквахъ не было. Ближайшій отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ нужны были въ городахъ такія церкви, въ которыхъ бы была ежедневная служба, есть тотъ, что каждый день могутъ быть въ городахъ именинники, желающіе помолиться въ церкви и отпѣть заздравный молебенъ, каждый день могутъ быть люди, желающіе по случаю памяти родителей отпѣть по нихъ панихиду или подать о нихъ на поминовеніе (и до сихъ поръ въ уѣздныхъ городахъ такъ, что если человѣкъ имѣетъ ту или другую указанную нужду, а между тѣмъ знаетъ, что въ своей приходской церкви нѣтъ службы, то идетъ въ соборъ). Но этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ вопроса: для чего въ собор-

---

[1]) Положительно извѣстная намъ древняя церковь, въ придѣлѣ которой должны были служить священники ея самой, есть Новгородская церковь Іоанна Предтечи на Опокахъ.

[2]) Что въ позднѣйшее время были особые причты даже въ такихъ придѣлахъ, которые были устроены самими строителями церквей, см. *Неволина* О пятинахъ, приложж. стр. 280 fin. Что придѣлы, находившіеся даже въ самыхъ церквахъ, иногда владѣли особыми отъ послѣднихъ вотчинами, см. ibid. стр. 203 (л. 507 об.).

ныхъ церквахъ держали ежедневную службу не только священники самыхъ этихъ церквей, но съ бо́льшими или меньшими общинами священниковъ другихъ городскихъ или вмѣстѣ городскихъ и уѣздныхъ церквей, отъ чего именно онѣ и получили названіе церквей соборныхъ. Для отвѣта на вопросъ необходимо предполагать, во первыхъ, что въ древнее время были иные обычаи относительно заздравныхъ молебновъ и случайныхъ поминовеній, во-вторыхъ—что тутъ дѣло было въ поминовеніяхъ нарочитыхъ, такъ называемыхъ сорокоустныхъ. И въ настоящее время между богатыми людьми купеческаго званія отчасти еще ведется, что заздравные молебны себѣ и паннихиды по родителяхъ въ дни ихъ памяти поютъ не только въ своихъ приходскихъ церквахъ, но заказываютъ пѣть и въ другихъ, многихъ или немногихъ, церквахъ [1]); относительно же древняго времени, судя по примѣру Грековъ даже нынѣшнему, должно думать, что пѣніе молебновъ и паннихидъ многими священниками считалось болѣе или менѣе обязательнымъ или обычнымъ. Но въ древнее время нельзя было дѣлать такъ, чтобы заказывать молебны или паннихиды во многихъ церквахъ, ибо въ другихъ приходскихъ церквахъ города за исключеніемъ одной назначенной или, если въ городѣ было нѣсколько соборовъ,—за исключеніемъ нѣсколькихъ назначенныхъ, не было ежедневныхъ службъ; вмѣсто этого въ древнее время можно было дѣлать то, чтобы призывать желаемое количество священниковъ въ одну церковь, въ которой была ежедневная служба, и чтобы въ ней заставлять священниковъ пѣть одинъ соборный молебенъ или одну соборную паннихиду (завтра человѣкъ былъ имениникъ или у него была память по родителямъ; сегодня онъ посылалъ къ главному соборному священнику, который назывался протопопомъ или соборнымъ старостой, съ заказомъ соборнаго молебна или соборной паннихиды изъ столькихъ-то священниковъ,—и протопопъ или староста приглашалъ въ соборъ желаемое количество священниковъ). Что касается до поминовеній нарочитыхъ, сорокоустныхъ, то, съ одной стороны, необходимо думать, что соборы нужны были для раздачи сорокоустовъ между священниками, а съ другой стороны—весьма вѣроятно думать, что они нужны были для надлежащаго, по тогдашнимъ понятіямъ, пѣнія паннихидъ въ нарочито поминовенные дни сорокоустовъ, т. е. въ 3-й, 9-й и 40-й дни. Въ древнее время у насъ принималось, что священникъ не можетъ пѣть за разъ двухъ

---

[1]) Что это весьма велось въ XVI в., см. соборный приговоръ 1594-го г. объ учрежденіи въ Москвѣ поповскихъ старостъ,—Акт. Эксп. т. I, № 360.

или нѣсколькихъ сорокоустовъ, но каждый сорокоустъ долженъ выпѣвать особо [1]). Слѣдовательно, если въ приходѣ въ продолженіе 40 дней случалось нѣсколько покойниковъ, по которымъ желали пѣть сорокоусты, то втораго и слѣдующихъ сорокоустовъ нельзя было отдать своему священнику и для ихъ пѣнія нужно было искать чужихъ священниковъ, у которыхъ не было сорокоустовъ. Въ этомъ-то случаѣ соборы (представляя въ лицѣ своихъ протопоповъ или старостъ какъ бы справочныя конторы) и должны были служить посредниками между заказчиками сорокоустовъ и священниками, принимая ихъ отъ первыхъ и раздавая ихъ тѣмъ изъ вторыхъ, у которыхъ ихъ не было [2]). По сейчасъ сказанному нами доходы отъ пѣнія сорокоустовъ не могли быть особыми доходами каждаго прихода, но должны были болѣе или менѣе распредѣляться между всѣми священниками каждаго цѣлаго города. На семъ основаніи весьма вѣроятно предполагать, что для совершеннаго уравненія въ отношеніи къ нимъ всѣхъ священниковъ каждаго города начали видѣть въ нихъ не частные доходы каждаго священника, сколько каждому приходилось пѣть, а общій доходъ всѣхъ священниковъ, такъ чтобы общую сумму его дѣлить поровну между всѣми: но для подобнаго устройства и веденія дѣла нужны были завѣдующіе послѣднимъ центры, каковые и представляли собою соборы. Паннихиды въ нарочито поминовенные дни сорокоуста называются у Грековъ παράστασις, что собственно значитъ торжественный пріемъ у царя, торжественный выходъ царя, и что̀ по отношенію къ церковной службѣ значитъ службу возможно торжественную. Такъ названы наши паннихиды у Грековъ потому, что онѣ совершаются возможно бо́льшимъ количествомъ священниковъ (если не ошибаемся, полнымъ желаемымъ числомъ священниковъ для этихъ паннихидъ считается 40, по сорокодневію, въ которое онѣ совершаются). Весьма вѣроятно предполагать, что какъ было и есть у Грековъ, такъ было у насъ въ древнее время: но чтобы безъ затрудненія устроять подобныя службы, нужны были посредствующія мѣста, каковыя представляли собой соборы [3]). (Первоначально было

---

[1]) См. 2-й половины тома стр. 395 нач. по 1-му изданію.

[2]) Cfr помянутый выше соборный приговоръ объ учрежденіи въ Москвѣ поповскихъ старостъ (стр. 441 col. 2).

[3]) Названіе сорокоустъ позволяетъ сдѣлать еще предположеніе. Сорокоустъ, сложенное изъ сорокъ и устъ (уста), по словопроизводству значитъ не одну службу, которая поется въ продолженіе сорока дней, а сорокъ службъ, которыя поются въ одинъ день (сорока устами или сорока священниками). На этомъ основаніи можно

учреждаемо въ каждомъ городѣ по одному собору, но потомъ въ большихъ городахъ, по мѣрѣ увеличенія числа священниковъ, были учреждаемы новые соборы. Если заключать ко всѣмъ мѣстамъ отъ Пскова, относительно котораго мы имѣемъ положительныя извѣстія: то это происходило такимъ образомъ, что общину перваго собора образовывали изъ себя священники, которые находились въ городѣ на лицо (а что касается до самаго Пскова, то здѣсь не только священники городскіе, но и уѣздные, и не только бѣлые, но и черные или іеромонахи), а что священники, которые съ учрежденіемъ новыхъ приходовъ являлись послѣ учрежденія собора, оставались внѣ общины, священниками «невкупными»; что за тѣмъ, когда невкупныхъ священниковъ набиралось достаточное количество, они учреждали изъ себя новый соборъ [1]). Какое

предполагать, что у богатыхъ людей было принято пѣть въ нарочито поминовенные дни сорокоуста по сороку обѣденъ (т. е. въ сорока приходахъ). Предположеніе это становится совершенно вѣроятнымъ въ виду Московскихъ сороковъ, о которыхъ сейчасъ.—Что въ древнее время усердіе къ поминовенію родителей было не меньшее, чѣмъ теперь, если не значительно бо́льшее, объ этомъ слѣдуетъ заключать изъ примѣра Греціи и объ этомъ отчасти говорятъ и наши собственныя свидѣтельства. Въ Греціи предписывалось закономъ (и обычаемъ, обратившимся въ законъ), что если человѣкъ умиралъ безъ духовнаго завѣщанія, то третья часть его имущества отдѣлялась на помпнъ его души,—Новелла Константина Порфирогенита у *Цахаріе* въ Jus Graeco-Romanum, III, 276, и у *Миня* въ Патрол. t. 113, p. 597, n. 11, *Арменопулъ* въ Прохиронѣ, lib. 1, tit. XVIII, § 22, lib. V, tit. VIII, § 9 и 78 (а если умиралъ безъ наслѣдниковъ, то на помпнъ—половина имѣнія,—у *Ралли* и *П.* V, 123 нач.). Что касается до нашихъ свидѣтельствъ, то въ Ярославовой Правдѣ, въ главѣ: „О задници (наслѣдствѣ) боярстей и о дружинѣ" говорится: „паки ли (кто) безъ ряду (безъ письменнаго уряженія, завѣщанія) умреть, то все дѣтемъ, а на самого часть дати души",—Русск. Достопп. I, 44.

[1]) Запись въ 1-й Псковской лѣтописи,—Собр. лѣтт. IV, 215, объ учрежденіи въ 1453-мъ г. четвертаго собора во Псковѣ: „Того же лѣта биша челомъ попове невкупніи князю Псковскому и посаднику степенному и всѣмъ посадникомъ, что быти четвертому собору во Псковѣ; и шедъ князь и вси посадники Псковскія владыцѣ Еуфимію биша челомъ: „благослови, господине, четвертому собору быти во Псковѣ"; и благослови владыка поповъ невкупныхъ четвертый соборъ держати, вседневную службу, у святаго Спаса Всемилостиваго на Торгу да у святаго Христова мученика Дмитрія въ Домонтовѣ стѣнѣ". Запись въ той же лѣтописи,—ibid. стр. 221, объ учрежденіи въ 1462 г. пятаго собора во Псковѣ: „Того же лѣта скопившеся попи невкупніи биша челомъ Пскову, чтобъ пятому собору быти во Псковѣ; и Псковичи повелѣша пятому собору быти у Похвалы святыя Богородица да у Покрова святыя Богородица да у Святаго Духа за Домонтовою стѣною". См. еще грамоту митр. Филиппа во Псковъ отъ 1471-го г. съ разрѣшеніемъ учредить шестой соборъ,—въ Акт. Ист. т. I, № 283, и въ Памятни. *Павлов.* № 103.—Учрежденіе въ городахъ соборовъ съ образованіемъ при нихъ общинности город-

неменьшее или наименьшее число священниковъ считалось нужнымъ для учрежденія новаго собора, не знаемъ; но на томъ основаніи, что въ Москвѣ соборы назывались (какъ и теперь называются благочинія) сороками, должно думать что не меньшее сорока священниковъ, за тѣмъ, чтобы соборъ имѣлъ возможность пѣть въ одинъ день сорокъ поминовенныхъ обѣденъ, о чемъ выше. Священники, принадлежавшіе къ соборамъ, держали въ нихъ ежедневную службу по недѣлямъ [1]); но это не должно представлять себѣ такъ, чтобы чередовалось по одному священнику, принадлежавшему къ собору, ибо при составѣ нѣкоторыхъ соборовъ болѣе, чѣмъ изъ ста священниковъ, (шестой соборъ во Псковѣ) цѣлымъ половинамъ ихъ вовсе не доставалось бы годовой череды. А такъ, что они держали въ соборахъ ежедневную службу тѣми или другими ихъ количествами, при чемъ одинъ служилъ, а другіе пѣли на клиросѣ, и при чемъ всѣ по требованію заказчиковъ могли стать служащими. Въ Новгородѣ священники держали ежедневную службу не только каждый въ своемъ соборѣ, но еще всѣ въ главномъ Софійскомъ соборѣ [2]): какъ понимать эту такъ сказать двусоборность священниковъ, не совсѣмъ для насъ ясно. Вообще, въ этомъ институтѣ соборовъ, относительно котораго митр. Филиппъ въ своей указанной грамотѣ какъ будто даетъ знать, что въ отношеніи къ нему въ разныхъ мѣстахъ существовали разные обычаи, далеко не все представляется намъ яснымъ. Мы возвратимся къ нему во 2-мъ томѣ. — Что касается до періода домонгольскаго, то за его время мы знаемъ лишь два упоминанія о соборахъ въ лѣтописяхъ, изъ которыхъ при томъ одно читается въ лѣтописи только позднѣйшей: въ 1159-мъ г. вел. кн. Ростиславъ Мстиславичъ, по одному случаю, «посла въ Кіевъ (изъ котораго отсутствовалъ) къ святѣй Софіи и по всѣмъ соборомъ, да тво-

скихъ священниковъ не должно относить къ самому времени введенія въ городахъ христіанства Владиміромъ или къ самому времени ихъ основанія послѣ Владиміра: болѣе чѣмъ вѣроятно, что соборы учреждались въ городахъ лишь тогда, когда состояніе христіанскаго усердія въ нихъ достигало до степени, дѣлавшей нужнымъ учрежденіе въ нихъ соборовъ. Несторъ въ житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго дастъ знать, что въ Курскѣ во время дѣтства Ѳеодосіева еще не было собора или церкви съ ежедневной службой.

[1]) Митр. Филиппъ въ сейчасъ указанной грамотѣ: „а поютъ (священники имѣющаго быть учрежденнымъ собора въ назначенной для нихъ соборной церкви) по недѣлямъ“.

[2]) См. у архим. *Макарія* въ Археологич. описаніи церковныхъ древностей въ Новгородѣ, I, 34, о грамотѣ архіеп. Геннадія, и въ Акт. Эксп. т. I, № 229, стр. 221, col. 2 fin., соборные приговоры 1551-го г.

рять стоаніе всенощное въ церквахъ»,—такъ называемая Тверская лѣтопись въ Собр. лѣтт. XV, col. 228 fin.; въ 1187-мъ г. Галичскій князь Ярославъ Владимировичъ Осмомыслъ позвалъ къ себѣ передъ своею смертію для прощальной бесѣды и для предсмертной прощи «зборы вся»,—Ипатск. лѣт. по 2 изд. стр. 442).

Кромѣ церквей приходскихъ и домовыхъ были еще церкви купеческія. Извѣстны двѣ такія церкви въ Новгородѣ [1]) и одна церковь, принадлежавшая Новгородскимъ купцамъ, въ Кіевѣ [2]).

V.

Средства содержанія духовенства высшаго и низшаго.

Обращаемся къ средствамъ содержанія духовенства высшаго и низшаго.

Въ первенствующее время церкви служители алтаря или епископы съ прочими клириками имѣли средствомъ своего содержанія единственно добровольныя приношенія вѣрующихъ своихъ общинъ, т. е. общинъ, составлявшихъ епископіи или, что то же, приходы. Каждый членъ общины, по мѣрѣ своихъ средствъ и усердія и во всякомъ случаѣ памятуя Ветхозавѣтную заповѣдь, что Богу должно быть пожертвовано не менѣе десятой части стяжаній (Левитъ 27, 30; Числ. 18, 21; Второзак. 14, 22), дѣлалъ приносъ церкви на ея служителей или всякій разъ, какъ приступалъ къ таинству причащенія, что̀ въ древнее время было каждое воскресенье, или по крайней мѣрѣ однажды въ мѣсяцъ. Эти приносы, состоявшіе частію въ деньгахъ, главнымъ же образомъ въ съѣстныхъ припасахъ и необходимыхъ для жизни вещахъ натурою, слагались въ домѣ епископа (Апост. пр. 4) или въ особой церковной сокровищницѣ (по просту—кладовой, клѣти, магазеѣ) и ежемѣсячно раздѣлялись епископами и пресвитерами между собою и между прочими клириками [3]). Не позднѣе второй половины III вѣка, т. е. еще во времена языческія, явилось другое средство

---

[1]) Іоанна Предтечи на Петрятиномъ дворищѣ или на Опокахъ, построенная княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ въ 1127—1130-мъ г. и переданная имъ въ ктиторство одной купеческой компаніи, которая отъ церкви стала называться Иванскою, и церковь св. Пятницы, построенная въ 1156-мъ г. „заморскими“ купцами, т. е. купцами, ведшими заморскую или заграничную торговлю.

[2]) Лаврент. лѣт. подъ 1147-мъ г., 2 изд. стр. 302.

[3]) Bingh. Antiquit. Vol. II, 262 sqq.

содержанія клириковъ, именно—люди богатые начали завѣщевать и отказывать епископіямъ недвижимыя имѣнія, каковое средство содержанія было признано со стороны государства отъ перваго же христіанскаго государя—Константина Великаго [1]). Наконецъ, самъ Константинъ Великій обезпечилъ содержаніе клириковъ государственнымъ или казеннымъ образомъ: кромѣ единовременныхъ щедрыхъ пожертвованій церквамъ нуждавшимся онъ назначилъ казенное ежегодное жалованье или казенную ежегодную ругу (ἐτήσια σιτηρέσια), неизвѣстно какихъ размѣровъ, всѣмъ церквамъ въ имперіи, предписавъ выдавать ее изъ мѣстныхъ доходовъ городовъ [2]),—руга эта, уничтоженная Юліаномъ, была возстановлена послѣ его смерти Іовіаномъ, впрочемъ не во всемъ своемъ (неизвѣстномъ намъ) объемѣ, а въ третьей его части [3]).

Первоначально, какъ мы говорили, не было приходовъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова и каждый приходъ представлялъ собою епископію или, наоборотъ, каждая епископія составляла изъ себя одинъ приходъ. Когда явились наши приходы, то сначала нѣкоторое время было такъ, что приношенія, представлявшіяся вѣрующими въ приходскія церкви, всѣ собирались въ одно мѣсто,—къ главной или епископской церкви, и что изъ одной общей при ней сокровищницы получали содержаніе какъ епископы и находившіеся при нихъ клирики, такъ и клирики, командировавшіеся или назначавшіеся отъ епископій для завѣдыванія приходскими церквами. Но, съ теченіемъ времени, вошло въ обычай и было установлено, чтобы приношенія, представлявшіяся въ приходскія церкви отдѣленными къ нимъ членами общинъ, не были доставляемы въ епископскую церковь, а оставались находящимся при нихъ клирикамъ [4]). Вслѣдствіе этого приходскія церкви отдѣлились въ содержаніи отъ епископій или отъ церквей каѳедральныхъ епископскихъ (которое сначала они имѣли съ ними общее), и такимъ образомъ произошло раздѣленіе въ средствахъ содержанія духовенства высшаго и низшаго.

---

[1]) Законъ 321 г.: Habeat unusquisque licentiam sanctissimo catholicae (ecclesiae) venerabilique concilio decedens bonorum, quod optaverit, relinquere. Cod. Theod. lib. XVI, tit. II, § 4. Cod. Iustinian. lib. 1 tit. 11 § 1.—Bingh. Vol. II, p 265.

[2]) Bingh. Vol. II, p. 271.

[3]) Ibidd. p. 272 (Созоменъ lib. V, c. 5, Ѳеодоритъ H. E. libb. I, c. 11, и IV, c. 4).

[4]) Въ Константинополѣ это было установлено въ 460 г. при патр. Геннадіи,—выписка изъ Ѳеодора чтеца у Bingh. Vol. II, p. 291, прим. a.

Послѣ этого раздѣленія средствами содержанія епископовъ съ ихъ каѳедральными клириками стали, во-первыхъ, общія съ приходскими священниками добровольныя приношенія вѣрующихъ, т. е. именно тѣхъ вѣрующихъ, которые не отошли отъ каѳедральныхъ епископскихъ церквей къ образовавшимся частнымъ приходамъ и которые, послѣ образованія сихъ послѣднихъ, остались собственными прихожанами первыхъ (каѳедральныхъ церквей); во-вторыхъ—доходы съ недвижимыхъ имѣній и въ-третьихъ—государственная руга. Изъ этихъ трехъ средствъ содержанія послѣднее — государственная руга прекратила свое существованіе или перестала быть выдаваема болѣе или менѣе вскорѣ послѣ Юстиніана, если только еще не при немъ [1]). Средствомъ содержанія приходскаго духовенства стали добровольныя приношенія вѣрующихъ, образовавшихъ изъ себя приходы. Была ли выдаваема ему отъ епископій соотвѣтствующая или какая-нибудь часть доходовъ отъ недвижимыхъ имѣній (дотолѣ принадлежавшихъ каѳедрамъ) и изъ государственной руги (пока она существовала), остается неизвѣстнымъ.

Въ дальнѣйшее и позднѣйшее время эти средства содержанія являются въ слѣдующемъ видѣ:

духовенства низшаго или приходскаго: 1) добровольныя приношенія вѣрующихъ или прихожанъ, 2) сборы съ прихожанъ самого духовенства (наши такъ-называемыя славы), 3) взиманіе платъ за требы и частныя службы и наконецъ 4) отчасти доходы съ недвижимыхъ имѣній, которыя были жертвуемы нѣкоторымъ приходскимъ церквамъ такъ же, какъ и епископіямъ;

духовенства высшаго или архіереевъ съ ихъ каѳедральными причтами: 1) доходы съ недвижимыхъ имѣній, 2) всѣ тѣ доходы, что и приходскаго духовенства, поколику каѳедральныя церкви имѣли свои приходы, 3) взиманіе платъ за требы не только съ собственныхъ прихожанъ, но и со всѣхъ мірянъ епархій, такъ какъ и послѣ образованія приходовъ осталось въ обычаѣ, чтобы, не довольствуясь приходскими священниками, приглашать для совершенія требъ епископовъ, 4) ежегодные сборы или оброки и временныя пошлины съ приходскаго духовенства епархій, 5) таковые же сборы или оброки и таковыя же пошлины со всѣхъ мірянъ епархій.

---

[1]) Въ кодексѣ Юстиніановомъ приводится законъ о ругѣ Маркіановъ 454 г.,— lib. I, tit. II, leg. 12 (salaria, quae sacrosanctis ecclesiis in diversis speciebus de publico hactenus ministrata sunt, jubemus nunc quoque inconcussa et a nullo prorsus imminuta praestari liberalitatique huic promptissimae perpetuam tribuimus firmitatem). Но въ его собственныхъ новеллахъ, если не ошибаемся, нѣтъ о ней ничего.

Въ то время, какъ мы приняли отъ Грековъ христіанство, у нихъ дѣло со средствами содержанія имѣло себя такъ, какъ мы представили сейчасъ непосредственно. Между всѣми указанными средствами, послѣ исчезновенія государственной руги, не было ни одного, которое бы шло отъ государства, а равнымъ образомъ не было ни одного, которое бы было узаконено и утверждено государствомъ (хотя это послѣднее съ нѣкоторыми изъ средствъ случилось вскорѣ послѣ принятія нами христіанства); всѣ указанныя средства или непосредственно шли отъ добровольнаго усердія вѣрующихъ, или же,—какъ оброки и пошлины низшаго духовенства высшему,—условливались этимъ усердіемъ (ибо, не имѣя что̀ взять съ вѣрующихъ, низшее духовенство не имѣло бы и что̀ давать архіереямъ). Этимъ средствамъ отъ добровольнаго усердія, очевидно, не могло быть предоставлено у насъ духовенство въ первое время, ибо предки наши въ первое время послѣ своего принудительнаго крещенія были христіанами только по имени и не могли имѣть никакой добровольной охоты содержать духовенство. Слѣдовательно, въ первое время духовенство такъ или иначе имѣло быть обезпечено у насъ самимъ правительствомъ. И правительство дѣйствительно сдѣлало это: при невозможности воспользоваться примѣромъ Греціи, оно отчасти воспользовалось примѣромъ Запада, отчасти же поступило самостоятельно. Высшее духовенство или архіереевъ съ ихъ каѳедральными причтами св. Владиміръ обезпечилъ въ содержаніи— съ одной стороны, такъ называемой десятиной, а съ другой стороны, какъ весьма вѣроятно думать, недвижимыми имѣніями; низшему или приходскому духовенству онъ назначилъ опредѣленное жалованье или опредѣленную ругу.

Мы уже замѣчали много выше, что Владиміръ находился въ живомъ и близкомъ общеніи съ государями западными и что эта живая близость общенія должна быть представляема себѣ такою же или почти такою же, какова она въ настоящее время, послѣ Петра Великаго. Въ частности, по прямому свидѣтельству нашей лѣтописи, Владиміръ жилъ въ нарочитомъ близкомъ общеніи съ королями Венгерскимъ, Чешскимъ и Польскимъ, имѣя съ ними миръ и любовь [1]; и это не только послѣ принятія христіанства, но и до принятія, ибо, будучи язычникомъ, онъ привелъ одну свою жену изъ Чехіи. Слѣдовательно, онъ очень хорошо могъ знать церковные порядки западные. А поэтому и нѣтъ ничего удивительнаго, что, не имѣя возможност

---

[1]) Подъ 996 г.

относительно обезпеченія духовенства воспользоваться примѣромъ Грековъ, онъ отчасти воспользовался примѣромъ народовъ западныхъ. Владимиръ воспользовался этимъ примѣромъ въ томъ, что однимъ изъ средствъ содержанія духовенства назначилъ десятину (десятую часть) отъ стяжаній или отъ прибытковъ. Однако, онъ воспользовался примѣромъ не совсѣмъ точнымъ образомъ и не совсѣмъ сполна, — съ одной стороны обезпечивъ по западному только духовенство высшее, а съ другой стороны—обременивъ населеніе содержаніемъ духовенства несравненно менѣе, чѣмъ это было на Западѣ. На Западѣ десятина въ пользу духовенства была узаконена правительственнымъ образомъ отъ импер. Карла Великаго въ 779 г. [1]) и имѣла состоять: во первыхъ, въ томъ, что государство должно было отдавать въ пользу церкви десятую часть всѣхъ своихъ ежегодныхъ доходовъ, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ; во вторыхъ, въ томъ, что всѣ частные люди, какъ знатные и богатые, такъ и простые и бѣдные должны были отдавать въ пользу церкви ту же десятую часть своихъ ежегодныхъ доходовъ, денежныхъ ли то, или натуральныхъ [2]). Что касается до

[1]) Капитулярій Карловъ сего года у *Pertz'a* въ Monumenta Germaniae, III 36 (§ 7).

[2]) Въ капитуляріи Карла 785 г. читается: Et hoc Christo propicio placuit, ut undecunque census aliquid ad fiscum pervenerit, sive in frido (денежный доходъ отъ податей), sive in qualicunque banno (доходъ или прибытокъ натурою отъ разныхъ хозяйственныхъ статей), et in omni redibutione (reditu) ad regem pertinente, decima pars ecclesiis et sacerdotibus reddatur,—cap. 16, и потомъ: Similiter secundum Dei mandatum praecipimus, ut omnes decimam partem substantiae et laboris sui ecclesiis et sacerdotibus donent, tam nobiles quam ingenui, similiter et liti (крестьяне), juxta quod Deus unicuique dederit christiano, partem Dei reddant,—cap. 17, у *Pertz'a* ibid. p. 49.—На основаніи примѣра церкви ветхозавѣтной въ христіанскомъ обществѣ очень рано начало быть проповѣдуемо, что вѣрующіе должны удѣлять въ пользу служителей олтаря десятину своихъ прибытковъ (Оригенъ, +254, Кипріанъ, +258). Но только на Западѣ въ VIII в. (въ лицѣ Карла Великаго) духовенству удалось достигнуть того, чтобы государство и на себя приняло обязанность давать десятину церкви и закономъ обязало къ этому всѣхъ мірянъ. Что касается до Востока, то здѣсь сначала государство выдавало ту или другую ругу духовенству (Константинъ Великій), не налагая обязательной подати на мірянъ, а потомъ, спустя много времени послѣ прекращенія своей руги и уже послѣ принятія нами христіанства, оно возложило на мірянъ обязательную подать въ пользу духовенства (см. ниже). Въ VI вѣкѣ духовенство восточное, подобно духовенству западному, хотѣло было дѣйствовать на мірянъ грозою церковнаго отлученія и анаѳемы, но было въ семъ случаѣ остановлено государственною властію,—Codex Justinian. lib. I, tit. III, leg. 39.—Западная десятина раздѣлялась на три класса: decima personalis—съ денежнаго дохода, получаемаго отъ какого либо

пользованія десятиной со стороны духовенства, то она была назначена не одному которому нибудь—высшему или низшему, но обоимъ вмѣстѣ; именно—десятина государственная должна была идти и шла епископамъ, десятина съ частныхъ людей должна была идти и шла въ пользу мѣстнаго приходскаго духовенства, за вычетомъ изъ нея четвертой части въ пользу епископовъ [1]). Нашъ св. Владимиръ, во-первыхъ, назначилъ десятину въ содержаніе не обоимъ классамъ духовенства—высшему и низшему, а только одному первому или архіереямъ; во вторыхъ, онъ обязалъ къ ея взносу не всѣхъ частныхъ людей, а только однихъ вотчинниковъ, которые владѣли недвижимыми имѣніями и получали съ имѣній оброки.

Что Владимиръ назначилъ десятину въ содержаніе не обоимъ классамъ духовенства, а одному только высшему или архіереямъ, на это мы имѣемъ прямыя и косвенныя свидѣтельства. Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ въ своей грамотѣ Смоленской епископіи предписываетъ, чтобы частные люди, такъ же какъ и правительство, правили десятину епископу [2]). Но если бы десятина была назначена въ содержаніе не однимъ епископамъ, но и низшему духовенству, то частные люди должны были бы править ее не епископамъ, а своимъ приходскимъ церквамъ. Подъ 1037 г. лѣтопись говоритъ, что Ярославъ послѣ Владимира «ины церкви ставяше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди». Но если бы городскіе и сельскіе священники получили въ свое содержаніе десятину, назначенную Владимиромъ, то Ярославу уже не было бы нужды давать имъ урока отъ своего имѣнья. Вѣроятнѣйшимъ отвѣтомъ на вопросъ: почему Владимиръ, заимствовавъ десятину отъ Запада, назначилъ ее въ содержаніе не всему духовенству, какъ это было тамъ, а однимъ епископамъ, представляется то, что онъ не хо-

---

труда (ремесла, художества, службы), decima praedialis—съ произведеній земли, decima mixta—съ животныхъ (такъ какъ прибытокъ отъ животныхъ—не только даръ природы, но требуетъ и попеченій человѣка, хотя впрочемъ произведенія земли требуютъ еще болѣе труда со стороны человѣка; или же на два класса: decima personalis и обнимающая второй и третій указанные классы decima realis). Decima praedialis подраздѣлялась въ свою очередь на два класса: decima major—съ хлѣба и вина, и decima minor—съ овощей.

[1]) Въ нѣкоторыхъ впрочемъ странахъ, какъ напр. въ Венгріи, и наша десятина шла въ пользу епископовъ, а мѣстному приходскому духовенству выдѣлялась изъ нея только нѣкоторая часть, см. въ изданіи *Баттіана* Leges ecclesiasticae regni Hungariae, t. I, p. 83 col. 2.

[2]) Дополнн. къ Акт. Ист. т. I, № 4, стр. 6 col. 2.

тѣлъ обременять десятиной всѣхъ сословій общества. Если бы назначить десятину въ содержаніе и приходскимъ священникамъ, тогда нужно было бы обложить десятиной всѣхъ безъ изъятія міряпъ, какъ это и было на Западѣ: но Владимиръ могъ находить это отяготительнымъ для міряпъ, а поэтому, не желая и не находя удобнымъ отягощать ихъ, и ограничился одной только десятиной епископамъ, причемъ изъ частныхъ людей привлекъ къ ея отбыванію только одинъ классъ наиболѣе состоятельный [1]).

Что Владиміръ обязалъ у насъ къ платѣ десятины не всѣхъ безъ изъятія частныхъ людей, это нужно было бы предполагать уже на основаніи сейчасъ сказаннаго нами. Если бы всѣ безъ изъятія частные люди были обязаны у насъ къ платѣ десятины и если бы въ то же время вся сполна десятина шла у насъ однимъ епископамъ: то Владиміръ создалъ бы у насъ послѣднимъ слишкомъ роскошное содержаніе, котораго вовсе не имѣли они и на Западѣ [2]). Положительное свидѣтельство, что у насъ не всѣ міряне были обязаны къ платѣ десятины, представляютъ собою приведенныя нами слова лѣтописи объ Ярославѣ и потомъ таковое же свидѣтельство читаемъ въ упомянутой грамотѣ Ростислава Мстиславича. Если Ярославъ давалъ урокъ отъ своего имѣнья священникамъ церквей, которыя онъ строилъ въ городахъ и въ селахъ: то ясно, что жители городовъ и селъ не были обязаны къ платѣ десятины, ибо иначе послѣдняя представляла бы собой средство содержанія священниковъ и князь не имѣлъ бы нужды давать имъ еще своего урока или своей руги. Ростиславъ Мстиславичъ въ своей грамотѣ, сказавъ, что даетъ епископу десятину съ своей княжеской дани, т. е. съ дани, которая платится ему—князю населеніемъ княжества, прибавляетъ, что должна быть платима епископу десятина и со всякой другой дани, чья бы она ни была: «что ся наречеть области Смоленское (областью Смоленскою),—говоритъ князь,—или мала или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чія си хоти (чья бы то ни было), правити десятину святѣй Богородици (каѳедрѣ епископа Смоленскаго), безъ всякого отпису дѣяти». Такимъ образомъ, изъ частныхъ людей Ростиславъ Мстиславичъ обязываетъ

---

[1]) Выше мы сказали, что въ Венгріи, вопреки другимъ католическимъ странамъ, десятину съ частныхъ людей взимали не приходскіе священники, а тѣ же епископы и только удѣляли изъ нея приходскимъ священникамъ нѣкоторую часть. Въ сосѣдней съ нами Польшѣ не было ли такъ, что сполна всю взимали ее епископы и Владиміръ не послѣдовалъ ли этому готовому примѣру Польши?

[2]) Впрочемъ, какъ мы сейчасъ сказали, за исключеніемъ нѣкоторыхъ странъ.

къ платѣ десятины епископу тотъ классъ ихъ, который получалъ какую нибудь, малую или большую, дань. Что это за классъ людей,—не совсѣмъ опредѣленно; но, очевидно, что подъ нимъ должно разумѣть, какъ мы сказали, вотчинниковъ, которые получали дани или оброки съ своихъ имѣній. Отъ св. Владимира до Ростислава Мстиславича протекло полтора столѣтія и такъ какъ мы знаемъ, что за это время десятина потерпѣла измѣненія въ другихъ отношеніяхъ, о чемъ скажемъ ниже: то представлялось бы, что и относительно частныхъ людей, съ которыхъ было положено взимать десятину въ пользу епископовъ св. Владимиромъ, грамота Ростиславова не можетъ быть принимаема за надежное свидѣтельство, именно—что послѣ Владимира до Ростислава число этихъ людей могло быть сокращено. Но, снося свидѣтельство грамоты Ростиславовой съ свидѣтельствомъ лѣтописи объ Ярославѣ, мы приходимъ къ тому заключенію, что въ нашемъ отношеніи со времени св. Владимира до Ростислава не произошло перемѣнъ или что Владимиромъ въ нашемъ отношеніи было узаконено именно то, что видимъ и при Ростиславѣ: по свидѣтельству лѣтописи объ Ярославѣ не были обязаны Владимиромъ къ платѣ десятины епископамъ городское и сельское населеніе; слѣдовательно, могъ быть обязанъ имъ къ платѣ десятины только тотъ классъ людей, который обязываетъ къ сей платѣ и Ростиславъ.

Въ какомъ объемѣ или съ какихъ статей княжескихъ доходовъ назначено было св. Владимиромъ давать епископамъ десятину княжую или государственную, объ этомъ узнаемъ отчасти изъ словъ лѣтописи о немъ самомъ, отчасти изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ. По поводу освященія Десятинной церкви лѣтопись говоритъ, что Владимиръ далъ этой церкви, т. е. должно подразумѣвать—митрополиту съ этою церковію, какъ его каѳедрою, «отъ имѣнья своего и отъ градъ своихъ десятую часть». «Отъ имѣнья своего» значитъ отъ своего частнаго имѣнія или хозяйства; «отъ градъ своихъ» значитъ отъ казенно-государственныхъ доходовъ, (которые собирались чрезъ города, какъ центры ихъ областей или по отношенію къ которымъ города служили центрами областей). Частное хозяйство Владимира, какъ и другихъ или вообще князей, распадалось на нѣсколько видовъ или нѣсколько статей (земледѣліе, садоводство, скотоводство, огородничество, рыболовство и еще, можетъ быть, что нибудь). Лѣтопись не говоритъ, со всѣхъ ли видовъ (статей) хозяйства назначилъ Владимиръ десятину, или только съ нѣкоторыхъ; что касается до дѣла самого по себѣ, то гораздо вѣроятнѣе предполагать первое, а не послѣднее, ибо иначе нужно было

бы усвоять Владиміру недостатокъ скопидомства, которымъ, какъ это намъ извѣстно, онъ вовсе не страдалъ. Относительно казенныхъ доходовъ мы положительно знаемъ изъ послѣдующихъ свидѣтельствъ, что Владиміръ предоставилъ или назначилъ епископамъ десятину отъ даней, отъ виръ или штрафовъ за уголовныя преступленія и отъ продажъ или пошлинъ за гражданскія судебныя дѣла [1]). Но такъ какъ сейчасъ указаннымъ не исчерпываются всѣ казенные доходы, то можетъ быть, что извѣстное намъ не обнимаетъ всей дѣйствительности,—что Владиміромъ была предоставлена десятина епископамъ и еще съ нѣкоторыхъ или вообще со всѣхъ статей казенныхъ доходовъ [2]).

Относительно частныхъ вотчинниковъ Ростиславъ Мстиславичъ предписываетъ въ своей грамотѣ, чтобы они, подобно князю, платили епископу десятину отъ денежныхъ даней, подъ которыми должно разу-

---

[1]) Изъ грамоты Новгородскаго князя Святослава Олеговича епископу Новгородскому Нифонту 1137 г., о которой скажемъ ниже,—Русск. Достопп. I, 82.

[2]) Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій въ своей грамотѣ епископіи Смоленской какъ будто даетъ знать, что Владиміръ предоставилъ епископамъ десятину отъ такъ называемаго полюдья. Князь назначаетъ въ содержаніе епископу Смоленскому десятину отъ даней, но (какъ это онъ прямо говоритъ) безъ десятины отъ продажъ, отъ виръ и отъ полюдья. А такъ какъ мы знаемъ, что десятина отъ продажъ и отъ виръ была предоставлена отъ Владиміра епископамъ (предъидущее примѣчаніе): то какъ будто это слѣдуетъ и относительно десятины отъ полюдья. Полюдьемъ назывались объѣзды князьями областей (хожденія по людямъ), при чемъ они содержимы были населеніями областей и производили съ нихъ тѣ или другіе сборы въ видѣ дара (о полюдіи нашихъ первыхъ князей, продолжавшемся ежегодно во всю зиму отъ Ноября до Апрѣля, при чемъ князья содержимы были населеніемъ, у Константина Порфирогенита въ De administrando imperio, cap. 9, а разъясненіе мѣста у Константина въ статьѣ Неволина: „О значеніи слова „гира",—какъ Константинъ погречески называетъ полюдіе: τὰ πολύδια, ὃ λέγεται Γύρα. Вел. кн. Мстиславъ Владиміровичъ далъ въ 1130 г. Новгородскому Юрьеву монастырю нѣкоторую часть изъ осенняго полюдья *даровнаго* Новгородскихъ князей. См. Лаврентьевскую лѣтопись подъ 1190 годомъ, въ которомъ полюдье князей еще имѣло мѣсто.—Андрей Боголюбскій далъ построенной имъ церкви Богородицы во Владимірѣ, предназначенной было въ каѳедры особаго Владимірскаго митрополита, между прочимъ „торгъ десятый", т. е. десятину отъ таможенныхъ пошлинъ съ торговъ или базаровъ: очень можетъ быть, что это по древнему или первоначальному примѣру св. Владиміра.—Ростиславъ Мстиславичъ въ своей грамотѣ назначаетъ размѣры „погородія" или дани, которую имѣлъ взимать епископъ Смоленскій съ городовъ Смоленской области. Но подъ этимъ погородіемъ должно разумѣть не десятину съ полюдія, а по всей вѣроятности такъ называемый архіерейскій „подъѣздъ", о которомъ скажемъ ниже, ибо князь въ этомъ случаѣ назначаетъ не десятую часть съ того, что самъ получаетъ, а „урокъ", — опредѣленную дань или опредѣленную плату.

мѣть оброки, получавшіеся ими съ крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ или арендовавшихъ у нихъ земли. Но относительно первоначальнаго узаконенія св. Владимира очень вѣроятно думать, что оно предписывало вотчинникамъ платить десятину епископамъ не только съ даней или оброковъ, но и съ натуральныхъ произведеній ихъ собственныхъ хозяйствъ.

За другой послѣ десятины способъ обезпеченія Владимиромъ епископовъ въ ихъ содержаніи, какъ мы сказали, съ весьма большою вѣроятностію должны быть принимаемы недвижимыя имѣнія или вотчины.

Недвижимыя имѣнія или вотчины состояли изъ двухъ классовъ: изъ земель, на которыхъ вотчинники вели собственное хозяйство чрезъ своихъ сельскихъ холоповъ (позднѣйшія такъ называемыя усадьбы съ находящимися при нихъ запашками и вообще хозяйствами, представлявшія собою хутора, фермы или экономіи), и изъ земель, которыя вотчинники отдавали въ арендное пользованіе крестьянамъ (позднѣйшія въ собственномъ смыслѣ вотчины). Архіереи, въ качествѣ высшихъ сановниковъ церкви, имѣли принадлежать по своему положенію къ самымъ большимъ людямъ общества. Но большіе мірскіе люди общества, высшіе бояре, несомнѣнно всѣ владѣли болѣе или менѣе значительными вотчинами перваго класса, имѣя болѣе или менѣе обширныя хозяйства. А поэтому совершенно естественно и весьма вѣроятно предполагать, что Владиміръ призналъ за необходимое или счелъ себя обязаннымъ сдѣлать архіереевъ вотчинниками въ сейчасъ указанномъ нами смыслѣ, даровавъ имъ въ томъ или другомъ объемѣ наши земли и для веденія хозяйствъ на земляхъ снабдивъ ихъ потребнымъ количествомъ холоповъ. Весьма вѣроятное предположеніе находитъ подтвержденіе себѣ и въ положительныхъ данныхъ. Въ позднѣйшее время при архіереяхъ нашихъ являются такъ называемыя боярскія дѣти, представлявшія собою ихъ свѣтскихъ служилыхъ людей или чиновниковъ, хозяйственныхъ и вмѣстѣ административныхъ. Несомнѣнно, что эти боярскія дѣти ведутъ свое начало отъ самого св. Владимира, какъ имъ самимъ впервые данныя архіереямъ: въ Ярославовомъ уставѣ Новгороду о мостѣхъ упоминаются Софіяне или Софьяне [1]), подъ которыми разумѣются не какіе иные люди, какъ боярскія дѣти или служилые люди,—слуги въ смыслѣ чиновниковъ, св. Софіи, т. е. архіепископа Новгородскаго. Но служилыхъ людей или слугъ Владиміръ далъ архіереямъ для какой нибудь цѣли. Правда, что мы видимъ ихъ

---

[1]) Софійск. Временникъ изд. *Строева*, I, 129.

въ качествѣ церковно-административныхъ чиновниковъ при архіереяхъ, какъ сборщиковъ десятины и надзирателей надъ духовенствомъ. Должно однако думать, что церковно-административными чиновниками они стали только по злоупотребленію и что первоначальное и собственное ихъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы быть хозяйственными чиновниками архіереевъ. А если такъ, то существованіе хозяйственныхъ чиновниковъ предполагаетъ существованіе и самыхъ хозяйствъ. Между недвижимыми имѣніями нашихъ епископовъ упоминаются города. Что разумѣть подъ городами, не совсѣмъ ясно; но, по всей вѣроятности, не города въ собственномъ смыслѣ этого слова, а большія и хорошо относительнымъ образомъ укрѣпленныя усадьбы (какъ бы замки), съ большими поселеніями при нихъ холоповъ [1]). Если это такъ, то принадлежность одного города каѳедрѣ митрополичьей есть вся вѣроятность относить ко времени самого св. Владиміра; это именно города Синелица, который упоминается въ Никоновской лѣтописи подъ 1123 г. и который есть нынѣшнее мѣстечко Сенча, находящееся въ Полтавской губерніи, въ Лохвицкомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Сулѣ. Городъ этотъ, какъ необходимо заключать отъ его мѣстности, сдѣлался собственностію каѳедры митрополичьей еще въ то время, какъ послѣдняя находилась въ Переяславлѣ: но это—время св. Владиміра.

Въ вотчинахъ, состоявшихъ изъ земель, населенныхъ крестьянами—арендаторами, архіереи не имѣли нужды, и такъ какъ Владиміръ уже достаточно обезпечилъ ихъ вышеуказаннымъ, то и представляется маловѣроятнымъ думать, чтобы онъ, простирая свою щедродательность до излишка, надѣлилъ ихъ и этими послѣдними вотчинами. И спустя много времени послѣ Владиміра вновь учреждавшіяся епископскія каѳедры были снабжаемы отъ князей нашими вотчинами, какъ кажется, въ очень незначительной степени.

Итакъ, св. Владиміръ обезпечилъ епископовъ въ средствахъ содержанія, во-первыхъ, десятиной, которая должна была взиматься съ княжескихъ доходовъ болѣе или менѣе въ полномъ объемѣ послѣднихъ и съ доходовъ частныхъ людей, составлявшихъ классъ вотчинниковъ; во-вторыхъ, какъ со всею вѣроятностію должно предполагать, недвижимыми имѣніями, которыя состояли въ земляхъ для веденія собственныхъ хозяйствъ, съ придачею къ землямъ потребнаго количества сельскихъ холоповъ, а также потребнаго количества служилыхъ людей

[1]) Боголюбовъ Андрея Боголюбскаго, называемый городомъ, былъ именно сейчасъ указаннаго рода усадьбой.

или слугъ, которые бы въ дѣйствительности вели хозяйства и вообще завѣдывали ими.

Но само собою должно быть подразумѣваемо, что прежде чѣмъ обезпечивать епископовъ въ средствахъ содержанія, Владимиръ устроилъ имъ жилища или резиденціи. При этомъ, если не само собою подразумѣвается, то съ совершенною вѣроятностію должно быть предполагаемо, что онъ снабдилъ епископовъ достаточнымъ количествомъ домовыхъ холоповъ (такъ чтобы домашній бытъ епископовъ соотвѣтствовалъ ихъ общественному положенію или ихъ сановности) [1].

Епископы наши начали нуждаться въ средствахъ содержанія, конечно, съ первой минуты прибытія на Русь, что̀ было въ 991-мъ г. Между тѣмъ лѣтопись говоритъ, что Владимиръ далъ десятину Кіевской церкви Богородицы и съ нею (какъ должно подразумѣвать) митрополиту въ 996-мъ г. при ея освященіи, т. е. на шестой годъ послѣ прибытія епископовъ. Весьма возможно, что лѣтопись не ошибается и говоритъ дѣйствительную правду. Водворенію епископовъ на каѳедрахъ и ихъ обезпеченію въ содержаніи должно было предшествовать крещеніе народа, если не совершенно поголовное, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе общее. А на это, даже разумѣя дѣло въ послѣднемъ, а не въ первомъ, смыслѣ, конечно, могло потребоваться не менѣе шести лѣтъ. Очень можетъ быть даже, что и въ 996-мъ г. десятина дана была только митрополиту, а прочимъ епископамъ, о дарованіи которымъ десятины лѣтопись ничего не говоритъ, то или другое нѣкоторое время позднѣе. Само собою должно подразумѣвать, что епископы, пока не получили десятины, были содержимы Владимиромъ на тотъ же собственный счетъ (ибо иначе имъ не на что было бы содержаться). Лѣтопись увѣряетъ, что Владимиръ, давъ въ 996-мъ г. десятину Кіевской церкви Богородицы (и митрополиту), написалъ относительно ея и положилъ въ церкви на храненіе свою нарочитую грамоту; къ величайшему сожалѣнію, эта грамота, въ которой мы, вѣроятно, нашли бы рѣшеніе немалаго количества вопросовъ, не сохранилась до настоящаго времени.

---

[1]) Что домовые холопы нашихъ архіереевъ, по всей вѣроятности, ведущіе свое начало отъ царствованія св. Владимира, во всякомъ случаѣ явились у нихъ весьма рано, это видно изъ разсказа лѣтописей о второмъ Новгородскомъ епископѣ Лукѣ Жидятѣ, что въ 1055 г. онъ былъ оклеветанъ передъ митрополитомъ своими холопами, и изъ извѣстія о третьемъ Новгородскомъ епископѣ Стефанѣ, что въ 1068 г. онъ былъ удавленъ своими холопами.

По свидѣтельству лѣтописи, намѣреніемъ Владимира при дарованіи имъ десятины епископамъ было то, чтобы она сполна осталась за ними навсегда, ибо лѣтопись говоритъ, что въ сейчасъ помянутой грамотѣ, которою утверждалась за Кіевскою церковію Богородицы и за митрополитомъ десятина было написано: «аще кто сего посудить, да будеть проклятъ». Если это правда, то воля Владимира не осталась ненарушимою. Послѣ нашествія Монголовъ исчезла вся вообще десятина, бывъ замѣнена другимъ, гораздо меньшимъ, источникомъ дохода. Что касается до самаго періода до-монгольскаго, то во все его продолженіе оставалась за епископами десятина отъ княжескихъ податей или оброковъ съ населеній; но затѣмъ отъ первой половины XII вѣка имѣемъ свидѣтельства, что въ епархіяхъ, которыя открыты были при самомъ Владимирѣ, получалась епископами десятина отъ помянутыхъ даней и еще отъ виръ и отъ продажъ или отъ судебныхъ штрафовъ и пошлинъ [1]), а въ епархіяхъ вновь открывавшихся предоставлялась князьями епископамъ десятина только съ однихъ даней [2]). Послѣ Владимира, съ теченіемъ времени, доходы епископовъ постепенно все болѣе и болѣе увеличивались. Это, конечно, и дало основаніе до-монгольскимъ князьямъ нарушить до нѣкоторой степени его завѣтъ и сократить размѣры десятины (Что касается до совершеннаго прекращенія десятины послѣ нашествія Монголовъ, то причиной сего должно быть считаемо чрезвычайное обстоятельство—это именно нашествіе).

Десятина съ частныхъ княжескихъ имѣній или съ селъ, пока она существовала, по всей вѣроятности, выдавалась натурою, т. е. по окончаніи каждаго сельско-хозяйственнаго года выдавалась изъ прибылей, которыя онъ доставлялъ, десятая мѣра всякаго произращавшагося хлѣба и десятая голова всякаго прибывавшаго скота.

Изъ десятинъ государственныхъ десятина отъ виръ и отъ продажъ или отъ судебныхъ штрафовъ и пошлинъ выдавалась не такимъ

---

[1]) Грамота Новгородскаго князя Святослава Олеговича 1137 г.: „уставъ, бывшій преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ (св. Владиміръ) и отъ дѣдъ нашихъ имати пискупомъ (епископамъ) десятину отъ даній и отъ виръ и продажъ, что входить въ княжь дворъ всего", Русск. Достоп. I, 82.

[2]) Грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150-го г. Смоленской епископіи, открытой въ 1137-мъ г.: „се даю святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, что ся въ нихъ сходить истыхъ кунъ, кромѣ продажи и кромѣ виры и кромѣ полюдья", Дополн. къ Акт. Истор. т. I № 4, стр. 5, col. 2. Изъ своего частнаго имѣнія Ростиславъ Мстиславичъ даетъ епископу десятину отъ рыбъ, которыя на него ловятся въ двухъ мѣстахъ княжества.

образомъ, чтобы по полученіи штрафа или пошлины съ какого-либо дѣла княжескими судьями тотчасъ же доставлялась десятая часть епископамъ, а такъ же, какъ и предъидущая, по окончаніи каждаго судебнаго года: изъ общей суммы выручавшихся за годъ этой статьи доходовъ выдавалась епископамъ по его окончаніи десятая часть изъ княжескихъ казначействъ. Такъ какъ эта десятина подавала поводъ къ неудовольствіямъ между князьями и епископами, заставляя послѣднихъ подозрѣвать судей княжескихъ, если не самихъ князей, въ утайкѣ доходовъ, то нѣкоторые князья выкупали ее у епископовъ, а именно—по неизвѣстному намъ, вѣроятно, среднему разчисленію ея величины за то или другое количество предшествовавшихъ лѣтъ, договаривались съ епископами выдавать имъ вмѣсто неизвѣстной, имѣющей придти суммы, извѣстную опредѣленную [1]).

Съ десятиной отъ даней или оброковъ съ населеній было поступлено особеннымъ образомъ. Она не имѣла быть выдаваема князьями епископамъ по окончаніи каждаго податнаго года или по мѣрѣ сбора даней, а отдѣлена была въ особую подать, которую было предоставлено собирать съ населеній самимъ епископамъ, т. е. изъ десяти частей княжеской дани съ каждаго плательщика отдѣлена была въ особую подать одна десятая часть (напр. изъ рубля гривна) и эта особая подать и отдана была епископамъ какъ ихъ собственная и самостоятельная подать, которую они должны были собирать сами посредствомъ своихъ собственныхъ сборщиковъ. Такимъ образомъ, десятина съ княжескихъ даней или оброковъ образовала особую дань епископамъ съ населеній епархій. Что дѣло было устроено именно такимъ образомъ и что наша стараго времени дань съ мірянъ епархій епископамъ имѣетъ именно сейчасъ указанное происхожденіе, а не какое-нибудь другое (хотя послѣ нашествія Монголовъ она была уже не десятина), это—во первыхъ, необходимо заставляютъ предполагать являющіеся при нашихъ архіереяхъ такъ-называемые десятинники, должность и обязанность которыхъ могла состоять въ сборѣ на нихъ десятинъ и ни въ чемъ другомъ; во-вторыхъ, это прямо и ясно даетъ знать Симонъ, епископъ Владимирскій, представляющій сборъ своей десятины, какъ сборъ особой подати и производимый имъ самимъ [2]). По-

---

[1]) Таковой договоръ съ епископомъ (Новгородскимъ) представляетъ собою помянутая выше грамота Святослава Олеговича, написанная имъ по соглашенію съ епископомъ Нифонтомъ.

[2]) Въ Патерикѣ, во вступительномъ или собственномъ увѣщаніи Поликарпу: „Кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея съборныя церкви красоты

чему сдѣлано было такимъ образомъ, прямо не видно и можно только догадываться. При сборѣ оброковъ могли быть бо́льшіе или меньшіе недоборы. Если бы князья оставили за собой собираніе десятины, то они должны были бы выдавать ее епископамъ или по разсчету того, что̀ дѣйствительно каждый годъ получали или по разсчету того, что̀ должны были получать сообразно окладамъ. Въ первомъ случаѣ всегда былъ бы поводъ къ подозрѣнію въ утайкѣ и слѣдовательно поводъ къ неудовольствію между князьями и епископами; во-второмъ случаѣ было бы невыгодно для князей, которые должны были бы доплачивать епископамъ недобранное изъ своей собственной части доходовъ. По этой, вѣроятно, причинѣ и выдѣлена была десятина съ даней или оброковъ въ особую подать, которую предоставлено было собирать съ населеній самимъ епископамъ: если епископы собирали ее сполна,—было ихъ счастье; если болѣе или менѣе не добирали—было ихъ несчастье. Двѣ, дошедшія до насъ грамоты изъ періода до-монгольскаго, [1]) показываютъ, что епископамъ были даваемы князьями окладныя оброчныя росписи, въ которыхъ обозначалось, сколько въ какой волости слѣдовало епископамъ ихъ десятой части, и что по этимъ росписямъ епископы и производили сборы.

Чрезъ такое устройство дѣла съ десятиной отъ даней или оброковъ случилось то, что она явилась средствомъ обезпеченія нашихъ епископовъ тождественнымъ съ одною изъ статей дохода епископовъ греческихъ. Съ десятиной этой дѣло было устроено у насъ такъ, что она стала податью епископамъ съ населеній епархій; но точно также и въ Греціи между другими средствами содержанія епископовъ существовала подать съ населеній епархій. Если бы у насъ съ нашею десятиною дѣло было устроено иначе, т. е. если бы она не была отдѣлена въ особую подать (а выдавалась епископамъ князьями), то съ теченіемъ времени греческая подать перешла бы къ намъ, какъ перешли къ намъ всѣ греческія средства содержанія епископовъ (а выдаваніе десятины епископамъ князьями съ теченіемъ времени, вѣроятно, прекратилось бы, какъ это случилось съ другими десятинами, которыя

Володимерьское (соборныя церкви, которая, будучи великолѣпною, составляетъ красоту Владимира) и другія Суздальскія церкве, юже самъ создахъ; колика имѣета (двѣ помянутыя каѳедральныя церкви) градовъ и селъ, и *десятину собираютъ по всей земли той*, а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость".

[1]) Святослава Олеговича Новгородскаго и Ростислава Мстиславича Смоленскаго (первая представляетъ собою окладную оброчную роспись только дополнительную).

князья выдавали епископамъ сами). Но тогда бы подать явилась у насъ, какъ новая подать, наложенная на мірянъ; при указанномъ же устройствѣ дѣла съ нашей десятиной случилось то, что именно эта десятина (превращенная въ подать) замѣнила указанную подать и что чрезъ это міряне освободились у насъ отъ новой подати въ пользу епископовъ (т. е. они стали платить имъ, какъ и въ Греціи, подать, но подать не вновь на нихъ наложенную, а образовавшуюся чрезъ выдѣленіе десятины изъ княжеской дани [1]).

Что касается до десятины съ частныхъ людей, составлявшихъ классъ вотчинниковъ, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что съ самаго начала она была получаема епископами или была платима имъ очень неисправно и что, прекратившись или не прекратившись еще до нашествія Монголовъ, она въ большую часть времени періода до-монголь-

[1]) Когда и какимъ образомъ явилась у Грековъ подать съ населеній епархій въ пользу епископовъ, не имѣемъ свѣдѣній. Императоръ Алексѣй Комнинъ († 1118), говоря въ одной своей новеллѣ объ обязанности архіереевъ обходить епархіи, пишетъ объ этой подати, называвшейся τὸ κανονικόν (и еще, кажется, подобно подати государственной καπνικόν—подымница, ибо у позднѣйшихъ Сербовъ она—дымница): „и канониконъ для того назначенъ архіереямъ, чтобы каждый (изъ нихъ), обходя (епархію) и уча, имъ (каноникономъ) питался" (у *Ралли* и *П.* V, 303), что́ заставляетъ объяснять происхожденіе подати такъ, что архіереи, обходя епархіи и благословляя (какъ они дѣлали въ древнее время) жилища всѣхъ мірянъ въ каждомъ селеніи, отъ всѣхъ получали добровольныя благодаренія, которыя и превратились потомъ въ обязательные сборы. Патріархъ Николай Грамматикъ († 1111) въ своей грамотѣ говоритъ о канониконѣ съ мірянъ: „(государи) начатки (плодовъ) отъ мірянъ (ἀπὸ τῶν λαϊκῶν ἀπαρχάς), назвавши канониконом, опредѣлили взимать съ каждаго изъ сихъ (мірянъ) сообразно ихъ достатку и доставлять благоговѣйнѣйшимъ іереямъ" (у *Ралли* и *П.* V, 60). Государственно узаконилъ подать имнер. Исаакъ Комнинъ новеллою отъ 1057—59 г. (не въ полномъ видѣ она у *Ралли* и *П.* I, 75, въ полномъ видѣ у *Цахаріе* въ Ius Graeco-Romanum III, 322; повторена въ новеллѣ Алексѣя Комнина,—у *Ралли* и *П.* V, 28, у *Цахаріе* ibid. p. 365; что подать узаконена послѣ патріарха Алексѣя, который † 1042 г., см. помянутую выше грамоту патр. Николая Грамматика). Новеллой Исаака Комнина подать эта опредѣляется: съ селенія, имѣющаго 30 дымовъ (καπνούς), епископу: одна золотая монета, двѣ серебряныхъ, одинъ баранъ, шесть модіевъ ячменя (модій по опредѣленію позднѣйшаго Грека—Христоф. Ангела въ Ἐγχειρίδιον'ѣ, ed. Fehlavii стр. 846, есть третья часть вьюка одной лошади), шесть мѣръ вина, шесть модіевъ муки и 30 курицъ; съ селенія, имѣющаго 20 дымовъ: двѣ трети монеты золотой, одна серебряная, ягненокъ годовикъ (полугодовикъ? μέσαρνον), четыре модія ячменя, четыре мѣры вина, четыре модія муки и 20 курицъ; съ селенія, имѣющаго 10 дымовъ: пять серебряныхъ монетъ, одинъ ягненокъ, два модія ячменя, двѣ мѣры вина, 10 курицъ. Въ позднѣйшее время эта подать съ мірянъ епархій называлась αἱ ζήτιαι—требованія (по-старорусски—спросъ, запросъ) и турецкимъ именемъ мирія.

скаго существовала не столько въ видѣ обязательной дани со всего указаннаго класса людей, сколько въ видѣ добровольнаго приношенія со стороны отдѣльныхъ въ немъ лицъ, особенно усердствовавшихъ къ епископамъ.

(Мы говоримъ, что десятина была дана епископамъ вмѣстѣ съ ихъ каѳедральными причтами, т. е. что епископы должны были удѣлять этимъ причтамъ на ихъ содержаніе ту или другую часть десятины. Это необходимо слѣдуетъ изъ актовъ и памятниковъ, которые говорятъ о дарованіи десятины или епископу и его каѳедральной церкви (Ростиславъ Мстиславичъ въ своей грамотѣ: «се даю святѣй Богородици и епископу десятину»...) или же одной каѳедральной церкви, безъ упоминанія объ епископѣ (лѣтопись о дарованіи десятины митрополиту, говорящая, что Владимиръ далъ десятину церкви Богородицы, безъ прибавленія, что и митрополиту [1]), и Ростиславъ Мстиславичъ въ другихъ мѣстахъ своей грамоты). Не безъ нѣкоторой вѣроятности можно предполагать, что та или другая часть десятины была назначена какъ бы въ жалованье такъ называемымъ епископскимъ клирошанамъ или соборамъ священниковъ, составлявшихъ при епископахъ правительственныя коллегіи.—Если не у всѣхъ, то у нѣкоторыхъ епископовъ было не по одной каѳедральной церкви, а по двѣ (какъ теперь) или даже по три. Всѣ ли каѳедральные причты содержались десятиной или только одинъ тотъ, который состоялъ при каѳедральной церкви въ тѣснѣйшемъ и собственномъ смыслѣ этого слова, не можемъ сказать [2]). Давъ десятину Кіевской церкви Богородицы и ми-

---

[1]) Владимиръ говоритъ въ лѣтописи: „даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть“, при чемъ во всемъ ея разсказѣ объ освященіи Десятинной церкви, при которомъ Владимиръ далъ послѣдней десятину, нѣтъ ни слова о митрополитѣ. Но на основаніи лѣтописи предполагать наоборотъ, что Владимиръ далъ десятину одной церкви безъ митрополита. было бы совершенно неосновательно. Во-первыхъ, Десятинная церковь была каѳедральною церковію митрополита, и необходимо предполагается, что данное ей дано было ему. Во-вторыхъ, если бы Владимиръ обезпечилъ причтъ Десятинной церкви независимо отъ митрополита, то онъ далъ бы ему десятину не со всего великаго княженія, какъ это было, а только какую нибудь частную, ибо въ первомъ случаѣ ничего не оставалось бы митрополиту (и обезпеченіе причта церкви десятиной со всего великаго княженія само по себѣ совершенно невѣроятно).

[2]) Пока митрополиты жили въ Переяславлѣ, ихъ десятиной были содержимы оба ихъ каѳедральные причта—Переяславскій и Кіевскій: о первомъ необходимо это предполагать, потому что онъ находился при самихъ митрополитахъ, а о второмъ это прямо говорится въ лѣтописи. Какъ было устроено, когда въ Кіевѣ каѳедра митрополитовъ переведена была отъ Десятинной церкви къ Ярославовой св.

трополиту, Владиміръ назначилъ для завѣдыванія десятиной своего особаго уполномоченнаго или своего чиновника — извѣстнаго Анастаса Корсунянина (относительно котораго иные безъ всякаго основанія предполагаютъ, будто онъ былъ священникъ и будто поставленъ былъ Владиміромъ въ протопопы Десятинной церкви: «и вдасть десятину Настасу Корсунянину»). Не знаемъ, было ли это только въ одной митрополіи или и во всѣхъ епископіяхъ и на первое ли только время или постоянно (Если во всѣхъ епископіяхъ и постоянно, то наши уполномоченные соотвѣтствовали бы западнымъ адвокатамъ церковнымъ,—advocati ecclesiarum, или старостамъ,—Kirchenvögte, см. первое слово у *Дюканжа* въ Gloss. Latinit.).—Обязательную десятину князей своимъ епископамъ, о которой говоримъ, должно отличать отъ добровольной ихъ десятины кому бы то ни было; князья обязаны были давать десятину своимъ епископамъ, а затѣмъ они могли давать вольныя десятины какимъ либо особенно чтимымъ ими лицамъ или мѣстамъ. Такъ, о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ говорится въ лѣтописяхъ Лаврентьевской и Ипатской (въ первой—подъ 1086, во-второй—подъ 1087-мъ г.), что онъ давалъ десятину святой Богородицѣ Кіевской отъ имѣнья своего по вся лѣта: это значитъ, что послѣ обязательной десятины своему мѣстному епископу, князь давалъ нашей церкви добровольную десятину отъ своего особеннаго къ ней усердія (и вовсе не значитъ, чтобы Десятинной церкви обязаны были давать десятину всѣ князья).

Относительно недвижимыхъ имѣній епископовъ или епископскихъ каѳедръ наши свѣдѣнія за періодъ домонгольскій до крайней степени скудны. Имѣнія эти, какъ мы говорили выше, состояли изъ двухъ классовъ: изъ усадебныхъ земель съ собственнымъ на нихъ хозяйствомъ владѣльцевъ, что̀ въ древности обозначалось словомъ «село», и изъ земель, отдававшихся въ арендное пользованіе хлѣбопашцамъ - крестьянамъ [1])

Софіи,—осталось ли содержаніе десятиной за причтомъ первой, а причтъ второй былъ обезпеченъ иначе, или наоборотъ, десятина была передана причту второй, а причтъ первой былъ обезпеченъ иначе, не можемъ сказать.

[1]) При избыткѣ въ древнее время свободныхъ земель, которыя посредствомъ разработки всѣмъ можно было пріобрѣтать въ собственность, многіе хлѣбопашцы крестьяне предпочитали идти въ арендаторы на земли къ богатымъ людямъ потому, что послѣдніе—во-первыхъ, доставляли имъ защиту отъ всякихъ притѣсненій и притѣснителей среди тогдашняго безправія (становились ихъ патронами), во-вторыхъ,—что они ссужали ихъ деньгами, которыя имъ до нѣкоторой степени нужны были для заведенія и веденія хозяйства и которыя въ древнее время бѣднымъ лю-

и представлявшихъ собою начало позднѣйшихъ, по преимуществу такъ называемыхъ, вотчинъ. Находимъ мы вѣроятнымъ думать, что недвижимыми имѣніями перваго класса надѣлилъ въ томъ или другомъ объемѣ всѣхъ епископовъ самъ св. Владимиръ; а затѣмъ мы можемъ сказать только то малое, что обозначается жалкимъ словомъ «нѣчто». Недвижимыя имѣнія обоихъ классовъ епископы могли пріобрѣтать трояким образомъ—посредствомъ полученія въ даръ, посредствомъ покупки и посредствомъ собственнаго ихъ заведенія. Такъ какъ въ періодъ до-монгольскій недвижимыя имѣнія были еще вовсе не такъ многочисленны, какъ многочисленны стали онѣ впослѣдствіи, то необходимо думать, что въ то время вовсе не было и такой охоты жертвовать ими церкви, какую послѣ мы видимъ на Москвѣ. Это предположеніе подтверждается и положительными свидѣтельствами. Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій, основывая Смоленскую епископію, что было уже далеко не въ началѣ существованія нашей церкви, а спустя полтора столѣтія отъ него въ половинѣ XII вѣка, надѣлилъ епископію имѣніями, хотя и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ его полномъ усердіи къ ней, далеко не изобильно,—далъ три села или усадьбы (фермы), участокъ пахатной земли, нѣсколько сѣнныхъ покосовъ и озеръ, и только. Лѣтописи упоминаютъ подъ 1123-мъ г. о городѣ митрополичьемъ, а подъ 1169-мъ и о городѣ Богородицы Десятинной, и затѣмъ свидѣтельствуютъ, что Андрей Боголюбскій надѣлилъ свою Владимирскую Богородицу Златоверхую свободами или слободами купленными и селами лѣпшими. Но весьма вѣроятно, что митрополія съ Десятинною церковью и Владимирская Богородица Боголюбскаго представляли собою исключенія: великимъ князьямъ естественно было имѣть желаніе поставить митрополитовъ и знаменитую церковь крестителя Руси въ отношеніи къ обезпеченности въ исключительное положеніе, причемъ подъ городами не должно непремѣнно разумѣть населенныя мѣста съ десятками тысячъ жителей, а селенія, защищенныя городьбами отъ набѣговъ Половецкихъ, хотя бы и съ весьма небольшимъ числомъ первыхъ; желаніе же Боголюбскаго поставить свою церковь въ исключительное положеніе (какъ была исключеніемъ и она сама по своему великолѣпію) не подлежитъ сомнѣнію. При малочисленности недвижимыхъ имѣній, когда всякій старался еще только заводить ихъ, вовсе не могло быть охотниковъ и ихъ продавать. Такимъ об-

---

дямъ доставать было такъ трудно, что за нихъ шли въ кабалу (во временные или вѣчные рабы).

разомъ, слѣдуетъ полагать, что путемъ полученія въ даръ и путемъ покупки епископы могли пріобрѣсти въ до-монгольскій періодъ только самое ограниченное количество недвижимыхъ имѣній. Оставался путь собственнаго заведенія или устроенія такихъ имѣній. Мы полагаемъ, что здѣсь нужно различать усадьбы или села съ собственными хозяйствами и имѣнія, населенныя крестьянами, и что о тѣхъ и другихъ нужно думать совсѣмъ различно. Заниматься называніемъ на свои земли крестьянъ есть дѣло совсѣмъ не свойственное епископамъ, ибо должно было соединяться съ дрязгами, нисколько не идущими къ епископскому сану. Правда, въ послѣдствіи на Москвѣ епископы занимались этимъ дѣломъ такъ же усердно, какъ и свѣтскіе землевладѣльцы; но ко всякому неидущему занятію человѣкъ привыкаетъ не вдругъ, а только постепенно, и мы на семъ основаніи думаемъ, что въ періодъ до-монгольскій епископы этимъ дѣломъ еще не занимались. Что касается до усадебъ или селъ съ собственными хозяйственными заведеніями, то мы полагаемъ, что о нихъ должно думать наоборотъ. Каждому богатому человѣку естественно было стремиться къ тому, чтобы заводить и имѣть такія усадьбы или что то же свои собственныя хозяйства; весьма вѣроятно поэтому, что и епископы наравнѣ съ другими богатыми людьми стремились къ тому же и что такимъ образомъ каждая епископія имѣла ихъ бо́льшее или меньшее число. Соборъ Владимирскій 1274-го г., давая знать, что епископіи имѣли эти села или усадьбы съ собственными хозяйственными заведеніями, въ то же время указываетъ и на злоупотребленіе, которое епископы позволяли себѣ при обработкѣ своихъ земель,—именно что они сгоняли на барщинныя къ себѣ работы нищихъ, жившихъ при церквахъ и бывшихъ посему, какъ мы говорили выше, имъ подсудными. Епископы, какъ мы то же говорили выше, были въ древнее время наибольшею частію изъ людей богатыхъ. Можно со всею вѣроятностію думать, что они не только заводили села епископіямъ на доходы этихъ послѣднихъ или такъ сказать на казенныя ихъ средства, но что они—во-первыхъ, прилагали къ нимъ свои собственныя села, которыми владѣли въ міру, во-вторыхъ,—что и новыя села заводили также и на свои собственныя, принесенныя и получавшіяся въ міру, деньги. Если землевладѣніе епископовъ въ древнее или до-монгольское время состояло главнымъ образомъ въ томъ, что они имѣли усадьбы, села или мызы для веденія собственныхъ хозяйствъ, то всякій пойметъ, что въ то время этотъ источникъ доходовъ еще вовсе не принадлежалъ къ числу такихъ, гдѣ бы было одно простое взиманіе денегъ и болѣе ничего; это

еще не были позднѣйшія населенныя вотчины, получавшіяся въ даръ, гдѣ тотчасъ послѣ полученія являлось собираніе оброковъ съ крестьянъ, но были просто собственныя хозяйства, гдѣ прибыль, нисколько не даваясь даромъ, условливалась количествомъ затраченныхъ труда и капитала [1]).

---

[1]) Наши свѣдѣнія о недвижимыхъ имѣніяхъ епископскихъ каѳедръ въ періодъ до-монгольскій, будучи весьма немногочисленны и касаясь четырехъ каѳедръ—митрополичьей, Полоцкой, Смоленской, (Ростовско-) Владимирской и Черниговской, состоятъ въ слѣдующемъ. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1123-мъ г. упоминается принадлежавшій митрополиту городъ Синелицъ (II, 56: „того же лѣта пресвященный Никита митрополитъ Кіевскій и всея Русіи въ своемъ градѣ Синелицѣ затвори въ темницѣ злаго еритика Дмитра"), который есть нынѣшнее село Сенча, находящееся въ Полтавской губерніи, въ Лохвицкомъ уѣздѣ, см. выше стр. 498. Въ житіи преп. Евфросиніи Полоцкой не позднѣе 1128-го г. упоминается принадлежавшее каѳедрѣ Полоцкой „сельцо" (см. 2-й половины тома стр. 493 fin. по 1-му изданію). Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій далъ Смоленской епископіи: село Дросенское со изгои (думаемъ, что слово изгой употребляется въ несобственномъ смыслѣ и значитъ вообще холопа) и съ землею, село Ясенское съ бортникомъ и съ землею и съ изгои, землю въ Погоновичохъ Мошнинскую, озера Никоморская и съ сѣножатими и уѣздъ княжь (княжую лѣсную дачу, лѣсной участокъ?), на Сверковыхъ лугахъ сѣножати и уѣздъ княжь, озеро Колодарское, въ Смоленскѣ на горѣ огородъ съ капустникомъ (т. е. съ огородникомъ—капустникомъ) и съ женою и съ дѣтьми, за рѣкою тетеревникъ съ женою и съ дѣтьми (sic—тетеревникъ, вѣроятно садокъ тетеревиный, а далѣе пропускъ имени или названія лица, которое имъ завѣдывало и которому принадлежала жена); затѣмъ онъ взялъ еще у епископовъ Переяславскихъ, къ епархіи которыхъ принадлежала область Смоленская до открытія собственной епископіи, и отдалъ епископамъ Смоленскимъ одно имѣніе, которое дано было епископамъ Переяславскимъ его дѣдомъ Владимиромъ Мономахомъ и которое находилось въ области Смоленской, именно—не знаемъ, городъ или село—Холмъ (въ настоящее время село Бѣльскаго уѣзда между городами Бѣлой и Сычевкою), Дополн. къ Акт. Истор. т. I № 4. Объ Андреѣ Боголюбскомъ лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская подъ 1158-мъ г. говорятъ, что онъ далъ Владимирской церкви Успенія Богородицы (которая до открытія собственной епархіи Владимирской была уѣздною каѳедральною церковію епископовъ Ростовскихъ) „свободы купленыя и съ даньми и села лѣпшая", и потомъ въ разсказѣ объ убіеніи Боголюбскаго первая изъ лѣтописей (подъ 1176-мъ г.) говоритъ о городахъ, данныхъ имъ церкви, а вторая (подъ 1175-мъ г.) объ одномъ городѣ, при чемъ правильнѣйшимъ должно считать чтеніе послѣдней лѣтописи и разумѣть подъ городомъ нынѣшній уѣздный городъ Владимирской губерніи Гороховецъ, который въ Лаврентьевской лѣтописи называется градомъ святыя Богородицы Владимирской подъ 1239-мъ г. За симъ относительно недвижимыхъ имѣній Владимирской каѳедры приводятъ слова Симона, епископа Владимирскаго, который пишетъ Поликарпу въ Патерикѣ: „Кто не вѣсть мене грѣшнаго Симона и сея соборныя церкви красоты Владимирскія и другія Суздальскія церкви, юже самъ создахъ: колико имѣета градовъ и селъ"... Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ приве-

Веденіе собственныхъ хозяйствъ предполагаетъ сельскихъ холоповъ, при помощи которыхъ хозяйства могли бы быть ведены. Такъ какъ древніе князья наши и древніе наши вотчинники были достаточно богаты холопами, то надлежитъ думать, что они не заставляли епископовъ терпѣть въ семъ отношеніи нужду и болѣе или менѣе усердно прикладывали («прикладень») нашихъ холоповъ церкви, особенно въ качествѣ «задушныхъ» людей при смерти. Во всякомъ случаѣ епископы всегда могли имѣть достаточное количество нашихъ холоповъ въ такъ называемыхъ кабальныхъ людяхъ, т. е. (по древнѣйшей формѣ найма) въ свободныхъ людяхъ, шедшихъ во временное рабство.

Итакъ, при самомъ учрежденіи епископскихъ каѳедръ св. Владимиръ обезпечилъ епископовъ въ средствахъ содержанія, во-первыхъ, десятиной, во-вторыхъ, какъ весьма вѣроятно предполагать,—недвижимыми имѣніями. Десятина съ теченіемъ времени нѣсколько сократилась, а напротивъ, недвижимыя имѣнія постепенно увеличивались. Но съ теченіемъ того же времени должны были явиться у насъ и всѣ тѣ средства содержанія епископовъ, которыя были въ Греціи. Средства эти, кромѣ подати съ мірянъ епархій, которою у насъ стала десятина отъ княжескихъ даней, какъ мы сказали, были: вопервыхъ, общія со всѣми приходскими священниками доходы отъ приходовъ каѳедральныхъ церквей и именно добровольныя приношенія прихожанъ, сборы съ нихъ и взиманіе съ нихъ платъ за требы; вовторыхъ—доходы отъ совершенія требъ помимо собственныхъ приходовъ; втретьихъ—ежегодные оброки и временныя пошлины съ низшаго духовенства епархій и (кромѣ ежегодныхъ оброковъ) временныя пошлины со всѣхъ мірянъ епархій.

денныхъ словахъ Симонъ разумѣетъ многіе города и села, не принадлежавшіе его каѳедрѣ, какъ собственность, а составлявшіе его обширную епархію. Въ Ипатской лѣтописи подъ 1160-мъ г. упоминается принадлежавшее каѳедрѣ Черниговской сельцо (2-го изд. стр. 347 sub fin..—Никоновская лѣтопись говоритъ подъ 1091-мъ г. объ епископѣ Переяславскомъ Ефремѣ, котораго она называетъ митрополитомъ Кіевскимъ, что онъ кромѣ самаго Переяславля „такожъ и въ Милтинѣ въ своемъ градѣ устрои (больницу) и по инымъ своимъ градомъ митропольскимъ“; но въ лѣтописи, правду или неправду она говоритъ, совершенно ясно видно, что она разумѣетъ митропольскіе города въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы считаемъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ понимать слова Симона. Милтинъ, въ Лаврентьевской и въ Ипатской лѣтописяхъ (въ первой подъ 1139-мъ г., во-второй подъ 1140-мъ г.) Малотинъ, находился не далеко отъ Переяславля).

Были или не были у насъ въ періодъ до-монгольскій собственные приходы у каѳедральныхъ епископскихъ церквей, мы не имѣемъ прямыхъ и положительныхъ свѣдѣній. Но со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что были, ибо трудно придумать причины, по которымъ бы этихъ приходовъ у нихъ не было: въ каждомъ епархіальномъ городѣ епископская каѳедральная церковь являлась первою и до появленія другихъ церквей составляла приходскую церковь для всего населенія города; съ появленіемъ другихъ церквей ея приходъ долженъ былъ сократиться, но останется непонятнымъ, почему бы онъ совсѣмъ прекратился (а не остался напротивъ и послѣ сего главнымъ и бо́льшимъ). Не можемъ сказать, чтобы вмѣстѣ съ князьями удѣльными (которые были въ наибольшей части епископскихъ городовъ) непремѣнно были прихожанами каѳедральныхъ церквей и всѣ ихъ бояре, такъ чтобы приходы этихъ послѣднихъ состояли на подборъ изъ знати и людей богатыхъ; очень можетъ быть и всего вѣроятнѣе, что приходы каѳедральныхъ, такъ же какъ и другихъ, церквей опредѣлялись топографически т. е. что приходы эти составляли прилежащія къ церквамъ мѣстности и ихъ округи или, выражаясь по старому, сосѣдства, кѣмъ бы они ни были населены; но такъ какъ, съ другой стороны, каѳедральныя церкви обыкновенно ставились въ центрахъ городовъ, въ дворянскихъ такъ сказать кварталахъ, то имѣется вся вѣроятность предполагать, что ихъ приходы по преимуществу состояли изъ боярства и изъ людей богатыхъ. О доходахъ епископовъ съ соборными клириками отъ ихъ собственныхъ приходовъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить о приходскихъ священникахъ.

Въ Греціи, какъ мы сказали выше, и послѣ образованія отдѣльныхъ приходовъ, осталось въ обычаѣ, чтобы приглашать для совершенія такъ-называемыхъ требъ не только приходскихъ священниковъ, но по возможности и архіереевъ. Обычай, какъ понятно, имѣлъ своимъ основаніемъ то, что архіереи и послѣ образованія отдѣльныхъ приходовъ, переставъ быть архипастырями или начальными пастырями всѣхъ въ буквальномъ смыслѣ, остались таковыми для всѣхъ въ смыслѣ небуквальномъ, а отчасти, конечно, также и то, что людямъ врождена тщеславная наклонность обставлять свои дѣйствія возможно бо́льшею торжественностію. Обычай этотъ въ приложеніи къ нѣкоторымъ требамъ остается въ Греціи во всей силѣ и до настоящаго времени: покойнику быть отпѣту безъ архіерея не только значитъ быть погребену бѣдно, но и совсѣмъ по-нищенски, такъ что тамъ не допуститъ такихъ похоронъ своему покойнику и самый бѣдный человѣкъ, сколько-

нибудь заботящійся о своей доброй славѣ. А относительно древняго времени со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что если не у всѣхъ міряпъ епархій, то у жителей городовъ (изъ которыхъ каждый имѣлъ епископа) такъ было не только съ однимъ погребеніемъ, а и со всѣми требами. Бывшее въ Греціи до нѣкоторой степени перешло и къ намъ. Наши архіереи по своимъ средствамъ содержанія съ самой первой минуты стали совсѣмъ не тѣмъ, что̀ большинство архіереевъ греческихъ, а по своимъ взглядамъ на себя далеко не тѣмъ, что̀ всѣ они, и поэтому у насъ вѣроятно не было даже и весьма непродолжительнаго періода времени, когда бы архіереи имѣли охоту ходить для совершенія требъ къ людямъ бѣднымъ. Но люди богатые, какъ это должно думать и какъ объ этомъ должно заключать и по позднѣйшему старому нашему времени, столько же имѣли у насъ обычаемъ приглашать для совершенія требъ непремѣнно архіереевъ, сколько въ Греціи имѣли этимъ обычаемъ всѣ.

Низшее приходское духовенство по своему первоначалу, какъ мы говорили выше, бывшее тѣмъ же духовенствомъ каѳедрально-соборнымъ, только отдѣленнымъ или командированнымъ для завѣдыванія частными явившимися приходами, съ теченіемъ времени стало не только духовенствомъ подчиненнымъ, но и духовенствомъ податнымъ. При объяснимости перваго довольно трудно объяснимо второе; однако оно составляетъ фактъ. Подать низшаго приходскаго духовенства архіереямъ въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ называется (такъ же, какъ и подать съ міряпъ) τὸ κανονικόν [1]); но въ позднѣйшее время въ общежитіи она называлась ἐμβατοίκιον (въ просторѣчіи ἐμπατοίκιον) [2]. Ἐμβατοίκιον значитъ собственно входное, вступное, отъ ἐμβαίνω; но въ употребленіи оно значило и значитъ условно или технически то же, что древнее ἐμφύτευσις,—аренда, арендованіе, арендная плата [3]). Это второе названіе даетъ знать, что архіереи смотрѣли на приходы, какъ на свою собственность, которую они отдавали поставляемымъ къ нимъ священникамъ какъ бы въ аренду [4]), и что на

---

[1]) У *Ралли* и *П.* V, 60.

[2]) *Дюк.* Gloss. Graecit. сл. Ἐμπατίκιον.

[3]) *Дюк.* ibid. подъ сл. Ἐμβατικὸν δίκαιον. Для настоящаго времени см. книжку Συλλογὴ τοπικῶν τῆς Ἑλλάδος συνηθειῶν et caet., ὑπὸ Α. Χρυσανθοπούλου, Αθην. 1853, стр. 88.

[4]) Аѳанасій Ипсиланти въ своей Исторіи Грековъ со времени взятія Константинополя Турками (Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν) выражается: ἱερεῖς καὶ ἱερομόναχοι οἱ ἐμβατοικιάζοντες τὰς ἐκκλησίας, т. е. священники и іеромонахи, арендующіе (у епископовъ) церкви, стрр. 399, 400, 406.

основаніи сего взгляда и явилась ежегодная подать приходскихъ священниковъ архіереямъ, представлявшая какъ бы ежегодную арендную плату за приходы первыхъ послѣднимъ. Когда явилась впервые подать, не знаемъ; но она утверждена была соборнымъ опредѣленіемъ патр. Алексѣя [1]), который занималъ каѳедру съ конца 1025 по 1043 г. Этимъ соборнымъ опредѣленіемъ было постановлено, во-первыхъ— взимать канониконъ (или еѵматикіонъ) не со всѣхъ членовъ причта, а съ однихъ только священниковъ; во-вторыхъ — со священниковъ ежегодно взимать по одной золотой монетѣ (или иперпиру), что на наши деньги будетъ около 5 рублей. Аренда обыкновенно платится за то, съ чего получается доходъ; а такъ какъ священники наши въ первое время не получали съ приходовъ никакого дохода, будучи сами, подобно епископамъ, содержимы правительствомъ, то, конечно, и не могла быть наложена на нихъ наша подать съ самаго же начала. Какъ скоро она была потомъ наложена, не имѣемъ свѣдѣній и указаній; но представляется необходимымъ думать, что болѣе или менѣе скоро и немедленно послѣ того, какъ оказалось это возможнымъ, т. е. болѣе или менѣе скоро послѣ того, какъ приходы начали доставлять священникамъ доходъ. Правда, изъ дѣяній Владимірскаго собора 1274 г. какъ будто слѣдуетъ, что ея не было даже и въ то время; но дѣянія собора въ отношеніи къ нашему предмету не совсѣмъ опредѣленны, а между тѣмъ предполагать, чтобы подати не было у насъ даже и въ 1274 г. и чтобы она явилась у насъ уже только послѣ сего года,— это представляется намъ совсѣмъ невѣроятнымъ [2]).

Не имѣемъ или не знаемъ указаній въ греческихъ актахъ за время, соотвѣтствующее нашему періоду до-монгольскому, взимали или не взимали архіереи вмѣстѣ съ приходскими священниками подать съ монаховъ, которые давно получали отъ міра гораздо болѣе, чѣмъ всякіе приходскіе священники. Въ послѣдующее время они получали ее въ Греціи и у насъ. Въ Греціи въ послѣдующее время подать эта состояла не только въ канониконѣ, какъ со священниковъ, но еще

---

[1]) Соборное дѣяніе патр. Алексѣя остается неизвѣстнымъ; о немъ знаемъ изъ грамоты патр. Николая Грамматика,—у *Ралли* и *П.* V, 60.

[2]) Въ позднѣйшее время у насъ были взимаемы архіереями съ низшаго духовенства двѣ подати, а не одна: подворно-поземельная со всѣхъ членовъ причта и личная со священниковъ съ діаконами. Греческій еѵматикіонъ должно видѣть въ послѣдней подати, называвшейся у насъ сборнымъ, данью Петровскою или Петровскимъ (потому что собиралась о Петровѣ днѣ) и подъѣздомъ, а первая подать, по всей вѣроятности, явилась уже послѣ нашествія Монголовъ.

въ мнимосинонѣ (τὸ μνημόσυνον) или поминовенномъ, именно—въ извѣстной долѣ отъ денегъ, которыя получались въ монастыряхъ на поминовеніе умершихъ [1]).

Временныя пошлины архіереевъ съ низшаго духовенства состояли во взиманіи платы за поставленія или за посвященія. Выше мы видѣли, что плата за поставленіе въ архіереи явилась весьма рано. Столько же, если еще не болѣе, рано явилась и плата за поставленіе въ низшія церковныя степени: уже Василій Великій († 379) укоряетъ подчиненныхъ ему епископовъ за взиманіе этой платы, какъ за дѣло беззаконное (правило канонич. 90). Импер. Юстиніанъ узаконилъ ее и опредѣлилъ ея крайній больший размѣръ, а именно — что она не должна превосходить одногодичный доходъ поставляемаго (новелла 123, гл. 16). Во второй половинѣ XI вѣка импер. Исаакъ Комнинъ значительно сократилъ ее противъ Юстиніана, назначивъ ее опредѣленно слѣдующую: за поставленіе въ чтецы одинъ иперпиръ, за поставленіе въ дьяконы еще три иперпира, а всего четыре, за поставленіе во священники еще три иперпира или всего семь [2]), т. е. на наши деньги, принимая иперпиръ за 20 франковъ или за 5 рублей серебромъ: за поставленіе во священники 35 р., въ діаконы 20, въ чтецы 5 [3]).

---

[1]) См. напр. Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича* II, 241.

[2]) Новелла Исаака Комнина,—не въ полномъ видѣ у *Ралли* и *П.* I, 75, въ полномъ у *Цахаріе* въ Ius Graeco-Romanum III, 322, подтвержденная Алексѣемъ Комнинымъ,—у *Ралли* и *П.* V, 28, у *Цахаріе* ibid. III, 365.

[3]) Послѣ Василія Великаго самымъ рѣшительнымъ образомъ возставали противъ взиманія платы за поставленія, какъ противъ беззаконнѣйшаго беззаконія и симоніи, патріархи Константинопольскіе: Геннадій въ окружномъ посланіи 459 г. (каноническомъ,—Трулльск. соб. пр. 2) и Тарасій (784—806) въ посланіи къ римскому папѣ Адріану: но ихъ грозный голосъ прозвучалъ въ совершенной пустынѣ. Въ концѣ XIII вѣка попыталась было уничтожить взиманіе платы государственная власть въ лицѣ импер. Андроника Старшаго, и также совершенно напрасно (Георгія Пахимера кн. 3, гл. 3). Лучшіе изъ позднѣйшихъ патріарховъ Константинопольскихъ скорбѣли объ этомъ беззаконіи и старались замалчивать его (см. замѣчательныя рѣчи по сему поводу патріарха Геннадія Схоларія въ его отвѣтахъ Синайскимъ монахамъ,—у *архим. Арсенія* въ Лѣтописи церковныхъ событій подъ 1460 г., 2 изд. стр. 561), а не лучшіе усиливались софистическимъ образомъ извинять его (увидимъ во 2-мъ томѣ); у *Ралли* и *Потли*,—V, 544, помѣщена ставленная грамота митрополиту одного изъ позднѣйшихъ лучшихъ патріарховъ (можетъ быть, знаменитаго Самуила 1-го, два раза занимавшаго каѳедру въ третьей четверти XVIII вѣка, cfr о немъ у Аѳанасія *Ипсиланти* въ Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν подъ 1765 г., стр. 406). Изъ помянутыхъ отвѣтовъ Геннадія Схоларія, а также изъ Досиѳея Іерусалимскаго (см. у *Ипсиланти* ibid. стр. 169 fin.) узнаемъ, что плата за поставленія была взимаема архіереями не во всей Греческой церкви, а

Что взиманія со священниковъ этой ставленнической пошлины не могло быть начато у насъ съ самой же первой минуты, ясно изъ того, что первые наши священники были набираемы посредствомъ принудительныхъ наборовъ: ни съ кого не взимаютъ платы за то, что принимается не по доброй волѣ. Тѣмъ не менѣе однако представляется довольно вѣроятнымъ предполагать, что, какъ доходъ архіереевъ и какъ одно изъ средствъ ихъ содержанія, пошлина явилась именно съ самаго перваго времени. Ставленіе составляло трудъ, чѣмъ и оправдывалось взиманіе платы; весьма поэтому возможно, что въ первое время считали себя обязанными платить архіереямъ за этотъ трудъ сами князья. Во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что пошлина явилась или была введена архіереями немедленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ явились добровольные искатели священства, что̀, какъ говорили мы выше, должно было случиться не слишкомъ продолжительное время спустя послѣ перваго появленія священства. Мы уже замѣчали выше, что съ пошлиной этой какъ въ Греціи, такъ и у насъ, архіереи позволяли себѣ злоупотребленія, произвольно возвышая ее противъ узаконеннаго. У насъ въ частности несомнѣнно это было такъ уже и въ періодъ домонгольскій [1]).

Временную пошлину съ міряпъ епархій, относительно существованія которой въ Греціи въ нашъ періодъ до-монгольскій мы имѣемъ свѣдѣнія, составляла плата за благословеніе браковъ или наша позднѣйшая вѣнечная пошлина, пошлина за вѣнечныя знамена. Неизвѣстно когда явившись, пошлина эта была утверждена правительственно имлер. Константиномъ Мономахомъ (1042—1054), указъ котораго о ней повторенъ потомъ Алексѣемъ Комнинымъ. По указу Мономаха, повторенному Комнинымъ [2]), каждый мужчина, вступавшій въ бракъ, долженъ былъ платить своему областному епископу одну золотую монету или иперпиръ, слѣдовательно около 5 рублей, а каждая женщина, выходившая замужъ, приносить полотно въ 12 локтей. Весьма вѣро-

---

только въ одномъ патріархатѣ Константинопольскомъ. Это весьма замѣчательное съ перваго взгляда различіе, по всей вѣроятности, явилось только въ позднѣйшее время и было не слѣдствіемъ того, что въ остальныхъ патріархатахъ архіереи были лучше, а слѣдствіемъ того, что по мѣстнымъ ихъ обстоятельствамъ въ случаѣ взиманія платы не находилось бы въ нихъ охотниковъ идти во священники (по Досиѳею, въ прочихъ патріархатахъ, кромѣ Константинопольскаго, не было взимаемо со священниковъ и емватикія).

[1]) Свидѣтельство въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г.

[2]) Новелла послѣдняго у *Ралли* и *П.* V, 280, у *Цахаріе* въ Ius Graeco-Romanum, III, 365.

ятно, что наши архіереи начали требовать этой пошлины при первой возможности, но, съ другой стороны, столько же вѣроятно, что они дѣйствительно начали получать ее весьма не скоро, ибо и въ позднѣйшее время пошлина эта, собиравшаяся чрезъ священниковъ, постоянно взносилась туго и неисправно, отчасти будучи худо платима мірянами, а отчасти — утаиваема священниками. Во всякомъ случаѣ, въ этотъ періодъ она не могла быть значительною, потому что въ продолженіе всего періода, какъ скажемъ ниже, многіе русскіе люди чуждались церковнаго вѣнчанія браковъ, довольствуясь ихъ заключеніемъ по-язычески или по-граждански.

Кромѣ двухъ, сейчасъ указанныхъ, пошлинъ съ низшаго духовенства и съ мірянъ, представлявшихъ собою воспроизведеніе пошлинъ греческихъ, въ позднѣйшее время являются у насъ, не знаемъ положительно—бывшія или не бывшія, но по всей вѣроятности бывшія у Грековъ, и еще нѣкоторыя пошлины съ тѣхъ и другихъ съ присоединеніемъ къ нимъ церквей и монаховъ, именно—со священниковъ: соборная куница, составлявшая ежегодный, вѣроятно—опредѣленныхъ размѣровъ, даръ священниковъ епископамъ при ихъ пріѣздахъ къ послѣднимъ (дѣйствительныхъ или воображаемыхъ) на такъ называемые «сборы» [1]), пошлины съ грамотъ перехожихъ, отпускныхъ (о которыхъ выше), епитрахильныхъ и орарныхъ (вдовымъ священникамъ и діаконамъ, о которыхъ ниже); съ мірянъ: похоронная пошлина за дозволеніе хоронить умершихъ скоропостижно, почеревная пошлина—штрафъ съ женщинъ, родившихъ отъ блуда и прелюбодѣянія; съ церквей: пошлина за антиминсъ и плата за освященіе; съ монаховъ: такъ называемое «посошное»—пошлина за поставленіе въ игумены монастыря (отъ врученія епископомъ поставляемому посоха). Изъ этихъ пошлинъ епитрахильная и орарная пошлины относятся къ позднѣйшему времени, ибо самая практика по отношенію къ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, изъ которой онѣ вышли, началась уже послѣ нашествія Монголовъ [2]); соборная куница и почеревная пошлина несомнѣнно

---

[1]) О существованіи въ Греціи этой пошлины съ епископовъ митрополитамъ имѣемъ указаніе въ 6 правилѣ 7-го вселенск. собора. (Соборную куницу должно отличать отъ сборнаго, какъ дани).

[2]) Въ позднѣйшее время, начиная съ митр. Петра, вдовымъ священникамъ и діаконамъ запрещалось священствовать и діаконствовать, но если они обѣщались въ чистотѣ пребывать, то должны были исправлять при церквахъ обязанности дьячковъ, стоя на клиросахъ и получая отъ священниковъ, ихъ заступившихъ, четвертую часть доходовъ. При этомъ имъ дозволялось: священникамъ употребле-

относятся къ періоду до-монгольскому, ибо о первой говорится въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г., а о второй въ такъ называемомъ уставѣ Ярославовомъ; объ остальныхъ пошлинахъ ничего не можемъ сказать, но считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ то, чтобы всѣ ихъ относить къ періоду домонгольскому, ибо намъ извѣстно за этотъ періодъ и о такихъ пошлинахъ, которыхъ уже не встрѣчаемъ въ позднѣйшее время [1]).

Наконецъ, статью доходовъ и одно изъ средствъ содержанія епископовъ составляли судебныя пошлины и штрафы какъ съ духовенства по всѣмъ дѣламъ и преступленіямъ не духовнымъ и не должностнымъ, поелику духовенство было отдано въ ихъ полную подсудность (за исключеніемъ преступленій уголовныхъ самыхъ тяжкихъ, которыя наказывались не денежными штрафами), такъ и съ мірянъ по тѣмъ дѣламъ гражданскимъ и преступленіямъ уголовнымъ, въ которыхъ они были отданы или стали подсудными суду епископовъ. Объ этихъ пошлинахъ и штрафахъ мы говорили выше [2]).

Митрополиты имѣли лишній доходъ противъ епископовъ: во-первыхъ, въ пошлинахъ, которыя они взимали съ послѣднихъ за поставленіе и о которыхъ сказали мы выше; во-вторыхъ, въ пошлинахъ отъ аппелляціоннаго суда, т. е. отъ суда по аппелляціямъ къ нимъ на судъ епископовъ, и втретьихъ, какъ съ нѣкоторою вѣроятностію можно думать, въ сборахъ дани съ духовенства и мірянъ всей митрополіи черезъ три года на четвертый. Пошлины за поставленіе епископовъ, при малочисленности епископій, правда, очень не частыя, не-

---

ніе епитрахили, діаконамъ (стихаря и) ораря, за что и пошлина, cfr Стогл. соб. гл. 81.

[1]) О пошлинѣ съ іеромонаховъ и бѣлыхъ священниковъ, поставлявшихся въ духовники,—Дѣянія Владимирскаго собора 1274 г. (называющія духовниковъ игуменами).

[2]) Своихъ десятинниковъ, а особенно свои дворни епископы, конечно, должны были бы содержать сами; однако, содержаніе первыхъ они возложили сполна, а содержаніе вторыхъ отчасти, на низшее приходское духовенство: въ пользу десятинниковъ были установлены дани и пошлины съ духовенства, а на дворни производились съ него сборы (подъ именемъ конюховаго, поварскаго, полюднаго или полюдной пшеницы и пр.). Имѣемъ косвенныя указанія, что дани и пошлины въ пользу десятинниковъ восходятъ уже къ періоду домонгольскому: въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274-го г. говорится, что иногда архіереи поставляли десятинниковъ на мздѣ, чѣмъ дается знать, что должность десятинниковъ была уже прибыльна. Обстоятельно о нашихъ даняхъ, пошлинахъ и сборахъ будемъ говорить во 2-мъ томѣ.

сомнѣнно были очень велики (весьма не невѣроятно, что составляли годичный доходъ каждаго епископа или равнялись этому доходу); а если предположить и дань съ духовенства и мірянъ всей митрополіи чрезъ три года на четвертый: то, сколько бы ни малыми предполагать неизвѣстные намъ размѣры послѣдней, въ итогѣ получилось бы, что эти лишніе доходы митрополитовъ противъ епископовъ были очень значительны или по крайней мѣрѣ не незначительны.

По канонамъ церковнымъ и по гражданскимъ греческимъ законамъ, то имущество епископовъ (какого бы вида оно ни было,—κινητὸν, ἀκίνητον, αὐτοκίνητον), которое пріобрѣтается ими послѣ поставленія въ епископы, не составляетъ ихъ частной собственности и не можетъ быть оставляемо ими своимъ наслѣдникамъ, но составляетъ собственность церковную и должно быть употребляемо на искупленіе плѣнныхъ, на питаніе бѣдныхъ и на другія благочестивыя дѣла или же на пользу собственныхъ церквей епископовъ [1]). Относительно того, какъ было у насъ въ семъ отношеніи, имѣемъ частныя свѣдѣнія, что, съ одной стороны, не всѣ епископы смотрѣли на свои доходы, какъ на свою личную собственность, а съ другой стороны, что не всѣ епископы смотрѣли на нихъ и какъ на собственность церковную, изъ чего будетъ слѣдовать то общее, что въ принципѣ признавалось номоканоническое, но что въ дѣйствительности каждый епископъ поступалъ такъ, какъ поступать имѣлъ наклонность. Во всякомъ случаѣ, большія или малыя богатства скоплялись у насъ при каѳедрахъ епископскихъ, не имѣемъ основаній и указаній предполагать, чтобы онѣ употреблялись у насъ на дѣла общественной благотворительности (хотя у насъ и повторялось древне-греческое, переставшее быть дѣйствительностію и у самихъ позднѣйшихъ Грековъ, что «церковное богатство есть нищихъ богатство» [2]).

Подобно епископамъ съ ихъ каѳедральными причтами первоначально не могло быть предоставлено самому себѣ, а имѣло быть обезпечено правительствомъ и все низшее или приходское духовенство.

Мы такъ привыкли представлять себѣ это послѣднее духовенство птицей Божіей, не имѣющею никакого опредѣленнаго содержанія и

---

[1]) Апост. пр. 40, 6-го всел. соб. пр. 35 и Антіох. соб. пр. 25; гражданскіе законы въ Номоканонѣ Фотіевомъ, тит. 10, гл. 5; объ употребленіи—новелла Юстиніана 131, гл. 13.

[2]) Новгородцы, можетъ быть, уже и въ періодъ до-монгольскій пользовались казной своей св. Софіи, какъ пользовались ею послѣ, но не на дѣла общественной благотворительности, а на государственныя нужды.

живущею единственно подаяніями прихожанъ, что мысль о правительственномъ его обезпеченіи не приходитъ въ голову сама собой. Однако, въ первое время это необходимо долженствовало быть такъ. Народъ въ первое время послѣ своего принудительнаго обращенія въ христіанство, конечно, не имѣлъ ни малѣйшей охоты содержать поставленныхъ ему пастырей ни добровольными приношеніями, ни платами за требы, которыхъ первоначально не искалъ, а отъ которыхъ бѣжалъ. Слѣдовательно, приходскіе священники въ первое время или должны были оставаться безъ всякихъ средствъ содержанія или имѣли быть обезпечены въ своемъ содержаніи правительственнымъ образомъ. Но въ первомъ случаѣ никто бы не пошелъ во священники или же люди силою навербованные не стали бы исполнять обязанностей и смотрѣли бы на это священство, какъ на ненавистную барщину. А такимъ образомъ, правительственное обезпеченіе низшаго духовенства въ первое время предполагается какъ нѣчто совершенно необходимое и нѣчто такое, безъ чего дѣло немыслимо. Лѣтопись, ничего не говоря о Владимирѣ, говоритъ только объ Ярославѣ, что онъ, ины церкви къ прежде существовавшимъ ставя по градомъ и по мѣстомъ или по селамъ и поставляя къ нимъ священниковъ, давалъ послѣднимъ «отъ имѣнья своего урокъ» [1]: но что должно быть предполагаемо необходимо, то, конечно, должно быть предполагаемо и несмотря на молчаніе лѣтописи.

Если лѣтопись не говоритъ намъ о томъ, что низшее духовенство при своемъ первомъ появленіи было обезпечено правительствомъ, то, конечно, нѣтъ въ ней свѣдѣній и о томъ, какъ оно было обезпечено. Непрямой или ненарочный отвѣтъ на нашъ вопросъ лѣтопись даетъ въ приведенныхъ выше словахъ объ Ярославѣ. Ярославъ обезпечивалъ священниковъ вновь открываемыхъ имъ приходовъ, нѣтъ сомнѣнія, такимъ же образомъ, какимъ обезпечивалъ ихъ и какимъ вообще положилъ или узаконилъ обезпечивать ихъ св. Владимиръ. Слѣдовательно, это обезпеченіе состояло въ урокахъ отъ имѣнія княжаго, иначе сказать—въ княжьемъ жалованьи или въ княжьей ругѣ. Какъ велико было жалованье, по всей вѣроятности—для всѣхъ священниковъ однообразное или по крайней мѣрѣ раздѣлявшееся не болѣе, какъ на двѣ категоріи и однообразное для священниковъ сельскихъ и городскихъ (за исключеніемъ, можетъ быть, соборовъ въ городахъ, о чемъ сейчасъ ниже), мы не знаемъ. Преп. Несторъ въ житіи Бориса и Глѣба говоритъ о церкви этихъ свв. мучениковъ, построенной Яро-

[1]) Подъ 1037 г.

славомъ въ Вышгородѣ, что «христолюбецъ (князь) повелѣ властелину града того (Вышгорода) даяти отъ даній (города) церкви святою (мученику) десятую часть». Можно было бы подумать на основаніи этого свидѣтельства, что на содержаніе приходскаго духовенства отдѣлена и опредѣлена была десятая часть мѣстныхъ доходовъ съ городовъ и волостей (за отдѣленіемъ изъ нихъ десятой части въ пользу епископовъ или иначе десятая часть изъ девяти десятыхъ, что̀ будетъ 9 копѣекъ изъ княжескаго рубля, послѣ отчисленныхъ изъ него десяти копѣекъ въ пользу епископа,—западная десятина священническая). Но въ Вышгородѣ до построенія церкви Бориса и Глѣба были уже другія церкви или, по крайней мѣрѣ, одна другая церковь (св. Василія, при которой находились мощи Бориса и Глѣба до построенія собственной); слѣдовательно, на долю церкви Бориса и Глѣба, если бы на содержаніе приходскаго духовенства опредѣлена была десятина мѣстныхъ доходовъ, должна была бы приходиться не вся она, а только то или другое количество долей изъ нея (смотря по числу духовенства прежде бывшаго и къ ней опредѣленнаго). На основаніи приведеннаго свидѣтельства можно сдѣлать только съ нѣкоторою вѣроятностію предположеніе, что на содержаніе соборныхъ или главныхъ церквей въ городахъ, въ которыхъ имѣла совершаться ежедневная служба, каковою назначилъ быть Ярославъ церкви Бориса и Глѣба, была назначена десятая часть или десятина изъ мѣстныхъ доходовъ городовъ. Что руга вообще выдавалась изъ мѣстныхъ доходовъ городовъ и волостей, это необходимо предполагать, ибо въ древнее время не было нынѣшняго сосредоточенія казенныхъ доходовъ въ одномъ государственномъ казначействѣ и потомъ новой ихъ повсюду разсылки. Что она на извѣстную долю была денежная и на извѣстную долю состояла изъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ натурою, это также должно думать судя по послѣдующему времени.

Должно впрочемъ думать, что правительство обезпечило своей ругой не всѣхъ безъ изъятія приходскихъ священниковъ, но за исключеніемъ тѣхъ между ними, которые были ставимы къ церквамъ, строеннымъ на земляхъ вотчинниковъ. Относительно этихъ послѣднихъ священниковъ весьма вѣроятно и болѣе чѣмъ вѣроятно принимать, что правительство съ самаго начала возложило ихъ содержаніе на вотчинниковъ (при чемъ послѣдніе, съ самаго же начала введши обычай ставить священниковъ изъ своихъ холоповъ, могли повести такъ, чтобы содержаніе священниковъ имъ ничего не стоило).

Спустя то или другое время послѣ крещенія Русскіе начали превращаться изъ христіанъ по имени въ христіанъ дѣйствительныхъ.

Вмѣстѣ съ этимъ должно было явиться у нихъ сознаніе неудобства слишкомъ большихъ приходовъ, открытыхъ правительствомъ, и желаніе открывать приходы новые, меньшіе, и такимъ образомъ долженъ былъ пойдти рядъ приходовъ, которые стали быть открываемы самими прихожанами. Священникамъ этихъ новыхъ, неправительственныхъ и такъ-сказать добровольныхъ, приходовъ перестала быть выдаваема казенная руга и ихъ содержаніе было предоставлено исключительно самимъ прихожанамъ. Составляетъ вопросъ, къ отвѣту на который мы не имѣемъ никакихъ указаній: послѣ того какъ Русскіе, превратившись изъ христіанъ по имени въ христіанъ дѣйствительныхъ, возъимѣли усердіе къ вѣрѣ и церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охоту платить священникамъ за требы и вообще давать имъ посильную «милостыню» на содержаніе, прекратило или не прекратило правительство выдачу своей руги приходамъ первоначальнымъ, имъ самимъ открытымъ? Представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что не прекратило и что такимъ образомъ съ появленіемъ втораго ряда приходовъ стало два ихъ класса или два разряда: приходы, которые получали ругу отъ правительства и содержаніе отъ прихожанъ, и приходы, которые получали только одно второе.

Въ Греціи въ позднѣйшее время, какъ мы сказали выше, средства содержанія приходскаго духовенства состояли: въ добровольныхъ приношеніяхъ прихожанъ, въ сборахъ съ нихъ самого духовенства, во взиманіяхъ платъ за требы и частныя службы и отчасти въ доходахъ съ недвижимыхъ имѣній. Какъ было въ Греціи, такъ имѣло быть и стало и у насъ.

Добровольныя приношенія, въ первенствующей церкви составлявшія все и бывшія настолько изобильными, что ими содержались не одни служители алтаря, но и бѣдные, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе оскудѣвали и наконецъ превратились въ то, что мы видимъ въ настоящее время,—въ подачу просфоръ на проскомидіи (причемъ самыя просфоры, которыя представляютъ собою древнія приношенія и которыхъ названіе значитъ именно приношеніе [1], не оставляются священникамъ). Въ то время, какъ мы приняли отъ Грековъ христіанство, эти приношенія несомнѣнно уже были у нихъ вовсе не тѣмъ, чѣмъ они были въ древнее время [2]); съ другой стороны весьма

[1]) Προσφορά отъ προσφέρω приношу.

[2]) Уже во времена Юстиніана епископы и священники должны были прибѣгать къ рѣшительному средству церковнаго отлученія, чтобы побуждать мірянъ къ „плодоношенію", Cod. Lib. I, tit. III, c. 39.

вѣроятно, что онѣ были еще и не совсѣмъ тѣмъ, что̀ суть въ настоящее время: какую онѣ занимали середину, это, къ сожалѣнію, остается совершенно неизвѣстнымъ. Грекъ первой четверти XVII вѣка Христофоръ Ангелъ въ своемъ описаніи современнаго церковнаго быта своихъ соотечественниковъ говоритъ между прочимъ о нашихъ приношеніяхъ, какъ о доходѣ священниковъ: «Греки имѣютъ тридцать шесть праздниковъ въ году, двѣнадцать называются Господскими, остальные 24—Предтечи, святыхъ апостоловъ и великихъ мучениковъ; во всѣ эти праздники и въ каждое воскресенье священникъ долженъ служить литургію и каждый домъ (прихода) даетъ священнику два денарія, и передъ началомъ литургіи онъ молится отдѣльно о каждомъ изъ дающихъ ему деньги»[1]) (т. е. поминаетъ на проскомидіи). Если справедливо увѣреніе Христоф. Ангела, что у Грековъ даже въ началѣ XVII в. считалось обязательнымъ, чтобы въ каждое воскресенье и въ каждый праздникъ отъ всѣхъ домовъ прихода была дѣлаема извѣстная опредѣленная подача священнику на проскомидію; то можно, кажется, съ нѣкоторою вѣроятностію предположить, что такъ было и у насъ по крайней мѣрѣ въ древнее время. Но если мы предположимъ это, то добровольныя приношенія періода до-монгольскаго будутъ не нынѣшними случайными грошами, а доходомъ опредѣленнымъ и сравнительно довольно значительнымъ. Впрочемъ, у насъ будетъ нѣкоторая вѣроятность предполагать это только о городахъ, но не о селахъ. Дни, предшествующіе праздникамъ, называются у насъ канунами — «наканунѣ такого-то праздника». Названіе канунъ происходитъ не отъ составляющихъ извѣстное пѣсненное послѣдованіе ка̀ноновъ, которые поются на молебнахъ послѣ вечеренъ подъ дни праздничные, а есть именно греческое κανοῦν. Греческое κανοῦν, сокращенное изъ κάνεον, собственно значитъ корзину, сплетенную изъ тростника (κάνη)[2]; а переносно значитъ даръ, подарокъ, приношеніе, и именно по первоначальному употребленію—даръ изъ брашнъ, фруктовъ и овощей, такъ какъ эти дары приносились или посылались въ корзинахъ. Дни, предшествующіе праздникамъ, получили у насъ названіе кануновъ отъ того, что въ древнее время былъ у насъ, вслѣдъ за Греціей, обычай приносить на вечерни въ эти дни вмѣстѣ съ кутьею въ честь праздниковъ или святыхъ брашна и овощи въ даръ священникамъ. Если

---

[1]) Ἐγχειρίδιον περὶ τῆς καταστάσεως τῶν σήμερον Ἑλλήνων,—Enchiridium de statu hodiernorum Graecorum: opera *Christoph. Angeli* Graeci, cura Fehlavii, Lipsiae, 1671, p. 846.

[2]) Кошницу, см. Опис. Сvнодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.*, № 1—3, стр.

относительно этихъ приношеній брашнами и овощами или съѣстными припасами сдѣлать за древнее время то же предположеніе, что̀ относительно подачъ на проскомидіи денежныхъ, т. е. что онѣ считались болѣе или менѣе для всѣхъ обязательными,—а сдѣлать такое предположеніе существующія свидѣтельства даютъ намъ право, то опять мы получимъ въ нихъ настоящую статью доходовъ, хотя впрочемъ опять только для городовъ, но не для селъ [1]).

Относительно происхожденія сборовъ самихъ священниковъ съ прихожанъ или такъ-называемыхъ у насъ «славъ» нужно думать такимъ образомъ, что когда вѣрующіе ослабѣли въ своей ревности къ добровольнымъ приношеніямъ, то священники сами начали производить съ нихъ сборы. Въ Греціи эти сборы производились и до настоящаго

---

[1]) О приношеніи у Грековъ въ дни праздничные вмѣстѣ съ кутьею ястій и питій (τρωκτὰ καὶ ποτά) см. Вальсамона у *Ралли* и *П.* II, 6 fin. (употребляетъ вмѣсто κανοῦν наиболѣе употребительное въ письменномъ языкѣ уменьшительное κανίσκιον, а самое слово κανοῦν у Іоанна Китрскаго, — у *Ралли* и *П.* V, 414 нач.) и у *Дюканжа* въ Gloss Graecit. подъ сл. μνήμη. О приношеніи ихъ у насъ—Кирикъ Новгородскій въ Памятни. *Павлова* col. 32, § 38 (у насъ на вечерню, тогда какъ у Грековъ на заутреню) и надписаніе молитвы надъ кутіею въ честь святыхъ: „Молитва въ памятехъ святыхъ бываемаа въ поданіе мясъ, вина, хлѣба и кутіи",—Опис. Сѵнодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 371 л. 64 (cfr л. 161) и Виленск. Публичн. библіотеки по описанію *Добрянскаго* № 206 л. 212. Что еще въ XVI в. подъ праздники или въ праздники приносили у насъ въ церковь колачи и пироги и блины и короваи и всякія овощи, объ этомъ свидѣтельствуетъ Стоглавникъ,—гл. 5, вопр. 35 (такъ какъ каноны послѣ вечеренъ подъ дни праздничные пѣлись надъ канунами, то и они называются иногда также канунами,—Кирикъ въ указанномъ мѣстѣ, Ипатская лѣтопись подъ 1174-мъ г., 2-го изд. стр. 387 fin., а такъ какъ кануны наоборотъ приносились въ церковь къ пѣнію каноновъ, то составляющая существенную часть ихъ кутья иногда называется наоборотъ также канономъ, см. въ Агіографіи *Барсукова* выписки изъ устава Московскаго Успенскаго собора, coll. 438 fin., 440 fin.). Въ Малороссіи кануны, какъ приношенія въ церковь ястій и питій, называются хавтурами (халтурами). Въ словарѣ малороссійскихъ идіомовъ, приложенномъ ко 2-й книгѣ „Старосвѣтскаго Бандуристы" *Н. Закревскаго* читается: „хавтуровати, хавтурую,—пользоваться отъ прихожанъ по большимъ праздникамъ подарками и приношеніями, состоящими большею частію въ съѣстномъ" (халтура изъ греческаго κάρταλλος или κάρταλος, новогр. καρτάλι и вѣроятно—χαρτάλι, а можетъ быть и χαρτούλι, χαρτούλα, которое въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ значитъ то же, что̀ κάνεον или κανοῦν,—Словарь Свиды, также Словарь Византія, а съ словомъ χαρτουλάριος, отъ χάρτα—бумага имѣетъ только случайное созвучіе.—У Грековъ былъ обычай, указаній на который не встрѣчаемъ у насъ, что тѣ животныя, которыя были жертвуемы прихожанами въ церкви, были закаляемы священниками, какъ у Іудеевъ жрецами, и что священники получали за это на свою часть грудины животныхъ и кожи, τὰ στηθύνια καὶ τὰ δέρματα,—у *Ралли* и *П.* V, 387).

времени производятся ежемѣсячно по той, вѣроятно, причинѣ, что въ древнее время, какъ мы говорили выше, ежемѣсячно должны были производиться и ежемѣсячно дѣлились между клириками добровольныя приношенія; именно—въ первое число каждаго мѣсяца совершается въ церкви малое освященіе воды, съ которою священники и обходятъ домы прихожанъ, получая отъ нихъ подаянія [1]). Весьма возможно, что и у насъ въ городахъ сборы эти производились въ древнее время ежемѣсячно; но они никогда не могли производиться у насъ ежемѣсячно въ селахъ, потому что при обширности нашихъ сельскихъ приходовъ священники въ этомъ случаѣ должны бы были посвятить сборамъ всю свою дѣятельность [2]). Въ селахъ сборы производились въ древнее время, по всей вѣроятности, такъ же, какъ и теперь, или по три раза въ году или по четыре,—о Пасхѣ и о Рождествѣ и затѣмъ въ Петровки или осенью или же то и другое вмѣстѣ. О Рождествѣ и о Пасхѣ—потому, что это суть самые большіе праздники въ году; осенью для сбора нови хлѣбной (начатковъ плодовыхъ), въ Петровки—для сбора начатковъ отъ сыровъ (сметаны) и яицъ, которые въ Петровъ постъ накапливаются [3]).

Плата за требы есть плата за трудъ. Но такъ какъ трудъ священниковъ есть тотъ особенный трудъ, о которомъ сказано: *туне пріясте, туне дадите имъ*, то въ первенствующее время не было особыхъ платъ за требы, а были общія приношенія на содержаніе священниковъ. Съ теченіемъ времени, когда вѣрующіе ослабѣли въ усердіи къ этимъ приношеніямъ, должна была явиться плата за требы, превращающая до нѣкоторой степени пастырей въ сдѣльныхъ работниковъ и продавцовъ того, что не должно бы быть продаваемо. Послѣ требъ, совершеніе которыхъ столько же составляетъ долгъ и обязанность священниковъ, какъ и совершеніе общественнаго богослуженія, такъ какъ

---

[1]) Преп. Максимъ Грекъ, ссылаясь на Вальсамона, производитъ греческій обычай отъ патр. Фотія,—въ статьѣ „О освященіи водѣ назаутріи святыхъ Богоявленій", Казанск. изд. III, 119.

[2]) Въ Греціи же почти каждое селеніе имѣетъ свою церковь и никогда приходъ не состоитъ болѣе какъ изъ трехъ селеній.

[3]) Митр. Кипріанъ въ своихъ отвѣтахъ игумену Аѳанасію говоритъ: „попы міряне мірьскимъ человѣкомъ молитвы дають на Въскресеніе (Пасху) и на Рождество Христово и на Петровъ день... освященіа ради",—въ Памятн. *Павлов.* col. 261. Имѣли ли эти молитвы отношеніе къ нашимъ славамъ, не можемъ сказать. Читаемая въ нынѣшнемъ Требникѣ „молитва на Рождество Христово сыномъ духовнымъ" есть разрѣшительная молитва исповѣдникамъ, имѣющимъ приступить къ св. причащенію.

онѣ столько же необходимы для каждаго отдѣльнаго лица, сколько послѣдніе для всѣхъ, и слѣдовательно составляютъ то, что вмѣстѣ съ общественнымъ богослуженіемъ священники непремѣнно принимаютъ на себя совершать (таинства и отпѣваніе покойниковъ), тѣмъ болѣе должна была явиться плата за частныя службы, которыя суть дѣло личнаго желанія и усердія. У насъ въ древнее время, также какъ и въ Греціи, не было никакихъ узаконенныхъ таксъ на плату за требы и частныя службы [1]) и ея размѣры были установлены (въ разныхъ мѣстахъ, вѣроятно, довольно разнообразно) обычаемъ и добровольнымъ соглашеніемъ или такъ-сказать компромиссомъ между желаніемъ поболѣе взять и между желаніемъ поменѣе дать. Что эти два желанія— поболѣе взять и поменѣе дать съ самаго древняго времени находятся у насъ въ той борьбѣ между собою, въ которой мы ихъ видимъ въ настоящее время, это необходимо предполагать: о борьбѣ говоритъ то безчисленное множество пословицъ на счетъ алчности священниковъ, которыя сложены народомъ и которыя свидѣтельствуютъ вовсе не объ одной этой алчности священниковъ, но вмѣстѣ и не особой тщивости по отношенію къ нимъ народа. Въ Вопрошаніи Кириковомъ епископъ Нифонтъ, вѣроятно, въ отвѣтъ на вопросъ Кирика, назначаетъ цѣну, которую должно брать за заупокойныя литургіи и которая, какъ нужно думать, болѣе или менѣе понижена противъ дѣйствительно бравшейся. Если бы полагать, что и вездѣ цѣна приблизительно была та же и если бы заключать отъ нея къ цѣнѣ другихъ требъ, то выходило бы, что въ древнее время плата за требы была не особенно низкая; именно — Нифонтъ назначаетъ за заупокойную литургію шесть кунъ, не включая въ то число вина, ладона и свѣчей, которые должны быть заказывающаго, что̀ на наши деньги будетъ 2 р. 40 к. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что по исключительному въ древнее время Новгороду, какъ исключительна въ настоящее время Москва, не должно дѣлать общихъ заключеній [2]).

Частныя требы и службы, за которыя въ настоящее время взимается священниками плата, суть: совершеніе таинствъ, за исключеніемъ преподаянія причастія умирающимъ, пѣніе молебновъ и молебствій—во-первыхъ, личныхъ и домовыхъ, во-вторыхъ—общественныхъ

[1]) См. Номоканона Фотіева тит. I, гл. 30,—у *Ралли* и *П.* I, 69, и *Вальсамона* ibid. IV, 472.

[2]) Въ Греціи назначалось брать за сорокоустъ 500 асприъ,—*Дюканжа* Gloss. Graecit. сл. Σαραντάρι. Но мы не въ состояніи опредѣлить, сколько именно на наши деньги стоила аспра (мелкая серебряная монета).

или деревенскихъ, погребеніе покойниковъ и поминовеніе умершихъ. Такъ все это было, какъ должно думать, и въ періодъ до-монгольскій.

Если не вездѣ въ Россіи, то по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ намъ извѣстныхъ, священники въ настоящее время ничего не берутъ или по крайней мѣрѣ ничего не требуютъ за причащеніе больныхъ, хотя бы приходилось для этого ѣхать въ деревни за 20—30 верстъ. Должно думать, что подобное исключеніе въ отношеніи къ нашей требѣ идетъ съ древняго времени и что если оно теперь не есть, то въ древнее время было всеобщимъ и, какъ таковое, перешло къ намъ изъ Греціи. Причиной, почему эта треба составила исключеніе, было вѣроятно, во-первыхъ, то, что существуетъ нарочитое и строгое каноническое предписаніе—не требовать отъ причащающихся платы (Трулльск. соб. пр. 23), во-вторыхъ—что собственныя чувства возбраняли священникамъ сдѣлать Тѣло и Кровь Христовы, напутствующія умирающаго, предметомъ продажи. Общественныя молебствія селъ и деревень состоятъ въ томъ, что села и деревни имѣютъ своихъ святыхъ (какъ бы своихъ частныхъ патроновъ), которымъ празднуютъ всенощными въ часовняхъ и крестными ходами вокругъ селеній (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — и молебнами по домамъ), при чемъ священники не только получаютъ плату за службы, но и обходятъ дома селеній съ освященной или святой водой («со святыней») для сбора хлѣба и денегъ. Въ настоящее время эти молебствія называются «мольбами» (по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ намъ извѣстныхъ), а въ древнее и старое время назывались братчинами, потому что села и деревни устрояли у себя въ дни этихъ молебствій, составлявшихъ ихъ сельскіе и деревенскіе праздники, складчинные или братчинные общественные обѣды и пиры (своего рода пикники, то же что у Грековъ ксеніи, — о нихъ ниже). Поминовеніе усопшихъ пѣніемъ заупокойныхъ литургій въ древнее время было— въ селахъ и деревняхъ, по всей вѣроятности, такъ же мало обычно, какъ и въ настоящее время (или по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени), а въ городахъ напротивъ, какъ должно думать, столько же и даже болѣе обычно, чѣмъ теперь. Что доходъ отъ поминовеній не составлялъ въ древнее время дохода поприходнаго, а былъ общимъ (какъ бы артельнымъ) доходомъ священниковъ каждаго города, или же съ городомъ и его области, объ этомъ мы говорили выше.

Недвижимыми имѣніями приходскія церкви или причты ихъ могли владѣть въ трояком видѣ, именно—церкви городскія и сельскія, подобно епископіямъ или епископскимъ каѳедрамъ, какъ усадьбами или селами и какъ имѣніями, отданными въ аренду крестьянамъ; церкви

сельскія—какъ землями, которыя бы причты обработывали сами. Чтобы у приходскихъ церквей городскихъ или сельскихъ были находившіяся во владѣніи причтовъ усадьбы или села, иначе фермы съ собственными хозяйствами, это не представляется вѣроятнымъ. Священники были въ этомъ случаѣ совсѣмъ иное, чѣмъ епископы. Послѣдніе, какъ люди безсемейные, объединяли свои интересы съ интересами каѳедръ и смотрѣвъ на своихъ преемниковъ, какъ на своихъ наслѣдниковъ, имѣли побужденія заботиться о помянутыхъ усадьбахъ, какъ о своей настоящей собственности, хотя онѣ и находились только въ ихъ владѣніи. Напротивъ, священники, люди женатые, имѣвшіе наслѣдниковъ, которые не были ихъ наслѣдниками въ пользованіи усадьбами, не представляли собою людей способныхъ быть владѣтелями послѣднихъ,—они бы не поддерживали и не улучшали ихъ, а стремились бы къ тому, чтобы, казенное превращая въ собственное, какъ можно скорѣе расхитить въ нихъ то, что могло быть расхищено, т. е. чтобы какъ можно скорѣе оставлять отъ этихъ имѣній одну голую землю. Имѣніями, отданными въ аренду крестьянамъ, которые бы платили оброки, или такъ-называемыми населенными вотчинами, могли владѣть причты приходскихъ церквей городскихъ и сельскихъ, получая съ крестьянъ оброки. О дѣйствительномъ владѣніи представляется необходимымъ думать, что—во-первыхъ, владѣли ими церкви только весьма немногія, во-вторыхъ,—что церкви исключительно городскія. Само собою ясно, что эти имѣнія, какъ и предшествующія, приходскія церкви могли пріобрѣтать только посредствомъ полученія въ даръ, а не посредствомъ собственнаго заведенія (ибо причты приходскихъ церквей представляли собою людей способныхъ только пользоваться, но не заводить). Но если въ періодъ до-монгольскій, по причинѣ немногочисленности этихъ имѣній, весьма мало дарили ихъ даже епископіямъ, то, конечно, тѣмъ менѣе могли дарить ихъ приходскимъ церквамъ. Сельскимъ приходскимъ церквамъ могли дарить ихъ только вотчинники земель, на которыхъ находились церкви—князья или бояре. Но чтобы тѣ и другіе имѣли охоту дѣлать это, когда могли обезпечивать причты церквей болѣе простымъ и удобнымъ для себя образомъ—посредствомъ дачи имъ руги или жалованья, представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Священники сельскихъ приходскихъ церквей, находившихся на земляхъ частныхъ вотчинниковъ, были въ древнее время, какъ мы говорили выше, наибольшею частію изъ крѣпостныхъ людей вотчинниковъ—изъ ихъ холоповъ или дворовыхъ людей: о подобномъ духовенствѣ могли ли заботиться вотчинники, чтобы создавать ему имѣнія, кото-

рыя бы ставили его до нѣкоторой степени на одну ногу съ ними самими? Относительно городскихъ приходскихъ церквей возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ владѣли нашими недвижимыми имѣніями уже въ періодъ до-монгольскій, какъ владѣли ими послѣ, т. е. еще въ этотъ періодъ нѣкоторыя изъ сихъ церквей были надѣлены нашими имѣніями отъ своихъ ктиторовъ или отъ своихъ прихожанъ—вотчинниковъ. Но во всякомъ случаѣ необходимо думать, что такія церкви представляли собою не болѣе, какъ только крайне немногочисленныя исключенія. Единственная приходская церковь періода до-монгольскаго, о нашихъ недвижимыхъ имѣніяхъ которой въ этотъ періодъ мы знаемъ положительнымъ образомъ, есть Кіевская Десятинная церковь Богородицы. Лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская (одна повторяя въ данномъ случаѣ другую) говорятъ, что въ половинѣ XII вѣка ей принадлежалъ одинъ городъ или городокъ и затѣмъ, выражаясь не совсѣмъ опредѣленно, какъ будто даютъ знать, что вмѣстѣ съ городомъ принадлежала и окружная послѣдняго волость [1]). Если мы допустимъ даже послѣднее, если мы допустимъ даже, что Десятинная церковь владѣла не однимъ городомъ и не одной волостью, то отсюда не будетъ слѣдовать никакого заключенія по отношенію къ другимъ церквамъ. Десятинная церковь представляла собою рѣшительное исключеніе изъ всѣхъ приходскихъ церквей древней Руси. Со времени Ярослава переставъ быть каѳедральною церковію митрополитовъ, она все-таки осталась матерью церквей Русскихъ и великою церковію крестителя Руси.

---

[1]) Въ лѣтописяхъ Лаврентьевской и Ипатской при описаніи одного набѣга Половцевъ, который первая относитъ къ 1169 г., а вторая къ 1172 г., упоминается Полоный или Полный, „святѣй Богородици градъ десятинный", т. е. городъ, принадлежавшій св. Богородицѣ Десятинной, находившійся неизвѣстно гдѣ на сѣверъ или на сѣверо-западъ отъ Кіева (какъ слѣдуетъ изъ указанія лѣтописей, особый отъ Полонныхъ Волынскихъ, упоминаемый вмѣстѣ съ сосѣднимъ городомъ Сѣмочемъ или Сѣмьчемъ, мѣстность котораго не совсѣмъ опредѣленно указывается въ Ипатской лѣтописи подъ 1257 г.,—2 изд. стр. 555), и затѣмъ какъ будто дается знать, что вмѣстѣ съ Полонымъ принадлежала церкви большая или меньшая окружная волость: Половцы, захватившіе Полоный, были поражены Русскими, которымъ „бысть помощь хреста честнаго и святое Матери Божьи Десятиньное, ея же бяхуть волости заяли": подъ волостями можно разумѣть самый Полоный, понимая волость въ смыслѣ владѣнія, но также и окружную волость, понимая послѣднее слово именно въ собственномъ смыслѣ волости.—Впослѣдствіи упоминается въ Кіевской области Полоный, принадлежащій князьямъ,—Ипатск. лѣт. подъ 1195 и 1196 гг., 2 изд. стрр. 462 и 468; неизвѣстно, нашъ ли, но если нашъ, то дѣло должно будетъ понимать такъ, что послѣ 1169 г. онъ былъ пріобрѣтенъ князьями посредствомъ купли, обмѣна или незаконнаго присвоенія.

Какъ таковая, какъ церковь, представлявшая собою общую великую ктиторію не только великихъ князей, но и всѣхъ князей Русскихъ, она могла быть надѣлена недвижимыми имѣніями не менѣе и даже болѣе, чѣмъ епископіи [1]).

Землей для собственной обработки причты сельскихъ приходскихъ церквей могли владѣть, подразумѣвается, совершенно такъ, какъ въ настоящее время: земля—церковная, хозяйственное заведеніе и обработка—свои на подобіе крестьянъ. Было или не было надѣлено у насъ сельское приходское духовенство при своемъ первомъ появленіи пахатной землей отъ правительства, которое бы въ случаѣ надѣленія узаконило, что каждая сельская приходская церковь должна владѣть извѣстнымъ количествомъ помянутой земли, для отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ совершенно никакихъ положительныхъ данныхъ. По заключеніямъ отъ позднѣйшаго времени и по соображеніямъ апріорическимъ должно думать, что этого не было. Если бы при первоначальномъ устройствѣ быта сельскаго духовенства было у насъ постановлено надѣлять его въ извѣстномъ количествѣ пахатной землей, то этотъ законъ былъ бы долженъ остаться въ силѣ и на все послѣдующее время, ибо при благодатномъ обиліи у насъ земли вовсе нельзя придумать никакихъ причинъ, по которымъ бы онъ могъ быть отмѣненъ, а между тѣмъ въ послѣдующее время находимъ, что не всѣ причты сельскихъ церквей владѣли пахатными землями [2]) и вовсе не находимъ такого закона, чтобы владѣли ими всѣ они. Надѣленіе сельскихъ священниковъ землей для собственной обработки предполагаетъ взглядъ на нихъ какъ на земледѣльцевъ, какъ на священниковъ и вмѣстѣ крестьянъ. Въ настоящее время мы такой взглядъ и имѣемъ на нашихъ сельскихъ священниковъ, потому что таковыми ихъ видимъ и потому что дѣйствительность пріучила насъ къ такому взгляду; но по идеѣ священникъ и земледѣлецъ-крестьянинъ не имѣютъ между собою ничего общаго, а слѣдовательно и у нашего правительства

---

[1]) О великомъ усердіи къ Десятинной церкви всѣхъ князей русскихъ см. лѣтопись Лаврентьевскую подъ 1086 г. и Ипатскую подъ 1087 г.

[2]) Въ переписныхъ книгахъ Новгородской области XVI в. упоминаются сельскія церкви, при которыхъ не было земли, см. у *Неволина* О пятинахъ, приложж. стрр. 33, 39, 79, 153, 178, 198, 200, 202 и другія. Въ Регламентѣ предписывается брать на содержаніе школъ архіерейскихъ тридцатую часть всякаго хлѣба отъ земель церковныхъ, *гдѣ суть*,—2-й части, дѣлъ епископскихъ § 11. При этомъ Стоглавъ какъ будто даетъ знать, что въ XVI в. большая часть сельскихъ приходскихъ церквей имѣли у насъ земли,—гл. 70, Казанск. изд. стр. 330 нач. Нынѣшнее общее надѣленіе землей сельскихъ церквей—отъ Екатерины Великой.

перваго времени послѣ введенія христіанства не могло быть той мысли, чтобы сдѣлать сельскихъ священниковъ земледѣльцами-крестьянами. О первоначальномъ происхожденіи нашихъ сельскихъ церковныхъ земель, составляющихъ крестьянско-пашенные участки причтовъ, какъ намъ кажется, нужно думать такимъ образомъ: въ священники у насъ ставились люди изъ крестьянскаго сословія; какъ таковые, они имѣли наклонность соединять священство съ крестьянствомъ; поэтому они брали у крестьянскихъ обществъ или землевладѣльцевъ-собственниковъ участки земли, которые или выпрашивали у крестьянскихъ обществъ и частныхъ собственниковъ въ безмездное пользованіе, въ первомъ случаѣ такъ, что крестьянскія общества сами принимали на себя платить причитавшуюся долю казеннаго оброка, или за которые уплачивали казенный оброкъ и взносили арендную плату собственникамъ наравнѣ съ другими крестьянами [1]); съ теченіемъ времени, когда крестьянствованіе вошло между сельскими священниками въ общій обычай, они и начали добиваться у крестьянскихъ обществъ и у землевладѣльцевъ-собственниковъ, чтобы участки земли, которыми они пользовались изъ милости или за плату, были предоставлены церквамъ въ собственность [2]).

Такъ было у насъ съ средствами содержанія духовенства высшаго и низшаго. Средства содержанія духовенства высшаго несомнѣнно и очевидно были совершенно достаточными (а съ теченіемъ времени, когда у епископій явились многія населенныя вотчины, стали

---

[1]) Послѣднее предположеніе не должно казаться страннымъ. Въ Греціи мы находимъ дѣйствительнымъ какъ разъ то, что предполагаемъ, именно—что если крестьянинъ, арендующій землю у вотчинника (ἐναπόγραφος, adscriptitius, см. *Дюканж.* Gloss. Latinit. подъ сл. Adscriptitii), будетъ поставленъ въ клирики противъ воли послѣдняго, то онъ послѣ поставленія не имѣетъ права отказываться отъ арендуемой земли, но долженъ обработывать ее и вносить условленную плату (Новелла Юстиніана 123, гл. 17).

[2]) Причты городскихъ и сельскихъ приходскихъ церквей имѣли у насъ церковную усадебную землю, что, какъ нужно думать, случилось не такимъ образомъ, что имъ нарочито отводима была эта земля и въ извѣстномъ узаконенномъ количествѣ, а такимъ образомъ, что при каждой церкви должно было находиться бо́льшее или меньшее количество земли для приходскаго кладбища (какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, ибо въ послѣднихъ кладбища при церквахъ уничтожены только въ весьма недавнее время), такъ-называемый погостъ или, какъ говорятъ въ иныхъ мѣстахъ,—монастырь, и что на этихъ погостахъ или монастыряхъ и было предоставлено селиться причтамъ. Относительно городскихъ приходскихъ церквей имѣемъ одно случайное указаніе въ лѣтописи, что онѣ надѣляемы были дачами огородной земли (Ипатск. лѣтоп. подъ 1151 г., 2 изд. стр. 296 sub fin.).

и болѣе чѣмъ достаточными). Напротивъ, средства содержанія духовенства низшаго, за ничтожными и главнымъ образомъ случайными, не отъ способа обезпеченія зависѣвшими, исключеніями, были бѣдны и скудны. Въ городахъ стольныхъ княжескихъ, въ которыхъ жили составлявшіе дворы князей бояре, въ городахъ не только стольно-княжескихъ, но и торговыхъ, какъ напр. Новгородъ, гдѣ было много богатыхъ купцовъ, нѣтъ сомнѣнія, на ту или другую часть были приходы хорошіе; если не на ту или другую часть, то поединично были приходы хорошіе вообще въ городахъ; наконецъ, если мы примемъ предположеніе, что соборныя церкви въ уѣздныхъ или неепархіальныхъ городахъ были обезпечены отъ правительства десятиной мѣстныхъ доходовъ и что эта десятина не была отнята у нихъ и послѣ того, какъ явились доходы съ прихожанъ [1]), то нужно будетъ причислить къ хорошимъ приходамъ всѣ эти соборныя церкви (у которыхъ былъ еще особый противъ другихъ церквей доходъ—отъ поминовеній). Но за симъ рѣшительнѣйшее большинство приходовъ должно представлять себѣ тѣмъ, что̀ суть до настоящаго времени приходы бѣдные и средніе, т. е. что одни еле-еле кормили священниковъ, а другіе доставляли имъ положеніе не болѣе какъ зажиточныхъ или небѣдныхъ крестьянъ. Эта скудость средствъ содержанія нашего приходскаго духовенства, общая ему съ таковымъ же духовенствомъ у Грековъ [2]) и во всемъ православномъ мірѣ, какъ извѣстно, составляетъ рѣзкое отличіе нашего духовенства отъ духовенства западнаго, которое Карлъ Великій обезпечилъ опредѣленнымъ и не только совершенно достаточнымъ, но даже и болѣе, чѣмъ достаточнымъ содержаніемъ, именно—возобновляя ветхозавѣтный законъ о содержаніи левитовъ, назначилъ приходскому духовенству, такъ же какъ и епископамъ, десятину, которая должна была состоять въ томъ, что каждый прихожанинъ долженъ былъ платить причту своей приходской церкви, въ видѣ ежегоднаго оброка, десятую часть своихъ ежегодныхъ доходовъ [3]).

---

[1]) Въ позднѣйшее время, при Алексѣѣ Михайловичѣ, всѣ соборы получали царскую ругу,—Уложенія гл. X, стт. 85 fin. и 87.

[2]) О скудости средствъ содержанія приходскаго духовенства у Грековъ cfr новеллу импер. Константина Дуки 1065 г.,—у *Цахаріе* въ Jus Graeco—Romanum III, 324.

[3]) Кромѣ десятины, законъ о которой мы привели выше, Карлъ надѣлилъ еще всѣ церкви довольно большими участками земли (mansus ecclesiasticus) и затѣмъ еще постановилъ, чтобы при церквахъ были для причтовъ казенные дома съ казенною прислугою, см. *Дюканж.* Gloss. Latinit. подъ сл. mansus.—У насъ въ въ періодъ до-монгольскій проповѣдывалось, что Богу на служителей алтаря и на

Князья наши, обезпечивъ по западному содержаніе епископовъ на свой собственный счетъ, не обезпечили по западному содержанія низшаго приходскаго духовенства на счетъ населенія: весьма трудно тутъ рѣшать вопросъ: что болѣе обязаны были они сдѣлать,—обезпечить ли духовенство или пощадить населеніе, а также вовсе не можемъ мы отвѣчать и на другой вопросъ: не хотѣли ли они обезпечить духовенство или прямо находили это невозможнымъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ на эту необезпеченность, на эту скудость средствъ нашего приходскаго духовенства не должно смотрѣть ложными глазами, а именно—вдаваться въ черезчуръ слезливыя іереміады, что съ приходскимъ духовенствомъ было поступлено у насъ несправедливымъ и жестокимъ образомъ, что оно обречено было у насъ на нищенство и пр. и пр. Карлъ Великій, обезпечивая западное приходское духовенство, соединялъ съ этимъ стремленіе и заботу, чтобы духовенство было образованно, чтобы священники были тѣми просвѣщенными пастырями прихожанъ, какъ въ настоящее время это желается

бѣдныхъ должно удѣлять десятую часть ежегодныхъ стяжаній, и люди особенно благочестивые дѣйствительно такъ и дѣлали (одно, принадлежащее періоду до-монгольскому, „поученіе сыномъ и дщеремъ духовнымъ“ завѣщеваетъ: „десятину отъ всего имѣнія своего, лучшее отъемъ, дажь Богови,—совокупивъ же ю держи у себе, да отъ того даеши сиротѣ и вдовицѣ и странну и попомъ и чернцемъ и убогимъ“,—въ Памятнн. *Павлова* col. 125; затѣмъ смотри: одно весьма древнее поученіе въ Прибавлл. къ Творр. свв. Отцц. ч. XVII, стр. 54, одно весьма древнее наставленіе отца сыну въ Москвитян. 1851 г., № 6, кн. 2, стр. 137, лѣтописи Лаврентьевскую и Ипатскую—о преп. Θеодосіи Печерскомъ подъ 1074 г., о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ—первую подъ 1086 г., вторую—подъ 1087 г., Несторово житіе преп. Θеодосія по изд. *Бодянск.* въ Чтен. л. 20 fin). Эту нашу вольную десятину должно отличать отъ обязательной десятины западной, а равно должно отличать ее и отъ той нашей десятины, составлявшей жалованье отъ князей епископамъ, о которой мы говорили выше.—Въ періодъ до-монгольскій, какъ и во все послѣдующее старое время, духовенство наше было крайне подвижно; на этомъ основаніи представляется до нѣкоторой степени вѣроятнымъ предполагать, что при церквахъ были для него казенные или мірскіе дома, ибо иначе священники не успѣвали бы строить своихъ домовъ.—Для увеличенія средствъ своего содержанія священникамъ не возбраняются „различныя (частныя) занятія“,—7-го Всел. соб. пр. 15 fin., только бы онѣ не были „безчестныя или презрительныя“,—Карθаг. соб. пр. 19 (Трулльск. соб. пр. 9, cfr у *Ралли* и *П.* III, 344). У насъ такимъ занятіемъ была торговля (митр. Фотій въ Памятнн. *Павлова* coll. 275 и 284), прямо дозволявшаяся священникамъ въ Греціи, см. выше, а вѣроятно—и всѣ вообще мѣщанско-крестьянскіе ремесла и промысла, ибо имѣемъ указанія, что священники занимались у насъ даже звѣроловствомъ, см. ниже (а изъ занятій безчестно-презрительныхъ и строго запрещенныхъ—ростовщичество,—Фотій ibid.).

и требуется отъ нихъ и у насъ или лучше сказать—какой идеалъ относительно ихъ имѣемъ въ настоящее время и мы (ибо и доселѣ идеалъ еще весьма плохо и весьма мало переходитъ у насъ въ дѣйствительность). Ничего подобнаго, въ слѣдъ за Греціею, не было у насъ: наши требованія отъ священниковъ состояли въ томъ, чтобы они были чуть-чуть грамотны, умѣли служить церковныя службы и совершать требы,—и только [1]). Въ этомъ отношеніи между нами и Западомъ совершенно существенное и чрезвычайно важное различіе, которымъ условливается не только различіе церковной исторіи Запада отъ нашей, но и исторіи гражданской; различіе это по отношенію къ намъ въ высшей степени печально, ибо результатами его были нравственная невоспитанность народа и наше невѣжество (о чемъ обстоятельнѣе ниже). Но, отвлекаясь отъ слѣдствій и имѣя въ виду только то, чѣмъ обязывалось быть наше приходское духовенство или только то, что̀ отъ него требовалось, мы вовсе не найдемъ, чтобы оно было у насъ несправедливымъ и жестокимъ образомъ обижено, чтобы оно представляло собою классъ людей бездольныхъ. Относительно способности требовалось нѣкоторое умѣніе грамотѣ, относительно исполненія обязанностей—совершеніе церковныхъ службъ и требъ: люди, отъ которыхъ такъ мало требовалось, имѣли ли право на бо̀льшее обезпеченіе, чѣмъ то, какое они у насъ имѣли? Напротивъ, не было ли бы аномаліей и несообразностію, если бы наши священники были обезпечены позападному? Отстранивъ отъ своего мысленнаго взора нынѣшнихъ образованныхъ священниковъ (которые впрочемъ имѣютъ болѣе претензіи и потребностей людей образованныхъ, чѣмъ исполняютъ свои обязанности, какъ таковые), представимъ, что поставленъ во священники крестьянинъ еле-грамотный и что ему дана тысяча рублей жалованья: не будетъ ли это своего рода великой несообразностію? А если это жалованье будетъ взиматься съ его прихожанъ, то не будетъ ли это величайшею несправедливостью по отношенію къ послѣднимъ? Человѣкъ еле грамотный становился во священники, иначе сказать—бралъ на себя механическій трудъ служенія церковныхъ службъ и совершенія требъ: за совершеніе требъ онъ получалъ плату, которая, какъ бы ни была мала, во всякомъ случаѣ была не ниже механическаго труда, какъ таковаго; церковныхъ службъ священникъ служилъ не болѣе пятидесяти въ году и даже менѣе, ибо

---

[1]) Въ Греціи еще Юстиніанъ требуетъ отъ клириковъ не болѣе, какъ—чтобы они знали грамоту: κληρικοὺς οὐκ ἄλλως χειροθονεῖσθαι συγχωροῦμεν, εἰ μὴ γράμματα ἴσασι (новелла 123, гл. 12, cfr. новеллу 6, гл. 12); обстоятельнѣе ниже.

несомнѣнно, что далеко не всѣ священники служили обѣдни каждое воскресенье [1]), и за это, не говоря о нѣкоторой непосредственной платѣ въ видѣ подачъ на проскомидію, производилъ три или четыре сбора съ прихожанъ,—полагаемъ, что это достаточно. Наши священники были главнымъ образомъ не священники, а крестьяне, священство же было для нихъ, такъ сказать, только добавленіемъ къ крестьянству и добавленіемъ, несомнѣнно, не безвыгоднымъ (хотя въ размѣрахъ именно крестьянскихъ, а не дворянскихъ). Весьма возможно, что священники жаловались на свою судьбу, какъ это дѣлаютъ всѣ люди, но несомнѣнно то, что охотниковъ идти во священники было великое множество. Съ нѣкоторымъ основаніемъ они могли жаловаться на то, что рядомъ съ ними были монахи, которые не были выше ихъ ни въ какомъ отношеніи и которые (далеко не всѣ впрочемъ) были, въ сравненіи съ ними, относительно житейской обезпеченности, настоящіе господа [2]). Но благополучіе монаховъ создало не правительство искусственнымъ образомъ, и всегда въ этомъ мірѣ такъ, что одни люди возбуждаютъ зависть другихъ...

VI.

Отношеніе власти церковной къ государству и наоборотъ власти государственной къ церкви.

Теперь слѣдуетъ намъ сказать объ отношеніи у насъ церкви къ государству и наоборотъ—государства къ церкви въ періодъ до-монгольскій.

Власть гражданская обязана матеріально содержать и внѣшнимъ образомъ охранять власть церковную. Съ своей стороны эта послѣдняя должна представлять собою нравственное начало, которое бы нравственнымъ образомъ благотворно дѣйствовало на власть гражданскую. Сколько знаемъ, наша власть церковная или наше высшее ду-

---

[1]) Cfr въ Стоглавникѣ гл. 5 вопр. 30 и гл. 41 вопр. 31, также *Посошкова* О скудости и богатствѣ стр. 25.

[2]) А еще съ бо́льшимъ и совсѣмъ съ полнымъ основаніемъ могли они жаловаться на архіереевъ за дани, пошлины и вообще поборы ихъ самихъ съ ихъ ближайшими аколутіями или свитами и ихъ десятинниковъ (до чего хорошо было уже въ періодъ до-монгольскій регентамъ архіерейскихъ пѣвчихъ, видно изъ того, что одинъ таковой регентъ не захотѣлъ пойдти отъ архіерея на службу къ князю,—Ипатск. лѣт. подъ 1241, 2 изд. стр. 528 нач.: „словутьный пѣвець Митуса“).

ховенство періода до-монгольскаго вполнѣ понимало и признавало эту лежавшую на немъ обязанность и старалось выполнять ее по возможности добросовѣстно и усердно.

Періодъ до-монгольскій, иначе періодъ удѣловъ, представляетъ собою время непрестанныхъ междоусобій князей. Обязанность церковной власти,—митрополита и епископовъ, состояла въ томъ, чтобы по возможности предотвращать и прекращать эти междоусобія, по возможности поддерживать и возстановлять между князьями миръ, и сколько знаемъ—наши митрополиты и епископы періода до-монгольскаго среди княжескихъ междоусобій всегда и постоянно сознавали себя ничѣмъ инымъ, какъ миротворцами, и стремились быть таковыми на дѣлѣ, насколько это было возможно. Одинъ митрополитъ говоритъ одному князю: «княже, мы есмы приставлены въ Русской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитья» [1]); эти слова одного митрополита были девизомъ, если не всѣхъ нашихъ митрополитовъ и епископовъ, то несомнѣнно бо́льшей ихъ части. Въ лѣтописяхъ находимъ мы и всего два примѣра, что епископы вели себя недостойнымъ образомъ, не какъ истинные миротворцы, а какъ интриганы [2]). Можно допустить, что такихъ интригановъ было и не два, а то или другое нѣсколько, въ особенности изъ Грековъ, каковымъ былъ одинъ изъ двухъ упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ [3]); не невозможное дѣло, что они были не только между епископами, а и между самими митрополитами: но за всѣмъ тѣмъ на основаніи свидѣтельствъ тѣхъ же лѣтописей остается не подлежащимъ сомнѣнію, что подобные люди составляли только исключеніе и при томъ рѣдкое и что собственнымъ и общимъ девизомъ митрополитовъ и епископовъ было именно «востягивати князей отъ кровопролитья» и увѣщевать ихъ, какъ митр. Николай увѣщевалъ Владимира Мономаха, говоря князю: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать межю собою, погани имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже (юже) бѣша стяжали отци ваши и дѣды ваши трудомъ великимъ и храбрьствомъ» [4]).

---

[1]) Митр. Никифоръ 2-й Кіевскому князю Рюрику Ростиславичу,—въ Ипатск. лѣт. подъ 1195-мъ г., 2 изд. стр. 460 нач.

[2]) Епископы Черниговскіе — Антоній, родомъ Грекъ, — Ипатск. лѣт. подъ 1164-мъ г., и Порфирій,—Лаврент. лѣт. подъ 1187-мъ г.

[3]) Сколько можемъ въ настоящую минуту припомнить, къ двумъ названнымъ отчасти или вполнѣ долженъ быть причисленъ неизвѣстный по имени епископъ Перемышльскій самаго времени нашествія монголовъ,—Ипатск. лѣт. подъ 1241 г., 2 изд. стр. 52 fin.

[4]) Лавр. и Ипатск. лѣтт. подъ 1097 г.

Для представителей духовной власти неважно было знать, правъ или неправъ былъ князь, поднимавшій оружіе; ихъ забота состояла только въ томъ, чтобы предотвращать кровопролитья, и поэтому они одинаково унимали отъ междоусобій какъ неправыхъ, такъ и правыхъ, указывая послѣднимъ на то, что они много спасенія примутъ отъ Бога и избавятъ землю свою отъ великихъ бѣдъ [1]). Бывали случаи, что князья считали себя обязанными поднимать оружіе, бывъ связаны крестнымъ цѣлованіемъ подать помощь другимъ; тогда представители духовной власти брали грѣхъ клятвопреступленія на себя: «на насъ буди той грѣхъ, — говорили они находившимся въ подобномъ положеніи князьямъ—сотвори миръ» [2]).

Такъ какъ митрополитъ и епископы, естественно, пользовались наибольшимъ уваженіемъ у всѣхъ, то князья, имѣя важныя нужды и просьбы до другихъ князей, обыкновенно прибѣгали къ ихъ посредству, посылая ихъ послами. И митрополиты и епископы, обыкновенно, не отказывались отъ такихъ посольствъ, но считали ихъ какъ бы своею обязанностію [3]).

На большихъ съѣздахъ князей, при постановленіи договоровъ особенной важности, митрополитъ съ соборомъ епископовъ и игуменовъ считались необходимыми, какъ высшіе свидѣтели ненарушимости даваемыхъ обязательствъ. Въ 1096-мъ г. Владиміръ Мономахъ съ вел. кн. Святополкомъ Изяславичемъ говорятъ Олегу Черниговскому: «поиди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отець нашихъ» [4]).

Князья утверждали свои обязательства по отношенію одинъ къ другому посредствомъ договорныхъ грамотъ. Чтобы придать этимъ грамотамъ всю ненарушимость, договаривающіеся обыкновенно цѣловали крестъ изъ рукъ митрополита или епископовъ, отъ чего и грамоты назывались крестными (крестоцѣловальными).

---

[1]) Въ Лаврент. лѣт. подъ 1149 г. епископъ Переяславскій Евфимій.

[2]) Ibid. подъ 1127 г.,—весь соборъ іерейскій Кіева вел. кн. Мстиславу, (а объ его поступкѣ судъ Татищева—II, 235).

[3]) Случаевъ этихъ посольствъ въ лѣтописяхъ указано много; до чего обычно было возлагать ихъ на епископовъ, показываютъ слова Владимира Мономаха въ письмѣ къ Олегу Черниговскому: „да еже начнеши каятися Богу и мнѣ добро сердце створиши, *пославъ соль свой или пископа*, и грамоту напиши съ правдою“... Лаврент. лѣт. подъ 1096 г., 2 изд. стр. 245.

[4]) А важнѣйшія государственныя дѣла, и по крайней мѣрѣ—въ исключительныхъ случаяхъ, были въ Кіевѣ обсуждаемы въ присутствіи и при участіи митрополита и у его св. Софіи,—Лаврент. лѣт. подъ 1147 г., 2 изд. стр. 300 нач.

Много выше мы говорили, что не только для церкви, но и для государства было истиннымъ счастiемъ то, что въ перiодъ до-монгольскiй митрополитами у насъ были не природные Русскiе, а присыланные изъ Константинополя Греки. Не связанные личными обязательствами и чуждые личныхъ отношенiй, митрополиты Греки вели себя истинными пастырями, какъ представители христiанской правды и христiанскаго мира. Но митрополиты изъ природныхъ Русскихъ были бы сторонниками князей, ихъ поставлявшихъ. Слѣдовательно, они не унимали бы князей отъ кровопролитья, а помогали бы имъ въ этихъ послѣднихъ. Не трудно представить себѣ, до какой недостойной и жалкой роли низошла бы тогда церковь и до какой степени это, вмѣсто возможнаго противодѣйствiя злу, должно было бы ему содѣйствовать и его увеличить...

Епископы, какъ чиновники церкви, не могутъ быть вмѣстѣ съ симъ чиновниками государства, ибо невозможно въ одно и то же время двумъ господамъ работати. Но, не бывъ дѣлаемы настоящими чиновниками государственными, епископы въ Грецiи были призваны къ чрезвычайно важному косвенному участiю въ государственномъ управленiи, чтобы содѣйствовать его благу. Питая высокое уваженiе къ сану епископовъ, императоры хотѣли имѣть въ нихъ какъ бы вторыхъ «я» на провинцiяхъ или въ каждомъ изъ нихъ, что̀ называется, собственное императорское око: они поручили имъ высшiй надзоръ надъ гражданскими правителями и судьями со всѣмъ дѣломъ управленiя и суда и возложили на нихъ право и вмѣстѣ обязанность оказывать защиту и покровительство всѣмъ обидимымъ и угнетаемымъ [1]). Нѣтъ сомнѣнiя, что и у насъ епископы не были устранены формальнымъ образомъ отъ подобнаго участiя въ гражданскомъ управленiи, но у насъ не могло быть мѣста его приложенiю: епископскiя каѳедры у насъ были въ стольныхъ княжескихъ городахъ; слѣдовательно, въ каждомъ епископскомъ городѣ у насъ былъ самъ князь и не имѣлъ нужды въ посредствующихъ надзирателяхъ надъ своими чиновниками и судьями.

---

[1]) См. *Неволина* О пространствѣ церковнаго суда въ Россiи до Петра Великаго,—въ Полномъ собранiи сочиненiй, т. VI, стр. 255 sqq (Въ 1080 г. импер. Никифоръ Вота̀нiатъ указомъ повелѣлъ патрiарху, чтобы онъ каждую треть года напоминалъ ему—императору о ссыльныхъ, см. у *архим. Порфирiя* въ первомъ Путешествiи на Аѳонъ, I, 2, 303 sub. fin.—Въ свою очередь однако и гражданскимъ начальникамъ губернiй Юстинiанъ поручилъ смотрѣть за митрополитами и епископами, именно—относительно исполненiя тѣми и другими императорскихъ указовъ, касающихся церкви,—новелла 137, гл. 6).

Должно думать, что люди, терпѣвшіе обиды отъ самихъ князей, обращались у насъ къ предстательству епископовъ (какъ въ позднѣйшее время видимъ, что опальные бояре ищуть у митрополитовъ печалованія предъ государями, а митр. Никифоръ 1-й, пишущій въ одномъ увѣщательно-обличительномъ посланіи къ Владиміру Мономаху: «не опечалися, княже, о словеси (моемъ) или (не) мнипи, яко *кто приде ко мнѣ печаленъ* и того ради написахъ ти се» [1]), даетъ прямое основаніе предполагать, что существовалъ обычай прибѣгать въ указанномъ случаѣ къ епископамъ).

Есть еще мірская область, о дѣятельности въ которой епископовъ не только ожидались бы рѣчи, но и ожидались бы всего болѣе,— это общественная благотворительность. Въ первенствующее время церкви бѣдные (послѣ недолгаго эпизода, когда ихъ совсѣмъ въ ней не было, Дѣян. 4, 34) составляли какъ бы одно съ клиромъ и, состоявъ на попеченіи предстоятелей церквей или епископовъ столько же, сколько и самые клирики, получали на свое содержаніе извѣстную долю (не менѣе 4-й части) изъ доходовъ послѣднихъ—добровольныхъ приношеній вѣрующихъ [2]). Когда усердіе вѣрующихъ въ дарствованіи епископіямъ недвижимыхъ имѣній сдѣлало ихъ богатыми, епископы обратили эти богатства на то, чтобы учреждать всякаго рода благотворительныя заведенія: больницы, богадѣльни для старыхъ и для бѣдныхъ, пріюты для воспитанія сиротъ, наши воспитательные дома для незаконорожденныхъ дѣтей и подкидышей [3]), странно-пріимницы и пр. (νοσοκομεῖα, βρεφοτροφεῖα, γηροκομεῖα и πτωχοτροφεῖα, ὀρφανοτροφεῖα, ξενοδοχεῖα), такъ что епископамъ, какъ нарочитымъ здателямъ этихъ заведеній, въ Греціи было поручено завѣдываніе вообще всѣми ими, кѣмъ бы ни были построены и учреждены [4]). Наши епископы пе-

[1]) Русскк. Достопп. I, 72 sub fin. (Въ позднѣйшее время, при особыхъ обстоятельствахъ, и у насъ было такъ, какъ въ Греціи: архіепископы Казанскій и Сибирскій. Относительно извѣстнаго печалованія Никона царю Алексѣю Михайловичу cfr у *Неволина* ibid. стр. 258 fin.).

[2]) *Bingh.* Vol. II, 294, также Vol. I, 108.

[3]) Отъ чего у Грековъ явился обычай подкидывать дѣтей къ церквамъ. Отчасти, кажется, и у насъ существующій такой же обычай долженъ быть объясняемъ не тѣмъ, чтобы у насъ также были при церквахъ воспитательные дома,— ибо ихъ несомнѣнно не было,—а тѣмъ, что дитя отъ церкви и какъ бы сопровождаемое благословеніемъ церкви (даръ-Божій) скорѣе найдутся охотники взять.

[4]) Юстиніана новеллы 120, гл. 6, и 123, глл. 16 и 23 (въ Никон. Кормч. гл. 42 л. 313 и гл. 44 л. 351 об.). Что епископы во всякомъ случаѣ сознавали себя обязанными содержать вдовицъ (безпомощныхъ), убогихъ и странствующихъ пришельцевъ—Θеофила Александрійскаго пр. 11, cfr Василія Вел. пр. 24.

ріода до-монгольскаго (какъ и всего послѣдующаго времени) не ознаменовали себя въ этомъ отношеніи совершенно ничѣмъ. Не знаемъ, насколько имѣли бы они охоты соревновать епископамъ греческимъ, если бы современные имъ епископы греческіе оставались тѣмъ же, чѣмъ были древніе. Но въ Греціи въ нашъ періодъ до-монгольскій епископы были уже только людьми благотворимыми, а не благотворящими, отчасти потому, что ослабѣла ревность, а отчасти потому, что обѣднѣла страна, а съ нею и они—епископы. Превосходить же современныхъ епископовъ греческихъ и брать въ примѣръ древнихъ,—это было выше нашихъ епископовъ (епископъ Переяславскій Ефремъ, единственный изъ епископовъ періода до-монгольскаго извѣстный тѣмъ, что имѣлъ охоту употреблять свои средства,—не столько, вѣроятно, казенныя отъ каѳедры, сколько свои собственныя, ибо лично былъ человѣкъ весьма богатый,—на дѣла общественныя, вмѣсто больницы или богадѣльни построилъ въ Переяславлѣ греческія бани, т. е. вмѣсто того, что̀ было бы полезно, построилъ то, что̀ ознакомило бы Русскихъ людей съ греческимъ комфортомъ..., Лавр. лѣт. подъ 1089-мъ г., Ипатск. подъ 1090-мъ г., а прибавленіе Никоновской лѣтописи къ строенію банному больницъ со врачами,—«всѣмъ приходящимъ безмезднаго врачеванія», подъ первымъ изъ указанныхъ годовъ, есть не болѣе какъ ея собственное прибавленіе, имѣющее своимъ основаніемъ то, что ея составитель или самъ думалъ или только хотѣлъ заставить думать другихъ, что бани-де были построены епископомъ не для ихъ обыкновеннаго назначенія, а съ врачебною цѣлію [1]).

Объ отношеніяхъ нашихъ князей къ епископамъ мы говорили выше, что съ одной стороны они показали полное и совершенное усердіе въ дѣлѣ ихъ матеріальнаго обезпеченія, а съ другой стороны вели себя съ ними не совсѣмъ по надлежащему какъ съ чинами церкви: князья, какъ мы говорили, вопреки правиламъ каноническимъ, присвоили себѣ право избранія кандидатовъ въ епископы. Равнымъ образомъ не совсѣмъ каноническимъ представляется ихъ поведеніе и по отношенію къ епископамъ поставленнымъ. Епископъ можетъ быть удаленъ

---

[1]) Когда нужно было, у насъ твердилось, что „церковное богатство — нищихъ богатство“: но это были однѣ простыя слова. Не знаемъ, откуда именно взяты были эти слова, но онѣ буквально читаются у Зонары въ толкованіи на 59 апост. правило (есть въ Никон. Кормчей) и на 4 правило 4-го вселенскаго собора и небуквально—въ толкованіяхъ Зонары и Вальсамона на 14 правило Неокесарійскаго собора (первый есть въ Никоновск. Кормчей). См. еще у *Дюканжа* въ Gloss Graecit. подъ сл. Πτωχικά.

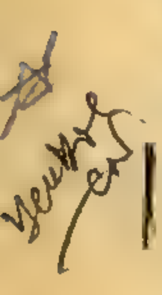
съ каѳедры и отъ должности только послѣ законнаго суда надъ нимъ церковнаго; но князья наши позволяли себѣ изгонять епископовъ не только безъ всякаго суда, но даже и вопреки суду церковному. Приводимые лѣтописями примѣры такого самоволія князей не особенно многочисленны, но замѣчательно, что лѣтописцы не только не порицаютъ князей за присвоеніе себѣ власти имъ не принадлежащей, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо одобряютъ ихъ: изъ этого слѣдуетъ, что тогдашнее общественное мнѣніе Руси дѣйствительно усвояло князьямъ право самовольнаго обращенія съ епископами. Въ 1156-мъ г. Андрей Боголюбскій хотѣлъ удалить съ каѳедры епископа Ростовскаго Нестора и послалъ его — неизвѣстно намъ — съ какими обвиненіями, на судъ къ митрополиту; послѣднимъ послѣ соборнаго и тщательнаго суда епископъ былъ оправданъ [1]): несмотря на это, Боголюбскій не захотѣлъ принять его и поставилъ на его мѣсто другаго. Этого преемника Несторова, по имени Леона, тотъ же Боголюбскій самовольно и безъ всякаго суда прогонялъ отъ себя трижды, — въ первый разъ за то, что онъ «умножилъ бяше церкви, грабяй попы», во второй разъ неизвѣстно за что, въ третій разъ за то, что онъ началъ учить о постѣ въ среду и пятокъ, когда случатся въ эти дни Господскіе праздники, не согласно съ тѣмъ, какъ желалъ князь. Въ 1168-мъ г. Черниговскій князь Святославъ самовольно прогналъ отъ себя епископа Антонія изъ-за сейчасъ помянутаго ученія о постѣ въ среду и пятокъ, именно—что епископъ «многажды браняшеть князю ѣсти мясъ въ Господскіе праздники»; оправдывая князя въ его поступкѣ, лѣтописецъ обращается съ назиданіемъ къ епископу: «да внимаемъ мы себѣ кождо насъ и не противимся Божью закону».

Имѣемъ мы одинъ замѣчательный случай суда надъ епископомъ, произведеннаго соборомъ князей. Въ 1229-мъ г. оставилъ каѳедру по причинѣ болѣзни Ростовскій епископъ Кириллъ I, который, по словамъ лѣтописца, былъ «богатъ зѣло кунами и селы и всѣмъ товаромъ [2]) и книгами, и просто рещи такъ бѣ богатъ всѣмъ, яко ни единъ епископъ бывъ въ Суждальстѣй области». Въ томъ же 1229-мъ г. былъ съѣздъ князей въ Суздалѣ; на этомъ съѣздѣ былъ привлеченъ къ суду оставившій каѳедру епископъ и по приговору одного изъ князей, которому вѣроятно было поручено произнесть его въ качествѣ третей-

---

[1]) Если только, какъ замѣчали мы выше, вѣрить показанію, которое мы въ семъ случаѣ имѣемъ.

[2]) Т. е. деньгами, селами и всякимъ имѣніемъ.



скаго судьи, былъ лишенъ всего своего богатства. Лѣтопись по своему обычаю передаетъ дѣло, къ сожалѣнію, весьма не ясно и на вопросъ, за что епископъ былъ судимъ и лишенъ богатства, отвѣчаетъ глухо: «нѣкакою тяжею». Весьма вѣроятно, князья Ростовскіе обвиняли своего бывшаго епископа, что онъ пріобрѣлъ богатство лихоимствомъ и вообще незаконнымъ образомъ. Какъ бы то ни было, судъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что епископъ былъ сужденъ и осужденъ князьями какъ простой міряниъ и гражданинъ, совершенно помимо и безъ всякаго участія церковной власти [1]).

Если не совсѣмъ канонически относились къ епископамъ великіе и удѣльные князья, то тѣмъ менѣе могло быть уваженія къ канонамъ или этой, если позволительно такъ выразиться, каноничности въ вольномъ, республиканскомъ Новгородѣ. Не вдругъ и не весьма скоро впрочемъ случилось, что на мѣсто власти митрополитовъ Новгородъ поставилъ по отношенію къ своимъ епископамъ свою собственную земскую власть; не ранѣе какъ съ половины XII вѣка онъ началъ самъ избирать своихъ епископовъ и самъ вѣдать ихъ, а дотолѣ принималъ ихъ присыланныхъ изъ Кіева и, сколько извѣстно, не распоряжался ими такъ, какъ сталъ дѣлать это потомъ съ епископами собственнаго избранія. Первое, довольно долгое, время послѣ крещенія Новгородцы, бывшіе еще весьма плохими христіанами, вѣроятно, смотрѣли на своихъ епископовъ болѣе или менѣе индифферентно, — видѣли въ нихъ неземскихъ чиновниковъ, присыланныхъ изъ Кіева, до которыхъ имъ мало дѣла; притомъ же въ это первое время ихъ гражданская или го-

---

[1]) Патріархъ Константинопольскій Германъ въ посланіи 1228 г. къ митр. Кириллу II отнюдь приказываетъ, подъ угрозой неразрѣшимаго церковнаго отлученія, всѣмъ нашимъ князьямъ огребаться не только отъ святительскихъ судовъ, но и отъ (восхищенія) церковныхъ и монастырскихъ стяжаній,—у *Павл.* въ Памм. col. 82 fin.. Мы не думаемъ однако, чтобы въ приказаніи патріарха должно было видѣть дѣйствительное свидѣтельство о томъ, будто въ періодъ домонгольскій бывало у насъ, что князья отнимали недвижимыя имѣнія у епископовъ: это очень невѣроятно и никогда не бывало этого у насъ и впослѣдствіи (изъ позднѣйшаго времени мы знаемъ одинъ случай, что не князья, а ихъ бояре, пользуясь обстоятельствами, освоили себѣ недвижимыя церковныя имѣнія: послѣ смерти митр. Кипріана и до прибытія митр. Фотія). Вѣроятно думать, что до свѣдѣнія патріарха дошло (или доведено было) о посягательствѣ князей на судъ церковный, причемъ разумѣются недоразумѣнія и споры между государственной и церковной властью изъза предѣловъ области суда, и что вмѣстѣ съ судомъ патріархъ говоритъ и о недвижимыхъ имѣніяхъ безъ дѣйствительнаго повода, но изъ собственнаго опасенія, что посягательство можетъ имѣть мѣсто по отношенію и къ нимъ.

сударственная зависимость отъ Кіева была еще настолько велика, что они не могли посягнуть на права митрополитовъ, охраняемыя великими князьями. Затѣмъ, когда Кіевъ пересталъ быть для нихъ указчикомъ въ гражданскомъ отношеніи, а они сами уже настолько стали христіанами, что не только не могли держать епископовъ въ совершенномъ удаленіи отъ дѣлъ земскихъ, но и не могли обходиться безъ нихъ въ сихъ послѣднихъ дѣлахъ, какъ представителей вѣры, подающихъ или не подающихъ свое благословеніе и чрезъ то содѣйствующихъ или препятствующихъ, они не тотчасъ же присвоили избраніе и вѣданіе епископовъ самимъ себѣ потому, что это значило присвоить себѣ права митрополита, а всякое правонарушеніе совершается не вдругъ. Вообще, Новгородцы начали сами избирать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сами вѣдать своихъ епископовъ съ 1156-го г. Передъ тѣмъ епископомъ Новгородскимъ былъ извѣстный Нифонтъ, непримиримый противникъ митрополита Климента. Этотъ Нифонтъ рѣзко отдѣляется отъ ряда предшествующихъ ему епископовъ тѣмъ, что принималъ самое дѣятельное участіе въ земскихъ дѣлахъ Новгородскихъ, и не только Новгородскихъ, но даже и общерусскихъ [1]). Не знаемъ, условливалось ли это личными государственными талантами и стремленіями Нифонта, или къ его времени положеніе и авторитетъ епископовъ въ Новгородѣ стали таковы, что безъ нихъ уже не могли обходиться въ дѣлахъ земскихъ; какъ бы то ни было, но, отъ чего бы ни зависѣвшее, это дѣятельное и рѣшительное участіе Нифонта въ дѣлахъ земскихъ должно было побудить Новгородцевъ къ тому, чтобы, обходя и забывая каноны церковные, взять епископовъ въ свои земскія руки. Это и поспѣшили они сдѣлать послѣ смерти Нифонта, избравъ преемника ему сами народнымъ вѣчемъ и, разумѣется, изъ среды своего собственнаго духовенства. При первомъ приступѣ къ введенію новыхъ порядковъ Новгородцамъ благопріятствовали обстоятельства: когда умеръ Нифонтъ, въ Кіевѣ не было митрополита, вслѣдствіе чего они, сами избравъ епископа, могли оправдываться тѣмъ, что кромѣ нихъ самихъ некому было избрать послѣдняго. Необходимо думать однако, что дѣло не обошлось безъ нѣкоторой борьбы съ митрополитомъ и что послѣдній не сразу отказался

---

[1]) Нифонтъ былъ епископомъ съ 1130 г.: въ 1134 г. онъ призывалъ въ Новгородъ для успокоенія здѣшнихъ волненій митр. Михаила, въ 1141 г. ходилъ въ Кіевъ съ лѣпшими людьми по новаго Новгородскаго князя, въ 1147 г. ходилъ къ Юрію Долгорукому „мира дѣля“, въ 1154 г. ходилъ къ тому же Юрію просить въ Новгородскіе князья его сына; что касается до дѣлъ общерусскихъ, то въ 1135 г. онъ ходилъ въ Кіевъ мирить Кіевлянъ съ Черниговцами.

отъ своихъ весьма важныхъ правъ. Вскорѣ послѣ избранія Новгородцами кандидата на мѣсто Нифонта въ Кіевъ прибылъ митрополитъ изъ Константинополя, именно — въ томъ же самомъ 1156-мъ г.; но избранный кандидатъ, — игуменъ Аркадій, оставался безъ посвященія весьма долго, до 1158-го г. Это не можетъ значить ничего иного, какъ то, что митрополитъ не хотѣлъ и отказывался посвятить его. Чѣмъ заставили наконецъ Новгородцы митрополита уступить имъ право избирать своихъ епископовъ, остается неизвѣстнымъ; но гораздо болѣе вѣроятно, что не стойкостью и какими-нибудь угрозами, а по преимуществу обычнымъ для нихъ аргументомъ—деньгами.

Съ 1156-го года въ Новгородѣ навсегда водворился обычай избирать епископовъ самимъ—посредствомъ народнаго вѣча и изъ среды собственнаго духовенства. Изъ восьми епископовъ періода до-монгольскаго, составляющихъ этотъ новый рядъ ихъ, шестеро были избраны единогласно или по крайней мѣрѣ большинствомъ голосовъ, при избраніи же двоихъ споры партій разрѣшаемы были посредствомъ жеребья, именно—жеребьи предполагавшихся кандидатовъ были кладены на престолъ св. Софіи и изъ нихъ вынимался одинъ (Весьма можетъ быть впрочемъ, что посредствомъ жеребья избраны были не два епископа, а нѣсколькіе, но что только Новгородскіе лѣтописцы, не желая выставлять волненій, происходившихъ у нихъ по поводу избранія епископовъ, о другихъ случаяхъ умалчиваютъ, cfr въ Новгор. 1-й лѣт. подъ 1193-мъ г. запись объ избраніи Мартирія).

Несомнѣнно, что епископы Новгородскіе съ того времени, какъ начали быть избираемы самими Новгородцами, находились въ полной и совершенной власти своего земства. Не всѣ епископы испытали надъ собой силу и произволъ этой власти, потому что не всѣ доводили себя до этого, но то, что мы знаемъ о нѣкоторыхъ, не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ 1211-мъ г. архіепископъ Митрофанъ чѣмъ-то возбудилъ противъ себя гнѣвъ Новгородцевъ или, какъ говоритъ лѣтописецъ, «злодѣй исперва не хотя добра зависть вложи (на него) людемъ»,—и безъ всякаго суда и дальнихъ проволочекъ онъ былъ сведенъ съ каѳедры и выведенъ изъ города. Черезъ 8 лѣтъ этотъ Митрофанъ снова успѣлъ пріобрѣсть благоволеніе Новгородцевъ и они, возвращая его на каѳедру, занятую другимъ — Антоніемъ, въ мірѣ Добрыней Ядрейковичемъ, сказали сему послѣднему: «иди, куда знаешь» (*поиди, гдѣ ти любо*). Послѣ смерти Митрофана въ 1223-мъ г. былъ избранъ въ епископы монахъ Хутынскаго монастыря Арсеній, но въ 1225-мъ г. Новгородцы возвратили Антонія,

предложивъ Арсенію снова возвратиться туда, откуда былъ взятъ. Послѣ удаленія Антоніева съ каѳедры за болѣзнію, въ 1228-мъ г. въ другой разъ избранъ былъ Арсеній, но, просидѣвъ весьма недолго въ дворѣ архіепископскомъ, буквальнымъ образомъ былъ вытолканъ изъ него въ шею и даже спасся отъ смерти только тѣмъ, что укрылся въ св. Софіи. Новгородскіе лѣтописцы, подобно тому какъ и всѣ наши лѣтописцы, описывая внѣшнія событія, не имѣютъ обычая и имѣютъ весьма мало намѣренной охоты приподнимать завѣсу, за которой скрываются внутреннія пружины. Но по всему видно, что епископы Новгородскіе или эти среди другихъ епископовъ Руси знаменитые владыки были не далеки отъ того, чтобы представлять изъ себя простыя игрушки въ рукахъ партій. Впрочемъ, такъ какъ епископы не стояли и не могли стоять внѣ дѣлъ земскихъ, а принимали и должны были принять въ нихъ участіе, то это должно было случиться по необходимости. (Положеніе архіепископовъ Новгородскихъ значительно измѣнилось къ лучшему или точнѣе говоря—совсѣмъ стало другимъ впослѣдствіи времени, когда по отношенію къ нимъ Новгородъ сталъ подъ контроль Москвы, т. е. когда въ виду сей послѣдней Новгородцамъ стало невозможнымъ мѣнять ихъ такъ, какъ прежде. Заключая отъ этого позднѣйшаго времени, нѣкоторые ошибочно судятъ и о времени древнѣйшемъ). Замѣчательно, до какой степени наклонны были Новгородцы сдѣлать гражданскимъ и собственное церковное управленіе своихъ епископовъ. Архіепископъ Антоній, въ 1225-мъ г. вторично возведенный на каѳедру, черезъ три года долженъ былъ отказаться отъ нея по болѣзни онѣмѣнія, которая совсѣмъ препятствовала ему исполнять обязанности епископа; не смотря на это, они возводили его на каѳедру въ третій разъ, при чемъ для управленія епархіей сажали съ нимъ своихъ двухъ мужей, т. е. иначе сказать—при чемъ управленіе епархіей поручали двумъ мірскимъ людямъ или какъ бы старостамъ, выбраннымъ отъ міра.

VII.

Бытъ и общественное положеніе духовенства. Его мірское (небогослужебное) одѣяніе.

Въ заключеніе настоящей главы о церковномъ управленіи скажемъ о бытѣ и общественномъ положеніи нашего духовенства высшаго и низшаго и потомъ еще, въ видѣ археологическаго добавленія, объ его древнемъ небогослужебномъ одѣяніи или костюмѣ.

Мы говорили выше, что вслѣдствіе слишкомъ большой обширности епархій и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ архіереи наши, въ отличіе отъ архіереевъ греческихъ, пришли къ тому, чтобы сознавать себя по отношенію къ подчиненнымъ начальниками слишкомъ высоковластными. По той же самой причинѣ слишкомъ большой обширности епархій и слишкомъ малаго количества ихъ, архіереи наши должны были придти къ тому, чтобы сознавать себя людьми слишкомъ высокопоставленными и знатными, господами самой большой статьи. Въ Греціи, гдѣ архіереевъ было безчисленное множество, гдѣ каждый уѣздный городъ, хотя бы и самый захолустный, подобный нашему Бую, котораго нѣкто три года искалъ, имѣлъ своего епископа, архіереямъ, при всемъ уваженіи, какимъ они пользовались въ обществѣ, трудно и неестественно было заразиться и надмиться мнѣніемъ о себѣ, какъ объ избранной знати, ибо знатно только то, что немногочисленно. Но у насъ епископіи обнимали не только цѣлыя удѣльныя княженія, но и по нѣскольку сихъ послѣднихъ. У насъ архіерей не равнялся въ гражданскомъ чиноначаліи начальнику уѣздному, но по обширности своей области совсѣмъ не имѣлъ себѣ равныхъ между гражданскими администраторами, превосходя этою обширностію области даже и самихъ удѣльныхъ князей. Если къ большей части греческихъ архіереевъ шло комическое названіе, употребляемое Григоріемъ Богословомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ — микрополитъ [1]) (аллюзія къ митрополитъ), то напротивъ наибольшая часть русскихъ архіереевъ вмѣстѣ съ Симономъ Владимирскимъ имѣли право называть свои епархіи цѣлыми землями и восклицать о великомъ множествѣ находящихся въ нихъ городовъ и о томъ, что—кто ихъ—епископовъ не знаетъ [2]). При такомъ положеніи дѣла совершенно естественно было, чтобы архіереи наши сознали себя людьми весьма высокопоставленными и знатными въ обществѣ, чтобы они считали себя однимъ изъ самыхъ первыхъ чиновъ въ государствѣ. Такъ это и было.

Всякій человѣкъ устраиваетъ свой внѣшній бытъ сообразно съ тѣмъ, какъ онъ сознаетъ свое общественное положеніе. Человѣкъ знатный устраиваетъ свой бытъ такъ, какъ требуетъ его знатность или занимаемое имъ высокое общественное положеніе, ибо знатность обязываетъ (noblesse oblige). Слѣдовательно, о внѣшнемъ бытѣ нашихъ

---

[1]) Oratio de laude patris,—взятое у Аристофана изъ комедіи Всадники.

[2]) „Кто не вѣсть мене грѣшнаго Симона и сея соборныя церкве красоты Володимерское и другія Суждальскія... колико же имѣета городовъ и селъ, и десятину сбираютъ по всей земли той“.

епископовъ необходимо думать, что онъ устроенъ былъ такъ, какъ быть знатныхъ свѣтскихъ людей, т. е. съ представительностію и пышностію этихъ послѣднихъ. У лѣтописцевъ мы находимъ одно свидѣтельство, которое положительно подтверждаетъ то, что мы считаемъ нужнымъ предполагать, какъ вѣроятное. Авторъ Ипатской лѣтописи, разсказывая подъ 1241-мъ г., какъ епископъ Перемышльскій, замѣшанный въ политическія смуты, хотѣвъ бѣжать, былъ пойманъ чиновникомъ Галичскаго князя, говоритъ: «удоси (успѣлъ захватить) владыку и слуги его разграби гордые и тулы ихъ бобровье раздра и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша». Если слуги были горды, то ясно, что они сознавали себя слугами знатнаго господина; если они были отлично одѣты во всевозможные мѣха, то ясно, что у этого знатнаго господина внѣшній бытъ поставленъ былъ на соотвѣтствующую ногу. О бѣдѣ, постигшей Перемышльскаго епископа, авторъ лѣтописи, какъ очевидно, сообщаетъ съ злорадствомъ и смыслъ его рѣчи такой: вы сознавали и вели себя слишкомъ знатными, то вотъ же вамъ! Епархія Перемышльская была далеко не изъ обширнѣйшихъ, а слѣдовательно и не изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ; если въ приведенныхъ словахъ является передъ нами какъ знатный человѣкъ епископъ Перемышльскій, то необходимо думать то же самое и еще болѣе и обо всѣхъ епископахъ [1]).

---

[1]) Съ какою, напротивъ, совершенною и крайнею простотой жили греческіе епископы X вѣка, см. *Лиутпранда* Legatio, § 63 (ipsi vendunt, ipsi emunt, ostia ipsi claudunt, ipsi aperiunt, ipsi dapiferi, ipsi agasones, ipsi capones: сами продаютъ, сами покупаютъ, сами запираютъ двери, сами отворяютъ, сами себѣ оффиціанты за обѣдомъ, сами себѣ конюха, сами себѣ спальники, т. е. вообще слуги комнатные). Иные епископы греческіе обходили свои епархіи пѣшкомъ, — Вальсам. у *Ралли* и *П.* IV, 545.—У митр. Георгія читается: „аще епископъ носитъ ястребъ на руцѣ, а не молитвеникъ (*вар.* молитовникъ, — чётки, лестовку) да извержется“ (§ 121). Слѣдовательно, бывали такіе епископы, которые вмѣстѣ съ боярами или сами по себѣ занимались обычною въ то время ястребино-соколиною охотою. Епископъ Новгородскій Ѳеодоръ въ 1069 г. былъ уяденъ своимъ псомъ и съ того умеръ. Конечно, нельзя думать тутъ о маленькой комнатной собачкѣ и не невозможно подозрѣвать, что епископъ имѣлъ охотничью стаю псовъ. Слова митр. Георгія даютъ знать, что такъ называемые „свѣтскіе“ наши епископы до-монгольскаго періода должны быть представляемы на манеръ современныхъ имъ епископовъ западныхъ (о которыхъ см. *Гизелера* KG. II, 2, 4 Aufl. S. 281 sqq).—Считаемъ не излишнимъ упомянуть объ одной чертѣ внѣшняго быта архіереевъ, которая сама по себѣ безразлична, но которая можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ, до какой степени въ сужденіяхъ о томъ, что̀ прилично и неприлично, играетъ простая привычка. Если бы въ настоящее время пришлось увидать архіерея, ѣдущаго на лошади вер-

(Приведенныя нами выше слова о слугахъ архіерейскихъ съ одной стороны и посредственнымъ образомъ представляютъ собою свидѣтельство о бытѣ ихъ господъ, а съ другой стороны и непосредственно говорятъ о нихъ самихъ. Изъ приведенныхъ словъ оказывается, что слуги архіерейскіе съ весьма древняго времени были все тѣмъ же, чѣмъ мы знаемъ ихъ по сю пору: отлично одѣты на счетъ священниковъ и одновременно съ тѣмъ чрезвычайно горды и нахальны съ тѣми же священниками. Послѣ приведенныхъ классическихъ словъ о нихъ Ипатской лѣтописи припоминаются другія классическія слова, сказанныя въ Петровскомъ Регламентѣ: «слуги архіерейскіе обычнѣ бываютъ лакомые скотины и гдѣ видитъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ какъ татаре на похищеніе устремляются», а затѣмъ живой ихъ не гибнущій примѣръ)...

Между приходскими священниками нужно различать священниковъ столичныхъ, разумѣя подъ таковыми священниковъ всѣхъ удѣльныхъ городовъ, священниковъ городскихъ нестоличныхъ и священниковъ сельскихъ.

Если всякій легко догадывается, что̀ должно думать о послѣднихъ, то, напротивъ, далеко не всякій ожидаетъ того, что̀ нужно думать о первыхъ. Священники столичные или городовъ удѣльныхъ занимали весьма почетное общественное положеніе и играли весьма важную общественную роль, такъ что составляли весьма рѣзкій контрастъ съ священниками сельскими. Дѣло, не совсѣмъ ожиданное, изъясняется однако очень просто и естественно. Князья съ составлявшими ихъ

хомъ, то всякій, конечно, нашолъ бы это въ высшей степени страннымъ и неприличнымъ; а между тѣмъ архіереи наши ѣздили верхомъ не менѣе, какъ до конца XVII вѣка. Въ Греціи древней и старой обыкновенная ѣзда была — верховая; а поэтому и архіереи, вмѣстѣ со всѣми другими, ѣздили верхомъ, какъ ѣздятъ и до сихъ поръ (употреблявъ и до сихъ поръ употребляя изъ двухъ верховыхъ животныхъ — лошади и осла по преимуществу (и христоподражательно) скромнѣйшее (изображеніе Іоанна Златоустаго, ведомаго въ ссылку и ѣдущаго верхомъ на ослѣ, тогда какъ сопровождающій его стражъ на лошади,—въ Менологіи импер. Василія подъ 13-мъ Ноября, I, 184; самъ Златоустый говоритъ: ἐπίσκοπος ἐπὶ ὄνου ὀκεῖται, у *Монфок.* XI, 796). Если бы у насъ во времена Владиміра между князьями и боярами были въ обычаѣ кареты (которыхъ впрочемъ еще и вообще не было), то архіереи наши, весьма вѣроятно, не по подобію архіереевъ греческихъ, а по подобію своихъ князей и бояръ, стали бы ѣздить въ каретахъ. Но и у насъ, какъ въ Греціи, верховая ѣзда была и оставалась обычной до позднѣйшаго времени. А поэтому и у насъ, такъ же какъ въ Греціи, архіереи вмѣстѣ съ другими ѣздили верхомъ.

дворы боярами съ одной стороны и священники съ другой стороны представляли собою тогдашнихъ людей образованныхъ; но образованіе однихъ и другихъ не было розное, а было одно и то же, именно—образованіе церковное или начитанность въ церковныхъ учительныхъ книгахъ. Несомнѣнно или, по крайней мѣрѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что князья съ боярами были болѣе образованны, чѣмъ священники; но такъ какъ они были люди свѣтскіе, а образованіе было церковное, то естественно, что настоящими хозяевами въ немъ они считали не самихъ себя, а священниковъ. Такимъ образомъ, въ качествѣ высшихъ представителей тогдашняго общаго всѣмъ и одного для всѣхъ образованія или въ качествѣ тогдашнихъ людей самыхъ образованныхъ, священники и должны были получить мѣсто въ придворныхъ обществахъ княжескихъ. Священники и придворные люди,—это повидимому слишкомъ странно; но чтобы не казалось это слишкомъ страннымъ, нужно нѣсколько отрѣшиться отъ теперешнихъ понятій. Въ то древнее время, о которомъ говоримъ, священникъ вовсе не казался въ свѣтскомъ обществѣ, какъ это теперь, чѣмъ-то попавшимъ совсѣмъ не въ свое мѣсто, какимъ-то пѣстомъ, замѣшавшимся въ ложкахъ.

Священниковъ ввелъ въ высшее придворное общество креститель Руси св. Владиміръ, который, по свидѣтельству монаха Іакова, когда устроивалъ у себя обѣды и пиры, поставлялъ три трапезы и изъ нихъ первую митрополиту съ епископами и съ монахами и со священниками [1]. Восхваляя добродѣтели послѣдующихъ князей, лѣтописцы почти постоянно называютъ ту ихъ добродѣтель, что они «излиха (паче мѣры) чтяху чернеческій чинъ и поповскій (іерейскій чинъ и мнишскій)». Свое почтеніе къ чернеческому или мнишескому чину князья выражали тѣмъ, что почасту приходили въ монастыри и принимая съ одной стороны духовныя наставленія, съ другой стороны предлагали монахамъ обильныя учрежденія (обстоятельнѣе скажемъ ниже, когда будемъ говорить о монастыряхъ): необходимо думать, что подобнымъ образомъ свое почтеніе къ іерейскому или поповскому чину они выражали тѣмъ, что призывали священниковъ къ своимъ княжескимъ трапезамъ. О такомъ предметѣ, какъ трапезованія или пированія священниковъ у князей мы, конечно, не находимъ нарочитыхъ рѣчей у лѣтописцевъ. Но мы находимъ у нихъ извѣстія объ этомъ въ рѣчахъ ненарочитыхъ, случайныхъ, извѣстія при томъ такія, которыя даютъ знать, что общество священниковъ составляло обычную

[1]) См. выше стр. 242 fin..

компанію князей. Авторъ Ипатской лѣтописи, разсказывая подъ 1150 г. о внезапномъ нападеніи на Бѣлгородъ враговъ, чуть было его не взявшихъ, говоритъ, что въ то время князь Бѣлгородскій пировалъ у себя во дворцѣ съ боярами и Бѣлгородскими священниками [1]).

Принадлежавъ къ придворному обществу князей въ качествѣ высшихъ представителей тогдашняго образованія, священники играли весьма не маловажную роль при дворахъ княжескихъ, въ ихъ дѣлахъ государственныхъ, и какъ люди дѣловые. При людяхъ знатныхъ всегда предполагаются незнатные дѣльцы. Впослѣдствіи времени мы видимъ при князьяхъ такими дѣльцами ихъ дьяковъ. Но въ періодъ до-монгольскій эти люди, по своему первоначалу весьма не высокіе, простые писцы, еще не успѣли составить себѣ репутаціи и еще не успѣли занять положенія, — въ періодъ до-монгольскій такими дѣльцами при князьяхъ были священники. Не состоя, разумѣется, оффиціально на службѣ у князей, они принимали въ дѣлахъ государственныхъ весьма дѣятельное и весьма большое участіе какъ частные дѣловые люди или временно призывавшіеся или можетъ быть даже и постоянно участвовавшіе только въ качествѣ дѣятелей и совѣтниковъ неоффиціальныхъ, приватныхъ. Имѣя въ нашей гражданской исторіи чрезвычайно скудныя свѣдѣнія по отдѣлу внутренней государственной жизни, мы не можемъ изобразить этого участія священниковъ въ дѣлахъ государственныхъ съ достаточной полнотой. Но что оно было и было весьма значительно и важно, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, что, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ почти совершенно находилось въ ихъ рукахъ, что они были у нашихъ удѣльныхъ князей своего рода Ришелье и Мазарини. Между удѣльными князьями, по причинѣ ихъ множества, были непрестанныя распри и ссоры, и слѣдовательно постоянныя дипломатическія сношенія. Для таковыхъ сношеній до такой степени преимущественно употреблялись въ періодъ до-монгольскій священники, что на тогдашнемъ дипломатическомъ языкѣ попъ и посолъ были синонимами и что въ международныхъ договорахъ попамъ усвояются тѣ же самыя преимущества, что и посламъ [2]).

---

[1]) „Въ тоже время Борисъ (князь Бѣлгородскій, сынъ Юрія Долгорукаго) пьяшеть (по-просту пьянствовалъ) въ Бѣлгородѣ на сѣньници съ дружиною своею и съ попы Бѣлогородскыми", 2 изд. стр. 288. Галичскій князь Владимиръ Ярославичъ отнялъ у попа жену и сдѣлалъ ее своей женой (та же лѣт. подъ 1188 г., стр. 444): попадья успѣла понравиться князю, конечно, на одномъ изъ его пировъ.

[2]) Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Нѣмцами 1228 г.: „аже послови пригодится пакость или попови, во всякой обидѣ за два че-

Что священники иногда достигали чрезвычайно большаго вліянія, что ихъ дѣти и внуки иногда выходили въ весьма знатные люди, въ самые большіе бояре, на это мы имѣемъ свидѣтельствъ немного, но все-таки имѣемъ. Подъ 1240-мъ г. въ Ипатской лѣтописи [1]) повѣствуется о Галичскомъ бояринѣ Судьичѣ, который по происхожденію былъ поповъ внукъ и который, вмѣстѣ съ другимъ бояриномъ, заправлялъ всей землей Галичской, будучи больше въ ней самого князя [2]).

Священники городскіе нестоличные, по всей вѣроятности, представляли изъ себя то же самое, что въ настоящее время,—людей уединенныхъ, живущихъ по преимуществу между самими собой и составляющихъ какъ бы особое общество въ обществѣ. Не играя какой-либо видной роли въ послѣднемъ, проситeльно смотря въ руки людей богатыхъ и слѣдовательно будучи усиленно съ ними почтительны, они въ то время не были и чѣмъ нибудь слишкомъ страдательнымъ [3]).

Какъ нѣчто именно страдательное должны быть представляемы священники сельскіе. Мы еще сами помнимъ то время, когда священникъ сельскій трактовался всѣми господами и всѣми начальниками свѣтскими, нисходя книзу до становаго включительно, немного лучше лакея. Въ XVII вѣкѣ, отъ котораго больше или меньше можно заключать ко всему вообще Московскому времени, какъ мы имѣемъ свидѣтельства [4]), не только бояре, но даже и боярскіе люди считали сельскаго священника за человѣка, съ которымъ всего менѣе нужно

ловѣка платити зань",—Русскк. Достопп. II, 251 fin.; въ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами ок. 1195 г.: „оже убьють таль или попъ Новгородскые или Нѣмецкые Новѣгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову",—у *Напіерскаго* № 1-й (b) fin.; еще см. у *Шараневича* въ Исторіи Галичск. княжества стрр. 69 и 80. О попахъ послами во внутреннихъ сношеніяхъ см. Ипатск. лѣт. подъ 1146-мъ г. стр. 236, 1161 г. стр. 352, 1170 г. стр. 369, 1180 г. стр. 419, 1202 г. стр. 481; Новгор. лѣт. I подъ 1215 г., въ Полн. Собр. III, 33. Какъ кажется, сюда же относится пословица: „попа послать стыжуся, а самъ идти боюся".

[1]) Стр. 525 нач..

[2]) И въ Греціи лица духовныя, впрочемъ не священники, а архіереи и монахи, весьма нерѣдко были употребляемы императорами въ гражданскихъ дѣлахъ, см. у *Ралли* и *П.* II, 229 и III, 349.

[3]) Въ настоящее время между священниками городскими бываютъ исключенія людей свѣтскихъ, вращающихся въ мірскомъ обществѣ и предающихся всѣмъ мірскимъ удовольствіямъ. Должно думать, что въ древнее и старое время такія исключенія бывали чаще, ибо въ древнее и старое время, при гораздо большей вообще близости священства къ обществу, это не могло составлять такой странной рѣзкости, какъ въ настоящее время.

[4]) См. у *Соловьева* въ Исторіи т. XI, 2 изд. стр. 254 fin..

церемониться. Необходимо думать, что и въ періодъ до-монгольскій сельскій священникъ былъ все тѣмъ же жалкимъ паріемъ, какимъ мы его знаемъ во все послѣдующее время. Тогда было еще особенное обстоятельство, которое долженствовало приводить къ тому, чтобы всѣ сколько-нибудь господа трактовали сельскихъ священниковъ совершенно какъ лакеевъ. Тогда существовало злоупотребленіе, чтобы господа ставили въ свои домовые и въ свои вотчинные священники своихъ рабовъ или холоповъ, которыхъ удерживали въ рабствѣ и послѣ посвященія. Обращаясь съ этими своими священниками какъ съ своими лакеями, ибо дѣйствительно были таковыми, господа естественно должны были сдѣлать привычку обращаться какъ съ настоящими лакеями и со всѣми вообще сельскими священниками [1]).

Скажемъ о мірскомъ или небогослужебномъ одѣяніи духовенства.

Въ Греціи не позднѣе, какъ съ того или другаго времени до 6-го вселенскаго собора (691 г.) было узаконено или вошло въ обычай, чтобы священники и всѣ клирики, какъ люди особенные въ обществѣ, одѣвались въ свои особенныя одежды, ибо въ правилахъ этого собора читаемъ: «никто изъ числящихся въ клирѣ да не одѣвается въ неприличную одежду, ни пребывая во градѣ, ни находясь въ пути: но всякій изъ нихъ да употребляетъ одежды уже опредѣленныя для состоящихъ въ клирѣ» (στολαῖς κεχρήσθω ταῖς ἤδη ἀπονεμηθείσαις [2]). Это узаконеніе или этотъ установившійся обычай должно понимать—во-первыхъ, не такимъ образомъ, чтобы для священниковъ или ими самими были изобрѣтены какія-нибудь новыя одежды (новая форма), а такимъ, что изъ многихъ видовъ одеждъ, существовавшихъ у мі-

[1]) Но и сами архіереи, какъ извѣстно, обращались съ жалкими сельскими священниками нисколько не лучше, чѣмъ кто либо другой.—Что касается до побочныхъ занятій сельскихъ священниковъ, то митр. Георгій даетъ знать, что были даже такіе священники, которые занимались промысломъ звѣровщичества или звѣроловничества, ибо говоритъ въ своихъ Правилахъ: „аще попъ ловитъ звѣри или птици, да извержется сана“, § 120 (впрочемъ, этотъ промыселъ слишкомъ страненъ для насъ—московскихъ Русскихъ, а въ Малороссіи, какъ приходилось намъ читать, равно какъ напр. въ Болгаріи, и до сихъ поръ есть священники охотники).

[2]) Пр. 27. Ранѣе 6-го вселенскаго собора Евсевій Кесарійскій въ жизни Константина (кн. I, гл. 42) даетъ знать, что епископы носили особую одежду, но онъ разумѣетъ, кажется, не столько ея форму, сколько качество, именно—онъ говоритъ, что „епископы по одеждѣ казались ничтожными“ (ἄνδρες εὐτελεῖς τῇ τοῦ σχήματος περιβολῇ. Объ одеждѣ священниковъ до 6-го вселенскаго собора cfr у *Бингама* II, 417 sqq.). Выраженіе правила соборнаго „уже“ (ἤδη) даетъ какъ будто знать, что особая одежда у священниковъ явилась незадолго передъ тѣмъ.

рянъ, имъ былъ присвоенъ, или они сами себѣ усвоили, одинъ извѣстный видъ наиболѣе для нихъ приличный; во-вторыхъ—объ одеждахъ не всѣхъ вообще, а только выходныхъ или публичныхъ, подразумѣвая, что одежды домашнія, невидимыя подъ выходными, оставлены произволу каждаго.

Въ настоящее время священники наши имѣютъ двѣ выходныя или публичныя одежды—подрясникъ и рясу. Но нынѣшняя ряса по своему происхожденію весьма поздняя, у Грековъ явившаяся только уже во времена турецкія (бывъ ими заимствована именно отъ Турокъ), а нами усвоенная отъ Грековъ только уже въ продолженіе первой половины XVII вѣка, и до ея появленія выходныхъ одеждъ у священниковъ была одна, — та, что нынѣ составляетъ подрясникъ, который до нынѣшней рясы не назывался рясою, каковое названіе есть собственно названіе одной изъ одеждъ монашескихъ, но у Грековъ назывался иматіемъ, а у насъ однорядкою [1]). Этотъ иматій, наша старая однорядка и нашъ нынѣшній подрясникъ, былъ выходною или публичною одеждою не только священниковъ и діаконовъ, но и всѣхъ клириковъ, т. е. и чтецовъ и пѣвцовъ [2]).

Иматій, какъ одежда собственно такъ называвшаяся и національная у Грековъ съ древнѣйшихъ временъ, представлялъ собою безрукавную накидку или плащъ. Но у Грековъ позднѣйшихъ или византійскихъ былъ еще другой иматій, принадлежавшій ко многочисленному разряду одеждъ, заимствованныхъ съ Востока, и называвшійся иначе каввадіемъ (καββάδιον) [3], который составлялъ одежду не накидную, а надѣвальную и рукавную. Этотъ послѣдній иматій, будучи шитъ изъ черной матеріи, употреблялся какъ одежда траурная [4]). Необходимо думать, что, какъ таковую одежду, и усвоили себѣ священники второй иматій, т. е. что изъ одеждъ, употреблявшихся въ міру, они избрали одежду траурную, поелику она всего болѣе имъ приличествовала, какъ одежда наиболѣе скромная и степенная (подобно

[1]) О названіи у Грековъ см. *Дюканжа* Gloss. Graecit. подъ сл. ἱμάτιον, о названіи у насъ—ниже.

[2]) Симеонъ Солунскій De sacris ordinationibus, у *Миня* въ Патрол. t. 155, col. 396.

[3]) Священническій иматій, о которомъ мы сейчасъ говоримъ, въ письменныхъ памятникахъ называется иматіемъ, а въ общежитіи назывался и доселѣ называется у Грековъ каввадіемъ, *Византія* Κωνσταντινούπ. III, 403.

[4]) О траурномъ иматіи—*Дюканжа* ibid.; что онъ былъ нашъ рукавный, видно изъ того, что на него надѣвалась безрукавная мантія, которая не надѣвалась на другія безрукавныя одежды.

тому, какъ у насъ женщины богомолки и читалки носятъ траурное платье). А во всякомъ случаѣ ихъ иматіи долженствовали имѣть траурный цвѣтъ—черный или темнокрасный (ὀξύς) [1].

Объ иматіи священниковъ и всѣхъ клириковъ довольно много говоритъ Сѵмеонъ Солунскій [2]). Но онъ не настолько обстоятельно описываетъ его форму, чтобы можно было сказать, насколько она была тождественна съ формою нынѣшнихъ подрясниковъ. Онъ называетъ иматій одеждою рукавною (μετὰ τοῖς μανικίοις), длинною до пятъ и широкою (но не съ широкими рукавами, какъ неправильно толкуютъ Сѵмеона нѣкоторые), изъ стана съ рукавами представляющею крестъ (σταυροῦ δὲ τύπον ἐπέχει τῷ μήκει τε καὶ τοῖς μανικίοις). Говоря, что чтецы препоясывали свой иматій и не говоря того же о священникахъ, при томъ говоря о первыхъ съ поясненіемъ, почему они такъ дѣлали: «поелику ихъ должность—служить», Сѵмеонъ Солунскій даетъ знать, что священники не имѣли обычая носить по иматіямъ поясовъ, какъ носятъ ихъ въ настоящее время по подрясникамъ (каковой обычай ношенія долженъ быть считаемъ заимствованнымъ отъ монаховъ одновременно съ тѣмъ, какъ вмѣстѣ съ ними священники начали носить нынѣшнія рясы). Въ нашихъ русскихъ лицевыхъ или украшенныхъ миніатюрами рукописяхъ мы находимъ изображеніе священническаго иматія, по нашему—однорядки, изъ того времени, когда еще онъ не имѣлъ поверхъ себя нынѣшней рясы и составлялъ единственную выходную или публичную одежду священниковъ,—такова извѣстная намъ рукопись съ лицевымъ житіемъ преп. Сергія Радонежскаго второй половины XVI вѣка, находящаяся въ библіотекѣ Троицкой Лавры и изданная послѣднею въ литографическомъ снимкѣ въ 1853-мъ г. («Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. 1853 года. Въ литографіи Свято-Троицкія Сергіевы Лавры»). Много разъ изображенный въ рукописи, иматій представляетъ собою длинный до пятъ и довольно широкій или

---

[1]) Сѵмеонъ Солунск. ibid.. Не въ качествѣ траурной одежды, бывъ шитъ изъ матеріи не чернаго цвѣта, а всякихъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, священническій иматій, подъ именемъ каввадія, въ послѣднее время имперіи былъ носимъ императорами, сенаторами и другими сановниками (Сѵмеонъ Солунск. ibid. и *Кодинъ* De officiis Constantinopolitanis, гл. 4,—Константинъ Порфирогенитъ упоминаетъ о каввадіи, но носившемся не самими Греками, а о какомъ-то носившемся иностранцами, находившимися у нихъ на службѣ, De ceremm. у *Миня* въ Патр. t. 112, p. 1376), а послѣ паденія имперіи до недавняго времени и всѣми вообще (желающими) міряпами, *Византія*. Κωνσταντινούπ. III, 403.

[2]) Въ указанномъ выше мѣстѣ.

просторный халатъ, съ прямымъ станомъ или безъ таліи, съ довольно широкимъ откладнымъ воротникомъ, закругленнымъ на концахъ или какъ говорятъ—шалью, съ рукавами совершенно такими, какъ у нынѣшнихъ подрясниковъ, именно съ концами, плотно обхватывающими кисти рукъ на подобіе поручей, застегнутый отъ ворота до подола на длинный рядъ пуговицъ (лл. 15 об., 59 об., 332 sqq [1]). Отъ иматія, по нашему старому—однорядки, въ сейчасъ указанномъ видѣ, нашъ нынѣшній подрясникъ, составляющій этотъ иматій — однорядку, отличается тѣмъ, что имѣетъ талію, что воротникъ вмѣсто отложнаго довольно большаго имѣетъ маленькій, стоячій, и что не застегнутъ по поламъ. У Грековъ болѣе, чѣмъ у насъ, подрясникъ или иматій сохранилъ свою древнюю форму: воротъ его у нихъ, такъ же какъ и у насъ, маленькій, стоячій, но станъ прямой безъ таліи и ширина — древняя: не застегиваясь на рядъ пуговицъ до самаго подола, онъ застегивается у нихъ на такой (весьма частой) рядъ отъ ворота до пояса.

[1]) Отъ этого послѣдняго обстоятельства, какъ должно думать, иматій и получилъ у насъ названіе однорядки, т. е. одежды, застегнутой на одинъ рядъ пуговицъ (какъ называлась у насъ и мірская, весьма похожая на него, одежда). А что онъ назывался у насъ однорядкой, см. автобіографію протопопа Аввакума,—разсказы о разстриженіяхъ (съ протопопа Даніила содрали однорядку и кафтанъ, — послѣдній—нынѣшняя ряса) и челобитную попы Никиты, выписки изъ которой въ статьѣ покойнаго *К. И. Невоструева* „О скуфьѣ и камилавкѣ", напечатанной въ Душепол. Чтен., въ Декабрской книжкѣ 1867-го г. и въ Мартовской кн. 1868-го г. (также въ описаніи домовой казны патр. Никона, помѣщенномъ во Временникѣ Общ. Ист. и Древн., кн. XV, стр. 61: „поповскія однорядки").—Невоструевъ указываетъ еще изображеніе священника въ однорядкѣ въ Собраніи рисунковъ къ путешествію Майерберга, изданномъ въ 1827-мъ г. Мы не имѣемъ подъ руками этихъ рисунковъ; но если въ нихъ не согласно съ нашею рукописью, то должно давать большую вѣру ей, а не имъ. —На нашихъ рисункахъ священникъ, какъ это у Симеона Солунскаго, не препоясанный по однорядкѣ поясомъ. — Иматій греческихъ императоровъ, называвшійся каввадіемъ, по своей формѣ представлялъ то же самое, что̀ на нашихъ рисункахъ и что мы сейчасъ описали,—длинный халатъ съ прямымъ станомъ или безъ таліи и узкими рукавами (подъ именемъ кабата греческій каввадій былъ въ числѣ одеждъ нашихъ русскихъ царей и имѣлъ ту же форму, что̀ выше; а другая одежда нашихъ царей, имѣющая тотъ же станъ, но широкіе рукава, какъ у саккосовъ или у рясъ, есть не греческій каввадій, за который ошибочно иными принимается, а греческій императорскій саккосъ и называлась у насъ платномъ, при чемъ наше названіе, можетъ быть, изъ другаго греческаго названія саккоса—βλάττιον, см. *Савваитова* Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ и пр., СПБ. 1865, подъ сл. платно, стр. 240, cfr указатель къ „Выходамъ государей"). Сутана (sutana) католическихъ священниковъ, составляющая ихъ выходную одежду, которую мы знаемъ только по описаніямъ, но не по хорошимъ рисункамъ, какъ кажется, есть совершенно одно и то же съ нашей однорядкой.

У насъ послѣ появленія нынѣшнихъ рясъ однорядки съузили и начали дѣлать съ таліей, нѣтъ сомнѣнія, затѣмъ, чтобы устранить неудобство ношенія двухъ широкихъ одеждъ (т. е. нынѣшней рясы и однорядки въ древней формѣ); а у Грековъ, у которыхъ этого не сдѣлано, такое неудобство устраняется тѣмъ, что подъ подрясникъ на таліи продѣвается тесьма, которая собираетъ его назади въ складки (какъ въ нашихъ солдатскихъ шинеляхъ; тесьма есть и у нашихъ подрясниковъ, только съ другимъ назначеніемъ); воротъ передѣланъ изъ большаго отложнаго въ маленькій стоячій, очевидно, потому, что первый не имѣетъ смысла и представляетъ неудобства при другой сверху одеждѣ; застегиваніе по поламъ у насъ уничтожено вполнѣ, а у Грековъ отчасти — или, независимо отъ нынѣшнихъ рясъ, потому, что стѣсняло шагъ, или же—если въ зависимости отъ нихъ, то потому, что эти послѣднія приняли на себя обязанность закрывать нижнее платье, къ чему служило оно.

Сейчасъ сказанное нами о формѣ иматія относится къ позднѣйшему времени въ Греціи и у насъ. Но въ древнее время онъ имѣлъ у Грековъ еще одну существенную особенность, которую первое нѣкоторое время, можетъ быть, сохранялъ и у насъ. Классическіе Греки не знали нашихъ рукавныхъ одеждъ съ разрѣзаннымъ передомъ или съ полами; у нихъ одежды были—или безрукавные плащи, накидки, или рукавныя рубахи съ глухими передами (наши діаконскій стихарь, архіерейскій саккосъ). Такъ было это и у первыхъ Грековъ византійскихъ, а когда вошло у нихъ въ обычай разрѣзывать переда у рукавныхъ одеждъ (или дѣлать рукавныя одежды съ разрѣзанными передами), остается намъ неизвѣстнымъ. Вмѣстѣ съ другими рукавными одеждами и нашъ священническій иматій былъ первоначально у Грековъ одеждою глухой, длинною и широкою рубахой, тѣмъ же колоколомъ, что древняя богослужебная риза, только съ рукавами, и былъ разрѣзанъ съ переду,—явился одеждою съ полами, только въ позднѣйшее, неизвѣстное намъ, время (отъ разрѣза Греки не сразу перешли къ свободной распашкѣ, а отсюда и рядъ пуговицъ, на которыя иматій, подобно какъ и другія одежды, застегивался отъ верху до низу). Если случилось это не прежде принятія нами христіанства, а уже послѣ сего, то весьма возможно, что и у насъ нѣкоторое время онъ оставался въ томъ же видѣ одежды глухой, надѣвавшейся черезъ голову (какъ это осталось въ Греціи и у насъ со всѣми одеждами богослужебными [1]).

---

[1]) Въ Златой Чепи Троицкой Лавры XIV в., № 11, есть статья: „Слово святаго Василіа, толкъ ученичьскаго (священническаго) чина: что есть ерей и по кон-

Зная, какъ у нынѣшнихъ нашихъ священниковъ имѣетъ себя дѣло съ рясами (нынѣшними), конечно, никто не подумаетъ, чтобы древніе наши священники всѣ и всегда непремѣнно ходили въ однорядкахъ и чтобы вообще они были въ древнее время къ своей особенной одеждѣ тѣмъ же, что̀ напр. у насъ въ настоящее время военные къ мундиру. Если и до сихъ поръ сельскіе священники надѣваютъ рясу только за обѣдню въ воскресенья и въ большіе праздники, а во многихъ еще мѣстахъ только въ одни послѣдніе; если еще и до сихъ поръ въ домашнемъ быту только немногіе изъ нихъ употребляютъ заобычно и постоянно подрясникъ, а большинство, смотря по времени года, или довольствуется рубахой или носитъ тѣ же кафтаны, что̀ и крестьяне: то, конечно, соотвѣтствующимъ образомъ должно думать и о періодѣ до-монгольскомъ. Въ Греціи съ Болгаріей и въ Сербіи до недавняго времени большинство сельскихъ священниковъ вовсе не знало, что̀ такое священническія одежды, ходило и служило въ тѣхъ же самыхъ одеждахъ, что и всѣ сельчане, и отличалось отъ послѣднихъ только поповской капой или поповскимъ головнымъ покровомъ. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что и у насъ было такъ въ старое и тѣмъ болѣе въ древнее время (о важности у насъ поповской скуфьи, указывающей на то, что въ ней полагалось поповство, см. ниже) [1].

ему желанію глаголеть (sic) священникъ, что есть остриганіе глава (sic) его, что есть манатья его"... л. 34 об., чѣмъ дается подозрѣвать, что священники носили мантіи. Но въ самой статьѣ ни о какой мантіи ничего нѣтъ и вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать о мантіи архіерейской (ибо священникомъ онъ называетъ далѣе архіерея, дѣйствительнаго священника называя ереемъ и прозвутеромъ).

[1]) У *Гоара* въ Евхологіи и у *Гейнекція* въ Abbildung d. alten und neuen griechischen Kirche помѣщено изображеніе греческаго священника въ иматіи или каввадіи (въ объясненіяхъ къ изображенію послѣднее названіе), который не надѣтъ въ рукава, а накинутъ на плечи. Что у священника подъ накинутымъ каввадіемъ надѣто въ рукава, не видно, потому что онъ поставленъ бокомъ. Соображая примѣръ нынѣшнихъ священниковъ сербскихъ, думаемъ, что подъ накинутымъ каввадіемъ должно предполагать другой каввадій, надѣтый въ рукава, и понимать дѣло при этомъ—или такъ, что иногда для тепла священники греческіе носили по два каввадія, или такъ, что сначала носили по два каввадія для тепла, а потомъ это вошло въ обычай. Нынѣшніе сербскіе священники, не знающіе нашей широкорукавной рясы, именно ходятъ въ двухъ нынѣшнихъ подрясникахъ или древнихъ иматіяхъ, которые называютъ турецкимъ именемъ „джубе", надѣвая ихъ одинъ на другой (причемъ верхній, чтобы могъ быть надѣтымъ, имѣетъ нѣсколько болѣе широкіе рукава, чѣмъ нижній, и не имѣетъ поручей или запястій, обхватывающихъ кисти рукъ.—Византій, говоря о мірскихъ иматіяхъ или каввадіяхъ, которые вышли у Грековъ изъ употребленія только въ недавнее время, сообщаетъ любопытное

Обращаясь отъ формы одежды священниковъ къ ея качеству, мы, конечно, не должны напоминать читателю о томъ, что вовсе не слѣдуетъ представлять шелки и шелки и аглицкія сукна. Люди пожилые еще сами помнятъ, какъ большинство нашихъ сельскихъ священниковъ было одѣто въ такіе напки и демикотоны, которые и можно было находить только на рясахъ и подрясникахъ священниковъ. Подвигаясь отъ временъ нашей памяти нѣсколько назадъ, мы находимъ, что въ концѣ XVII—первой половинѣ XVIII вѣка многіе сельскіе священники ходили въ лаптяхъ, въ нихъ представляясь архіереямъ и въ нихъ щеголяя въ самой столицѣ государства Москвѣ [1]), и что одежда большинства этихъ священниковъ въ то же самое время была не только изъ сермяжныхъ сѣрыхъ и бѣлыхъ суконъ некрашеныхъ, но и гнусная и раздранная [2]). Чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ, конечно, не лучше, хотя худшее сейчасъ указаннаго представлять уже и довольно трудно. Немногіе богатые священники изъ числа городскихъ ходили въ періодъ до-монгольскій въ одеждахъ изъ шелковыхъ матерій, причемъ вѣроятно не уступали въ щегольствѣ нынѣшнимъ щеголямъ-священникамъ, ибо названныя матеріи получались у насъ въ древнее время изъ Византіи и съ Востока въ полномъ изобиліи и въ самомъ большомъ выборѣ; не особенно многіе сравнительно священники средняго состоянія носили одежды изъ всякаго рода матерій болѣе или менѣе дешеваго фабричнаго приготовленія; всѣ же остальные священники, которыхъ было рѣшительное большинство, несомнѣнно носили ихъ изъ домашняго холста и домашняго сермяжнаго сукна, причемъ, какъ необходимо заключать отъ временъ послѣдующихъ, вмѣстѣ съ бѣдностію одежды вовсе не отличались и ея опрятностію, а представляли собой въ большинствѣ изъ большинства людей болѣе или менѣе рубищныхъ и лохмотныхъ [3]).

извѣстіе, что рукава и воротъ у нихъ дѣлались обыкновенно бѣлыя: αἱ δὲ χειρῖδες καὶ τὸ περιλαίμιον (ἡ τραχηλιά) αὐτοῦ (καββαδίου), συνήθως λευκὰ, ἀφίνοντο, καθὼς καὶ τώρα, ἔξωθεν τοῦ ἐπιβαλταρίου, πρὸς ἀπόδειξιν τῆς λεπτότητος καὶ λευκότητος τῶν,— Κωνσταντινούπ. III, 403. Если это дѣлалось такъ и у иматіевъ священническихъ, вопреки предписанію или въ нѣкоторое нарушеніе предписанія о черномъ цвѣтѣ, то мы бы имѣли тутъ отвѣтъ на вопросъ, почему приходское духовенство называется бѣлымъ духовенствомъ).

[1]) *Кемпфера* Diarium itineris ad aulam Moscoviticam, *Н. Розанова* Исторія Московск. Епарх. Управленія ч. 1-я, М. 1869, стр. 137 (а пословица говоритъ: „коли нѣтъ у попа сапоговъ, такъ и въ лаптяхъ обѣдню поётъ").

[2]) *Посошковъ* О скудости и богатствѣ, гл. I, *Н. Розановъ* ibidd.

[3]) Митр. Іоаннъ 2-й въ Церковномъ правилѣ къ Іакову черноризцу (по недавно найденному въ отрывкахъ греческому подлиннику) заявляетъ требованіе,

Въ періодъ до-монгольскій у насъ, такъ же какъ и въ Греціи, рѣшительное большинство архіереевъ было изъ монаховъ; но въ видѣ исключенія у насъ, такъ же какъ и тамъ, были архіереи и изъ бѣлыхъ священниковъ. У архіереевъ изъ монаховъ было принято въ Греціи, а вслѣдъ за нею и у насъ, носить одежду монашескую. Но какую одежду носили архіереи изъ бѣлыхъ священниковъ, это составляетъ вопросъ, на который мы, къ сожалѣнію, не можемъ отвѣчать ничего положительнаго. Возможно, что вмѣстѣ съ большинствомъ архіереевъ и чтобы не розниться отъ большинства, они носили одинаковое съ ними одѣяніе монашеское, хотя и не были монахами ни въ какомъ смыслѣ; но столько же возможно и то, что они носили одѣяніе свое собственное и отличное отъ архіереевъ изъ монаховъ. Такъ какъ относительно головнаго покрова архіереевъ изъ бѣлыхъ священниковъ есть указанія, что онъ былъ отличенъ отъ покрова архіереевъ изъ монаховъ (см. ниже), то вѣроятнѣйшимъ представляется думать послѣднее. Въ случаѣ вѣрности этого предположенія должно будетъ затѣмъ предполагать: или что одѣяніе архіереевъ изъ бѣлыхъ священниковъ было совершенно тождественно и совершенно одно и то же съ одѣяніемъ сихъ послѣднихъ, или что оно имѣло противъ него какія-нибудь свои прибавленія и отличія [1]).

Архіереи изъ монаховъ носили одѣяніе монаховъ манатейныхъ, изъ которыхъ они поставлялись (см. выше), именно—рясу и мантію.

Нынѣшняя ряса, какъ мы говорили, не есть дѣйствительная ряса. Эта послѣдняя ряса, составляющая одежду монаховъ первой или низшей степени, рясофоровъ или рясофорныхъ (рясу носящихъ) есть та

чтобы священники по крайней мѣрѣ въ церковь за богослуженіе являлись въ одеждахъ шолковыхъ, льняныхъ или бумажныхъ, окрашенныхъ въ черный цвѣтъ (Записокъ Акад. Наукъ, т. XXII, кн. II, прилож. стр. 11); но его требованіе могло быть исполнено у насъ только въ отношеніи къ одеждамъ льнянымъ и притомъ только такъ, чтобы разумѣть не тонкое покупное полотно, а грубую домашнюю холстину: сами архіереи снабжали у насъ церкви въ періодъ до-монгольскій (какъ и весьма долгое время послѣ) антиминсами не шолковыми, не бумажными и не тонко-полотняными, а грубо-холщевыми. А какъ дороги и какъ трудно доставаемы были въ селахъ матеріи, изъ которыхъ предписываетъ митр. Іоаннъ имѣть одежды священникамъ, видно изъ того, что и въ позднѣйшее время богослужебныя ризы въ большей части сельскихъ церквей были холщево-крашенинныя.

[1]) До появленія въ мірѣ монашества и до водворенія обычая ставить архіереевъ изъ монаховъ, архіереи, конечно, носили одѣяніе не монашеское; но какое именно они его носили, это остается неизвѣстнымъ (если только прежде водворенія указаннаго обычая уже была присвоена архіереямъ какая нибудь особенная одежда).

одежда, которой собственное названіе хитонъ [1]) и которая названа рясой описательно, отъ качества. Греческое τὸ ῥάσον, изъ котораго наша ряса, прилагательное средняго рода съ подразумѣваемымъ существительнымъ ἀμφίον или ἔνδυμα—одежда, изъ латинскаго rasum, отъ rado—скребу, счищаю, значитъ одежду выношенную, вытертую, лишонную ворсы, вообще одежду худую, и потомъ еще въ употребленіи—одежду грубо шерстяную, одежду изъ сермяжнаго или солдатскаго сукна [2]). Рясами (одеждами рясными), ῥάσα ἀμφία, назывались, вопервыхъ, всѣ монашескія одежды [3]), потому что всѣ онѣ долженствовали быть «нищетными» [4]); во-вторыхъ—рясой названъ былъ хитонъ потому, что онъ долженствовалъ быть изъ грубаго сукна [5]). Хитонъ, у классическихъ Грековъ—собственно рубашка, непосредственно надѣваемая на тѣло (то, что̀ послѣ и нынѣ ὑποκάμισον), у позднѣйшихъ Грековъ былъ верхнею или выходною одеждою изъ класса рукавныхъ и глухихъ (см. выше), имѣвшею форму длинной до пятъ рубашки, а когда былъ разрѣзанъ спереди, то получилъ форму длиннаго до пятъ халата. Хитонъ или обычно ряса есть то, что̀ у нынѣшнихъ монаховъ подрясникъ, который передалъ свое второе имя одеждѣ, явившейся поверхъ его, т. е. нынѣшней рясѣ. Множество изображеній монашескаго хитона или собственной монашеской рясы конца X—начала XI вѣка мы имѣемъ въ извѣстномъ Менологіи импер. Василія Булгаробойца (или неправильно Македонянина,—Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris et caet.). По этимъ изображеніямъ онъ есть длинная до пятъ рубаха (еще не разрѣзанная спереди), отличающаяся отъ священническаго иматія тѣмъ, что не такъ просторна въ стану и совсѣмъ не имѣетъ воротника (см. Янв. 31), съ рукавами совершенно такими, какъ у иматіевъ или однорядокъ на рисункахъ въ Житіи преп. Сергія, именно—узкими и имѣющими на концахъ обхватывающія кисти рукъ поручи или запястія (но въ самомъ Житіи Сергія рукава у рясъ монашескихъ другія—болѣе широкія и безъ поручей на концахъ, которые одной ширины со всѣмъ рукавомъ [6]).

---

[1]) См. у *К. Никольскаго* въ Пособіи къ изученію устава богослуженія „послѣдованіе малыя схимы, сирѣчь мантіи", 3 изд. стр. 719 fin.

[2]) См. *Дюканжа* Gloss. Graecit. подъ сл. ῥάσον.

[3]) См. напр. Вальсамона Περὶ ρασοφόρων, у *Ралли* и *П.* IV, 501.

[4]) Уставъ церк., гл. 39.

[5]) Въ нашихъ Азбуковникахъ: „Расу т. (толкъ) сукно; ряска т. сукманъ" (*Сахарова* Сказанія Русскаго народа II, 182, ркп. Моск. Дух. Акад. № 230).

[6]) Еще до появленія нынѣшнихъ рясъ дѣйствительная ряса (хитонъ), составляющая нынѣшній подрясникъ, уменьшительно (и какъ бы смирительно) называ-

Мантіи, въ настоящее время надѣваемыя монахами манатейными только въ церкви и притомъ чрезвычайно рѣдко, въ древнее (и весьма долгое старое) время составляли такую же непремѣнную выходную ихъ одежду, какъ нынѣшнія рясы, которыхъ не было. Совершенно одинаково съ монахами было это и у архіереевъ [1]). Монашескія мантіи конца X—начала XI в. (Менолог. Василія) отличались отъ нынѣшнихъ тѣмъ, что, во-первыхъ, имѣли, кажется, менѣе складокъ назади, и во-вторыхъ—что были гораздо ихъ короче, не только не волочились по землѣ, но и далеко, примѣрно на четверть или болѣе, ея не достигали. Должно думать, что имѣли ту же самую форму и мантіи архіерейскія. Что касается до отличія мантій архіерейскихъ отъ мантій монашескихъ, состоящаго въ такъ-называемыхъ источникахъ и скрижаляхъ (по греч. ποταμοί—рѣки и πόματα—яблоки), то, какъ даетъ знать 7-й вселенскій соборъ (правило 16-е, конецъ), въ видѣ простаго украшенія, порожденнаго тщеславіемъ, они начали появляться довольно рано, а когда вошли въ общій обычай и были узаконены, остается неизвѣстнымъ [2]). (Изображенія архіереевъ въ мантіяхъ можно встрѣчать крайне рѣдко, ибо святители обыкновенно изображаются въ ризахъ, а не въ мантіяхъ. Въ Менологіи импер. Василія подъ 13 Ноября есть изображеніе въ мантіи Іоанна Златоустаго, ведомаго въ ссылку,—мантія совершенно монашеская безъ всякаго признака источниковъ и скрижалей; напротивъ, въ томъ же Менологіи есть довольно много (чуть не большая часть) преподобныхъ, у которыхъ по ширинѣ мантій немного выше подола или одна, или двѣ полосы, напоминающія источники архіерейскихъ мантій, ч. 1-й стрр. 110, 149, 164, 203 и другія, ч. 2-й стрр. 23, 67, 106, 109, 121, 125, 160, 215 и другія. Въ рукописи иллюстрированныхъ дѣяній Флорентійскаго собора, находящейся въ Вѣнской библіотекѣ,—у *Несселя* ч. V, стрр. 39 и 40, патріархъ Константинопольскій и другіе архіереи также въ манті-

---

лась ряской, см. слѣдующее примѣчаніе и разсказъ о постриженіи въ монашество вел. кн. Василія Ивановича въ Софійской 2-й лѣтописи подъ 1534 г.,—Собр. лѣтт. VI, 274 (изъ разсказа ясно видно, что ряска есть нынѣшній подрясникъ; по Азбуковникамъ ряска—сукманъ, а что сукманъ или сукманецъ есть нынѣшній подрясникъ см. іеродіакона Зосиму въ Сказаніяхъ русскаго народа *Сахарова*, стр. 67 col. 2).

[1]) Новг. 3-я лѣтопись подъ 1484-мъ г.: безуміе архіепископа Сергія впервые было замѣчено потому, что онъ началъ выходить на улицу въ одной ряскѣ безъ мантіи. См. ниже о монахахъ.

[2]) Но, какъ кажется, послѣ Вальсамона, см. его толкованіе на 16 правило 7-го вселенск. собора, у *Ралли* и *П.* II, 624 (ἑτερόχροα ἀντίπανα).

яхъ совершенно монашескихъ безъ всякихъ источниковъ и скрижалей, хотя съ другой стороны изъ свидѣтельствъ Кодина (выписка у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. ποταμοί) и Симеона Солунскаго (Expositio de divino templo, вопросо-отв. 38, у *Миня* t. 155, p. 712) положительно извѣстно, что во время Флорентійскаго собора архіереи уже имѣли на мантіяхъ источники и скрижали. У насъ въ Россіи въ XVI вѣкѣ архіереи имѣли на мантіяхъ по три источника на каждой полѣ,—см. мантіи архіерейскія въ помянутомъ выше лицевомъ Житіи преп. Сергія и свидѣтельство Герберштейна въ Commentarii, по изд. Старчевскаго стр. 21, col. 2; а что касается до Грековъ позднѣйшихъ, то на мантіи патріарха Константинопольскаго въ Евхологіи Гоара три источника, а на мантіи того же патріарха въ Туркогреціи Крузія два и при этомъ идущіе не наискось, а горизонтально немного выше подола. Любопытное указаніе, что въ позднѣйшее время у насъ и священники имѣли на своей одеждѣ нашивки, подобные архіерейскимъ скрижалямъ см. въ указанной статьѣ Невоструева, а о таковыхъ нашивкахъ у Грековъ на платьѣ мірянъ-мужчинъ и женщинъ см. у *Нессела* т. I, стр. 63 sqq и въ Словарѣ *Мартиньи* подъ словомъ: calliculae [1]). Въ настоящее время, будучи употребляемы архіереями только въ церкви [2]), ихъ мантіи шьются исключительно изъ тонкой шолковой матеріи; но въ древнее и старое время, когда онѣ были постоянными или обыкновенными ихъ одеждами, онѣ шились, смотря по временамъ года, изъ шелковой матеріи, изъ сукна (въ позднѣйшее время упоминается какое-то, вѣроятно—особенное, «манатейное сукно») и изъ мѣховъ (въ послѣднемъ случаѣ, конечно, безъ всякихъ складокъ, не дозволяемыхъ мѣхомъ) [3]).

Въ позднѣйшее время въ числѣ одеждъ архіерейскихъ упоминается мятель [4]), о которомъ еще Кириллъ Туровскій или неизвѣстный

---

[1]) А сербскія женщины до сихъ поръ носятъ эти нашивки на своихъ зубунахъ или зипунахъ. — Когда появились у Грековъ на мантіяхъ архіерейскихъ „звонцы", остается намъ неизвѣстнымъ; у насъ ихъ введеніе усвояется раскольническими обличеніями патр. Никону.

[2]) Надѣваніе архіереемъ мантіи при входѣ въ церковь означаетъ не то, чтобы мантія составляла богослужебную одежду, а то, что для прихода въ церковь и послѣ появленія нынѣшнихъ рясъ сочтено нужнымъ удержать древнюю выходную одежду (въ качествѣ какъ бы мундира).

[3]) Даже монахи греческіе носили мѣховыя мантіи, хотя по климатическимъ условіямъ, и не имѣли въ нихъ особенной нужды, см. въ Опис. синодд. рукп. *Горск.* и *Невостр.* отд. III, ч. 2, стр. 264 нач. (№ 380 л. 223).

[4]) См. напр. описаніе одеждъ архіерейскихъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго

авторъ «Сказанія о черноризчестѣмъ чину отъ Ветхаго закона и Новаго» говоритъ въ семъ послѣднемъ монаху: «а мятля на ся не възлагай» (у *Калайд.* стр. 110). Такъ какъ названіе мятель есть греческое μαντήλιον [1]), что есть уменьшительное изъ μανδύας—мантія, то слѣдовало бы разумѣть подъ мятлемъ такъ-называемую малую мантію или манотку, имѣющую видъ надѣваемаго на рясу капюшона, которая иногда носится монахами какъ бы мантія будничная (какъ бы монашескій полумундиръ). Но въ сейчасъ указанномъ Сказаніи о черноризчестѣмъ чину, о маноткѣ или малой маноткѣ говорится особо отъ мятля (у *Калайд.* стрр. 112, 113 и 114). Если мятель не малая мантія или манотка, то мы не въ состояніи сказать, что онъ былъ такое. Можетъ быть, дѣло должно понимать такимъ образомъ, что онъ былъ малой мантіей, только архіерейской, имѣвшей какія-нибудь отличія отъ малой мантіи монашеской, и что поэтому въ Сказаніи и запрещается надѣвать его монаху [2]).

Относительно качества одежды большинство священниковъ, какъ мы сказали, должны быть представляемы одѣтыми — на меньшую половину въ высшей степени скромно, на большую половину вовсе убого; совершенно другое нужно думать въ этомъ отношеніи о нашихъ архіереяхъ. Сознавая себя людьми, принадлежащими къ самой высшей знати въ государствѣ, они долженствовали быть знатными во всемъ, кончая и одеждой, или точнѣе сказать—въ томъ числѣ и одеждой, ибо большинство людей вовсе не полагаетъ одежду въ числѣ ма-

---

Общества, т. 2, стр. 328 fin., въ Лѣтописи занятій Археограф. Комиссіи, вып. 3, приложж. стр. 42, и въ Описаніи документовъ и дѣлъ архива Св. Сѵнода, т. I, приложж. стр. LXXXII.

[1]) Въ словѣ мятель буква *я* есть древній юсъ, имѣющій носовой звукъ *анъ*, такъ что истинное древнее произношеніе слова—мантель, а такъ какъ въ простонарѣчіи у Грековъ μαντήλιον долженствовалъ быть μαντέλι, то и ясно до очевидности, что мятель изъ μαντήλιον (а не μανδύας).

[2]) Въ древнее время мантія у монаховъ была трехъ видовъ: короткая въ видѣ капюшона (снятаго съ шинели) для работъ, болѣе длинная или середняя для церкви и совсѣмъ длинная (хотя не волочащаяся) для выходовъ вонъ изъ монастыря. Можно думать, что подъ мятлемъ разумѣется вторая монашеская мантія, относительно которой въ позднѣйшее время вошло въ обычай, чтобы она употреблялась архіереями (какъ мантія домашняя), но не употреблялась монахами. Мірской плащъ, называвшійся мятлемъ (Ипатск. лѣт. подъ 1152-мъ г., 2 изд. стр. 319 sub fin., и подъ 1261-мъ г., стр. 564), нѣтъ сомнѣнія, и въ древнее время, какъ въ позднѣйшее, соотвѣтствовалъ не короткой, а середней монашеской мантіи: изображеніе позднѣйшаго мірскаго мятля см. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го г., № 9, рисунокъ 27.

лостей. Если слуги архіереевъ нашихъ періода до-монгольскаго, по приведенному выше свидѣтельству, были одѣты богато и изыскано, то, конечно, еще болѣе то же самое должно думать и о нихъ самихъ. А право и основаніе для непосредственныхъ заключеній о самихъ архіереяхъ въ сейчасъ указанномъ смыслѣ даютъ намъ наши нынѣшніе архіереи. Наши нынѣшніе архіереи одѣваются съ изыскашной роскошью. Эта роскошь вовсе не бросается намъ въ глаза и вовсе не кажется роскошью, потому что она у насъ принята и обычна. Но она явится предъ нами во всемъ своемъ объемѣ, если мы поставимъ нашего архіерея, одѣтаго въ драгоцѣнныя или тѣ ліонскія шолковыя матеріи, которыя не знаемъ какъ называются (не говоря о теплыхъ рясахъ на драгоцѣнныхъ мѣхахъ) рядомъ съ нынѣшнимъ архіереемъ греческимъ. Всѣ нынѣшніе греческіе архіереи, включая въ то число и «вселенскаго», одѣваются нисколько не роскошнѣе нашихъ іеромонаховъ: черная ряса изъ той же самой матеріи, что у іеромонаховъ, и болѣе никакой роскоши. Наша роскошь архіереевъ въ одеждѣ значитъ не то, чтобы всѣ они хотѣли щеголять, а то, что у насъ такъ принято и такъ обязательно и что архіерей, явившійся у насъ куда-нибудь въ торжественное собраніе не въ драгоцѣнной рясѣ, а подобно напр. греческимъ архіереямъ въ простой монашеской, произвелъ бы настоящій соблазнъ и былъ бы сочтенъ за человѣка наклоннаго юродствовать [1]). Но эта наша роскошь, ставшая обязательнымъ закономъ, очевидно, указываетъ на то, что она идетъ изъ древняго времени. Что наши архіереи въ семъ случаѣ весьма уклонились отъ того, что предписывается законами церковными, объ этомъ нечего говорить; правило 7-го вселенскаго собора (16-е) гласитъ: «всякая роскошь и

---

[1]) Покойный митрополитъ Филаретъ пріѣзжалъ въ церковь за ту обѣдню, на которой говорилъ свое знаменитое слово о суетѣ въ одеждѣ, несомнѣнно въ безукоризненно хорошей рясѣ... Впрочемъ, скромность въ одеждѣ нынѣшнихъ греческихъ архіереевъ, своимъ контрастомъ съ пышностью одежды нашихъ архіереевъ такъ рѣзко выставляющая эту послѣднюю, вовсе не должна быть вмѣняема имъ въ заслугу; она есть просто дѣло вынужденное (хотя теперь и обратившееся въ привычку), какъ слѣдствіе порабощенія турецкаго: ставшимъ рабами Турокъ греческимъ архіереямъ невозможно было сохранить пышныхъ разноцвѣтныхъ мантій и они принуждены были одѣться въ скромно-черное одѣяніе самого турецкаго духовенства (сохранивъ мантіи только для церкви, гдѣ Турокъ оставилъ имъ полную свободу). Что же касается временъ до-турецкихъ, то еще Григорій Богословъ сильно укоряетъ архіереевъ за пышность въ одеждѣ (въ своей автобіографіи); затѣмъ свидѣтельство нашего собора, затѣмъ см. Вальсамона въ толкованіи на наше правило собора.

украшеніе тѣла чужды священническаго чина и состоянія; сего ради епископы или клирики, украшающіе себя свѣтлыми и пышными одеждами да исправляются; аще же въ томъ пребудутъ, подвергати ихъ епитиміи» (и далѣе нарочито запрещаетъ ношеніе одеждъ изъ разноцвѣтныхъ тканей, обычно употребляемыхъ у насъ архіереями, которые поэтому въ старое время и назывались у насъ пестрымъ духовенствомъ, пестрыми властями) [1].

Прежде чѣмъ говорить о головномъ покровѣ древнихъ священниковъ, должно еще сказать о самыхъ ихъ головахъ, собственно—волосахъ. Къ удовольствію нынѣшнихъ священниковъ, которые не особенно жалуютъ свои длинные волосы, и къ скорби священниковъ, которые, напротивъ, утѣшаются ими, мы должны сообщить, что въ древнее время дѣло съ ихъ волосами было вовсе не такъ, какъ теперь.

---

[1]) Нынѣшнія широкорукавныя священническо-монашескія рясы (которыхъ собственное имя—кафтанъ, отъ чего во многихъ мѣстахъ священники называютъ подрясники,—старыя однорядки, полукафтаньями, и которыя вовсе не суть старогреческія каввадіи, какъ по недоразумѣнію полагаетъ покойный К. И. Невоструевъ, ибо каввадіи суть именно тѣ иматіи или однорядки, которыя священники носили до нынѣшнихъ рясъ) у Грековъ явились, какъ мы сказали, только во времена турецкія, бывъ заимствованы ими отъ Турокъ, а нами взяты отъ Грековъ только въ первой половинѣ XVII в. Въ качествѣ одежды обязательной онѣ, кажется, введены были у насъ только между монахами, а священниками мірскими приняты въ общее употребленіе добровольно; по крайней мѣрѣ въ дѣяніяхъ собора 1675 г., бывшаго при патр. Іоакимѣ, предписывается: „одежди же имъ (протопресвитерамъ, протодіаконамъ, іереямъ же мірскимъ и діаконамъ) носити по подобію Греческихъ монашескихъ рясъ (широкорукавныхъ, какъ прямо говоритъ соборъ выше) или по обычаю Россійскому священническому“ (однорядки),—Ист. Іер. I, 344. — Со времени св. Алексѣя становится извѣстнымъ небогослужебный инсигній нашихъ митрополитовъ (и, можетъ быть, и епископовъ)—золотой крестъ съ парамандою (—мъ), который они носили по древней рясѣ, нынѣшнему подряснику (св. Алексѣй, желая поставить преп. Сергія Радонежскаго въ свои преемники, возложилъ на него, какъ нѣкое обрученіе, „крестъ съ парамандомъ, златомъ же и каменіемъ драгоцѣннымъ украшенъ“,—литограф. житіе Сергія л. 253 об.; архимандритъ Михаилъ — Митяй, нареченный въ митрополиты послѣ св. Алексѣя, возложилъ на себя „крестъ златъ съ парамандою, златомъ и бисеромъ усаженною, митрополичею“,—Никон. лѣт. IV, 66 (и посланіе митр. Кипріана къ преп. Сергію въ Памятнн. *Павлова* col. 180: „перемонатка святительская“), см. еще у *архим. Саввы* въ Пояснительномъ словарѣ къ обозрѣнію патріаршей Ризницы и Библіотеки подъ сл. парамандъ). Но такъ какъ у архіереевъ греческихъ не было этого креста съ парамандомъ, о чемъ нарочито говоритъ Арсеній Сухановъ въ своемъ Проскинитаріи (давая вмѣстѣ съ тѣмъ ясно знать, что онъ носился по рясѣ или подряснику),—Сtowод. ркп. № 574 л. 313 об., то его ношеніе должно считать его за наше русское и позднѣйшее нововведеніе.

Во-первыхъ, священники подстригали свои волосы въ кружокъ совершенно такъ, какъ въ настоящее время подстригаютъ ихъ наши крестьяне, только значительно выше и при этомъ еще такъ, что волосы, находящіеся надъ лбомъ, не зачесывали на стороны, но оставляли ихъ безъ такъ-называемаго пробора висѣть на этомъ послѣднемъ. Во-вторыхъ, они гладко выстригали кругловиднымъ образомъ бо́льшую часть головы, оставляя ниже этой выстрижки подстриженныхъ волосъ пальца на два—на два съ половиной, такъ что изъ этихъ волосъ образовывался вокругъ головы (выстрижки) какъ бы обручъ или вѣнецъ, отъ чего и выстрижка называлась στέφανος, т. е. вѣнецъ (Сvмеонъ Солунск., въ просторѣчіи παπαλήθρα и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще γάῤῥαρα или γαράρα,—*Дюк.* Gloss. Graecit., у насъ гуменцо, въ просторѣчіи попова плѣшь,—у *митр. Евгенія* въ Исторіи княжества Псковскаго, ч. II, стрр. 91, 92, 94. Въ настоящее время такъ выстригаютъ у насъ темя, только значительно менѣе чѣмъ древніе священники, нѣкоторые изъ старообрядцевъ, а въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи и старики изъ православныхъ). Что касается до подстриженія волосъ, то у Грековъ это было общей принадлежностію или общей особенностію клириковъ съ міряпами, ибо у Грековъ послѣдніе не носили длинныхъ волосъ, о чемъ говоритъ еще ап. Павелъ: *мужъ, аще власы раститъ, безчестіе ему есть* (I Кор. 2, 14, cfr въ Никоновск. Кормч. гл. 47 л. 389 о неращеніи власовъ). Не найдено же было для клириковъ неприличнымъ носить подстриженные волосы по той простой причинѣ, что по взглядамъ Грековъ подстриженные волосы были признакомъ простоты и скромности, а напротивъ длинные волосы считались у нихъ за весьма предосудительныя съ христіанской нравственной точки зрѣнія изысканность и щегольство [1]). Что касается до гладкаго и кругловиднаго остриженія (выстриженія) верха головы или такъ называемаго вѣнца (στέφανος), то онъ былъ собственною и спеціальною особенностію клириковъ или духовенства, былъ именно собственнымъ знакомъ или признакомъ духовнаго званія, — κληρικοῦ σχῆμα (Трулльск. соб. пр. 21). Это остриженіе совершалось при посвященіи въ первую степень причта или клира—въ чтецы [2]). Тотъ фактъ, что

---

[1]) См. 6 всел. соб., пр. 96 и толкованія на него Зонары и Вальсамона. А затѣмъ еще, въ противоположность франтамъ и въ противоположномъ смыслѣ, носили длинные волосы пустынники и анахореты (которыхъ не должно совсѣмъ смѣшивать съ монахами), см. ниже въ главѣ о монашествѣ.

[2]) Въ греческомъ чинѣ посвященія въ чтецы до сихъ поръ читается, что архіерей крестообразно стрижетъ посвящаемаго и затѣмъ поручаетъ кому-нибудь

въ древнее время архіереи и священники и вообще всѣ члены клира или причта носили подстриженные, какъ указано выше, волосы, несомнительно доказываютъ сохранившіеся памятники древней иконографіи, и не только древней, но даже поздней, и не только поздней, но даже и настоящаго времени, ибо и въ настоящее время пишутъ у насъ древнихъ святителей съ короткими или подстриженными волосами [1]). Кругловидное же и гладкое выстриженіе головы между людьми сколько нибудь знающими есть фактъ общеизвѣстный [2]). Когда вывелось у насъ подстриженіе волосъ, положительно сказать пока не мо-

---

остричь его εἰς κληρικοῦ σχῆμα (κείρεται παρ' ἀρχιερέως σταυροειδῶς... εἶτα τέλεον ὑπό τινος εἰς κληρικοῦ κείρεται σχῆμα). Въ нашемъ славянскомъ „Уставѣ, бываемомъ на поставленіе чтеца", по рукописи XV вѣка,—фундамент. библіот. Моск. Дух. Акад. № 187 л. 326 об., говорится, что послѣ крестообразнаго стриженія поставляемаго архіереемъ „таже нѣкимъ отъ клирикъ постригаемъ (sic) бываетъ плѣшь его."—Отъ выстриженнаго верха клирики иногда назывались у Славянъ въ древнее время „стрижниками". Въ древнемъ славянскомъ переводѣ Номоканона Іоанна Схоластика слова апостольскаго правила 60-го: ἐπὶ λύμῃ τοῦ λαοῦ καὶ τοῦ κλήρου читаются: „на соблазнъ стрижникомъ и людемъ",—рукоп. Моск. Дух. Акад., № 54 л. 33 об. Въ Паннонскомъ житіи Меѳодія: Святополкъ князь поручилъ Меѳодію „всѣ церкви и стрижникы"... „стрижници (начаша) множитися во всѣхъ градѣхъ" (Номоканонъ Схоластиковъ переведенъ Меѳодіемъ въ Моравіи, а его житіе написано человѣкомъ, жившимъ съ нимъ въ Моравіи, и въ этомъ „стрижници" должно видѣть Моравскій переводъ лат. tonsurati).

[1]) Памятники иконографіи VI в. у *Зальценберга* въ Altchristliche Baudenkmale Bll. XXVI и XXVII, конца X в.,—Менологій импер. Василія, второй половины XI в.,—въ такъ называемомъ Святославовомъ Изборникѣ лл. 3 и 128; позднѣйшіе и именно наши—Строгоновскіе лицевые святцы XVI в., такъ называемые Коппоніанскіе святцы XVII в. у *Ассемани* въ Kalendaria, Кіевскіе святцы того же вѣка у *Мартынова* въ Annus Eccles.

[2]) Желающій впрочемъ пусть смотритъ въ Синтагмѣ *Ралли* и *П.*, ища по Index'у κουρά и ἐπικουρίς, а не ходя такъ далеко, вотъ предписаніе Московскаго собора 1674 г.: „протопресвитери и протодіакони, іереи же мірстіи и діакони долженствуютъ ходити во скуфіяхъ, во знаменіе священнаго духовнаго ихъ чина и рукоположенія архіерейскаго, на главахъ же имѣти *простриженно зовемое гуменцо немало*, власы же оставляти по круглости главы, еже являетъ терновый вѣнецъ, его же носи Христосъ", Ист. Іер. I, 344 нач. Древнее толкованіе: „Что есть іерей и почему глаголется священникъ и что остриженіе главы его", даетъ какъ будто знать, что верхъ головы не только былъ выстригаемъ, но и выбриваемъ, ибо—это между прочимъ въ воспоминаніе того, что ап. Петръ „отъ противящихся словеси *обритъ* (былъ), яко ругу (наруганіе) пріимъ отъ нихъ" (ркп. Моск. Дух. Акад. изъ Волокк. № 566 л. 338 обор. нач.), а относительно позднѣйшаго времени у насъ въ Россіи Петрей утверждаетъ это положительно (Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1867-го г., ч. 2, стр. 419).

жемъ, но съ увѣренностію думаемъ, что не во времена еще Кіевскія или домонгольскія, а во времена уже Московскія [1]); остриженіе же или выстриженіе верха головы (гуменцо) оставалось, сколько мы знаемъ въ настоящее время, никакъ не менѣе, какъ до начала XVIII в. [2]). Относительно волосъ епископовъ патр. Фотій въ одномъ посланіи къ папѣ Николаю даетъ знать, что въ его время въ Греціи епископы, поставлявшіеся изъ монаховъ, не перемѣняли формы ношенія волосъ монашеской на форму священническую; слѣдовательно только носили подстриженными волосы (какъ это дѣлали тогда монахи, о чемъ ниже), но не выстригали на головѣ вѣнца [3]).

Головной покровъ священниковъ и діаконовъ и, какъ кажется, всѣхъ низшихъ клириковъ въ древнее время былъ двойной—внутренній, составлявшій принадлежность и знакъ духовнаго сана, и внѣшній для защищенія головы отъ атмосферныхъ вліяній, какъ у всѣхъ вообще людей.

Первый составляла скуфья, греческая σκούφια, но у Грековъ преимущественно называвшаяся другимъ именемъ—σκιάδιον, которая закрывала выстриженный верхъ, плотно его облегая, и которую священники

---

[1]) Въ 1504-мъ г. въ Псковѣ было постановлено относительно вдовыхъ священниковъ, изобличенныхъ въ нечистой жизни: „жити имъ въ міру кромѣ церкви и верхъ тѣмъ власы свои растити и одежда имъ носити мірская“ (Псковск. 1-я лѣтоп., въ Собр. Лѣтопп. IV, 277). Если бы священники уже носили длинные волосы, то слѣдовало бы ожидать, что будетъ сказано объ остриженіи сихъ длинныхъ волосъ (косы), ибо они и при ращеніи верха оставались бы видимымъ знакомъ священства и притомъ знакомъ болѣе видимымъ, чѣмъ гуменцо, ибо послѣдняго не видно при закрытой головѣ. Въ помянутомъ выше лицевомъ Житіи преп. Сергія священникъ изображается съ подстриженными волосами,—лл. 14, 15 и об., 59 об., 332, sqq. По свидѣтельству Льва Алляція, даже еще и въ его время, т. е. въ первой половинѣ XVII вѣка, въ Греціи носили длинные волосы только монахи, но не священники (въ трактатѣ De monachis et monialibus in Graecia, котораго мы не имѣемъ подъ руками и извлеченіе изъ котораго читаемъ въ примѣчаніяхъ Фелявія къ Энхиридіону Христоф. Ангела, p. 675).

[2]) См. Чт. Общ. Ист. и Древн. 1861-го г., кн. 3, статью: Царевичъ Алексѣй Петровичъ, стр. XIII. О величинѣ бывшаго гуменца свидѣтельствуетъ пословица: „не грози попу плѣшью, у него плѣшь съ лопату“. О позднѣйшемъ мнѣніи, что попу должна подстригать гуменцо попадья, а не кто либо другой,—въ Прав. Собесѣдн. 1861-го г., кн. 3, стр. 347.

[3]) Ἀπολογητικὴ ἐπιστολή, по изд. Валетты стр. 156. Однако Кедринъ выражается о Константинопольскомъ патріархѣ Константинѣ II (754—766), поставленномъ изъ монаховъ, что онъ ἀπὸ μοναχοῦ ἐγένετο στεφανίτης ἤτοι κληρικός, и нашъ митр. Георгій говоритъ какъ будто о монахѣ, что ему постригается верхъ не при избраніи, а при поставленіи,—§ 96.

имѣли на головахъ—во-первыхъ, всегда внѣ церкви, т. е. не только на улицѣ, но и въ домахъ, во-вторыхъ, какъ кажется, и въ самой церкви, когда просто присутствовали въ ней, но не совершали службъ [1]).

---

[1]) Симеонъ Солунскій говоритъ о скуфьяхъ или скадіяхъ такъ, что какъ будто онѣ принадлежали однимъ священникамъ и діаконамъ (De sacris ordinationibus cap. 186, у *Миня* t. 155, p. 396). Но такъ какъ назначеніемъ скуфьи было то, чтобы прикрывать выстриженное гуменцо, а сіе гуменцо имѣли и чтецы съ пѣвцами, то на этомъ основаніи слѣдуетъ думать, что носили скуфью и они (у *Гейнекція* въ Abbildung d. alten und neuen griechisch. Kirche, ч. III къ стр. 62, мальчикъ, сопутствующій священнику и замѣняющій ему дьячка, изображенъ въ такой же, какъ онъ, скуфьѣ). Объ употребленіи скуфей священниками въ церкви скажемъ послѣ, когда будемъ говорить о богослуженіи. Объ ихъ употребленіи священниками внѣ церкви у Олеарія читаемъ: „при посвященіи (во священники) постригаются (посвящаемому) на макушкѣ волосы и возлагается на голову суконная шапочка, называемая скуфьею, плотно лежащая на подстриженномъ мѣстѣ головы, прямо на кожѣ, какъ наши ермолки, около которой остальные длинные волосы распущенные ниспадаютъ по плечамъ, какъ у женщинъ. Шапочку эту попы никогда днемъ не снимаютъ, развѣ только для того, чтобы снова подстричь выросшіе на головѣ волосы: это какъ бы священная принадлежность и имѣетъ великое значеніе. Если кто ударитъ попа и при этомъ попадетъ по шапочкѣ, то подвергается большому взысканію и долженъ заплатить попу безчестіе. Но отъ этого попы не меньше получаютъ побоевъ, ибо вообще они болѣе нетрезвый и праздный народъ, чѣмъ другіе люди. Чтобы не трогать священной шапочки, сперва бережно снимаютъ ее съ попа, затѣмъ поколотятъ его хорошенько и снова бережно надѣваютъ на него оную“ (Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1864-го г., кн. 4, стр. 351). Раньше Олеарія Герберштейнъ пишетъ: (sacerdotes) vestimentum prope laicorum habent, extra paretum parvum et rotundum, quo rasuram tegunt... (По изд. Старчевскаго, стр. 21, col. I fin.). О ношеніи у насъ въ позднѣйшее время скуфей не только священниками, но и діаконами, см. Акт. Истор. т. 2, № 53, стр. 63, и приведенную выше выписку изъ дѣяній собора 1674-го г. По позднѣйшимъ нашимъ извѣстіямъ, скуфьи у поповъ были четверосоставныя (изъ четырехъ клиньевъ), обложенныя торокомъ или оторочкой и имѣли три строки (Сѵнод. ркп. № 850 л. 70 обор.). О значеніи или знаменованіи скуфей („вмѣсто златаго вѣнца, его же ношаше въ Ветхомъ Завѣтѣ первый архіерей Ааронъ) см. въ Описаніи Сборниковъ Публичной Библіотеки *Бычкова*, № 43 л. 84 и № 45 л. 45. У Грековъ въ позднѣйшее время священники и діакона носили скуфьи съ большими хвостами (περιστερά) на подобіе скуфей нашихъ послушницъ (*Суханова* Проскинитарій, по Казанск. изд. стр. 30, и изображеніе священника у *Гейнекція* въ Abbildung ч. III, къ стр. 62). Еще выписки и между прочимъ изъ дѣяній Московскаго собора 1667-го г. въ помянутой статьѣ Невоструева. Послѣдній, какъ кажется, представляетъ дѣло такъ, что у насъ священники носили только скуфьи безъ шапокъ поверхъ ихъ; но, не говоря о совершенной невѣроятности предполагать, чтобы священники наши могли довольствоваться такимъ легкимъ головнымъ покровомъ, читанныя и цитуемыя имъ дѣянія собора 1674-го г. ясно говорятъ сначала о скуфьяхъ, а потомъ „тако же“ и о шапкахъ (До настоящаго вре-

Внѣшній головной покровъ (περικεφάλαιον или ἐπιῤῥιπτάριον), употреблявшійся только на улицѣ и налагавшійся на внутренній, о которомъ мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній и при томъ только позднѣйшія, былъ, по всей вѣроятности, произвольный съ тѣмъ предполагаемымъ при всѣхъ одеждахъ священниковъ ограниченіемъ, чтобы онъ былъ по возможности скромный. Что касается до немногихъ позднѣйшихъ свѣдѣній или собственно иконографическихъ свидѣтельствъ, то на основаніи ихъ слѣдуетъ заключать, что наиболѣе употребительнымъ внѣшнимъ головнымъ покровомъ священниковъ была шляпа,—та самая, которую они носятъ до настоящаго времени, но только еще съ болѣе низкой тульей и еще съ болѣе широкими полями, и затѣмъ—если не всегда, то иногда съ тою особенностію, что она имѣла практическое приспособленіе, при помощи котораго снятая съ головы могла висѣть на спинѣ, именно—что въ поля шляпы съ боковъ противъ ушей вдѣвались шнуры, которые держались въ своихъ мѣстахъ (дырахъ) посредствомъ пришитыхъ къ верхнимъ концамъ ихъ запонокъ или пуговокъ и которые, имѣя длины четверти двѣ—двѣ съ половиной, нижними концами сшивались вмѣстѣ, при чемъ на общемъ или соединенномъ концѣ для красоты пришивалась довольно большая кисть [1]).

мени носятъ наши скуфьи священники Австрійскихъ Сербовъ). Къ выпискамъ Невоструева должно прибавить еще Петрея (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1867-го г., кн. 2, стр. 419 и 423, изъ котораго отчасти заимствуетъ Олеарій и у котораго прямо о скуфьяхъ и о шапкахъ, хотя нѣсколько и перепутано,—можетъ быть впрочемъ не авторомъ, а только переводчикомъ). Если въ настоящее время священники и діаконы наши не носятъ скуфей, которыя такъ полезны для зимнихъ крестныхъ ходовъ и для зимнихъ выносовъ покойниковъ, то въ этотъ виноваты они сами: въ концѣ XVII в. они сами оставили ношеніе скуфей, не смотря на воспрещеніе имъ въ томъ со стороны архіереевъ, см. Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, опис. *Д. Лебедева*, М. 1881, стр. 94.

[1]) См. изображеніе митр. Виссаріона въ священнической шляпѣ поверхъ головнаго покрова монашескаго въ одной изъ рукописей Вѣнской библіотеки,—у *Несселя* ч. IV, стр. 42, изображенія нѣсколькихъ архіереевъ въ тѣхъ же шляпахъ, также поверхъ монашескихъ головныхъ покрововъ, на миніатюрѣ засѣданій Флорентійскаго собора, ibid. ч. V, стр. 40, и изображеніе священника Іоанна Нафанаила—при его книгѣ Ἡ θεία λειτουργία μετὰ ἐξηγήσεων διαφόρων διδασκάλων, напечатанной въ Венеціи въ 1574 г. (въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ при Никонѣ, названной Скрижалью). Иногда, и вѣроятно только архіереями, вмѣсто шнуровъ употреблялись широкія ленты, которыя пришивались къ бокамъ шляпы внутри и которыя внизу не сшивались вмѣстѣ, а оставлялись такъ, будучи, конечно, въ случаѣ надобности завязываемы,—см. изображеніе патріарха Константинопольскаго въ Евхологіи *Гоара*, Парижск. изд. стр. 115, и изъ него у *Дюканжа* Glossarium Grae-

Относительно головнаго покрова архіереевъ Іоаннъ Кантакузенъ въ своей хроникѣ, говоря о патріархѣ Константинопольскомъ Іоаннѣ Гликѣ (1316—1320), даетъ знать, что онъ былъ особый у архіереевъ изъ бѣлыхъ священниковъ и особый у архіереевъ изъ монаховъ [1]), что̀ необходимо было бы понимать такъ, что архіереи изъ бѣлыхъ священниковъ употребляли какъ таковой головной покровъ священническую шляпу, о которой мы сказали сейчасъ, а архіереи изъ монаховъ—головной покровъ монашескій, который у насъ въ настоящее время не въ своей древней формѣ и который въ этой послѣдней, сохраняемой нашими старообрядцами, вмѣсто нашего высокаго клобука имѣлъ подъ такъ-называемой крепой шапочку или скуфью, подобную священнической. Такъ какъ на извѣстныхъ намъ старыхъ изображеніяхъ архіереевъ [2]) мы не находимъ ихъ въ одной священнической шляпѣ, но или въ головномъ покровѣ монашескомъ или семъ покровѣ и поверхъ его священнической шляпѣ [3]), то слѣдуетъ думать, что архіереи изъ бѣлыхъ священниковъ употребляли шляпу въ соединеніи съ головнымъ покровомъ монашескимъ и именно, какъ мы сейчасъ сказали, надѣвая ее поверхъ сего послѣдняго. А такъ какъ въ позднѣйшее время мы находимъ священническія шляпы и у архіереевъ изъ монаховъ, то слѣдуетъ, что и сіи послѣдніе, если не всегда, то иногда употребляли ихъ въ соединеніи съ головнымъ покровомъ монашескимъ. Извѣстныя намъ шляпы позднѣйшихъ архіереевъ изъ монаховъ называются проѣзжими, чѣмъ дается знать, что если не исключительно, то по преимуществу онѣ употреблялись сими архіереями въ дорогахъ [4]).

---

citatis передъ началомъ и у *Гейнекція* Abbildung ч. III, къ стр. 60, также въ Туркогреціи *Крузія*, стр. 106. Кантакузенъ, говоря по поводу Константинопольскаго патріарха Іоанна Глики, что патріархи, если они будутъ не изъ чина монашествующихъ, носятъ головной покровъ покрытый бѣлымъ полотномъ (Хроники кн. 3, гл. 36, выписка у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. καμελαύκιον), даетъ знать, что мірскіе священники, если не всегда и обычно, то большею частію носили головные покровы или шляпы бѣлаго цвѣта (это опять къ отвѣту на вопросъ: отъ чего мірскіе священники—бѣлое духовенство).

[1]) Цитата въ предъидущ. прим.

[2]) См. первое примѣчаніе выше, на стр. 582.

[3]) На нашъ нынѣшній монашескій клобукъ надѣть священническую шляпу, конечно, неудобно; но надѣть ее на сей клобукъ въ его древней формѣ, которую мы указали, нѣтъ никакого неудобства; на нашъ непривычный взглядъ это будетъ только немного странно.

[4]) Лѣтопись занятій Археографич. Коммиссіи, выпускъ 3-й, Спб. 1865, приложж. стр. 42 нач. („шляпа проѣзжая"; см. еще въ Описаніи государственнаго

Отличіе шляпъ у архіереевъ отъ шляпъ у священниковъ было то, что на первыхъ изъ широкихъ тесемъ, лентъ или бахромъ нашивался крестъ, и именно—большой, имѣвшій центромъ своимъ центръ тульи шляпы и простиравшійся концами до краевъ полей послѣдней [1]).

Зимнимъ головнымъ покровомъ наши священники имѣли вмѣсто шляпы тѣ или другія изъ употреблявшихся у насъ зимнихъ шапокъ, и какъ есть основанія думать—по преимуществу такъ-называемый и доселѣ сохранившійся у священниковъ треухъ или малахай, который едва ли не есть весьма громкая по имени греческая τροπαιουχία, что значитъ головной покровъ побѣдителей. Сія послѣдняя, будучи собственно солдатскимъ шлемомъ или солдатской каской, если обращалась у Грековъ въ видѣ простой или, какъ говорятъ, цивильной шапки, легко могла перейти къ намъ по той причинѣ, что имѣла весьма важное для нашей зимы свойство закрывать уши и затылокъ (была весьма похожа на каски нашихъ пожарныхъ солдатъ) [2]. Подобно шляпамъ архіереи употребляли у насъ и треухи или малахаи, на которые, такъ же какъ и на шляпы, были нашиваемы кресты [3]).

архива старыхъ дѣлъ *Иванова* стр. 277 и во Временникѣ, кн. XV, стр. 20, описаніе домовой казны Никона; въ послѣднемъ: „шляпа патріарша съ кистями"). Въ натурѣ двѣ шляпы патр. Никона—одна въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ, другая въ Московской Сvнодальной ризницѣ.

[1]) Сvмеонъ Солунскій,—выписка у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. σταυροφόροι, изображенія патріарховъ въ Евхологіи *Гоара* (и изъ него у *Дюканжа* и *Гейнекція*) и у *Крузія*; въ натурѣ шляпа патр. Никона въ Сvнодальной ризницѣ, съ которой спороть крестъ, но на которой явственно видны его швы. О патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ Кантакузенъ сообщаетъ (цитата выше), что онъ обернулъ священническую шляпу (по тульѣ) бѣлой матеріей и на сей послѣдней написалъ (спереди) образъ Спасителя съ Божіей Матерью и Предтечей.—Главные шесть чиновниковъ или клириковъ патріарха Константинопольскаго, такъ называемые ἐξωκατάκοιλοι, по подобію архіереевъ, имѣли крестъ на шляпахъ, отъ чего назывались σταυροφόροι,—крестоносные чиновники или сановники (въ нашихъ извѣстіяхъ о нихъ Супрасльск. лѣтоп., стр. 147 нач. и у *Муравьева* въ Сношеніяхъ съ Востокомъ ч. I, стр. 87 нач.). Что касается до тѣхъ же главныхъ чиновниковъ у митрополитовъ, то они получали сіи кресты только по особымъ пожалованіямъ императоровъ (подобно нынѣшнимъ орденамъ) и притомъ сіи пожалованія начались только въ позднѣйшее время,—такъ чиновникамъ митрополита Солунскаго, одного изъ наиболѣе важныхъ въ патріархатѣ Константинопольскомъ, кресты были пожалованы въ 1347 г. (*Миклошича* Acta Patriarchat. Constantinop. I, 258, также у *Ралли* и *П.* V, 503).

[2]) Названіе же малахай или молохай есть несомнѣнно греческое—μολάχιον (Словарь *Византія*) отъ μαλάχα (μολόχα и μολοχᾶ,—*Дюканжъ* Gloss. Graecit.),—проскурнякъ, и означаетъ головной покровъ (по преимуществу женскій) похожій формою на проскурнякъ.

[3]) Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи, выпускъ 3-й, отд. II, стр. 14, *Ива-*

Особенный головной покровъ нашихъ архіереевъ составлялъ и составляетъ бѣлый клобукъ, служащій въ настоящее время отличіемъ митрополитовъ. Вопросъ о происхожденіи этого нашего бѣлаго клобука до сихъ поръ остается вопросомъ.

Вотъ существующія о немъ извѣстія. Въ житіи преп. Сергія Радонежскаго, помѣщенномъ въ Никоновской лѣтописи, по поводу полученія отъ патріарха сана архіепископа племянникомъ преп. Сергія епископомъ Ростовскимъ Өеодоромъ, замѣчается: «клобуки бѣлыи изначала вси ношаху на Руси и митрополиты и епискупи и сподобившіися великіе чести архіепискупства вси святители на Руси бѣлыя клобуки ношаху»,—IV, 231. Въ соборной грамотѣ о бѣломъ клобукѣ 1564 г. говорится, что «прежніе русскіе первопрестольницы, митрополиты и чудотворцы Петръ и Алексій, и Иванъ архіепископъ Новгородскій, и Леонтій и Игнатій и Исаія Ростовстіи чудотворцы, носили бѣлые клобуки» и что «прежніе русскіе первопрестольницы и чудотворцы, Петръ и Алексій митрополити, писани на образѣхъ въ бѣлыхъ клобукѣхъ, да и Ивана архіепископа Ноугородскаго и Леонтіа и Исаія и Игнатіа Ростовскихъ чюдотворцовъ пишутъ въ бѣлыхъ клобукѣхъ»,—Акт. Ист. т. I № 173, стр. 332 col. 2. Новгородская 4-я лѣтопись подъ 1169-мъ г. называетъ извѣстнаго Ростовскаго епископа Өеодора или Өедорца «бѣлымъ клобучкомъ»,—Собр. лѣтт. IV, 12. Епифаніево житіе преп. Сергія,—литограф. изд. л. 256 об., и Никоновская лѣтопись,—IV, 66, говорятъ, что архимандритъ Михаилъ-Митяй, избранный на мѣсто св. Алексія, возложилъ на себя (до посвященія) бѣлый митрополичій клобукъ [1]). Никоновская лѣтопись говоритъ о митр. Пиминѣ, незаконно поставившемся (за смертію Михаила) на мѣсто св. Алексія, что съ него снятъ былъ бѣлый клобукъ,—IV, 129. По увѣренію Карамзина, въ харатейной Троицкой лѣтописи, теперь не существующей, говорилось подъ 1406-мъ г. объ Антоніи, епископѣ Туровскомъ, что онъ носилъ бѣлый клобукъ,—Ист. IV, прим. 360 fin.

нова Описаніе госуд. архива стр. 277, Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Сѵнода, т. I, приложж. стрр. CCIV, CCCCLXVII и CCCCLXXIII.

[1]) Митр. Кипріанъ въ посланія къ преп. Сергію Радонежскому, говоря о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Михаила, не называетъ митрополичьяго клобука бѣлымъ, но даетъ знать, что онъ былъ отличенъ отъ обыкновеннаго монашескаго клобука, ибо въ числѣ митрополичьихъ одеждъ, незаконно возложенныхъ на себя Михаиломъ, называетъ и клобукъ, тогда какъ обыкновенный монашескій клобукъ Михаилъ носилъ и прежде: „како—спрашиваетъ Кипріанъ Сергія—у васъ стоитъ на митрополицѣ мѣстѣ чернецъ въ монатьи святительской и въ клобуцѣ, и перемонатка святительская на немь и посохъ въ рукахъ?"—Памятнн. *Павл.* col. 180.

Неизвѣстно—когда послѣ 1406-го г. у митрополитовъ и у епископовъ вышло изъ обычая носить бѣлый клобукъ и онъ остался исключительной принадлежностію и отличіемъ архіепископовъ Новгородскихъ. Въ 1564 г., передъ избраніемъ преемника митр. Макарію, сдѣлано было соборное постановленіе, чтобы вмѣстѣ съ архіепископами Новгородскими снова носили его и митрополиты (цитата грамоты соборной выше). Въ Новгородѣ сочинено было сказаніе о бѣломъ клобукѣ тамошнихъ архіепископовъ, въ которыхъ говорится, что этотъ бѣлый клобукъ устроилъ Константинъ Великій папѣ римскому Сильвестру,—что папы, отпавъ отъ благочестія и возненавидѣвъ клобукъ, сначала скрыли было его, потомъ хотѣли было его «истребить», и наконецъ припуждены были послать его въ Константинополь,—что такъ какъ и отъ Константинополя благодать св. Духа имѣла быть отнята въ плѣненіе агарянское и вся святая имѣла быть предана отъ Бога велицѣй русстей земли: то патріарху Константинопольскому Филоѳею, который получилъ клобукъ изъ Рима, повелѣно было откровеніемъ свыше послать его въ Россію, архіепископу Новгородскому Василію (представляется дѣло такъ, что клобукъ архіепископа Василія—тотъ самый, который устроенъ былъ Константиномъ). Сказаніе предваряется посланіемъ отъ лица посольскаго толмача Дмитрія Герасимова къ архіепископу Новгородскому Геннадію, въ которомъ говорится, что Димитрій, по порученію Геннадія, нашолъ сказаніе въ Римѣ, въ свою бытность въ послѣднемъ (сказаніе напечатано въ Памятникахъ *Кушелева—Безбородко* I, 287; существуетъ во множествѣ списковъ).

Къ общему отвѣту на вопросъ: откуда могли взяться въ Россіи бѣлые клобуки, служитъ замѣчаніе Іоанна Кантакузена, дѣлаемое имъ въ разсказѣ о Константинопольскомъ патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ, что патріархи, если они были не изъ чина монаховъ, каковъ былъ Глика, носили головной покровъ, обернутый бѣлымъ полотномъ (бѣлой матеріей: τὴν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καλύπτραν, ὀθόνῃ λευκῇ περιειλημμένην,—цитата не одинъ разъ выше). Такимъ образомъ, бѣлые клобуки могли явиться у насъ, какъ головной покровъ архіереевъ, которые были не изъ монаховъ. Но въ приведенныхъ выше свидѣтельствахъ дается видѣть и говорится, что у насъ носили въ древнее время бѣлые клобуки архіереи и изъ монаховъ и вообще всѣ они. Въ объясненіе этого послѣдняго мы не можемъ сдѣлать никакого другаго предположенія, какъ то, что бѣлые клобуки, явившись у насъ первоначально въ качествѣ головнаго покрова архіереевъ не изъ монаховъ, такъ сказать полюбились нашимъ архіереямъ и вошли у насъ въ общее

употребленіе (или же въ такое употребленіе, что предоставлялось на произволъ—носить черный или бѣлый клобукъ).

Почему послѣ 1406-го г. оставили носить бѣлый клобукъ всѣ архіереи, за исключеніемъ новгородскихъ архіепископовъ, не можемъ сказать. Что касается до Новгородской повѣсти о клобукѣ архіепископа Василія, то ея сочиненіе изъясняется очень просто. Кантакузенъ сообщаетъ о патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ, что онъ первый изъ патріарховъ - не монаховъ украсилъ свой бѣлый головной покровъ золотомъ, изобразивъ на немъ (вышивъ или положивъ изображенія) Спасителя, Божіей Матери и Предтечи. То же самое, если не первый изъ всѣхъ русскихъ архіереевъ, то несомнѣнно—новгородскихъ архіепископовъ, по подражанію патріарху, сдѣлалъ и Василій съ своимъ клобукомъ (Іоаннъ Глика занималъ патріаршій престолъ съ 1315 по 1320-й г., а Василій, занимавшій архіепископскую каѳедру съ 1330-го г. по 1352-й г., путешествовалъ до архіепископства на Востокъ, такъ что могъ видѣть на Гликѣ его украшенный клобукъ собственными глазами; клобукъ Василія, несомнѣнно—великолѣпный для своего времени и, по всей вѣроятности, сдѣланный въ Греціи, сохранился въ подновленномъ относительно украшеній видѣ до настоящаго времени; его описаніе у архим. *Макарія* въ Археологическомъ описаніи церковныхъ древностей въ Новгородѣ, II, 343 sqq). Небывалое дотолѣ украшеніе клобука могло подать поводъ къ тому, чтобы начали ходить о немъ легенды, и такъ какъ Новгородцы начали смотрѣть на бѣлый клобукъ своихъ архіепископовъ, какъ на символъ своей свободы (по тому значенію, которое усвоялось у насъ слову бѣлый, юридич. «обѣлить, бѣлая земля, бѣлые люди», cfr грамоту митр. Филиппа нареченному архіепископу Новгородскому Ѳеофилу въ Акт. Ист., I, № 279, стр. 511 col. 2 нач.): то—легенды въ извѣстномъ направленіи, т. е. что онъ необыкновеннаго происхожденія. Очень можетъ быть, что существующее сказаніе о клобукѣ дѣйствительно принадлежитъ Дмитрію Герасимову и что только предреченіе объ учрежденіи въ Россіи патріаршества есть позднѣйшая въ немъ вставка (а если въ соборной грамотѣ 1564-го г. говорится, что «писанія тому нѣтъ, котораго для случая архіепископы Ноугородскіе бѣлые клобуки носятъ»: то это можетъ значить, что члены собора, за исключеніемъ архіепископа Новгородскаго, не знали о сказаніи, а что послѣдній съ своей стороны находилъ неудобнымъ доводить о немъ до свѣдѣнія собора). Въ увѣреніи автора сказанія, будто онъ нашолъ его въ Римѣ, можетъ быть принимаемо за справедливое то, что въ Римѣ ему сообщена была из-

вѣстная подложная дарственная грамота Константина Великаго, на основаніи которой онъ сочинилъ сказаніе (извѣстно, что глаза архіепископа Геннадія очень обращены были на Западъ; не видя своего клобука у восточныхъ архіереевъ, онъ, дѣйствительно, могъ поручить Герасимову произвести развѣдки о немъ въ Римѣ, если только Герасимовъ въ бытность Геннадія на каѳедрѣ путешествовалъ въ Римъ (фамилія купцовъ Саларевыхъ, съ однимъ изъ которыхъ, по посланію, Герасимовъ отправилъ Геннадію сказаніе изъ Рима, дѣйствительно существовала,—*Карамз.* V, прим. 70 и VII, прим. 49); но дѣло могло быть и гораздо проще: у Геннадія жилъ въ Новгородѣ одинъ доминиканецъ; этотъ могъ сообщить дарственную грамоту, какъ такую грамоту, въ которой говорится о бѣломъ клобукѣ (устроенномъ будто бы Константиномъ Великимъ папѣ),—и на основаніи грамоты въ самомъ Новгородѣ и сфабриковано было сказаніе. Впрочемъ, сколько знаемъ, среди множества списковъ сказанія неизвѣстно списковъ XV—XVI в., а все XVII, XVIII в. и новѣйшіе. Патріархъ Филоѳей, присылающій клобукъ Василію, есть анахронизмъ, ибо онъ вступилъ на каѳедру послѣ смерти Василія въ 1354-мъ г. Фабулёзное завѣщаніе преп. Лазаря Мурманскаго, говорящее, будто этотъ Лазарь посланъ былъ патріархомъ къ архіепископу Василію сказать повѣсть о бѣломъ клобукѣ—въ Ист. Іер. V, 116, и у Филарета въ Русскихъ святыхъ подъ 8 Марта).

Отношенія Русской церкви къ Римской, попытки папъ подчинить насъ своей власти и наши собственныя обращенія къ папамъ.

Выше было говорено, что нѣкоторые римско-католическіе писатели утверждаютъ, будто мы—Русскіе обращены изъ язычества въ христіанство латинскими миссіонерами и будто уже только послѣ принятія христіанства мы перешли или были перезваны и переманены отъ папы на сторону Грековъ. Этимъ дѣло не кончается. Писатели утверждаютъ, будто и передавшись на сторону Грековъ мы все-таки не порвали связей съ св. отцомъ, будто мы признавали его верховенство и главенство въ церкви и будто такъ было: по однимъ изъ нихъ—то или другое нѣкоторое время, а по другимъ—даже въ продолженіе всего періода домонгольскаго.

Цѣль этихъ не менѣе неожиданныхъ и странныхъ увѣреній все та же, что и выше, т. е. чтобы создать для насъ обязанность возвратиться къ стопамъ св. отца.

Исторія нашихъ отношеній къ папамъ въ продолженіе періода до-монгольскаго должна быть раздѣляема на двѣ половины. Мы приняли христіанство до окончательнаго раздѣленія церквей Восточной и Западной, и это раздѣленіе, случившееся въ 1054-мъ году [1]), т. е. чрезъ 60 лѣтъ послѣ нашего крещенія, и должно быть полагаемо гранью двухъ половинъ.

Ссора патріарха Фотія и папы Николая 1-го въ половинѣ IX вѣка, ссора весьма сильная и сопровождавшаяся взаимными отлученіями, не была однако началомъ совершеннаго и формальнаго раздѣленія церквей. Послѣ ссоры миръ снова былъ возстановленъ, и хотя онъ былъ очень непроченъ, хотя прерывался вспышками затаенной вражды и хотя Греки смотрѣли на латинянъ подозрительно и обличали ихъ въ отступленіяхъ отъ православія и правомыслія: однако до 1054-го г., когда совершилось окончательное раздѣленіе, послѣдніе были для первыхъ, хорошими или худыми, православными и сынами единой вселенской церкви. Само собою разумѣется, что какъ смотрѣли на латинянъ до раздѣленія Греки, такъ смотрѣли на нихъ и мы. Папа не былъ для Грековъ еретикомъ [2]) (не бывъ вполнѣ доброкачественнымъ и православнымъ); конечно, прежде Грековъ не объявляли его еретикомъ и мы. Если католическіе писатели докажутъ, что Греки признавали папу главою церкви, то вмѣстѣ съ этимъ будетъ доказано, что таковымъ признавали его и мы (ибо и мы признавали его тѣмъ, чѣмъ признавали Греки). Но было ли когда-нибудь послѣднее и особенно было ли что-нибудь похожее на это послѣднее въ періодъ времени отъ ссоры патр. Фотія съ папою Николаемъ до окончательнаго раздѣленія, къ концу котораго относится наше христіанство?

Послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, происшедшаго въ 1054-мъ г., папа сталъ для Грековъ еретикомъ [3]), отлученнымъ отъ вселенской церкви. Повидимому, совершенно ясно, что тѣмъ же дол-

---

[1]) Легаты папы, бывшіе въ Константинополѣ, положили на престолъ св. Софіи отлучительную грамоту противъ Грековъ, съ каковой минуты началось окончательное раздѣленіе, 16 Іюля 1054 года.

[2]) Церковь Греческая, какъ церковь, не провозглашала латинянъ еретиками посредствомъ своего соборнаго (такъ сказать офиціальнаго) приговора. Но большинство частныхъ греческихъ полемистовъ, увлекаемое враждой въ прискорбную крайность, хотѣло видѣть въ нихъ не только еретиковъ (а не схизматиковъ), но даже и еретиковъ самыхъ злыхъ и тяжкихъ. Сравн. о семъ ниже.

[3]) Разумѣемъ, какъ сказали, большинство частныхъ мнѣній, но не голосъ церкви.

женъ былъ онъ статъ и для насъ, ибо мы остались на сторонѣ Грековъ и подъ ихъ властію, чего католическіе писатели не отрицаютъ. Однако, эти писатели говорятъ, что — нѣтъ, что и послѣ сего мы то или другое время признавали власть папы (нѣкоторое, — какъ говорятъ одни; весьма долгое, до самаго конца періода домонгольскаго,— какъ говорятъ другіе). Писатели не берутъ на себя труда объяснить удовлетворительно, какимъ образомъ могло быть, чтобы мы въ одно и то же время признавали двѣ враждебныя и исключающія одна другую власти (ибо того факта, что мы остались и оставались подъ властію Грековъ они, повторяемъ, не отрицаютъ); но, какъ кажется, они предполагаютъ, что въ вопросѣ о папѣ мы—Русскіе вели себя независимо отъ Грековъ, что послѣ того какъ Греки провозгласили его еретикомъ, для насъ—Русскихъ онъ остался православнымъ и что такимъ образомъ, не отдѣляясь отъ нихъ и не отлагаясь отъ ихъ непосредственной власти, мы продолжали признавать въ то же время, вопреки имъ и его—папы верховную (надъ непосредственною) власть. Но если это такъ, то, не говоря о совершенной оригинальности мысли усвоять намъ указанную самостоятельность, т. е. иначе о крайней и смѣшной ея несостоятельности, не говоря о недоказанности, т. е. хотимъ мы сказать—совершенной ложности того, что составляетъ здѣсь сущность, а именно,—будто бы въ продолженіе времени, предшествовавшаго раздѣленію, Греки передали намъ ученіе о главенствѣ папы въ церкви,— въ отвѣтъ на сказанное выше мы считаемъ достаточнымъ указать только на то, что послѣ раздѣленія у насъ митрополитами были Греки: возможно ли и сообразно ли съ человѣческимъ смысломъ допускать, чтобы одни и тѣ же Греки въ Константинополѣ признавали папу еретикомъ, а въ Кіевѣ православнымъ и главою вселенской церкви? Но, говорятъ католическіе писатели, у нихъ есть фактъ, доказывающій то, что̀ они утверждаютъ. Этотъ фактъ—нашъ русскій праздникъ 9 Мая въ честь перенесенія мощей Николая чудотворца въ Баръ-градъ. Праздникъ установленъ въ Россіи помимо Греціи, которая не знаетъ его и не признаетъ; событіе, въ память котораго онъ установленъ, вовсе не есть для Грековъ предметъ радости и торжества: ясно-де, что онъ установленъ Русскими по приказанію папы и слѣдовательно ясно-де, что въ минуту установленія праздника, что̀ было уже послѣ раздѣленія церквей (въ послѣднихъ годахъ XI вѣка), они признавали его власть. Этотъ праздникъ есть собственный и единственный фундаментъ, на которомъ зиждутся всѣ увѣренія римско-католическихъ писателей. Но, увы! судьба, какъ бы избавляя насъ отъ напрасныхъ

словопреній, хотѣла, чтобы они имѣли съ своимъ толкованіемъ праздника специальныя ad hoc рѣшительныя противъ себя доказательства. Въ то самое время, какъ былъ установленъ у насъ праздникъ 9 Мая, папа обращался къ нашему митрополиту съ предложеніемъ возсоединенія, и митрополитъ отвѣчалъ ему обличеніями его неправомыслія и отказомъ на предложеніе (сношенія папы Климента III съ нашимъ митрополитомъ Іоанномъ II): ясно, что праздникъ установленъ у насъ не по приказанію папы. Если бы онъ былъ установленъ у насъ по приказанію папы, то былъ бы установленъ и во всей католической церкви, ибо нельзя же, конечно, утверждать, чтобы папа имѣлъ фантазію установить его въ одной Русской церкви; но католическая церковь этого праздника не имѣетъ и никогда не имѣла; слѣдовательно ясно, что онъ былъ установленъ у насъ не по приказанію папы (не установляя его на наше, такъ сказать, счастье, во всей католической церкви, папа установилъ его только какъ мѣстный праздникъ въ Барѣ).

Очень хорошо знаемъ, что опровергать иныхъ католическихъ писателей значитъ то же самое, что толочь воду въ ступѣ. Но сказаннаго требовала отъ насъ полнота историческаго изложенія [1]).

Никогда не имѣвъ насъ подъ своею властію, непосредственною или только верховною, св. отецъ, разумѣется, всегда желалъ имѣть насъ подъ нею, ибо мы въ сравненіи съ другими христіанскими народами уже съ древняго времени представляемъ собою «народъ безчисленный» [2]).

Выше мы сказали, что папа присылалъ посольство къ Владиміру въ Корсунь, когда князь, находясь въ этомъ городѣ, велъ переговоры

---

[1]) До какой нелѣпости доходятъ иные католическіе писатели, въ этомъ читатель убѣдится, если напр. почитаетъ Specimen Ecclesiae Ruthenicae *Игн. Кульчинскаго* (новое изданіе, обязательно сдѣланное извѣстнымъ Мартыновымъ,—Paris, 1859 г.). По Кульчинскому, Русскіе признавали папу главою церкви въ продолженіе всего періода до-монгольскаго и именно такъ, что митрополиты признававшіе его и не признававшіе чередовались между собою, — одинъ признаетъ, другой — нѣтъ, третій опять признаетъ и т. д.: т. е. по представленіямъ автора у насъ господствовали на этотъ счетъ личныя фантазіи и капризы митрополитовъ! Что касается до его доказательствъ относительно тѣхъ митрополитовъ, которыхъ онъ выдаетъ за признававшихъ папъ, то въ однихъ случаяхъ, не моргая глазами, онъ сочиняетъ ихъ, а въ другихъ случаяхъ, нисколько же сумняся, обращаетъ въ свою пользу такія доказательства, которыя говорятъ именно и ясно противъ него.

[2]) Народомъ безчисленнымъ, какъ звѣзды, называетъ насъ Матөей, епископъ Краковскій, въ письмѣ къ Бернарду аббату Клервосскому отъ 1130-го г.,—Historica Russiae Monimenta, I, Praef. XIII (*Карамз.* III, 68 нач. и прим. 112).

съ Греками объ іерархическомъ устройствѣ будущей Русской церкви, и что цѣлію посольства (какъ необходимо думать) было то, чтобы отклонить Владимира отъ церковнаго союза съ Греками и подчинить своей собственной власти. Посольство не имѣло успѣха. Но отъ такого привлекательнаго стяжанія (такой привлекательной добычи), какъ наша огромная (сравнительно) Русь, папы не хотѣли отказаться послѣ одной попытки, и ихъ сдѣлано было въ правленіе Владимира еще двѣ. По свидѣтельству той же Никоновской лѣтописи, которая говоритъ о посольствѣ папы къ Владимиру въ Корсунь и прежде Владимира къ Ярополку, къ первому изъ князей приходили изъ Рима еще два посольства, — одно въ 991-мъ, другое въ 1000-мъ году. О цѣли этихъ вторыхъ посольствъ лѣтопись также ничего не говоритъ, какъ и первыхъ [1]; но здѣсь, также какъ и тамъ, она не можетъ подлежать сомнѣнію: необходимо думать, что, послѣ неудачной попытки отклонить Владимира отъ церковнаго союза съ Греками, папа присылалъ къ нему новыя посольства, чтобы пытаться перезвать его отъ Грековъ на свою сторону. Вслѣдъ за первыми — 991-го г. послами папы, по свидѣтельству той же Никоновской лѣтописи, приходили къ Владимиру послы отъ королей польскаго и чешскаго, а вторыхъ пословъ папы, по ея словамъ, прямо сопровождали послы королей чешскаго и венгерскаго [2]. Если не необходимо, то совершенно вѣроятно понимать это такимъ образомъ, что послы римско-католическихъ государей, съ которыми Владимиръ, по свидѣтельству первоначальной лѣтописи, жилъ въ мирѣ и любви [3], должны были содѣйствовать стараніямъ пословъ папы [4]. Въ отвѣтъ на оба посольства послѣдняго Владимиръ посылалъ своихъ пословъ въ Римъ (по свидѣтельству той же Никоновской лѣтописи) [5]. Изъ сего необходимо слѣдуетъ, что посольства были при-

---

[1]) Подъ 991-мъ г. лѣтопись говоритъ: „того же лѣта придоша къ Володимеру послы изъ Рима отъ папы съ любовію и честію“, т. е. представляетъ дѣло такъ, будто папа, безъ всякихъ личныхъ побужденій, присылалъ къ Владимиру пословъ засвидѣтельствовать ему свое уваженіе.

[2]) Подъ 1000-мъ г.: „того же лѣта приде (-оша) послы отъ папы Римскаго и отъ королей Ческихъ и Угорскихъ“ (sic).

[3]) Первоначальная лѣтопись подъ 996-мъ г.: „и бѣ живя (Владимиръ) съ князи околними миромь, — съ Болеславомъ Лядьскымь и съ Стефаномъ Угрьскымь и съ Андрихомь (Ульрихомъ) Чешьскымь, и бѣ миръ межю ими и любы“.

[4]) Въ 1000-мъ г. венгерскій князь Стефанъ получилъ отъ папы королевскій вѣнецъ. Весьма вѣроятно, что легаты папы, принесшіе Стефану вѣнецъ, и ходили потомъ въ Россію (булла папы Стефану о вѣнцѣ отъ 27 Марта 1000-го г.,—*Фесслера* Geschichte von Ungarn, т. I, изд. 2, *Клейна*, стр. 108).

[5]) Подъ 994-мъ и 1001-мъ гг.

нимаемы княземъ весьма благосклонно и дружелюбно. Но эти благосклонность и дружелюбіе и были единственнымъ результатомъ стараній папъ,—перезвать Владиміра отъ Грековъ къ себѣ имъ вовсе неудалось. Весьма возможно, что первое изъ двухъ нашихъ посольствъ, т. е. посольство 991-го г., было прислано, когда еще не приходили къ Владиміру изъ Константинополя митрополитъ и епископы греческіе (прибывшіе именно въ семъ 991-мъ году). Если это такъ, то и на сей разъ время еще было благопріятно: предстояло убѣдить Владиміра не къ тому, чтобы онъ отослалъ митрополита и епископовъ греческихъ уже принятыхъ, а къ тому, чтобы онъ отказался принять еще не пришедшихъ. Но увы! у Владиміра совершенно твердо было рѣшено вступить въ непосредственный церковный союзъ съ Греками, а не съ папою: посольство папы было принято имъ весьма дружелюбно; въ отвѣтъ на него онъ послалъ въ Римъ своихъ пословъ, а между тѣмъ сношенія съ Греками объ учрежденіи іерархіи шли своимъ чередомъ и митрополитъ съ епископами былъ полученъ отъ нихъ въ слѣдъ за тѣмъ, какъ ушли послы папы [1]). Съ полною вѣроятностію предполагаютъ, что нашъ первый митрополитъ Леонъ, передъ которымъ или при которомъ приходило первое посольство папы и при которомъ приходило второе, именно по поводу этихъ посольствъ написалъ свое обличительное сочиненіе противъ латинянъ, имѣвъ своею цѣлію противодѣйствовать стараніямъ Рима (еще православнаго тогда, но весьма хромавшаго въ православіи, что̀ показываетъ митрополитъ въ своемъ сочиненіи) привлечь Владиміра на свою сторону [2]).

---

[1]) Посольство 991-го г. было присылано тѣмъ же папой Іоанномъ XV, который посылалъ къ Владиміру въ Корсунь. Посольство 1000-го г. присылалъ Сильвестръ II (до папства Гербертъ, архіепископъ Реймскій), знаменитый ученый своего времени, бывшій учителемъ импер. Оттона III, который возвелъ его на папскій престолъ. Этотъ Оттонъ былъ родной племянникъ супруги Владиміровой царевны Анны, ибо его мать, а супруга Оттона II, Феофано или Стефана († 995), была родная сестра послѣдней. Эти родственныя связи, вѣроятно, не мало поддерживали надежды папы).

[2]) Еще указаніе на попытку папъ подчинить насъ своей власти при Владимірѣ нѣкоторые видятъ въ словахъ Титмара Мерзебургскаго объ епископѣ Колобрежскомъ Рейнбернѣ (Chronic. lib. VII, c. 52). Владиміръ женилъ своего старшаго сына Святополка на Польской княжнѣ, дочери Болеслава Великаго. Вмѣстѣ съ княжной прибылъ въ Россію, въ качествѣ ея придворнаго священника или духовника, помянутый Рейнбернъ, бывшій епископъ Колобрежскій (Колобрега, отъ „около берега", по-нѣмецки Кольбергъ, находится въ Пруссіи, въ бывшемъ Славяно-Балтійскомъ, въ X—XI в. принадлежавшемъ Польшѣ, Поморьѣ, что̀ нынѣшняя Померанія, на берегу Балтійскаго моря, при впаденіи въ него рѣки Перванте; Рейнбернъ

Послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, которое случилось въ годъ смерти Ярослава, въ продолженіе періода до-монгольскаго попытки папъ подчинить насъ своей власти сравнительно были немногочисленны. Русь до-монгольская вовсе не была тѣмъ, чѣмъ послѣ стала Русь Московская, именно—страной весьма крѣпко запертой, въ которую весьма трудно попасть, а напротивъ была страной совершенно открытой и доступной, находившейся съ Западомъ въ живомъ общеніи. Вслѣдствіе этого папамъ не было тогда затрудненій и препятствій дѣлать свои попытки столь часто, сколько бы они хотѣли; а поэтому и немногочисленность ихъ попытокъ нужно объяснять не трудностью дѣлать послѣднія, а другими причинами. Такой причиной, по всей вѣроятности, должно считать то, что въ продолженіе времени, соотвѣтствующаго нашему періоду до-монгольскому, у однихъ изъ папъ было слишкомъ много дѣла и заботъ и безъ насъ и что напротивъ другіе папы не имѣли заботъ ровно ни о чемъ.

Есть не совсѣмъ ясное указаніе на то, что папа пытался перезвать насъ къ себѣ въ самую минуту раздѣленія церквей. Когда по-

---

оставилъ свою каѳедру, открытую въ 1000-мъ г. или передъ симъ годомъ не для дѣйствительныхъ, а только для чаемыхъ христіанъ, нѣтъ сомнѣнія потому, что чаянія оказались напрасными, хотя Титмаръ и говоритъ о семъ противное). Святополкъ, тайно подущаемый тестемъ, намѣревался возстать противъ отца. Вслѣдствіе этого Владиміръ заключилъ его съ женой въ темницу, а вмѣстѣ съ ними и Рейнберна, какъ соучастника замысла. О пребываніи Рейнберна въ темницѣ Титмаръ говоритъ: „въ ней (темницѣ) мужъ достопочтенный тайно съ божественною похвалою совершилъ то, что на волѣ (in aperto) не могло быть сдѣлано". Эти слова понимаютъ такъ, что въ темницѣ Рейнбернъ успѣлъ расположить Святополка къ подчиненію власти папы. Но тутъ прежде всего спрашивается: какія препятствія могли помѣшать Рейнберну сдѣлать это на волѣ, когда онъ жилъ при Святополкѣ? Затѣмъ контекстъ рѣчи Титмара вовсе не за это толкованіе приведенныхъ словъ, а совсѣмъ за другое. Вся рѣчь Титмара о Рейнбернѣ въ темницѣ есть слѣдующая: „въ ней достопочтенный мужъ съ божественною похвалою совершилъ то, что на волѣ не могло быть сдѣлано. Здѣсь, примиривши себя съ Верховнымъ Первосвященникомъ слезами и жертвою непрестанной молитвы, износившейся изъ сердца сокрушеннаго, разрѣшонный изъ тѣсной темницы тѣла радуяся перешелъ къ свободѣ вѣчной славы". Ясно, что слово „здѣсь" указываетъ на внутреннюю связь предъидущаго съ послѣдующимъ и слѣдоват. ясно, что въ первой части Титмаръ говоритъ о дѣлѣ совершенномъ Рейнберномъ не по отношенію къ другому, а по отношенію къ себѣ самому. Если бы Титмаръ дѣйствительно разумѣлъ совращеніе Святополка, то какія бы препятствія имѣлъ онъ не сказать этого прямо? Наконецъ, толкуя указаннымъ образомъ слова Титмара, предполагаютъ, что Рейнбернъ посаженъ былъ въ одну темницу съ Святополкомъ. Но это было бы со стороны Владиміра великимъ неразуміемъ и болѣе чѣмъ сомнительно.

слы папскіе, бывшіе въ 1054-мъ г. въ Константинополѣ, положивъ на алтарь св. Софіи отлучительную грамоту противъ Грековъ, удалились изъ города, то импер. Константинъ Мономахъ, не довѣряя вѣрности копіи этой грамоты, которую передалъ ему патр. Михаилъ Керулларій (рѣшительное поведеніе котораго противъ папы императоръ по своимъ политическимъ видамъ не одобрялъ), post Nuntios Romanos directis suis exemplar excommunicationis verissimum a civitate Russorum remissum sibi accepit [1]), т. е. вслѣдъ за послами Римскими отправилъ своихъ (чиновниковъ) и получилъ вѣрнѣйшую копію отлучительной грамоты, которая была прислана ему изъ города Русскихъ. Вѣроятнѣйшее толкованіе этого не совсѣмъ яснаго извѣстія есть то, что послы папы держали свой обратный путь чрезъ Россію и что въ ней они настигнуты были чиновниками императора, которымъ и вручили копію [2]). Если такъ, то Россія вовсе не лежала посламъ папы на прямой дорогѣ домой и слѣдовательно они, дѣлая большой крюкъ, заходили на нее нарочно. Единственной причиной, для чего бы они это сдѣлали, можетъ быть предполагаемо то, что они хотѣли попытаться вооружить Русскихъ противъ Грековъ и оторвать ихъ отъ послѣднихъ.

Въ послѣдней четверти XI вѣка, между 1084 — 1089 годами, присылалъ посольство къ намъ въ Россію папа или собственно антипапа Климентъ III, поставленный импер. Генрихомъ IV противъ Григорія VII,

---

[1]) Brevis commemoratio eorum, quae gesserunt Apocrisiarii s. Rom. sedis in regia urbe, написанное однимъ изъ легатовъ, Гумбертомъ, у *Баронія* подъ 1054-мъ г. и у *Гизелера* II, 1, § 42, прим. 8 (4 Aufl. S. 390).

[2]) Нѣкоторые склоняются къ тому подозрѣнію, чтобы видѣть въ civitas Russorum одинъ изъ городовъ греческихъ, именно—или Ῥούσιον, иначе называвшійся Ῥήσιον (Ῥίσιον)'омъ, а собственно и преимущественно Ῥήγιον'омъ, находившійся на Мраморномъ морѣ весьма не далеко отъ Константинополя и составлявшій какъ бы предмѣстье послѣдняго (едва ли не нынѣшній знаменитый нашимъ миромъ съ Турками Санъ-Стефано,—о немъ у *Дюканжа* въ Constantinop. Christ., у *Византія* въ Κωνσταντινούπ. и у *Унгера* въ Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte), или же Ῥούσιον, иначе Ῥώσιον, въ древнѣйшее время называвшійся Топиромъ, находившійся въ горахъ Родопскихъ (если не ошибаемся, нынѣшній Кешанъ или Рускіой, прямо на югъ отъ Адріанополя, не особенно далеко отъ берега моря,—о немъ см. *Тафеля* De via militari Romanorum Egnatia, Tubingae, 1842,—Pars Orientalis p. 19 и у *Le Quien*'a въ Oriens Christ. I, 1200). Если записка легатовъ извѣстна только въ позднѣйшихъ спискахъ, то очень можетъ быть, что въ ней допущена ошибка или сдѣлана ошибочная поправка; но если она извѣстна въ подлинникѣ, то сами легаты не могли превратить Ῥούσιον, Rhusium въ civitas Russorum.

съ которымъ императоръ велъ ожесточенную борьбу [1]). Характеристическую черту этого посольства составляетъ то, что папа не искалъ подчиненія себѣ Русской церкви, а предлагалъ возсоединеніе. Какъ понимать это, не совсѣмъ ясно—такъ ли, что Климентъ, начиная съ немногаго, въ концѣ концовъ имѣлъ въ виду то же, что̀ и другіе папы, или такъ, что онъ дѣйствительно думалъ о возсоединеніи. Но если послѣднее, то странно, что онъ обращался къ намъ, а не Грекамъ, ибо отложиться отъ православія къ Римской церкви мы могли и безъ Грековъ, но не могли безъ нихъ вести переговоровъ о возсоединеніи церквей. Не совсѣмъ понятно и то, что Климентъ III, сидѣвшій на папскомъ престолѣ весьма не твердо и имѣвшій нужду посвящать всѣ свои заботы самому себѣ, хотѣлъ поднимать такіе вопросы, какъ возсоединеніе церквей или подчиненіе себѣ Русской церкви [2]). Какъ бы то ни было, нашъ митрополитъ Іоаннъ II, при которомъ и къ которому приходилъ посолъ папы,—одинъ изъ его епископовъ, въ отвѣтъ на предложеніе, написалъ папѣ посланіе, въ которомъ вѣжливо и съ соблюденіемъ самаго приличнаго тона, но вмѣстѣ твердо, обличаетъ «согрѣшенія» (ἁμαρτήματα) Римской церкви и въ которомъ предлагаетъ папѣ обратиться къ патріарху Константинопольскому и находящемуся при немъ собору митрополитовъ, «иже,—говоритъ митрополитъ,—слово животно имуще, яко свѣтила въ мірѣ сіяють и възможни суть (δυνατοί εἰσι) Божіею благодатью таковыхъ взыскати и съ тобою исправити» [3]). Съ приходившимъ епископомъ папы митро-

---

[1]) Климентъ III, до папства Гибертъ или Вибертъ, архіепископъ Равеннскій, поставленъ былъ Генрихомъ въ 1080 г.

[2]) Въ 1075 г. обращался къ сопернику Климентову Григорію VII съ изъявленіемъ готовности признать власть Римской церкви вел. кн. Изяславъ Ярославичъ, что̀ не имѣло послѣдствій и о чемъ ниже. Очень возможно думать, что это именно и побудило Климента сдѣлать его попытку, т. е. что послѣ обращенія Изяслава къ Григорію, оставшагося безъ результата, Климентъ мечталъ достигнуть успѣха и такимъ образомъ, подчинивъ себѣ Русскую церковь, затмить своего соперника, что̀ для него столько было желательно въ видахъ борьбы съ послѣднимъ. Этимъ нужно было бы объяснять и то, что Климентъ придаетъ дѣлу такія мягкія формы,—предлагаетъ возсоединеніе церквей, а не подчиненіе себѣ Русской церкви: это должно было бы понимать такъ, что онъ хотѣлъ какъ можно вѣрнѣе обезпечить успѣхъ своего предложенія.

[3]) Отвѣтное посланіе Клименту митр. Іоанна напечатано въ древнемъ славянскомъ переводѣ въ Памятникахъ Россійской Словесности XII в. *Калайдовича*, стр. 209; въ томъ же переводѣ и греческомъ подлинникѣ *А. С. Павловымъ* въ изслѣдованіи: Критическіе опыты по исторіи греко-русской полемики противъ ла-

полить, какъ съ вѣроятностію надлежитъ думать, посылалъ къ нему своего собственнаго посла. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1091-мъ г. читается: «того же лѣта приде Ѳеодоръ, Грекъ митрополичь, отъ папы изъ Рима, и принесе много мощей святыхъ» [1]): по всей вѣроятности этотъ Ѳеодоръ былъ ни кто иной, какъ посолъ Іоанна, ходившій къ Клименту.

По свидѣтельству сейчасъ помянутой Никоновской лѣтописи приходили въ Россію послы отъ папы въ 1169-мъ г. Къ сожалѣнію лѣтопись не сообщаетъ о послахъ совершенно никакихъ извѣстій, не указывая и того, куда именно они приходили [2]). (Можно подозрѣвать, что они приходили во Владиміръ къ Андрею Боголюбскому и что побужденіемъ для папы (которымъ былъ тогда Александръ III) прислать ихъ были дошедшіе до него слухи о неудовольствіяхъ Боголюбскаго на патріарха Константинопольскаго, каковыя князь могъ имѣть на патріарха за несогласіе послѣдняго учредить во Владимирѣ особую митрополію).

Въ 1207-мъ г. присылалъ или намѣренъ былъ прислать въ Россію посольство папа Иннокентій III. О намѣреніи свидѣтельствуетъ сохранившееся доселѣ въ Ватиканскомъ архивѣ посланіе [3]); а было ли исполнено намѣреніе, объ этомъ ничего нельзя сказать, потому что о посольствѣ нѣтъ никакихъ извѣстій въ нашихъ лѣтописяхъ. Папа Иннокентій III былъ чрезвычайно ревностнымъ и вмѣстѣ чрезвычайно счастливымъ папою относительно подчиненія св. сѣдалищу православныхъ народовъ. Въ 1199-мъ г. онъ вступилъ въ сношенія съ Болгарами и привелъ ихъ къ тому концу, что послѣдніе признали его власть; вслѣдъ за Болгарами то же сдѣлали Сербы (тѣ и другіе притворно и весьма недолгое время [4]); наконецъ, въ 1204-мъ году кресто-

---

тинянъ, СПБ., 1878 г., стр. 169. О посольствѣ папы см. въ статьѣ *Неволина*: О митрополитѣ Іоаннѣ II, какъ сочинителѣ посланія къ архіепископу римскому Клименту о опрѣснокахъ,—Полн. Собр. сочинн. т. 6.

[1]) Татищевъ, не допуская того, чтобы православный принесъ мощи отъ папы, передѣлываетъ Грека нашего митрополита въ митрополита папина, родомъ Грека, и подъ видомъ выписки изъ лѣтописи сообщаетъ совсѣмъ новое противъ нея извѣстіе: „пришелъ изъ Рима отъ папы митрополитъ Ѳеодоръ, Грекъ родомъ, и принесъ много мощей святыхъ“,—II, 141.

[2]) Въ лѣтописи подъ 1169 годомъ: „того же лѣта придоша послы отъ римскаго папы“.

[3]) Оно напечатано въ Historica Russiae Monimenta *Тургенева*, т. I, стр. 3.

[4]) См. нашу книгу: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской.

носцы взяли Константинополь и хотя вмѣстѣ съ этимъ Греки не подчинились Римской церкви, но все-таки у нихъ водворена была латинская іерархія. Послѣ всего этого Иннокентій, конечно, не могъ забыть и насъ Русскихъ. Въ своемъ посланіи, адресованномъ archiepiscopis, episcopis et universis tam clericis quam laicis per Rutheniam constitutis, папа настоятельно убѣждаетъ насъ возвратиться съ распутія на путь истины, отъ котораго мы упорно отклоняемся. Церковь, говоритъ онъ, едина; власть надъ этою единою церковью вручена апостолу Петру, котораго я есмь преемникъ, слѣдовательно... и прочее; наконецъ, говоритъ онъ, разумѣя взятіе Константинополя крестоносцами, «греческая имперія и почти вся греческая церковь возвратилась къ почитанію апостольскаго престола и смиренно пріемлетъ его повелѣнія»; вы часть греческой церкви: «не нелѣпо ли то, что часть будетъ разногласить съ своимъ цѣлымъ и что одинъ членъ будетъ отдѣляться отъ всего тѣла?» Посланіе было или имѣло быть послано съ однимъ кардиналомъ-пресвитеромъ (G... по имени, tituli S. Vitalis), на котораго была возложена обязанность, по приведеніи заблудшей дочери къ ея матери, искоренять и разрушать, строить и насаждать, что найдетъ требующимъ искорененія и разрушенія, строенія и насажденія [1]).

---

[1]) Лѣтопись такъ-называемая Кёнигсбергская (Библіотека Россійская Историческая, ч. I, Спб., 1767) стр. 300, и за нею *Татищевъ*, III, 344, а за обоими почти всѣ новые изслѣдователи говорятъ еще о посольствѣ Иннокентія къ князю Роману Мстиславичу Галицкому, присланномъ въ 1205 г. Но это посольство пока для насъ очень сомнительно: если бы оно было, то была бы написана папою грамота князю, которая должна бы была сохраниться, притомъ же по связи посольства съ дѣлами польскими о немъ должны были бы говорить польскіе историки, которые однако совершенно молчатъ о немъ. Въ 1205-мъ г. Поляки посылали къ Роману для своихъ дѣлъ послами своихъ двухъ епископовъ (Длугошъ): можетъ быть, отсюда и возникло извѣстіе о посольствѣ къ нему папы. Въ Кёнигсбергской лѣтописи о немъ пишется: „таже и папа, слышавъ, яко Романъ Угре и Ляхи побѣди и всю Русь подъ себе приведе, сла къ нему свой посолъ, намовляти въ латинскую вѣру свою, обѣщавая ему грады и королемъ въ Руси учинити. Романъ же препирашеся отъ письма, а они не срамляяся належаху ему ласковыми словесы. Единою же молвящу послу тому къ Романови, како папа мочный и можетъ его богата, сильна и честна мечемъ Петровымъ устроити, изъявъ мечь свой, рече послу: „такій ли то мечь Петровъ у папы? ижъ имать такій, то можетъ городы давати, а азъ, доколѣ имамъ и́ при бедрѣ, не хочу куповати ино кровію, якоже отцы и дѣды наши размножили землю Рускую“. У Татищева нѣсколько измѣнено, — вставлены такъ сказать татищевскія обличенія посламъ папы и нравоученія ему самому.

Отъ 1227-го года сохранилось любопытное посланіе въ Россію папы Гонорія III [1]). Оно адресовано ко всѣмъ королямъ Русскимъ,— ad universos reges Russiae. Въ немъ читаемъ: «Радуемся о Господѣ, что послы ваши, какъ дошелъ до насъ слухъ, посланные къ почтенному брату нашему епископу Моденскому, легату апостольскаго сѣдалища отъ нашего ребра (находящемуся въ Ливоніи), смиренно просили его, чтобы онъ лично посѣтилъ ваши страны, поелику, желая быть спасительно наставлены въ здравомъ ученіи, вы готовы совершенно отказаться отъ всѣхъ заблужденій, въ которыя впали, какъ говорите вы, по причинѣ недостатка проповѣдниковъ». Далѣе папа утверждаетъ королей русскихъ въ ихъ намѣреніи, предлагаетъ имъ, если они желаютъ, чтобы къ нимъ прибылъ легатъ Римскій, прислать къ нему—папѣ грамоты и вѣрныхъ пословъ, и убѣждаетъ жить между тѣмъ въ твердомъ мирѣ съ христіанами Ливоніи и Естоніи, грозя въ противномъ случаѣ своимъ гнѣвомъ, котораго имъ не избѣжать. Прочитавъ вышеприведенное, съ великимъ изумленіемъ спрашиваешь себя: неужели въ самомъ дѣлѣ могло быть, чтобы князья Русскіе изъявляли папѣ желаніе совершенно отказаться отъ всѣхъ заблужденій греческой церкви? Оказывается, что это—ни что иное, какъ слишкомъ неумѣренное употребленіе довольно обычнаго папамъ пріема. Вступая въ сношенія съ православными, съ цѣлію привлечь ихъ къ себѣ, папы не рѣдко начинали тѣмъ, что дошло-де до нашего слуха, что вы желаете возсоединиться съ святою матерью... Въ 1224-мъ г. Новгородцы заключили миръ съ Ливонскимъ орденомъ, для чего ихъ послы приходили въ Ригу; миръ утвержденъ былъ отъ имени папы находившимся въ Ригѣ его легатомъ епископомъ Моденскимъ [2]), — и вотъ послы Новгородскіе и превращаются у папы во всѣхъ королей Русскихъ. Такъ какъ при заключеніи мира Новгородцы были стороною побѣжденною и искавшею мира, то весьма возможно, что дипломатическимъ образомъ они изъявляли легату свою готовность соединиться съ Римскою церковію. Не знаемъ, доходило ли до нихъ посланіе папы; если доходило, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что никакого отвѣта не послѣдовало.

Въ 1231-мъ г. папа Григорій IX обращался съ своимъ посланіемъ къ великому князю Владимирскому Юрію Всеволодовичу [3]). Для

[1]) Напечатано въ Historica Russiae Monimenta *Тургенева*, т. I, стр. 20 № XXI.

[2]) *Карамз.* III, прим. 322 (въ текстѣ стр. 116—117, *Соловьевъ* II, изд. 4 стр. 373 нач.).

[3]) Посланіе напечатано въ Historica Russiae Monimenta, т. I стр. 30.

убѣжденія князя онъ употребляетъ тѣ же доводы, что выше Иннокентій, т. е. что единая церковь имѣетъ единаго пастыря въ св. Петрѣ, котораго онъ—папа преемникъ. Но къ догматическимъ доводамъ перваго онъ присоединяетъ доводы политическіе, а именно—что въ случаѣ присоединенія къ Римской церкви, матери всѣхъ вѣрующихъ, князь, какъ государь, щедро будетъ взысканъ милостями и благоволеніемъ его—папы. Побужденіемъ, расположившимъ Григорія обратиться къ Юрію, нѣтъ сомнѣнія, было то, что его миссіонерамъ—братьямъ проповѣдникамъ или Доминиканцамъ удалось тогда водвориться въ Кіевѣ и что тамъ они имѣли съ своей пропагандой нѣкоторый успѣхъ (см. ниже). Но посланіе едва ли не имѣло своимъ послѣдствіемъ того, что содѣйствовало открытію Кіевскихъ интригъ, послѣ чего миссіонеры были изгнаны изъ Кіева.

Всѣ указанныя попытки папъ, несомнѣнно и само собою подразумѣваемо, не имѣли никакого успѣха. Относительно тѣхъ случаевъ, когда мы знаемъ о нихъ не по извѣстіямъ нашихъ лѣтописей, а по сохранившимся въ Ватиканскомъ архивѣ грамотамъ папъ, остается неизвѣстнымъ,—всегда ли намѣреніе было приводимо въ исполненіе, ибо грамоты могли быть писаны, но не отправляемы, или же отправляемы, но не доходили по своему назначенію. Замѣчательна въ этихъ сношеніяхъ одна странность. Наши государи по своему титулу были великіе князья (magni duces). Слѣдовало бы ожидать, что папы будутъ привлекать ихъ къ себѣ обѣщаніемъ титула королевскаго, какъ это они въ другихъ случаяхъ дѣлали. Однако здѣсь они не только этого не дѣлаютъ, но и прямо называютъ нашихъ великихъ князей и даже просто князей королями. Остается непонятнымъ, съ какой стати они усвояютъ нашимъ князьямъ титулъ королей, который они обыкновенно признавали только за тѣми государями, которымъ давали его сами [1]).

Папы дѣлали попытки подчинить Русскую церковь своей власти.

---

[1]) Папа Григорій IX, спеціально старающійся привлечь Юрія Всеволодовича къ союзу съ Римскою церковію обѣщаніемъ земныхъ выгодъ, называетъ его, какъ и другіе папы другихъ русскихъ государей, королемъ и не обѣщаетъ ему вѣнца королевскаго, а только то, что ecclesia Romana te ut magnum in ecclesia Dei principem habere proponit et diligere ut filium specialem. Называютъ королями Русскихъ государей и древніе латинскіе писатели,—Титмаръ, Петръ Даміани и другіе (см. выше стр. 103, извлеченія изъ западныхъ лѣтописей объ Ольгѣ, также житіе Оттона Бамбергскаго въ Acta SS. Болландистовъ, Julii t. I p. 391). Всѣхъ князей титулуетъ королями Гонорій III, адресуя свое посланіе ad omnes reges. По послѣ нашествія Монголовъ королевскій вѣнецъ, какъ извѣстно, явился на сцену (Даніилъ Галицкій).

Но увы! возможно было и обратное, а именно—чтобы Русскіе государи изъявляли папамъ готовность признать ихъ власть. Средневѣковые папы представляли изъ себя великую силу, къ которой всѣ обращались за помощью. Возможно было покупать эту помощь у папъ и государямъ православнымъ цѣною изъявленія искренней или притворной готовности подчиниться имъ,—и, къ сожалѣнію, государи православные это дѣлали. Нѣтъ ни одного православнаго народа, государи котораго были бы свободны отъ упрека въ этой наклонности жертвовать для своихъ личныхъ интересовъ рѣшительно всѣмъ. Не свободны отъ этого упрека и наши Русскіе государи. Нѣкоторые изслѣдователи съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на то, что примѣры подобной весьма печальной нравственной легкости у насъ весьма не многочисленны. Не многочисленны, это правда; но и у другихъ православныхъ народовъ они не безчисленны, и во всякомъ случаѣ едва ли слѣдуетъ объяснять это нашей особенной доброкачественностью среди другихъ православныхъ народовъ, а не просто нашимъ особенно счастливымъ положеніемъ по отношенію къ папамъ.

За періодъ до-монгольскій извѣстенъ одинъ подобный примѣръ.

Въ 1073-мъ году былъ согнанъ съ велико-княжескаго престола Изяславъ Ярославичъ своими братьями Святославомъ и Всеволодомъ. Онъ отправился искать помощи къ польскому королю Болеславу, который оказалъ ему подобную же помощь весьма незадолго передъ тѣмъ [1]). Но на сей разъ Болеславъ отнялъ у Изяслава значительную часть богатствъ, которыя онъ принесъ съ собою, и указалъ ему дорогу. Изяславъ обратился къ нѣмецкому императору Генриху IV, обѣщаясь, если вѣрить нѣмецкимъ лѣтописцамъ, признать себя данникомъ имперіи [2]); но послѣдній могъ сдѣлать только то, чтобы отправить за него посольство въ Россію, которое принесло богатые дары ему самому и, разумѣется, ничего князю [3]). Тогда Изяславъ, можетъ быть, по совѣту Нѣмцевъ рѣшился обратиться къ папѣ, знаменитому Григорію VII или Гильдебрандту [4]). Изъ сохранившихся документовъ

---

[1]) Въ 1073 году Изяславъ былъ согнанъ съ престола во второй разъ. Въ первый разъ это было въ 1068 г., и онъ возвратилъ тогда престолъ (въ слѣдующемъ 1069 г.) при помощи польскаго короля.

[2]) *Карамз.* II, 47.

[3]) О посольствѣ нѣмецкаго императора къ Святославу наша лѣтопись подъ 1075 г. (*Карамз.* ibidd.).

[4]) Соображая приходъ пословъ императора въ Россію (1075 г.) и даты посланій папы, писанныхъ вслѣдствіе обращенія къ нему Изяслава (тотъ же 1075 г.),

не видно, о чемъ просилъ Изяславъ папу. Но такъ какъ послѣдній могъ помочь ему возвратить престолъ единственно тѣмъ способомъ, чтобы заставить оказать ему помощь польскаго короля, то нѣтъ сомнѣнія, что объ этомъ именно онъ и просилъ папу. Взамѣнъ этого Изяславъ чрезъ своего сына, котораго онъ отправилъ посломъ къ папѣ, подвергалъ свое государство къ стопамъ св. Петра, желая получить его отъ папы, какъ даръ сего послѣдняго, и изъявлялъ готовность признать власть св. престола. Страннымъ и не совсѣмъ понятнымъ образомъ Григорій VII вовсе не показалъ особенной ревности къ тому, чтобы воспользоваться само собою представлявшимся случаемъ присоединить ко владѣніямъ св. Петра нашу Россію, что̀ составляло мечту для другихъ папъ. Онъ написалъ посланіе къ Изяславу [1]), въ которомъ, пріемля имъ предлагаемое, обѣщаетъ ему свою помощь. Однако вовсе не видно, чтобы дѣйствительно заботился доставить Изяславу эту помощь, безъ которой все должно было остаться простыми словами. Вмѣстѣ съ грамотой къ Изяславу онъ написалъ грамоту и королю польскому [2]). Но въ этой послѣдней онъ только увѣщеваетъ короля возвратить Изяславу отнятое богатство и ни слова не говоритъ объ оказаніи ему помощи въ возвращеніи престола [3]). Все дѣло кончилось ничѣмъ, и Изяславъ успѣлъ возвратиться на престолъ безъ помощи папы (въ 1077-мъ г.). Усердный почитатель преп. Ѳеодосія Печерскаго, увы! показалъ себя человѣкомъ вовсе не высокаго нравственнаго характера... О томъ, что Изяславъ выражалъ папѣ готовность признать его власть, мы знаемъ только изъ посланія къ нему самого папы (ибо и вообще о сношеніяхъ мы знаемъ только изъ двухъ сохранившихся и нами указанныхъ посланій папы). На семъ основаніи нѣкоторые наши историки хотѣли бы заподозривать дѣйствительность прискорбнаго факта, полагая, что папа или по недоразумѣнію или по

дѣло должно представлять едва ли не такъ, что великій князь обратился къ императору и въ то же время къ папѣ.

[1]) Напечатано въ Historica Russiae Monimenta *Тургенева*, т. I, № 1 (дата—quintodecimo Kalendas Maji, 1075).

[2]) Напечатана ibid. № 2 (дата XII Kal. Maji, 1075).

[3]) Весьма возможно, что Григорій VII, тонкій политикъ и человѣкъ слишкомъ проницательнаго ума, не придавалъ серьёзнаго значенія Изяславовымъ обѣщаніямъ признать его—папы власть (и видѣлъ въ нихъ то, что̀ они были на самомъ дѣлѣ, т. е. простое притворство). Или же, можетъ быть, ему только не задолго передъ тѣмъ вступившему на престолъ (22 Апрѣля 1073 г.), было еще не до того, чтобы заниматься Россіей.

прямому намѣренію навязываетъ Изяславу такія заявленія и предложенія, которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ не дѣлалъ. Напрасныя и безполезныя сомнѣнія! Какъ скоро мы признаемъ за достовѣрное, что православный государь обращался съ просьбою къ папѣ и былъ имъ выслушанъ, то не только достовѣрно, но и само собою предполагается, что онъ изъявлялъ папѣ искреннюю или притворную готовность признать его власть, ибо единственно подъ этимъ условіемъ папа могъ изъявить готовность оказать ему свою помощь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Примѣчаніе къ стр. 365.

Безспорныя и всѣми признаваемыя истины иногда оказываются въ такомъ положеніи (позволимъ себѣ такъ выразиться), что требуютъ нарочитаго подтвержденія. Въ такомъ именно положеніи находится та истина, что пресвитеры не суть служители епископа, а суть его сотоварищи и соначальники. Поэтому, исполняя обязанность оправдать наши, выше стоящія рѣчи объ отношеніи пресвитеровъ къ епископамъ, мы позволимъ себѣ сдѣлать это съ нѣкоторою обстоятельностію.

Богоучрежденную чрезъ апостоловъ церковную іерархію составляютъ не только епископы, но и пресвитеры съ діаконами. Какъ безъ епископа не можетъ быть церкви (всякой частной, о которой у насъ рѣчь въ данномъ случаѣ), такъ не можетъ ея быть и безъ пресвитеровъ, которые составляютъ такую же необходимую степень церковнаго священства, какъ и первые (Пространный катихизисъ, часть I, о десятомъ членѣ символа вѣры, священство; см. ниже Игнатія Богоносца въ посланіи къ Тралліянамъ). Что же такое составляютъ пресвитеры въ церковной іерархіи? Они не суть служители епископа, ибо таковые суть діаконы (что значитъ и самое имя послѣднихъ, ибо греческое διάκονος по-русски значитъ служитель, слуга; Іоанн. 2, 5. 9: служители на бракѣ въ Канѣ въ греческомъ подлинникѣ διάκονοι [1]). Слѣдовательно, ясно, что они не могутъ составлять ничего иного, какъ его помощниковъ (такъ какъ между служителями и помощниками нѣтъ ничего третьяго), и слѣдовательно затѣмъ ясно, что апостолы по Божественному полномочію учредили въ церкви священноначаліе не единоличное, которое бы состояло въ каждой частной церкви изъ одного епископа, а соборное, которое бы состояло изъ епископа и при немъ собора пресвитеровъ, какъ его необходимыхъ помощниковъ.

Въ церковномъ богослуженіи, въ совершеніи литургіи, пресвитеры до настоящаго времени остаются по отношенію къ епископамъ тѣмъ, чѣмъ они были съ самаго древняго времени и съ самыхъ временъ апостольскихъ, т. е. ихъ сослужителями, а не слугами (какъ діаконы). Но если

---

[1]) 1-го всел. соб. пр. 18: „діаконы суть служители епископа и низшіе пресвитеровъ“.

это такъ, то это представляетъ собою живое и наглядное и, такъ сказать, безусловно убѣдительное доказательство, что и во всемъ остальномъ дѣлѣ церковнаго строенія они были по отношенію къ нимъ тѣмъ же, т. е. ихъ помощниками, потому что представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, чтобы въ одномъ (въ однихъ функціяхъ должности) имъ была усвоена роль помощниковъ епископа, а въ другомъ—его слугъ, и чтобы они были вмѣстѣ и помощниками и слугами, конечно, совершенно невозможно (Алтарь церковный есть не только мѣсто совершенія литургіи, но и вообще мѣсто правительственнаго засѣданія епископа, его какъ бы присутственная зала, ибо въ первое и древнѣйшее время епископы именно въ немъ творили и отправляли все дѣло церковнаго управленія и суда. Но въ этой церковной присутственной залѣ пресвитеры сосѣдятъ епископу на вторыхъ престолахъ [1]). Ясно, что сосѣдающіе епископу суть его товарищи и помощники) [2].

Сейчасъ сказанное нами съ совершенною и несомнительною ясностію подтверждаютъ писанія апостоловъ, представляющія собою верховный и заграждающій всякія уста авторитетъ.

Въ своихъ писаніяхъ апостолы нигдѣ не говорятъ отдѣльно объ епископахъ и отдѣльно о пресвитерахъ, но или объ однихъ епископахъ, при чемъ подразумѣваютъ и пресвитеровъ [3]), или объ однихъ пресвитерахъ, при чемъ подразумѣваютъ и епископовъ [4]), или же объ епископо-пресвитерахъ, употребляя названія епископъ и пресвитеръ, какъ тождезначущія и одно вмѣсто другаго (въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ то одно, то другое) [5]. Что же значитъ это подразумѣваніе пресвитеровъ вмѣстѣ съ епископами и наоборотъ или отождествленіе однихъ и другихъ? Очевидно, оно не можетъ значить ничего инаго, какъ то, что пресвитеры составляли съ епископами одну нераздѣльную власть (такъ что при упоминаніи объ однихъ само собою дается подразумѣвать и становится излишнимъ прямо упоминать другихъ и такъ что при безразличномъ употребленіи одного или

---

[1]) Объ епископскомъ престолѣ въ алтарѣ и о вторыхъ престолахъ (сопрестоліи) пресвитеровъ см. ниже.

[2]) Срf Зонару и Вальсамона въ толкованіи 58-го апост. правила и Пидаліонъ въ примѣчаніи къ тому же правилу. Защитники единолично-неограниченной (абсолютной) власти епископовъ, чтобы легче отдѣлываться отъ пресвитеровъ, имѣютъ наклонность приравнивать послѣднихъ къ діаконамъ. Но въ богослужебной практикѣ они имѣютъ противъ себя въ семъ случаѣ такъ сказать олицетворенное на дѣлѣ и наглядное, а слѣдовательно — уже вовсе непререкаемое свидѣтельство: пресвитеры сосѣдятъ епископу въ алтарѣ, а діаконы не имѣютъ права садиться въ алтарѣ (въ присутствіи епископа и пресвитеровъ, — 1 всел. соб. пр. 18, Лаодик. соб. пр. 20), и имѣли для сего въ древнее время особую комнату,—діаконикъ.

[3]) Филиппис. 1, 1; 1 Тим. 3, 1—7.

[4]) Дѣян. 14, 23; Іак. 5, 14; 1 Петр. 5, 1. 2; 1 Тим. 5, 17. 19.

[5]) Дѣян. 20, 17, 28; Тит. 17, 5. 7.

другаго имени рѣчь ведется объ обоихъ). Такъ именно понимаетъ это и св. Іоаннъ Златоустый. Объясняя 3-ю главу 1-го посланія къ Тимоѳею, гдѣ апостолъ говоритъ объ епископахъ и потомъ, опуская пресвитеровъ, о діаконахъ, онъ пишетъ: „окончивъ рѣчь объ епископахъ и изобразивъ ихъ качества и сказавъ, что̀ они должны имѣть, а чего должны воздерживаться, и опустивъ чинъ пресвитеровъ, (апостолъ) перескочилъ (μετεπήδησε) къ діаконамъ. Почему это? Потому что не велико разстояніе между ними (пресвитерами) и епископами, такъ какъ и они (пресвитеры) восприняли учительство и предстоятельство (т. е. власть учительства и предстоятельства) церкви, и такъ какъ—что̀ сказалъ (апостолъ) объ епископахъ, относится и къ пресвитерамъ; одной хиротоніей (правомъ одной хиротоніи епископы) превосходятъ пресвитеровъ и только симъ однимъ кажутся преимуществующими передъ ними [1]).

Во времена апостольскія, также какъ и всегда впослѣдствіи, въ каждомъ городѣ было по одному епископу (потому что въ древнее время, какъ и всегда впослѣдствіи, церковь каждаго города представляла собою одну частную церковь, а каждая частная церковь можетъ имѣть одного только епископа по той причинѣ, что главныхъ начальниковъ, каковъ есть епископъ въ своей частной церкви, всегда можетъ быть только по одному). Между тѣмъ въ писаніяхъ апостольскихъ мы находимъ: 1. Посланіе къ Филиппісеямъ ап. Павелъ пишетъ всѣмъ святымъ о Христѣ Іисусѣ сущимъ въ Филиппѣхъ съ епископы и діаконы (посланія гл. 1 ст. 1). Очевидно, что тутъ вмѣстѣ съ однимъ дѣйствительнымъ епископомъ Филиппскимъ (города Филиппъ) апостолъ называетъ епископами и пресвитеровъ, какъ это и понимаютъ св. Іоаннъ Златоустъ и бл. Ѳеодоритъ Кирскій [2]).

---

[1]) Ὅτι οὐ πολὺ τὸ μέσον αὐτῶν καὶ τῶν ἐπισκόπων. Καὶ γὰρ καὶ αὐτοὶ διδασκάλιαν εἰσὶν ἀναδεδεγμένοι καὶ προστασίαν τῆς ἐκκλησίας, καὶ ἃ περὶ ἐπισκόπων εἶπε, ταῦτα καὶ πρεσβυτέροις ἁρμόττει. Τῇ γὰρ χειροτονίᾳ μόνῃ ὑπερβεβήκασι καὶ τούτῳ μόνον δοκοῦσι πλεονεκτεῖν τοὺς πρεσβυτέρους. На 1 посланіе къ Тимоѳею Бесѣда 11 сначала, Montfauc. editio Parisina altera, t. XI, p. 666 (b).

[2]) Первый въ 1 Бесѣдѣ на посланіе къ Филиппісеямъ,—ed. Montfauc. Parisina altera, t. XI p. 224, второй въ толкованіи того же посланія, у *Миня* въ Патрол. t. 82 p. 560. Полагаемъ, что такъ понимаютъ и не только Златоустъ и Ѳеодоритъ, а и большинство древнихъ толковниковъ, потому что иначе понимать нельзя: епископы суть главные начальники и предстоятели частныхъ церквей; а какъ таковыхъ ихъ никогда не могло быть болѣе, какъ только по одному (потому что вездѣ и всегда главный начальникъ можетъ быть только одинъ: Златоустъ и Ѳеодоритъ въ нашихъ мѣстахъ говорятъ о семъ единоепископствѣ нарочитымъ образомъ, см. также 1-го всел. соб. пр. 8 fin.). Единственное извѣстное намъ исключеніе представляетъ собой Епифаній Кипрскій, который по забвенію сейчасъ нами сказаннаго хочетъ утверждать, будто во времена апостольскія было въ иныхъ городахъ (т. е. въ иныхъ частныхъ церквахъ) по нѣскольку епископовъ,—Adversus haereses, lib. III, haeres. LXXI, κατὰ Ἀερίου).

Если и въ конкретномъ случаѣ, обращаясь къ пресвитерамъ извѣстнаго мѣста, апостолъ называетъ ихъ епископами, то, конечно, онъ дастъ знать о совластіи и соначаліи пресвитеровъ епископу съ такою ясностію, яснѣе которой ничего не можетъ быть. 2. Возвращаясь въ Іерусалимъ изъ третьяго апостольскаго путешествія, ап. Павелъ призвалъ въ Мелитъ *пресвитеровъ* Ефесскихъ и преподалъ имъ наставленіе внимать стаду, въ которомъ Духъ св. поставилъ ихъ *епископами* пасти церковь Господа и Бога (Дѣян. 20, 17. 28). Здѣсь вмѣстѣ съ однимъ епископомъ Ефесскимъ разумѣется и соборъ пресвитеровъ; слѣдовательно, къ епископу и собору пресвитеровъ апостолъ обращается какъ къ единому и нераздѣльному собору начальниковъ. 3. Въ первомъ посланіи къ Солунянамъ ап. Павелъ увѣщеваетъ послѣднихъ: *молимъ же вы, братіе, знайте труждающихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господѣ* (5, 12). Ясно, что подъ настоятелями вмѣстѣ съ однимъ епископомъ Солунскимъ разумѣется и соборъ пресвитеровъ [1].

Если бы послѣ временъ апостольскихъ мы не имѣли свидѣтельствъ о совластіи пресвитеровъ епископамъ, то подобное отсутствіе свидѣтельствъ означало бы только тотъ печальный фактъ, что сіе совластіе прекратилось тотчасъ послѣ временъ апостольскихъ, и болѣе ничего. Но этого не было и мы имѣемъ свидѣтельства и изъ послѣдующаго времени.

Климентъ Римскій († ок. 100 г.), Поликарпъ Смирнскій († 168) и Ириней Ліонскій († ок. 202) употребляютъ названія епископъ и пресвитеръ совершенно такъ, какъ мы это видимъ въ писаніяхъ апостольскихъ, именно—перечисляя степени церковной іерархіи, называютъ только или епископовъ съ діаконами, подразумѣвая вмѣстѣ съ епископами пресвитеровъ, или пресвитеровъ и діаконовъ, подразумѣвая епископовъ вмѣстѣ съ пресвитерами, и потомъ употребляютъ имена епископъ и пресвитеръ, какъ синонимы, одно вмѣсто другаго [2]). Изъ этого употребленія именъ слѣдуетъ то же самое заключеніе, что и выше.

---

[1]) Совершивъ вмѣстѣ съ Варнавою первое апостольское путешествіе, ап. Павелъ рукоположилъ въ каждую церковь пресвитеровъ, Дѣян. 14, 23. Вмѣстѣ съ пресвитерами онъ рукоположилъ, конечно, и епископовъ; слѣдовательно, подъ пресвитерами разумѣются и епископы, а слѣдовательно — одни съ другими объединяются, какъ власть. Въ 1 посланіи къ Тимоѳею 5, 17, апостолъ называетъ пресвитеровъ (подразумѣвая вмѣстѣ съ дѣйствительными пресвитерами и епископовъ) людьми настоятельствующими, начальствующими (οἱ καλῶς προεστῶτες πρεσβύτεροι. Что сами апостолы на Іерусалимскомъ соборѣ сдѣлали свое извѣстное постановленіе по вопросу о томъ, обрѣзываться или не обрѣзываться христіанамъ изъ язычниковъ, при участіи пресвитеровъ Іерусалимской церкви и какъ отъ лица своего, такъ и ихъ—пресвитеровъ написали посланіе христіанамъ Сиріи и Киликіи—Дѣян. 15, 1—29).

[2]) Климентъ Римск. въ 1 посланіи къ Коринѳянамъ, глл. 42, 44 (47) и 57; Поликарпъ въ посл. къ Филиппійцамъ глл. 5 и 6; Ириней Adversus haereses, lib. III, c. 3, и lib. IV, cc. 43 и 44. О Климентѣ и Иринеѣ cfr *Катанскаго* „Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ", стрр. 68 и 115.

Игнатій Богоносецъ († 115) или вообще весьма древній, извѣстный и принимаемый подъ его именемъ, писатель ясно и нарочито учитъ, что епископъ, предстоятель церкви, управляетъ ею съ соборомъ помощниковъ — пресвитеровъ. Въ посланіи къ Ефесеямъ онъ пишетъ: „всячески надлежитъ (вамъ) славить Іисуса Христа, который прославилъ васъ, дабы вы были устроены въ единомъ повиновеніи, дабы вы, повинуясь епископу и собору пресвитеровъ (ἐπισκόπῳ καὶ πρεσβυτερίῳ,—пресвитерству), были освящены во всемъ“ (п. 2). Въ посланіи къ Магнезіянамъ онъ говоритъ, что желалъ бы видѣть при себѣ одного діакона, „потому что онъ повинуется епископу, какъ благодати Божіей, и собору пресвитеровъ (πρεσβυτερίῳ), какъ закону Іисуса Христа“ (п. 2), и потомъ увѣщеваетъ самихъ Магнезіянъ: „старайтесь дѣлать все въ единомысліи съ Богомъ, имѣя епископа предсѣдательствующимъ вмѣсто Бога, и пресвитеровъ занимающими мѣсто собора апостоловъ“ (п. 6). Въ посланіи къ Траллійнамъ онъ пишетъ: „вы повинуетесь епископу, какъ Іисусу Христу.., но необходимо повиноваться и собору пресвитеровъ, какъ апостоламъ Іисуса Христа“ (п. 2), и еще: „почитайте епископа, какъ Іисуса Христа, который есть Сынъ Отчій, пресвитеровъ же (почитайте), какъ соборъ Божій и какъ союзъ апостоловъ, безъ нихъ нѣтъ церкви“ (п. 3). Въ посланіи къ Смирнянамъ: „всѣ послѣдуйте епископу, какъ Іисусъ Христосъ Отцу, и собору пресвитеровъ (πρεσβυτερίῳ), какъ апостоламъ“ (п. 8). Въ посланіи къ Поликарпу Смирнскому, обращаясь къ послѣднему съ просьбою отправить посла въ Антіохію „для изъявленія Антіохійцамъ радости Смирнской церкви о возстановленіи у нихъ мира“, Игнатій пишетъ относительно избранія этого посла: „надлежитъ (тебѣ), богоблаженнѣйшій Поликарпъ, созвать боголѣпнѣйшій совѣтъ и избрать кого-нибудь“... (п. 7), т. е. указывая въ приведенныхъ словахъ на практику своего времени, даетъ знать, что епископы все дѣлали не иначе, какъ совмѣстно съ совѣтами пресвитеровъ.

Св. Кипріанъ Карѳагенскій († 258) не въ наставленіяхъ, адресованныхъ другимъ, а въ своемъ собственномъ поведеніи и въ своихъ заявленіяхъ относительно своихъ правъ и обязанностей является строгимъ исполнителемъ и рѣшительнымъ защитникомъ того апостольскаго узаконенія, что епископъ долженъ управлять ввѣренною ему церковію не иначе, какъ при участіи собора пресвитеровъ. „Отъ начала епископства моего, — говоритъ онъ въ одномъ посланіи къ клиру Карѳагенскому, писанномъ во время удаленія отъ каѳедры по случаю гоненія, — я положилъ ничего не дѣлать по (своему) частному мнѣнію безъ вашего совѣта и (какъ то было обычаемъ въ древнѣйшей церкви) безъ согласія моего народа“, и затѣмъ многократно заявляетъ на словахъ и въ поведеніи, что онъ хочетъ и старается держаться этого правила со всею, такъ сказать скрупулёзною добросовѣстностію [1]). А его абстрактно-положительное ученіе о нашемъ пред-

---

[1]) Посланія Кипріана: 6-е, ad clerum suum de cura pauperum ac confessorum;

метѣ есть то, что истинный христіанинъ долженъ повиноваться епископамъ и священникамъ (episcopis et sacerdotibus obtemperare) [1].

14-е, ad clerum suum, de iis qui ad pacem festinabant; 24-е, ad clerum, de literis praecedentibus Romam missis; 33-е, ad clerum et plebem de Aurelio lectore ordinato; 65-е, ad Rogatianum episcopum de superbo diacono; 66-е, ad clerum et plebem Furnitanorum de Victore (въ изданіяхъ письма Кипріановы располагаются не всегда одинаково; у насъ подъ руками изданіе Рейнгартово, гдѣ письма въ порядкѣ Памеліевомъ).

[1]) Посл. 62-е, ad Pomponium de virginibus, n. 3. Латинскій канонистъ второй половины XI в. Deusdedit въ своемъ Collectio canonum, изданномъ a Pio Martinucci, Venetiis, 1869, приводитъ слѣдующія два опредѣленія Кипріана, сдѣланныя имъ на помѣстныхъ Кареагенскихъ соборахъ и неизвѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ: Firmum decretum (episcopi) esse non potest, quod non plurimorum videbitur habuisse consensum, и потомъ: in minoribus causis sanctiores prudentioresque fratres rectos ad suum episcopus convocet consilium, in majoribus vero omnem fratrum convocet conventum: quod si aliter aegerit, juxta sanctorum canonum decreta irrita et infirma sit ejus sententia, p. 222, n. CII fin.—Если св. Кипріанъ во время своего удаленія отъ каеедры по случаю гоненія поставлялъ клириковъ безъ собора пресвитеровъ, то сіе значитъ вовсе не то, чтобы на дѣлѣ онъ поступалъ вопреки тому, къ чему признавалъ себя обязаннымъ на словахъ, а только то, что въ исключительныхъ случаяхъ онъ считалъ дозволительнымъ отступленіе отъ правила. При этомъ, внѣ-обычнымъ образомъ онъ поставлялъ въ клирики только такихъ людей, мнѣніе о которыхъ собора пресвитеровъ было ему уже положительно извѣстно или въ одобреніи которыхъ пресвитерами не могло быть для него никакого сомнѣнія; о случаяхъ поставленія онъ считалъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія собора пресвитеровъ; наконецъ, онъ совершалъ поставленія не въ собственномъ смыслѣ одинъ, а съ тѣми пресвитерами, которые были при немъ.—Если св. Кипріанъ учитъ, что „епископъ въ церкви и церковь въ епископѣ“ и что „кто не съ епископомъ, тотъ не въ церкви“ (Epist. 69, n. 7), то изъ сего ученія, пріемлемаго всѣми и подтверждаемаго, какъ извѣстно, и канонами (Апост. и др.), вовсе и ровно ничего не слѣдуетъ для защитниковъ абсолютной власти епископовъ (Безъ епископа не можетъ быть церкви, но это вовсе не значитъ наоборотъ, чтобы одинъ епископъ составлялъ всю церковь или всю церковную іерархію. Безъ епископа не можетъ быть церкви, но и епископъ безъ пресвитеровъ не составляетъ церкви. А если случится такой расколъ въ частной церкви, что на одной сторонѣ будетъ епископъ, а на другой всѣ пресвитеры, то это не будетъ значить, чтобы церковь была тамъ, гдѣ епископъ, а будетъ представлять собою тотъ исключительный случай, что извѣстная церковь разрушилась и прекратила свое существованіе. Пресвитеры составляютъ такую же необходимую степень церковнаго священства, какъ и епископы, а безъ необходимаго церковь не можетъ существовать. Если оставшійся одинокимъ епископъ поставитъ (законно) новыхъ пресвитеровъ, церковь снова явится, но снова явится потому, что снова явились въ ней пресвитеры, подразумѣвается, съ правами старыхъ, т. е. тутъ дѣло сводится къ тому, что епископы τῇ χειροτονίᾳ μόνῃ ὑπερβεβήκασι пресвитеровъ—слова Златоуст., см. выше. Епископъ можетъ ста-

Въ такъ называемыхъ Правилахъ апостольскихъ читается предписаніе: „пресвитеры и діаконы безъ воли епископа ничего да не совершаютъ; ибо ему (епископу) ввѣрены людіе Господни и онъ воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ" [1]). Защитники абсолютной власти епископовъ находятъ, что это предписаніе совершенно яснымъ и совершенно безспорнымъ образомъ опредѣляетъ власть епископовъ въ томъ смыслѣ, какъ хотятъ понимать ее они, т. е. какъ власть единоличную и абсолютную. Однако вовсе непонятно, какимъ образомъ они это находятъ. Составляетъ общее правило то, чтобы въ коллегіальныхъ присутствіяхъ члены послѣднихъ ничего не дѣлали безъ своихъ предсѣдателей, потому что иначе эти присутствія вмѣсто своего превосходства надъ единоличными правителями обратились бы въ величайшее зло (по причинамъ всѣмъ понятнымъ) и въ нѣчто совершенно безсмысленное. Если это всегда и непремѣнно такъ въ администраціи мірской, то странно было бы, если бы это иначе было въ администраціи церковной, болѣе совершенной, чѣмъ мірская. Епископъ есть предсѣдатель мѣстнаго церковнаго управленія и изъ этого само собою и необходимо слѣдуетъ, что пресвитеры ничего не могутъ дѣлать безъ его воли. Но если это такъ и совершенно безспорно (не только на основаніи прямаго предписанія, но и простаго здраваго смысла): то какимъ образомъ наоборотъ отсюда слѣдуетъ, чтобы епископъ все могъ дѣлать безъ пресвитеровъ, чтобы пресвитеры совершенно устранялись отъ власти и она исключительно ввѣрялась епископу? Во всякихъ нашихъ коллегіальныхъ присутственныхъ мѣстахъ совѣтники и члены ничего не могутъ дѣлать безъ предсѣдателей: но значитъ ли это, чтобы предсѣдатели все могли дѣлать безъ совѣтниковъ и членовъ? [2]) Такимъ образомъ не ясно ли, что защитники абсолютной власти епископовъ хотятъ видѣть въ предписаніи

вить пресвитеровъ, но безъ пресвитеровъ поставленныхъ (законно) и обладающихъ правами имъ принадлежащими онъ не можетъ быть).

[1]) Пр. 39. Апостольскія правила называются апостольскими не потому, чтобы онѣ были написаны апостолами или по ихъ завѣщанію непосредственными ихъ преемниками, а потому, что онѣ явились въ церкви, спустя много времени послѣ апостоловъ (вѣкъ III—IV: изъ снесенія 26-го апост. правила съ 10 правиломъ Анкирскаго собора, бывшаго въ 314 г., слѣдуетъ, что въ нынѣшнемъ видѣ послѣ сего собора), на основаніи сохранявшагося въ послѣдней апостольскаго преданія. Трулльскій соборъ, окончательно придающій правиламъ вселенско-каноническое значеніе, не называетъ ихъ апостольскими, а преданными намъ именемъ апостоловъ (пр. 2 сначала), срв о сихъ правилахъ Начертаніе церковно-библейской исторіи,—исторія новозавѣтн. церкви, вѣкъ первый, гл. V, 2 изд. стр. 821.—Приведенное предписаніе читается еще въ 57 правилѣ Лаодикійскаго собора.

[2]) На верху древняго епархіальнаго управленія стояли митрополиты, вслѣдствіе чего никому не было дозволено составлять безъ нихъ епархіальныхъ соборовъ (Антіох. соб. прр. 16 и 20 fin). Значитъ ли это, чтобы вся власть на епархіальныхъ соборахъ принадлежала митрополитамъ?

то, чего оно вовсе не говоритъ, и хотятъ выводить изъ него слѣдствіе, которое изъ него вовсе не слѣдуетъ? Къ прискорбію нашихъ защитниковъ, они имѣютъ противъ себя и самыя Правила апостольскія. 4-й канонъ этихъ Правилъ предписываетъ, чтобы приносимые въ церковь на содержаніе клира всякіе жизненные припасы „епископъ и пресвитеры раздѣляли (послѣ самихъ себя) діаконамъ и прочимъ клирикамъ". Ясно, что канонъ понимаетъ и принимаетъ пресвитеровъ, какъ соначальниковъ епископу. 58-й канонъ Правилъ говоритъ: „епископъ или пресвитеръ не рачащій о причтѣ или о людехъ и не учащій ихъ благочестію, да будетъ отлученъ". Если на пресвитеровъ возлагается обязанность рачить о причтѣ и они подвергаются отвѣтственности за неисполненіе обязанности, какъ и епископъ, то, конечно, ясно, что они понимаются какъ соначальники послѣдняго, какъ „сотрудники, данные епископу" (Зонара и Вальсамонъ въ толкованіи на этотъ канонъ) [1].

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что съ весьма древняго времени начали появляться епископы, которые понимали апостольское правило такъ, какъ понимаютъ его защитники абсолютной власти епископовъ, и которые на основаніи этого правила и помимо его (и еще до его появленія въ письмени) стремились къ тому, чтобы присвоить всю власть себѣ и совершенно отстранить отъ нея пресвитеровъ, но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ, т. е. слѣдуетъ только то, что сейчасъ указанные епископы явились въ церкви очень рано. По отношенію къ судебной власти епископовъ защитники ставятъ вопросы: „безусловно ли обязателенъ для епископа въ судномъ дѣлѣ совѣтъ пресвитеровъ и діаконовъ (изъ которыхъ послѣднихъ никто не считаетъ совѣтниками епископа) для того, чтобы приговоръ его получилъ силу и свое надлежащее дѣйствіе?"—„Имѣетъ ли право епископъ привести въ исполненіе судебный приговоръ, относительно котораго между нимъ и его совѣтомъ произошло разногласіе и который слѣдовательно явился не по общему согласію всѣхъ пресвитеровъ и діаконовъ и т. д.?" И даютъ отвѣтъ: „вопросы эти разрѣшаются сами собою: пресвитеры и діаконы могутъ, конечно, не соглашаться съ приговоромъ своего епископа, могутъ обвинять его въ несправедливости его дѣйствій, но не иначе, какъ предъ высшею его властію, предъ соборомъ епископовъ; но ни они, ни самъ подсудимый не имѣютъ никакого права считать постановленное епископомъ рѣшеніе не имѣющимъ дѣйствительнаго и обязательнаго значенія и силы". Смѣшивая матеріи, защитники говорятъ тутъ о двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда приговоромъ епископа и пресвитеровъ или епископскаго суда будетъ недоволенъ самъ подсудимый и когда онъ заявитъ желаніе перенести дѣло апелляціоннымъ порядкомъ въ епархіальный или митрополичій соборъ (епархія — митрополія, см. выше); во-вторыхъ, когда съ мнѣніемъ епископа по какому-нибудь дѣлу не согласятся пресвитеры или когда между самими судьями выйдетъ разногласіе. Говорить въ первомъ случаѣ, чтобы рѣшеніе епископа имѣло обязательную силу и значеніе, понимая это въ томъ смыслѣ, что рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе, значитъ говорить не дѣло, чтобы не сказать болѣе: право апелляціи есть право исканія, чтобы приговоръ былъ отмѣненъ; но какъ онъ будетъ отмѣненъ, когда

Такимъ образомъ, въ Правилахъ апостольскихъ вовсе не говорится того, чтобы епископъ былъ единоличнымъ и неограниченнымъ начальникомъ церкви (своей мѣстной), и напротивъ ясно говорится, что пресвитеры суть соначальники („сотрудники“) епископа. Какъ имѣетъ себя дѣло по нашему вопросу въ остальномъ вселенскомъ канонѣ церковномъ? Въ остальномъ канонѣ мы не находимъ прямыхъ и нарочитыхъ рѣчей, что такое суть пресвитеры по отношенію къ епископамъ—соначальники имъ или ихъ слуги. Но вмѣсто прямыхъ рѣчей мы находимъ въ немъ непрямыя, которыя по своей ясности совершенно замѣняютъ намъ первыя. Василій Великій говоритъ, что міряне вводятся въ клиръ при испытаніи ихъ достоинства пресвитерами (лично и чрезъ посредство діаконовъ) и что только послѣ сего испытанія и „принятія“ пресвитерами они получаютъ посвященіе отъ епископовъ (пр. 89) [1]. Ѳеофилъ Александрійскій говоритъ, что недостойные клирики извергаются, а недостойные міряне отлучаются пресвитерами (прр. 6 и 14), и относительно рукоположенія въ церковныя степени предписываетъ: „относительно имѣющихъ рукополагатися таковой да будетъ уставъ: весь соборъ священнослужителей да согласится и да изберетъ и тогда епископъ да испытываетъ избраннаго и съ согласіемъ священства да совершитъ рукоположеніе среди церкви“... (пр. 7). Если избраніе въ церковныя степени совершается епископами при непремѣнномъ участіи пресвитеровъ; если при ихъ участіи совершается епископами изверженіе изъ клира и отлученіе отъ церкви лицъ недостойныхъ: то ясно, что они суть „сотрудники“ епископовъ, и сотрудники ихъ какъ въ качествѣ правителей, такъ и судей, т. е. иначе сказать—несомнѣнно сотрудники ихъ по всему. Не говоря прямо о пресвитерахъ, какъ о сотрудникахъ епископовъ въ управленіи церквами, остальной канонъ церковный послѣ Правилъ апостольскихъ даетъ намъ это какъ необходи-

---

уже будетъ исполненъ (чрезъ преданіе напр. подсудимаго смертной казни?). Т. е. иначе сказать, право апелляціи на приговоръ необходимо предполагаетъ суспенсію приговора или отстрочку его исполненія (Устава Духовныхъ Консисторій § 171: „если подсудимый объявитъ неудовольствіе на рѣшеніе епархіальнаго начальства и подастъ апелляціонный отзывъ, то исполненіе останавливается и рѣшеніе епархіальнаго начальства представляется Святѣйшему Сѵноду“). Второй случай есть случай прекословія между самими судьями. Въ этомъ случаѣ рѣшеніе епископа не только не имѣло обязательной силы и значенія, но и само вовсе не могло являться: въ случаѣ прекословія между судьями дѣло переносилось (какъ это всегда бываетъ) въ высшую инстанцію—епархіальный соборъ, на обязанности котораго именно лежало „разрѣшать церковныя прекословія“ (Апост. пр. 37), и только этотъ соборъ, разрѣшая вышедшее между епископомъ и пресвитерами несогласіе, постановлялъ свое рѣшеніе.

[1]) Василій Великій говоритъ въ правилѣ противъ предоставленія пресвитерамъ излишней власти, но не отнимаетъ у нихъ власти, дѣйствительно имъ принадлежащей.

мый выводъ изъ того, что онъ предписываетъ относительно завѣдыванія церковными имѣніями. Завѣдываніе церковными имѣніями ввѣряется епископу (Апост. пр. 41), но не иначе какъ при участіи пресвитеровъ (Антіох. соб. пр. 25, Карѳаг. соб. пр. 42, Ѳеофила Алекс. пр. 10). Такимъ образомъ, если завѣдывать церковными имѣніями каноны обязуютъ епископовъ не иначе какъ при участіи пресвитеровъ, то, выражаясь словами одного Апостольскаго канона (41-го), кольми паче слѣдуетъ то, что это сотрудничество пресвитеровъ епископамъ они предполагаютъ необходимымъ въ пасеніи драгоцѣнныхъ человѣческихъ душъ.

Возвращаясь снова къ свидѣтельствамъ неканоническаго авторитета, мы не будемъ приводить ихъ всѣхъ, а приведемъ только болѣе прямыя и болѣе важныя.

Постановленія апостольскія называютъ пресвитеровъ совѣтниками епископа (σύμβουλοι τοῦ ἐπισκόπου), сенатомъ (верховной правительственной коллегіей) и совѣтомъ церкви (συνέδριον καὶ βουλὴ τῆς ἐκκλησίας,— Lib. II, c. 28), и затѣмъ въ нихъ обстоятельно и ясно предписывается относительно суда епископскаго: „да присутствуютъ на судилищѣ (съ вами епископами) и діаконы (подразумѣвается, какъ исполнительные чиновники) и пресвитеры, судя нелицепріятно, какъ люди Божіи, по правдѣ; когда же войдутъ тотъ и другой человѣкъ, у которыхъ есть тяжба (оба тяжущіеся), то пусть каждый станетъ среди судилища, и вы (пресвитеры), выслушавъ ихъ, праведно подайте голоса (ὁσίως ἀνενέγκατε τὰς ψήφους) стараясь обоихъ (тяжущихъ) сдѣлать друзьями (примирить) прежде приговора (ἀπόφασις) епископа, чтобы судъ противъ согрѣшившаго не сдѣлался гласнымъ, потому что епископъ и на судилищѣ имѣетъ соучастникомъ и свидѣтелемъ суда Христа Бога“ (Lib. II, c. 47). Болѣе ясныхъ рѣчей о томъ, что судъ епископовъ долженъ быть судомъ коллегіальнымъ, причемъ пресвитеры, какъ члены суда, подаютъ голоса, а епископъ, какъ его предсѣдатель, произноситъ приговоръ, полагаемъ, быть не можетъ [1]).

---

[1]) И однако защитники единоличной власти епископовъ ухищряются обратить ихъ въ свою пользу! Они, во-первыхъ, находятъ въ высшей степени замѣчательнымъ то, что приговоръ (ἀπόφασις) произноситъ епископъ; во-вторыхъ, о голосахъ, подаваемыхъ пресвитерами, какъ членами суда (ψῆφοι) они говорятъ, что они—пресвитеры „подаютъ и свои мнѣнія касательно судящихся, какъ бы свои убѣжденія или совѣты“. Но что удивительнаго въ томъ, что въ коллегіальномъ присутственномъ мѣстѣ приговоръ произноситъ предсѣдатель, а не кто нибудь изъ членовъ или не всѣ члены поочередно (развѣ это бываетъ гдѣ нибудь иначе?). А говорить, чтобы голоса, подаваемые на судѣ (ψῆφοι), могли значить какъ бы убѣжденія или совѣты, значитъ говорить нѣчто вовсе неизвинительное (вы членъ суда съ правомъ „голоса“: протолкуетъ ли это кто нибудь такъ, что вы членъ суда съ правомъ немного поболтать въ каждомъ изъ его засѣданій?). См. въ Постановленіяхъ апостольскихъ и далѣе послѣ сейчасъ нами указаннаго, до гл. 54. Еще замѣтимъ, что иногда Постановленія апостольскія подразумѣваютъ пресвитеровъ вмѣстѣ съ епископами, кн. II, гл. 30, 42 и 44.

Посланія Игнатія Богоносца дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ,— краткой, которая есть первоначальная или подлинная, и распространенной, которая есть позднѣйшая и относится не ранѣе, какъ къ IV вѣку. По этой второй редакціи въ посланіи къ Тралліанамъ читаемъ: „что такое епископъ, какъ не лице, имѣющее главное начальство и власть надъ всѣмъ, сколько то возможно посильному подражателю Христа Бога? Что такое соборъ пресвитеровъ (πρεσβυτέριον), какъ не священная коллегія (σύστημα,—Corps, Corporation, Collegium, Lex. v. Passow), (что такое они) какъ не совѣтники и не сотоварищи (συνεδρευταί) епископа?.. Итакъ, кто не повинуется имъ, тотъ человѣкъ совершенно безбожный и нечестивый; тотъ презираетъ Христа и его установленіе“ (п. 7).

Блаженный Іеронимъ, державшійся, какъ извѣстно, относительно происхожденія епископовъ своего особаго взгляда, весьма близкаго къ нынѣшнему протестантскому, говоря о своемъ времени, во-первыхъ, буквально повторяетъ приведенныя нами слова Златоустаго, а именно спрашиваетъ: „что дѣлаетъ епископъ, за исключеніемъ посвященія, чего бы не дѣлалъ пресвитеръ?“ [1]); во-вторыхъ, пишетъ: „и мы имѣемъ въ церкви свой сенатъ—соборъ пресвитеровъ“ (et nos habemus in ecclesia senatum nostrum,—coetum presbyterorum) [2].

Существуетъ древнее собраніе правилъ церковныхъ, составленное неизвѣстнымъ или неизвѣстными изъ мѣстныхъ правилъ и мѣстной практики разныхъ частныхъ церквей, въ которомъ до послѣдняго времени видѣли правила IV Карѳагенскаго собора (изъ числа соборовъ, бывшихъ при епископѣ Авреліи, 398 г.) и которое надписывается въ спискахъ: Statuta ecclesiae antiqua или Statuta ecclesiae orientalis. Въ этомъ собраніи между прочимъ читаются правила: a) „епископъ да не слушаетъ никакого дѣла безъ присутствія своихъ клириковъ; иначе да будетъ недѣйствителенъ приговоръ епископа, если онъ не будетъ утвержденъ приговоромъ клириковъ“ (ut episcopus nullius causam audiat absque praesentia clericorum suorum; alioquin irrita erit sententia episcopi, nisi clericorum praesentia confirmetur,—пр. 23); b) „епископъ гдѣ нибудь сидящій не долженъ дозволять (non patiatur), чтобы стоялъ (предъ нимъ) пресвитеръ“ (пр. 34) [3]; c) „при посвященіи пресвитера, когда епископъ благословляетъ его и держитъ руку на его головѣ, то и всѣ пресвитеры, которые присутствуютъ, держатъ свои руки на его головѣ подлѣ руки епископа“ (пр. 3) [4].

---

1) Epist. 146, ad Evangelum.

2) У *Бинг.* I, 273.

3) А относительно діаконовъ, какъ извѣстно, предписывается: „не подобаетъ діакону сидѣти въ присутствіи пресвитера, но съ повелѣніемъ пресвитера сѣсти,— Лаодик. соб. пр. 20.

4) У *Гефеле* въ Concilien-Geschichte, 2 Band, 2 Aufl. S. 68 sqq (*Вальтера* Lehrbuch des Kirchenrechts, § 87).

9-е правило 4-го вселенскаго собора по принятому тексту читается: „Если который клирикъ съ клирикомъ же имѣетъ судное дѣло, то да не оставляетъ своего епископа и да не прибѣгаетъ къ свѣтскимъ судилищамъ; но сперва да предъявитъ свое дѣло у своего мѣстнаго епископа или по изволенію того же епископа избранные обѣими сторонами да составятъ судъ“. Но въ славянскомъ переводѣ Номоканона Іоанна Схоластика правило это читается: „Аще который клирикъ съ клирикомъ тяжу имать, да не оставляетъ своего епископа и къ людскимъ судьямъ (да не) пририщетъ; но преже до скажеть вещь свою епископу, да епископъ повелѣніемъ своимъ призвавъ обѣ страны, хотящался прѣти, съ начальными своими попы праведнѣ да устроитъ“ [1]). Которое изъ двухъ чтеній есть подлинное, мы не знаемъ; но предполагая, что оно есть и то, которое у насъ принято, во всякомъ случаѣ будемъ имѣть несомнѣннымъ, что чтеніе Номоканона Схоластикова, взятое отъ практики и свидѣтельствующее о ней, было весьма распространеннымъ и весьма авторитетнымъ, ибо иначе переводчикъ Номоканона св. Меѳодій, первоучитель Славянскій и архіепископъ Моравскій, конечно, не принялъ бы его [2]). Что наше чтеніе дѣйствительно было распространенно и весьма авторитетно, на это мы имѣемъ и еще одно доказательство: въ Генелевомъ изданіи Кодекса Ѳеодосіева къ закону имперр. Валента, Граціана и Валентиніана отъ 376 г., который Lib. XVI, tit. II, n. 23, и который начинается: Qui mos est caussarum civilium, idem in negotiis ecclesiasticis, приложено слѣдующее interpretatio: Quoties ex qualibet re ad religionem pertinente inter clericos fuerit nata contentio, id specialiter observetur, ut convocatis ab episcopo diœcesanis presbyteris, quae in contentionem venerint, judico terminentur.

Въ Греціи, какъ мы сказали выше, въ продолженіе второй половины X—первой половины XI вѣка соборы пресвитеровъ при епископахъ смѣнились штатами такъ называемыхъ клириковъ или чиновниковъ. Эти штаты клириковъ, ставшіе новыми административно-судебными соборами при епископахъ, оставались у Грековъ до конца XV—начала XVI вѣка, когда мѣста клириковъ при епископахъ, какъ мѣста, доставлявшія доходъ присвоили себѣ міряне (подобно тому, какъ у насъ въ позднѣйшее время мѣста духовныхъ клирошанъ при епископахъ въ качествѣ управителей и судей заняли ихъ свѣтскіе такъ называемые бояре) [3]. Что касается до

[1]) Номокан. тит. 14, ркп. Моск. Дух. Акад. № 54.

[2]) И въ Стоглавникѣ наше правило приводится по чтенію Номоканона Схоластикова, гл. 55, Казанск. изд. стр. 265 (И очень сомнительно, чтобы нынѣ принятое чтеніе было подлиннымъ, ибо остается непонятнымъ то, что епископъ предоставляетъ тяжущимся клирикамъ избирать себѣ третейскихъ судей).

[3]) О правахъ клириковъ по отношенію къ епископамъ въ XII—XIII вѣкѣ см. Вальсамона и Іоанна Китрскаго у *Ралли* и *П.* III, 385 fin. sqq и V, 412 sub fin.; о томъ, что въ XV вѣкѣ они сидѣли съ епископами въ священномъ соборѣ, см. *Георгія Кодина*, ibid. V, 531; о присвоеніи въ началѣ XVI вѣка мѣстъ духовныхъ клириковъ мірянами см. *Аѳанасія Ипсиланти* въ Исторіи Грековъ послѣ взя-

Россіи, и именно Московской, то соборы при епископахъ сейчасъ помянутыхъ клирошанъ—пресвитеровъ исчезли въ ней въ концѣ XIV—началѣ XV вѣка; однако, по крайней мѣрѣ еще до половины XVI вѣка въ ней было признаваемо, что по священнымъ правиламъ святительскій судъ долженъ быть судомъ соборнымъ [1]).

тія Константинополя Турками или въ Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, стрр. 155, 193 sub fin., 208 (подписи подъ актомъ).

[1]) Стоглавъ, гл. 66 fin., 68 и 69, Казанск. изд., стрр. 293, 298—9, 324. Объ отношеніи пресвитеровъ къ епископамъ см. у *Бингама* I, 268 sqq, въ Словаряхъ *Дюканжа* (Graecit. и Latinit.), *Свицера* и *Мартиньи*, у *Чишмана* въ Die Synoden und Episcopal-Aemter и вообще въ археологическихъ книгахъ. Между нашими русскими учеными теорія единоличной и абсолютной власти епископовъ вовсе не есть теорія общепринимаемая, но теорія защищаемая только нѣкоторыми немногими, cfr *митр. Евгенія* Разсужденіе о чинахъ Греко-Россійскія церкви, Моск. 1817 г. изд. стр. 97 sqq, *митр. Филарета* Начертаніе церковно-библейской исторіи,—исторія новозавѣтная, вѣкъ первый, гл. IV, 2-го изд. стр. 817, *архим. Иннокентія* Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка,—вѣкъ вторый, „О степеняхъ іерархіи“ и „Образъ правленія каждой церкви“, изд. 1817 г. стрр. 44 и 46, *Вѣтринскаго* Памятники древней христіанской церкви, томъ I, Спб. 1829, стр. 141 sqq., іеромон. *Павла* О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви, Спб. 1857, стр. 12 sqq и *Павлова (А. С.)* рецензію на книгу *Заозерскаго*: Церковный судъ въ первые вѣка христіанства, помѣщенную въ журналѣ „Критическое Обозрѣніе“, 1879 г. № 4, стр. 3 fin. sqq. Защитники единолично—абсолютной власти епископовъ, не отвергая фактовъ и свидѣтельствъ, вынуждаются признать, что „устройство древняго епархіальнаго суда по церковнымъ памятникамъ представляется не иначе, какъ въ формѣ церковнаго собранія и засѣдающаго въ немъ совѣта церковнаго“. Но въ то же время они учатъ: „основное отличіе судебной власти епископа состоитъ въ томъ, что онъ получаетъ ее непосредственно при рукоположеніи въ санъ епископа, тогда какъ пресвитеры посвященіемъ въ свой санъ получаютъ только такъ сказать правоспособность къ принятію извѣстнаго круга юридическихъ обязанностей, получаютъ только возможность къ прохожденію той или другой должности; но чтобы эта возможность перешла въ дѣйствительность, нужно еще особое полномочіе епископа“. Допустимъ, что послѣднее и справедливо: будетъ ли отсюда слѣдовать тотъ выводъ, который желателенъ защитникамъ? Въ древнее время епископы производили епархіальный судъ не иначе, какъ при участіи совѣтовъ изъ пресвитеровъ; слѣдовательно, это участіе совѣтовъ пресвитерскихъ въ епархіальномъ судѣ древніе епископы признавали для себя обязательнымъ; а слѣдовательно...? Однако; приведенное ученіе, которымъ хотятъ сказать то, что каждый епископъ eo ipso есть епархіальный судія, между тѣмъ какъ изъ пресвитеровъ могутъ участвовать въ судѣ только немногіе, нарочито къ тому призванные, есть не болѣе какъ умышленное или неумышленное недоразумѣніе. Если въ настоящее время (съ котораго берется ученіе) могутъ участвовать въ епархіальномъ судѣ не всѣ пресвитеры, а только нѣкоторые изъ нихъ: то это не значитъ, чтобы пресвитеры получали только правоспособность, а наоборотъ значитъ,что въ настоящее время не всѣ пресвитеры могутъ пользоваться своимъ правомъ (отъ нынѣшняго устройства, вида, епархій, о чемъ говорено нами выше. А что

Такъ называемый „Церковный уставъ“ Владимировъ [1]).

Такъ называемый Церковный уставъ св. Владимира сохранился до настоящаго времени въ весьма большомъ количествѣ списковъ, которые

касается до приведеннаго ученія въ его отвлеченномъ видѣ, независимо отъ исторіи, то для противопоставленія ему мы имѣемъ приведенное выше ученіе Златоустаго). Люди не настолько смѣлы, чтобы отвергать факты и свидѣтельства и поэтому вынуждены признать, что „устройство древняго епархіальнаго суда по церковнымъ памятникамъ представляется не иначе какъ въ формѣ церковнаго собранія и засѣдающаго въ немъ совѣта церковнаго“. Но въ то же время они проповѣдуютъ: „основное отличіе судебной власти епископа состоитъ въ томъ, что онъ получаетъ ее непосредственно при рукоположеніи въ санъ епископа, тогда какъ пресвитеры посвященіемъ въ свой санъ получаютъ только такъ сказать правоспособность къ принятію извѣстнаго круга юридическихъ обязанностей, получаютъ только возможность къ прохожденію той или другой должности; но чтобы эта возможность перешла въ дѣйствительность, нужно еще особое полномочіе епископа“. Итакъ съ одной стороны, епархіальный судъ не иначе какъ церковный совѣтъ, слѣдовательно—пресвитеры непремѣнно участвуютъ въ немъ; а съ другой стороны, пресвитерамъ для сего нужно особое полномочіе епископа, слѣдовательно они могутъ участвовать въ немъ только тогда (только въ тѣ отдѣльные разы), когда пожелаетъ этого епископъ: трудно понять, какъ творцы теоріи не замѣчаютъ своего подобнаго противорѣчія. Но еще труднѣе понять то, какъ они, проповѣдуя о пресвитерахъ знаменитое сейчасъ приведенное, не замѣчаютъ, что проповѣдуютъ не только нѣчто въ высшей степени странное, но и такое, что по всей справедливости заслуживало бы болѣе жестокаго имени. Пресвитеръ, рукополагаемый епископомъ, получаетъ вмѣстѣ съ благодатію св. Духа извѣстныя права; однако, получая эти права, онъ не получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ однажды навсегда права пользоваться ими, но можетъ ими пользоваться только по новымъ, въ каждомъ частномъ случаѣ особымъ дозволеніямъ епископа, такъ что благодать св. Духа преподается ему, такъ сказать, только какъ потенція, для перехода которой всякій частный разъ въ дѣйствительность требуются нарочитыя благословенія (и какъ бы новыя хиротоніи) епископа. Неужели не видятъ творцы теоріи, что говорить подобное значитъ зарапортовываться? (А когда авторъ приведенныхъ выписокъ выражается: „получаютъ возможность къ прохожденію той или другой должности“, тогда какъ у него рѣчь вовсе не о должностяхъ, вовсе не о назначеніи въ благочинные и пр., то онъ показываетъ только, что сбился въ своихъ мысляхъ). Пресвитеръ въ рукоположеніи епископскомъ получаетъ благодать и право совершать литургію и вообще таинства: испрашиваетъ ли онъ потомъ у епископа особаго дозволенія на совершеніе каждой литургіи и на совершеніе всякій разъ каждаго изъ остальныхъ таинствъ? Если нѣтъ, то совершенно то же самое и со всѣми остальными правами, которыя онъ получаетъ.

[1]) Въ 1-мъ изданіи передъ уставомъ Владимировымъ былъ напечатанъ нами „Уставъ бѣлеческій“ митр. Георгія. Но мы находимъ, что болѣе приличное мѣсто ему во второй половинѣ тома, въ которой мы его и напечатаемъ при 2-мъ изданіи этой послѣдней.

находимъ главнымъ образомъ въ Кормчихъ книгахъ, гдѣ ему принадлежало мѣсто и гдѣ онъ помѣщался по праву памятника церковно-юридическаго, а отчасти въ лѣтописяхъ, помѣщавшійся въ качествѣ памятника историческаго, и также въ сборникахъ [1]).

Древнѣйшій, извѣстный въ настоящее время, списокъ Устава читается въ Кормчей книгѣ, написанной во второй половинѣ XIII вѣка, между 1276-мъ и 1294-мъ годами, для Новгородскаго Софійскаго собора и находящейся въ настоящее время въ Московской синодальной библіотекѣ (№ 132) [2].

По этому древнѣйшему списку Уставъ Владиміровъ представляетъ собою слѣдующее: предисловіе о принятіи Владиміромъ христіанства отъ Грековъ и о взятіи у нихъ перваго митрополита Кіеву; о построеніи въ Кіевѣ церкви Богородицы Десятинной и о дарованіи ей десятины; о предоставленіи суду митрополита и епископовъ въ извѣстныхъ дѣлахъ гражданскихъ и въ извѣстныхъ преступленіяхъ уголовныхъ всѣхъ мірянъ, съ настоятельнымъ увѣщаніемъ и заклятіемъ великаго князя къ своимъ чиновникамъ и къ потомкамъ — суда церковнаго не обидѣть; о порученіи епископамъ всякихъ городскихъ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ; о предоставленіи имъ въ полную подсудность (по всякимъ дѣламъ) низшаго духовенства и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; о предоставленіи имъ въ завѣдываніе богоугодныхъ заведеній, съ новымъ увѣщаніемъ и заклятіемъ о необидѣніи суда церковнаго.

Послѣ этого древнѣйшаго списка Устава всѣ другіе извѣстные въ настоящее время списки его принадлежатъ концу XV—XVII вѣку. Позднѣйшіе списки относятся къ этому древнѣйшему такъ: часть списковъ, и именно — значительнѣйшая, представляетъ простое и совершенное его воспроизведеніе въ общемъ, съ нѣкоторыми варіантами въ частностяхъ; въ другой части списковъ уставъ является болѣе или менѣе противъ него

---

[1]) Кромѣ списковъ, указанныхъ преосв. *Макаріемъ* (Истор. т. I, изд. 2 стр. 157 sqq), см. еще Описанія рукописей *Царскаго* и библіотеки Троицкой Лавры (есть списки въ рукописяхъ и нашей Академіи).

[2]) Въ началѣ рукописи, писанной, подразумѣвается, на пергаминѣ, читается запись: „Въ лѣто ҂ѕѱ... (одна или двѣ цифирныя буквы стерты) написаны быша книгы сія повелѣніемъ благовѣрнаго князя Новъгородьскаго Дмитрія, а стяжаніемъ боголюбиваго архіепископа Новъгородьскаго Климента, и положены быша въ церкви святыя Софія на почитаніе священникомъ и на послушаніе крестьяномъ и собѣ на спасеніе души“... См. *Русскк. Достопамм.* 1, 19 и *Ундольскаго* Описаніе. Славянскихъ рукописей Московской Патріаршей библіотеки № 110, помѣщенное въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1867-го г. кн. 2; фотографическій снимокъ записи у *Срезневскаго* въ приложж. къ Древнимъ памятникамъ Русскаго письма и языка. Князь Дмитрій Александровичъ, сынъ Невскаго, умеръ въ 1294-мъ г., архіепископъ Климентъ занималъ каѳедру съ 1276-го по 1299-й г.

(древнѣйшаго списка) сокращеннымъ, при чемъ сокращеніе состоитъ въ томъ, что опускается предисловіе, сокращаются или совсѣмъ опускаются увѣщанія и заклятія о необидѣніи суда церковнаго, опускается о предоставленіи епископамъ мѣръ и вѣсовъ; наконецъ, третья часть списковъ представляетъ особыя редакціи устава противъ списка древнѣйшаго. Этихъ особыхъ редакцій извѣстно въ настоящее время двѣ. Отличія одной изъ редакцій состоятъ въ томъ, что читается свое особое предисловіе къ Уставу, въ которомъ говорится о посыланіи Владиміромъ пословъ для испытанія вѣръ и о привилегіяхъ, усвоенныхъ нашему митрополиту, яко второму патріарху, и что потомъ въ самомъ Уставѣ находятся лишнія рѣчи о дарованіи великимъ княземъ Кіевской Десятинной церкви недвижимыхъ имѣній, а его княгинею всякой безцѣнной кузни и о назначеніи церковнаго богатства [1]). Другая редакція не содержитъ уклоненій отъ древнѣйшаго списка и лишковъ противъ него относительно предметовъ рѣчи, но представляетъ его распространеніе относительно того, что въ немъ есть; именно — распространяется предисловіе, въ которомъ подробнѣе, чѣмъ въ древнѣйшемъ спискѣ, о крещеніи Владиміра (въ Херсонѣ, въ церкви св. ап. Іакова) и о взятіи у Грековъ двухъ митрополитовъ—перваго Михаила и втораго Леонта; весьма значительно расширенъ списокъ дѣлъ и преступленій, предоставляемыхъ суду митрополита и епископовъ, и нѣсколько расширенъ списокъ лицъ, предоставляемыхъ имъ въ полную подсудность; наконецъ, пространнѣе излагаются увѣщанія и заклятія о необидѣніи суда церковнаго [2]).

---

[1]) Редакція устава извѣстна по двумъ спискамъ, см. преосв. *Макарія* Ист. т. I, 2 изд. стр. 158, а одинъ изъ списковъ напечатанъ у него же тамъ же (прилож. п. 8, II, стр. 282). О дарованіи Десятинной церкви недвижимыхъ имѣній, княгинею безцѣнной кузни и о назначеніи церковнаго богатства взято изъ статьи „О церковныхъ судахъ и о десятинахъ“..., *нач.*: „Отъ самое истины слышавъ святыхъ апостолъ и отецъ преданія“, въ которой уставъ Владиміровъ превращается въ историческую запись объ узаконеніяхъ и попеченіяхъ о церкви и духовенствѣ Владиміра и другихъ послѣ него князей (напечатана въ Правосл. Собесѣдн. 1861-го г., ч. II, стр. 434, у насъ подъ руками въ „Мѣрилахъ праведныхъ“ XV в.,— Троицк. Лаврск., № 15, л. 331 об. и Академ. № 187, л. 293 об.).

[2]) Эта редакція извѣстна намъ по пяти спискамъ: напечатанному въ Вивліоѳикѣ, ч. VI, стр. 1 sqq (съ рукописи неисправной, въ которой рѣчи Владиміра о смерти митр. Михаила превращены на первое лицо) и находящимся въ рукописяхъ — Троицк. Лаврск. библіот. № 783, л. 599 об. и Академ. фундам. № 200, л. 23, № 225, л. 12 об. и № 234 л. 33, (надписаніе устава по спискамъ редакціи: „Уставъ по греческимъ Номоканономъ“...). На томъ основаніи, что въ спискахъ редакціи надъ отдѣломъ, въ которомъ перечисляются люди церковные, сдѣлано частное надписаніе: „А сіа люди церковніи по божественнымъ правиломъ предани патріарху или митрополиту или епископу, въ коемь аще предѣлѣ будеть“ (по Лаврск. сп.), составленіе редакціи относятъ къ временамъ патріарховъ. Но Лавр-

Взаимное отношеніе сейчасъ указанныхъ классовъ, на которые раздѣляются списки Устава, несомнительно и очевидно есть слѣдующее: списокъ древнѣйшій съ воспроизводящими его позднѣйшими (которые, какъ мы сказали, образуютъ большинство въ общемъ количествѣ всѣхъ списковъ), представляетъ собою оригиналъ или подлинникъ устава, т. е. этотъ такъ называемый уставъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ его неизвѣстнаго автора; списки, передающіе уставъ въ бо́льшемъ или меньшемъ сокращеніи противъ древнѣйшаго списка, суть позднѣйшія сокращенія оригинала; двѣ особыя редакціи устава противъ древнѣйшаго списка составляютъ позднѣйшія его (устава) редакціи.

Классы списковъ раздѣляются между собою сейчасъ указаннымъ нами образомъ. Отдѣльные списки всѣхъ классовъ имѣютъ свои частные варіанты, при чемъ дѣло находимъ въ такомъ положеніи, что почти нѣтъ двухъ списковъ, которые бы были дословно сходны между собою. Составляя замѣчательную особенность нашего памятника, это показываетъ, что каждый изъ переписчиковъ устава хотѣлъ быть и его редакторомъ и что каждый хотѣлъ по своему разумѣнію его править.

Вотъ древнѣйшій списокъ устава, читаемый въ помянутой Софійско-Новгородской (нынѣ Сунодально-Московской) Кормчей конца XIII вѣка [1]:

ская рукопись, въ которой находится списокъ устава, принадлежала митр. Іоасафу († 1555), изъ чего слѣдуетъ, что у автора подъ патріархомъ должно разумѣть не патріарха русскаго, а греческаго, т. е. понимать дѣло такъ, что онъ хочетъ усвоять данный отдѣлъ устава не только Россіи, но и Греціи. Со всею вѣроятностію должно считать авторомъ редакціи самого митр. Іоасафа (ниже мы сдѣлаемъ нѣкоторыя ссылки на нее, называя ее редакціей Іоасафо́вской).

[1]) Тщательно отмѣчать варіанты позднѣйшихъ списковъ, по сказанному выше объ ихъ происхожденіи, мы не видимъ никакой нужды. Между многими позднѣйшими списками, представляющими въ варіантахъ обработку частныхъ людей, мы имѣемъ списокъ, авторизованный церковною властію XVI в., именно—помѣщенный въ Стоглавникѣ (гл. 63); изъ этого только списка мы и отмѣтимъ варіанты (такъ какъ и уставъ, помѣщенный въ Стоглавникѣ, по разнымъ спискамъ послѣдняго представляетъ свои варіанты, то мы укажемъ наши варіанты по списку изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи наиболѣе авторитетному или представляющему наибольшее ручательство подлинности, именно—по списку, который принадлежалъ знаменитому старцу Троицкаго монастыря второй половины XVI в. Варсонофью Якимову и который въ настоящее время находится въ библіотекѣ Моск. Дух. Академіи,—фундам. библіот. № 194). Мы говорили выше, что когда составитель устава, предоставляя суду митрополита и епископовъ въ извѣстныхъ дѣлахъ гражданскихъ и преступленіяхъ уголовныхъ всѣхъ безъ исключенія мірянъ, ссылается на греческій Номоканонъ, то разумѣетъ подъ Номоканономъ руководства къ гражданскимъ законамъ, помѣщенныя въ Кормчей книгѣ, которыя понимаетъ какъ законодательные акты, опредѣляющіе пространство власти церковной. Въ подлежащихъ мѣстахъ мы сдѣлаемъ указаніе на эти руководства по Никоновской Кормчей книгѣ (причемъ будемъ указывать только главы Кормчей, не называя всякій разъ самыхъ

„Уставъ святаго князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о церковныхъ судѣхъ.

Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се язъ князь Василій, нарицаемы Володимиръ [1]), сынъ Святославль [2]), внукъ Игоревъ, блаженныя княгини Олгы [3]), въспріялъ есмь святое крещеніе отъ Грецьскаго царя [4]) и отъ Фотія патріарха Царегородьскаго, взяхъ първаго митрополита Леона [5]) Кіеву, иже крьсти всю землю Русьскую святымъ крщеньемъ. По-

---

руководствъ, которыя по главамъ имѣютъ себя: гл. 45 — Законъ, Богомъ данный Моусею; гл. 46—Законъ судный людемъ (царя Константина); гл. 49 — Прохиронъ Василія Македонянина; гл. 50 — Еклога Льва Исавра). Печатаемый нами древній списокъ устава Владимирова уже напечатанъ дважды: Карамзинымъ въ 506 примѣч. къ I т. Исторіи и въ I т. Дополненій къ Актамъ Историческимъ.

[1]) Въ Стоглавникѣ: „князь Владимеръ, нареченный во святомъ крещеніи Василей".

[2]) Въ Стоглавн.: „сынъ Святославичь".

[3]) Послѣ „Игоревъ" нѣтъ союза „и" и въ Стоглавникѣ.

[4]) Въ Стоглавн.: „царя Костянтина". Редакторъ списка, помѣщеннаго въ Стоглавникѣ, зналъ имена царей, при которыхъ крестился Владимиръ. Если онъ ставитъ имя одного царя, то это должно понимать такъ, что въ спискѣ, съ котораго онъ списывалъ, стояло также, какъ въ нашемъ древнѣйшемъ, царя, а не царей. Отсюда слѣдуетъ, что „царя" есть оригинальное чтеніе устава, составляющее одно изъ доказательствъ его подложности (такъ какъ Владимиръ крестился не при царѣ, а при царяхъ).

[5]) Въ Стогл.: „Михаила", какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, составляющихъ въ общемъ количествѣ меньшинство. Мы говорили выше, что первымъ нашимъ митрополитомъ поставилъ Михаила вмѣсто Леона или Льва авторъ Степенной книги. За болѣе раннее время этой перемѣны, повидимому, говоритъ то обстоятельство, что Михаилъ называется первымъ митрополитомъ, а Леонъ вторымъ, въ спискѣ устава Владимирова, читаемаго въ рукописи, принадлежавшей митр. Іоасафу (Троицк. Лаврск. № 783, см. выше). Но особая, несомнительно — весьма поздняя, редакція устава, которую представляетъ изъ себя этотъ списокъ, со всею вѣроятностію можетъ быть усвоема самому Іоасафу или кому-нибудь изъ его современниковъ. А такъ какъ наша рукопись могла быть написана, когда Іоасафъ находился уже на покоѣ (низведенный съ каѳедры въ 1542-мъ г., скончался послѣ 13-лѣтняго пребыванія на покоѣ въ нашемъ Троицкомъ монастырѣ въ 1555-мъ г.), то составитель редакціи устава,—былъ ли это онъ самъ или кто-либо изъ его современниковъ,—и могъ уже имѣть въ рукахъ Степенную книгу. Обширное историческое предисловіе къ уставу по нашей редакціи, въ которомъ говорится съ частными подробностями о крещеніи Владимира и о полученіи имъ отъ Грековъ двухъ митрополитовъ, — сначала Михаила, а потомъ Леона, указываетъ на какую-либо историческую книгу, которою пользовался составитель редакціи, а такою историческою книгою могла быть только Степенная книга; при этомъ есть и частные признаки, которые указываютъ (хотя и не рѣшительно), что составитель пользовался Степенною книгою: по этой книгѣ (I, 130) Владимиръ крестился въ Корсуни въ

томь же, лѣтомъ многымъ [1]) минувшемъ, создахъ церковь святыя Богородица Десятинньную и дахъ ей десятину по всей земли Русьстѣй исъ княженія въ сборную церковь: отъ всего [2]) княжа суда десятую вѣкшю, а изъ торгу десятую недѣлю [3]), а изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита [4]) чюдному Спасу [5]) и чюднѣй его Матери. Потомь, разверзше [6]) грецьскыи Номоканонъ, и обрѣтохомъ [7]) въ немь, оже [8]) не подобаеть сихъ судовъ и тяжь князю судити ни бояромъ его ни судьямъ [9]); и язъ, сгадавъ съ своею княгинею съ Анною и съ своими дѣтми [10]), далъ семь ты суды церквамъ,—митрополиту и всѣмъ пискупіямъ [11]) по Русьской

церкви св. Іакова: то же и по нашей редакціи устава (Что касается до списка устава, помѣщеннаго въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, напечатаннаго *кн. Оболенскимъ* въ 9 кн. Временника Общ. Ист. и Древн., въ которомъ митрополитъ есть Михаилъ, стр. 34: то напечатанный списокъ лѣтописца вовсе не „есть точная копія" съ рукописи XIII в., какъ утверждаетъ это кн. Оболенскій, желавшій сдѣлать свое открытіе „драгоцѣнностью", а несомнѣнно представляетъ изъ себя редакцію второй половины XVI в., что кромѣ всего другаго видно и изъ того, что лѣтописецъ надписывается: „лѣтописецъ Русскихъ царей". По палеографическимъ признакамъ относятъ къ первой половинѣ XVI в. нѣкоторыя не имѣющія годовъ рукописи, содержащія нашъ уставъ съ именемъ митр. Михаила. По палеографія есть свидѣтель только приблизительный, который самъ вовсе не ручается за свою точность и допускаетъ ошибки не только на полстолѣтія, но и болѣе чѣмъ на столѣтія).

[1]) „Многимъ" стоитъ рѣшительно во всѣхъ спискахъ, такъ что несомнѣнно должно быть признано за оригинальное чтеніе, принадлежащее самому составителю устава. А такъ какъ Владиміръ приступилъ къ строенію Десятинной церкви вовсе не „лѣтомъ многимъ минувшимъ" послѣ своего крещенія, то это „многимъ" дополняетъ собой число доказательствъ подложности устава.

[2]) Въ Стоглавн.: „десятину изъ всяго (sic) княженіа своего, тако же и по всей земли руской, и со княженіа отъ всего".

[3]) Т. е. право собирать на торгахъ всякіе базарные сборы черезъ девять недѣль въ десятую, или же право получать изъ этихъ сборовъ десятую часть (Боголюбскій, по свидѣтельству лѣтописей,—Лаврент. и Ипатск. подъ 1158-мъ г., дѣйствительно предоставилъ Владимирской церкви Богородицы, „торгъ десятый").

[4]) Въ Стоглавн.: „живота".

[5]) Остается не совсѣмъ понятнымъ, что значитъ въ Уставѣ „Спасу", когда Десятинная церковь была посвящена только Божіей Матери (не было ли въ церкви принесенной изъ Греціи иконы чуднаго Спаса?).

[6]) Въ Стоглавн.: „расмотривше".

[7]) „Обрѣтохомъ", т. е. вѣроятно подразумѣвается: съ митрополитомъ.

[8]) Въ Стоглавн.: „въ немъ написано, оже".

[9]) Въ Стоглавн.: „ни бояромъ его ни тіуномъ".

[10]) Въ Стогл.: „и азъ сгадалъ съ своими дѣтми и со всѣми князи и со всѣми боляры".

[11]) Въ Стоглавн.: „церквамъ Божіимъ и отцу своему митрополиту и всѣмъ епископомъ".

земли. А посемь не надобѣ вступатися ни дѣтемъ моимъ ни внучатомъ ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковные ни во всѣ суды ихъ, то все далъ есмь по всѣмъ городомъ [1]) и по погостомъ и по свободамъ, гдѣ [2]) нъ (sic, должно читать: ни) суть христіяне; и своимъ тіуномъ [3]) приказываю, церковнаго суда не обидѣти ни судити безъ владычня намѣстника [4]). А се церковніи суди: роспустъ [5]), смилное [6]), заставанье [7]), умычка [8]) (это слово приписано въ рукописи наверху), пошибанье промежи мужемь и женою о животѣ [9]), въ племени или въ сватьствѣ поимуться [10]), вѣдьство, зелiиничьство, потвори, чародѣянія, волхвованія [11]),

---

[1]) Въ Стоглавникѣ, восполняющемъ очевидный пропускъ нашего списка: „есмь церкви Божіей по всѣмъ"...

[2]) Въ Стоглавн.: „по слободамъ и по всей земли, гдѣ ни"...

[3]) Въ Стогл.: „и своимъ боляромъ и тіуномъ".

[4]) Въ Стогл.: „приказываю судовъ церковныхъ не судити и нашихъ судовъ безъ судей митрополита не судити десятинъ для".

[5]) „Роспустъ"—разводъ (Матѳ. 5, 31 и Марк. 10, 4 до сихъ подъ: „книгу распустную", см. ниже въ Уставѣ Ярославовомъ, § 8, „распускаться"), т. е. дѣла о разводахъ. Никоновской Кормчей гл. 46 л. 376 об., гл. 49 л. 426 и гл. 50 л. 501 об.

[6]) „Смилное" — приданное, отъ „мило" — приданое (Словарь *Восток.*), т. е. тяжбы изъ-за приданаго. Никон. Кормч. гл. 49, л. 421 об. (Неволинъ, по указаніямъ Срезневскаго, придаетъ слову „смилное" значеніе преступной любовной связи между лицами какъ соединенными, такъ и не соединенными бракомъ, т. е. вообще значеніе разврата, распутства,—О пространствѣ церковнаго суда, въ Полн. собр. сочинн. т. VI, стр. 281, прим. 86).

[7]) Т. е. мужемъ „прелюбодѣя со своею женою сплешася", какъ говоритъ Никон. Кормч. гл. 49, л. 488.

[8]) „Умычка" — умыканіе, похищеніе дѣвицъ для брака. Никон. Кормч. гл. 49, л. 487 об.

[9]) „Пошибанье—о животѣ": ссоры и тяжбы (собственно—драка) изъ-за имѣнія или пожитковъ. Въ Стогл.: „заставаніе, пошибаніе, умычки промежу мужемъ и женою о животѣ". Неладное чтеніе, очевидно, явилось такъ, что слово „умычка", стоявшее наверху (какъ въ нашемъ спискѣ), при перенесеніи въ самый текстъ поставлено не на мѣстѣ (редакторы I тома Дополненій къ Актамъ историческимъ, печатая нашъ списокъ устава, сносятъ слово „умычка" въ текстъ, но по не совсѣмъ понятной для насъ причинѣ ставятъ его на томъ же мѣстѣ, на которомъ оно поставлено въ Стоглавникѣ, такъ что и у нихъ „умычка промежи мужемъ и женою"). Никон. Кормч. гл. 49, л. 422 об. (Въ посланіи неизвѣстнаго Владимірскаго епископа къ неназываемому по имени сыну Александра Невскаго читается: „умыканіе, пошибаніе, заставанье, промежю мужемъ и женою чьто будетъ рѣчь о животѣ",—Памятнн. *Павл.* col. 118, т. е. изъ пошибанія дѣлается особое преступленіе).

[10]) Т. е. въ родствѣ или въ сватовствѣ вступятъ въ бракъ. Никон. Кормч. гл. 45 л. 370, гл. 49 лл. 416 об. и 492 и гл. 50 л. 517.

[11]) Въ Стогл.: „вѣдовьство, потворы, чародѣйство, волхованіе, зелейничество". Вѣдьство или вѣдовьство—колдовство вообще (вѣдунство). Зеліиничьство—отрав-

урекания [1]) три: блядцею и зеліи, еретичьство [2]), зубоѣжа [3]), или сынъ отца біеть или матерь или дчи [4]), или снъха свекровь, братья или дѣти тяжються [5]) о задницю [6]), церковная татба [7]), мертвеци сволочать [8]), крестъ посѣкутъ или на стѣнахъ рѣжуть, скотъ [9]) или псы или

ленія и порчи посредствомъ зелія (травъ и кореньевъ). Потвори—устроеніе посредствомъ волшебства дѣйствій „въ мечтѣ" или мечтательныхъ, призрачныхъ,—обморочиваніе (cfr въ Словарѣ *Восток.* сл. потворъ). Чародѣянія—приготовленіе и употребленіе такъ называемыхъ „приворотныхъ" средствъ (чары, очаровывать). Никон. Кормч. гл. 45, л. 371 об., гл. 49 лл. 485 об., 486, 492 об., и гл. 50 л. 517 об.

[1]) Урекание—укореніе, обзываніе.

[2]) Нужно: блядцею и зеліи и еретичьствомъ, какъ это въ Стогл. и въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ. „Зеліи", т. е. зелейничествомъ, отравничествомъ. Подъ еретичествомъ, какъ кажется, разумѣется въ Уставѣ не еретичество въ собственномъ смыслѣ, а злое колдовство, обращенное исключительно на пагубу людей, ибо слово еретикъ, кромѣ его собственнаго значенія, въ древнее время употреблялось (Ипатск. лѣт. подъ 1175-мъ г., 2 изд. стр. 401, въ разсказѣ объ убіеніи Боголюбскаго: „о еретиче!") и до сихъ поръ употребляется у насъ въ бранномъ смыслѣ человѣка отверженнаго, проклятаго (какъ отвержены были отъ церкви и были прокляты ею дѣйствительные еретики), съ приходящимъ понятіемъ человѣка, отдавшаго себя во власть темной силы. — То или другое значеніе имѣетъ въ Уставѣ слово: еретичество, но оно представляетъ собою одно изъ безчисленныхъ доказательствъ подложности Устава, ибо невозможно допустить, чтобы греческое слово еретикъ уже во времена Владиміра до такой степени было усвоено у насъ, что обратилось въ народную брань (Въ Законѣ судномъ, что̀ въ Никоновской Кормчей гл. 46., по нѣкоторымъ спискамъ послѣдняго читается: „Иже етеру человѣку речеть: еретиче! да ударить и́ ноже́мъ, аще ли предъ судья идеть (ударенный), да подъиметь глаголавый, еже было еретику подъяти, да ся тепеть твердо",—Русскія Достопам. II, 181).

[3]) Іоасафовская редакція поясняетъ: „аще въ которой въ сварѣ (ссорѣ, дракѣ) кто кого зубомъ ястъ" (Вивліоѳ. VI, 4).

[4]) Въ Стогл.: „или матерь дщерь біетъ". Никон. Кормч. гл. 45, л. 364.

[5]) Въ Стоглавн.: „свекровь, или кто уречется скверными словесы и прилагая отца или матерь, или сестры или дѣти или племя тяжутся"....

[6]) Задница—имѣніе, оставшееся послѣ умершаго, наслѣдство. Никон. Кормч. гл. 49 лл. 444 об. fin., 457 об. 461 sqq, и гл. 50 лл. 498 об., 505, 507 об. sqq.

[7]) Никон. Кормч. гл. 46 л. 376, гл. 49 л. 490 и гл. 50 л. 518 об. (есть рѣчи о церковной татьбѣ,—разумѣется, не какъ о наказаніи, подлежащемъ суду церковной власти, и въ выпискахъ изъ κείμενον'а Номоканона Фотіева,—гл. 44 л. 352 об.).

[8]) Въ Стогл.: „мертвецовъ волочать", т. е. раскапывая свѣжія могилы, совлекають, раздѣвають мертвецовъ („гробные тати"). Никон. Кормч. гл. 45 л. 376, гл. 49 л. 490 и гл. 50 л. 519 (гл. 44 л. 357 об.).

[9]) Въ Стогл.: „посѣкутъ или на стѣнахъ трескы емлють и съ (нужно: изъ) креста, скотъ"... Въ другихъ спискахъ: „посѣкутъ или на стѣнахъ рѣжуть"... „Крестъ посѣкутъ"—срубятъ крестъ, поставленный при дорогѣ (что̀ было въ обычаѣ въ древнее время), на возвышеніи (что̀, можетъ быть, также было въ обычаѣ

потки [1]) безъ великы нужи введеть или ино что неподобно церкви подѣеть [2]), или два друга иметася бити (и) единого жена иметь за лоно другаго и роздавить [3]), или кого застануть съ четвероножиною [4]), или кто молится подъ овиномъ или въ рощеньи или у воды [5]), или дѣвка дѣтя поврьжеть; тѣ всѣ суды церкви [6]) даны суть [7]), князю и бояромъ и судьямъ ихъ въ ты суды нелзѣ вступатися [8]), то все далъ есмь по первыхъ царствъ [9]) уряженью и по вселенскихъ святыхъ семи зборовъ великихъ святитель. Аще кто преобидить нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона Божія и горе собѣ наслѣдують. А своимъ тіуномъ приказываю, суда церковнаго не обидѣти и съ суда [10]) давати 9 частіи князю, а 10-я святѣй церкви [11]). А кто пообидить судъ церковный, платити ему собою, а предъ Богомъ тому же отвѣчати на страшнѣмь судѣ предъ тмами ангелъ, идѣже когождо дѣла не скрыются, благая или злая, идѣже не поможеть никтоже кому, но токмо правда избавить отъ вторыя смерти, отъ

въ древнее время по примѣру Болгаріи,—*пресв. Козма*), на кладбищѣ надъ могилой. Что значить: „на стѣнахъ трески (щепы) емлють изъ креста" или „на стѣнахъ рѣжуть", остается для насъ не совсѣмъ понятнымъ (первое, кажется, вырѣзываніе щепъ изъ крестовъ, поставленныхъ на стѣнахъ церковныхъ совнѣ).

[1]) „Потка" значитъ птица (птаха); въ Стогл. первое слово замѣнено послѣднимъ.

[2]) Трулльск. соб. пр. 88. Въ правилѣ вообще о какихъ бы то ни было животныхъ, но нѣтъ въ частности о псахъ и о поткахъ. О птицахъ есть въ толкованіи на правило Зонариномъ. Если бы предположить, что въ уставъ взято о нихъ изъ Зонары, то это служило бы къ опредѣленію времени появленія устава. Но намъ думается, что прибавку о псахъ и птицахъ должно считать русской прибавкой и понимать дѣло такъ, что у насъ въ первое время христіанства случалось, что позволяли себѣ останавливаться въ церквахъ на ночлегъ охотники съ стаями своихъ собакъ и съ ловчими птицами (какъ въ зданіяхъ болѣе просторныхъ, чѣмъ деревенскія избы.—Въ воспоминаніяхъ сельскаго священника, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" 1880 г., встрѣтили мы, что даже въ не особенно давнее время иные священники коптили въ церквахъ окорока).

[3]) Никон. Кормч. гл. 45 л. 368 fin.

[4]) Никон. Кормч. гл. 45 лл. 369 и 370 об. и гл. 49 л. 492.

[5]) Никон. Кормч. гл. 49 лл. 486 и 487.

[6]) Въ Стогл.: „церквамъ Божіимъ".

[7]) Въ Стогл.: „суть преже насъ по закономъ и правиломъ святыхъ отецъ, христіанскими цари и князи и во всѣхъ христіанскихъ людѣхъ и царю и князю"...

[8]) Въ Стогл.: „вступатися, и азъ то все далъ есмь по первыхъ царей уряженью и по вселенскихъ святитель великихъ, князю и бояромъ и судіамъ не прощено есть отъ закона Божіа вступатися въ тѣ суды. Аще же кто"...

[9]) У Карамзина произвольная поправка: „царей", а въ Дополнн. къ Актт. Исторр. ошибочно: „царевъ".

[10]) Въ Стоглавн.: „съ судовъ гражданскихъ".

[11]) Въ Стоглавн.: „церкви и отцу нашему митрополиту".

вѣчныя муки, отъ хрещенія неспасенаго, отъ огня негасимаго; Господь рече: въ день месть (sic, нужно: мести) вздамь сдержащимъ неправду въ разумѣ, тѣхъ огнь не угаснетъ и червь ихъ не умреть, створшимъ же благая въ жизнь и въ радость неизреченную, а створшимъ злая въ въскрешенье суда, имже, рече, неизмолимъ судъ обрѣсти [1]). Се же [2]) искони уставлено есть и поручено святымъ пискупьямъ [3]) городьскые и торговые всякая мѣрила и спуды и звѣсы [4]), ставила [5]), отъ Бога тако искони уставлено, пискупу [6]) блюсти безъ пакости, ни умалити ни умножити [7]), за все то дати ему слово въ день суда великаго, якоже и о душахъ человѣческихъ [8]). А се церковные люди: игуменъ, попъ, дьяконъ, дѣти ихъ [9]), попадья и кто въ клиросѣ, игуменья, чернець, черница, проскурница, паломникъ, лѣчець, прощеникъ, задшьный человѣкъ, сторонпкъ [10]), слѣпець, хромець, манастыреве, болницѣ, гостинници [11]), страннопріимницѣ,

---

[1]) „А кто пообидить — судъ обрѣсти" въ Стоглавн. нѣтъ.

[2]) Въ Дополнн. къ Актт. Исторр. ошибочно: „Еже".

[3]) Въ Стоглавн.: „искони поручено Богомъ и святителемъ и епископьямъ ихъ городскіе"...

[4]) Въ Стогл.: „вѣсы".

[5]) „Мѣрила"—мѣры протяженія, аршины, сажени; „спуды"—мѣры вмѣстимости, четверики, такъ называемыя маленки; „звѣсы"—вѣсы; „ставила"—гири.

[6]) Въ Стогл.: „и митрополиту".

[7]) „Ни умалити ни умножити" въ Стогл. нѣтъ.

[8]) Никон. Кормч. гл. 45 л. 364 об. Ни въ Греціи ни у насъ епископы никогда не завѣдывали торговыми мѣрами и вѣсами. Но въ Греціи было узаконено имнер. Юстиніаномъ, чтобы образцовые или „казенные" вѣсы и мѣры, по которымъ повѣрялись бы частные вѣсы и мѣры, хранились по городамъ въ церквахъ, — новелла 128, гл. 15, а у насъ если не всегда это такъ было, то иногда бывало,— *Карамз.* къ III т. прим. 244, col. 98 sub fin. sqq, и прим. 248, col. 102, § 28.

[9]) Въ Стогл.: „діаконъ, попадіа, діаконица и дѣти ихъ".

[10]) Въ Стогл.: „черница, понамарь, прощеникъ, баба вдовица, задушный человѣкъ, прикландѣ (sic, нужно: прикладень), сторонникъ"... О прощеникахъ мы говорили выше. „Задушный человѣкъ" можетъ быть понимаемо двояко: или въ смыслѣ холопа, челядинца, пожертвованнаго кѣмъ-нибудь въ церковь или монастырь для спасенія души (за душу, — что въ Стогл. прикладень: у Сербовъ „задушіе"— legatum in animae salutem,—Рѣчникъ *Даничича*, у Чеховъ dušnik—pro anima datus,—*Ербена* Regesta Bohemiae, ч. I, Glossarium); или холопа, вообще отпущеннаго на волю при смерти, въ каковомъ смыслѣ употреблялось у Грековъ слово ψυχικὸς ἄνθρωπος, см. *Дюканжа* Gloss. Graecit. сл. ψυχικόν. „Сторонникъ"—странникъ.

[11]) Въ Стогл. вмѣсто „гостинницы"—„пустынницы". Эту замѣну одного слова другимъ (или эту поправку), какъ кажется, должно объяснять тѣмъ, что редакторъ устава, помѣщеннаго въ Стоглавникѣ, недоумѣвалъ: что могутъ значить гостинницы. И мы съ своей стороны точно также недоумѣваемъ, что онѣ значатъ. Авторъ устава, переносящій въ своемъ воображеніи къ намъ на Русь порядки греческіе, предоставляетъ вѣдѣнію епископовъ богоугодныя заведенія (которыхъ у насъ не

то люди [1]) церковные, богадѣльные, митрополитъ или пискупъ вѣдаеть межи ими судъ или обида или котора [2]) или вражда или задница; аже будеть иному человѣку съ тымъ человѣкомь рѣчь [3]), то обчiи судъ [4]). Кто переступить си правила, якоже есмы управили по святыхъ отець правиломъ и по пьрвыхъ царствъ [5]) управлснью, кто иметь преступати правила си или дѣти мои или правнучата [6]) или въ которомъ городѣ намѣстникъ или тiунъ или судья, а пообидять судъ церковный, или кто иный, да будуть [7]) прокляти въ сiй вѣкъ и въ будущiй семiю зборовъ святыхъ отець вселенскыхъ" [8]).

было). Какъ богоугодное заведенiе, гостинница можетъ значить только домъ и учрежденiе для принятiя бѣдныхъ странниковъ, — то, что по-гречески называлось ξενοδοχίον; но эти учрежденiя или эти ксенодохiи разумѣются у него подъ страннопрiимницами, которыя стоятъ у него рядомъ съ гостинницами. Вѣроятно, дѣло должно понимать такъ, что авторъ устава встрѣчалъ въ рукописяхъ двоякiй переводъ греческаго ξενοδοχίον—словомъ гостинница и словомъ страннопрiимница и что два названiя одного и того же учрежденiя и принялъ за два особыя учрежденiя.

[1]) Въ Стоглавн. „страннопрiимницы и кто порты чернеческiа свержетъ, тѣ люди"...

[2]) „Котора"—ссора, изъ греч. κατάρα.

[3]) „Рѣчь" въ смыслѣ судъ (спорная рѣчь), cfr Словарь *Восток.* подъ сл. рѣчь".

[4]) Въ Стогл.: „митрополитъ вѣдаетъ промежь ими суды или обида которая, то общiй судъ и присудъ нанолы. Аще кто преступитъ"... О томъ, что въ Грецiи богоугодныя заведенiя находились въ вѣдѣнiи епископовъ, мы говорили выше, стр. 580; но чтобы тамъ подлежали суду епископовъ лица, призрѣвавшiяся въ заведенiяхъ (и практиковавшiе въ нихъ, каковъ лечецъ), это остается неизвѣстнымъ, cfr *Неволина* О пространствѣ церковнаго суда, въ Полн. собр. сочинн. т. VI стр. 284. На Западѣ послѣднее дѣйствительно было такъ,—*Невол.* ibid. стр. 286 (слова паломникъ, о происхожденiи котораго см. 2-й половины тома стр. 762, по 1 изданiю, при Владимирѣ, по всей вѣроятности, еще не было въ русскомъ языкѣ).

[5]) Въ Стогл.: „первыхъ православныхъ царей"; у *Карамз.* и въ Дополнн.: „царевъ".

[6]) Въ Стогл.: „правнучата, или князи или боляре или въ которомъ"...

[7]) Въ Стогл.: „а имуть обидити суды церковныя или отъимати, да будутъ"...

[8]) Въ Стогл.: „отъ семи соборовъ"... Наиболѣе вѣроятнымъ мѣстомъ появленiя Устава, какъ замѣчали мы выше, долженъ быть считаемъ Новгородъ. Въ вольномъ городѣ скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, могли дойти до той безцеремонности, чтобы рѣшаться дѣлать подлоги. Власти духовной здѣсь приходилось бороться съ властью мiрскою болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, а слѣдовательно здѣсь были и особыя побужденiя, которыя бы заставили людей прибѣгнуть къ подлогу; въ то же время здѣсь власть духовная отличалась и бóльшимъ, чѣмъ гдѣ-нибудь, стремленiемъ къ многовластiю. А наконецъ, мы имѣемъ и положительныя свидѣтельства, что здѣсь занимались фальсификацiями. Не говоримъ о грамотѣ князя Всеволода Новгородскому Софiйскому собору, которая есть простая (и аляповатая) переправка устава Вла-

Такъ называемый „Церковный уставъ“ Ярославовъ.

Такъ называемый Церковный уставъ вел. князя Ярослава, явившійся послѣ устава Владимирова и вообще, какъ кажется, весьма не рано [1]), былъ распространенъ значительно менѣе, чѣмъ сей послѣдній, а поэтому и дошелъ до насъ въ меньшемъ количествѣ списковъ, хотя вовсе и нельзя сказать того, чтобы въ количествѣ скудномъ [2]). Причиной, почему этотъ второй уставъ, гораздо болѣе благопріятный для церковной власти и гораздо болѣе для нея выгодный, не только не имѣлъ бóльшей распространенности, чѣмъ уставъ Владимировъ, но даже и такой, какъ онъ, вѣроятно, было то, что сами представители церковной власти и сами писцы Кормчихъ книгъ и вообще рукописей сомнѣвались въ его подлинности [3]). Та несообразность, что почти всѣ преступленія облагаются въ немъ двумя наказаніями (денежный штрафъ епископу и казнь отъ князя), не могла не возбуждать сомнѣнія въ людяхъ и самыхъ многовѣрующихъ. Чрезвычайно высокіе денежные штрафы, которыми уставъ облагаетъ преступленія, были весьма привлекательны; но слишкомъ трудно было убѣдить кого нибудь въ томъ, чтобы такса, назначáемая уставомъ, дѣйствительно была подлинной таксой Ярослава...

димирова на имя Всеволода (напечатана для свѣдѣнія преосвящ. *Макаріемъ* въ приложеніяхъ къ 3 т. Исторіи, 2-го изд. стр. 380), но грамота того же Всеволода церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, которая всѣми принимается за подлинную, на самомъ дѣлѣ есть подложная. Въ началѣ грамоты князь пишетъ: „се азъ *князь великій* Гаврилъ, нареченный Всеволодъ, *самодръжець* Мстиславичь, внукъ Володимирь, *владычествующю ми всею Рускою землею* и всею областью Новгородскою“..., и потомъ говоритъ о своихъ будущихъ преемникахъ—Новгородскихъ князьяхъ какъ *о великихъ князьяхъ*; настоятель Юрьева монастыря называется въ грамотѣ архимандритомъ, тогда какъ онъ получилъ санъ архимандрита гораздо позднѣе (а если мы примемъ, что грамота писана до 1131-го г., то въ Антоновомъ монастырѣ, объ игуменѣ котораго говорится въ грамотѣ, еще не было игумена, см. Новгор. 1 лѣтопись подъ симъ годомъ. — Грамота напечатана въ Русскк. Достопп. I, 77 и въ Дополнн. къ Акт. Исторр., т. I, № 3. „Своимъ тіуномъ приказываю, церковнаго суда не обидѣти ни судити безъ *владычня* намѣстника“: эта обмолвка автора Устава вмѣсто: митрополича указываетъ на Новгородъ).

[1]) Болѣе ранняго упоминанія, чѣмъ въ договорной грамотѣ вел. князя Василія Дмитріевича († 1425) съ митр. Кипріаномъ (*Карамз.* къ т. V прим. 233) или Фотіемъ (Троицк. Лаврск. ркп. № 730, л. 462), пока мы не знаемъ (при чемъ достовѣрность самой грамоты не несомнѣнна).

[2]) Указаніе списковъ см. у преосв. *Макарія*, Ист. т. 2, изд. 2 стр. 269 (къ указаннымъ должно прибавить два списка въ Кормчихъ Троицкой Лавры, №№ 205 и 206, и нѣкоторые другіе, наприм. Кирилло-Бѣлозерскій XV в., — Учен. Запис. Акад. Н. V, 54, Сунодальный XVII в.,—у *Саввы* въ Указат., изд. 2 стр. 241 fin.).

[3]) Въ Стоглавникѣ приводится уставъ Владимировъ (гл. 63), но не приводится и не упоминается уставъ Ярославовъ.

Всѣ извѣстные въ настоящее время списки устава Ярославова, состоящаго въ перечисленіи по пунктамъ преступленій и дѣлъ, отдаваемыхъ княземъ суду митрополита и епископовъ, представляютъ одно и то же, съ тѣмъ только различіемъ, что въ однихъ спискахъ пунктовъ болѣе, въ другихъ менѣе (что нѣсколько варіируется изложеніе или редакція текста и что порядокъ пунктовъ не всегда строго одинъ и тотъ же). Но списки различаются между собою введеніемъ къ уставу, которое въ однихъ спискахъ одно, въ другихъ другое.

Который изъ списковъ представляетъ собою оригиналъ автора по этому введенію, нельзя сказать. Мы напечатаемъ древнѣйшій, извѣстный намъ, списокъ устава, именно — находящійся въ Соловецкой Кормчей 1493-го г. (изданный въ Правосл. Собесѣдн. 1861-го г., ч. III, стр. 93 sqq), и къ нему выставимъ разности [1]) изъ четырехъ списковъ: 1) находящагося въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго XVI в. (*Переяславскій* [2], — въ 9 кн. Временника Общ. Ист. и Древн., стр. 42); 2) находящагося въ Румянцевской Кормчей XVI в. (*Румянцевскій*,—у *Востокова* въ Опис. № 232, стр. 295, col 1 fin., напечатанъ *преосв. Макаріемъ* въ прилож. къ 2 т. Ист., 2 изд., стр. 377); 3) помѣщеннаго въ Софійской 1-й лѣтописи того же XVI в. (*Софійскій*,—Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 84 fin. sqq) и 4) напечатаннаго Карамзинымъ по неизвѣстнымъ „лучшимъ спискамъ“ XVI в. (къ т. II прим. 108,—*Карамзинскій*).

Подъ статьями устава мы сдѣлаемъ указаніе на „градскіе законы“ Кормчей книги, въ которыхъ составитель устава видѣлъ свой „Номоканонъ“.

„А се уставъ Ярославль, суды святительскыа.

1. Се азъ князь великый Ярославъ, сынъ Володимеровъ, по данію отца своего сгадалъ есмь съ митрополитомъ Кіевьскымъ и всея Руси Иларіономъ, сложихомъ греческый номоканно (*такъ напечатано*), еже не подобаетъ сихъ тяжь судити князю ни боляромъ его ни судіямъ его; далъ есмь митрополиту и епископамъ роспусты по всѣмъ городомъ, десятую недѣлю мыта къ церкви, къ митрополиту, а людемъ его не даяти мыту нигдѣ, ни тамгы, и осмьничее далъ есмь.

Въ спискѣ Переяславскомъ: Се азъ великій князь Ярославъ, по правиломъ святыхъ отецъ и по записи отца своего помыслихъ грѣховныя вещи и духовны отдати церкви, по слову митрополита отъ судебныхъ книгъ; отдали есмо святителемъ тыа духовныа суды, судити ихъ оприсно мірянъ, развѣе татьбы съ поличнымъ, то судити съ моимъ, тажъ и душегубленіе,

---

[1]) По содержанію, но не по редакціи текста.

[2]) Кн. Оболенскій назвалъ лѣтописецъ лѣтописцемъ Переяславля Суздальскаго, собственно говоря, безъ достаточнаго основанія; но мы удерживаемъ названіе, какъ принятое и извѣстное.

а въ иныя дѣла никакожъ моимъ не вступатися [1]), да не въ проклятіе впадутъ, или дѣти мои или боляре или заказникъ нашъ; аще отъ рода моего вступится, да будетъ проклятъ.

Въ спискахъ Румянцевскомъ, Софійскомъ и Карамзинскомъ (основной текстъ Румянц.): Се азъ великый князь Ярославъ, сынъ Володимеровъ, по данію отца своего, сгадалъ есмь съ митрополитомъ Ларіономъ, сложилъ есмь греческый номоканонъ, иже (*Соф. и Карамз.*: аже) не подобаетъ сихъ тяжь судити князю и бояромъ, далъ есмь митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ въ номоканонѣхъ (*Соф. и Карамз.*: номоканонѣ) по всѣмъ городомъ и по всей области, гдѣ крестьянство (*Соф. и Карамз.*: крестьянство есть).

А се о умычки боярскыхъ дщерей:

2. Аще кто умчитъ дѣвку или понасилитъ, аще боярская дщи будетъ, за соромъ ей 5 гривенъ золота [2]). Аще будетъ меншихъ бояръ [3]), ей гривна золота, а митрополиту гривна золота. А оже добрыхъ людей будетъ, 2 гривни серебра ей за соромъ, а митрополиту рубль [4]), а на умычьницѣхъ по 60 ногатъ [5]) митрополиту, а князь ихъ казнитъ.

Въ спискѣ Переяславскомъ: Сежь святителемь отдано святыми отци: умыканіе, насилованіе, аще будетъ бояръская дщи, за срамъ ей 5 гривенъ злата, а митрополиту такожъ, а меньшихъ бояръ, то гривна злата, а доб

---

[1]) Редакторъ предисловія пишетъ тутъ то, что въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ говорится о судѣ митрополита и епископовъ надъ низшимъ духовенствомъ, т. е. что лица низшаго духовенства митрополитъ и епископы судятъ во всемъ, кромѣ татьбы съ поличнымъ и душегубства (напр. Стогл. гл. 67, Казанск. изд. стр. 294). Относящееся къ духовенству редакторъ распространяетъ на всѣхъ міранъ!

[2]) По изслѣдованіямъ г. Прозоровскаго, въ Новгородѣ въ XIII—XIV вѣкѣ гривна золота заключала въ себѣ восемь гривенъ серебра, а гривна серебра въ Новгородѣ въ XII — XIII в. равнялась нынѣшнимъ 20 рублямъ сер. („Монеты и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія“ въ Запискахъ Импер. Археол. Общества, т. XII вып. 2, стрр. 708 и 711). Слѣдовательно, гривна золота заключала въ себѣ наши 160 рублей сер.

[3]) Бояре великіе и малые были у Болгаръ (Memoir. popp. II., 604 и 605), у Румынъ (Записокъ Одесск. Общ. Ист. т. V, стр. 839 col. 2), можетъ быть—въ Галиціи (Ипатск. лѣт. подъ 1208 нач., какъ кажется, не въ собственномъ смыслѣ, а только описательно). Но такъ какъ уставъ несомнѣнно сочиненъ въ сѣверной Руси, а не въ южной, и болѣе чѣмъ вѣроятно—подъ вліяніемъ западнымъ: то его великіе и малые бояре не суть ли западные Barones majores et minores, о которыхъ см. у *Дюканжа* въ Gloss. Latinit. подъ сл. Baro?

[4]) По *Карамзину*, рубли въ первый разъ упоминаются подъ 1321 г.,—IV, 121.

[5]) По *Погодину*, Новгородская ногата—50 коп. сер. (Древн. Русск. Ист. II, 806), по *Прозоровскому* (въ XV в.)—27 копѣекъ (ibid. стр. 707).

рыхъ людей, гривна серебра, а митрополиту такожъ, а на умытницѣхъ митрополиту по 60 гривенъ, а князь казнитъ.

Въ спискахъ Румянц., Соф. и Карамз.: Аще (*Соф. и Карамз.*: аже) кто умчить дѣвку или насилить, аще боярьская дочка, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а митрополиту (*Соф. и Карамз.*: епископу) 5 гривенъ золота, а меншихъ бояръ гривна золота, а митрополиту (*Соф. и Карамз.*: епископу) гривна золота, добрыхъ людей за соромъ ей 5 гривенъ, а митрополиту (*Соф. и Карамз.*: епископу) 5 гривенъ серебра, а па умычницѣхъ по гривнѣ серебра митрополиту (*Соф. и Карамз.*: епископу), а князь казнитъ.

Никоновск. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимирову.

3. Аще кто пошибаеть боярьскую дщерь или боярьскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а митрополиту такоже, а меньшихъ бояръ—гривна золота, а митрополиту гривна золота, а нарочитыхъ людей—2 рубля, а митрополиту 2 рубля, а простой чади—12 гривенъ кунъ [1]), а митрополиту 12 гривни кунъ, а князь казнитъ.

Въ спискахъ Румянц., Соф. и Карамз.: а нарочитыхъ людей—3 рубли, а митрополиту (епископу) 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а митрополиту (епископу) 15 гривенъ [2]).

4. Аще же пустить бояринъ жену: великыхъ бояръ—за соромъ ей 300 гривенъ, а митрополиту 5 гривенъ золота; меншихъ бояръ—гривна золота, а митрополиту гривна золота; нарочитыхъ людей—2 рубля, а митрополиту 2 рубля; а простой чади—2 гривны, митрополиту 2 гривны, а князь ихъ казнитъ.

Въ спискахъ Румянц., Соф. и Карамз.: аще пуститъ бояринъ великъ жену безъ вины, за соромъ ей 5 гривенъ... а простой чади 15 гривенъ, а митрополиту 15 гривенъ...

Въ спискѣ Переясл.: а простьцю 12 гривенъ, а святителю тажъ, а князь казнитъ, а гривна по пятидесятъ грошъ.

Никоновск. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимирову (роспустъ).

---

[1]) По *Прозоровскому*, Новгородская гривна кунъ (въ XV в.) составляла 2 р. 50 к. сер. (ibid. стр. 708).

[2]) Въ договорѣ Новгородскаго князя Ярослава Владимировича съ Нѣмцами, писанномъ около 1195 г.: „оже пошибаеть мужеску жену любо дчьрь, то князю 40 гривенъ ветхъми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гривенъ ветхыми кунами. Оже сьгренетъ чужее женѣ повои съ головы или дщьри (и) явиться простоволоса, 6 гривенъ старые за соромъ" (*Напіерскаго* Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами, Спб. 1857, № 1, b).

О бляднн:

5. Аще дѣвка блядеть или дѣтяти добудеть у отца и матери, ли и вдовою, такихъ обличивши и же (sic) пояти въ домъ церковный. Такоже и жена безъ своего мужа или при мужи дѣтя добудеть и погубить или утопить, обличивше пояти ю въ домъ церковный, а чимъ ю пакы родъ окупитъ.

Въ спискѣ Переясл.: Аще дѣвицею приживеть и родить дѣтищь у отца и матери, обличивъ пустити въ домъ Божій, такожъ и вдова, олижъ родъ выкупить. *Въ спискахъ Румянц. и Соф.*: Аще въ (у) отца и въ (у) матере дочка дѣвкою дѣтяти добудеть, обличивъ ю, поняти въ домъ церковный, такоже и жонка; а чимъ ю родъ окупить. *Въ спискѣ Карамз. нѣтъ словъ*: такоже и жонка.

6. Аще дѣвка засядеть: великихъ бояръ — митрополиту 5 гривенъ злата, а меньшихъ бояръ—митрополиту гривна злата, а нарочитыхъ людей—митрополиту 2 рубля или 12 гривенъ, а простой чадѣ—митрополиту гривна серебра или рубль.

Въ спискѣ Румянц.:... нарочитыхъ людей—12 гривенъ серебра, а митрополиту 12 гривенъ, а простой чади гривна серебра, а митрополиту гривна серебра. *Въ сп. Переясл.*: Аще дѣвица засядеть великихъ боляръ—митрополиту 5 гривенъ на отци или племени, а нарочитыхъ людей 12 гривенъ, а простыхъ чади рубль. *Въ спп. Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.*

7. Иже дѣвьку кто умолвить къ себѣ и дасть въ толоку (вар. толѣку [1]), на умычници (*читай*: на умолвници) митрополиту—гривна серебра, а на толочанѣхъ по 60, а князь казнитъ.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: на умолвници митрополиту 3 гривны серебра, а дѣвцѣ за соромъ 3 гривны, а на толочанѣхъ по рублю... *Въ сп. Переясл.*: святителю гривну серебра, а дѣвицѣ за срамъ 3 гривны, а на толочанѣхъ по 60 гривенъ.

Никон. Кормч. гл. 45 л. 368, гл. 46 л. 374 и гл. 49 л. 491.

8. Аще мужь отъ жены блядеть; мужь тъ (тотъ) митрополиту въ винѣ, а князь казнитъ.

---

[1]) Слово „толока" имѣетъ нѣсколько значеній. Въ Малороссіи оно значитъ: вопервыхъ, то, что въ Великороссіи называется „помочью" (артельная помощь крестьянъ священникамъ или другъ другу въ жнитвѣ хлѣба); во вторыхъ, непаханое поле (паръ), на которое выгоняютъ скотъ для пастбища (*Закревскій* въ Бандуристѣ). Въ Великороссіи толока значитъ потрава (собственно — помятіе, толочить—мять, спутывать) скотомъ хлѣба на полѣ. Въ уставѣ слово „толока" употребляется въ смыслѣ помочи, но только помочи особаго рода, именно—когда умолвленная дѣвица отдана будетъ въ распоряженіе артели развратниковъ (въ спискѣ устава Кирилло - Бѣлозерскаго монастыря вмѣсто: „дастъ въ толоку" читается: „дастъ ю въ поруганіе", — Записки II Отд. Акад. Н. т. V, послѣдн. счета стр. 55 нач.).

Аще мужь оженится иною женою, а со старою не распустився, и мужь митрополиту въ винѣ, а молодую пояти въ домъ церковныи, а со старою ему жити.

Никон. Кормч. гл. 49 л. 490 fin. и гл. 50 л. 517 fin.

9. Аще пойдеть жена отъ своего мужа за инъ мужь или иметь блясти отъ мужа, ту жену пояти въ домъ церковный, а повожена—въ продажи митрополиту.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

10. Аще будеть женѣ лихый недугъ: или слѣпота или долгая болѣзнь, про то ее не пустити; такоже и женѣ нелзѣ пустити мужа.

11. Аще кумъ съ кумою блудъ творить, митрополиту—12 гривенъ, а про опитимію по закону указано отъ Бога.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: аще кумъ съ кумою блудъ сотворитъ, митрополиту (епископу) гривна золота и въ опитемьи.

Ник. Кормч. гл. 49 л. 490 об. и гл. 50 л. 519 об.

12. Аще кто зажьжетъ гумно или дворъ или иное что, митрополиту 40 гривенъ, а опитимію подъимутъ, а князь ихъ казнитъ [1]).

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту (епископу) 100 гривенъ.

Никон. Кормч. гл. 45 л. 366 об., гл. 46 л. 374 об., гл. 49 л. 492 и гл. 50 л. 518.

13. Аще кто съ сестрою блудъ сотворить, митрополиту 40 гривенъ, а въ опитиміи указаніе по закону.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: епископу 100 гривенъ.

Никон. Кормч. гл. 45 л. 369 об.

14. Аще ближній родъ поймется, митрополиту—30 или 40 гривенъ, а ихъ разлучити, а опитемью да пріимутъ.

Въ сп. Переясл.: святителю гривна, *въ сп. Румянц.:* 8 гривенъ, *въ спп. Соф. и Карамз.:* 80 гривенъ.

Никон. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимирову.

15. Аще кто иметь двѣ женѣ водить, митрополиту 20 гривенъ, а которая подълегла, тую пояти въ домъ церковный, а первую жену дръжати и водити по закону; а иметь ю лихо держати и водити, казнію казнити его.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту (епископу) 40 гривенъ.

Никон. Кормч. гл. 46 л. 374 об. и гл. 49 л. 491 об.

16. Аще мужь роспустится съ женою по своей воли, а будеть ли вѣнцалная, и дадять митрополиту 12 гривенъ, а будеть не вѣнчальны [2]), и митрополиту 6 гривенъ.

---

[1]) Въ Ярославовой Правдѣ (Русскк. Достопп. 1, 52): „Аже зажьжеть гумно, то на потокъ и на разграбежь домъ его: переди пагубу исплатитъ, а въ прочи князю поточити и́, тако же оже кто дворъ зажьжеть.

[2]) Т. е. платитъ штрафъ митрополиту и тотъ, кто расторгнетъ незаконное, безбрачное, сожитіе съ женщиной или бракъ языческій!

Въ сп. Переясл. нѣтъ: а будетъ не вѣнчальны...

17. Аще ли жидовинъ или бесерменинъ будетъ съ рускою или иноязычникъ: на иноязычьницихъ митрополиту 50 гривенъ, а руску пояти въ домъ церковный.

Въ сп. Румянц.: митрополиту 8 гривенъ; *въ спп. Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.*

18. Аще кто сблудитъ съ черницею, митрополиту—40 гривенъ, а въ опитимію вложити.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту 100 гривенъ.

Никон. Кормч. гл. 42 л. 332, гл. 49 л. 490 об. и гл. 50 л. 516 об.

19. Аще кто съ животною (*читай*: животиною) блудъ створитъ, митрополиту 12 гривенъ, въ опитимію и въ казнь по закону.

Никон. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимирову.

20. Аще свекръ съ снохою сблудитъ, митрополиту 40 гривенъ, а опитимію пріиметъ по закону.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту 100 гривенъ.

21. Аще кто съ двѣима сестрама въ блудъ впадетъ, митрополиту 30 гривенъ.

Въ сп. Переясл. этого пункта нѣтъ.

22. Аще деверь съ падчерицею блудитъ, митрополиту 12 гривенъ.

Въ спп. Переясл., Румянц. и Соф. этого пункта нѣтъ.

23. Аще деверь съ ятровью впадетъ въ блудъ, митрополиту 12 гривенъ.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

24. Аще кто съ мачихою впадетъ въ блудъ, митрополиту 12 гривенъ.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту 40 гривенъ.

25. Аще два брата будутъ съ единою женою, митрополиту 30 гривенъ, а жена пояти въ домъ церковный.

Въ сп. Переясл.: святителю 1 гривна; *въ спп. Соф. и Карамз.*: митрополиту 100 гривенъ.

26. Аще отецъ съ дщерью падеться, митрополиту 40 гривенъ, а опитемію пріимутъ по закону.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

О блудѣ съ родственницами Никон. Кормч. гл. 45 л. 369, гл. 49 л. 491 об. и гл. 50 л. 517.

27. Аще дѣвька не всхощетъ замужь, а отецъ и мати силою дадутъ, а что дѣвька учинитъ надъ собою, то отецъ и мати митрополиту въ винѣ, а исторъ има платити; такоже и отрокъ.

А се о пазваны и блядей (*такъ напечатано; должно читать*: о названьи блядью) великихъ и меншихъ и городцкихъ и сельскихъ.

28. Аще ктоназоветъ на имя (*прямо, именно,—называя по имени*) чюжу жену блядію, а будетъ боярьскаа жена великыхъ бояръ, за срамъ ей 5 гривенъ злата, а митрополиту 5 гривенъ злата, а князь казнитъ.

„На имя“ *въ другихъ спискахъ нѣтъ.*

29. Аще будеть меншихъ бояръ, за срамъ 3 гривны злата, а митрополиту 3 гривны злата.

Въ сп. Переясл. этого пункта нѣтъ.

30. А оже будеть городскыхъ людей, за соромъ ей 3 гривны серебра или рубль, а митрополиту такоже.

Въ сп. Переясл.: гривна 1 серебра, а епископу тажъ.

31. А сельской женѣ 60 рѣзанъ [1]), а митрополиту 3 гривны.

Въ сп. Переясл.: а селяницѣ 60 кунъ [2]), а святителю 3 гривны. *Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.*: за соромъ гривна серебра, а митрополиту гривна серебра.

32. Аще пострижеть кто кому главу или бороду, митрополиту 12 гривенъ, а князь казнитъ [3]).

Въ сп. Переясл.: святителю 3 гривны.

А се о крадбахъ разноличныхъ:

33. Аще мужъ иметь красти конопли или лепъ и всякоя (sic) жито, или жена, митрополиту 3 гривны [4]).

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту въ винѣ со князем на полы.

Никон. Кормч. гл. 44 л. 357, гл. 45 л. 367 об. и гл. 50 л. 519 (вообще о кражѣ).

34. Аще мужь крадеть бѣлыи порты и полотна и портища, митрополиту 3 гривны; такоже и жена.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз.: митрополиту въ винѣ съ князем на полы.

35. Аще кто иметь красти свадебное и сговорное,—все митрополиту. А оже про цѣвку (сыръ) краянъ будетъ [5]), за сыръ гривну, а за срамъ ей 3 гривны, а что потеряно, то ей заплатити, а митрополиту 6 гривенъ, а князь казнить.

---

[1]) По *Погодину*, Новгородская рязань—20 копѣекъ (Древн. Рус. Ист. II, 806), а по *Прозоровскому*—15 копѣекъ (ibid. стр. 706).

[2]) По *Погодину*, Новгородская куна — 40 копѣекъ (ibidd.), а по *Прозоровскому*—9 копѣекъ (ibid. стр. 705).

[3]) Въ Ярославовой Правдѣ (Русскк. Достопп. I, 41): „а кто порьвѣть бороду, а выиметь знаменье, а вылѣзуть людье, то 12 гривенъ продаже; аже безъ людіи, а въ поклепѣ, то нѣту продаже.

[4]) Въ Ярославовой Правдѣ (Русск. Достопп. I, 37): „аже крадеть (кто-нибудь) скотъ на поли или козы или свинье, 60 кунъ; будетъ ли ихъ (кравшихъ) много, то всѣмъ по 60 кунъ. Аже крадеть гумьно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ“.

[5]) Т. е. если женихъ откажется отъ невѣсты послѣ того, какъ будутъ сдѣланы „сговоры“.

Въ сп. Переясл. этотъ пунктъ соединенъ съ предшествующимъ и читается: Аще мужъ или жена крадетъ бѣлы порты, полотна и портище, святителю 10 гривенъ, ажъ ли изгородное (*sic*, *читай*: сговорное) и свадебное, то все святителю; аще за дѣвку сыръ краянъ будетъ, а не такъ счинятъ, за сыръ гривна 1, а что истеряли, то заплатятъ, а святителю 6 гривенъ, а князь казнить.

Въ сп. Румянц.: Аще иметь красти свадебное и огородное (sic), бой и убійства, а что учинитися душегубьство [1]), платять вину князю съ митрополитомъ на полы. Аще про дѣвку сыръ будетъ краянъ... *безъ словъ:* а за срамъ ей 3 гривны. *Въ спп. Соф. и Карамз.*: свадебное и сговорное, бой, убійство и душегубство, аже что чинится, платять виру князю съ владыкою на полы.

36. Аще жена у мужа крадеть, а обличить ю, митрополиту 3 гривны, а мужь казнить ю, а про то ихъ не разлучити.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

37. Аще клѣть покрадеть, такоже створяеть ей.

Въ спп. Переясл., Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

38. Аще сноха у свекра крадеть, такоже надъ нею да сотворять.

Въ спп. Переясл., Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

39. Аще жена будеть чародѣйница или наузница и вълъхва или зелейница, или мужъ: доличивъ казнить ю, а не лишится, митрополиту 6 гривенъ.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

40. Аще мужа два біетася женьскы, — любо одереть или укусить [2]), митрополиту 12 гривенъ или гривна (sic).

Въ спп. Переясл., Румянц., Соф. и Карамз.: владыцѣ (митрополиту епископу) 3 гривны.

41. Аще жена мужа біеть, митрополиту 3 гривны.

Въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

42. Аще двѣ жени бьются, митрополиту 60 рѣзанъ или 6 гривенъ на виноватой.

Въ сп. Переясл.: 60 кунъ; *въ спп. Румянц., Соф. и Карамз. этого пункта нѣтъ.*

43. Аще который мужь бьеть чюжую жену, за срамъ ей по закону, а митрополиту 6 гривенъ.

---

[1]) Вѣроятно, разумѣются кулачный бой и убійства, могущія случиться въ этомъ бою.

[2]) Вѣроятно, разумѣются судебные поединки, на которыхъ женщины могли биться особымъ образомъ отъ мужчинъ (о судебныхъ поединкахъ женщинъ въ Новгородской записи о церковномъ судѣ: „жонки съ жонкою присужати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону“, — Акт. Эксп. т. I, № 104, стр. 80).

44. Аще сынъ бьеть отца или матерь, да казнять его властельскою казнію, а митрополиту въ винѣ, да идеть такый отрокъ въ домъ церковный.

Никон. Кормчую см. выше, въ примѣчаніяхъ къ уставу Владимирову.

Въ сп. Переясл. между двумя предшествующими пунктами новый пунктъ: Аще кто біеть священника, за срамъ 5 гривенъ злата; а свекровь сноху бьеть или деверь ятровь, святителю 6 гривенъ (въ Законѣ судномъ, Никон. Кормч. гл. 46, по списку, напечатанному въ Русскк. Достопамм., II, 188: „иже бьеть попа рукою, да ся усѣкаеть рука; аще ли (ни), да дасть 12 златици").

45. Аще чернець или черница или попъ или попадья или вдова или проскурница или пономарь впадуть въ блудъ, тѣхъ судити митрополиту опрочи мірянъ, а въ что ихъ осудить, воленъ.

Въ сп. Переясл.: аще чернець съ черницею сдѣють блудъ, судитъ ихъ святитель, а мірянъ не припущаа, аще и вѣрни суть; или попъ съ нею или попадья съ черцемъ или проскурница, а тихъ такожъ судитъ, а во что осудить—воленъ.

46. Оже ли дѣвька всхощеть замужь, а отець и мати не дадять ей замужь, а что створитъ надъ собою, отець и мати митрополиту въ вини; такоже и отрокъ.

Въ спп. Переясл. и Карамз. этого пункта нѣтъ.

47. Аще попъ или чернець или черница упіется безъ времени въ посты, митрополиту въ винѣ.

Въ сп. Переясл.: аще попъ или инокъ бьется, всегда епископу въ винѣ.

48. Аще кто поганое ясть по своей воли,—или кобылину или медвѣдину или иное что отреченное, митрополиту въ винѣ и въ казни.

49. Аще попъ дѣти крестить въ чюжемъ предѣлѣ у иного попа, развѣе нужда или при болѣзни, а что сотворитъ крещеньское не въ своемъ уѣздѣ, митрополиту въ вини будеть.

Вмѣсто крещеньское *въ Румянц.* священническое; *вмѣсто* уѣздѣ *въ Переясл.* предѣлѣ. *Въ Соф. и Карамз. этой статьи нѣтъ.*

50. А съ некрещенымъ или иноязычникомъ или отъ нашего языка не крещенъ будетъ, ни ясти ни пити съ нимъ, дондеже крестится; а вѣдая кто ясть или піеть, да будетъ митрополиту въ вини.

Въ спп. Соф. и Карамз. этой статьи нѣтъ.

51. Аще кто съ отлученными ясть и піеть, да будетъ самъ отлученъ.

52. Аще кто съ бесерменкою или съ жидовкою блудъ сотворить, а не лишится [1]), отъ церкви отлучится и отъ христіанъ, а митрополиту 12 гривенъ.

---

[1]) Т. е. и не прекратитъ связи, не оставитъ ея.

Въ спп. Соф. и Карамз. этой статьи нѣтъ.

53. Аще чернець и черница ростригется, митрополиту 40 гривенъ.

Въ спп. Соф. и Карамз.:... епископу въ винѣ, во что ихъ обрядитъ. *Въ сп. Румянц. этой статьи нѣтъ.*

А сими винами разлучити мужа съ женою:

Въ сп. Переясл.: А се роспусты изъ намаканона Ярославли отъ правилъ:

54. А се 1 вина. Аще услышить жена отъ иныхъ людей, что думають на царя или на князя, а того мужу своему не скажеть, а опослѣ обличится: за тое разлучити ихъ.

55. А се вина 2. Аще мужь застанетъ свою жену съ любодѣемъ или учинить на ню добрыми послуху исправу: разлучити а.

56. А се 3 вина. Аще подумаеть жена на своего мужа зеліемъ или иными людми, а (или) она имѣть вѣдати, что мужа ея хотять убити или уморити, а мужу своему не скажеть, а напослѣдокъ объявится: разлучити ихъ.

57. А се 4 вина. Аще жена безъ мужня слова иметь съ чюжими людми ходити или пити или ясти или опроче дому своего спати, а потомъ увѣдаетъ мужь: разлучити ихъ.

58. А се 5 вина. Аще жена иметь, опроче мужа своего волѣ, ходити по игрищамъ или во дни или въ нощи, а мужь иметь съчивати [1]), а она не послушаетъ; разлучити ю.

59. А се 6 вина. Аще жена на мужа своего наведетъ тати, велить покрасти мужа своего домъ или сама покрадеть, или товаръ или церковь покрадеть, а инѣмъ подаеть, про то ихъ разлучити.

Въ спп. Соф. и Румянц. нѣтъ этой статьи о винахъ развода.

Никон. Кормч. гл. 46 л. 377, гл. 49 л. 427 об. sqq (статья о разводѣ взята буквально отсюда), cfr гл. 50 л. 501 об.

60. О безадщинѣ церковныхъ людей. А что ся дѣеть въ монастырьскихъ людехъ и въ церковныхъ и въ самѣхъ монастырехъ, да не вступается князь, ни волостель въ тое; то да вѣдають митрополичьи волостели; а беззадщина ихъ пойдеть ко волостелю митрополичю.

Въ сп. Переясл.: ...а безатщина идетъ митрополицимъ заказникомъ. *Въ спп. Соф. и Карамз.:* ...а безатщина ихъ епископу идеть [2]).

Cfr въ Никон. Кормч. гл. 44 л. 359 (выписку изъ 10-й грани, 5-й главы Κείμενον'а Номоканона Фотіева).

61. А се язъ князь Ярославъ указъ (указалъ) по собѣ. Аще кто уставъ мой переступить и уставленье мое порушаеть или сынове мои или

[1]) Съчивати—увѣщевать, уговаривать (нын. счунать).

[2]) Въ Ярославовой Правдѣ (Русскк. Достопп. I, 43): „аще умреть смердъ, то задница князю; аже будуть дчери у него дома, то даяти часть на нѣ, аже будуть замужемъ, то не дати имъ части".

внуцѣ мои или правнуцѣ мои, или отъ рода моего кто или отъ рода болярьскаго болръ моихъ, боляре или простые люди, а порушають моя ряды и уставленно (-ленье) мое мною княземъ Ярославомъ и вступять (ся) въ судъ митрополичь, что есмь далъ митрополиту и епископамъ церковныя суды, по правиламъ святыхъ отець, судивше ихъ по коейждо вини, казнити ихъ по закону тяжцѣ. А кто иметь судити, станеть со мною на страшнѣмь судѣ предъ Богомъ, и да будеть на немь клятва святыхъ отець 318, иже въ Никіи, и всѣхъ святыхъ. Аминь.

Въ спп. Соф. и Карамз. это заключеніе нѣсколько кратче, въ сп. Переясл. значительно кратче, а въ сп. Румянц. его нѣтъ.

Уставъ Ярославовъ южной или Кіевской редакціи.

Первое, извѣстное намъ, упоминаніе объ уставѣ Ярославовомъ южной или Кіевской редакціи читается въ жалованной грамотѣ Мстиславскаго князя Юрія Семеновича Лугвеневича Онуфріевскому монастырю 1443-го г.,— Акты Западной Россіи, т. I, № 43, стр. 58, col. 1 fin. Въ 1499-мъ г., по представленію нареченнаго Кіевскаго митрополита Іосифа Салтана, уставъ подтвердилъ своей грамотой великій князь Литовскій Александръ,—ibid. № 166, стр. 189. Со списка конца XV вѣка уставъ напечатанъ тамъ же,—№ 166, II, стр. 191.

„Свитокъ Ярославль.

Се азъ князь Ярославъ, нареченный во святомъ крещеніи Георгій Владимеровичъ, съ совѣтомъ преосвещеннаго митрополита Кіевского Иларіона и всѣхъ боголюбивыхъ епископовъ Русійскихъ княженія нашего, судихъ написати сія Номоканоны и свитокъ, соблюденія ради опасного правилъ святыхъ Апостолъ и святыхъ богоносныхъ Отецъ, да не попираемы будутъ отъ неискусныхъ. Прежде убо всѣхъ, всѣ епископы княженія нашего, егоже намъ Господь покори, да повинуются преосвещеному митрополиту Кіевскому во всемъ, подъ изверженіемъ отъ сана и отринутіемъ отъ престолъ ихъ, чесому властелемъ, сѣричь [1]), княземъ, боляромъ и судіямъ нашимъ, не супротивлятися, но пособляти, подъ залогомъ на церковъ соборную Кіевскую двохъ тысячей рублей грошей широкихъ. Такожде митрополья и епископская власть цѣла и нерушима да пребудетъ надъ всѣми презвитеры, во предѣлѣхъ ихъ сущими, и не имать никто зъ мірскихъ князей и болярь заступати ни единаго пресвитера въ каковомъ любо дѣлѣ отъ епископа, во егоже предѣлѣ церковъ имать, подъ залогомъ тысячи рублей грошей широкихъ на церковъ соборную, въ нейже пребываетъ епископъ, и погубленіемъ ктиторства. Браку всякого чина людей да не дерзнетъ никто судити, ниже розводити, отъ

---

[1]) Вмѣсто „сирѣчь“.

мірскихъ властелей, подъ залогомъ на церковь соборную епископскую пятисотъ рублей грошей широкихъ: сій бо судъ есть епископскій. Аще кто отъ честнѣйшихъ нашихъ боляръ во брацѣ блудномъ живущи обрящется, сѣричъ, аще мужъ, имый жену живую, ину поиметъ, жена же видущи [1]) о женѣ его прежней, яко жива есть, за него пойдетъ: сія обоя, давши залога на церковъ соборную тысящу рублей грошей широкихъ, розвестися имутъ и жити во покаяніи; аще ли же не восхощутъ, ино ихъ мірская власть судити и казнити имать по своему суду, повелѣвши имъ воздати залогъ онъ на церковъ соборную. Аще ли же кто отъ людей простыхъ обрящется живя во брацѣ беззаконномъ, сихъ епископъ по суду своему да казнитъ залогомъ, елико возможно, или иною казнію, и отъ общаго сожитія ихъ розвести и ко первому браку ихъ причитати, поучивши ихъ, да живутъ во покаяніи. Аще ли же кто отъ сановитыхъ во блудѣ явѣ живетъ, да престанетъ отъ блуда и на церковъ соборную да дастъ вины пятьсотъ рублей грошей широкихъ. Аще ли же простъ человѣкъ, мужъ или жена, обрящется явѣ тожъ творя, да розведется и залога на церковъ соборную да дастъ два рубля грошей широкихъ. Во всемъ княженіи нашемъ да искоренится всякъ беззаконенъ бракъ и блудъ: тѣмъ же преосвѣщенный митрополитъ и боголюбивыи епископы да посылаютъ, кійждо во предѣлѣ своемъ, смотрити сего; и аще гдѣ таково беззаконіе обрящется, исправляти, якоже преднаписашеся. Сія вся суды церковъ да судитъ, такожде и еретичество; княземъ же, боляромъ и судіямъ въ тые суды не вступатися, и во иныя вся, яже суть написана во правилѣхъ святыхъ Апостолъ и святыхъ богоносныхъ Отецъ, и въ сихъ Номоканонѣхъ нашихъ, подъ залогами пяти сотъ рублей грошей широкихъ. Написанъ же бысть свитокъ сей Номокановъ въ лѣто отъ созданія міра 6540-е.

(Списокъ, писанный въ концѣ XV вѣка, на бумажномъ листѣ, мѣлкою и связною скорописью, безъ знаковъ препинанія, вмѣстѣ со спискомъ жалованной великокняжеской грамоты, хранится въ архивѣ Греко-Унитскихъ Митрополитовъ, при Святѣйшемъ Синодѣ, и напечатанъ, какъ мы выше указали, въ I т. Акт. Зап. Росс., № 166, II, стр. 191).

Область суда церковнаго по грамотѣ Ростислава Мстиславича Смоленскаго и по посланію неизвѣстнаго Владимирскаго епископа къ не называемому по имени сыну Александра Невскаго.

Грамота Ростислава Мстиславича представляетъ собою оффиціальный и достовѣрный документъ относительно области суда церковнаго въ половинѣ XII вѣка. Относительно области того же суда въ концѣ XIII вѣка мы имѣемъ неоффиціальный, но болѣе или менѣе достовѣрный документъ

[1]) Вмѣсто „вѣдающе“.

въ помянутомъ посланіи. Оно писано послѣ 1293-го г., ибо въ немъ говорится объ ограбленіи Владимирской соборной церкви, каковое ограбленіе, бывъ учинено Татарами, приведенными сыномъ Невскаго Андреемъ, случилось въ этомъ 1293-мъ году, и до 1300-го года, когда во Владимирѣ на мѣсто епископа сѣлъ самъ митрополитъ (слѣдовательно—или епископомъ Іаковомъ, занимавшимъ каѳедру съ 1288-го по 1295-й годъ, или его преемникомъ Сѵмеономъ, котораго митр. Максимъ при своемъ переселеніи во Владимиръ перевелъ въ Ростовъ, и къ сыну Невскаго именно Андрею, занимавшему великокняжескій престолъ во Владимирѣ съ 1292-го года по 1304-й г.). Нельзя думать, чтобы епископъ, перечисляя въ посланіи къ князю предметы и лица, подлежавшіе суду церковному, совсѣмъ сочинялъ тѣ или другія. Но мы называемъ посланіе документомъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ потому, что епископъ, можетъ быть, положительнымъ образомъ усвояетъ суду церковному такіе предметы, которые тогда еще не принадлежали послѣднему безспорно, а еще составляли предметъ спора между духовной и свѣтской властію (послѣдній случай заставляетъ предполагать и тонъ посланія). Мы сдѣлаемъ здѣсь выписку мѣстъ о пространствѣ церковнаго суда изъ грамоты Ростислава Мстиславича и изъ посланія епископа.

Грамота Ростислава Мстиславича:

„А тяжъ епископлихъ не судити никомуже, судитъ ихъ самъ епископъ. Первая тяжа—роспустъ; другая тяжа—ажъ водить кто двѣ жонѣ; третья тяжа—аще кто поиметсся чрезъ законъ; а четвертая—уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку: што възметь князь, съ епископомъ наполы, или посадникъ что възметь свои тяжи, то съ епископомъ наполы; а пятое—ажъ ту женку, то епископу; шестая — вопросъ, а то епископу, зелья и душегубства—тяжа епископля; семая—ажъ бьетася двѣ женѣ, то епископля тяжа; ажъ церковный человѣкъ дойдетъ чего, то своему епископу; девятая—ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви... Ажъ будетъ тяжа или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю ни посаднику ни тивуну ни иному никому же отъ мала и до велика и по всей области Смоленской“. — Дополн. къ Акт. Ист. т. I, стр. 7, col. 1 нач..

Посланіе епископа Владимирскаго:

„А се пишю ти (сыну князь) другое слово (послѣ слова о томъ, что епископская соборная церковь ограблена и пуста): по правиломъ суды церковныя во всѣхъ крестьянскыхъ людехъ: игумены и игуменьи, попы и дьяконы, черньци и черници; роспустъ, смилное, умыканіе, пошибаніе, заставанье, промежю мужемъ и женою чьто будетъ рѣчь о животѣ, вѣдовьство, зелье, урѣканье бляднею и зельи, еретичьство, зубоѣжа, иже отца и

матерь бьеть сынъ или дчи, братья или дѣти тяжються о задници, церковная татба. То все суды церковныя, даны закономъ Божіимь и прежними цари и великими нашими князи: князю и бояромъ и судьямъ въ тѣ суды нелзѣ въступатися, не прощено имъ отъ закона Божія",—Памятники *Павлова*, № 9, col. 117 fin..

О славянскомъ Номоканонѣ или славянской Кормчей книгѣ домонгольскаго періода.

Греческое названіе номоканонъ,—νομοκανών или въ другой формѣ νομοκάνονον (νομοκανόνιον) образовано (сложено) изъ словъ: νόμος—законъ и κανών—правило и значитъ по-русски—въ первой формѣ: законоправило, во второй формѣ: законоправильникъ. Названіе номоканонъ употребляется въ двухъ смыслахъ—обширномъ и тѣсномъ: въ первомъ смыслѣ называются номоканонами такіе церковные административно-судебные кодексы (уставы), которые заключаютъ въ себѣ не однѣ только правила соборовъ и отцевъ (κανόνες), но и относящіеся къ церкви гражданскіе законы (νόμοι); во второмъ смыслѣ номоканонами называются такіе систематическіе своды правилъ и законовъ въ одно цѣлое, въ которыхъ подъ каждою группою правилъ, обнимающихъ тотъ или другой частный предметъ, приводятся и относящіеся къ предмету законы [1]).

Въ минуту принятія нами отъ Грековъ христіанства у послѣднихъ находились въ общемъ употребленіи два номоканона: неполный Іоанна Схоластика, сначала пресвитера Антіохійскаго, потомъ патріарха Константинопольскаго (565—578) [2]), и полный знаменитаго патріарха Константинопольскаго Фотія (857—867, 878—886, † 891).

---

[1]) Въ обширнѣйшемъ смыслѣ названіе номоканонъ употребляется и объ однихъ правилахъ безъ законовъ и при томъ правилахъ, не только собственно такъ называемыхъ или представляющихъ изъ себя вселенское законодательство церкви, но и не составляющихъ этого законодательства, а лишь болѣе или менѣе принятыхъ въ церкви и лишь пользующихся въ ней большею извѣстностію (аѳонскій номоканонъ, печатаемый при Требникѣ, исповѣдной номоканонъ Іоанна Постника).

[2]) Схоластикъ, т. е. принадлежавшій до поступленія въ духовное званіе къ сословію адвокатовъ, ибо σχολαστικός, въ общемъ смыслѣ означавшее человѣка ученаго, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ употреблялось объ адвокатахъ, какъ объ людяхъ непремѣнно ученыхъ (изучавшихъ краснорѣчіе и право). Что въ древнее время адвокаты по причинѣ своей учености считались одними изъ главныхъ кандидатовъ въ епископы, см. 10 правило Сардикійскаго собора (въ которомъ русское: „ученый" есть переводъ греческаго: σχολαστικὸς ἀπὸ τῆς ἀγορᾶς). Іоаннъ Схоластикъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ Іоанномъ Постникомъ, который былъ вторымъ его преемникомъ и занималъ патріаршую каѳедру съ 582 по 595 г.

Іоаннъ Схоластикъ, во-первыхъ, составилъ систематическій сводъ правилъ или каноновъ, раздѣливъ его по частнымъ предметамъ содержанія послѣднихъ на 50 отдѣловъ, которые назвалъ титлами [1]), во вторыхъ, сдѣлалъ извлеченіе изъ новеллъ импер. Юстиніана относящихся къ церкви законовъ, раздѣливъ его на 87 главъ [2]). Эти сводъ и извлеченіе и составляли его номоканонъ (по употребленію послѣдняго слова въ его обширнѣйшемъ смыслѣ). Въ сводъ Іоанна Схоластика вошли правила: апостольскія, четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ, шести помѣстныхъ соборовъ, именно: Анкирскаго, Неокесарійскаго, Сардикійскаго, Гангрскаго, Антіохійскаго и Лаодикійскаго, и Василія Великаго въ числѣ 68-ми (первыхъ изъ числа нынѣшнихъ 92-хъ) [3]. По своему изложенію сводъ Іоанна Схоластика представляетъ слѣдующее: выставляется цифра или номеръ титла и пишется его оглавленіе, т. е. о чемъ онъ; затѣмъ приводятся одно за другимъ относящіяся къ титлу правила соборовъ, съ обозначеніемъ какого собора правило и какое по счету: титулъ такой-то, о томъ-то; такого-то собора такое-то правило (приводится правило), такого-то собора такое-то правило (приводится правило) и т. д. [4]. Для удобнѣйшаго пріисканія и

---

1) Τίτλος, латинск. titulus, собственно значитъ надпись, ярлыкъ (титло на крестѣ Іисусовомъ); потомъ надпись надъ отдѣломъ книги, самый отдѣлъ... Греческій оригиналъ свода, имѣющаго надписаніе: Συναγωγὴ κανόνων, εἰς ν' τίτλους διῃρημένη напечатанъ въ Bibliotheca juris canonici veteris *G. Voelli et H. Justelli,* T. II, p. 499.

2) Греческій подлинникъ извлеченія, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ имѣющаго пространное описательное надписаніе (какъ это и въ славянскомъ,—Никон. Кормч. гл. 42), въ другихъ: Τὰ κεφάλαια ἐκ τῶν νεαρῶν διατάξεων τῶν περὶ ἐκκλησιαστικῆς διοικήσεως (у ученыхъ Collectio LXXXVII capitulorum) напечатанъ въ изданіи византійскихъ юридическихъ памятниковъ *Г. Е. Геймбаха* подъ заглавіемъ: Ἀνέκδοτα, т. II, p. 202.—Вскорѣ послѣ Іоанна Схоластика неизвѣстный кто-то, воспользовавшись его двумя сейчасъ указанными трудами, составилъ номоканонъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, именно—подъ титлами правилъ его свода (при чемъ самыхъ правилъ не приводитъ въ подлинномъ видѣ, а только указываетъ ихъ) подписалъ (заимствовавъ главнымъ образомъ изъ его извлеченія) относящіеся къ нимъ законы (τὰ συνᾴδοντα νόμιμα). Этотъ номоканонъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, несправедливо усвоявшійся самому Іоанну Схоластику, извѣстенъ подъ его именемъ. Напечатанъ у *Воелла* и *Юстелла* ibid., т. II, p. 603.

3) Роспись соборовъ, вошедшихъ въ сводъ, съ обозначеніемъ количества правилъ каждаго, читается передъ самымъ сводомъ; по гречески ея заглавіе: Ἡ τάξις τῶν συνόδων; въ славянскомъ переводѣ: „Чинъ сборьскъ".

4) Для полной наглядности выписываемъ два первыя титла безъ приведенія правилъ въ полномъ видѣ: Титло 1. О чести, опредѣленной канонами патріархамъ, и что не позволительно кому-нибудь изъ нихъ восхищать епархіи (митрополіи), принадлежащей относительно поставленія и управленія другому, и что уже восхищенныя возвратить обиженнымъ. Собора Никейскаго правило 7: Поелику утвердилось обыкновеніе и древнее преданіе... (приводится правило); того же собора пра-

общаго обозрѣнія тителъ изложеніе правилъ по нимъ предваряется ихъ оглавленіемъ, т. е. перечнемъ или выпискою тѣхъ оглавленій, которыя пишутся надъ самыми титлами (Ὑποτίτλωσις τῶν ν' τίτλων).

Патр. Фотій не былъ составителемъ номоканона, который получилъ отъ него свое имя, но былъ только послѣднимъ, такъ сказать—окончательнымъ его редакторомъ. Номоканонъ этотъ, отъ своего внѣшняго вида носящій названіе 14-тительнаго, состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части—систематическій по предметамъ указатель правилъ или каноновъ, состоящій изъ 14 тителъ, которыя подраздѣляются на главы, и въ указателѣ подъ каждой его главой, съ особымъ надписаніемъ κείμενον'α [1]), или только указаніе или же и сокращенная выписка гражданскихъ законовъ, относящихся къ церкви и именно идущихъ къ данной главѣ [2]); во-

---

вило 6: Да остаются въ силѣ древніе обычаи, принятые въ Египтѣ... (приводится правило); собора Константинопольскаго правило 2: Епископы діоцезальные да не посягаютъ на церкви, находящіяся за предѣлами ихъ областей... (приводится правило); собора Ефесскаго правило 8: Дѣло, вопреки постановленіямъ церковнымъ и правиламъ святыхъ отцовъ... (приводится правило). Титло 2. О чести, опредѣленной канонами митрополитамъ, и о митрополитахъ, производимыхъ царскими грамотами, и что не должно имъ восхищать области, принадлежащія другимъ ни раздѣлять одну епархію (митрополію) на двѣ. Святыхъ апостоловъ правило 34: Епископамъ всякаго народа должно... (приводится правило); Антіохійскаго собора правило 9: Епископамъ каждой митрополіи должно... (приводится правило); Халкидонскаго собора правило 12: Дошло до насъ, что нѣкоторые, вопреки церковнымъ постановленіямъ... (приводится правило); того же собора правило 17: Сельскіе приходы (епископіи) каждой митрополіи или уѣздные... (приводится правило).

[1]) Νόμοι κείμενοι значитъ: существующіе, дѣйствующіе, законы; въ нашемъ случаѣ κείμενον значитъ: существующіе законы относительно церкви.

[2]) Для наглядности вотъ выписка двухъ первыхъ главъ 1-го титла:

Титло 1-е.

О богословіи и о православной вѣрѣ и о канонахъ и о хиротоніяхъ.

Глава 1-я.

О богословіи и православной вѣрѣ: апостольскія правила 49 и 50, собора Константинопольскаго правила 1 и 5, собора Ефесскаго правило 7, собора Кареагенскаго правило 2, собора 6-го правила 1, 73, 81.

Κείμενον

Βιβλίου α' τοῦ κώδικος τίτλ. α' διατ. α.' ε'. στ'. ζ'. καὶ η'. (т. е. гражданскіе законы, относящіеся къ этой главѣ, читаются въ первой книгѣ, первомъ титулѣ и пр., Кодекса Юстиніанова).

Глава 2.

Какіе каноны должны имѣть силу: собора Халкидонскаго правило 1, собора Кареагенскаго правило I, собора 6-го правило 2, собора Никейскаго 2-го правило 2.

Κείμενον

Ἡ γ'. διάταξις τοῦ β' τίτλου τῶν νεαρῶν... (кратко передаются относящіеся къ главѣ законы).

второй части излагаются правила по соборамъ и по отцамъ, т. е. правила каждаго собора и каждаго отца, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, излагаются отдѣльно и всѣ вмѣстѣ. Первая часть, для той же цѣли, что̀ и у Іоанна Схоластика, предваряемая оглавленіемъ, представляетъ собою номоканонъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова (хотя каноны въ ней только и указываются; второй части усвоено названіе синтагмы (σύνταγμα). Этотъ 14-тительный, а по имени своего послѣдняго редактора—Фотіевъ, номоканонъ составленъ былъ неизвѣстнымъ до Трулльскаго собора (692) и въ него вошло все каноническое старшее послѣдняго собора, т. е. не только правила всѣхъ, старшихъ его, соборовъ, но и всѣхъ отцовъ (по отношенію къ соборамъ лишнее противъ Схоластика—помѣстный соборъ Константинопольскій, бывшій при патріархѣ Нектаріи въ 394 г. [1], и соборъ Карѳагенскій; по отношенію къ отцамъ—правила Василія Великаго въ полномъ ихъ нынѣшнемъ составѣ и всѣ прочіе, нынѣ принятые отцы, за исключеніемъ позднѣйшаго—патріарха Константинопольскаго Тарасія). Послѣ перваго составителя номоканона второй, также неизвѣстный, его редакторъ дополнилъ его правилами шестаго (Трулльскаго) и седьмаго вселенскихъ соборовъ и посланіемъ патр. Тарасія (ок. 787 г.). Наконецъ, Фотій придалъ номоканону по отношенію къ полнотѣ тотъ окончательный видъ, который онъ имѣетъ въ настоящее время [2]).

Оба номоканона,—Схоластиковъ и Фотіевъ, были переведены на славянскій языкъ еще до принятія нами христіанства и оба находились у насъ въ употребленіи въ періодъ домонгольскій.

Переводъ номоканона Схоластикова долженъ быть усвояемъ св. Меѳодію, первоучителю славянскому и архіепископу Моравскому. Мы положительно знаемъ о св. Меѳодіи изъ его житія, что подъ конецъ жизни († 885) имъ переведенъ былъ вмѣстѣ съ полной библіей и нѣкоторыми твореніями отеческими „и номоканонъ, рекше закону—правило“. Слѣдовательно, переводъ одного изъ двухъ, существующихъ на славянскомъ языкѣ номоканоновъ (какого нибудь третьяго номоканона на славянскомъ языкѣ неизвѣстно) принадлежитъ ему. Но если такъ, то переводомъ старшимъ

---

[1]) Впрочемъ, этотъ соборъ, постановившій и всего одно правило, можетъ быть, внесенъ въ номоканонъ уже вторымъ его редакторомъ, ибо первый составитель въ своемъ предисловіи говоритъ о десяти соборахъ кромѣ Карѳагенскаго.

[2]) Послѣ втораго редактора Фотію оставалось дополнить номоканонъ двумя соборами, бывшими при немъ самомъ (двукратнымъ 861 г. и въ храмѣ св. Софіи 879 г.), но онъ взялъ для дополненія не вторую, а первую или первоначальную редакцію номоканона и поэтому его дополненіе состояло въ прибавленіи не только двухъ сейчасъ указанныхъ соборовъ, но и Трулльскаго съ Никейскимъ 2-мъ. Нынѣшнее предисловіе къ номоканону Фотія представляетъ изъ себя два предисловія: первая половина его есть предисловіе перваго составителя; вторая половина, начинающаяся словами: Ὁ μὲν παρὼν πρόλογος, есть предисловіе Фотія.

или Меѳодіевымъ со всею вѣроятностію долженъ быть считаемъ переводъ номоканона именно Схоластикова, ибо если бы былъ переведенъ имъ номоканонъ 14-тительный, то при существованіи на славянскомъ языкѣ номоканона болѣе полнаго, каковъ этотъ послѣдній номоканонъ, не стали бы потомъ переводить номоканона менѣе полнаго, каковъ Схоластиковъ, иначе сказать—взаимное отношеніе между собою номоканоновъ со стороны полноты заставляетъ со всею вѣроятностію предполагать, что старшій или Меѳодіевъ переводъ есть переводъ номоканона Схоластикова [1]). На вопросъ: почему св. Меѳодій предпочелъ для перевода номоканонъ менѣе полный номоканону болѣе полному, можетъ быть данъ отвѣтъ болѣе или менѣе удовлетворительный. Въ то время, какъ онъ приступалъ къ своему переводу номоканона, у Грековъ оба наши номоканона находились еще въ одинаковомъ употребленіи и пользовались еще одинаковымъ авторитетомъ, а очень можетъ даже, что номоканонъ Схоластиковъ, какъ принадлежавшій извѣстному и на столько іерархически—высокому лицу, какъ патріархъ Константинопольскій, пользовался даже большимъ авторитетомъ, чѣмъ номоканонъ 14-тительный, принадлежавшій вовсе неизвѣстному лицу (ибо патр. Фотій придалъ свое имя послѣднему номоканону, сдѣлавъ его окончательную редакцію, только лишь непосредственно передъ самымъ тѣмъ, какъ Меѳодій приступалъ къ переводу,—въ 883-мъ году). Такимъ образомъ, при другихъ условіяхъ Меѳодій могъ отдать предпочтеніе номоканону Схоластикову. А эти другія условія существовали. Если ему извѣстенъ былъ 14-тительный номоканонъ въ первоначальной редакціи, то главный лишекъ его противъ номоканона Схоластикова составляли правила Карѳагенскаго собора. Но въ западной церкви, для принадлежавшихъ къ которой Славянъ онъ перевелъ номоканонъ (и къ которой принадлежалъ и самъ въ качествѣ архіепископа Моравскаго), правила собора извѣстны были въ латинскомъ подлинникѣ, съ котораго онѣ и переведены были на греческій первымъ составителемъ 14-тительнаго номоканона. Слѣдовательно, переводъ этихъ правилъ не представлялся необходимымъ, а между тѣмъ даже и безъ нихъ номоканонъ 14-тительный былъ значительно обширнѣе номоканона Схоластикова, каковое обстоятельство въ виду многочисленности переводовъ, имѣвшихъ быть совершен-

---

[1]) Что номоканонъ Схоластиковъ переведенъ у западныхъ Славянъ, т. е. св. Меѳодіемъ въ Моравіи, нѣкоторыя указанія на это находимъ въ немъ самомъ. Въ 60-мъ апостольскомъ правилѣ, читаемомъ въ 50-мъ титлѣ свода (въ однихъ спискахъ номоканона помѣченномъ 62-мъ, въ другихъ—64-мъ), греческое κλῆρος (κληρικοί) переводится словомъ „стрижники" (ἐπὶ λύμῃ τοῦ λαοῦ καὶ κλήρου: „на соблазнъ стрижникомъ и людемъ"). Это „стрижники" есть западное tonsurati, какъ назывались на Западѣ духовные отъ стрижки своей головы (въ житіи Меѳодіевомъ духовные или клирики также называются стрижниками). См. еще ниже о находящемся въ номоканонѣ Схоластиковомъ, въ числѣ его дополненій, Законѣ судномъ людямъ.

ными Меѳодіемъ, и могло рѣшить его выборъ въ пользу послѣдняго номоканона. Если Меѳодію извѣстенъ былъ 14-тительный номоканонъ во второй редакціи, то главный лишекъ его вмѣстѣ съ правилами Карѳагенскаго собора составляли правила собора Трулльскаго. Но въ западной церкви правила этого послѣдняго собора не были признаваемы, а слѣдовательно—и переводить ихъ для христіанъ, принадлежавшихъ къ западной церкви, не представлялось удобнымъ.

Списковъ славянскаго номоканона Іоанна Схоластика сохранилось до настоящаго времени очень не много. Отъ періода домонгольскаго неизвѣстно ни одного списка; изъ послѣдующаго времени извѣстны и всего три списка: XIII в., находящійся въ Румянцевскомъ Музеѣ,—*Восток.* Опис. Муз. № 230, конца XV — начала XVI вѣка, находящійся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи,—фундамент. библіот. № 54, и одинъ списокъ неизвѣстнаго позднѣйшаго времени, указываемый барономъ Розенкампфомъ въ Обозрѣніи Кормчей книги [1]).

Въ сохранившихся до настоящаго времени спискахъ мы находимъ номоканонъ Схоластиковъ не въ полномъ его видѣ, а только въ половинномъ, именно—находимъ одну только первую его часть или сводъ каноновъ (Συναγογή κανόνων [2]), но безъ второй части или извлеченія изъ новеллъ (τὰ κεφάλαια ἐκ τῶν νεαρῶν). На этомъ основаніи можно было бы предполагать, что св. Меѳодій перевелъ не весь Схоластиковъ номоканонъ, а одну только первую его половину. Но гораздо вѣроятнѣе предполагать, какъ это вообще и предполагается, что Меѳодіемъ переведенъ былъ весь номоканонъ и что только въ позднѣйшихъ рукописяхъ вторая половина номоканона не была писана съ первою (вскорѣ послѣ нашествія Монголовъ номоканонъ Схоластиковъ почти совсѣмъ вышелъ у насъ изъ употребленія, между тѣмъ вторая его половина, бывъ перенесена еще въ домонгольскую редакцію 14-тительнаго номоканона, о чемъ ниже, на-

---

[1]) 2-го изд. стр. 4: послѣ Румянцевскаго Розенкампфъ указываетъ два списка, но подъ однимъ онъ, очевидно, разумѣетъ нашъ Академическій. Румянцевскій списокъ описанъ Востоковымъ и Розенкампфомъ; Академическій, насколько есть въ немъ лишняго противъ Румянцевскаго,—архим. Леонидомъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1887 г. („Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища св. Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи"). Срезневскій назвалъ Румянцевскій списокъ по первоначальному мѣсту его нахожденія въ одномъ изъ устюжскихъ монастырей Устюжскимъ.

[2]) Въ существующихъ спискахъ славянскаго перевода есть въ сводѣ опущенія правилъ противъ греческаго подлинника (т. е. не подъ каждымъ титломъ сполна приводятся всѣ тѣ правила, которыя въ греческомъ подлинникѣ). Сравнительныя таблицы или указатели правилъ по титламъ въ греческомъ подлинникѣ и въ славянскомъ переводѣ см. въ статьѣ *Срезневскаго*: „Греческая Иверская Кормчая IX—X в.", стр. 5 sqq.

ходилась и въ редакціи втораго номоканона послѣмонгольской, ставшей общеупотребительною; а поэтому относительно причины, почему вторая часть перестала писаться вмѣстѣ съ первою въ позднѣйшихъ спискахъ номоканона Схоластикова можно думать, что при малоупотребительности нашего номоканона въ позднѣйшее время нашли излишнимъ писать то, что всякій могъ найдти въ номоканонѣ общеупотребительномъ). Если принять, какъ это и принимается, что св. Меѳодіемъ былъ переведенъ весь номоканонъ Схоластиковъ, то можно будетъ указать и еще вѣроятную причину, почему онъ перевелъ именно этотъ номоканонъ, а не 14-тительный. Изъ двухъ номоканоновъ, которые имѣлъ передъ собой Меѳодій, номоканонъ Схоластиковъ могъ быть переведенъ прямо и сполна, а напротивъ переводъ номоканона 14-тительнаго нужно было бы дополнять изъ номоканона Схоластикова, о чемъ сейчасъ ниже: естественно поэтому было, чтобы онъ остановился на номоканонѣ, переводъ котораго представлялся удобнѣйшимъ.

Номоканонъ 14-тительный, получившій въ окончательной редакціи названіе Фотіева, существовалъ у насъ въ періодъ домонгольскій на славянскомъ языкѣ не въ окончательной редакціи, а въ редакціи вторичной или середней между первоначальною и Фотіевою, такъ что въ немъ до совершенной его полноты не доставало правилъ двухъ соборовъ, бывшихъ при Фотіи [1]).

Кѣмъ и когда переведенъ былъ этотъ номоканонъ, остается неизвѣстнымъ. Но должно быть признано несостоятельнымъ мнѣніе, что онъ переведенъ былъ у насъ въ Россіи, и напротивъ должно быть считаемо наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, что онъ переведенъ былъ въ Болгаріи, задолго до нашего крещенія и также какъ и номоканонъ Схоластиковъ, былъ заимствованъ нами отъ Болгаръ уже готовымъ. Если бы переводъ совершенъ былъ у насъ, то оригиналъ для перевода, конечно, былъ бы взятъ изъ Константинополя, отъ тамошнихъ властей. Но чтобы въ Константинополѣ и у властей спустя сто лѣтъ послѣ смерти Фотія все еще была въ употребленіи редакція номоканона 14-тительнаго не его—Фотіева, а предшествующая ему, это совершенно невѣроятно. Что же касается до Болгаръ, то отвѣтъ на вопросъ: почему они перевели на славянскій языкъ редакцію номоканона 14-тительнаго не Фотіеву, а предшествующую ему, очень простой: они крестились въ 864—865-мъ году, а Фотій сдѣлалъ свою редакцію номоканона въ 883-мъ г.; если они перевели номоканонъ ранѣе 883-го г., то и должны были перевести его въ редакціи предшествующей ему. Вопросъ, почему Болгары, не довольствуясь номоканономъ Схоластика, поспѣшили перевести и номоканонъ 14-ти-

[1]) Вопросъ о славянской редакціи домонгольскаго номоканона 14-тительнаго разъясненъ *А. С. Павловымъ* въ его изслѣдованіи: „Первоначальный славянскій номоканонъ“ (Казань, 1869), которымъ мы и пользуемся.

тельный, но требуетъ и отвѣта: номоканонъ Схоластика заключалъ въ себѣ каноны церковные не въ полномъ составѣ послѣднихъ, а они, какъ это естественно, находили, что должны обладать канонами въ полномъ видѣ, а поэтому и поспѣшили перевести 14-тительный номоканонъ (и такъ какъ невозможно предполагать, чтобы Болгары могли довольствоваться неполнымъ собраніемъ каноновъ церковныхъ, то необходимо изъ сего заключеніе, что переводъ номоканона 14-тительнаго совершенъ именно еще ими).

Первая часть номоканона 14-тительнаго, представляющая изъ себя номоканонъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, была переведена на славянскій языкъ не сполна, а только на половину, именно—переведенъ былъ указатель правилъ или каноновъ, но не былъ переведенъ Κείμενον, обнимающій законы. Почему не былъ переведенъ Κείμενον, это (для иныхъ какъ будто составляющее загадку) очень просто объясняется его свойствомъ. Мы сказали выше, что въ Κείμενον'ѣ отчасти кратко передаются законы, относящіеся къ церкви, отчасти же только указываются, т. е. только указывается, гдѣ ихъ искать въ Кодексѣ Юстиніановомъ или въ новеллахъ, см. въ сдѣланной выше выпискѣ Κείμενον'а къ первой главѣ: вотъ поэтому-то послѣднему свойству Κείμενον и не могъ быть переведенъ, т. е. мы хотимъ сказать—переводъ его былъ безполезенъ и безцѣленъ. Если бы Кодексъ и новеллы были переведены на славянскій языкъ, тогда Κείμενον и, насколько онъ есть простой указатель, имѣлъ бы смыслъ и значеніе; но такъ какъ они не были переведены, то безполезно и безцѣльно было переводить и указатель къ тому, чего не было и чего по указателю нельзя было пріискивать [1]). Въ замѣнъ Κείμενον'а въ 14-тительный номоканонъ взято было изъ номоканона Іоанна Схоластика извлеченіе изъ новеллъ, которое и осталось потомъ въ нашемъ номоканонѣ (и въ послѣмонгольской его редакціи) непремѣнной его частью, какъ бы принадлежавшей къ его составу по самому своему происхожденію.

Рукописей домонгольскаго 14-тительнаго номоканона извѣстно въ настоящее время еще менѣе, чѣмъ номоканона Схоластикова, а именно двѣ: одна, относящаяся къ XII вѣку или къ самому періоду домонгольскому, находится въ Московской Синодальной Библіотекѣ; другая, конца

---

[1]) Впослѣдствіи переведена была изъ Κείμενον'а нѣкоторая часть той части, которая могла быть переведена, т. е. той части, въ которой содержится не простой указатель законовъ, но ихъ краткая передача,—въ печатн. Никоновск. Кормчей гл. 44-я.—Такъ какъ и у Грековъ далеко не всякій могъ имѣть Кодексъ и новеллы, которыя въ своей совокупности представляли книгу огромную и слѣдовательно книгу чрезвычайно дорогую, то и у нихъ извлеченіе изъ новеллъ Схоластиково было вносимо въ 14-тительный или Фотіевъ номоканонъ.

XV—начала XVI вѣка, находится въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, въ числѣ рукописей бывшихъ Соловецкаго монастыря [1]).

Какъ у Грековъ номоканоны въ смыслѣ рукописей никогда не представляютъ изъ себя такихъ рукописей, въ которыхъ содержался бы одинъ только дѣйствительный номоканонъ (правила соборовъ и отцовъ и законы императоровъ, относящіеся къ церкви), но всегда представляютъ изъ себя сборники, въ которыхъ дѣйствительный номоканонъ сопровождается бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ дополненій: такъ и наши славянскіе номоканоны домонгольскаго періода (какъ и номоканоны послѣдующаго времени) представляютъ изъ себя подобные же сборники, при чемъ въ извѣстныхъ въ настоящее время спискахъ одного и другаго номоканона находятся однѣ и тѣ же дополненія [2]). Въ номоканонѣ Схоластиковомъ этихъ дополненій значительно болѣе, чѣмъ въ номоканонѣ 14-тительномъ [3]), а нѣкоторыя дополненія общи обоимъ номоканонамъ. Полнота представленія о номоканонахъ домонгольскаго періода требуетъ, чтобы мы перечислили эти дополненія, что̀ мы и сдѣлаемъ [4]).

Дополненія, находящіяся въ номоканонѣ Іоанна Схоластика:

Предшествующія самому своду правилъ:

1. „Образъ вѣрѣ (изложеніе вѣры) святыхъ отецъ, епископъ 300 и 18, иже въ Никеѣ собравшихся въ пьрвѣмъ сборѣ“...

---

[1]) Первая рукопись, № библіот. 227, описана *Ундольскимъ* въ его Описаніи славянскихъ рукописей Сvнодальной Библіотеки, напечатанномъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., 1867 г. кн. II, и *Павловымъ* въ его Первоначальномъ славяно-русск. номоканонѣ; вторая—*Павловымъ* тамъ же. Сvнодальную рукопись отъ имени ея писца нѣкоего Ефрема Срезневскій назвалъ Ефремовскою.

[2]) Въ академической рукописи номоканона Схоластикова, какъ мы сказали выше, есть лишки противъ Румянцевской рукописи. Но эти лишки суть позднѣйшія приписки, ибо въ нихъ приводятся толкованія Аристиновы, которыя стали извѣстны у насъ только послѣ нашествія Монголовъ.

[3]) Такъ какъ въ номоканонѣ Схоластика собственно номоканоническое, состоящее изъ свода правилъ десяти соборовъ съ 68-ю правилами Василія Великаго, очень не обширно, то многочисленныя дополненія занимаютъ значительно бо̀льшую часть его рукописей и такимъ образомъ являются какъ бы главнымъ въ нихъ. Въ Румянцевской рукописи 147 листовъ; изъ нихъ 36 листовъ занимаетъ сводъ, а всѣ остальные—дополненія; въ Академической рукописи безъ позднѣйшихъ приписокъ 105 листовъ: изъ нихъ 29 листовъ занимаетъ сводъ, а остальные—дополненія.

[4]) Между дополненіями читаются приписки и позднѣйшаго въ собственномъ смыслѣ каноническаго, напр. нѣкоторыхъ правилъ шестаго и седьмаго вселенскихъ соборовъ, отвѣтовъ Тимоѳея Александрійскаго, а также есть значительное количество повторительныхъ разрозненныхъ выписокъ и изъ тѣхъ правилъ, которыя уже находятся въ самомъ сводѣ. Ни того ни другаго мы не будемъ указывать, такъ чтобы описывать рукописи совершенно сполна.

„Образъ вѣрѣ святыхъ отецъ, епископъ 150 втораго сбора вселенскаго, бывшаго въ Кесаріи градѣ“ (т. е. Цесариградѣ,—Цареградѣ)...

и затѣмъ краткія извѣстія объ остальныхъ пяти вселенскихъ соборахъ, при чемъ подъ извѣстіемъ о четвертомъ соборѣ приведено въ сокращеніи возглашенное этимъ соборомъ подтвержденіе символа вѣры первыхъ двухъ соборовъ.

2. Статья о вселенскихъ соборахъ неизвѣстнаго, которая начинается: „Требѣ же есть вѣдѣти всякому крестіану, яко шесть есть святыхъ вселенскихъ сборъ“, но въ которой есть и о седьмомъ соборѣ. Греческій подлинникъ статьи, въ которомъ о шести соборахъ, у *Ралли* и *П.* I, 370.

Слѣдующія за сводомъ правилъ:

3. Выписка правилъ, подъ именемъ „Заповѣди святаго апостола Петра и Павла“, изъ 8-й книги Постановленій апостольскихъ, изъ главъ 32—34-й. *Нач.* „Пьрвое хотящіи приступити къ таинѣ благовѣрія дьяки“..., Румянц. ркп. л. 44 об., Академич. ркп. л. 35 об. (въ Никоновск. Кормч. главы 2-я и 3-я, правила ап. Павла и правила апп. Петра и Павла).

4. „Законъ судный людемъ“. ***Нач.*** Преже всякоя правды достойно есть о Божіи правдѣ (въ Академич. спискѣ, какъ это и въ другихъ помимо номоканона извѣстныхъ спискахъ Закона: вѣры) глаголати, тѣмъ же и святыи Костянтинъ прьвыи законъ вписавъ, глаголя..., Румянц. ркп. л. 48, Акад. ркп. л. 38. Этотъ „Законъ судный людемъ“, что̀ значитъ: судебникъ для мірянъ, въ позднѣйшихъ, послѣмонгольскихъ, Кормчихъ надписываемый именемъ Константина Великаго (по сейчасъ приведеннымъ начальнымъ его словамъ), представляетъ собою краткое и, какъ судебникъ, весьма неполное и весьма необстоятельное извлеченіе изъ Еклоги Льва Исавра и отчасти изъ другихъ нѣкоторыхъ греческихъ источниковъ [1]). Составленъ или у Болгаръ или, что̀ не невѣроятно, еще у Моравовъ и самимъ св. Меѳодіемъ одновременно съ переводомъ номоканона (называются чиновники: кметищя, жюпани; монста—стлягъ (которыхъ въ греческой литрѣ золота полагается 72). Стлягъ (склягъ) или щлягъ (см. Словарь *Восток.* подъ сл. склязь, стлязь, штьлягъ) есть нѣмецкій Schilling (Skilling), и думаемъ, что онъ именно скорѣе указываетъ на Моравію, чѣмъ на Болгарію [2]).

---

[1]) См. у *Павлова* въ Первоначальномъ номоканонѣ приложеніе V.

[2]) Законъ судный извѣстенъ въ трехъ редакціяхъ: краткой, которая въ номоканонѣ, середней, которая читается въ нѣкоторыхъ сборникахъ, — напеч. въ Русскк. Достопп. II, 143, и пространной, помѣщенной въ Софійскомъ Временникѣ,— изд. *Строев.* I, 130. Первоначальною должна быть признаваема, по нашему мнѣнію, редакція номоканона, ибо гораздо менѣе вѣроятно то, что „Законъ“ впослѣдствіи сокращали, и гораздо болѣе вѣроятно то, что его впослѣдствіи распространяли или дополняли.

5. Василія Великаго запрещенія инокамъ (въ Академич. ркп. вмѣсто: о епитиміяхъ ошибочно: „о епископѣхъ“) въ числѣ 21-го. *Нач.* „Иже здравъ сый тѣломъ, лѣнится на молитву ли отъ ученіи псаломьскыхъ, не пщуя вины во грѣсѣхъ“.., Румянц. ркп. л. 53 об., Акад. ркп. л. 42 (какъ будто это ѐсть и въ 14-тительномъ номоканонѣ, см. ниже).

6. Статья о вселенскихъ соборахъ, предваряемая ихъ хронологіей, показывающей разстояніе времени между ними, съ надписаніемъ: „Разумъ 7 соборь, колико лѣтъ отъ коеяждо (sic) скончася“. *Нач.* Пьрвыи въ Никіи стыхъ отець 300 и 18, събравыпся на Арія, раздѣлившаго божество на три не своя и щюжда („чужда“).., Румянц. ркп. л. 62 об. Акад. ркп. л. 48 об. Въ хронологіи, какъ и надписаніи, о семи соборахъ, но въ самой статьѣ—о шести.

7. Іоанна Постника такъ называемый исповѣдной номоканонъ или канонарій [1]), подъ заглавіемъ: „Іоанна мниха, чада послушанія ученія святаго Василія, о исповѣданіи различія и заповѣди исповѣдающихся втайнѣ грѣхы и тѣхъ пріемлющимъ истиньная безъблазньная къ Богу и отъ Бога и Богъ расмотрѣнія помысли убогіи“. *Нач.* Яко подобаеть исповѣдающемуся таиная прегрешѣніа.., Румянц. ркп. лл. 77 об.—102, Акад. ркп. лл. 58 об.—80.

8. „Поученіе сыномъ и дщеремъ духовнымъ“ (подразумѣвается—духовнаго отца или духовника) съ прибавленіемъ въ надписаніи: „Благослови Богъ того крестьянина, иже прочитаетъ заповѣдь сію, всѣмъ сердцемъ своимъ и творящую (sic), аминь“. *Нач.* „Благыи и преблагый Богъ, рекыи пророкомъ: повѣдайте пръвое грѣхи своя“.., Румянц. ркп. л. 102 об., Акад. ркп. лл. 102 об.—106, Акад. ркп. лл. 80—83.

9. „Заповѣдь святыхъ отець“. *Нач.* „Иже разбой створить или отъ роженіа своего убіеть, 10 лѣтъ да покается во иной области“... Румянц. ркп. лл. 106—109 об., Акад. ркп. 83—85 (Всѣхъ заповѣдей, собственно—епитимій, какъ выставленъ ихъ счетъ на полѣ,—51).

10. Правила объ епископахъ и прочихъ клирикахъ, числомъ 30. *Нач.* „Епископъ или попъ или дьяконъ при блудѣ или при клятвѣ или татбѣ ятъ бывъ“.., Румянц. ркп. л. 111 об., Акад. ркп. л. 87.

11. Монастырскій уставъ св. Іоанна Пателарейскаго, подъ заглавіемъ: „Святаго отца нашего Іоанна прозвютера, игумена Пателареи, устави монастыря его, отъ святыхъ книгъ учаще всему спасенію: всякъ, отвергыйся пришьдъ въ чернечьскыи санъ спасенія ради, ти аще не сохранить сихъ, яже хощу написати, не можеть ся спасти“. *Нач.* „Егда ударятъ въ било, да сберуться въ папьртъ церковныи, и яко пріидутъ старѣйшіи, да влезутъ въ церковь и поклонятся купно кресту и начнуть пѣти Отче нашъ“.., Румянц. ркп. лл. 118—122, Акад. ркп. лл. 91 об.—95. Пателарея

---

[1]) Т. е. собственно—усвояемый Іоанну Постнику, но въ дѣйствительности едва ли принадлежащій ему и едва ли не составляющій своего рода апокрифа.

или Паталарія есть принадлежащій къ Италіи маленькій островъ, находящійся между Сициліей и Африканскимъ берегомъ, ближе къ послѣднему, теперь у Итальянцевъ Pantellaria, въ древности у Грековъ и Римлянъ Cossyra и Cossura. Вѣроятно, что островъ вмѣстѣ съ Сициліей принадлежалъ къ итальянской такъ называемой Великой Греціи и населенъ былъ отчасти Греками. Въ нѣкоторыхъ мѣсяцесловахъ подъ 3 Августа записана память преподобнаго отца нашего и исповѣдника Іоанна, игумена обители Паталарейской [1]). Весьма вѣроятно, что это именно нашъ Іоаннъ. А если такъ, то титло исповѣдника даетъ знать, что онъ жилъ во времена иконоборческія [2]). (Уставъ, какъ видно уже изъ указанія листовъ, — краткій и далеко не обнимающій всей монастырской жизни. Какъ онъ попалъ въ номоканонъ, это составляетъ немалую загадку).

12. Преп. Θеодора Студита епитимійникъ монахамъ, надписанный: „Преподобнаго отца нашего Θеодора, игумена Студійскаго о останьцѣхъ (въ Румянцевск. ркп. ошибочно: „о станѣхъ") церковныхъ канонъ". *Нач.* „Не обрѣтаяся (подразумѣвастся: въ церкви) въ началѣ Слава въ вышнихъ Богу развѣ болѣзни или иноя подобныя вины, въ епитемьи да будетъ"..., Румянц. ркп. л. 122 об., Акад. ркп. л. 95. Греческій подлинникъ въ Патрологіи Миня t. 99. col. 1733. Въ подлинникѣ надписаніе: Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Θεοδώρου, ἡγουμένου τῶν Στουδίου, ἐπιτίμια κοινὰ τῆς ὅλης, ἀδελφότητος ἐπὶ τῶν παραλειπόντων ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ εἰς τὸν κανόνα (славянское: „о останьцѣхъ", можетъ быть, есть не останъкъ въ смыслѣ остатка, а останьць, останецъ, въ смыслѣ человѣка, оставляющаго, не дѣлающаго чего-нибудь).

13. „Отъ канона святаго Василіа" шесть вопросо-отвѣтовъ. *Нач.* Вопросъ. Отъ чего глумъ бываетъ и помышленіа. Отвѣтъ. Бываетъ убо глумъ отъ празніи (sic) уму.., Румянц. ркп. л. 129, Акад. ркп. л. 100.

14. Статья безъ заглавія, *нач.* „Чернецъ же Θеодоръ рѣче: не спи вкупѣ съ женою", противъ хулящихъ брачную жизнь, т. е., какъ должно предполагать, противъ болгарскихъ богомиловъ. У *Востокова* въ Описаніи Румянцевской рукописи это не отмѣчено, въ Академич. ркп. лл. 101 об.— 105 об.

15. Соборные отвѣты Константинопольскаго патріарха Николая Грамматика (1084—1111) на вопросы аѳонскаго монаха и молчальника Іоанна съ другими аѳонскими монахами. *Нач.* „Подобаетъ ли разрѣшити постъ въ среду и въ пятокъ памяти ради святаго нѣкоего или апостола"..., Румянц. ркп. л. 139 [3] (въ Никон. Кормч. гл. 54).

---

[1]) См. греческій Синаксарь *Никодима*, Annus ecclesiasticus *Мартынова*, Полный мѣсяцесловъ Востока *преосв. Сергія*. А подъ 22 Іюня записана память преп. Василія, игумена того же монастыря, см. у *Мартынова* и *преосв. Сергія*.

[2]) Cfr статью „О греческой церкви въ Италіи до подавленія ея латинствомъ", помѣщенную въ XIX т. Прибавленій къ Творр. свв. отцевъ, стр. 393 fin.

[3]) Въ Академической рукописи этого нѣтъ, и такъ какъ и въ Румянцевской

Дополненія, находящіяся въ номоканонѣ 14-тительномъ:

1. Св. Анастасія, патріарха Антіохійскаго, „Сказаніе, яко веліе ангельское и чистительскааго достоянія, яко невъзможьно осужати іереа отъ простьця, нъ отъ вящьшаагo святителя, якоже и канони рѣша о божестьнѣи рацѣ и о мученицѣ". *Нач.* „Въ церковьнѣмъ сказаніи Филона философа"..., Сvнод. ркп. л. 247 об. (по опис. *Ундольск.* л. 243 об.). Греческій подлинникъ статьи остается неизданнымъ.

2. Его же „Повѣсть священьна о папежи римьстѣмь Григоріи Дъвословци и чюдотворьци" († 604). *Нач.* „Повѣда намъ нѣкіи старьць"... Сvнод. рукп. л. 248 об. (по опис. *Ундольск.* л. 243 об.). Греческій подлинникъ также остается неизданнымъ. Обѣ статьи, по сообщенію Павлова, имѣютъ цѣлію доказать, что умершіе въ состояніи отлученія отъ церкви могутъ быть разрѣшены только тѣми іерархами, которые наложили на нихъ духовное запрещеніе.

3. „Блаженаагo Епифанія, епископа Купрьскааго, Повѣсть вскорѣ написаныихъ ересь всѣхъ, рекше повелѣніи, ихъ же матери и пьрвіи образы и въименены 4, отъ нихъ же вся прочая изъникоша". *Нач.* „Варвари, иже о себѣ суть пребывше отъ дніи Адамовъ"... Сvнод. ркп. л. 249 (по опис. *Ундольск.* л. 244). По увѣренію Ундольскаго и Павлова, это есть собственно сочиненіе Іоанна Дамаскина Περὶ αἱρέσεων ἐν συντομίᾳ, ὅθεν ἤρξαντο καὶ πόθεν γεγόνασιν, которое представляетъ собою дополненный Дамаскинымъ Ἀνακεφαλαίωσις Епифанія (представляющій въ свою очередь краткое повтореніе или воспроизведеніе его — Епифаніева Панарія. Греческій подлинникъ Дамаскина въ Патрологіи *Миня* t. 94 col. 677; греческій подлинникъ Епифанія ibid., t. 42. col. 833: къ 80-ти ересямъ Епифанія Дамаскинъ прибавилъ, начиная съ ереси Несторіевой, еще 22). И у Епифанія и у Дамаскина въ напечатанныхъ греческихъ подлинникахъ иныя заглавія, чѣмъ наше славянское. Это послѣднее мы можемъ объяснить только отчасти. „Повѣсть вскорѣ" значитъ повѣсть сокращенная, въ сокращеніи, ибо въ древнее время слово „вскорѣ" вмѣстѣ съ своимъ собственнымъ (теперешнимъ) значеніемъ имѣло и это послѣднее значеніе: такъ, греческое надписаніе хронографа патр. Никифора: χρονογραφία σύντομος переведено было по-славянски: лѣтописецъ вскорѣ. „Написаныихъ ересъ всѣхъ" — вѣроятно: о всѣхъ написанныхъ выше ересяхъ, т. е. въ Панаріи Епифанія, сокращенное повтореніе котораго представляетъ Ἀνακεφαλαίωσις. „Ихъ же матери—изникоша", погречески, какъ это находимъ въ текстѣ у Епифанія и Дамаскина: ὧν αἱ μητέρες καὶ πρωτότυποι ὀνομασίαι δ' (подразумѣвается: Βαρβαρισμός, Σκυθισμός, Ἑλληνισμός, Ἰουδαϊσμός), ἐξ ὧν ἄλλαι πᾶσαι ἀνεφύησαν.

4. Тимоѳея, пресвитера великія церкви Константинопольскія, „О различіи приходящихъ къ непорочнѣй нашей вѣрѣ". *Нач.* „Три чины обрѣ-

рукописи это приписано позднѣе, то очень можетъ, что взято изъ послѣмонгольскаго уже номоканона.

таемъ"... Въ Сvнодальн. ркп. л. 275 (по опис. *Ундольск.* 270 об. Въ Никоновск. Кормч. гл. 70). Такъ какъ принятіе еретиковъ въ церковь имѣетъ связь съ ихъ ученіемъ, то эта и предшествующая статьи въ греческихъ номоканонахъ помѣщаются обыкновенно вмѣстѣ, представляя изъ себя какъ бы одно цѣлое.

5. „Образъ правыя непорочныя вѣры". Соловец. ркп. л. 312 об. То самое исповѣданіе вѣры, принадлежащее Михаилу Синкеллу, которое по повѣсти объ обращеніи Владимира въ христіанство, читаемой въ лѣтописи, Греки преподали Владимиру въ Корсуни послѣ его крещенія. Какъ и въ повѣсти, статья оканчивается краткимъ извѣстіемъ о шести вселенскихъ соборахъ (которое не есть одно и то же съ статьей о соборахъ Схоластикова номоканона, указанной выше подъ № 6-мъ).

6. Аѳанасія Александрійскаго „Къ Антіоху князю о множайшіихъ взысканіихъ о (нужно: въ) божественныихъ писаніихъ невѣдомыихъ и отъ всѣхъ христіанъ вѣдати длъжныихъ въпросъ". Соловецк. ркп. л. 316 об. Только одинъ первый вопросо-отвѣтъ (изъ числа 137 вопросоотвѣтовъ. Греческій подлинникъ сочиненія, подложно усвоеннаго Аѳанасію Александрійскому, но не принадлежащаго ему, въ Патрол. *Миня*, t. 28 col. 597).

7. „О постановленіи (вѣроятно, ошибка вмѣсто: поставленіи) епископъ и мніихъ (т. е. меньшихъ, низшихъ клириковъ; въ подлинникѣ, какъ это и въ славянской позднѣйшей Кормчей: περὶ χειροτονίας ἐπισκόπων καὶ πρεσβυτέρων). Соловецк. ркп. л. 321 об. Изъ Прохирона Василія Македонянина 28-й титулъ (Прохиронъ въ Никоновск. Кормч.—гл. 49, а титулъ 28—л. 456 об.).

8. „О строеніи пресвятаго престола Костянтина града", — статья о преимуществахъ Константинопольской патріаршей каѳедры, въ которой изложены три правила Халкидонскаго собора: 9-е, 17-е и 28-е, и нѣсколько извлеченій изъ кодекса и новеллъ (у *Павл.* стр. 53 безъ указанія листа рукописи).

Дополненія, находящіяся въ обоихъ номоканонахъ или общія имъ обоимъ:

1. „О возбраненыхъ женитвахъ". *Нач.* „Сближнее (Акад. ркп.: взближнее) имя есть рожествьное, раздѣляетъ же ся на три: на всходящая и исходящая и отъ среды (греческ. подл.: Ἡ συγγένεια ὄνομα ἐστὶ γενικόν· διαιρεῖται δὲ εἰς τρία· εἰς ἀνίοντας καὶ κατίοντας καὶ τοὺς ἐκ πλαγίου)... Схоласт. номок.: Румянц. ркп. л. 65 об., Акад. ркп. л. 50 об.; 14-тит. номок.: Соловецк. ркп. л. 317 об. Изъ Прохирона Василія Македонянина 7-й титулъ (въ Никон. Кормч. гл. 49, л. 416 об.).

„Отъ иного закона глава о возбраняемыхъ женитвахъ". *Нач.* „Възбранена же есть, елико же ихъ отъ святаго крещенія межю собою въединившася"... Схоласт. номок.: Румянц. ркп. л. 69, Академ. ркп. л. 53; 14-тит.

номок.: Соловецк. ркп. л. 320. Изъ Еклоги Льва Исавра, 2-го титула 2-я глава (въ Никон. Кормч. гл. 50, л. 497 об.).

2. „Глава о епископѣхъ и мнисѣхъ“. *Нач.* „Елико имѣ епископъ преже епископіа, даруеть и раздаеть, якоже хощеть“... Схоласт. номок.: Румянц. ркп. л. 69 об., Акад. ркп. л. 53; 14-тит. номок.: Соловецк. ркп. л. 320 об. Изъ Прохирона Василія Македонянина, 24-й титулъ (въ Никон. Кормч. гл. 49, л. 448 об., надписаніе: „О завѣтѣ епископъ и мнихъ“).

3. Правила о монахахъ, которыя въ номоканонѣ Схоластиковомъ надписываются: „О калугерѣхъ“ и начинаются: „Аще черньць въ велицѣмъ образѣ въ блудъ впадетъ“..,—Румянц. ркп. л. 114, Академ. ркп. л. 88 об., а въ 14-тительномъ номоканонѣ надписываются: „Правила св. Василія положена, яже достоить чернцемъ хранити“, — Соловецк. ркп. л. 326 (начало у *Павлова*, стр. 53, не выписано). Впрочемъ, по надписанію правилъ въ обоихъ номоканонахъ, мы подозрѣваемъ, что Павловъ, принимая ихъ за однѣ и тѣ же, ошибается: въ 14-тительномъ номоканонѣ, вѣроятно, тѣ правила, которыя въ номоканонѣ Схоластиковомъ указаны нами подъ № 5 (Правила номоканона Схоластикова, числомъ, по счету покойнаго *А. В. Горскаго*, отмѣченному на полѣ академической рукописи карандашемъ, 55-ть, раздѣлены на двѣ группы: первая группа—съ надписаніемъ, которое приведено выше; вторая группа, съ правила 45-го, Румянц. ркп. л. 117 об., Акад. ркп. л. 91, *Нач.* „Аще калугеръ преидеть съ женою 2 поприщи“.., написывается: „Номоканонъ святыхъ отець Никѣйскыхъ и Халкидоньскыхъ“).

Относительно того, который номоканонъ въ періодъ домонгольскій былъ у насъ въ бóльшемъ употребленіи, А. С. Павловъ держится мнѣнія, что въ бóльшемъ или даже исключительномъ употребленіи былъ номоканонъ 14-тительный, а что номоканонъ Схоластика былъ въ весьма маломъ или даже и совсѣмъ никакомъ употребленіи (Первонач. номок стр. 23 sqq). Мы съ своей стороны держимся мнѣнія если не противоположнаго, то не согласнаго, а именно — что въ преимущественномъ употребленіи находился у насъ въ періодъ домонгольскій не номоканонъ 14-тительный, а номоканонъ Схоластиковъ. То обстоятельство, что послѣдній номоканонъ содержитъ не мало дополнительныхъ статей греческаго и болгарскаго происхожденія, служитъ для Павлова доказательствомъ, что онъ былъ у Болгаръ (въ продолженіе времени, соотвѣтствующаго нашему періоду домонгольскому) въ большомъ употребленіи. Но сравненіе обоихъ номоканоновъ въ отношеніи къ этимъ дополнительнымъ статьямъ въ свою очередь доказываетъ, что и у насъ находился въ преимущественномъ употребленіи тотъ же номоканонъ Схоластиковъ: если бы находился у насъ въ таковомъ употребленіи номоканонъ 14-тительный, то изъ перваго были бы переносимы въ послѣдній дополнительныя статьи, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ (въ періодъ домонгольскій не былъ перенесенъ изъ перваго въ послѣдній даже „Законъ судный людемъ“, ко-

торый, какъ извѣстно, въ періодъ домонгольскій пользовался у насъ большимъ авторитетомъ). Какъ на доказательство того, что номоканонъ Схоластика былъ у насъ въ весьма маломъ употребленіи, Павловъ указываетъ на совершенное отсутствіе въ немъ русскихъ статей. Но точно также и въ 14-тительномъ номоканонѣ домонгольскаго періода нѣтъ ни одной русской статьи. А противъ ошибочности своего мнѣнія, что въ памятникахъ русскаго каноническаго права XI и XII вв. правила употребляются не въ томъ переводѣ, какой содержится въ номоканонѣ Схоластика, достопочтенный ученый впослѣдствіи самъ же нашелъ и указалъ свидѣтельства [1]).

Въ номоканонѣ Схоластиковомъ, какъ и въ 14-тительномъ, нѣтъ ни одной русской статьи. Но со стороны этихъ статей доказательство того, что онъ находился у насъ въ употребленіи, представляютъ собой встрѣчаемыя въ немъ выписки изъ нихъ. Мы нашли въ немъ по крайней мѣрѣ одну такую выписку. Въ статьѣ, озаглавленной: „Сказаніе о убійстви волнѣмъ и неволнѣмъ" вмѣстѣ съ правилами Василія Великаго и другими нѣкоторыми греческими приводится выписка и изъ Кирика Новгородскаго двухъ отвѣтовъ послѣднему архіепископа Иліи: „Архіепископа Новгородскаго (подразумѣвается: правила): Иже спя кладуть у себя дѣти и угнетають: аще піани, убиство есть, аще ли трезви, лжае; и жены, дѣлающе страду, врежающеся, изметають: аще не зеліемъ, безъ вины суть"—Акад. ркп. л. 111; Кирикъ въ Памм. *Павл.* col. 58, §§ 4 и 5.

Если отъ періода домонгольскаго сохранилась одна рукопись канона 14-тительнаго и не сохранилось ни одной рукописи номоканона Схоластикова: то это, конечно, ничего не доказываетъ и есть простая счастливая случайность по отношенію къ одному номоканону и несчастливая по отношенію къ другому. Отъ послѣдующаго времени сохранилось весьма мало рукописей номоканона Схоластикова по той же самой причинѣ, по которой еще гораздо менѣе сохранилось рукописей канона 14-тительнаго, именно что вскорѣ послѣ нашествія Монголовъ оба они вышли изъ употребленія, бывъ замѣнены новымъ номоканономъ (14-тительнымъ, но въ окончательной редакціи Фотіевой, — съ толкованіями каноновъ и съ новымъ составомъ статей дополнительныхъ).

На томъ основаніи, что въ оглавленіи Сѵнодальнаго списка 14-тительнаго номоканона между прочимъ значится: „Василія, Костянтина и

---

[1]) См. его изданіе: „Памятники древнерусскаго каноническаго права", col. 42: Кирикъ Новгородскій приводилъ мѣста изъ номоканона Іоанна Постника по переводу, читаемому въ номоканонѣ Іоанна Схоластика (Вопросо-отвѣтъ Тимоѳея Александрійскаго Кирикъ приводитъ какъ будто не по переводу, читаемому въ номоканонѣ Схоластика, а по переводу, читаемому въ номоканонѣ 14-тительномъ,— Памм. *Павл.* col. 29. Но если такъ, то это будетъ служить доказательствомъ, что Кирикъ имѣлъ у себя подъ руками оба номоканона).

Льва благочьстивыхъ цесарь законъ", А. С. Павловъ рѣшительно думаетъ, что Прохиронъ Василія Македонянина и (съ нимъ) Еклога Льва Исавра уже въ періодъ домонгольскій читались въ нашихъ славянскихъ номоканонахъ въ своемъ полномъ видѣ, въ какомъ находимъ мы ихъ въ номоканонѣ послѣмонгольскомъ. Мы съ своей стороны, основываясь на томъ, что во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ домонгольскихъ номоканоновъ читаются только небольшіе отрывки изъ Прохирона и Еклоги, считаемъ гораздо болѣе вѣроятнымъ думать, что въ періодъ домонгольскій у насъ и были только эти отрывки и что въ оглавленіи сунодальнаго списка (во всякомъ случаѣ не упоминающаго объ Еклогѣ) подъ именемъ закона или Прохирона Василія — Льва и разумѣются именно наши отрывки изъ послѣдняго.

Наши изслѣдователи, признающіе подлинность такъ называемыхъ уставовъ Владимира и Ярослава, хотятъ и находятъ основательнымъ видѣть тотъ загадочный греческій номоканонъ, на который ссылаются князья, какъ на запрещающій судить извѣстные гражданскіе суды и тяжи князю и боярамъ его и предоставляющій суды и тяжи митрополиту и епископамъ, въ „Законѣ судномъ людемъ". Но передъ такимъ разрѣшеніемъ загадки и передъ такимъ способомъ спасти подлинность уставовъ можно только развести отъ удивленія руками. Что неизвѣстные фальсификаторы хотѣли принимать и выдавать за греческій номоканонъ, будто бы предоставлявшій извѣстные гражданскіе суды и тяжи суду митрополита и епископовъ, такіе законодательные памятники, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго вовсе нѣтъ, это совершенно понятно. Но чтобы Владимиръ и Ярославъ могли принимать подобный памятникъ за помянутый номоканонъ, это значило бы, что они позволили духовенству обмануть себя совершенно такимъ же образомъ, какъ я обманулъ бы безграмотную деревенскую женщину, показавъ ей прейсъ-курантъ чайнаго магазина и сказавъ, что это—моя дворянская грамота. „Законъ судный людемъ", что̀ значитъ именно судебникъ мірской, а не духовный, назначенный для князей съ ихъ судьями, а не для епископовъ, съ такою совершеннѣйшею ясностію повелѣваетъ судить перечисляемыя въ немъ преступленія князю или его судіи, что слова Владимира въ его Уставѣ: „разверзше грецьскыи номоканонъ и обрѣтохомъ въ немь, оже не подобаеть сихъ судовъ и тяжь князю судити ни бояромъ его ни судьямъ", предполагая, что уставъ подлинный, составляли бы самую рѣшительную насмѣшку его надъ самимъ собой.

Весьма вѣроятно, какъ говорили мы выше, что неизвѣстные сочинители уставовъ разумѣютъ подъ греческимъ номоканономъ находящіяся въ номоканонѣ руководства по гражданскимъ законамъ. Но должно думать, что разумѣютъ не одинъ только „Законъ судный людемъ", который далеко не обнимаетъ всѣхъ гражданскихъ преступленій, предоставляемыхъ

уставами суду митрополита и епископовъ, но и выписки изъ закона Моvсеева, Еклогу Льва Исавра и Прохиронъ Василія Македонянина [1]).

(Если признать наиболѣе вѣроятнымъ это послѣднее, а съ другой стороны если принять за наиболѣе вѣроятное, что выписки изъ закона Моvсеева и Еклога съ Прохирономъ въ полномъ видѣ явились у насъ только уже послѣ нашествія Монголовъ, въ пріобрѣтенной изъ Болгаріи митр. Кирилломъ его новой 14-тительной Кормчей: то получается опредѣленный, очень небольшой, промежутокъ времени для появленія на свѣтъ устава Владимирова. Ранній срокъ—пріобрѣтеніе Кирилломъ изъ Болгаріи его Кормчей, что имѣло мѣсто въ 1262 или 1270 г., поздній срокъ—написаніе неизвѣстнымъ епископомъ Владимирскимъ его посланія къ неназываемому по имени сыну Александра Невскаго, въ которомъ ясно подразумѣвается уставъ Владимировъ и которое написано между 1293—1299 годами).

Ни тотъ ни другой домонгольскій номоканонъ ни въ одной извѣстной ихъ рукописи не имѣетъ заглавія или названія (т. е. во всѣхъ извѣстныхъ рукописяхъ обоихъ номоканоновъ прямо пишется первая статья каждой безъ особаго названія или заглавія ея какъ цѣлаго). Равнымъ образомъ и въ русскихъ памятникахъ домонгольскаго періода, какъ относящихся къ каноническому праву, такъ и всякихъ другихъ (за исключеніемъ мнимыхъ уставовъ Владимира и Ярослава) не встрѣчается названій номоканонъ и Кормчая книга. На этомъ основаніи весьма вѣроятно думать, что первое названіе и за нимъ второе явились у насъ уже послѣ нашествія Монголовъ, вмѣстѣ съ номоканономъ митр. Кирилла и какъ названія этого послѣдняго [2]). Откуда взялось славянское названіе: Кормчая книга, первоначально употреблявшееся во множественномъ числѣ и въ обратномъ нынѣшнему порядку двухъ словъ: Книги кормчія, это составляетъ вопросъ. Полагаютъ, что у насъ названіе придумано или вошло въ употребленіе потому, что древніе святые отцы весьма часто уподобляютъ церковь кораблю. Однако, церковь уподобляютъ кораблю греческіе святые отцы, а между тѣмъ у самихъ Грековъ вовсе не было какого-нибудь названія номоканона, которое бы соотвѣтствовало нашему названію

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что подъ „продажею“ въ Законѣ судномъ разумѣется вовсе не „продажа“ въ нашемъ смыслѣ слова, а наказаніе несравненно тягчайшее и совсѣмъ другое: говорится: „да продается (виновный) со всѣмъ имѣніемъ своимъ“,—§ 10 (по другому счету—11); назначается какъ наказаніе третьекратному рецидивисту послѣ „да тепется“ и „отъ земли да посылается“, — § 26, см. также и § 28, о кражѣ изъ олтаря и изъ остальной части церкви.

[2]) И у Грековъ названіе номоканонъ не особенно древнее, однако не позднѣйшее конца IX — начала X вѣка, ибо уже употребляется въ житіи св. Меѳодія Моравскаго, написанномъ, по всей вѣроятности, до 908 г., а во всякомъ случаѣ въ первой четверти X вѣка.

Кормчія книги (а названіе новѣйшаго греческаго номоканона Πηδάλιον, что̀ значитъ руль, прави́ло, по всей вѣроятности, есть подражаніе нашему названію)[1]. Полагаемъ, что дѣйствительное объясненіе дѣла есть иное и, такъ сказать, гораздо простѣйшее: буквальный славянскій переводъ греческаго слова νομοκανών есть законопра́вило или, какъ это переведено въ житіи св. Меѳодія, закону — пра́вило; слово пра́вило было понято у насъ въ смыслѣ прави́ло, что̀ значитъ руль, пославянски кръма, корма, или принято за это послѣднее, и отсюда явилось названіе Кормчія книги (номоканонъ митр. Кирилла существовалъ у насъ въ двухъ редакціяхъ или, какъ принято выражаться, двухъ фамиліяхъ списковъ: Новгородской и Рязанской, о чемъ будемъ говорить во 2-мъ томѣ; названіе: „Кормчія книги" употребляется только въ спискахъ первой редакціи, изъ чего можно заключать, что русское названіе дано номоканону въ Новгородѣ. Древнѣйшій извѣстный списокъ Кирилловой Кормчей Новгородской фамиліи, относящійся къ концу XIII вѣка, надписывается: „Книгы глаголемыя Кърмичия, рекъше правило закону, грецькымь языкомь номоканонъ". Таковой же списокъ Рязанской фамиліи, написанный въ 1284 г., надписывается: „Книгы глаголемыя гречьскымь языкомь Номоканунъ, сказаемыя нашимь языкомь закону-правило").

(Если названіе номоканонъ явилось у насъ только послѣ нашествія Монголовъ, то это опять будетъ указывать на время появленія такъ называемыхъ уставовъ Владимира и Ярослава. А къ двумъ вѣроятнымъ основаніямъ относить появленіе уставовъ ко времени послѣ нашествія Монголовъ — третье положительное есть то, что уставъ Владимировъ, не говоря уже о позднѣйшемъ его уставѣ Ярославовомъ, не былъ извѣстенъ въ южной или Кіевской Руси).

О поученіи Новгородскаго архіепископа Иліи священникамъ епархіи въ сборное воскресеніе 1166-го года.

Поученіе это найдено покойнымъ А. С. Павловымъ въ одной изъ рукописей, принадлежавшихъ также покойному А. Н. Попову, а теперь находящихся въ Румянцевскомъ Музеѣ, и напечатано имъ — Павловымъ въ октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1890-й годъ (подъ заглавіемъ: „Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка")[2].

---

[1]) А когда баронъ Розенкампфъ говоритъ, будто у Грековъ съ самыхъ древнихъ временъ составъ правилъ св. отцевъ названъ былъ „Кормчимъ" или погречески Πηδάλιον, — Обозр. Кормч., 1 изд. стр. 68 нач., то говоритъ совершенную неправду (описательно, но не какъ присвоенное названіе, иногда употреблялось о правилахъ выраженіе руль, gubernaculum).

[2]) Перепечатано поученіе въ третьемъ выпускѣ Памятниковъ древне-русской

Что поученіе, не имѣющее въ своемъ заглавіи по найденному списку имени автора, принадлежитъ Новгородскому архіепископу Иліи, это доказалъ г. Павловъ въ предисловіи къ своему его изданію. Что оно представляетъ собою поученіе, предложенное архіепископомъ священникамъ своей епархіи въ сборное воскресеніе и именно въ сборное воскресеніе 1166-го года, это видно изъ него самаго: архіепископъ говоритъ священникамъ, что обращается къ нимъ съ своимъ словомъ при настатіи великаго поста (по изд. *Павлова* § 18), и даетъ знать, что обращается къ нимъ съ этимъ „сборскимъ" словомъ въ первый разъ послѣ поставленія (въ началѣ поученія), а такъ какъ онъ поставленъ въ епископы 28-го Марта 1165-го года, въ вербное воскресеніе, то первое сборное воскресеніе было для него въ 1166-мъ году.

Начало поученія приведемъ сполна, при чемъ для удобопонятности позволимъ себѣ нѣкоторую свободу съ текстомъ подлинника. „Се, братіе,— начинаетъ архіепископъ поученіе, Богу тако изволившу и святѣй Богородицѣ и вашей молитвѣ, мнѣ худому немощно (было) отречися вамъ отъ сего (святаго) и великаго сану, егоже нѣсмь достоинъ былъ. Но то Богъ свѣдаетъ и пресвятая Матерь Его, яко не самъ его взыскахъ, но убоявся суда Божія и вашей любви, яже до моей худости [1]). Да аще изволили мя есте (избрати) и принудили на се дѣло: тако же вы паки достойно и послушати (мене). Не рцыте тако: „свой ны есть, да что ны хочетъ створити (не говорите, что онъ свой намъ, что̀ онъ намъ сдѣлаетъ). Но аще, братіе, погодится (случится) что тѣлесное (архіепископъ разумѣетъ подъ тѣлеснымъ или вещественнымъ взиманіе архіереями со священниковъ податей и пошлинъ): то надѣюся на Бога и на святую Богородицу, яко всяко не хощу (никако хощу) озлобити васъ, не на то бо есть вшелъ, а то Богъ вѣсть и вы. Аще ли погодится кая-либо душевная вина (со стороны какого священника), ино того нельзя (мнѣ) преступити (оставить такъ), ни рещи тако: „свой есмь имъ, да того ради умолчу, не хотя братіи своей досадити". По то вы ся не поручаю (этого я вамъ не обѣщаю), да не моимъ небреженіемъ внидетъ въ вы слабость, а отъ васъ во (все, составляющее вашу паству) человѣчество, и (аще) азъ буду вина всему отечеству своему и вы въ моемъ небреженіи погибнете душами: то почто ся я буду и родилъ, а вы вотще трудились ищуще мене (т. е. ищуще избрать въ епископы). Да о семъ, братіе, молюся (вамъ): еже хощу рещи (вамъ)

церковно-учительной литературы, издаваемыхъ журналомъ „Странникъ", подъ редакціей проф. Пономарева.

[1]) Совершенно ли такъ было дѣло съ избраніемъ Иліи въ епископы, какъ онъ его представляетъ, не можемъ сказать, ибо лѣтописи не говорятъ объ его избраніи. Говоря только объ его поставленіи, большая часть лѣтописей глухо выражаются, что онъ поставленъ бысть или что его поставиша; а двѣ лѣтописи (Ипатская и Воскресенская) говорятъ, что его поставилъ великій князь.

отъ худоумія моего, пріимите съ любовію, не о себѣ бо глаголю, но нудитъ мя святое писаніе, еже нарекшуся пастухомъ не молчати. И пастухъ овчій, аще молчитъ, то восхищаемо (бываетъ) овча волкомъ отъ стада его и (онъ) платитъ за не сугубо господину овчате. Но кольми паче, аще азъ умолчу, будетъ пакость стаду Христову, еже есте вы и дѣти ваша духовная".

За симъ архіепископъ обращается съ увѣщаніями и наставленіями къ священникамъ. Увѣщеваетъ ихъ воздерживаться отъ многаго и безвременнаго пьянства,—отъ ростовщичества, причемъ виновнымъ грозитъ: „и кунъ лишу и въ казни будетъ отъ мене"; наставляетъ, какъ обращаться съ приходящими на духъ и увѣщеваетъ заниматься почитаніемъ книжнымъ; увѣщеваетъ воздерживаться отъ игры въ кости; наставляетъ относительно преподаянія причастія, относительно наложенія епитимій на „сиротъ", т. е. на рабовъ, обязанныхъ тяжкими работами своимъ господамъ, и на душегубцевъ, относительно епитимій, состоящихъ въ ограниченіи пищи и питія; наставляетъ относительно крещенія дѣтей и относительно руководства въ поведеніи матерей или кормилицъ дѣтинныхъ; увѣщеваетъ достойнымъ образомъ приготовляться къ совершенію литургіи, не ссылаясь на примѣръ прежнихъ священниковъ, погрѣшенія которыхъ по недавности христіанства въ Русской землѣ извинительны, но не должны служить для нихъ примѣромъ; увѣщеваетъ не таиться передъ нимъ тѣхъ изъ священниковъ, которые имѣютъ за собою вины, требующія сложить съ себя священство; даетъ наставленіе относительно поведенія въ церкви беременныхъ женщинъ, именно — чтобы онѣ не клали земныхъ поклоновъ; внушаетъ возбранять женщинамъ хожденіе къ волхвамъ; преподаетъ наставленіе относительно провожденія великаго поста; предписываетъ, чтобы пары мужчинъ и женщинъ, живущихъ брачною жизнію или вообще находящихся въ связи безъ вѣнчанія, вѣнчали въ церкви, причемъ въ случаѣ наличности дѣтей вѣнчали бы и съ сими послѣдними; говоритъ, что при настоятельной нуждѣ идти къ больному для причастія или для крещенія больнаго младенца въ воскресный день, можетъ быть оставляема служба въ церкви; наставляетъ увѣщевать міряпъ воздерживаться отъ крестнаго цѣлованія и учить ихъ милостынѣ отъ трудовъ праведныхъ, вразумляя ихъ, что милостыня отъ трудовъ неправедныхъ есть предъ Богомъ ничто; дѣлаетъ предписаніе о невношеніи въ алтарь и въ жертвенникъ приносимыхъ въ церковь брашенъ и питій (канýновъ); увѣщеваетъ заботиться о духовныхъ дѣтяхъ, учить ихъ надлежащему стоянію въ церкви, унимать отъ святочныхъ предосудительныхъ игръ и отъ кулачныхъ боевъ, дѣтей учить почитанію родителей, всѣхъ—бѣганію гнѣва и гордости [1]).

[1]) Наставленіями и увѣщаніями архіепископа Иліи по ихъ содержанію мы воспользуемся во 2-й половинѣ тома при 2-мъ изданіи этой послѣдней.

Весьма замѣчательно приглашеніе, которое дѣлаетъ архіепископъ священникамъ, сознающимъ за собою вины, лишающія священства. Онъ увѣщеваетъ ихъ, чтобы они, заботясь о своемъ душевномъ спасеніи, не таилися съ ними отъ него — архіепископа; а если, говоритъ онъ, такіе священники боятся, что, сложивъ съ себя священство, помрутъ съ голоду, то пусть этого не боятся,—онъ съ казной св. Софіи не допуститъ ихъ до этого. „Но и се вамъ хощу, братіе, молвити, — обращается онъ къ священникамъ, но не зазрите ми, не бо осужая васъ глаголю, но любя вы, якоже, вы мене возлюбисте, дабы никтоже отъ васъ не погиблъ душею: да аще кто (изъ васъ), братіе, имѣетъ какову вину душевную, яже отлучаетъ отъ поповства, Бога дѣля и своего спасенія не мозите утаити отъ мене, азъ бо ялся по се великое дѣло (т. е. по дѣло архіерейства) не себѣ дѣля, но васъ не смѣя ся отрещи; нынѣ же, аще кака кому вина, не рцыте тако: „аще останемся поповства (откажемся отъ поповства) помирати ны будетъ гладомъ", не дай Богъ того, еже бы быти тому на моей братьи: святая бо Софія не убога есть, да мочно ми есть и въ церковь ввести (?) и хлѣба дати, мнѣ бо некому добытка копити—ни женѣ, ни дѣтемъ, ни во ину землю слати (намекъ на митрополитовъ нашихъ періода домонгольскаго и на епископовъ изъ Грековъ, представляющій положительное свидѣтельство о томъ, что нужно было бы предполагать); но вы—моя братія, вы же и дѣти мои, да не бы что недобро было душамъ вашимъ мною худымъ, да быстe не вотще трудилися, ищуче меня (т. е. избирая меня въ епископы); да не мозите мнѣ поречи что (не могите сѣтовать на меня), еже о томъ вопрошахъ васъ, — (вопрошахъ) ища вашимъ душамъ спасенія".

Прося священниковъ не жаловаться, если кого изъ нихъ пришлось ему озлобить словомъ, увѣряя ихъ, что какъ прежде имѣлъ ихъ братіею и отцами, такъ и впредь будетъ имѣть, и что если онъ кому-либо изъ нихъ что-либо воспрещалъ, то не съ замысломъ у кого что взять (т. е. не съ умысломъ заставить священниковъ, которымъ онъ воспрещалъ, откупаться отъ его гнѣва приношеніемъ ему даровъ или взятокъ), а токмо блюдя души своей и ихней, дабы что не по чину сотворилося въ нихъ, архіепископъ заключаетъ свое поученіе: „А простите мя, братіе, аще мало слово изрекохъ отъ худоумья моего, а вамъ се добрѣ свѣдущимъ, но вы сами вѣдаете, оже азъ—не который (не Богъ знаетъ—какой) книжникъ; аще что буду нестройно изреклъ, не зазрите ми, занеже нищь есть мужъ, невѣжа, и не умѣю (сдѣяти), по что ся иму; да и еще быхъ молвилъ вамъ, но луче малое се (т. е. о чемъ я сказалъ вамъ) исправити, неже многое (что бы я еще могъ сказать) въ забытьи положити (оставить не исполненнымъ") [1].

---

[1]) О литературномъ достоинствѣ поученія нѣсколько скажемъ ниже, въ главѣ о просвѣщеніи.

Частнѣйшія извѣстія объ епархіяхъ періода домонгольскаго.

Раздѣленіе Россіи на епархіи имѣетъ соотношеніе и связь съ ея раздѣленіемъ на удѣлы. А посему не мѣшаетъ читателю нѣсколько напомнить себѣ это послѣднее.

Впервые раздѣлилъ Россію на удѣлы Святославъ между своими тремя сыновьями. Но его раздѣленіе за скорой смертью двоихъ сыновей, не имѣвшихъ наслѣдниковъ, не оставило удѣльныхъ линій. Послѣ Святослава въ другой разъ раздѣлилъ Россію на удѣлы Владиміръ между своими 12 сыновьями. Отъ этого раздѣленія осталась одна удѣльная линія—Полоцкая. Владиміръ отдалъ Полоцкъ старшему сыну отъ Рогнѣды, княжны Полоцкой, Изяславу, который умеръ еще при жизни отца въ 1001-мъ г. и потомки котораго чрезъ сіе послѣднее обстоятельство лишились права на старшинство въ родѣ и на занятіе по сему праву великокняжескаго престола (княжескіе изгои). Потомки Полоцкаго Изяслава по его воинственному внуку назывались Всеславичами.

Въ третій и послѣдній разъ раздѣлилъ Россію на удѣлы Ярославъ, который оставилъ послѣ себя пять сыновей, посадивъ ихъ при своей смерти: Изяслава на великомъ княженіи, Святослава въ Черниговѣ, Всеволода въ Переяславлѣ, Игоря во Владимірѣ Волынскомъ и Вячеслава въ Смоленскѣ. Изъ этихъ пятерыхъ пошли три удѣльныя линіи отъ троихъ первыхъ—Изяславичей, Святославичей и Всеволодовичей, а что касается до двоихъ послѣднихъ, то пятый, Вячеславъ, имѣлъ потомства всего одного сына, а четвертый, Игорь, имѣлъ его весьма немногочисленное.

Кромѣ пятерыхъ сыновей Ярославъ оставилъ еще не надѣленнаго удѣломъ внука Ростислава, сына умершаго еще при немъ самомъ его старшаго сына, Новгородскаго Владиміра (1052). Дѣти этого Ростислава, получившіе себѣ удѣлъ при третьемъ преемникѣ Ярослава на великокняжескомъ престолѣ—его сынѣ Всеволодѣ, составили еще линію удѣльныхъ князей—Ростиславичей, въ отношеніи къ великокняжескому престолу изгойную, подобно Полоцкой Изяславовой.

Эти пять линій удѣльныхъ князей и владѣли Русью въ продолженіе періода домонгольскаго. Вторые Изяславичи, внуки Ярослава, имѣли своимъ удѣломъ область Туровскую, въ которой княжилъ Изяславъ еще при жизни Ярослава [1]) и которая, нѣтъ сомнѣнія, придана была ему въ родовую собственность къ великому княженію. Святославичи, иначе называвшіеся Ольговичами, имѣли удѣломъ область Черниговскую, къ которой принадлежали Муромъ съ Рязанью, земля Вятичей съ Радимичами и Тмутаракань. Всеволодовичи, иначе Мономаховичи, имѣли своимъ удѣломъ Переяславль, къ которому принадлежали Ростовъ съ Бѣлозерьемъ и Суздалью. Кромѣ того въ ихъ же родъ достались удѣлы Владиміро-Волын-

---

[1]) Ипатск. лѣтоп. подъ 1054 г., также Тверск. лѣтоп.

скій и Смоленскій. Ростиславичамъ отдана была въ удѣлъ такъ называемая Червонная Русь или Галиція, бывъ отдѣлена отъ Волыни.

Такимъ образомъ, въ періодъ домонгольскій было пять удѣльныхъ княжескихъ линій и семь удѣловъ. Четыре линіи владѣли каждая однимъ удѣломъ, и пятая, — Всеволодовичей или Мономаховичей, тремя удѣлами.

Каждый удѣлъ, представляя изъ себя особое цѣлое, подраздѣлился на бо́льшее или меньшее количество побочныхъ или частнѣйшихъ удѣловъ, при чемъ отдѣлившійся отъ Переяславскаго въ началѣ XII вѣка удѣлъ Суздальскій или Владимирскій занялъ мѣсто между главными или основными удѣлами, такъ что сихъ послѣднихъ вмѣстѣ съ нимъ должно быть считаемо восемь.

Вотъ списокъ удѣловъ съ показаніемъ линій:

1. Удѣлъ Полоцкій. Княжеская линія—Изяславичи первые: Изяславъ Владимировичъ † 1001, Брячиславъ Изяславичъ † 1044, Всеславъ Брячиславичъ † 1101, по которому Всеславичи, и пр.

2. Удѣлъ Туровскій. Изяславичи вторые: Изяславъ Ярославичъ † 1078, Святополкъ Изяславичъ † 1113, по которому Святополковичи, и пр

3. Удѣлъ Черниговскій. Святославичи: Святославъ Ярославичъ † 1076, Олегъ † 1115 и Ярославъ † 1129 Святославичи, изъ коихъ отъ перваго—линія Черниговская (съ своими подраздѣленіями), а весь родъ—Ольговичи, отъ втораго линія—Муромско-Рязанская.

Удѣлы: 4. Переяславскій,
5. Суздальскій, отъ него отдѣлившійся,
6. Владимиро-Волынскій и
7. Смоленскій.
} Всеволодовичи или Мономаховичи.

Всеволодъ Ярославичъ † 1093, получившій отъ отца удѣлъ Переяславскій и потомъ пріобрѣтшій удѣлъ Смоленскій (до 1078 г., Лавр. лѣтоп. подъ симъ годомъ), Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ † 1125, отъ котораго весь родъ—Мономаховичи, въ 1119-мъ г. пріобрѣтшій удѣлъ Владимиро-Волынскій, Мстиславъ Великій † 1132 и Юрій Долгорукій † 1157 Владимировичи, и пр. Въ Переяславлѣ не утвердилось своей особой линіи и онъ былъ общимъ достояніемъ рода. Затѣмъ линіи—Владимиро-Волынская и Смоленская отъ двухъ сыновей Мстислава Великаго: первая Изяслава, вторая Ростислава; линія Суздальская отъ Юрія Долгорукаго.

8. Удѣлъ Галицкій. Ростиславичи: Владимиръ Ярославичъ Новгородскій † 1052, Ростиславъ Владимировичъ † 1066, такъ сказать—безземельный (съ 1064-го г. Тмутараканскій), Рюрикъ, Владимиръ и Василько Ростиславичи Галицкіе, и пр.

Сколько было открыто у насъ епархій при первомъ введеніи церковнаго управленія св. Владимиромъ, остается положительно неизвѣстнымъ, но со всею вѣроятностію нужно полагать ихъ, кромѣ самой митрополіи, во-

семь; именно—несомнѣнно открыты были пять епархій: 1. Черниговская, 2. Бѣлгородская, 3. Владимиро-Волынская, 4. Новгородская, 5. Ростовская; должны быть считаемы вѣроятно открытыми три епархіи: 6. Туровская, 7. Полоцкая и 8. Тмутараканская.

Послѣ Владимира до нашествія Монголовъ постепенно были открываемы новыя епархіи: 9. Переяславская и 10. Юрьевская при Ярославѣ, 11. Смоленская въ 1137-мъ г., 12. Галичская до 1165-го г., 13. Рязанская до 1207-го г., 14. Владимиро-Клязенская въ 1214-мъ г., 15. Перемышльская въ 1220-мъ г. или прежде сего года, 16. Угровская—незадолго до нашествія Монголовъ.

О самой митрополіи мы обстоятельно говорили выше, и поэтому обращаемся прямо къ епископіямъ.

(Относительно списковъ епископовъ каждой епархіи, которые предлагаемъ ниже, поступаемъ такимъ образомъ, что въ текстѣ помѣщаемъ епископовъ, записи о которыхъ читаются въ лѣтописяхъ и въ другихъ источникахъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ, а въ примѣчаніяхъ помѣщаемъ епископовъ, извѣстныхъ по позднѣйшимъ каталогамъ и по другимъ позднѣйшимъ источникамъ или прямо недостовѣрнымъ или ненадежнымъ. Лѣтописи Лаврентьевскую и Ипатскую не цитуемъ [1]), а что находимъ помимо ихъ въ лѣтописяхъ новѣйшихъ, прямо указываемъ. Позднѣйшіе каталоги указываемъ по Исторіи іерархіи, въ которой обо всѣхъ епархіяхъ въ 1-й части и которой поэтому мы означаемъ только страницы, предполагая подразумѣваемою сейчасъ названную часть [2]).

1. Епархія Черниговская.

Черниговъ, находящійся на Деснѣ, верстахъ въ 120-ти на сѣверо-востокъ отъ Кіева, главный городъ племени Сѣверянскаго или Сѣверскаго, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ или первоначальныхъ городовъ Руси, бывъ между ними на югѣ если не старшимъ по времени, то старѣйшимъ по степени послѣ Кіева [3]). При Владимирѣ онъ принадлежалъ къ великому княженію; послѣ его смерти сначала то же, а потомъ съ 1026-го года по 1036-й годъ былъ столицей его сына Мстислава Тмутараканскаго, которому Ярославъ долженъ былъ уступить Русь по сю сторону Днѣпра; по-

---

[1]) Такъ что всѣ епископы, при именахъ которыхъ не стоитъ цитатъ, и всѣ свѣдѣнія объ епископахъ, которыя не цитуются или сообщаются безъ цитатъ, должны быть считаемы взятыми или изъ одной которой нибудь изъ этихъ лѣтописей или изъ обѣихъ вмѣстѣ (за исключеніемъ епископовъ Новгородскихъ, о которыхъ дѣлаемъ ниже прямую оговорку).

[2]) Въ 1877 г. напечатаны Археографической Коммиссіей „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви“, составленные покойнымъ *П. М. Строевымъ*. Предлагаемый списокъ свѣренъ со списками Строева.

[3]) Сfr. лѣтоп. подъ 907 и 945 гг.

слѣдній, при своемъ раздѣленіи государства на удѣлы, отдалъ его второму сыну Святославу, за племенемъ котораго онъ и остался.

Извѣстные въ настоящее время епископы Черниговскіе суть: 1. Неофитъ, самый первый, поставленный Владиміромъ [1]), 2. Неофитъ 2-й, упоминаемый подъ 1072-мъ г. [2]), 3. Іоаннъ [3]), поставленный неизвѣстно когда до 1087-го г., 25 лѣтъ лежавшій въ болѣзни и умершій 23 Марта 1112-го г., 4. Өеоктистъ, преемникъ Іоанна, изъ игуменовъ Печерскихъ, поставленный 11 или 12 Января 1113-го г., умершій 6 Августа 1123-го г., 5. Пантелеймонъ, ум. 1142 г. [4]). 6. Онуфрій, преемникъ предъидущаго, пост. въ 1143-мъ г., упом. подъ 1146-мъ и 1147-мъ гг., бывшій въ дѣлѣ о поставленіи митрополита, послѣ удаленія Михаила, въ главѣ партіи антигреческой, 7. Антоній, родомъ Грекъ, упом. подъ 1159 г. и представляемый какъ интриганъ [5]), удаленный съ каѳедры въ 1168 г. [6]), 8. Порфирій, упом. подъ 1187-мъ г., едва ли тоже не Грекъ, ознаменовавшій себя тѣмъ, что въ одномъ посольствѣ, правленномъ по порученію князей, велъ себя „не яко святительски, но яко перевѣтникъ и ложь“; 9. Порфирій 2-й, упом. съ 1230-го г.; въ 1239-мъ г., когда Татары взяли и разграбили Черниговъ, какимъ-то образомъ успѣвшій снискать ихъ бо́льшее или меньшее благоволеніе и живымъ отпущенный въ Глуховъ [7]).

Епархія Черниговская, до открытія епархіи Рязанской, обнимала все удѣльное княжество Черниговское, какъ особое цѣлое, т. е. области собственно Черниговскую, Рязанскую и Муромскую и землю Вятичей съ Радимичами. Собственная область Черниговская обнимала нынѣшнюю губернію Черниговскую и не менѣе половины нынѣшней губерніи Курской (по г. Курскъ включительно); область Муромско-Рязанскую составляли—юговосточный уголъ губерніи Владимирской, губернія Рязанская и значительная часть губерній Тульской, Воронежской и Тамбовской; земля Вятичей

---

[1]) Никон. лѣт. I, 105.

[2]) Въ лѣтопп. Воскресенск. и Софійск. 1-й, но не Лаврент. и Ипатск. Въ Исторіи іерархіи между Неофитами Мартирій и Өеодулъ.

[3]) „А по Никоновской лѣтописи,—говоритъ авторъ Исторіи іерархіи, не знаемъ, на какомъ основаніи,—Исаія“.

[4]) Въ Исторія іерархіи между Өеоктистомъ и Пантелеймономъ Геракліидъ.

[5]) Въ Ипатск. лѣт. подъ 1164 г.

[6]) Въ Исторіи іерархіи между Онуфріемъ и Антоніемъ—Өеотекнъ и Евөимій, упоминаемый будто бы въ 1148 г.

[7]) Въ Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи (покойнаго архіепископа Черниговскаго, извѣстнаго историка, Филарета,—Черниговъ, 1861 г.) списокъ епископовъ Черниговскихъ, составленный на основаніи синодиковъ (позднѣйшихъ) мѣстныхъ монастырей и церквей, есть слѣдующій (стр. 11): 1. Неофитъ, 2. Мартирій, 3. Өеодулъ, 4. Неофитъ 2-й, 5. Іоаннъ, 6. Өеоктистъ, 7. *Парөеній* 8. Пантелеймонъ, 9. Онуфрій, 10. Евөимій, 11. Антоній, 12. Порфирій 1-й, 13. Порфирій 2-й.

съ Радимичами—восточная часть губерніи Могилевской и большая часть губерній Калужской и Орловской [1]).

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Черниговскихъ былъ храмъ Преображенія Господня или Спасскій, который при Владимирѣ былъ деревянный, а потомъ каменный — начатъ Мстиславомъ Владимировичемъ († 1036), а оконченъ Святославомъ Ярославичемъ († 1076).

2. Епархія Бѣлгородская.

Бѣлгородъ,—въ настоящее время мѣстечко Бѣлгородка, находящееся въ 23½ верстахъ къ юго-западу отъ Кіева, на р. Ирпени, и составляющее первую станцію на почтовой дорогѣ къ Житомиру. Или онъ самъ составлялъ или въ немъ находилось одно изъ главныхъ имѣній Владимира, ибо до принятія христіанства, по словамъ лѣтописца, у него помѣщена была здѣсь значительная часть его многочисленныхъ наложницъ (300 изъ 800). На третій годъ послѣ похода подъ Корсунь (991), весьма вѣроятно—одновременно съ тѣмъ или передъ самымъ тѣмъ, какъ водворять епископа, Владимиръ заложилъ въ Бѣлгородѣ настоящій городъ или крѣпость и значительно умножилъ его населеніе посредствомъ вывода изъ другихъ мѣстъ, „бѣ бо, говоритъ лѣтописецъ, любя градъ сь“. Впослѣдствіи однако онъ называется „градомъ малымъ“ [2]). Бѣлгородъ принадлежалъ собственно къ великому княженію, но въ 1117-мъ г. Владимиръ Мономахъ посадилъ въ немъ старшаго сына своего Мстислава, желая имѣть себѣ въ немъ надежнаго подручника, что̀, вѣроятно, дѣлали и другіе великіе князья. Со второй половины XII вѣка Бѣлгородъ постоянно имѣлъ своихъ особыхъ князей, но не изъ одной утвердившейся линіи, а перемѣнныхъ, большею частію изъ Смоленскихъ и Суздальскихъ Мономаховичей (всѣхъ долѣе Рюрикъ Ростиславичъ Смоленскій съ своимъ сыномъ Ростиславомъ, 1174—1205).

Такъ какъ при Владимирѣ Бѣлгородъ не имѣлъ никакого значенія ни въ какомъ отношеніи, то очевидно, что епископская каѳедра учреждена въ немъ не по какой - нибудь мѣстной нуждѣ, а по другимъ причинамъ. Этими причинами можетъ быть предполагаемо, во-первыхъ, то, что, назначивъ престольнымъ городомъ митрополита не Кіевъ, а Переяславль, Владимиръ хотѣлъ имѣть въ епископѣ Бѣлгородскомъ такого архіерея, который бы въ нужныя времена могъ совершать въ Кіевѣ архіерейскія служенія и вообще былъ бы для него—великаго князя архіереемъ, такъ

---

[1]) Въ словарѣ Россійской имперіи Семенова причисляется къ домонгольской Черниговской области городъ Можайскъ, см. это слово. Но Можайскъ смѣшивается въ Словарѣ съ Масальскомъ, сfr *Карамз.* III, 158 и прим. 337.

[2]) Лаврент. лѣтоп. подъ 1097 г.: „Бѣлгородъ градъ малъ у Кіева, яко 10 верстъ вдалѣ“ (Въ Ипатск. лѣтоп. ошибочно Звенигородъ). У Грековъ однако величался почему-то Ἀσπρόκαστρον μεγάλον,—у *Ралли* и *П.* V, 486.

сказать, придворнымъ, episcopus curialis, каковые бывали и у другихъ государей; во-вторыхъ,—то, чтобы дать въ немъ митрополиту какъ бы викарія и помощника.

Въ настоящее время извѣстны епископы Бѣлгородскіе: 1. Никита, самый первый, поставленный Владиміромъ [1]), 2. Стефанъ упоминаемый подъ 1072-мъ г. [2]), 3. Лука, упоминаемый подъ 1089-мъ г., 4. Никита 2-й, поставленный въ 1113-мъ г. и упоминаемый подъ 1115-мъ г., 5. Θеодоръ, упоминаемый подъ 1147-мъ и 1148-мъ гг., 6. Максимъ, упоминаемый въ 1187-мъ г. и умершій въ 1190-мъ г., 7. Адріанъ, преемникъ Максима, изъ игуменовъ Выдубицкихъ, поставленный въ томъ же 1190-мъ г. и упоминаемый въ 1197-мъ г. [3]) Подъ послѣднимъ годомъ Ипатская лѣтопись, выражаясь какъ-то невразумительно, называетъ Адріана то епископомъ Бѣлгородскимъ, то Юрьевскимъ, что̀ вѣроятно должно понимать такъ, что онъ временно завѣдывалъ обѣими епархіями. Послѣднее извѣстное намъ упоминаніе объ епархіи Бѣлгородской относится къ 1231-му г. Она прекратила свое существованіе, нѣтъ сомнѣнія, въ нашествіе Монголовъ.

Составлялъ ли епархію Бѣлгородскую одинъ только Бѣлгородъ съ своимъ весьма малымъ уѣздомъ или принадлежало къ ней еще что нибудь, остается намъ неизвѣстнымъ.

Каѳедральная церковь епископовъ Бѣлгородскихъ была во имя свв. Апостоловъ. До 1197-го года она была деревянная, а въ семъ послѣднемъ году на мѣстѣ деревянной князь Рюрикъ Ростиславичъ создалъ каменную, о которой лѣтописецъ говоритъ, что высотою и величествомъ и прочимъ украшеніемъ она была вдивъ (на диво) удобрена [4]).

3. Епархія Владиміро-Волынская.

Владиміръ Волынскій, находящійся на самой западной границѣ нынѣшней Волынской губерніи, на межѣ съ древней сѣверной Галиціей, составляющей нынѣ Люблинскую губернію бывшаго царства Польскаго (на рѣкѣ или рѣчкѣ Лугѣ, впадающей справа въ Западный Бугъ), какъ необходимо заключать отъ имени, или совсѣмъ вновь былъ основанъ, или по крайней мѣрѣ изъ селенія возведенъ въ городъ св. Владиміромъ. При жизни Владиміра удѣльное княжество Владиміро-Волынское составляли—

---

[1]) Никон. лѣтоп. I, 105.

[2]) Въ Никон. лѣт. (у *Строева* ошибочно: Никита, 1071).

[3]) Въ Исторіи іерархіи, стр. 222, послѣ Θеодора: Діонисій, Іоаннъ, Кириней.

[4]) Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 473. Рюрикъ Р-чъ въ то время былъ великимъ княземъ Кіевскимъ, но въ Бѣлгородѣ, изъ котораго онъ перешелъ въ Кіевъ, онъ оставилъ княжить сына своего Ростислава (По извѣстію Никоновской лѣтописи,—I, 107, Владиміръ, заложивъ въ Бѣлгородѣ въ 991 г. настоящій городъ, поставилъ въ немъ церковь Преображенія Христова. Если извѣстіе справедливо, то странно, что каѳедра епископовъ была не при сей церкви).

во-первыхъ, собственная область Волынская безъ Древлянской, которая имѣла своего особаго князя,—во-вторыхъ, сейчасъ помянутая древняя Галиція или Червонная Русь. Послѣ смерти Владимира (и въ слѣдъ за нимъ Святослава Древлянскаго, убитаго Святополкомъ) его составляли до 1084—1086 г. область Волынско-Деревлянская съ Червонной Русью, а съ помянутаго года одна первая, ибо Червонная Русь образовала изъ себя особый удѣлъ. Въ 1199-мъ г. Волынь и Червонная Русь снова соединились, но такъ, что не послѣдняя стала принадлежать къ первой, а наоборотъ (Галицкое княжество). Владимиръ отдалъ удѣлъ Волынскій сыну своему Всеволоду, Ярославъ—сыну своему Игорю. Когда послѣдній въ 1057-мъ г. переведенъ былъ въ Смоленскъ на мѣсто умершаго брата Вячеслава, удѣлъ Волынскій въ продолженіе 60 лѣтъ колебался между родомъ Изяслава Ярославича (сынъ Ярополкъ и внукъ Мстиславъ Святополковичъ) и сыномъ Игоря Давидомъ. Въ 1119-мъ г. Владимиръ Мономахъ присоединилъ удѣлъ Волынскій къ владѣніямъ своего рода и въ немъ утвердилась линія его внука Изяслава Мстиславича. Въ 1199-мъ г. Волынскій князь Романъ Мстиславичъ овладѣлъ Галиціей и, пересѣвъ со стола Волынскаго на Галицкій (а во Владимирѣ оставивъ брата своего Василька, † 1269), положилъ начало знаменитому, весьма не на долгое впрочемъ время, Галицкому княжеству и королевству.

По свидѣтельству мѣстнаго лѣтописца, въ началѣ XIII вѣка Владимиръ представлялъ изъ себя такой прекрасный для своего времени городъ, что ему дивились иностранцы, говоря: „така града не изобрѣтохомъ ни въ Нѣмечскихъ странахъ“ [1]). О значительной промышленности и торговлѣ Владимира даетъ знать тотъ же лѣтописецъ, когда говоритъ, что надъ умершимъ княземъ Владимиромъ Васильковичемъ († 1288, сыномъ вышеупомянутаго) „плакашеся все множество Володимерцевъ—мужи и жены и дѣти, Нѣмци и Сурожцѣ и Новгородци и Жидове“ [2]).

Изъ епископовъ Владимиро-Волынскихъ въ настоящее время извѣстны: 1. Стефанъ 1-й, самый первый епископъ, поставленный Владимиромъ [3]), 2. Стефанъ 2-й, постриженникъ Печерскаго монастыря, сначала доместикъ или экклезіархъ въ немъ, а потомъ преемникъ св. Θеодосія на игуменствѣ, скоро согнанный съ послѣдняго братіей неизвѣстно за что, поставленный въ епископы когда-то до 1091-го г. и умершій 27 Апрѣля 1094-го года; 3. Амфилохій, поставленный 27 Августа 1105-го года, умершій въ 1122-мъ г.; 4. Симеонъ, преемникъ Амфилохія, поставленный въ 1123-мъ г., умершій въ 1136-мъ г. [4]); 5. Θеодоръ скопецъ, преемникъ

---

[1]) Ипатск. лѣтоп. подъ 1231 г., 2 изд. стр. 510.

[2]) Ibid. стр. 605.

[3]) Никон. лѣт. I, 105. Въ Исторіи іерархіи, стр. 220, передъ Стефаномъ 1-мъ Θома Грекъ съ 988 (?).

[4]) По Исторіи іерархіи—святый, изъ игуменовъ Печерскихъ.

Симеона, поставленный въ 1137-мъ г., упоминаемый подъ 1147-мъ г.; епископы, бывшіе при Даніилѣ (1205—1264) и Василькѣ Романовичахъ, называемые лѣтописцемъ безъ показанія лѣтъ: Іоасафъ [1], и Василій—оба изъ постриженниковъ находившагося близъ Владиміра монастыря Святая гора, Никифоръ Станило, прежде бывшій слуга (бояринъ) Василька, и Косьма [2].

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Владимирскихъ была церковь св. Богородицы, которая до Мстислава Изяславича, вѣроятно, была деревянная, а симъ послѣднимъ построена каменная [3]. Объ украшеніи новой церкви ея строителемъ Никоновская лѣтопись пишетъ подъ 1160-мъ г.: „тогоже лѣта князь Мстиславъ Изяславичъ подписа святую церковь во Володимирѣ Волынскомъ и украси ю дивно святыми и драгими иконами и книгами и вещми и многими чудными и священными сосуды златыми и съ бисеромъ и съ каменіемъ драгимъ“ [4].

4. Епархія Новгородская.

Рядъ епископовъ Новгородскихъ извѣстенъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная отъ самаго начала, ибо Новгородцы, ведшіе свои собственныя лѣтописныя записи, неупустительно отмѣтили смѣну своихъ владыкъ въ этихъ послѣднихъ [5]. Впрочемъ, за хронологическую достовѣрность древнѣйшаго времени далеко нельзя ручаться.

1. Іоакимъ Корсунянинъ, первый поставленный при Владимірѣ, крестившій Новгородцевъ и правившій весьма долго—въ продолженіе 40 лѣтъ, до 1030-го года. Въ соборные храмы для своей каѳедры онъ построилъ

---

[1]) Въ Новгородской 1-й лѣтописи упоминается подъ 1229 г. (предлагался нѣкоторыми въ архіепископы Новгородскіе, изъ чего можно заключать, что находился въ то время на покоѣ. Извѣстность Іоасафа въ такомъ отдаленномъ отъ Владиміра мѣстѣ, какъ Новгородъ, даетъ знать, что онъ былъ человѣкъ не совсѣмъ рядовой).

[2]) Ипатск. лѣт. подъ 1223 г. Въ одной XVIII в. латинской рукописи, принадлежащей библіотекѣ уніатской Перемышльской епископіи, читается слѣдующій списокъ епископовъ Владимирскихъ, заимствованный будто бы изъ древней записи (ex antiqua charta): Ioannes, Antonius, Anythi (sic), Codrius (sic), Helias, Stephanus, Symeon, Theodorus, Laurentius, Procopius, Antonius, Asaph, Basilius, Nicephorus, Cosmas..., см. въ Галичскомъ историческомъ Сборникѣ, вып. 1, Львовъ 1853, статью *А. С. Петрушевича*: О соборной церкви и святителяхъ въ Галичѣ, стр. 145 прим.

[3]) *Карамз.* III, прим. 3.

[4]) II, 189.

[5]) Изъ лѣтописей Новгородскихъ заимствуемъ и свѣдѣнія о Новгородскихъ епископахъ (до 1108 г., до смерти епископа Никиты, изъ 2-й и 3-й Новгородскихъ лѣтописей и изъ Краткаго лѣтописца Новгородскихъ владыкъ, напечатаннаго въ приложеніи ко 2-й Новгор. лѣтописи, а съ 1108-го г. изъ 1-й Новгородской лѣтописи).

деревянную церковь св. Софіи о 13 верхахъ, которая, бывъ честно устроена и украшена, стояла не на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ построена каменная, а „конець епископли улицы надъ рѣкою надъ Волховомъ", гдѣ послѣ Соткою Сытиничемъ была поставлена церковь Бориса и Глѣба, и которая сгорѣла въ 1045-мъ году. Въ одной Новгородской лѣтописи [1]) читается, что Іоакимъ назначилъ въ преемники себѣ ученика своего Ефрема, но что этотъ Ефремъ, завѣдывавъ епархіей въ продолженіе 5 лѣтъ послѣ смерти Іоакима, святительства не сподобился.

2. Лука Жидята или Жирята, считаемый, едва ли впрочемъ справедливо, между всѣми русскими епископами первымъ изъ природныхъ Русскихъ, поставленъ былъ Ярославомъ, бывъ приведенъ изъ Кіева или взятъ изъ природныхъ Новгородцевъ, въ 1036 (—4) г. Въ 1045-мъ г. вмѣстѣ съ Новгородскимъ княземъ Владиміромъ, сыномъ Ярослава, онъ заложилъ на мѣсто сгорѣвшей деревянной св. Софіи каменную, донынѣ существующую, которая была окончена строеніемъ и освящена въ 1052-мъ г. Въ 1055-мъ г., по оклеветанію своего холопа Дудика въ неподобныхъ рѣчахъ, онъ позванъ былъ въ Кіевъ на судъ къ митрополиту Ефрему, которымъ былъ осужденъ и держанъ въ Кіевѣ въ заключеніи въ продолженіе трехъ лѣтъ, послѣ чего оправданный возвратился на каѳедру. Умеръ послѣ 23-хлѣтняго правленія 15 Октября 1059-го (—60-го) г.

3. Стефанъ, поставленный въ 1061-мъ (—60-мъ) г., правившій въ продолженіе 8 лѣтъ и умершій въ Кіевѣ въ 1068-мъ г., именно—удавленный своими холопами.

4. Ѳеодоръ, поставленный въ 1069-мъ году, правившій 9 лѣтъ и умершій въ 1077-мъ году: „свой его песъ уяде и отъ того умре". При этомъ Ѳеодорѣ являлся въ Новгородѣ волхвъ, увлекшій на свою сторону всѣхъ жителей, которые хотѣли убить его—епископа и отъ руки которыхъ онъ избавленъ былъ смѣлостію и находчивостію тогдашняго Новгородскаго князя Глѣба Святославича.

5. Германъ изъ монаховъ Печерскихъ [2]), поставленный въ 1078-мъ г. и, послѣ 18—лѣтняго правленія, умершій въ 1096-мъ (—95-мъ) г.

6. Никита изъ подвижниковъ Печерскихъ, поставленный въ томъ же 1096-мъ г. [3]), послѣ 13-лѣтняго правленія умершій 30 Января 1108-го г. (Объ его подвигахъ и искушеніи, съ нимъ случившемся въ Печерскомъ монастырѣ, см. въ Печерскомъ Патерикѣ, Поликарпа повѣсть 1-я).

7. Іоаннъ попинъ, т. е. изъ бѣлыхъ священниковъ [4]), поставленный

---

[1]) 3-й, подъ 1030 г.

[2]) По Строеву, изъ игуменовъ Кіево-Спасскаго монастыря (т. е. принимаемый имъ за того Германа, который въ первоначальной Кіевской лѣтописи упоминается подъ 1072-мъ г.).

[3]) Что не позднѣе, см. Лаврент. и Ипатск. лѣтоп. подъ симъ годомъ.

[4]) Въ другихъ—попьянинъ, что есть, полагаемъ, ошибка или древняя особенная форма вмѣсто попинъ.

въ 1110-мъ г. (прибывшій въ Новгородъ съ поставленія 20 Декабря); послѣ 20-лѣтняго правленія отказавшійся отъ епископіи въ 1129-мъ (—30-мъ) г. [1]).

8. Нифонтъ, изъ монаховъ Печерскихъ поставленный въ 1129-мъ г., прибывшій на каѳедру 1 Января 1130-го г. Въ 1134-мъ г. приходилъ въ Новгородъ, вѣроятно, по прошенію Нифонта и, вѣроятно, для успокоенія здѣшнихъ волненій, митрополитъ Михаилъ. Въ слѣдующемъ 1135-мъ г. самъ Нифонтъ ходилъ въ Русь—въ Кіевъ мирить Кіевлянъ съ Черниговцами. Въ 1137-мъ г. онъ не дозволилъ своимъ священникамъ вѣнчать незаконный, по его мнѣнію, бракъ Новгородскаго князя Святослава Ольговича. Въ 1141-мъ г. ходилъ въ Кіевъ съ лѣпшими людьми по новаго Новгородскаго князя и здѣсь, привлекши на себя съ прочими послами гнѣвъ великаго князя, сидѣлъ въ заключеніи 9 мѣсяцевъ. Въ 1144-мъ г. исписалъ честно всѣ притворы въ св. Софіи. Въ 1145-мъ году не приказалъ пѣть надъ двумя утонувшими (вѣроятно, въ пьяномъ видѣ) попами. Въ 1147-мъ г. ходилъ „мира дѣля“ въ Суздаль къ Юрію Долгорукому и принятъ былъ отъ него съ великою честію, достигнувъ вполнѣ цѣли путешествія. Съ того же 1147-го г. принималъ весьма живое участіе въ дѣлѣ митрополита Климента, котораго былъ противникомъ [2]). Въ 1149-мъ году митрополитомъ Климентомъ и великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ былъ посаженъ въ заключеніе въ Печерскомъ монастырѣ, въ которомъ находился, не знаемъ сколько, менѣе года, до отнятія Кіева у Изяслава Юріемъ Долгорукимъ (въ томъ же 1149-мъ г.). Въ 1151-мъ г. „поби святую Софію свинцомъ всю прямь, известію маза всю около“. Въ 1154-мъ г. ходилъ къ Юрію просить его сына Мстислава въ Новгородскіе князья Умеръ послѣ 26 лѣтняго правленія 21 Апрѣля 1156-го года въ Кіевѣ, въ который отправился для встрѣчи новаго митрополита, шедшаго изъ Константинополя. Погребенъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ и до нынѣ находятся его мощи въ Антоніевыхъ или ближнихъ пещерахъ. Въ записи лѣтописца о смерти Нифонта читается: „тояже (указанной) веснѣ преставися архіепископъ (sic) Нифонтъ Апрѣля въ 21, шьлъ бяше Кіеву противу (встрѣчать) митрополита, иніи же мнози глаголаху, яко полупивъ св. Софію (т. е. ограбивъ ея казну) пошелъ Царю-граду, и много глаго-

---

[1]) Въ такъ называемой Тверской лѣтописи читается объ удаленіи Іоанна съ каѳедры: „того же лѣта (1130) архіепископъ Іоань, піань, отврьжеся Новгородскіа епископіа, сѣдѣвь 20 лѣть“,—Собр. лѣтт. XV, col. 196. Можетъ быть, „піань“ передѣлано изъ попинъ, а можетъ быть—оно и само по себѣ. Замѣчательно, что въ одномъ древнемъ помянникѣ Новгородскихъ владыкъ нѣтъ имени нашего Іоанна,—*Востокъ*. Румянц. Муз. стр. 605, col. 1.

[2]) Въ 1148 г. ходилъ въ Суздаль къ Юрію Долгорукому (см. запись на антиминсѣ въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка *И. И. Срезневскаго*, Спб., 1863, стр. 30), вѣроятно, для возбужденія его противъ Климента.

лаху на нь, нъ себѣ на грѣхъ, семъ бы разумѣти комуждо насъ: который епископъ тако украси святую Софію? Притворы испьса, кивотъ створи и всю извъну украси, а Пльсковѣ святого Спаса церковь създа камяну (Мирожскій монастырь), другую въ Ладозѣ святого Климента (въ 1153-мъ г.); мьню бо, яко не хотя Богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утѣху гроба его, отведе й Кыеву и тамо преставися".

9. Аркадій, начинающій собою рядъ Новгородскихъ епископовъ изъ природныхъ Новгородцевъ, которыхъ избирали и назначали сами граждане. Онъ выбранъ былъ всѣмъ собравшимся на вѣче населеніемъ города изъ игуменовъ имъ самимъ построеннаго монастыря св. Богородицы (Аркажа) въ томъ же 1156-мъ г. Безъ посвященія вѣдалъ епископью во дворѣ св. Софіи до 1158-го г. [1]); посвященный въ этомъ послѣднемъ году, правилъ еще 6 лѣтъ и умеръ 18 Сентября 1163-го г. [2]).

10. Илія, взятый изъ священниковъ Новгородской церкви св. Власія на Волосовой улицѣ, посвященный 28 Марта 1165-го г. и послѣ 21-лѣтняго правленія умершій 7-го Сентября 1186-го г. Въ самый годъ посвященія получилъ отъ митрополита Кіевскаго Іоанна санъ архіепископа. Въ 1169-мъ г. было при семъ епископѣ нашествіе Суздальцевъ на Новгородъ, по поводу котораго установленъ праздникъ Знаменія (о немъ ниже). Въ области легендарной онъ знаменитъ своимъ путешествіемъ на бѣсѣ въ Іерусалимъ. Передъ смертію (но не передъ поставленіемъ) онъ постригся въ монахи съ именемъ Іоанна.

11. Гавріилъ, родной братъ Иліи, избранный въ томъ же 1186-мъ г., поставленный 29 Марта 1187-го г., правившій въ продолженіе 8 лѣтъ и умершій 7 Мая 1193-го г., передъ смертію также постригшійся въ монахи съ именемъ Григорія.

12. Мартирій. Объ его избраніи, совершонномъ въ томъ же 1193-мъ году посредствомъ жеребья, въ Новгородской лѣтописи читается: „Новгородци съ княземъ Ярославомъ и съ игумены и съ Софьяны и съ попы гадаша промежу себѣ (о преемникѣ Гавріилу)—сіи хотяху поставити Митрофана, а иніи Мартуріа, а друзіи Гричина, и бысть распря въ нихъ; и положиша на святѣй трапезѣ тріе жребія и послаша съ вѣча слѣпца, да коего намъ Богъ дасть, и вынесе Божіею благодатію Мартурія" [3]). Онъ былъ приведенъ изъ Русы, гдѣ былъ игуменомъ имъ самимъ основаннаго монастыря. Поставленный 16 Декабря того же 1193-го года, былъ на каѳедрѣ въ продолженіе 6 лѣтъ и умеръ 24 Августа 1199-го года.

13. Митрофанъ, вѣроятно, тотъ, о которомъ выше, не избранный

---

[1]) Предположенія относительно того, почему Аркадій оставался долго безъ посвященія, мы высказали выше.

[2]) О древней краткой біографической записи объ Аркадіи см. у *Ключевск.* въ Житіяхъ святыхъ, стр. 64.

[3]) У *Татищева*, III, 304 fin., разсказъ читается нѣсколько иначе.

самими Новгородцами, а поставленный вел. кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ въ томъ же 1199-мъ году и послѣ 10-лѣтняго правленія сведенный съ престола въ 1211-мъ году, о чемъ въ лѣтописи читается: „того же лѣта на зиму, мѣсяца Генваря въ 22 на святаго Климента, злодѣй исперва, не хотя добра, зависть вложи людемъ на архіепископа Митрофана съ княземъ Мстиславомъ и не даша ему правитися и ведоша и́ въ Торопець“.

14. Антоній, постриженикъ Хутынскаго монастыря, въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ, ходившій въ Константинополь, въ которомъ былъ въ 1200-мъ году, привезшій изъ него „гробъ Господень“ (модель гроба Господня или же, можетъ быть, такъ называемую плащаницу) и написавшій Цареградскій Паломникъ, избранный въ томъ же 1211-мъ году и, послѣ 8-лѣтняго правленія, въ 1219-мъ году замѣненный опять Митрофаномъ (изъ Новгорода Антоній удалился къ митрополиту, отъ котораго получилъ епископію Перемышльскую).

15. Митрофанъ, во второй разъ, въ продолженіи 4 лѣтъ, умеръ 3 Іюля 1223-го г.

16. Арсеній, чернецъ Хутынскій, мужъ добрый и зѣло боящійся Бога, избранный въ самый день смерти Митрофана, но послѣ 2-лѣтняго правленія безъ посвященія въ 1225-мъ г. уступившій мѣсто снова Антонію (возвратившемуся изъ Перемышля).

17. Антоній, во второй разъ впродолженіе трехъ лѣтъ до 1228-го г., когда больной и онѣмѣлый сошелъ на Хутынь по своей волѣ.

18. Арсеній чернецъ во второй разъ не на долгое время, согнанный въ томъ же 1228-мъ году съ великимъ безчестіемъ и бывшій причиной, не ясно почему, народнаго междоусобія. У лѣтописца читаемъ: „тъгда же окаянный діаволъ, исперва нехотяи добра роду человѣчу, въздвиже на Арсенія, мужа кротка и смѣрена, крамолу велику—простую чадь, и створше вѣче на Ярославли дворѣ и поидоша на владыцьнь дворъ, рекуче: того дѣля стоитъ тепло долго, выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давъ мзду князю, и аки злодѣя пьхающе за воротъ (sic) выгнаша, малѣ ублюде Богъ отъ смерти—затворися въ церкви святѣй Софіи (и) иде на Хутино“,—затѣмъ описывается народный бунтъ, въ которомъ были разграблены домы нѣкоторыхъ городскихъ и архіепископскихъ чиновниковъ, обвинявшихся въ томъ, что они „на зло князя водятъ“ (Послѣ Арсеній былъ игуменомъ на Хутыни и въ Юрьевомъ монастырѣ).

19. Антоній, въ третій разъ, приведенный изъ Хутыни на другой день послѣ согнанія Арсенія и управлявшій при помощи двухъ посаженныхъ съ нимъ мужей. Былъ не долго до слѣдующаго 1229-го года, послѣ чего умеръ на покоѣ въ 1232-мъ г., страдавъ болѣзнію и онѣмѣніемъ шесть съ половиной лѣтъ.

20. Спиридонъ, изъ іеродіаконовъ Юрьева монастыря. Подобно Мартирію и по той же причинѣ избранъ посредствомъ жеребья въ томъ же

1229-мъ году (три жеребья положены были на святой трапезѣ и одинъ изъ нихъ вынималъ посланный изъ владычней гридницы княжичъ Ростиславъ, сынъ тогдашняго Новгородскаго князя Михаила Черниговскаго). Посвященный въ архіепископы въ 1230-мъ году (4 Марта), сидѣлъ на престолѣ въ продолженіе 20 лѣтъ и умеръ въ 1249-мъ г.

Епархія Новгородская, обнимавшая всю землю и всѣ владѣнія Новгородскія, и относительно была самой обширной епархіей періода до-монгольскаго и безотносительно епархіей чрезвычайно обширной. Государство Великаго Новгорода составляли: во-первыхъ, область или волость Новгородская въ собственномъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ, во-вторыхъ—владѣнія внѣшнія или, такъ сказать, колоніи. Собственная область Новгородская обнимала около двухъ третей нынѣшней губерніи Новгородской безъ сѣверо-восточной трети Бѣлозерской, затѣмъ — нѣкоторую часть губерніи Тверской, невступно до Бѣжецка, Торжка и Осташкова, значительную часть губерніи Псковской (нынѣшніе уѣзды Порховской, Новоржевскій и Велико-луцкій), всю губернію Санктпетербургскую, часть Финляндіи по 47 градусъ долготы, и до 64 гр. широты, около двухъ третей губерніи Петрозаводской приблизительно по 55 градусъ долготы на востокѣ и ту сѣверную часть губерніи Архангельской до моря, которая на сѣверѣ противъ помянутой части губерніи Петрозаводской. Внѣшнія владѣнія или колоніи Новгородцевъ составляли: во-первыхъ, ближайшіе къ Новгороду: Волокъ Ламскій (Волоколамскъ), Торжокъ, Бѣжичи или нынѣшній Бѣжецкъ и Вологда съ ихъ бо́льшими или меньшими волостями; во-вторыхъ, отдаленнѣйшія: область Трѣ или Тѣрь, подъ которою разумѣется Кольская Лапландія [1]), Двинское Заволочье отъ Онѣги до сѣверной Двины и отъ послѣдней до Мезени, Пермь, состоявшая изъ двухъ половинъ,—западной или земли Зырянской (въ нынѣшней Вологодской губерніи) и восточной или Перми въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова (нынѣшняя Пермская губернія), Печора отъ Мезени до Печоры и Югра по ту сторону Урала въ Сибири. Впрочемъ, чрезвычайная земельная обширность Новгородской епархіи вовсе не означаетъ таковой же многочисленности паствы Новгородскихъ епископовъ; напротивъ, по количеству христіанскихъ душъ, епархія, вѣроятно, принадлежала къ числу самыхъ послѣднихъ, между большими епархіями, ибо населеніе Новгородскихъ безмѣрно пространныхъ владѣній въ наибольшей своей части было инородческое и языческое. Къ епархіи Новгородской принадлежалъ Псковъ съ его областію. Послѣдняя была весьма незначительна и гораздо менѣе нынѣшней губерніи Псковской, именно—она представляла изъ себя полосу по обѣимъ

---

[1]) Названіе области Шведско-варяжское и значитъ — Лѣсная страна, см. *Лерберга* Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи, въ переводѣ Д. Языкова, Спб. 1819, стр. 165 (въ настоящее время Терскимъ берегомъ называется южный берегъ Кольской Лапландіи).

берегамъ рѣки Великой, по восточную сторону рѣки столько же широкую, сколько въ настоящее время она широка по западную отъ губерній Лифляндской и Витебской (Холмскій уѣздъ принадлежалъ къ области Суздальско-Владимирской, а Торопецкій къ Смоленской).

О каѳедральномъ храмѣ епископовъ Новгородскихъ св. Софіи обстоятельно мы скажемъ ниже, въ главѣ о богослуженіи, въ отдѣлѣ о церковной архитектурѣ.

5. Епархія Ростовская.

Объ учрежденіи епархіи Ростовской и ея первыхъ четырехъ епископахъ: Ѳеодорѣ, Иларіонѣ, Леонтіи и Исаіи мы говорили выше. Изъ преемниковъ Исаіи извѣстны: 5. Ефремъ, изъ монаховъ Печерскихъ, бывшій при Владимирѣ Мономахѣ [1]) и по всей вѣроятности непосредственный преемникъ Исаіи; 6. Несторъ, упоминаемый подъ 1149-мъ г. [2]), въ 1156-мъ г. оклеветанный предъ митрополитомъ отъ своихъ домашнихъ и подпавшій запрещенію [3]), въ 1157-мъ г. оправдавшійся предъ митрополитомъ, но въ томъ же году согнанный съ каѳедры Андреемъ Боголюбскимъ изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ [4]); 7. Леонъ или Леонтій, преемникъ Нестора, пришедшій на его мѣсто въ 1158-мъ г. [5]), въ слѣдующемъ 1159-мъ г. прогнанный Ростовцами и Суздальцами, „зане умножилъ бяше церкви, грабяй попы"; неизвѣстно когда возвратившійся на каѳедру, въ 1162-мъ г. опять прогнанъ Боголюбскимъ неизвѣстно за что; возвращенный было затѣмъ на одинъ Ростовъ безъ Суздаля, въ третій разъ прогнанъ изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ; 8. Ѳеодоръ или Ѳедорецъ, лишонный престола и казненный въ 1170-мъ г. [6]),—тотъ, о которомъ обстоятельнѣе говорили мы выше; 9. Леонъ, умершій въ 1183-мъ г. или передъ симъ годомъ [7]), можетъ быть опять тотъ же, что̀ выше [8]); 10. Николай Грекъ, поставленный было митрополитомъ, но не принятый великимъ княземъ и переведенный первымъ въ Полоцкъ [9]); 11. Лука (изъ игуменовъ Кіевскаго Спасо-Берестовскаго монастыря, поставленный въ 1185-мъ г. (11 Марта)

---

[1]) Лавр. лѣтоп. подъ 1222 г.

[2]) Въ записи на одномъ антиминсѣ, см. *И. И. Срезневскаго*—Древніе памятники Русскаго письма и языка, стр. 30.

[3]) Лаврент. и Никоновск. лѣт.

[4]) Никон. лѣт.

[5]) По Татищеву—III, 105, поставленный Боголюбскимъ изъ игуменовъ Суздальскаго Владычняго монастыря.

[6]) Исторія іерархіи, 115, называетъ его иначе Ѳеодуломъ.

[7]) Ипатск. лѣт. подъ 1183 г., изд. 2, стр. 425.

[8]) По Татищеву,—III, 180, поставленный въ 1172 г. изъ игуменовъ того же Владычняго монастыря, что̀ и Леонъ 1-й.

[9]) Ипатск. лѣт. ibid.

и умершій въ 1189-мъ г. (10 Ноября), по лѣтописцу „смиренный духомъ и кроткій"; 12. Іоаннъ, преемникъ Луки, бывшій до поставленія духовникомъ великаго князя Всеволода Юрьевича, поставленный въ 1190-мъ г. (23 Января) и отписавшійся епископіи въ 1214-мъ г., послѣ чего постригся въ черицы въ монастырѣ Боголюбовомъ [1]); 13. Пахомій, преемникъ Луки, изъ игуменовъ Ростовскаго монастыря св. Петра; бывшій духовникомъ Ростовскаго князя Константина Всеволодовича, поставленный въ томъ же 1214-мъ г. и умершій въ 1216-мъ г., весьма похваляемый лѣтописцемъ, какъ истинный пастырь, а не наемникъ, отличавшійся нестяжательностію, заботливостію о сиротахъ и вдовицахъ, кротостію ко всякому и исполненный книжнаго ученія; 14. Кириллъ 1-й, изъ монаховъ Суздальскаго монастыря св. Димитрія, поставленный въ томъ же 1216-мъ г., оставившій епископію и потомъ лишонный всего своего, весьма большаго, имѣнія въ 1229-мъ г.,—о немъ мы говорили выше; 15. Кириллъ 2-й, изъ игуменовъ Владимирскаго Рождественскаго монастыря, избранный въ 1230-мъ г., поставленный въ 1231 г. и управлявшій епархіей въ продолженіе 30 слишкомъ лѣтъ, до 1262-го г. († 21 Мая); изображается лѣтописцемъ какъ пастырь своего времени знаменитый, ничимъ же оставшій прежнихъ Ростовскихъ епископовъ, весьма учительный, собиравшій для слушанія своего ученія отъ святыхъ книгъ въ свою соборную церковь не только жителей Ростова, но и изъ окрестныхъ градъ и украсившій помянутую церковь иконами многоцѣнными, ихъ же нѣсть мощи и сказати, кивотами, сосудами, рипидьями и множествомъ всякихъ узорочій (обстоятельнѣе о семъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ [2]).

Епархія Ростовская обнимала область собственно Ростовскую съ соединенною съ ней Бѣлоозерскою и область Суздальскую (послѣднюю до открытія епархіи Владимирской). По имени второй области епископы Ростовскіе называются иногда Суздальскими, а по имени города Владимира, который со времени Андрея Боголюбскаго сдѣлался столицею великихъ князей и въ которомъ епископы Ростовскіе нерѣдко бывали и живали у послѣднихъ, называются также Владимирскими. Собственная область Ростовская обнимала приблизительно нынѣшнюю губернію Ярославскую, а что

---

[1]) Въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго сообщается иное противъ лѣтописи Лаврентьевской объ удаленіи Іоанна съ каѳедры, а именно: „того же лѣта (1214) Володимирци съ княземъ своимъ Гюрьемъ изгнаша Іоанна изъ епископьства, зане не право творяше" (Временника кн. 9, стр. 112).

[2]) Въ позднѣйшихъ каталогахъ и синодикахъ епископы Ростовскіе перечисляются въ такомъ порядкѣ: Ѳеодоръ, Ѳеогностъ, Ѳеодоръ, Ларіонъ, Ѳеогностъ, Ѳеодоръ, Леонтій чудотворецъ, Ларіонъ, Исаія чудотворецъ, Ефремъ, Несторъ, Леонъ, Лука, Іоаннъ, Пахомій, Симонъ, Кіріакъ, Митрофанъ, Кириллъ, Кириллъ же... (изъ числа 5 послѣднихъ Симонъ и Митрофанъ очевидно Владимирскіе),—такъ называемая Типографская лѣтопись стр. 208 и Румянц. Муз. у *Восток.*, стр. 573, col. 1 fin.

касается до Бѣлоозерья, то его предѣлы не могутъ быть опредѣлены съ точностію: на сѣверъ отъ нынѣшней губерніи Ярославской оно простиралось не менѣе какъ по города Каргополь и Устюгъ включительно и отъ запада къ востоку имѣло протяженія не менѣе какъ отъ одного города до другаго [1]), но за исключеніемъ Вологды, которая съ своей волостью, какъ мы сказали сейчасъ выше, принадлежала Новгороду. Объ области Суздальской скажемъ ниже въ епархіи Суздальской.

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Ростовскихъ былъ храмъ Успенія Божіей Матери, который былъ строимъ нѣсколько разъ. Впервые его построилъ изъ дерева первый Ростовскій епископъ Ѳеодоръ. Этотъ деревянный храмъ, который лѣтописецъ называетъ дивною и великою церковію, якоже не было, ни будетъ, стоялъ до 1160-го г., въ которомъ сгорѣлъ. Второй храмъ, каменный, былъ заложенъ Ростовцами въ 1164-мъ г. и существовалъ весьма недолго—до 1211-го года, когда въ случившемся пожарѣ обгорѣлъ и палъ. Третій храмъ былъ заложенъ Ростовскимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1213-мъ г.

6. Епархія Туровская.

Туровъ, въ настоящее время мѣстечко Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, находящееся на рѣкѣ Припети, на половинѣ разстоянія между городами Мозырью и Пинскомъ.

Княжество Туровское—область предъисторическихъ Дряговичей или Болотниковъ. По свидѣтельству лѣтописи, городъ Туровъ и княжество основаны Варягомъ Туры или Туромъ, который въ правленіе Святослава или Ольги послѣ Игоря пришолъ изъ заморья вмѣстѣ съ другимъ Варягомъ Рогвольдомъ, основавшимъ княжество Полоцкое [2]). Владиміръ отдалъ Туровъ въ удѣлъ старшему сыну Святополку, Ярославъ также старшему сыну Изяславу. За родомъ послѣдняго Туровъ и остался, бывъ однако не рѣдко отнимаемъ сторонними князьями (изъ чужихъ особенно долго владѣли имъ Мономаховичи).

Въ настоящее время извѣстны епископы Туровскіе: 1. Симеонъ, 2. Игнатій, 3. Іоакимъ и 4. Георгій, упоминаемые въ одномъ изъ разсказовъ

---

[1]) Что Устюгъ принадлежалъ къ епархіи Ростовской, извѣстно положительно. Что Каргополь принадлежалъ не къ области Новгородской, а Ростовской, видно изъ того, что Юрій Долгорукій сослалъ въ него извѣстнаго Данила заточенника. Въ Новгородское Заволочье клиньями или полосами вдавалось Ростовское Бѣлозерье очень далеко: такъ, по рѣкѣ Вагѣ были приходы, принадлежавшіе Ростовской каѳедрѣ, ниже или сѣвернѣе Шенкурска, см. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1879 г., кн. I, Акты XVII вѣка О Шеговарскомъ приходѣ Шенкурскаго уѣзда, стр. 6 fin. sqq (Шеговарскій приходъ, принадлежавшій къ Ростовской епархіи, въ 42 верстахъ къ сѣверу отъ Шенкурска по Вагѣ).

[2]) Подъ 980 г.

о чудесахъ Бориса и Глѣба, какъ преемствовавшіе другъ другу [1]); изъ нихъ объ Іоакимѣ извѣстно по лѣтописи, что онъ поставленъ въ 1144-мъ г. и на всегда или на время изъ-за смѣны князей низведенъ въ 1146-мъ г.,—этимъ приблизительно опредѣляется время жизни и остальныхъ. Затѣмъ, 5. св. Кириллъ, знаменитый проповѣдникъ, неизвѣстно съ какого и по какое время, и 6. Лаврентій изъ монаховъ Печерскихъ, упоминаемый подъ 1182-мъ г. [2]).

Епархія Туровская обнимала княжество Туровское; но предѣлы этого послѣдняго не могутъ быть опредѣлены съ особою точностью. Къ Турову, принадлежали Пинскъ, Берестіе, — нынѣшній Брестъ-Литовскій, Слуцкъ Клеческъ,—нынѣ Клецкъ, мѣстечко или селеніе Минской губерніи близъ границы съ Гродненской на западо-сѣверо-западъ отъ Слуцка; слѣдовательно, княжество Туровское обнимало южную бо́льшую половину нынѣшней губерніи Минской и южную часть губерніи Гродненской (и, вѣроятно, нѣкоторую сѣверную часть и губерніи Волынской: Туровская „Погорина"—область по р. Горыни).

Туровскіе Изяславичи, игравшіе весьма незначительную роль среди князей, не смотря на свое старшинство, какъ ка́жется, не особенно заботились о церковномъ благоукрашеніи своего родоваго стольнаго города Нѣтъ въ лѣтописяхъ совершенно никакихъ упоминаній ни о каѳедральномъ храмѣ епископовъ Туровскихъ, ни вообще о какой бы то ни было церкви въ Туровѣ [3]).

---

[1]) Въ словѣ о Мартынѣ мнисѣ Туровскомъ.

[2]) Въ позднѣйшихъ каталогахъ, которымъ слѣдуетъ авторъ Исторіи іерархіи (Туровск. еп., стр. 225) и которымъ въ нашемъ случаѣ слѣдуетъ исторіографъ Туровской епархіи архим. Николай (Историко-статистическое описаніе Минской епархіи, составленное ректоромъ Минской духовной семинаріи, *архимандритомъ Николаемъ*,—Спб., 1864; о Туровской епархіи, предшествовавшей Минской, стр. 51 sqq) рядъ епископовъ Туровскихъ нѣсколько удлиненъ, именно: Симеонъ, Игнатій, Іоакимъ 1-й, Георгій, Кириллъ 1-й съ 1114 по 1120 г., Іоакимъ 2-й съ 1144 г., Іоаннъ съ 1146 г., Кириллъ 2-й (проповѣдникъ), Лаврентій. Но Іоаннъ взятъ неизвѣстно откуда (Татищевымъ II, 279), а о посвященіи Кирилла 1114 г. записано въ лѣтописи (Лаврент.) безъ обозначенія епархіи („томъ же лѣтѣ поставиша Кирила епископомъ") и вовсе ни откуда неизвѣстно и нѣтъ совсѣмъ никакого основанія предполагать, чтобы онъ былъ именно Туровскій (первоначально предположили это о Кириллѣ проповѣдникѣ, неправильно относя его жизнь къ началу XII в.). Затѣмъ, несомнѣнно, что въ Іоакимѣ, предшественникѣ Георгія и Іоакимѣ 1144 г. нужно видѣть не два лица, а одно: какъ современникъ Георгія, упоминается князь Ярославъ Георгіевичъ (въ сказаніи о Мартынѣ), подъ которымъ долженъ быть разумѣемъ Ярославъ Георгіевичъ, внукъ Святополка и правнукъ Изяслава, князь Пинскій, упоминаемый въ лѣтописи (Ипатск.) подъ 1183 г. и умершій неизвѣстно когда послѣ; изъ этого времени жизни еп. Георгія ясно, что предшественникъ его есть Іоакимъ 1144 года.

[3]) Въ настоящее время въ Туровѣ четыре церкви, всѣ новой постройки: Пре-

Въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ редакціи Печерскаго архимандрита Іосифа Тризны (1647—1656, см. статью *Ундольскаго*: „Іосифъ Тризна, редакторъ Патерика Печерскаго"), по рукописи Троицкой Лаврской библіотеки № 714, помѣщенъ подъ заглавіемъ: „О поставленіи Туровской епископіи", будто бы данный епископіи св. Владиміромъ уставъ (лл. 73 и 74). О времени учрежденія епископіи, ея первомъ епископѣ и объ ея предѣлахъ въ уставѣ говорится: „третіе (послѣ чего третіе, не сказано) богомоліе епископію постави(хъ) въ Туровѣ въ лѣто 6513 (sic) и придахъ къ ней городы съ погосты въ послушаніе и священіе и благословеніе держати себѣ Туровской епископіи: Пинскъ, Новгородъ, Городенъ, Берестье, Волковыескъ, Здитовъ, Неблестепасъ, Дубровица, Высочко, Случескъ, Копысь, Ляховъ, Городокъ, Смѣдянь, и поставихъ перваго епискупа Ѳому, и придахъ села, винограды, земли бортные, волости со всѣми придатки... Святому Спасу и Святѣй Богородицы".

7. Епархія Полоцкая.

Полочане или Полоцкіе Кривичи были, по лѣтописи, въ числѣ призвавшихъ Рюрика, который посадилъ у нихъ въ Полоцкѣ своего мужа или посадника. При Святославѣ или Ольгѣ, какъ сказали мы сейчасъ выше, пришедшій изъ-за моря Варягъ Рогвольдъ основалъ въ Полоцкѣ особое княжество. Но Владиміръ, женившись въ 978-мъ г. на его дочери Рогнѣдѣ, а его самого убивъ, снова присоединилъ его владѣнія ко всей остальной Руси. При своемъ раздѣленіи послѣдней на удѣлы, онъ отдалъ Полоцкъ старшему сыну отъ Рогнѣды—Изяславу. Потомки этого Изяслава, вслѣдствіе того обстоятельства, что онъ умеръ прежде отца (1001 г.), потерявшіе право въ участіи на престолъ великокняжескій и какъ бы выдѣленные и выбывшіе изъ рода, и были князьями Полоцкими (по знаменитому внуку Изяслава Всеславу—Всеславичи), прославившись главнымъ образомъ своей враждой къ роду Ярославову и своими безпокойными характерами. Съ конца XII вѣка начали покорять княжество сосѣдніе съ

образенская, Ильинская, Петропавловская приписная и Всѣхъ Святыхъ кладбищенская (архим. Николай, стр. 275). По мѣстному преданію, мощи св. Кирилла (проповѣдника) должны находиться на Борисо-Глѣбскомъ кладбищѣ (ibid. стр. 52), которое, вѣроятно, на мѣстѣ древняго епископія монастыря свв. Бориса и Глѣба, бывшаго „на болоньи" (Сказаніе о мнихѣ Мартынѣ). Но едва ли вѣроятно предполагать (какъ предполагаетъ *Калайдовичъ* въ предисл. къ Словамъ Кирилла Туровскаго въ Памятн. Росс. Слов.), чтобы каѳедра епископовъ была въ загородномъ монастырѣ; если справедливо указанное преданіе, то въ немъ должна быть полагаема только усыпальница епископовъ. Въ XVI вѣкѣ каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Туровскихъ была церковь Успенія Божіей Матери, см. Записокъ Акад. Н. т. XXII, кн. 1, приложж. стр. 135 fin..

запада Литовцы, а въ половинѣ XIII вѣка (между 1239-мъ и 1262-мъ гг., cfr *Соловьева* т. III, 4-го изд. стр. 216 fin.) оно и совсѣмъ прекратило свое существованіе, бывъ покорено главнымъ образомъ этими Литовцами, а отчасти—явившимися въ устьи Западной Двины Меченосцами.

Извѣстны въ настоящее время епископы Полоцкіе: 1. Мина, изъ монаховъ Кіевопечерскихъ, поставленный 13 декабря 1104-го г., умершій 20 Іюня 1116-го г., 2. Илія, упоминаемый до 1128-го г. [1]), 3. Козма, поставленный въ 1143-мъ г., 4. Діонисій, поставленный до 1169-го г. [2]) и умершій въ 1183-мъ г., 5. Николай Грекъ, поставленный сначала митрополитомъ Никифоромъ въ Ростовъ, но тамъ не принятый великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ и переведенный митрополитомъ въ Полоцкъ на мѣсто Діонисія, 6. Не названный по имени, упоминаемый подъ 1218-мъ г.,—по всей вѣроятности тотъ же Николай [3]), 7. Алексѣй, упоминаемый подъ 1231-мъ г.

Княжество Полоцкое обнимало нынѣшнюю губернію Витебскую, сѣверную половину губерніи Минской по г. Минскъ включительно, весьма вѣроятно — заднѣпровскую часть губерніи Могилевской и, можетъ быть, нѣкоторую небольшую часть губерніи Виленской.

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Полоцкихъ была церковь св. Софіи [4]), о которой въ Словѣ о полку Игоревомъ читается: „въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у святыя Софеи въ колоколы" [5]).

8. Епархія Тмутараканская.

Княжество Тмутараканское, разъяснять весьма темный вопросъ о началѣ котораго до насъ не относится, находилось на полуостровѣ Тамани, отдѣляющемъ вмѣстѣ съ противолежащимъ Керченскимъ полуостро-

---

[1]) Въ житіи Евфросиніи Полоцкой (которое читается въ Степенной книгѣ I, 269, а исправнѣе напечатано въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородки* IV, 172). Онъ упоминается при князѣ Борисѣ Всеславичѣ, а сей послѣдній † 1128 г.

[2]) Діонисій былъ епископомъ Полоцкимъ при отправленіи преп. Евфросиніи въ Іерусалимъ (ibid. стр. 177, col. 2), а Евфросинія отправилась до 1169 г., ибо при патр. Константиноп. Лукѣ Хризовергѣ, который 1156—1169.

[3]) Въ Лаврент. лѣт. подъ 1218 г.: „того же лѣта приде епископъ Полотьскый изъ Цесаряграда къ великому князю Костянтину Володимерь... и принесе ему стеру часть отъ страстій отъ Господень" и пр. „Володимерь" тутъ значитъ: въ городъ Владимиръ, но нѣкоторыя лѣтописи (такъ называемая Тверская) и въ слѣдъ за ними нѣкоторые изслѣдователи (въ томъ числѣ *Строевъ* въ Спискахъ) ошибочно разумѣютъ это „Володимерь" какъ собственное имя епископа. Епископа съ именемъ Владимира въ періодъ домонгольскій не могло быть, ибо пока св. Владимиръ равноапостольный не былъ причисленъ къ лику святыхъ, имя Владимира было народнымъ, но не было церковнымъ.

[4]) Житіе Евфросиніи.

[5]) По изд. въ Руск. Достопп. III, 200.

вомъ Крыма Азовское море отъ Чернаго. Владиміръ отдалъ его въ удѣлъ сыну своему Мстиславу, который въ 1024 г. овладѣлъ половиной Руси по Днѣпръ и перешелъ въ Черниговъ, а въ 1036 г. умеръ, не имѣя наслѣдниковъ и оставивъ всѣ свои владѣнія Ярославу. При новомъ раздѣленіи Россіи на удѣлы симъ послѣднимъ, Тмутаракань присоединена была къ княжеству Черниговскому, которое досталось его второму сыну Святославу, пославшему сидѣть въ ней своего сына Глѣба. У Глѣба въ 1064 г. отнялъ Тмутаракань Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярославовъ отъ его старшаго сына, умершаго прежде него самого, Владиміра Новгородскаго. Послѣ смерти Ростислава (1066 г.) князья Черниговскіе снова возвратили себѣ Тмутаракань, отнявъ ее у малолѣтнихъ дѣтей перваго, и тамъ сѣлъ княжить братъ Глѣбовъ — Романъ. Послѣ смерти Святослава (1076 г.), когда его сыновья были лишены удѣловъ, здѣсь имѣлъ убѣжище и другой его сынъ Олегъ. Въ 1079 г., когда Романъ былъ убитъ, а Олегъ былъ заточенъ въ Грецію, великій князь Всеволодъ посадилъ въ Тмутаракани своего посадника. Въ 1081 г. ее отняли у послѣдняго выросшіе дѣти Ростислава, а въ 1083 г. отнялъ ее у нихъ возвратившійся изъ заточенія вышеупомянутый Олегъ, который и княжилъ въ ней 11 лѣтъ до 1094 г., когда успѣлъ возвратить себѣ Черниговъ. На семъ кончается исторія Тмутараканскаго княжества [1].

Выше, говоря о распространеніи христіанства во всей Руси, мы ничего не сказали объ этомъ отдаленномъ лоскутѣ Русскихъ владѣній по той простой причинѣ, что ничего невозможно сказать. Если населеніе княжества составляли, какъ это наиболѣе вѣроятно предполагать, остатки тѣхъ Руссовъ Таврическихъ, о которыхъ мы говорили выше, то должно будетъ думать, что христіанство было у нихъ еще до Владиміра, оставаясь отъ того, насажденнаго при императорѣ Михаилѣ III и патріархѣ Фотіи, христіанства, о которомъ мы говорили тамъ же. Если же это населеніе состояло изъ Кавказскихъ инородцевъ, имѣя Русскихъ, приходившихъ изъ Россіи, только владѣтелями и правителями, то слѣдуетъ предполагать, что съ введеніемъ его между ними такъ же не торопились, какъ между тѣми же инородцами и во внутренней Россіи [2]. Относительно начала епархіи Тмутараканской, какъ говорили мы выше, мы считаемъ вѣ-

---

[1]) Первоначальный лѣтописецъ, писавшій между 1111 и 1116 годами, даетъ знать, что въ его время Русскіе еще владѣли Тмутараканью, ибо о Козарахъ, которыми Русскіе владѣли вмѣстѣ съ Тмутараканью (и изъ Тмутаракани), онъ говоритъ, что послѣдніе влѣдѣютъ ими до днешняго дне (во введеніи, Лаврент. лѣт 2 изд. стр. 16).

[2]) Мстиславъ, въ 1024 г. пришедшій изъ Тмутаракани и побѣдившій Ярослава, имѣлъ въ своемъ войскѣ многихъ Сѣверянъ; изъ этого какъ будто слѣдуетъ заключать, что въ Тмутаракани была болѣе или менѣе многочисленная колонія Русскихъ Сѣверянскаго племени.

роятнѣйшимъ то, что она не учреждена Владиміромъ или послѣ него, а существовала еще до нашего крещенія, представляя собою ту епископію Русскую, которая учреждена была у Руссовъ Таврическихъ патр. Фотіемъ и импер. Михаиломъ. Если же усвоять ея открытіе нашимъ князьямъ послѣ нашего крещенія, то всего вѣроятнѣе будетъ приписывать его Владиміру, а во всякомъ случаѣ единственно вѣроятнымъ—или ему или сыну его Мстиславу, ибо думать это о комъ-нибудь изъ послѣдующихъ князей не представляется ни малѣйшей вѣроятности. Свѣдѣнія наши объ епископствѣ Тмутараканскомъ пока весьма немногочисленны; читаемыя въ Патерикѣ Печерскомъ, они состоятъ въ томъ, что монахъ Печерскаго монастыря Николай, подвизавшійся при игуменѣ Никонѣ (1078—1088), былъ потомъ епископомъ Тмутараканскимъ [1]). Мстиславъ, съ призываніемъ Божіей Матери побѣдившій въ 1022 г. на единоборствѣ Касожскаго князя Редедю, построилъ въ честь Ея въ городѣ Тмутаракани каменный храмъ, при которомъ, вѣроятно, и была каѳедра Тмутараканскихъ епископовъ [2]). Сейчасъ помянутый Никонъ, игуменъ Печерскій, до игуменства преп. Ѳеодосія на время удалявшійся изъ своего монастыря на островъ Тмутаракань, по свидѣтельству Нестора въ житіи преп. Ѳеодосія, построилъ близъ одноименнаго съ нимъ стольнаго города монастырь св. Богородицы, который былъ монастыремъ славнымъ и составлялъ прикладъ въ монастырь Печерскій.

Городъ Тмутаракань находился не на самомъ мѣстѣ нынѣшняго города Тамани, а близъ него (на его мѣстѣ была турецкая крѣпость, носившая тоже имя Тамани и лежащая теперь въ развалинахъ). Область Тмутаракань, греческая—Таматарха, по Константину Порфирогениту, отдѣлялась отъ сосѣдней Зихіи (Чихіи или Черкессіи, см. у *Аделунга* въ Обозрѣніи путешественниковъ по Россіи № 24, Джорджіо Интерніано послѣ 1450 г.) рѣкою Укрухъ (Οὐκρούχ, De administr. imp. c. 42, ed. Bonn. p. 181); а рѣка Укрухъ есть нынѣшняя Кубань, см. *Дорна* Каспій, стр. 330 (рѣка Укрухъ, по Константину Порфирогениту, находилась въ 18 или 20 миляхъ отъ города Таматархи, а 18 миль онъ полагаетъ между городами Воспоромъ или нынѣшней Керчью и Таматархой или Таманью,—ibidd., что по измѣренію князя Глѣба Святославича, произведенному въ 1068 г., равняется 14,000 саженямъ или 23 верстамъ, см. *Срезневск.* Древніе памятники русск. письма и языка, стр. 15, col. 1, и Палеографію, стр. 133).

Послѣ того, какъ кончилось наше владычество надъ Тмутараканью, въ ней смѣнили нашихъ русскихъ епископовъ епископы греческіе (при импер. Андроникѣ Старшемъ, 1283—1328, или передъ нимъ епархія Тму-

---

[1]) У Симона въ предисловіи, у Поликарпа въ повѣсти о Никитѣ Затворникѣ.

[2]) Въ церкви этой по такъ называемой Тверской лѣтописи погребенъ Ростиславъ Владиміровичъ Новгородскій, отравленный Греками въ Тмутаракани въ 1066 г.

тараканская была соединена съ Зикхійской, — у *Ралли* и *П.* V, 494; см. еще Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, ища по Index'у подъ сл. Μάτραχα и Ζηκχία).

Разсказъ о жителяхъ Тмутаракани (Матрики) и объ ихъ полухристіанствѣ—полуязычествѣ венгерскаго монаха Юліана 1235—37 г. см. въ Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн. кн. V, стр. 999, col. 1 („Всѣ мужчины, говоритъ Юліанъ, голову брѣютъ совсѣмъ, а бороды отращиваютъ съ нѣкоторымъ щегольствомъ, исключая людей знатныхъ, которые въ знакъ благородства оставляютъ немного волосъ надъ лѣвымъ ухомъ, обривъ всю голову". Это напоминаетъ слова діакона Льва Калойскаго о Святославѣ, что „голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода" (при обритой впрочемъ бородѣ и одниxъ только большихъ усахъ),—кн. IX, § 11).

9. Епархія Переяславская.

Переяславль Русскій или Кіевскій принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ или первоначальныхъ нашихъ городовъ, между которыми въ южной Руси онъ занималъ третье мѣсто послѣ Кіева и второе послѣ Чернигова [1]. Онъ находится на здѣшней или Московской сторонѣ Днѣпра, въ разстояніи отъ него 8½ верстъ, на соединеніи рѣкъ Альты и Трубежа, въ 94½ верстахъ къ юговостоку отъ Кіева, и есть въ настоящее время уѣздный городъ Полтавской губерніи.

При св. Владимирѣ Переяславль былъ за великимъ княженіемъ, а Ярославъ отдалъ его въ удѣлъ третьему и любимому сыну своему Всеволоду, въ родѣ котораго онъ постоянно и оставался.

Мы говорили выше, что въ правленіе Владимира и при Ярославѣ до построенія св. Софіи Кіевской въ Переяславлѣ имѣли пребываніе митрополиты Русскіе. Когда они переведены были въ Кіевъ, на ихъ мѣсто остались въ Переяславлѣ епископы, которые или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые между которыми въ первое время также назывались митрополитами и которые въ южной Руси, какъ кажется, были послѣ митрополита первыми по степени (см. впрочемъ выше). Изъ епископовъ Переяславскихъ извѣстны: 1. Петръ, упоминаемый подъ 1072 г., 2. Николай, изъ монаховъ Печерскихъ, упоминаемый Симономъ въ посланіи къ Поликарпу передъ слѣдующимъ Ефремомъ, 3. Этотъ Ефремъ, каженикъ или скопецъ, также изъ монаховъ Печерскихъ, до монашества бывшій бояриномъ и

---

[1]) Лѣтопись подъ 907 г. о походѣ Олега на Грековъ и договоръ съ Греками Игоревъ (а разсказъ о построеніи Владиміромъ Переяславля въ 992 г. въ память побѣды надъ Печенѣгами есть легенда, записанная лѣтописцемъ вслѣдствіе запамятованія имъ того, что говоритъ онъ о Переяславлѣ выше. Легенда эта опровергается и тѣмъ, что не позднѣе 991 г. поселенъ былъ въ Переяславлѣ митрополитъ).

главнымъ домоправителемъ у великаго князя Изяслава, пришедшій однимъ изъ первыхъ къ преподобному Антонію, уходившій на нѣкоторое время въ Константинополь, гдѣ жилъ въ одномъ изъ монастырей и оттуда выведенный на каѳедру Переяславскую, поставленный и скончавшійся неизвѣстно когда, но упоминаемый подъ 1089 и подъ 1091 годами. Этотъ именно Ефремъ между епископами Переяславскими называется митрополитомъ: преп. Несторъ въ житіи Ѳеодосія пишетъ: „Ефремъ каженикъ отъиде въ Константинь градъ и ту живяше въ единомъ монастыри, послѣ же изведенъ бысть и въ страну сію и поставленъ бысть митрополитомъ въ городѣ Переяславлѣ“. Что Ефремъ не былъ однако дѣйствительнымъ митрополитомъ, а, будучи епископомъ Переяславскимъ, только носилъ имя митрополита, объ этомъ мы говорили выше. О дѣятельности сего Ефрема въ лѣтописи подъ 1089 г. записано: „въ се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила (Переяславьская) Ефремомъ митрополитомь тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущу, бѣ бо преже въ Переяславли митрополья, и пристрои ю великою пристроею, украсивъ ю всякою красотою, церковными сосуды. Сій бо Ефремъ бѣ скопець, высокъ тѣломъ; бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: докончавъ церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Ѳедора, и посемь святаго Андрея у церкве оть воротъ и строенье баньное (камено), сего же не бысть преже въ Руси; и градъ бѣ заложилъ каменъ, отъ церкве святаго мученика Ѳедора (и украси городъ Переяславьскій зданіи церковными и прочими зданьи)“. Бывшій бояринъ и главный домоправитель великокняжескій Ефремъ могъ быть человѣкомъ богатымъ, отсюда и его средства на сейчасъ помянутыя постройки. Своимъ великимъ усердіемъ къ пользѣ общественной Ефремъ долженъ былъ съ одной стороны заслужить благодарность, а съ другой славу; очень можетъ быть, что поэтому, будучи преемникомъ митрополитовъ по мѣсту, онъ и пользовался почетнымъ титуломъ митрополита. Строенье баньное Ефремово приводитъ изслѣдователей въ недоумѣніе и заставляетъ ихъ дѣлать разныя предположенія. Но несомнѣнно, что подъ строеньемъ баннымъ нужно разумѣть именно строенье банное или общественныя бани и болѣе ничего. Въ Костантинополѣ, въ которомъ нѣкоторое время жилъ Ефремъ, общественныя бани, какъ извѣстно, составляли чрезвычайно важную принадлежность общественнаго быта и общественнаго комфорта и были весьма многочисленны. Эти Константинопольскія бани и захотѣлъ Ефремъ перенесть въ Россію. Затрудняются тѣмъ, что епископъ нашелъ удобнымъ заниматься такимъ дѣломъ, какъ строеніе бань. Но для тогдашняго времени въ этомъ не было ничего неестественнаго и страннаго. Такъ какъ люди должны входить въ храмы, особенно для принятія таинства причащенія, въ возможной тѣлесной чистотѣ, то у христіанъ съ очень древняго времени образовался взглядъ на бани, какъ на нѣчто дополняющее церкви, какъ на нѣчто къ нимъ прибавочное. А по этой причинѣ съ очень древняго времени вошло въ обы-

чай строить бани при самыхъ церквахъ, въ церковныхъ оградахъ. Константинъ Великій построилъ бани при знаменитомъ Константинопольскомъ храмѣ св. апостоловъ [1]) (служившемъ, начиная съ него, усыпальницею для императоровъ, т. е. бывшемъ тѣмъ же, что нашъ Архангельскій соборъ), а императоръ Θеодосій Великій въ одномъ изъ своихъ указовъ причисляетъ бани, находившіяся при церквахъ, въ ихъ оградахъ, къ такимъ церковнымъ зданіямъ, на которыя распространяется право убѣжища [2]). Какъ сейчасъ указанный взглядъ на бани, такъ и самыя бани при церквахъ продолжали въ Костантинополѣ существовать и во времена Ефрема въ XI вѣкѣ. Изъ этого ясно, что и онъ — епископъ, построившій бани, вѣроятно, при своемъ соборномъ храмѣ, сдѣлалъ дѣло для своего времени нисколько не странное и не предосудительное, а только знаменитое [3]). Послѣ Ефрема: 4. Симеонъ, бывшій при Владимирѣ Мономахѣ [4]), 5. Лазарь, поставленный 12 Ноября 1104 г., умершій 16 Сентября 1117 г., 6. Сильвестръ, преемникъ Лазаря, поставленный 1 Января 1118 г., вѣроятно изъ игуменовъ Кіево-Михайловскихъ и тотъ самый, которому принадлежитъ извѣстная приписка въ лѣтописи подъ 1110 г., умершій 12 Апрѣля 1123 г.; 7. Маркъ или Марксллъ (въ Никон. лѣтоп. — Макарій), изъ игуменовъ Переяславскаго Іоанновскаго монастыря, поставленный 4 Октября 1125 г., умершій 6 Января 1134 г., 8. Евфимій, поставленный въ 1141 г. [5]), упоминаемый подъ 1149 г., 9. Василій, поставленный въ 1157 г., [6]) 10. Павелъ, присланный великимъ княземъ Всеволодомъ изъ Вла-

---

[1]) Euseb. H. E. VI, 59.

[2]) Cod. Theod. Lib. IX. Tit. XLV, § 4; cfr. у *Ралли* и *П.* II, 482, 537 и 538.

[3]) О баняхъ при церквахъ см. *Бингама* vol. III, p. 273 fin., *Мартиньи* Dictionnaire des antiquités chrétiennes подъ словомъ Bains,—2-о bains liturgiques, и вообще въ археологическихъ книгахъ. Въ частности, объ императорской банѣ при Влахернской церкви, въ которой императоры мылись съ особенной, весьма любопытной, церемоніей, Const. Porphyrog. De ceremonn. Lib. II, cap. 12. Случалось, что бани находились не только при церквахъ, но даже подъ самыми церквами, въ ихъ нижнихъ этажахъ, см. наприм. въ греческихъ Минеяхъ и въ Синаксаристѣ Никодима подъ 31 Августа: повѣствованіе о возобновленіи храма Богородицы въ пристани (неоріи).

[4]) Дополн. къ Акт. Ист. I, 7 fin.

[5]) У протоіер. *Д. Юзефовича* въ статьѣ: „Іерархія Переяславско-Полтавской епархіи", помѣщенной въ Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 14 и слѣд., между Сильвестромъ и Евфиміемъ: Николай 2-й, Іоаннъ 1-й 1123—1126, Макарій (Маркъ) 1126—1134, Маркеллъ 1134—1135.

[6]) Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VII, 66 (по выпискамъ изъ лѣтописей у *Карамзина*, къ т. II прим. 381, — въ 1156 г. Вѣроятно, былъ поставленъ въ епископы изъ какихъ-нибудь слишкомъ малыхъ по мірскому происхожденію или же изъ слишкомъ молодыхъ возрастомъ людей, ибо,—что по отношенію къ епископамъ мы знаемъ за единственный примѣръ, называется уменьшительно Васильцемъ: „поставленъ бысть епископъ Василецъ Переяславлю").

димира въ 1198 г., 11. Симеонъ, убитый Татарами при взятіи Переяславля въ 1239 г.

Со времени Ярослава до начала XII вѣка къ Переяславскому удѣлу принадлежала область Ростовско-Суздальская съ Бѣлозерьемъ, но на эту область не простиралась власть епископовъ Переяславскихъ, ибо тамъ при Владимирѣ, когда Ростовъ составлялъ особый удѣлъ, учреждена была своя епископія. Неизвѣстно, съ какого времени до сороковыхъ годовъ XII вѣка къ епархіи Переяславской принадлежалъ удѣлъ Смоленскій, о чемъ обстоятельнѣе скажемъ ниже подъ епархіей Смоленской. Собственное Переяславское княжество было весьма не велико. Его составляла сѣверозападная половина нынѣшней Полтавской губерніи, между границей губерніи Черниговской и рѣкою Сулой, а за послѣднею была ненаселенная степь, — почти непрестанно въ періодъ домонгольскій стучавшее браннымъ оружіемъ поле Половецкое.

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Переяславскихъ былъ храмъ архангела Михаила. Первоначально, по всей вѣроятности, онъ былъ деревянный; въ 1089 г. епископомъ Ефремомъ былъ построенъ каменный и для своего времени великолѣпный, о чемъ свидѣтельство мы привели выше. Въ 1124 г., т. е. черезъ 35 лѣтъ, храмъ Ефремовъ упалъ и на его мѣсто неизвѣстно кѣмъ построенъ новый, разрушенный потомъ Татарами [1]) (храмъ Михайловскій въ качествѣ городскаго собора существуетъ въ Переяславлѣ до настоящаго времени, но его нынѣшняя постройка конца XVII вѣка).

10. Епархія Юрьевская.

Юрьевъ Кіевскій, въ настоящее время не существующій, находившійся на рѣкѣ Роси, впадающей въ Днѣпръ съ правой или Кіевской стороны немного ниже Канёва, построенъ былъ Ярославомъ, вѣроятно, въ 1032-мъ г. [2]). Въ 1095-мъ г. онъ былъ выжженъ Половцами и его прибѣжавшіе въ Кіевъ жители были поселены въ новомъ городѣ—Святополчѣ, который приказалъ построить тогдашній великій князь Святополкъ Изяславичъ на Вытичевѣ или Витичевѣ холму, что на Днѣпрѣ ниже Кіева верстъ на 60 [3]), но въ 1103-мъ г. Юрьевъ былъ снова построенъ. Кончилъ онъ свое существованіе, вѣроятно, въ нашествіе Монголовъ.

---

[1]) Ипатск. лѣтоп. подъ симъ годомъ.

[2]) Подъ которымъ говорится въ лѣтописи: „Ярославъ поча ставити городы по Рьси". Г. Похилевичъ въ сочиненіи: Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи, Кіевъ, 1864, видитъ древній Юрьевъ въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Бѣлая церковь; но другіе склоняются къ тому, чтобы видѣть его въ городищѣ Райгородъ, находящемся не далеко отъ Роси ниже Бѣлой церкви (предполагая, что Райгородъ изъ Юрай, Юрій городъ), см. въ сентябрьско-октябрьской книжкѣ Кіевской Старины 1883 г. статью *М. Андреевскаго*: „Лѣтописный Юрьевъ на Роси".

[3]) Витичевъ холмъ между Триполемъ и Стайками,—Книга большему чертежу, стр. 92 fin.

Кѣмъ именно была учреждена епархія Юрьевская до 1072-го г., когда въ первый разъ упоминается ея епископъ, положительно неизвѣстно, но наиболѣе вѣроятное, что самимъ строителемъ города Ярославомъ. Причиной ея учрежденія необходимо считать одну изъ тѣхъ причинъ, которыя заставили Владимира учредить епархію Бѣлгородскую, именно—чтобы дать въ немъ митрополиту викарія и при этомъ частнѣе, чтобы, давая въ немъ митрополиту втораго викарія, доставить ему возможность совершать посвященія архіерейскія безъ призыва другихъ архіереевъ.

Въ настоящее время извѣстны епископы Юрьевскіе: 1. Михаилъ, упоминаемый подъ 1072-мъ и 1073-мъ годами, 2. Антоній, упоминаемый подъ 1089-мъ г. [1]), 3. Маринъ, изъ монаховъ Печерскихъ, упоминаемый подъ 1091-мъ и 1095-мъ гг. [2]), 4. Даніилъ, поставленный 6 Января 1114-го г., умершій 9 Сентября 1121-го года, 5. Демьянъ, упоминаемый подъ 1147-мъ и 1154-мъ годами (подъ послѣднимъ Канёвскій), 6. неизвѣстный по имени, упоминаемый подъ 1184-мъ г., 7. Адріанъ, поставленный въ 1190-мъ г. въ епископы Бѣлгородскіе, а подъ 1197-мъ г. называемый Бѣлгородскимъ и Юрьевскимъ, т. е. вѣроятно правившій епархіей Юрьевской временно 8. Алексѣй, упоминаемый передъ 1225-мъ г. [3]), 9. неизвѣстный по имени, упоминаемый подъ 1231-мъ г.

Епархія Юрьевская, нѣтъ сомнѣнія, была весьма невелика и простиралась не столько къ сѣверу, гдѣ долженствовала быть епархія самого митрополита или епископа Бѣлгородскаго, сколько къ югу, въ начинавшіяся тогда почти непосредственно за Юрьевымъ безконечныя partes infidelium. Впрочемъ, изъ того обстоятельства, что одинъ епископъ Юрьевскій называется Канёвскимъ (Демьянъ), слѣдуетъ, что на сѣверъ она простиралась по крайней мѣрѣ включительно по г. Канёвъ.

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Юрьевскихъ былъ храмъ св. Георгія, конечно, построенный Ярославомъ въ честь своего ангела, ибо въ греческихъ каталогахъ епархія Юрьевская называется ὁ ἅγιος Γεώργιος εἰς τὸν Ρῶσον ποταμόν,—святый Георгій на рѣкѣ Роси (*Ралли* и *П*, V, 486).

---

[1]) Въ Патерикѣ Печерск., въ повѣствованіи Симона о святой трапезѣ и объ освященіи великой церкви.

[2]) Въ разсказѣ лѣтописи объ освященіи въ 1091 г. Печерской церкви, какъ онъ (разсказъ) читается въ нѣкоторыхъ спискахъ Патерика Печерскаго, говорится, что на освященіи церкви присутствовали епископы „Маринъ Юрьевскій, Антоній Пороскій", см. 1-е изд. Лаврент. лѣт., приложж. стр. 266. Епископъ Пороскій, т. е. епископъ области, лежавшей по р. Роси, есть тотъ же Юрьевскій, такъ что въ разсказѣ по указаннымъ спискамъ вмѣстѣ съ дѣйствительно бывшимъ тогда Мариномъ ставится и его предшественникъ Антоній (Авторъ Исторіи іерархіи изъ епархіи Пороской дѣлаетъ епархію Порожскую или при Днѣпровскихъ порогахъ,—224).

[3]) Симономъ въ Патерикѣ, во введеніи.

11. Епархія Смоленская.

Ярославъ, при своемъ дѣленіи Россіи на удѣлы, отдалъ область Смоленскую своему четвертому сыну Вячеславу, послѣ смерти котораго въ 1057-мъ г. она отдана была его брату Игорю, переведенному изъ Владимира Волынскаго; послѣ смерти сего послѣдняго въ 1060-мъ г., она сначала подѣлена была тремя оставшимися Ярославичами (*Погодинъ*, Древн. Ист. I, 417), а потомъ (не позднѣе 1076-го г.) досталась младшему изъ нихъ Всеволоду Переяславскому, въ родѣ котораго, образовавъ изъ себя особое княжество, и осталась на послѣдующее время (линія—Ростиславичи).

Не знаемъ, къ какой епархіи принадлежала область Смоленская до ея поступленія въ родъ Всеволодовъ, но съ сего времени она стала принадлежать къ епархіи Переяславской. Впрочемъ, князья Смоленскіе скоро возъимѣли мысль учредить у себя особую епископію, именно—таковую мысль возъимѣлъ второй же князь Мстиславъ Владимировичъ. Не успѣвъ почему-то осуществить ее самъ, онъ завѣщалъ ее своему сыну Ростиславу, который и осуществилъ ее, по совѣту съ митрополитомъ Михаиломъ, въ 1137-мъ г. [1]).

Первымъ епископомъ Смоленскимъ былъ Мануилъ скопецъ, родомъ Грекъ, „пѣвецъ гораздый“, который пришелъ изъ Греціи самъ-третей къ отцу Ростиславову Мстиславу и который, правивъ очень долго, умеръ неизвѣстно когда послѣ 1168-го г.

Въ одномъ Требникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Смоленской каѳедрѣ, рядъ епископовъ Смоленскихъ послѣ Мануила, по всей вѣроятности, полный и правильный, перечисляется слѣдующимъ образомъ: Константинъ, Симеонъ, Игнатій, Лазарь, Аѳанасій, Іоаннъ, Діонисій... (и такъ далѣе до XVI вѣка) [2]. Изъ нихъ—Константинъ упомин. подъ 1180-мъ г., Симеонъ подъ 1197-мъ г. [3]), Игнатій подъ 1206-мъ г., Лазарь, какъ уже находившійся на покоѣ, подъ 1225-мъ г. [4]).

---

[1]) Лаврент. и Ипатск. лѣтопп. подъ 1137 годомъ и Уставная грамота Ростислава Смоленской епископіи въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 4 стр. 5. Подъ 1101 г. въ Ипатской лѣтописи читается: „въ се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленьскѣ святоѣ Богородицѣ камяну епископью“: но это значитъ не то, что въ Смоленскѣ была епископія уже до 1101 г., какъ думаютъ нѣкоторые, а то, что слово „епископью“ прибавлено въ лѣтописи позднѣйшими переписчиками. Время учрежденія Смоленской епископіи, извѣстное изъ оффиціальнаго акта, не можетъ подлежать сомнѣнію.

[2]) Описаніе Славв. Ркпп. Сѵнод. Библіот. *Горск. и Невостр.*, Отд. III ч. I, № 377, л. 226 обор., стр. 224.

[3]) У *Татищева*, III, 325,—Симонъ.

[4]) Патер. Печерск. Симона, введеніе; объ Игнатіи и Лазарѣ cfr Житіе Авраамія Смоленск. въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г., кн. 3. Авторъ Исторіи іерархіи, 160, не ладно говоритъ о началѣ епископіи Смоленской и ея первыхъ епи-

Каѳедральнымъ храмомъ епископовъ Смоленскихъ была церковь Успенія Божіей Матери, которую въ 1101-мъ г. Владимиръ Мономахъ заложилъ каменную.

Древнюю область Смоленскую составляла нынѣшняя губернія Смоленская, съ присоединеніемъ къ ней: отъ губерніи Псковской уѣзда Торопецкаго, отъ губерніи Тверской уѣздовъ Осташковскаго и Ржевскаго и отъ губерніи Московской уѣзда Можайскаго.

12. Епархія Галичская.

Отдѣленная отъ епархіи Владимиро-Волынской, нѣкоторое время обнимала цѣлую область Галицію, о которой мы поэтому и скажемъ.

Въ настоящее время Галиціей называется та пограничная съ Россіей часть владѣній Австрійской имперіи, которая досталась ей отъ бывшаго королевства Польскаго при раздѣлахъ этого послѣдняго и которой нынѣшнія границы опредѣлены на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815-го г. Эта Австрійская Галиція не совсѣмъ совпадаетъ своими предѣлами съ древней Русской областью того же имени: съ одной стороны она меньше ея, потому что Австрія владѣетъ не сполна всей древней Галиціей, съ другой стороны— больше ея, потому что въ составъ нынѣшней Австрійской Галиціи входитъ нѣкоторая часть и собственной Польши (Малая Польша). Древняя собственно Русская Галиція обнимала—во-первыхъ, около четырехъ пятыхъ нынѣшней Австрійской Галиціи, имѣя на западѣ и сѣверо-западѣ границей сначала отъ Карпатъ, рѣку Вислоку (но не Вислокъ) до половины теченія, до г. Бржостека, а потомъ черту, проведенную съ Вислоки на Санъ въ томъ пунктѣ, гдѣ послѣдній на нѣкоторое время становится границей Австріи отъ Россіи [1]),—во-вторыхъ, юговосточный уголъ нашего царства Польскаго, именно восточную большую половину губерніи Люблинской (по чертѣ, проведенной съ сѣвера на югъ почти мимо самаго города Люблина, но не захватывая его).

Галиція, самими Русскими жителями ея называемая не Галиціей, а Галичиной [2]), по предположеніямъ Шафарика прародина Славянъ въ Европѣ,

скопахъ, слѣдуя позднѣйшимъ каталогамъ. Что касается до св. Меркурія Смоленскаго, будто бы преемника Симеонова, который упом. подъ 1197 г., почивающаго въ Кіевскихъ Антоніевыхъ пещерахъ, то его существованіе, неизвѣстно на чемъ основанное, весьма и совершенно сомнительно (можно предполагать, что какимъ либо образомъ превращенъ въ епископы извѣстный св. Меркурій, воинъ-богатырь, мученикъ Смоленскій, который, по сказанію о немъ, въ 1239 г. спасъ Смоленскъ отъ Татаръ).

[1]) О древней, значительно далѣе на западъ простиравшейся, чѣмъ теперь, и именно той, которую мы указали, границѣ Русскихъ поселеній въ Галиціи, см. у *Д. Зубрицкаго* въ брошюрѣ: Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg, 1849.

[2]) Cfr. *Карамз.* III, 79.

передъ началомъ и въ началѣ нашей исторіи была обитаема племенами: Тиверцами на Днѣстрѣ [1]), Бужанами на западномъ Бугѣ [2]), Дулебами на западъ отъ Бужанъ [3]) и Хорватами и Сербами,—остатками отъ тѣхъ Хорватовъ и Сербовъ, которые переселились за Дунай въ Иллирикъ, на западъ и югозападъ отъ Тиверцовъ [4]). Не знаемъ, представляла ли изъ себя Галиція передъ началомъ нашего государства объединенное цѣлое; вѣроятнѣе, что нѣтъ, но какъ бы то ни было, будучи населена нѣсколькими племенами, она не имѣла одного общаго имени: лѣтописецъ, говоря о ней подъ правленіемъ Владимира и Ярослава, употребляетъ названіе Червенскіе города, которое заимствуетъ отъ одного изъ городовъ—Червена [5]), въ настоящее время не существующаго и находившагося гдѣ-то на югѣ отъ Холма [6]). Общее названіе Галиція получила много спустя времени послѣ

[1]) Лѣтописецъ говоритъ о Тиверцахъ вмѣстѣ съ Улучами (Угличами): „Улучи и Тиверцы сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря“. Такъ какъ въ числѣ данниковъ Олега и Игоря упоминаются (подъ 907 и 944 гг.) Тиверцы, но не упоминаются Улучи (cfr подъ 885 г.), то мы полагаемъ, что первые сидѣли сѣвернѣе, а вторые южнѣе.

[2]) Городокъ Бужскъ, находящійся на верхнемъ западномъ Бугѣ и упоминаемый въ лѣтописи въ первый разъ подъ 1097 г., можетъ быть, былъ ихъ центральнымъ мѣстомъ или столицей.

[3]) Въ нынѣшней уніатской епархіи Львовской, какъ мы нашли по ея Шематизму, есть три селенія съ именемъ Дулибы: въ деканатѣ или благочиніи Ходоровскомъ, на югъ отъ Львова, по сю или сѣверную сторону Днѣстра, въ деканатѣ Стрыйскомъ—города Стрыя, на р. Стрыѣ, и деканатѣ Чёртковскомъ—г. Чёрткова, на р. Серетѣ.—Въ періодъ домонгольскій болѣе или менѣе принадлежала Галиція еще Молдавія, составлявшая по отношенію къ ней то, что послѣ по отношенію къ Москвѣ составляла степь Донская,—пріютъ для ея желавшей казаковать вольницы (называвшейся по главному гнѣзду своему,—городу Берладу (Бырлату), берладниками,—*Карамз.* II, 175 и прим. 285, также „выгонцами“,—Ипатск. лѣт. подъ 1224 г., 2 изд. стр. 496 нач.).

[4]) О Хорватахъ и Сербахъ, оставшихся за Карпатами послѣ переселенія ихъ сородичей въ Иллирикъ и называвшихся собственно Бѣлохорватами и Бѣлосербами, Констант. Порфирог. De administr. imper. cc. 30 и 31. Этихъ Хорватовъ и Сербовъ разумѣетъ наша лѣтопись, когда говоритъ во введеніи: „а се ти же Словени—Хорвате Бѣлии и Серебь“. О первыхъ она упоминаетъ еще разъ во введеніи („и живяху въ мирѣ Поляне... Вятичи и Хорвате“) и затѣмъ подъ годами 907 и 992. Древнихъ Галицкихъ Хорватовъ нѣкоторые видятъ въ нынѣшнихъ такъ называемыхъ Лемкахъ, живущихъ на верховьяхъ Карпатъ отъ истоковъ рѣки Сана до польскихъ поселеній на западѣ или иначе въ юго-западномъ углу собственной Галиціи,—въ Зорѣ Галицкой яко альбумѣ на годъ 1860, Львовъ, статья *А. Торонскаго* Русины-Лемки, стр. 392 sqq.

[5]) Отсюда позднѣйшее названіе Червенская Русь, а изъ Червенская—Червонная, Чермная, Красная.

[6]) *Арцыбаш.* I, № 311. Вѣроятнѣе то мнѣніе, которое видитъ древній городъ Червенъ въ нынѣшной деревнѣ Чермо (въ старыхъ актахъ называемой Чермно и

того, какъ составила изъ себя одно удѣльное княженіе,—именно съ половины XII вѣка отъ ставшаго главнымъ городомъ ея Галича—земли Галичской.

Галиція впервые вошла въ составъ явившагося Русскаго государства при Олегѣ до 907 г. [1]). Послѣ Олега до Владимира она неизвѣстно когда была завоевана Поляками, но послѣднимъ въ 981-мъ г. снова возвращена Руси [2]). Послѣ смерти Владимира въ 1018-мъ г. Польскій король Болеславъ Великій еще разъ присоединилъ ее къ Польшѣ, но въ 1030—31-мъ году послѣ смерти Болеслава Великаго Ярославъ съ Мстиславомъ вторично возвратили ее, послѣ чего она составляла часть Руси до половины XIV вѣка, когда Поляки покорили ее снова и уже весьма надолго.

При Владимирѣ и Ярославлѣ Галиція не составляла особаго удѣла, но принадлежала къ удѣлу Владимиро-Волынскому. Послѣ Ярослава его сыномъ Всеволодомъ Галиція отдана была въ удѣлъ (до 1086-го г.,—лѣтопись подъ этимъ годомъ) такъ сказать изгойнымъ правнукамъ Ярослава—Ростиславичамъ, внукамъ умершаго прежде отца, въ 1052-мъ г., Владимира Новгородскаго [3]). Эти Ростиславичи владѣли Галиціей до конца XII вѣка, до 1198-го г., когда прекратился весь ихъ родъ [4]). Послѣ сего овладѣлъ Галиціей Волынскій князь Романъ Мстиславичъ [5]), потомки котораго, создавъ знаменитое ненадолго Галичское государство и королевство, и владѣли ей въ продолженіе полуторыхъ безъ небольшаго столѣтій до половины XIV вѣка [6]), послѣ чего ихъ родъ тоже весь вымеръ и Галиція

Червоноградъ), находящейся въ Люблинской губерніи, въ Грубешовскомъ уѣздѣ, въ 32 верстахъ отъ Грубешова и въ 30 верстахъ отъ Замостья. Весьма вѣроятно, что лѣтописецъ беретъ имя для области отъ города Червеня вслѣдствіе того случайнаго обстоятельства, что онъ былъ ближайшимъ отъ остальной Руси.

[1]) Олегъ въ своемъ походѣ сего года на Грековъ имѣлъ въ своемъ войскѣ Хорватовъ, Дулебовъ и Тиверцевъ.

[2]) Возвращена не вполнѣ, ибо въ 992 г. Владимиръ ходилъ на Хорватовъ (т. е., вѣроятно, Хорваты—горцы не хотѣли признавать власти ни польской ни русской).

[3]) См. лѣтоп. подъ 1097 г.

[4]) Старшая линія Ростиславичей Перемышльско-Галицкая: 1. Рюрикъ Ростиславичъ, † 1094, 2. Володарь его братъ, † 1124, 3. Володимерко Володаревичъ, † 1153, 4. Ярославъ Осмомыслъ Володимерковичъ, † 1188, 5. Олегъ, младшій сынъ предъидущаго, весьма не долго, 6. Владимиръ старшій сынъ его же, † 1198.

[5]) Сынъ Мстислава, внукъ Изяслава, правнукъ Мстислава Великаго, праправнукъ Владимира Мономаха.

[6]) 1. Романъ Мстиславичъ, † 1205, 2. Даніилъ Романовичъ, король, † 1264, 3. Левъ Даниловичъ, † 1301, 4. Юрій или Георгій Львовичъ, † ок. 1316, 5. Андрей и Левъ Юрьевичи вмѣстѣ и потомъ одинъ второй, † ок. 1324 г., 6. Андрей Львовичъ, послѣдній въ родѣ, † ок. 1335 г. Послѣ сего въ продолженіе 5 лѣтъ побочные наслѣдники, а потомъ въ 1340 г. Галиція была покорена Польшей.

была завоевана Поляками (королемъ Казимиромъ III или Великимъ въ 1340-мъ г.).

Старшимъ стольнымъ городомъ области или удѣла былъ сначала Перемышль, а потомъ съ 1141-го г. незадолго передъ тѣмъ основанный Галичъ, отъ котораго, какъ мы сказали, и область стала называться землей Галичской. Весь удѣлъ подраздѣлялся на частнѣйшіе удѣлы, каковы: Теребовльскій, Звенигородскій, Бельзскій и другіе.

Пока область Галичская принадлежала къ удѣлу Владиміро-Волынскому, до тѣхъ поръ и въ церковномъ отношеніи она принадлежала къ епархіи Владиміро-Волынской. Собственные епископы явились въ ней послѣ того, какъ подъ властію Ростиславичей она составила изъ себя особый удѣлъ. Когда это случилось, остается достовѣрнымъ образомъ неизвѣстнымъ; но если не въ 1157-мъ г., подъ которымъ говорится о поставленіи епископа Галичскаго, то, вѣроятно, болѣе или менѣе не задолго до этого года [1]). Поставленный въ 1157-мъ г. епископъ Галичскій былъ Косма [2]), упоминаемый затѣмъ подъ 1165-мъ г. Послѣ этого Космы изъ епископовъ Галичскихъ періода домонгольскаго еще извѣстенъ только одинъ, именно Артемій, упоминаемый подъ 1235-мъ и 1241-мъ гг. [3]).

Епархія города Галича, пока была единственною въ области Галичской, само собою понятно, обнимала всю эту послѣднюю.

Городъ Галичъ, получившій свое имя отъ находившагося близъ него урочища Галичина могила [4]) и не принадлежащій къ числу доисторическихъ городовъ Руси, какъ думаютъ нѣкоторые [5]), а вѣроятно основанный болѣе или менѣе незадолго до перенесенія въ него столицы, находится

---

[1]) Татищевъ, говоря о поставленіи въ 1157 г. епископа Галичскаго Космы, прибавляетъ, неизвѣстно на основаніи какого источника: „а прежде была епископія въ Перемышлѣ“, — III, 104. Въ каталогѣ Галичскихъ епископовъ, который ниже въ третьемъ примѣчаніи, передъ Космой поставленъ, какъ первый Галичскій епископъ,—Алексѣй.

[2]) Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VII, 66 (по выпискамъ изъ лѣтописей у *Карамзина*, къ т. II примѣч. 380: поставленъ въ 1156 г.).

[3]) Въ библіотекѣ Перемышльскаго уніатскаго собора есть латинская рукопись начала XVIII вѣка, въ которой читается: in antiqua charta episcopi Halicienses taliter numerantur: Alexius, Cosmas, Ionas, Gerontius, Ephrem, Ioannes, Antonius, Meletius, Anastasius, Zosimas, Niphon, Ignatius, Doroteus, см. въ Галичскомъ Историческомъ сборникѣ, выпускъ I, Львовъ, 1853, статью *А. Петрушевича*: О соборной Богородицкой церкви въ Галичѣ, стр. 145. Что касается до вопроса о достовѣрности, то cfr выше списокъ епископовъ Владиміро—Волынскихъ.

[4]) Ипатск. лѣт. подъ 1206 г.

[5]) *И. Шараневичъ* въ статьѣ: Стародавный Галичъ, помѣщенный въ Зорѣ Галичской, яко альбумѣ на годъ 1860, стр. 295 sqq. Въ древніе города князья не переносили столицъ; во-вторыхъ, что Галичъ былъ основанъ во времена уже историческія, это даетъ знать Ипатская лѣтопись подъ 1206 г.

почти въ самой серединѣ области, на правомъ берегу Днѣстра, при впаденіи въ него рѣки или рѣчки Луки. Каѳедральнымъ храмомъ епископовъ Галичскихъ въ г. Галичѣ была церковь Божіей Матери, по всей вѣроятности—праздника Успенія [1]).

13. Епархія Рязанская.

Область Рязанская составляла часть области Муромской, а эта послѣдняя придана была къ удѣлу Черниговскому.

При сыновьяхъ перваго удѣльнаго князя Черниговскаго Святослава Ярославича Муромъ съ Рязанью отдѣлены были въ особый частнѣйшій удѣлъ, на которомъ въ 1096-мъ г. сѣлъ младшій сынъ Святослава Ярославъ. Переживъ старшихъ братьевъ, Ярославъ по праву старшинства пытался было занять старшій въ родѣ столъ Черниговскій, но не былъ допущенъ до этого племянниками [2]), въ слѣдствіе чего его потомки по отношенію къ столу Черниговскому были такими же изгоями, какъ потомки Изяслава Владимировича Полоцкаго и Владимира Ярославича Новгородскаго (Ростиславичи Галицкіе) по отношенію къ столу великокняжескому. Сыновья Ярослава раздѣлили свой удѣлъ на два—Муромскій и Рязанскій и отъ старшаго изъ нихъ Святослава пошли князья Муромскіе, а отъ середняго Ростислава—Рязанскіе (съ боковой вѣтвью Пронскихъ).

Въ области Муромско-Рязанской епископу, повидимому, надлежало явиться не въ младшей Рязани, а въ старшемъ Муромѣ. Но князья Муромскіе, сидѣвшіе въ отдаленной, глухой и ничтожной украйнѣ Руси, не принимавшіе почти никакого участія въ ея общихъ дѣлахъ, представляли собою между князьями, если позволительно такъ выразиться, нѣчто совсѣмъ убогое, были не столько князьями, сколько, такъ сказать, помѣщиками. Самую столицу свою они привели въ совершенный упадокъ, такъ что изъ города она стала селомъ [3]). А поэтому князья Муромскіе вовсе не могли и принять на себя заботъ объ учрежденіи для области особой епископіи.

Епархія Рязанская открыта неизвѣстно когда между 1187-мъ и 1207-мъ годами, ибо подъ первымъ годомъ область Рязанская прямо называется частью Черниговской епископіи, а подъ вторымъ упоминается

---

[1]) См. указанную статью Петрушевича.

[2]) Лаврент. лѣт. подъ 1126 г., Ипатск. лѣт. подъ 1128 г.

[3]) „Запустѣвшій" Муромъ снова возвелъ до нѣкоторой степени въ города князь Юрій Ярославичъ въ 1351 г. (обновившій Муромъ на томъ же мѣстѣ, но вовсе не переносившій его на другое, какъ думаютъ Муромскіе патріоты, не полагающіе, чтобы Муромъ ниспадалъ изъ города въ село и поэтому хотящіе разумѣть подъ обновленіемъ Юрьевымъ перенесеніе съ стараго мѣста на новое, хотя и перенесеніе не упадшаго города съ одного мѣста на другое есть вещь курьёзная и далеко не сразу понятная), *Карамз.* IV, 171.

въ ней епископъ Рязанскій Арсеній [1]). Послѣ этого Арсенія, упоминаемаго затѣмъ подъ 1212-мъ г., за періодъ домонгольскій извѣстны еще двое—Ефросинъ святогорецъ, упоминаемый подъ 1224-мъ г. [2]), но далеко не несомнительный, и неизвѣстный по имени, упоминаемый подъ 1237-мъ г. (не находившійся въ Рязани во время ея взятія Татарами и такимъ образомъ случайно или намѣренно спасшійся отъ смерти,—Троицкая лѣтопись или лѣтопись по Академ. списку).

Столицей епископовъ, равно какъ и князей Рязанскихъ, въ періодъ домонгольскій была не нынѣшняя Рязань, которая носитъ свое настоящее имя только со времени Екатерины, съ 1778 г., и которая есть собственно Переяславль Рязанскій. Домонгольская Рязань, столица князей и епископовъ, въ настоящее время есть село Старая Рязань, находящееся на Окѣ въ 50 верстахъ внизъ отъ нынѣшней Рязани и въ 2 верстахъ внизъ отъ уѣзднаго города Спасска [3]).

Каѳедральнымъ храмомъ епископовъ Рязанскихъ въ древней Рязани была церковь свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, изъ которыхъ послѣдній есть патронъ области Муромско-Рязанской. Церковь эта, служившая усыпальницею князей Рязанскихъ, построенная неизвѣстно кѣмъ и упоминаемая подъ 1195-мъ г., въ настоящее время находится въ развалинахъ [4]).

Епархія Рязанская, отдѣленная отъ Черниговской, обнимала древнюю область Муромско-Рязанскую или древнія княжества Рязанское и Муромское. Послѣднее изъ княжествъ есть юговосточный уголъ нынѣшней губерніи Владимирской, между Клязьмой и Окой, а первое—нынѣшняя губернія Рязанская съ значительной частью губерній Тульской, Воронежской [5]) и Тамбовской и нѣкоторой частью губерніи Московской, именно—Коломной съ ея волостью (которая пріобрѣтена Москвой отъ Рязани при Юріи Даниловичѣ, *Карамз.* IV, 107).

---

[1]) Татищевъ, къ извѣстіямъ котораго мы вообще относимся съ недовѣріемъ, утверждаетъ, что епархія Рязанская открыта въ 1198 г., бывъ отдѣлена отъ Черниговской, по просьбѣ князей Рязанскихъ, вел. кн. Кіевскимъ Рюрикомъ Ростиславичемъ и митр. Іоанномъ (III, 329). На это замѣтимъ, во-первыхъ, что великіе князья Кіевскіе тогда ровно ничего не значили и вся власть принадлежала великимъ князьямъ Владимирскимъ; во-вторыхъ, что митр. Іоаннъ 1198 г. нигдѣ болѣе кромѣ Татищева не упоминается.

[2]) Въ повѣсти „О пришествіи Николина образа изъ Корсуни на Рязань", о которой см. во 2-й половинѣ тома, стр. 361.

[3]) Когда столица княжества изъ Рязани переведена въ Переяславль, остается неизвѣстнымъ; но во всякомъ случаѣ уже послѣ нашествія Монголовъ.

[4]) Которыя до 1836 г. находились подъ землей, а въ этомъ послѣднемъ году открыты, см. Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи *Семенова* подъ сл. Рязань Старая, т. IV стр. 383.

[5]) Воронежъ къ Рязанскому княжеству уже въ 1177 г.

14) Епархія Владимиро-Клязенская или Суздальская.

Область Суздальская вмѣстѣ съ Ростовскою до начала XII вѣка принадлежала къ удѣлу Переяславскому, а около 1100—1105-го г. получила вмѣстѣ съ тою же областью своего особаго удѣльнаго князя въ лицѣ младшаго сына Мономахова Юрія Долгорукаго [1]). Сынъ Юрія, Андрей Боголюбскій, превратилъ свой молодой удѣлъ въ великое княженіе (со столицей въ младшемъ городѣ области Владимірѣ Клязенскомъ).

Послѣ неудавшейся попытки Андрея Боголюбскаго доставить Владимиру своего особаго митрополита или хотя бы автокефальнаго епископа, о чемъ мы говорили выше, Владиміръ съ Суздалью оставались подъ епископомъ Ростовскимъ еще около полустолѣтія. Пока Ростовъ принадлежалъ непосредственно къ великому княженію, его епископы могли замѣнять великимъ князьямъ своего собственнаго епископа, ибо могли пріѣзжать во Владиміръ такъ часто и живать въ немъ столько подолгу, какъ и сколько это было желательно первымъ. Но въ 1207-мъ г. Ростовъ былъ отдѣленъ отъ великаго княженія въ особый удѣлъ. Первыя пять лѣтъ было такъ, что великимъ княземъ былъ отецъ, а удѣльнымъ княземъ Ростовскимъ сынъ, именно—великимъ княземъ былъ Всеволодъ Юрьевичъ, а Ростовскимъ княземъ его старшій сынъ Константинъ Всеволодовичъ. Отецъ съ сыномъ могли имѣть одного и того же епископа или обходиться однимъ и тѣмъ же епископомъ безъ всякаго особаго неудобства, ибо у отца съ сыномъ не могло выйти изъ-за этого счетовъ и недоразумѣній и онъ могъ служить обоимъ. Но въ 1212-мъ г. сѣлъ на великое княженіе братъ удѣльнаго князя Ростовскаго, Юрій Всеволодовичъ, у котораго открылись съ послѣднимъ неудовольствія съ самаго начала, и обстоятельства измѣнились. Чтобы не быть въ церковномъ отношеніи въ зависимости отъ Ростова, великимъ князьямъ нужно было пріобрѣсти собственнаго епископа, что̀ они и поспѣшили сдѣлать. На другой годъ послѣ занятія Юріемъ великокняжескаго престола отписался или отказался отъ епископіи Ростовскій и Суздальскій епископъ Іоаннъ [2]); преемнику его

[1]) Симонъ въ Патерикѣ, въ повѣсти о созданіи Печерской церкви и именно объ окованіи гроба Ѳеодосіева суздальскимъ тысяцкимъ Георгіемъ даетъ знать, что Юрій посаженъ былъ на удѣлъ въ дѣтствѣ или по крайней мѣрѣ въ ранней юности, но онъ, неизвѣстно когда родившійся, отцомъ былъ женатъ въ 1107 г.

[2]) Такъ какъ Іоаннъ былъ поставленъ на обѣ епископіи, то очень возможно, что великій князь не находилъ удобнымъ отдѣлять Суздаль отъ Ростова при его бытности на каѳедрѣ или дѣлать у него какъ бы хищеніе. Весьма можетъ быть поэтому, что великій князь убѣдилъ его отказаться отъ престола. Іоаннъ, бывшій духовникомъ отца Юріева, долженъ былъ исполнить волю любимаго сына покойника, каковъ былъ Юрій, съ охотою, т. е. хотя и былъ епископомъ Ростовскимъ, но долженъ былъ тянуть между двумя братьями на сторону великаго князя (cfr впрочемъ выше, что говоритъ выше объ удаленіи Іоанновомъ съ престола такъ называемая лѣтопись Переяславля Суздальскаго).

великій князь не дозволилъ попрежнему поставиться на обѣ епископіи, но одновременно съ тѣмъ, какъ былъ поставленъ епископъ Ростову, онъ поставилъ на свою область Суздальскую особаго епископа.

Первымъ епископомъ Суздальскимъ былъ знаменитый Симонъ, постриженикъ Печерскаго монастыря, бывшій потомъ (не позднѣе какъ съ 1206-го г.) игуменомъ Владимирскаго Рождественскаго монастыря и духовникомъ супруги Всеволодовой или матери Юрія. Онъ былъ поставленъ въ 1214-мъ г. Послѣ 12-лѣтняго правленія скончался 22 Мая 1226-го г. [1]). Вторымъ епископомъ Суздальскимъ и вмѣстѣ послѣднимъ до нашествія Монголовъ былъ Митрофанъ, поставленный изъ игуменовъ того же Рождественскаго монастыря, чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ смерти Симона, 14 Марта 1227-го г. Послѣ 10-лѣтняго правленія, онъ умеръ смертію мученика и достойнѣйшаго патріота при взятіи Владимира Татарами въ 1237-мъ г., бывъ сожженъ вмѣстѣ съ многими другими въ своемъ соборномъ храмѣ.

Княжество Суздальское или Владимирское обнимало нынѣшнюю губернію Владимирскую безъ югозападнаго угла или области Муромской, губернію Московскую безъ Волоколамска, Можайска и Коломны (которые къ Новгороду, Смоленску и Рязани), юговосточную меньшую половину Тверской (безъ Торжка и Бѣжецка, которые къ Новгороду, и безъ Ржева и Осташкова, которые къ Смоленску) и затѣмъ большую или меньшую часть западной половины губерніи Костромской (по сю сторону Унжи), съ границей на сѣверѣ куда коса и топоръ ходили [2]).

Каѳедральнымъ соборомъ епископовъ Владимирско-Суздальскихъ былъ во Владимирѣ знаменитый храмъ Успенія Божіей Матери, построенный Боголюбскимъ въ 1158—60 г. (а въ Суздалѣ также храмъ Богородицы, первоначально построенный Владимиромъ Мономахомъ съ епископомъ Ростовскимъ Ефремомъ, а потомъ вновь въ 1222 — 24 г. вел. кн. Юріемъ Всеволодовичемъ съ епископомъ Владимирскимъ Симономъ).

15. **Епархія Перемышльская** (вторая въ области Галичской послѣ епархіи города Галича).

Когда открыта, остается неизвѣстнымъ. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что послѣ Галичской, а затѣмъ она упоминается въ первый разъ подъ 1220-мъ г., именно — въ Новгородской 1-й лѣтописи читаемъ,

---

[1]) Симонъ погребенъ былъ во Владимирской церкви Богородицы; но, не извѣстно когда, мощи его перенесены были въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, въ которомъ находятся въ настоящее время (въ пещерахъ Антоніевыхъ. А почему Строевъ говоритъ, что „мощи его въ Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ“, остается намъ неизвѣстнымъ). См. въ дополненіяхъ.

[2]) Кострома упоминается какъ городъ съ 1213 г., Галичъ какъ таковой же съ 1237 г.; вскорѣ послѣ нашествія Монголовъ въ нихъ обоихъ особые удѣлы.

что въ семъ году митрополитъ „вдалъ епископію въ Перемышли Новгородскому архіепископу Антонію“, который въ предшествующемъ году долженъ былъ оставить свою каѳедру. Послѣ Антонія, который находился въ Перемышлѣ до 1225-го г., упоминается не называемый по имени епископъ Перемышльскій подъ 1241-мъ г. (Ипатск. лѣтоп.).

Городъ Перемышль, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ области и до Галича бывшій старшимъ въ ней и стольнымъ городомъ всего удѣла, находится въ западной части Галиціи, на правомъ берегу рѣки Сана. Каѳедральнымъ храмомъ епископовъ Перемышльскихъ была церковь Іоанна Предтечи, которую, по свидѣтельству Длугоша, построилъ Володарь Ростиславичъ († 1124) и которая, по его же—Длугоша отзыву, была прекрасно (pulcherrimo opere) построена изъ квадратнаго (тёсаннаго) камня [1].

16. Епархія Угровская (также въ области Галичской).

Городъ Угровескъ, Угровскъ или Угорескъ, находился въ нынѣшней Люблинской губерніи, при впаденіи рѣки или рѣчки Угеръ въ западный Бугъ, отъ которой и получилъ свое имя (въ настоящее время селеніе Угрускъ, прямо на востокъ отъ Люблина и на сѣверо-востокъ отъ Холма, противъ городка Опалина). Изъ селенія въ городъ онъ возведенъ былъ Даниломъ Романовичемъ за то или другое нѣкоторое количество лѣтъ до нашествія Монголовъ [2]). Епископія была открыта въ немъ Даниломъ при сейчасъ указанномъ случаѣ и находилась въ немъ весьма недолго, бывъ вскорѣ послѣ нашествія Монголовъ переведена въ Холмъ. Единственнымъ епископомъ Угровскимъ былъ Іоасафъ, который послѣ нашествія Монголовъ пытался было скочить на праздный столъ митрополичій, но за то лишонъ былъ собственнаго престола [3]). Упоминается въ Угровскѣ монастырь св. Данилья [4]), очевидно, построенный Даниломъ Романовичемъ въ честь своего ангела. Вѣроятно, въ этомъ монастырѣ и находилась недолговременная епископская каѳедра Угровская [5]).

Нѣкоторые Галичскіе ученые относятъ къ періоду домонгольскому открытіе епархіи Самборской,—г. Самбора, находящагося на востокъ отъ Перемышля на верхнемъ Днѣстрѣ [6]). Но грамоты князя Льва Даниловича,

---

[1]) Lib. IV, по изд. 1711 г. t I, p. 425 (у *Карамз.* II, прим. 228), и lib. XI, t. II, p. 334. (Что Іоанна именно Предтечи, котораго Длугошъ неопредѣленно называетъ св. Іоанномъ, см. въ Науковомъ сборникѣ Галицко-русской Матицы 1866 г., вып. I, стр. 52, грамоту Перемышльскаго епископа 1422 г.).

[2]) Ипатск. лѣт. подъ 1259 г., cfr годы 1204 и 1213.

[3]) Ипатск. лѣт. подъ 1223 г.

[4]) Ibid. подъ 1268 г.

[5]) Шематизмъ уніатскихъ монастырей въ Галиціи, напечатанный во Львовѣ въ 1867 г., стр. 133, утверждаетъ это положительно.

[6]) См. въ Зорѣ Галицкой яко альбумѣ на годъ 1860 статью *А. Добряньскаго:* Короткіи записки историческіи о мѣстѣ Самборѣ, стр. 350, и историческое введеніе въ Шематизмъ епископіи Перемышльской (по крайней мѣрѣ въ Шемат. 1868 г.).

въ которыхъ читаются имена трехъ епископовъ Самборскихъ XIII вѣка [1]), несомнѣнно подложны. Епархія Самборская дѣйствительно существовала неизвѣстно сколько времени въ концѣ XV — началѣ XVI вѣка, ибо ея имя стоитъ въ спискахъ Русскихъ епархій сего времени [2]). Но ея еще не было въ продолженіе второй половины XIV вѣка, отъ которой мы имѣемъ нѣсколько греческихъ оффиціальныхъ актовъ, перечисляющихъ всѣ епископіи бывшей тогда митрополіи Галичской, но не упоминающихъ епископіи Самборской [3]).

Составляетъ вопросъ время открытія епархіи Луцкой, — г. Луцка, находящагося въ древней области, нынѣшней губерніи, Волынской, верстахъ въ 80—90 на востокъ отъ Владимира, на р. Стыри. Въ первый разъ епархія упоминается подъ 1288-мъ г. [4]), но не какъ тогда открытая, а какъ уже существовавшая прежде. Послѣ соединенія Волыни съ Галиціей Романомъ Мстиславичемъ, первая составила въ послѣдней частнѣйшій удѣлъ и послѣ смерти Романа, въ продолженіи 60 лѣтъ, имѣла своимъ княземъ его младшаго сына Василька, одновременно съ тѣмъ, какъ на столѣ Галицкомъ сидѣлъ старшій сынъ Даніилъ. Какъ старшій братъ открылъ у себя одну новую епископію (Угровскую), такъ тоже самое могъ сдѣлать и младшій; какъ однимъ епископія была открыта еще до нашествія Монголовъ, такъ тогда же она могла быть открыта и другимъ. Слѣдовательно, вообще очень могло быть, что епископія Луцкая открыта еще въ періодъ домонгольскій. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, а поэтому и рѣчи объ епископіи Луцкой должны быть отложены до послѣдующаго времени.

---

[1]) Авраама 1254 г., Евѳимія 1292 г. и Антонія 1295 г. (*Добрянск.*).

[2]) Никон. лѣт. т. I, прибавлл. стр. 2, Описанія сгнодд. ркпп. *Горск. и Невостр.* №№ 228 и 316 (л. 267), *Бычкова* Описаніе сборниковъ Публичн. библіот., ч. I, стр. 180 fin.

[3]) *Миклошича* Acta Patriarchat. Constantinop. t. I, pp. 269, 579 и 583 (Не мало подозрѣвается намъ, что и въ XV—XVI вв. епархіи Самборской не существовало и что она просто сочинена переписчиками списковъ епархій по недоразумѣнію. Во-первыхъ, трудно предположить, чтобы подъ Польскимъ владычествомъ могла быть открыта новая православная епархія; во-вторыхъ, въ извѣстныхъ намъ актахъ XV—XVI вв. Самборъ является принадлежащимъ къ епархіи Перемышльской, см. въ Актахъ Западн. Росс. т. I № 31, у *Строева* въ Спискахъ іерарховъ col. 1041 и Акты южно-западной Руси, изданные *А. С. Петрушевичемъ*, Львовъ, 1868, стр. 184. Что касается до сочиненія епархіи переписчиками списковъ, то епархія Перемышльская могла быть записана въ послѣднихъ, какъ Перемышльская и Самборская (ибо епископы Перемышльскіе, если не обыкновенно, то не рѣдко называли себя Перемышльскими и Самборскими), и изъ одной епархіи Перемышльской и Самборской и могли быть сдѣланы переписчиками двѣ епархіи—1) Перемышльская и 2) Самборская).

[4]) Въ Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 609.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Просвѣщеніе.

I.

Неудавшаяся попытка Владимира ввести у насъ просвѣщеніе и наше дѣйствительное просвѣщеніе — грамотность.

Мы говорили выше, что креститель Руси св. Владиміръ, принимая отъ Грековъ христіанство, вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ заимствовать отъ нихъ и всю ихъ культуру, имѣя намѣреніе сдѣлать свой народъ въ отношеніи къ сей послѣдней тѣмъ же, чѣмъ были они сами, и что просвѣщеніе при этомъ было у него на первомъ планѣ. Но увы! X вѣкъ былъ еще далеко «не у пришедшимъ» для насъ временемъ и нашъ первый Петръ Великій потерпѣлъ съ своими благими замышленіями совершенную неудачу. Ставъ народомъ христіанскимъ, мы вовсе не стали народомъ просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе было вводимо и введено къ намъ, но оно у насъ не принялось и не привилось и почти тотчасъ же послѣ введенія совершенно безслѣднымъ образомъ исчезло. Послѣ сего просвѣщеніемъ нашимъ въ періодъ домонгольскій было то же самое, что и во все послѣдующее время старой Руси до Петра Великаго, именно—при совершенномъ отсутствіи всякаго дѣйствительнаго просвѣщенія или научнаго образованія одна простая грамотность, одно простое умѣнье читать, представлявшее изъ себя лишь средство для нѣкотораго самопросвѣщенія посредствомъ чтенія книгъ или книжной начитанности.

Что въ періодъ до-монгольскій мы не имѣли дѣйствительнаго просвѣщенія, какъ то хотѣлъ думать Карамзинъ, это въ настоящее время для людей не съ исключительнымъ образомъ мыслей составляетъ предметъ безспорный, который напрасно было бы доказывать. Наоборотъ, въ настоящее время не примѣчается и не отмѣчается въ нашей исторіи тотъ ея эпизодъ, составляющій по отношенію къ Владиміру

его великую заслугу, что онъ хотѣлъ было ввести къ намъ просвѣщеніе.

Это послѣднее есть однако несомнѣнный фактъ.

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ во что бы то ни стало хочетъ заключить родственный союзъ съ императорами греческими и для достиженія своей цѣли прибѣгаетъ къ такому крайнему средству, какъ война. Для чего могъ быть ему нуженъ этотъ родственный союзъ? Просто для того, чтобы удовлетворить своему тщеславію—имѣть женой сестру императоровъ? Но представлять, чтобы для этого только онъ рѣшился даже на войну, значитъ считать его сумасброднымъ безумцемъ и совершеннымъ Донъ-Кихотомъ, на что мы по всему, что̀ знаемъ о немъ, не имѣемъ ни малѣйшаго права. Единственный разумный смыслъ, который можно придавать этому, во что бы то ни стало, желанію Владиміра вступить въ родственный союзъ съ императорами Константинопольскими, есть тотъ, что онъ желалъ вступить въ возможно тѣсный союзъ съ Греками и что въ родствѣ съ императорами онъ видѣлъ лучшее средство для достиженія этой своей цѣли. Но на что же ему могъ быть нуженъ возможно тѣсный союзъ съ Греками? Предполагать, будто онъ нуженъ былъ за тѣмъ, чтобы получить изъ Греціи крестовъ и иконъ и вообще церковной утвари, было бы, конечно, неосновательно и странно, ибо для этого не требовалось никакого союза, а стоило только послать въ Грецію деньги съ купцами и поручить имъ произвести закупки. Очевидно, необходимо предполагать, что Владиміръ желалъ достигнуть посредствомъ этого союза какихъ-нибудь весьма важныхъ и серьёзныхъ цѣлей. Какихъ же именно? Цѣлей церковныхъ нѣтъ никакого основанія предполагать, ибо для полученія митрополита и епископовъ, въ чемъ онѣ могли состоять, Владиміръ вовсе не имѣлъ нужды быть просителемъ и искателемъ, а слѣдовательно вовсе не имѣлъ нужды добиваться и родственнаго союза, который бы обезпечилъ успѣхъ просьбы: здѣсь онъ долженъ былъ только не отказываться принять то, о чемъ, наоборотъ, просили бы его сами Греки. Такимъ образомъ, необходимо предполагать цѣли государственныя. Чего же Владиміръ могъ искать для своего государства у Грековъ? Крестивъ Русь, Владиміръ присоединилъ ее къ семейству государствъ, исповѣдующихъ христіанство, или къ семейству государствъ европейскихъ. За симъ ему оставалось желать для своего государства, чтобы оно не только по вѣрѣ, но и во всемъ или по всему стало подобно тѣмъ государствамъ, которыя стояли во главѣ этого семейства и которыя представляли собою идеалъ для всѣхъ дру-

гихъ, т. е., чтобы въ его страну перенесена была вся та гражданская культура, которая была у самихъ Грековъ, чтобы эти послѣдніе перенесли на его Русь, передали ей и насадили въ ней все то, что въ дѣлѣ гражданскаго преуспѣянія имѣли сами. Для этой цѣли ему необходимы были весьма многіе люди, которыхъ бы дали ему Греки, для этой цѣли ему болѣе всего и непремѣнно необходимо было, чтобы Греки имѣли желаніе доброхотствовать Руси, и слѣдовательно—для этой цѣли ему дѣйствительно необходимъ былъ тотъ тѣсный, родственный, союзъ съ императорами греческими, котораго онъ такъ настоятельно добивался. Но если такимъ образомъ по поведенію Владимира необходимо предполагать, что онъ желалъ и добивался перенести на Русь изъ Греціи все то, что имѣла послѣдняя, то при этомъ просвѣщеніе само-собою и прежде всего предполагается. Гражданская культура Грековъ, какъ и всякая культура, состояла изъ просвѣщенія и ремесленности (составляющаго практическое приложеніе просвѣщенія на пользу и на возвышеніе обыденной человѣческой жизни, бóльшаго или меньшаго индустріальнаго или промышленнаго развитія); желая и добиваясь ея перенесенія на Русь во всемъ ея объемѣ, Владимиръ долженъ былъ желать и добиваться, чтобы перенесены были одно и другая. Само-собою предполагается, что Владимиръ, какъ человѣкъ не только не просвѣщенный, но и совсѣмъ безграмотный, не могъ указывать Грекамъ, чего именно онъ желалъ относительно просвѣщенія. Онъ могъ только вообще требовать, чтобы Руси дано было все то, чтò имѣли Греки; а затѣмъ поставить дѣло такъ или иначе, дать тѣхъ или иныхъ людей уже зависѣло отъ доброжелательства Грековъ, заручиться которымъ посредствомъ родственнаго союза поэтому онъ такъ и добивался.

Такимъ образомъ, необходимо предполагать, что Владимиръ желалъ, чтобы изъ Греціи было перенесено на Русь просвѣщеніе.

Лѣтопись наша свидѣтельствуетъ, что это желаніе было осуществлено, было приведено въ исполненіе. Тотчасъ послѣ возвращенія изъ похода подъ Корсунь, когда съ женой—сестрой императоровъ греческихъ онъ привелъ и всѣхъ тѣхъ Грековъ, которые ему были нужны для предполагаемой и желаемой имъ культиваціи Руси, онъ, по свидѣтельству лѣтописи, «пославъ, нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача на ученье книжное» [1]). Нарочитая чадь означаетъ избранное сословіе общества,—бояръ и аристократію. Я уже нѣсколько разъ го-

[1]) Лаврент. лѣт. подъ 988-мъ годомъ sub fin.

ворилъ выше, что невозможно предполагать, будто дѣти бояръ набраны были для ученья книжнаго съ тою цѣлію, чтобы приготовить ихъ во священники. Не только невозможно, но и нелѣпо предполагать это. Во-первыхъ, для священства нисколько не были необходимы именно дѣти бояръ, а между тѣмъ они нужны были самому князю для его собственной службы: съ какой же бы стати онъ рѣшился пожертвовать ими? Во-вторыхъ, предполагать, чтобы бояре захотѣли отдать своихъ дѣтей во священники—значило бы то же, что предполагать, будто они имѣли охоту сдѣлать дѣтей своихъ изъ бояръ пролетаріями и паріями, ибо это именно были священники въ сравненіи съ боярами. Наконецъ, втретьихъ, и самое убѣдительное: въ данномъ мѣстѣ лѣтописи идетъ рѣчь о дѣтяхъ въ собственномъ смыслѣ или о мальчикахъ; но предполагать, чтобы для приготовленія во священники были набраны мальчики, а не взрослые, когда священники нужны были сейчасъ, а мальчиковъ пришлось бы весьма долго ждать, и когда набрать первыхъ вмѣсто послѣднихъ не было совершенно никакой особенной нужды, значило бы предполагать нѣчто совсѣмъ безсмысленное. Но если таким образомъ дѣти бояръ отданы были въ ученье книжное не затѣмъ, чтобы готовиться во священники, то за чѣмъ же другимъ? Ясно и очевидно, что ни за чѣмъ другимъ, какъ за тѣмъ, чтобы они стали людьми образованными, чтобы съ этого перваго поколѣнія христіанскихъ дѣтей водворилось въ боярствѣ или въ аристократіи просвѣщеніе.

Лѣтописецъ не говоритъ намъ, на какое ученье книжное розданы были дѣти бояръ,—на ученье ли просто грамотѣ, умѣнью читать, или на ученье настоящее, научное: съ какой же стати предполагать послѣднее, а не первую? Съ той именно стати, что предполагать послѣднее необходимо заставляетъ все сказанное нами выше о поведеніи Владиміра. Онъ употребляетъ величайшія усилія на то, чтобы добиться возможно тѣснаго союза съ Греками; этотъ союзъ необходимъ ему для того, чтобы получить отъ Грековъ нужныхъ ему людей. Ясно, что тутъ идетъ дѣло о людяхъ весьма большой важности, отъ которыхъ ожидается что-то далеко не совсѣмъ обыкновенное: неужели же эти люди, изъ-за которыхъ столько хлопотъ и стараній, изъ-за которыхъ война и бракъ съ сестрой императоровъ, ни больше ни меньше, какъ просто учители грамоты? Если бы это было такъ, то это было бы истиннымъ parturiunt montes, nascitur ridiculus mus. Если Владиміру нужны были только учители грамоты, то съ какой стати онъ сталъ бы искать и добиваться ихъ отъ Грековъ? Учителей славянской грамоты ему есте-

ственно было бы взять отъ Болгаръ или отъ Венгерскихъ Русскихъ, а не отъ Грековъ, ибо въ этомъ случаѣ настоящими учителями были бы первые, а нисколько не послѣдніе. Наконецъ, для грамоты онъ не имѣлъ нужды добиваться учителей нигдѣ,—грамота у насъ была введена уже давно прежде... Послѣ похода подъ Корсунь Владимиръ спѣшитъ раздать дѣтей боярскихъ на ученье книжное. Если это ученье книжное было дѣйствительное просвѣщеніе, то поспѣшность въ такой раздачѣ дѣтей боярскихъ для насъ будетъ совершенно понятна. Владимиръ торопится ввести въ Россіи просвѣщеніе, котораго въ ней дотолѣ не было и которое должно было положить начало новому періоду ея жизни. Сословіе бояръ предназначалось быть образованнымъ или просвѣщеннымъ сословіемъ Руси, и вотъ Владимиръ и спѣшитъ набрать дѣтей боярскихъ. Но какой смыслъ будетъ имѣть эта поспѣшность, если разумѣть только обученіе грамотѣ? Къ чему Владимиръ сталъ бы торопиться сдѣлать своихъ бояръ грамотными? Чтобы скорѣе сдѣлать изъ нихъ почитателей божественныхъ писаній? Но всякій пойметъ, что эта роль не по боярству. Приготовлялось сословіе духовенства; ему естественно имѣло быть предоставлено и отъ него естественно имѣло быть ожидаемо это почитаніе божественныхъ писаній и крайне странно было бы Владимиру спѣшить тутъ съ боярствомъ.

Бывъ водворено у насъ весьма не надолго, бывъ водворено въ томъ высшемъ сословіи общества, принадлежащія къ которому лица даже и въ настоящее время нисходятъ въ разрядъ писателей въ видѣ только рѣдкаго исключенія, просвѣщеніе не оставило у насъ никакихъ ясныхъ слѣдовъ своего существованія, которыми бы мы могли несомнѣнно доказать это послѣднее. Тѣмъ не менѣе однако мы встрѣчаемъ въ нашей исторіи за то древнѣйшее время, о которомъ говоримъ, нѣсколько такихъ явленій, предъ которыми, въ случаѣ если мы не допустимъ предполагаемый нами кратковременный эпизодъ существованія у насъ просвѣщенія, мы останемся въ совершенномъ и рѣшительномъ недоумѣніи, и которыя слѣдовательно говорятъ ни за что другое, какъ за этотъ фактъ его существованія. Укажемъ на то, что пока знаемъ, надѣясь, что обращенное на дѣло вниманіе откроетъ и кое-что другое. Мы говорили выше о митрополитѣ Иларіонѣ, который былъ изъ природныхъ Русскихъ и который былъ поставленъ въ митрополиты Ярославомъ въ 1051 г. въ самой Россіи безъ посыла для посвященія въ Грецію. Этотъ митрополитъ Иларіонъ оставилъ послѣ себя знаменитое сочиненіе, которое называется „Словомъ о законѣ и благодати и содержаніе котораго мы передадимъ ниже. Сочиненіе или

слово Иларіона, знаменитое дѣйствительно вполнѣ заслуженнымъ образомъ и изъ всѣхъ памятниковъ письменности до-монгольскаго періода сравнимое по качествамъ и по достоинствамъ только съ Словомъ о полку Игоря, хотя по сущности и не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, представляетъ собою именно такого рода явленіе, которое мы, не предполагая въ древней Владимиро-Ярославовой Руси существованія настоящаго просвѣщенія, рѣшительно не въ состояніи будемъ объяснить. Слово Иларіона есть самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, съ которою изъ новыхъ рѣчей идутъ въ сравненіе только рѣчи Карамзина. Всякое ораторское произведеніе слагается изъ двухъ элементовъ — изъ внутренней силы краснорѣчія, которая выражаетъ собою просто прирожденную степень ораторскаго таланта и не пріобрѣтается ни посредствомъ ничего, и изъ внѣшняго воплощенія или внѣшней отдѣлки, которая есть слѣдствіе бо́льшаго или меньшаго знакомства съ наукой ораторства, умѣнье которой пріобрѣтается посредствомъ ученія. Мы не говоримъ о внутреннихъ ораторскихъ достоинствахъ Слова, которыя, показывая въ Иларіонѣ первокласснаго урожденнаго оратора, насъ не касаются, но о достоинствахъ внѣшнихъ, которыя не даются природою, а пріобрѣтаются наукою и которыя предполагаютъ бо́льшую или меньшую степень знакомства съ сей послѣдней. По этимъ внѣшнимъ достоинствамъ Слово Иларіона совершенно безукоризненно: съ совершеннымъ ораторскимъ умѣніемъ и искусствомъ сдѣлано общее расположеніе слова, о совершенномъ знаніи ораторства, какъ школьной науки, свидѣтельствуетъ отдѣлка всѣхъ частностей, гдѣ все отдѣлано отлично, гдѣ нѣтъ ничего лишняго и гдѣ съ совершеннымъ ученымъ умѣніемъ употреблены въ дѣло всѣ внѣшніе ораторскіе ресурсы. Если бы перевести Слово на русскій языкъ и сказать вамъ, что оно есть новооткрытая лучшая рѣчь Карамзина, то вы сколько по внутреннимъ, столько и по внѣшнимъ, его качествамъ, ничего бы не нашли въ этомъ невѣроятнаго и для васъ осталось бы не совсѣмъ понятнымъ только то, съ какой стати Карамзинъ взялъ на себя написать рѣчь духовнаго содержанія.

Итакъ, Слово Иларіона стоитъ передъ нами какъ загадочное явленіе. Какъ мы объяснимъ себѣ его возможность, если не предположимъ, что въ древней Руси было непродолжительное время, когда въ ней существовало настоящее просвѣщеніе, когда въ ней преподавалась и изучалась реторика, какъ наука? Рѣшительно никакъ. Но предположите, что Иларіонъ, по своему происхожденію, вѣроятно, не боя-

ринъ, попалъ однако какимъ-то случайнымъ или неслучайнымъ, неизвѣстнымъ намъ, образомъ въ ученіе къ одному изъ тѣхъ, назначенныхъ собственно для бояръ, учителей, которые должны были преподавать настоящія науки, и для насъ дѣло станетъ яснымъ. Учитель Иларіона оказался очень хорошимъ учителемъ реторики и онъ, преподававъ ее ему, образовалъ внѣшнимъ образомъ его внутренній ораторскій талантъ [1]).

Владимиръ, желавшій и самымъ дѣломъ пытавшійся ввести въ Россію просвѣщеніе, и Ярославъ, еще поддерживавшій его попытку, конечно, прежде всего заботились о просвѣщеніи своихъ собственныхъ дѣтей, т. е. заботились о томъ, чтобы введеніе того настоящаго научнаго образованія, которое они хотѣли водворить въ боярствѣ, началось именно съ этихъ ихъ собственныхъ дѣтей. Отъ позднѣйшихъ писателей, представителей только грамотности, а не просвѣщенія, и разумѣющихъ послѣднее только подъ видомъ первой, мы ничего не можемъ ожидать, кромѣ того, чтобы они сказали, что-де быша дѣти того и другаго и грамотѣ научены, ибо сказать это было въ данномъ случаѣ все, что они могли сказать. Такъ это именно и говоритъ преп. Несторъ объ образованіи, данномъ Борису [2]). Но, къ счастію для насъ, одно совершенно достовѣрное лицо сдѣлало случайную замѣтку, которая представляетъ все дѣло совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Владимиръ Мономахъ въ своей извѣстной нравоучительной грамотѣ дѣтямъ или

[1]) Могутъ возразить намъ, что Иларіонъ, человѣкъ съ совершенно исключительной натурой, представляетъ собою единичное исключеніе (подобное тѣмъ единичнымъ исключеніямъ, о которыхъ говоримъ мы нѣсколько ниже за послѣдующее время), т. е. что онъ одинъ успѣлъ получить научное образованіе у одного изъ Грековъ, находившихся въ Россіи, и что отъ его примѣра нѣтъ права дѣлать общихъ заключеній. Но и люди съ исключительными натурами рвутся къ просвѣщенію, когда видятъ его передъ собой или когда слышатъ о немъ. Юность Иларіона относится къ такому раннему времени христіанства у насъ, что онъ еще не могъ быть наслышанъ о просвѣщеніи у Грековъ. Слѣдовательно, необходимо думать, что онъ видѣлъ его, т. е. видѣлъ у себя дома.

[2]) Впрочемъ, и во времена Нестора какъ будто оставалась еще у насъ нѣкоторая память о существовавшемъ у насъ первоначально настоящемъ просвѣщеніи. Должно думать, имѣвъ свѣдѣнія, что во времена дѣтства преп. Θеодосія Печерскаго у насъ были настоящія науки, онъ выражается о курсѣ ученія послѣдняго въ его житіи, что у своего учителя онъ „вскорѣ извыче вся граматикія“, т. е. будто обучился всѣмъ наукамъ (въ каковомъ, какъ кажется, смыслѣ, нужно понимать у Нестора въ данномъ мѣстѣ слово граматикія,—ἡ γραμματική, которое у Грековъ значило грамоту, грамматику, и въ обширнѣйшемъ смыслѣ — филологическое изученіе писателей или филологическую ихъ герменевтику).

въ своемъ поученіи [1]) говоритъ, что его отецъ Всеволодъ, сынъ Ярослава, зналъ пять языковъ, — «отець мой изумѣяше пять языкъ»... [2]). Человѣкъ, знающій пять языковъ, это, конечно, совсѣмъ не то, что «бяше бо и грамотѣ наученъ». Знаніе многихъ языковъ вовсе не такая хитрая вещь, какъ это иные предполагаютъ, — въ заграничныхъ городахъ, которые посѣщаютъ иностранцы, вы сплошь и рядомъ найдете чичероне или гидовъ, которые говорятъ на множествѣ языковъ; въ восточныхъ портовыхъ городахъ, куда приходятъ суда всѣхъ націй, простые хамалы или носильщики нерѣдко говорятъ не менѣе, какъ именно на пяти языкахъ. Но иное дѣло нужда и иное дѣло отсутствіе нужды. На что могло быть нужно князю знаніе пяти языковъ? Положимъ, что два изъ нихъ — Варяжскій и Половецкій — онъ изучилъ практически и для практическихъ цѣлей, т. е. потому и для того, что Варяги находились у насъ на службѣ, а съ Половцами мы имѣли непрестанныя войны и весьма частыя сношенія. Но остаются еще три языка. Человѣкъ безъ практическихъ цѣлей изучающій иностранные языки или будетъ совершенная безсмыслица или, чтобы сдѣлать его со смысломъ, необходимо предполагать какія нибудь иныя цѣли. Но кромѣ цѣлей практическихъ какія еще иныя цѣли, какъ не цѣли научной любознательности? Слѣдовательно—человѣка, изучающаго иностранные языки не для цѣлей практическихъ, необходимо представлять себѣ какъ человѣка образованнаго, и слѣдовательно — таковъ предъ нами Всеволодъ, сынъ Ярослава. Заключая отъ него, мы получаемъ право думать, что образованіе и всѣхъ другихъ сыновей Ярослава, равно какъ и сыновей Владимира (подразумѣвается — тѣхъ, которые между ними еще способны были къ образованію по своему возрасту въ минуту принятія нами христіанства), состояло не въ томъ только, что они «бяху и грамотѣ научени».

Въ лѣтописи мы имѣемъ извѣстіе о книжности самого Ярослава. Читая это извѣстіе съ предзанятой мыслью не найдти въ немъ ничего особеннаго, ничего особеннаго и не находятъ. Ярославъ весьма любилъ читать книги, по его приказанію было списано весьма много рукописей и даже были дѣлаемы переводы съ греческаго языка. Такъ понимаютъ лѣтопись. Но вотъ подлинныя слова этой послѣдней: «Ярославъ же любимъ бѣ книгамъ... и прилежа (имъ) и почитая ѐ часто

---

[1]) Оно въ Лаврент. лѣт. подъ 1096 г.

[2]) Поучая дѣтей, онъ пишетъ: „его же умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, яко же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ, въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель“.

въ нощи и въ дне, и собра писцѣ многы и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо и списаша книги многы»[1]). Присмотритесь повнимательнѣе: говорится о писцахъ, но не говорится о переводчикахъ, писцы списаша книги многи, переводъ же прекладаше, но не прекладаша. Не ясно ли, что прямой и буквальный смыслъ лѣтописи есть тотъ, что переводомъ съ греческаго Ярославъ занимался самъ? Этимъ нисколько ни устраняется, если угодно, возможность предположенія, что были дѣлаемы переводы и не имъ самимъ; но во всякомъ случаѣ едва ли остается подлежащимъ какому сомнѣнію то, что въ приведенномъ свидѣтельствѣ лѣтописи говорится о переводахъ, дѣланныхъ не по его приказанію, а именно имъ самимъ. Но если Ярославъ зналъ греческій языкъ, если онъ способенъ былъ переводить съ греческаго на славянскій, то ясно, что его образованіе состояло не только въ томъ, что онъ «бѣ и грамотѣ наученъ».

Итакъ несомнѣнно, что просвѣщеніе было вводимо къ намъ Владиміромъ. Но оно у насъ не принялось и не привилось и весьма скоро отъ насъ исчезло. Какая же могла быть тому причина?

Причиной этой необходимо полагать то, что къ намъ введенъ былъ отъ Грековъ существовавшій у нихъ, такъ сказать—идеальный, способъ поддержанія просвѣщенія, который оказался намъ не по силамъ.

Читатель, привыкшій видѣть, что просвѣщеніе поддерживается посредствомъ казенныхъ, содержимыхъ правительствами, училищъ, конечно, полагаетъ, что это есть единственный способъ его поддержанія и не представляетъ себѣ инаго. На самомъ же дѣлѣ, это есть способъ не единственный и вовсе не первоначальный, а явившійся только, говоря сравнительно, очень недавно. Прежде чѣмъ правительства дошли до мысли сдѣлать просвѣщеніе дѣломъ государственнымъ и взять заботы о немъ на себя, что̀ случилось на Западѣ только въ началѣ нашихъ новыхъ временъ, оно весьма долгое время существовало между людьми, какъ дѣло частное, предоставленное совершенно самому себѣ и исключительно ихъ собственнымъ заботамъ. Таковымъ частнымъ дѣломъ было просвѣщеніе во всей классической древности, которая совсѣмъ не знала казенныхъ училищъ; таковымъ оно оставалось у Грековъ отъ временъ классическихъ и до той самой поры, какъ мы приняли отъ нихъ христіанство. Частные люди, имѣвшіе охоту научать другихъ или преподавать другимъ то, что сами знали, по собственной инициативѣ открывали или у себя на домахъ, или въ извѣстныхъ об-

[1]) Лаврент. лѣт. подъ 1037 г.

щественныхъ мѣстахъ, такъ сказать публичныя чтенія; другіе частные люди, имѣвшіе собственную охоту учиться, собирались къ тѣмъ или другимъ изъ первыхъ, къ кому хотѣли, слушать ихъ курсы—въ такомъ видѣ существовало дѣло ученія во всей классической древности, въ такомъ видѣ оно сохранялось у Грековъ и до позднѣйшаго времени. Къ намъ перенесена была отъ Грековъ, естественно, та форма поддержанія просвѣщенія, какая существовала у нихъ, т. е. сейчасъ нами указанная, и эта-то форма и оказалась намъ не по силамъ [1]).

---

[1]) Въ половинѣ IX вѣка, при импер. Михаилѣ III, извѣстный кесарь Варда, человѣкъ просвѣщенный и имѣвшій усердную охоту покровительствовать просвѣщенію, завелъ было въ Константинополѣ нѣкотораго рода высшее казенное училище, давъ ему помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ и именно въ томъ отдѣленіи послѣдняго, которое называлось Магнавра или Манавра (Scriptores post Theophanem, ed. Paris., p. 115 sqq, — Constantini Continuat. lib. IV nn. 26 и 29, Амартолъ по изд. *Муральта* стр. 734 прим.; о самой Магнаврѣ Византія Κωνσταντινουπ. I, 207 и 593). Но послѣ Варды мы нигдѣ не встрѣчаемъ объ этомъ училищѣ никакихъ упоминаній и извѣстій, и нѣтъ сомнѣнія, что тотчасъ или не тотчасъ послѣ него оно прекратило свое существованіе, сfr Ліутпранда Antapodosis, lib. VI, § 5). Что касается до мнѣнія многихъ ученыхъ, которые относятъ первоначальное основаніе этого такъ-называемаго придворнаго училища къ первой половинѣ V в., къ правленію импер. Ѳеодосія Младшаго, то оно не справедливо: импер. Ѳеодосій въ своемъ указѣ отъ 425-го года, на которомъ оно основывается (Cod. Theodos. lib. XIV, tit. IX, 1. 3), говоритъ не объ учрежденіи какого-нибудь казеннаго училища, а объ учителяхъ частныхъ, изъ числа которыхъ извѣстному количеству онъ предоставляетъ право публичнаго обученія и въ казенныхъ помѣщеніяхъ (еще о частныхъ учителяхъ въ Кодексѣ Ѳеодосіевомъ—lib. VI, tit. XXI, lib. XIII, tit. III, lib. XIV, tit. IX, все повторено въ Кодексѣ Юстиніановомъ). Подобнымъ образомъ передъ Вардою импер. Ѳеофилъ далъ казенное въ своемъ дворцѣ помѣщеніе частному учителю Льву философу, о чемъ Амартолъ по изд. *Муральта* стр. 713 sub fin. и Scriptt. post Theophan., ed. Paris. p. 424. Относительно такъ называвшагося „вселенскаго учителя" (οἰκουμενικὸς διδάσκαλος) и при немъ 12-ти или большаго числа помощниковъ (о которыхъ Амартолъ по изд. *Муральта* стр. 634, а изъ новыхъ изслѣдователей Дюканжъ въ Constantinop. Christ. lib. II, cap. IXX, n. 3 и въ Gloss. Graecit. подъ словомъ διδάσκαλος и Византій въ Κωνσταντινουπ. I, 457), также несправедливо думаютъ, будто они представляли собой высшее училище. Они не составляли изъ себя никакого училища, а были учеными библіотекарями при императорской библіотекѣ и имѣли своей обязанностію въ случаяхъ нужды дѣлать ученыя справки и подавать свое ученое мнѣніе правительствамъ гражданскому и церковному: отъ этой послѣдней обязанности и названіе главнаго библіотекаря—вселенскій учитель. Учители великой церкви (διδάσκαλοι τῆς μεγάλης ἐκκλησίας), т. е. Константинопольской патріаршей Софіи, не были школьными учителями, а проповѣдниками, которые, по уполномочію и отъ лица патріарха, учили народъ посредствомъ проповѣдей (Вальсамонъ въ толкованіи на 19-е правило

Послѣ похода Корсунскаго Владимиръ привелъ съ собою изъ Греціи ученыхъ людей и учителей, но онъ не соединилъ ихъ въ одно училище и не образовалъ изъ нихъ таковаго, а оставилъ каждаго изъ нихъ отдѣльнымъ и свободнымъ или такъ сказать вольно-практикующимъ профессоромъ и роздалъ имъ на ученье, какъ именно это прямо и буквально говоритъ и лѣтопись, набранныхъ имъ дѣтей боярскихъ [1]). Эта-то форма не казенныхъ училищъ, а частнаго обученія и была, какъ необходимо думать, причиной того, что просвѣщеніе, такъ сказать, только прошло черезъ насъ, какъ вода чрезъ рѣшето.

Если бы заведены были казенныя училища или—такъ какъ на первое время училищъ могло быть заведено только одно въ Кіевѣ—если бы заведено было казенное училище, то въ немъ былъ бы введенъ извѣстный опредѣленный курсъ или кругъ ученія, какой былъ бы признанъ наивозможно за лучшій. Въ казенномъ училищѣ этотъ курсъ ученія не подвергался бы опасности произвольныхъ сокращеній и постоянно оставался бы однимъ и тѣмъ же. Ученики, не будучи выпускаемы изъ такого училища до окончанія полнаго курса ученія, волей-неволей изучали бы всѣ положенныя науки, и такимъ образомъ подобное училище невольно и, такъ сказать, насильственно насаждало бы въ сословіи бояръ образованіе до тѣхъ поръ, пока бы оно не стало его добровольной потребностію. Совсѣмъ другое должно было случиться при заимствованномъ нами отъ Грековъ способѣ частнаго обученія. Приведены были изъ Греціи ученые люди и открыли у себя на домахъ частные пансіоны, въ которые были розданы и имѣли быть отдаваемы дѣти бояръ для ученія. Намѣреніе и желаніе правительства было то, чтобы въ этихъ пансіонахъ дѣти бояръ получали возможно лучшее научное образованіе, какое могли дать приведенные учители, чтобы они изучали все то, что было въ Греціи. Но при системѣ частныхъ пансіоновъ не могло быть контроля правительства, чтобы учащіеся проходили возможно полные желаемые курсы ученія и здѣсь все дѣло относительно сего имѣло быть предоставлено исключительно доброй волѣ ихъ родителей. Эти же послѣдніе не были наклонны къ образованію, не сознавали его нужды и по предоставлен-

---

Трулльскаго собора: Τὸ διδάσκειν τὸν λαὸν μόνοις ἐνεδόθη τοῖς ἐπισκόποις, καὶ οἱ διδάσκαλοι τῆς μεγάλης ἐκκλησίας δικαίῳ τοῦ πατριάρχου διδάσκουσι,—у *Ралли* и *П.* II, 348).

[1]) „Пославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти и *даяти нача* на ученье книжное... Симъ же (дѣтямъ) *раздаяномъ* на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли“...

ной имъ волѣ весьма скоро и сократили курсы ученія своихъ дѣтей такъ, что послѣднее сошло на одну простую грамотность.

Нѣтъ сомнѣнія, у многихъ невольно рождается вопросъ: да отъ чего же Владиміръ, если дѣйствительно хотѣлъ водворить въ Россіи образованіе, не сдѣлалъ такой простой вещи, какъ завести казенное училище въ родѣ нынѣшнихъ гимназій, университетовъ? Отвѣтъ именно тотъ, что примѣра и образца подобныхъ училищъ Владиміръ не видѣлъ у Грековъ, а выдумать ихъ самому—это была далеко не такая простая вещь, какъ бы инымъ казалось. Выдумать подобныя училища значило изобрѣсти совершенно новый способъ поддержанія образованія, значило совершить въ этомъ отношеніи чрезвычайно важную реформу: нѣтъ ничего удивительнаго, что Владиміра, только помышлявшаго для своей страны объ образованіи, не хватило на то, чтобы быть и реформаторомъ въ способѣ его поддержанія. Казенныя нынѣшнія училища изобрѣлъ практическій Западъ, и изобрѣлъ, какъ должно думать, тоже не сразу, хотя и весьма рано [1]).

Какъ долго продолжался у насъ, въ нашемъ боярствѣ, періодъ дѣйствительнаго просвѣщенія, положительно сказать мы, разумѣется, вовсе не можемъ. Но необходимо думать, что онъ продолжался чрезвычайно недолго и что собственно онъ началъ кончаться одновременно съ тѣмъ, какъ начался. Весьма вѣроятно или лучше сказать необходимо думать, что изъ перваго же набора дѣтей, сдѣланнаго Владиміромъ тотчасъ послѣ возвращенія изъ Корсуни, очень многіе, если не большая часть, не кончили полныхъ курсовъ ученія и что такимъ образомъ собственно не было ни одной генераціи бояръ, которая бы была просвѣщенною въ цѣломъ своемъ составѣ или по крайней мѣрѣ въ своемъ большинствѣ. Съ какою быстротой происходило дальнѣйшее убавленіе охотниковъ просвѣщаться настоящимъ просвѣщеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ быстро исчезало и сіе послѣднее, можно заключать изъ того, что въ концѣ XI вѣка преп. Несторъ находитъ возможнымъ, усвоять св. Борису уже не бо́льшее просвѣщеніе, какъ—что «бяше и грамотѣ наученъ» [2]).

Отвѣтивъ на вопросъ, почему не увѣнчалась успѣхомъ попытка Владиміра ввести къ намъ просвѣщеніе, мы вмѣстѣ съ симъ нисколько еще не отвѣтили на вопросъ: почему мы вообще остались безъ про-

---

[1]) Первые нѣкоторые опыты учрежденія на Западѣ казенныхъ училищъ принадлежатъ еще языческимъ императорамъ (Веспасіану, Антонину Пію и Адріану).

[2]) Хотя человѣку исключительному,—преп. Θеодосію, и усвояетъ еще, какъ мы сказали, настоящее просвѣщеніе.

свѣщенія. Этотъ общій вопросъ есть вопросъ самъ по себѣ и требуетъ своего особеннаго отвѣта.

После неудачной попытки Владимира могли быть сдѣланы десятки другихъ попытокъ, и однако мы не сдѣлали ни одной. Между тѣмъ мы представляли собою народъ, который долженъ бы былъ имѣть просвѣщеніе. По своей территоріи мы принадлежали къ народамъ европейскимъ; принявъ одно и то же съ ними христіанство, мы стали живымъ членомъ въ семействѣ этихъ народовъ. Но отличительною чертой и общею принадлежностью народовъ европейскихъ было то, что они имѣли просвѣщеніе. Почему же только мы одни въ ихъ семействѣ остались безъ сего просвѣщенія?

Вопросъ этотъ, какъ понимаетъ читатель, есть ни болѣе ни менѣе, какъ вопросъ о насъ самихъ, ибо тутъ спрашивается: лежитъ ли наше невѣжество на нашей отвѣтственности или нѣтъ?

Пріятно и желательно было бы отвѣчать съ спокойною совѣстію рѣшительнымъ нѣтъ; къ сожалѣнію, не кривя душой, отвѣчать такъ мы не найдемъ возможнымъ.

Оправдать насъ отъ упрековъ за наше невѣжество лежало на сердцѣ нашего почтеннаго исторіографа. Полагая, что просвѣщеніе не только было вводимо, но и дѣйствительно введено къ намъ, онъ объяснялъ его исчезновеніе у насъ междуусобіями нашихъ князей, бывшими слѣдствіемъ удѣльной системы, и потомъ нашествіемъ Монголовъ. Въ настоящее время составляетъ предметъ, требующій доказательствъ, то, что просвѣщеніе было вводимо къ намъ, и уже нисколько не составляетъ предмета спорнаго то, что оно не было введено прочнымъ образомъ, что оно не было водворено такъ, чтобы имѣть болѣе или менѣе продолжительный періодъ настоящаго у насъ существованія. Но въ этихъ междуусобіяхъ князей хотятъ видѣть причину, которая воспрепятствовала явиться у насъ просвѣщенію. Увы, какъ совершенно неосновательно ссылался на нихъ Карамзинъ, думая объяснить ими исчезновеніе у насъ просвѣщенія, такъ совершенно не основательно ссылаться на нихъ и какъ на причину, которая воспрепятствовала ему у насъ явиться. Междуусобныя войны составляютъ величайшее несчастіе для народовъ, но, къ счастію, онѣ вовсе не имѣютъ и не могутъ имѣть пагубнаго вліянія на просвѣщеніе, и напрасно было бы обвинять ихъ въ томъ, въ чемъ онѣ вовсе не виноваты. Потрудитесь только задать себѣ обстоятельнымъ образомъ вопросъ, какимъ образомъ междуусобныя войны могутъ быть препятствіемъ къ водворенію просвѣщенія, и вы увидите, что или ничего нельзя будетъ

отвѣтить или придется отвѣчать одиѣми общими, ничего не содержащими и не выражающими, фразами, какъ это и дѣйствительно имѣетъ мѣсто у Карамзина. Конечно, мы не станемъ представлять по-дѣтски этихъ междуусобныхъ войнъ такъ, чтобы онѣ составляли одну непрерывную войну, въ которой заняты были бы безъ исключенія всѣ люди и которая бы обнимала рѣшительно всю страну, такъ что жителямъ при подобной войнѣ не оставалось бы ни о чемъ болѣе подумать и ничего болѣе дѣлать. Князья могли вести весьма частыя междуусобныя войны, но во всякомъ случаѣ у нихъ оставалось совершенно достаточно времени на то, чтобы заботиться о просвѣщеніи, если бы они того хотѣли. Возьмите дѣло нагляднѣе: вотъ въ Кіевѣ любой великій князь до-монгольскаго періода; какъ ни много велъ междуусобныхъ войнъ этотъ взятый великій князь, во всякомъ случаѣ онъ не велъ ихъ непрерывно: что же бы могло воспрепятствовать его заботамъ о просвѣщеніи? Непрерывныя заботы о войнѣ? Но этотъ отвѣтъ не пустая фраза и не смѣшонъ только тогда, когда въ него не вдумаешься: человѣкъ не созданъ такъ, чтобы одна забота исключала въ немъ возможность всякихъ другихъ заботъ. Кромѣ войнъ, князья заботятся обо всемъ другомъ, что подлежало ихъ заботамъ, какъ государей: отъ чего же они не имѣютъ времени и возможности позаботиться только о просвѣщеніи? Можетъ быть, инымъ думается, что заботы о войнахъ не совмѣстны съ заботами о просвѣщеніи. Но исторія отвѣчаетъ намъ, что думать такъ совершенно напрасно. Нѣмецкій Карлъ Великій и нашъ русскій Петръ Великій были государи самые воинственные, какихъ только можно представить, и однако именно они были вводителями просвѣщенія въ своихъ странахъ. Междуусобныя войны должны были губить множество воиновъ, наносить весьма много ущерба мирнымъ гражданамъ и причинять чрезвычайно большой вредъ государству: но какимъ образомъ онѣ могли мѣшать просвѣщенію? Отцы были заняты войнами или страдали отъ нихъ, но какъ это могло препятствовать учиться дѣтямъ? Представлять ли дѣло такъ, что дѣти были заняты глазѣніемъ на войны? Въ междуусобныхъ войнахъ непрестанно пылали города, такъ что нужно было спасать жизнь, заботиться о кровѣ и не было возможности думать о томъ, чтобы учиться? Но когда говорится объ этихъ непрестанныхъ пожарищахъ городовъ, то всякій знаетъ и понимаетъ, что это говорится нисколько не буквально, а реторическо - гиперболически. Города пылали, но вовсе не непрестанно и не было ничего похожаго на то, чтобы всѣ города пылали каждый годъ. Возьмите исторію Кіева и дру-

тихъ стольныхъ городовъ, и вы увидите, что не шутя говорить, будто въ этихъ городахъ въ періодъ до-монгольскій нельзя было учиться, было бы въ высшей степени странно, чтобы не сказать болѣе.

Если междуусобныя войны пагубны для настоящаго просвѣщенія, то онѣ должны быть столько же пагубными и для простой грамотности: придетъ ли однако кому-нибудь въ голову дивиться тому, что междуусобныя войны не убили у насъ этой послѣдней? Междуусобныя войны и грамотность — всякій согласится, что предполагать вредное вліяніе однихъ на другую было бы весьма неожиданно и оригинально; но на самомъ дѣлѣ совершенно то же самое — предполагать вредное вліяніе этихъ войнъ и на дѣйствительное просвѣщеніе. Какъ исторія доказываетъ намъ, что войны ни малѣйше не мѣшаютъ государямъ заботиться о просвѣщеніи, если они того хотятъ, такъ та же исторія доказываетъ намъ, что междуусобныя войны ни малѣйше не препятствуютъ водворяться въ странахъ и просвѣщенію. Въ западной Европѣ просвѣщеніе возрождалось развѣ не среди такого же множества междуусобныхъ войнъ, какъ это было у насъ? Кто не знаетъ тѣхъ страшныхъ междуусобій, которыя раздирали средневѣковую Италію, и однако просвѣщеніе воскресало въ ней именно среди этихъ междуусобій.

Междуусобія, если угодно, содѣйствуютъ просвѣщенію, потому что возбуждаютъ умы людей общественными бѣдствіями, но, тяжко обвиняемыя во многомъ, онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть обвиняемы въ томъ, чтобы были какой-нибудь помѣхой просвѣщенію. Наконецъ, если угодно, междуусобія нашихъ князей могутъ быть оставлены совсѣмъ въ сторонѣ, и вопросъ останется все-таки вопросомъ. Когда мы спрашиваемъ: почему не ввелось въ Россіи просвѣщеніе, то изъ числа подлежащихъ отвѣту мы нисколько не исключаемъ наше духовенство; но къ нему междуусобія князей уже, конечно, не имѣютъ никакого отношенія. Какія внѣшнія государственныя бѣдствія могли помѣшать водвориться просвѣщенію въ нашихъ монастыряхъ? [1])

---

[1]) Если бы въ періодъ домонгольскій просвѣщеніе существовало въ нашихъ монастыряхъ, то главнымъ разсадникомъ его между сими послѣдними, конечно, былъ бы монастырь Печерскій. Но есть ли какое-нибудь основаніе подозрѣвать, чтобы въ семъ монастырѣ было просвѣщеніе? Прочитайте Патерикъ Печерскій и найдите хоть малѣйшее указаніе на существованіе въ монастырѣ просвѣщенія. Изъ огромнаго числа монаховъ, которые пережили въ монастырѣ въ продолженіе періода домонгольскаго, писателей только пятеро (самъ преп. Θеодосій, лѣтописецъ, Несторъ, Симонъ и Поликарпъ), и даетъ ли хоть одинъ изъ нихъ видѣть въ себѣ человѣка образованнаго? А двое изъ нихъ (Несторъ въ приступѣ къ житію Θеодосія и Поликарпъ въ сказаніи о Маркѣ Печерникѣ) не говорятъ ли прямо, что имъ чуждо и невѣдомо какое-либо образованіе?

Что иго монгольское не могло воспрепятствовать намъ ввести къ себѣ просвѣщеніе, это совершенно ясно будетъ для всякаго, кто припомнитъ, что Монголы, одинъ разъ опустошительнымъ образомъ прошедъ по Россіи, сѣли потомъ въ сторонѣ и нисколько не вмѣшивались въ наши внутреннія дѣла. Но мы не будемъ распространяться объ этомъ игѣ. Если въ продолженіе двухъ съ половиной вѣковъ, ему предшествовавшихъ, мы оставались безъ просвѣщенія, то для насъ станетъ понятно и безъ всякой внѣшней причины, почему мы остались безъ просвѣщенія потомъ. Въ продолженіе двухъ съ половиной вѣковъ непросвѣщеніе или невѣжество уже успѣло пріобрѣсти у насъ право гражданства и давности, уже успѣло пріобрѣсти видъ нормальнаго положенія [1]).

---

[1]) Позволимъ себѣ обратиться къ людямъ съ исключительнымъ образомъ мыслей, которые упорно стоятъ на томъ, что въ періодъ до-монгольскій было у насъ настоящее просвѣщеніе и что его истребило нашествіе Монголовъ. Пусть эти люди потрудятся себѣ и намъ объяснить, какимъ же образомъ могло это случиться. Положимъ, что Монголы въ свое первое нашествіе сожгли большую часть училищъ, истребили большую часть учебныхъ книгъ и перебили большую часть учителей: неужели отъ всего этого могло исчезнуть просвѣщеніе, которое существовало передъ тѣмъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ? Развѣ училища не могли быть построены вновь, какъ построены были сожженныя церкви и жилища? Развѣ учебныя книги не могли быть написаны вновь, какъ были написаны истребленныя книги неучебныя? Развѣ на мѣсто перебитыхъ учителей не могли явиться новые, какъ явились на мѣсто перебитыхъ новые священники? Два съ половиной вѣка существовало просвѣщеніе и вдругъ оно погибло отъ такой причины! Если надъ нами не шутятъ и если Богъ не отказалъ намъ въ человѣческомъ смыслѣ, то мы рѣшительно не понимаемъ дѣла. Неужели просвѣщеніе такая вещь, чтобы оно послѣ двухстолѣтняго существованія могло погибнуть отъ такой причины, какъ пожаръ весьма многихъ училищныхъ домовъ и смерть весьма многихъ учителей? Въ 1812-мъ году было нашествіе на насъ Французовъ, а въ недавнее время нашествіе Пруссаковъ на Французовъ нисколько не лучшія, чѣмъ нашествіе на древнюю Русь Монголовъ: приходило ли кому-нибудь на умъ опасаться за погибель просвѣщенія у насъ и у Французовъ? Но наконецъ мы имѣемъ Новгородъ — древній Великій Новгородъ, который Монголы пощадили какъ будто нарочно затѣмъ, чтобы оставить наглядное доказательство, что напрасно винять ихъ за мнимую погибель просвѣщенія. Новгородъ не подвергался разгрому Монголовъ, и однако послѣ ихъ нашествія мы также не находимъ въ немъ просвѣщенія, какъ и во всей остальной Руси... (Не касаемся мы рѣчью того, будто самое владѣніе Монголовъ Русью могло истребить въ послѣдней просвѣщеніе, ибо, во-первыхъ, тутъ дѣло у всѣхъ на виду по памятникамъ историческимъ, а во-вторыхъ—полагаемъ, что и самый хитрый хитрецъ не придумаетъ объяснить, какъ Монголы, сидѣвшіе въ сторонѣ и только взимавшіе съ Руси дань, могли быть губителями ея просвѣщенія чрезъ одно лишь то, что брали съ нея деньги).

Такимъ образомъ, попытка Карамзина спасти нашу національную честь должна быть признана совершенно неудовлетворительною.

Почему мы не пристали относительно просвѣщенія къ западной Европѣ, это, конечно, само собой ясно: съ нею раздѣлила насъ религіозная вражда, вслѣдствіе которой между нею и нами скоро воздвиглось весьма крѣпкое средостѣніе. Но передъ нами и постоянно къ нашимъ услугамъ были Греки: отъ чего же мы не заимствовали просвѣщенія у нихъ?

Какихъ нибудь неодолимыхъ препятствій, которыя бы рѣшительно помѣшали намъ взять просвѣщеніе у Грековъ, съ тѣмъ, чтобы въ параллель къ новому просвѣщенію западной Европы представить новое просвѣщеніе Европы восточной, и которыя бы совсѣмъ извиняли и оправдывали насъ, мы вовсе не найдемъ и не придумаемъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, насколько вина не исключительно на насъ самихъ. Сравнивая свое положеніе по отношенію къ Грекамъ, отъ которыхъ мы должны были бы заимствовать просвѣщеніе, съ положеніемъ западной Европы по отношенію къ Римлянамъ, отъ которыхъ она его заимствовала, мы находимъ значительное различіе, которое дѣйствительно можетъ служить къ нѣкоторому нашему извиненію и къ нѣкоторому изъясненію того, отъ чего не случилось, чтобы въ параллель къ этой Европѣ западной мы представили собою образованную Европу восточную. Мы по отношенію къ Грекамъ были народъ совершенно новый, который сполна вновь долженъ бы былъ вводить у себя просвѣщеніе, напротивъ народы западной Европы по отношенію къ Римлянамъ были, такъ сказать, живымъ и непрерывнымъ ихъ продолженіемъ, имѣвъ въ Итальянцахъ, которые составляли ихъ средоточіе, тѣхъ же Римлянъ, только подъ новымъ именемъ. На Западѣ просвѣщеніе и его духъ, строго говоря, никогда не умирали, а только значительно падали; живая традиція просвѣщенія тамъ совершенно никогда не прерывалась, но какъ ни близко доходила до опасности совершенно прерваться и угаснуть, все-таки продолжала сохраняться [1]). Такимъ образомъ, на Западѣ явиться просвѣщенію значило,

[1]) И Карлъ Великій вовсе не положилъ на Западѣ начала новому просвѣщенію въ собственномъ смыслѣ этого слова (послѣ того, какъ передъ нимъ совершенно исчезло просвѣщеніе древнее): онъ нашелъ просвѣщеніе и ученыхъ въ Италіи и Шотландіи (изъ коихъ въ первой просвѣщеніе никогда не исчезало, какъ это совершенно ошибочно думаютъ у насъ многіе, а во второй явилось во второй половинѣ VII вѣка, — Ѳеодоръ Кантербурійскій, — бывъ заимствовано изъ Ирландіи, гдѣ его начало восходитъ къ половинѣ V вѣка, къ св. Патрицію, апостолу страны. Вообще, очень распространенное у насъ представленіе относительно упадка про-

такъ сказать, возродиться огню изъ-подъ пепла, у насъ же напротивъ явиться ему значило быть добыту огню посредствомъ совершенно новаго тренія. Имѣя задачею не совсѣмъ вновь вводить просвѣщеніе, а только возродить его, народы западной Европы представляли изъ себя одно цѣлое. Такимъ образомъ, свой сравнительно гораздо болѣе легкій трудъ они совершили общими силами многихъ, мы же, напротивъ, были совершенно одни. Тамъ были общія усилія, взаимное содѣйствіе и соревнованіе, у насъ же ничего подобнаго. На дѣйствія людей могущественно вліяетъ сознаніе ими своихъ обязанностей, и Западъ дѣйствительно былъ поставленъ въ такое положеніе, чтобы сознать свою миссію возродить у себя просвѣщеніе. Онъ остался преемникомъ западной Римской имперіи. Призванный и въ лицѣ Карла Великаго дѣйствительно принявъ на себя обязанность быть воскресителемъ и продолжателемъ этой имперіи, онъ долженъ былъ сознать свою обязанность позаботиться о томъ главнѣйшемъ, что завѣщалъ ему Римъ, т. е. о просвѣщеніи. Это сознаніе обязанности, это сознаніе историческаго долга и призванія должно было сильно и благодѣтельно подѣйствовать на пробужденіе Запада: огонь просвѣщенія, не угасшій тамъ совершенно, а только покрывшійся пепломъ, отъ притока этого нравственнаго воздуха, снова пробился наружу и разгорѣлся... Мы въ своей исторіи не имѣли никакого подобнаго нравственнаго стимула (А Греки не объединяли съ собой принимавшихъ отъ нихъ христіанство варваровъ). Если бы Восточная имперія пала ранѣе, то весьма вѣроятно, что мы не были бы продолжателями ея просвѣщенія въ параллель къ Западу, ибо было или не было это намъ по силамъ, во всякомъ случаѣ мы не были къ этому приготовлены, какъ приготовленъ былъ къ своей роли Западъ, при томъ же и относительно этого послѣдняго мы вовсе не хотимъ сказать того, чтобы все дѣло было въ паденіи Западной римской имперіи. Но въ живой и существующей Восточной имперіи мы не были такимъ живымъ ея членомъ, чтобы сознавать лежащею на себѣ часть ея историческихъ обязанностей. Восточная имперія была сама по себѣ, нисколько не обнимая насъ подъ собой, мы же были дополненіемъ къ ней совершенно внѣшнимъ и такъ ска-

---

свѣщенія на Западѣ, будто дѣло доходило до того, чтобы ограничиваться одной грамотностію, есть представленіе вовсе не соотвѣтствующее дѣйствительности. Въ данномъ случаѣ насъ вводятъ въ заблужденіе западные историки и вообще ученые: послѣдніе очень рѣзко говорятъ объ упадкѣ просвѣщенія, но они вовсе не разумѣютъ упадка, доходящаго до одной грамотности, а упадокъ, какъ состояніе, лишь сравнительное съ тѣмъ, что̀ было и что̀ потомъ стало).

зать случайнымъ, были нѣчто только добавочное и не имѣющее въ ней историческаго смысла и значенія. Не сознавая себя причастными къ исторической обязанности быть просвѣщенными, сполна возлагая эту обязанность на тѣхъ, которые безъ насъ представляли собою просвѣщенный Востокъ, т. е. на Грековъ, мы и не позаботились о просвѣщеніи и нашли возможнымъ прожить и безъ него [1])...

Сквозь туманъ многихъ вѣковъ, сквозь густую окраску позднѣйшаго времени неясно видится намъ образъ св. Владимира и, смотря на Русь послѣ него, какъ-то съ трудомъ вѣримъ мы, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее тѣмъ, чѣмъ была въ его время Греція, т. е. страною просвѣщенною. Но онъ имѣлъ это намѣреніе въ самомъ широкомъ смыслѣ, онъ хотѣлъ отъ Греціи не только просвѣщенія, но и художествъ, хотѣлъ отъ нея и того, чего она не могла дать въ видѣ современныхъ произведеній, а могла дать только въ видѣ оставшихся памятниковъ древности. Во все продолженіе періода до-монгольскаго за св. Богородицею Десятинною стояли въ Кіевѣ два мѣдные болвана и четыре мѣдныхъ коня, на которые «невѣгласи» Кіевскіе разѣвали ротъ, недоумѣвая—что̀ они и для чего они. Эти шесть недоумѣнныхъ диковинъ были двѣ бронзовыхъ статуи и четыре бронзовыхъ коня, привезенные Владимиромъ изъ Корсуни, которая по подобію всѣхъ

[1]) Послѣ св. Владимира не дѣлало попытокъ снова ввести къ намъ просвѣщеніе наше правительство въ лицѣ нашихъ князей. Но просвѣщеніе могло бы быть введено къ намъ и помимо правительства. Частные люди могли бы отправляться въ Грецію, чтобы получить тамъ возможно хорошее образованіе, а потомъ возвращаться домой, чтобы дома насаждать просвѣщеніе путемъ частныхъ школъ. Слѣдовательно, вина не на одномъ правительствѣ, а буквально на всемъ обществѣ или на цѣломъ народѣ... Возлагать часть вины на Грековъ, было бы несправедливо. Чтобы мы искали просвѣщенія у Грековъ, а они намѣренно не хотѣли дать его намъ, предполагать это было бы вовсе неосновательно и думаемъ, что никто и не будетъ. А если они не позаботились водворить у насъ просвѣщенія или, такъ сказать, навязать его намъ: то существовавшій у нихъ и единственно извѣстный имъ способъ поддержанія просвѣщенія, о которомъ говорили мы выше, не допускалъ этого принудительнаго водворенія, оставляя дѣло исключительно собственной доброй волѣ людей (Въ болѣе древнее время Греки, можетъ быть, и постарались бы водворить у насъ просвѣщеніе; но тогда у нихъ просвѣщеніе уже падало и они уже не обладали потребной для дѣла прежней энергіей). Вмѣстѣ съ нами — Русскими не нашлось собственной доброй воли на то, чтобы заимствовать отъ Грековъ и ввести у себя просвѣщеніе и у всѣхъ другихъ народовъ, принявшихъ христіанство отъ Грековъ (у Болгаръ, Сербовъ и Румынъ). Есть люди, наклонные обвинять въ нашемъ невѣжествѣ нашего первоучителя Константина философа, который, давъ намъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, избавилъ насъ тѣмъ отъ необходимости знать языкъ греческій и такимъ образомъ разъединилъ насъ съ на-

старыхъ греческихъ городовъ была украшена памятниками ваянія, оставшимися отъ временъ классическихъ. Послѣ Владиміра эти художественные трофеи, привезенные имъ изъ побѣжденнаго города, стали добычею воробьевъ и галокъ; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ привозилъ ихъ не для этой цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, онъ привозилъ ихъ для той цѣли, чтобы украсить Кіевъ произведеніями ваянія, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени такъ, какъ по разсказамъ ѣздившихъ въ Константинополь пословъ и купцовъ былъ украшенъ ими послѣдній...

Итакъ, Владиміръ желалъ и пытался было ввести къ намъ просвѣщеніе, но его попытка осталась безуспѣшною. Послѣ него мы уже не дѣлали никакихъ попытокъ и остались безъ просвѣщенія, при одной грамотности, при одномъ умѣніи читать.

Грамотность, а не просвѣщеніе — въ этихъ словахъ вся наша исторія огромнаго періода, обнимающаго время отъ Владиміра до Петра Великаго... Вмѣстѣ съ своеобразной исторіей государства своеобразна исторія и нашей церкви: исключительная привязанность къ церковно-обрядовой внѣшности, наружное благочестіе на мѣсто внутренняго, заподозрѣніе Грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія и наконецъ расколъ (а въ области администраціи слишкомъ, такъ сказать, восточныя отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ и подчиненныхъ къ начальникамъ, т. е. чрезмѣрная многовластность однихъ и чрезмѣрная приниженность другихъ),—вотъ ея особенности, бывшія по отношенію къ ней слѣдствіемъ того, что вмѣсто дѣйствительнаго просвѣщенія мы имѣли своимъ просвѣщеніемъ одну грамотность.

Прежде чѣмъ обращаться къ этой послѣдней, мы должны сдѣлать одну оговорку относительно просвѣщенія. Въ періодъ до-монгольскій, какъ и во все послѣдующее время старой Руси до Петра Великаго, у насъ его не было. Но въ то же время, по особымъ обстоятельствамъ этого періода, во все его продолженіе до самаго конца у насъ могли быть въ видѣ исключенія отдѣльные люди болѣе или менѣе просвѣ-

---

шими учителями. Обвиненіе на великаго человѣка совершенно напрасное и крайне несправедливое! Если бы мы хотѣли быть просвѣщенными, то не было никакихъ препятствій заимствовать науку въ переводѣ, какъ была заимствована церковная литература, а между тѣмъ употребленіе въ ней (наукѣ) собственнаго языка было бы нашимъ величайшимъ преимуществомъ предъ народами Запада. Если же мы не хотѣли быть просвѣщенными, то одно обязательное знаніе греческаго языка (который бы мы, т. е. священники наши, конечно, знали бы лишь столько, чтобы умѣть читать по-гречески) не пересадило бы къ намъ просвѣщенія...

щенные, отдѣльные люди съ настоящимъ большимъ или меньшимъ научнымъ образованіемъ. Во все продолженіе этого періода у насъ находились Греки, составлявшіе, во-первыхъ, свиту митрополитовъ, во-вторыхъ—бывшіе при епископахъ, такъ какъ между этими послѣдними отдѣльныя лица, принадлежавшія къ нимъ—Грекамъ, почти никогда не переводились. Въ числѣ указанныхъ Грековъ могли случаться люди образованные, имѣвшіе охоту преподавать науки другимъ, и у нихъ-то отдѣльные исключительные люди, надѣленные сверхъ-обычайною жаждою просвѣщенія, и могли получать лучшее или худшее научное образованіе. Ниже мы увидимъ, что за періодъ до-монгольскій мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ примѣры такихъ исключительныхъ людей.

Обращаемся къ составлявшей наше просвѣщеніе грамотности.

Грамотность, что бы она ни была, все-таки предполагаетъ способы ея преподаванія, все-таки предполагаетъ ученіе. Какъ же совершалось это послѣднее?

И для грамотности, такъ же какъ для просвѣщенія или научнаго образованія, въ Греціи не было казенныхъ, содержимыхъ правительствомъ, школъ. Грамотность была тамъ главнымъ образомъ на частномъ попеченіи духовенства, именно—приходскіе священники, практикуя ученіе грамотѣ какъ наиболѣе подходящее для нихъ и наиболѣе приличное имъ ремесло, содержали при церквахъ частныя школы грамотности, въ которыя отдавали дѣтей всѣ желающіе, платя учителямъ за ученіе по мѣрѣ усердія и средствъ [1]). Помимо священниковъ, вѣроятно, содержали частныя школы грамотности и всѣ желающіе. И этотъ-то способъ частныхъ, а не казенныхъ, правительственныхъ, школъ водворился и у насъ въ Россіи.

Какъ извѣстно, значительная часть нашихъ изслѣдователей того мнѣнія, что въ періодъ до-монгольскій у насъ существовали казенныя школы грамотности. Но мы положительно и достовѣрно знаемъ, что ихъ не было у насъ въ послѣдующее время, и необходимо думать, что ихъ также не было и въ періодъ до-монгольскій, или иначе — что ихъ не было съ самаго начала.

---

[1]) Въ одномъ собраніи каноновъ церковныхъ прямо читается правило 6-го вселенскаго собора, вмѣняющее священникамъ въ обязанность заниматься обученіемъ дѣтей грамотѣ и содержать у себя на домахъ школы: Presbyteri per villas et vicos scholas habeant. Et si quis fidelium suos parvulos ad discendas litteras eis commendare vult, eos non renuntient suscipere. Nihil autem ab eis pretii exigant, nec aliquid ab eis accipiant, excepto quod eis parentes eorum, caritatis studio, sua voluntate obtulerint, у *Бингама*, vol. III, p. 273. (lib. VIII, c. VII, § 12 sub fin).

Если бы эти казенныя настоящія школы грамотности существовали у насъ въ продолженіе цѣлаго періода, то онѣ не могли бы исчезнуть въ позднѣйшее время, ибо мы не найдемъ никакихъ причинъ такого исчезновенія, а ссылаться на междуусобія князей и на иго монгольское совершенно такъ же неосновательно и несостоятельно, какъ объяснять ими исчезновеніе или непоявленіе у насъ просвѣщенія. Школы грамотности не то, что просвѣщеніе; но думать, чтобы, просуществовавъ два вѣка съ половиной, онѣ могли потомъ вдругъ безпричинно у насъ исчезнуть, это такъ же невозможно и немыслимо, какъ и то, чтобы подобная совсѣмъ неисторическая оказія случилась съ просвѣщеніемъ.

Апріорическую необходимость заключать отъ несуществованія казенныхъ школъ въ послѣдующее время къ ихъ несуществованію въ періодъ домонгольскій вполнѣ подкрѣпляютъ и памятники письменности этого періода. Въ сихъ памятникахъ мы не читаемъ положительныхъ свидѣтельствъ, которыя бы прямо говорили, что тогда казенныхъ школъ не было. Но, во-первыхъ, мы не находимъ тамъ ни малѣйшаго ихъ слѣда, во-вторыхъ — мы имѣемъ такія косвенныя свидѣтельства относительно ихъ несуществованія, которыя почти что равняются свидѣтельствамъ прямымъ.

Въ письменныхъ памятникахъ до-монгольскаго періода не только нѣтъ ни одного прямаго упоминанія о казенныхъ школахъ, но и ни малѣйшаго на нихъ намека. Но этому невозможно было бы случиться, если бы такія школы существовали. Если бы онѣ существовали, то были бы открываемы, и объ открытіи хотя одной-двухъ изъ нихъ было бы записано въ лѣтописяхъ; если бы онѣ существовали, то имъ бы оказывали свое благоволеніе князья, и хотя разъ-два были бы отмѣчены у лѣтописцевъ случаи такого благоволенія князей вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они говорятъ объ ихъ благоволеніи къ духовенству, къ монашеству, къ нищимъ; вообще если бы существовали казенныя школы, то не могло бы случиться, чтобы лѣтописцамъ не представилось ни одного случая упомянуть о нихъ [1]). Наконецъ, въ памятни-

[1]) О мнимыхъ свидѣтельствахъ, читаемыхъ у Татищева, см. въ приложеніи. Прежде Татищева говоритъ о заведеніи у насъ „множества училищъ книжныхъ“ первымъ нашимъ митрополитомъ Михаиломъ Никоновская лѣтопись (подъ 989-мъ годомъ—I, 94). Но, не говоря о томъ, что самый митрополитъ Михаилъ, никогда не существовавшій, возникъ изъ простаго недоразумѣнія, Никоновская лѣтопись достаточно изобличаетъ себя, когда говоритъ о „множествѣ“ училищъ: первый митрополитъ могъ открыть одно училище въ Кіевѣ, но чтобы онъ могъ покрыть учи-

кахъ письменности до-монгольскаго періода мы прямо имѣемъ извѣстія, въ которыхъ говорится объ ученіи дѣтей грамотѣ; если бы дѣти учились въ казенныхъ училищахъ, то, конечно, извѣстія и употребляли бы тотъ образъ выраженія, что они учились въ училищахъ; однако мы находимъ въ нихъ не училища, а только учителей, т. е. не казенныя училища, а только частныхъ учителей. Въ Несторовомъ житіи преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго читаемъ, что онъ велѣлъ своимъ родителямъ дати себя на ученіе божественныхъ книгъ «единому отъ учитель». Если бы Ѳеодосій былъ отданъ въ училище, то почему прямо и не было бы такъ сказано,—то какой смыслъ имѣло бы и съ какой стати было бы употреблено выраженіе «единому отъ учитель?» Не совершенно ли ясно даетъ знать употребленный способъ выраженія, что тутъ разумѣется одинъ изъ частныхъ учителей?

Признающіе существованіе казенныхъ училищъ въ періодъ до-монгольскій всѣ согласны съ тѣмъ, что училища эти, кѣмъ бы онѣ ни были открыты и кѣмъ бы ни были содержимы, находились подъ надзоромъ и вѣдѣніемъ духовной власти или епископовъ. Но мы имѣемъ рѣшительное доказательство, что подъ надзоромъ и вѣдѣніемъ епископовъ въ помянутое время никакихъ училищъ не находилось. Его представляетъ намъ такъ-называемый уставъ Владимира. Въ этомъ уставѣ весьма подробно перечисляются заведенія и лица, будто бы отдаваемыя во власть епископамъ, но, какъ извѣстно, въ немъ нѣтъ училищъ и учителей...

Настаиваютъ на существованіи въ періодъ до-монгольскій казенныхъ училищъ потому, что не представляютъ себѣ возможною гра-

---

лищами всю Русь, мановеніемъ своего жезла сдѣлавъ ее на другой день послѣ крещенія болѣе усердною къ почитанію книжному, нежели какою она была въ XVI вѣкѣ, когда писалъ авторъ лѣтописи, передъ симъ, конечно, можно только улыбнуться... Затѣмъ, авторъ лѣтописи нисколько не говоритъ, чтобы заведены были училища казенныя; а такъ какъ въ его собственное время вовсе не было въ Россіи этихъ послѣднихъ училищъ, то, очевидно, что и у него должно разумѣть училища не казенныя, а частныя (слова Никоновской лѣтописи, что митрополитомъ Михаиломъ заведено было на Руси „множество училищъ книжныхъ" имѣютъ несомнѣнное соотношеніе съ словами Стоглаваго собора, что „прежде сего въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ многія училища бывали",—гл. 25, Казанск. изд. стр. 121. Въ XVI в. даже и частныхъ училищъ—какъ впрочемъ и прежде—было мало для обученія грамотѣ желающихъ поступать во священники: и вотъ люди, какъ это имъ обычно, чтобы укорить и пристыдить свое время, и хотятъ увѣрять, что въ старое время было не такъ,—что въ старое время, начиная съ самаго появленія у насъ христіанства, училищъ бывало множество)...

мотность безъ этихъ училищъ. Но мы положительно и достовѣрно знаемъ, что у насъ не было казенныхъ училищъ въ XV и XVI вѣкахъ, хотя грамотность и была. Слѣдовательно, возможно существованіе грамотности и безъ казенныхъ училищъ.

Полагаемъ, что у читателей снова рождается недоумѣніе: какъ же это не изобрѣли казенныхъ училищъ грамотности? Простой отвѣтъ все тотъ же: не изобрѣли, не хотѣвъ или не бывъ въ состояніи пойдти далѣе порядковъ, существовавшихъ въ Греціи. Какъ не легко изобрѣтеніе такихъ, повидимому, простыхъ вещей, какъ казенныя школы грамотности, это наглядно и убѣдительно показываетъ намъ примѣръ изъ послѣдующей исторіи нашей церкви. Въ XVI вѣкѣ на Стоглавомъ соборѣ было ясно сознано и высказано, что наши частныя школы грамотности до послѣдней степени плохи. Слѣдовало бы ожидать, что соборъ приговоритъ завести на будущее время казенныя школы, и однако онъ вовсе этого не дѣлаетъ: на будущее время — тѣ же частныя школы на домахъ у священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, только съ нѣкоторыми попытками улучшенія дѣла [1]).

Такимъ образомъ, повторяемъ, въ періодъ до-монгольскій, какъ и во все послѣдующее время до-петровской Руси, грамотность существовала и поддерживалась у насъ посредствомъ не казенныхъ, а частныхъ или домовыхъ училищъ.

Грамотность пошла у насъ двумя путями. Съ одной стороны не увѣнчавшаяся успѣхомъ попытка Владиміра водворить въ сословіи бояръ истинное просвѣщеніе имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что онъ ввелъ въ немъ по крайней мѣрѣ грамотность. Съ другой стороны она пошла отъ духовенства, для котораго она составляла профессіональную необходимость.

Приведенные изъ Греціи учители наукъ не достигли предположенной цѣли водворить эти послѣднія, но они все-таки стали учителями грамотности, и частныя училища, которыя они открыли, скоро переставъ быть училищами наукъ, остались училищами той единственной науки, которая имѣла составлять наше просвѣщеніе. Отъ этихъ первыхъ учителей грамотности въ боярствѣ должны были пойдти дальнѣйшіе учители въ томъ же сословіи. Нѣтъ сомнѣнія, у дѣтей боярскихъ не было охоты посвящать себя званію учителей, такъ чтобы послѣдующіе учители явились изъ нихъ самихъ. Но у учителей были собственныя дѣти, которыхъ имъ естественно было готовить въ преемники себѣ и которымъ естественно было наслѣдовать ихъ ремесло

[1]) Стоглавника гл. 25 и 26.

или профессію. Такимъ образомъ, сословіе учителей грамотности для боярства должно было возникнуть наслѣдственнымъ образомъ отъ учителей наукъ, приведенныхъ изъ Греціи. Съ теченіемъ времени, не ограничиваясь дѣтьми бояръ, они, конечно, начали принимать въ свои частныя, содержимыя на домахъ, училища или въ свои какъ бы пансіоны и всѣхъ желающихъ, и такимъ образомъ ихъ училища грамотности стали училищами для всѣхъ.

Эти учители грамотности, пошедшіе отъ приведенныхъ Грековъ, были ея водворителями собственно въ Кіевѣ. Ея водворителями вездѣ и во всей Руси должны быть считаемы священники. Необходимо думать, что священники, тѣми или другими способами созданные правительствомъ, о чемъ мы говорили выше, по подобію того, какъ было въ Греціи, и вслѣдствіе ли прямыхъ предписаній правительства или по своей доброй волѣ, учительство грамотѣ взяли на себя какъ одну изъ своихъ обязанностей и начали открывать школы грамотности у себя на домахъ по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ пробуждалась охота къ ученію грамотѣ. Затѣмъ, на помощь священникамъ, положившимъ первое начало грамотности, скоро или нескоро явились міряне. Отчасти, вѣроятно, потому, что для людей небогатыхъ учительство грамотѣ представляло ремесло выгодное, главнымъ же образомъ вѣроятно по побужденіямъ благочестія, изъ желанія посвятить себя такому богоугодному дѣлу, какъ ученіе грамотѣ, единственною цѣлію котораго въ древнее время было почитаніе божественныхъ книгъ, вслѣдъ за священниками явились міряне, которые также начали открывать у себя на домахъ частныя училища грамотности [1]). Эти частныя

---

[1]) Занятіе обученіемъ дѣтей грамотѣ изъ благочестивыхъ побужденій до сихъ поръ обычно у магометанъ, см. сочиненіе *Л. Костенко:* Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, Спб., 1871, стр. 70, также *Э. Брэма* По сѣверовосточной Африкѣ, русск. перев. Спб., 1871, II, 67. (Замѣтимъ кстати, что нашъ старый обычай расплачиваться съ учителями дѣтей за каждую выучку особо,—за вечерню, заутреню, часы и пр., о чемъ говоритъ архіеп. Геннадій въ посланіи къ митр. Симону, до сихъ поръ употребителенъ на Востокѣ,—*Костенко* ibidd.—Относительно знаменитыхъ лозы и десницы учителя, которыя въ нынѣшнихъ казенныхъ, и по крайней мѣрѣ—духовныхъ, училищахъ до не особенно давняго времени буквальнымъ образомъ свирѣпствовали, должно думать, что въ древнихъ частныхъ училищахъ онѣ не свирѣпствовали, а только были въ большомъ употребленіи, ибо учитель, переходившій отъ употребленія, что всѣми признавалось, къ свирѣпствованію, что и тогда, какъ теперь, могло быть признаваемо развѣ немногими, не имѣлъ бы учениковъ. Относительно употребленія лозы и руки учителями-священниками существовало то сомнѣніе, что каноническія правила (апостольское 27-е и двукрати. соб. 9-е) запрещаютъ имъ бить. Еще въ Греціи и такіе авторитетные

домовыя училища, содержимыя отчасти священниками и вообще членами церковныхъ причтовъ, отчасти мірянами, которые получили впослѣдствіи техническое названіе мастеровъ, и составляли наши училища грамотности въ періодъ до-монгольскій, равно какъ и во все последующее время старой Руси до Петра Великаго.

Одинъ памятникъ до-монгольскаго періода представляетъ дѣло такимъ образомъ, что грамотность распространилась у насъ чрезвычайно быстро, — что уже въ первую половину правленія Ярослава было по нѣскольку учителей для нея даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ Руси. Этотъ памятникъ есть упомянутое нами выше житіе преп. Өеодосія Печерскаго, написанное Несторомъ, который, какъ мы видѣли, говоритъ, что Өеодосій учился грамотѣ у единаго отъ учитель,— годы ученія послѣдняго приблизительно должны падать на середину княженія Ярослава [1]), а мѣстомъ его ученія былъ одинъ изъ незначительныхъ тогдашнихъ городовъ—Курскъ. Но это свидѣтельство Нестора, сохраняя всю свою силу въ отношеніи къ отсутствію въ его время казенныхъ училищъ, весьма сомнительно въ своемъ показаніи относительно слишкомъ большой распространенности частныхъ училищъ уже въ указанное раннее время, ибо предполагать такой быстрый ходъ дѣла, чтобы уже къ концу первой половины правленія Ярослава грамотность успѣла распространиться вездѣ и стать вездѣ потребностью всѣхъ сословій общества, такъ чтобы вездѣ явилось достаточное количество учителей, совсѣмъ невѣроятно. Стремленіе къ

въ отношеніи къ канонамъ люди, какъ Өеодоръ Вальсамонъ, отвѣчали въ разрѣшеніе этого сомнѣнія, что τὸ ἐξ ἀμύνης καὶ θυμοῦ τύπτειν κολάζεται, οὐ μὴν ἡ διὰ παίδευσιν καὶ μάθησιν μετὰ λόγου (λώρου—ремнемъ?) καὶ χειρὸς μετρία παίδευσις τῶν διδασκάλων,—у *Ралли* и *П.* II, 681. При несуществованіи книгопечатанія и слѣдовательно — при отсутствіи печатныхъ азбукъ и печатныхъ четіихъ книгъ или книгъ, по которымъ бы учить чтенію, учителя поступали такимъ образомъ, что для каждаго ученика, что̀ каждому задавалось выучить къ слѣдующему дню, написывали сами на клочкахъ бумаги или за отсутствіемъ бумаги на берестѣ и на деревянныхъ гладкихъ дощечкахъ (греческое техническое названіе этихъ написываній или написованій πινακίδιον—дощечка, дощечечка). Нѣсколько подробнѣе скажемъ объ этомъ во 2-мъ томѣ. Такъ какъ подобное написываніе уроковъ для всѣхъ учениковъ составляло очень большой трудъ (хотя вообще должно думать, что школы были очень немногочисленны), то можетъ быть, что это обстоятельство было одною изъ причинъ, почему учениковъ, готовившихся къ духовному званію, иногда и иные учителя не учили чтенію, а прямо обучали изустному (сокращенному) совершенію службъ.

[1]) О хронологіи жизни преп. Өеодосія обстоятельно ниже.

грамотности предполагаетъ возможность ея приложенія, именно—возможность читать церковныя учительныя книги. Но серьезныя заботы о распространеніи этихъ книгъ въ обществѣ, какъ мы знаемъ, были приложены именно только Ярославомъ. Вообще, необходимо думать, что грамотность начала болѣе или менѣе распространяться вездѣ и между всѣми не ранѣе какъ къ концу правленія Ярослава, а что касается до свидѣтельства преподобнаго Нестора, то онъ, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ время дѣтства преп. Ѳеодосія по своему собственному времени.

Если признать справедливымъ то положеніе, что стремленіе къ грамотности могло распространяться только параллельно съ распространеніемъ и умноженіемъ въ обществѣ четіихъ книгъ, — ибо безъ книгъ, конечно, трудно предполагать стремленіе къ грамотности,—то нужно будетъ думать, что дѣло шло весьма не быстро, потому что книги въ то время, какъ мы обстоятельно говорили выше, могли распространяться только чрезвычайно медленно. Книги въ то время были такъ дороги, что ихъ могли пріобрѣтать въ собственность только люди богатые; чужими четіими книгами могли до нѣкоторой степени пользоваться только жители городовъ, въ которыхъ сосредоточены были эти люди богатые; слѣдовательно, по этой зависимости грамотности отъ книгъ, нужно думать, что въ періодъ до-монгольскій она была болѣе или менѣе распространена — во-первыхъ, между людьми богатыми, во-вторыхъ—между горожанами. Что касается до жителей селъ, то объ нихъ нужно думать за періодъ до-монгольскій такъ, что они оставались еще совершенно безграмотными или что грамотность была между ними не болѣе какъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ [1]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ училищахъ грамотности въ періодъ до-монгольскій могли нуждаться только города, но не села. Что касается до этихъ послѣднихъ, то въ нихъ могли быть по мѣстамъ училища грамотности отчасти на домахъ у священниковъ, отчасти у мірянъ, только спеціальнымъ образомъ для тѣхъ, кто желалъ поступить въ духовное званіе.

---

[1]) Въ Патерикѣ Печерскомъ Поликарпъ говоритъ о преп. Спиридонѣ просфорникѣ: „онъ былъ невѣжа словомъ, но не разумомъ, ибо не изъ города пришелъ онъ въ монастырь, а изъ какого-то села“.

II.

Переводная и вообще заимствованная письменность.

Наше просвѣщеніе составляла грамотность. Истинное просвѣщеніе есть цѣль само въ себѣ; но грамотность, умѣніе читать, есть только средство. Кто умѣетъ грамотѣ и ничего не читаетъ, тотъ, собственно говоря, еще не имѣетъ никакого просвѣщенія. Грамотность предполагаетъ особаго рода самопросвѣщеніе посредствомъ большаго или меньшаго чтенія книгъ. Слѣдовательно, послѣ грамотности у насъ должна быть рѣчь о книжной начитанности.

Умѣнье только читать, конечно, предполагаетъ книги для чтенія уже готовыя. Таковыми четіими книгами для нашихъ до-монгольскихъ предковъ имѣли быть книги, переведенныя съ греческаго языка и отчасти книги, самостоятельно явившіяся на славянскомъ прежде насъ у Болгаръ.

Итакъ, 1) насколько въ періодъ до-монгольскій былъ богатъ составъ этихъ четіихъ книгъ, 2) насколько домонгольскіе предки наши самопросвѣщались посредствомъ ихъ чтенія?

Переводная литература съ греческаго была у насъ въ періодъ домонгольскій весьма не бѣдна, ибо мы поставлены были въ счастливую возможность воспользоваться трудами другихъ, которые были совершаемы до насъ въ продолженіе почти цѣлыхъ полуторыхъ столѣтій. Начало переводамъ съ греческаго положилъ въ половинѣ IX вѣка Константинъ философъ или первоучитель славянскій, изобрѣтатель славянской азбуки, которому всѣ православные Славяне обязаны тѣмъ, что стали имѣть богослуженіе и письменность на своемъ собственномъ языкѣ съ самаго начала христіанства. Самъ Константинъ философъ, жившій послѣ начатія своего труда весьма недолго († 869), успѣлъ перевести богослужебныя книги въ ихъ тогдашнемъ составѣ и богослужебную часть книгъ библейскихъ. Оставшійся послѣ него и трудившійся довольно долго братъ его Меѳодій, архіепископъ Моравскій († 885), съ помощію своихъ учениковъ перевелъ всю библію (за исключеніемъ книгъ Маккавейскихъ [1]), Номоканонъ (въ редакціи Схо-

---

[1]) Почему за исключеніемъ книгъ Маккавейскихъ, см. ниже въ Библіографическомъ обзорѣ подъ сл. Меѳодій.

ластика) и положилъ начало переводу книгъ отеческихъ или собственно учительныхъ, неизвѣстно пока — что̀ и сколько сдѣлавъ въ этомъ последнемъ отношеніи. Послѣ Константина и Меѳодія дѣло перевода книгъ продолжали Болгары. Принявъ христіанство почти одновременно съ тѣмъ, какъ была изобрѣтена славянская азбука, заимствовавъ отъ Моравовъ славянскія богослужебныя книги вскорѣ послѣ того, Болгары имѣли въ лицѣ своего третьяго христіанскаго государя—знаменитаго Симеона—такого человѣка, который хотѣлъ было водворить въ своей землѣ на славянскомъ языкѣ не только греческую письменность, но и настоящее византійское образованіе. Попытка эта, подобно тому какъ послѣ случилось у насъ, не имѣла успѣха, но во всякомъ случаѣ что касается до перевода книгъ, то, во-первыхъ, самъ Симеонъ, собравъ около себя кружокъ способныхъ людей и поручая имъ переводить тѣ или другія наиболѣе важныя книги, сдѣлалъ въ семъ отношеніи весьма многое; во-вторыхъ, онъ далъ толчекъ, вслѣдствіе котораго и послѣ него дѣло осталось продолжаться постепенно и непрерывно. Въ Болгаріи, которая была рядомъ съ Греціею и была перемѣшана съ нею въ своихъ границахъ, которая съ 971-го года въ значительной своей части, а съ 1019-го г. и въ полномъ своемъ составѣ, на долгое время подпала господству Грековъ [1]), всегда могли быть отдѣльные люди, настолько знающіе греческій языкъ и настолько немного образованные, чтобы быть въ состояніи переводить съ греческаго на славянскій. Такъ послѣ Симеона подобные люди и продолжали мало-по-малу дѣло перевода во весь нашъ періодъ домонгольскій. Кромѣ переводовъ съ греческаго у Болгаръ въ правленіе Симеона явилось нѣсколько и самостоятельныхъ литературныхъ трудовъ (точнѣе говоря, компиляцій на основаніи греческихъ источниковъ).

Отчасти еще при Владимирѣ, а главнымъ и собственнымъ образомъ при Ярославѣ, заимствовавъ отъ Болгаръ все то, что они имѣли въ переводѣ и не въ переводѣ ко времени этого послѣдняго, мы и впослѣдствіи времени постепенно продолжали занимать отъ нихъ все, что̀ у нихъ вновь было переводимо.

Что касается до насъ самихъ, то, какъ необходимо думать, мы съ своей стороны сдѣлали вкладъ въ эту переводную литературу весьма небольшой. Лѣтопись говоритъ объ Ярославѣ: «и собра писцѣ многы и прекладаше отъ Грекъ на словѣньское письмо и списаша книгы многы». Мы уже сказали выше, что остается вопросомъ, какъ пони-

---

[1]) Желающій можетъ смотрѣть исторію Болгаріи въ нашей книгѣ: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, М. 1871.

мать эти слова—такъ ли, что Ярославъ только самъ занимался переводомъ съ греческаго языка или что онъ не только самъ переводилъ, но и поручалъ дѣлать переводы другимъ. Гораздо вѣроятнѣе разумѣть первое; но если и послѣднее, то во всякомъ случаѣ не должно будетъ представлять дѣла такимъ образомъ, чтобы Ярославъ собралъ цѣлую компанію переводчиковъ, какъ онъ собралъ компанію писцовъ или переписчиковъ, и чтобы эта компанія столько же была занята переводомъ книгъ, сколько компанія писцовъ ихъ списываніемъ. Если и дѣйствительно Ярославъ поручалъ дѣлать переводы, то необходимо думать, что дѣло, вовсе не имѣвъ вида нарочитаго и въ большомъ размѣрѣ организованнаго предпріятія, ограничилось случайнымъ переводомъ двухъ-трехъ книгъ и не болѣе. Необходимо такъ думать потому, что не только не имѣемъ мы никакихъ ни прямыхъ свидѣтельствъ, ни косвенныхъ намековъ относительно того, чтобы при Ярославѣ была выпущена цѣлая серія переводовъ, но пока совершенно никакихъ ни свидѣтельствъ, ни намековъ и относительно того, чтобы при немъ была переведена хотя одна книга. Если предполагать этотъ переводъ весьма немногихъ книгъ, сдѣланный по порученію Ярослава, то необходимо думать, что, не составляя цѣлой компаніи переводчиковъ, онъ имѣлъ помощниками себѣ въ переводѣ человѣкъ двухъ—трехъ, никакъ не болѣе. Вопросъ о томъ, откуда могъ взять Ярославъ этихъ человѣкъ двухъ—трехъ, разрѣшается очень просто и нѣтъ никакой нужды предполагать, что они приведены были изъ Болгаріи, какъ это дѣлаютъ: между сверстниками Ярослава, учившимися въ то время, какъ еще не успѣло совсѣмъ исчезнуть у насъ образованіе, въ Кіевѣ могли найдтись между Русскими человѣка два—три хорошо знающіе греческій языкъ и настолько сильные въ грамотикіи, чтобы быть переводчиками, во всякомъ же случаѣ были въ Кіевѣ дѣти тѣхъ греческихъ ученыхъ, которые приведены были Владиміромъ, а можетъ быть отчасти оставались и они сами. Что касается до всего послѣдующаго времени періода до-монгольскаго послѣ Ярослава, то необходимо думать, что переводы были у насъ не болѣе, какъ только отдѣльными и весьма рѣдкими случаями. Послѣ Ярослава у насъ исчезло просвѣщеніе и знаніе греческаго языка, и слѣдовательно не стало людей, способныхъ переводить. Послѣ него переводы могли быть дѣлаемы только или Греками, долго жившими въ Россіи и пріобрѣтавшими знаніе славянскаго языка, или Русскими, долго жившими на Востокѣ и пріобрѣтавшими знаніе языка греческаго, или наконецъ тѣми, являвшимися въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія, Русскими, которые прі-

обрѣтали настоящее образованіе, а съ нимъ и знаніе греческаго языка, отъ Грековъ, жившихъ въ Россіи. Переводовъ, сдѣланныхъ сейчасъ указанными переводчиками, очень можетъ быть, было нѣсколько, но пока извѣстенъ всего только одинъ,—именно переводъ, сдѣланный Грекомъ, жившимъ въ Россіи около половины XII вѣка [1]. (Считаемъ нужнымъ сдѣлать здѣсь одну весьма важную оговорку: филологи, рѣшая вопросъ о мѣстѣ перевода книгъ по признакамъ языка, наклонны совсѣмъ отказывать нашей Россіи хотя бы то въ одной книгѣ, переведенной въ періодъ домонгольскій, на томъ основаніи, что нѣтъ ни одного изъ помянутаго времени перевода, въ которомъ бы не было булгаризмовъ. Но основываться въ рѣшеніи даннаго вопроса на признакахъ языка, далеко не совсѣмъ и не всегда надежно: славяно-болгарскій языкъ былъ литературнымъ языкомъ Руси, а поэтому и русскіе переводчики, употребляя его, должны были наполнять свою рѣчь булгаризмами. Совершенно правильное употребленіе булгаризмовъ, конечно, должно показывать въ переводчикѣ болгарина, но неправильное употребленіе можетъ значить какъ то, что болгарскій переводчикъ поврежденъ русскими переписчиками, такъ и то, что переводъ принадлежитъ недостаточно знакомому съ болгарскимъ языкомъ Русскому).

Итакъ, въ дѣлѣ перевода книгъ съ греческаго мы главнымъ образомъ воспользовались трудами другихъ и весьма немногое сдѣлали сами. Какъ бы то ни было, но переводная литература эта, въ соединеніи съ произведеніями собственной письменности болгарской, была весьма не бѣдна.

Не перечисляя съ библіографической обстоятельностію всѣхъ произведеній переводной и вообще заимствованной литературы, бывшихъ въ распоряженіи нашихъ предковъ до-монгольскаго періода (что̀ мы сдѣлаемъ ниже въ особомъ приложеніи), мы представимъ здѣсь ея наличность въ произведеніяхъ наиболѣе важныхъ, чтобы видѣть, насколько помянутые предки наши имѣли средствъ для книжной начитанности или для самообразованія.

Вся сейчасъ помянутая литература, за исключеніемъ или за поставленіемъ напереди всего самой Библіи, можетъ быть раздѣлена на четыре отдѣла: 1) догматическій, 2) библейско-истолковательный, 3) нравоучительный и 4) историческій.

---

[1]) Посланія папы Льва Великаго къ Константинопольскому патріарху Флавіану, сдѣланный монахомъ Ѳеодосіемъ, о которомъ ниже.

Всю Библію, за исключеніемъ только книгъ Маккавейскихъ, какъ мы сказали немного выше, перевели еще первоучители Константинъ и Меѳодій. Были или не были переведены въ періодъ до-монгольскій въ Болгаріи или у насъ эти послѣднія книги, остается неизвѣстнымъ. Но во всякомъ случаѣ онѣ представляли собой недостающее такое небольшое и неважное, что вообще остается и есть полное право говорить, что до-монгольскіе предки наши обладали въ славянскомъ переводѣ всей Библіей.

По отдѣлу догматическому существовали въ періодъ до-монгольскій въ славянскомъ переводѣ: 1) Точное начертаніе православной вѣры Іоанна Дамаскина, которое и у Грековъ занимало первое мѣсто между произведеніями данной категоріи, представлявъ собою единственное, бывшее у нихъ, полное и систематическое изложеніе христіанскаго православнаго вѣроученія. Древній болгарскій переводчикъ начертанія, названнаго имъ Словомъ о правой вѣрѣ, а другими писателями до-монгольскаго періода называемаго еще Увѣріемъ [1]), или самъ сокративъ его или, можетъ быть, взявъ уже готовое сокращеніе, существовавшее на греческомъ, даетъ его въ такомъ видѣ, что въ немъ опущено очень многое, что не представляется необходимымъ и не можетъ представляться легкимъ для разумѣнія людей новоначальныхъ въ христіанствѣ и имѣющихъ нужду болѣе въ первыхъ и общихъ наставленіяхъ въ вѣрѣ (изъ 100 главъ подлинника на славянскій переведено 48). Кромѣ главъ, относящихся собственно къ богословію, въ переводѣ читаются главы, посвященныя предметамъ естествознанія, именно: о свѣтѣ и о огни и о свѣтельницѣхъ, о водахъ, о земли и еже отъ нея. 2) Огласительныя и тайноводственныя поученія Кирилла Іерусалимскаго. 3) Слова противъ Аріанъ Аѳанасія Александрійскаго. 4) Два слова о богословіи и нѣсколько словъ на Господскіе праздники Григорія Богослова и 5) Трактатъ о самовласьтствѣ или о свободной волѣ (περὶ αὐτεξουσίου) и три слова о воскресеніи Меѳодія Патарскаго.

По отдѣлу библейско-истолковательному въ распоряженіи до-монгольскихъ предковъ нашихъ были: Шестодневъ Іоанна пресвитера и экзарха Болгарскаго, представляющій собою шесть словъ о твореніи міра, составленный авторомъ отчасти самостоятельно, отчасти на основаніи Василія Великаго и Северіана Гевальскаго, и вмѣстѣ съ истолкованіемъ немногаго изъ Библіи, имѣвшій служить для нашихъ

[1]) Монахъ Іаковъ.

книжныхъ людей энциклопедіею знаній по всѣмъ отраслямъ естествовѣдѣнія (ибо, говоря о твореніи, подробно говоритъ о всемъ сотворенномъ); сокращенное толкованіе на книгу Іова Олимпіодора Александрійскаго; два толкованія на псалтирь—одно усвояемое Аѳанасію Александрійскому, другое—Ѳеодорита Кирскаго; сводное, взятое изъ нѣсколькихъ отцовъ, толкованіе неизвѣстнаго на большую часть 16-ти пророковъ и толкованіе Ипполита Римскаго на пророка Даніила; принадлежащее, или только усвояемое, Икуменію Трикскому толкованіе на первыя пять посланій ап. Павла; толкованіе на апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго.

По отдѣлу нравоучительному, къ которому мы относимъ, во-первыхъ, нарочитыя сочиненія нравоучительнаго содержанія, во-вторыхъ—такого же содержанія слова церковныя и въ третьихъ—житія святыхъ, въ періодъ до-монгольскій были: а) изъ нарочитыхъ сочиненій: нѣсколько трактатовъ этого содержанія Меѳодія Патарскаго (О житіи и о дѣяніи разумнѣ, О разлученіи яди, О прокаженіи), такъ называемый Стословецъ Геннадія Константинопольскаго, послѣ краткаго изложенія христіанской вѣры посвященный изложенію (афористическому) христіанской нравственности, Анастасія Синаита Отвѣты о различныхъ главизнахъ, смѣшанные по содержанію, но преимущественно нравоучительные, Лѣствица Іоанна Лѣствичника, такъ называемый Пандектъ (Πανδέκτης) Антіоха Іерусалимскаго, представляющій собою собраніе главъ по преимуществу нравоучительнаго содержанія, Главы о молитвѣ Нила Синайскаго, Пандекты и Тактиконъ Никона Черногорца, изъ коихъ первыя главнымъ образомъ, а второй—въ довольно значительной своей части имѣютъ своимъ предметомъ христіанское нравоученіе, нѣсколько такъ называемыхъ Патериковъ или отечниковъ, представляющихъ собою сборники нравоучительныхъ повѣстей о знаменитыхъ подвижникахъ и нравоучительныхъ словъ сихъ подвижниковъ.

б) Изъ словъ церковныхъ: нѣкоторый выборъ нравоучительныхъ словъ Григорія Богослова (очень небольшой), огромный выборъ словъ Іоанна Златоустаго, простиравшійся числомъ до двухъ сотъ съ половиной словъ, если не болѣе, собраніе 106 словъ Ефрема Сирина, извѣстное подъ именемъ Паренезиса, собраніе 124 словъ Ѳеодора Студита, извѣстное подъ именемъ Малаго катихизиса, поученія на всѣ воскресные дни года, числомъ 51, составленныя Константиномъ епископомъ Болгарскимъ на основаніи греческихъ отцовъ, преимущественно Златоустаго.

в) Житія святыхъ на греческомъ языкѣ существовали въ двухъ

видахъ—въ видѣ первоначальныхъ, пространныхъ жизнеописаній, помѣсячные сборники которыхъ суть Минеи, и въ видѣ сокращеній сихъ пространныхъ житій, сборники которыхъ суть Пролога или Синаксари. Что касается до пространныхъ жизнеописаній, составляющихъ Минеи, то въ настоящее время отъ періода до-монгольскаго въ славянскомъ переводѣ извѣстно весьма немногое, а именно — два мѣсяца полныхъ и нѣсколько отдѣльныхъ житій изъ другихъ десяти мѣсяцевъ: не имѣемъ пока достовѣрныхъ свѣдѣній, но есть вся и рѣшительная вѣроятность предполагать, что эти Минеи были у насъ въ періодъ до-монгольскій въ полномъ переводѣ всѣхъ мѣсяцевъ. Прологовъ или Синаксарей несомнѣнно были у насъ въ періодъ до-монгольскій полные славянскіе переводы. Такимъ образомъ, вообще нужно думать, что жизнеописательной греческой литературой наши предки этого періода обладали болѣе или менѣе всей.

По отдѣлу историческому у насъ были въ періодъ до-монгольскій въ переводѣ съ греческаго: 1) двѣ исторіи Ветхаго Завѣта, называвшіяся Палеями (греч. Παλαιά, съ подразумѣваемымъ существительнымъ διαθήκη,—Ветхій Завѣтъ), пространная (Палея толковая), доведенная до царствованія Соломона включительно, и краткая (Палея историческая), доведенная до царствованія Давида включительно, первая—полемически направленная противъ Іудеевъ и магометанъ и при описаніи шести дней творенія предлагающая свѣдѣнія по астрономіи, физикѣ, зоологіи и естественнымъ наукамъ (изъ Шестоднева Василія В.), а обѣ — наполненныя апокрифами; 2) хронографъ или лѣтописецъ Георгія Амартола, доведенный авторомъ до 842-го года, продолженный послѣ него Сvмеономъ Логоѳетомъ или неизвѣстнымъ до половины X вѣка и содержащій, во-первыхъ, священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта и древнюю гражданскую исторію, во-вторыхъ — новую гражданскую и церковную исторію; 3) хронографъ Іоанна Малалы Антіохійскаго, начинающійся отъ сотворенія міра, содержащій по преимуществу гражданскую исторію, но отъ переводчика дополненный и исторіей священной (Палеей) и оканчивающійся въ переводѣ временами первыхъ Римскихъ императоровъ. Къ хронографу въ переводѣ приложена такъ называемая Александрія («Книги Александръ»), содержащая баснословное сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ, а въ самомъ хронографѣ читается весьма подробная повѣсть о плѣненіи Греками Трои.

Мы не включаемъ въ наше обозрѣніе статей по риторикѣ и философіи. Статьи по той и другой, весьма впрочемъ немногочисленныя (и всего двѣ — одна по риторикѣ, другая по философіи), случайнымъ

образомъ переведенныя въ Болгаріи (въ одномъ сборникѣ, такъ называемомъ Святославовомъ,—вмѣстѣ съ другими статьями), еще случайнѣе попавшія къ намъ, несомнѣнно вовсе не были у насъ читаемы [1]).

Представленное нами обозрѣніе важнѣйшихъ произведеній чтомой письменности до-монгольскаго періода, по всей вѣроятности, значительно не полно. Мы указали только то, что или несомнѣнно уже было у насъ въ этотъ періодъ или должно быть относимо къ нему со всею вѣроятностію, но весьма возможно, что иное и даже многое, что̀ мы знаемъ теперь по рукописямъ только позднѣйшимъ, также явилось у насъ еще въ помянутый періодъ. Какъ бы то ни было, и изъ представленнаго обозрѣнія видно, что до-монгольскіе предки наши имѣли совершенно достаточно книгъ для того, чтобы читать и совершенно достаточно средствъ для того, чтобы пріобрѣтать книжную начитанность. Что̀ же можно сказать и что должно думать о состояніи сей послѣдней?

Человѣкъ только грамотный, умѣющій только читать, будучи видимъ сидящимъ надъ книгами, всегда возбуждаетъ вопросъ: «разумѣеши ли, яже чтеши»? Указанныя нами греческія книги, существовавшія въ славянскомъ переводѣ, не были написаны съ спеціальною цѣлію для людей, умѣющихъ только грамотѣ, подобно нынѣшнимъ книжкамъ для простаго народа, но были писаны для людей образованныхъ, писаны тѣмъ искусственнымъ книжнымъ языкомъ, который для человѣка, ограниченнаго въ своемъ образованіи только умѣніемъ читать, и на самой послѣдней степени своей простоты, есть мудрость полузапечатлѣнная. Эта мудрость должна была запечатлѣваться для нашихъ до-монгольскихъ предковъ еще болѣе отъ того, что строй греческаго языка весьма отличенъ отъ строя языка славянскаго и что вслѣдствіе этого въ переводахъ, сдѣланныхъ большею частію съ буквальною точностію, весьма немалое выходило такъ, что было бы совсѣмъ невразумительнымъ безъ подлинника и для человѣка образованнаго. Слѣдовательно, усердно или неусердно читали до-монгольскіе предки наши

---

[1]) Къ четыремъ указаннымъ отдѣламъ долженъ бы быть присоединенъ пятый—литургическій, каковой отдѣлъ представляетъ собою въ значительной своей части Тактиковъ Никона Черногорца, посвященный въ этой значительной части изысканіямъ и предписаніямъ относительно церковнаго устава. Но эти изысканія и предписанія не столько характера учительнаго, сколько законодательнаго, и писаны не для назидательнаго чтенія, а для дѣловаго, такъ сказать, употребленія. — Обстоятельную библіографію переводной литературы періода до-монгольскаго см. въ приложеніи.

весьма достаточное количество книгъ, находившихся въ ихъ распоряженіи, во всякомъ случаѣ они могли осиливать эти книги своимъ разумѣніемъ далеко не въ надлежащей степени [1]).

Изъ представленныхъ нами выше четырехъ отдѣловъ, которые составляли изъ себя переводныя книги, существовавшія у насъ въ періодъ до-монгольскій, три отдѣла, именно—историческій, библейско-истолковательный и догматическій, должны были читаться нашими предками весьма мало не только по причинѣ, сейчасъ указанной нами, но еще и по другимъ причинамъ, болѣе важнымъ. Чтобы имѣть охоту читать книги историческія, нужно имѣть нѣкоторый интересъ къ исторіи, нужно имѣть нѣкоторую широту взгляда, который бы, не ограничиваясь исключительно своей деревней, нѣсколько простирался и на остальное человѣчество. Но все это дается или развивается образованіемъ. Какое было дѣло предкамъ нашимъ до Кировъ и Августовъ Кесарей, которые жили и умерли и не имѣли къ намъ никакого отношенія? Для человѣка необразованнаго исторія получаетъ интересъ только тогда, когда она, переставая быть исторіей, превращается въ фабулу, въ занимательную сказку, когда дѣйствительные факты замѣняются въ ней невѣроятными, и собственно — пошлыми, вымыслами. Въ помянутой нами выше Александріи или фабулёзной исторіи Александра Великаго предки наши имѣли образецъ такой исторіи, и есть основанія думать, что изъ всего историческаго она и составляла ихъ главное и наиболѣе любимое чтеніе.

Читать книги библейско-истолковательнаго и догматическаго содержанія предки наши, конечно, должны бы были имѣть охоту, потому что таковую охоту долженъ имѣть всякій усердный христіанинъ. Но здѣсь должна была останавливать ихъ не неохота, а другое нѣчто. Тѣ и другія книги не были написаны такъ, чтобы были совершенно легки для пониманія; слѣдовательно, для уразумѣнія ихъ смысла нужно было собственное толкованіе. Но толкованіе можетъ быть правильнымъ и неправильнымъ. Такъ какъ неправо толковать книги о библіи или догматическія значитъ подвергать себя опасности впасть въ неправыя богословскія мнѣнія и такъ какъ предки наши, при своей совершенно никакой образованности, не могли имѣть увѣренности въ своей способности толковать право: то отъ чтенія этихъ книгъ ихъ долженъ былъ воздерживать страхъ, опасеніе сдѣлаться людьми непамѣ-

[1]) Древніе русскіе люди дѣйствительно говорили тѣмъ, кто побуждалъ ихъ читать книги: „аще и чту, но не разумѣю“, см. слово о почитаніи книжномъ, усвояемое Кириллу Туровскому, — въ изд. Сухомлинова „Рукописи гр. Уварова“, II, 70.

ренно неправомыслящими, ненарочными еретиками и врагами правыхъ мнѣній и догматовъ. Книги важныя, но неудобно уразумѣваемыя, люди малограмотные всегда предпочитаютъ лучше не читать, чѣмъ читать, но не право разумѣть. Сейчасъ сказанное нами, по всей вѣроятности, должно быть полагаемо и о самой Библіи, т. е. собственно Ветхомъ Завѣтѣ за исключеніемъ Псалтири, ибо Новый Завѣтъ—Евангеліе съ Апостоломъ и сія Псалтирь и начетчикамъ и неначетчикамъ, и грамотнымъ и безграмотнымъ, постоянно читались въ церкви на богослуженіи [1]).

Изъ всѣхъ книгъ оставались наиболѣе подходящими для предковъ нашихъ книги нравоучительныя. И здѣсь, конечно, о немаломъ количествѣ чтомаго они должны были говорить то же, что̀ сказала Іоанну Златоустому женщина: «кладязь ученія твоего глубокъ, а верви ума нашего кратки». Но здѣсь, съ длинной или съ краткой вервью разумѣнія, не было опасности вмѣсто воды вытаскивать грязь. Много или мало разумѣлось здѣсь, все было на пользу душѣ. И необходимо думать, что отдѣлъ нравоучительныхъ книгъ былъ любимымъ и преимущественнымъ чтеніемъ нашихъ книжныхъ начетчиковъ. Само собою разумѣется, въ этомъ отдѣлѣ наиболѣе предпочиталось то, что было проще и что болѣе удовлетворяло вкусу. Всего проще были и всего болѣе должны были нравиться житія святыхъ, ибо здѣсь нравоученія преподаются въ живыхъ примѣрахъ и въ драматической формѣ повѣстей. Онѣ-то, какъ необходимо думать, и составляли самое любимое чтеніе нашихъ книжныхъ начетчиковъ [2]).

Итакъ, чтеніе житій святыхъ и отчасти нѣкоторыхъ другихъ нравоучительныхъ сочиненій—въ этомъ главнымъ образомъ состояла книж-

---

[1]) И до настоящаго времени народъ нашъ смотритъ на чтеніе библіи во всемъ ея объемѣ, какъ на дѣло необычайное, грозящее человѣку опасностію, что у него зайдетъ умъ за разумъ и что онъ зачитается. Что и въ древнее домонгольское время смотрѣли на такое чтеніе какъ на исключительную и замѣчательную рѣдкость, объ этомъ даетъ знать одинъ извѣстный намъ примѣръ, именно—подвижника Печерскаго Никиты, о которомъ разсказывается въ Патерикѣ (Поликарпа повѣсть 1-я). Этотъ Никита, желая какъ можно болѣе отличиться отъ другихъ и какъ можно болѣе прославиться, между прочимъ сдѣлалъ именно то, что постарался начитаться въ Ветхомъ Завѣтѣ и, чтобы удивлять всѣхъ, со всѣми хотѣлъ только отъ него бесѣдовать (Помраченіе ума, котораго до настоящаго времени боится народъ, съ нимъ дѣйствительно случилось).

[2]) До сихъ поръ есть у насъ пословица, указывающая, что̀ составляло преимущественную эрудицію нашихъ книжныхъ начетчиковъ: „Великій учитель! Прологъ наизусть“.

ная начитанность нашихъ до-монгольскихъ предковъ. Если свое просвѣщеніе мы сократили до простой грамотности по своей собственной волѣ, то выборъ книгъ для своего чтенія мы должны были весьма ограничить уже по необходимости.

Немногое читали наши предки до-монгольскаго періода сравнительно изъ очень многаго, бывшаго къ ихъ услугамъ. Но необходимо думать, что и кругъ сколько-нибудь порядочныхъ и настоящихъ книжныхъ начетчиковъ въ этомъ немногомъ былъ тогда сравнительно очень ограниченъ. Книжная начитанность должна была зависѣть тогда не столько отъ охоты читать книги, сколько отъ возможности пріобрѣтать ихъ. Книги были чрезвычайно дороги и ихъ могли пріобрѣтать далеко не всѣ желающіе, а только люди очень богатые, слѣдовательно и книжная начитаность, по таковой силѣ вещей, должна была ограничиваться только этимъ небольшимъ кругомъ людей богатыхъ. Имѣли возможность пріобрѣтать книги и составлять бо́льшія или меньшія библіотеки только князья и бояре, а слѣдовательно и люди больше или меньше начитанные могли быть главнымъ образомъ—во-первыхъ, между ними самими, во-вторыхъ — между тѣми, для которыхъ былъ открытъ доступъ къ ихъ библіотекамъ.

Послѣ немногочисленнаго класса начетчиковъ въ міру, другой классъ ихъ должны были составлять монахи. Представлялось бы съ перваго взгляда вѣроятнымъ думать, что въ монастыряхъ забота о пріобрѣтеніи четіихъ книгъ и заведеніи библіотекъ была дѣломъ общественнымъ, т. е. что въ нихъ постепенно составлялись общія или казенныя библіотеки нарочитыми заботами властей посредствомъ постояннаго отряженія на трудъ писанія книгъ извѣстнаго количества братіи. Представлялось бы въ особенности это вѣроятнымъ для тѣхъ, которые знаютъ о порядкахъ въ семъ отношеніи монастырей западныхъ. Но кромѣ того, что мы не имѣемъ относительно сего никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ и до нѣкоторой степени имѣемъ положительныя свидѣтельства, говорящія противное, этотъ способъ составленія казенныхъ монастырскихъ библіотекъ предполагаетъ въ монастыряхъ общежитіе, а предполагать послѣднее въ нашихъ монастыряхъ до-монгольскаго періода, какъ увидимъ ниже, чрезвычайно мало основаній [1]). Въ нашихъ монастыряхъ, какъ можно думать, книги для

[1]) Обыкновенно ссылаются на Несторово житіе преп. Θеодосія, въ которомъ говорится, что „единъ отъ братіи, именемъ Иларіонъ, бяше и книгамъ хитръ писати и по вся дни и нощи писаше (ихъ) въ кельи у блаженнаго отца нашего Θеодосія“. Но въ житіи не говорится, какія книги писалъ Иларіонъ—четія или бого-

чтенія первоначально явились и постепенно прибывали, если не исключительно, то главнымъ образомъ, какъ частная собственность богатыхъ монаховъ, имѣвшихъ возможность пріобрѣтать ихъ на собственныя средства: богатые монахи, умирая, оставляли и отказывали свои книги монастырямъ, каковымъ путемъ преимущественно и составились и постепенно и умножились ихъ общественныя или казенныя библіотеки [1]). Какъ бы то ни было, явившись путемъ частнаго усердія или общественныхъ заботъ, въ монастыряхъ нашихъ, если не во всѣхъ, то въ главнѣйшихъ и значительнѣйшихъ, какъ это необходимо заключать къ періоду домонгольскому отъ послѣдующаго времени, должны были существовать лучшія или худшія библіотеки четіихъ книгъ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы всѣ наши монахи домонгольскаго періода имѣли наклонность къ чтенію книгъ; вовсе нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы и всѣ они непремѣнно бывали грамотны: но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что лучшіе между грамотными изъ нихъ и имѣвшіе возможность читать свои, чужія или казенныя монастырскія книги, усердно предавались этому чтенію, почитая его одною изъ существенныхъ и необходимыхъ обязанностей истиннаго монаха, долженствующаго искать пользы своей душѣ [2]).

Итакъ, вотъ краткій экстрактъ изъ всего нами сказаннаго о нашемъ просвѣщеніи въ періодъ до-монгольскій: просвѣщеніе наше состояло въ одной грамотности или одномъ умѣніи читать, за которымъ—самопросвѣщеніе посредствомъ чтенія книгъ; количество людей, которые самопросвѣщались посредствомъ этого чтенія сравнительно было

служебныя. Такъ какъ послѣднія были необходимы прежде первыхъ и такъ какъ одинъ упоминаемый въ житіи писецъ не могъ написать книгъ слишкомъ много, то гораздо вѣроятнѣе разумѣть не первыя, а послѣднія.

[1]) Монахи Печерскаго монастыря имѣли библіотеки или библіотечки четіихъ книгъ, какъ частную собственность (Симонъ въ Патерикѣ о Николѣ Святошѣ и Поликарпъ тамъ же о Григоріи чудотворцѣ). Но если бы монастырь заботился о составленіи казенной или общей монастырской библіотеки, то имъ (монахамъ) естественно было бы прилагать книги въ сію послѣднюю тотчасъ при постриженіи или вообще при своей еще жизни. Описанія монастырскихъ библіотекъ, составившихся послѣ нашествія Монголовъ, показываютъ, что наиглавнѣйшимъ образомъ онѣ составлялись путемъ пожертвованій или вкладовъ.

[2]) Слово о почитаніи книжномъ, усвояемое Кириллу Туровскому, на которое мы ссылались немного выше, прямо даетъ знать, что почитаніе книжное считалось дѣломъ по преимуществу черне́ческимъ (Рукописи гр. Уварова, II, 70. Достойно замѣчанія или же по крайней мѣрѣ должно быть просто отмѣченнымъ, что въ настоящее время вовсе неизвѣстно рукописей домонгольскаго періода, писанныхъ монахами).

очень не велико; выборъ книгъ, который служилъ для него, по своему составу былъ весьма ограниченъ; однимъ словомъ,—просвѣщеніе у насъ въ періодъ до-монгольскій находилось на самой послѣдней степени невысоты, какая только возможна.

Читали и имѣли возможность читать книги и такимъ образомъ, до нѣкоторой степени, самопросвѣщались и имѣли возможность самопросвѣщаться въ христіанствѣ весьма немногіе. Но какъ же просвѣщалась въ немъ не читавшая и не имѣвшая возможности читать безграмотная и безкнижная масса? Просвѣщалась такъ же, какъ просвѣщается у насъ масса и теперь, ибо и до настоящаго времени она у насъ безграмотна и безкнижна, хотя и по другимъ чѣмъ въ древнее время причинамъ. Просвѣщалась такъ же, какъ и у всѣхъ другихъ, ибо въ древнія времена она была одинаково безграмотна вездѣ. Единственное училище безграмотной массы или рѣшительнаго безграмотнаго большинства у насъ, какъ и вездѣ, составлялъ храмъ съ совершавшимися въ немъ церковными службами. Наша масса имѣла то рѣшительное преимущество предъ массою христіанъ западныхъ, что слушала богослуженіе не на чужомъ и непонятномъ языкѣ, а на своемъ собственномъ (При чемъ должна быть впрочемъ сдѣлана нѣкоторая и даже значительная оговорка. Нашимъ богослужебнымъ языкомъ былъ не нашъ собственный русскій языкъ, а языкъ болгарскій. Правда, что онъ былъ весьма близокъ къ русскому, но полагать и утверждать, чтобы онъ могъ быть понятенъ столько же, какъ самый русскій, значитъ то же, что полагать и утверждать, будто въ настоящее время простой народъ столько же разумѣетъ языкъ богослуженія, сколько свой собственный разговорный. Обстоятельнѣе—въ отдѣлѣ о богослуженіи. А относительно христіанъ западныхъ по крайней мѣрѣ для точности не мѣшаетъ помнить, что латинскій языкъ былъ совсѣмъ чужимъ собственно для нѣмецкой половины ихъ; для половины же романской онъ былъ своего рода языкомъ славянскимъ, ибо всякій знаетъ, что языки итальянскій, испанскій и французскій произошли изъ латинскаго). Помимо храма народныя массы искали себѣ наученія въ вѣрѣ и преимущественно нравственности христіанской у тѣхъ книжныхъ людей, которымъ Богъ открывалъ даръ и давалъ охоту учительства и которые имѣли къ этому удобство и свободное время. По послѣднему сейчасъ указанному признаку понятно, что такіе люди могли быть преимущественно между монахами. И въ настоящее время мы видимъ примѣры, что проявится въ монастырѣ учительный, истинный или мнимый, подвижникъ, много или мало способный къ учительству, и на-

родъ повалитъ къ нему густыми толпами и безконечными вереницами [1]). Но въ настоящее время если не даръ, то охота учительства подавлена полиціей, т. е. мы хотимъ сказать—подозрительностью, большею частію впрочемъ справедливою, съ которою относятся правительства гражданское и духовное къ являющимся въ настоящее время этимъ учителямъ по призванію и произволенію; что же касается до древняго времени, то несомнѣнно, что учительныхъ монаховъ, болѣе или менѣе и даже совсѣмъ специально посвящавшихъ себя учительнымъ бесѣдамъ съ народными массами, было сравнительно довольно много. Такъ какъ они создавали славу монастырямъ и содѣйствовали ихъ матеріальному благосостоянію, то послѣдніе заинтересованы были въ томъ, чтобы нарочито создавать и имѣть ихъ. Народъ, посѣщая монастыри, послѣ молитвы въ храмѣ спѣшилъ въ кельи этихъ учителей, изъ которыхъ и выносилъ и разносилъ наставленія жить похристіански. Такое учительство, конечно, было крайне недостаточно; но болѣе достаточнаго не могло быть...

III.

Наша собственная (оригинальная) письменность.

Обращаемся къ нашей собственной письменности до-монгольскаго періода.

Мы не имѣли въ періодъ до-монгольскій настоящаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе мы могли имѣть собственную письменность,—письменность не людей просвѣщенныхъ, а людей только грамотныхъ, письменность, такъ сказать, первичную или тотъ ея родъ, которымъ она обыкновенно начиналась.

Другіе, начавъ съ этой письменности первичной, шли все далѣе и далѣе впередъ, достигали большаго или меньшаго совершенства. Отличительная черта нашей письменности есть та, что она неподвижно оставалась все на одной и той же степени, съ которой началась, что она не имѣетъ исторіи въ смыслѣ постепеннаго движенія впередъ или развитія и усовершенствованія. Наши писатели слѣдуютъ одинъ за

---

[1]) Изъ учительныхъ подвижниковъ новѣйшаго времени можемъ указать на извѣстнаго архимандрита Макарія Глухарева (біографія котораго напечатана Д. Д. Фил(имо)новымъ въ Правосл. Обозрѣніи 1888-го года).

другимъ въ преемствѣ времени или хронологическомъ порядкѣ, но не составляютъ между собою ни малѣйшаго преемства внутренняго и ни малѣйшаго порядка прогрессивно-историческаго. Какъ неподвижно было состояніе нашей умственной жизни, такъ неподвижно было состояніе и нашей письменности. Исторія нашей письменности до-монгольскаго періода, какъ и послѣдующаго долгаго времени, есть не столько настоящая исторія, въ которой бы нельзя было измѣнять и нарушить внутренней связи, сколько механическая библіографія, въ которой по произволу можно начинать откуда угодно — съ начала, середины и конца. Наша письменность имѣла до нѣкоторой степени только внѣшнюю исторію, именно — исторію внѣшней формы и внѣшнихъ пріемовъ (Не всѣ народы заимствовали просвѣщеніе отъ другихъ уже готовымъ, нѣкоторые создавали его сами; мы ни заимствовали, ни создавали...).

Наличность нашей письменности до-монгольскаго періода представляетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) историческій, который составляютъ лѣтописи и житія святыхъ, 2) нравоучительный, къ которому принадлежатъ слова и поученія церковныя, или говоренныя въ церкви или написанныя для назидательнаго чтенія, 3) каноническій, 4) описанія путешествій ко святымъ мѣстамъ, 5) богослужебный и 6) отчасти догматическій.

1) Отдѣлъ историческій.

Всякому народу врождено помнить свою исторію и дорожить ею. Народы, не умѣющіе писать, помнятъ ее наизусть, храня ее въ своихъ эпическихъ пѣсняхъ. Народы, пріобрѣтающіе умѣнье писать, одно изъ самыхъ первыхъ употребленій этого умѣнья дѣлаютъ то, чтобы записывать свою исторію. Какъ это было у другихъ, такъ было и у насъ, и такимъ образомъ явилась у насъ исторіографія государственная въ видѣ лѣтописей. Наша церковь въ лицѣ водворителей у насъ христіанства—Ольги и Владимира—имѣла своихъ равноапостоловъ и затѣмъ украсилась своими святыми. Какъ въ церкви греческой писались житія святыхъ, такъ по подобію ея явились онѣ и у насъ, составивъ собственно церковную часть исторіографіи.

Мы начнемъ съ послѣдней исторіографіи частной или собственно церковной.

Первымъ нашимъ писателемъ по отдѣлу частной и священной исторіографіи или начинателемъ и основателемъ ея у насъ былъ мнихъ Іаковъ, который до позднѣйшаго времени оставался совершенно неиз-

вѣстнымъ, который открыть 50 лѣтъ тому назадъ и который положилъ начало нашей помянутой исторіографіи тѣмъ, что написалъ два сказанія о первоначальникахъ славы Русской церкви—о Владимирѣ съ Ольгой, ея равноапостольныхъ, и о Борисѣ и Глѣбѣ, ея мученикахъ [1]). Кто такой былъ этотъ мнихъ Іаковъ, біографическихъ свѣдѣній пока вовсе неизвѣстно. Преп. Ѳеодосій Печерскій, умирая въ 1074-мъ году, предлагалъ своей братіи на мѣсто себя въ игумены пресвитера Іакова, который, по словамъ лѣтописца, не бывъ постриженникомъ Печерскаго монастыря, пришелъ въ него съ Альты, т. е. вѣроятно изъ Переяславскаго монастыря Бориса и Глѣба, построеннаго на мѣстѣ убіенія перваго [2]). Предположеніе, что этотъ пресвитеръ Іаковъ есть одно и то же лицо съ нашимъ мнихомъ Іаковомъ, совершенно вѣроятно. Равнымъ образомъ совершенно вѣроятно и то предположеніе, что послѣдній есть одно и то же лицо съ тѣмъ черноризцемъ Іаковомъ, на вопросы котораго написалъ отвѣты—«Правило церковное вкратцѣ»—митрополитъ Іоаннъ 2-й. Въ рукописяхъ нашихъ читается нравоучительное посланіе отъ многогрѣшнаго черица Іакова къ Божію слузѣ Димитрію, надъ которымъ сдѣлано надписаніе, что оно есть посланіе «нѣкоего отца къ духовному сыну» и котораго Божій слуга Димитрій въ нѣкоторыхъ спискахъ называется великимъ княземъ. Если принять, какъ нѣкоторые принимаютъ, что подъ великимъ княземъ Димитріемъ должно разумѣть Изяслава Ярославича (носившаго христіанское имя Димитрія), то въ его духовникѣ, чернцѣ Іаковѣ, вѣроятно будетъ видѣть ни кого иного, какъ нашего мниха Іакова.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно только то, что сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ Іаковъ написалъ, какъ самъ прямо свидѣтельствуетъ, мало лѣтъ спустя послѣ ихъ мученическихъ кончинъ, или въ концѣ правленія Ярослава или въ началѣ правленія Изяслава, а во всякомъ случаѣ до 1072-го года, ибо не говоритъ еще о церкви, построенной въ Вышгородѣ Изяславомъ въ честь мучениковъ въ семъ послѣднемъ году,

---

[1]) Оба сказанія, открытыя преосв. Макаріемъ, напечатаны имъ въ Христіанскомъ Чтеніи за 1849 г., въ кн. II; сказаніе о Владимирѣ съ Ольгой потомъ перепечатано имъ въ Исторіи—въ I томѣ.

[2]) Въ лѣтописи говорится, что Іаковъ пришелъ съ Летьца, *варр*. Лтьца, Лтца. Но это не притокъ Альты съ ея именемъ въ уменьшительной формѣ, а она сама какъ уменьшительно она и называется въ настоящее время (Льтыця, Ильтыця,—въ Ипатск. лѣт. подъ 1149 годомъ, 2 изд. стр. 265, Лтиця), ибо не существуетъ притока Альты съ ея именемъ въ уменьшительной формѣ, см. въ XI т. Записокъ Географическаго Общества статью *П. Марковича*: Рѣки Полтавской губерніи, стр. 426, № 214.

и что другое сказаніе, задуманное одновременно съ первымъ, написалъ болѣе или менѣе вскорѣ вслѣдъ за нимъ.

По хронологическому порядку Іакову слѣдовало бы писать сначала о Владимірѣ съ Ольгой, потомъ о Борисѣ и Глѣбѣ. Но онъ, какъ мы сейчасъ сказали, поступилъ наоборотъ, хотя писавъ одно сказаніе, какъ самъ даетъ знать, имѣлъ въ то же время намѣреніе написать и другое. Причина не совсѣмъ ясна; но вѣроятно она есть та, что Борисъ и Глѣбъ были прославленные и канонизованные святые, каковыми не были еще тогда Владиміръ съ Ольгой.

Сказаніе о послѣднихъ, съ котораго мы начнемъ, имѣетъ пространное надписаніе, служащее вмѣстѣ какъ бы и краткимъ оглавленіемъ: «Память и похвала князю рускому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю рускую отъ коньца и до коньца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера». Къ величайшему сожалѣнію, авторъ поставляетъ свою задачу главнымъ образомъ не въ томъ, чтобы написать историческую повѣсть, а въ томъ, чтобы написать историческое похвальное слово. Вслѣдствіе этого исторія большею частію является у него безъ всякихъ подробностей, только въ самыхъ общихъ чертахъ, уступая главнѣйшую часть мѣста его похвалѣ или его собственному ораторству; что касается до расположенія, то авторъ не говоритъ отдѣльно объ Ольгѣ и отдѣльно о Владимірѣ, но весьма краткую сравнительно рѣчь о первой помѣщаетъ какъ вводный эпизодъ въ срединѣ похвалы второму.

Въ приступѣ къ своему сказанію Іаковъ говоритъ, что онъ рѣшился написать о Владимірѣ и о сыновьяхъ его, мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, во-первыхъ, побуждаемый наставленіемъ ап. Павла къ Тимоѳею: *чадо, еже слыша отъ мене многи послухи, тоже предажь и вѣрнымъ человѣкомъ*,—во-вторыхъ—имѣя предъ собою примѣръ христіанской исторіографіи, начатый евангелистомъ Лукою и продолженный списателями житій и мученій святыхъ. Въ словахъ этихъ Іаковъ ясно даетъ знать, что онъ есть первый, рѣшившійся написать о Владимірѣ и о Борисѣ съ Глѣбомъ, и вообще первый въ Русской землѣ историческій писатель.

Содержаніе сказанія, которое далеко не можетъ похвалиться совершенной послѣдовательностію и раздѣльностію изложенія, составляютъ: рѣчь о намѣреніи Владиміра креститься; рѣчь о самомъ крещеніи; похвала Владиміру какъ крестителю Руси; вставочная похвала Ольгѣ; похвала христіанскимъ добродѣтелямъ Владиміра съ прибавочной рѣчью объ его побѣдахъ и походѣ на Корсунь; наконецъ, рѣчь

объ его кончинѣ съ краткимъ обозрѣніемъ его дѣлъ послѣ крещенія и съ хронологіей его правленія.

О намѣреніи Владимира креститься Іаковъ говоритъ, что, во-первыхъ, онъ самъ вжада святаго крещенія, якоже жадаетъ елень на источники водныя, во-вторыхъ, что онъ разжегся примѣромъ бабки своей Ольги. Какихъ нибудь намековъ на то, чтобы къ Владимиру приходили послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ, какъ уже мы говорили выше, у Іакова нѣтъ ни малѣйшихъ.

О самомъ крещеніи Іаковъ говоритъ кратко и въ общихъ словахъ, что сначала Владимиръ крестился самъ и крестилъ весь свой домъ, что потомъ онъ крестилъ всю землю Русскую отъ конца и до конца, сокрушивъ идоловъ и поставивъ церкви.

Похваляя Владимира какъ крестителя Руси, Іаковъ называетъ его апостоломъ въ князьяхъ и сравниваетъ съ Константиномъ Великимъ.

Слѣдующая за симъ похвала Ольгѣ, переходомъ къ которой служитъ рѣчь о матери Константина—Еленѣ, будучи весьма непространною по объему и не представляя собой въ собственномъ смыслѣ похвалы, содержитъ краткую рѣчь: о путешествіи Ольги въ Царьградъ для крещенія, объ ея возвращеніи оттуда и о сокрушеніи требищъ бѣсовскихъ, объ ея добродѣтеляхъ (особенно милостынѣ) и объ ея кончинѣ. Мы уже говорили выше, что свидѣтельство Іакова, будто Ольга крестилась въ Константинополѣ, не можетъ имѣть историческаго авторитета.

Похваляя христіанскія добродѣтели Владимира, Іаковъ говоритъ о свѣтломъ празднованіи имъ господскихъ праздниковъ, на которыхъ онъ поставлялъ по три трапезы: одну митрополиту и епископамъ со священниками и монахами, другую нищимъ и третью себѣ съ боярами и всѣми мужами,—вообще, объ его добродѣтельномъ житіи и нарочито и особо о милостынѣ. Добавочный разсказъ о походѣ на Корсунь я уже передалъ много выше.

Рѣчь о кончинѣ Владимира краткая и общая.

Несмотря на свою въ отношеніи историческомъ необстоятельность, память и похвала Владиміру монаха Іакова есть все-таки драгоцѣнный для насъ историческій памятникъ. Вмѣстѣ съ словомъ о законѣ и благодати митр. Иларіона и съ сказаніемъ о Борисѣ и Глѣбѣ преп. Нестора она служитъ къ совершенному перерѣшенію вопроса о крещеніи Владимира противъ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи. Она сообщаетъ намъ новое, величайшей важности, извѣстіе, что Владимиръ ходилъ на Корсунь не передъ крещеніемъ и не для него, а на

четвертый годъ послѣ него и слѣдовательно для другихъ причинъ. Наконецъ, ея хронологическія указанія и показанія имѣютъ свое очень важное значеніе.

Какъ произведеніе ораторское, настоящее сочиненіе Іакова далеко не можетъ быть отнесено къ числу совершенныхъ. Его краснорѣчіе весьма неизобильно и, какъ замѣтно, есть плодъ немалыхъ усилій; ничего не представляющая замѣчательнаго въ отношеніи ораторскомъ, рѣчь по мѣстамъ довольно складна и связна, по мѣстамъ же ей недостаетъ и этого качества и она переходитъ просто совсѣмъ въ безпорядочный наборъ фразъ [1]).

Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, надписанное: «Сказаніе страстей и похвала объ убьеніи святую мученику Бориса и Глѣба», содержитъ въ себѣ подробный разсказъ о помянутомъ убіеніи, совершонномъ Святополкомъ, предшествуемый краткимъ введеніемъ о сыновьяхъ Владиміра и его смерти и сопровождаемый подробною дополнительною повѣстью о послѣдующихъ политическихъ событіяхъ, завязкой для которыхъ послужило помянутое убійство, именно — повѣстью о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ до самаго окончательнаго занятія первымъ великокняжескаго престола. Этотъ длинный конецъ авторъ, безъ сомнѣнія, приставляетъ, во-первыхъ для того, чтобы сказаніе получило видъ совершеннаго цѣлаго, тѣмъ болѣе, что послѣдующія событія еще не были никѣмъ описаны, такъ какъ лѣтопись явилась позднѣе; во-вторыхъ за тѣмъ, что исторія Бориса и Глѣба собственно кончается только съ окончательнымъ восшествіемъ Ярослава на великокняже-

---

[1]) Память и похвала Владиміру монаха Іакова въ настоящее время извѣстна по спискамъ въ трехъ редакціяхъ: обширной, какъ мы передали ея содержаніе средней, въ которой не достаетъ вставочной похвалы Ольгѣ, и краткой, которая представляетъ собою одну послѣднюю часть обширной, начинаясь съ похвалы христіанскимъ добродѣтелямъ Владиміра (преосв. *Макарій*, Истор. т. II, изд. 2 стр. 151). Необходимо считать подлиннымъ сочиненіемъ Іакова редакцію обширную, ибо всего того, что она содержитъ, требуется надписаніемъ сказанія, которое болѣе, чѣмъ вѣроятно, принадлежитъ самому автору. Похвала Ольгѣ могла быть послѣ выпускаема потому, что она представляетъ собою нарушающую связность рѣчи какъ бы случайную и совсѣмъ механическую вставку; послѣдняя часть сказанія могла писаться въ видѣ отдѣльнаго сказанія потому, что она, имѣя свое начало, дѣйствительно можетъ быть отдѣлена въ таковое сказаніе: не отличаясь, какъ мы замѣчали, особою связанностію, сказаніе Іакова какъ бы само разваливается, а отъ этого и позднѣйшія нѣсколькія редакціи.—Мы съ своей стороны считаемъ или наклонны считать за позднѣйшую вставку или интерполяцію въ похвалѣ Ольгѣ рѣчь объ ея гробѣ въ Десятинной церкви, на что указывали много выше.

скій престолъ, ибо только тогда было найдено тѣло Глѣбово и перенесено къ тѣлу Бориса въ Вышегородъ.

Страннымъ и не совсѣмъ понятнымъ представляется, что сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ имѣетъ ту, а не другую форму. Оно есть только сказаніе объ ихъ убіеніи Святополкомъ. Но въ то время, какъ писалъ Іаковъ, Борисъ и Глѣбъ были уже признанными и канонизованными святыми Русской церкви. Рѣшаясь написать сказаніе о святыхъ, онъ, повидимому, долженъ былъ взять за образецъ для себя сказанія сего рода греческія. У Грековъ было принято и установлено, чтобы о святыхъ писаны были такія сказанія, которыя бы представляли изъ себя ихъ житія. Могло не доставать свѣдѣній для того, чтобы написать полную біографію святаго, могли быть свѣдѣнія самыя неполныя и отрывочныя: но установившійся обычай требовалъ, чтобы были писаны настоящія житія, которыя, начиная рѣчь отъ самыя юныя версты и отъ самаго рожденія и идя по ряду, если не были, то казались бы цѣльными біографіями и въ которыхъ недостатокъ свѣдѣній, въ случаѣ таковаго, принято было возмѣщать общими мѣстами и реторикой. Подобнымъ-то настоящимъ житіемъ и не хочетъ быть сказаніе монаха Іакова. Трудно сказать, почему онъ, выступая какъ первый составитель сказаній о святыхъ, не искалъ чести быть и первымъ настоящимъ жизнеописателемъ. Вѣроятно, онъ еще не отважился совсѣмъ подражать образцамъ греческимъ, не чувствуя въ себѣ силъ состязаться съ ними. Если бы онъ рѣшился писать житіе, то сообразно съ симъ громкимъ названіемъ онъ обязывался выполнить и свою задачу. Онъ чувствовалъ, что на подобное цѣльное произведеніе его не хватитъ и рѣшился писать такъ, чтобы къ нему не прилагалась пословица: «взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ», т. е. избралъ для своего сказанія такую болѣе скромную форму, чтобы къ нему не могло быть предъявляемо требованій, которыхъ онъ не чувствовалъ себя въ состояніи выполнить.

Какъ произведеніе литературное, сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ имѣетъ отличительной чертой усиленное стремленіе автора къ драматизму, которое выражается въ томъ, что онъ влагаетъ въ уста Борису и Глѣбу многія и длинныя рѣчи, состоящія, въ виду ожидающихъ ихъ горькихъ смертей, въ жалобныхъ сѣтованіяхъ и въ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу. Рѣчи не безъ достоинства въ отношеніи къ складности, но въ нихъ какъ-то замѣтна искусственная сочиненность, т. е. имъ какъ-то недостаетъ настоящей естественности, онѣ смотрятъ не столько рѣчами, которыя непосредственно выливаются изъ души у говорящихъ, сколько рѣчами, которыя сочинены ими и произносятся.

За монахомъ Іаковомъ въ ряду представителей частной исторіографіи или писателей отдѣльныхъ сказаній о святыхъ слѣдуетъ преп. Несторъ Печерскій.

Преп. Несторъ, несправедливо считаемый за нашего перваго лѣтописца, о чемъ мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить о семъ послѣднемъ, пришелъ въ Печерскій монастырь вскорѣ послѣ смерти Ѳеодосія, при его недолговременномъ преемникѣ—игуменѣ Стефанѣ, слѣдовательно вскорѣ послѣ 1074-го года. Поставленный тѣмъ же Стефаномъ, слѣдовательно вскорѣ послѣ своего постриженія монашескаго, въ діаконы или іеродіаконы [1]), Несторъ, состоя въ этомъ санѣ, написалъ прежде 1091-го г. [2]), также какъ и Іаковъ, два сказанія—одно о тѣхъ же Борисѣ и Глѣбѣ и другое—житіе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго.

Первымъ по порядку времени было сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, которое надписывается: «Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженую страстотерпцу Бориса и Глѣба» [3]). Прежде всего, конечно, рождается вопросъ: съ какой стати Несторъ послѣ написаннаго уже Іаковомъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ рѣшился писать вновь таковое же? Сравнивая одно сказаніе съ другимъ, мы находимъ у Нестора нѣкоторыя частныя фактическія разности противъ Іакова, и такимъ образомъ можно было бы подумать, что онъ желалъ поправить Іакова, желалъ представить дѣло болѣе достовѣрнымъ и точнымъ, по его мнѣнію, образомъ, нежели какъ это у его предшественника. Думать это однако вовсе не представляется вѣроятнымъ: древнее время вовсе не было временемъ такого скрупулёзнаго и доточнаго изслѣдованія, чтобы изъ-за неважныхъ и несущественныхъ разностей могли быть писаны новыя сказанія. Кромѣ сейчасъ указанной разности между сказаніями Іакова и Нестора, мы находимъ между ними еще другую разность: первое есть именно только повѣсть объ ихъ убіеніи, второе же хочетъ быть

[1]) Эти свѣдѣнія самъ Несторъ сообщаетъ о себѣ въ житіи преп. Ѳеодосія (на концѣ, въ заключительномъ послѣсловіи).

[2]) Въ житіи Ѳеодосія Несторъ не говоритъ объ открытіи его мощей, что̀ было въ 1091 г.; слѣдовательно написалъ его до сего года. А житіе Бориса и Глѣба онъ написалъ прежде житія Ѳеодосіева, какъ прямо говоритъ въ приступѣ къ послѣднему.

[3]) Напечатано нѣсколько разъ—въ Православн. Собесѣдникѣ 1858 г., кн. I, *Бодянскимъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1859 г., кн. I, и *Срезневскимъ* въ изданіи: „Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка", Спб. 1860.

настоящимъ ихъ житіемъ. Необходимо думать, что это последнее обстоятельство и составляетъ истинную причину, по которой Несторъ на мѣсто сказанія Іакова рѣшился написать свое новое сказаніе. По примѣру греческому, святые нашей церкви Борисъ и Глѣбъ долженствовали имѣть свое житіе; сказаніе, написанное Іаковомъ, не было таковымъ житіемъ, и вотъ по этой-то причинѣ Несторъ и пишетъ свое новое сказаніе. . . . .

Такимъ образомъ, Несторово сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ представляетъ собою совершенно первый у насъ опытъ настоящаго житія. Человѣкъ, рѣшившійся перенести къ намъ изъ Греціи эту форму письменности, естественно, долженъ былъ поставить свою задачу въ томъ, чтобы какъ можно болѣе подражать своимъ образцамъ. Слѣдовательно житія, начиная съ самаго перваго изъ нихъ, должны были явиться у насъ какъ можно болѣе похожими на житія греческія.

О житіяхъ, которыя суть родъ историческихъ монографій и которыя составляютъ главную массу нашей старой письменности, можно было бы думать, и многіе думаютъ, что они представляютъ собой весьма важный историческій матеріалъ. Къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Собственная цѣль житій была не исторія, а христіанское назиданіе, а поэтому и историческое утратило въ нихъ всякую собственную и непосредственную цѣну и является въ нихъ только въ видѣ возможно безцвѣтной оболочки, насколько невозможно обойтись безъ нея, говоря о томъ, что было въ пространствѣ и времени. Для исторіи чрезвычайно важно было бы, еслибы все, о чемъ ни говорятъ житія, называли онѣ собственнымъ именемъ, ибо тогда они сообщали бы намъ весьма много историческихъ фактовъ, которые иначе остались для насъ неизвѣстными. Но собственныя имена не прибавляютъ назиданія; случилось ли что нибудь съ человѣкомъ, называвшимся такъ-то или съ человѣкомъ нѣкимъ, случилось-ли что нибудь въ мѣстѣ, называвшемся такъ-то или въ мѣстѣ нѣкоемъ, для цѣлей назиданія все равно и безразлично. И у писателей житій святыхъ составлялся обычай облекать по возможности въ это «нѣкій» всю живую дѣйствительность: человѣкъ нѣкій, бояринъ нѣкій, градъ нѣкій—въ этихъ постоянныхъ «нѣкій» они несомнѣнно скрыли отъ насъ чрезвычайно много драгоцѣнныхъ историческихъ фактовъ. Каждый святой жилъ и обращался въ извѣстной средѣ и болѣе или менѣе соприкасался съ нею. Изображеніе среды всякаго даннаго времени, еслибы оно по возможности живо и дѣйствительно воспроизводило ее, было бы для насъ весьма важно, ибо тогда житія доставляли бъ

намъ матеріалъ для возможно вѣрнаго и живаго и болѣе или менѣе индивидуальнаго представленія о разныхъ данныхъ временахъ. Но высокій предметъ—изображеніе подвиговъ святыхъ и высокая цѣль—христіанское назиданіе не дозволяли изображать дѣйствительную тривіальную жизнь въ ея обыденной тривіальности, и она обыкновенно изображается въ житіяхъ до того не собственно, до того высокимъ слогомъ посредствомъ общихъ фразъ, что исчезаетъ всякій колоритъ живой и современной дѣйствительности и что описаніе изъ одного времени становится приложимымъ рѣшительно ко всякому другому.

Забота объ исторической достовѣрности въ подробностяхъ также не составляла одной изъ главныхъ заботъ писателей житій. Достовѣрности требуетъ исторія; но назиданіе ни малѣйше не могло терпѣть отъ того, что та или другая подробность будетъ представлена недостовѣрно; а поэтому и подробности нерѣдко являются у нихъ не такъ, какъ бы требовала того достовѣрность, а какъ требуютъ цѣли назиданія.

Мы сказали выше, что у Грековъ существовала для житій особенная, принятая и установленная, форма. Людская наклонность все преувеличивать привела въ сферѣ агіографіи къ тому, что поставлено было какъ общее положеніе и какъ общее непремѣнное требованіе, чтобы каждый святой былъ человѣкомъ избраннымъ и освященнымъ отъ чрева матери. На этомъ основаніи было принято не прямо описывать подвиги святыхъ, но всегда писать ихъ цѣлыя біографіи, начиная отъ дня рожденія и ведя черезъ дѣтство и юность до возраста мужескаго или вообще до времени дѣйствительныхъ подвиговъ. На самомъ дѣлѣ, не всякій святой подходилъ подъ помянутое общее положеніе, а, главное, далеко не каждаго святаго дѣйствительно были извѣстны дѣтство и юность. Но такъ было принято писать, и эта часть житій, въ случаѣ отсутствія дѣйствительныхъ свѣдѣній, наполнялась общими принятыми мѣстами и реторикой, представляя писателямъ житій крайній соблазнъ давать волю своему воображенію.

Что касается до стороны внѣшне-писательской или той, что называется художественною, то житія святыхъ ни малѣйше не представляютъ собой безъискусственныхъ историческихъ разсказовъ, а напротивъ имѣютъ рѣшительную наклонность къ искусственности, къ холодной сочиненности, къ витійству и реторикѣ. У всѣхъ риторовъ считается важнымъ дѣломъ приступъ; въ особенности онъ считался таковымъ у писателей житій, которыхъ большинство было изъ риторовъ нелучшихъ: начинать по возможности ab ovo составляло почти

общій обычай; что бы ни говорить, только наговорить какъ можно болѣе и хитросплетеннѣе и сдѣлать приступъ какъ можно длиннѣе, было совершенно обязательно.

Въ таковомъ видѣ находилось писаніе житій святыхъ у Грековъ. Само собою разумѣется, что мы не могли усмотрѣть его недостатковъ и создать какой нибудь новый, лучшій типъ. Мы могли только рабски подражать. Это уже и дѣлаетъ, какъ мы сказали, самый первый нашъ писатель житій—преп. Несторъ. Оба его житія, представляя собой подражаніе житіямъ греческимъ, носятъ ихъ характеръ и страдаютъ ихъ недостатками [1]).

Приступъ къ житію Бориса и Глѣба авторъ начинаетъ краткой молитвой къ Богу о поданіи разума и довольно обычнымъ у писателей житій смиреннымъ, искреннимъ или притворнымъ, исповѣданіемъ своихъ грубости и неразумія. Затѣмъ его содержаніе составляетъ та, на сей разъ довольно идущая къ дѣлу, рѣчь ab ovo, о которой говорили мы выше, именно—изображеніе всего божественнаго домостроительства о спасеніи людей, которому начало: искони сотвори Богъ небо и землю и въ которомъ о часѣ единонадесятомъ дошла очередь озариться свѣтомъ христіанства и до насъ Русскихъ.

Краткая рѣчь о Владимирѣ и о крещеніи имъ Руси составляетъ переходъ отъ приступа къ самому повѣствованію.

Въ этомъ послѣднемъ авторъ выполняетъ указанный нами выше принятый планъ только на половину. Пропуская говорить о рожденіи

---

[1]) Не всегда житія святыхъ были у Грековъ тѣмъ, чѣмъ находимъ мы ихъ въ позднѣйшее время. Изъ древнѣйшаго времени мы знаемъ примѣры житій, которыя, представляя изъ себя безъискусственные, подробные и отъ того наглядные и живые разсказы о подвигахъ святыхъ, по справедливости должны быть названы истинно хорошими житіями. Если бы житія, для которыхъ существовалъ соотвѣтствующій матеріалъ, постоянно были писаны такъ (и писаны современниками и очевидцами, по собственнымъ впечатлѣніямъ): то Четь-Минея была бы книгою для христіанскаго чтенія, безспорно, назидательнѣйшею, способною производить свое дѣйствіе и на сердца людей самыхъ матеріально зачерствѣлыхъ, ибо наглядныя и живыя повѣствованія о проявленіи вспомоществуемымъ отъ благодати Божіей человѣческимъ духомъ высокой нравственной мощи въ дѣлѣ евангельскаго отреченія отъ суеты міра и въ дѣлѣ исканія единаго на потребу неотразимо дѣйствуетъ и на людей, наиболѣе погруженныхъ въ житейскую суету (А такъ какъ многіе святые представляли изъ себя людей привлекательнѣйшихъ по своему характеру, что выражалось во всемъ ихъ поведеніи и во всѣхъ ихъ дѣлахъ: то Четь-Минея была бы книгою для чтенія и занимательнѣйшею). Къ сожалѣнію, указаннаго нами не случилось: изъ безъискусственныхъ, воспроизводящихъ дѣйствительность, житія превратились въ „творенія“ реторическія.

Бориса и Глѣба, онъ прямо начинаетъ съ ихъ дѣтства. Что воспрепятствовало ему начать рѣчь съ самаго начала, какъ того требовала полная форма житія, ясно не видно. Но по всей вѣроятности то, что по рожденію Борисъ и Глѣбъ еще принадлежали язычеству и что такимъ образомъ оно, не представляя никакихъ данныхъ для рѣчей, исполненныхъ назиданія, было еще, такъ сказать, внѣ и по ту сторону сферы житійной. Писавъ слишкомъ много спустя времени, Несторъ, конечно, не могъ имѣть совершенно никакихъ дѣйствительныхъ свѣдѣній о дѣтствѣ Бориса и Глѣба; но, принявъ на себя написать ихъ житіе, онъ долженъ былъ писать о немъ, ибо этого требовала форма житія, по которой сказаніе должно было имѣть видъ возможно полной біографіи. Не имѣя дѣйствительныхъ свѣдѣній, Несторъ ничего не могъ сдѣлать, какъ создать необходимую для него часть житія посредствомъ общихъ мѣстъ. Это онъ и дѣлаетъ. Онъ говоритъ вообще о благочестіи Бориса и Глѣба, о томъ, что они были «яко двѣ звѣздѣ свѣтлѣ свѣтящеся по средѣ темныхъ», объ усердномъ почитаніи ими божественныхъ книгъ—житій и мученій святыхъ, разжигавшихъ ихъ сердца къ подражанію симъ послѣднимъ и къ уклоненію отъ суеты міра, объ ихъ прилежномъ по вся часы упражненіи въ молитвѣ, объ ихъ, по подобію отца, щедрой милостынѣ нищимъ, вдовицамъ и сиротамъ, и наконецъ о чертахъ сходства между ними и тѣми святыми, христіанскія имена которыхъ они носили,—св. Романомъ сладкопѣвцемъ и царемъ Давидомъ.

Дальнѣйшее повѣствованіе содержитъ разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба Святополкомъ, безъ того дополненія изъ гражданской исторіи, которое читается у Іакова, и съ значительными противъ него, какъ замѣчали мы выше, разностями въ частностяхъ.

Мы сказали, что для писателей житій исторія вовсе не составляетъ серьёзной заботы, что они не только не относятъ къ числу своихъ обязанностей точной передачи историческихъ фактовъ, когда это имъ приходится дѣлать, а напротивъ намѣренно передаютъ ихъ такъ общо, что въ ихъ передачѣ факты теряютъ свое историческое значеніе. Вотъ примѣры этого у Нестора, который, какъ настоящій присяжный писатель житій, старается во всемъ, а между прочимъ и въ сейчасъ указанномъ отношеніи, подражать образцамъ греческимъ, въ сравненіи съ Іаковомъ, который въ своемъ сказаніи ведетъ себя по отношеніи къ исторіи еще не какъ жизнеописатель, а какъ лѣтописецъ.

Іаковъ разсказываетъ, что, когда Владиміръ заболѣлъ предсмертной болѣзнію, на Русь пришли ратью Печенѣги, и что онъ, не бу-

дучи въ состоянiи самъ пойти противъ нихъ, призвалъ изъ Ростова Бориса, котораго и послалъ съ войскомъ вмѣсто себя. Этотъ фактъ похода противъ враговъ можетъ имѣть историческiй смыслъ въ томъ только случаѣ, если мы знаемъ, кто именно были враги (что именно и сообщаетъ намъ Iаковъ). Несторъ, разсказывая то же, выражается объ этихъ врагахъ, которыхъ прямо называетъ Iаковъ: «въ страну его (т. е. Владимира) придоша ратнiи». Отъ этого общаго, для собственныхъ цѣлей житiя достаточнаго и если угодно къ собственнымъ цѣлямъ житiя болѣе идущаго «прiидоша ратнiи», фактъ теряетъ для насъ всякiй историческiй смыслъ. Для списателя житiя нѣтъ нужды называть враговъ по имени, ибо тѣ или другiе они были, для него безразлично, но для насъ въ этомъ названiи или неназыванiи все дѣло.

Iаковъ разсказываетъ, что Святополкъ, замысливъ послѣ смерти Владимира избить братьевъ, нашолъ себѣ совѣтниковъ и помощниковъ въ Вышегородскихъ мужахъ, съ нѣкiимъ Путшею во главѣ, и что имъ и поручилъ убiйство Бориса. Разсказывая о томъ же, Несторъ называетъ этихъ совѣтниковъ и помощниковъ Святополка просто его слугами: «и вложи зло врагъ въ сердце его (Святополка), да пославъ на пути погубитъ (Бориса), и онъ же посла слуги своя погубити, избра мужи неистовыя, посла на блаженнаго Бориса, рекъ имъ»... У Iакова сообщается намъ историческiй фактъ, у Нестора же не сообщается намъ ничего.

Мы сказали выше, что историческая достовѣрность въ подробностяхъ, нисколько не важная для цѣлей назиданiя, не только не составляетъ нарочитой заботы писателей житiй, но и нерѣдко приносится ими въ жертву назиданiю. Вотъ примѣръ этого у Нестора по сравненiю съ Iаковомъ. Послѣднiй говоритъ, что Борисъ, посланный Владимиромъ противъ Печенѣговъ, не нашолъ ихъ и поэтому воротился («отшёдшу же ему и не обрѣтшу супостатъ своихъ и возвратившуся ему вспять»). У Нестора это является уже совершенно иначе: онъ говоритъ, что непрiятели, услышавъ о приближенiи Бориса съ войскомъ, не дерзнули стать противъ него и бѣжали («ратнiи же, яко услышаша блаженаго Бориса, идуща съ вои, бѣжаша, не дерзнуша стати противу блаженому»).

Мы сказали выше, что довольно во многихъ частностяхъ Несторъ расходится съ Iаковомъ. Изъ многихъ укажемъ на одну. Iаковъ говоритъ, что въ минуту смерти Владимира младшiй изъ братьевъ Глѣбъ находился на своемъ удѣльномъ княженiи въ Муромѣ, что коварно призываемый въ Кiевъ Святополкомъ, онъ отправился было въ путь,

но на дорогѣ былъ убитъ близъ Смоленска. По Нестору, святый Глѣбъ, никогда не посыланный на удѣлъ, въ минуту смерти Владимира находился въ Кіевѣ; узнавъ о замыслѣ Святополка убить св. Бориса, онъ бѣжалъ было изъ Кіева, но на пути былъ догнанъ посланными Святополкомъ убійцами. Это разногласіе съ Іаковомъ есть очевидная несообразность. Въ минуту смерти Владимира Глѣбъ находился въ Кіевѣ, но Святополкъ начинаетъ убійства не съ него, который былъ на лицо, а съ Бориса, который былъ въ походѣ; не принимая никакихъ мѣръ задержать Глѣба, пока онъ былъ въ Кіевѣ, Святополкъ даетъ ему возможность бѣжать, но когда онъ бѣжитъ, онъ тотчасъ же посылаетъ за нимъ убійцъ. Не знаемъ, кому принадлежитъ эта поправка противъ Іакова,—самому ли Нестору или преданію, на основаніи котораго онъ, можетъ быть, поправлялъ Іакова; во всякомъ случаѣ она доказываетъ ту общеизвѣстную и грустную истину, что исторія и пишется и сочиняется въ одно и то же время [1]).

Обращаемся къ житію преп. Θеодосія [2]).

Несторъ, какъ мы сказали, не зналъ лично преп. Θеодосія, ибо пришолъ въ Печерскій монастырь уже послѣ его смерти. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ возможность собрать о немъ самыя подробныя и самыя обстоятельныя свѣдѣнія, ибо пришолъ въ монастырь почти тотчасъ послѣ его смерти, когда послѣдній еще весь состоялъ изъ людей, лично его знавшихъ и когда между братіей были еще люди не только сами своими глазами видѣвшіе всю его монашескую жизнь, но знавшіе о немъ и все, что предшествовало монашеству до самаго дня его

---

[1]) О причинѣ, по которой Владимиръ передъ смертью призвалъ Бориса изъ его области къ себѣ въ Кіевъ, Несторъ пишетъ: „увѣдѣвъ убо благовѣрный отецъ ихъ (о братоубійственныхъ злоумышленіяхъ Святополка), пославъ приведе къ себѣ блаженаго Бориса, да не како проліетъ кровь праведнаго“. Но, сочиняя эту умиленную рѣчь, онъ не замѣчаетъ, что говоритъ несообразность: если Владимиръ зналъ о злоумышленіяхъ Святополка, то почему не принялъ противъ него мѣръ?

[2]) Напечатано *Бодянскимъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1858 г., кн. 3 (по сводному, составленному имъ, списку), *Яковлевымъ* въ изданіи: Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, Спб. 1872 (по списку половины XVI вѣка съ варіантами изъ Бодянскаго), *А. Н. Поповымъ* въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1872 г., кн. 1 (по точной копіи со списка Московскаго Успенскаго собора XII вѣка, приготовленной Бодянскимъ) и *гг. Шахматовымъ* и *Лавровымъ* въ тѣхъ же Чтенн. 1899 г., кн. 2 (по таковой же копіи со списка Успенскаго собора, приготовленной Поповымъ); русскій переводъ преосв. *Филарета* въ Ученыхъ Запискахъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ, кн. II, выпускъ 2-й.

рожденія [1]). Такимъ образомъ, Несторъ имѣлъ возможность писать житіе Ѳеодосія съ полнымъ знаніемъ его жизни. Дѣйствительно, оно представляетъ собою жизнеописаніе преп. Ѳеодосія весьма подробное, начатое съ самаго дня рожденія, веденное черезъ дѣтство и юность, обстоятельно сообщающее внѣшнія событія его монашеской жизни, много говорящее объ его монашескихъ подвигахъ и по порядку излагающее всѣ его труды относительно постепеннаго устроенія Печерскаго монастыря, — однимъ словомъ, дающее его полную и подробную біографію. Что должно сказать о внутреннихъ достоинствахъ житія? Сравнивая его съ предшествующимъ житіемъ Бориса и Глѣба, находятъ, что оно далеко его лучше и выше, вообще же находятъ, что оно писано «съ особенною любовію къ угоднику Божію», и что «слово писателя лилось прямо изъ сердца и отъ полноты убѣжденія». Послѣднимъ хотятъ сказать, что житіе, не будучи холоднымъ реторическимъ произведеніемъ, написано съ душой и съ теплотой сердечной. Мы съ своей стороны не находимъ, чтобы это мнѣніе могло быть признано совсѣмъ справедливымъ. Въ распоряженіи Нестора было такъ много дѣйствительныхъ свѣдѣній о Ѳеодосіи, что онъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ усиленной помощи реторики и долженъ былъ только разсказывать; вслѣдствіе этого послѣдняя не до такой степени сильна въ житіи, чтобы била въ глаза и непріятнымъ образомъ отталкивала. Исключительная личность преп. Ѳеодосія такъ интересна, что повѣствованіе о ней, тепло или неособенно тепло составленное, не могло не стать занимательнымъ и поучительнымъ, не по винѣ повѣствователя, а по самому предмету повѣствованія. Эти внѣшнія условія, нисколько не зависѣвшія отъ автора и нисколько не составляющія его заслуги, создаютъ однако его повѣствованію уже положительныя достоинства. Но если не будемъ вмѣнять автору достоинствъ, которыя не составляютъ его собственной заслуги, то о житіи нужно будетъ сказать, что оно есть житіе, какъ житіе, т. е. что оно не есть какой-нибудь перлъ непосредственной художественности, въ которомъ бы герой изображался такимъ образомъ, чтобы возставалъ передъ нами

---

[1]) Свидѣтельствуя, что вообще собиралъ свѣдѣнія, разспрашивая остававшихся въ монастырѣ современниковъ Ѳеодосія (см. конецъ житія), Несторъ въ частности указываетъ какъ на человѣка, разсказами котораго по преимуществу пользовался, на монаха Ѳеодора, бывшаго при Ѳеодосіи келаремъ въ монастырѣ, по изд. *Бодянск.* л. 6 об., стр. 25, и 14, стр. 20; также называетъ Иларіона, который или былъ келейникомъ преп. Ѳеодосія или по крайней мѣрѣ занимался писаніемъ книгъ въ его кельѣ, ibid. л. 15 об., стр. 15.

какъ живой человѣкъ, а что оно есть болѣе или менѣе искусственное произведеніе, составленное по общему шаблону житій. Написать то истинно художественное повѣствованіе, тотъ истинно живой и задушевный разсказъ, которые хотятъ видѣть въ житіи, Несторъ не могъ уже потому, что не видѣлъ и не зналъ лично преп. Ѳеодосія и что долженъ былъ передавать не собственныя непосредственныя впечатлѣнія, а только пересказы другихъ. Несомнѣнно только то, что, не выдаваясь изъ ряда другихъ житій какими-нибудь особенными достоинствами внутренними — художественными, житіе не страдаетъ особенными недостатками внѣшними — просто литературными; по этому послѣднему качеству въ ряду нашихъ житій ему безспорно должно быть отдано одно изъ первыхъ мѣстъ [1]). Нашимъ писателямъ житій не рѣдко не достаетъ способности толково разсказывать; при этомъ страсть къ ораторству иногда увлекаетъ ихъ въ ораторствованіе совершенно несообразное, въ такой наборъ фразъ, въ которомъ ни складу ни ладу и который выходитъ ужаснымъ «Богъ знаетъ чѣмъ». Преп. Несторъ, насколько можно требовать отъ человѣка только грамотнаго и знающаго другую кромѣ сего грамотнкію только по слуху, есть разскащикъ совершенно удовлетворительный, и сейчасъ указанное нами ораторство вовсе не можетъ считать его своимъ родоначальникомъ. Сказанное одинаково относится какъ къ житію преп. Ѳеодосія, такъ и къ житію Бориса и Глѣба. Послѣднее ниже перваго по интересу своего содержанія, но не ниже его, а совершенно одинаково и равно съ нимъ по литературнымъ достоинствамъ [2]).

---

[1]) Преп. Ѳеодосій несомнѣнно былъ человѣкъ исключительный и въ своемъ родѣ болѣе или менѣе великій. Необходимо думать, что, какъ всѣ люди исключительные, онъ былъ человѣкъ болѣе или менѣе своеобразный. Но этого-то своеобразнаго человѣка въ его индивидуальности мы вовсе и не находимъ у преп. Нестора, который поставляетъ свою задачу не столько въ томъ, чтобы изобразить естественнаго человѣка, сколько въ томъ, чтобы изобразить сверхъестественнаго чудотворца (Единственное изъ желаемаго намъ у Нестора есть разсказъ о возвращеніи преп. Ѳеодосія отъ вел. кн. Изяслава на данной ему отъ князя подводѣ, причемъ по приказанію повозника онъ уступилъ послѣднему мѣсто въ телѣгѣ, а самъ вмѣсто него сѣлъ верхомъ на лошадь).

[2]) Читая о житіи преп. Ѳеодосія, конечно, всякій вспомнитъ и хватится о житіи преп. Антонія. Древняго житія преподобнаго Антонія до насъ не дошло, а его существованіе составляетъ довольно темную загадку. Симонъ и Поликарпъ въ Патерикѣ нѣсколько разъ ссылаются на это житіе (первый—въ первой части и въ разсказахъ объ Аѳанасіи затворникѣ и о зодчихъ, второй — въ разсказахъ объ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, о Прохорѣ лебедникѣ и о Ѳеодорѣ и Василіи). По-

Послѣ житій преп. Нестора мы не имѣемъ никакихъ сказаній о святыхъ за цѣлое столѣтіе; всѣ другія извѣстныя въ настоящее время сего рода сказанія относятся къ концу періода до-монгольскаго, къ XIII вѣку.

По хронологическому порядку первое мѣсто послѣ Нестора принадлежитъ неизвѣстному составителю сказанія о св. Леонтіи Ростовскомъ и объ обрѣтеніи его мощей [1]). Я говорилъ сейчасъ выше, что наши писатели сказаній о святыхъ, подражая Грекамъ, должны были стараться писать такія сказанія, которыя бы имѣли видъ и форму полныхъ житій, и что по этой причинѣ преп. Несторъ вслѣдъ за сказаніемъ о Борисѣ и Глѣбѣ монаха Іакова нашолъ нужнымъ написать свое новое о нихъ сказаніе. Но между желаніемъ и его осуществленіемъ большая разница. Чтобы написать сказаніе, имѣющее форму по возможности полнаго житія, о такомъ святомъ, о которомъ не существовало достаточныхъ біографическихъ свѣдѣній, требовалось значительное писательское искусство. Не у всѣхъ составителей сказаній о

въ то же время у послѣдняго читаемъ: „дивлюся како премолчана быша великая исправленія пресвятаго отца нашего Антонія, да аще толико свѣтило угасе нашимъ небреженіемъ, то како отъ него луча возсіяютъ"... и пр. (въ разсказѣ объ Агапитѣ, а нѣсколько строкъ ниже ссылка на житіе Антонія). Затѣмъ, нѣкоторыя изъ ссылокъ невольно поражаютъ своею странностію. Симонъ пишетъ Поликарпу (въ первой части): „Иларіона митрополита и самъ челъ еси въ житіи Антонія, яко отъ того постриженъ бысть и тако священства сподобленъ бысть". Чтобы Иларіонъ былъ постриженъ преп. Антоніемъ, это вовсе и рѣшительно невѣроятно. Во-первыхъ, лѣтопись совершенно ясно говоритъ, что Антоній пришелъ съ Аѳона не до постриженія Иларіона, а не по мнозѣхъ днехъ послѣ; во-вторыхъ, если допустить, что относительно немногихъ дней или небольшаго промежутка времени у лѣтописца могло произойти смѣшеніе и что Антоній пришолъ до постриженія Иларіона,—то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ минуту послѣдняго онъ былъ еще не прославленнымъ подвижникомъ, а совершенно безвѣстнымъ монахомъ, который переходилъ изъ монастыря въ монастырь, ища себѣ мѣста: съ какой же бы стати и какимъ образомъ онъ могъ постригать Иларіона? (Не говоримъ о томъ, что, не будучи пресвитеромъ, онъ и послѣ у себя самъ никого не постригалъ.—Житіе преп. Антонія, читаемое въ печатномъ Патерикѣ, принадлежитъ редакторамъ или составителямъ этого Патерика, т. е. относится къ XVII вѣку, а проложное житіе составлено до начала XV вѣка, — см. *преосв. Макарія* Исторіи т. VIII, стр. 30, прим. 35, на Москвѣ, ибо не было извѣстно въ Кіевѣ въ XVI вѣкѣ, см. *Бычкова* Описаніе сборниковъ Публичной Библіотеки, I, 143, № 38, отд. 17).

[1]) Въ первоначальной редакціи или въ своемъ собственномъ и первоначальномъ видѣ сказаніе напечатано въ Православн. Собесѣдникѣ 1858 г., ч. I. О позднѣйшихъ многихъ редакціяхъ см. *Ключевскаго* Древне-русскія житія святыхъ, стр. 3 sqq.

святыхъ оно могло быть, и тѣ изъ нихъ, которые не сознавали себя обладающими этимъ искусствомъ, пиша о святыхъ, о которыхъ имѣлись недостаточныя біографическія свѣдѣнія, и должны были ограничиваться только простой передачей этихъ свѣдѣній, не пытаясь создавать настоящихъ житій. Такимъ образомъ, рядомъ съ настоящими, по содержанію или по крайней мѣрѣ по формѣ, житіями, должны были явиться сказанія о святыхъ, представляющія собой только нѣкоторыя о нихъ записи. Къ этому роду не настоящихъ житій, а только записей, относится сказаніе о св. Леонтіи Ростовскомъ. Его содержаніе составляютъ: извѣстіе о мѣстѣ рожденія святаго, краткое упоминаніе о двухъ его предшественникахъ на каѳедрѣ Ростовской и затѣмъ разсказъ о чудѣ, посредствомъ котораго онъ обратилъ жителей Ростова въ христіанство. Приложенія къ сказанію составляютъ—извѣстіе объ открытіи мощей Леонтія и объ установленіи празднованія его памяти и разсказъ о совершившихся вскорѣ послѣ сего единовременно двухъ чудесахъ. Заключается оно краткимъ похвальнымъ словомъ святому, изъявляющимъ нѣкоторую претензію на ораторство, безъ котораго въ похвальныхъ словахъ уже совсѣмъ нельзя было обходиться, но показывающимъ въ авторѣ оратора именно лишь подневольнаго. О томъ, насколько можно придавать вѣры историческимъ извѣстіямъ сказанія, мы говорили много выше.

За сказаніемъ о св. Леонтіи по хронологическому порядку слѣдуетъ Патерикъ Печерскій [1]).

Патериками—πατερικόν, подразум. βιβλίον, по-русски — отечникъ, отечная книга, т. е. книга отцовъ или объ отцахъ, у Грековъ назывались въ области аскетической литературы собранія — или краткихъ, отличающихся особенною чудесностію, повѣстей о подвижникахъ какой-нибудь знаменитой иночествомъ мѣстности, или краткихъ аскетически - нравоучительныхъ словъ этихъ отцовъ или же того и другаго вмѣстѣ. Такъ, извѣстны Патерики Египетскіе (Азбучный и Скитскій), Іерусалимскій, Синайскій и другіе. Нашъ Патерикъ Печерскій, представляя собой подражаніе Патерикамъ греческимъ, явился собраніемъ перваго рода, именно — собраніемъ краткихъ, отличающихся чудесностію, повѣстей о подвижникахъ Печерскаго монастыря и о самомъ монастырѣ. Первое начало Патерику Печерскому положилъ нашъ пер-

[1]) Напечатанъ *В. Яковлевымъ* подъ названіемъ: Памятники Русской литературы XII и XIII вѣковъ, Спб. 1872. Русскій переводъ: Кіево-печерскій Патерикъ по древнимъ рукописямъ, въ переложеніи на современный Русскій языкъ, *Маріи Викторовой*. Кіевъ, 1870.

вый лѣтописецъ, о которомъ мы будемъ говорить немного ниже. Будучи монахомъ Печерскаго монастыря, онъ не могъ оставить, чтобы, передавая потомству дѣянія, такъ сказать, чужихъ, не увѣковѣчить славы своего роднаго мѣста. Разсказавъ подробно, во-первыхъ, подъ 1051 г. объ основаніи монастыря преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, и во-вторыхъ — подъ 1074 годомъ о смерти Ѳеодосія, лѣтописецъ присоединяетъ къ послѣднему изъ разсказовъ, на похвалу и на прославленіе монастыря, повѣсть о святомъ въ немъ жительствѣ при Ѳеодосіи и послѣ его смерти. Сказавъ, что совокупленные Ѳеодосіемъ и оставшіеся послѣ него черницы яко свѣтила въ Руси сіяли, что одни изъ нихъ упражнялись въ однихъ подвигахъ, другіе въ другихъ и что всѣ они представляли союзъ связуемаго крѣпкою и высокою любовію братства, лѣтописецъ за тѣмъ, какъ онъ говоритъ, намѣняетъ нѣколико мужъ чудныхъ, т. е. разсказываетъ какъ бы къ примѣру о нѣсколькихъ подвижникахъ Печерскихъ, еще при своей жизни прославившихся тѣмъ или другимъ даромъ чудотворенія.

Послѣ небольшаго начала, положеннаго лѣтописцемъ, дальнѣйшихъ повѣствованій о подвижникахъ и чудотворцахъ Печерскихъ не являлось въ продолженіе около ста съ четвертью лѣтъ. Наконецъ, въ первой половинѣ XIII вѣка почти заразъ написаны были два собранія повѣстей о нихъ, которыя и составили собственный Патерикъ Печерскій. Авторами этихъ собраній были — епископъ Владимирскій и Суздальскій Симонъ и монахъ Печерскаго монастыря Поликарпъ.

Симонъ, постриженникъ Печерскаго монастыря, взятый изъ него вел. кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ въ игумены основаннаго имъ во Владимирѣ Рождественскаго монастыря, вѣроятно, при самомъ основаніи сего послѣдняго въ 1197-мъ г., а во всякомъ случаѣ являющійся какъ таковой въ 1206-мъ г., былъ поставленъ первымъ епископомъ новооткрытой епархіи Владимирской, отдѣленной отъ Ростовской, по избранію сына и преемника Всеволодова Юрія, въ 1214-мъ году. Послѣ 12-ти лѣтняго правленія онъ скончался въ 1226-мъ году. Сказанія о подвижникахъ и о чудесахъ Печерскихъ, написанныя Симономъ, имѣютъ форму приложенія къ частному письму, именно — адресованному къ помянутому нами выше монаху Печерскому Поликарпу. Этотъ Поликарпъ, бывъ или любимымъ ученикомъ Симона по монашеству или, что гораздо вѣроятнѣе, его близкимъ родственникомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые никакъ не могутъ устроить себя и которымъ вездѣ не хорошо и не по себѣ. Пріѣхавъ изъ Печерскаго монастыря къ Симону во Владимиръ, Поликарпъ пожилъ у него нѣ-

которое время и снова возвратился назадъ. Сознавая себя не худшимъ другихъ людей, онъ стремился къ власти, чтобы, будучи начальникомъ, приносить болѣе пользы, но получая власть онъ раскаивался и находилъ, что лучше быть подчиненнымъ: дважды ему было доставляемо игуменское мѣсто и дважды онъ возвращался съ него въ Печерскій монастырь. Возвратившись въ послѣдній разъ, онъ все-таки не успокоился,—началъ представлять изъ себя критикующую власти и всѣмъ основательно или неосновательно недовольную оппозицію и вмѣстѣ воображать себя человѣкомъ не цѣнимымъ, преслѣдуемымъ и обижаемымъ. Свои претензіи, свое недовольство и свои обиды Поликарпъ высказалъ въ письмѣ къ Симону. Это письмо Поликарпа въ совокупности со всѣмъ его поведеніемъ заставило Симона написать ему строго обличительное и наставительное посланіе. И къ этому-то посланію, чтобы показать Поликарпу, какое избранно и исключительно святое мѣсто—Печерскій монастырь и чтобы убѣдить его къ неисходному пребыванію въ немъ, Симонъ и приложилъ рядъ сказаній о чудотворцахъ Печерскихъ и о чудесахъ, бывшихъ въ самомъ монастырѣ при построеніи его главной или великой церкви. Такова литературная форма, въ которой Симонъ обнародовалъ свое собраніе сказаній. Не можетъ не представляться она нѣсколько страпною и не совсѣмъ понятною. Несомнѣнно, что собраніе сказаній назначалось не для Поликарпа только въ видахъ его личнаго назиданія, а вообще для всѣхъ Русскихъ людей или имѣло назначеніе публичнаго сочиненія, и однако ему дается видъ приложенія къ частному письму. Что заставило Симона поступить такъ, положительно сказать не беремся. Можно съ вѣроятностію предполагать, что онъ стѣснялся обнародовать свое собраніе сказаній въ видѣ настоящаго или обыкновеннаго публичнаго сочиненія, опасаясь сомнѣній и невѣрія; придавая собранію сказаній форму произведенія, имѣющаго частное назначеніе, Симонъ давалъ невѣрующимъ тотъ отвѣтъ, что это писано не для нихъ. Какъ бы то ни было, но дѣло въ его теперешнемъ видѣ имѣетъ себя далеко не естественно. Рѣчь идетъ о знаменитыхъ подвижникахъ и чудотворцахъ Печерскаго монастыря. И Симонъ и Поликарпъ оба монахи этого монастыря. Если зналъ о подвижникахъ и чудотворцахъ одинъ, то, очевидно, долженъ былъ знать о нихъ и другой. А между тѣмъ одинъ представляется разсказывающимъ другому какъ невѣдомое то, что долженствовало быть для него вѣдомымъ и притомъ отсутствующій изъ монастыря разсказываетъ находящемуся въ немъ [1]).

---

[1]) Сказавъ кратко о священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ, Симонъ прибавляетъ: „Оставлю убо много глаголати, еже о святыхъ; аще ли не довлѣетъ

Есть и еще нѣчто не совсѣмъ естественное въ трудѣ Симона въ его настоящемъ видѣ, что также бросается въ глаза, хотя и не особенно рѣзко. Между письмомъ къ Поликарпу и приложеніемъ къ нему, состоящимъ изъ повѣстей или составляющимъ Патерикъ, нѣтъ полнаго соотвѣтствія. Въ письмѣ Симонъ обличаетъ Поликарпа за то-то и за то-то; повѣсти приложены, конечно, для того, чтобы подтвердить примѣрами все сказанное имъ самимъ. На самомъ же дѣлѣ онѣ служатъ не къ сему, а къ подтвержденію того, что вовсе не составляетъ главнаго предмета письма, такъ что въ приложеніи находимъ не то, чего слѣдовало бы ожидать по письму, и оно является не дѣйствительнымъ приложеніемъ, а вещью особою и самостоятельною, только облеченною въ несоотвѣтствующую форму.

Собраніе сказаній, написанныхъ Симономъ, состоитъ изъ девяти отдѣльныхъ разсказовъ о чудотворцахъ Печерскихъ и изъ пяти, составляющихъ одно цѣлое, частныхъ разсказовъ о чудесахъ, сопровождавшихъ построеніе главной Печерской церкви. Что касается до времени жизни лицъ и времени событій, о которыхъ разсказываетъ Симонъ, то въ двухъ случаяхъ онъ говоритъ какъ очевидецъ, въ двухъ передаетъ со словъ очевидцевъ, во всѣхъ же остальныхъ источникомъ его свѣдѣній должны быть считаемы сохранявшіяся въ Печерскомъ монастырѣ преданія [1]).

Собраніе Симона дополнилъ новымъ собраніемъ тотъ самый Поликарпъ, къ которому писалъ онъ, и который адресуетъ свой трудъ, какъ бы посланіе, тогдашнему архимандриту Печерскому—Акиндину. Сначала читается краткое вступленіе или введеніе, въ которомъ Поликарпъ говоритъ Акиндину, во-первыхъ,—объ источникѣ своихъ свѣдѣній, во-вторыхъ, о томъ, почему пишетъ ему вмѣсто того, чтобы раз-

ти моя бесѣда, иже (юже или еже) слыша отъ устъ моихъ, то ни самое писаніе на увѣреніе тя приведетъ, аще ли и симъ не вѣруеши, то аще кто и отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имѣши вѣры". Писано Поликарпу, но назначено, очевидно, не для него, ибо если бы въ немъ подозрѣвалось невѣріе, то оно было бы обличено выше—въ самомъ письмѣ и не мимоходомъ. Говоря объ Аѳанасіи затворникѣ, Симонъ уже прямо обращается ко всѣмъ невѣрующимъ и въ концѣ концовъ даетъ имъ тотъ отвѣтъ, который мы предположили, именно—что это писано не для нихъ. Приступая къ описанію чудесъ, бывшихъ при построеніи Печерской церкви, Симонъ уже совсѣмъ забываетъ, что пишетъ для Поликарпа, а не для всѣхъ, и озаглавливаетъ сказаніе: „Слово о създаніи церкви, (да) разумѣють *вси*, яко самого Господа промысломъ" и пр.

[1]) См. ниже.

сказывать устно, за тѣмъ слѣдуютъ самыя повѣсти, которыхъ у Поликарпа числомъ 11-ть.

Какъ Симонъ писалъ собственно не для Поликарпа, а для публики, и только нашолъ удобнѣйшимъ обнародовать свой трудъ въ формѣ собранія, назначеннаго для частнаго лица, такъ и Поликарпъ, конечно, писалъ собственно не для Акиндина, а для той же публики. Литературная форма, имъ избранная, должна быть признана еще болѣе неловкою, чѣмъ это у Симона. Если тамъ представляется дѣло такимъ образомъ, что изъ двухъ монаховъ одного и того же монастыря одинъ знаетъ о чудотворцахъ, въ немъ бывшихъ, а другой нѣтъ, то тамъ по крайней мѣрѣ старшій разсказываетъ младшему. Здѣсь напротивъ дѣло представляется такимъ образомъ, что младшій разсказываетъ старшему то, что̀ послѣдній долженъ былъ знать безъ него и лучше его. Какъ на источникъ своихъ свѣдѣній Поликарпъ ссылается во введеніи, вѣроятно, для приданія большаго авторитета своимъ словамъ въ глазахъ читателей, на епископа Симона; но на эту ссылку нельзя иначе смотрѣть, какъ на новую и также большую литературную неловкость. Еслибы это дѣйствительно было такъ, то, во-первыхъ, спрашивалось бы: почему самъ Симонъ не досказалъ того, что разсказываетъ Поликарпъ; во-вторыхъ и главное, тогда рождался бы вопросъ: какимъ образомъ о чудотворцахъ и чудесахъ Печерскихъ зналъ только Симонъ и никто болѣе? Наконецъ, Поликарпъ, придавая своему сочиненію странную форму посланія архимандриту собственнаго монастыря, сознавалъ необходимымъ отвѣтить на вопросъ: съ какой стати онъ пишетъ, а не повѣствуетъ устно, человѣку находящемуся съ нимъ въ одномъ мѣстѣ. На этотъ вопросъ онъ находится дать слѣдующій далеко не совсѣмъ естественный отвѣтъ, обращенный къ Акиндину: «ты спрашивалъ меня и велѣлъ разсказывать о дѣяніяхъ тѣхъ черноризцевъ. Но ты знаешь мою грубость и дурной обычай, что о чемъ бы ни была рѣчь, я всегда со страхомъ бесѣдую съ тобою. Какъ же могъ я ясно разсказывать сотворенныя ими чудеса? Кое-что изъ тѣхъ преславныхъ чудесъ я разсказалъ тебѣ, но гораздо больше забылъ отъ страха и разсказывалъ неразумно, стыдясь твоего благочестія». Поликарпъ придаетъ своему сочиненію форму частнаго письма, конечно, по той же причинѣ, что̀ и Симонъ; но странно, что онъ даетъ ему форму письма, адресованнаго къ собственному архимандриту, а не къ кому нибудь стороннему. Лица и событія всѣхъ 11-ти разсказовъ Поликарпа относятся къ такому отдаленному отъ него времени, что источникомъ всѣхъ должны быть считаемы устныя преданія Печерскаго монастыря.

Содержаніе всѣхъ разсказовъ и Симона и Поликарпа, какъ мы сказали выше, составляютъ чудеса, совершившіяся въ Печерскомъ монастырѣ. Отличительная черта наибольшей части чудесъ есть ихъ исключительность и великость или особенная необычайность. Самъ Симонъ, указывая на эту черту ихъ Поликарпу, спрашиваетъ его: «поистинѣ, братъ Поликарпъ, гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились во святомъ Печерскомъ монастырѣ?» Разсказавъ о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной церкви Печерской, Симонъ пишетъ: «прошли мы книги Ветхаго и Новаго Завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой».

Въ литературномъ отношеніи оба сочиненія и Симоново и Поликарпово сравнительно очень удовлетворительны. Симонъ въ своей вступительной части къ разсказамъ или въ своемъ собственномъ обличительномъ письмѣ къ Поликарпу даетъ видѣть въ себѣ не просто толковаго разскащика, но вообще писателя и оратора очень замѣчательнаго.

Величайшее сравнительно множество дошедшихъ до насъ списковъ Патерика Печерскаго несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ самою любимою четьею книгою нашихъ предковъ. На этомъ, кажется, основаніи многіе думаютъ, что онъ представляетъ собою книгу самую назидательную для ищущихъ назиданія людей. Но это послѣднее требуетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ пояснительныхъ рѣчей. Собственною цѣлію составителей Патерика, какъ они прямо и ясно даютъ знать, было то, чтобы увѣковѣчить въ потомствѣ память о великихъ чудесахъ, совершившихся въ Печерскомъ монастырѣ, и чтобы вмѣстѣ съ симъ показать, что Печерскій монастырь есть богоизбранное и святое мѣсто. Независимое отъ сей цѣли составителей и прямое, по отношенію къ читателямъ, назиданіе Патерика есть то, что руками великихъ подвижниковъ Богъ творитъ великія чудеса. Но если разумѣть назиданіе въ обыкновенномъ смыслѣ наставленія и руководства къ благочестивой христіанской жизни, то въ семъ смыслѣ и не для монаховъ только, которымъ естественно имѣть передъ глазами примѣръ подвижниковъ, а и для мірянъ, которые подвижниками быть не могутъ, Патерикъ не составляетъ книги ни исключительно, ни нарочито назидательной. Онъ во всѣ времена усердно читаемъ былъ, во-первыхъ—по причинѣ его высокаго духовнаго интереса, ибо если представляютъ интересъ чудеса сказочныя, то тѣмъ болѣе должны представлять его великія чудеса истинныя; во-вторыхъ потому, что великими чудесами Богъ благоволилъ ознаменовать святое мѣсто

у насъ на Руси и что такимъ образомъ онъ—Патерикъ, повѣствуя о сихъ чудесахъ, даетъ доказательства особеннаго Божія благоволенія именно къ нашей Руси.

Собственный Патерикъ Печерскій, по намѣренію писавшихъ, составляютъ собранія сказаній Симоново и Поликарпово. Но до насъ не сохранилось ни одной рукописи, въ которой Патерикъ являлся бы состоящимъ только изъ этихъ двухъ собраній; напротивъ, во всѣхъ дошедшихъ до насъ рукописяхъ онѣ являются съ большимъ или меньшимъ количествомъ статей дополнительныхъ, начиная съ близкихъ къ нимъ по содержанію и относящихся къ исторіи того же Печерскаго монастыря и его основателей (изъ лѣтописи объ основаніи монастыря, смерти Ѳеодосіевой и о первыхъ подвижникахъ, объ открытіи мощей Ѳеодосія, Несторово житіе Ѳеодосія и пр.) и кончая весьма не близкими къ нимъ и относящимися къ первоначальной и вообще древней исторіи нашей церкви и нашего государства. По этимъ добавочнымъ статьямъ, которыя въ однихъ спискахъ находятся въ одномъ, въ другихъ — другомъ количествѣ, послѣдніе раздѣляются на группы или на редакціи. Кромѣ того и самыя собранія Симона и Поликарпа не во всѣхъ спискахъ читаются въ одномъ и томъ же видѣ: состоя каждое изъ многихъ отдѣльныхъ повѣстей и кромѣ того первое—изъ трехъ отдѣльныхъ частей (самое посланіе къ Поликарпу, сказанія о чудотворцахъ Печерскихъ и сказанія о чудесахъ при построеніи Печерской церкви) онѣ представляли возможность перестановки и выпуска—то и другое отдѣльныхъ сказаній, а первое кромѣ того и частей, что и дѣйствительно было дѣлано. Всѣхъ редакцій, извѣстныхъ въ настоящее время, насчитывается довольно много, особенно если брать во вниманіе и частныя отличія. Древнѣйшія и важнѣйшія редакціи, получившія названія отъ древнѣйшихъ каждой списковъ суть: 1) Арсеньевская — отъ имени Тверскаго епископа Арсенія (святаго, почивающаго въ Жолтиковомъ монастырѣ), для котораго написанъ былъ Патерикъ въ Печерскомъ монастырѣ (мѣстѣ его постриженія и монашества) въ 1406-мъ году (древнѣйшій списокъ древнѣйшей редакціи, конечно, есть самый древній и изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ; въ настоящее время онъ въ Публичной Библіотекѣ, въ которую поступилъ отъ купца Берсенева, почему иначе называется Берсеневскимъ); 2) двѣ Касьяновскія — первая и вторая — отъ имени крылошанина и уставщика Печерскаго монастыря Кассіана, по приказанію или по рядѣ котораго были написаны въ Печерскомъ монастырѣ въ 1460-мъ и 1462-мъ гг. два списка Патерика, представляющіе двѣ особыя редакціи (такъ какъ первый списокъ 1460-го г. писанъ по приказанію Кассіана, но не для него самого, а для бывшаго намѣстника митрополичьяго въ Кіевѣ священноинока Акакія, то редакція называется иначе Акакіевской). Въ первой редакціи или Арсеньевской половина труда,

принадлежащая Симону, читается безъ своей первой части или безъ собственнаго обличительнаго посланія къ Поликарпу, такъ что собраніе сказаній имѣетъ видъ не приложенія къ письму, а самостоятельнаго цѣлаго; въ обѣихъ вторыхъ редакціяхъ трудъ Симона читается въ полномъ видѣ, но съ отдѣленіемъ въ особое цѣлое третьей части, которая поставлена первою и раздѣлена съ остальными двумя частями значительнымъ промежуткомъ вставочныхъ статей. Объ остальныхъ редакціяхъ желающій можетъ читать въ статьѣ *преосв. Макарія*: Обзоръ редакцій Кіевопечерскаго Патерика, помѣщенной въ Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности II Отд. Акад. Наукъ 1856—57 г.; а для обстоятельнаго знакомства вообще съ редакціями долженъ еще присоединить статью *Кубарева*: О Патерикѣ Печерскомъ, съ добавочною къ ней: Описаніе харатейнаго списка Патерика Печерскаго, въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. 1847-го г. № 9, и другую—О редакціяхъ Патерика Печерскаго вообще, ibid. 1858 г. кн. 3.

Представляемъ краткій обзоръ собраній Симона и Поликарпа.

Первое, какъ мы сказали, состоитъ изъ трехъ частей: обличительнаго письма къ Поликарпу, сказаній о подвижникахъ Печерскихъ и сказаній о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной Печерской церкви. Оставляя первую часть, содержаніе которой мы передали, начнемъ прямо со второй. Она состоитъ изъ сказаній:

1) Объ Онисифорѣ пресвитерѣ и недостойномъ мнихѣ. У Онисифора былъ одинъ духовный сынъ и другъ изъ числа монаховъ, который по наружности являлся подражателемъ святаго, казался цѣломудреннымъ и постникомъ, но втайнѣ ѣлъ и пилъ и жилъ скверно, что̀ утаилось отъ его духовнаго отца. Въ одинъ день онъ внезапно умеръ и отъ тѣла его пошелъ такой смрадъ, что никто не могъ терпѣть. Хотѣли было выбросить его вонъ изъ пещеры, гдѣ онъ былъ съ трудомъ погребенъ, но по молитвѣ святаго, которому было открыто въ видѣніи о причинѣ смрада, послѣдній пропалъ и явившійся преп. Антоній сказалъ Онисифору: „смиловался я надъ душой этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего: я обѣщался вамъ, что всякій, положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ,.. никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку“...

2) Объ Евстратіи постникѣ. Взятый въ плѣнъ Половцами (при одномъ изъ нападеній ихъ на Кіевъ и Печерскій монастырь), онъ проданъ былъ одному Корсунскому жиду. Послѣ многихъ истязаній и мученій, жидъ распялъ его для поруганія на крестѣ, на которомъ онъ оставался живымъ въ продолженіе 15-ти дней. Смерть его, послѣдовавшая отъ произенія копьемъ, сопровождалась чудесами, а его мучителя и всѣхъ жидовъ Корсунскихъ постигъ тяжкій небесный гнѣвъ [1]).

---

[1]) Симонъ говоритъ, что Евстратій зовется въ поминаніи или сѵнодикѣ Печерскомъ протостраторомъ; но что сіе значитъ, остается для насъ неяснымъ (Слова πρωτοστράτωρ въ греческомъ языкѣ нѣтъ; можетъ быть, нужно: протостаторъ—

3) О Никонѣ многотерпѣливомъ и сухомъ. Бывъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Евстратіемъ, онъ не хотѣлъ, чтобы его выкупили, какъ то готовы были сдѣлать родственники и сторонніе, а желалъ терпѣть для Господа. За это Половцы мучили его безъ всякой милости. Наконецъ послѣ трехлѣтнихъ страданій онъ невидимо былъ освобожденъ изъ плѣна и невидимо перенесенъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ послѣ того долго оставался въ живыхъ, весь изсохшій и сгнившій отъ ранъ, полученныхъ въ плѣну.

4) О священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ. Первый, крестивъ Вятичей, много перенесъ мученій отъ невѣрныхъ и наконецъ былъ убитъ ими съ своимъ ученикомъ. Второй, прозрѣвшій свою смерть за два года, возвѣстилъ въ монастырѣ объ убіеніи Кукши въ часъ сего послѣдняго и умеръ въ одинъ съ нимъ день.

5) Объ Аѳанасіи затворникѣ. Скончавшись послѣ продолжительной болѣзни, по небрежію онъ не былъ погребенъ въ самый день смерти (какъ это дѣлалось въ то время); когда на другой день пришли хоронить его, онъ оказался живымъ, ибо воскресъ изъ мертвыхъ. Преподавъ братіи, по ея усиленной просьбѣ, нѣсколько наставленій и между ними главное— молиться, чтобы окончить жизнь въ монастырѣ и сподобиться погребенія въ пещерѣ со святыми отцами, онъ заключился въ безвыходный и безмолвный затворъ, въ которомъ пробылъ послѣ того 12 лѣтъ. Когда онъ умеръ во второй разъ, то при тѣлѣ его совершилось чудо исцѣленія отъ болѣзни (О послѣднемъ чудѣ слышано отъ самого исцѣленнаго).

6) О преподобномъ Святошѣ, князѣ Черниговскомъ. Святоша, что̀ есть уменьшительное отъ Святославъ, былъ сынъ Давида и внукъ Святослава Черниговскихъ и правнукъ Ярослава Великаго; онъ былъ между князьями первый добровольно постригшійся въ монахи и единственный постригшійся не передъ смертію, а еще задолго до нея съ цѣлію быть настоящимъ монахомъ. Принявъ монашество, съ именемъ Николая, въ Печерскомъ монастырѣ въ 1107-мъ г., онъ неисходно прожилъ въ немъ 36 лѣтъ, прошолъ должности повара и вратаря и все время монашества провёлъ въ вольной убогой нищетѣ и въ подвигахъ поста, за что удостоился дара прозрѣнія и чудотвореній.

7) О черноризцѣ Еразмѣ. Пришедъ въ монастырь съ большимъ богатствомъ, онъ все употребилъ его на окованіе иконъ монастырской великой церкви. Истративъ все и дошедъ до нищеты, онъ вмѣсто ожидаемыхъ почестей, какъ ничего не имущій, началъ быть пребрегаемъ отъ братій; по внушенію діавола сталъ онъ отчаяваться, что не получитъ и вѣчной награды за истраченное богатство, потому что употребилъ его на

πρωτοστάτωρ вмѣсто πρωτοστάτης, что̀ значитъ первостоящій, верховенствующій, предводительствующій, а въ приложеніи къ Евстратію могло быть употреблено въ смыслѣ первоподвижника).

церковь, а не на милостыню роздалъ; вслѣдствіе сего началъ нерадѣть о житіи своемъ и приводить дни свои во всякомъ небреженіи и безчинствѣ. Но постигнутый тяжкою болѣзнію онъ удостоился видѣнія преподобныхъ Антонія и Θеодосія съ Божіею Матерью, изъ которыхъ двое первыхъ сказали ему, что по ихъ молитвѣ Господь даетъ ему время покаяться, а вторая сказала: за то, что ты украсилъ церковь Мою и иконами возвеличилъ ее, и Я тебя прославлю въ царствѣ Сына Моего. Послѣ сего онъ исповѣдалъ предъ всѣми грѣхи свои, принялъ схиму и на 3-й день скончался съ миромъ (Слышанное отъ очевидцевъ).

8) О черноризцѣ Ареѳѣ. Имѣвъ большое богатство, онъ былъ чрезвычайно скупъ, такъ что и самого себя морилъ голодомъ. Въ одну ночь воры покрали все его богатство, отъ чего онъ впалъ въ великое отчаяніе, не хотѣвъ слышать никакихъ увѣщаній и утѣшеній братіи. Но Господь, который хочетъ всѣхъ спасти, вразумилъ его посредствомъ видѣнія пришедшихъ къ нему ангеловъ и дьяволовъ. Послѣ этого онъ покаялся, а пропавшее серебро было вписано ангелами въ милостыню (разсказываетъ какъ очевидецъ).

9) О Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ. Титъ и Евагрій сначала были великими друзьями, а потомъ, по враждѣ діавола, стали ожесточенными врагами. Когда первый однажды разболѣлся и, бывъ при смерти, захотѣлъ примириться со вторымъ, то братія никакъ не могли заставить сдѣлать это Евагрія, который сказалъ: никогда не хочу примириться съ нимъ ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. За это невидимо пораженъ былъ отъ ангела внезапною и страшною смертію (разсказываетъ какъ очевидецъ).

Третья часть, о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной Печерской церкви:

1) О Шимонѣ князѣ Варяжскомъ. Якунъ слѣпой, князь Варяжскій, помогавшій Ярославу противъ Святополка, послѣ смерти брата своего Африкана, изгналъ двухъ его сыновей изъ ихъ областей. Одинъ изъ двоихъ изгнанныхъ, по имени Шимонъ, пришолъ служить къ Ярославу, который имѣлъ его въ чести и сдѣлалъ старшимъ бояриномъ у сына своего Всеволода. Этотъ Шимонъ началъ имѣть особую любовь къ монастырю Печерскому по тому случаю, что когда въ 1066-мъ г. сыновья Ярославовы Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, отправляясь въ походъ на Половцевъ, пришли къ Антонію для молитвы и благословенія, то старецъ предрекъ имъ пораженіе, а Шимону, который былъ вмѣстѣ съ князьями, предрекъ язвы, но и спасеніе и погребеніе послѣ мирной смерти въ своемъ монастырѣ, и что согласно съ симъ пророчествомъ Шимонъ, бывъ раненъ, чудесно былъ избавленъ отъ опасности плѣна и вмѣстѣ исцѣленъ отъ ранъ. Послѣ этого случая Шимонъ, пришедъ къ Θеодосію, разсказалъ ему, что отецъ его Африканъ устроилъ крестъ, на который возложилъ золотой вѣнецъ и золотой поясъ, что, когда онъ—Шимонъ, сбираясь бѣжать, взялъ вѣнецъ и поясъ, то къ нему былъ небесный гласъ: никогда не возлагай

вѣнца на свою голову, а неси его на уготованное ему мѣсто, гдѣ строится церковь Матери Моея преподобными и отдай имъ въ руки, чтобы повѣсили надъ моимъ жертвенникомъ,—что, плывя по морю во время великой бури, онъ видѣлъ съ спутниками на небѣ церковь и слышалъ о ней, что эта есть та церковь, которая имѣетъ быть построена преподобными, и что ему дана была мѣра той церкви, измѣренная поясомъ со креста, который онъ несъ съ собой. До сихъ поръ, заключилъ Шимонъ свой разсказъ, я не зналъ, гдѣ будетъ построена видѣнная мною церковь, а теперь изъ твоихъ словъ, что буду положенъ здѣсь, въ имѣющей быть созданною церкви, я сіе узналъ. Съ этими словами Шимонъ, переименованный отъ преподобнаго въ Симона, вручилъ ему вѣнецъ и поясъ. Далѣе разсказывается, какъ этотъ Симонъ, пришедъ къ преп. Ѳеодосію, испросилъ у него, во увѣреніе того, что онъ молится за него и за родъ его такъ же, какъ о своихъ черницахъ, писанную молитву, о чемъ говорили мы выше. А затѣмъ прибавочная повѣсть, какъ сынъ этого Симона, Георгій въ правленіе Юрія Долгорукаго оковалъ гробъ преп. Ѳеодосія, каковое дѣло ознаменовалось чудомъ надъ невѣрнымъ подручникомъ Георгія, на котораго онъ возложилъ его исполненіе [1]).

2) О зодчихъ [2]) и

3) о живописцахъ. И тѣ и другіе чудесно были присланы изъ Константинополя,—первые при жизни Антонія и Ѳеодосія Божіей Матерію, приславшею и намѣстную икону для церкви, вторые самими, уже преставившимися, Антоніемъ и Ѳеодосіемъ.

4 5) Объ Іоаннѣ и Сергіи. Въ Кіевѣ были два человѣка отъ великихъ града Іоаннъ и Сергій, которые вступили въ духовное братство предъ чудной иконой Божіей Матери, присланной въ монастырь ею самой. Спустя много лѣтъ Іоаннъ, разболѣвшись и готовясь умереть, призвалъ Сергія и вручилъ ему на храненіе деньги, которыя оставлялъ пятилѣтнему сыну въ наслѣдство. Достигнувъ 15-ти лѣтняго возраста, этотъ сынъ Іоанна по-

---

[1]) Въ этой послѣдней повѣсти у Симона хромаетъ хронологія, cfr Ипатскую лѣтопись подъ 1130 г.

[2]) Пришедшими зодчими церковь была основана въ 1073 г. при вел. кн. Святославѣ, который согналъ со престола старшаго брата Изяслава въ томъ же году 22 Марта. Въ разсказѣ о зодчихъ у Симона странное противорѣчіе: сначала онъ говоритъ, что они пришли при жизни Антонія и Ѳеодосія; а потомъ (въ разсказѣ о живописцахъ), что они пришли, когда изгнанъ былъ изъ монастыря Стефанъ, т. е. много послѣ. Не совсѣмъ объяснимо и то, что по лѣтописи церковь, заложенная въ 1073 г., окончена 11 Іюня 1075 г., а по Симону зодчіе оставались въ монастырѣ въ продолженіе 10 лѣтъ послѣ смерти Ѳеодосія (1074 г.), когда пришли живописцы (въ разсказѣ о послѣднихъ Симонъ не говоритъ, чтобы тотчасъ по окончаніи работы они постриглись въ монахи и оставались въ монастырѣ въ качествѣ таковыхъ). Въ повѣствованіи о заложеніи церкви Симонъ ссылается на житіе Антонія, говоря, что въ немъ найдешь это пространнѣе.

желалъ получить отъ Сергія свое имѣніе, но тотъ заперся и не хотѣлъ отдавать. Тогда призванная во свидѣтельницы икона Божіей Матери, предъ которою заключено было духовное братство, обличила и жестоко наказала Сергія и вмѣстѣ удвоила находившіяся у него на храненіи деньги.

6) О святой трапезѣ. Когда церковь была совсѣмъ готова, долго искали мастера, который бы сдѣлалъ каменную доску для св. престола, и, не нашедши, рѣшили приготовить доску деревянную. Но митрополитъ тогдашній Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы въ такой великой церкви была на престолѣ деревянная доска. Игуменъ былъ въ великой печали. Но когда накапунѣ назначеннаго дня освященія пришли въ церковь пѣть вечерню, то у алтарной преграды нашли каменную доску. На освященіе церкви собралось нѣсколько епископовъ, которые никѣмъ не были званы, а явились по чудесному званію.

Въ собраніи Поликарпа, послѣ краткаго вступленія, которое мы передали выше, содержатся повѣсти:

1) О Никитѣ затворникѣ, послѣ епископѣ Новгородскомъ. Этотъ Никита, желая пріобрѣсти славу у людей, несмотря на запрещенія и увѣщанія игумена, удалился въ затворъ. Но скоро, какъ предрекалъ игуменъ, онъ прельщенъ былъ бѣсомъ, который являлся ему въ образѣ ангела и при помощи котораго онъ дѣйствительно прославился у людей. Наконецъ, изъ его отвращенія къ книгамъ Новаго Завѣта, которыхъ онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, ни читать, было познано, что онъ прельщенъ отъ врага. Святые отцы, собравшись къ прельщенному и помолившись надъ нимъ, прогнали отъ него бѣса. Послѣ этого, вышедъ изъ затвора, Никита предалъ себя на воздержаніе, послушаніе и смиренное житіе.

2) О Лаврентіи затворникѣ. Желая пойти въ затворъ и не получивъ на это дозволенія въ Печерскомъ монастырѣ, удалился въ монастырь Димитріевскій. За крѣпкое житіе удостоился дара исцѣленій. Однажды онъ не могъ выгнать бѣса изъ приведеннаго бѣсноватаго и послалъ послѣдняго въ Печерскій монастырь. При этомъ бѣсъ засвидѣтельствовалъ, что въ Печерскомъ монастырѣ есть 30 иноковъ, которые могутъ изгнать его однимъ словомъ.

3) О св. Агапитѣ, безмездномъ врачѣ. Исцѣлялъ больныхъ молитвою и зеліемъ, которое вкушалъ. Между другими исцѣлилъ Владимира Всеволодовича Мономаха. Посрамилъ бывшаго въ то время въ Кіевѣ врача, родомъ изъ Армянъ, и наконецъ расположилъ его перейти въ православіе и принять монашество въ Печерскомъ монастырѣ.

4) О св. Григоріи чудотворцѣ. Прилежа къ молитвѣ, получилъ побѣду на бѣсовъ. По наученію бѣсовъ обокраденный ворами, чудеснымъ образомъ наказалъ послѣднихъ. Смерть принялъ отъ руки одного разгнѣваннаго князя, который приказалъ бросить его въ Днѣпръ, при чемъ мерт-

вый съ камнемъ на шеѣ, съ которымъ былъ брошенъ, очутился въ своей кельѣ.

5) Объ Іоаннѣ затворникѣ. Тридцать лѣтъ провелъ въ тѣсномъ затворѣ въ пещерѣ, подвизаясь главнымъ образомъ противъ страсти плотской. Наконецъ получилъ даръ утолять ее и у другихъ.

6) О Моусеѣ Угринѣ. Былъ родной братъ того Георгія Угрина, который палъ защищая св. Бориса. Уведенный въ плѣнъ Болеславомъ Польскимъ, уязвилъ тамъ своей красотой сердце одной богатой вдовы, которая, долго и напрасно пытавшись склонить его на свою похоть, предала его жестокимъ мученіямъ. Наконецъ, избавившись отъ вдовы, потерпѣвшей Божію казнь, пришелъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ силою Божіей врачевалъ недугъ плотской страсти [1]).

7) О Прохорѣ Лебедникѣ. Питался одной лебедой, не вкушая ничего болѣе. Во время голода питалъ неимущихъ хлѣбами изъ этой лебеды которые казались получавшимъ ихъ отъ Прохора настоящими и вкусными хлѣбами. Одинъ разъ, когда по случаю войны не было подвоза соли, для раздачи бѣднымъ превращалъ въ соль пепелъ. Обратилъ на путь покаянія вел. кн. Святополка Изяславича.

8) О преп. Маркѣ Печерникѣ. Жилъ въ пещерѣ и занимался тѣмъ, что копалъ могилы въ пещерѣ для умирающихъ и на своихъ плечахъ выносилъ землю. За свою богоугодную жизнь сподобился такого дара чудотвореній, что его голоса слушались мертвые.

9) О Ѳеодорѣ и Василіи. Ѳеодоръ передъ поступленіемъ въ монашество раздалъ все свое богатство нищимъ, но въ монастырѣ началъ раскаиваться и подвергся искушенію отъ демона сребролюбія. Василій былъ орудіемъ его исцѣленія отъ болѣзни душевной. Оба они пострадали отъ одного, не совсѣмъ ясно — какимъ образомъ имѣвшаго въ Кіевѣ власть, князя, бывъ оклеветаны къ послѣднему демономъ.

10) О Спиридонѣ просфорникѣ и Алимпіи иконописцѣ. Тотъ и другой обладали даромъ чудотвореній.

11) О многострадательномъ Пиминѣ. Родившись и выросши въ болѣзни, онъ желалъ постричься въ монахи; но родители, надѣясь на его выздоровленіе, не дозволяли ему этого. Принесенный для исцѣленія въ Печерскій монастырь, онъ постриженъ былъ въ одну ночь ангелами. Пролежавъ много лѣтъ въ болѣзни, сотворилъ многія и великія чудеса.

Существующій съ давняго времени печатный Патерикъ Печерскій не представляетъ собою напечатаннаго собранія древнихъ сказаній въ ихъ

---

[1]) Этотъ разсказъ о Моусеѣ Угринѣ приводитъ насъ въ весьма большое недоумѣніе. Моусей могъ быть взятъ въ плѣнъ Болеславомъ въ 1018 г. и возвратиться изъ плѣна молодымъ человѣкомъ въ продолженіе лѣтъ десяти-пятнадцати слѣдующихъ. Между тѣмъ Печерскій монастырь основанъ послѣ 1051 г., такъ что Моусей могъ бы придти въ него только уже въ старости, отдѣляемый отъ случившагося съ нимъ искушенія въ плѣну цѣлыми десятками лѣтъ.

подлинномъ видѣ, но есть позднѣйшая изъ нихъ и на основаніи ихъ компиляція или обработка, по достоинству своему далеко неудовлетворительная. Собственнымъ ея составителемъ былъ Сильвестръ Коссовъ, епископъ Мстиславскій и Могилевскій (1635—1647), потомъ митрополитъ Кіевскій († 1657), который напечаталъ свой трудъ на Польскомъ языкѣ въ 1635 г. подъ заглавіемъ: Paterikon abo Żywoty s.s. oycòw Pieczarskich (w Kioiwie, w drucarni Lawry Pieczarskiey). Но монахи Печерскіе, рѣшивъ издать этотъ Патериконъ на Русскомъ языкѣ, подвергли его своей собственной передѣлкѣ, причемъ не только нѣсколько измѣнили его, но и нѣсколько ухудшили [1]). Въ первый разъ они напечатали свою новую редакцію въ 1661 г., въ архимандритство Иннокентія Гизіеля или Гизеля, подъ заглавіемъ: Патерикъ или отечникъ Печерскій, содержащъ житія святыхъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, просіявшихъ въ пещерахъ и пр. и пр. Послѣ предисловія къ читателю православному, содержащаго отвѣты противу хуленіямъ на святыхъ Печерскихъ, Патерикъ раздѣляется на три части: въ первой житія Антонія и Ѳеодосія (второе—Несторово), сказанія о построеніи церкви (изъ Симона), житія игуменовъ Стефана, Никона и Варлаама, житія препп. Ефрема евнуха епископа Переяславскаго и Исаіи епископа Ростовскаго и изъ лѣтописи житія препп. Даміана, Іереміи, Матѳея и Исакія; во второй сказанія Поликарповы съ присоединеніемъ на концѣ — ихъ начала или вступительнаго обращенія Поликарпа къ Акиндину; въ третьей сказанія Симоновы съ присоединеніемъ на концѣ житія Нифонта епископа Новгородскаго, первой или обличительной части посланія Симона къ Поликарпу и житій писателей Патерика — Нестора лѣтописца, епископа Симона и монаха Поликарпа, котораго составители принимаютъ за одно лицо съ архимандритомъ Поликарпомъ, умершимъ въ 1182 г.

Со всею вѣроятностію должно быть относимо къ періоду домонгольскому житіе преп. Евфросиніи Полоцкой, которая подвизалась подвигомъ монашества, съ построеніемъ близъ Полоцка двухъ монастырей — женскаго и мужскаго, во второй и третьей четвертяхъ XII вѣка и скончалась въ 1173 г. Литературная обработка житія въ томъ его видѣ, какъ оно извѣстно теперь, принадлежитъ позднѣйшему времени, но содержаніе житія своей фактической стороной, т. е. сообщаемыми имъ свѣдѣніями, даетъ видѣть въ его авторѣ непосредственнаго или по крайней мѣрѣ весьма близкаго современника. О литературномъ достоинствѣ житія мы ничего не можемъ сказать по сейчасъ указанной нами причинѣ (т. е. что теперешняя литературная обработка есть позднѣйшая); что касается до содержанія, то въ отношеніи къ этому послѣднему житіе достаточно полно,

---

[1]) Объ отношеніи Русскаго Патерика къ Польскому Патерикону Коссова см. въ статьѣ *Пекарскаго:* Представители Кіевской учености, въ Отеч. Зап. т. CXLI стр. 373 (также въ Описаніи Кіевопечерской Лавры *митр. Евгенія* гл. XVII).

излагая жизнь Евфросиніи въ непрерывной послѣдовательности отъ начала до конца и какъ будто не имѣя важныхъ пропусковъ [1]).

Послѣднее сочиненіе изъ періода до-монгольскаго, относящееся къ настоящему отдѣлу частной правоучительной исторіографіи, есть житіе преп. Авраамія Смоленскаго [2]), который подвизался въ концѣ XII—началѣ XIII вѣка. Бывъ написано личнымъ ученикомъ преподобнаго монахомъ Ефремомъ, житіе представляетъ собой не краткую запись, подобную сказанію о св. Леонтіи Ростовскомъ, а настоящее полное и подробное житіе, подобное Несторову житію преп. Ѳеодосія и анонимову житію преп. Евфросиніи, такъ что послѣ двухъ настоящихъ житій Нестора и одного анонимова оно есть за періодъ до-монгольскій таковое же четвертое. Преп. Авраамій не принадлежалъ къ числу отцовъ нашего монашества подобно Ѳеодосію и вообще не былъ въ его исторіи изъ числа, такъ сказать, свѣтилъ и представителей рѣшительно выдающихся, но тѣмъ не менѣе онъ представлялъ собою человѣка замѣчательнаго и очень интереснаго по отношенію къ исторіи не монашества, а церкви вообще и именно церковной жизни. Онъ началъ съ своеобразнаго подвижничества — юродства, а потомъ посвятилъ себя той дѣятельности народнаго учителя въ качествѣ учительнаго монаха, готоваго къ услугамъ всѣхъ, желающихъ духовныхъ бесѣдъ, о которой мы говорили нѣсколько выше. Къ величайшему сожалѣнію, нашъ авторъ вовсе не изображаетъ преп. Авраамія ни въ подвигахъ юродства, ни въ дѣятельности учителя съ такою достаточностію, чтобы могли мы остаться изображеніемъ болѣе или менѣе довольными. Что Авраамій началъ съ юродства, объ этомъ безъ всякихъ распространеній онъ только сообщаетъ; о дѣятельности какъ учителя онъ, правда, нарочито говоритъ и даже не только нарочито говоритъ, но какъ будто именно ей по преимуществу посвящаетъ всѣ свои рѣчи: однако въ концѣ концовъ выходитъ то, что̀ послѣ многихъ словъ совсѣмъ нѣтъ изображенія этой дѣятельности. Впрочемъ, мы

---

[1]) До митр. Макарія житія Евфросиніи не встрѣчается въ рукописяхъ, вѣроятно, потому, что для Московской Руси, рукописями которой мы обладаемъ, Евфросинія была, такъ сказать, чужая. Митр. Макарій помѣстилъ житіе въ своихъ Четь-Минеяхъ (подъ 23 Мая), и можно думать, что при этомъ оно и получило свою нынѣшнюю литературную обработку. Кромѣ Четь-Миней Макарія житіе помѣщено еще въ его Степенной Книгѣ,—I, 269. Въ новѣйшее время напечатано въ Памятникахъ *Кушелева - Безбородко*, — IV, 172 (по Троицкой лаврской рукописи XVII, а не XVI вѣка).

[2]) Напечатано въ Православн. Собесѣдникѣ 1858 г., въ ч. 3-й.

должны быть весьма благодарны нашему автору и за то, что̀ онъ по своей силѣ сдѣлалъ; если онъ не описалъ намъ замѣчательнаго въ жизни Авраамія, то по крайней мѣрѣ указалъ, а и это уже важно.

Какъ писатель, Ефремъ значительно ниже Нестора, котораго онъ имѣлъ предъ глазами, которому очевидно силился подражать и котораго отчасти списываетъ. Такъ какъ жизнь преп. Авраамія была не богата внѣшними событіями, о которыхъ можно было бы разсказывать, а изображеніе его въ неподвижной внѣшней дѣятельности учителя было для автора не по силамъ, то онъ подвергался опасности быть слишкомъ краткимъ. Чтобы достигнуть относительно объема житія приличныхъ размѣровъ, онъ прибѣгаетъ къ отступленіямъ, вдаваться въ которыя онъ пользуется всякимъ случаемъ и которыя, долженствуя быть ораторскими по его намѣренію, не совсѣмъ могутъ быть признаны таковыми на самомъ дѣлѣ. Отъ мучительнаго для всѣхъ писателей житій труда составлять приступъ нашъ авторъ благоразумно избавляетъ себя тѣмъ, что списываетъ его у Нестора, одну половину взявъ изъ житія Бориса и Глѣба, а другую изъ житія Ѳеодосіева, причемъ однако у него случилась та бѣда, что одна половина приступа (первая, взятая изъ житія Бориса и Глѣба) вышла совсѣмъ не идущею къ дѣлу (Относительно свѣдѣній, которыя сообщаетъ авторъ о родителяхъ и особенныхъ обстоятельствахъ рожденія преп. Авраамія, ничего не можемъ сказать; но что касается до того, что въ 8-й день по рожденіи онъ принесенъ въ церковь для нареченія имени, а въ 40-й день крещенъ, и потомъ далѣе о дѣтствѣ, то тутъ общія, такъ сказать, мѣста изъ формуляра всѣхъ святыхъ, которыя авторъ буквально списываетъ у Нестора).

Къ настоящему отдѣлу должны быть отнесены принадлежащія неизвѣстнымъ авторамъ: 1) сказаніе о перенесеніи мощей Николая Чудотворца изъ Миръ Ликійскихъ въ Баръ градъ, 2) повѣствованія или записи о нѣсколькихъ чудесахъ того же святаго.

Сказаніе о перенесеніи мощей [1]), написанное весьма близкимъ со-

---

[1]) *Нач.* „Присно убо должни есмы, братіе, праздники Божія творяще въ честь держати“...; по двумъ рукописямъ XVI вѣка дважды напечатано *преосв. Макаріемъ*: въ I томѣ Матеріаловъ для исторіи русск. церкви, издававшихся при Харьковскомъ „Духовномъ Вѣстникѣ“, и во II томѣ Исторіи русской церкви (приложеній № 7, 2 изд. стр. 343), и въ третій разъ по двумъ же рукописямъ,—XIV и XVI вв., г. *Шляпкинымъ* въ Памятникахъ древней письменности, издаваемыхъ Обществомъ любителей древней письменности, № X (XIX), 1881 (съ ученымъ введеніемъ, подъ заглавіемъ: „Русское поученіе XI вѣка о перенесеніи мощей Николая Чудотворца и его отношеніе къ западнымъ источникамъ“).

временникомъ событія, имѣвшаго мѣсто въ 1087 г., представляетъ нѣкоторую загадку. Неизвѣстный русскій авторъ или составитель его, во-первыхъ, имѣлъ подъ руками одно изъ латинскихъ, написанныхъ въ самомъ Барѣ, сказаній о перенесеніи мощей, — во-вторыхъ, пользовался устными разсказами кого-то неизвѣстнаго, который самолично былъ въ Барѣ и который дополнилъ его свѣдѣнія противъ бывшаго у него подъ руками латинскаго сказанія [1]): какимъ образомъ то и другое могло случиться? Возможны два предположенія. Во-первыхъ, что латинское сказаніе доставилъ въ Кіевъ и лишнія противъ него свѣдѣнія сообщилъ кто-либо изъ итальянскихъ купцовъ, которые въ періодъ до-монгольскій несомнѣнно торговали въ Россіи или по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ; главнымъ образомъ торговали Венеціанцы (Венедицы), но такъ какъ и Баръ градъ или Бари принадлежалъ къ числу торговыхъ городовъ, то могли торговать купцы и изъ этого послѣдняго или изъ него самаго. Второе предположеніе есть то, что сказаніе принесъ и лишнія противъ него свѣдѣнія сообщилъ одинъ ходившій тогда въ Италію Кіевскій посолъ. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1091 г. читаемъ, что „того же лѣта приде Ѳедоръ, Грекъ митрополичь, отъ папы изъ Рима и принесе много мощей святыхъ". Этотъ Ѳеодоръ, нѣтъ сомнѣнія, былъ посланъ митрополитомъ Іоанномъ 2-мъ къ папѣ или антипапѣ Клименту III съ его извѣстнымъ отвѣтнымъ посланіемъ на посланіе сего послѣдняго. Бывъ у Климента въ Римѣ или въ другомъ мѣстѣ [2]), Ѳеодоръ могъ пройти отъ него и въ Баръ къ мощамъ Николая Чудотворца, слава о совершавшихся при которыхъ чудотвореніяхъ разнеслась по всей Италіи и желаніе видѣть которыя весьма естественно

---

[1]) Латинскихъ сказаній въ Барѣ тотчасъ послѣ перенесенія мощей написано было два — архидіакономъ Іоанномъ по приказанію архіепископа Барскаго Урсона,—напечатано у *Сурія* въ De probatis Ss. vitis подъ 9 Мая и у *Анжело Майо* въ Spicilegium Romanum, IV, 324, и клирикомъ Никифоромъ по просьбѣ Барскихъ гражданскихъ властей,—русскій переводъ въ Трудахъ Кіевской Д. Академіи, 1870 г. т. 2, стр. 401 sqq. Составитель Русскаго сказанія имѣлъ у себя подъ руками сказаніе Никифора (или же, имѣвъ ихъ оба, пользовался послѣднимъ). Лишнее у него противъ Никифора, о чемъ онъ могъ узнать изъ устныхъ чьихъ-либо разсказовъ (или еще изъ третьяго письменнаго сказанія намъ неизвѣстнаго), — о построеніи Барянами церкви въ честь св. Николая: Никифоръ только упоминаетъ о построеніи этой церкви, но не разсказываетъ съ подробностями, какъ мы читаемъ у нашего сказателя. Что онъ пользовался устными разсказами, видно и изъ того, что по нему Баръ градъ есть городъ Мурманскій, нѣмечьскія области, чего онъ не читалъ въ сказаніи и что значитъ, что Бари подпалъ тогда со всею Апуліею подъ власть Норманновъ.

[2]) Владѣлъ ли Климентъ Римомъ и находился ли въ немъ во время бытности у него Ѳеодора, не знаемъ; если онъ находился не въ Римѣ, то долженъ былъ находиться въ Равеннѣ, изъ архіепископовъ которой поставленъ былъ въ папы.

было ему имѣть [1]). Самую исторію перенесенія мощей, о чемъ повѣствуется въ сказаніи, мы передадимъ послѣ, когда будемъ говорить объ установленіи у насъ праздника въ память сего событія.

Въ собраніяхъ чудесъ Николая Чудотворца читаются записи о четырехъ чудесахъ, принадлежащія русскимъ авторамъ періода домонгольскаго. Два чуда имѣли мѣсто въ Константинополѣ, въ правленіе импер. Константина Мономаха (1042—1054) и патр. Михаила Керуларія (1043—1058), и записаны какимъ-то Русскимъ, при бытности котораго тамъ онѣ совершились. Первое чудо надписывается: „О коврѣ, его же купивъ (св. Николай) возврати вспять и паки", и состояло въ томъ, что одинъ ремесленникъ, по имени Николай, во всю жизнь усердно чтившій празднества своего патрона, дошедъ въ старости до убожества и не имѣя на что купить ко дню св. Николая вина, просфоръ и свѣчъ, рѣшился продать единственный остававшійся у него цѣнный предметъ—коверъ; св. Николай купилъ у него коверъ, явившись ему во образѣ честнаго старца, но прежде чѣмъ онъ возвратился домой, принесъ коверъ находившейся дома его женѣ будто бы какъ присланный назадъ мужемъ [2]). Второе чудо надписывается: „О человѣцѣ, егоже избави изъ желѣза и изъ темницы" и состояло въ томъ, что одинъ бояринъ заковалъ въ желѣза и посадилъ въ темницу одного своего раба по несправедливому, отъ своей собственной забывчивости, подозрѣнію въ кражѣ денегъ и что св. Николай, явившись боярину въ страшномъ видѣніи, привелъ ему на память правду. Два вторыя чуда имѣли мѣсто въ Россіи. Первое изъ этихъ двухъ вторыхъ чудесъ надписывается: „О нѣкоемъ дѣтищи" и состояло въ томъ, что младенецъ, уроненный матерью въ воду при возвращеніи на лодкѣ по Днѣпру изъ Вышгорода въ Кіевъ съ праздника свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, по молитвѣ родителей, имѣвшихъ великую вѣру къ Николаю Чудотворцу, обрѣтенъ былъ живымъ на полатяхъ св. Софіи у образа св. Николая. Второе чудо надписывается: „О Половчинѣ, его же преда на поруку нѣкій христіанинъ искупа дѣля святому Николѣ", и состояло въ томъ, что у одного жителя Кіева былъ плѣнный Половчинъ, который не имѣлъ чѣмъ выкупиться изъ плѣна,—что Кіевлянинъ далъ ему свободу съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ выкупъ по возвращеніи домой, только чтобы при этомъ взялъ въ свои поручители икону Николая Чудотворца,—что Половчинъ,

---

[1]) Считаемъ вѣроятнѣйшимъ послѣднее и имѣя нѣкоторыя основанія предполагать, что сказаніе составлено Грекомъ (только совсѣмъ натурализовавшимся въ Россіи, такъ что она для него—страна наша) подозрѣваемъ, что авторомъ его былъ самъ Θеодоръ.

[2]) Антоній Новгородскій въ своемъ Паломникѣ говоритъ, что въ церкви св. Софіи коверъ святаго Николы виситъ. Вѣроятно, что это именно нашъ коверъ, т. е. что по совершеніи съ нимъ чуда онъ приложенъ былъ владѣльцемъ его св. Софіи.

смѣясь надъ страннымъ поручителемъ, хотѣлъ было обмануть Кіевлянина, но св. Николай своими прещеніями заставилъ его исполнить обязательство [1]).

---

[1]) Три первыя чуда читаются въ собраніи посмертныхъ чудесъ Николая Чудотворца, приложенныхъ къ его житію, которое *начинается:* „Въ дни прежняя благоволи Богъ взыскати писаніа, яже отъ древнихъ пророкъ проповѣданая"; четвертое чудо встрѣчается въ рукописяхъ отдѣльно. Три первыя чуда напечатаны *архим. Леонидомъ* дважды: въ приложеніи къ сейчасъ помянутому житію, которое напечатано имъ въ 1881 г. въ Памятникахъ древней письменности, издаваемыхъ Обществомъ любителей древней письменности, подъ заглавіемъ: „Житіе и чудеса св. Николая Мирликійскаго и похвала ему, изслѣдованіе двухъ памятниковъ древней русской письменности XI вѣка", стр. 79—93, и въ „Посмертныхъ чудесахъ святителя Николая", которыя напечатаны имъ въ 1888 г. тамъ же, стрр. 19, 25 и 43, „числа" или №№ чудесъ 33, 34 и 40. Четвертое чудо напечатано *архим. Леонидомъ* во второмъ изданіи,—стр. 47, число 41, и прежде Леонида въ I выпускѣ Памятниковъ старинной литературы *Кушелева-Безбородко*, стр. 71. Нѣкоторые считають за русскія произведенія, относящіяся къ періоду домонгольскому, сейчасъ указанное нами житіе и еще Похвальное слово Николаю Чудотворцу, *начинающееся:* „Се наста, братіе, свѣтлое праздеиьство предивнаго отца нашего и чудотворца Николы, иже во всемъ мірѣ, яко солнце сіяя и чудесы удивляя весь міръ"... (напечано *архим. Леонидомъ* вмѣстѣ съ житіемъ). Но греческій оригиналъ житія напечатанъ *Фальконіемъ* въ его книгѣ: Sancti confessoris et celeberrimi thaumaturgi Nicolai acta primigenia, Neapoli, 1751 (русскій переводъ въ Трудахъ Кіевской Д. Академіи за 1869 г., т. II, стр. 452); слово, имѣющее тѣсную связь съ житіемъ, также не русское, а греческое, только, можетъ быть, съ нѣсколькими русскими вставками (Мнѣніе архим. Леонида, что не только наши четыре чуда, но и всѣ посмертныя чудеса Николая Чудотворца, читаемыя въ нашихъ рукописяхъ, представляютъ собою въ своемъ цѣломъ русское оригинальное произведеніе второй половины XI вѣка, принадлежащее епископу Переяславскому Ефрему, — предисл. ко 2-му указанному изданію, стр. III, — вовсе не можетъ быть признано сколько-нибудь основательнымъ.—Замѣтимъ здѣсь кстати долженствующее быть замѣченнымъ и принятымъ къ свѣдѣнію: по греческому подлиннику наше житіе говоритъ не о Николаѣ Мирликійскомъ, а о другомъ, соименномъ ему святомъ,—Николаѣ Пинарскомъ, епископѣ города Пинаръ въ Ликійской митрополіи и жившемъ при импер. Юстиніанѣ, на каковомъ основаніи хотятъ принимать двухъ Николаевъ Чудотворцевъ, смѣшанныхъ въ одно, но по славянскому переводу Николай житія есть именно Мирликійскій, ибо тогда какъ греческій подлинникъ говоритъ, что Николай поставленъ Филиппомъ, архіепископомъ митрополіи Мирской въ епископы города Пинаръ,— п. 29, славянскій переводъ говоритъ о немъ, что онъ поставленъ Филиппомъ архіепископомъ Фелетійской (въ другихъ ркпп.: Ѳеталійской) митрополіи *) въ епископы

---

*) Далѣе въ переводѣ архіепископъ называется епископомъ Ѳилитьскаго града,—у *Леонида* стр. 75. Можетъ быть, нужно Фазилійской, Фазилійскаго: въ Гіерокловомъ Синекдемѣ городъ Φασηλίς стоитъ первымъ въ епархіи Ликійской, хотя митрополія—Мира, а Константинъ Порфирогенитъ въ De Thematibus,—Thema 14, называетъ городъ Φασηλίς знаменитымъ: Φασηλίς ἡ περίκλυτος.

Обращаемся къ нашей общей и въ собственномъ смыслѣ исторіографіи или къ нашимъ лѣтописямъ.

Мы говорили много выше, что Русскіе стали грамотными со времени Игоря. Необходимо думать, что отдѣльныя лѣтописныя записи и замѣтки начали быть дѣлаемы и что отдѣльныя лѣтописныя повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ начали быть составляемы съ самыхъ первыхъ временъ грамотности. Очень можетъ быть, что прежде теперешней нашей первой лѣтописи, написанной въ началѣ XII вѣка, были уже дѣлаемы попытки и настоящихъ лѣтописей или обработанныхъ лѣтописныхъ сводовъ изъ существовавшаго матеріала. Какъ бы то ни было, но дѣйствительную первую лѣтопись нашу, которая вошла въ общее употребленіе и которая сохранилась до настоящаго времени, написалъ въ началѣ XII вѣка одинъ монахъ Печерскаго монастыря.

Кто такой именно былъ этотъ знаменитый отецъ нашей исторіографіи, сіе пока остается не совсѣмъ рѣшеннымъ вопросомъ.

Случился случай, вовсе не безпримѣрный впрочемъ въ исторіи, что за перваго лѣтописца началъ быть считаемъ другой, нисколько не имѣющій права на эту честь и нисколько ее себѣ и не присвоявшій; это именно преп. Несторъ, о которомъ мы говорили немного выше, какъ объ авторѣ житій Бориса и Глѣба и преп. Ѳеодосія. Случилось это въ весьма древнее время и по винѣ тѣхъ самыхъ монаховъ Печерскихъ, изъ среды которыхъ былъ лѣтописецъ. Имя его, не назван-

---

Мурскаго града, — у архим. Леонида стр. 67, и тогда какъ греческій подлинникъ говоритъ, что Николай скончался мѣсяца Декабря 6, въ среду, индиктіона 13-го, въ царствованіе Юстиніана, въ 18-й годъ, при архіепископѣ и патріархѣ Макаріи (іерусалимскомъ),—п. 33, славянскій переводъ говоритъ, что онъ скончался мѣсяца Декабря въ 6 день, въ четвертый индикта (sic), при царѣ Константинѣ, въ лѣто 28, при блаженномъ патріархѣ Макаріи *), — у *Леонида* стр. 76. Существуетъ русское легендарное сказаніе о Николаѣ Чудотворцѣ, см. *Ключевскаго* Житія стр. 218; но судя по выпискѣ изъ него, сдѣланной въ Описаніи рукописей Ундольскаго,—№ 569, оно составлено во времена уже монгольскія, ибо въ немъ читается: „помолимся, чтобы насъ грѣшныхъ, православныхъ христіанъ, избавилъ (св. Николай) оного поганыхъ насилія и оного закона“...

---

*) Указаніе на современность событія патр. Макарію не можетъ рѣшить спора между двумя показаніями, ибо Макаріевъ іерусалимскихъ было двое и изъ нихъ одинъ жилъ именно при Константинѣ, занимавъ каѳедру съ 313 по 331 или 332 г., а другой жилъ именно при Юстиніанѣ, занимавъ каѳедру дважды,—съ 546 по 548 г. и съ 563 по 574 г.

ное имъ въ лѣтописи, не сохранилось между монахами Печерскими посредствомъ устнаго преданія; а между тѣмъ или въ надписаніи лѣтописи читалось безъ имени, какъ это читается въ большей части дошедшихъ до настоящаго времени списковъ, что она есть повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Ѳеодосьева монастыря Печерскаго, или— если въ надписаніи слова: черноризца и пр. суть позднѣйшее прибавленіе—въ самомъ текстѣ лѣтописи неоднократно и ясно дается знать, что она есть произведеніе монаха Печерскаго монастыря. Ища этого своего собрата, не назвавшаго себя по имени, монахи Печерскіе естественно напали на Нестора, который жилъ въ одно время съ лѣтописцемъ и котораго по его извѣстнымъ историческимъ трудамъ, т. е. по его житіямъ (въ которыхъ обоихъ онъ называетъ себя по имени), была вся вѣроятность принять за лѣтописца. Такимъ образомъ, въ Печерскомъ монастырѣ Несторъ и началъ быть считаемъ за лѣтописца. Это составившееся въ Печерскомъ монастырѣ мнѣніе о Несторѣ, какъ о лѣтописцѣ, было записано въ Патерикѣ Печерскомъ, чрезъ который и стало всеобщимъ мнѣніемъ [1]). Въ новѣйшее время, послѣ того какъ началась настоящая ученая разработка исторіи, весьма легко могло бы быть открыто, что мнѣніе Печерскаго монастыря вовсе неосновательно и несправедливо. Но этому мѣшала наклонность смотрѣть на свидѣтельство Патерика Печерскаго, какъ на какое-то свидѣтельство богодухновенное, которое никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣно въ своей достовѣрности. Давно или собственно съ самаго начала ученыхъ изслѣдованій были усмотрѣны серьезныя препятствія считать Нестора за лѣтописца; но передъ изслѣдователями было свидѣтельство Патерика, и они, не дерзая и помыслить о томъ, чтобы усумниться въ достовѣрности свидѣтельства, истощали всѣ силы на то, чтобы такъ или иначе отстранить препятствія. Только въ не особенно давнее наконецъ время у ученыхъ нашлось храбрости признать тотъ принципъ исторической критики, что здравый смыслъ авторитетнѣе всякаго авторитета, и такимъ образомъ рѣшительно усумниться въ достовѣрности показанія Патерика [2]). Какъ бы то ни было, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что преп. Несторъ не есть авторъ нашей первоначальной лѣтописи. Не говоримъ о томъ, что авторъ лѣтописи

---

[1]) Нестора дважды называетъ лѣтописцемъ Поликарпъ въ разсказахъ: о Никитѣ затворникѣ и о блаженномъ Агапитѣ (въ послѣднемъ случаѣ съ яснымъ указаніемъ, что разумѣетъ подъ его лѣтописью нашу первоначальную лѣтопись).

[2]) Началъ сомнѣваться въ принадлежности лѣтописи Нестору покойный Кубаревъ; окончательно усумнился въ этомъ нашъ покойный П. С. Казанскій.

и Несторъ въ своихъ повѣствованіяхъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ ясно изобличаютъ въ себѣ два разныя лица отчасти своими несогласіями, отчасти своими прямыми противорѣчіями,—не говоримъ обо всемъ этомъ потому, что нѣтъ нужды говорить,—потому, что дѣло коротко рѣшается тѣми показаніями, которыя даютъ о себѣ авторъ лѣтописи и Несторъ. Они сами о себѣ даютъ такія показанія, изъ которыхъ такъ же ясно, что они суть разныя лица, какъ ясно то, что дважды два есть четыре. Несторъ совершенно ясно говоритъ о себѣ, что онъ пришелъ въ Печерскій монастырь послѣ смерти Ѳеодосія при его преемникѣ Стефанѣ [1]); напротивъ, авторъ лѣтописи столько же ясно говоритъ о себѣ, что онъ пришолъ еще при жизни Ѳеодосія и къ нему самому [2]). Полагаемъ, два разныя лица никакъ не могутъ еще яснѣе этого свидѣтельствовать, что они суть именно два разныя лица. Остается тутъ, конечно, загадкой, какимъ образомъ изслѣдователи въ виду этихъ свидѣтельствъ, не составлявшихъ для нихъ тайны, признавали однако Нестора за лѣтописца. Мы разъяснили эту загадку выше: передъ ними было богодухновенное на ихъ взглядъ свидѣтельство Патерика и въ виду его они не хотѣли знать даже показаній о себѣ самихъ заинтересованныхъ лицъ [3]).

---

[1]) Въ послѣсловіи къ житію Ѳеодосіеву (гдѣ также прямо говоритъ, что пишетъ не какъ самовидецъ много или отчасти, а только то, что̀ „испытовая слышалъ отъ древнихъ его отецъ, бывшихъ въ то время“,—при жизни Ѳеодосія). Вотъ подлинныя слова Нестора: „Се бо, елико же выше о блаженнѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Ѳеодосіи испытовая слышахъ отъ древніихъ мене (т. е. отъ древнѣйшихъ, старѣйшихъ меня) отець, бывшихъ въ то время, таже вписахъ азъ грѣшныи Несторъ, мьніи всѣхъ въ манастыри блаженаго и отца всѣхъ Ѳеодосія; пріятъ же быхъ въ нь (въ онь,—въ монастырь) игуменъмь Стефанъмь и яко же отъ того остриженъ бывъ и мнишьскыя одежа сподобленъ, пакы же и на діаконьскыи санъ отъ него изведенъ сыи“... И въ самомъ житіи Несторъ прямо отдѣляетъ себя отъ личныхъ учениковъ преп. Ѳеодосія: „потщимся,—говоритъ онъ напр.,—ревнителе быти и подражателе житію преподобнаго Ѳеодосія и ученикомъ его“.

[2]) См. сейчасъ ниже въ текстѣ.

[3]) Противорѣчія и несогласія между лѣтописцемъ и Несторомъ находятся въ повѣствованіяхъ, во-первыхъ, о Борисѣ и Глѣбѣ, во-вторыхъ—о преп. Ѳеодосіи. Лѣтописецъ разсказываетъ о Борисѣ и Глѣбѣ по монаху Іакову, помѣщая у себя его сказаніе, слѣдовательно его противорѣчіе съ Несторомъ есть то же самое, что̀ противорѣчіе съ нимъ Іакова, которое мы указали выше (Другимъ противорѣчіемъ слѣдовало бы считать то, что по древнѣйшему списку житія Несторъ назначаетъ въ удѣлъ Борису Владимиръ, но чтеніе это двусмысленно и вообще весьма не надежно). Въ повѣствованіяхъ о преп. Ѳеодосіи находимъ у нихъ: 1) лѣтописецъ говоритъ о пріобрѣтеніи Ѳеодосіемъ устава Студійскаго монастыря, что онъ нашолъ его въ Кіевѣ у одного монаха этого монастыря, по имени Михаила, прибывшаго

Несправедливо будучи принимаемъ за Нестора, лѣтописецъ также, какъ и этотъ послѣдній, несомнѣнно былъ монахъ Печерскаго монастыря. Разсказавъ подъ 1051 г. объ основаніи монастыря преп. Θеодосіемъ, онъ прибавляетъ о себѣ въ заключеніе разсказа: «Θеодосьеви же живущю въ манастыри и правящю добродѣтельное житье и черньческое правило и принимающю всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего». Въ 1091-мъ г. при открытіи мощей преп. Θеодосія, онъ былъ, какъ самъ разсказываетъ, тѣмъ довѣреннымъ лицомъ изъ числа братіи, которому было поручено игуменомъ втайнѣ откопать мощи; а далѣе подъ тѣмъ же годомъ называетъ себя ученикомъ Θеодосія: «азъ грѣшный твой рабъ и ученикъ»,—говоритъ онъ, обращаясь къ послѣднему. Подъ 1096-мъ г., разсказывая о внезапномъ нападеніи на Кіевъ и въ частности на Печерскій монастырь Половцевъ, онъ пишетъ: «и придоша на манастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутрени, и кликнуша около манастыря и поставиша стяга два предъ вратами манастырьскими, намъ же бѣжащимъ за́домъ монастыря, а другимъ взбѣгшимъ на полати»...

Подъ 1065-мъ г. читается у лѣтописца слѣдующая запись: «бысть дѣтищь вверженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера и паки вверготпа й въ воду; бяшеть бо сиць: на лици ему срамніи удове, иного (же) нелзѣ казати срама ради». Рѣчка Сѣтомль или Сѣтомля (Ситомля) текла подъ Кіевомъ съ сѣверной его стороны [1]). Такъ какъ это совсѣмъ за противоположнымъ краемъ города отъ Печерскаго монастыря и весьма да-

---

изъ Константинополя съ митрополитомъ Георгіемъ; по Нестору, Θеодосій посылалъ за уставомъ единаго отъ братіи въ Константинополь къ находившемуся тамъ Ефрему скопцу. 2) По лѣтописцу, монастырь надъ пещерой вмѣсто самой пещеры построилъ Варлаамъ до Θеодосія; по Нестору, это сдѣлалъ Θеодосій послѣ Варлаама. 3) По лѣтописцу, пр. Θеодосій, умирая, назначилъ было своимъ преемникомъ пресвитера Іакова и согласился на избраніе Стефана только послѣ того, какъ братія не пожелали перваго; Несторъ, ничего не говоря объ Іаковѣ, говоритъ только о Стефанѣ (а почему, это будетъ для насъ понятно, если припомнимъ, что онъ былъ постриженникомъ послѣдняго).—Для людей, которые и теперь находятъ неудобнымъ вѣрить, чтобы монахи Печерскіе могли ошибочно смѣшать лѣтописца съ Несторомъ, укажемъ на то, что уже настояще ученые Печерскіе монахи XVII вѣка (каковыми вовсе не были монахи конца XII—начала XIII вѣка) приняли архимандрита Печерскаго Поликарпа, умершаго, какъ это ясно говоритъ лѣтопись (Ипатск.), въ 1182 г., за того монаха Поликарпа, который написалъ вторую часть Патерика (см. печатный Патерикъ).

[1]) См. Ипатск. лѣт. подъ 1150 г., 2 изд. стр. 280.

леко отъ него; такъ какъ трудно предположить, чтобы монахи позволили себѣ такое неприличное занятіе, какъ цѣлый день глазѣть на дитя урода и притомъ урода какого-то еще весьма срамнаго (по крайней мѣрѣ тогдашніе монахи и Ѳеодосіева монастыря): то есть вся вѣроятность полагать, что указанный случай имѣлъ мѣсто, когда лѣтописецъ былъ еще въ міру дитятей или юношей. Если мы примемъ это, то получимъ два біографическихъ данныхъ о лѣтописцѣ: во-первыхъ, что онъ былъ родомъ изъ самаго Кіева, во-вторыхъ—что онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и поступилъ въ монашество когда-то послѣ сего 1065-го года. Къ этому прибавляются тѣ данныя, которыя мы указали уже выше, именно—что онъ пришолъ въ монастырь 17-лѣтнимъ юношей, что это было довольно задолго до смерти Ѳеодосія или до 1074-го г. (ибо онъ называетъ себя ученикомъ Ѳеодосія, слѣдовательно не только что успѣлъ застать его въ живыхъ, но бо́льшее или меньшее время и жилъ при немъ), что въ 1091-мъ г. онъ пользовался въ монастырѣ или, по крайней мѣрѣ, отъ игумена, особеннымъ, исключительнымъ уваженіемъ и довѣріемъ.

На концѣ первоначальной лѣтописи, подъ 1110-мъ годомъ, читается слѣдующая припись или запись: «игуменъ Силивестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта (1116-го г.); а иже чтеть книги сія, то буди ми въ молитвахъ». Пока за лѣтописца считаемъ былъ Несторъ, на этого игумена Силивестра смотрѣли какъ на переписчика; но устраняя Нестора, мы получаемъ весьма большую вѣроятность видѣть въ немъ самого лѣтописца, понимая при этомъ дѣло, конечно, такъ, что на свое игуменство онъ взятъ былъ изъ монаховъ Печерскихъ. Къ великому сожалѣнію игуменъ Сильвестръ выражается не съ совершенною опредѣленностію, которая бы безспорно давала видѣть въ немъ или самого лѣтописца или только переписчика. Но во всякомъ случаѣ его выраженіе написахъ, а не преписахъ, скорѣе въ пользу того, что онъ лѣтописецъ, чѣмъ—что онъ только переписчикъ [1]).

---

[1]) Позволимъ себѣ обратить вниманіе ученыхъ изслѣдователей и на то, что игумены весьма рѣдко занимались переписываніемъ книгъ, поручая это дѣло другимъ. А также и еще болѣе на слѣдующее: лѣтопись, какъ показываетъ положенная въ ней подъ 852 г. общая хронологія, окончена послѣ смерти Святополка Изяславича, слѣдовательно послѣ 16 Апрѣля 1114 г., когда умеръ Святополкъ; игуменъ Сильвестръ дѣлаетъ свою приписку въ 1116 г.: если бы онъ былъ только

Приступая къ писанію своей лѣтописи, нашъ лѣтописецъ имѣлъ передъ собой образцомъ лѣтописи или хронографы греческіе, изъ коихъ два, существовавшіе въ славянскомъ переводѣ, именно—Іоанна Малалы и Георгія Амартола, не только были ему извѣстны, но до нѣкоторой степени были употреблены имъ и въ дѣло при его трудѣ. Однако, внѣшняя форма нашей лѣтописи не есть форма греческихъ хронографовъ, а отличная отъ нихъ и своя собственная, представляющая относительно обработки болѣе низшую, болѣе первоначальную ступень.

Въ греческихъ хронографахъ еще не настоящая систематическая исторія въ теперешнемъ смыслѣ слова, а еще простое хронологическое лѣтописаніе, но въ то же время хронографисты греческіе не ставятъ хронологіи и неупустительной хронологической послѣдовательности на первый планъ и не подчиняются ей съ безусловной обязательностію; не связывая себя въ порядкѣ изложенія неизмѣнной послѣдовательностью годовъ, они наблюдаютъ только порядокъ царствованій. Они описываютъ въ хронологическомъ порядкѣ одно за другимъ правленія государей, но въ изложеніи событій каждаго правленія то соблюдаютъ, то нарушаютъ этотъ порядокъ, смотря по тому, какъ этого требуетъ удобство изложенія, и вообще не вмѣняютъ его себѣ въ непремѣнную обязанность. Напротивъ, наша лѣтопись представляетъ собою еще хронографъ или временникъ, временнописецъ въ самомъ точномъ и въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. Нисколько еще не вводя искусственной системы въ свое изложеніе, она имѣетъ своею безусловною системою естественную систему или естественный порядокъ годовъ. Поставлены въ своемъ послѣдовательномъ и непрерывномъ порядкѣ годы и подъ каждымъ изъ нихъ запи-

---

переписчикомъ, онъ долженъ бы былъ получить лѣтопись изъ рукъ автора или по крайней мѣрѣ хорошо знать его. При такомъ положеніи дѣла вѣроятно ли и естественно ли, чтобы онъ выставлялъ въ своей приписке только себя переписчика и ни слова не сказалъ объ авторѣ? Наконецъ, если бы считать первоначальнымъ чтеніе приписи не какъ оно въ Лаврентьевскомъ спискѣ, а какъ въ Никоновской лѣтописи (II, 51), то было бы несомнѣнно, что Сильвестръ не есть только переписчикъ, а самъ лѣтописецъ, за каковаго его и считаютъ составители сей послѣдней лѣтописи (IV, 17), ибо по второму чтенію онъ ясно и очевидно выражается не какъ переписчикъ, а какъ самъ авторъ: „писа же вся сія—говоритъ онъ здѣсь—любве ради Господа Бога и пречистые Богородицы и святыхъ его *и своего ради отечества Рускія земли, во спасеніе и пользу всѣмъ*".—Покойные И. И. Срезневскій и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ положительно считаютъ Сильвестра за первоначальнаго лѣтописца.

сываются его событія безъ малѣйшей систематизаціи даже и ближайшихъ между собой событій. Способъ изложенія греческихъ хронографистовъ есть уже нѣкоторая степень искусственной обработки и нѣкоторое приближеніе къ настоящей исторіи; напротивъ, форма, которую избралъ нашъ лѣтописецъ, есть та первичная форма, съ которой обыкновенно начинается писаніе лѣтописей. Случилось ли это отъ того, что нашъ лѣтописецъ сознавалъ себя не въ состояніи подражать своимъ образцамъ греческимъ, или онъ по намѣренному здравому разсужденію предпочелъ форму простѣйшую: какъ бы то ни было, но, во всякомъ случаѣ, обязанные простой ли скромности или сознательному намѣренію лѣтописца тѣмъ обстоятельствомъ, что наша лѣтопись явилась въ формѣ менѣе совершенной и болѣе, такъ сказать, грубой, мы должны смотрѣть на это не иначе, какъ на обстоятельство весьма для насъ счастливое. Не можетъ быть сомнѣнія, что форма болѣе совершенная и болѣе обработанная, для насъ однако еще вовсе не годившаяся и не своевременная, внесла бы въ наши лѣтописи хаосъ и мракъ и причинила бы позднѣйшимъ настоящимъ изслѣдователямъ исторіи не малые хлопоты (знающій читатель пусть вспомнитъ лѣтопись Волынскую, авторъ которой, на наше несчастье, хотѣлъ именно подражать хронографистамъ греческимъ, какъ самъ этимъ похваляется подъ 1254-мъ г.).

Нашъ лѣтописецъ озаглавилъ свою лѣтопись: «Повѣсть временныхъ лѣтъ (черноризца Θеодосьева монастыря Печерскаго [1]), откуду есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ первѣе нача княжити и откуду Руская земля стала есть». Названіе «Повѣсть временныхъ лѣтъ» лѣтописецъ не заимствовалъ у хронографистовъ греческихъ, у которыхъ принятыя названія для ихъ списаній были χρονογραφία или χρονογραφεῖον (—γραφίον) и χρονικόν, что по-русски значитъ временописаніе, временникъ; тотъ списокъ хронографа Амартолова, который былъ въ рукахъ у Болгарскаго переводчика, имѣлъ надписанія—надъ предисловіемъ: Βιβλία χρονικά καὶ ἱστορικά, что имъ было переведено: «книги временныя и образныя», а при началѣ самаго текста: χρονικὸν σύντομον, временникъ сокращенный, что имъ переведено: «Временникъ впростѣ». Слово «временный» по приложенію къ «лѣто» (временныхъ лѣтъ), представляющее изъ себя не имѣющій смысла плеоназмъ, употреблено лѣтописцемъ не въ его обыкновенномъ смыслѣ,

---

[1]) Поставленное въ скобахъ читается въ большей части списковъ, но не во всѣхъ. А имя Нестора: „черноризца—Печерскаго Нестора" стоитъ только въ весьма немногихъ позднѣйшихъ спискахъ.

а въ смыслѣ имѣющій хронологію (χρονικός, χρονολογικός), поставленный подъ годомъ, такъ что повѣсть временныхъ лѣтъ значитъ повѣсть лѣтъ, снабженныхъ хронологіею (годами), веденныхъ по хронологіи (по годамъ). Этимъ названіемъ своей лѣтописи авторъ хочетъ указать на то ея свойство, что повѣствованіе, какъ мы сказали, ведется въ ней по хронологіи, по годамъ [1]).

Повѣсти собственно временныхъ лѣтъ, которая начинается 852 годомъ, предшествуетъ довольно обширное введеніе. Рѣчь начинается раздѣленіемъ земли между тремя сыновьями Ноя и размѣшеніемъ языковъ при столпотвореніи [2]), потому что отъ первыхъ ведутъ свое начало жребіи всѣхъ обитателей земли и потому что отъ втораго ведутъ свое начало всѣ народы. Отъ 70 и двy языку, на которые Богъ размѣсилъ людей при столпотвореніи, бысть (и нашъ) языкъ Словенескъ, говоритъ лѣтописецъ, и затѣмъ обращается къ Славянамъ. Послѣ рѣчи о первоначальномъ мѣстѣ жительства всѣхъ Славянъ въ Европѣ [3]) и объ ихъ всѣхъ разселеніи изъ него по землѣ или по разнымъ землямъ, авторъ въ частности говоритъ о Славянахъ Русскихъ, именно — о разселеніи разныхъ племенъ, на которыя они распадались, по разнымъ мѣстамъ Руси и отчасти о происхожденіи племенныхъ названій; потомъ—объ основаніи у племени Полянъ города Кіева, объ отдѣльныхъ родовыхъ княженіяхъ у разныхъ племенъ и обо всѣхъ народахъ, кромѣ самихъ Русскихъ, населявшихъ территорію Руси. За симъ, послѣ нѣсколькихъ вставочныхъ извѣстій, относящихся отчасти къ исторіи другихъ Славянъ, отчасти къ предъисторической исторіи самихъ Славянъ Русскихъ и послѣ дополнительныхъ извѣстій о племенахъ сихъ послѣднихъ Славянъ, лѣтописецъ говоритъ о предъисторическомъ бытѣ нашихъ предковъ, изображая по племенамъ бывшіе у нихъ обычаи и законы отецъ и преданья. Рѣчью объ обидахъ Полянамъ послѣ смерти Кія, основателя Кіева, отъ Древлянъ и о подпаденіи ихъ власти Козаръ лѣтописецъ оканчиваетъ вступленіе.

---

[1]) А съ принимаемымъ нѣкоторыми мнѣніемъ, что первоначальная лѣтопись была сначала написана безъ годовъ и что годы выставлены въ ней послѣ (какъ это имѣло мѣсто съ Волынской лѣтописью), мы рѣшительно несогласны. Окончивъ свою общую хронологическую роспись, сдѣланную подъ 852 г., о которой сейчасъ ниже, и обращаясь къ самому повѣствованію (послѣ введенія) составитель лѣтописи прямо и ясно говоритъ: „а по ряду положимъ числа“, т. е. по ряду поставимъ, выставимъ годы и по нимъ будемъ вести повѣствованіе.

[2]) Что взято изъ Георгія Амартола.

[3]) „По Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска“.

Свою повѣсть настоящихъ временныхъ лѣтъ, какъ мы сказали, лѣтописецъ начинаетъ 852 годомъ, потому что въ этомъ году, по его хронологіи, началъ царствовать императоръ греческій Михаилъ, при которомъ впервые «нача ся прозывати Руская земля», причемъ лѣтописецъ разумѣетъ то, что въ правленіе сего императора онъ впервые находитъ Русскихъ въ лѣтописцѣ греческомъ (Георгіи Амартолѣ): «о семъ бо, — прибавляетъ онъ къ предыдущему, — увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречьстѣмь». Положивъ подъ симъ 852 годомъ общую хронологическую роспись или «числа» отъ Адама до него и отъ него, какъ начальнаго года Русской исторіи, до смерти Святополка Изяславича (1114 г.), авторъ приступаетъ затѣмъ къ своему погодному или временному повѣствованію. Пропустивъ шесть лѣтъ, подъ которыми ничего не записано изъ нашей собственной исторіи, а записано только взятое изъ лѣтописца греческаго одно событіе изъ исторіи Болгарской [1]), авторъ начинаетъ первую подъ 859 годомъ, открывая ее извѣстіемъ, что Варяги изъ заморья имали дань на сѣверной половинѣ Руси, а Козары на южной.

Первый лѣтописецъ нашъ описалъ пространство времени въ 260 годовъ, съ 850 по 1110 г. Изъ этого общаго количества годовъ послѣднія лѣтъ сорокъ онъ описываетъ какъ современникъ и многаго непосредственный очевидецъ. Затѣмъ, для него источниками были: разсказы людей старыхъ, изъ числа которыхъ двоихъ онъ прямо называетъ по имени и которые могли сообщить ему многое, восходя вверхъ до самаго крещенія Руси [2]), частныя историческія сказанія, составленныя прежде него [3]), нѣкоторые оффиціальные документы и записи [4]), устная исторія, сохранявшаяся въ народныхъ легендахъ и народныхъ эпическихъ пѣсняхъ или былинахъ, записи въ церковныхъ синодикахъ или помянникахъ, надписи въ могильныхъ склепахъ или гробницахъ и въ церквахъ [5]), и наконецъ, какъ мы говорили выше,

[1]) Подъ 858 г. походъ на нихъ Грековъ и ихъ крещеніе.

[2]) Подвижника Печерскаго Іеремію, „иже помняше крещеніе землѣ Русьскыя“ (подъ 1074 г.), и одного изъ знатнѣйшихъ Кіевскихъ бояръ—Яна Вышатича, который умеръ въ 1106 г., будучи 90 лѣтъ, „отъ негоже — говоритъ лѣтописецъ—и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь, отъ негоже слышахъ“.

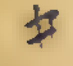
[3]) Каковы: сказанія монаха Іакова, повѣсть объ ослѣпленіи Василька Теребовльскаго, принадлежащая нѣкоему Василію, и можетъ быть и нѣкоторыя другія.

[4]) Договоры князей съ Греками и историческія записи, ихъ сопровождавшія.

[5]) Въ синодики каѳедральныхъ епископскихъ церквей должны были вноситься

или отрывочныя лѣтописныя замѣтки и большихъ — меньшихъ размѣровъ записи, дѣланныя прежде или даже, можетъ быть, и цѣлые своды этихъ замѣтокъ и записей, представлявшіе собою первыя попытки настоящей лѣтописи.

Къ величайшему сожалѣнію, наша первоначальная лѣтопись дошла до насъ не въ своемъ подлинномъ видѣ, какъ была написана лѣтописцемъ, а подвергшись бóльшимъ или меньшимъ измѣненіямъ,— несомнѣнно дополненная позднѣйшими вставками [1]) и, какъ необходимо думать,—потерпѣвъ нѣкоторыя, а, можетъ быть, даже и довольно значительныя, сокращенія. Древнѣйшій, извѣстный въ настоящее время списокъ лѣтописнаго сборника, въ которомъ она до насъ сохранилась, относится ко второй половинѣ XIV в., именно написанъ въ Суздалѣ въ 1377 г. монахомъ Лаврентіемъ, отъ котораго и называется Лаврентьевскимъ [2]).



имена умершихъ епископовъ съ отмѣткою дней ихъ преставленія, чтобы извѣстенъ былъ день годичнаго поминовенія, при чемъ, если не всегда, то иногда, вѣроятно, отмѣчались и годы преставленія; то же дѣлалось съ именами князей въ синодикахъ тѣхъ церквей, въ которыхъ они погребались, въ которыя они дѣлали вклады для поминовенія или которыя были ихъ ктиторіями. Въ могильныхъ склепахъ, по всей вѣроятности, дѣлались надписи на ихъ стѣнахъ противъ ракъ или гробовъ князей съ обозначеніемъ ихъ именъ и времени ихъ преставленія. Строители церквей дѣлали въ нихъ надписи или записи съ обозначеніемъ своихъ именъ и времени построенія церквей. Церковная исторія, ограничивающаяся у нашихъ лѣтописцевъ почти исключительно одними отмѣтками о поставленіяхъ и о смертяхъ епископовъ и о построеніи церквей, почти вся могла быть взята ими изъ помянниковъ и изъ надписей въ церквахъ.

[1]) Изъ которыхъ прискорбнѣйшая есть вставка повѣсти о крещеніи Владиміра на мѣсто тѣхъ извѣстій, которыя читались о немъ у лѣтописца.

[2]) Такъ какъ сборникъ написанъ Лаврентіемъ для Суздальскаго князя Дмитрія Константиновича: то ему отъ имени заказчика, а не писца, гораздо справедливѣе было бы называться Дмитріевскимъ (подобно тому, какъ Остромирово евангеліе не называется отъ писца Григорьевымъ или Григорьевскимъ). — О первоначальной лѣтописи (а также и ея продолженіяхъ) читай: *Сухомлинова* О древней Русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ, въ III кн. Ученыхъ Записокъ II Отд. Акад. Наукъ и отдѣльно (на концѣ въ дополнительной главѣ „Пособія при изученіи Несторовой лѣтописи“ — предшествующая литература); *Костомарова* Лекціи по Русской Исторіи, ч. I, Спб. 1862; *Срезневскаго* Чтенія о древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ, въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. II кн. 2, Спб. 1862; *Бестужева - Рюмина* О составѣ Русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка, въ 4 выпускѣ Лѣтописи занятій Археограф. Коммиссіи; *Шахматова* О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ, въ III кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1897 г. Для библіографіи старыхъ печатныхъ изданій: *Польнова* Библіографическое обозрѣніе Русскихъ лѣтописей, въ Жур. Минист. Нар. Просв., 1849 г. Октябрь—Декабрь.—

Послѣ начала, положеннаго неизвѣстнымъ монахомъ Печерскаго монастыря или игуменомъ Сильвестромъ, лѣтопись была продолжаема заразъ нѣсколькими лицами, такъ что съ того, на чемъ остановился первый лѣтописецъ, (съ 1111 года) мы имѣемъ не одну, а нѣсколько лѣтописей, изъ которыхъ каждая ведена была своимъ рядомъ преемствовавшихъ другъ другу продолжателей.

Обо всѣхъ этихъ продолжателяхъ мы имѣемъ свѣдѣній еще менѣе, чѣмъ о самомъ первомъ лѣтописцѣ, или собственно говоря—не имѣемъ никакихъ, не зная даже и того, гдѣ кончаетъ одинъ изъ нихъ и гдѣ начинаетъ другой.

Что касается до періода до-монгольскаго, то намъ извѣстны въ настоящее время два особыя продолженія первоначальной лѣтописи, веденныя двумя особыми рядами продолжателей, или иначе—два особые ряда продолженій. Одно продолженіе или одинъ рядъ продолженій находимъ въ помянутомъ сейчасъ выше лѣтописномъ сборникѣ Лаврентьевскомъ, другое продолженіе или другой рядъ продолженій—въ такъ-называемомъ сборникѣ Ипатьевскомъ или Ипатскомъ (который по письму или современникъ Лаврентьевскаго или немного его моложе—конца XIV или начала XV в. и который получилъ свое имя отъ Костромскаго Ипатскаго монастыря, гдѣ былъ найденъ).

Продолженіе Лаврентьевскаго сборника ведено было сначала на югѣ — въ Кіевѣ или Переяславлѣ, а потомъ, и какъ намъ кажется, именно съ 1164 г., въ области Суздальской и частнѣе во Владимірѣ [1]).

Нѣкоторые изслѣдователи, какъ кажется, склоняются къ тому мнѣнію, что наша первоначальная лѣтопись въ своемъ теперешнемъ видѣ есть произведеніе не одного автора, а нѣсколькихъ. Мы съ своей стороны того рѣшительнаго мнѣнія, что она есть произведеніе не нѣсколькихъ, а одного автора (при предполагаемыхъ и указанныхъ выше источникахъ). Во введеніи къ лѣтописи, къ сдѣланной выпискѣ изъ Георгія Амартола о законахъ и обычаяхъ коегождо языка, прибавляется: „якоже се и при насъ нынѣ Половци законъ держатъ отець своихъ"... Такъ какъ Половцы стали сосѣдями и врагами Руси съ 1054 г. и такъ какъ они были узнаны въ своихъ обычаяхъ, конечно, не тотчасъ, то сейчасъ приведенное написано около 1060 г. Но что съ 1060 г. и до конца пишетъ одинъ человѣкъ, это для насъ не подлежитъ сомнѣнію.

[1]) Подъ 1159 г. столъ Андрея Боголюбскаго называется Ростовскимъ: ясно, что это пишетъ не Суздалецъ и не Владимирецъ, а человѣкъ сторонній, знающій и признающій дѣйствительный столъ области. Но съ 1164 г. какъ самъ Боголюбскій—князь Суздальскій или Владимирскій, такъ и епископъ Ростовскій—епископъ Суздальскій, изъ чего и слѣдуетъ заключать, что съ сего года началъ писать Суздалецъ или Владимирецъ: вообще мы полагаемъ, что грань между двумя продолженіями составляютъ оставленные пустыми годы 1162 и 1163. Авторъ или авторы

Продолженіе Ипатскаго сборника, доведенное до 1200 г. [1]), все принадлежитъ неизвѣстнымъ лѣтописцамъ Юга [2]).

перваго продолженія обнаруживаютъ одинаковое знаніе дѣлъ Кіевскихъ и Переяславскихъ, а поэтому вопросъ о мѣстѣ и не можетъ быть рѣшонъ положительно, хотя, какъ кажется, вѣроятнѣе полагать Кіевъ. Подъ 1128 г. дается знать, что продолжатель, вѣроятно—первый послѣ начальнаго лѣтописца, былъ не монахъ Печерскаго монастыря. Продолжатели Суздальско-Владимирскіе прямо называютъ себя таковыми подъ 1169 г. (осада Новгорода), затѣмъ подъ годами 1175, 1176 (Владимирецъ), 1180, 1207 (2 изд. стр. 411 нач.) и 1227 (какъ будто не Владимирецъ. Пишущій подъ 1231 г. о Кириллѣ епископѣ Ростовскомъ есть Ростовецъ, повѣствованіе котораго, вѣроятно, послѣ вставлено въ лѣтопись). Такъ какъ въ спискахъ Радзивилловскомъ, Переяславскомъ (Переяславскій лѣтописецъ) и Троицкомъ или Академическомъ (Троицкій или Академическій лѣтописецъ) продолженіе оканчивается 1205 г., то изъ этого ясно, что симъ 1205 г. кончается трудъ одного продолжателя, а съ слѣдующаго 1206 г. начинается трудъ другаго. — То, что̀ въ Троицкомъ или Академическомъ спискѣ съ 1206 г. принимается за самостоятельное и особое продолженіе, въ дѣйствительности есть сокращеніе Новгородской лѣтописи (только, какъ показываетъ 1216 г., сдѣланное по другой пространнѣйшей редакціи сей послѣдней, нежели какую мы имѣемъ).

[1]) А съ 1201 г. въ немъ лѣтопись Волынская или точнѣе Галичская, написанная послѣ нашествія Монголовъ.

[2]) Первоначальный лѣтописецъ окончилъ свою лѣтопись подъ 1110 годомъ разсказомъ о видѣніи огненнаго столпа надъ трапезицею и надъ церковью въ Печерскомъ монастырѣ. Первый продолжатель Ипатскаго сборника говоритъ объ этомъ видѣніи подъ 1111 г. „якоже рекохомъ", т. е. усвояетъ его описаніе себѣ. Изъ этого мы съ увѣренностію хочемъ заключать, что первый продолжатель Ипатскаго сборника былъ самъ первоначальный лѣтописецъ, т. е. хотимъ думать, что сначала онъ написалъ лѣтопись до 1110 г., а потомъ продолжилъ ее еще нѣсколько. При этомъ предположеніи объяснится для насъ, какимъ образомъ случилось, что разсказъ о помянутомъ видѣніи въ Ипатской лѣтописи значительно пространнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевской, и отъ чего въ первой нѣтъ приписки Сильвестра. Кончивъ сначала 1110 годомъ, но потомъ рѣшивъ еще продолжить нѣсколько, онъ распространилъ помянутый разсказъ (припиской свидѣтельствъ); кончивъ подъ 1110 г., но потомъ рѣшивъ еще самъ продолжить нѣсколько, онъ, естественно, уничтожилъ сдѣланную приписку. Что первый продолжатель съ самаго 1111 г. есть непосредственный современникъ, это у него ясно видно (а разсказъ подъ 1114 г. принадлежащій кому-то, ходившему въ Ладогу, и дающій видѣть въ разсщикѣ не игумена Кіевскаго и не епископа Переяславскаго, которымъ не зачѣмъ было ходить къ Ладогу, а человѣка, готоваго вѣрить всякому бабьему вранью, долженъ быть считаемъ вставкой, принадлежащей или посыланному въ Ладогу чиновнику или ѣздившему въ нее торговать купцу; у первоначальнаго лѣтописца подобный сему разсказъ, слышанный отъ Новгородца Гюряти Роговича—не онъ ли повѣствуетъ и здѣсь?—подъ 1096 г.). Дальнѣйшія немногія свѣдѣнія, которыя даютъ о себѣ продолжатели Ипатскаго сборника, суть: подъ 1144 г. (начало) говоритъ житель этой или московской стороны Днѣпра, а подъ 1151 г. (2 изд. стр. 294 нач.)

Такимъ образомъ, продолженія перваго сборника представляютъ собою лѣтопись Кіево-Суздальскую и преимущественно послѣднюю; а продолженія втораго — лѣтопись Кіевскую. Лѣтопись Суздальская или иначе лѣтопись сѣверныхъ великихъ князей пошла съ этими князьями въ дальнѣйшее время; напротивъ, лѣтопись Кіевская кончилась помянутымъ 1200-мъ годомъ, послѣ чего Кіевъ, потерявшій всякое государственное значеніе, не имѣлъ болѣе своихъ лѣтописцевъ [1]).

Вмѣстѣ съ лѣтописью общерусскою въ періодъ до-монгольскій была еще ведена лѣтопись частная и мѣстная, именно—Новгородская.

Мѣстная лѣтопись въ Новгородѣ начала быть ведена около 1120—130 года. При этомъ первый лѣтописецъ Новгородскій поступилъ не такъ, чтобы начать веденіе особой Новгородской лѣтописи съ самаго начала, а такъ, что до 1116 г. онъ воспользовался лѣтописію общерусскою, а свою особую лѣтопись повелъ только съ сего послѣдняго года. Съ лѣтописью общерусскою, помѣщая ее у себя, лѣтописецъ Новгородскій поступилъ особеннымъ образомъ: до 1016 г. включительно онъ помѣстилъ ее у себя сполна, а съ 1017 г. по 1115 г. только въ весьма большомъ сокращеніи. Сдѣлалъ онъ это, какъ необходимо думать, потому, что до 1015 г.,—до смерти св. Владиміра, лѣтопись общерусская представляетъ интересъ именно общерусскій, а со смерти Владиміра представляла, по его лѣтописца мнѣнію, частный интересъ южно-русскій. Послѣ смерти Владиміра онъ помѣстилъ у себя въ полномъ видѣ еще одинъ годъ потому, что подъ 1016 г. оканчивается разсказъ, начатый подъ предшествующимъ 1015 г. и

наоборотъ заднѣпровецъ; подъ 1156 г. Кіевлянинъ и современникъ, передающій непосредственно слышанное (разсказъ Нифонта его собственными словами) и по всей вѣроятности монахъ или священникъ (ибо передаетъ разсказъ ему епископа); подъ 1162 и 1174 гг. не сторонникъ Андрея Боголюбскаго; подъ 1171 г. современникъ, Кіевлянинъ и священникъ или монахъ (сопровождаетъ тѣло покойника); подъ 1187 г. современникъ, не Галичанинъ, а Кіевлянинъ. Читаемое подъ послѣдними 1199 и 1200 гг. принадлежитъ какому-то современному и весьма не худому оратору Кіевскому и едва ли не представляетъ собой весьма замѣчательнаго образца рѣчи, говоренной князю.

[1]) Сравнивая одно съ другимъ Кіево-Суздальское продолженіе начальнаго лѣтописца и Кіевское, мы находимъ весьма многое въ нихъ общаго, именно—что весьма не рѣдко одно продолженіе говоритъ буквально словами другаго. Изъ этого слѣдуетъ, что мы имѣемъ продолженія не въ первоначальныхъ редакціяхъ, а въ позднѣйшихъ, въ которыхъ одно продолженіе дополнено изъ другаго и въ которыхъ эти продолженія перемѣшаны (такъ что, какъ справедливо замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,—т. III, по 4 изд. прим. 242, мы не имѣемъ въ этихъ продолженіяхъ, какъ онѣ извѣстны намъ теперь, ни Кіевской лѣтописи ни Суздальской).

при томъ разсказъ именно о Новгородцахъ (о побѣдѣ, доставленной ими Ярославу надъ Святополкомъ). Въ своемъ сокращеніи съ 1017 по 1115 г. лѣтописецъ приписалъ нѣсколько и своихъ собственныхъ извѣстій о событіяхъ мѣстныхъ Новгородскихъ [1]). Съ 1116 г. и до конца періода до-монгольскаго Новгородская лѣтопись постоянно ведена была, какъ это ясно дается въ ней видѣть, непосредственными современниками [2]).

Кромѣ частной, областной, лѣтописи государственной или общественной въ Новгородѣ была ведена еще частнѣйшая лѣтопись мѣстныхъ епископовъ—архіепископовъ или владыкъ.

---

[1]) Что съ 1017 по 1115 г. лѣтопись Новгородская составляетъ ни что иное, какъ весьма краткое сокращеніе лѣтописи общерусской съ нѣкоторою прибавкою особыхъ, мѣстнаго характера, извѣстій, а вовсе не „представляетъ совсѣмъ другой подборъ свѣдѣній, чѣмъ Повѣсть временныхъ лѣтъ", какъ утверждаютъ нѣкоторые, хотя и весьма авторитетные ученые, въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, взявъ на себя трудъ собственнаго сличенія лѣтописей. Вводитъ въ заблужденіе то, что подъ первымъ же 1017 годомъ читается, повидимому, совсѣмъ новое извѣстіе: „Ярославъ иде къ Берестію, и заложена бысть святая Софія Кыевѣ". Но „заложена" тутъ ошибка или неладная позднѣйшая поправка вмѣсто „зажжена"; а въ этомъ видѣ извѣстіе вовсе не будетъ новымъ извѣстіемъ, см. во 2-й половинѣ тома по 1 изд. стр. 86 fin. (Можно было бы предположить, что Новгородскій лѣтописецъ помѣстилъ у себя общерусскую лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ ее имѣлъ, т. е. иначе что общерусская лѣтопись въ нынѣшнемъ полномъ ея видѣ сначала была доведена кѣмъ-то до 1016 г., а потомъ монахомъ Печерскимъ или игуменомъ Сильвестромъ продолжена до 1110 года. По намъ такое предположеніе вовсе не представляется вѣроятнымъ: во-первыхъ, 1016-й годъ, съ котораго начиналось правленіе Ярослава, не могъ быть годомъ, на которомъ бы лѣтописецъ покончилъ (т. е. захотѣлъ, нашолъ удобнымъ кончить) свою лѣтопись; во-вторыхъ, весьма невѣроятно то, чтобы лѣтопись, доведенная въ полномъ видѣ до 1016 г., была сначала продолжена до 1115 г. въ видѣ весьма краткихъ записей. Сколько знаемъ, указаннаго предположенія никто не дѣлалъ вслухъ или печатно).

[2]) Подъ 1144 г. первый или второй лѣтописецъ записалъ о себѣ: „въ то же лѣто постави мя попомъ архіепископъ святый Нифонтъ". Это, по всей вѣроятности, тотъ іерей церкви св. Іакова Германъ Воята, который послѣ 45-лѣтняго іерейства скончался въ 1188 г. и о смерти котораго записано въ лѣтописи подъ симъ послѣднимъ годомъ. Подъ 1230 г. лѣтописецъ называетъ себя попомъ Іоанномъ (а пономарь Тимоѳей, имя котораго вмѣсто имени попа Іоанна стоитъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, есть переписчикъ,—тотъ, который въ 1262 г. написалъ Лобковскій Прологъ).—Въ полномъ собраніи лѣтописей наша древняя Новгородская лѣтопись напечатана подъ именемъ 1-й Новгородской лѣтописи (въ III томѣ). „Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ" г. *Сенигова*—въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1887 г., кн. IV.

Веденіе этой второй лѣтописи начато было непосредственно послѣ смерти перваго епископа Іоакима Корсунянина, ибо неизвѣстный, сдѣлавшій запись о немъ или положившій начало лѣтописи, называетъ себя ученикомъ его—Іоакимова ученика. Къ сожалѣнію, лѣтопись дошла до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ и позднѣйшихъ относительно древняго времени редакціяхъ [1]).

Относительно лѣтописей до-монгольскаго періода остается нерѣшоннымъ одинъ довольно темный вопросъ. Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, составленныхъ въ XV — XVI вѣкѣ, лѣтописи эти являются не въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ихъ въ помянутыхъ выше сборникахъ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ, а съ довольно значительнымъ противъ послѣдняго количествомъ лишковъ или дополненій [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ дополненій очевидно или по всей вѣроятности суть позднѣйшія, на чемъ либо или ни на чемъ не основанныя, сочиненія самихъ составителей сборниковъ; но о другихъ дополненіяхъ нѣтъ никакихъ основаній думать этого, такъ что ихъ остается и должно считать подлинными древними извѣстіями. Но составители позднѣйшихъ сборниковъ гдѣ могли найти эти подлинныя древнія извѣстія? Имѣли они у себя подъ руками другія лѣтописи, кромѣ дошедшихъ до насъ, изъ которыхъ и взяли ихъ, или же они имѣли тѣ же лѣтописи, что̀ и мы теперь (въ сборникахъ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ), только въ видѣ болѣе полномъ, такъ что въ нихъ читалось все то, что̀ въ позднѣйшихъ сборникахъ можетъ быть принято

[1]) Напечатана въ Полн. собр. лѣтт., т. III, стр. 179; сокращеніе лѣтописи, относящееся къ концу XV вѣка,—въ Харьковскомъ Духовномъ Вѣстникѣ, 1862 г. Мартъ, стр. 56. Слова автора записи о себѣ кромѣ самой лѣтописи владыкъ читаются вмѣстѣ съ заимствованіемъ изъ нєй о смерти Іоакима—въ 2-й и 3-й Новгородскихъ лѣтописяхъ (въ послѣдней впрочемъ съ переиначеніемъ) подъ 1030 г. и въ Никоновской лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ. — Другихъ частныхъ или областныхъ лѣтописей, кромѣ Новгородской, изъ періода домонгольскаго не дошло до насъ и вовсе неизвѣстно. Симонъ Владимирскій говоритъ въ Патерикѣ о старой лѣтописи Ростовской. Но что это была не мѣстная лѣтопись Ростовская, а лѣтопись общерусская, видно изъ того, что въ ней читались многія записи объ епископахъ изъ монаховъ Печерскихъ. Симонъ называетъ ее Ростовскою по мѣсту нахожденія списка (вѣроятно, въ библіотекѣ Ростовскаго каѳедральнаго собора), а старою, вѣроятно, потому, что она много не доведена была до его времени. Предполагать, чтобы въ Ростовѣ велась своя мѣстная лѣтопись въ первую половину періода домонгольскаго, столько же вѣроятно, сколько вѣроятно предполагать, что въ настоящее время ведутъ свои лѣтописи деревни.

[2]) Позднѣйшіе сборники—Софійскій Временникъ, Воскресенская лѣтопись и особенно Никоновская лѣтопись.

за древнія подлинныя извѣстія? Мы считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ послѣднее мнѣніе, а не первое. Что другія лѣтописи, кромѣ дошедшихъ до насъ, могли быть въ періодъ до-монгольскій, — это само по себѣ совершенно вѣроятно и возможно. Но вовсе не представляется намъ вѣроятнымъ полагать, чтобы составители позднѣйшихъ сборниковъ имѣли у себя подъ руками такія лѣтописи, на основаніи тѣхъ лишковъ въ лѣтописяхъ до-монгольскаго періода, которые находимъ у нихъ. Лишки эти, если исключить изъ нихъ все то, что или несомнѣнно или по всей вѣроятности есть позднѣйшее сочиненіе, окажутся не особенно многочисленными небольшими записями, хотя по содержанію своему иногда и весьма важными. Если бы существовали другія лѣтописи, кромѣ извѣстныхъ намъ, то въ нихъ лишняго противъ послѣднихъ было бы, конечно, не однѣ эти записи, а и многое другое: почему же позднѣйшіе составители изъ этого многаго не внесли къ себѣ хотя немногаго? Такимъ образомъ изъ сказаннаго, по нашему мнѣнію, ясно или по крайней мѣрѣ слѣдуетъ, какъ наиболѣе вѣроятное, что составители позднѣйшихъ сборниковъ имѣли у себя единственно ту же первоначальную лѣтопись и только тѣ же ея продолженія, которыя извѣстны въ настоящее время по сборникамъ Лаврентьевскому и Ипатскому, но только имѣли ихъ въ болѣе полномъ видѣ, нежели какъ они читаются въ сейчасъ помянутыхъ сборникахъ [1]).

Такъ какъ хронологія есть вспомогательная наука исторіи, то мы должны присоединить сюда одну статью по этой послѣдней, написанную въ періодъ до-монгольскій, которая впрочемъ не имѣетъ практическаго значенія ни для исторіи ни для чего бы то ни было и написана единственно для безцѣльнаго обнаруженія учености. Статья, весьма краткая, надписывается: „Ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ" и принадлежитъ извѣстному Кирику Новгородскому, автору извѣстныхъ каноническихъ Вопрошаній. Она состоитъ изъ 18 краткихъ параграфовъ и содержитъ: въ первыхъ пяти параграфахъ показаніе, сколько отъ сотворенія міра до года написанія статьи протекло мѣсяцевъ, недѣль, дней и часовъ, въ шестомъ—восьмомъ ученіе о индиктахъ, кругахъ солнечномъ и лунномъ (что называется каждымъ изъ нихъ), въ девятомъ—о видѣхъ міра, именно—сколько протекло отъ сотворенія міра до автора тысяче-

[1]) Составители Никоновской лѣтописи, наиболѣе обильной дополненіями, прямо даютъ знать, что они имѣли первоначальнаго лѣтописца въ лицѣ одного „оного великаго Селивестра Выдобыжскаго" (т. V, стр. 17, подъ 1409 г.). А если не сами передѣлываютъ приписъ Сильвестра, то дѣйствительно имѣли его въ другой редакціи, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ сборникахъ.

лѣтій, въ десятомъ—тринадцатомъ о поновленіи небесъ, земли моря и водъ, т. е. во сколько лѣтъ всѣ онѣ паки поновляются или совершенно въ своемъ составѣ возобновляются, четырнадцатый о высокосныхъ лѣтѣхъ, пятнадцатый о велицѣмъ крузѣ, шестнадцатый—осмьнадцатый сколько въ году мѣсяцевъ, недѣль и дней.

Единственное значеніе статья имѣетъ по своей заключительной припискѣ, изъ которой получаемъ біографическія свѣдѣнія объ авторѣ; она читается: „писахъ же въ Велицѣмъ Новѣгородѣ азъ грѣшный и худый калугеръ Антоновскій (Антоньева монастыря) Кирикъ діаконъ, доместикъ церкви святыя Богородицы (главной въ монастырѣ), при царѣ Греческомъ Іоаннѣ, князю Святославу сыну Ольгову въ княженіи живущю въ Новѣгородѣ лѣто 1, а отъ рода (ему) лѣтъ 30... и еще при архіепископѣ (sic) Новгородскомъ боголюбивомъ Нифонтѣ, роженія моего досюда бяше лѣтъ 26“ (годъ, въ которомъ писана статья, какъ это указывается во многихъ мѣстахъ выше, есть 6644 отъ сотворенія міра или 1136 отъ Р. Х. [1]).

2) *Отдѣлъ нравоучительный.*

H.

Обращаемся къ отдѣлу нашей письменности нравоучительному.

Отдѣлъ этотъ составляютъ двухъ родовъ слова и поученія, именно: во-первыхъ, слова и поученія въ собственномъ смыслѣ, говоренныя въ церкви съ каѳедры, во-вторыхъ — имѣющія или размѣры и форму словъ и поученій или же одно ихъ имя—статьи нравоучительнаго содержанія, написанныя для чтенія.

Писать церковныя слова, которыя были бы настоящими произведеніями церковнаго ораторства и лучшими или худшими его образцами, можетъ только человѣкъ, получившій настоящее образованіе и изучавшій школьную науку ораторства. У насъ не было настоящаго образованія, а съ нимъ и науки ораторства; изъ этого слѣдовало бы, что у насъ не могло быть и писателей церковныхъ словъ въ смыслѣ настоящихъ произведеній церковнаго ораторства. Но выше мы говорили о возможности исключеній у насъ въ періодъ до-монгольскій, именно—что въ періодъ этотъ, по особымъ его обстоятельствамъ, при общемъ отсутствіи настоящаго образованія, у насъ могли быть въ видѣ исключенія отдѣльные люди, которые бы его пріобрѣтали. Одинъ изъ такихъ исключительныхъ людей надѣленъ былъ талантомъ ораторскимъ, чувствовалъ призваніе къ монашеской жизни и въ мона-

---

[1]) Статья напечатана *митр. Евгеніемъ* изъ одной Новгородской рукописи въ Трудахъ и лѣтописяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1828 г., части IV кн. I, стр. 122; перепечатана *Хавскимъ* съ примѣчаніями въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1847 г., № 6, Смѣси стр. 25.

шествѣ и явился нашимъ церковнымъ ораторомъ въ собственномъ смыслѣ. Это былъ св. Кириллъ, епископъ Туровскій, жившій во второй половинѣ XII вѣка.

Обстоятельныхъ свѣдѣній о Кириллѣ Туровскомъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ; нѣкоторыя извѣстія о немъ читаются въ краткомъ проложномъ о немъ сказаніи. Онъ родился въ томъ самомъ Туровѣ, въ которомъ былъ потомъ епископомъ. Бывъ сынъ богатыхъ родителей, онъ не любилъ богатства и тлѣнныя славы міра сего, но исключительно прилежалъ ученію Божіихъ книгъ, въ которомъ и достигъ того, что добре извыкъ божественныя Писанія. По времени онъ ушолъ въ монастырь и сталъ монахомъ [1]). Послѣ неизвѣстно сколь продолжительнаго пребыванія въ монастырѣ, въ которомъ больше всѣхъ работалъ Богу, постомъ и бдѣніемъ удручая свое тѣло, онъ возжелалъ большихъ подвиговъ, почему вошолъ въ столпъ, чтобы въ немъ затвориться. Когда послѣ сего слава о немъ пронеслась по всей странѣ или области Туровской, то князь удѣльный и всѣ граждане Турова умолили его принять санъ епископа. Въ санѣ епископа, доброчестне и благочестнѣ поживъ и добре порученное стадо упасъ, и ознаменовавъ свою дѣятельность тѣмъ, что обличилъ ересь Ѳеодорца Ростовскаго, о чемъ мы говорили выше [2]), онъ преставился въ вѣчный и безконечный покой.

Когда именно Кириллъ поставленъ былъ въ епископы Туровскіе, точнымъ образомъ остается неизвѣстнымъ; но по неопредѣленнымъ указаніямъ это поставленіе должно быть полагаемо предъ 1169-мъ годомъ, въ которомъ онъ уже былъ епископомъ [3]), и неизвѣстно сколь продолжительное время спустя послѣ 1146-го года, послѣ котораго предъ нимъ былъ въ Туровѣ еще епископъ [4]). Если бы полагать, что одно усвояемое Кириллу сочиненіе дѣйствительно было адресовано имъ, какъ стоитъ въ надписаніи, Василію игумену Печерскому, и если бы считать принадлежащимъ Кириллу одно посланіе, писанное къ сему

---

[1]) Въ одной рукописи въ надписаніи молитвъ Кирилла Туровскаго дается знать, что онъ былъ монахомъ въ монастырѣ св. Николы (находившемся) въ Туровѣ, см. въ изданіи твореній Кирилла, принадлежащемъ *преосв. Евгенію*, предисл. стр. LXXX.

[2]) Т. е. ересь, какъ необходимо думать, состоявшую въ томъ, что Ѳеодоръ не хотѣлъ признавать власти митрополита.

[3]) Въ семъ году казненъ Ѳеодоръ Ростовскій, ересь котораго онъ обличилъ.

[4]) Георгій, преемникъ Іоакима, удаленнаго въ 1146 г.,—Лаврент. лѣт. подъ симъ годомъ и слово о Мартынѣ мнисѣ, иже въ Туровѣ, составляющее одинъ изъ разсказовъ о чудесахъ Бориса и Глѣба (у преосв.. *Макарія* Ист. т. 3, изд. 2 стр. 300).

игумену, то нужно было бы думать, что передъ 1182-мъ г. онъ удалился или былъ удаленъ съ каѳедры и что, живъ послѣ сего на покоѣ или въ отставкѣ лѣтъ около десяти—пятнадцати, онъ скончался въ послѣднемъ десятилѣтіи XII вѣка [1]). Но и то и другое, какъ увидимъ ниже, весьма сомнительно.

Неизвѣстно, сколько Кириллъ Туровскій всего написалъ церковныхъ словъ или проповѣдей. Въ настоящее время считаются несомнѣнно ему принадлежащими восемь словъ, именно: на недѣлю Вайй, на Пасху, на 2-ю, 3-ю, 4-ю и 6-ю недѣли по Пасхѣ, на Вознесеніе и на 7-ю недѣлю по Пасхѣ [2]).

Мы не знаемъ, какимъ образомъ Кириллъ Туровскій успѣлъ получить настоящее образованіе,—нашолъ ли онъ по счастливому случаю способнаго къ преподаванію наукъ Грека въ самомъ Туровѣ, или, что̀ гораздо вѣроятнѣе, онъ отправлялся для сего въ Кіевъ, въ которомъ нашолъ нужнаго ему учителя между Греками, находившимися при митрополитѣ; какъ бы то ни было, несомнѣнно только то, что онъ былъ человѣкъ, получившій настоящее образованіе и что онъ, представляя собой исключеніе между нашими писателями и ораторами своего времени, есть писатель и ораторъ не самоучка, лишонный всякаго школьнаго подготовленія, какъ всѣ другіе наши писатели (еще за однимъ исключеніемъ митрополита Иларіона), но писатель и ораторъ въ собственномъ смыслѣ образованный и изучавшій науку ораторства,

---

[1]) Василій поставленъ въ игумены въ 1182 г., въ которомъ епископомъ Туровскимъ былъ Лаврентій, Ипатск. лѣт. подъ симъ годомъ. Такъ какъ посланіе къ Василію (напеч. въ Прибавлл. къ Творр. свв. Отцц. X, 341) написано послѣ того, какъ онъ построилъ вокругъ Печерскаго монастыря каменныя стѣны, и послѣ того, какъ онъ, болѣе или менѣе долго игуменствовавъ, помышлялъ облечься въ великую схиму: то и должно быть отодвигаемо приблизительно время его написанія внизъ отъ 1182 г. лѣтъ на десять—на пятнадцать.

[2]) Слова напечатаны: въ славянскомъ подлинникѣ: *Калайдовичемъ* въ его изданіи: Памятники россійской словесности XII вѣка, Москва, 1821, *М. И. Сухомлиновымъ* въ изданіи: Рукописи графа А. С. Уварова, томъ второй, Памятники словесности, выпускъ первый, Спб., 1858 (съ обширнымъ, принадлежащимъ издателю, введеніемъ о Кириллѣ Туровскомъ), и *А. Пономаревымъ* въ первымъ выпускѣ Памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы, издаваемыхъ журналомъ „Странникъ", Спб., 1894 (отрывки словъ—въ Христоматіи *Буслаева*); въ русскомъ переводѣ—въ изданіи покойнаго *преосвященнаго* Астраханскаго, передъ Астраханью бывшаго Минскимъ и Туровскимъ, *Евгенія*: Творенія святаго отца нашего Кирилла Туровскаго съ предварительнымъ очеркомъ исторіи Турова и Туровской іерархіи до XIII вѣка, Кіевъ, 1880 (отрывки словъ въ изданіи *Я. Горожанскаго*: Памятники древней письменности въ русскомъ переводѣ, Москва, 1886).

представляющій изъ себя совершенно то же, что современные ему образованные писатели и ораторы греческіе. Въ сейчасъ сказанномъ ясно убѣждаютъ самыя слова Кирилла Туровскаго. Достаточно одинъ разъ прочесть ихъ, чтобы тотчасъ же увидѣть, что между ними и словами и поученіями другихъ современныхъ ему и позднѣйшихъ нашихъ писателей есть какая-то существенная разница, что они что-то такое совсѣмъ не то, что эти другія слова и поученія. Немного внимательнѣе присматриваясь къ нимъ, не трудно съ полною отчетливостію увидѣть, въ чемъ именно состоитъ эта разница. Слова и поученія другихъ писателей представляютъ собой работу самоучекъ, не знающихъ науки ораторства и поэтому пишущихъ съ первобытной простотой, безъ всякаго приложенія внѣшнихъ пріемовъ ораторства; напротивъ, слова Кирилла Туровскаго яснымъ образомъ даютъ видѣть въ себѣ работу ученаго мастера: авторъ совершенно очевиднымъ образомъ является въ нихъ какъ ученый проповѣдникъ, изучавшій и знающій науку проповѣдничества и пишущій свои проповѣди именно по этой наукѣ, со всѣмъ ея знаніемъ и со всѣмъ ея приложеніемъ. Слова Кирилла Туровскаго, не имѣя ничего общаго съ другими современными ему словами и поученіями, представляютъ собой совершенно такія же ораторскія произведенія, какъ слова современныхъ намъ ученыхъ проповѣдниковъ. Если перевести ихъ на русскій языкъ и сказать, что онѣ принадлежатъ такому-то современному проповѣднику, что едва ли кто нибудь не будетъ введенъ въ обманъ.

Что слова Кирилла Туровскаго рѣзко выдѣляются изъ ряда современныхъ ему словъ и поученій, не имѣя ничего общаго съ ними и представляя нѣчто отъ нихъ особенное, это мы сейчасъ сказали. Но сказать только это, вовсе не значитъ опредѣлить собственное достоинство словъ Кирилла. Ставить ученаго мастера на одну и ту же доску съ самоучкой и смотрѣть, насколько онъ выше послѣдняго, нисколько не значитъ сдѣлать ему надлежащую оцѣнку. Говорить о Кириллѣ Туровскомъ, что онъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ современниковъ, что по сравненію съ сими послѣдними онъ есть русскій Златоустъ XII вѣка, значитъ говорить, съ одной стороны, совершенную правду, а съ другой стороны—не говорить собственно ничего. Семинаристъ, учившійся въ реторикѣ и умѣющій написать хрію, неизмѣримо выше просто грамотнаго крестьянина и есть передъ нимъ въ нѣкоторомъ смыслѣ великій ораторъ; однако это, конечно, не значитъ, чтобы онъ былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ.

Кириллъ Туровскій долженъ быть разсматриваемъ, цѣнимъ и судимъ не по сравненію съ своими русскими современниками, съ ко-

торыми онъ не имѣетъ ничего общаго, а какъ настоящій, получившій настоящее ораторское образованіе, проповѣдникъ. Онъ есть исключительный и случайный представитель въ нашей средѣ настоящаго греческаго ораторства: съ этой точки зрѣнія ему и должна быть производима оцѣнка.

Кириллъ Туровскій имѣлъ несомнѣнный и очень хорошій ораторскій талантъ. Но, къ великому сожалѣнію, его учителемъ въ искусствѣ церковнаго проповѣдничества былъ одинъ изъ тѣхъ, преобладавшихъ въ его время, греческихъ учителей реторики, которые полагали задачу этого проповѣдничества не въ томъ, чтобы учить людей истинамъ христіанской вѣры и возбуждать ихъ къ добродѣтельной христіанской жизни, съ возможнымъ и потребнымъ употребленіемъ при семъ ораторства, а въ томъ, чтобы это послѣднее, имѣющее быть только средствомъ къ лучшему достиженію цѣли, поставить самою цѣлію, чтобы блистать передъ слушателями самымъ краснорѣчіемъ, не помышляя объ учительности и назидательности словъ, а лишь заботясь о томъ, чтобы вызывать ихъ удивленіе къ своему ораторскому таланту и искусству [1]). Отличительную черту проповѣдей Кирилла Туровскаго составляетъ почти совершенное отсутствіе ученія и нравственнаго назиданія. Проповѣдникъ есть такъ или иначе блистающій своимъ краснорѣчіемъ и своимъ остроуміемъ панегиристъ или историкъ праздниковъ и болѣе

[1]) Уже въ золотой вѣкъ проповѣдничества, каковъ вѣкъ Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, были у Грековъ, по свидѣтельству сейчасъ названныхъ отцовъ, многіе проповѣдники, которые, не заботясь объ ученіи и назиданіи слушателей, старались бесѣдовать къ нимъ съ такимъ ухищреннымъ и преухищреннымъ краснорѣчіемъ, которое бы приводило ихъ въ восторгъ и которое бы побуждало ихъ награждать проповѣдниковъ составлявшими предметъ усиленнѣйшаго исканія со стороны послѣднихъ рукоплесканіями и другими знаками одобренія, употреблявшимися въ театрахъ (см. слово Григорія Богослова о самомъ себѣ и къ говорившимъ, что онъ—Григорій желаетъ Константинопольскаго престола и 30-е слово Златоустаго на Дѣянія апостольскія). Но чѣмъ далѣе отъ временъ Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, тѣмъ болѣе усиливалась и брала возобладаніе эта наклонность блистать самымъ краснорѣчіемъ, не заботясь объ ученіи и назиданіи. Въ 1-мъ изданіи книги мы говоримъ о наклонности какъ объ общей болѣзни греческихъ проповѣдниковъ позднѣйшаго времени, и мы должны взять назадъ наши слова, ибо и между позднѣйшими греческими проповѣдниками указываютъ такихъ, которые поставляли цѣль своихъ проповѣдей именно въ томъ, въ чемъ она и должна состоять, и которые въ полной мѣрѣ являются въ своихъ проповѣдяхъ учащими и назидающими, таковы: Симеонъ, новый богословъ († ок. 1050), Θеофанъ Керамей, епископъ Тавроменійскій въ Сициліи († ок. 1150), Никифоръ Влеммидъ († послѣ 1255).

ничего; въ словахъ своихъ онъ или прославляетъ торжество праздника съ его плодами, или аллегорически толкуетъ его подробности въ смыслѣ духовномъ, или ораторски и драматически изображаетъ его исторію—и въ этомъ все содержаніе словъ. Въ панегирическихъ рѣчахъ и въ драматически представленныхъ исторіяхъ предъ слушателями разсыпано чрезвычайно много цвѣтовъ краснорѣчія или, если угодно, въ нихъ все есть краснорѣчіе, въ аллегорическихъ толкованіяхъ много остроумія. Но все это не есть ни ученіе ни назиданіе слушателей. Конечно, все это есть панегиризмъ, но такой панегиризмъ, котораго вовсе не одобряли древніе лучшіе проповѣдники, говорившіе, что закона его не знаетъ божественное училище — церковь [1]). Правда, на концахъ словъ Кириллъ не всегда забываетъ слушателей и иногда обращается къ нимъ съ краткими нравственными увѣщаніями. Но эти увѣщанія ex abrupto и совершенно общія не имѣютъ никакого дѣйствительнаго смысла и суть не болѣе, какъ простая принятая форма заключать слова. Такимъ образомъ, по обычаю большинства греческихъ ораторовъ своего времени Кириллъ Туровскій вовсе не назидаетъ своихъ слушателей, а только услаждаетъ ихъ; иначе сказать, по обычаю большинства греческихъ ораторовъ его времени его проповѣди суть почти что безплодное и по отношенію къ слушателямъ почти что безцѣльное краснорѣчіе. Краснорѣчія весьма много, но весь смыслъ его по отношенію къ слушателямъ сводится если не совсѣмъ ни къ чему, то къ крайне немногому.

Вотъ краткій анализъ словъ Кирилла. Въ словѣ на Вербное воскресенье (на Вербницю), во-первыхъ, изображаются и аллегорически толкуются обстоятельства вшествія Спасителя въ Іерусалимъ: днесь было то-то, это значитъ духовно то-то, и т. д. Во-вторыхъ, восписуется панегирикъ или похвала празднику посредствомъ ораторскаго набора общихъ мѣстъ, изображающихъ ликованіе природы, ангеловъ и человѣковъ и уныніе діавола и старѣйшинъ Іудейскихъ (Днесь тварь веселится, свобождаема отъ работы вражія... Днесь горы и холмы точатъ сладость, удолія и поля плоды Господеви приносятъ... Горніи воспѣваютъ и преисподніи рыдаютъ... и пр.). Въ заключеніе — краткое нравственное увѣщаніе къ слушателямъ почтить Господа добрыми дѣлами по образу вещественныхъ почестей, оказанныхъ ему при входѣ въ Іерусалимъ. Слово на Пасху по намѣренію автора должно было

[1]) См. бесѣду Василія Великаго на день св. мученика Гордія. О панегирикахъ указаннаго нами характера Василій говоритъ: Οὐκ οἶδεν ἐγκωμίων νόμον τὸ θεῖον διδασκαλεῖον.

представлять изъ себя панегирикъ празднику, въ которомъ имѣли быть показаны и прославлены его плоды соотвѣтственно тремъ его названіямъ: Пасха, Великій день и третьему недосказанному и остающемуся неизвѣстнымъ. Но будучи весьма неудовлетворительно по своему выполненію, слово отчасти есть панегирикъ, отчасти же историческій пересказъ обстоятельствъ воскресенія съ аллегорическими иногда ихъ толкованіями. Слово на недѣлю Ѳомину или на антипасху состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части панегирикъ празднику, состоящій изъ изображенія вещественной весны, которою природа привѣтствуетъ сей день и изъ изображенія весны духовной, которая прообразуется вещественною. Во второй части проповѣдникъ вводитъ слушателей въ горницу Сіонскую, въ которой Христосъ явился ученикамъ, и здѣсь драматически изображаетъ бесѣду Христа съ Ѳомой, именно—влагая пространную рѣчь въ уста Спасителю и такой же отвѣтъ въ уста Ѳомѣ. Слова на недѣлю третью, четвертую и шестую, будучи сходны между собой, представляютъ драматически изображенныя исторіи праздниковъ. Въ словѣ на недѣлю третью, женъ Мироносицъ, дѣйствіе начинается пространнымъ плачемъ Богородицы при крестѣ Іисуса, послѣ котораго она обращается съ рѣчью къ Іосифу, моля его идти къ Пилату, чтобы испросить тѣло Іисусово; за симъ пространная рѣчь Іосифа къ Пилату и его плачъ или вопіяніе надъ тѣломъ Іисуса, которое отдалъ ему Пилатъ и которое онъ предалъ погребенію вмѣстѣ съ Никодимомъ. Далѣе разсказъ о приходѣ ко гробу Христову мироносицъ и пространная рѣчь къ нимъ ангела. Въ заключеніе похвала Іосифу благообразному и досточудному [1]). Въ словѣ на недѣлю четвертую, о Разслабленномъ, рѣчь начинается историческимъ извѣстіемъ о купели Вифезда и аллегорическимъ толкованіемъ ея какъ прообраза крещенія. За симъ—жалобная рѣчь разслабленнаго къ Іисусу Христу; отвѣтная рѣчь Іисуса Христа къ разслабленному; обличительная рѣчь послѣдняго къ жидамъ, укорявшимъ его за то, что онъ взялъ одръ свой въ субботу. Въ заключеніе краткое наставленіе слушателямъ по-

[1]) Извѣстно слово по надписаніямъ въ однихъ рукописяхъ—на великій пятокъ, по надписаніямъ въ другихъ рукописяхъ—на великую субботу, которое представляетъ собою сокращеніе слова на недѣлю Мироносицъ, именно выпускаетъ разсказъ о приходѣ къ гробу мироносицъ и рѣчь къ нимъ ангела, и которое въ нѣкоторыхъ спискахъ усвояется самому Кириллу Туровскому (Напечатано г. *Лопаревымъ* въ Памятникахъ древней письменности, № XCVIII). Но если слово и дѣйствительно принадлежитъ самому Кириллу: то оно представляетъ собой не особое слово, а именно лишь сокращеніе нашего слова.

средствомъ обращенія къ нимъ рѣчи Іисуса Христа, сказанной разслабленному. Въ словѣ на недѣлю шестую, о Слѣпомъ, послѣ историческаго вступленія, прославляются неизреченныя милость и человѣколюбіе Божіе и изображается ослѣпленіе Іудеевъ по отношенію къ великому Чудотворцу. За тѣмъ размышленіе сонма Іудейскаго: что сдѣлать имъ съ Іисусомъ и обличительныя рѣчи къ сему сонму отъ прозрѣвшаго; въ заключеніе похвала этому послѣднему. Въ словѣ на Вознесеніе изображается картина торжественнаго входа Іисуса Христа на небеса. Проповѣдникъ возводитъ слушателей на гору Елеонскую, на которую пришолъ Христосъ и съ Нимъ (невидимо?) всѣхъ святыхъ чинове; за симъ онъ изображаетъ, какъ ангельскія и архангельскія воинства однѣ готовятъ Господу путь, другія готовятъ херувимскій престолъ, какъ Богъ Отецъ ждетъ, а Духъ Святый отдаетъ приказанія къ срѣтенію, какъ лики святыхъ, вслѣдъ за ангелами, начинаютъ торжественныя пѣсни, какъ скорбитъ уневѣстившаяся Христу языческая церковь, видя Его отъ себя удаляющагося, какъ скорбятъ апостолы и какъ Онъ утѣшаетъ ту и другихъ, какъ небесные вратари не хотятъ отворить вратъ небесныхъ для невходнаго на небеса человѣка и какъ по гласу Господа они узнаютъ утаенно отъ нихъ сошедшаго на землю Бога, какъ Духъ Святый исходитъ во срѣтеніе восходящаго и какъ Отецъ посаждаетъ Его на престолѣ одесную Себя. Въ заключеніе призывъ къ слушателямъ возрадоваться Господеви, вшедшему на небо небесное и сѣдшему одесную Отца. Въ словѣ на недѣлю седьмую, Свв. Отецъ, исторія перваго вселенскаго собора, разсказанная отчасти повѣствовательно, отчасти драматически (пренія Арія съ отцами собора), и похвала какъ отцамъ собора, такъ и всѣмъ вообще святымъ отцамъ, стоявшимъ и подвизавшимся за вѣру.

Этотъ краткій обзоръ содержанія словъ Кирилла Туровскаго ясно показываетъ, до какой степени отсутствуютъ въ нихъ нравственное назиданіе и въ чемъ состоитъ ихъ направленіе или ихъ характеръ. Какъ сказали мы выше, вовсе не помышляя о нравственномъ назиданіи слушателей, проповѣдникъ есть или панегиристъ или духовный толкователь или драматизующій живописатель праздниковъ. Преслѣдуемая имъ цѣль есть не назиданіе, а заниманіе, вслѣдствіе чего и его слова главнымъ образомъ для слуховъ и воображенія слушателей и весьма мало и почти нисколько для ихъ сердецъ.

Итакъ, Кириллъ Туровскій, не идя ни въ какое сравненіе съ современными ему русскими ораторами, между которыми онъ представляетъ исключеніе, будучи, если угодно, русскимъ Златоустомъ XII вѣка

въ смыслѣ рѣшительнаго отличія отъ нихъ и рѣшительнаго надъ ними превосходства,—самъ по себѣ и какъ настоящій образованный ораторъ, каковымъ онъ былъ, вовсе не есть какой нибудь Златоустый, т. е. вовсе не есть какой нибудь исключительно замѣчательный ораторъ, а просто рядовой хорошій греческій ораторъ позднѣйшаго времени со всѣми существенными и отличительными недостатками, свойственными большинству этихъ позднѣйшихъ ораторовъ. Кириллъ Туровскій несомнѣнно представляетъ собой весьма замѣчательное явленіе въ томъ отношеніи, что онъ захотѣлъ стать человѣкомъ образованнымъ, но въ ряду ораторовъ образованныхъ онъ не возвышается сколько нибудь рѣшительнымъ образомъ надъ общимъ уровнемъ.

Мы въ настоящее время относительно достоинства и характера проповѣдей не возвратились ко временамъ Златоустаго. Если читатель представитъ себѣ нынѣшнюю хорошую проповѣдь съ тѣмъ, чтобы ея отличительными чертами были возможно большее стремленіе ко внѣшнему краснорѣчію и возможно большее отсутствіе нравственнаго назиданія, то онъ будетъ имѣть приблизительное и почти совсѣмъ настоящее понятіе о проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго. Свойственныя его времени его отличительныя черты и особенности составляютъ, во-первыхъ, наклонность къ аллегоріи, къ толкованію видимаго въ смыслѣ духовно - прообразовательномъ, который при нѣкоторомъ напряженіи остроумія онъ находитъ рѣшительно во всемъ, во-вторыхъ—драматизмъ, изображеніе дѣйствующихъ лицъ говорящими и произносящими болѣе или менѣе длинныя рѣчи, наконецъ, въ-третьихъ—постоянное стремленіе къ картинности изображенія посредствомъ непрестаннаго употребленія «нынѣ» и «днесь». Будучи ораторомъ вообще, Кириллъ Туровскій усиленно стремится быть таковымъ и въ частностяхъ, такъ что его рѣчь изобилуетъ тропами, фигурами, распространеніями и плеоназмами и вообще всѣмъ, что̀ предлагаетъ ораторству реторика. Наиболѣе замѣтные недостатки проповѣдей Кирилла Туровскаго въ ораторскомъ или вообще писательскомъ отношеніи суть: во-первыхъ, то, что онъ не умѣетъ естественнымъ образомъ переходить отъ одной мысли къ другой и употребляетъ для сего не ораторскій и, такъ сказать, аляповатый оборотъ: нынѣ же (а теперь) о томъ-то побесѣдуемъ; во-вторыхъ — то, что приступы къ словамъ не всегда идутъ къ ихъ содержанію, представляя собою иногда какъ бы нѣчто сказанное для предваренія совершенно бездѣльно, и наконецъ, въ-третьихъ—то, что общее теченіе мыслей не всегда отличается надлежащей логической послѣдовательностію.

При составленіи своихъ проповѣдей Кириллъ Туровскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи проповѣдную литературу греческую, и какъ кажется, не только въ славянскомъ переводѣ, но и въ греческомъ подлинникѣ, обладавъ знаніемъ греческаго языка [1]). До какой степени онъ воспользовался ея готовыми услугами, иначе сказать — до какой степени онъ, какъ ораторъ, позволилъ себѣ воспользоваться готовымъ, бывшимъ передъ нимъ, запасомъ ораторства или до какой степени онъ заимствовался у ораторовъ греческихъ рессурсами ораторства и до какой степени ихъ списывалъ? Можно было бы ожидать, что онъ, подобно теперешнимъ сельскимъ священникамъ, имѣющимъ передъ собой запасъ печатныхъ проповѣдей, будетъ больше или меньше выбирать и составлять, т. е. будетъ больше или меньше простымъ компиляторомъ. Сколько однако можно судить по произведеннымъ доселѣ сличеніямъ его проповѣдей съ проповѣдями греческими, этого не было, — онъ дѣйствительно болѣе или менѣе пользуется послѣдними позволяетъ себѣ дѣлать изъ нихъ даже прямыя заимствованія, но вовсе не до такой степени, чтобы снисходить до роли простаго компилятора: при своемъ пользованіи и при своихъ заимствованіяхъ онъ сохраняетъ вполнѣ,—сколько можно по крайней мѣрѣ это утверждать теперь, — право на то, чтобы быть считаемому ораторомъ самостоятельнымъ [2]).

Кириллъ Туровскій, какъ настоящій, въ собственномъ смыслѣ слова, проповѣдникъ у насъ въ XII вѣкѣ, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ собой явленіе весьма замѣчательное. Но въ то же время онъ представляетъ собой и явленіе странное. Его краснорѣчивыя слова были столько же цѣлесообразны по отношенію къ его слушателямъ, какъ были бы напримѣръ цѣлесообразны слова покойнаго митрополита Филарета въ сельской приходской церкви. Если бы цѣль словъ составляло нравственное назиданіе слушателей, то послѣднее, будучи предлагаемо и въ несоотвѣтственной формѣ, все-таки имѣло бы свое значеніе, но

[1]) Въ словѣ на недѣлю Вай Кириллъ пользуется толковымъ евангеліемъ Ѳеофилакта Болгарскаго, а въ словѣ на недѣлю мироносицъ—словомъ въ великій пятокъ, на плачъ Богородицы, Сумеона Метафраста (см. *Сухомл.* стрр. XLII и XLIII). Но, сколько извѣстно, евангелія Ѳеофилактова и указаннаго слова Метафрастова въ періодъ домонгольскій еще не было на славянскомъ языкѣ.

[2]) Впрочемъ, имѣя въ виду наклонность къ компиляторству позднѣйшихъ церковныхъ ораторовъ греческихъ, мы не удивимся, если и относительно Кирилла Туровскаго будетъ найдено и доказано, что онъ болѣе компиляторъ, чѣмъ самостоятельный ораторъ.

цѣль словъ Кирилла Туровскаго, какъ уже мы много разъ говорили, не нравственное назиданіе слушателей, а, такъ сказать, краснорѣчіе само въ себѣ, доставленіе безотносительной возможности въ продолженіе нѣскольких минутъ насладиться имъ самимъ. Вообразите, что взято современное подобнаго рода краснорѣчивое для самаго краснорѣчія слово и что оно произносится въ сельской приходской церкви слушателямъ крестьянамъ: что можетъ быть этого несообразнѣе? Трудно допустить, чтобы Кириллъ Туровскій не понималъ всей этой несообразности, т. е. всего несоотвѣтствія своихъ словъ по ихъ характеру съ тѣми слушателями, для которыхъ онъ ихъ писалъ и которымъ сказывалъ. Вѣроятно, съ одной стороны, его совращалъ съ праваго пути примѣръ ораторовъ греческихъ; видя, что они поставляютъ главною цѣлію краснорѣчіе, и онъ считалъ себя обязаннымъ стремиться къ нему же, поставляя въ проповѣдничествѣ краснорѣчіе выше цѣлесообразности; съ другой стороны, не невозможно и то, что удивленіе къ своему краснорѣчію со стороны читателей своихъ словъ современныхъ и будущихъ онъ предпочиталъ пользѣ своихъ слушателей. Какъ бы то ни было, но снова повторяемъ, что, читая краснорѣчивыя слова Кирилла Туровскаго, говоренныя имъ къ совершенно необразованной паствѣ XII вѣка, невольно припоминаешь тѣхъ сельскихъ священниковъ, которые рѣшаются сказывать своимъ прихожанамъ слова покойнаго митр. Филарета [1]).

---

[1]) Не знаемъ, какой былъ обычай у современныхъ Кириллу проповѣдниковъ греческихъ, но онъ самъ сказывалъ свои слова по тетрадкѣ (а не наизусть), подобно тому, какъ это дѣлаютъ наши нынѣшніе проповѣдники (см. слово на недѣлю свв. отецъ).—Преосв. Антоній въ своей, написанной противъ насъ по поводу нашихъ рѣчей о Кириллѣ Туровскомъ, критической замѣткѣ, имѣющей заглавіе: „Древне-русская проповѣдь и проповѣдники въ періодъ домонгольскій", поставляетъ на видъ противъ всѣхъ (подобныхъ нашимъ) соображеній тотъ, краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорящій, фактъ, что проповѣди Кирилла Туровскаго въ древней Россіи были весьма популярны (во 2-мъ изданіи сборника статей: „Изъ исторіи христіанской проповѣди" стр. 304 sub fin). Но, не имѣя качества учительности и назидательности, проповѣди Кирилла Туровскаго весьма имѣютъ качество занимательности, а этимъ вполнѣ и объясняется ихъ популярность. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что наше мнѣніе о проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго не есть мнѣніе одинокое или одиночное, — что въ существѣ оно согласно съ мнѣніемъ преосв. Макарія, — Ист. т. III, изд. 2-е стр. 128, и что оно есть почти совсѣмъ одно и то же съ мнѣніемъ И. Я. Порфирьева,—Исторіи русской словесности часть I, изд. 4-е стр. 397 sqq. И наиумѣреннѣйшій въ своихъ отзывахъ А. В. Горскій называетъ краснорѣчіе Кирилла Туровскаго „цвѣтистымъ краснорѣчіемъ", см. въ его статьѣ: „О древнихъ словахъ на святую четыредесятницу", напечатанной въ XVII части Прибавленій къ Творр. свв. отцевъ, стр. 49 нач.).

Кромѣ церковныхъ словъ въ собственномъ смыслѣ, произнесенныхъ съ каѳедры, которыхъ Кириллъ написалъ, можетъ быть, и не восемь, а гораздо или значительно болѣе [1]), ему усвояется еще до-

[1]) Кромѣ восьми указанныхъ церковныхъ словъ, относительно принадлежности которыхъ Кириллу всѣ согласны, читаются въ рукописяхъ между его твореніями и еще два церковныя слова, принадлежность которыхъ Кириллу отрицается, а во всякомъ случаѣ подвергается весьма большому сомнѣнію: это слова: въ 5-ю недѣлю по Пасхѣ и на Пятьдесятницу (читаются онѣ между твореніями Кирилла Туровскаго въ пергаминной рукописи XIII—XIV вѣка бывшей Толстовской,—по описанію Строева I отд. № 8; напечатаны въ указанныхъ выше изданіяхъ Калайдовича и Сухомлинова). Отрицается принадлежность этихъ словъ Кириллу Туровскому потому, что онѣ представляютъ изъ себя не обширныя слова, подобныя восьми указаннымъ и сходныя съ ними и по своимъ внутреннимъ признакамъ, а краткія поученія, мало представляющія родства или сходства съ ними и по своимъ внутреннимъ признакамъ. Что касается до слова или поученія на Пятьдесятницу, которое состоитъ изъ двухъ краткихъ частей—изъ рѣчи о сошествіи св. Духа и—такъ какъ „честь сего дне (смыслъ сегодняшнего праздника), яко не хощетъ Богъ смерти грѣшникомъ, но паче обращенію и покаянію"—общія увѣщанія къ отступленію отъ злыхъ дѣлъ и къ совершенію добрыхъ (въ Рукописяхъ гр. Уварова напечатано въ двухъ видахъ—первоначальномъ и со вставкою нарочитаго обличенія противъ пьянства): то совершенное отсутствіе въ немъ всякой попытки ораторски изобразить праздникъ и вообще отсутствіе въ немъ всякаго ораторства дѣйствительно очень рѣшительнымъ образомъ говоритъ противъ принадлежности его Кириллу Туровскому. Но напротивъ слово въ 5-ю недѣлю по Пасхѣ мы весьма наклонны считать за подлинное произведеніе Кирилла Туровскаго. Въ немъ, какъ и въ предшествующемъ словѣ, нѣтъ обычнаго панегиристическаго краснорѣчія Кириллова; но это объясняется его содержаніемъ, которое есть не воспоминаемое дневное событіе, а обличеніе слушателей за ихъ нехожденіе въ церковь для слушанія его—проповѣдникова ученія и увѣщанія къ хожденію. Между тѣмъ свое, соотвѣтствующее матеріи, краснорѣчіе въ немъ есть (преосв. напр. Филаретъ называетъ его даже прекраснымъ), и если оно—не слово, а поученіе, т. е. сравнительнымъ образомъ кратко, то это можетъ быть объясняемо той же матеріей, а именно — что на указанную тему онъ не въ состояніи былъ написать пространно (какъ и дѣйствительно написать было не легко). По сейчасъ нами указанному нѣтъ препятствій усвоять слово или поученіе Кириллу Туровскому. Вотъ положительныя основанія усвоять его ему. Проповѣдникъ жалуется своимъ слушателямъ на то, что они, вопреки его надеждамъ, очень не усердно ходятъ въ церковь на послушаніе предлагаемыхъ имъ божественныхъ словесъ; это говоритъ, очевидно, проповѣдникъ нарочитый, ибо жалоба проповѣдника ненарочитаго не имѣла бы смысла: но какого другаго нарочитаго проповѣдника за періодъ домонгольскій мы знаемъ кромѣ Кирилла Туровскаго? Если мы не будемъ усвоять нашего слова Кириллу, то останется для насъ непонятнымъ, что онъ, писавъ съ недѣли Ваій до недѣли свв. Отецъ на всѣ недѣли по ряду, пропустилъ одну 5-ю недѣлю. Что касается до особенной матеріи или темы нашего слова, то можно объяснять себѣ такимъ образомъ: воспоминаніе о Самарянынѣ онъ не находилъ соотвѣтственною темою для обычнаго ему панегирическаго

вольно не малое количество статей нравоучительнаго содержанія, называемыхъ также большею частію словами и обращенныхъ отчасти вообще ко всѣмъ, отчасти къ мірянамъ, а отчасти къ монахамъ [1]).

Первыхъ принимается шесть: Слово—о премудрости притча, или какъ въ другихъ спискахъ—Поученіе нѣкоего человѣка вѣрна къ духовному брату, Слово о исходѣ души и всходѣ на небо, Слово о небесныхъ силахъ и чесо ради созданъ бысть человѣкъ на земли, Слово о страсѣ Божіи, Слово о первозданнѣмъ, Слово о томъ, яко не забывати учителей своихъ, и Притча о души человѣчестѣй и тѣлеси и о преступленіи Божіи заповѣди и о воскресеніи тѣлесъ человѣческихъ и о будущемъ судѣ и муцѣ [2]). Слово—о премудрости притча, судя по

слова, а поэтому и воспользовался случаемъ (свободнымъ, такъ сказать, днемъ), чтобы обличить слушателей за ихъ нерадивое слушаніе его поученій *).—Въ одномъ Троицкомъ Лаврскомъ пергаминномъ сборникѣ есть „слово святаго Кирилла въ 1-ю недѣлю поста, поученіе на сборъ": но по своему содержанію учительно-обличительному и по отсутствію въ немъ „цвѣтистаго краснорѣчія" оно не можетъ быть усвояемо Кириллу Туровскому (См. о немъ въ статьѣ покойнаго *А. В. Горскаго*: „О древнихъ словахъ на святую четыредесятницу", стр. 45). О словѣ на великій пятокъ или на великую субботу, представляющемъ собою сокращеніе слова на недѣлю мироносицъ, мы сказали выше. О „словѣ въ первую недѣлю поста, поученіи на сборъ", въ надписаніи котораго стоитъ имя Кирилла, но которое не можетъ быть усвояемо и не усвояется Кириллу Туровскому, скажемъ ниже.

[1]) Какого-нибудь надежнаго списка сочиненій Кирилла Туровскаго мы не имѣемъ, такъ что остается руководиться надписаніями. Но надписанія—вещь весьма ненадежная, ибо онѣ могутъ принадлежать позднѣйшимъ переписчикамъ, которые могли усвоять Кириллу тѣ или другія сочиненія по своимъ собственнымъ и совершенно неосновательнымъ домышленіямъ. Въ проложномъ житіи Кирилла читаемъ объ его сочиненіяхъ—по однимъ спискамъ: „Андрею Боголюбскому князю многа посланія написа отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній, и яже суть на праздники Господскія слова и ина многа душеполезная словеса и си вся и ина множайшая написа и церкви предаде", по другимъ спискамъ все это и кромѣ того: „яже къ Богу молитвы и похвалы многимъ (sic), канунъ великій о покаяніи сотвори къ Господу по главамъ азбуки".

[2]) Всѣ напечатаны въ изданіи Сухомлинова; въ изданіи Калайдовича: Слово—о премудрости притча, Слово о исходѣ души и Притча о души человѣчестѣй; въ изданіи Пономарева только Притча о души человѣчестѣй (Притча о слѣпцѣ и хромцѣ); въ изданіи преосв. Евгенія также одна Притча о душѣ человѣческой (по двумъ редакціямъ).

---

*) „Церковь града" въ словѣ не значитъ церкви, а значитъ городское общественное собраніе, сходка: мѣсто взято съ греческаго, а въ греческомъ слово ἐκκλησία употреблено въ его сейчасъ указанномъ первоначальномъ значеніи.

началу: «Первое, брате, коея мудрости ищеши» [1]), есть, кажется, частное къ кому-нибудь письмо. Вмѣсто мудрости списатель наставляетъ искать кротости, которая есть мать первой и съ которою обрящеши и Отца, иже породи насъ святымъ крещеніемъ. Затѣмъ онъ говоритъ, чѣмъ мы изгоняемъ отъ себя мать (грѣхами) и что должны дѣлать, чтобы насъ принялъ Отецъ и снова возвратилась къ намъ мать (съ одной стороны отстать отъ грѣховъ, съ другой каяться, молиться со слезами и постомъ и творить добрыя дѣла): статья вообще краткая и кромѣ того, что сложена до нѣкоторой степени притчей, ничего замѣчательнаго не представляетъ. Если принимать ее за частное письмо, то она можетъ быть усвояема и Кириллу Туровскому; но какъ нарочитое сочиненіе усвоять ему такую легкую и довольно безцвѣтную вещь, мало напоминающую краснорѣчиваго и любящаго краснорѣчіе проповѣдника, представляется намъ какъ-то сомнительнымъ [2]). Слова о исходѣ души и о небесныхъ силахъ усвояются Кириллу Туровскому только потому, что въ одномъ и томъ же началѣ обоихъ дѣлается ссылка на какого-то Кирилла философа: «яко же рече Кириллъ философъ», т. е. иначе сказать, совершенно безъ всякаго основанія. Первое слово есть повѣсть о мытарствахъ, взятая изъ житія преп. Василія Новаго (26 Марта), и о загробной судьбѣ душъ праведныхъ и грѣшныхъ; второе повѣствуетъ—объ ангелахъ и паденіи дьявола, о сотвореніи, паденіи и искупленіи человѣка [3]). Слово о страсѣ

---

[1]) А въ позднѣйшихъ спискахъ читаются обращенія и далѣе въ текстѣ: „друже мой вѣрный, брате".

[2]) Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ списковъ слово и не надписывается именемъ Кирилла, а усвояется ему только на томъ основаніи, что помѣщается въ рукописяхъ между его сочиненіями. Кромѣ двухъ приведенныхъ заглавій оно имѣетъ еще третье: „Слово святыхъ отецъ о наказаньи".

[3]) Два эти слова суть обращенныя въ особыя слова двѣ части принадлежащаго неизвѣстному одного слова, которое надписывается „Слово о небесныхъ силахъ и чего ради созданъ бысть человѣкъ и о исходѣ души" и которое мы имѣемъ подъ руками въ рукописяхъ Волоколамской библіотеки XVI в. № 529, л. 655, № 534, л. 114 и № 576 л. 101 (того самаго, которое въ послѣдней изъ нашихъ рукописей усвояется преп. Авраамію и которое напечатано покойнымъ *Шевыревымъ* въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ, т. IX, стр. 182. Слово на соборъ архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ, напечатанное въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1847 г. кн. VIII и принимаемое *преосв. Макаріемъ*, Исторіи т. 3 изд. 2 стр. 177 sqq, за первообразъ нашихъ словъ, на самомъ дѣлѣ есть также сокращеніе изъ помянутаго слова Волоколамскихъ рукописей. Что касается до начала, то въ семъ послѣднемъ словѣ оно также: „Понеже тайна сія не всѣмъ откровена бысть и многими человѣки несвѣдома, но якоже рече Кириллъ философъ" и пр., а

Божіи, обращенное къ любимымъ братьямъ и сестрамъ, убѣждаетъ всегда имѣть предъ очами страхъ Божій и часъ смертный, всегда вспоминати и оныя страшныя муки, уготованныя грѣшникамъ; затѣмъ увѣщеваетъ — сихъ мукъ боящеся остати злодѣяти и потщиться ихъ избыти добрыми дѣлы. Судя по началу, слово какъ будто не только написано для чтенія, но и сказано въ церкви. Еслибы оно было не такъ кратко и такъ отрывочно и какъ-то спѣшно, а нѣсколько медленнѣе, пространнѣе и настоятельнѣе предлагало свои увѣщанія, то оно не только могло бы быть усвоено Кириллу Туровскому, но и долженствовало бы быть отнесено къ числу лучшихъ его словъ. Впрочемъ, и въ настоящемъ видѣ оно можетъ быть усвояемо ему не какъ нарочитое слово, а какъ нѣкая запись, сдѣланная въ минуту потребности излiять свои чувства и на воспоминаніе своей душѣ и всякой душѣ благочестивой [1]). Слово о первозданнѣмъ, весьма краткое и представляющее собой сокращеніе Слова о небесныхъ силахъ и чесо ради созданъ бысть человѣкъ на земли, нѣтъ сомнѣнія, усвояется Кириллу потому, что ему усвояется это послѣднее. Слово о томъ, яко не забывати учителей своихъ, есть краткое наставленіе объ этомъ послѣднемъ. Притча о душѣ человѣчестей и о тѣлеси и о преступленіи Божіи заповѣди и о воскресеніи тѣлъ человѣческихъ и о будущемъ судѣ и о муцѣ состоитъ въ томъ, что человѣкъ нѣкто добра рода насадилъ виноградъ и желая, чтобы его не обокрали стражи, приставилъ къ нему слѣпца и хромца, такъ какъ одинъ видѣлъ, но не могъ ходить, а другой ходилъ, но не могъ видѣть, но что эти послѣдніе, соединивъ свои способности видѣнія и хожденія посредствомъ того, что хромецъ сѣлъ на слѣпца, ухитрились его обокрасть, послѣ чего были имъ суждены и осуждены. Притча эта, въ которой человѣкъ добра рода означаетъ Бога Отца, слѣпецъ и хромецъ душу и тѣло человѣка, обокраденіе

въ словѣ на соборъ архистратига Михаила оно выпущено. Слѣдовательно, тутъ рѣчь о принадлежности не всего слова Кириллу философу — славянскому или не славянскому, а только того немногаго, что онъ сказалъ). Съ покойнымъ Шевыревымъ (Извѣстт. Акад. Н. VIII, 326) мы весьма наклонны усвоять это слово преп. Авраамію Смоленскому, который впрочемъ не долженъ быть считаемъ его настоящимъ сочинителемъ, а только составителемъ.

[1]) Въ словѣ между прочимъ читается: „боимся огненнаго родства". Что такое это родство, положительно сказать не можемъ, но предполагаемъ, что оно указываетъ на свой источникъ въ греческомъ, на которомъ могъ быть сдѣланъ каламбуръ изъ Γέννα, что есть одно и то же съ γένος—родъ, родство, и Γέεννα—геенна, адъ (можетъ быть, и все слово есть переводъ съ греческаго и дѣйствительно принадлежитъ какому-нибудь Кириллу).

винограда — паденіе послѣдняго и пр., есть собственно переводъ съ греческаго [1]), но трудъ ея русскаго автора состоялъ въ томъ, что вмѣсто краткаго объясненія, которымъ она сопровождается въ подлинникѣ, онъ написалъ къ ней пространное нравоучительное толкованіе. Это послѣднее по манерѣ и по характеру и вообще по всему напоминаетъ намъ Сказаніе о черноризчестѣмъ чину, о которомъ сейчасъ ниже и которое есть вся вѣроятность усвоять Кириллу; а поэтому мы склоняемся къ тому, чтобы видѣть его подлинное сочиненіе и въ настоящемъ случаѣ. Толкованіе съ одной стороны заключаетъ много очень хорошаго—назидательнаго, умнаго и остроумнаго, а съ другой стороны есть въ немъ перехитренное, натянутое и неудоборазумѣваемое. Впрочемъ, достоинства несомнительно преобладаютъ въ немъ въ значительной степени надъ недостатками [2]).

Изъ нравоучительныхъ статей, обращенныхъ къ мірянамъ, Кириллу усвояется одна, которая надписывается «Наказанье» и которая состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ и особыхъ частей [3]). Въ первой части авторъ увѣщеваетъ почитать святыя книги, не извиняясь никакими предлогами и не говоря, что «не наше есть дѣло почитанье книжное, но чернечьское»; при этомъ говорящихъ: «аще и чту, но не разумѣю», наставляетъ очистить сердце и душу къ пріятію премудрости, о невѣдомомъ вопрошать мудрѣйшихъ себе и съ вѣрою ждать вразумленія отъ Бога. Во второй части преподается наставленіе, не блажить нечестивыхъ живущихъ въ богатствѣ, а напротивъ блажить добрѣ живущихъ и бѣды пріемлющихъ въ мірѣ семъ лестнѣмъ. Все наказаніе весьма не велико и съ какой стати рѣчи о двухъ особыхъ и отдѣльныхъ матеріяхъ соединены въ одно, остается непонятнымъ. Считать за дѣйствительное произведеніе Кирилла Туровскаго представляется весьма сомнительнымъ.

Изъ нравоучительныхъ статей, обращенныхъ къ монахамъ, Кириллу усвояются три: Сказаніе о черноризчестѣмъ чину отъ Ветхаго Закона и Новаго, Слово къ Василію игумену Печерскому о мірскомъ сану и о мнишескомъ чину, составлено притчею, и Посланіе къ тому же игумену Василію [4]).

---

[1]) *Сухомл.* XLVII sqq.

[2]) По содержанію толкованіе назначено для всѣхъ, но оно писано, какъ дается въ немъ знать, къ какимъ-то монахамъ („аще міра сего властели и въ житейскихъ вещехъ труждающіися человѣцы прилежно требуютъ книжнаго почитанія, кольми паче намъ подобаетъ учитися въ нихъ“...).

[3]) Напечатано у Сухомлинова и у преосв. Евгенія.

[4]) Два первыя напечатаны у Калайдовича и у Сухомлинова; всѣ три—у пре-

Сказаніе о черноризчестѣмъ чину имѣетъ за свою принадлежность Кириллу свидѣтельства совершенно прямыя и весьма авторитетныя [1]), такъ что со всею вѣроятностію должно быть усвояемо именно ему. Общая мысль его есть та, чтобы преподать наставленія монахамъ, указывая поучающіе образы въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ и чуть ли вообще не представляя—что впрочемъ не ясно—Ветхій и Новый Завѣтъ образами монашества. Оно раздѣляется на три части: въ первой части, которая состоитъ изъ случайно взятыхъ примѣровъ и не имѣетъ настоящаго единства, преподаются монахамъ наставленія: чистоты отъ ветхозавѣтной жертвы (какъ эта жертва да не будеши короставъ и хромъ и слѣпъ), покоренія отъ новозавѣтной жертвы—свѣчи (свѣча ли еси, токмо до церковныхъ дверій въ своей воли буди и о томъ не разсматряй, како и чимъ тя потваряють) и т. д.; къ наставленіямъ присоединяются «приводы», въ которыхъ обличаются монахи, живущіе не по монашески. Эта часть не только не имѣющая общаго единства, но не особенно удовлетворительная и въ частномъ изложеніи, несмотря на то есть лучшая въ сказаніи, исполненная дѣйствительнаго назиданія. Во второй части «о Ароняхъ ризахъ и скимномъ образѣ» говорится о ветхозавѣтныхъ первосвященническихъ одеждахъ, знаменующихъ паденіе человѣка въ Адамѣ, и объ одеждахъ монашескихъ, соотвѣтствующихъ имъ и знаменующихъ искупленіе человѣка Христомъ. Эта часть, позволяя говорить себѣ не обинуясь, совершенно неудовлетворительна,—она преисполнена тѣхъ недостатковъ, которые мы указали выше въ толкованіи на притчу о душѣ человѣческой, именно—въ ней крайняя темнота, произволъ и натянутость толкованій и ухищренное остроуміе, выходящее изъ всякихъ должныхъ границъ. Въ третьей части объясняется, почему монахи называются носящими ангельскій образъ, и именно—что они представляютъ собой образъ не небесныхъ безплотныхъ ангеловъ, но ангеловъ земныхъ, «сирѣчь преподобныхъ мужъ законодавецъ, иже въ Ветхомъ и Новомъ Законѣ въ телеснѣй чистотѣ благоугодно послужиша (пожиша?)».

Слово о мірскомъ сану и о монашескомъ чину [2]), по надписанію адресованное Печерскому игумену Василію, на самомъ дѣлѣ, если

осв. Евгенія (а до преосв. Евгенія и въ славянскомъ подлинникѣ посланіе къ игумену Василію было напечатано въ X части Прибавл. къ творр. свв. отцц.).

[1]) Въ Синодальной Кормчей XIII в., по которой оно напечатано въ Памятникахъ Калайдовича, въ его надписаніи читается: „Кюрила епископа Туровскаго“.

[2]) Въ другихъ спискахъ оно надписывается „Притча о бѣлоризцѣ человѣцѣ и о мнишьствѣ и о души и о покаяніи“.

только не интерполированъ извѣстный въ настоящее время его текстъ, адресовано не сёму Василію и не въ Печерскій монастырь, а братству какого-то другаго неизвѣстнаго монастыря, ибо въ заключеніе слова авторъ обращается не къ одному лицу, а ко многимъ (ваше отечество, ваши души, вашъ покой) и выше говоритъ о Печерскомъ монастырѣ въ Кіевѣ какъ о чужомъ и постороннемъ для этихъ многихъ лицъ. Посредствомъ притчи, не оригинальной впрочемъ, а заимствованной и только приспособленной къ данному случаю [1]), въ словѣ показывается отношеніе между мірской жизнью и монашествомъ, именно что міръ—суета, а монастырь—прибѣжище спасенія и что худая монашеская жизнь безконечно честнѣе и блаженнѣе свѣтлой жизни мірской. Ничего нельзя сказать относительно того, принадлежитъ или не принадлежитъ это слово Кириллу, но, нѣсколько строго судя, едва ли можно признать за нимъ какое нибудь другое достоинство кромѣ приточной занимательности.

Посланіе къ Василію игумену Печерскому усвояется Кириллу Туровскому предположительно, но едва ли справедливо. Главное основаніе для предположенія есть то, что къ сему игумену писано Кирилломъ предшествующее слово; но, какъ мы сказали выше, существующія данныя заставляютъ считать слово писаннымъ не къ нему. Посланіе есть отвѣтъ на Василіево посланіе къ автору, въ которомъ этотъ спрашивалъ о великомъ и святомъ образѣ схимы, желая въ него облечься. Отвѣчающій наставляетъ вопрошающаго—во-первыхъ, возложить на себя схиму только послѣ зрѣлаго и неспѣшнаго разсужденія, во-вторыхъ — сдѣлавъ это, вести себя достойно великаго принятаго образа.

Отъ словъ Кирилла Туровскаго, которыя, какъ произведенія настояще ораторскія, представляютъ собою исключеніе, обращаемся къ тому, что не составляетъ въ нашемъ отдѣлѣ исключенія, т. е. къ словамъ и поученіямъ, которыя принадлежатъ къ естественному намъ роду письменности первобытной или къ словамъ и поученіямъ, которыя писаны не ораторами и не писателями образованными, а слагателями такими же только грамотными, какъ всѣ наши писатели періода до-монгольскаго по правилу.

Слагать слова и поученія и нравоучительныя статьи, имѣющія форму тѣхъ и другихъ, для человѣка только грамотнаго есть дѣло весьма трудное. Слово и поученіе не историческій разсказъ, гдѣ и общій планъ дается самой исторіей событія и въ частностяхъ остается

---

[1]) *Сухомл.* LIV sqq.

только разсказывать бывшее; здѣсь въ общемъ и въ частностяхъ нужно въ собственномъ смыслѣ слова сочинять. Для человѣка только грамотнаго, не учившагося сочинять школьнымъ образомъ, искусство это, какъ извѣстно, есть искусство величайшей трудности, ибо и логика и слово совсѣмъ ему не повинуются. Весьма естественно поэтому, что періодъ до-монгольскій представляетъ намъ весьма не много словъ и поученій или имѣющихъ ихъ форму нравоучительныхъ статей, принадлежащихъ писателямъ только грамотнымъ. Собственно говоря, мы весьма мало въ нихъ и нуждались. У насъ была весьма богатая относительнымъ образомъ нравоучительная литература, въ видѣ церковныхъ словъ и въ видѣ нарочитыхъ сочиненій, въ переводахъ съ греческаго. Единственное, что̀ въ этомъ родѣ дѣйствительно требовалось,—это обличительныя слова или статьи противъ пороковъ, спеціально бывшихъ свойственными до-монгольскому русскому обществу. Были однако у насъ немногіе люди, которые ознаменовали себя и въ семъ родѣ писательства, при чемъ ознаменовали себя главнымъ образомъ не столько какъ писатели въ собственномъ смыслѣ этого слова или оригинальные, сколько какъ компиляторы, составлявшіе слова и поученія посредствомъ выбора изъ существовавшихъ въ славянскомъ переводѣ источниковъ греческихъ.

Писатели раздѣляются на двѣ группы: на извѣстныхъ по именамъ и неизвѣстныхъ (анонимовъ).

Въ весьма недлинномъ ряду писателей извѣстныхъ по именамъ первое мѣсто по хронологическому порядку занимаетъ епископъ Новгородскій Лука Жидята, замѣчательный тѣмъ, что онъ есть и вообще или самый первый или, по крайней мѣрѣ, второй (послѣ митрополита Иларіона) нашъ писатель.

Лука былъ поставленъ въ епископы по избранію Ярослава въ 1036-мъ г. Въ 1055-мъ году онъ былъ оклеветанъ своими холопами предъ митрополитомъ, вслѣдствіе чего былъ вызванъ въ Кіевъ, гдѣ содержался въ заключеніи три года. Оправдавшись затѣмъ, бывъ освобожденъ и возвращенъ на каѳедру, онъ умеръ послѣ 23-лѣтняго правленія въ 1058-мъ или въ 1059 году.

Епископъ Лука ознаменовалъ свою писательскую дѣятельность чрезвычайно немногимъ, онъ оставилъ послѣ себя и всего одно нравоучительное сочиненіе, имѣющее размѣры самаго краткаго поученія [1]).

[1]) Напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. I стр. 7; по новому списку, представляющему нѣкоторыя отличія,—*преосв. Макаріемъ* въ Исторіи, т. I, изд. 2 стр. 278, и въ третій разъ г. *Пономаревымъ* въ первомъ выпускѣ Памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы.

Сочиненіе это, въ дошедшихъ до насъ спискахъ имѣющее надписаніе поученія, обыкновенно принимается за дѣйствительное поученіе, сказанное въ церкви. Но если бы это было такъ, то возникали бы не легко разрѣшимыя недоумѣнія. Если епископъ Лука имѣлъ способность и охоту слагать и сказывать поученія, то почему онъ ограничился только однимъ? Если онъ не имѣлъ къ сему ни способности ни охоты, то кто заставлялъ его писать и это одно? Такія недоумѣнія располагаютъ думать, что поученіе епископа Луки не есть обыкновенное поученіе, а что-то другое. Всего вѣроятнѣе видѣть въ немъ поучительное посланіе къ паствѣ или поученіе, адресованное къ ней письменно при случаѣ какого-то разлученія съ нею,—временнаго или вѣчнаго. Нѣтъ никакого препятствія разумѣть и послѣдній случай, т. е. видѣть въ поученіи Луки его предсмертное завѣщаніе, обращенное къ паствѣ. Но намъ представляется болѣе вѣроятнымъ разумѣть одинъ изъ первыхъ случаевъ. Мы сказали выше, что въ 1055-мъ г. Лука по оклеветаніи своихъ холоповъ былъ вызванъ въ Кіевъ къ митрополиту: представляется намъ вѣроятнымъ думать, что именно при семъ случаѣ и было адресовано имъ наше поученіе къ своей паствѣ. Что во всякомъ случаѣ оно не есть обыкновенное поученіе, сказанное въ церкви, а именно поученіе, написанное къ паствѣ при какомъ-то особенномъ случаѣ, это подверждается и имъ самимъ. Въ его заключеніи говорится: «Богъ же мира со всѣми вами»,—эти слова прощанія, нисколько не умѣстныя въ обыкновенномъ поученіи, могутъ идти именно только къ указанному нами письменному поученію по особенному случаю. Мы сказали, что поученіе въ дошедшихъ до насъ спискахъ надписывается поученіемъ, но оно надписывается не просто поученіемъ, но поученіемъ къ братіи—«поученіе епископа Луки къ братіи». Это прибавленіе «къ братіи» также даетъ знать, что его нужно разумѣть не какъ обыкновенное поученіе, сказанное въ церкви, а какъ поученіе болѣе общее, обращенное ко всей паствѣ.

Если смотрѣть на поученіе епископа Луки, какъ мы на него смотримъ, то очень можетъ быть, что оно сочинено не имъ самимъ, а по его приказанію и отъ его лица кѣмъ нибудь другимъ. Какъ бы то ни было, поученіе, весьма необширное, представляетъ собою рядъ краткихъ и общихъ наставленій въ вѣрѣ и добромъ поведеніи христіанскомъ. «Се братіе,—начинается оно,—первѣе всего сію заповѣдь извѣстно должны есмы вси крестіане держати — вѣровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ—въ Отца и Сына и Святаго Духа, якоже научили апостоли, святіи отцы утвердиша: Вѣрую въ единаго Бога до

конца. Вѣруйте же ми кресенію [1]) и жизни вѣчной и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй. Не лѣнитеся къ церкви ходити и на заутреню и на обѣдню и на вечерню. И въ своей клѣти, хотя спати, Богу поклонився, толико лязи...» [2]). Далѣе о надлежащемъ стояніи въ церкви, о любви къ ближнимъ, о несваженіи, о несужденіи другихъ, о милосердіи къ страннымъ и темничнымъ и къ своимъ сиротамъ, т. е. къ рабамъ, о ненасмѣханіи и ненаруганіяхъ надъ другими и воздержаніи отъ гнѣва, срамословія и бранчивости, о смиреніи и кротости, о почитаніи старыхъ людей и родителей своихъ, о неупотребленіи клятвы и проклятій, о правомъ судѣ, о почитаніи князя, іерея и всѣхъ слугъ церковныхъ и рабами о почитаніи господъ. Конецъ поученія: «не убій, не укради, не солжи, лжи послухъ не буди, не ненавиди, не завиди, не клевечи, бляди не твори ни съ рабою ни кимъ же, не пій безъ года [3]), но здоволъ, а не до піанства; не буди гнѣвливъ, ни напрасливъ буди, съ радующимися радуйся, съ печальными печаленъ; не ядите скверна, святая дни чтите. Богъ же мира со всѣми вами. Аминь» [4]).

Второй, извѣстный по имени, писатель правоучительнаго отдѣла изъ группы писателей только грамотныхъ или писателей самоучекъ есть преп. Ѳеодосій Печерскій.

Какъ истинный игуменъ истиннаго монастыря, преп. Ѳеодосій долженъ былъ стараться объ исполненіи своей обязанности непрестанно поучать находившуюся подъ его духовнымъ руководствомъ братію. Эта обязанность непрестаннаго устнаго поученія не налагала на него обязанности стать для своей братіи писателемъ; но онъ является и таковымъ. Мы полагаемъ, что преп. Ѳеодосій желалъ въ семъ случаѣ вполнѣ уподобиться своему идеалу—преп. Ѳеодору Студиту. Этотъ послѣдній написалъ для монаховъ своего монастыря или для своихъ учениковъ весьма длинный рядъ поученій, который представляетъ со-

---

[1]) Т. е. воскресенію.

[2]) Т. е. и въ своемъ домѣ ложись спать, только помолившись напередъ Богу.

[3]) Т. е. безъ времени.

[4]) Въ спискѣ преосв. Макарія поученіе надписано: „Слово поученіе ерусалимское“ можетъ быть, потому, что оно, представляя собою краткій завѣтъ христіанамъ, было сближаемо съ тѣми апокрифическими епистоліями съ неба, содержавшими въ себѣ тѣ или другіе завѣты христіанамъ, которыя будто бы ниспосылались въ Іерусалимѣ и которыя поэтому назывались свитками Іерусалимскими (см. статью *Пыпина* „Для объясненія ложныхъ книгъ и преданій“ въ Лѣтописи занятій Археограф. Коммиссіи, вып. 2).—Въ поученіи находятся два непонятныя слова: москолудство и похритатися. Москолудство значитъ: зубоскальство, насмѣханіе надъ кѣмъ; похритатися—надругься надъ кѣмъ.

бою цѣлую, болѣе или менѣе полную и законченную, систему нравоученія и который, какъ одно цѣлое, носитъ общее имя Катихизиса или оглашенія [1]). Преп. Ѳеодосій не въ состояніи былъ сдѣлать что-нибудь подобнаго и, заявляя свою ревность, сдѣлалъ то, что могъ и что было ему по силамъ. Въ настоящее время изъ его поученій къ монахамъ извѣстны—пять, дошедшія до насъ въ полномъ и подлинномъ своемъ видѣ, и два—дошедшія въ отрывкахъ и въ чужой, слѣдовательно, можетъ быть, болѣе или менѣе вольной, передачѣ [2]). Содержаніе поученій, излагать которое подробно не представляется нужды, есть слѣдующее: во-первыхъ, увѣщаніе къ добродѣтелямъ и подвигамъ—къ самоотверженной и дѣятельной любви къ Богу, къ терпѣнію и мужеству въ подвигахъ монашескихъ, къ возненавидѣнію міра и всего, что въ немъ, и къ непрестанному покаянію, къ прогнанію злыхъ помысловъ и къ достойному провожденію великаго поста; во-вторыхъ, дисциплинарныя наставленія, именно—наставленіе о хожденіи въ церковь и о поведеніи во время пребыванія въ ней; въ-третьихъ, обличенія къ братіи и именно, съ одной стороны — за ихъ ропотъ на то, что онъ—Ѳеодосій часто не хотѣлъ постригать въ монахи и удалялъ изъ монастыря тѣхъ, которые оказывались въ искусѣ слабыми и нерадивыми, и что онъ принималъ въ монастырь на его содержаніе странниковъ и бѣдныхъ, съ другой стороны—за недостатокъ покоренія и смиренія, за лѣность о хожденіи въ церковь на службы и вообще за нерадѣніе о своемъ спасеніи и за необращеніе къ нему — игумену для духовныхъ совѣтовъ. Къ двумъ послѣднимъ отдѣламъ мы возвратимся, когда будемъ говорить о нашемъ монашествѣ въ періодъ до-монгольскій. Есть основанія полагать, что поученій къ братіи преп. Ѳеодосіемъ написано было болѣе, нежели сколько извѣстно въ настоящее время [3]), но во всякомъ случаѣ число ихъ не можетъ быть предполагаемо слишкомъ большимъ и во всякомъ случаѣ нужно о нихъ думать, что они не представляли собой по содер-

---

[1]) *Fabricii* Bibliotheca Graeca ed. Harles, X, 434 sqq.

[2]) Всѣ поученія преп. Ѳеодосія — полныя и въ отрывкахъ напечатаны *преосв. Макаріемъ* въ Ученыхъ Запискахъ 2-го Отд. Акад. Наукъ, кн. II вып. 2, первыя пять—стрр. 203—213, вторыя два стрр. 200—203 (преосв. Макарій принимаетъ четыре отрывка, но мы не кладемъ въ счетъ двухъ отрывковъ, взятыхъ изъ Несторова житія преп. Ѳеодосія, слишкомъ незначительныхъ); затѣмъ поученія напечатаны въ первомъ выпускѣ издаваемыхъ г. *Пономаревымъ* Памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы.

[3]) См. *Востокова* въ Описан. Румянц. Музея, стр. 615 col. 1.

жанію какого нибудь полнаго цѣлаго, подобно поученіямъ Ѳеодора Студита, а были только, такъ сказать, отрывочнымъ и не конченнымъ нѣчто, что ими не достигалась вполнѣ какая нибудь цѣль, а главнымъ образомъ свидѣтельствовалось усердіе къ посильному исполненію своихъ обязанностей со стороны ихъ автора [1]).

Составляютъ въ настоящее время предметъ спора усвоявшіяся прежде преп. Ѳеодосію Печерскому два поученія къ мірянамъ, которыя, не представляя собой его сочиненій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, могутъ быть принимаемы за его произведенія какъ составителя [2]).

Довольно значительная часть одного поученія, которое надписывается въ спискахъ поученіемъ о казняхъ Божіихъ, посвящена рѣчи о казняхъ, посылаемыхъ свыше на земли и народы. Сказавъ и показавъ, что казни эти, именно—болѣзни, голодъ, бездождіе, нашествіе иноплеменниковъ, междуусобныя войны, посылаются Богомъ за грѣхи людей, авторъ обличаетъ въ послѣднихъ своихъ современниковъ и призываетъ ихъ къ покаянію. Далѣе въ поученіи слѣдуютъ: обличеніе современникамъ автора за языческія суевѣрія и языческіе обычаи, которыхъ они держались, и за всѣ непотребныя дѣла, которыми обольщалъ ихъ діаволъ; обличеніе за худое стояніе въ храмѣ съ увѣщаніемъ стоять благоговѣйно и приходить въ церковь съ очищеннымъ сердцемъ; наставленіе о соблюденіи постовъ не только тѣлесномъ, но и духовномъ; наконецъ, сильное обличеніе пребывающимъ въ пьянствѣ съ показаніемъ, какъ оно противно Богу и какъ угодно діаволу.

Въ другомъ поученіи, которое по своему содержанію также смѣшанно, сначала преподаются наставленія относительно того, что обѣду и всякой трапезѣ двѣ молитвы, что кутью уставлено святить въ честь святымъ [3]) и за упокой, но не во оставленіе грѣховъ, что обѣда и ужина святить за упокой не установлено [4]), что въ алтарь не должно вносить ничего снѣднаго, кромѣ просфиры, ладана и свѣчи; за тѣмъ болѣе пространно говорится о лѣпомъ и честномъ сидѣніи за столомъ во время обѣда, безъ пустошныхъ словъ, безъ смѣха и кощуновъ

---

[1]) Изъ пяти полныхъ поученій преп. Ѳеодосія къ монахамъ четыре имѣютъ довольно однообразное надписаніе—два о терпѣніи и о любви, одно о терпѣніи и милостынѣ и одно о терпѣніи и о смиреніи. Не указываетъ-ли это на что-нибудь?

[2]) Напечатаны *преосв. Макаріемъ* тамъ же, стр. 193 — 200; одно изъ нихъ съ значительною вставкою еще въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г., ч. 3 стр. 256.

[3]) Объясненіе сего послѣ въ отдѣлѣ о богослуженіи.

[4]) Т. е. что не положено обязательныхъ и какъ бы священныхъ обѣдовъ и ужиновъ въ память покойниковъ.

и пр. [1]), и наконецъ всего пространнѣе о пьянствѣ. Пьяницы ухитрялись обращать въ свою пользу благочестіе. Существовалъ обычай пить на торжественныхъ и праздничныхъ обѣдахъ чаши Спасителя, Божіей Матери и святыхъ празднуемыхъ съ произнесеніемъ передъ ними тропарей [2]): пьяницы, желая пить какъ можно болѣе этихъ чашъ, утверждали, что чѣмъ болѣе говорится тропарей, тѣмъ благочестивѣе. Авторъ поученія, желая положить предѣлы этому благочестивому пьянству, дѣлаетъ указъ относительно количества чашъ на обѣдахъ: «въ пиру говорить чашамъ тропарей только три—передъ началомъ обѣда славится Христосъ Богъ нашъ, передъ окончаніемъ прославляется Дѣва Марія, рождшая Христа Бога, а третья чаша князя, а больше не велимъ; если и поемые въ церкви при трезвомъ умѣ тропари не рождаютъ плача, то тропари, творимыя у питья, не плачь рождаютъ, а грѣхъ и муку; говорить въ пиру многіе тропари уставили не Богу, но чреву работники, желая много пить». Бо́льшую и главную часть поученія составляетъ весьма сильное увѣщаніе и обличеніе, съ которыми авторъ обращается къ тропарнымъ и безтропарнымъ пьяницамъ: «сами пытайте въ писаніи, что̀ сказала Пресвятая Богородица св. Василію [3]): «если хочешь—сказала она ему—быть моимъ любимымъ другомъ и имѣть меня заступницей и скоропослушницей во всѣхъ бѣдахъ, откажись отъ многаго питья, а если будешь приносить молитвы пьяный, то не только не будешь услышанъ, но и болѣе разгнѣваешь Бога». Кто упоитъ другаго насильно, да постится 7 дней, а если упоенный блюетъ, да постится 40 дней [4]). Много объ этомъ пишется въ правилахъ, но умнымъ и сказаннаго довольно, а неумные не повѣрятъ, хотя бы имъ повѣдать сказанія книгъ всего міра. Если писанію не вѣрите, имѣйте вѣру дѣламъ своимъ: когда напивающіеся до пьяна съ тропарями — одни ползаютъ на колѣнахъ, не будучи въ состояніи держаться на ногахъ, а другіе валяются въ калѣ и блюютъ готовые испустить духъ [5]), въ ругательство и посмѣхъ давъ себя и

[1]) Сіе по списку Правосл. Собесѣдника.

[2]) См. *Дюканжа* Glossar. Graecit. подъ словами Παναγία и Πρεσβεία и *Рейскія* Комментарій къ Порфирог. De ceremm. aulae Byzant. lib. II cap. 16, not. 45, у *Миня* въ Патр. t. 112 p. 1122.

[3]) Василію Новому (26 Марта), тому самому, изъ житія котораго повѣсть о мытарствахъ.

[4]) У Кирика „да постится 40 дней упившійся“, cfr Іоанна Постника, — у *Ралли* и *П.* IV, 445.

[5]) У преосв. Макарія „хочетъ ся пересѣсти“, въ Правосл. Собесѣдн. „издохнути хощутъ“.

хранителя души своей ангела отгнавъ отъ себя, то многіе тропари, которые они говорили надъ чашами, избавятъ ли отъ бѣды той само-хотно бѣсящихся? Бѣсноватый страдаетъ не по своей волѣ и онъ получитъ (за свое страданіе) царство небесное, а пьяный, страдая по собственной волѣ, добудетъ себѣ вѣчную муку: священникъ, пришедъ къ бѣсноватому и сотворивъ молитву, прогонитъ бѣса, а къ пьяному если бы и со всей земли собрались священники, то не прогонятъ самовольнаго бѣса запойства злаго. И поэтому-то святые отцы положили въ уставныхъ книгахъ не каждый день говорить въ церкви тропари, а только въ нарочитые праздники».

Первая половина перваго поученія, т. е. поученія о казняхъ Божіихъ, представляетъ собою заимствованіе или изъ слова Златоустаго о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ, которое читается въ сборникѣ словъ Златоустаго, извѣстномъ подъ именемъ Златоструя, или же изъ другаго греческаго, неизвѣстно кому принадлежащаго и неизвѣстнаго въ своемъ подлинномъ видѣ, слова или вообще сочиненія [1]). А вторая половина поученія заимствована изъ разныхъ древнихъ, отчасти извѣстныхъ, отчасти неизвѣстныхъ поученій [2]). Изъ сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что поученіе не можетъ быть усвояемо преп. Ѳеодосію Печерскому, какъ его настоящее или въ точномъ смыслѣ слова сочиненіе. Но затѣмъ вопросъ: не можетъ ли оно быть усвояемо Ѳеодосію какъ составителю, ибо кѣмъ-нибудь оно во всякомъ случаѣ составлено? Сейчасъ названные нами ученые отвѣчаютъ на вопросъ отрицательно, мы же съ своей стороны полагаемъ, что отвѣтъ на вопросъ долженъ быть данъ положительный. Значительная часть нашего поученія читается въ первоначальной лѣтописи подъ 1068-мъ годомъ въ видѣ правоучительной вставки, такъ что слѣдуетъ предполагать одинъ изъ двухъ случаевъ—или что лѣтописецъ взялъ изъ слова, составленнаго неизвѣстнымъ, или что составитель слова взялъ изъ лѣтописи. И. И. Срезневскій, вполнѣ принимаемый преосв. Антоніемъ,

[1]) Половина до обличенія современниковъ за языческія суевѣрія, которое начинается словами: „Се бо не погански ли творимъ? Аще кто усрящетъ черница или черницю, то возвращаются"... См. *И. И. Срезневскаго* Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № XXIV, имѣющій заглавіе: „Источникъ поученія, внесеннаго въ Повѣсть временныхъ лѣтъ и приписаннаго препод. Ѳеодосію Печерскому", и *преосв. Антонія* статью: „Такъ называемыя поученія Ѳеодосія Печерскаго къ народу русскому",—во 2-мъ изданіи сборника статей: „Изъ исторіи христіанской проповѣди" стр. 282 sqq.

[2]) *Преосв. Антоній* ibid., стр. 291 fin..

находитъ, что долженъ быть предполагаемъ первый случай, изъ чего будетъ слѣдовать, что поученіе не можетъ быть усвояемо Ѳеодосію. Мы со своей стороны находимъ гораздо болѣе вѣроятнымъ предполагать второй случай, изъ чего будетъ слѣдовать, что поученіе можетъ быть усвояемо преп. Ѳеодосію. Что лѣтописецъ внесъ въ лѣтопись, въ видѣ правоучительной вставки, часть поученія, это совершенно естественно и въ этомъ нѣтъ ничего недоумѣннаго. Но чтобы кто-то взялъ изъ лѣтописи ея правоучительную вставку и, дополнивъ ее изъ другихъ нѣсколькихъ источниковъ, сдѣлалъ изъ нея поученіе или превратилъ ее въ поученіе, это представляется намъ вовсе неестественнымъ и невѣроятнымъ. Но, считая возможнымъ усвоять слово преп. Ѳеодосію, мы вовсе не настаиваемъ на томъ, чтобы оно непремѣнно и было ему усвояемо. Послѣднее мы считаемъ лишь не мало вѣроятнымъ.

Принадлежность преп. Ѳеодосію Печерскому втораго поученія,— о тропарныхъ чашахъ, положительно отрицается нѣкоторыми на томъ основаніи, что въ наибольшей части списковъ оно усвояется надписаніемъ св. Панкратію, что только въ надписаніи немногихъ списковъ стоитъ имя Ѳеодосія, который не называется Печерскимъ и отношеніе котораго къ поученію обозначено такъ, что дается видѣть въ немъ простаго переписчика поученія [1]).

Въ послѣднемъ случаѣ разумѣется то, что въ двухъ извѣстныхъ спискахъ поученіе надписывается: «слово писано святымъ Ѳеодосіемъ мнихомъ» и что въ третьемъ спискѣ надписывается: «поученіе святаго Панкратія... списано Ѳеодосіемъ худымъ мнихомъ». Но чтобы на основаніи сейчасъ указаннаго видѣть въ Ѳеодосіи мнихѣ писца или переписчика поученія, съ этимъ мы вовсе не можемъ согласиться: ни у насъ, ни у кого бы то ни было писцы или переписчики не выставляли своихъ именъ въ надписаніяхъ сочиненій, которыя они переписывали, и допустить, чтобы въ нашемъ случаѣ это было такъ, значило бы допустить то, примѣровъ чего мы вовсе не знаемъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ списковъ поученія намъ называется сочинитель или составитель послѣдняго. Но что же такое значитъ, что поученіе принадлежитъ и Ѳеодосію мниху и св. Панкратію, которому оно усвояется наибольшею частію списковъ? Это вѣроятно понимать такъ, что оно составлено на основаніи житія св. Панкратія, именно—житія священномученика Панкратія, епи-

[1]) Преосвящ. Антоній, ibid. стр. 294 sqq.

скопа Тавроменійскаго, ученика ап. Петра. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками подлиннаго житія св. Панкратія ни въ греческомъ оригиналѣ ни въ славянскомъ переводѣ [1]), а поэтому и не можемъ сказать: просто ли мнихъ Ѳеодосій извлекъ поученіе изъ житія или же только воспользовался послѣднимъ при составленіи перваго какъ однимъ изъ своихъ источниковъ. Но на основаніи нѣкоторыхъ указаній должно предполагать второй случай [2]). Кто такой былъ мнихъ Ѳеодосій, составившій поученіе,—преподобный ли Ѳеодосій Печерскій или Ѳеодосій Грекъ, жившій въ половинѣ XII вѣка, о которомъ мы говорили выше и о которомъ нѣсколько ниже,—въ отдѣлѣ нашихъ писателей изъ Грековъ, данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ никакихъ, и единственное, что мы можемъ сказать здѣсь, есть только то, что нѣтъ никакихъ препятствій усвоять его и преп. Ѳеодосію Печерскому [3]).

Предполагая не невѣроятное, что оба поученія составлены преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ, мы должны будемъ отозваться о нихъ съ большою похвалой: составленныя на основаніи чужихъ источниковъ онѣ совершенно идутъ къ русскому обществу, такъ что обличеніе чужими словами имѣетъ въ нихъ полный видъ своего собственнаго обличенія, и оба представляютъ собой хорошія популярно-обличительныя поученія [4]).

На третьемъ мѣстѣ въ числѣ извѣстныхъ по имени писателей правоучительнаго отдѣла, принадлежащихъ къ группѣ писателей только грамотныхъ или писателей самоучекъ, долженъ быть поставленъ Илія, архіепископъ Новгородскій.

[1]) На греческомъ оно доселѣ не напечатано, а въ славянскихъ рукописяхъ чрезвычайно рѣдко (какъ апокрифически—баснословное и отреченное).

[2]) Житіе Панкратія, неизвѣстно когда написанное, во всякомъ случаѣ было въ рукахъ у преп. Ѳеодора Студита въ началѣ IX вѣка, см. *Lambec.* VIII, 204, а въ поученіи есть ссылки на житіе Василія Новаго, который жилъ въ первой половинѣ X вѣка.

[3]) Вопросъ будетъ рѣшонъ не въ пользу Ѳеодосія Печерскаго въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что въ его время еще не было переведено на славянскій языкъ житіе Василія Новаго и слѣдовательно — что онъ еще не могъ читать его.—Въ одномъ спискѣ XVI в. поученіе найдено Срезневскимъ съ именемъ Василія Великаго,—Свѣдѣній и замѣтокъ № LVIII.

[4]) Преп. Ѳеодосію усвояется еще рукописями и новыми изслѣдователями посланіе къ вел. кн. Изяславу Ярославичу о вѣрѣ варяжской или латинской. Но по нашему рѣшительному мнѣнію оно принадлежитъ Ѳеодосію не Печерскому, а значительно позднѣйшему, и писано не къ Изяславу, а къ другому князю, см. ниже въ писателяхъ изъ Грековъ.

Выше мы сказали о не-давно найденномъ поученіи архіепископа Иліи, которое было предложено имъ священникамъ своей епархіи въ первое сборное воскресеніе послѣ занятія имъ каѳедры епископской. Поученіе это, съ одной стороны или отчасти, представляетъ изъ себя памятникъ каноническій, какъ бы епископскій административнаго содержанія указъ, такъ какъ архіепископъ преподаетъ въ немъ священникамъ наставленія относительно должнаго и желательнаго ихъ поведенія въ разныхъ случаяхъ ихъ священнической практики; а съ другой стороны или отчасти—поученіе есть въ собственномъ смыслѣ поученіе, долженствующее быть относимо какъ таковое къ отдѣлу памятниковъ письменности нравоучительному, поелику архіепископъ обращается въ немъ съ увѣщаніями къ священникамъ о доброй христіанской и пастырской жизни. Въ качествѣ поученія въ собственномъ смыслѣ имѣя быть относимо къ произведеніямъ литературнымъ и будучи оцѣниваемо какъ таковое, поученіе несомнѣнно свидѣтельствуетъ о природномъ ораторскомъ талантѣ автора. Въ своихъ нравственныхъ увѣщаніяхъ къ священникамъ архіепископъ очень краткокъ, потому что иначе очень длиннымъ вышло бы поученіе, и безъ того значительно длинное: но языкъ его краткихъ увѣщаній есть складно-простой и живой, любящій драматическо-діалогическую форму,—языкъ, который несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ его способности къ слаганію настоящихъ поученій.

Оканчивая поученіе, архіепископъ проситъ у священниковъ прощенія въ томъ, что малое слово изрекъ имъ и въ оправданіе свое говоритъ: «но вы сами вѣдаете, оже азъ не который книжникъ», т. е. вы сами знаете, что я не Богъ вѣсть какой книжникъ. Если архіепископъ разумѣетъ не одну книжную начитанность, о которой мы ничего не можемъ сказать, но и свою способность слагать поученія, то онъ такъ отзывается о себѣ по скромности.

Архіепископъ Илія занималъ каѳедру Новгородскую въ продолженіе 21-го года; слѣдовательно, въ продолженіе его правленія тѣ же 21 разъ было или повторялось и сборное воскресеніе. Можно и вѣроятно думать, что при своей способности къ учительству архіепископъ не ограничился однимъ только поученіемъ, сказаннымъ въ первое сборное воскресеніе своего пребыванія на каѳедрѣ и что если не слагалъ ихъ каждый годъ: то по крайней мѣрѣ и еще сложилъ нѣсколько. А поэтому можно имѣть надежду, что эти другія нѣсколькія сборскія или сборно-воскресныя его поученія когда нибудь и будутъ въ томъ иль другомъ числѣ найдены. Равнымъ образомъ, не не-

возможно думать, что, имѣя талантъ къ слаганію поученій, онъ и вообще до нѣкоторой степени занимался ихъ слаганіемъ, такъ что и здѣсь не совершенно неосновательна соотвѣтственная надежда на будущее.

Въ рукописяхъ нашихъ усвояется одно краткое поученіе митр. Иларіону. Поученіе надписывается или словомъ святаго Иларіона, митрополита Кіевскаго, или поученіемъ святаго Иларіона о пользѣ душевной ко всѣмъ православнымъ христіанамъ и, начинаясь словами: «Потщимся, братіе и сестры, къ вѣчнѣй жизни свѣтлѣй, юже намъ Господь, по своей милости, туне даетъ, а сея временныя и скверныя, аки змiиныхъ ядовитыхъ устенъ, бѣгаемъ и не прикасаемся къ ней», содержитъ рядъ увѣщаній дѣлать сейчасъ указанное [1]).

Но мы весьма сомнѣваемся, чтобы поученіе дѣйствительно принадлежало митр. Иларіону. Будучи достаточно складнымъ и вообще въ литературномъ отношеніи удовлетворительнымъ, оно тѣмъ не менѣе нисколько и ничѣмъ не даетъ видѣть въ своемъ авторѣ того блестящаго оратора, какимъ былъ митр. Иларіонъ. Если будемъ смотрѣть на поученіе, какъ на дѣйствительное поученіе, произнесенное въ церкви, то возникнетъ совершенно недоумѣнный вопросъ: что̀ значитъ, что Иларіонъ, хотѣвъ писать поученія, ограничилъ свою дѣятельность въ семъ случаѣ и всего однимъ поученіемъ? А что бы поученіе было написано по какому нибудь особенному случаю, которымъ можно было бы объяснять появленіе на свѣтъ единственнаго поученія, этого въ немъ вовсе не дается знать. Но совершенно ясно изъ поученія, что оно не дѣйствительное поученіе, произнесенное въ церкви, а нравоучительная статья, написанная для чтенія. Если же это такъ, то предполагать, чтобы митр. Иларіонъ хотѣлъ написать подобныхъ малыхъ размѣровъ и подобной легкости въ отношеніи къ содержанію нравоучительную статью для чтенія значило бы допускать, что онъ имѣлъ охоту написать ученическое упражненіе. Вѣроятно, что поученіе принадлежитъ какому нибудь Иларіону греческому и что митр. Иларіону оно усвоено однимъ изъ нашихъ старыхъ неудачныхъ библіографовъ.

Выше мы сказали, что весьма наклонны вмѣстѣ съ Шевыревымъ усвоять преп. Аврамію Смоленскому «Слово о небесныхъ силахъ и чего ради созданъ бысть человѣкъ и о исходѣ души». Въ одной изъ Волоколамскихъ рукописей (№ 576, л. 101) слово усвояется преподобному отцу Авраамію; а основаніемъ видѣть въ преп. Авраамiи Аврамія

---

[1]) Напечатано въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцевъ, ч. II, стр. 293.

Смоленскаго служитъ для насъ то, что послѣдній, будучи проповѣдникомъ покаянія, занимался мытарствами, которымъ посвящена половина нашего слова, и приказалъ написать икону съ ихъ изображеніемъ (житіе).

Неизвѣстному Кириллу, въ которомъ не должно видѣть Туровскаго, какъ мы также указывали выше, усвояется «Слово въ 1-ю недѣлю поста, поученіе на сборъ». Слово, какъ будто очень нехудое или даже и совсѣмъ очень хорошее, состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части—о постѣ, именно—объ его важности и въ чемъ онъ долженъ состоять, чтобы быть истиннымъ постомъ; во второй части передается исторія совершаемаго въ первую недѣлю праздпества православія [1]).

Слишкомъ не многочисленны извѣстные въ настоящее время по именамъ домонгольскіе писатели словъ и поученій въ собственномъ и несобственномъ смыслѣ. Но очень возможно, что были и другіе, подобные Кириллу Туровскому, исключительные ораторы, т. е. ораторы, получившіе такъ же, какъ и онъ, настоящее образованіе; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что были и еще другіе кромѣ указанныхъ неисключительные слагатели словъ и поученій съ образованіемъ, состоявшимъ изъ одной грамотности [2]). Мы сказали выше, что число этихъ послѣднихъ не должно быть представляемо слишкомъ большимъ, такъ какъ писательство въ настоящемъ родѣ, о которомъ говоримъ, есть вещь весьма трудная для человѣка только грамотнаго. Полагаемъ однако, что къ сказанному должна быть сдѣлана оговорка. Слагателей словъ и поученій сколько-нибудь самостоятельныхъ, сколько-нибудь такихъ, которые бы имѣли дѣйствительное право и претензію на имя сочинителей, нѣтъ сомнѣнія, было немного. Но затѣмъ оставался еще особый родъ сочинительства — компиляція, нѣкоторая передѣлка словъ

---

[1]) Содержаніе слова подробно излагается въ статьѣ *А. В. Горскаго*: „О древнихъ словахъ на святую четыредесятницу", напеч. въ XVII части Прибавлл. къ творр. сввв. отцц. стр. 45). Между обличеніями читается весьма замѣчательное (какъ указалъ А. В.): „Вижу бо многи бьюща дружину свою (ближнихъ своихъ) изъ беззаконьныхъ накладовъ (ростовъ, процентовъ), дондеже продадятся поганымъ. Окаянне! Кого еси вогналъ въ поганьство мала ради прибытка? Такого же человѣка, паче же христіанина"...

[2]) Мы раздѣляемъ писателей нравоучительнаго отдѣла на двѣ категоріи—на получившихъ настоящее образованіе и на неполучившихъ его. Подозрѣваемъ, что при бо́льшей разработкѣ памятниковъ они будутъ еще раздѣлены на писателей изъ духовныхъ и на писателей изъ свѣтскихъ и что между тѣми и другими окажется значительное различіе.

греческихъ или составленіе новыхъ словъ посредствомъ выбора изъ нихъ, съ небольшимъ въ томъ и другомъ случаѣ прибавленіемъ собственнаго авторства. Думаемъ, что количество этого особаго рода сочинителей должно быть предполагаемо наоборотъ болѣе или менѣе значительнымъ.

Изъ безъименныхъ или принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ словъ и поученій въ настоящее время извѣстны изъ періода до-монгольскаго или съ вѣроятностію къ нему относятся:

1. Слово въ субботу сыропустную, (егда) память творимъ святыхъ отецъ. Послѣ исчисленія прославленныхъ подвижниками мѣстъ Египта, Сиріи и Греціи авторъ называетъ «и новопросіявшую на Руси Печеру». Послѣ святыхъ греческихъ прославляетъ Антонія, начальника блаженному житію въ Руси, наченшаго великую Лавру, и Θеодосія, по немъ ее создавшаго, и ублажаетъ съ мучениками князя-инока Игоря Олеговича, невинно убитаго Кіевлянами въ 1147-мъ г. Въ заключеніе авторъ обращается съ краткимъ и не особенно хитрымъ нравственнымъ увѣщаніемъ къ князьямъ, княгинямъ и къ убогимъ или вообще ко всѣмъ [1]).

2. Слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ, въ которомъ Русская земля называется новопросвѣщенною и въ которомъ прославляются русскіе святые—мученики Борисъ и Глѣбъ и святый игуменъ Печерный Θеодосій, русскихъ черноризецъ старѣйшина [2]).

3. Слово похвальное св. Клименту Римскому, сказанное по случаю обновленія неизвѣстнымъ княземъ и въ неизвѣстномъ году Кіевской Десятинной церкви, въ которой находились мощи святаго, принесенныя Владиміромъ изъ Корсуни. Сколько можемъ судить по извѣстному намъ, не особенно большому, отрывку, слово очень хорошее и очень ораторское, дающее подозрѣвать въ авторѣ настоящаго оратора, въ родѣ Кирилла Туровскаго [3]).

---

[1]) Румянцевск. Сборникъ № 406 л. 22, у *Восток.* стр. 611 col. Слово принадлежитъ какъ будто епископу, ибо авторъ обращается къ слушателямъ или читателямъ: „молю вы, людіе мои, стадо Христово... сего глаголю вамъ сыномъ своимъ“. Но, по всей вѣроятности, оно не принадлежитъ митрополиту Клименту Смолятичу, которому усвояетъ его преосв. Филаретъ (Обзора § 30), ибо о Кіевлянахъ говорится какъ о постороннихъ и имъ угрожается за ихъ поступокъ съ Игоремъ вѣчными муками, а этого послѣдняго Климентъ вовсе не желалъ прославлять какъ мученика (хотя по своему сану и возбранялъ убивать его), см. Ипатск. лѣт. подъ 1147 г., 2-го изд. стр. 249 fin..

[2]) Въ томъ же Румянц. Сборн. № 406, л. 245 об., у *Восток.* стр. 620 col. 2.

[3]) См. о семъ словѣ у преосв. *Макарія* въ Исторіи, ч. 3, изд. 2 стр. 215 sqq.

4. Поученіе на день памяти святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, говоренное, какъ кажется, въ Черниговѣ или одномъ изъ городовъ Черниговской области, относящееся ко второй половинѣ XII в. и состоящее изъ довольно краткаго, но рѣзкаго обличенія князьямъ за ихъ междоусобія и за непокореніе младшихъ между ними старшимъ [1]). Произведеніе рядоваго грамотника, не блистающаго краснорѣчіемъ, но надѣленнаго особою ревностію.

5. Съ большою вѣроятностію относятъ къ періоду до-монгольскому 12 словъ на Господскіе праздники съ предпразнствами, которыя, представляя изъ себя одно цѣлое и, по всей вѣроятности, принадлежа перу одного автора, читаются въ нѣкоторыхъ древнихъ Прологахъ. Слова суть весьма краткія и простыя поученія, которыя отчасти говорятъ о значеніи праздниковъ, отчасти предлагаютъ нравоученіе слушателямъ, заимствованное отъ сего значенія [2]).

6. Съ неменьшею вѣроятностію относятъ къ тому же періоду 8 словъ на недѣли Постной Тріоди, начиная съ недѣли мытаря и фарисея и кончая пятой недѣлей великаго поста. Слова эти, подобно предшествующимъ, представляютъ собою простыя поученія, но не весьма краткія, а довольно значительныя по объему, отчасти самостоятельно, отчасти на основаніи отцовъ хорошо составленныя и хорошо отдѣланныя и вообще въ своемъ родѣ принадлежащія къ памятникамъ нашей литературы вовсе не худымъ и вовсе не послѣднимъ [3]).

---

[1]) О словѣ этомъ и выдержки изъ него въ Москвитянинѣ 1843 г. ч. VI стр. 413 и въ Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи Погодина, т. VII стр. 406; сполна и по тремъ спискамъ,—по каждому особо, подъ заглавіемъ: „Слово похвальное на перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба", напечатано г. *Лопаревымъ* въ Памятникахъ древней письменности, № XCVIII, 1894. Хотя слово и написано такъ, что какъ будто говорено было въ церкви: „еюже днесь убіенія празднуемъ", но мы полагаемъ, что на самомъ дѣлѣ оно написано для чтенія, а не было говорено. Слово обращается къ самимъ обличаемымъ князьямъ: „слышите князи, противящеся старѣйшей братьи"..., но обличать князей въ лицо и съ безцеремонной рѣзкостью едва ли бы рѣшился какой проповѣдникъ. Что слово написано въ Черниговѣ или Черниговской области, слѣдуетъ заключать изъ того, что берутся примѣры изъ исторіи Черниговскаго княженія.

[2]) О сихъ словахъ см. преосв. *Макарія* Исторіи т. 3, изд. 2 стр. 211 sqq. На праздники семь словъ, именно—на Рождество Богородицы, Воздвиженіе Креста, Покровъ Богородицы, Зачатіе Богородицы, Рождество Христово, Крещеніе и Срѣтеніе; на предпразнства пять — двухъ первыхъ и трехъ послѣднихъ праздниковъ. Если будетъ доказано, что праздникъ Покрова установленъ уже послѣ нашествія Монголовъ, то, конечно, вмѣстѣ съ симъ нужно будетъ перемѣнить мнѣніе и о времени появленія словъ.

[3]) О сихъ словахъ см. въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ свв. Отцевъ, ч. XVII,

Выше мы сказали, что единственный предметъ, который послѣ имѣвшихся въ славянскомъ переводѣ греческихъ нравоучительныхъ словъ и специальныхъ нравоучительныхъ сочиненій, дѣйствительно тре-

---

статью покойнаго *А. В. Горскаго:* О древнихъ словахъ на святую Четыредесятницу. Напечатаны г. *Пономаревымъ* въ третьемъ выпускѣ Памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы.

Преосвящ. Макарій усвояетъ мниху Іакову, о которомъ мы говорили выше какъ объ авторѣ Похвалы Владиміру и сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, читаемое въ двухъ рукописяхъ Румянцевскаго Музея (№№ 233 и 234) посланіе черица Іакова къ Божію слузѣ Димитрію, который въ одномъ изъ списковъ называется великимъ княземъ и котораго онъ — преосв. Макарій считаетъ за Изяслава Ярославича (Исторіи т. 2, изд. 2 стр. 156, самое посланіе напечатано ibid. стр. 339). Что посланіе по языку очень древнее, это ясно, хотя и нельзя рѣшить, періода домонгольскаго или послѣдующаго времени. Чтобы посланіе писано было къ князю, признаковъ этого въ немъ нѣтъ и скорѣе есть основаніе думать противное. Что посланіе принадлежитъ мниху Іакову, хотя писано и не къ Изяславу Ярославичу, полагать это можно, но утверждать положительно пока нѣтъ никакихъ основаній. Чернецъ Іаковъ написалъ къ Божію слузѣ Димитрію свое посланіе въ отвѣтъ на посланіе сего послѣдняго, въ которомъ этотъ смиренно и жалостно просилъ прощенія за какое-то нанесенное ему—Іакову оскорбленіе. Подавая прощеніе, Іаковъ увѣщеваетъ Димитрія воздерживаться отъ запойства, отъ блуда, при чемъ говоритъ о льсти блудницъ и вообще женщинъ, и отъ грѣха чрезъестественнаго, учитъ терпѣнію, любви къ ближнимъ и ко врагамъ и милости, напоминаетъ о неизвѣстности часа смертнаго, объ ожидающемъ насъ судѣ и огненномъ искушеніи нашихъ дѣлъ.— Преосвящ. Филаретъ относитъ къ періоду домонгольскому и усвояетъ митрополиту Кириллу 1-му (Обзоръ, § 48) нравоучительную статью, надписанную: „На поученіе ко всѣмъ крестьянамъ“ и читаемую въ Златой Чѣпи XIV в. Троицкой Лавры (напечатана въ Москвитянинѣ 1851 г., кн. 2 стрр. 119—134). Но въ другихъ спискахъ статья эта въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, а именно—безъ своей послѣдней трети, усвояется владыкѣ Сарскому Матѳѣю, котораго и считаетъ дѣйствительнымъ ея авторомъ преосв. Макарій (Исторіи т. V, стрр. 161 fin. и 414 sqq). Мы съ своей стороны склоняемся къ тому, чтобы относить статью къ періоду домонгольскому. Во-первыхъ, авторъ, говоря о монахахъ, что одного мы видимъ дѣлающаго то-то, другаго то-то, пишетъ: „другаго же (видимъ) работающа акы полонена“, т. е. другаго видимъ работающаго (хозяйственныя работы) какъ раба-плѣнника. Но рабы плѣнники могли быть въ періодъ домонгольскій, когда Русскіе вели непрестанныя войны съ Половцами и множество ихъ плѣнили; послѣ же имъ не откуда было браться. Во-вторыхъ, авторъ, имѣвъ случаи говорить объ игѣ Монгольскомъ (напр. въ главѣ о князѣхъ), ни единымъ словомъ не намекаетъ на него. Почему преосв. Филаретъ усвояетъ статью митр. Кириллу, мы рѣшительно не понимаемъ: въ ней нѣтъ совершенно никакого намека и указанія, чтобы она принадлежала митрополиту или епископу. Что касается до владыки Сарскаго Матѳѣя, то она могла быть усвоена ему или потому, что онъ адресовалъ ее въ видѣ посланія къ своей паствѣ, или просто по какому-нибудь случайному недоразумѣнію. Статья сравнительно очень обширная и представляетъ собой цѣлое сочиненіе; она

бовалъ со стороны русскихъ учителей ихъ собственныхъ поученій это — остатки язычества и языческихъ суевѣрій среди русскихъ христіанъ. Но сихъ-то поученій, дѣйствительно и особенно нужныхъ,

есть какъ бы краткая система всего нравственнаго богословія, со включеніемъ отчасти и мудрости житейской и добраго гражданства,—есть какъ бы русскій Соломонъ и Сирахъ и первообразъ Домостроя. Послѣ вступленія, въ которомъ говорится о вѣрѣ и о любви, статья раздѣляется на 17 главъ, названныхъ словами, именно: о постѣ, о сосѣдѣхъ (которыхъ не обижать), о епископѣ (чтить), о князѣхъ (покоряться и вѣрно служить), о друзьяхъ, о страхѣ (Божіемъ), о челяди, о женьнѣй смерти (о смерти первой жены и о томъ, чтобы второй женѣ не давать въ обиду дѣтей первой), о волхвахъ, о тайнѣ (быть съ нею осторожну), о снѣхъ (которымъ не вѣрить), о смиреніи, о храборствѣ (воиновъ на войнѣ), о рабѣхъ, о молитвѣ. Читаемое въ словѣ или главѣ о храборствѣ: „сыну! егда на рать со княземъ идеши, и ты со храбрыми напереди ѣзди, да и роду своему чести добудеши и собѣ добро имя“ и пр. и нѣкоторое другое заставляетъ видѣть въ авторѣ не только не митрополита и не епископа, но и вообще лицо не духовное, а міряпина — новаго Даніила Заточеника, только имѣющаго надъ настоящимъ рѣшительное превосходство въ авторскомъ отношеніи.—Въ той же Златой Чѣпи читается: „Слово нѣкоего отца къ сыну своему“ (напечатано въ Москвитянинѣ вслѣдъ за предшествующей статьей и Срезневскимъ въ Древнихъ памятникахъ письма и языка), и такъ какъ оно находится въ Святославовомъ Изборникѣ (мнимо—) 1076-го года: то должно быть относимо если не къ 1076-му году, который на Сборникѣ, по всей вѣроятности, составляетъ поддѣлку, то во всякомъ случаѣ къ періоду домонгольскому (о Сборникѣ см. ниже въ Библіографіи). Слово представляетъ собою духовное завѣщаніе или душевную грамоту нѣкоего отца своему сыну и содержитъ рядъ наставленій и увѣщаній жить благочестиво; въ наставленіяхъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, но по своимъ литературнымъ достоинствамъ слово принадлежитъ къ числу произведеній далеко не худыхъ,—написано замѣчательно складно и вмѣстѣ замѣчательно остроумно (только не можемъ при этомъ сказать, насколько оно есть произведеніе самостоятельное, а не простой выборъ, что̀ при оцѣнкѣ произведеній подобнаго рода есть главный вопросъ).—Едва ли не должно быть относимо къ періоду домонгольскому Слово Іоанна Златоустаго (т. е. именемъ Златоустаго надписанное), обращенное къ тѣмъ, которые только слытьемъ суть крестьяни и обличающее вообще плохое христіанство, а преимущественно скоморошество и бѣсовскія игры (напечатано *Тихонравовымъ* въ Лѣтописяхъ Русской литературы и древностей, т. IV, смѣси стр. 110), ибо въ словѣ этомъ „бесѣда“ употребляется въ своемъ весьма древнемъ значеніи городской площади.—Знаемъ по указаніямъ „Слово о любви Климово“ (*Срезневск.* Древнн. памм.), но принадлежитъ ли оно митрополиту Клименту Смолятичу, это составляетъ для насъ вопросъ. — Извѣстно поученіе, „грѣшнаго Георгія черноризца Зарубскія пещеры“, писанное къ одному духовному сыну и очень можетъ быть принадлежащее періоду домонгольскому (Записокъ Академіи Наукъ т. VII, кн. II, стр. 160); оно замѣчательно не какъ памятникъ духовной литературы, а во-первыхъ — тѣмъ, что писано не книжнымъ, а говорнымъ языкомъ (думаемъ, что въ этомъ отношеніи оно даже весьма замѣчательно), а во-вторыхъ тѣмъ, что какъ будто указываетъ нѣкоторыя черты нравовъ, къ рѣчи о чемъ возвратимся много-

какъ кажется, и писано было всего менѣе. Въ настоящее время ихъ извѣстно отъ стараго времени и всего три, а къ періоду до-монгольскому можетъ быть относимо одно. Поученіе это, надписанное: «Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ», во-первыхъ, указываетъ, какъ двоевѣрно живущіе христіане продолжаютъ вѣровать въ Перуна, Хорса, Мокошъ и прочихъ языческихъ боговъ, принося имъ требы и совершая имъ моленья, во-вторыхъ—обличаетъ поповъ и людей книжныхъ, которые или сами то же дѣлаютъ или по крайней мѣрѣ не возбраняютъ дѣлающимъ и увѣщеваетъ тѣхъ и другихъ учить людей на добро, въ-третьихъ—обличаетъ бѣсовскія игры, «еже есть плясаніе, гуденіе, пѣсни мірскія» [1]). Авторъ поученія, не особенно пространнаго, обличаетъ и наставляетъ не столько собственными рѣчами, сколько самимъ Словомъ Божіимъ и преимущественно учителемъ христіанъ изъ язычниковъ апостоломъ Павломъ [2]).

послѣ. — Покойный А. В. Горскій въ своемъ Описаніи Сунодальныхъ рукописей (вмѣстѣ съ К. И. Невоструевымъ) указываетъ нѣсколько древнихъ русскихъ поученій: № 231 л. 257 об., № 321 л. 157 об. sqq.

[1]) По двумъ спискамъ напечатано *Тихонравовымъ* въ Лѣтописяхъ Русской литературы и древностей, т. IV, Смѣсь, стр. 87 sqq, перепечатано *Пономаревымъ* въ третьемъ выпускѣ Памятниковъ древне-русской древне-учительной литературы. Лучшій списокъ въ Златой Чѣпи Троицкой Лавры № 11. Возбуждаетъ недоумѣніе начало слова: „Яко Илія Өезвитянинъ, заклавый іерея и жерцѣ идольскія числомъ яко до три сотъ и рече: ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ моемъ Вседержители, тако и съи (сей) не мога терпѣти христіанъ двоевѣрно живущихъ“... Кто этотъ „сей“, на котораго указываетъ авторъ, если только тутъ говоритъ онъ, а не позднѣйшій кто-нибудь, у кого не впопадъ почесалась рука сдѣлать поправку?

[2]) Между мѣстами изъ котораго читается и сіе апокрифическое: „Павелъ рече: видѣхъ облакъ кровавъ, распростертъ надъ всѣмъ міромъ и вопросихъ глаголя: Господи: что се есть, и рече ми: се есть молитва человѣческа, смѣшена съ беззаконіемъ“.

Другія поученія: 1) Слово святаго отца нашего Іоанна Златоустаго, архіепископа Константина града, о томъ, како первое погани вѣровали въ идолы и требы имъ клали и именами имъ нарекали, яже и нынѣ мнози тако творятъ, и въ крестьянствѣ суще, а не вѣдаютъ, что есть крестьянство. Нач.: Апостолъ Павелъ рече, иже разумѣвше Бога (напечатано *Тихонравовымъ* тамъ же стр. 107, перепечатано *Пономаревымъ* тамъ же). Думаемъ, что это слово есть переводъ съ греческаго и что въ немъ русскаго только вставка: „А друзіи Перуну, Хорсу, Виламъ—забывше Бога, сотворившаго небо и землю, моря, рѣки и источники“, въ которой весьма кратко обличаются или собственно просто указываются моленія и жертвы двоевѣрныхъ Русскихъ богамъ языческимъ и суевѣрныя дѣйствія. 2) Слово святаго Григорія изобрѣтено въ толцѣхъ (т. е. найдено въ сборникѣ словъ Григорія, въ которомъ слова сопровождаются толкованіемъ?), о томъ, како первое погани суще

Въ заключеніе нравоучительнаго отдѣла мы должны сказать о сочиненіи, которое содержитъ въ себѣ нравоученія христіанскія вмѣстѣ съ житейскими и которое принадлежитъ лицу не духовному, а свѣтскому, и исключительному по своему положенію, это — о «Поученіи» дѣтямъ вел. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха. Свое поученіе, адресованное дѣтямъ, Владиміръ Мономахъ написалъ не только какъ частную записку или, выражаясь его собственнымъ языкомъ, «грамотицю», для этихъ послѣднихъ, но и какъ письменное произведеніе, назначенное для чтенія всѣхъ, ибо не одинъ разъ говоритъ въ немъ: «да дѣти мои или инъ кто услышитъ (прочтетъ) сю грамотицю» (въ началѣ и въ концѣ поученія)... Поученіе Мономаха называютъ духовной грамотой и завѣщаніемъ; но это не должно понимать въ томъ смыслѣ, чтобы оно представляло собою грамоту или завѣщаніе, писанное передъ смертью. Оно есть небольшое литературное упражненіе нравоучительнаго содержанія, — πονημάτιον, говоря погречески, написанное въ часы досуга: одинъ разъ Владиміръ держалъ изъ Кіева или вообще съ юга длинный путь въ Ростовъ; сидя въ саняхъ (въ повозкѣ), онъ и употребилъ свободное время на то, чтобы сложить свою «грамотицю» (Она помѣщена въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1096-мъ г. и надписана: «Поученье»,—2 изд. стр. 232 sqq) [1]. Относительно литературнаго достоинства небольшое упражненіе князя, будучи исключительнымъ и единственнымъ, какъ таковое, не представляетъ чего-

---

языци кланялись идоломъ и требы имъ клали, то и нынѣ творятъ (у *Тихонравова* тамъ же стр. 96, у *Пономарева* тамъ же). Слово это представляетъ собой передѣлку части слова Григорія Богослова на Богоявленіе: „Паки Іисусъ мой, паки таинство". Въ отношеніи къ „Словеньскому языку" въ немъ то же, что въ предъидущемъ. Отчасти еще принадлежитъ сюда Слово Ісаія пророка, истолковано святымъ Іоанномъ Златоустомъ: о постовляющихъ вторую трапезу роду и рожаницамъ (Воloколл. ркпп. № 435 л. 203 и № 521 л. 242, Сvнодд. ркпп. по Описан. *Горск.* и *Невостр.* № 231 л. 195 об.), въ заглавіи котораго слова: о поставляющихъ и пр. суть позднѣйшая добавка или переправка вмѣсто чего-нибудь стоявшаго другаго, которое представляетъ собой постишное толкованіе неизвѣстнаго на Исаіи гл. 65 ст. 8 и слѣдд. и въ которомъ по мѣстамъ сдѣланы краткія приписки о родѣ и рожаницахъ (иже служатъ Богу и волю его творятъ, а не роду и рожаницамъ, кумиромъ суетнымъ..., забывающе гору святую Мою и готовающе трапезў роду и рожаницамъ и т. д.).

[1]) Едва ли впрочемъ должно (и станетъ кто-нибудь) думать, чтобы Владиміръ написалъ или набросалъ свое „поученіе" на дорогѣ, да такъ его и оставилъ: послѣ, конечно, онъ исправлялъ его, какъ слѣдуетъ. Если же онъ выдаетъ его за произведеніе исключительно дорожное, то ясная цѣль этого — расположить читателя быть снисходительнымъ къ его недостаткамъ.

нибудь особенно замѣчательнаго, хотя и показываетъ, что онъ могъ бы быть хорошимъ писателемъ (въ ряду другихъ, т. е. въ тогдашнемъ смыслѣ), если бы посвятилъ себя дѣлу писательства нарочито: оно представляетъ собою, такъ сказать, литературное «нѣчто», состоящее изъ нѣсколькихъ частныхъ «нѣчто», набросанныхъ съ совершенною свободою въ отношеніи къ связи. Послѣ предваренія о цѣли написанія грамотицы, отъ котораго, къ сожалѣнію, сохранился только небольшой конецъ, не дающій возможности съ увѣренностію гадать о томъ, что именно было въ немъ сказано, и послѣ увѣщанія къ дѣтямъ и всѣмъ читающимъ: кому люба будетъ грамотица не только читать ее, но и поступать по ней, а кто найдетъ ее «безлѣпицей» (нескладнымъ писаніемъ) «не поохритатися» (не браниться), такъ какъ написана во время пути, Владимиръ вспоминаетъ, какъ однъ разъ братья звали его на Ростиславичей (Галичскихъ), какъ онъ отказался, не желая переступать крестнаго цѣлованія, и какъ начавъ гадать по Псалтыри (какія слова выпутся при случайномъ раскрытіи книги) вынулъ: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя... Тогда—говоритъ онъ—я выписалъ изъ Псалтыри изреченія, которыя мнѣ особенно нравятся («собрахъ словца си любая и складохъ по ряду»),—и эти изреченія, содержащія въ себѣ какъ бы краткій нравственный катихизисъ, и предлагаетъ онъ въ началѣ своего писанія. Затѣмъ, онъ приводитъ наставленія Василія Великаго юношамъ, именно — наставленія, преподанныя Василіемъ Великимъ въ Антіохіи ученикамъ Ливанія, по просьбѣ этого послѣдняго, которыя читаются въ житіи Василія Великаго, усвояемомъ Амфилохію Иконійскому [1]). Послѣ этого слѣдуетъ воззваніе къ Божіей Матери, чтобы она отняла отъ убогаго сердца гордость и буесть и возношеніе суетою міра сего, за которымъ рядъ наставленій относительно того, чтобы въ пустошнѣмъ житьи семъ быть благочестія дѣлателемъ, и увѣщанія очищать себя отъ всякія скверны плотскія и духовныя постомъ и покаяньемъ. Далѣе—восхваленіе премилостиваго человѣколюбія Божія, дающаго намъ избыть грѣховъ «ма-

[1]) Житіе Василія В., усвояемое Амфилохію Иконійскому, мы имѣемъ подъ руками въ фундамент. ркп. Моск. Д. Акад. № 210,—наши наставленія въ ркп. на л. 248. Въ отдѣльномъ видѣ онѣ читаются: въ Просвѣтителѣ преп. Іосифа Волоколамскаго (если не ошибаются тѣ, у кого беремъ указаніе), въ Домостроѣ и въ предисловіи къ грамматикѣ, напечатанной въ Москвѣ въ 1647—48 г.; нѣкоторая выписка изъ нихъ въ поученіи „св. Василія, како подобаетъ человѣку быти", читаемомъ въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 г. У Мономаха сначала нѣсколько безъ смысла, потому что послѣ словъ: „души чисты" пропущено слово: „имѣти", и затѣмъ вмѣсто: „слово Господне" нужно: „слово благочинно".

лымъ дѣломъ» (не великими трудами)—покаяніемъ, слезами и молитвою, и похвала или такъ сказать — хвалебное пѣніе, по образу и въ духѣ Псалмопѣвца, «великихъ чудесъ и добротъ Божіихъ, устроенныхъ на семъ свѣтѣ», т. е. премудрости Божіей и Его благости, явленныхъ въ устроеніи міра [1]). Сейчасъ переданное можетъ быть названо первой половиной поученія. Далѣе слѣдуютъ—во-первыхъ, прямыя наставленія дѣтямъ; во-вторыхъ, рѣчи о самомъ себѣ. «И се, начинаетъ князь первыя,—отъ худаго безумья моего (дѣти моя) наказанье (вамъ), аще не всего пріимете, то половину», и затѣмъ преподаетъ наставленія: со слезами каяться о грѣхахъ, находясь въ церкви и отходя ко сну; никогда не ложиться спать безъ предварительной молитвы; и находясь въ пути, «на кони ѣздяче», всегда имѣть въ умѣ молитву; всего болѣе не забывать и по силѣ кормить убогихъ, помогать сиротамъ и защищать вдовицъ; ни праваго ни виноватаго не предавать смерти; безъ нужды не клясться и не цѣловать креста, а давши клятву, строго соблюдать ее; отъ епископовъ, священниковъ и монаховъ не устраняться, но по силѣ любить и снабдѣвать ихъ; всего болѣе не имѣть гордости въ умѣ и въ сердцѣ, помня, что мы смертны — сегодня живы, а завтра въ гробу; на богатства смотрѣть, какъ на нѣчто порученное намъ на мало дней и не хоронить ихъ въ землѣ, «то (бо) есть великъ грѣхъ»; старыхъ почитать какъ отцовъ, молодыхъ какъ братьевъ; въ дому своемъ не лѣниться самимъ смотрѣть за всѣмъ, не полагаясь ни на тіуна ни на отрока, точно такъ же и на войнѣ, не полагаясь на воеводъ; блюстись лжи, пьянства и блуда; ходя въ походы, не давать своей свитѣ и прислугѣ грабить и обижать жителей; приходящихъ чужихъ людей, простыхъ и знатныхъ, и пословъ принимать съ подобающею честью, потому что они разносятъ добрую славу по всѣмъ землямъ; больныхъ посѣщать, мертвецовъ провожать, никакого встрѣчнаго человѣка не оставлять безъ привѣтливаго и добраго слова; женъ своихъ любить, но не давать имъ надъ собой власти; «егоже умѣючи доброго» не забывать, а «егоже не умѣючи», учиться; лѣность есть мать всему, не должно лѣниться ни на что доброе и особенно ходить въ церковь; «да не застанетъ васъ солнце на постели... заутреннюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю восходящю, узрѣвше солнце, прославити Бога съ радостью»... и тогда при-

---

[1]) Непонятное слово „ирей" до сихъ поръ существуетъ у Малороссовъ въ формѣ „вырій" и значитъ теплыя страны, куда улетаютъ птицы на зиму. Есть греческое ἦρ (сокращ. изъ ἔαρ), ϝἔαρ—весна?

иниматься за дѣла; думать съ дружиной, творить судъ, ѣхать на ловы или на прогулку; (послѣ обѣда) спать: «спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чинъ бо (въ то время) почиваетъ и звѣрь и птица и человѣци». Послѣ этихъ наставленій князь переходитъ къ самому себѣ: «а се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ», т. е. военные походы и выѣзды на ловъ дикихъ звѣрей (туровъ, лосей, вепрей, медвѣдей, дикихъ коней), которые по опасности, съ ними сопряженной, представляли своего рода военные походы,—и затѣмъ перечисляетъ свои походы и разсказываетъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на охотахъ. Цѣль этихъ разсказовъ о самомъ себѣ—та, чтобы, вмѣстѣ съ естественнымъ каждому человѣку желаніемъ увѣковѣчить память о своихъ дѣлахъ и трудахъ (автобіографія), возбудить въ дѣтяхъ соревнованіе. Дѣлая выводъ изъ разсказовъ, князь увѣщеваетъ дѣтей быть всегда мужественными и не бояться смерти ни на рати ни отъ звѣрей, ибо — говоритъ — гдѣ умереть намъ, то назначено Богомъ, и отъ назначеннаго не избавятъ никакая помощь и никакія предосторожности. Заключается грамота прекрасными изреченіями, взятыми изъ Священнаго Писанія: «молвитъ бо иже: Бога люблю, а брата своего не люблю (не любитъ), ложь есть (1 Посл. Іоанн. 4, 20).., аще не отпустите прегрѣшеній брату, ни вамъ отпустить Отецъ вашъ небесный (Маѳ. 6, 15),.. не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье (Пс. 34, 1),.. что есть добро и красно, но еже жити братья вкупѣ» (Пс. 132, 1)!

3) *Путешествія ко святымъ мѣстамъ.*

Пропуская отдѣлъ сочиненій каноническихъ, которыя мы указали выше въ главѣ объ управленіи, обращаемся къ описаніямъ путешествій ко святымъ мѣстамъ.

Описаній этихъ изъ періода до-монгольскаго мы имѣемъ два— Паломникъ Іерусалимскій игумена Даніила и Паломникъ Константинопольскій архіепископа Новгородскаго Антонія [1]).

---

[1]) Первый напечатанъ пять разъ: въ Путешествіяхъ русскихъ людей въ чужія земли, изд. *И. Власова*, Спб., 1837, въ Путешествіяхъ русскихъ людей по святой землѣ, Спб., 1839, въ Сказаніяхъ русскаго народа *Сахарова*, т. II, кн. 8, Спб., 1849, Археографической Коммиссіей подъ редакціей *Норова* (по 31-му списку), Спб., 1864, и Палестинскимъ Обществомъ подъ редакціей *Веневитинова* (по 70-ти спискамъ), Спб., 1883. Второй напечатанъ два раза: *П. И. Савваитовымъ* въ 1872-мъ году (въ двухъ выпускахъ, изъ коихъ въ одномъ 198 coll., въ другомъ—187 coll.), и *Х. Лопаревымъ* въ 1899-мъ году (51-й выпускъ Палестинскаго сборника), и за-

Біографическихъ свѣдѣній объ игуменѣ Даніилѣ мы не имѣемъ пока никакихъ. Въ своемъ Паломникѣ онъ дѣлаетъ два указанія на мѣстность, гдѣ должно полагать его родину. Во-первыхъ, описывая Іорданъ (гл. VI), онъ говоритъ, что святая рѣка всѣмъ похожа на рѣку русскую Сновъ—и шириной и глубиной и излучистостью теченія и берегами. А рѣка Сновъ течетъ въ сѣверо-западной части Черниговской губерніи, выходя изъ-подъ Стародуба и впадая въ Десну немного выше Чернигова. Во-вторыхъ, сообщая о князьяхъ Русскихъ, которыхъ имена для поминовенія о здравіи онъ записалъ въ монастырѣ святаго Саввы (гл. XXII fin.), онъ называетъ вмѣстѣ съ бывшими въ его время главными князьями еще побочныхъ князей Полоцко-Минскихъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что онъ находился къ этимъ князьямъ въ какомъ-то особомъ отношеніи. Такъ какъ сѣверо-западная часть нынѣшней губерніи Черниговской смежна съ древнимъ княжествомъ Полоцко-Минскимъ, то по сейчасъ приведеннымъ указаніямъ Даніила о мѣстѣ его родины нужно думать одно изъ двухъ — или что онъ былъ Полочанинъ изъ юго-восточной части княжества и зналъ Черниговскую рѣку Сновъ по сосѣдству, или что онъ былъ сѣверо-западный Черниговецъ и записалъ имена Полоцко-Минскихъ князей по той же самой причинѣ. Болѣе вѣроятно послѣднее, чѣмъ первое. Относительно времени путешествія Даніила въ Іерусалимъ, мы находимъ у него достаточно точное указаніе. Онъ говоритъ, что путешествіе изъ Іерусалима къ Тиверіадскому озеру онъ совершилъ подъ прикрытіемъ войскъ тогдашняго христіанскаго государя Іерусалима—Балдуина, который ходилъ въ походъ къ Дамаску (гл. XIV), а Балдуинъ предпринималъ нѣсколько походовъ къ Дамаску, въ помощь тамошнему эмиру противъ одного турецкаго вождя, въ продолженіе 1106—1108-го годовъ [1]).

Цѣль, съ которою Даніилъ рѣшился написать свой Паломникъ, совершенно понятна сама собою. Для благочестивыхъ русскихъ людей

тѣмъ еще не сполна весь, а около трети первой—*И. И. Срезневскимъ* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ,—№ LX (конецъ: „а въ колокола Латыни звонятъ", что̀ у Савваитова въ 1-мъ выпускѣ на col. 94, во 2-мъ выпускѣ на col. 84).

[1]) Такъ по Веневитинову на основаніи новѣйшихъ нѣмецкихъ розысканій о походахъ Балдуина къ Дамаску. Прежде относили походъ, въ которомъ Даніилъ сопровождалъ Балдуина, къ первой половинѣ 1115-го года (при чемъ время выѣзда его изъ Россіи опредѣляли тѣмъ, что онъ выѣхалъ при вел. кн. Святополкѣ Изяславичѣ, который умеръ 16-го Апрѣля 1113-го года).

святой градъ Іерусалимъ и святыя Палестинскія мѣста были такими же дорогими и высоко интересными предметами, какъ и для всѣхъ вообще благочестивыхъ людей, а между тѣмъ они не имѣли книги, въ которой могли бы читать ихъ описаніе и по которой бы могли составлять себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе. Такимъ образомъ, Даніилъ, рѣшившись написать свой Паломникъ, хотѣлъ удовлетворить насущной нуждѣ въ подобной книгѣ.

Многочисленные богомольцы, ходившіе въ Іерусалимъ прежде Даніила [1]), возвращались изъ него съ разсказами о видѣнномъ. Но съ этими разсказами было то же, что̀ въ настоящее время съ разсказами богомольцевъ простолюдиновъ,—одни повѣствовали одно, другіе—другое, третьи—Богъ знаетъ что. Въ виду этихъ повѣствователей-сочинителей Даніилъ задался мыслію составить описаніе по возможности вѣрное и точное, на что̀ онъ, желая внушить вѣру къ себѣ, неоднократно нарочитымъ образомъ и указываетъ въ своемъ Паломникѣ (введеніе, глл. XVI, XVII fin. и XX fin.). Чтобы не только самому видѣть все собственными глазами, но и видѣть по возможности обстоятельно, Даніилъ не ограничился недѣльнымъ посѣщеніемъ Іерусалима, какъ это дѣлаютъ обыкновенные богомольцы, осматривающіе его святыни, такъ сказать, въ попыхахъ и на бѣгу, но прожилъ въ немъ цѣлые 16 мѣсяцевъ (введеніе). Чтобы объ осматриваемыхъ святыняхъ пріобрѣтать свѣдѣнія по возможности вѣрныя, а не басни, чтобы вездѣ видѣть именно то, что̀ и надлежало видѣть, необходимымъ условіемъ было пріобрѣтеніе возможно надежныхъ и знающихъ путеводителей и руководителей. Даніилъ приложилъ объ этомъ, какъ онъ самъ говоритъ, все свое стараніе, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ со средствами, то вполнѣ въ этомъ и успѣлъ (ibid.).

Не ограничиваясь Іерусалимомъ и его ближайшими окрестностями, Даніилъ хотѣлъ составить возможно полное описаніе всѣхъ святыхъ Палестинскихъ мѣстъ. Но въ тѣ времена по причинѣ разбойниковъ было крайне опасно путешествіе изъ Іерусалима въ древнюю Галилею, къ Тиверіадскому озеру. Энергія и счастіе помогли въ этомъ случаѣ нашему путешественнику. Въ бытность его въ Іерусалимѣ, какъ мы давали знать, святой городъ находился въ обладаніи крестоносцевъ, у которыхъ тогда Іерусалимскимъ королемъ былъ Балдуинъ I или, какъ называетъ его нашъ паломникъ,—князь Балдвинъ. Даніилъ представлялся Балдуину, успѣлъ пріобрѣсти его полное расположеніе

[1]) А что они были дѣйствительно многочисленны, объ этомъ скажемъ послѣ.

и прошелъ путемъ отъ Іерусалима до Тиверіады вмѣстѣ съ нимъ самимъ, когда онъ предпринялъ военный походъ въ Дамаскъ, о чемъ мы также упоминали выше.

Послѣ желанія составить описаніе возможно вѣрное и обстоятельное, вообще возможно удовлетворительное, оставалось имѣть способность и талантъ на то, чтобы написать его какъ слѣдуетъ, чтобы дать ему литературное изложеніе по возможности соотвѣтствующее и подходящее. «Азъ написахъ не хитро, но просто написахъ», говоритъ Даніилъ о своемъ Паломникѣ (въ гл. XX fin.), и этими словами опредѣляетъ какъ характеръ, такъ и достоинство своего труда. Онъ несомнѣнно былъ человѣкъ настолько въ тогдашнемъ смыслѣ образованный, чтобы имѣть способность писать до нѣкоторой степени витійственно и хитрословесно; но природный тактъ подсказалъ ему, что сочиненіе подобное его Паломнику должно отличаться совершенной, нисколько не хитрословесной, простотой, и онъ дѣйствительно написалъ его съ этою, составляющею величайшее достоинство его труда, простотой. Ни малѣйше не мудрствуя лукаво, ни малѣйше не уснащая рѣчь свою цвѣтами ораторства, онъ описываетъ предметъ за предметомъ—то, что̀ видѣлъ и болѣе ничего. Отъ этого Паломникъ Даніила выходитъ, если угодно, нѣсколько сухъ, но за то онъ имѣетъ величайшее достоинство описанія, ничѣмъ лишнимъ не загроможденнаго и не запутаннаго, величайшее достоинство описанія, котораго его малограмотные читатели не имѣли нужды вкривь и вкось комментировать и толковать, а должны были только читать, совершенно уразумѣвая то, что̀ описывается, насколько это зависѣло отъ писателя.

Паломникъ Даніила, какъ мы сказали, представляетъ собою не частное описаніе только нѣсколькихъ святыхъ мѣстъ Палестины, но Паломникъ Палестинскій или Іерусалимскій совершенно полный, съ описаніемъ всей святой земли, насколько она достопримѣчательна для христіанъ. Слѣдуя порядку, въ которомъ обозрѣвалъ святыни и который есть естественный топографическій порядокъ и самъ по себѣ, Даніилъ описываетъ: 1) Іерусалимъ со всею его святынею и всѣ ближайшія къ нему святыя мѣста въ собственной Палестинѣ или древней Іудеѣ (послѣ святыни самого Іерусалима здѣсь читается: о Виѳаніи, Гевсиманіи, Виѳлеемѣ, Іорданѣ, Іерихонѣ, о монастыряхъ Ѳеодосія, Саввы и Харитона, о Хевронѣ и дубѣ Мамврійскомъ); 2) святыя мѣста древней Галилеи со включеніемъ немногихъ мѣстъ Самаріи (здѣсь—о Самаріи градѣ, о верховьяхъ Іордана, о градѣ Тиверіадѣ и о морѣ, о горѣ Ѳаворской, о Назаретѣ и Канѣ Галилейской). Въ па-

чалѣ и въ концѣ Паломника Даніилъ прилагаетъ краткое росписаніе путей, которыми ѣхалъ отъ Константинополя до Іерусалима и обратно. Въ видѣ приложенія онъ помѣщаетъ разсказъ «о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе къ гробу Господню», въ которомъ весьма обстоятельно и интересно повѣствуетъ, какъ совершилось это схожденіе при немъ самомъ.

Паломникъ Даніила несомнѣнно долженъ быть признанъ не только книгою совершенно удовлетворительною для своего времени, но и замѣчательно хорошею. Достоинство Паломника въ состояніи были оцѣнить и наши предки, у которыхъ онъ пользовался весьма большою популярностію, какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ множество дошедшихъ до насъ его списковъ.

Игуменъ Даніилъ, человѣкъ довольно чиновный, бывъ въ Іерусалимѣ, сознавалъ себя какъ бы представителемъ Русской земли; поэтому онъ хотѣлъ ознаменовать свое пребываніе въ немъ дѣломъ такого представительства: на день великія субботы, въ которую сходитъ на гробъ Господень небесный огонь, Даніилъ испросилъ дозволеніе у Балдуина поставить на послѣднемъ кандило за землю Русскую по подобію двухъ другихъ, поставлявшихся на немъ на этотъ день, кандилъ, именно—греческаго и монастыря св. Саввы. «Въ пятницу великую въ 1 часъ дни,—разсказываетъ Даніилъ—и азъ худый идохъ къ князю Балдвину, и поклонихся ему до земля; онъ же видѣвъ мя поклонившася и призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми: что хощеши игумене русскій,—позналъ бо мя добрѣ и любляше мя вельми, яко бяше мужъ благъ и смиренъ и не гордитъ ни мало. Азъ же рекохъ ему: господине княже, молюся тебѣ Бога дѣля и князей ради Русскихъ, хотѣлъ быхъ и азъ поставити кандило свое надъ гробомъ Господнимъ за вся князи наша и за всю Русскую землю, за вся христіане Русскія земля. И тогда же князь повелѣ ми поставити свое кандило, и съ радостію посла со мною мужа своего лучшаго ко иконому святаго Воскресенія и къ тому, иже держитъ гробъ Господень. Повелѣста ми оба—икономъ и ключарь гроба Господня принести кандило свое съ масломъ; азъ же поклонихся имъ съ радостію великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стклянное велико и наліяхъ масла древянаго чистаго безъ воды [1]) и принесохъ ко гробу Господню уже вечеру сущу и умолихъ ключаря того единаго и взвѣстихъ ему; онъ

---

[1]) Это замѣчаетъ Даніилъ нарочитымъ образомъ потому, что обыкновенно употреблялось масло, болѣе или менѣе разведенное водой.

же отверзе двери гроба Господня и повелѣ ми выступити изъ калигъ и введе мя босого въ гробъ Господенъ съ кандиломъ, еже пошахъ азъ руками своими грѣшныма, и повелѣхъ ми поставити кандило на гробѣ Господни, и поставихъ своима рукама грѣшныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистіи нозѣ Господа нашего Іисуса Христа,—въ главахъ стояше кандило греческое, на персяхъ поставлено бяше кандило св. Саввы и всѣхъ монастырей, тако бо обычай имутъ по вся лѣто поставляти кандило греческое и св. Саввы»... По словамъ Даніила, вмѣстѣ съ двумя сейчасъ помянутыми кандилами и его кандило возжглось само, егда сниде свѣтъ святый. На третій день онъ взялъ свое кандило, чтобы нести его домой (при чемъ очень вѣроятно, подобно нынѣшнимъ богомольцамъ, пытался сохранить и самый небесный огонь).

Паломникъ Константинопольскій или цареградскій написалъ архіепископъ Новгородскій Антоній спустя около ста лѣтъ послѣ игумена Даніила. Антоній, въ мірѣ называвшійся Добрыней Ядрѣйковичемъ и по всей вѣроятности бывшій родомъ изъ числа знатнѣйшихъ Новгородскихъ гражданъ [1]), неизвѣстно зачѣмъ, вѣроятно изъ любопытства и для поклоненія именно цареградской святынѣ, путешествовалъ въ Константинополь и оставался въ немъ на болѣе или менѣе продолжительное житіе еще до своего поступленія въ монашество. Въ одномъ мѣстѣ своего Паломника онъ даетъ знать, что находился въ Константинополѣ въ Маѣ мѣсяцѣ 1200-го года; что передъ симъ или послѣ сего онъ жилъ въ немъ то или другое значительное время, это необходимо предполагать потому, что такого предположенія требуетъ то близкое знакомство съ святыней Константинополя, которое онъ обнаруживаетъ и которое никакъ не могло быть пріобрѣтено въ кратковременное посѣщеніе; но дожилъ ли онъ въ Константинополѣ послѣ 1200-го года до взятія послѣдняго крестоносцами въ 1204-мъ году, (13-го Апрѣля), какъ считаютъ вѣроятнымъ предполагать, это составляетъ трудно рѣшимый вопросъ [2]). Возвратившись изъ Константино-

---

[1]) Ключевскій въ Житіяхъ святыхъ, стр. 61, считаетъ его сыномъ воеводы Ядрѣя или Ядрѣйки, который погибъ въ походѣ на Югру въ 1193 г. Весьма возможно это, но мы съ своей стороны не знаемъ основаній утверждать это положительно.

[2]) Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, за автора повѣсти о плѣненіи Константинополя Латинянами, читаемой въ Новгородской лѣтописи подъ 1204 годомъ, не долженъ быть принимаемъ Антоній: этотъ авторъ значительно выше Антонія, какъ литераторъ. Сказавъ, что Богородица чудная Одигитрія сохранена была отъ Латинянъ добрыми людьми, авторъ прибавляетъ: „(яже) и нынѣ есть, на

поля въ Новгородъ, Добрыня Ядрѣйковичъ постригся въ монашество въ Хутынскомъ монастырѣ у его основателя и своего «сверстника» и друга преп. Варлаама, изъ котораго и возведенъ былъ согражданами на архіепископскую каѳедру въ 1211 году.

Константинопольскій Паломникъ Антонія есть не описаніе христіанскихъ достопримѣчательностей Константинополя, а указатель къ обозрѣнію его святыни,—совершенно такой же въ этомъ отношеніи гидъ или путеводитель, какъ нынѣшніе гиды или путеводители для путешественниковъ. Ничего не описывая, Антоній указываетъ только находившуюся въ Константинополѣ святыню для поклонниковъ—мощи, чудотворныя иконы и другіе предметы особеннаго чествованія, именно—онъ перечисляетъ одну за другою церкви, въ которыхъ находилась такая святыня и при этомъ сообщаетъ, что̀ именно въ каждой церкви находилось. Не знаемъ, для кого назначалъ Антоній свою книгу. Если для поклонниковъ Константинопольскихъ, то она имѣла весь свой смыслъ, ибо могла быть употребляема ими какъ путеводитель, чѣмъ и была. Если же для людей, не бывшихъ въ Константинополѣ съ тѣмъ, чтобы доставить имъ возможность составить себѣ по ней понятіе о христіанскомъ Константинополѣ, то она не имѣла совершенно никакого смысла, ибо, будучи гидомъ и больше ничѣмъ, она нисколько не есть описаніе. Не представляя ни малѣйшаго интереса для русскихъ читателей, Паломникъ Антоніевъ дѣйствительно вовсе и не читался ими, что̀ доказывается тѣмъ, что пока найдено очень небольшое количество его списковъ.

Почему Антоній не приложилъ къ своему гиду по крайней мѣрѣ описанія Софіи Константинопольской, которая должна была такъ интересовать Русскихъ, и по крайней мѣрѣ монастырей двухъ — трехъ наиболѣе знаменитыхъ? Необходимо думать, что онъ сознавалъ свою слабость писательскую, что составлять описанія отказывалось его перо, которое крайне плохо служило ему и въ составленіи нехитраго указателя. Желая попасть въ писатели, желая увѣковѣчить память о своемъ пребываніи въ Константинополѣ, онъ такъ и сякъ составилъ немудреный указатель, но онъ сознавалъ, что ни на что большее его силъ не хватитъ, а поэтому дальше и не рѣшился простираться.

Если бы указаніе мѣстоположенія церквей, о которыхъ говоритъ Антоній, было сдѣлано имъ съ бо́льшею обстоятельностію, то его книга

нюже надѣемся"; полагаемъ, что на основаніи этихъ словъ вѣроятнѣе видѣть въ немъ Грека (т. е. въ повѣсти видѣть переводъ съ греческаго).

могла бы имѣть важное значеніе для христіанской топографіи Константинополя; къ сожалѣнію, этой обстоятельности у него такъ мало, что онъ не столько поясняетъ другимъ, сколько, наоборотъ, самъ долженъ быть поясняемъ при помощи другихъ. Впрочемъ, все-таки есть въ книгѣ нѣкоторое количество свѣдѣній довольно важныхъ и интересныхъ отчасти въ историческомъ, отчасти въ археологическомъ отношеніи [1]).

4) Отдѣлъ богослужебный.

Переходимъ къ отдѣлу богослужебному или точнѣе богослужебно-молитвенному.

Въ продолженіе періода до-монгольскаго въ Русской церкви было установлено нѣсколько новыхъ и особыхъ противъ церкви Греческой праздниковъ, съ одной стороны — въ честь своихъ мѣстныхъ явившихся святыхъ, съ другой стороны — въ воспоминаніе нѣкоторыхъ

---

[1]) Г. Лопаревъ находитъ нашъ отзывъ о Паломникѣ Антонія строгимъ до несправедливости. Положимъ, что отзывъ, можетъ быть, строгъ, но безъ несправедливости. Сошлемся на другихъ. Г. Лопаревъ приводитъ у себя отзывы о Паломникѣ, принадлежащіе И. Я. Порфирьеву и А. Н. Пыпину, не сопровождая ихъ замѣчаніемъ, что они до несправедливости строги; между тѣмъ Порфирьевъ и Пыпинъ говорятъ о Паломникѣ то же, что̀ и я, и отличаются отъ меня только тѣмъ, что не прибавляютъ моего замѣчанія объ его безполезности для читателей. А что для историковъ и археологовъ Паломникъ имѣетъ нѣкоторое значеніе, этого я вовсе не отрицаю.—Относятъ къ періоду до-монгольскому Печерскаго архимандрита Досиѳея, который путешествовалъ на Аѳонъ и отъ котораго сохранилось посланіе о жизни Аѳонскихъ монаховъ (напечатано въ извлеченіи въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. отцевъ, ч. 6-й стр. 134). Но относятъ на основаніи вовсе неосновательномъ. Этотъ Досиѳей извѣстенъ тѣмъ, что принесъ въ Россію съ Аѳона „Чинъ, како подобаетъ пѣти (монаху) 12 псалмовъ особь", см. Библіограф. Словарь *Строева* подъ сл. Досиѳей; а такъ какъ о пѣніи 12-ти псалмовъ говорится уже въ Патерикѣ Печерскомъ (въ посланіи Симона, въ началѣ вступительной части), то на этомъ основаніи и полагаютъ, что Досиѳей жилъ не позднѣе начала XIII вѣка. На самомъ дѣлѣ обычай пѣнія 12-ти псалмовъ у насъ существовалъ съ самаго начала у насъ монашества и о немъ совершенно ясно говорится въ житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго: „таче шедъ блаженый, т. е. Ѳеодосій, иде въ келію свою пѣть по обычаю обанадесяте псалма",—по изд. *Бодянск.* л. 16 строка 14. Досиѳей принесъ съ Аѳона Чинъ пѣнія 12 псалмовъ или потому, что у насъ былъ до него другой чинъ, или—что̀ вѣроятнѣе и на что онъ намекаетъ въ своемъ указанномъ посланіи, въ его время у насъ вышло у монаховъ изъ обычая пѣть 12 псалмовъ. Жилъ онъ, какъ слѣдуетъ заключать изъ языка его посланія и изъ его указанія на „вниманіе умное", т. е. умное такъ называемое дѣланіе, аѳонскихъ монаховъ, въ XIV—XV вѣкѣ.

своихъ и не своихъ событій. Новые праздники требовали новыхъ службъ, вслѣдствіе чего и должны были явиться у насъ писатели сихъ послѣднихъ. Кромѣ того, въ періодъ до-монгольскій у насъ были писаны молитвы отчасти по особымъ случаямъ, отчасти же безъ всякихъ случаевъ, просто для употребленія благочестивыхъ христіанъ.

Извѣстные въ настоящее время писатели службъ до-монгольскаго періода въ хронологическомъ порядкѣ суть слѣдующіе:

1. Митрополитъ Іоаннъ 1-й, написавшій службу святымъ Борису и Глѣбу, празднованіе памяти которыхъ было установлено при Ярославѣ въ его правленіе.

2. Монахъ Печерскаго монастыря Григорій, жившій въ концѣ XI—началѣ XII вѣка и называемый въ Патерикѣ (у Поликарпа о Никитѣ) творцомъ каноновъ. Съ вѣроятностію можно усвоять ему канонъ преп. Ѳеодосію Печерскому; не безъ нѣкоторой вѣроятности можно усвоять ему канонъ на установленный у насъ праздникъ перенесенія мощей Николая Чудотворца изъ Муръ въ Баръ градъ [1]); а за тѣмъ кому еще онъ написалъ и могъ писать каноны (если только не писалъ каноновъ для домашняго молебнаго употребленія, подобно Кириллу Туровскому), это остается неизвѣстнымъ и представляется не совсѣмъ яснымъ (хотя, и написавъ только два канона, онъ могъ быть называемъ творцомъ каноновъ).

3. Іоаннъ, епископъ Ростовскій, жившій въ концѣ XII—началѣ XIII вѣка (1190—1214). Онъ написалъ канонъ святому Леонтію Ростовскому, празднованіе памяти котораго самъ установилъ въ 1194 г.

Молитвы и моленія писали преп. Ѳеодосій Печерскій и Кириллъ Туровскій.

Преп. Ѳеодосій извѣстенъ въ настоящее время какъ писатель двухъ молитвъ. Одна, сохранившаяся до настоящаго времени въ рукописяхъ, имѣетъ надписаніе: «молитва святаго Ѳеодосія Печерскаго за вся христіаны». Содержа въ себѣ краткія моленія къ Богу за всѣ состоянія живыхъ людей и о упокоеніи всѣхъ усопшихъ, она, повидимому, назначалась для ежедневнаго домашняго чтенія на сонъ грядущій. О другой молитвѣ епископъ Симонъ разсказываетъ слѣдующее въ Патерикѣ Печерскомъ: къ вел. кн. Ярославу пришолъ на службу изъ Варяжской земли прогнанный изъ отечества тамошній княжичъ Шимонъ, который потомъ былъ первымъ бояриномъ у сына Яросла-

---

[1]) Напечатанъ архим. Леонидомъ вмѣстѣ съ „Посмертными чудесами святителя Николая“.

вова Всеволода. Этотъ Шимонъ, по переходѣ изъ латинства въ православіе или по превращеніи изъ Варяга въ Русскаго переименованный въ Симона, вслѣдствіе особенныхъ чудесныхъ, бывшихъ съ нимъ знаменій, имѣлъ великую вѣру и любовь къ преп. Θеодосію. Однажды онъ пришелъ къ послѣднему и просилъ его молиться за него и за родъ его такъ же, какъ онъ молится за своихъ черцовъ. Преп. Θеодосій отвѣчалъ, что онъ молится не только о своихъ чернцахъ, но и обо всѣхъ любящихъ его обитель. Тогда Симонъ поклонился до земли и сказалъ: «отецъ мой, не выйду отъ тебя съ пустыми руками, удостовѣрь меня писаніемъ». Θеодосій принужденъ былъ сдѣлать это за любовь его и написалъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа. . . . и такъ далѣе, говоритъ Симонъ,—ту молитву, которую донынѣ влагаютъ въ руку покойнику». «Это съ тѣхъ поръ—прибавляетъ онъ—утвердился обычай класть такое письмо съ умершими, прежде же никто не дѣлалъ этого въ Руси». Такъ какъ молитва преп. Θеодосія не передана Симономъ, то остается неизвѣстнымъ, есть ли нынѣшняя погребальная или гробная молитва твореніе преп. Θеодосія или уже новая, впослѣдствіи замѣнившая его молитву.

Преп. Кириллъ Туровскій написалъ цѣлый весьма длинный рядъ молитвъ и кромѣ того одинъ, а можетъ быть и нѣсколько каноновъ молебныхъ, такъ что этому роду писаній, если судить по сохранившемуся до настоящаго времени, была посвящена имъ не менѣе, если не болѣе, какъ цѣлая половина всей писательской дѣятельности. Въ настоящее время извѣстно 30-ть его молитвъ, которыя, представляя собой одно цѣлое, написаны на дни седмицы, для чтенія каждый день послѣ заутрени, послѣ часовъ и послѣ вечерни. Въ молитвенныхъ обращеніяхъ будучи приспособлены къ положеннымъ воспоминаніямъ или празднованіямъ дней, по содержанію своему онѣ суть горячія моленія тяжкаго грѣшника, сознающаго свою крайнюю студность и всеокаянность и взывающаго къ Богу или Его небеснымъ предстателямъ о непредании врагу, о избавленіи отъ геены и о сподобленіи рая. По тону своему онѣ напоминаютъ молитвы предъ причащеніемъ. Кромѣ 30-ти молитвъ еще: поминаніе и исповѣданіе (ежедневное, утромъ и вечеромъ) предъ иконою Владычня образа или предъ крестомъ. Есть основанія полагать, что Кирилломъ Туровскимъ написано нѣсколько каноновъ молебныхъ, но во всякомъ случаѣ принадлежитъ ему одинъ такой канонъ, каждая пѣснь котораго по внѣшнему составу состоитъ изъ ирмоса и 4 тропарей. По своему содержанію онъ такъ же по-

каянный, какъ и дневныя молитвы [1]). Что касается до литературнаго достоинства молитвъ Кирилла Туровскаго, то онѣ представляютъ собой весьма и замѣчательно хорошія ораторскія произведенія, которымъ по всей справедливости должно быть дано мѣсто на ряду съ лучшими молитвами греческими. Будучи здѣсь столько же въ своемъ родѣ краснорѣчивъ, какъ и въ проповѣдяхъ, Кириллъ является здѣсь ораторомъ высшимъ, чѣмъ тамъ,—здѣсь онъ владѣетъ искусствомъ ораторства какъ-то гораздо тверже, такъ что здѣсь гораздо большія обработанность и законченность, чѣмъ тамъ. Такъ же какъ и въ проповѣдяхъ, Кириллъ естественно подражалъ здѣсь образцамъ греческимъ, но переходило ли подражаніе въ бóльшія или меньшія настоящія заимствованія, сказать этого мы не можемъ.

5) *Отдѣлъ догматическій.*

Остается намъ сказать о сочиненіи, которое не подходитъ ни подъ одинъ изъ указанныхъ выше отдѣловъ и которое, будучи по своему содержанію догматическимъ, по формѣ представляетъ собою нѣчто въ родѣ нынѣшней торжественной академической рѣчи. Сочиненіе это, о которомъ мы уже говорили много выше, есть самое первое по времени изъ нашихъ литературныхъ произведеній (если не считать твореній богослужебныхъ или собственно одного такого творенія) и принадлежитъ человѣку, составляющему между нашими писателями такое же исключеніе, какъ Кириллъ Туровскій. Оно есть слово «О законѣ и благодати» митр. Иларіона [2]).

Полное заглавіе сочиненія слѣдующее: «О законѣ, Моисеемъ данѣмъ, и благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка Русскаго, и похвала кагану нашему Владиміру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всея земли нашея». Задача и предметъ сочиненія—изобразить и прославить божественное домостроительство о спасеніи людей вообще и въ частности о спасеніи нашего народа Русскаго, совершенномъ чрезъ избранника Божія, вел. кн. Владиміра. Родъ человѣческій, на-

---

[1]) Молитвы, поминаніе и канонъ въ славянскомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ см. въ изданіи Твореній Кирилла Туровскаго, принадлежащемъ преосв. Евгенію.

[2]) Напечатано три раза: въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцевъ, ч. II, 1844 г. (съ русскимъ переводомъ), въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., 1848 г. № 7, и въ Запискахъ Академіи Наукъ, т. 72, приложж. № 5, стр. 32.

чинаетъ ораторъ, послѣ райскаго паденія праотца уклонившійся въ мракъ идолослуженія, милосердый Господь Богъ предопредѣлилъ спасти посредствомъ ниспосланія на землю своего Единороднаго Сына. Но къ принятію сего Сына Божія нужно было пріуготовленіе людей. Посему Божественное домостроительство объ нихъ спасеніи осуществилось въ двухъ Завѣтахъ: Ветхомъ—приготовительномъ и Новомъ—совершительномъ. Къ симъ двумъ Завѣтамъ, составляющимъ планъ божественнаго домостроительства о спасеніи людей, ораторъ и обращается затѣмъ. «Образъ закону и благодати Агарь и Сарра, работная Агарь и свободная Сарра», говоритъ онъ, и соотвѣтственно чертамъ сихъ образовъ, взятыхъ у апостола (Галат. 4, 22 sqq), представляетъ взаимное отношеніе закона и благодати или Ветхаго Завѣта и Новаго; какъ «отгнана бысть,—заключаетъ онъ сдѣланную параллель,—Агарь раба съ сыномъ ея Измаиломъ и Исаакъ сынъ свободныя наслѣдникъ бысть отцу своему Аврааму», такъ «отгнани быша Іудеи и расточени по странамъ и чада благодатныя христіане наслѣдницы быша Богу и Отцу». Засимъ отчасти подъ образами (сыновей Іосифа Манассіи и Ефрема), отчасти безъ образовъ ораторъ изображаетъ превосходство Новаго Завѣта, который для всего рода человѣческаго и который не только временно оправдываетъ, но и вѣчно спасаетъ, передъ Ветхимъ, который былъ только для Іудеевъ и который только оправдывалъ въ семъ мірѣ, но не спасалъ. Временное должно было уступить мѣсто непреходящему, Ветхій Завѣтъ Новому, — такъ это и случилось по божественному опредѣленію и предъустановленію, говоритъ ораторъ, и затѣмъ изображаетъ, какъ Господь, явившійся на землю въ образѣ Богочеловѣка и показавшій Божеская и человѣческая, совершилъ наше спасеніе,—какъ Іудеи, не познавшіе Его, были отвергнуты,—какъ вино новое было влито въ мѣхи новые—къ благодати и истинѣ призваны новые люди—язычники.

Вѣра благодатная, распростершись по всей земли, дойде и до нашего языка Русскаго, вся страны благій Богъ помиловалъ и насъ не презрѣ, но посѣти человѣколюбіемъ своимъ, говоритъ ораторъ и вмѣстѣ съ симъ обращается къ проявленію божественнаго домостроительства въ частности на насъ Русскихъ. Мы были язычниками и по милости Божіей стали христіанами,—здѣсь онъ пространно изображаетъ, чѣмъ мы были, находясь во мракѣ язычества, и чѣмъ стали, пришедъ въ свѣтъ христіанства, и къ этому присовокупляетъ, какъ и на насъ сбылись пророческія предвозвѣщенія о томъ, что вси языцы, людіе и племена истинному Богу поработаютъ.

«Вся страны и грады и людіе чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша (ихъ) православной вѣрѣ: похвалимъ же и мы малыми похвалами великая и дивная сотворшаго нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земля, Владимира», призываетъ своихъ слушателей ораторъ, и обращаясь къ сей похвалѣ, онъ говоритъ о томъ, какъ Владимиръ, возгорѣвшійся духомъ принять христіанство отъ слышанія о благовѣріи земли Греческой, не остановился на томъ, чтобы только самому просвѣтиться свѣтомъ его, но подвигся къ крещенію и просвѣщенію и всей своей земли, и какъ эта его земля, оскверняемая предъ тѣмъ язычествомъ, его стараніями совсѣмъ и во всемъ стала христіанскою; за симъ онъ высказываетъ удивленіе, какъ Владимиръ никѣмъ и ничѣмъ не призываемый къ христіанству «токмо отъ благаго (своего) смысла и остроумія разумѣлъ», что единъ Богъ истинный—Богъ христіанскій; снова ублаживъ Владимира за то, что онъ обратилъ отъ заблужденія идольскія льсти всю область свою и сравнивъ его съ Константиномъ Великимъ, ораторъ восхваляетъ далѣе его христіанскія добродѣтели и въ особенности его многія милостыни и щедроты; воззваніемъ къ Владимиру, что дѣло имъ начатое не рушитъ, но усердно продолжаетъ и довершаетъ его достойный преемникъ, сынъ его Георгій—Ярославъ, онъ оканчиваетъ похвалу. Въ заключеніе всего слѣдуетъ молитва за новокрещенныхъ людей русскихъ, въ которой испрашивается Божіе милосердіе къ слабостямъ и преткновеніямъ еще не утвержденныхъ въ вѣрѣ людей и въ которой призываются на нихъ Его милости и щедроты.

Сочиненіе митр. Иларіона, несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуя, что онъ былъ ораторъ не самоучка, а по настоящему образованный въ наукѣ ораторства и знавшій ее въ совершенствѣ, чрезвычайно замѣчательно своими ораторскими достоинствами,—оно есть возможно безукоризненное и блестящее ораторское произведеніе и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Цѣлое совершенною умѣющею рукой скомпоновано такъ, что представляетъ изъ себя истинно стройное цѣлое, въ которомъ все на своемъ мѣстѣ и все соразмѣрно и въ которомъ ничто не валится вонъ, какъ случайно вставленное; ораторъ не уподобляется слѣпому, который подвигается впередъ ощупью, то идя прямо, то колобродя по сторонамъ,—у него въ рукахъ напередъ строго обдуманный планъ, которому онъ и слѣдуетъ въ выполненіи. Равнымъ образомъ въ частномъ изложеніи своихъ мыслей ораторъ отъ начала до конца блестящимъ образомъ краснорѣчивъ. Надѣленный отъ природы отличнымъ ораторскимъ талантомъ и владѣя вполнѣ научнымъ

ораторскимъ умѣньемъ, онъ отъ начала до конца является въ этомъ изложеніи мастеромъ самаго высокаго разбора. Человѣку, слишкомъ богато надѣленному средствами, естественно до нѣкоторой степени ими злоупотреблять. Между лучшими ораторами, принадлежа къ избраннѣйшимъ, Иларіонъ обнаруживаетъ полное чувство мѣры, — постоянно одинаково краснорѣчивый и обработанно изящный, онъ нигдѣ не доводитъ своего краснорѣчія до излишества: возможно хорошо, но въ мѣру—это не легко и далеко не всѣми ораторами соблюдаемое правило составляетъ его отличительную черту. Иларіонъ учился искусству ораторства по греческой реторикѣ XI вѣка; ему слѣдовало бы поэтому быть ораторомъ со всѣми недостатками греческаго ораторства этого позднѣйшаго времени. Но силою своего природнаго ораторскаго таланта, силою своего внутренняго ораторскаго инстинкта и чувства, онъ возвысился надъ этими недостатками и представляетъ изъ себя не ритора худшихъ временъ греческаго ораторства, а настоящаго оратора временъ его процвѣтанія. Мы уже говорили выше и снова повторяемъ, что читатель будетъ имѣть возможно вѣрное представленіе о сочиненіи Иларіона, если будетъ воображать его себѣ какъ лучшую академическую рѣчь Карамзина.

Прекрасное и истинно замѣчательное ораторское произведеніе митр. Иларіона составляетъ вещь не совсѣмъ ясную по своему назначенію. Такъ какъ Иларіонъ есть митрополитъ,—лицо духовное, то всякій, конечно, думаетъ, что оно есть церковное слово. На самомъ дѣлѣ оно не есть это слово: оно не надписывается словомъ, хотя мы нѣсколько разъ и называли его такъ за неимѣніемъ другаго подходящаго названія; оно вовсе не имѣетъ признаковъ слова и отъ самаго автора называется не словомъ и не поученіемъ, а писаніемъ; оно было произнесено, но не предъ слушателями, какіе пришли и случились, а предъ какими-то избранными людьми, «преизлиха насыщшимися сладости книжныя». Что же оно такое? Отвѣчать можемъ, какъ уже давали знать, не положительно, а только предположительно. По своимъ достоинствамъ,—мы сказали, произведеніе Иларіона должно быть приравниваемо къ лучшимъ рѣчамъ Карамзина; но и по своей сущности или по своему характеру оно есть совершенно то же, что эти Карамзина и не Карамзина торжественныя рѣчи: и мы думаемъ, что оно есть именно таковая торжественная рѣчь. Но что такое торжественная рѣчь въ правленіе Ярослава? Въ Греціи съ древняго и до позднѣйшаго времени былъ обычай, что въ особенныхъ и нарочитыхъ случаяхъ были устрояемы торжественныя собранія во дворцѣ

императорскомъ, на которыхъ между прочимъ ораторы произносили свои рѣчи [1]). Таковою-то рѣчію можетъ быть и со всею вѣроятностію должно быть считаемо произведеніе или «писаніе» Иларіона. По какому случаю она была произнесена предъ Ярославомъ и его боярскимъ синклитомъ, мы не знаемъ, но весьма вѣроятно — по случаю торжества при окончаніи одной изъ его церковныхъ построекъ или можетъ быть и всѣхъ вмѣстѣ, такъ какъ по лѣтописи онѣ ведены были всѣ вмѣстѣ (Св. Софія, Золотыя ворота съ церковію на нихъ Благовѣщенія и монастыри Георгіевскій и Ирининскій [2]). Въ Кіевѣ послѣ Ярослава не было ораторовъ, которые бы произносили предъ князьями торжественныя рѣчи. Однако, и изъ позднѣйшаго времени мы знаемъ одинъ подобный примѣръ. Въ 1199-мъ г. вел. кн. Кіевскій Рюрикъ Ростиславичъ произвелъ въ Кіевѣ замѣчательную для своего времени постройку—подвелъ каменную стѣну подъ церковь св. Михаила въ Выдубицкомъ монастырѣ, стоявшую надъ Днѣпромъ. Въ самомъ монастырѣ или вообще въ Кіевѣ нашолся ораторъ, который на торжествѣ, бывшемъ въ монастырѣ по окончаніи постройки, произнесъ и поднесъ великому князю свое писаніе, хотя и далеко не то, что писаніе Иларіоново [3]).

Составляетъ для насъ митр. Иларіонъ не малую загадку какъ писатель. Онъ обладалъ такимъ прекраснымъ ораторскимъ талантомъ и однако не написалъ ничего болѣе, кромѣ нашего сочиненія. Отъ чего это? Отъ чего онъ не сталъ духовнымъ ораторомъ, быть которымъ имѣлъ такую способность? Къ сожалѣнію, пока мы можемъ задать

---

[1]) Евсевій Кесарійскій произнесъ рѣчь предъ Константиномъ Великимъ по случаю совершившагося тридцатилѣтія его царствованія (εἰς Κωνσταντῖνον τριακονταετηρικός, De laudibus Constantini); Павелъ Силенціарій произнесъ рѣчь предъ импер. Юстиніаномъ по случаю освященія св. Софіи (Ἔκφρασις εἰς τὴν ἁγ. Σοφίαν). Изъ позднѣйшаго времени, соотвѣтствующаго нашему періоду домонгольскому, извѣстно нѣсколько примѣровъ.

[2]) Чтобы слово было произнесено по одному изъ указанныхъ нами случаевъ, этого прямо и ясно не дается въ немъ знать, но что оно произнесено по окончаніи строенія Ярославомъ св. Софіи и Золотыхъ воротъ съ церковію Благовѣщенія (заложенныхъ та и другія одновременно въ 1037 г.), это говорится въ немъ прямо. Что слово произнесено до поставленія Иларіона въ митрополиты въ 1051 г., видно изъ того, что въ немъ говорится, какъ о живой, о супругѣ Ярославовой Иринѣ, которая умерла въ 1050 г. Выборъ Иларіономъ темы о божественномъ домостроительствѣ во всякомъ случаѣ показываетъ, что слово было произнесено по поводу чего-то завершительнаго въ отношеніи къ утвержденію христіанства на Руси.

[3]) Помѣщено въ Ипатской лѣтописи подъ 1200 г. и составляетъ въ ней окончаніе лѣтописи Кіевской.

только вопросъ, который невольно рождается, но рѣшительно ничего не можемъ на него отвѣтить.

О недавно найденномъ посланіи митрополита Климента Смолятича и вообще о немъ—Климентъ, какъ о писателѣ.

Въ 1892-мъ году гг. Х. Лопаревъ и Н. Никольскій одновременно нашли и напечатали посланіе митр. Климента къ Смоленскому священнику Ѳомѣ [1]). Согласные между собой по вопросу о состояніи у насъ просвѣщенія въ періодъ до-монгольскій, а именно—что въ періодъ этотъ у насъ не была только грамотность, какъ утверждаютъ иные, но было настоящее просвѣщеніе, гг. Лопаревъ и Никольскій видятъ въ найденномъ ими посланіи митр. Климента важный литературный памятникъ, свидѣтельствующій въ пользу принимаемаго ими мнѣнія. На самомъ дѣлѣ посланіе Климента не только не свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія, принимаемаго гг. Лопаревымъ и Никольскимъ, а напротивъ говоритъ именно противъ него.

Исторія посланія не видна изъ него яснымъ образомъ, но, какъ можно догадываться, есть слѣдующая. Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ, родной братъ Кіевскаго великаго князя Изяслава Мстиславича, по приказанію котораго былъ поставленъ Климентъ въ митрополиты, заявилъ себя рѣшительнымъ образомъ противъ митрополита, поставленнаго въ самой Россіи и помимо патріарха, считая незаконнымъ его поставленіе. Желая примирить съ собой Ростислава и доказать ему свою законность, Климентъ написалъ ему посланіе. Въ посланіи этомъ онъ болѣе или менѣе задѣлъ и оскорбилъ священника Ѳому, который былъ близкимъ человѣкомъ къ князю, можетъ быть—его духовникомъ, и на котораго онъ былъ гнѣвенъ, вѣроятно, потому, что священникъ одинаково съ княземъ считалъ его незаконнымъ митрополитомъ или даже и вооружалъ князя противъ него. Оскорбленный митрополитомъ въ посланіи къ князю священникъ написалъ ему укоризненное или укорительное посланіе. Въ отвѣтъ на это укорительное посланіе Ѳомы Климентъ и написалъ ему наше посланіе, найденное и напечатанное гг. Лопаревымъ и Никольскимъ.

Священникъ Ѳома укорялъ Климента въ своемъ посланіи къ нему, что онъ—митрополитъ въ своемъ посланіи къ князю Ростиславу

---

[1]) Посланіе митрополита Климента къ Смоленскому пресвитеру Ѳомѣ. Неизданный памятникъ литературы XII вѣка. Сообщеніе Хрисанѳа Лопарева. Спб. 1892 (Памятниковъ древней письменности № XC).—Николай Никольскій. О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII вѣка. Спб. 1892.

явилъ себя человѣкомъ тщеславнымъ,—что, славя себя и творяся философомъ, онъ написалъ посланіе (высокой) философіей, а именно—что, оставивъ почитаемыя (отеческія) писанія, писалъ отъ Омира, Аристотеля и Платона. Отвѣчая Ѳомѣ, Климентъ говоритъ, что совершенная неправда, будто онъ писалъ отъ Омира, Платона и Аристотеля, что онъ не ищетъ людской славы, но что онъ, будучи несправедливо обвиняемъ въ исканіи таковой славы, есть горячій почитатель аллегорическаго или духовнаго толкованія Священнаго Писанія, а равнымъ образомъ усмотрѣнія духовнаго смысла въ природѣ вещественной, правоученіями каковаго характера, вѣроятно, наполнено было его посланіе къ князю Ростиславу и что̀ было принято Ѳомой за философію, заимствованную у Омира, Аристотеля и Платона. Затѣмъ, оправдывая свою приверженность къ духовному толкованію Священнаго Писанія и къ созерцанію духовнаго въ природѣ вещественной, Климентъ приводитъ образцы этого толкованія и этого созерцанія, показывающіе, что онѣ, будучи много выше толкованія буквальнаго и созерцанія чувственнаго, представляютъ собою толкованіе и созерцаніе необходимыя. Эти образцы духовнаго толкованія и созерцанія, при чемъ остается неизвѣстнымъ, что̀ принадлежитъ въ нихъ самому Клименту, бывъ выписано имъ изъ одной книги, что̀ вставлено послѣ какимъ-то истолкователемъ посланія монахомъ Аѳанасіемъ [1]), и составляютъ дальнѣйшее, довольно обширное, содержаніе посланія, превращая его въ настоящее компилятивнаго характера сочиненіе.

Какія же свидѣтельства въ пользу того мнѣнія, что до нашествія Монголовъ у насъ не была только грамотность съ книжною начитанностію, а было настоящее просвѣщеніе, находятъ гг. Лопаревъ и Никольскій въ посланіи митр. Климента къ священнику Ѳомѣ?

Первый указываетъ на то, что, какъ видно изъ посланія Климента, учитель Ѳомы нѣкій Григорій хорошо зналъ греческій языкъ и что въ сочиненіяхъ его Ѳома не разъ изучалъ вопросъ о душевномъ спасеніи. Затѣмъ мы у него читаемъ: не соглашаясь съ Ѳомою, что писалъ свое посланіе къ князю философски, Климентъ говоритъ, что, писавъ совершенно просто, онъ дѣйствительно пользовался Гомеромъ, Аристотелемъ и Платономъ; это замѣчаніе Климента важно въ двухъ отношеніяхъ: слова его лишній, но весьма желанный разъ убѣждаютъ насъ, что классическая литература не была чужда и высшимъ пред-

---

[1]) Посланіе надписывается: „Посланіе написано Климентомъ митрополитомъ рускымь къ Ѳомѣ прозвитеру Смоленьскому, истолковано Аѳонасіемь мнихомъ“.

ставителямъ православной церкви (какъ греческой такъ и русской); слова его (Климента) являются новымъ доказательствомъ и факта процвѣтанія у насъ въ XII столѣтіи греческихъ студій; русскій митрополитъ могъ читать въ подлинникѣ или въ греческихъ же компиляціяхъ Гомера, Платона и Аристотеля и какъ видно усвоивалъ себѣ отчасти ихъ воззрѣнія, за что и подвергался нападеніямъ со стороны консервативно-православной партіи Смоленска въ лицѣ пресвитера Ѳомы; этотъ послѣдній также получилъ греческое образованіе, но, повидимому, считалъ ненужнымъ знаніе языческой литературы; во времена Климента и среди его Кіевской паствы находились изумительные начетчики въ греческой письменности [1]).

Уважая неутомимые труды г. Лопарева по розысканію древнихъ памятниковъ, мы не имѣемъ охоты глумиться надъ нимъ. Но безъ глумленія мы должны сказать, что сдѣланный имъ эскизъ или набросокъ великолѣпной картины состоянія у насъ просвѣщенія въ XII вѣкѣ есть плодъ недоразумѣнія и перетолкованія. Климентъ и не думаетъ признаваться, что онъ читалъ Гомера, Аристотеля и Платона, а напротивъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ это. Онъ написалъ свое посланіе къ Ростиславу Мстиславичу болѣе или менѣе хитрословесно и затѣйливо, при чемъ, какъ мы сказали выше, подъ хитрословесіемъ и затѣйливостію должно разумѣть то, что онъ болѣе или менѣе наполнилъ его выдержками изъ аллегорическихъ толкованій Священнаго Писанія и образцами духовнаго пониманія вещественной природы. Священникъ Ѳома, который объяснялъ эти хитрословесіе и затѣйливость побужденіями тщеславія, желаніемъ Климента прослыть за философа, и который имѣлъ и наклонность укорить нанесшаго ему оскорбленіе митрополита, намѣренно или не намѣренно заподозрилъ, что эти хитрословесіе и затѣйливость представляютъ нѣчто весьма предосудительное, что онѣ заимствованы у эллинскихъ или греческихъ языческихъ мудрецовъ, между послѣдними изъ которыхъ онъ зналъ по именамъ Омира, Аристотеля и Платона. На укоризну Ѳомы Климентъ отвѣчаетъ не признаніемъ ея справедливости, а рѣшительнымъ ея отрицаніемъ. Онъ пишетъ: «ты говоришь, что я пишу философіей (съ философской хитростью), но то весьма несправедливо пишешь ты, будто я, оставивъ почитаемыя (отеческія) писанія, да писалъ отъ Омира, Аристотеля и Платона, которые были славны между еллинскими (языческими) хитрецами [2]). Что касается до свидѣтельствъ посланія Кли-

---

[1]) Стр. 5—6.

[2]) Въ подлинникѣ: „А речеши ми: философісю пишеши? а то велми криво

ментова о необыкновенномъ будто бы процвѣтаніи у насъ въ XII столѣтіи знанія греческаго языка и греческой письменности: то дѣло тутъ вотъ въ чемъ. Отражая какія-то укоризны себѣ митрополита, именно, какъ слѣдуетъ думать, — укоризну не въ особенно большой книжности, Ѳома ссылался въ посланіи къ Клименту на авторитетъ своего учителя—помянутаго нами выше Григорія, котораго за добродѣтельную жизнь весьма почиталъ и самъ онъ—митрополитъ. По поводу этихъ ссылокъ Ѳомы на своего учителя Климентъ въ одномъ мѣстѣ пишетъ: «поминаю же пакы (и) реченаго тобою учителя (твоего) Григоріа, его же и свята рекъ (рещи) не стыжюся, но не судя его хощу рещи, но истиньствуа: ««Григорей зналъ алфу, якоже и ты, и виту, подобно и всю к҃. и д҃. (24) словесъ грамоту, а слышиши ты, у мене мужи (есть, находятся), иже есмь самовидець, иже можетъ одинъ рещи алфу не реку—на сто или двѣстѣ или триста или д҃ ста, а виту такоже»». Сейчасъ приведенныя нами слова Климента г. Лопаревъ и понимаетъ какъ свидѣтельство, что учитель Ѳомы Григорій и онъ самъ знали греческій языкъ и что во времена Климента и среди его Кіевской паствы находились изумительные начетчики въ греческой письменности. Но г. Лопаревъ понимаетъ слова Климента неправильно: онъ говоритъ не о знаніи Григоріемъ и Ѳомою греческаго языка, а о знаніи ими алфы и виты и всѣхъ 24-хъ буквъ грамоты, и не объ изумительной начитанности въ греческой письменности того или другаго количества лицъ изъ его паствы, а о томъ, что есть у него такіе люди, которые могутъ сказать алфу, а также и виту, не только на сто чего-то, а на двѣсти, на триста и на четыреста. Совершенно ясно, что не о томъ говоритъ Климентъ, что̀ разумѣетъ г. Лопаревъ, хотя и не совершенно ясно, что именно разумѣть въ его словахъ. Относительно этого, не совершенно само по себѣ яснаго, не можетъ быть спора. Подъ знаніемъ Григоріемъ и Ѳомою 24-хъ буквъ грамоты митрополитъ несомнѣнно разумѣетъ знаніе ими грамоты или искусства чтенія (ибо подъ знаніемъ буквъ азбуки что же бы еще могло быть разумѣемо кромѣ знанія искусства читать?); подъ способностію нѣкоторыхъ изъ своихъ людей сказать альфу и виту не только на сто, но на двѣсти, на триста и на четыреста чего-то митрополитъ разумѣетъ возможно полное усвоеніе нѣкоторыми, такъ сказать, курса екзерцизовъ,—упражненій, или одних азбучныхъ или же азбучныхъ

пишеши, а да оставль азъ почитаемаа писаніа азъ писахъ отъ Омира и отъ Аристотеля и отъ Платона, иже во елиньскыхъ нырѣхъ славнѣ(и) бѣша".

и грамматическихъ, при чемъ въ первомъ случаѣ разумѣетъ склады, а во второмъ случаѣ—знаніе словъ сомнительныхъ въ отношеніи къ произношенію или правописанію (ортоэпія и орѳографія) [1]. Остается недоумѣннымъ, что Климентъ говоритъ о знаніи Григоріемъ и Ѳомою греческаго числа 24-хъ буквъ азбуки, тогда какъ въ славянской азбукѣ ихъ гораздо болѣе. Это съ вѣроятностію нужно объяснять тѣмъ, что наши славянскія азбуки (какъ учебники по наукѣ чтенія) были переводомъ съ азбукъ греческихъ (какъ тѣхъ же учебниковъ) и что по сей причинѣ буквы греческой азбуки были въ нихъ какъ бы господствующими [2]). Ѳома, отстраняя укоры ему, дѣланные Климентомъ и состоявшіе, вѣроятно, въ томъ, что онъ не особенно великій грамотникъ, ссылался на то, что онъ есть ученикъ Григорія, котораго весьма почиталъ и самъ митрополитъ. Отвѣчая на это, Климентъ и говоритъ: «Григорія я весьма почиталъ за его жизнь, но онъ зналъ грамоту не совершеннымъ образомъ, почему и тебя не могъ сдѣлать совершеннымъ грамотникомъ; а вотъ у меня здѣсь въ Кіевѣ такъ дѣйствительно есть достойные удивленія грамотники»...

Мы сказали выше, что новонайденное посланіе Климента не только не свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія о процвѣтаніи у насъ

---

[1]) Мы имѣемъ подъ руками эти экзерцизы въ одной рукописи конца XVI вѣка, принадлежащей библіотекѣ Московской Духовной Академіи, — фундамент. № 35, лл. 130—243. Есть нѣкоторое количество ихъ и въ Азбукѣ Бурцова, напечатанной въ 1637-мъ году.—„Есмь самовидець, говоритъ Климентъ, иже (еже) можетъ единъ рещи алфу не реку на сто“ и пр... Какой смыслъ этихъ словъ будетъ въ приложеніи къ начитанности? И не ясно ли, что онѣ значатъ: я самъ видалъ, какъ иной можетъ заразъ сказать сто, двѣсти и до четырехъ сотъ извѣстнаго рода примѣровъ на альфу, а равно и на виту?—Вовсе не разумѣя учености настоящей, Климентъ говоритъ о нѣкоторой учености своего рода (sui generis), и желательно, чтобы кто нибудь предпринялъ относительно этой древней нашей своего рода учености нарочитыя розысканія.

[2]) Въ I томѣ Изслѣдованій по русскому языку, изданномъ Академіей Наукъ (*И. В. Ягичемъ*), напечатанъ азбучно-грамматическій отрывокъ, который, указывая на зависимость нашей азбуки отъ азбуки греческой, надписывается: „Азбука сотворена по алфѣ, еже есть по скоростихіи, како которая буква глаголется и на колько дѣлится рѣчь и пословица и въ колько счетается“,—стр. 781. Скоростихія изъ βραχύς—скорый, краткій, и στοιχεῖον—буква (краткобуквіе).—Не невозможно и то, что Климентъ вмѣсто аза и букъ называетъ алфу и виту и вмѣсто числа славянскихъ буквъ указываетъ число буквъ греческихъ, желая похвалиться своею ученостію въ греческой азбукѣ. Равнымъ образомъ и выраженіе: Григорій зналъ алфу и виту и всѣ 24 буквы азбуки вмѣсто: Григорій умѣлъ читать, Григорій былъ человѣкъ грамотный, вѣроятно понимать какъ образчикъ склонности Климента къ затѣйности и хитрословесію.

въ періодъ до-монгольскій настоящей образованности, а напротивъ свидѣтельствуетъ именно противъ этого мнѣнія. Теперь, надѣемся, читатель понимаетъ насъ. Если говорится о наукѣ чтенія, какъ о великой наукѣ, и если хорошая грамотность представляется какъ великая ученость: то не ясно ли этимъ свидѣтельствуется объ отсутствіи настоящихъ наукъ и настоящей учености? А если Ѳома, равно какъ и Климентъ, знали по именамъ еллинскихъ хитрецовъ Омира, Аристотеля и Платона: то уже давно извѣстны тѣ источники, изъ которыхъ они могли почерпнуть это невеликое знаніе.

Г. Никольскій говоритъ почти то же самое, чтд и г. Лопаревъ, только изумительныхъ начетчиковъ въ греческой письменности втораго превращаетъ въ кружокъ книжниковъ, который группировался подлѣ двора князя Изяслава (Мстиславича) и который занимался научно-литературными (философскими) вопросами [1]). Дивясь на эту своего рода академію наукъ, вышедшую изъ головы г. Никольскаго, мы не будемъ опровергать его, ибо чтд мы имѣли бы сказать противъ него, уже сказано нами выше. Но не можемъ не указать на ту неизвинительную смѣлость, съ которою, ради увеличенія объема своей картины, онъ позволяетъ себѣ «нѣтъ» превращать въ «да». Онъ говоритъ: «съ пресвитеромъ Ѳомою митрополитъ велъ переписку; посланіе перваго Климентъ читалъ предъ княземъ Изяславомъ и предъ многими послухами, которые, такимъ образомъ, слѣдили за ихъ литературными сношеніями» [2]). А между тѣмъ Климентъ, отвѣчая на укоръ Ѳомы, что ради тщеславія написалъ посланіе къ князю философски, говоритъ, что если и философски писалъ, то къ князю, а не къ нему—Ѳомѣ, что же касается до него—Ѳомы, то къ нему не писалъ и писать (за исключеніемъ, подразумѣвается, настоящаго посланія) не намѣренъ. И часть этого отвѣта Климента Ѳомѣ г. Никольскій приводитъ тутъ же, вслѣдъ за тѣмъ, чтд нами выписано!

Обращаемся къ самому митрополиту Клименту какъ къ писателю.

Ипатская лѣтопись отзывается о немъ: «бысть книжникъ и философъ такъ, яко(ва) же въ Руской земли не бяшеть» [3]). А Никоновская лѣтопись прибавляетъ къ этому: «и много писанія написавъ предаде» [4]). Чтобы Климентъ дѣйствительно написалъ много писаній

---

[1]) Стр. 84.

[2]) Ibid.

[3]) Подъ 1147-мъ годомъ, 2 изд. стр. 241.

[4]) II, 95 fin.

нихъ сочиненій, это представляется очень сомнительнымъ и на слова Никоновской лѣтописи съ вѣроятностію нужно смотрѣть какъ на собственную прибавку ея составителя, сдѣланную по тому заключенію, что если былъ такой книжникъ и философъ, какого не бывало, то долженъ былъ оставить и многія писанія [1]). Во-первыхъ, если бы Климентъ дѣйствительно оставилъ многія писанія, то должны были бы сохраниться до насъ изъ многихъ писаній хотя нѣкоторыя немногія, ибо трудно предполагать тотъ случай, чтобы многія писанія погибли рѣшительно всѣ. Во-вторыхъ, что на слова Никоновской лѣтописи должно смотрѣть какъ на простое собственное заключеніе ея составителя, не основанное на какихъ нибудь положительныхъ данныхъ, это заставляетъ думать писанная одновременно и совмѣстно съ нею Степенная книга: послѣдняя, приведши отзывъ о Климентѣ Ипатской лѣтописи, не прибавляетъ, что онъ и много писаній предалъ [2]). Что касается до писаній немногихъ, которые могутъ быть современемъ открыты или которыя могли и совершенно погибнуть: то возможность ихъ совершенно допустима. Если гадать объ ихъ свойствѣ и достоинствѣ на основаніи посланія Климента къ Ѳомѣ, которое въ бо́льшей своей части есть не простое письмо, а именно сочиненіе: то нужно будетъ предполагать, что онѣ представляли изъ себя лишь нехитрыя компиляціи, состоявшія въ выпискахъ изъ книгъ, каково есть посланіе Климента къ Ѳомѣ, насколько оно есть сочиненіе [3]). Отзывъ Ипатской лѣтописи о Климентѣ, что онъ былъ такой книжникъ и философъ, какого въ Русской землѣ не бывало, вовсе не требуетъ предполагать многія сочиненія Климента; лѣтописецъ могъ сдѣлать о немъ такой отзывъ на основаніи и немногихъ сочиненій, на основаніи даже одного, ставшаго теперь извѣстнымъ, посланія Климента къ Ѳомѣ. Мы сказали выше, что Климентъ былъ горячимъ почитателемъ аллегорическаго толкованія Священнаго Писанія и усмотрѣнія духовнаго смысла въ предметахъ вещественной природы. Толкованіе и усмотрѣніе эти, какъ уже мы замѣчали, представляютъ собою проявленіе бо́льшаго или меньшаго остроумія и остросмыслія, и вотъ за эти-то остроуміе и остросмысліе, которыя лѣтописецъ находилъ у Климента, хотя онѣ и не принадле-

---

[1]) А когда г. Никольскій говоритъ, что о письменныхъ трудахъ Климента свидѣтельствуютъ лѣтописи (стр. 85 sub fin.), а не одна лѣтопись, то онъ позволяетъ себѣ обычную ему вольность.

[2]) I, 251 нач..

[3]) Это показано г. Никольскимъ, который и долженъ называть своихъ философовъ простыми компиляторами,—стр. 86.

жали Клименту, бывъ имъ просто заимствованы изъ книгъ, по чего лѣтописецъ могъ вовсе не знать, и могъ онъ назвать его такимъ философомъ и книжникомъ, какого не бывало въ Русской землѣ. Посланіе Климента къ Ѳомѣ въ своей учительной части составляетъ именно рядъ выписокъ изъ одного сочиненія, имѣющаго указанный нами характеръ [1]). О сочиненіи этомъ, читаемомъ въ одной рукописи Троицкой Лаврской библіотеки [2]), одинъ изъ старыхъ читателей рукописи сдѣлалъ совершенно такой отзывъ, какой составителемъ Ипатской лѣтописи дѣлается о Климентѣ, именно говоритъ, что оно (вмѣстѣ съ другими подобными сочиненіями, помѣщенными въ рукописи) мудро безъ мѣры [3]).

Наши писатели изъ Грековъ.

Въ заключеніе скажемъ о бывшихъ у насъ въ періодъ до-монгольскій писателяхъ изъ числа жившихъ у насъ Грековъ.

Хотя эти писатели, собственно говоря, не составляютъ нашихъ писателей, но такъ какъ они писали большею частію для насъ и такъ какъ всѣ они писали у насъ, то имъ должно быть дано мѣсто въ исторіи нашей литературы.

Изъ числа весьма многихъ, переживших у насъ въ періодъ домонгольскій, Грековъ, оказывается писателей весьма немного, именно— въ настоящее время извѣстно ихъ и всего пять. Изъ этихъ пяти писателей четверо были митрополиты и одинъ не митрополитъ, а монахъ или можетъ быть іеромонахъ.

Писатели митрополиты суть:

1. Самый первый нашъ митрополитъ Леонъ или Левъ. Онъ написалъ на греческомъ языкѣ сохранившееся до настоящаго времени сочиненіе противъ латинянъ, которое надписывается: Λέοντος μητρο-

---

[1]) Какъ это указывается г. Никольскимъ, причемъ въ приложеніяхъ къ диссертаціи напечатано имъ и самое сочиненіе.

[2]) Г. Никольскимъ сочиненіе напечатано именно по разумѣемой нами Лаврской рукописи.

[3]) № 122, въ Описаніи рукописей замѣтка на концѣ описанія №, ч. I стр. 90 fin..—Выше мы говоримъ, что прозваніе Климента Смолятичемъ, можетъ быть, и не значитъ того, что онъ былъ родомъ изъ Смоленской области, какъ обыкновенно принимается, а что оно, можетъ быть, было родовымъ его прозваніемъ. Здѣсь прибавимъ еще, что жители Смоленской области въ древнее время назывались, какъ и доселѣ называются, Смольнянами и что по филологіи Смолятичъ какъ будто не происходитъ отъ Смоленска.

πολίτου (въ другихъ спп. ἀρχιεπισκόπου, ἐπισκόπου) τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας πρὸς Ῥωμαίους ἤτοι Λατίνους περὶ τῶν ἀζύμων (въ другихъ спп. περὶ τοῦ ὅτι οὐ δεῖ τελεῖν τὰ ἄζυμα), т. е. Льва митрополита (архіепископа, епископа) Переяславскаго въ Россіи къ Римлянамъ или Латинянамъ объ опрѣснокахъ (о томъ, что не должно употреблять опрѣсноковъ). Въ сочиненіи своемъ авторъ — во-первыхъ, подробно и очень основательно доказываетъ неправильность употребленія опрѣсноковъ,—во-вторыхъ, кратко говоритъ и о другихъ заблужденіяхъ латинянъ, именно—объ ихъ субботнемъ постѣ, о совершеніи ими полной литургіи въ великій постъ, о безженствѣ ихъ священниковъ, объ употребленіи ими въ пищу удавленины и наконецъ объ ихъ ученіи объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ предполагать, побужденіемъ для митрополита Леона написать сочиненіе было то обстоятельство, что передъ его вступленіемъ на каѳедру Русской митрополіи и во время его пребыванія на ней папа дѣлалъ попытки подчинить насъ своей власти (см. выше). При этомъ предположеніи страннымъ будетъ то, что сочиненіе извѣстно только въ греческомъ подлинникѣ и что неизвѣстно его древняго славянскаго перевода; но можно думать, что переводъ существовалъ и что онъ или пока еще не открытъ или совсѣмъ не дошолъ до насъ (бывъ вытѣсненъ позднѣйшими многочисленными статьями противъ латинянъ). Если бы сочиненіе признавать самостоятельнымъ произведеніемъ митр. Леона, то оно весьма бы рекомендовало его какъ автора; но, какъ кажется, эта самостоятельность составляетъ вопросъ [1]).

2. Георгій, занимавшій каѳедру неизвѣстно съ какого и по какой годъ, но упоминаемый подъ 1072-мъ г. Онъ написалъ два со-

[1]) О сочиненіи митр. Льва, равно какъ и о всѣхъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ періода до-монгольскаго см. *А. Н. Попова*: Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.), Москва, 1875, и *А. С. Павлова*: Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, Спб. 1878 (послѣдній разрѣшаетъ то недоумѣніе, что митр. Леонъ полемизируетъ противъ опрѣсноковъ ранѣе патр. Михаила Керулларія; къ вопросу о самостоятельности сочиненія митр. Леона—у него же стр. 37 fin., а положительное удостовѣреніе въ томъ, что ошибался преосв. Филаретъ, указывая древній славянскій переводъ сочиненія,—стр. 27 прим.). Въ греческомъ подлинникѣ сочиненіе напечатано г. *Павловымъ* въ приложеніяхъ къ сейчасъ названному изслѣдованію, а новый русскій переводъ преосв. Филарета во Временникѣ Общ. Ист. и Древн. кн. V (1850 г.).—Къ шести извѣстнымъ спискамъ сочиненія (тремъ московскимъ сνнодальнымъ, Аѳонскому—Иверскому и двумъ Венеціанскимъ (у *Павлова* стр. 115 прим.) должно прибавить еще седьмой, Аѳонскій—лавры св. Аѳанасія, см. Саѳы Μεσαιονικὴ Βιβλιοθήκη, I, 272.

чиненія,—во первыхъ, довольно обширное каноническаго содержанія, извѣстное въ настоящее время подъ именемъ Заповѣди къ исповѣдующимся сыномъ и дщеремъ, о которомъ мы говорили выше, и во-вторыхъ,—краткое противъ латинства, которое надписывается: «Стязанье съ латиною». Это послѣднее сочиненіе, неизвѣстно въ какомъ году написанное, но во всякомъ случаѣ вскорѣ послѣ совершившагося окончательнаго раздѣленія церквей (1053—1054-мъ г.), нѣтъ сомнѣнія, имѣетъ свою причину именно въ семъ совершившемся раздѣленіи, т. е. что митрополитъ Русскій хотѣлъ возвѣстить своей паствѣ о тѣхъ заблужденіяхъ латинянъ, въ которыхъ они обвиняемы были въ Греціи и изъ-за которыхъ (помимо другихъ причинъ) произошло раздѣленіе. Сначала митр. Георгій сообщаетъ, когда и какъ латиняне отлучились отъ православія, а потомъ кратко, по пунктамъ, перечисляетъ ихъ заблужденія,—въ томъ и другомъ случаѣ, какъ и естественно, онъ передаетъ по-русски то, что̀ имѣлъ у себя подъ руками на греческомъ, иначе сказать—въ своемъ русскомъ сочиненіи воспроизводитъ греческую полемику. Въ продолженіе седьми вселенскихъ соборовъ, говоритъ онъ объ отпаденіи, латиняне были единомысленны съ нами, тоже глаголюще, тоже мыслящe; потомъ древнимъ Римомъ и землею его завладѣли Нѣмцы и по маломъ времени старые правовѣрные мужи, которые хранили и держали законъ Христовъ и свв. Апостоловъ и святыхъ отецъ, перемерли; послѣ нихъ молодые и не утвержденные послѣдовали нѣмецкой прелести впали во многія и различныя вины; такъ какъ они не хотѣли остатися творимаго зла, то и отвержены были отъ насъ. Перечисляя заблужденія или вины латинянъ, Георгій насчитываетъ ихъ 27, каковое огромное число, вслѣдъ за современными ему полемистами греческими, является у него тѣмъ путемъ, что къ заблужденіямъ латинянъ относятся не однѣ дѣйствительныя заблужденія, но и простыя церковно-обрядовыя и даже бытовыя разности ихъ отъ Грековъ. Мы скажемъ о нихъ послѣ, когда будемъ говорить объ отношеніяхъ Русской церкви къ латинской или объ отношеніяхъ древнихъ Русскихъ къ латинянамъ и папству [1]).

---

[1]) Стязанье съ латиною митр. Георгія найдено преосв. Макаріемъ въ одной рукописи Новгородской Софійской библіотеки и извѣстное пока въ одномъ спискѣ напечатано имъ въ Исторіи т. 2, изд. 2 стр. 347; перепечатано по подлиннику *Павловымъ* въ Критическихъ опытахъ, стр. 191. Читается у митр. Георгія странное обвиненіе на латинскихъ епископовъ, будто они женятся; вѣроятно, тутъ поврежденная переписчиками (или еще переводчикомъ) та рѣчь, что епископы латинскіе, нося на рукахъ перстни, оправдываютъ это тѣмъ, „якоже се въ жены емлюще

3. Іоаннъ 2-й, по всей вѣроятности, преемникъ Георгія, умершій въ 1088-мъ г. Отзывъ о немъ лѣтописца какъ о мужѣ хитромъ книгамъ и ученью, милостивомъ и ласковомъ ко всѣмъ, смиренномъ и кроткомъ, молчаливомъ и вмѣстѣ рѣчистомъ, утѣшавшемъ книгами святыми печальныя, и вообще какъ о митрополитѣ, какого не было и не будетъ, я приводилъ выше. Іоаннъ написалъ, такъ же какъ и Георгій, два сочиненія,—каноническое, содержащее отвѣты на вопросы нѣкоего черноризца Іакова, о которомъ я тоже говорилъ выше, и посланіе къ одному папѣ или точнѣе говоря антипапѣ. Нѣмецкій императоръ Генрихъ IV въ своей борьбѣ съ папою Григоріемъ VII Гильдебрандтомъ рѣшился противопоставить ему антипапу, въ каковые избранъ былъ имъ въ 1080-мъ г. Вибертъ или Гибертъ, архіепископъ Равеннскій подъ именемъ Климента III. Этотъ-то Климентъ III присылалъ къ нашему митрополиту своего епископа съ предложеніемъ приступить къ союзу съ Римскою церковію и въ отвѣтъ на сіе-то приглашеніе Іоаннъ 2-й и написалъ Клименту свое посланіе. Отвѣчая самымъ вѣжливымъ дипломатическимъ языкомъ, митрополитъ пишетъ папѣ, что если онъ—папа дѣйствительно пріемлетъ и почитаетъ догматы непорочной и православной вѣры, какъ возвѣстилъ присланный епископъ, то и онъ—митрополитъ привѣтствуетъ и лобызаетъ его священную главу и усердно желаетъ, чтобы всеблагій и милосердый Господь совершилъ предлагаемое возсоединеніе. Переходя затѣмъ возможно мягкимъ образомъ къ заблужденіямъ латинянъ, митрополитъ указываетъ и опровергаетъ главнѣйшія изъ нихъ, именно—постъ въ субботу, несоблюденіе его въ первую недѣлю четыредесятницы, безженство священниковъ, усвоеніе права совершать таинство мѵропомазанія только епископамъ, опрѣсноки, прибавленіе въ символѣ и отъ Сына. Что касается до самаго предложенія папы о возсоединеніи, то митрополитъ рекомендуетъ ему обратиться къ патріарху Константинопольскому и къ находящемуся при немъ собору митрополитовъ, которые благодатію Божіей могутъ все таковое вмѣстѣ съ нимъ изслѣдовать и исправить. Вообще, посланіе митр. Іоанна къ папѣ представляетъ собой своего рода дипломатическую ноту, составленную весьма

церкви и обрученіе носити глаголютъ". Нѣкоторые, какъ напр. Павловъ, держатся того рѣшительнаго мнѣнія, что Стязанье есть не болѣе, какъ позднѣйшая компиляція изъ посланія митр. Никифора и слова Ѳеодосія Грека (по Павлову—преп. Ѳеодосія Печерскаго), о которыхъ ниже, см. Критическіе опыты, стр. 57. Однако на вопросъ: для чего бы могла понадобиться эта компиляція съ именемъ митр. Георгія, Павловъ не отвѣчаетъ.

хорошо—съ одной стороны весьма вѣжливо, а съ другой съ полнымъ достоинствомъ [1]).

4. Никифоръ 1-й, занимавшій престолъ съ 1104-й по 1121-й годъ. Отъ него сохранились до насъ четыре сочиненія—два противъ латинянъ и два нравоучительнаго содержанія.

Два первыя сочиненія представляютъ собою посланія, написанныя къ князьямъ,—одно по просьбѣ того, къ кому адресовано, другое, какъ кажется, по собственному усердію митрополита. По просьбѣ написано посланіе къ вел. кн. Владиміру Всеволодовичу Мономаху, который спрашивалъ митрополита, какъ отвержены были латиняне отъ святыя соборныя и правовѣрныя церкви. Отвѣтъ митрополита, состоящій въ краткомъ извѣщеніи объ отпаденіи латинянъ и въ исчисленіи ихъ заблужденій, весьма схожъ съ сочиненіемъ противъ латинянъ митр. Георгія, отличаясь отъ него тѣмъ, что исчисляетъ заблужденія латинянъ въ другомъ порядкѣ и что, опуская нѣкоторыя изъ нихъ, всего приводитъ ихъ не 27, а 20 [2]). Другое посланіе написано къ Владиміро—Волынскому князю Ярославу Святополковичу, который имѣлъ свой удѣлъ въ сосѣдствѣ съ землею Лядскою, и по тому, какъ нужно подразумѣвать, побужденію, что это сосѣдство представляло князю особенную опасность отъ латинянъ. Въ посланіи сначала кратко сообщается объ отпаденіи латинянъ то же самое, что̀ и въ предъидущемъ, затѣмъ также кратко исчисляются ихъ заблужденія, причемъ опускаются нѣкоторыя прежнія и указываются нѣкоторыя новыя, и наконецъ подробно опровергается одно заблужденіе, именно—употребленіе опрѣсноковъ [3]).

---

[1]) Посланіе, отправленное по своему назначенію на греческомъ языкѣ, но вѣроятно тогда же, а во всякомъ случаѣ въ весьма древнее время, переведенное на славянскій языкъ и дошедшее до насъ на обоихъ, напечатано—на славянскомъ въ Памятникахъ Россійской словесности XII вѣка *Калайдовича*, на греческомъ: *В. П. Григоровичемъ* въ I кн. Ученыхъ Записокъ II Отд. Академіи Наукъ (съ повтореннымъ славянскимъ), Софокломъ *Икономосомъ* въ Аѳинахъ, въ 1868 г., особой брошюрой, и *А. С. Павловымъ* въ приложеніяхъ къ Критическимъ опытамъ по исторіи и пр. (объ изданіи Икономоса, которое мы знаемъ только по указаніямъ, здѣсь стр. 60). Что посланіе писано къ антипапѣ Клименту III, это доказалъ покойный *Неволинъ*,—статья о митр. Іоаннѣ во 2 томѣ Извѣстій Академіи Наукъ.

[2]) Напечатано въ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка *Калайдовича*. Сличеніе съ Стязаньемъ митр. Георгія и указаніе недостающаго у *Попова* стрр. 101 fin.—107, см. также *Павлова* Критичч. опыты.

[3]) Напечатано *преосв. Макаріемъ* въ двухъ видахъ,—приложеній къ 2 тому Исторіи №№ 9 и 10. Указаніе дѣйствительнаго князя, къ которому адресовано, у Попова, стр. 109.

Нравоучительныя сочиненія митр. Никифора суть: посланіе къ вел. кн. Владиміру Всеволодовичу Мономаху и церковное поученіе.

Въ посланіи къ Мономаху, написанномъ въ началѣ великаго поста, по своему объему сравнительно довольно обширномъ, сначала какъ бы въ приступѣ говорится о необходимости и пользѣ поста для падшаго человѣка, затѣмъ рѣчь главнымъ образомъ посвящена показанію, откуда въ человѣкѣ доброе и недоброе, и именно—показанію, что то и другое, во-первыхъ, прямо черезъ душу, которая состоитъ изъ трехъ частей: словеснаго, яростнаго и желаннаго (cfr Григорія Нисскаго каноническое правило 1-е), т. е. ума, сердца и воли, во-вторыхъ — черезъ слугъ души или внѣшнія чувства: видѣніе, слухъ, обоняніе, вкушеніе и осязаніе, и наконецъ, въ заключеніе, увѣщательное предостереженіе князю относительно нѣкоторыхъ слугъ его души, а именно его слуха, за который митрополитъ высказываетъ опасенія, не внималъ ли онъ клеветникамъ и наушникамъ и такимъ образомъ не былъ ли причиной невинныхъ осужденій, изгнаній и опалъ. Это предостереженіе князю противъ наклонности внимать клеветникамъ и наушникамъ, какъ кажется, было главною цѣлію посланія, хотя митрополитъ нарочито и отрицаетъ сіе, выставляя своимъ побужденіемъ вообще желаніе сдѣлать князю воспоминаніе или преподать наставленіе и еще то, что уставъ есть церковный и правило въ время се—великаго поста—и къ княземъ глаголати что полезное. Само по себѣ посланіе очень хорошо, но, будучи отвлеченно и хитрословесно, оно представляетъ весьма мало назиданія для людей простыхъ [1]).

Церковное поученіе, сказанное въ недѣлю сыропустную, имѣетъ предметомъ своимъ наступающій постъ, именно—проповѣдникъ возбуждаетъ въ немъ своихъ слушателей къ радости о наступленіи дней поста, пробуждаетъ чувство сокрушенія о грѣхахъ, побуждаетъ къ мужеству въ перенесеніи подвиговъ постныхъ и убѣждаетъ присоединить къ посту тѣлесному дѣла любви и милосердія христіанскаго. Свое поученіе митрополитъ начинаетъ слѣдующимъ любопытнымъ предвареніемъ: «велихъ поученій, о любимицы и возлюбленныя ми дѣти о Христѣ, (подобало ми) бесѣдовати къ вамъ и водою Его напоити благую вашу землю, глаголю—ваши души, но не данъ ми даръ язычный по божественному Павлу, яко тѣмъ языкомъ творити ми порученная и того ради безгласенъ по средѣ васъ стою и молчу много. Потребну же сущу поученію нынѣ приходящихъ ради дней святаго великаго

---

[1]) Напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. I стр. 61.

поста, того ради писанiемъ поученiю лѣпо быти размыслихъ». Эти слова показываютъ, что митрополитъ, не знавшiй русскаго языка, написалъ свое поученiе по-гречески, велѣлъ перевести его на русскiй и заставилъ сказать другаго [1]).

Единственный, извѣстный въ настоящее время, писатель изъ Грековъ не митрополитовъ, есть монахъ Θеодосiй, жившiй въ Кiевѣ въ половинѣ XII в. и по всей вѣроятности состоявшiй при каθедрѣ митрополичьей въ качествѣ клирика или чиновника. Такъ какъ онъ хорошо зналъ славянскiй языкъ (насколько это было возможно для Грека), то необходимо думать, что онъ жилъ въ Россiи очень долго, при чемъ намъ сдается, что онъ былъ человѣкъ, игравшiй въ свое время далеко не послѣднюю роль. Несомнѣнно принадлежащiй сему Θеодосiю литературный трудъ есть не сочиненiе, а переводъ, именно—переводъ съ греческаго языка на славянскiй посланiя папы Льва I или Великаго къ Константинопольскому патрiарху Флавiану объ ереси Евтихiя, сдѣланный по просьбѣ князя—монаха Николая Святоши [2]). Но за тѣмъ со всею и рѣшительною вѣроятностiю считаемъ мы произведенiемъ сего Θеодосiя «Слово о вѣрѣ крестьянской и латыньской», которое усвояется нашими рукописями преп. Θеодосiю Печерскому, какъ написанное имъ въ отвѣтъ на вопросъ вел. кн. Изяслава Ярославича [3]). Во-первыхъ, преп. Θеодосiй Печерскiй вовсе не могъ имѣть тѣхъ свѣдѣнiй объ отступленiяхъ и обычаяхъ латинянъ, которыя сообщаетъ авторъ; во-вторыхъ, совершенно и нисколько не идетъ къ преп. Θеодосiю то, что онъ—авторъ говоритъ о себѣ и о своемъ отцѣ, и наконецъ въ-третьихъ—преп. Θеодосiй и на вопросъ Изяслава: достоитъ ли рѣзать скотъ въ недѣлю, начинаетъ отвѣтъ: «что взмыслилъ, бо-

---

[1]) Поученiе напечатано *преосв. Макарiемъ*, Исторiи т. 2, изд. 2 стр. 366.

[2]) Переводъ напечатанъ въ Чтенiяхъ Общества Ист. и Древн., 1848 г. № 7. Начатый по просьбѣ Святоши, онъ оконченъ былъ послѣ его смерти (см. предисловiе и послѣсловiе), чѣмъ и опредѣляется время жизни переводчика. Посланiе Льва, славянскiй переводъ котораго почему-то желалъ видѣть Святоша, по словамъ переводчика (въ предисловiи) ради вѣры князя отъ Рима въ Кiевъ прiиде; если понимать это не совершенно ясное не такъ, что посланiе написано папою въ Римѣ, а такъ, что его списокъ полученъ былъ изъ Рима, то изъ сего будетъ слѣдовать, что въ перiодъ домонгольскiй, черезъ купцовъ или кого бы то ни было, у насъ возможны были сношенiя съ Италiей, а такимъ образомъ объяснится и та загадка, что изъ Бара было получено въ Кiевѣ сказанiе о перенесенiи мощей Николая Чудотворца.

[3]) Напечатано *преосв. Макарiемъ* вмѣстѣ съ другими сочиненiями преп. Θеодосiя въ Ученыхъ Запискахъ II Отдѣл. Академiи Наукъ, кн. II выпускъ 2-й.

голюбивый княже, впрашати мене некнижна и худа о таковѣй вещи», но такъ ли отвѣчаетъ нашъ авторъ на свой совсѣмъ другаго сорта вопросъ? Вообще, мы не сомнѣваемся, что слово принадлежитъ нашему Ѳеодосію и написано имъ или для того же Николая Святоши, что̀ всего вѣроятнѣе, или для другаго какого нибудь князя, а преп. Ѳеодосію усвоено послѣ по весьма понятному недоразумѣнію. Отвѣчая на вопросъ Святоши или неизвѣстнаго князя, Ѳеодосій отчасти указываетъ отступленія и нечистые обычаи латинянъ, главнымъ же образомъ убѣждаетъ блюстися ихъ вѣры и ученія и бѣгать ихъ сообщества. Кирикъ въ своемъ Вопрошаніи, высказывая Нифонту мнѣніе о необходимости соблюденія супругами чистоты тѣлесной въ первую и послѣднюю недѣли великаго поста, ссылается на какого-то Ѳеодоса, который, у митрополита слышавъ, такъ написалъ [1]). Такъ какъ Нифонтъ выставляетъ своего Ѳеодоса своимъ современникомъ, каковымъ былъ нашъ Ѳеодосій, и такъ какъ онъ представляетъ его человѣкомъ, близкимъ къ митрополиту, что̀ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать и о послѣднемъ: то оказывается совершенно вѣроятнымъ предполагать, что нашъ Ѳеодосій былъ авторомъ какого-то, пока неизвѣстнаго, каноническаго сочиненія. Наконецъ, мы съ своей стороны имѣемъ весьма большую наклонность подозрѣвать, что именно этотъ нашъ инокъ Ѳеодосій былъ авторомъ того житія св. Владимира, по которому послѣдній посылалъ пословъ по землямъ для смотрѣнія вѣръ и изъ котораго возникла повѣсть объ его крещеніи, помѣщенная въ лѣтописи.

Свѣтская литература.

Для полноты обзора и ради нѣкоторыхъ читателей считаемъ не безполезнымъ сдѣлать здѣсь дополненіе о памятникахъ мірской или свѣтской литературы періода до-монгольскаго, каковые памятники суть: Слово о полку Игоревомъ и Слово Даніила Заточеника или Заточника, имѣющія впрочемъ между собой общаго единственно только то, что принадлежатъ авторамъ свѣтскимъ, а не духовнымъ.

Слово о полку Игоревомъ, что̀ значитъ слово о походѣ Игоревомъ, неизвѣстно—озаглавленное ли такъ отъ самаго автора или отъ переписчиковъ, но въ самомъ текстѣ называемое повѣстію и пѣснію и приравниваемое къ былинамъ, есть героическая поэма, по внѣшней формѣ не въ стихахъ, а въ прозѣ, впрочемъ до нѣкоторой степени

---

[1]) *У Павлова* въ Памятн. канонич. права, col. 38.

ритмической или пѣвучей, о неудачномъ и несчастномъ походѣ одного изъ князей русскихъ на Половцевъ.

Половцы, азіатскіе кочевники, явились въ степяхъ нынѣшней Новороссіи, между Дономъ и Днѣпромъ, въ половинѣ XI вѣка, вытѣснивъ прежде кочевавшихъ тутъ Печенѣговъ, послѣ чего и оставались сосѣдями Руси до самаго нашествія Монголовъ, которое ихъ уничтожило. Какъ ведутъ себя всѣ вообще кочевники, однимъ изъ ихъ занятій и однимъ изъ средствъ ихъ существованія были хищническіе набѣги на сосѣдей, вслѣдствіе чего у Русскихъ были съ ними почти непрестанныя войны, совершенно такъ, какъ послѣ у Москвы съ Крымскими Татарами. Половцы безъ всякихъ причинъ и поводовъ дѣлали набѣги на Русь, когда собирались съ силами или находили это удобнымъ; наоборотъ и Русскіе поступали совершенно подобнымъ же образомъ,—эти взаимные набѣги для той и другой стороны были дѣломъ, такъ сказать, совершенно обычнымъ. Одинъ изъ подобныхъ-то набѣговъ и составляетъ предметъ нашего слова или нашей повѣсти—пѣсни. Князь Кіевскій Святославъ Всеволодовичъ изъ рода князей Черниговскихъ (внукъ Олега, правнукъ Святослава), занявшій престолъ въ 1182 г., сдѣлалъ на Половцевъ, въ союзѣ съ другими князьями, въ продолженіе двухъ лѣтъ сряду (1183—84), два большіе и очень удачные набѣга. Завидуя славѣ и успѣху или добычности этихъ набѣговъ, одинъ изъ князей тѣхъ же Черниговскихъ, не участвовавшій въ нихъ одинъ разъ по нехотѣнію, въ другой разъ по независѣвшимъ обстоятельствамъ, именно—двоюродный братъ Святослава, князь Новгородъ-Сѣверскій Игорь Святославичъ, рѣшился, утаясь отъ послѣдняго, сдѣлать свой частный набѣгъ. Взявъ съ собой своего брата Всеволода Курско-Трубчевскаго, племянника Святослава Рыльскаго и сына Владиміра (Олега) Путивльскаго, Игорь выступилъ въ походъ противъ Половцевъ 23 Апрѣля 1185-го г. Вышедъ въ поле Половецкое около нынѣшняго Курскаго Бѣлгорода и въ направленіи къ юговостоку перешедъ рѣки Осколъ и Сальницу, князья встрѣтили передовые отряды Половцевъ, которые знали объ ихъ замыслѣ и ждали ихъ, на рѣкѣ Сюурліи. Битва съ этими передовыми отрядами окончилась совершенною побѣдою Русскихъ; однако видя, что Половцы не захвачены врасплохъ, что они изготовились встрѣтить нападеніе и собрались всѣ, князья рѣшили ретироваться. Если бы они пустились въ обратный путь тотчасъ же послѣ побѣды, когда еще Половцы не собрались съ духомъ возвратиться на нихъ, то, вѣроятно, благополучно добрались бы домой съ славой и добычей. Но тѣ, у которыхъ кони

были примучены въ предшествующей битвѣ, воспротивились немедленному отступленію, требуя нѣкотораго отдыха. Въ отдыхѣ проведена была ночь, слѣдовавшая за побѣдой, но на другой день Русскіе увидѣли передъ собою всѣ полки Половецкіе. Рѣшили всѣмъ спѣшиться, чтобы конные не могли оставить пѣшихъ въ добычу непріятелю, и затѣмъ сдѣлать попытку вооруженнаго отступленія, подобнаго знаменитому отступленію Грековъ подъ предводительствомъ Ксенофонта. Первые день и ночь отступали и бились благополучно. Но на другой день часть войска обратилась въ бѣгство; Игорь хотѣлъ было остановить бѣглецовъ, но, отдѣлившись для сей цѣли отъ своего полка, онъ былъ перехваченъ Половцами и этимъ все кончилось: всѣ остальные три князя взяты были въ плѣнъ, изъ всего войска отчасти перебитаго, отчасти взятаго въ тотъ же плѣнъ, отчасти загнаннаго въ море (Азовское, близь впаденія въ него рѣки Каялы, на берегу которой, у не называемаго по имени озера, случилась съ Русскими бѣда) [1], спаслось и прибѣжало на Русь менѣе 30 человѣкъ. Пользуясь побѣдой, Половцы сдѣлали одновременно два набѣга на Русь: одна половина опустошила область Переяславскую (осаждавъ Переяславль и потомъ взявъ и разграбивъ древній Римъ, нынѣшніе Ромны), другая—Курско-Черниговское Посемье (область по рѣкѣ Семи, нынѣшнему Сейму, откуда были взятые въ плѣнъ князья, пожегши волости и села и также острогъ г. Путивля). Между тѣмъ Игорь при помощи одного Половчанина, который возъимѣлъ благую мысль уйдти отъ своихъ въ Русь и пользуясь отсутствіемъ главныхъ князей Половецкихъ, бывшихъ въ сейчасъ помянутомъ походѣ на Русь, бѣжалъ изъ плѣна [2]) и возвратился въ свой Новгородъ.

Слово о полку Игоревомъ распадается на три части: предметъ первой—походъ Игоря, окончившійся его плѣномъ, во-второй—сѣтованія о постигшемъ Русь несчастіи Святослава Кіевскаго и самого пѣвца, изображеніе дальнѣйшихъ бѣдствій Руси отъ Половцевъ, которымъ

---

[1]) Не указываемъ точнымъ образомъ мѣстотеченія ни одной рѣки потому, что относительно ни одной рѣки не можемъ этого сдѣлать, такъ какъ вопросъ обо всѣхъ ихъ есть вопросъ спорный.

[2]) Въ плѣну Игорь содержался не какъ нибудь варварски, а напротивъ со всѣмъ возможнымъ комфортомъ и со всею подобающею его сану обстановкою, ибо Половцы въ одно и то же время были и враги и очень хорошіе наши знакомые (между прочимъ ему было позволено выписать для себя изъ Руси священника). Тогдашній главный Половецкій князь Кончакъ былъ давнишній пріятель Игоря (Ипатск. лѣт. подъ 1180 г.) и потомъ женилъ его плѣненнаго сына на своей дочери.

Игорь отворилъ ворота, призывъ къ князьямъ встать за обиду Руси съ поэтическими отступленіями и наконецъ плачъ Ярославны или супруги Игоревой Евфросиніи Ярославовны (дочери Галичскаго Ярослава Владимировича Осмомысла) на забралѣ Путивльскомъ; въ третьей части—бѣгство Игоря изъ плѣна и радость объ этомъ Руси.

Слово не есть народная былина въ томъ смыслѣ, что оно сочинено устно и постепенно безличнымъ творчествомъ многихъ и было только записано кѣмъ-то уже готовое; оно несомнѣнно есть литературное или поэтическое произведеніе въ собственномъ смыслѣ, принадлежащее одному какому-то сочинившему или сложившему ее автору, вообще въ собственномъ смыслѣ сочиненіе неизвѣстнаго сочинителя. Что въ періодъ до-монгольскій, въ параллель къ литературѣ письменной, которая была исключительно церковною, существовала свѣтская литература неписьменныхъ народныхъ былинъ, это понятно, ибо устнаго народнаго творчества не въ состояніи подавить никакая крайность противоположнаго направленія письменной литературы. Но свѣтское произведеніе настоящей литературы письменной есть для того времени вещь весьма замѣчательная и представляющая немалую загадку, на которую пока далеко нельзя отвѣчать совсѣмъ удовлетворительнымъ образомъ. На Западѣ въ соотвѣтствующее нашему періоду до-монгольскому время письменная литература была главнымъ образомъ, если не исключительно, также церковная, и однако тамъ дѣянія и подвиги рыцарей вызвали еще свѣтскую письменную литературу ихъ пѣвцовъ—такъ называемыхъ трубадуровъ. Кто сталъ бы думать о нашихъ князьяхъ періода до-монгольскаго, что имъ былъ присущъ только духъ смиренной молитвы и монашескихъ помысловъ, подобно какъ напримѣръ царю Алексѣю Михайловичу, и нисколько не былъ присущъ духъ западнаго рыцарства, тотъ совершенно бы ошибался. Наши князья были потомками Норманновъ, которые прежде настоящихъ западныхъ рыцарей были рыцарями по преимуществу, и переставъ быть Норманнами въ смыслѣ разбойниковъ, они вполнѣ остались ими въ смыслѣ людей удалыхъ, въ смыслѣ именно рыцарей, ищущихъ славныхъ дѣлъ [1]). Но рыцарь безъ пѣвца не мыслимъ, и если

[1]) Рыцарская исповѣдь, которую дѣлаетъ Василько Ростиславичъ Теребовльскій (въ лѣтописи, подъ 1097 г.), несомнѣнно выражаетъ духъ наибольшей части нашихъ князей періода домонгольскаго. Владиміръ Мономахъ въ своей извѣстной духовной грамотѣ дѣтямъ главнымъ образомъ дѣлаетъ то, что изображаетъ въ своемъ лицѣ истиннаго рыцаря, которому дѣти должны подражать. Самъ нашъ Игорь, отправляясь въ походъ на Половцевъ, главнымъ образомъ мечталъ о томъ,

на Западѣ подвиги рыцарей породили особое сословіе этихъ нарочитыхъ пѣвцовъ, то возможно и естественно было случиться тому же и у насъ. Такимъ образомъ, представляется наиболѣе вѣроятнымъ смотрѣть на Слово о полку Игоревомъ не какъ на явленіе единичное и исключительное, а какъ на сохранившійся до насъ остатокъ нашего до-монгольскаго трубадурства, другіе памятники котораго или погибли отъ позднѣйшаго къ нимъ невниманія или еще пока скрываются въ рукописяхъ не открытыми [1]).

Въ единственномъ пока своего рода памятникѣ нѣкоторые наклонны видѣть произведеніе единственное и въ смыслѣ совершенства. Съ этимъ преувеличеннымъ мнѣніемъ позволимъ себѣ вовсе не соглашаться. Слово о полку Игоревомъ, безспорно, есть весьма хорошее и весьма замѣчательно поэтическое произведеніе, но имѣемъ рѣшительную смѣлость думать, что не болѣе и что до верха совершенства ему весьма далеко. Оно обыкновенно читается послѣ предварительнаго обстоятельнаго знакомства съ событіемъ и лицами, которые въ немъ воспѣваются, къ каковому знакомству служитъ повѣсть о походѣ Игоря, читаемая въ Ипатьевской лѣтописи, написанная непосредственнымъ современникомъ, чуть ли даже не участникомъ похода, и передающая событіе весьма полно, не только съ внѣшнею обстоятельностію, но и внутреннею живостію. Но отстраните это предварительное знакомство, которое при чтеніи слова дорисовываетъ картины, и вы будете видѣть въ немъ болѣе мелькающія тѣни, чѣмъ живыя и оконченныя изображенія, болѣе намеки, чѣмъ вполнѣ высказанныя рѣчи, такъ что оно болѣе смотритъ какъ бы программой поэмы, чѣмъ самой поэмой вполнѣ въ обработанномъ видѣ.

Несомнѣнно, что прозаическимъ источникомъ поэмы служила сейчасъ помянутая повѣсть о походѣ Игоря, помѣщенная въ Ипатской лѣтописи, и едва ли не должно будетъ признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проза выше поэзіи. Въ 9-й день по выступленіи Игоря въ

чтобы превзойти отцовъ и дѣдовъ и до конца взять славу и честь (Лаврент. лѣтоп.). См. также Ипатск. лѣтоп. 2 изд. стрр. 310, 545 и 554.

[1]) Полагаемъ, что авторъ Волынской или Галичской лѣтописи подъ 1201 г. (въ самомъ началѣ) имѣетъ въ виду подобную пѣснь о Владимірѣ Мономахѣ; находимъ возможнымъ полагать, что Даніилъ Заточеникъ приводитъ слова изъ подобной пѣсни о Святославѣ, когда говоритъ: „Святославъ князь, (сынъ) Игоревъ, идя на царя съ малою дружиною, рече"... и пр. Когда въ 1251 г. Даніилъ Романовичъ Галичскій съ братомъ Василькомъ возвратились съ побѣдой изъ похода Ятвяжскаго, то „пѣснь славну пояху има." (Волынск. лѣтоп., 1251 г. fin.—Трубадуры или пѣвцы, „гудьци", были и у Половцевъ,—Волынск. лѣт. подъ 1201 г.).

походъ противъ Половцевъ случилось солнечное затменіе; по этому поводу онъ говоритъ у лѣтописца дружинѣ, которая видѣла въ семъ худое для себя предзнаменованіе: «братья и дружино, тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творецъ Богъ (яко) и всему міру своему, а намъ что створитъ Богъ или на добро или на наше зло, а тоже (это) намъ видити»; въ словѣ по тому же поводу Игорь говоритъ: «братіе и дружино, луцежъ бы потяту [1]) быти, неже полонену быти, а всядемъ, братіе, на свои бързыя комони» [2]). Первое къ дѣлу и прекрасно, о второмъ нельзя этого сказать. Лучшимъ мѣстомъ въ словѣ считается плачъ Ярославны. Положимъ, что онъ хорошъ; но намъ, во-первыхъ, представляется, что Ярославна могла бы плакать нѣсколько пространнѣе, а также и нѣсколько чувствительнѣе; во-вторыхъ, тутъ вотъ какая странность: она лишилась не только мужа, но и сына, юноши въ первой юности, и однако ея плачъ ограничивается только мужемъ, ни словомъ не касаясь сына; думаемъ, что совсѣмъ хорошій поэтъ никакъ не забылъ бы про мать и даже поставилъ бы ее впереди жены [3]). Заглянувъ въ лѣтопись, находимъ и еще поводы къ недоумѣніямъ. Въ послѣдней читаемъ, что когда пришла въ Посемье вѣсть о несчастіи, постигшемъ Игоря и его дружину, то «возмятошася городи Посемьскіе и бысть скорбь и туга люта, якоже ни-

---

[1]) Убиту.

[2]) Коней.

[3]) *Е. В. Барсовъ* въ своемъ изслѣдованіи: „Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси" замѣчаетъ намъ на сейчасъ приведенныя наши слова о плачѣ Ярославны: „измѣрять достоинство плачей *количествомъ слезъ* (курсивъ автора) и художество причети ея *пространностію*, это такой пріемъ критики, который менѣе всего приличенъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Нельзя спрашивать, почему жена плачетъ о мужѣ, забывая сына, такъ какъ одно горе подавляетъ другое: это обыкновенный психологическій процессъ",—I, 161 fin.. Если видѣть въ плачѣ Ярославны заклинательную молитву, что̀ видитъ въ ней *Е. В.* (II, 65): то, конечно, не можетъ быть рѣчи объ его краткости, ибо заклинательная молитва можетъ быть дѣйствительною и состоя изъ двухъ словъ. Но если видѣть въ немъ обыкновенный плачъ, что̀ мы видимъ въ немъ, то дѣйствительно нельзя не находить его нѣсколько краткимъ (при чемъ изъ трехъ жалобныхъ воззваній—къ вѣтру, Днѣпру и солнцу послѣднее воззваніе еще и не совсѣмъ ладное, ибо походъ Игоря имѣлъ мѣсто въ концѣ Апрѣля—началѣ Мая, а чтобы въ это время солнце могло убійственно дѣйствовать на войско Игорево своимъ жаромъ, это совсѣмъ невѣроятно). Находить, что въ извѣстномъ художественномъ произведеніи извѣстная часть скудна, бѣдна, не пропорціонально мала, полагаемъ, нѣтъ ничего неприличнаго. Что касается до психологіи, то въ данномъ случаѣ психологическій законъ—„и мужа жалко мнѣ, но сына мнѣ жалчѣе".

колиже не бывала во всемъ Посемьи и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ и во всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы въ мотви [1]), городи воставахутъ и немило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ». Объ этомъ общемъ плачѣ всей Посемской области у нашего автора ни слова.

Слово о полку Игоревомъ замѣчательно какъ произведеніе совершенно національное и совершенно самостоятельное, не состоящее ни подъ малѣйшимъ вліяніемъ нашей переводной литературы періода домонгольскаго. Ни единымъ словомъ внѣшняго выраженія и ни единымъ образомъ внутренняго представленія Слово не напоминаетъ этой литературы, представляя совершенную самобытность и совершенную оригинальность, и отсюда свѣжесть. Всѣ другіе наши писатели, употребляя выраженіе одного изъ нихъ, суть болѣе или менѣе пчелы, которые «медвеный сотъ свой—сладость словесную и разумъ собираютъ по многимъ книгамъ», такъ что съ перваго звука у каждаго изъ нихъ слышишь знакомое пѣніе, но авторъ Слова о полку Игоревомъ, пчела или не пчела,—съ своимъ особеннымъ, незнакомымъ голосомъ. Полагаемъ, этимъ доказывается то, что мы говорили выше, именно—что Слово не должно быть понимаемо какъ явленіе единичное и исключительное въ своемъ родѣ, а должно быть считаемо единственнымъ дошедшимъ до насъ или единственнымъ пока извѣстнымъ намъ памятникомъ изъ цѣлаго ряда подобныхъ памятниковъ нашего трубадурства. Явившись у насъ и установившись твердо еще до того времени, какъ греческое вліяніе стало болѣе или менѣе сильно заявлять себя, оно и на все послѣдующее время осталось областью своей и особой, не хотѣвшей поддаваться этому вліянію [2]).

[1]) Какъ рыба въ мотнѣ невода.

[2]) Позволимъ себѣ предложить здѣсь наше объясненіе двухъ остающихся наиболѣе непонятными мѣстъ Слова о полку Игоревомъ, это—о дебрѣ Кисаню, которую видѣлъ во снѣ вел. кн. Святославъ Всеволодовичъ, и о возныхъ стрикусахъ, которыми Всеславъ Полоцкій отворилъ ворота Новгорода (если объясненія найдены будутъ неудовлетворительными, то ко множеству существующихъ неудовлетворительныхъ объясненій прибавится лишь одно таковое же...). Въ Крыму, на южномъ берегу Чернаго моря, въ той древней Готіи или Готѳіи, красныя дѣвы которой „въспѣша на брезѣ синему морю", въ XIV в. было, а можетъ быть—и теперь есть, селеніе Кинсанусъ, ἡ χώρα Κινσάνους, слово несклоняемое (см. о немъ въ Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, t. II, pp. 69, 71 sqq). Предполагая, что это селеніе было чѣмъ нибудь замѣчательно и что оно имѣло какое нибудь значеніе для Руссвихъ (было напр. ихъ рыболовной пристанью на Черномъ морѣ),

Слово Даніила Заточеника или Заточника также представляетъ собой замѣчательную вещь, но совсѣмъ въ другомъ и противоположномъ смыслѣ, а именно—какъ курьёзъ, показывающій, что и въ періодъ до-монгольскій были у насъ писатели, представлявшіе изъ себя печальныхъ и потѣшныхъ геніевъ—шутовъ.

Даніилъ былъ служилымъ человѣкомъ, какъ кажется, не особенно большимъ, хотя и довольно близкимъ, при Суздальскомъ князѣ Юріи Долгорукомъ. За какую-то вину, едва ли не за трусость на войнѣ, онъ сосланъ былъ княземъ въ ссылку или заточеніе на край Бѣлозерья, въ городъ Каргополь, что на Лачь или Лачѣ озерѣ. Въ этомъ заточеніи Даніилъ и написалъ свое слово, адресованное къ князю [1]). Представлялось бы, что слово будетъ просительнымъ моленіемъ князю о прощеніи вины и объ освобожденіи. Цѣль его дѣйствительно есть та, чтобы получить освобожденіе, однако оно—вовсе не моленіе. Даніилъ воображаетъ себя величайшимъ мудрецомъ и какъ бы вторымъ Соломономъ и слагаетъ для князя нравоучительное слово о томъ и семъ и о tritum pertritum, которое онъ, какъ самъ сознается, повыписывалъ изъ книгъ; это премудрѣйшее слово должно доказать князю то, что думаетъ о себѣ онъ самъ, а за симъ должно послѣдовать и освобожденіе, ибо такую «тучу художества и ума», какъ говоритъ о

можно думать, что дебрь его и видѣлъ Святославъ во снѣ. Въ такомъ случаѣ слова вел. князя нужно понимать: я видѣлъ во снѣ, что по загородью Плесенска бѣжала (не имѣющее въ данномъ мѣстѣ смысла: „бѣша" обращаемъ въ „бѣжа") дебрь Кисаню и что не могъ я сослать ея („не сошлю") къ синему морю, т. е. на ея дѣйствительное мѣсто.—Въ словѣ *стрикусы* окончаніе *усъ* есть латинское, но несомнѣнно, что самое слово не есть латинское; слѣдоват. оно написано ошибочно. Если читать вмѣсто стрикусы—стриксы: то мы получимъ слово однозвучное съ готскимъ Striks, которымъ Ульфила въ евангеліи отъ Матѳея,—5, 18, перевелъ греческое слово κεραία. Принимая, что въ нашемъ случаѣ мы имѣемъ какъ бывшее въ древнемъ русскомъ языкѣ (въ видѣ одного изъ варягизмовъ) это Striks, можно будетъ разумѣть подъ нимъ тѣ кіи или тѣ батоги, которыми въ Малороссіи при ѣздѣ па волахъ управляютъ сими животными и погоняютъ ихъ. Всеславъ былъ великій волхвъ, и авторъ Слова (можетъ быть) хочетъ сказать, что ему какъ волхву ничего не стоило отворить ворота Новгорода возовыми кіями (батогами, при чемъ относительно возовъ у автора можетъ быть предполагаема и другая мысль, что-де Всеславъ пріѣхалъ въ Новгородъ на возахъ, чтобы было на чемъ увезти имѣвшія быть награбленными въ немъ богатства).

[1]) Даніилъ называетъ Долгорукаго сыномъ великаго царя Владимира. Владимиръ Мономахъ, какъ сынъ греческой царевны, дѣйствительно назывался у современниковъ царемъ: запись на Мстиславовомъ евангеліи. Каргополь, въ который заточенъ былъ Даніилъ, принадлежалъ къ области Ростовской, а при Юріи Долгорукомъ—къ Суздальско-Ростовской, но не къ Новгородской.

себѣ Даніилъ, должно пустить на землю, т. е. такого мудреца странно держать въ заключеніи. По содержанію своему слово есть нескладный рядъ нравоученій à la Соломонъ и Сирахъ, отчасти обращенныхъ къ князю, котораго нашъ мудрецъ поучаетъ безъ всякой церемоніи, отчасти ни къ кому или ко всѣмъ. Свои премудрыя рѣчи нашъ новый Соломонъ безъ всякаго жеманнаго скромничанья начинаетъ такимъ воззваніемъ: «вострубимъ, братіе, яко въ злато-кованныя трубы въ разумъ ума своего, и начнемъ бити сребреныя аграны и возвѣемъ мудрости своя», и затѣмъ далѣе тоже безъ всякой церемоніи неоднократно заявляетъ о своемъ великомъ умѣ, подъ потокъ капель котораго только подставляй скудельничи сосуды.

Полагаемъ, что Долгорукій не удивился премудрости своего Суздальскаго Соломона и не освободилъ его изъ заточенія за его нескладную болтовню (нескладную въ общемъ, но не въ частностяхъ, которыя авторъ просто выписываетъ оттуда и отсюда). Но по самому Даніилу это освобожденіе было дѣло рѣшенное и притомъ въ своемъ игривомъ воображеніи онъ хотѣлъ, чтобы оно совершилось вовсе не просто, почему на концѣ своего знаменитаго творенія приписалъ: «сія словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣ озерѣ и запечатахъ въ воску и пустихъ во езеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ее пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горькаго заточенія» [1]). Въ старое простодушное время Даніилъ дѣйствительно слылъ за того мудреца, за котораго онъ себя выдаетъ; мѣсто, куда былъ сосланъ знаменитый человѣкъ и откуда вышло знаменитое твореніе, долго помнили, и подъ 1371-мъ г. лѣтописецъ, говоря объ Лачѣ озерѣ, замѣчаетъ: «идѣже бѣ Данило заточеникъ» [2]).

---

[1]) Т. е. мы думаемъ, что приписка эта принадлежитъ самому Даніилу. Даже въ новѣйшее время находились смиренные духомъ люди, которые видѣли тутъ дѣйствительный фактъ.—Возможно, что никакого Даніила Заточеника и не бывало и что его мнимое моленіе къ князю есть шаловливое (шаловливо-сатирическое) произведеніе какого нибудь мудреца (и сатирика) XII вѣка, къ которому прикладывали потомъ свои руки другіе мудрецы, отъ чего разнообразіе въ спискахъ.

[2]) Слово Даніила по всѣмъ извѣстнымъ въ настоящее время спискамъ напечатано г. *Шляпкинымъ* въ Памятникахъ древней письменности, — № LXXXI, 1889. Нашъ отзывъ о Даніилѣ г. Шляпкинъ находитъ строгимъ и не особенно справедливымъ. Мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что наше мнѣніе о Даніилѣ совершенно сходится съ мнѣніемъ о немъ *С. М. Соловьева*, см. Ист. т. III, 4 изд. стр. 104.

Итакъ, въ періодъ до-монгольскій наши предки не имѣли настоящаго просвѣщенія и имѣли одну только грамотность, подобно тому какъ и во все послѣдующее время до Петра Великаго. Однако, при этомъ должна быть сдѣлана нѣкоторая оговорка. Хотя до-монгольское образованное общество наше было такъ же только грамотно, а не образованно въ собственномъ смыслѣ, какъ и послѣдующее наше образованное общество въ продолженіе сейчасъ указаннаго времени; но тѣмъ не менѣе оно должно быть представляемо высшимъ по своему развитію (насколько можетъ быть рѣчь о развитіи при простой грамотности), чѣмъ послѣднее. Это по той же причинѣ, по которой двѣ деревни, одинаково безграмотныя, но находящіяся—одна близъ города, а другая въ глуши, различаются по степени развитія (о какомъ, подразумѣвается, можетъ быть тутъ рѣчь) своихъ жителей, или по которой крестьяне, ходящіе «на городъ»,—на заработки въ столицы, отличаются отъ крестьянъ, сидящихъ дома. Послѣ нашествія Монголовъ у насъ порвались и мы сами порвали всякія связи со всѣми другими людьми, такъ что мы остались совершенно одни и замкнулись исключительно въ самихъ себя, ставъ какъ бы глухою деревнею. Но до нашествія Монголовъ мы были деревней подгородной,—мы находились сравнительно въ живомъ общеніи съ другими людьми, высшими насъ по развитію. Во все продолженіе періода Кіевскаго митрополитами нашими были Греки и во все продолженіе его жило у насъ немалое количество другихъ Грековъ на каѳедрахъ епископскихъ и въ качествѣ чиновниковъ при митрополитахъ и епископахъ. Во все продолженіе періода книжные и благочестивые Русскіе люди, изъ монаховъ и изъ мірянъ, побуждаемые паломническимъ усердіемъ и простымъ любопытствомъ, несомнѣнно—въ большомъ количествѣ посѣщали Константинополь, легкая водяная дорога въ который изъ Кіева была такъ знакома по связямъ торговымъ, а наши купцы, ведшіе торговлю съ Константинополемъ, ежегодно проживали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Наконецъ, въ этотъ періодъ, въ видѣ единичныхъ исключеній, и изъ самихъ Русскихъ бывали люди съ настоящимъ греческимъ образованіемъ. Точно такъ же и съ европейскимъ Западомъ въ продолженіе всего періода мы не были совершенно разъединены, какъ послѣ, а водили болѣе или менѣе близкое знакомство: въ городахъ нашихъ мы постоянно видѣли въ большомъ числѣ тамошнихъ купцовъ и ремесленниковъ; съ непосредственными нашими сосѣдями—Поляками и Венгерцами мы постоянно имѣли тѣсное политическое общеніе, то сами вмѣшиваясь въ ихъ дѣла, то терпя ихъ вмѣшательство

въ наши дѣла, то находясь съ ними въ положительной дружбѣ, то въ положительной враждѣ (которая есть также средство взаимообщенія людей, какъ и дружба); князья наши въ продолженіе всего періода не переставали водить родственныхъ связей со всѣмъ Западомъ, то выдавая туда замужъ своихъ княженъ, то приводя оттуда себѣ въ замужство тамошнихъ княженъ. Все сейчасъ сказанное нами было бы напрасно и совершенно не основательно преувеличивать, увлекаясь желаніемъ такъ или иначе создать изъ до-монгольскихъ предковъ нашихъ настоящую Европу. Но ни какое дѣйствіе не остается безъ всякаго вліянія, и необходимо думать, что до-монгольскіе предки наши, имѣвшіе общеніе и водившіе знакомство съ людьми образованными, до нѣкоторой степени представляли изъ себя нѣчто другое, чѣмъ предки послѣ-монгольскіе, для которыхъ прекратилось это общеніе и которые прекратили это знакомство. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся еще послѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Татищевъ объ училищахъ и просвѣщеніи у насъ въ періодъ домонгольскій.

Національная гордость Русскаго человѣка не слишкомъ легко мирится съ тѣмъ непріятнымъ фактомъ, что во все время нашего историческаго существованія до Петра Великаго мы оставались народомъ безъ просвѣщенія или что во все это время мы были народомъ непросвѣщеннымъ. Карамзинъ нашолъ средство удовлетворить нашей національной гордости, а именно тѣмъ способомъ, чтобы возложить вину на независящія обстоятельства: мы—Русскіе, желаетъ утверждать онъ, весьма хотѣли быть народомъ просвѣщеннымъ, мы-де заимствовали было отъ Грековъ просвѣщеніе и до такой степени начали успѣвать въ немъ, что собирались быть даже учителями западной Европы; но междуусобія князей и потомъ иго Монгольское подавили у насъ прекрасные, многообѣщавшіе, начатки просвѣщенія.

Не можемъ утверждать положительно, но наклонны подозрѣвать, что идею или мысль своей теоріи Карамзинъ заимствовалъ у Татищева. Какъ бы то ни было, но этотъ послѣдній прежде Карамзина также хочетъ утверждать, что въ періодъ домонгольскій существовали у насъ училища и было просвѣщеніе, т. е. именно настоящія училища и настоящее просвѣщеніе.

Можетъ быть, что уже и Татищеву національная гордость не позволяла думать, чтобы мы были народъ никогда не имѣвшій просвѣщенія. Но во всякомъ случаѣ у него были еще и главное составляли иныя побужденія. Родившись въ старой до-петровской Руси и перешедъ въ новую Русь съ самимъ Петромъ [1]), Татищевъ (талантливѣйшій и замѣчательнѣйшій самоучка) представлялъ изъ себя самаго горячаго защитника новаго свѣта противъ старой тьмы, просвѣщенія противъ невѣжества. Въ этой-то борьбѣ съ невѣжествомъ за просвѣщеніе онъ и хочетъ сдѣлать и имѣть нашу исторію своей помощницей. По качествамъ и складу своего ума наклонный къ свободѣ мышленія, воспитавшій и самообразовавшій себя по

---

[1]) Онъ родился въ 1686 году.

тѣмъ вольнодумнымъ книгамъ своего времени, которыя всю тьму и все зло въ мірѣ приписывали властолюбивому и своекорыстному духовенству (преимущественно, какъ должно полагать, Лексикону Байлеву или Бэлеву, cfr т. I, предъизвѣщ. стр. XXIII sub fin.)[1], Татищевъ представляетъ дѣло о просвѣщеніи въ нашей исторіи, въ назиданіе, т. е. въ обличеніе и посрамленіе людей, стоявшихъ за допетровское невѣжество, такимъ образомъ: въ періодъ домонгольскій князья наши усердно заботились о поддержаніи у насъ просвѣщенія и училищъ, причемъ заставляли помогать себѣ духовенство и пользовались имъ, какъ орудіемъ; „но нашествіемъ Татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возросла, тогда имъ (духовнымъ) для пріобрѣтенія бóльшихъ доходовъ и власти полезнѣе явилося народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили" (см. у *Соловьева* въ Ист. т. XX, 2 изд. стр. 271).

Такимъ образомъ, для практическихъ цѣлей, для обличенія и посрамленія защитниковъ допетровскаго невѣжества, Татищеву нужно было, чтобы въ періодъ домонгольскій было у насъ просвѣщеніе. Для сихъ цѣлей онъ тамъ его и создаетъ.

Въ подтвержденіе своихъ общихъ рѣчей онъ приводитъ частныя положительныя свидѣтельства,—и въ этомъ-то вся сила: такъ или иначе, говорятъ, понимай Татищева, но положительныя свидѣтельства, которыя онъ приводитъ, доказываютъ фактъ существованія у насъ въ періодъ домонгольскій просвѣщенія и училищъ, ибо, говорятъ, эти свои положительныя свидѣтельства не сочиняетъ же онъ, а откуда-нибудь беретъ. Несомнительно однако, что онъ ихъ сочиняетъ, понимая и комментируя по своему свидѣтельства всѣмъ извѣстныя, выдавая за прямые положительные, факты только свои предположенія, прямо читая въ свидѣтельствахъ то что онъ только желалъ бы видѣть въ нихъ написаннымъ (и при всемъ этомъ поступая не съ какою-нибудь возмутительною недобросовѣстностію, а просто по обычаю большинства историковъ стараго времени, совсѣмъ не оставленному нашими историками даже и въ настоящее время)[2]. Та-

---

[1]) Петръ Бэль, Pierre Bayle, отецъ новѣйшей діалектики и новѣйшаго скептицизма, ожесточеннѣйшій врагъ католичества и католическаго духовенства, родился во Франціи въ 1647 г., умеръ въ Голландіи въ 1706 г. Его знаменитый Лексиконъ,—Dictionnaire historique et critique, въ первый разъ напечатанъ въ 1696 г. (Татищевъ имѣлъ у себя Лексиконъ Байлевъ въ четырехъ книгахъ, слѣдовательно не первое изданіе, которое было въ двухъ томахъ, а второе—1702-го года).

[2]) Exempli gratia, объ одномъ изъ примѣровъ совершенно татищевскаго обращенія съ источниками, дозволяемомъ преосв. Филаретомъ, см. у *Ключевск.* въ Житіяхъ святыхъ, стр. 143, прим. 2 (Не говоримъ уже о тѣхъ разныхъ, живыхъ и мертвыхъ, производителяхъ книжекъ по Русской исторіи, которые могутъ быть названы historici minores).

тищевъ не говоритъ прямо, что въ своихъ показаніяхъ относительно училищъ и просвѣщенія онъ пользуется свидѣтельствами общеизвѣстными, но онъ дастъ это знать тѣмъ, что, за исключеніемъ одного случая, вовсе не ссылается на какіе-нибудь особенные, бывшіе у него, манускрипты. Вотъ эти его показанія относительно училищъ и просвѣщенія у насъ въ періодъ домонгольскій по порядку хронологическому.

Подъ 1086-мъ г. о дочери Всеволода Ярославича Янкѣ или Аннѣ, дѣвицею постригшейся въ монахини и собравшей черноризицъ многихъ въ монастырѣ св. Андрея, построенномъ для нея ея отцомъ, Татищевъ пишетъ: „собравши младыхъ дѣвицъ, нѣколико обучала ихъ писанію, такожъ ремесламъ, пѣнію, швенію и инымъ полезнымъ ихъ знаніямъ, да отъ юности навыкнутъ разумѣти законъ Божій и трудолюбіе, а любострастіе въ юности воздержаніемъ умертвятъ“ (II, 138). Въ лѣтописи [1]) подъ тѣмъ же 1086-мъ г. мы читаемъ: „Всеволодъ заложи церковь святаго Андрея при Иванѣ преподобномъ (*вар.*: при добромъ) митрополитѣ; створи у церкви тоя монастырь, въ немъ же постриже дщи его дѣвою, именемъ Янька; (сія же Янка) совокупивши черноризицы многи, пребываше съ ними по монастырьскому чину“. Все сейчасъ выписанное изъ лѣтописи Татищевъ приводитъ у себя передъ тѣмъ, что мы привели, и потомъ, не ссылаясь ни на какой новый источникъ, говоритъ приведенное. Ясно, что это послѣднее онъ не беретъ откуда-нибудь изъ другаго источника, а говоритъ самъ отъ себя, высказывая свое собственное пониманіе дѣла и свое собственное представленіе о немъ, т. е. высказывая въ формѣ положительнаго факта, какъ бы ему самому желалось представлять дѣло. Ему мечтается Смольный монастырь для воспитанія благородныхъ дѣвицъ (по подобію таковыхъ монастырей на Западѣ) и вотъ древность и даетъ у него примѣръ подобнаго монастыря. Что мы должны понимать его такъ, а не иначе, это указываетъ онъ намъ тутъ же. Въ лѣтописи сказано, что Янка, „совокупивши черноризици многи, прибываше съ ними по монастырьскому чину“. А онъ, въ назиданіе монахинямъ своего времени, передаетъ это: „многія инокини собравъ, пребывала въ немъ (монастырѣ) во всякомъ благоговѣніи, постѣ и цѣломудріи, храня жестоко законъ монашескій“ (Еще же яснѣе даетъ онъ знать о руководившемъ его побужденіи, когда, воспысывая похвалу Янкѣ, говоритъ: „Достойна (сія) Анна великая или достохвальная именована быть, *и дай Боже, чтобъ мы такую Анну еще имѣть могли*“,—II, 457, прим. 355).

Подъ 1093-мъ г. о помянутомъ Всеволодѣ Ярославичѣ, отцѣ Янки, по поводу его смерти въ семъ году, Татищевъ пишетъ, что сей благовѣрный князь, измлада боголюбивый, между прочимъ „много въ монастыри и церкви на училища подаянія давалъ“ (II, 144). Сравнивая Татищева съ

[1]) Ипатской, въ данномъ случаѣ—одной, безъ Лаврентьевской.

лѣтописью находимъ, что въ данномъ мѣстѣ онъ буквально воспроизводитъ послѣднюю и только вставляетъ одно слово „училища“. Въ лѣтописи: „въздая честь епископомъ и презвитеромъ, излиха же любяше черноризци и подаяше требованье имъ“, а у Татищева: „епископамъ и всѣмъ духовнымъ честь великую воздавалъ, много въ монастыри“... Ясно, что это одно слово „училища“ Татищевъ прибавляетъ самъ. Всеволодъ, какъ онъ зналъ (изъ духовной грамоты его сына Владимира Мономаха), былъ человѣкъ весьма образованный (о чемъ см. выше), и онъ не хочетъ думать, чтобы человѣкъ весьма образованный подавалъ монахамъ требованіе на что нибудь другое, а не на училища.

Подъ 1097-мъ г. извѣстнаго нѣкоего Василія, написавшаго разсказъ объ ослѣпленіи Василька Галичскаго, внесенный въ лѣтопись, Татищевъ заставляетъ говорить: „Василько содержанъ былъ во Владимирѣ... и какъ приближился постъ великій, случилося мнѣ быть тогда во Владимирѣ смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей“ (II, 181). Къ прискорбію людей, вѣрующихъ въ Татищева, мы захватываемъ здѣсь почтеннаго историка, такъ сказать, съ поличнымъ. Здѣсь не могутъ быть предполагаемы никакіе другіе неизвѣстные источники, потому что дѣло идетъ только объ одномъ извѣстномъ разсказѣ, какъ онъ читается въ лѣтописи. Мы знаемъ, что въ лѣтописи разсказъ этотъ читается безъ всякаго упоминанія объ училищахъ и учителяхъ [1]), и слѣдовательно ясно, что училища и учителей Татищевъ присочиняетъ самъ [2]).

Подъ 1180-мъ г. о Смоленскомъ князѣ Романѣ Ростиславичѣ, по поводу его смерти въ семъ году, Татищевъ говоритъ, что онъ „былъ вельми ученъ всякихъ наукъ“, что „и къ ученью многихъ людей понуждалъ, устроя на то училища и учителей, Грековъ и Латинистовъ своею казною содержалъ и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ“ (III, 238). Обращаясь къ лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ (Ипатской, 2 изд. стр. 418 нач.), мы находимъ, что она распространяется въ похвалахъ умершему князю и только ничего не говоритъ объ его учености и его заботахъ о

---

[1]) Именно въ лѣтописи читается: „Василкови же сущю Володимерѣ... и яко приближися постъ великій и мнѣ сущу Володимери, въ едину нощь присла по мя“... Лаврент. 2 изд. стр. 255, Ипатск. 2 изд. стр. 173.

[2]) А если бы какой-нибудь защитникъ Татищева возразилъ, что-де у него могъ быть списокъ лѣтописи, въ которомъ разсказъ Василія читается такъ, какъ онъ приводитъ, т. е. съ прибавленіемъ словъ: *смотрѣнія ради и пр.*, то отвѣтъ на это: лѣтописи первоначальной, въ которой помѣщенъ разсказъ Василія, *извѣстно болѣе полсотни списковъ (Предисл. къ I т. Полн. собр. лѣтт. стр. XVII fin.) и во всѣхъ ихъ разсказъ читается одинаково; слѣдовательно предполагать, чтобы только* у Татищева могъ быть списокъ, въ которомъ разсказъ читался по своему, значитъ предполагать ту возможность, о которой говорятъ, что у Бога нѣтъ ничего невозможнаго.

просвѣщеніи. Лѣтопись говоритъ, что Романъ былъ „всею добродѣтелью украшенъ"; а такъ какъ для Татищева первая добродѣтель была образованность, то онъ и усвояетъ ее князю. Лѣтопись говоритъ, что Романъ былъ „страха Божія наполненъ, нищія милуя, монастыри набдя"; а такъ какъ для Татищева набдѣніе монастырей имѣло смыслъ единственно въ томъ случаѣ, если это было для поддержанія просвѣщенія, то онъ именно такъ и представляетъ дѣло. Когда онъ совсѣмъ присочиняетъ Грековъ и Латинистовъ, то въ первомъ случаѣ, вѣроятно, имѣетъ въ виду то, что къ дѣду Романову Мстиславу Владимировичу пришли въ 1137-мъ г. четыре Грека (Мануйло, пѣвецъ гораздый, самъ третій,—Ипатск. лѣт. подъ симъ годомъ), а во второмъ то, что въ его собственное—Татищева время въ Смоленскѣ, городѣ пограничномъ съ Польшею и нѣкоторое время находившемся подъ властію этой послѣдней, были и дѣйствовали на поприщѣ просвѣщенія (и вмѣстѣ совращенія) латинисты въ лицѣ іезуитовъ и другихъ католическихъ монаховъ. Относительно Романа Мстиславича Татищевъ позволяетъ себѣ въ присочинительствѣ слишкомъ большую волю, какъ подозрѣваемъ, потому, что князь этотъ былъ его предокъ: Татищевы происходили отъ князей Соломирскихъ, а князья Соломирскіе были потомки князей Смоленскихъ. Нашедъ въ лѣтописи похвалу одному изъ князей Смоленскихъ (собственно двоимъ, о другомъ см. ниже), которая позволяла комментировать себя широкимъ образомъ, онъ и комментируетъ ее такъ, чтобы можно было съ гордостію сказать, что-де нашъ родъ издревле отличался великой любовью къ просвѣщенію.

Подъ 1188-мъ г. о Галичскомъ князѣ Ярославѣ Осмомыслѣ, по тому же поводу его смерти въ семъ году, Татищевъ говоритъ, что онъ „изученъ былъ языкамъ (и) многія книги читалъ", что онъ „въ церковномъ чинѣ много исправлялъ и клиросъ устроя и наставляя зловѣріе искоренялъ, а мудрости и правой вѣрѣ наставлялъ и учить понуждалъ, монаховъ же и съ ихъ доходы (и съ ихъ доходами, которые, подразумѣвается, самъ имъ назначилъ) къ наученію дѣтей опредѣлилъ" (III, 280). Обращаясь къ лѣтописи (Ипатской, 2 изд. стр. 441 fin.), находимъ, что въ нашемъ случаѣ Татищевъ почти не присочиняетъ отъ себя въ собственномъ смыслѣ, а только такъ воспроизводитъ находящееся въ лѣтописи, что въ этомъ воспроизведеніи является совсѣмъ иное, нежели въ послѣдней,—является, само собой разумѣется, съ тою цѣлію, чтобы создалось одно изъ свидѣтельствъ о существованіи у насъ въ періодъ домонгольскій просвѣщенія. Весьма похваляя Ярослава, лѣтопись говоритъ, что онъ былъ „князь мудръ и рѣчистъ языкомъ": изъ этого *„рѣчистъ языкомъ"* Татищевъ и дѣлаетъ свое *„наученъ былъ языкамъ"*. Затѣмъ лѣтопись говоритъ, что князь „во всемъ законѣ Божіи ходилъ, къ церковному чину самъ приходя и строя добрѣ клиросъ": эти слова Татищевъ воспроизводитъ доточно, и только прибавляетъ немногое (совсѣмъ измѣняющее смыслъ свидѣтельства),

что онъ зловѣріе искоренялъ, а мудрости и правой вѣрѣ наставлялъ. Лѣтопись говоритъ, что князь черноризскій чинъ любилъ и честь (ему) подавалъ отъ силы своея: подавать честь монахамъ для Татищева значитъ ни что иное, какъ давать имъ доходы на училища и ученіе,—такъ это онъ понимаетъ и представляетъ и въ данномъ случаѣ.

Подъ 1218-мъ г. о князѣ Ростовскомъ Константинѣ Всеволодовичѣ по тому же поводу, что̀ выше, Татищевъ пишетъ: „великій былъ охотникъ къ читанію книгъ и наученъ былъ многимъ наукамъ; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многія древнія книги греческія цѣною высокою купилъ и велѣлъ переводить на русскій языкъ, многія дѣла древнихъ князей собралъ и самъ писалъ, такожъ и другіе съ нимъ трудилися; онъ имѣлъ однихъ греческихъ книгъ болѣе 1000, которыя частію покупалъ, частію патріархи, вѣдая его любомудріе, въ даръ присылали“ (III, 416). Относительно сейчасъ приведеннаго Татищевъ увѣряетъ, будто „сіе выписано точно изъ лѣтописца Симонова, который (Симонъ, будто бы) сказуетъ, что „азъ быхъ при концѣ его и насладихся словесы мудрыми“ (ibid. стр. 514, прим. 601—602). Подъ лѣтописцемъ Симоновымъ, какъ это необходимо думать, Татищевъ разумѣетъ Патерикъ Печерскій съ дополненіями лѣтописнаго содержанія (которыя Татищевъ принимаетъ за принадлежащія тому же Симону, что̀ и самый Патерикъ, т. е. собственно часть послѣдняго). Сколько знаемъ, та самая рукопись этого такъ называемаго лѣтописца Симонова или Патерика, которая была въ рукахъ у Татищева, остается неизвѣстною [1]); но въ виду безчисленнаго множества извѣстныхъ въ настоящее время списковъ Патерика Печерскаго, не представляющихъ ничего подобнаго тому, что выдаетъ Татищевъ за точную выписку изъ Патерика, кто будетъ имѣть охоту вѣрить ему, чтобы у него былъ единственный списокъ Патерика, въ которомъ будто бы читались неожиданныя извѣстія, имъ сообщаемыя? Не можетъ подлежать сомнѣнію, что ничего подобнаго вышеприведенному Татищевъ не читалъ ни въ какомъ Патерикѣ и что все это онъ сочинилъ отчасти на основаніи Лаврентьевской лѣтописи, отчасти же вѣроятно ни на какомъ основаніи, а просто водимый своею смѣлостью въ соображеніяхъ и предположеніяхъ (которыя предлагалъ читателю уже въ видѣ положительныхъ фактовъ). Лаврентьевская лѣтопись, чрезвычайно похваляя Константина во всѣхъ отношеніяхъ, говоритъ объ его любви къ чтенію книгъ и объ его книжной начитанности, что онъ „часто чтяше книги съ прилежаніемъ“, что онъ заповѣдывалъ и дѣтямъ своимъ книжнаго поученья слушати и что, одарованный отъ Бога мудростью Соломоновою, онъ всѣхъ умудрялъ тѣлесными и духовными бесѣдами (2 изд. стрр. 420 и 421). Эти свидѣтель-

[1]) Татищевъ говоритъ о своемъ спискѣ лѣтописца, что бралъ его у Артемія Волынскаго и что онъ кончался раззореніемъ Москвы отъ Тохтамыша въ 1384 году,—I, 58 sub fin..

ства дѣйствительно даютъ право предполагать, что Константинъ обладалъ болѣе или менѣе хорошею библіотекою четіихъ книгъ: таковое предположеніе Татищевъ и дѣлаетъ, но только по своему обычаю и по своей въ данномъ случаѣ наклонности (именно—наклонности указать въ домонгольской Руси настоящимъ образомъ образованныхъ людей) превращаетъ предположеніе въ положительный фактъ, а книжную начитанность Константина понимаетъ какъ наученность многимъ наукамъ (Вѣроятно, и слова лѣтописи, что Константинъ исполнялъ книгами многія построенныя имъ церкви, при чемъ разумѣются книги богослужебныя, Татищевъ также понималъ о четіихъ книгахъ). Лѣтопись даетъ право предполагать библіотеку славянскихъ четіихъ книгъ и не дѣлаетъ никакого намека на книги греческія: откуда же беретъ Татищевъ эти послѣднія? При своеобразно-свободномъ пониманіи дѣла онъ находитъ свидѣтельство о нихъ все въ той же лѣтописи. Подъ тѣмъ же 1218-мъ г. въ лѣтописи читается: „того же лѣта приде епископъ Полотьскій изъ Цесаряграда къ великому князю Костянтину (въ) Володимерь, вѣдый его любовь и желанье до всего божественнаго церковнаго строенья, до святыхъ иконъ и мощій святыхъ и до всего душполезнаго пути, ведущаго въ жизнь вѣчную, и принесе ему етеру (нѣкоторую) часть отъ страстей отъ Господень, яже насъ ради Владыка Іс. Христосъ отъ Іюдѣй претерпѣвъ пострада и мощи святаго Логина мученика сотника,—святѣи его руцѣ обѣ, и мощи святыя Марья Магдалыни“ (2 изд. стр. 419). Татищеву не особенно нужны были святыня и мощи, а нужны были книги, и вотъ, переводя любовь князя съ первыхъ на послѣднія, онъ и передаетъ сейчасъ приведенное нами извѣстіе такъ, что епископъ принесъ князю святыню и мощи, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принесъ ему „и многія книги древнихъ греческихъ учителей, вѣдая что князь любилъ оные паче всякаго имѣнія“ (III, 410). По поводу увѣренія Татищева, будто Константинъ однихъ греческихъ книгъ имѣлъ болѣе тысячи, можно выразить только сожалѣніе, что у него дрогнула рука и что вмѣсто тысячи онъ не написалъ: десять тысячъ... Какъ понимать дѣло съ увѣреніями Татищева, будто Константинъ имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, будто онъ велѣлъ переводить греческія книги на русскій языкъ, будто многія дѣла древнихъ князей собралъ и отчасти самъ писалъ, отчасти другихъ заставлялъ трудиться,—такъ ли, что эти увѣренія суть плодъ какихъ-нибудь недоразумѣній и свободно понятыхъ намековъ или простое и чистое сочиненіе, сказать не можемъ. Во всякомъ случаѣ, самъ Татищевъ даетъ намъ право предполагать тутъ возможность недоразумѣній съ его стороны какихъ бы то ни было курьёзныхъ и сколько бы то ни было неосновательныхъ. Говоря о послѣдней увѣщательной бесѣдѣ умиравшаго Константина къ дѣтямъ, Татищевъ пишетъ: „хотя слова его Симонъ записалъ, но неудобно (сомнительно), чтобы все и безпогрѣшно было, особливо въ началѣ о суетѣ жизни говоря примѣнялъ оную сну, якобы о

будущемъ мало вѣрилъ“ (III, 514 прим. 601—602). То есть, Татищевъ находитъ, что Константина (который по нему самому „въ наукѣ философіи довольно просвѣщенъ былъ“, ibidd.) Симонъ хотѣлъ представить человѣкомъ невѣрующимъ (философомъ XVIII вѣка)! Пусть прочтетъ читатель эту увѣщательную бесѣду Константина къ дѣтямъ въ той ея позднѣйшей редакціи, въ которой читалъ ее Татищевъ, въ Никоновской лѣтописи (II, 337 fin.) или въ Степенной книгѣ (I, 326), и онъ увидитъ, какъ иногда странно мерещилось достопочтенному историку [1]).

Изъ князей періода домонгольскаго, которымъ нельзя было усвоять заботъ о поддержаніи просвѣщенія между подданными или потому, что они не были князьями владѣтельными, или что они были таковыми очень недолго, тремъ князьямъ Татищевъ усвояетъ собственную любовь къ просвѣщенію и собственную просвѣщенность.

О Смоленскомъ князѣ Святославѣ Ростиславичѣ, братѣ помянутаго выше Романа, Татищевъ говоритъ, что сей Святославъ князь, украшенный многими добродѣтелями, между прочимъ „ученъ былъ греческаго языка и книги охотно читалъ“ (III, 177). Отправляясь за справками въ лѣтописи, находимъ, что Татищевъ воспроизводитъ вольнымъ образомъ отзывъ о Святославѣ Ипатской лѣтописи (подъ 1172-мъ г., 2 изд. стр. 376,— такимъ вольнымъ образомъ, чтобы изъ князя хорошаго съ точки зрѣнія лѣтописца сталъ хорошій князь съ собственной точки зрѣнія его—Татищева). Но въ лѣтописи, конечно, ни слова нѣтъ о знаніи греческаго языка, равно какъ нѣтъ и того, что могло бы быть,—объ охотномъ чтеніи книгъ, подразумѣвая—славянскихъ.

О Суздальскомъ князѣ Святославѣ Юрьевичѣ, сынѣ Долгорукаго, Татищевъ пишетъ: „сей князь былъ вельми благоразуменъ, ученъ писанію, и много книги читалъ и людей ученыхъ, приходящихъ отъ Грековъ и Латинъ милостиво принимая, съ ними почасту бесѣдовалъ и состязанія имѣлъ (III, 196). Разумѣется, ничего подобнаго вовсе нѣтъ въ лѣтописяхъ, но въ своихъ рѣчахъ объ этомъ князѣ Татищевъ выдаетъ себя намъ уже съ самымъ безспорнымъ поличнымъ. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ о князѣ: „сей же князь избранникъ Божій бѣ: отъ рожества и до свершенья мужьства бысть ему болѣзнь злая, еяже болѣзни просяхуть на ся святіи апостоли и святіи отци у Бога; кто бо постражеть болѣзнью тою, якоже книги

---

[1]) 11 Мая 1227 г. случился во Владимирѣ пожаръ, въ который, по лѣтописи, сгорѣлъ дворъ или дворецъ покойнаго князя Константина и бывшая на дворѣ или при дворцѣ церковь святаго Михаила, украшенная помянутымъ княземъ. Татищевъ, повторивъ лѣтопись, не забываетъ того, что сказалъ о Константинѣ выше, и прибавляетъ относительно церкви: „при нейже трудилися иноки Русскіе и Греки, учаще младенцевъ“, и относительно будто бы находившейся при ней библіотеки: „и погорѣли книги многіе, собранные симъ Константиномъ мудрымъ“ (III, 446 нач.).

глаголють, тѣло его мучится, а душа его спасается; такоже и тъ воистину святый Святославъ, Божій угодникъ, избранный во всѣхъ князѣхъ" (подъ 1174-мъ г., 2 изд. стр. 347). А Татищевъ, передѣлывая лѣтопись, пишетъ: „преставися благовѣрный князь Святославъ Юрьевичъ, который отъ младенчества и до совершеннаго возраста былъ здравъ и въ самыхъ его лучшихъ лѣтахъ приключилася ему тяжкая болѣзнь, которою мученъ много лѣтъ и скончался". Князя больнаго отъ рожденія Татищевъ заставляетъ заболѣть въ лучшихъ лѣтахъ, какъ нужно думать, для того, чтобы дать ему время сдѣлаться ученымъ писанію и начитаться въ книгахъ; а усвояетъ ему ученость, вѣроятно, съ того повода, что онъ очень похваляется лѣтописцемъ („избранный во всѣхъ князѣхъ": какъ же не быть ему ученымъ?).

О вел. кн. Михаилѣ (Михалкѣ) Юрьевичѣ Татищевъ пишетъ: „вельми изученъ былъ писанію, съ Греки и Латины говорилъ ихъ языки, яко Русскимъ, но о вѣрѣ никогда пренія имѣть не хотѣлъ и не любилъ, поставляя, что всѣ пренія отъ гордости или невѣжества духовныхъ происходятъ, а законъ Божій всѣмъ единъ есть" (III, 220). Не можемъ сказать, съ какого повода написалъ это Татищевъ о Михаилѣ, ибо лѣтопись, говоря объ его смерти не дѣлаетъ о немъ совершенно никакого отзыва (Лаврентьевская подъ 1177-мъ г., 2 изд. стр. 360). Но, конечно, уже никто не рѣшится спорить противъ совершенной очевидности того, что это говоритъ не лѣтописецъ какой-нибудь и вообще не древній кто-нибудь, а самъ Татищевъ, проповѣдывавшій вѣротерпимость вслѣдъ за западными своими учителями (въ частности за Бэлемъ, который былъ горячимъ ея проповѣдникомъ).

Въ заключеніе вотъ еще образчикъ того, какъ Татищевъ дѣлалъ свои выписки изъ лѣтописей. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1224-мъ г. говорится о митр. Кириллѣ II, поставленномъ въ семъ году, что онъ былъ „учителемъ зѣло и хытръ ученью божественныхъ книгъ". А Татищевъ это передаетъ: „сей митрополитъ наученъ былъ многихъ языкъ и наукъ,— богословіи и философіи и всякой мудрости, чѣмъ вельми прославился" (III, 430). При этомъ, въ 1224-мъ г. онъ посвящаетъ Кирилла на русскую митрополію въ Константинополѣ, т. е. въ Константинополѣ, которымъ въ 1224-мъ г. владѣли латиняне. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1226-мъ г. записано, что митр. Кириллъ, бывшій въ семъ году во Владимирѣ, помирилъ вел. кн. Юрія Всеволодовича съ Олегомъ Курскимъ. Татищевъ подъ видомъ выписки изъ лѣтописей влагаетъ въ уста митрополита рѣчь, обращенную къ великому князю, и въ этой рѣчи, говоренной будто бы въ 1226-мъ г., указываетъ на случившуюся погибель Русскихъ отъ Татаръ (III, 444 нач.)!

Право, намъ думается, что самъ достопочтенный историкъ смѣется на томъ свѣтѣ надъ легковѣріемъ вѣрующихъ въ него людей...

(Намѣревались было мы еще помѣстить здѣсь нашу статью о мнимой Іоакимовской лѣтописи Татищева; но такъ какъ половина тома выходитъ

слишкомъ толстой: то отлагаемъ намѣреніе и просимъ людей, интересующихся вопросомъ объ этой мнимой лѣтописи, читать нашу статью въ 28-й, 1881-го года, части Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцевъ).

Библіографическій обзоръ существовавшей у насъ въ періодъ домонгольскій переводной и вообще заимствованной письменности.

Изъ представленнаго выше общаго обзора существовавшей у насъ въ періодъ домонгольскій переводной письменности и изъ представляемаго за симъ подробнаго ея обзора видно, что письменность эта была весьма не бѣдна. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что на самомъ дѣлѣ она была несравненно богаче, нежели сколько извѣстна намъ теперь и пока. Вотъ одно убѣдительное этому доказательство: изъ періода домонгольскаго сохранились до настоящаго времени или открыты до сихъ поръ только два мѣсяца Четіихъ-Миней (Мартъ и Май, см. ниже, параграфъ: Минеи — Четьи), и въ этихъ двухъ сохранившихся мѣсяцахъ находится 30 словъ Іоанна Златоустаго; если мы предположимъ, что въ несохранившихся или неизвѣстныхъ пока десяти мѣсяцахъ было въ общей сложности хотя по пяти словъ въ каждомъ, то получимъ, что намъ остаются неизвѣстными 50 словъ Златоустаго, бывшія въ періодъ домонгольскій въ славянскомъ переводѣ, а если предположимъ, что ихъ было въ общей сложности по 15 въ каждомъ мѣсяцѣ, какъ въ двухъ сохранившихся, то получимъ огромную цифру 150-ти. Иное изъ бывшаго у насъ въ славянскомъ переводѣ уже въ періодъ домонгольскій сохранилось только въ позднѣйшихъ рукописяхъ и съ такимъ подновленіемъ и такою передѣлкою языка, что въ послѣднемъ уже не можетъ быть съ увѣренностью открыто слѣдовъ древности; иное (и вѣроятно — весьма не малое), бывшее у насъ въ славянскомъ переводѣ уже въ этотъ періодъ, можетъ оставаться еще не открытымъ, и наконецъ иное могло и совсѣмъ не дойдти до насъ. Вообще, на извѣстную намъ въ настоящее время нашу переводную литературу періода домонгольскаго должно смотрѣть не такъ, что она представляетъ всю дѣйствительно бывшую литературу, а такъ, что она представляетъ только литературу намъ пока извѣстную [1]).

---

[1]) При этомъ относительно нижеслѣдующаго обзора мы должны еще оговорить, что мы не указываемъ прямо и подробно многочисленныхъ выписокъ изъ отцовъ, которыя находятся въ Вопросо-отвѣтахъ Анастасія Синаита и въ Пандектахъ и Тактиконѣ Никона Черногорца, а также не указываемъ и многочисленныхъ словъ и поученій отеческихъ, находящихся въ Четь-Минеяхъ и Прологахъ. — Повременное библіографическое обозрѣніе *И. И. Срезневскаго:* „Древніе памятники русскаго письма и языка (X — XIV вѣковъ)“ мы цитуемъ по 1-му изданію 1863-го года.

Наибольшая часть переводовъ совершена не нами — Русскими, и мы наибольшею частію только заимствовали ихъ у Болгаръ. Вопросъ: все ли, что было переведено Болгарами, было заимствовано нами отъ нихъ, есть вопросъ неудоборѣшимый. Если какой нибудь переводъ извѣстенъ по рукописямъ домонгольскаго періода, писаннымъ въ Россіи и вообще русскими писцами (что, кромѣ прямыхъ записей, узнается по языку, — по выговору и орѳографіи), то изъ сего ясно, что онъ былъ извѣстенъ Русскимъ. Но если какого нибудь перевода неизвѣстно въ настоящее время по русскимъ рукописямъ домонгольскаго періода, то изъ сего, наоборотъ, не слѣдуетъ непремѣнно, что онъ оставался неизвѣстнымъ нашимъ домонгольскимъ предкамъ, ибо это можетъ значить только то, что пока намъ остаются неизвѣстными или совсѣмъ не дошли до насъ рукописи русскія. На семъ основаніи, какъ выше въ общемъ обзорѣ, такъ и въ нижеслѣдующемъ обзорѣ подробномъ, мы помѣщаемъ не только то, что находимъ въ русскихъ рукописяхъ домонгольскаго періода, но вообще все то, что извѣстно какъ существовавшее въ славянскомъ переводѣ въ періодъ домонгольскій.

Мы говорили выше, что не всякое присутствіе въ переводахъ болгаризмовъ непремѣнно значитъ, чтобы переводы совершены были въ Болгаріи, — что иное ихъ присутствіе вовсе не служитъ къ рѣшенію вопроса: въ Болгаріи совершены были послѣдніе или въ Россіи, и что такимъ образомъ отсутствіе положительныхъ свѣдѣній хотя бы объ одномъ переводѣ, совершенномъ въ Россіи въ періодъ домонгольскій, и присутствіе во всѣхъ извѣстныхъ переводахъ болгаризмовъ, вовсе не должно быть понимаемо такъ, что въ Россіи въ періодъ домонгольскій не было совершено ни одного перевода. Къ этому не мѣшаетъ указать и еще на одно обстоятельство, которое должно удерживать отъ поспѣшнаго рѣшительнаго заключенія, что Русскими въ періодъ домонгольскій не было совершено ни одного перевода съ греческаго: иные русскіе переводчики періода домонгольскаго могли переводить съ возможнымъ избѣжаніемъ болгаризмомъ или возможно чистымъ русскимъ языкомъ; относительно переводовъ такихъ переводчиковъ, если въ позднѣйшихъ рукописяхъ мы имѣемъ ихъ и въ ихъ древнемъ, нисколько не подновленномъ, языкѣ, не можетъ быть рѣшено (за недостаткомъ средствъ у русской филологіи), когда они совершены — въ періодъ домонгольскій или послѣ; затѣмъ, въ языкѣ подобныхъ переводовъ съ теченіемъ времени гораздо легче могли исчезнуть и сгладиться всякіе признаки древности, чѣмъ въ переводахъ съ болгаризмами (потому что позднѣйшіе писцы съ своими русскими архаизмами должны были обходиться свободнѣе, чѣмъ съ болгаризмами).

Настоящій обзоръ, для удобства справокъ, мы расположимъ не въ систематическомъ порядкѣ, а въ алфавитномъ, именно по алфавиту именъ писателей и названій книгъ, выдѣливъ только изъ алфавита и поставивъ

напереди Священное Писаніе и еще отнести на конецъ, въ особый отдѣлъ, апокрифы.

Священное Писаніе.

Константинъ философъ, славянскій первоучитель (краткія свѣдѣнія о жизни котораго см. ниже, въ главѣ о богослуженіи), рѣшивъ дать Славянамъ, вслѣдствіе вызова отъ Моравовъ (какъ понимать этотъ вызовъ, см. тамъ же), богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ, въ свою весьма недолговременную жизнь послѣ этого рѣшенія перевелъ изъ Св. Писанія вмѣстѣ съ богослужебными книгами то, что̀ составляетъ богослужебный изборъ изъ него, т. е. Евангеліе и Апостолъ богослужебные (изборъ изъ того и другаго богослужебныхъ чтеній), Псалтырь въ полномъ составѣ и выборъ богослужебныхъ чтеній изъ книгъ Ветхаго Завѣта, составляющій такъ называемый Паремейникъ. Братъ Константиновъ Меѳодій, оставшійся послѣ него продолжателемъ его дѣла и жившій послѣ него (въ санѣ архіепископа Моравскаго) довольно долго, перевелъ всѣ книги Священнаго Писанія въ полномъ ихъ составѣ, за исключеніемъ книгъ Маккавейскихъ [1]). Такимъ образомъ, уже первоучителями славянскими дана была Славянамъ Библія въ полномъ ея составѣ (за незначительнымъ сейчасъ указаннымъ исключеніемъ) на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ.

Что отъ Моравовъ Священное Писаніе было вмѣстѣ съ книгами богослужебными заимствовано Болгарами, а отъ послѣднихъ нами, это, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію. Но въ первомъ и во второмъ случаѣ оно могло быть заимствовано въ полномъ своемъ составѣ и не въ полномъ. Въ древнее время книги Свящ. Писанія никогда не писались

---

[1]) Въ древней Греческой церкви, согласно съ Евреями, книги Маккавейскія далеко не всѣми причислялись къ каноническимъ книгамъ Ветхаго Завѣта: такъ, апостольскія правила причисляютъ ихъ къ каноническимъ книгамъ (въ числѣ трехъ, — пр. 85), а Лаодикійскій соборъ (пр. 60), Аѳанасій Великій, Григорій Богословъ и Амфилохій Иконійскій (см. всѣхъ въ Книгѣ правилъ) не причисляютъ. И въ позднѣйшее время также не всѣми у Грековъ онѣ причислялись къ каноническимъ книгамъ: не причисляетъ ихъ къ послѣднимъ составляющій великій авторитетъ въ данномъ случаѣ Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ Точномъ изложеніи вѣры (гл. 90), а также напр. малоизвѣстный писатель Іосиппъ (Ἰώσηππος, Ioseppus christianus), неизвѣстно когда жившій, но относимый нѣкоторыми къ концу X вѣка (въ Патрологіи Миня t. 106, col. 32 fin). На основаніи сейчасъ сказаннаго, въ отвѣтъ на вопросъ: почему Меѳодій не перевелъ книгъ Маккавейскихъ, должно быть предполагаемо одно изъ двухъ: или что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не признавали этихъ книгъ за каноническія, или что, при нерѣдкомъ по указанной причинѣ отсутствіи этихъ книгъ въ греческихъ кодексахъ Библіи, онъ имѣлъ у себя подъ руками для перевода именно такой кодексъ, въ которомъ ихъ не было.

такъ, чтобы всѣ составляли изъ себя одинъ томъ (одну цѣльную рукопись), потому что при древнемъ уставномъ письмѣ это былъ бы томъ невозможно огромный; онѣ всегда писались по частямъ, — пятокнижіе отдѣльно, книги историческія отдѣльно, пророки отдѣльно, и пр. При такомъ способѣ писанія книгъ библейскихъ могло случиться, что Болгары заимствовали отъ Моравовъ, а потомъ и мы отъ Болгаръ не всѣ ихъ, а только нѣкоторыя, или — чтобы не всѣ ихъ, а только нѣкоторыя, заимствовали если не Болгары отъ Моравовъ и мы отъ нихъ, то мы одни отъ послѣднихъ.

Какъ было въ дѣйствительности, — заимствовали мы отъ Болгаръ книги Свящ. Писанія въ полномъ составѣ или не въ полномъ, и въ томъ или въ другомъ составѣ мы имѣли ихъ въ періодъ домонгольскій, положительныхъ свидѣтельствъ относительно этого пока неизвѣстно. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется принимать первое. Изъ самаго конца періода домонгольскаго имѣемъ свидѣтельство, которое, хотя и не совершенно опредѣленно, увѣряетъ насъ, что въ концѣ этого періода у насъ были всѣ книги Свящ. Писанія въ полномъ ихъ составѣ. Поликарпъ въ Печерскомъ Патерикѣ, разсказывая объ искушеніи, случившемся съ затворникомъ Никитой (послѣ епископомъ Новгородскимъ, святымъ), говоритъ: „не можаше никтоже стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Закона, весь бо изъ устъ умѣяше: Бытіе, Исходъ, Левита, Числа, Судіи, Царства, и вся пророчества по чину, и вся книги книгы жидовскіа свѣдяше добрѣ“ [1]).

---

[1]) У митр. Иларіона, монаха Іакова и у Кирилла Туровскаго приводятся мѣста еще изъ слѣдующихъ ветхозавѣтныхъ книгъ, кромѣ прямо названныхъ въ Патерикѣ и кромѣ само-собою подразумѣваемой Псалтыри: 1-й и 3-й книгъ Царствъ, книги Іова, Притчей Соломоновыхъ, Екклесіаста, Пѣсни пѣсней, Премудрости Соломоновой и Іисуса Сираха (указаніе мѣстъ изъ Свящ. Писанія, приводимыхъ митр. Иларіономъ въ Прибавлл. къ Творр. Свв. Отц. II, 217, прим.; — монахомъ Іаковымъ: въ Памяти и похвалѣ Владиміру — у насъ въ прилож. къ II гл., въ подстрочныхъ выносахъ; въ Сказаніи страстей Бориса и Глѣба — въ Христ. Чтен. 1849 г., ч. II, 377, въ тѣхъ же выносахъ; — Кирилломъ Туровскимъ — въ изданіи его твореній гр. Уварова-Сухомлинова, стр. 151. Не достаетъ ветхозавѣтныхъ книгъ: Іисуса Навина, книги Руѳь, двухъ книгъ Паралипоменонъ, двухъ книгъ Ездры (а 3-й книги Ездры нѣтъ въ греческой библіи и она взята въ нашу библію изъ Вульгаты), книги Нееміи, книги Товита, книги Іудиѳъ и книги Есѳирь. Существованіе у насъ въ періодъ домонгольскій книгъ Іисуса Навина и Руѳь можетъ быть доказываемо: книги эти читаются въ нашихъ рукописяхъ XIV — XV вѣка (Троицкой Лаврской библіотеки № 2 *), библіотеки Ундольскаго № 1) въ переводѣ,

---

*) Покойный И. И. Срезневскій относитъ Лаврскую рукопись къ первой половинѣ XIII вѣка, — Древнн. памм. п. и я., стр. 54 col. 1. Но книга Есѳири читается въ ней въ томъ же самомъ переводѣ, что̀ въ полной Геннадіевской библіи, а этотъ переводъ несомнѣнно поздній, см. по указанію, которое сейчасъ ниже.

Между рукописями періода домонгольскаго, сохранившимися до настоящаго времени или открытыми и приведенными до сихъ поръ въ извѣстность, изъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта имѣемъ только рукописи Псалтыри, и именно — Псалтыри простой и съ толкованіями (толковой). Сохранившіеся списки первой, какъ книги богослужебной, укажемъ ниже, въ главѣ о богослуженіи; а сохранившихся списковъ второй извѣстно: одинъ небольшой отрывокъ изъ Псалтыри и одна цѣлая Псалтырь XI в. (первый Евгеніевскій, о немъ *Восток.* въ Учен. Зап. II отд. А. Н., кн. II вып. 2, стр. 59; вторая находится въ библіотекѣ Чудова монастыря, — *Срезневскій* въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка, стр. 21 col. 2; весь сохранившійся остатокъ первой, образцы текста второй и фотографическіе снимки письма обѣихъ Псалтырей въ прилож. къ книгѣ Срезневскаго), одна Псалтырь XII (Публ. библіот., — *Срезневск.* ibid. 39). Не сохранилась до настоящаго времени, но извѣстна по сохранившейся записи рукопись 16 пророковъ, написанная въ Новгородѣ въ 1047 г. для князя Новгородскаго Владимира Ярославича попомъ Упиремъ Лихимъ (Запись попа Упиря читается въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ книгъ пророческихъ, см. ее у *Срезн.* ibid. 12). О существованіи у насъ въ періодъ домонгольскій именно книгъ пророческихъ свидѣтельствуетъ и лѣтописецъ, когда подъ 1037 г., говоря о пользѣ чтенія книгъ, вмѣстѣ съ Евангеліемъ и Апостоломъ и житіями святыхъ называетъ и эти книги: „почитая пророческыя бесѣды“...

Изъ Евангелій небогослужебныхъ, представляющихъ не одинъ только богослужебный изборъ чтеній, а евангелистовъ въ полномъ составѣ (называвшихся у насъ тетроевангеліями и тетрами, что есть греческое τετρευαγγέλιον, четвероевангеліе, тогда какъ изборы чтеній назывались апракосами, см. 2 полов. т., по 1-му изданію стр. 445) извѣстно въ настоящее время: два Евангелія полныя, изъ которыхъ одно написано въ 1144-мъ году и, называясь отъ мѣста своего прежняго нахожденія Галичскимъ, теперь находится въ Московской Сѵнодальной Библіотекѣ (издано *преосв. Амфило-*

который признается древнимъ (описатели Троицкой Лаврской библіотеки говорятъ, что въ указанной рукописи наши книги читаются въ томъ самомъ переводѣ, который въ полной Геннадіевской библіи, а описатели этой послѣдней признаютъ читаемый въ ней переводъ нашихъ книгъ древнимъ, — Опис. рукп. Сѵнод. библіот. № 1 — 3, стр. 25). Но затѣмъ, припоминая, что сейчасъ косвенно названный архіепископъ Новгородскій Геннадій, предпринявъ изданіе полной библіи, не нашолъ въ славянскихъ рукописяхъ ветхозавѣтныхъ книгъ: Паралипоменонъ, Ездры, Неемін, Товита и Іудиѳи (которыя и перевелъ изъ Вульгаты) и что книгу Есѳири нашолъ въ позднѣйшемъ, принадлежащемъ неизвѣстному, переводѣ съ Еврейскаго (Опис. Сѵнодд. ркпп. № 1—3, стр. 53 sqq), не невозможно предполагать, что наши книги совсѣмъ не были переносимы къ намъ изъ Болгаріи, въ которой могли быть очень рѣдки или въ которую также могли быть не переносимы изъ Моравіи.

хіемъ въ 1882—1883 гг. подъ заглавіемъ: Четвероевангеліе Галичское 1144-го года, сличенное съ древнеславянскими рукописными Евангеліями XI—XVII вв. и печатными...; см. о немъ у *Горск.* и *Невостр.* въ Опис. Сѵнодд. ркпп. № 20, отд. I, стр. 208 sqq, также у *Буслаева* въ Исторической христоматіи col. 41, у *Срезневскаго* въ Славяно-русской палеографіи XI—XIV вв., стр. 150, и у *Воскресенскаго* въ его изданіи: Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій, Сергіевъ Посадъ, 1894, стр. 9), а другое, написанное въ неизвѣстномъ году и относимое къ XII в., находится въ Московской Сѵнодальной типографіи (у *Воскресенск.* ibid, стр. 20 fin.), и затѣмъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ Евангелій (объ отрывкахъ изъ двухъ Евангелій XII в. см. у *Срезневск.* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № XLI, стрр. 9 и 15 sqq).

Что касается до небогослужебнаго Апостола, то въ отдѣльномъ видѣ (безъ толкованій) и вмѣстѣ полномъ составѣ книгъ, его составляющихъ, неизвѣстно ни одного списка, но извѣстны списки: 1) написанный въ 1220-мъ году и содержащій посланія ап. Павла къ Римлянамъ, два къ Коринѳянамъ, къ Галатамъ и недоконченное къ Ефесеямъ (прерывающееся на 4 ст. 4-й гл.) вмѣстѣ съ толкованіемъ на нихъ принадлежащимъ или по крайней мѣрѣ усвояемымъ Икуменію Трикксскому, находящійся въ Сѵнодальной Библіотекѣ (*Горск.* и *Невостр.* Опис. Сѵнодд. ркпп. № 95, Отд. II, 1, стр. 142, и у *Воскресенскаго* въ его изслѣдованіи: Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в., М., 1879, стр. 50); 2) написанный до 1250 г. или около и содержащій Апокалипсисъ съ толкованіемъ Андрея Кесарійскаго (*Срезн.* Древн. памм. Р. п. и яз., 59 col. 2), находящійся тамъ же.

Изъ толкованій на книги Св. Писанія были въ славянскомъ переводѣ въ нашъ періодъ домонгольскій:

1. На книгу Іова толкованіе Олимпіодора діакона Александрійскаго (сокращенное противъ подлинника, см. *Горск.* и *Невостр.* Опис. Сѵнодд. ркпп. № 1—3, Отд. I, стр. 57, и № 63; Отд. II, 1, стр. 54).

2. На Псалтырь два толкованія,—усвояемое Аѳанасію Александрійскому (*Восток.* Опис. Рум. Муз. № 331, стр. 469, и *Горск.* и *Невостр.* Опис. Сѵнодд. ркпп. №№ 64—69, Отд. II, 1, стр. 69), и принадлежащее Ѳеодориту Кирскому (*Восток.* ibid. № 333, стр. 470), оба совершонные у Болгаръ въ самое первое время славянской письменности (*Восток.* ibid.).

3. На Пѣснь пѣсней Филона Карпаѳійскаго (*Горск.* и *Невостр.* Опис. Сѵнодд. ркпп. № 1—3, Отд. I, стр. 74 sqq).

4. На 16 пророковъ толкованіе довольно значительно неполное, принадлежащее неизвѣстному, главнымъ образомъ сокращенное изъ Ѳеодорита Кирскаго, но также выбранное и изъ другихъ отцовъ. Съ этимъ толкованіемъ читались книги пророческія въ той рукописи 1047 г., о ко-

торой сказали мы выше (*Горск.* и *Невостр.* Опис. Сѵнодд. ркпп., № 78 и слѣдд. Отд. II, 1, стр. 109 sqq; о самомъ толкованіи,—объ его составѣ и неполнотѣ, стр. 113)[1].

На пророка Даніила толкованіе Ипполита Римскаго, состоящее изъ 12 словъ. См. о немъ книгу *И. И. Срезневскаго:* Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ, Спб. 1874, стр. 8 sqq., а два первыя слова напечатанными по Чудовской рукописи XII — XIII в. тутъ же, втораго счета стр. 5 sqq (заимствованіе Кіевскимъ лѣтописцемъ подъ 1111 г. изъ 9-го слова сего толкованія—Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 195).

5. На первыя пять посланій ап. Павла толкованіе Икуменія Триккскаго, о которомъ сказали мы выше и которое покойный А. В. Горскій, какъ кажется, относитъ къ началу XIII вѣка (Опис. Сѵнодд. ркпп. II, 1, предисл. стр. 11).

6. На Апокалипсисъ толкованіе Андрея Кесарійскаго (сокращенное противъ подлинника), относимое А. В. Горскимъ къ началу XIII вѣка (ibidd. и №№ 70 и 105)[2].

Писатели и книги въ алфавитномъ порядкѣ.

Августинъ Иппонійскій. Краткая выписка изъ: „Угустина отъ уставьныихъ" (ἐκ τῶν δογμάτων), содержащая нѣкоторыя подобія, уясняющія тайну св. Троицы, *Нач.* Съмотриимъ, кая е огньная сила,—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. л. 247.

Агапій преподобный. См. ниже апокрифы.

Александрія. См. Іоаннъ Малала.

Амартолъ Георгій. См. Георгій Амартолъ.

Анастасія Синаита (о которомъ см. *Fabric.* Biblioth. Gr., ed. Harles, X, 571) „Отъвѣти противу нанесенымъ ему отвѣтомъ (читай: вопросомъ) нѣ отъ какыихъ правовѣрьныихъ о различьныихъ главизнахъ", раздѣлен-

---

[1]) Совсѣмъ нѣтъ въ рукописи толкованій на книги Даніила, Аггея, Захаріи и Малахіи, на книгу Исаіи нѣтъ съ гл. 15-й по 51-ю, на книгу Іереміи нѣтъ на главы 1-ю, 2-ю, 25-ю, 26-ю, 40-ю и 41-ю, равно какъ и на плачъ Іереміинъ; на книгу Варуха есть только на главу 3-ю, а на книгу Софоніи есть только до 10-го стиха 1-й главы.

[2]) Въ переводѣ читается оставленное не переведеннымъ латинское слово sanctus, святый, въ разныхъ испорченныхъ формахъ: санкыи, сантъ, санитіи, санити, у *Горск.* и *Невостр.*, стр. 75 и 194. Въ объясненіе этой странности полагаютъ, что нашъ переводчикъ имѣлъ у себя подъ руками латинскій переводъ; но не невозможно и то, что, зная немного латинскій языкъ, онъ самъ вставилъ это слово, чтобы, къ удивленію и на недоумѣніе потомства, щегольнуть своею ученостію (подобно тому, какъ наши писцы въ свое кирилловское письмо вставляли буквы и слова, написанныя поглаголически; если бы переводъ былъ съ латинскаго, то признаки подлинника едва ли бы ограничились однимъ только этимъ sanctus).

ные на 395 главъ и представляющіе сплошной рядъ выписокъ изъ Свящ. Писанія и изъ отцовъ, составляютъ главное содержаніе Святославова Изборника 1073 г., лл. 27—223 (о славянскомъ раздѣленіи вопросо-отвѣтовъ, не соотвѣтствующемъ греческому, равно какъ и ихъ оглавленіе по славянскому переводу, см. у *Горск.* и *Невостр.* въ Описаніи Сvнодд. ркпп. № 161). Слово о шестемь псалмѣ, имыи (sic, сочетаніе съ греческимъ λόγος) ученіе святаго поста (по-гречески: κατανυκτικώτατος περὶ μετανοίας), *Нач.* Подобьно постьный начатъкъ цѣломудрьнаго покаянія образъ церкви имать ученія св. Духа,—читается въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12 л. 195 [1]).

Андрей Іерусалимскій (монахъ) или ***Критскій*** (архіепископъ). Похвала о четверодневнѣмъ Лазарѣ, *Нач.* Лазорь, пришьдъши и съвькупи съборъ и хощеть своего ожитія,—въ Майской Четь-Минеѣ XII—XIII вѣка Московскаго Успенскаго собора, л. 222 об. (Чтеній Общ. Истор. и Древн. 1879 г. кн. I, Библіографф. Матерр., стр. 34. Въ греческомъ подлинникѣ слово въ Патрологіи Миня t. 97 p. 960. Въ семъ же томѣ у Миня и о самомъ Андреѣ).

Андрей Кесарійскій. См. выше въ отдѣлѣ: Свящ. Писаніе.

Антіоха, инока монастыря св. Саввы *Іерусалимскаго* (о которомъ см. *Fabric.* Biblioth. Gr., ed. Harles, X, 499 fin.) Пандектъ [2]), состоящій изъ 130 нравоучительныхъ главъ о добродѣтеляхъ и порокахъ, переведенъ былъ на славянскій языкъ не позднѣе XI вѣка. Древнѣйшій списокъ Пандекта, именно—XI вѣка, находится въ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ; о немъ—Извѣст. Акад. Н. 1858 г., стрр. 44 и 131, и *Срезневск.* Древніе памятники русскаго письма и языка, стр. 21 fin. (образцы текста и фотографическій снимокъ письма въ приложж. къ книгѣ Срезневскаго). Значительная часть Пандекта читается въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII вѣка, № 12, лл. 64—155. Оглавленіе Пандекта у *Горск.* и *Невостр.* въ Опис. Сvнодд. ркпп. № 153, Отд. II, 2, стр. 247 sqq.

Антоній и Силивестръ. См. Кесарій.

Апостольскія заповѣди. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. на л. 247 об. выписка: „О обавленіи Господьни отъ апостольскыхъ заповѣдій". *Нач.* „Роди бо ся убо Господь нашь Іс. Хс. отъ святыя дѣвы Марія..." (хронологическія показанія о жизни Христа Спасителя).

Афродитіанъ. См. ниже апокрифы.

Аѳанасій Александрійскій. Четыре слова его противъ Аріанъ переведены были на славянскій языкъ по порученію царя Болгарскаго Сvмеона, епископомъ Константиномъ (см. Константинъ пресвитеръ). „Въпрашаніе

---

[1]) О другихъ сочиненіяхъ Анастасія Синаита, которыя читаются въ болѣе позднихъ нашихъ рукописяхъ, см. въ статьѣ *А. С. Архангельскаго:* „Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности" помѣщенной въ 258 части Журнала Мин. Нар. Пр. (въ Августѣ мѣсяцѣ 1888-го года), стр. 242.

[2]) Пандектъ, греческ. πανδέκτης, отъ πᾶν и δέχομαι, буквально значитъ: всепріемникъ, по отношенію къ книгѣ — сборникъ.

князя Антіоха у св. Аѳанасія архіепископа“, *Нач.* „Въпросъ: отъ сущьства ли свѣта сего ангели, ли отъ коея вещи“ (или только въ весьма незначительной части принадлежащее Аѳанасію или совсѣмъ подложное,—VI—VII вѣка)—въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII—XIII в., № 12, лл. 188 об.—193 об. О переводѣ толкованія на псалтирь, усвояемомъ св. Аѳанасію, см. выше въ отдѣлѣ: Свящ. Писаніе, а объ его житіи Антонія Великаго см. ниже, параграфъ: Минеи-Четьи [1]).

Богородицы хожденіе по мукамъ. См. ниже апокрифы.

Василій Великій. Выписка „Отъ того, еже на Еуномія, о святѣемь Дусѣ“, *Нач.* „А якоже душьвный недугъ есть, еже злѣ“,—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г. л. 4. „Въпроси и отвѣти *(будто бы)* Григора Богословьца и Василія“ (о воплощеніи Сына Божія и о невидимости Божества), *Нач.* „Василій: чьто есть начало? Григорій: прьвая вина“, — въ томъ же Изборникѣ, л. 241 об. Въ Супрасльской рукописи—Похвала Василія Великаго о 40 мученицѣхъ, *Нач.* „О мученици памяти, како сытость будетъ“... Въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, Слово Василія (не можемъ сказать—Великаго ли) о различіи законъ, *Нач.* „Шестіи закони дашася человѣку преже въ плъти Господа нашего Іс. Христа пришьствія“,—л. 46 об. Если не необходимо, то по крайней мѣрѣ весьма вѣроятно думать, что такъ называемыя Постническія (подвижническія, отъ древн. поститься—подвизаться, постникъ—подвижникъ) слова (Постная книга) Василія Великаго или его сочиненія о монашествѣ (Τὰ ἀσκητικά), если не въ полномъ своемъ составѣ, то частію, были переведены на славянскій языкъ уже въ древнее время (см. о нихъ въ главѣ о монашествѣ). Въ сейчасъ указанномъ Лаврскомъ сборникѣ за сейчасъ названнымъ словомъ Василія В. слѣдуютъ Правила монашескія, лл. 49—53; но въ описаніи рукописей не приведено ихъ начала и вообще ничего о нихъ не сказано, кромѣ того что онѣ въ рукописи безъ конца [2]).

Геннадія патріарха Константинопольскаго († 471) „Стословецъ“ представляющій собою какъ бы ручную христіанскую книжку, послѣ краткаго изложенія христіанской вѣры, содержащій правила христіанской нравственности и всего христіанскаго доброповеденія, получившій названіе отъ того, что раздѣленъ на 100 краткихъ параграфовъ, читается въ Святославовомъ Изборникѣ 1076-го г. и въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в. № 12, л. 53, (и потомъ въ Лаврской Златой Цѣпи XIV в., № 11, л. 67 об. Въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ Прибавленіяхъ къ тво-

---

[1]) О вопросо-отвѣтахъ Аѳанасія къ Антіоху см. у *А. С. Архангельскаго* въ сборникѣ статей: „Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности“, въ выпускѣ I—II, Казань, 1889, стрр. 9—194 (общіе выводы—стр. 186 sqq.).

[2]) Переводъ Постническихъ словъ Василія Великаго, который читается въ позднѣйшихъ нашихъ рукописяхъ, А. В. Горскій считаетъ не очень древнимъ,—Опис. Сѵнодд. ркпп. № 202, л. 258 об., стр. 624.

реніямъ свв. отцевъ, въ годѣ 3-мъ, 1845; перепечатанъ Пономаревымъ въ Памятникахъ древне-русской церковно-учительной письменности).

Георгій монахъ, по прозванію *Амартолъ* [1]), жившій въ половинѣ IX в., написалъ сокращенную хронику (χρονικὸν σύντομον) отъ сотворенія міра до импер. Михаила Ш (842—867) [2]. Хроника эта, продолженная послѣ автора Симеономъ Логоѳетомъ или неизвѣстнымъ до 944 г., была переведена у Болгаръ [3]) на славянскій языкъ, подъ именемъ „Временника впростѣ", неизвѣстно когда до нашего первоначальнаго лѣтописца, который пользуется ею при составленіи своей лѣтописи, ссылаясь на нее словами: „глаголеть Георгій въ лѣтописаньи". Греческій подлинникъ хронографа напечатанъ Муральтомъ въ VI т. Ученыхъ Записокъ II Отд. Академіи Наукъ; древній болгарскій переводъ остается не напечатаннымъ, а половина позднѣйшаго Сербскаго перевода, отъ начала до Константина Великаго, напечатана фотолитографически по сѵнодальной рукописи 1386-го г. Обществомъ любителей древней письменности („Лѣтовникъ съкращенъ отъ различніихъ лѣтописьць же и повѣдателіи избранъ и съставленъ отъ Георгіа грѣшнаа инока", 1878—1880, XXVI и LVI). О хроникѣ: *кн. Оболенскаго* статья: О греческомъ кодексѣ Георгія Амартола, хранящемся въ Московской Синодальной библіотекѣ и о Сербскомъ и Болгарскомъ переводахъ его хроники,—въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1846-го г. № 4, Смѣсь; *Сухомлинова* изслѣдованіе: О древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ,—въ III т. Ученыхъ Записокъ II отд. Академіи Наукъ, стр. 85 sqq (о новыхъ выводахъ, къ которымъ пришолъ покойный Ундольскій касательно взаимнаго отношенія болгарской и сербской редакцій хроники см. въ письмахъ Ундольскаго—къ Попову, напечатанномъ въ Русскомъ Архивѣ *Бартенева*, въ 6-мъ № за 1886-й г., стр. 298, и къ Строеву, помѣщенномъ въ книгѣ *Барсукова*: Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 527, также въ статьѣ *А. Е. Викторова*: Очеркъ собранія рукописей В. М. Ундольскаго въ полномъ составѣ, приложенной къ Каталогу славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго, М. 1870, стр. 55 sub fin. Древнѣйшій списокъ болгарскаго перевода хроники Амартола, пергаминный, XIII вѣка [4]), находится въ библіотекѣ Московской Дух. Академіи,

---

[1]) Георгій по иноческому смиренію называетъ себя грѣшнымъ монахомъ, — Γεώργιος ἁμαρτωλὸς μοναχός; это грѣшный, ἁμαρτωλός, и обратили потомъ какъ бы въ собственное прозваніе Георгія.

[2]) Въ предисл.: ἕως τελευταίου Μιχαὴλ υἱοῦ Θεοφίλου, у *Мур.* стр. 3 sub fin., что въ болгарск. неправильно переведено: „до умертвія Михаила сына Ѳеофиля".

[3]) Нѣкоторые впрочемъ наши ученые считаютъ за болѣе достовѣрное, что хроника переведена не въ Болгаріи, а въ Россіи,—*Бестужева—Рюмина* Ист. I, 1, 135.

[4]) На обор. 17 л. рукописи, послѣ оглавленія и предисловія, находится изображеніе Спасителя съ стоящими по сторонамъ его мужчиной и женщиной. Надъ мужчиной надпись: „Михаілъ", а надъ женщиной: „Оксинья". Предполагаемъ,

№ 100; но, къ сожалѣнію, содержитъ не всю хронику, а только первую ея половину, до пятаго вселенскаго собора, что въ греческомъ подлинникѣ у Мур. на стр. 528).

Георгій Хуровскій (Хировоскъ, о немъ *Fabric.* Biblioth. Gr., ed Harles, XII, 18). Выписка изъ него „О образѣхъ" (о фигурахъ и тропахъ реторическихъ, которыхъ полагается 27)—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г., л. 237 об.

Глубинныя книги. См. ниже апокрифы.

Григорій Антіохійскій (епископъ, † 594,— *Fabric.* Biblioth. Gr., ed. Harles, XI, 102). Слово на святое и спасеное погребеніе и воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, *Нач.* Похвальнъ церковный сь законъ, готовяи ны тридневьныя съмьрти Спаса нашего память праздновати,—въ Майской Четь-Минеѣ XII—XIII в. Московскаго Успенскаго собора, л. 239 об. (Чтеній Общ. Истор. и Древн. 1879 г. кн. I, Библіографф. Матерр. стр. 55.—Греческій подлинникъ слова въ Патрологіи Миня, t. 88 col. 1848. Переведено было на славянскій языкъ потому, что его положено было читать на церковной службѣ въ великую субботу, см. 2-й половины тома по 1 изданію стр. 657 нач.).

Григорій Богословъ. Въ Санктпетербургской Публичной Библіотекѣ есть рукопись XI вѣка, содержащая тринадцать словъ Григорія Богослова. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ, начиная съ XIV вѣка, находимъ собраніе шестнадцати словъ Григорія Богослова, сопровождаемыхъ толкованіемъ Никиты, митрополита Ираклійскаго. Восемь изъ этихъ 16-ти словъ суть тѣ же, что̀ въ рукописи Публичной библіотеки, и восемь новыя. Переводъ послѣднихъ восьми словъ знатоками дѣла относится къ такой же

что это князь Михаилъ Ярославичъ Тверской съ своею матерью Оксиньей, cfr Лаврент. лѣт. подъ 1285 г. На послѣднемъ листѣ рукописи (по неправильной перестановкѣ листовъ покойными *Бодянскимъ* или *Ундольскимъ*—теперь 9-мъ отъ конца и по помѣтѣ 265-мъ, обор.) есть приписка, но она замарана и не можетъ быть прочитана.—Считаемъ нужнымъ сдѣлать предостереженіе ученымъ. Покойный архим. Леонидъ въ своемъ Описаніи рукописей библіотеки Московской Д. Академіи говоритъ, что на закрои (ребрѣ или кромкѣ) подножія (подножной скамейки) Спасителя, который изображенъ на указанномъ листѣ рукописи, читается надпись: „многогрѣшный рабъ Божии прозвитеръ Григории", и прибавляетъ: это „по нашему мнѣнію рѣшаетъ окончательно вопросъ: кто былъ переводчикомъ Временника Амартола Болгарской редакціи; оказывается, тотъ же Болгарскій презвитеръ Григорій, который, какъ извѣстно, перевелъ на слав. языкъ и хронику Іоанна Малалы". Надпись или подпись на подножіи Спасителя дѣйствительно есть; но только она теперь въ такомъ состояніи, что всю ее съ увѣренностію прочесть нельзя; ясно читаются слова: „грѣшныи рабъ бӣ (Божіи)"; затѣмъ какъ будто: п̄рое" (Прокопіе?) и: „пиг"... При этомъ не вполнѣ чтомую подпись со всею вѣроятностію должно понимать не какъ подпись переводчика хроники, или писца рукописи, а какъ подпись живописца, написавшаго изображеніе Спасителя.

глубокой древности, какъ и первыхъ съ прочими словами рукописи Библіотеки. Слѣдовательно, всѣхъ словъ Григорія Богослова, существовавшихъ въ славянскомъ переводѣ въ періодъ до-монгольскій, извѣстно не менѣе двадцати одного. О 13-ти словахъ, находящихся въ рукописи Публичн. библіотеки, см. *Востокова* въ Учен. Зап. II Отд. А. Н. кн. II, вып. II, стр. 75 sqq и спеціальный трудъ *А. С. Будиловича:* Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи Импер. Публ. библіотеки XI вѣка, Спб. 1871. Самыя слова учено-дипломатическимъ образомъ напечатаны тѣмъ же Будиловичемъ подъ заглавіемъ: XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи и проч. Спб. 1875. Списокъ 16-ти словъ Григорія Богослова, съ толкованіемъ Никиты, митр. Ираклійскаго, пергаминный, XIV вѣка,— въ библіотекѣ Троицкой Лавры, № 8 (а въ библіотекѣ Моск. Д. Академіи великолѣпнѣйшій списокъ XVI в., № 70). Относительно глубокой древности перевода всѣхъ 16-ти словъ см. *Горскаго* и *Невоструева* въ Описаніи Синодд. ркпп. № 117, Отд. 2 стр. 73 sqq (при своемъ описаніи рукописи Публичной Библіотеки Востоковъ счастливо вспомнилъ, что Константинъ первоучитель, по Паннонскому житію, былъ горячимъ почитателемъ этого св. отца, и не предполагая,—какъ не предполагаетъ и Востоковъ, чтобы онъ переведенъ былъ самимъ Константиномъ, ибо послѣдній не могъ имѣть времени для перевода, съ полною вѣроятностію можно думать, что онъ переведенъ былъ благоговѣвшимъ передъ памятью брата Меѳодіемъ или по его порученію однимъ изъ его учениковъ, такъ что съ увѣренностію можетъ быть полагаемъ въ число тѣхъ неизвѣстныхъ отцовъ, которыхъ Меѳодій, по свидѣтельству Паннонскаго его житія, перевелъ съ своими учениками). „Богословьца отъ словесъ", *Нач.* Нъ да убо не штюжими прѣлишштаются кънигами", представляющее собою переводъ стиховъ Григорія Богослова Περὶ τοῦ, τινὰ χρὴ ἀναγινώσκεσθαι βιβλία τῆς Παλαιᾶς καὶ Νέας Διαθήκης или Περὶ τῶν γνησίων βιβλίων τῆς θεοπνεύστου Γραφῆς,—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 253 [1]).

Въ рукописи Ново-Іерусалимскаго монастыря XI в., содержащей Пандектъ Антіоха, приписаны не позднѣе 1200 г. „Гранеса" Григорія Богослова, представляющія рядъ краткихъ нравоучительныхъ изреченій (лл. 309—311, см. *Срезн.* Древнн. памм. Р. п. и яз. стр. 40 нач., а самыя Гранеса ibid. стр. 218). См. еще выше Василія В.

Григорій Двоесловъ или Бесѣдовникъ (папа римскій, I этого имени, Великій, 590—604). Можетъ быть, еще къ періоду до-монгольскому относятся переводы: 1) его Бесѣдъ на евангелія, сдѣланный гдѣ-то у южныхъ славянъ съ латинскаго подлинника, см. въ Опис. Синодд. ркпп. *Горск.* и

---

[1]) Объ усвоеніи греческими рукописями нашихъ стиховъ вмѣстѣ съ слѣдующей за ними въ изборникѣ статьей Исидора Пелусіота „О 60 книгъ" евангелисту Іоанну Богослову см. въ статьѣ *Пыпина*, указанной подъ сл. Исидоръ Пелусіотъ.

Невостр. № 149, и 2) его Собесѣдованій о жизни италійскихъ отцовъ и о безсмертіи души, сдѣланный съ греческаго перевода, см. Описанія рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, ч. I, стр. 372, № 244 (68).

Григорій Нисскій. Выписка „Отъ оглашеника“ (изъ слова огласительнаго великаго,—λόγος κατηχητικὸς ὁ μέγας), *Нач.* „Мало убо глаголють и въмалѣ описано человѣче естество“,—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 13 об.

Григорій, презвитеръ, мнихъ всѣхъ церковикъ Болгарскихъ церквей. См. Іоаннъ Малала.

(***Діоптра,*** что по русски переведено Зерцало [1]), написанная въ 1095-мъ г. инокомъ Филиппомъ для духовнаго отца Каллиника, имѣвшаго житіе „въ странахъ Смоленьскыхъ“, представляетъ собой на греческомъ языкѣ поэму, состоящую изъ пяти книгъ или словъ, въ которой бесѣдуютъ (въ стихахъ) о предметахъ нравственныхъ и догматическихъ душа съ тѣломъ, и именно такимъ (оригинальнымъ) образомъ, что тѣло представляется учителемъ души. Ошибочно думая, что Діоптра была написана для жителя нашего русскаго города Смоленска, нѣкоторые полагаютъ, что она была переведена на русскій языкъ тотчасъ въ слѣдъ за написаніемъ на греческомъ (см. *Срезн.* Древнн. памм. Р. п. и яз., 19 fin.). Но подъ „странами Смоленскими“, что по гречески μέρη τῶν Σμολένων, должно разумѣть предѣлы не нашего города Смоленска, а греческаго (болгарскаго) города Смоленъ (τὰ Σμόλενα), находившагося въ митрополіи Филиппской (каталогъ архіерейскк. каѳедръ, усвояемый надписаніемъ импер. Льву Мудрому) и полагаемаго учеными на мѣстѣ нынѣшняго приморскаго городка Орфано или Орфани (недалеко на востокъ отъ впаденія въ море р. Струмы, между Аѳономъ и о. Тазосомъ,—*Тафель* De via Romanorum militari Egnatia, Tubingae, 1841, p. 16. Что же касается до перевода, то его должно относить къ позднѣйшему времени, и представляется весьма вѣроятнымъ думать, что онъ сдѣланъ былъ неизвѣстнымъ для того киръ Зиновія, который въ 1388-мъ г. написалъ въ Константинополѣ списокъ Діоптры, находящійся въ библіотекѣ Чудова монастыря,—*Горск. и Невостр.* Опис. Синодд. ркпп. № 170, Отд. II, 2 стрр. 456 fin. и 459 прим.; тамъ же см. и подобное оглавленіе Діоптры, а также и то, что Діоптра, изданная въ Евю, Вильнѣ, Кутеинѣ и пр., есть не наша Діоптра,—стр. 461).

Евсевій Александрійскій (епископъ, о которомъ *Fabric.* Biblioth. Gr., ed. Harles, VII, 409). Слово о вшествіи Іоанна Предтечи во адъ, *Нач.* Възлюбленіи, добро есть рещи, како есть благовѣщеніе Предтечи во адъ,—въ Майской Четь-Минеѣ XII—XIII в. Московскаго Успенскаго со-

[1]) „Діоптра, нашимъ же языкомь нарицается зерцало“. Но διόπτρα и διόπτρον значитъ собственно не зерцало, т. е. зеркало, а инструментъ для смотрѣнія въ даль, для измѣренія высотъ и нивеллированія,—нѣчто въ родѣ астролябіи.

бора л. 216 (Чтеній Общ. Ист. и Др. 1879-го г. кн. I, Библіографф. Матерр. стр. 33. Греческій подлинникъ слова въ Патрологіи Миня, t. 86 col. 384).

Евсевій Кесарійскій. Выписка „Отъ лѣтниихъ“ (ἐκ τῶν χρονικῶν, о времени рождества, крещенія и смерти Іисуса Христа и о различіи времясчисленія у разныхъ народовъ), *Нач.* „По съконьчанію бо 5500 лѣту отъ зьданія миру“,—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 247 об.

Епифаній Кипрскій. Выписка „Отъ Понари“, (ἐκ τοῦ Παναρίου), *Нач.* „Вѣдомо да буде, яко вься притъча“,—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 240 об., „О пророцѣхъ и пророчицѣхъ“, *Нач.* „1 Адамъ, 2 Енохъ, 3 Ной“,—тамъ же, л. 254, „О 16 пророку, отъкуду бы или къде измреша“, *Нач.* „О Осіе сынъ Веировъ бѣ отъ Велемоѳа“ — тамъ же, л. 254 об. „Слово о погребеніи тѣлеси Господа нашего Іс. Христа и о Іосифѣ, иже отъ Аримаѳея“... *Нач.* „Что се дньсь мльчаніе много на земли“—въ Супрасльской рукописи (первый Кіевскій продолжатель первоначальнаго лѣтописца ссылается на Епифанія въ томъ, что къ коейждо твари и коемуждо языку ангелъ приставленъ,—подъ 1110-мъ и 1111-мъ годами, Ипатск. лѣт. 2 изд. стрр. 189 и 195).

Ефремъ Сиринъ. Слова Ефрема Сирина любилъ читать преп. Аврамій Смоленскій: „изо всѣхъ любя часто почитати ученія преподобнаго Ефрема (и) великаго вселенныя учителя Іоанна Златоустаго“... [1]); ссылается на Ефрема Сирина и Симонъ въ Патерикѣ [2]). Въ пергаминной рукописи Троицкой Лавры XIII в., № 7, находится славянскій переводъ собранія словъ преп. Ефрема, извѣстнаго подъ именемъ Паренезиса, который надписывается: „Книги, глаголемыя Ефремъ, сказаетьжеся грьчьскимъ языкомь Паренесисъ, еже есть послушаніе и утѣшеніе и умиленіе“ [3]). Въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, читается слово св. Ефрема, *Нач.* Молю вы, чада Божья, доброе порьвьнованіе пріимѣте, еже чисто,— л. 193 об., которое не изъ Паренезиса. Въ описи Аѳонскаго монастыря Ксилургу, сдѣланной въ 1143-мъ г., между другими русскими книгами называется „святый Ефремъ“, см. Акты Русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, Кіевъ, 1873, стр. 56 нач. Наиболѣе принимаемое между учеными мнѣніе вообще есть то, что переводъ св. Ефрема принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ и самыхъ первыхъ переводовъ съ греческаго языка на славянскій [4]).

---

[1]) Житіе Аврамія въ Правосл. Собесѣдн. 1858, ч. 3 стр. 142; см. также стр. 369.

[2]) Въ повѣсти о Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ: „Ефремъ же рече: аще кому случится во враждѣ умрети, неизмолимъ судъ обрящетъ таковый“.

[3]) Παραίνεσις собственно значитъ увѣщаніе.

[4]) О Паренезисѣ Ефрема Сирина см. указаннаго подъ сл. Аѳанасій Александрійскій сборника *А. С. Архангельскаго* выпускъ III, Казань, 1890.

Зерцало, см. Діоптра.

Златоструй, сборникъ словъ Іоанна Златоустаго. См. Іоаннъ Златоустый.

Златыя Чепи. Жизнеописатель преп. Аврамія Смоленскаго ссылается на книгу „Златыя Чепи всея вселенныя святыхъ отець" [1]). Какъ должно думать, Златыя Чепи эти представляли собою сборникъ, подобный позднѣйшимъ сборникамъ этого имени (Златая Чепь XIV в.—въ Троицкой Лаврской библіотекѣ, № 11).

Изборникъ Святославовъ. См. Сборники.

Икуменій Трикксній. См. отдѣлъ: Свящ. Писаніе.

Ипполитъ Римскій. Въ Изборникѣ Святославовомъ 1073-го г. два краткія сказанія Ипполита: „О 12 апостолу, къде кыиждо ихъ проповѣда или къде умрѣша", *Нач.* „Петръ убо въ Понтѣ и въ Галатіи и въ Кападокіи", л. 261, и „О 70 апостолѣхъ", *Нач.* „1. Іаковъ, Божій братъ, епископъ въ Іерусалимѣ", л. 262. Въ рукописи конца XII—начала XIII в., находящейся въ библіотекѣ Чудова монастыря, читается принадлежащее Ипполиту: „Съказаніе о Христосѣ и о антихристѣ" (напечатано покойнымъ *К. И. Невоструевымъ* въ книгѣ: Слово св. Ипполита объ антихристѣ, М. 1868). Объ его толкованіи на пророка Даніила, состоящемъ изъ 12 словъ, см. выше въ отдѣлѣ: Свящ. Писаніе.

Ириней Ліонскій. Выписка „Отъ того, еже отъ родьства" (о различіи души отъ Духа благодати)—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 246 об.

Исаія пророкъ. См. ниже апокрифы.

Исидоръ Пелусіотъ. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г. выписка безъ заглавія, *Нач.* „Более и хуждее о единомь пытаемо есть", л. 10 об., и потомъ: „о 60 кънигъ и елко (елико) же свѣне (кромѣ) тѣхъ" (о книгахъ св. Писанія каноническихъ и неканоническихъ и о „съкровьныихъ" или апокрифахъ), л. 253 (см. *Пыпина* статью „Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ" въ Лѣтописи занятій Археогр. Комм. 1861-го г., вып. 1, стр. 9 fin. sqq., гдѣ статья Изборника напечатана сполна). Въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, читаются: блаж. Исидора Пилусійскаго разуми, *Нач.* „Яко печали съ благодареніемь търпящеи многы грѣхы расыплють", л. 175, и Написаніе о вѣрѣ, *Нач.* „Вѣрую въ единаго Бога Отця нерожена и въ единого Сына рожена и въ единъ св. Духъ исходящь", л. 181.

Исихій Іерусалимскій. Выписка „Отъ того, еже о Христосовѣ рожденіи", *Нач.* „Въ четвьрьтодесятьное бо и въторое лѣто цѣсарьства Аугустова",—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 250.

---

[1]) Ссылается на разсказъ Чепей о нѣкоемъ святомъ отцѣ—оклеветанномъ и потомъ оправданномъ. Правосл. Собесѣдн. 1858, ч. III стр. 379 fin.

Іаковъ патріархъ. См. ниже апокрифы.

Іеремія пророкъ. См. тамъ же.

Іоаннъ Богословъ. См. тамъ же.

Іоаннъ Дамаскинъ. Догматическое Богословіе Іоанна Дамаскина (Ἔκδοσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, — Точное начертаніе, собств.— обнародованіе, выданіе, изданіе, православной вѣры) переведено съ греческаго языка на славянскій Іоанномъ, экзархомъ Болгарскимъ, о которомъ см. въ слѣдующемъ за симъ параграфѣ. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г. находятся принадлежащія Іоанну Дамаскину или ему усвояемыя статьи: 1. „О Македоньскыихъ мѣсяцихъ отъ церковьнааго преданія", л. 250 об., 2. „Мѣсяци по Римлянемъ о различныихъ мѣсяциихъ... по Иудѣемъ... по Македономъ", л. 251, 3. „О вѣрочитыихъ (нарочитыихъ) кънигахъ" (о каноническихъ книгахъ Свящ. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта), л. 252. Въ Майской Четь-Минеѣ XII в. Московскаго Успенскаго собора читается Слово Дамаскина о изсохшей смоковницѣ, *Нач.*: „Подвижеть мя на пѣніе и бесѣду съсобьственое Божіе и отче Слово, еже отча пахузы не оставль" (Чтен. Общ. Ист. и Др. 1879-го г., кн. Библіографф. Матерр. стр. 26). О переводѣ Грамматики и Діалектики Дамаскина см. въ слѣдующемъ Іоаннѣ Экзархѣ [1]).

Іоаннъ презвитеръ, *экзархъ* [2]) Болгарскій, современникъ царя Симеона и одинъ изъ его сотрудниковъ по дѣлу введенія книжности (и просвѣщенія) въ Болгаріи, человѣкъ знаменитый въ свое время (какъ видно изъ отзыва пресвитера Козьмы, о которомъ ниже). 1. Онъ составилъ „Шестодневье" или Шестодневъ,—книгу о шести дняхъ творенія, подобную Шестодневу Василія Великаго, которую отчасти сочинилъ самъ, отчасти избралъ изъ Василія В., Северіана Гевальскаго (изъ шести бесѣдъ Северіана о твореніи міра, которыя обыкновенно усвояются Іоанну Зла-

---

[1]) Объ Іоаннѣ Дамаскинѣ и о переводѣ его твореній на славянскій языкъ см. въ статьѣ *Архангельскаго*, указанной подъ сл. Анастасій Синаитъ.

[2]) Слово экзархъ—ἔξαρχος на древнѣйшемъ церковномъ языкѣ (вмѣстѣ съ гражданскимъ) значило перваго начальника и употреблялось объ епископахъ діоцезовъ (которые иначе назывались архіепископами, а потомъ стали называться патріархами). Въ позднѣйшее время слово екзархъ начало употребляться о людяхъ посылавшихся патріархами—епископами куда-нибудь для исполненія какихъ-нибудь временныхъ порученій (о духовныхъ чиновникахъ особыхъ порученій). Постоянные экзархи при патріархахъ—епископахъ производили годичные обзоры епархій (визитаторы) и собирали съ нихъ подати (см. толкованіе слова екзархъ въ Сvнод. ркп. по Опис. *Горск.* и *Невостр.* № 58 л. 1, выписку изъ Законника Душана въ нашей книгѣ Краткій очеркъ истр. правв. церкк. Б., С. и Р., стр. 686, § 38 и грамоту болгарскаго царя Константина Тѣха-Асеня въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизв. и неизв. памятникахъ *Срезневскаго*, LXXXI, IX, 20). Презвитеръ Іоаннъ, по всей вѣроятности, былъ экзархомъ въ семъ послѣднемъ смыслѣ при одномъ изъ епископовъ Болгарскихъ или при самомъ митрополитѣ—патріархѣ.

тоустому) и изъ иныхъ неизвѣстныхъ отцовъ, а также изъ Аристотеля; книгу свою онъ посвятилъ князю Симеону (т. е. написалъ ее, когда Симеонъ еще не принималъ титула царя), по просьбѣ котораго, какъ можно думать, ее и составилъ (Изслѣдованіе о книгѣ вмѣстѣ съ другими трудами Іоанна экзарха въ сочиненіи *Калайдовича* Іоаннъ эксархъ Болгарскій, М. 1824. Подробное описаніе Шестоднева у *Горск. и Невостр.* въ Опис. Сvнодд. ркпп. № 54, Отд. II, 1, стр. 1 sqq [1]). Самый Шестодневъ по древнѣйшему извѣстному списку, — Сvнодальному, писанному на Аѳонѣ въ 1263-мъ г. грамматикомъ Ѳеодоромъ, учено-дипломатическимъ образомъ изъ буквы въ букву и изъ строки въ строку напечатанъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1879-го г., кн. III). 2. Онъ перевелъ, по настоянію нѣкоего черноризца Дукса [2]), Догматическое Богословіе Іоанна Дамаскина, не въ полномъ впрочемъ видѣ, а въ сокращеніи болѣе, чѣмъ на половину, изъ 100 главъ подлинника давая въ переводѣ 48 главъ (Изслѣдованіе у *Калайд.* въ Іоан. Экзархѣ, описаніе—у *Горск. и Невостр.* ibid. № 155, Отд., 2, стр. 288 [3]); самое Богословіе по древнѣйшему извѣстному списку, Сvнодальному XII—XIII вѣка, напечатано такимъ же образомъ, какъ Шестодневъ, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1877-го г. кн. IV) [4]. 3. Онъ извѣстенъ, какъ церковный проповѣдникъ, и заключая отъ его писательской способности и благочестивой ревности можно съ вѣроятностію думать, что имъ было написано болѣе или менѣе значительное количество церковныхъ словъ. Въ настоящее время извѣстны намъ по рукописямъ съ именемъ Іоанна презвитера и екзарха только два слова: 1) на Рождество Христово, *Нач.* „Христосъ, праведное солнце, днесь отъ Дѣвы пречистыя и святыя въсіа",—въ одной изъ рукописей библіотеки В. И. Григоровича, находящейся въ настоящее время въ Румянцевскомъ Музеѣ, см. Отчетъ Музея за 1876—1878-й г., стр. 14 fin., № 21 (надписывается „Ексарха Іоанна пресвитера"); 2) на Вшествіе Господа нашего Ісуса Христа (на небо, — на Вознесеніе), *Нач.* „Веселите небеса и радуйся земле, понеже посреднюю стѣну преграды разградивъ Ісусъ",—въ Майской Четь-Минеѣ Московскаго Успенскаго собора XII—XIII вѣка (о которой ниже,—безъ имени автора), въ сборникѣ Царскаго № 362 л. 49, въ ркп.

---

[1]) См. также *Архангельскаго* въ сейчасъ выше указанной статьѣ.

[2]) Вѣроятно, одного и того же съ Тудоромъ или Ѳеодоромъ Доксовымъ, который въ 907-мъ г. переписалъ переводъ словъ Аѳанасія Александрійскаго, принадлежащій презвитеру Константину, см. это слово.

[3]) См. также *Архангельск.* ibidd.

[4]) Іоаннъ экзархъ назвалъ Богословіе Дамаскина въ славянскомъ переводѣ Словомъ о правѣй вѣрѣ; въ древнее время оно называлось у насъ еще Увѣріемъ, а позднѣе стало еще называться Небесами, каковое названіе далъ ему жизнеописатель Дамаскина Іоаннъ патріархъ Іерусалимскій (Антіохійскій?), см. Опис. Сvнодд. ркпп. № 155, стр. 295.

Толстова отдѣл. I № 106 л. 306 и въ Волокамм. ркпп. № 431 л. 276 об. и № 433 л. 170 (во всѣхъ послѣ Минеи надписывается: „Іоанна презвитера, ексарха Болгарскаго"), напечатано трижды — *Калайдовичемъ* въ Іо. Экзархѣ, стр. 174, Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., 1848-го г. № 7, и *Поповымъ* въ тѣхъ же Чтеніяхъ, 1879-го г. кн. I, Библіографф. матерр. стр. 37. Затѣмъ, извѣстны намъ еще слова, которыя надписываются именемъ или Іоанна пресвитера, безъ прибавленія екзарха, или Іоанна епископа Болгарскаго, и которыя, можетъ быть, также принадлежатъ Іоанну екзарху. Онѣ суть: 1) на Рождество Христово отъ сказанія еуангельскаго: „Ісусу рождьшуся въ Виѳлеемѣ"... *Нач.* Много потреба бденію и многы потребы молитвѣ",—въ указанной рукописи Григоровича, нынѣ Румянц. Музея, см. ibidd. (надписывается: Іоанна презвитера); 2) на Богоявленіе, *Нач.* „Богъ Господь, свѣтъ великыи и свѣтлыи",—въ одной изъ рукописей Виленской Публичной библіотеки, см. Описаніе рукописей библіотеки *Ф. Добрянскаго*, № 80, л. 266 об., стр. 119 (надписывается: Іоанна презвитера); 3) на Преображеніе, *Нач.* „Богъ человѣка пръваго сотвори и въ рай введе и́ и сущу ему въ немъ заповѣдь далъ есть",— въ ркп. Царскаго № 362 л. 140 и Толст. отд. I. № 292 л. 527, напечатано Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., 1848-го г. № 7 (надписывается: Іоанна презвитера; въ одномъ изъ сборниковъ Публичной Библіотеки усвояется Іоанну Златоустому,—Описаніе сборниковъ *Бычкова* № 86 л. 343); 4) слово отъ сказанія евангельскаго: „Отъидоста паки къ себѣ ученика дивящася, Марія же стояше внѣ гроба плачущися, жалостиво бо есть женское племя", — Волоколамм. ркпп. № 432 л. 94 и № 433 л. 70, Ундольскаго № 561 л. 325 (надписывается въ Волоколл. ркпп.: Іоанна презвитера, въ рукоп. Ундольск.: Іоанна епископа Болгарскаго, если только впрочемъ не ошибка въ Описаніи рукописей [1]). Приписываются еще Іоанну экзарху переводы Грамматики и Діалектики Іоанна Дамаскина (рукописями послѣднихъ), но, по изслѣдованію покойныхъ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, ни тотъ ни другой переводъ не могутъ быть ему усвояемы (какъ обличающіе языкомъ значительно позднѣйшее время и указывающіе не на Болгарію, а на Сербію; а грамматика, по ихъ мнѣнію, равно какъ и по мнѣнію другихъ, не должна быть считаема и принадлежащею Іоанну Дамаскину,—Опис. Сѵнодд. ркпп. № 156, Отд. II, 2 стр. 312 sqq) [2].

---

[1]) Слово о погребающихся въ церквахъ, *Нач.* „Іоанну великому сущая", читаемое въ Макаріевской Январской Минеѣ подъ 16 числомъ и усвояемое надписаніемъ Іоанну экзарху, которому въ 1-мъ изданіи ошибочно приписали его и мы, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ Григорію Двоеслову.

[2]) Въ одной изъ рукописей Ундольскаго,—№ 219 л. 445 об., приписывается какому-то Іоанну екзарху какая-то книга Составъ: „Іоаннъ екзархъ вчинилъ въ книгы, глаголемыя Съставъ, глаголя о причащеніи тако: къ святому Макарію отцю нѣкыи человѣкъ приведе жену свою въ образѣ лошадинѣ"..., см. Описаніе рукописей.

Іоаннъ Златоустый. Словъ св. Іоанна Златоустаго домонгольскіе предки наши, какъ мы говорили выше, имѣли въ славянскомъ переводѣ весьма значительное количество. 1) Болгарскій царь Симеонъ Борисовичъ, получившій въ Константинополѣ отличное греческое образованіе и имѣвшій охоту и способность вводить въ Болгаріи греческія просвѣщеніе и книжность не только чужими руками, но и своими собственными, перевелъ обширный изборъ словъ Златоустаго, которому далъ названіе, заимствуя послѣднее отъ достоинства переведенной имъ книги, Златоструей книги или Златоструя [1]). Въ началѣ книги читается по рукописямъ принадлежащее неизвѣстному краткое предъувѣдомленіе, которое надписывается (киноварью): „Прилогъ самого христолюбиваго царя Семіона" (т. е. которое хочетъ сказать, что сія или нижеслѣдующая книга есть прилогъ, прикладъ, трудъ самаго царя Сѵмеона) и которое читается: „Вся книгы ветхыя и новыя, внѣшняя и внутренняя, благовѣрный царь Сѵмионъ божествьнаго писанія испытавъ и всѣхъ учитель нравы и обычая мудрость разума всего, блаженаго же Іоанна Златоустаго почудився словесной мудрости и благодати святого Духа, и яко извыкъ ему чести вся книгы, изъбравъ его вся словеса изъ всѣхъ книгъ его въ *сія* едины сложи книгы, яже и прозва Златоструяя. Аще бо иного по сему имени Златоструяго прозваша, то и мы нѣсмы, мню, никакоже съблазнилися книгы Златоструяя нарекше (нарекша?) [2]), елма же и Духа святаго ученія, акы златыми струями человѣчьскыми, сладкыми рѣчьми спасеннымъ покаяніемъ отъ всякаго грѣха омывая, къ Богу приводитъ"... Всѣхъ словъ въ Златоструѣ по счету 137; но такъ какъ подъ №№ 3 и 122 помѣщено дважды одно и то же слово („Предъ вчерашнимъ днемь мы о діаволѣ"...); такъ какъ подъ №№ 130 и 137 помѣщены не слова, а подъ первымъ сказаніе

---

[1]) Не самъ сдѣлавъ изборъ словъ изъ полнаго ихъ собранія, какъ это утверждаетъ неизвѣстный, не знавшій дѣла точно, авторъ предъувѣдомленія, которое приводимъ сейчасъ ниже, а взявъ готовый изборъ или сборникъ, существовавшій на греческомъ, см. книгу г. *В. Малинина* Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII в. Импер. Публ. библіотеки, Кіевъ, 1878. Можетъ быть, и названіе Златоструя Сѵмеонъ не самъ придумалъ, а уже нашолъ готовымъ. Относительно перевода одинаково вѣроятно какъ то, что весь онъ совершонъ самимъ Сѵмеономъ, такъ и то, что самимъ Сѵмеономъ онъ совершонъ только отчасти, при содѣйствіи того или другаго количества помощниковъ.

[2]) Авторъ хочетъ сказать: если другаго (нѣкоего) прозвали симъ именемъ Златоструяго (кто разумѣется, не можетъ сказать; въ спискахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ читается: „Геннадій, зовомый Златоструй"), то и мы, думаю, вовсе не должны соблазнятъся, что видимъ передъ собою (имѣемъ) книгу, которая названа (ея переводчикомъ) Златоструей (книгой). Г. Малининъ неправильно понялъ это мѣсто предъувѣдомленія, а поэтому и неправильно рѣшилъ вопросъ: что принадлежитъ Сѵмеону, — нашъ ли Златоструй, о которомъ говоримъ, или сборникъ Публичной библіотеки.

(не имѣющее надписанія) объ изгнаніи Златоустаго и о возвращеніи его мощей („Изгнанъ бывъ иже покаянію учитель"...), а подъ вторымъ „Изборъ избранныи Іоаномъ Златоустымъ словомъ 40 вкратцѣ" (краткое содержаніе 40 словъ Златоустаго: „О Адамѣ, о Евзѣ, о книгахъ... о сластехъ, о тѣлѣ человѣчи, свѣтѣ праведныхъ") и такъ какъ затѣмъ между словами 78 и 79 помѣщено слово, пропущенное въ счетѣ [1]), то въ дѣйствительности Златоструй содержитъ 135 словъ. 2) Послѣ Симеона неизвѣстный кто-то перевелъ другой изборъ или сборникъ словъ Златоустаго, въ которомъ 80 словъ и въ которомъ 67 словъ тѣ же самыя, что въ Златоструѣ Сѵмеоновомъ, а 13 новыя [2]). 3) Существовало въ періодъ домонгольскій въ славянскомъ переводѣ собраніе словъ Іоанна Златоустаго, состоящее изъ 21 слова, извѣстное подъ именемъ Андріятиса, т. е. собраніе словъ, говоренныхъ Златоустомъ въ Антіохіи по поводу низверженія императорскихъ статуй (по-гр. Ἀνδριάντης отъ ἀνδριάς—статуя. См. *Горск. и Невостр.* Опис. Сѵнодд. ркпп. № 125, Отд. II, 2, стр. 111 sqq; оглавленіе словъ, кромѣ Царскаго, что указано въ Опис., еще въ Описаніи славянскихъ рукописей библіотеки Троицкой Лавры № 151); одно слово изъ этихъ 21-го читается уже въ Златоструѣ (15-е Андріатиса и 124-е Златоструя. Нач. „Подобно и днесь и въ прежнюю суботу"). 4) Находится 20 словъ Златоустаго въ Мартовской Четь-Минеѣ XI (такъ называемой Супрасльской рукописи, см. Минеи). 5) Находится 17-ть словъ Златоустаго въ Майской Четь-Минеѣ XII—XIII вѣка Московскаго Успенскаго собора, причемъ 5 словъ—общія съ Мартовской Четь-Минеей, одно—общее съ Златоструемъ (въ Златостр. 11-е, „Принеси днесь паче и прежнихъ"), и 11-ть новыя. 6) Читается 7 словъ Златоустаго въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, изъ коихъ три суть однѣ и тѣ же съ Златоструемъ, одно общее съ сборникомъ Публичной библіотеки и три новыя. 7) Читается одно слово Златоустаго въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 17. Такимъ образомъ, всѣхъ словъ Іоанна Златоустаго, существовавшихъ въ періодъ домонгольскій въ славянскомъ переводѣ, въ настоящее время извѣстно 203. А сколько еще можетъ быть ихъ предполагаемо какъ существовавшихъ въ этотъ періодъ и только теперь неизвѣстныхъ намъ по рукописямъ, именно къ нему относящимся, см. во вступленіи къ сему обозрѣнію.

Іоаннъ Лѣствичникъ. Лѣствица Іоанна Лѣствичника была переведена въ Болгаріи не позднѣе XII вѣка (*Востоk.* Опис. Рум. Муз. № 198,

---

[1]) Такъ по списку Моск. Д. Акад. № 43 (1474 г.); въ другихъ спискахъ слово отмѣчено цифрой 78 во второй разъ, *Малин.* стрр. 30 и 46.

[2]) Этотъ второй сборникъ сохранился въ рукописи Публичн. библіотеки XII вѣка. Описаніе у г. *Малинина* въ помянутой книгѣ (мы несогласны съ достопочтеннымъ изслѣдователемъ относительно того, который изъ двухъ сборниковъ принадлежитъ Сѵмеону).

стр. 253; подробное описаніе Лѣствйцы по спискамъ позднѣйшимъ у *Горск. и Невостр.* въ Опис. Сѵнодд. ркпп. № 141, Отд. II, 2, стр. 193.—На Лѣствицу ссылаются Симонъ и Поликарпъ въ Патерикѣ: первый—въ повѣсти о Николаѣ Святошѣ, второй—въ повѣсти о Ѳеодорѣ и Василіи).

Іоаннъ Малала, или Малела [1]) Антіохійскій, жившій, какъ кажется, во второй половинѣ VI вѣка, написалъ хронографъ (χρονογραφία) отъ начала міра до неизвѣстныхъ лѣтъ правленія импер. Юстиніана (который 527—565). Хронографъ этотъ переведенъ былъ на болгарскій языкъ, по повелѣнію болгарскаго князя Сѵмеона, Григоріемъ, „презвитеромъ мнихомъ всѣхъ церковникъ българскихъ церквей" [2]), причемъ дополненъ былъ отъ переводчика священной исторіи ветхаго завѣта по книгамъ библейскимъ (отъ Бытія до Руѳи, такъ-называемой Палеей, вставленной послѣ IV кн. подлинника) и такъ-называемой Александріей (Книгы Александръ) или баснословной повѣстью (романомъ) о жизни Александра Македонскаго (вставленной послѣ VII кн. подлинника). Греческій подлинникъ хронографа, извѣстный въ одномъ спискѣ, не имѣющемъ ни начала ни конца, въ Патрол. Миня t. 97; единственный извѣстный списокъ перевода, XV вѣка, находится въ библіотекѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ. См. *кн. Оболенскаго* предисловіе къ Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго, въ 9 кн. Временника, стр. VIII sqq, *А. Попова* Обзоръ хроногрр. I, 5 sqq, 46 и 70, и *Срезневскаго* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ статью: „Русскій историческій сборникъ XV в. Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ", № LXXXIV [3]). (Объ Александріи см. *Восток.* Опис. Рум. Муз. стрр. 216 и 755, *Пыпина* Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, въ IV кн. Учен. Записокъ II Отд. Акад. Н., стр. 25 sqq, *Попова* ibid. стрр. 29—42, 78—82, 118—121, и обширное изслѣдованіе г. *Истрина*, подъ заглавіемъ: Александрія русскихъ хронографовъ, напечатанное въ I и II книгахъ Чтеній Общ. Ист. и Древн. за 1894-й годъ. Сербская Александрія, представляющая собою переводъ съ греческаго особой редакціи Александріи, отличной отъ той,

---

[1]) Сирское Малала или Малела значитъ риторъ, ораторъ, софистъ, схоластикъ, см. предисл. къ греческ. изд. хронографа Малалы.

[2]) Чинъ или должность Григорія обозначена не совсѣмъ ясно. Вѣроятно, онъ былъ экзархомъ или благочиннымъ (надзирателемъ) надъ всѣми болгарскими монастырями (или же экзархомъ митрополита—патріарха надъ духовенствомъ всей болгарской церкви,—экзархомъ надъ экзархами): послѣ слова „мнихъ", нужно думать, опущено названіе должности.

[3]) По Срезневскому, указанныя нами вставки сдѣланы не переводчикомъ, а уже у насъ въ Россіи и около половины XIII в. Находя и многія другія вставки, кромѣ указанныхъ нами, онъ смотритъ на Малалу архивской рукописи не какъ на дѣйствительнаго Малалу, а какъ на первый извѣстный опытъ своднаго хронографа, въ основу котораго только положенъ Малала.

которая въ Малалѣ и вообще хронографахъ, напечатана Обществомъ любителей древней письменности,—выпускъ 1-й: № LXVII, 1880, выпускъ 2-й: № LXXXVIII, 1887; а статья о ней *А. Н. Веселовскаго* въ выпускѣ первомъ сборника его изслѣдованій: „Изъ исторіи романа и повѣсти", Спб., 1886,—III, 131.

Іоаннъ Пателарейскій. Его монастырскій уставъ читается въ Кормчей книгѣ до-монгольскаго періода. См. выше стр. 652.

Іоаннъ Постникъ. Его такъ называемый исповѣдной номоканонъ читается въ той же Кормчей книгѣ. См. выше стр. 652.

Іустинъ философъ. Выписка: „О томь, еже о правѣй вѣрѣ", *Нач.* Единого убо Бога чисти (вмѣсто: чести, почитати) намъ и божьская писанія и отечьска ученія наказають—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 10 об. и слѣд.

Кесарій неизвѣстный. Въ нашихъ рукописяхъ XVI в. и позднѣйшихъ читается сочиненіе: „Святаго Селивестра и преподобнаго Антонья истолкованье о святѣй Троици и о всей твари разумное изложенье, о небеснеи стихіи и о земніи, и святіи Богородици и о ангелѣхъ и о святыхъ приводно сказанье" и проч. Въ греческомъ подлинникѣ сочиненіе надписывается: Καισαρίου τοῦ σοφωτάτου τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου ὁμαίμωνος Διάλογοι τέσσαρες, т. е. Кесарія мудрѣйшаго, (брата) единокровнаго иже во святыхъ отца нашего Григорія Богослова, четыре разговора. По мнѣнію А. В. Горскаго, сочиненіе это, согласно съ греческимъ его надписаніемъ, должно быть усвояемо Кесарію, только не брату Григорія Богослова, а позднѣйшему и неизвѣстному. По его же мнѣнію, сочиненіе переведено въ Болгаріи „довольно въ древнее время" (Опис. Сvнодд. ркпп. № 129, Отд. II, 2, стр. 142 fin. sqq.—Архіепископъ Новгородскій Геннадій въ своемъ извѣстномъ посланіи къ архіепископу Ростовскому Іоасафу подъ именемъ „Селивестра папы римскаго" разумѣетъ наше сочиненіе).

Кириллъ Александрійскій. Выписка „Отъ того, еже къ Іерьміи (πρὸς Ἑρμείαν) о святѣй Троици",—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го года, л. 5. Бесѣда о Богородицѣ и о святыхъ отцахъ еже въ Ефесѣ собора на Несторія нечестиваго, *Нач.* Свѣтьло намъ слово и благодати наполнено, ельма и свѣтьлъ стыихъ отець съборъ зѣло бо ми,—въ Майской Четь-Минеѣ XII—XIII вѣка Московскаго Успенскаго собора, л. 265 (Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1879-го г. кн. I, библіографф. матерр. стр 40).

Кириллъ Іерусалимскій. Огласительныя и тайноводственныя поученія Кирилла Іерусалимскаго (первыхъ 18, вторыхъ 5, а всѣхъ 23) переведены были Болгарами на славянскій языкъ въ самомъ началѣ славянской у нихъ письменности,—въ вѣкъ царя Симеона (*Восток.* Опис. Рум. Муз. стр. 244 col. 2, *Горск. и Невостр.* Опис. Сvнодд. ркпп. № 114, Отд. II, 2, стр. 44.—Синодальный списокъ поученій конца XII—начала XIII вѣка писанъ въ Россіи).

Кириллъ первоучитель. См. Константинъ.

Климентъ епископъ, по надписанію его сохранившихся словъ — *Словенскій*, а по его пространному греческому житію, усвояемому Ѳеофилакту архіепископу Болгарскому (но Ѳеофилакту не принадлежащему),— Бѣлицкій, неизвѣстно—бывшій ли епископомъ въ Болгаріи или въ какой-нибудь изъ областей имперіи греческой, заселенной Славянами, выдаваемый помянутымъ житіемъ за ученика первоучителей Константина и Меѳодія, но едва ли таковымъ бывшій, вообще пока остающійся лицомъ загадочнымъ. По увѣренію житія онъ написалъ: 1. Похвальныя слова на всѣ праздники въ году, 2. Житія многихъ пророковъ и апостоловъ, 3. Житія (не говорится—сколь многія) и подвиги мучениковъ (Житіе по изд. Меньшикова и Шевырева, § 22). Писателемъ словъ, представляющихъ изъ себя довольно краткія поученія (какъ нѣкоторыя изъ словъ и называются), Климентъ дѣйствительно оказывается: въ настоящее время извѣстно по рукописямъ 12 его словъ. Что касается до житій пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, которыхъ Климентъ, конечно, не писалъ, какъ уже написанныхъ, и писать которыя ему было бы весьма странно, то можно было бы считать его за ихъ переводчика (и слѣдовательно—за переводчика Четіихъ-Миней); но вообще свидѣтельство житія весьма ненадежно (Извѣстныя въ настоящее время слова Климента суть: 1. Заповѣданія о праздьницѣхъ, егда хотяще (*кто хочетъ*) въ святыя дни апостолъ ли мученикъ ли святителя поученье (*сказать*) къ людьмъ, *Нач.* Да есте вѣдуще, братіе, яко днесь есть праздьникъ святаго имрк... 2. Поученіе на память апостола (или мученика), *Нач.* Братія, присно жадая спасенія нашего Господь Богъ нашъ присно призываеть ны... 3. Поученіе на святое въскресеніе, *Нач.* Должьни есмы, братія, праздникы божія чьстити въздьржащеся... Эти три поученія читаются въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII в., № 12, и по нему напечатаны Срезневскимъ въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка, стр. 199 sqq. 4. Поученіе на Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа, *Нач.* Послушайте, братіе... 5. Похвала на преставленіе Пресвятой Владычицы Богородицы, *Нач.* Се нынѣ свѣтло праздньство... 6. Слово похвально на память блаж. пророка Захарія и о родьствѣ Іоанна Крестителя, *Нач.* Свѣтъ въсія праведнику... 7. Во утро Богоявленіихъ слово похвальное Іоанна Крестителя, *Нач.* Пріиде Іисусъ отъ Галилеа... 8. Слово похвально о четверодневномъ Лазарѣ, *Нач.* Се предтечеть свѣтозарное торжьство... 9. Похвала святому... мученику... Димитрію мvроточцу, *Нач.* Наста братіе свѣтлое праздество... 10. Похвала архистратигамъ Михаилу и Гавріилу, *Нач.* Наста празднолюбци... 11. Похвала святому Клименту, патріарху Римскому, *Нач.* Небо радостно веселиться... 12. Похвала святому Кириллу, учителю Словѣньску языку, *Нач.* Се побѣда намъ, христолюбцы... О словахъ Климента см. *Ундольскаго* Письмо къ Бодянскому, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1848-го г. № 7, *Палаузова:* Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, стр. 86, и

статью: „Климентъ епископъ словѣнскій, трудъ В. М. Ундольскаго, съ предисловіемъ П. А. Лаврова", напечатанную въ I кн. Чтеній Общ. Ист. и Древн. за 1895-й годъ. Покойный *А. Н. Поповъ* напечаталъ въ III кн. тѣхъ же Чтеній за 1880-й г. древнія слово на Рождество Христово и чтеніе на крещеніе Господне, считая вѣроятнымъ усвоять ихъ Клименту Словенскому,—Библіогрр. матерр., VI, 155; Чтеніе подъ именемъ поученія перепечатано архим. Леонидомъ въ Памятникахъ древней письменности).

Константинъ, сначала пресвитеръ, потомъ ***епископъ*** неизвѣстной каѳедры въ Болгаріи, ученикъ первоучителя Меѳодія, слѣдовательно пришедшій въ Болгарію изъ Моравіи. Въ 894-мъ г., по убѣжденію „етерыхъ (нѣкоторыхъ) вѣрныхъ человѣкъ" [1]), онъ составилъ поученія на всѣ воскресные дни года, числомъ 51, выбравъ ихъ главнымъ образомъ изъ Іоанна Златоустаго, а отчасти изъ Кирилла Александрійскаго и Исидора Пелусіота и придѣлавъ къ большей части изъ нихъ свои краткія вступленія и заключенія (и одно поученіе, 42-е, на текстъ изъ Луки XVII, 12, о десяти прокаженныхъ, сполна составивъ самъ). См. *Горск. и Невостр.* Опис. Сѵнодд. ркпп. № 163, Отд. II, 2, стр. 409). Передъ 907-мъ г. или въ этомъ году, по порученію князя Сѵмеона, онъ перевелъ съ греческаго языка на славянскій четыре слова Аѳанасія Александрійскаго противъ Аріанъ. См. ibid. № 111, Отд. II, 2, стр. 32 sqq (въ 907-мъ г. поученія переписаны были для князя Сѵмеона черноризцемъ Тудоромъ Доксовымъ, ibidd.). О „Проглась святаго евангелія" см. въ слѣдующемъ параграфѣ о Константинѣ первоучителѣ. Такъ называемая толковая Азбука Константина или его молитва, написанная по буквамъ азбуки („Азъ словомъ симъ молюся Богу"...) не составляетъ особаго сочиненія, а есть молитва, положенная имъ предъ началомъ словъ (о ней у *Горск. и Невостр.* ibid., а вся она напечатана *Срезневскимъ* въ Древнн. памятт. Русск. п. и яз. стр. 191.—О воскресныхъ словахъ Константина или объ его учительномъ евангеліи см. статью *преосв. Антонія*: „Константинъ, епископъ болгарскій и его Учительное Евангеліе",—во 2-мъ изданіи сборника статей: „Изъ исторіи христіанской проповѣди"—II, 137, и статью г. *А. Михайлова*: „Къ вопросу объ Учительномъ Евангеліи Константина епископа Болгарскаго", напечатанную въ I т. Древностей, трудовъ Славянской Коммиссіи Московск. Археологич. Общества, стр. 76. Мнѣніе преосв. Антонія есть то, „что Константинъ не самъ сокращалъ бесѣды Златоустаго, не самъ дѣлалъ выборки и изъ Кирилла Александрійскаго и другихъ, а просто переводилъ съ готовыхъ греческихъ сокращеній", такъ что „въ основной части своихъ бесѣдъ онъ является только простымъ переводчикомъ", стр. 168—169).

Константинъ (Кириллъ) философъ, ***первоучитель*** славянскій. Обстоятельныя рѣчи о сочиненіяхъ, приписываемыхъ рукописями и уче-

---

[1]) По списку, бывшему у Сильвестра Медвѣдева, „понуженъ Наумомъ", — Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, § 128.

ными Константину философу, требовали бы особой диссертаціи; конечно, мы не можемъ здѣсь этого сдѣлать и ограничимся самымъ краткимъ. Имъ написано слово на обрѣтеніе мощей Климента Римскаго, совершенное имъ въ Херсонѣ, въ которомъ описывается исторія событія (и которое было сказано имъ въ день памяти обрѣтенія,—30 Января, вѣроятно въ Константинополѣ, но не въ Херсонѣ или Римѣ). Слово надписывается: „Мѣсяца Января въ 30 день Слово на пренесеніе мощемъ преславнаго Климента, историческу имуще бесѣду"...; оно напечатано въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ Погодина, но по списку съ подновленнымъ языкомъ; списокъ съ древнимъ языкомъ—въ фундамент. ркп. Моск. Дух. Акад. № 91 л. 671. По возвращеніи въ Константинополь изъ путешествія въ Хазарію Константинъ, по свидѣтельству его Паннонскаго житія, описалъ свои пренія въ Хазаріи съ Іудеями и Магометанами въ особомъ сочиненіи, которое потомъ, послѣ его смерти, Меѳодій перевелъ на славянскій языкъ и раздѣлилъ на восемь словъ. Это сочиненіе Константина въ настоящее время неизвѣстно (можно подозрѣвать, что составитель Палеи, такъ называемой, толковой пользовался имъ въ своихъ обличеніяхъ Іудеевъ и Магометанъ). Рѣшивъ, по вызову Моравовъ, дать Славянамъ богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ, Константинъ въ свою недолговременную жизнь послѣ сего перевелъ (съ своими сотрудниками) съ греческаго языка на славянскій всѣ богослужебныя греческія книги въ тогдашнемъ ихъ составѣ, и въ томъ числѣ весь богослужебный выборъ изъ книгъ свящ. Писанія. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ Четвероевангелія читается въ началѣ краткое предисловіе, которое надписывается: „Прогласъ (прогласіе) святаго евангелія", (προαναφώνησις—предварительное воззваніе) и въ которомъ „Словенамъ всимъ" возвѣщается, что имъ дается Слово Божіе на ихъ собственномъ языкѣ (въ болгарской редакціи напечатано *Срезневскимъ* въ Изв. Акад. Н. т. VII, вып. II, стр. 145, въ Сербской редакціи *Поповымъ* въ Описаніи рукописей Хлудова, № 13, стр. 12, а о немъ—изслѣдованіе *Воронова*: Кириллъ и Меѳодій, — главнѣйшіе источники для исторія свв. К. и М., Кіевъ, 1877, стр, 237). Съ наибольшею, какъ кажется, вѣроятностію это предисловіе должно быть усвояемо не Константину пресвитеру—епископу Болгарскому, о которомъ сейчасъ выше, а Константину первоучителю. „Написаніе о правѣй вѣрѣ, изущенное Константиномъ блаженымъ, философомъ, учителемъ о Бозѣ словѣнскому языку", представляющее собою изложеніе вѣры, и именно—о свят. Троицѣ, о воплощеніи и объ иконопочитаніи, съ такою же вѣроятностію должно быть считаемо за позднѣйшее (XII вѣка—по признакамъ) произведеніе, усвоенное Константину первоучителю для приданія ему бо́льшаго авторитета (см. *Воронова* изслѣд. „Кириллъ и Меѳодій",—стр. 250 sqq; самое „Написаніе" напечатано въ славянскомъ подлинникѣ *Срезневскимъ* въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ", № XXXVI, выпуска IV, стр. 47, и *Барсовымъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., 1885,

кн. I, въ русскомъ переводѣ—въ Воскресномъ Чтеніи за 1841-й г. № 45, стр. 407). Все другое, что усвояется рукописями Константину или Кириллу философу, должно быть считаемо не принадлежащимъ нашему Константину—Кириллу.

Кормчая книга до-монгольскаго періода. См. о ней выше стр. 642.

Косьма пресвитеръ Болгарскій, жившій послѣ царя Петра († 968), но до разрушенія Болгарскаго царства Греками въ 1019-мъ г. и когда еще были живы многіе, знавшіе Іоанна экзарха. Онъ написалъ „Слово на еретики препрѣніе", въ которомъ излагаетъ и обличаетъ лжеученіе Богомиловъ (напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ 1864-го г., въ частяхъ I и II, а извлеченіе изъ него ученія Богомиловъ въ книгѣ *Руднева:* Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, прим. 33, сн. *Горск. и Невостр.* Опис. Сѵнод. ркп. Отд. II, 2, № 188, стр. 512).

Левъ папа Римскій, I или Великій. Его посланіе къ Константинопольскому епископу Флавіану противъ ереси Евтихія переведено было у насъ въ Россіи Грекомъ Ѳеодосіемъ для кн. Николая Святоши. См. выше въ обзорѣ русскихъ писателей отдѣлъ: наши писатели изъ Грековъ.

Малала Іоаннъ. См. Іоаннъ Малала.

Максимъ Исповѣдникъ. Краткія выписки: 1. „О въсуштьнѣіемь и о въсобнѣемъ" (περὶ ἐνουσίου καὶ περὶ ἐνυποστάτου), и 2. „О единеніи, яко по десяти бываетъ образъ съединеніе",—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г. лл. 236 и 237. См. еще параграфъ: Пчела.

Меѳодій первоучитель, архіепископъ Моравскій. Меѳодій, выступившій на письменную дѣятельность, въ качествѣ переводчика съ греческаго на славянскій, послѣ смерти Константина, когда состоялъ въ санѣ архіепископа Моравскаго, по свидѣтельству его Паннонскаго житія, совершилъ переводы: 1. всѣхъ книгъ Свящ. Писанія, за исключеніемъ Маккавейскихъ, 2. Номоканона, „рекше закону правила", подъ которымъ должно разумѣть Номоканонъ Іоанна Схоластика, 3. того или другаго количества остающихся неизвѣстными „книгъ отеческихъ" [1]).

Меѳодія Патарскаго сочиненія: 1. О вещи и о самовластьствѣ (Περὶ αὐτεξουσίου), 2. О житіи и дѣяніи разумнѣ, 3. О воскресеніи въ трехъ словахъ, 4. О разлученіи яди и о юници, мѣнимѣй въ левитицѣ, 5. О проказеніи. 6. О піавици сущіи въ притчахъ,—читаются въ рукописяхъ XVI вѣка, но по признакамъ языка относятся учеными къ древнему времени (*Горск. и Невостр.* Опис. Сѵнодд. ркпп. № 110, Отд. II, 2, стр. 23). Изъ апокрифическаго „Слова о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ", усвояе-

---

[1]) Вмѣстѣ съ библіей „и номоканонъ, рекше закону правило, и отечьскыя книгы преложи": разумѣть подъ отеческими книгами, какъ разумѣютъ нѣкоторые, Патерикъ, совершенно неосновательно, ибо прежде монаховъ, которыхъ въ Моравіи при Меѳодіи еще и не было, ему нужно было позаботиться о міряпахъ.

маго Меѳодію Патарскому, дѣлаетъ выписку подъ 1096-мъ г., съ его именемъ, нашъ первоначальный лѣтописецъ. О словѣ см. изслѣдованіе *Сухомлинова*: О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, стр. 108, и *Невоструева*: Слово св. Ипполита объ антихристѣ, I, 73; а оно само напечатано *Тихонравовымъ* въ Памятникахъ отреченной русской литературы, II, 213 sqq.

Минеи-Четьи. Славянское Минея есть греческое прилагательное—μηναῖον (τό), съ подразумѣваемымъ существительнымъ βιβλίον, и значитъ: мѣсячникъ, мѣсячная книга. Въ приложеніи къ житіямъ святыхъ Минеями называются такіе сборники послѣднихъ, въ которыхъ онѣ собраны по мѣсяцамъ и расположены по днямъ мѣсяцевъ. Минеи, содержащія житія святыхъ, называются Четьими, что значитъ—назначенныя для чтенія, въ отличіе отъ Миней богослужебныхъ, содержащихъ службы (и называемыхъ въ иныхъ спискахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ пѣтіими,—Минеи-Четьи, Минеи-Пѣтіи). Когда у Грековъ житія святыхъ собраны были въ Минеи (помѣсячные сборники), остается неизвѣстнымъ, но не позднѣе начала IX вѣка, ибо о нашихъ Минеяхъ говоритъ преп. Ѳеодоръ Студитъ († 826) [1]. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ періодъ до-монгольскій мы имѣли въ славянскомъ переводѣ полный кругъ Четіихъ-Миней, хотя до настоящаго времени и сохранились отъ этого періода рукописи только немногихъ мѣсяцевъ. Не можетъ подлежать это сомнѣнію, во-первыхъ, потому, что вовсе нельзя представить, чтобы Болгары и мы—Русскіе могли обходиться безъ такихъ необходимыхъ для богослуженія (чтенія житій на утреняхъ) и такихъ важныхъ для частнаго чтенія книгъ, какъ наши Минеи,—во-вторыхъ, потому, что мы имѣемъ отъ періода до-монгольскаго рукописи нѣкоторыхъ мѣсяцевъ: нельзя допустить, чтобы переведены были нѣкоторые мѣсяцы по выбору или по случайной прихоти, а не всѣ вмѣстѣ (такъ какъ они составляютъ одно цѣлое), и если мы имѣемъ нѣкоторые мѣсяцы, то изъ сего необходимо слѣдуетъ, что они переведены были и всѣ [2]) (но въ какомъ составѣ и въ какой полнотѣ, это другой вопросъ. Общія свидѣтельства о существованіи у насъ въ періодъ до-монгольскій въ славянскомъ переводѣ житій святыхъ, не говорящія впрочемъ прямо того, чтобы житія были въ полномъ составѣ 12-ти мѣсяцовъ, находимъ у

---

[1]) Ἐγένετό μοι πολλῶν ἐντεύξις μαρτυρίων ἐν δώδεκα δέλτοις ἀποτετραμμένων,—въ Патрол. Миня t. 99 p. 912 (Epistolar. lib. 1 № 2).

[2]) Къ заключенію, что всѣ Минеи были одновременно переведены въ нашъ періодъ до-монгольскій, И. И. Срезневскій пришолъ чрезъ сличеніе языка позднѣйшихъ Миней съ языкомъ сохранившихся Миней до-монгольскихъ: онъ нашолъ, что въ позднѣйшихъ рукописяхъ Миней, въ которыхъ языкъ не подвергся поновленію, онъ—одинъ и тотъ же съ языкомъ Миней до-монгольскихъ, см. его Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LXIV, тома II, стрр. 377—398.

преп. Θеодосія Печерскаго, у первоначальнаго лѣтописца и у преп. Нестора. Преп. Θеодосій въ одномъ изъ своихъ поученій къ монахамъ, обличая послѣднихъ, говоритъ: „житія святыхъ почитающе (почитаемъ) и отъ тѣхъ затыкающе (затыкаемъ) уши своя, яко не слышати мужства ихъ", и еще: „помянемъ же святыя мученицы и тръпѣнію ихъ кто не почудится..., и преподобныя отця оны видимъ, въ колицѣ тръпѣніи житіе свое скончаша, ихже памяти творяще и житія ихъ почитающе, хвалимъ Творца"... [1]). Лѣтописецъ говоритъ подъ 1037-мъ г., по поводу устроенія библіотеки четіихъ книгъ Ярославомъ: „почитая пророческыя бесѣды и еуангельская ученья и апостольская и житья святыхъ отецъ, въспріемлеть души велику ползу". Преп. Несторъ говоритъ въ житіи свв. Бориса и Глѣба, что „блаженныи Борисъ, взимаше книгы и чтяше... чтяше же житія и мученія святыхъ" [2]).

Рукописей Четіихъ-Миней, сохранившихся отъ до-монгольскаго періода до настоящаго времени, пока извѣстно только двѣ. Онѣ суть:

Рукопись XI вѣка, содержащая мѣсяцъ Мартъ, найденная въ уніатскомъ Супрасльскомъ монастырѣ, находящемся недалеко отъ Бѣлостока (Гродненской губерніи,—томъ самомъ, который извѣстенъ по своей типографіи) и поэтому обыкновенно называемая „Супрасльской рукописью" (описаніе Минеи, сдѣланное *Востоковымъ*, въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Н., кн. II, вып. 2, стр. 80 [3]). Самая Минея издана *Миклошичемъ* подъ заглавіемъ: Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi,—Vindobonae, 1851). Въ рукописи не сохранилось нѣсколькихъ начальныхъ листовъ и она начинается не началомъ житія муч. Павла и сестры его Іуліяніи, 4 Марта; затѣмъ въ ней читаются житія святыхъ не на всѣ дни Марта, а съ пропускомъ нѣкоторыхъ дней (8, 14—17 и 25—29 чиселъ); вмѣстѣ съ житіями помѣщены слова святыхъ отцовъ на праздники: одно Василія В., 20 Іоанна Златоустаго, одно Епифанія Кипрскаго и одно патр. Фотія.

Рукопись XII (или, можетъ быть, начала XIII) вѣка, содержащая мѣсяцъ Май, находящаяся въ библіотекѣ Московскаго Успенскаго собора (Обстоятельное описаніе *А. Н. Попова* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1879-го г., кн. I, Библіографф. Матерр. Житія святыхъ также не на всѣ дни, а только на нѣкоторые; вмѣстѣ съ житіями также слова отцовъ: 17 Іоанна Златоустаго, одно Іоанна Дамаскина, одно Евсевія Александрійскаго, одно Андрея Критскаго).

---

[1]) По изд. преосв. Макарія поученіе VI.

[2]) По изд. Бодянск. стр. 4.

[3]) Востоковъ сдѣлалъ свое описаніе не по подлиннику, а по снятому для него списку. Но въ спискѣ допущены пропуски (пропущены два житія и два слова Златоустаго, началъ которыхъ, за утратою листовъ, нѣтъ въ рукописи).

Отдѣльныя житія и отдѣльныя повѣсти изъ Четіихъ-Миней, которыя сохранились въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ или о которыхъ знаемъ по упоминаніямъ и по указаніямъ въ памятникахъ періода до-монгольскаго, суть:

Житіе *Антонія Великаго*, написанное Аѳанасіемъ Александрійскимъ, было переведено въ Болгаріи неизвѣстнымъ по повелѣнію архіепископа Болгарскаго Іоанна (вѣроятно) въ тридцатыхъ годахъ XI вѣка (Славяно-русскія рукописи Ундольскаго, № 231 л. 236, cfr нашу книгу: Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей Болгарск., Сербск. и Румынск., стр. 709 нач.). Житіе было переведено не со всѣмъ мѣсяцемъ, въ которомъ память Антонія, а отдѣльно отъ него или само по себѣ. Это можетъ быть понимаемо двояко: или такъ, что изъ всего мѣсяца, остававшагося еще непереведеннымъ, было взято одно оно, или такъ, что въ мѣсяцѣ, уже переведенномъ, его не находилось. Гораздо вѣроятнѣе послѣднее, какъ заставляетъ понимать себя и запись о переводѣ. А причиной, почему житіе Антонія не помѣщалось въ Четь-Минеѣ, а писалось отдѣльно, могла быть его очень большая сравнительно обширность. На житіе преп. Антонія ссылаются—Несторъ въ житіи преп. Ѳеодосія,—по изд. Бодянск. л. 11 и Ефремъ въ житіи Аврамія Смоленскаго, — Правосл. Собесѣдн. 1858-го г. ч. III, стр. 142. Память Антонія въ древнее время была, какъ и теперь есть, 17-го Января.

„Мѣсяца Ноября въ 8 день, повѣсти и откровеніе преподобнаго отця нашего *Архипа пустынника* парамонаря всеславьнаго и чьстнаго храма (арх)ангела Михаила въ Хонѣхъ", *Нач.* „Начало ицѣленія даровъ и благодатію даныихъ намъ Богомъ"., въ Троицкомъ Лаврскомъ Сборникѣ конца XII—начала XIII в., л. 38 об. Въ Менологіи импер. Василія, какъ и въ нынѣшнихъ святцахъ, воспоминаніе о чудѣ, совершившемся по молитвамъ преп. Архиппа, подъ 6-мъ Сентября.

Житіе великомученика *Евстаѳія Плакиды*. О существованіи его перевода даетъ знать Несторъ въ житіи Бориса и Глѣба,—по изд. Бодянск. стр. 3. Память 20 Сентября.

Житіе *Евѳимія Великаго*. На существованіе его перевода намекается въ одномъ изъ поученій преп. Ѳеодосія Печерскаго,— по изд. преосв. *Макарія:* III, 1 fin., и въ житіи Аврамія Смоленскаго,—Правосл. Собесѣдн. стр. 142. Память 20 Января.

Житіе *Иларіона Великаго*. На существованіе его перевода намекается въ томъ же житіи Аврамія Смоленскаго,—ibidd. Память 21 Октября.

Житіе *Іоанна Златоустаго*. На него дѣлается ссылка въ томъ же житіи Аврамія Смоленскаго,—ibid. стр. 145 fin. Память его праздновалась и празднуется 13 Ноября (скончался 14 Сентября), а воспоминаніе перенесенія его мощей—27 Января.

Житія *Кодрата* мученика, которое есть въ Супрасльской рукописи, такъ какъ память его 10 Марта, сохранились еще два отдѣльные листка

XI вѣка, по другому противъ Минеи переводу (*Востоковъ* въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. А. Н., кн. II, вып. 2, стр. 65, *Срезневск.* Древніе памм. Р. п. и яз., стрр. 21 col. 2 и 169 col. 1; весь сохранившійся отрывокъ съ фотографич. снимкомъ письма въ приложж. къ книгѣ втораго).

Житіе преп. *Нифонта* (епископа Констанціи Кипрской, будто бы IV в.), апокрифическое (отзывъ о немъ патр. Николая Грамматика, † 1111, съ соборомъ, въ Никоновск. Кормч. гл. 54, л. 582, вопр.—отв. 19), находится въ рукописи Троицкой Лавры 1219-го г., № 35 (см. о немъ въ Извѣстіяхъ Акад. Н. т. X, стр. 374, и въ статьѣ *Костомарова*: Мистическая повѣсть о Нифонтѣ,—Историчч. моногрр. и изслѣдд. I, 291; фотографическій снимокъ письма въ приложж. къ помянутой книгѣ Срезневскаго [1]. Замѣтимъ здѣсь кстати, что подпись на рукописи понимается неправильно: послѣдняя писана не Іоанномъ и Алексѣемъ для Кирилла, а наоборотъ Кирилломъ для Іоанна и Алексѣя; слѣдовательно, Кириллъ просто писецъ и болѣе ничего. Часть житія по ркп. XVI в. напечатана Обществомъ любителей древней письменности,—издд. Общ. № XXXIX). Должно думать, что житіе Нифонтово, какъ апокрифическое, не было вносимо въ Минеи и было переведено отдѣльно. Память Нифонта, весьма рѣдкая въ древнихъ святцахъ (но уже читаемая въ святцахъ глаголическаго Ассеманіева евангелія)—23 Декабря.

Житіе священномученика *Панкратія*, епископа *Тавроменійскаго* (въ Сициліи, ученика ап. Петра), подобно Нифонтову апокрифическое (см. *Lambec.* Commentarr. t. VIII, ed. Kollarii p. 199 sqq и *Fabric. Biblioth.* Gr., ed. Harles, X, 303, также въ выпускѣ первомъ сборника статей *А. Н. Веселовскаго*: „Изъ исторіи романа и повѣсти", Спб. 1886, статью: „Эпизодъ о Таврѣ и Меніи въ апокрифическомъ житіи св. Панкратія", стр. 65) переведено въ Болгаріи неизвѣстнымъ, вмѣстѣ съ помянутымъ житіемъ Антонія Великаго, по повелѣнію архіепископа Болгарскаго Іоанна (см. нашей указанной тамъ книги стр. 708 fin.). Житіе Панкратіево, весьма рѣдкое и на греческомъ и на славянскомъ, подобно житію Нифонтову и по той же причинѣ, вѣроятно, не было помѣщаемо въ Минеяхъ. Память Панкратія—9-го Февраля и 9-го Іюля (въ Менологіи импер. Василія подъ первымъ числомъ).

Житіе преп. *Романа*, творца каноновъ, *сладкопѣвца*. На существованіе славянскаго перевода житія намекаетъ Несторъ въ житіи Бориса и Глѣба,—по изд. *Бодянск.* стр. 4 fin. Память Романа 1-го Октября.

Житіе преп. *Саввы освященнаго*. На существованіе его перевода намекается въ одномъ изъ поученій преп. Θеодосія Печерскаго, — по изд.

---

[1]) На снимкѣ у Срезневск. рукопись написана: „въ лѣто ѕѱкз", а въ Описаніи ркпп. Лавры подпись читается: „въ лѣто 6730 (1222)". Полагаемъ, что ошибается Описаніе, а не фотографія Срезневскаго.

преосв. *Макарія*: III, 1 fin., и на него ссылаются Несторъ въ житіи преп. Ѳеодосія,—по изд. *Бодянск.* л. 23 об., и Ефремъ въ житіи Аврамія Смоленскаго,—въ Правосл. Собесѣдн. стр. 142. Память Саввы 5 Декабря.

Житіе *Ѳеклы первомученицы*. Сохранились отъ него два листка XI вѣка (*Восток.* и *Срезневск.* въ мѣстахъ, цитованныхъ подъ житіемъ Кодрата; весь сохранившійся отрывокъ съ фотографич. снимкомъ письма въ приложж. къ книгѣ втораго). Память Ѳеклы 24 Сентября.

Житіе преп. *Ѳеодосія Великаго*. На существованіе славянскаго перевода житія намекается въ житіи Аврамія Смоленскаго,—Правосл. Собесѣдн. стр. 142. Память Ѳеодосія 11 Января.

Максимъ исповѣдникъ. Выписка „Отъ того, како въселися слово, чьто ли е вселеніе", *Нач.* „Въселеніе нѣ по коему своитьну разуму подоба разумѣвати" читается въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 8.

Михаилъ Синкеллъ Іерусалимскій (первой половины IX вѣка). Его „Написаніе о правѣй вѣрѣ" (Λίβελλος περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως,—книжка о правосл. вѣрѣ) съ статьей о шести вселенскихъ соборахъ, принадлежащей ему же или неизвѣстному, читается въ Изборникѣ Святославовомъ 1073-го г., л. 20 об., и въ до-монгольской Кормчей книгѣ, см. выше стр. 655. Авторъ повѣсти о крещеніи Владимировомъ, помѣщенной въ лѣтописи, влагаетъ это написаніе, въ сокращенномъ видѣ, въ уста епископа Корсунскаго, поучающаго новокрещеннаго Владимира (при чемъ у автора повѣсти соборовъ вселенскихъ не шесть, а уже семь, см. *Сухомлинова*: О древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, стр. 65 sqq.—Не мѣшаетъ на всякій случай замѣтить, что по Святославову Изборнику въ Написаніи читается: „Сынъ единосущьнъ Отцю", а по повѣсти въ лѣтописи: „Сынъ подобосущенъ Отцю").

Никонъ Черногорецъ, монахъ одного изъ монастырей [1]), находившихся близь Антіохіи, на такъ называвшейся Черной горѣ [2]) (откуда прозваніе), сосѣдней съ горою Сvмеона Столпника, жившій во второй половинѣ XI вѣка [3]). Онъ составилъ два весьма обширные сборника, изъ ко-

---

[1]) Монастыря τῆς ἁγίας Θεοτόκου τῆς ʽΡαϊθοῦ. Этотъ Антіохійскій Раиѳъ, само собою разумѣется, должно отличать отъ Синайско-Палестинско-Арабскаго, находившагося въ верховьяхъ восточнаго (древняго Еланитскаго) залива Краснаго моря.

[2]) По картѣ Киперта Европейской и Азіатской Турціи, въ рѣку Наръ-ел-Аси, древній Оронтъ, на которой стоитъ Антіохія, впадаетъ съ правой стороны, не далеко отъ послѣдней, текущій съ сѣвера ручей Кара-су, что значитъ по турецки — черная вода. А вправо отъ верховьевъ ручья селеніе Кара-бабъ, что значитъ — черныя ворота.

[3]) По предисловію къ Пандектамъ позднѣйшаго неизвѣстнаго писателя Никонъ составилъ ихъ въ правленіе импер. Константина Дуки (см. Опис. Сvнодд. ркпп. *Горск. и Невостр.* №№ 217—225, Отд. II, 3, стр. 21), а Константинъ Дука занималъ престолъ съ 1059 по 1067 г. Во время жизни Никона имѣло мѣсто взятіе

торыхъ одинъ называется Пандектомъ или Пандектами (Πανδέκτης,—ται—Сборникъ), другой—Тактикономъ (Τακτικόν—Чиновникъ, Чиновная книга). Первый сборникъ, раздѣленный на двѣ части и 63 слова (36 въ первой части и 27 во второй) [1] и представляющій „съчетаніе" или собраніе выписокъ изъ отцовъ, посвященъ главнымъ образомъ христіанскому нравоученію (общему и монашескому), имѣя своею цѣлію, какъ сказано въ его заглавіи, наставлять и поспѣшествовать подвизающихся на всякое дѣло духовное; второй сборникъ, состоящій изъ 40 словъ, отчасти имѣетъ своимъ предметомъ то же самое, что и первый, главнымъ же образомъ есть именно книга чиновная въ отношеніи къ богослуженію и къ внѣшне-узаконенной христіанской жизни, занимающаяся изысканіями и дѣлающая предписанія относительно устава перваго и внушающая соблюденіе „преданныхъ намъ отъ святыхъ отецъ образовъ" относительно второй. Пандекты, въ большомъ или меньшемъ сокращеніи, были переведены на славянскій языкъ еще въ періодъ домонгольскій: есть списки этого перевода, которые относятъ къ XII вѣку (см. *И. И. Срезневскаго*: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № LV, т. II, стр. 217 sqq. О сокращенности первоначальнаго, домонгольскаго, перевода см. у *Горск.* и *Невостр.* ibid. стр. 21, а о послѣмонгольскомъ полномъ переводѣ вмѣстѣ съ переводомъ Тактикона ibid. стр. 24 sub fin. и 35. Оба сборника напечатаны на славянскомъ въ Почаевѣ въ 1795,—о напечатанномъ переводѣ, несправедливо принимаемомъ за новый по неправильному пониманію слова „переводъ" въ его послѣсловіи—ibid. стр. 37). По множеству выписокъ изъ отцовъ Пандекты и Тактиконъ Никона представляли собой цѣлую библіотеку; только библіотекой этой могли пользоваться весьма не многіе, ибо по причинѣ дороговизны книгъ въ домонгольскій періодъ огромные сборники Никона, нѣтъ сомнѣнія, составляли величайшую рѣдкость. Характеристическую черту Никона составляетъ то, что онъ проповѣдуетъ истинное христіанское благочестіе противъ благочестія фарисейскаго. По этому своему свойству онъ несомнѣнно имѣлъ весьма важное

Антіохіи Турками, (ibid. стр. 40), а оно случилось въ 1085 г.; онъ дожилъ до появленія въ Азіи крестоносцевъ (ibid. стр. 51), а послѣдніе взяли именно самую Антіохію въ 1098 г. Изъ патріарховъ Антіохійскихъ, бывшихъ современниками Никона, онъ упоминаетъ Θеодосія и Іоанна (ibid. стрр. 40 и 43), а патріархи эти (по патр. Константиноп. Констанцію въ статьѣ Περὶ τῶν ἐν 'Αντιοχείᾳ πατριαρχευσάντων) занимали каѳедру—первый съ 1075 г. въ продолженіе девяти лѣтъ, второй (имѣвшій своимъ предшественникомъ послѣ Θеодосія еще Никифора) съ 1090 г. неизвѣстное время.

[1]) Оглавленіе Пандектовъ Никона на греческомъ — въ Патрологіи Миня, t. 106, col. 1359 ('Ερμηνεῖαι τῶν θείων ἐντολῶν, cfr въ славянскомъ печатномъ „предисловія настоящаго сочетанія" л. 2, отъ письма Никона къ киръ Петру).

значеніе въ поднятомъ у насъ во второй половинѣ XV в. такъ называемыми заволжскими старцами реформаціонномъ движеніи.

Нила подвижника ***Синайскаго*** († ок. 450 г.) переводъ сочиненія „О молитвѣ главизнъ 153" читается въ рукописи конца XIV или начала XV вѣка, но по языку относится учеными къ древнему времени,—*Горск.* и *Невостр.* Описанія Сѵнодд. ркпп. № 154, Отд. II, 2, стр. 283).

Палей, какъ мы сказали въ общемъ обзорѣ, у насъ существовало въ періодъ домонгольскій двѣ—пространная и краткая. Первая получила у насъ въ старое время названіе Палеи толковой („Толковая Палея на Іудея"), при чемъ за толкованія принимались находящіяся въ ней полемическія отступленія отъ историческаго повѣствованія или полемическіе екскурсы, сопровождающіе это послѣднее; вторая Палея надписывается: „Книга бытія небеси и земли" и называется Палеей исторической. О первой Палеѣ см. изслѣдованіе *Сухомлинова* О древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, стр. 54 sqq., *Срезневскаго* Древніе памм. Р. п. и яз., стр. 55 col. I, и *В. Успенскаго* изслѣдованіе: „Толковая Палея", Казань, 1876. Древнѣйшіе извѣстные списки этой Палеи: Александроневской Лавры XIV в., неполный (Срезн. ibidd.), и Троицкой Лавры 1406-го г. № 38. По второму списку Палея напечатана учениками Тихонравова въ 1892—1896 г. (такъ какъ списокъ написанъ въ Коломнѣ, то Палею называютъ Коломенской), а по сѵнодальному списку 1477-го года часть Палеи напечатана Обществомъ любителей древней письменности,—№ XCIII, 1892. Палея историческая напечатана *А. Н. Поповымъ* въ I кн. Чтеній Общ. Ист. и Древн. за 1881-й годъ, при чемъ см. о ней ученое предисловіе издателя, а ея греческій подлинникъ напечатанъ въ изданіи *А. В. Васильева*: Anecdota Graeco—Byzantina, Mosquae, 1893, p. 188.

Пателарейскій Іоаннъ. См. Іоаннъ Пателарейскій.

Патерики. О существованіи у насъ въ періодъ домонгольскій въ славянскомъ переводѣ греческихъ Патериковъ имѣемъ свидѣтельства въ Несторовомъ житіи преп. Θеодосія и въ Патерикѣ Печерскомъ [1]), и за-

---

[1]) Несторъ въ приступѣ къ житію преп. Θеодосія говоритъ: „пишеть въ отечьскыихъ книгахъ, слабу быти послѣднюму роду",—изд. *Бодянск.* л. 1 об., въ каковыхъ словахъ подъ отечьскыми книгами совершенно вѣроятно разумѣть Патерикъ (cfr преосв. *Макарія* Ист. т. II, 2-го изд. стр. 205). Симонъ въ собственномъ письмѣ къ Поликарпу, предшествующемъ повѣстямъ, пишетъ: „ты же, брате, не днесь похваляя лежащихъ на трапези и утро на варящаго и на служащаго брата ропщеши, и симъ старѣишинѣ пакость твориши, и обрящешися мотылу ядый, якоже въ Патерицѣ написано; егда яси или піеши благохвали Бога, егда бо видѣ онъ старець хулящихъ (брашна) — мотылу ядущихъ, хвалящихъ — медъ ядущихъ; въ повѣсти о Святошѣ пишетъ: „послушай блаженаго Евагріа: „„мнихъ, аще съгрѣшитъ, праздника на землѣ не имать"", въ каковыхъ словахъ дѣлается ссылка на Патерикъ, и въ повѣсти о черноризцѣ Ареθѣ пишетъ: „аще бы се было мало, не-

тѣмъ еще знаемъ одно описаніе монастырской библіотеки, относящееся къ нашему времени, въ которомъ называются рукописи, содержащія Патерики [1]). Въ Московской Сунодальной библіотекѣ есть рукопись XII—XIII в., содержащая Патерикъ Синайскій или Лимонарь Іоанна Мосха [2]). Въ позднѣйшихъ нашихъ рукописяхъ, кромѣ Патерика Синайскаго или Лимонаря, находятся Патерики греческіе: Азбучный, Скитскихъ нѣсколько, Египетскій и Іерусалимскій. Который или которые изъ этихъ Патериковъ разумѣютъ Симонъ и Поликарпъ, остается недознаннымъ, но по всей вѣроятности Азбучный, о которомъ Востоковъ, на основаніи его языка, говоритъ, что „переводъ его сдѣланъ у Болгаръ въ древнемъ еще періодѣ ихъ словесности" (Опис. Рум. Муз. стр. 437 col. 1). Патерикъ Азбучный (называемый иногда и Скитскимъ, у Восток. № 307) содержитъ житія и преимущественно нравоучительныя повѣсти и бесѣды древнихъ знаменитыхъ подвижниковъ, расположенныя въ азбучномъ порядкѣ именъ этихъ послѣднихъ; оглавленіе Патерика у Востокова № 307 и въ Описаніи рукописей Троицкой Лавры № 701. Патерикъ этотъ представляетъ собою расположенное сейчасъ указаннымъ образомъ извлеченіе изъ Великаго Лимонаря, составленнаго послѣ половины V вѣка [3]) и въ подлинникѣ до насъ не дошедшаго, и погречески надписывается: Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων γερόντων, см. покойнаго *П. С. Казанскаго* статью: Объ источникахъ для исторіи монашества Египетскаго въ IV и V вѣкахъ, стр. 5 sqq. Патериковъ Скитскихъ [4]) по нашимъ русско-славянскимъ рукописямъ извѣстно

бы онъ старець, иже въ Патерицѣ, молился Богови, да пріидуть нань разбойници и вся его возмуть, услышанъ же Богомъ, вся сущая въ руци ихъ предасть". Поликарпъ въ повѣсти о преп. Маркѣ Печерникѣ говоритъ: „древнихъ убо святыхъ подражающе мы грѣшніи писанію, еже они изъяснища и многимъ трудомъ взыскавше въ пустыняхъ и горахъ и пропастехъ земныхъ, инѣхъ убо сами видѣвше, инѣхъ же слышавше, житіа и чюдеса и дѣла богоугодная преподобныхъ мужъ написаша... еже есть Патерикъ, еже мы почитающе наслаждаемся духовныхъ тѣхъ словесъ".

[1]) См. въ Актахъ Русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, Кіевъ, 1873, греческую опись имущества монастыря Ксилургу 1143 г., № 6, стр. 56 нач.: между русскими книгами называются два Патерика (Πατερικὰ β').

[2]) XII вѣка по *Срезневскому*, — Древнн. памм. Р. п. и яз., стр. 40 col. 1; XIII в. *по Ундольскому*, см. его Библіографическія разысканія, по случаю выхода Описанія библіотеки... Общества Исторіи и Древн... сост. П. М. Строевымъ, стр. 76. Подробно объ рукописи у *Срезневск.* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ, № LXXXII (Здѣсь Срезневск. относитъ рки. даже къ XI—XII в.).

[3]) Особаго отъ Лимонаря Іоанна Мосха, который † 620 г. (Fabric. Biblioth. Gr., ed. Harles, X, 124) и старшаго, чѣмъ онъ.

[4]) Названіе Скитскій отъ знаменитой пустыни Скитской, въ которой подвизался и собралъ тысячи монаховъ св. Макарій Египетскій, — *Казанскаго* Исторія православнаго монашества на Востокѣ, II, 54 sqq.

нѣсколько,—*Ундольск.* ibid. стр. 78 и *Строевъ* въ Опис. ркпп. Царскаго № 293 [1]). О томъ, что одинъ изъ нихъ представляетъ собою параллельное къ Патерику Азбучному извлеченіе изъ Великаго Лимонаря, только сдѣланное не въ алфавитномъ, а въ систематическомъ порядкѣ (и какъ будто однимъ лицомъ съ нимъ), см. *Казанск.* ibid. стр. 7 sqq, а въ сдѣланной у него ссылкѣ на Опис. Сѵнодл. ркпп. Горск. и Невостр. ошибка или опечатка: вмѣсто „№ 121" нужно „№ 153, л. 121". Патерикъ Египетскій есть Лавсаикъ Палладіевъ,—*Казанск.* ibid. стр. 44. А что такое Патерикъ Іерусалимскій, это остается неизвѣстнымъ, см. Ундольск. ibid. стр. 77.—Вопросъ о Патерикахъ еще ожидаетъ своего обстоятельнаго разъясненія.

Патріархи,—12 сыновей Іакова. См. ниже апокрифы.

Петръ недостойный. См. ниже Сборникъ библіотеки Троицкой Сергіевой Лавры.

Поученіе сыномъ и дщеремъ духовнымъ. Нач. Благій и преблагій Богъ, рекыи пророкомъ: повѣдайте прѣвое грѣхи своя"...,—въ домонгольской Кормчей книгѣ, см. выше стр. 652, § 8.

Прологъ. Славянское прологъ есть греческое πρόλογος, а греческое πρόλογος отъ πρό—предъ, впереди и λέγω—говорю, значитъ предварительную, предшествующую рѣчь и употребляется въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ въ значеніи предисловія (въ какой-нибудь книгѣ). Какимъ образомъ случилось, что собранію сокращенныхъ житій святыхъ, которое у Грековъ называется Синаксаріемъ (Συναξάριον) [2], дано у насъ названіе Пролога, остается неизвѣстнымъ и необъясненнымъ. Полагаютъ, что въ греческомъ подлинникѣ Синаксаря, который впервые переведенъ былъ на славянскій языкъ, было предисловіе, надписанное, какъ погречески предисловіе, — πρόλογος, и что это надписаніе предисловія принято было за названіе самой книги (которая и была такимъ образомъ названа пославянски Прологомъ). Можетъ быть, это и такъ; однако, подобное странное и единственное въ своемъ родѣ недоразумѣніе намъ представляется очень сомнительнымъ и мы подозрѣваемъ, что наше названіе Синаксаря взято изъ неписьменнаго, живаго, греческаго языка, въ которомъ Синаксарь

---

[1]) Срезневскій въ своей Славяно-русской палеографіи, стр. 216, указываетъ находящійся въ Сѵнодальной библіотекѣ Скитскій Патерикъ 1296 г. Если почтенный ученый не самъ даетъ названіе Патерику, а заимствуетъ его изъ рукописи, то думаемъ, что послѣднею разрѣшался бы вопросъ о древнѣйшемъ и въ собственномъ смыслѣ Патерикѣ Скитскомъ.

[2]) Греческое названіе Συναξάριον происходитъ не отъ συνάγω—свожу, собираю (житія святыхъ въ одно мѣсто), а отъ σύναξις—собраніе (вѣрующихъ въ церковь для празднованія какого-либо праздника) и значитъ не сборникъ житій, а книгу праздниковъ (въ древнѣйшее время Синаксарями назывались Уставы,—*Дюк.* Gloss. Graec., сл. συναξάρια, и потомъ уже это названіе перешло на наши Прологи, какъ на книги праздничныхъ чтеній).

могъ называться Прологомъ въ смыслѣ чтенія, такъ какъ слово πρόλογος, кромѣ своего указаннаго значенія, могло употребляться еще въ значеніи чтенія (именно чтенія передъ кѣмъ-нибудь, въ слухъ кого-нибудь, нѣмецк. Vorlesung, Vortrag), а прологъ читался за богослуженіемъ [1]). Въ частныхъ греческихъ церквахъ, — въ епископіяхъ и митрополіяхъ, сокращенныя житія мѣстныхъ святыхъ, вѣроятно, появились очень рано. Общій сборникъ такихъ житій (сокращенныхъ) святыхъ всей греческой церкви или обще-греческій Синаксарь, сколько извѣстно теперь, былъ впервые составленъ въ концѣ X—началѣ XI вѣка, по приказанію императора Василія Булгаробойца (Синаксарь или Прологъ этотъ, содержащій вмѣстѣ съ текстомъ и изображенія святыхъ,—лицевыя святцы, изданъ въ 1727 г. въ Urbini, въ трехъ частяхъ, кардиналомъ Альбани подъ заглавіемъ Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris Graece olim editum; обычное названіе Синаксаря — Менологій импер. Василія [2]). Послѣ этого перваго Пролога въ послѣдующее время явились у Грековъ и другіе Прологи, которые относятся къ нему отчасти какъ его новыя редакціи, а отчасти и какъ труды самостоятельные. Древнѣйшая извѣстная рукопись славянскаго Пролога относится къ 1229 г.; но эта рукопись, находившаяся въ библіотекѣ Московскаго профессора Баузе, не сохранилась до настоящаго времени,—она погибла въ Московскій пожаръ 1812 г., и какой Прологъ она содержала, остается неизвѣстнымъ (*Срезневск.* Древн. памм. Р. п. и яз., 49). Послѣдующіе древнѣйшіе славянскіе Прологи, начиная съ половины XIII вѣка [3]), представляютъ собою переводъ Синаксаря (Менологія) импер. Василія, но не въ его подлинномъ видѣ, а въ позднѣйшей, дополненной и распространенной, редакціи [4]). Весьма вѣроятно принимать, что Прологъ явился у насъ въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ Болгарами или нами самими, въ самое первое время нашего христіанства. А такъ какъ вторая или вторичная редакція Синаксаря Василіева не могла явиться у Грековъ тотчасъ же послѣ изданія имъ своего труда, а явилась, конечно, болѣе или менѣе, не скоро: то весьма вѣроятно предполагать, что въ пе-

---

[1]) Слово πρόλογος могло быть еще употребляемо въ смыслѣ сокращенія; сокращенной передачи, сокращеннаго изложенія чего-нибудь (ученый читатель пусть припомнитъ прологи греческихъ классическихъ трагедій и комедій), а наши Прологи представляютъ собою сокращеніе по отношенію къ Четіимъ-Минеямъ.

[2]) Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о немъ можно читать въ Полномъ Мѣсяцесловѣ *преосв. Сергія*, I, 217.

[3]) Списокъ ихъ у *преосв. Сергія* ibid., стр. 243 sqq. Относительно года Пролога Лобковскаго (нынѣ Хлудовскаго, въ Опис. у *Попова* № 187) мы не согласны съ преосв. Сергіемъ, а согласны съ тѣми, которые относятъ его къ 1262 г. — Галичско-Волынская лѣтопись подъ 1288 г. говоритъ, что Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ „Прологы списа 12 мѣсяца“ (Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 609 fin.).

[4]) Преосв. Сергій ibidd.

ріодъ домонгольскій Прологъ существовалъ у насъ въ двухъ редакціяхъ— собственной Васпліевой (представлявшей переводъ его Менологія) и вторичной (извѣстной нынѣ).

Пчела. Въ нашей старой переводной письменности Пчелой назывался особаго рода сборникъ, именно—сборникъ краткихъ изреченій (афоризмы, ἀποφθέγματα, loci communes), которыя, бывъ выбраны изъ Свящ. Писанія, изъ отцовъ и учителей церкви и изъ свѣтскихъ греческихъ, дохристіанскихъ или классическихъ, писателей, содержатъ наставленія главнымъ образомъ относительно нравственности христіанской и вообще человѣческой, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, а отчасти относительно и всего житейско-общественнаго добро-и-благоповеденія, и которыхъ выборъ или сводъ расположенъ въ систематическомъ порядкѣ, по предметамъ нравоученія и благоповеденія. Первый подобный сборникъ между греческими церковными писателями составилъ преп. Максимъ исповѣдникъ († 662), который назвалъ свой трудъ, раздѣленный на 71 главу: Κεφάλαια θεολογικὰ ἤτοι ἐκλογαὶ ἐκ τῶν διαφόρων βιβλίων τῶν τε καθ'ἡμᾶς καὶ τῶν θύραθεν, т. е. Главы богословскія или выборъ изъ писателей нашихъ (христіанскихъ) и внѣшнихъ (языческихъ) [1]. Затѣмъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ составилъ два подобные сборника, расположенные по буквамъ греческой азбуки, съ подраздѣленіемъ статей, читаемыхъ подъ каждой буквой, на то или другое количество титлъ, которые оба назвалъ Ἱερὰ παράλληλα (Τὰ ἱερὰ παράλληλα, Παράλληλα ἕτερα),—Священныя подобія (что значитъ выписку изъ священныхъ и несвященныхъ писателей и сводъ мѣстъ, подобныхъ по содержанію) [2]. Наконецъ, нѣкій монахъ Антоній, неизвѣстно— гдѣ и когда жившій, составилъ четвертый подобный сборникъ, состоящій изъ двухъ книгъ и изъ 175 въ обѣихъ книгахъ главъ (75 въ первой кн. и 100 во второй). Послѣдній изъ этихъ писателей и назвалъ свой антологическій (ἀνθολογία) сборникъ Пчелой (Μέλισσα), съ тою, какъ должно подразумѣвать, мыслію, что онъ собралъ у себя изреченія изъ отцовъ и писателей на подобіе того, какъ пчела собираетъ медъ съ цвѣтовъ [3]). Изъ сборниковъ Максимова и Антоніева были составляемы новые сборники чрезъ соединеніе по выбору изреченій, приводимыхъ тѣмъ и другимъ, и за этими новыми сборниками также удержано было названіе Пчелы. Наша славянская Пчела представляла собой переводъ одного изъ сейчасъ указанныхъ послѣднихъ сборниковъ, т. е. такихъ, въ которыхъ Максимъ

---

[1]) Въ Патрологіи *Миня* t. 91.

[2]) Обои Παράλληλα ibid., tt. 95 и 96.

[3]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ сборника Антоній самъ называется Пчелой,— Μέλισσα, отъ чего и извѣстенъ вообще у ученыхъ подъ названіемъ Мелиссы; въ другихъ же спискахъ говорится, что онъ назвалъ Пчелой свой сборникъ,—*Fabric.*, ed. Harl., IX, 744 (относительно послѣдняго обстоятельства прим. n., съ указаніемъ на Lambec. V, 19). Сборникъ—въ Патрологіи *Миня*, t. 136.

и Антоній соединяются вмѣстѣ [1]). Иные полагаютъ, что Пчелою пользовался извѣстный Даніилъ Заточеникъ въ своемъ словѣ, изъ чего слѣдовало бы, что она была переведена на славянскій языкъ уже въ періодъ домонгольскій; но спеціальные изслѣдователи языка Пчелы полагаютъ, что она переведена не ранѣе XIV вѣка. См. о ней *Сухомлинова* „Замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ“,—въ Извѣстт. Акад. Н., т. II стр. 222, *Безсонова* статью „Книга Пчела“ во Временникѣ Общ. Ист. и Древн., кн. XXV, и *Михайлова* статью: „Къ вопросу о греко-византійскихъ и славянскихъ сборникахъ изреченій“ въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1893, Январь. Двѣ редакціи самой Пчелы напечатаны — одна въ Сборникѣ Отд. русск. яз. и слов. Акад. Н., т. 54, 1893, другая въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1895 г. кн. II (На основаніи Пчелы предки наши могли приводить изреченія весьма многихъ классическихъ ученыхъ и знаменитыхъ мужей, см. у Сухомл. стр. 233 прим., чѣмъ заставляютъ иныхъ наивныхъ людей предполагать свою собственную великую ученость).

Сборники. Въ древнее время, при отсутствіи книгопечатанія и при существованіи рукописанія, притомъ на пергаминѣ и уставомъ, составлять библіотеки изъ разныхъ отцовъ и писателей въ полныхъ собраніяхъ ихъ твореній было дѣломъ весьма дорогимъ и для большинства читающихъ людей совершенно недоступнымъ. Поэтому въ древнее время (какъ и во все позднѣйшее до введенія книгопечатанія) у насъ, вслѣдъ за Греками, достигали возможности имѣть разнообразное чтеніе такимъ образомъ, что составляли сборники изъ отдѣльныхъ твореній разныхъ отцовъ и изъ краткихъ, отрывочныхъ, выписокъ изъ ихъ твореній. Отъ періода домонгольскаго сохранились до настоящаго времени сборники:

„Изборникъ“ Святославовъ, написанный въ 1073 г. для вел. кн. Изяслава Ярославича, но потомъ перешедшій къ брату его Святославу, отъ котораго и получилъ названіе, представляющій собою переводъ греческаго сборника, сдѣланный по приказанію болгарскаго князя Симеона, и надписанный: „Съборъ отъ многъ отецъ тълкованія о неразумьныихъ словесьхъ въ еуаггеліи и въ апостолѣ и въ инѣхъ книгахъ, въкратъцѣ съложено на память и на готовъ отвѣтъ“. Главное содержаніе сборника составляютъ и бо́льшую часть его занимаютъ Анастасія Синаита „Отвѣти противу нанесеныимъ ему отвѣтомъ (вопросомъ) нѣ отъ какихъ (отъ нѣкакихъ) правовѣрьнихъ о различьныихъ главизнахъ“, а потомъ въ сборникѣ выписки изъ твореній и краткія творенія: Василія Великаго, Кирилла Александрійскаго, Исидора Пелусіота, Іустина философа, Григорія

[1]) Г. Безсоновъ въ статьѣ, которую цитуемъ сейчасъ ниже, наклоненъ думать, что соединеніе Максима съ Антоніемъ сдѣлано славянскимъ переводчикомъ. Но подобныя соединенія извѣстны и на греческомъ, см. Fabric. IX, 744, и предисловіе къ Антонію въ Патрол. Мння р. 766 (а что соединенія носили названія Пчелъ,—Μέλισσα,—у самого Безсонова предисл. стр. 3).

Нисскаго, Іоанна Златоустаго, Ѳеодора Раѳскаго, Максима Исповѣдника, Георгія Хуровскаго, Епифанія Кипрскаго, Августина, Григорія Богослова съ Василіемъ Великимъ, Ѳеодорита Кирскаго, Иринея, Евсевія Кесарійскаго, Исихія, Іоанна Дамаскина, Ипполита (Описаніе сборника, находящагося въ Сѵнодальной библіотекѣ, у *Горск. и Невостр.* № 161, Отд. II, 2, стр. 365, и у *Востокова* № 356 — по копіи, сдѣланной для гр. Румянцева. — Образцы языка въ выпискахъ и фотографическіе снимки письма у *Срезн.* въ приложж. въ Древнн. памм. Р. п. и яз.—Въ настоящее время мы имѣемъ въ печати и самый Изборникъ и при томъ въ двухъ изданіяхъ: полномъ, фотолитографическомъ, сдѣланномъ въ 1880 г., на средства купца Т. С. Морозова, Обществомъ любителей древней письменности, и неполномъ, съ приложеніемъ греческаго и латинскаго текстовъ, представляющемъ трудъ покойнаго О. М. Бодянскаго, въ Чтеніяхъ Общ. и Древн. 1883 г., кн. IV).

Сборникъ Святославовъ 1076-го года, находящійся въ Публичной библіотекѣ (поступившій въ нее изъ Эрмитажной библіотеки, а въ сію послѣднюю отъ историка кн. Щербатова). До недавняго времени Сборникъ, представляющій изъ себя рукопись крайне неудобочтомую, мало извѣстенъ былъ по своему содержанію; въ настоящее время онъ совершенно извѣстенъ, такъ какъ напечатанъ, именно—Варшавскимъ ученымъ, г. *В. Шимановскимъ*, и напечатанъ два раза: въ первый разъ въ 1887-мъ году, въ видѣ приложенія къ его—издателя диссертаціи: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ"; во второй разъ отдѣльной книжкой, которая имѣетъ заглавіе: В. Шимановскій. Сборникъ Святослава 1076-го г. Изданіе второе, исправденное. Варшава. 1894 (Филологи находятъ изданіе Сборника, сдѣланное г. Шимановскимъ, неудовлетворительнымъ для себя, см. статью объ изданіи Шимановскаго, принадлежащую *И. В. Ягичу*, напечатанную въ XI томѣ его журнала Archiv für slavische Philologie; но не для филологовъ изданіе настолько удовлетворительно, что мы лишь должны благодарить г. Шимановскаго). Состоя изъ 276 листовъ въ малую четвертку (въ печати, во 2-мъ изданіи, — осьмушечная книжка въ 124 страницы), сборникъ содержитъ, по оглавленію г. Шимановскаго, 48 небольшихъ размѣрами статей по преимуществу нравоучительнаго содержанія, которыя принадлежатъ (или только усвояются): пророку Іоилю, Іисусу сыну Сирахову, ап. Павлу, Аѳанасію Александрійскому, Василію Великому, Іоанну Златоустому, патріарху Геннадію (Стословецъ), Исихію Іерусалимскому, Моѵсею Скитнику, Нилу черноризцу, нѣкоимъ Генадію, Георгію, Ксенофонту и Ѳеодорѣ, нѣсколькимъ не называемымъ писателямъ или анонимамъ и изъ которыхъ одна взята „отъ (неизвѣстнаго намъ) Патерика" (по нѣскольку статей изъ Сборника напечатано—въ Христоматіи *Буслаева*, col. 289 sqq, и въ Древнихъ памятникахъ письма и языка *Срезневскаго*, стр. 141 sqq; о читаемыхъ въ Сборникѣ вопросо-отвѣтахъ Аѳанасія Александрійскаго къ Антіоху см. у *А. С. Архангельскаго* въ его

собраніи статей: „Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности“—вып. I—II, стр. 37—60, 186; вып. IV, стрр. 70, 195, 207.—Нѣкоторыя изъ статей Сборника, между прочимъ: Нѣкоего отца къ сыну словеса душеполезная, Ксенофонта, еже глагола къ сынома своима, св. Өеодоры къ сыну и о милостивомъ Созонтѣ, читаются въ фундамент. ркп. Моск. Дух. Акад. № 162). Въ записи писца Сборника, которая читается: коньчяшася книгы сия роукою грѣшьнааго Иоана избьрана изъ мъногъ книгъ княж. да идеже криво братие: исправивьше чьтѣте. благословите. а не кльнѣте. кончяхъ книжькы сиа въ лѣ ҂ѕ ф. пд. лѣто при Святославѣ князы Роусъкы земля аминь“,—цифра п (80) была переправлена кѣмъ-то въ н (50), и такъ какъ при этой переправѣ выходила хронологическая несообразность, то Сборникъ возбуждалъ противъ себя подозрѣнія; въ настоящее время, когда возстановлена въ подписи подлинная цифра, противъ Сборника не питаютъ болѣе подозрѣній (И. И. Срезневскій, высказывающій подозрѣнія въ 1-мъ изданіи Древнихъ памятниковъ письма и языка, не высказываетъ ихъ во 2-мъ изданіи, а также и въ Славяно-русской палеографіи, а г. Ягичъ въ помянутой выше своей статьѣ замѣчаетъ относительно отказа Срезневскимъ отъ его подозрѣній, что онъ сдѣлалъ это wohl mit Recht). Мы съ своей стороны, поддерживая свою недобрую славу человѣка излишне сомнѣвающагося, и теперь питаемъ противъ Сборника большія подозрѣнія: эти подозрѣнія наши возбуждаетъ вся подпись писца. Если писецъ Сборника, бывъ и его составителемъ, выбралъ находящіяся въ немъ статьи изъ многихъ книгъ княжихъ: то очевидно, что изъ книгъ вел. кн. Святослава, и очевидно, что сдѣлалъ это по порученію Святослава. Но если бы это было такъ, то, по нашему мнѣнію, онъ необходимо долженъ былъ бы прямо и до нѣкоторой степени обстоятельно сказать объ этомъ, ибо этого прямо и весьма требовала бы и слава вел. князя. И на Изборникѣ 1073-го года, не по его порученію написанномъ и перешедшемъ къ нему отъ брата, Святославъ весьма позаботился увѣковѣчить себя. И весьма плохой и просто жалкій пергаменъ рукописи далеко не говоритъ за то, чтобы она была писана для вел. князя и по порученію сего послѣдняго (о пергаменѣ рукописи г. Ягичъ пишетъ: Das Pergament der Handschrift ist schlecht ausgearbeitet, dunkelgelb und dick, mit Löchern und abgerissenen Enden reichlich versehen). Что же касается до фальсификатора, то у него, съ одной стороны, не хватило духа пускаться въ подробности, а съ другой стороны—онъ опасался при этомъ проврасться. Намъ думается, что Сборникъ представляетъ собою рукопись неизвѣстнаго года XI—XII вѣка и что дѣло съ фальшивой въ немъ, послѣ приписанной, записью писца должно быть представляемо такъ. Неизвѣстный фальсификаторъ записи знакомъ былъ съ Изборникомъ Святославовымъ 1073-го года; но, читая нашъ Сборникъ, т. е. Сборникъ quasi — 1076-го года онъ увидѣлъ въ немъ сходство съ Изборникомъ 1073-го года, ибо въ немъ одно надписаніе статей взято изъ сего

послѣдняго („Аѳанасиеви, вмѣсто Анастасіеви Изборника, отвѣти противу нанесенымъ ему отъвѣтомъ (sic, такъ и въ Изборникѣ 1073-го года) отъ нѣкихъ правовѣрныхъ“..., у Срезневск. стр. 145), а другое надписаніе составлено по подобію надписанія, читаемаго въ Изборникѣ („Съборъ отъ мъногъ отець и апостолъ и пророкъ“..., у Буслаева col. 295). Увидѣвъ въ Сборникѣ сходство съ Изборникомъ 1073-го фальсификаторъ и усвоилъ его также Святославу. А такъ какъ въ предисловіи и послѣсловіи Изборника 1073-го года говорится о многихъ книгахъ княжихъ: то и онъ написалъ, что содержаніе фальсифицованнаго имъ Сборника „избьрано измъногъ книгъ княж(ихъ)“. Въ первой статьѣ Сборника „О чтеніи книгъ“ говорится: „послушаи ты житья святааго Василія и святааго Іоанна Златоустааго и святааго Кирила философа и инѣхъ многъ святыхъ“. Если тутъ разумѣется Кириллъ философъ, первоучитель славянскій: то вѣроятнѣе относить рукопись къ XII вѣку, чѣмъ къ XI, ибо въ XI вѣкѣ Кириллъ назывался еще своимъ мірскимъ, ношеннымъ до смерти, именемъ Константина, а не монашескимъ, которое было принято имъ только на смертномъ одрѣ, именемъ Кирилла (Рукопись была облита какой-то кислотой, вслѣдствіе чего теперь нѣкоторые ея листы совсѣмъ нельзя читать, а вообще вся она крайне неудобочитаема. Не значитъ ли это, что она представляетъ собою новую рукопись, только скопированную съ древней, и что она была облита кислотой для приданія ея пергаменту вида древности? Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, откуда и отъ кого была получена рукопись кн. Щербатовымъ. А что касается до возможности хорошей, трудно узнаваемой, копіи: то о копіи съ Изборника 1073-го года, сдѣланной для гр. Румянцева, Востоковъ отзывается: „переписчикъ превосходно подражалъ древнему уставному почерку“,—Опис. Румянц. Муз. стр. 499 sub. fin.).

Сборникъ библіотеки *Троицкой* Сергіевой *Лавры*, № 12, по описателямъ рукописей Лавры—исхода XII или начала XIII вѣка, по Срезневскому (Древнн. памм. Р. п. и яз., 39 fin.): вѣроятно, начала XII вѣка,—содержитъ: слова Іоанна Златоустаго, слова Климента, епископа словенскаго, апокрифическое хожденіе Богородицы по мукамъ, изъ Ноябрьской Минеи: въ 8 день, повѣсти и откровеніе преп. Архипа парамонаря, слово Василія Вел., неизвѣстнаго Петра недостойнаго о постѣ и о молитвѣ [1]),

[1]) „Петра недостойнаго съказаніе о постѣ и о молитвѣ устава и чина церковьнаго“, *Нач.* „Подобаеть всему крестьяну человѣку годити Богови своему, въ негоже имя крьстивъшеся“, л. 56 об., не имѣющее въ рукописи конца, въ позднѣйшей передѣлкѣ, съ заглавіемъ: „Слово святыхъ отьць о постѣ и о востании церковнаго чину“, напечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ 1858-го года, ч. I, стр. 141. Описатели рукописей Троицкой Лавры считаютъ сказаніе, а издатели слова считаютъ сіе послѣднее за русское произведеніе. Но если въ словѣ обличаются идолослуженіе, моленія кладезная и рѣчная, что издателями слова принимается за рѣшительный признакъ его русскаго происхожденія: то обличенія весьма могутъ

слова Ефрема Сирина, значительную часть Пандекта Антіохова, которая составляетъ главное содержаніе сборника, выписки изъ Исидора Пелусіота и Анастасія Синайскаго.

(Соборникъ великій князя Владиміро-Волынскаго Васильки Романовича († 1271). Галичско-Волынская лѣтопись, говоря подъ 1288-мъ г. о смерти сына Василькина Владимира, пишетъ, что онъ положилъ въ свой монастырь вмѣстѣ съ другими книгами „съборникъ великый отца своего", Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 609).

Силивестръ и Антоній. См. Кесарій.

Супрасльская рукопись. См. Минеи-Четьи.

Тимоѳей презвитеръ Константинопольскія великія церкви. Его трактатъ: „О различіи приходящихъ къ непорочнѣй нашей вѣрѣ", *Нач.* Три чины обрѣтаемъ... въ до-монгольской Кормчей книгѣ, см. выше стр. 654, § 4.

Филиппъ инокъ. См. Діоптра.

Фотій патріархъ. Слово на връбницю и о Лазарѣ, *Нач.* Егда отрокы осанна въ вышнихъ въпіюштя,—читается въ Супрасльской рукописи. Необходимо думать, что обширное поучительное Посланіе Фотія къ новокрещенному болгарскому князю Борису—Михаилу было переведено у Болгаръ на славянскій языкъ тотчасъ же, какъ было ими получено.

Ѳеодоритъ Кирскій. „Отъ того, еже о святѣй Троици", представляющее краткое изложеніе догматовъ церковныхъ,—въ Святославовомъ Изборникѣ 1073-го г., л. 243 об. О переводѣ его Толкованія на псалтирь см. въ отдѣлѣ: Священное Писаніе.

Ѳеодора пресвитера *Раиѳскаго* главы логическія и онтологическія: „о естьствѣ (de substantia), о собьствѣ (de hypostasi), о лици (de persona), о различіи (de specie)" и проч.—въ Изборникѣ Святославовомъ 1073-го г., лл. 224—236.

Ѳеодоръ Студитъ. Мы нигдѣ не встрѣчали указаній на то, чтобы въ періодъ до-монгольскій существовали у насъ въ славянскомъ переводѣ сочиненія преп. Ѳеодора Студита; но мы не сомнѣваемся, что такъ называемый его Малый Катихизисъ, представляющій собою собраніе краткихъ нравоучительныхъ словъ, говоренныхъ къ монахамъ и начинающій встрѣчаться въ нашихъ рукописяхъ съ начала XIV вѣка, существовалъ у насъ въ переводѣ уже въ періодъ до-монгольскій. Преп. Ѳеодоръ, послѣдній знаменитый отецъ монашества († 826) и его реорганизаторъ или возродитель послѣ предшествующаго упадка, пользовался въ монашескомъ

быть лишь русской вставкой въ нерусскомъ словѣ, какъ есть подобная вставка и въ одномъ словѣ Григорія Богослова. Съ другой стороны, весь складъ слова какъ будто за то, чтобы считать его русскимъ произведеніемъ (за исключеніемъ вставки о величіи Творца, передъ Которымъ трепещетъ вся тварь и со всею тварію долженъ трепетать человѣкъ, взятой изъ какого либо хорошаго оратора греческаго). Вообще, сказаніе—слово еще ожидаетъ дальнѣйшихъ поисковъ и розысковъ.

мірѣ великою славой. Поэтому весьма трудно допустить, чтобы съ появленіемъ у Болгаръ монашества не явилась у нихъ въ славянскомъ переводѣ и его руководственная книга для монаховъ, каковую составляетъ Малый Катихизисъ. Если же почему нибудь не сдѣлали перевода Болгары, то необходимо думать, что онъ былъ сдѣланъ стараніями нашего преп. Θеодосія Печерскаго, который ввелъ въ своемъ монастырѣ уставъ Θеодоровъ (въ редакціи патр. Алексѣя,—см. объ уставѣ во 2-й половинѣ тома) и который, какъ находятъ, подражалъ въ своихъ поученіяхъ нашимъ словамъ Θеодора [1]). Древнѣйшая извѣстная намъ рукопись, содержащая славянскій переводъ Малаго Катихизиса Θеодора Студита, есть пергаминная, начала XIV вѣка, рукопись Моск. Д. Академіи № 52 (поступившая въ Академію изъ Лавры, ибо на 2-мъ листѣ одной руки съ письмомъ рукописи подпись: „сіа божественнаа книга манастыря святыя Троиця". Въ греческомъ подлинникѣ Катихизисъ состоитъ изъ 134 словъ,—у Миня въ Patr. t. 99 p. 509 sqq, cfr житія преп. Θеодора ibid. pp. 152 и 264; въ славянскомъ переводѣ онъ состоитъ изъ 124 словъ и при этомъ расположеніе иное, чѣмъ въ подлинникѣ. Оглавленіе всѣхъ словъ по славянскому переводу у *Сильвестра Медвѣдева* въ Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ, подъ сл. Θеодоръ игуменъ Студійскій, § 202, и въ Описаніи рукописей Троицкой Лавры № 178. Въ житіяхъ Θеодора Студита о Маломъ Катихизисѣ сказано, что онъ раздѣленъ на три части (τρεῖς λόγων περικοπαί) и что трижды каждую недѣлю онъ читается въ церкви, у Миня ibid. pp. 152 и 264, что, кажется, должно понимать такъ, что изъ каждой части читается каждую недѣлю по одному слову, въ извѣстные дни). Епитимійникъ Θеодора Студита, надписанный: „О останьцѣхъ церковныхъ канонъ", *Нач.* Не обрѣтаяся (въ церкви) въ началѣ славы... въ до-монгольской Кормчей книгѣ, см. выше стр. 653, § 12.

Хожденіе Богородицы по мукамъ. См. сейчасъ ниже апокрифы.

Храбръ, черноризецъ Болгарскій, жившій въ то время, когда еще живы были нѣкоторые люди, лично знавшіе первоучителей Константина и Меθодія и слѣдовательно въ послѣднихъ годахъ IX—началѣ X вѣка, современникъ Іоанна экзарха и Константина пресвитера-епископа. Онъ написалъ сказаніе „О (славянскихъ) письменѣхъ", въ которомъ сообщаетъ, кто и для кого изобрѣлъ славянскую азбуку и совершилъ переводъ, и въ которомъ защищаетъ этотъ послѣдній отъ нареканій недоброжелателей, т. е. какъ необходимо принимать, Грековъ (сказаніе напечатано: *Калайдовичемъ* въ Іо. Экзархѣ стр. 189 и, съ критическимъ разборомъ, *Срезневскимъ* въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1848-го г. № 7).

---

[1]) Преосвящ. Макарій, Ист. т. 2, изд. 2 стр. 111, cfr стр. 206.

Апокрифы.

Изъ сочиненій апокрифическаго содержанія, которыми была весьма не бѣдна наша позднѣйшая литература и которыми, вѣроятно, не совсѣмъ была бѣдна и литература до-монгольскаго періода, по сохранившимся до настоящаго времени рукописямъ этого послѣдняго періода и по упоминаніямъ въ тогдашнихъ памятникахъ извѣстны слѣдующія:

Агапія отця нашего *Сказаніе*, чьсо ради оставляють роды и домы своя, и жены и дѣти и възьмъше крьстъ и идуть въ слѣдъ Господа, якоже евангеліе велить, *Нач.* Агапіи отець нашь изъ млада начатъ Бога боятися,—въ Майской Четь-Минеѣ XII в. Московскаго Успенскаго собора; сполна напечатано *А. Н. Поповымъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1879-го г. кн. I, Библіографф. Матерр. стр. 41.

Афродитіана Сказаніе о бывшимь въ Персьстѣй земли чюдеси,—въ Толстовской рукописи XIII в., № 8 (впрочемъ, можетъ быть и кажется, не первой половины, а уже второй); напечатано *Тихонравовымъ* въ Памятникахъ отреченной Русской литературы, II, 1.

Богородицы хожденіе по мукамъ въ Троицкомъ Лаврскомъ сборникѣ XII вѣка, № 12; напечатано *Срезневскимъ* въ Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка, стр. 204 (съ греческимъ текстомъ) и *Тихонравовымъ* ibid. II, 22.

Глубинныя книги. Въ житіи преп. Аврамія Смоленскаго говорится, что нѣкоторые изъ возставшихъ на него клеветниковъ обвиняли его въ томъ, что онъ „Глубинныя книги“ почитаетъ [1]). Что такое эти Глубинныя книги, какъ книги запрещенныя и отреченныя, остается неизвѣстнымъ. Въ спискахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ по редакціямъ XVII в. называется книга „Глубина“, но въ числѣ книгъ истинныхъ, а не ложныхъ (у Калайд. въ Іо. Экз. стр. 209). Извѣстный стихъ о Голубиной книгѣ (*Варенцова* Сборникъ древнихъ русскихъ стиховъ, стр. 11 sqq, *Безсонова* Калѣки перехожіе, стр. 269 sqq), подъ которой справедливо или несправедливо хотятъ разумѣть собственно Глубинную книгу (у Восток. въ Слов. слово глубина пишется: глубина, а не гълубина) также какъ будто заставляетъ предполагать книгу не отреченную. Можно думать, что подъ Глубинными книгами разумѣются книги такъ называемыя „маѳиматійскія“ (βιβλία τὰ λεγόμενα μαθηματικά)—астрологическія (о которыхъ см. Зонару и Вальсамона въ толкованіи на 36 правило Лаодикійскаго собора,—у *Ралли* и *П.* III, 203 sqq, и нарочитый трактатъ втораго—ibid. IV, 511).

Исаіи пророка Видѣніе—въ Майской Четь-Минеѣ XII в. Моск. Успенск. собора; напечатано *Поповымъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1879, кн. I, Библіографф. Матерр., стр. 12 fin. (по болѣе позднему списку напечатано тѣмъ же *Поповымъ* въ Описаніи рукописей Хлудова, стр. 414).

---

[1]) Правосл. Собесѣдн. 1858 г., ч. 3 стр. 372 fin.

Іакова патріарха Лѣствица, читаемая въ Палеѣ толковой, которая переведена была (какъ мы сказали, параг. Палея) въ періодъ домонгольскій (по Лаврскому списку Палеи 1406-го г. напечатана *Тихонравовымъ* въ Памятнн. отреч. русск. литературы I, 91).

Іереміи пророка Паралипомена,—отрывокъ въ Майской Четь-Минеѣ XII в. Моск. Успенск. собора, см. у *Попова* ibid стр. 9 fin.; по списку XIV в. напечатаны тѣмъ же *Поповымъ* въ Описаніи рукописей Хлудова, стр. 406 fin., а по списку XV в. *Тихонравовымъ* въ Памм. отреч. литерат. I, 273.

Іоанна Богослова Слово о покои (на Успеніе) Богородицы, читаемое въ рукописяхъ XII в.; напечатано въ отрывкѣ *Срезневскимъ* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № XXXVIII, и сполна *Поповымъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., 1880-го г. кн. III, Библіографф. Матерр. № II.

Меѳодію Патарскому усвояемое *слово о царствѣ языкъ* послѣднихъ временъ, о которымъ см. выше въ параг. Меѳодій Патарскій.

Нифонта препод. и

Панкратія священномуч. житія, которыя см. выше въ отдѣлѣ: Минеи-Четьи.

Патріарховъ ветхозавѣтныхъ,—12-ти сыновей Іакова, *„Завѣти“*, т. е. завѣты, читаемые въ той же Палеѣ, что и Лѣствица Іакова (напечатаны по Александроневск. Палеѣ XIV в. и по Сунодальной Палеѣ 1477-го г. *Тихонравовымъ* ibid. I, 96).

(Объ апокрифахъ съ нарочитою подробностію—въ I части Исторіи русской словесности *И. Я. Порфирьева*).

Дополненія и поправки.

Къ введенію, замѣчаніе относительно хронологіи. Въ настоящее время годъ начинается у насъ съ 1-го числа Января мѣсяца, а въ прежнее время онъ начинался съ другихъ мѣсяцевъ, именно до половины XV вѣка съ 1-го числа Марта мѣсяца (до какого года въ самой жизни, остается неизвѣстнымъ, а у разныхъ лѣтописцевъ до разныхъ годовъ), а потомъ до 1700-го года съ 1-го числа Сентября мѣсяца. По этой причинѣ, если какое-нибудь событіе до половины XV вѣка случилось въ Январѣ или Февралѣ мѣсяцѣ, а отъ половины XV вѣка до 1700 года въ Сентябрѣ—Декабрѣ мѣсяцахъ: то долженъ былъ дѣлаемъ переводъ того или другаго изъ прежнихъ счетовъ на нынѣшній. Переводъ этотъ долженъ состоять въ томъ, чтобы въ первомъ случаѣ мѣсяцы Январь и Февраль относить не къ текущему, а къ предшествующему году и при переложеніи годовъ отъ С. М., которыми у насъ велся счетъ до 1700 года, на годы отъ Р. X., вычитать изъ первыхъ не 5508 (принятое число лѣтъ отъ сотворенія міра до Рождества Христова), а 5507, а чтобы во второмъ случаѣ мѣсяцы Сентябрь—Декабрь относить не къ текущему, а къ слѣдующему году, и вычитать изъ годовъ отъ С. М. не 5508, а 5509.

Къ стр. 23. Имѣется спеціальное о предметѣ изслѣдованіе, именно—сочиненіе г. *С. Петровскаго*: Сказанія объ апостольской проповѣди по сѣверо-восточному Черноморскому побережью. Очеркъ изъ исторіи древне-христіанской литературы. Одесса, 1898 (отзывъ о сочиненіи въ VI томѣ Византійскаго Временника,—Отд. II, стр. 220).

Къ стр. 40. Не давно открыта лѣтописная греческая запись, по которой нашествіе Руссовъ на Константинополь имѣло мѣсто: «мѣсяца

Іюня 18, (индикта) 8, лѣта (отъ С. М.) 6368, въ 5 году управленія (Михаила)», т. е. 18-го Іюня 860-го года отъ Р. Х., и эта дата признается учеными за достовѣрную, см. въ томѣ I Византійскаго Временника Отд. III, стр. 258 fin., сообщеніе Васильевскаго о годѣ перваго нашествія русскихъ на Константинополь, и въ томѣ II того же Временника Отд. I, стр. 582, статью Лопарева: «Церковное слово о русск. походѣ на Византію 860 г.»

Къ стр. 53. Обширная статья о житіи Стефана Сурожскаго, съ нарочитыми рѣчами о нападеніи Руссовъ на Сурожъ, подъ заглавіемъ: «Житіе св. Стефана Сурожскаго», напечатана покойнымъ В. Г. Васильевскимъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1889-й годъ, въ майской и іюньской книжкахъ (часть 263), и во второй разъ съ приложеніемъ славянскаго житія по нашей академической рукописи № 90, которую указываемъ въ текстѣ,—въ девятомъ, 1893 года, выпускѣ Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи (Да проститъ Богъ покойника за не совсѣмъ приличное трактованіе имъ меня въ первомъ изданіи статьи).

Къ стр. 57. Обширная статья о житіи Георгія Амастридскаго, съ нарочитыми рѣчами о нападеніи Руссовъ на Амастриду, подъ заглавіемъ: «Житіе Георгія Амастридскаго», напечатана Васильевскимъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1878-й годъ, въ февральской и мартовской книжкахъ (части 195 и 196), и во второй разъ, исправленная, съ приложеніемъ самаго житія въ греческомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ, въ девятомъ выпускѣ Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи.

Къ стр. 99. О дворцѣ императорскомъ см. книгу Д. Ѳ. Бѣляева: Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Книга I. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца византійскихъ царей. 1891 (Отзывъ о книгѣ въ I томѣ Византійскаго Временника, Отд. II, стр. 173).

Къ стр. 160. Никифоръ Григора увѣряетъ, будто Русскій государь получилъ титулъ (наслѣдственнаго) начальника императорскаго стола или главнаго императорскаго стольника еще отъ Константина Великаго,— Исторіи кн. VII, гл. 5, русск. перев. стр. 231 (титулъ τοῦ ἐπὶ τῆς τραπέζης, о которомъ см. у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. Τράπεζα).

Къ стр. 167. Въ бóльшей части списковъ Памяти и похвалы Владиміру монаха Іакова читается, что онъ побѣдилъ Сребреныя

Болгары, т. е. Болгаръ Камскихъ. Но мы рѣшительнымъ образомъ стоимъ на томъ, чтобы разумѣть побѣду надъ Болгарами Низовскими или Болгарами Балканскаго полуострова (имѣть Владиміру желаніе покорить себѣ Болгаръ Камскихъ и не было смысла, ибо какъ бы онъ могъ поддерживать свою власть надъ этими Болгарами, находившимися отъ Кіева такъ далеко?). А что во всякомъ случаѣ Владиміръ находился въ сношеніяхъ съ этими послѣдними Болгарами до своего крещенія, видно изъ того, что одною изъ языческихъ женъ его была Болгарыня Низовская (изъ рожденныхъ имъ отъ которой двухъ сыновей одинъ названъ былъ Борисомъ, какъ это нужно думать, по имени Болгаро-Низовскаго или Болгаро-Балканскаго царя Бориса).

Къ стрр. 224, 238. Житіе Владиміра, принадлежащее неизвѣстному автору, по всей вѣроятности — Греку, и Память и похвала ему монаха Іакова, напечатанныя дважды преосв. Макаріемъ, еще два раза напечатаны В. И. Срезневскимъ: въ первый разъ по копіи съ рукописи 1414-го года въ 72-мъ томѣ Записокъ Академіи Наукъ (1893 г.),— приложж. № 5, стрр. 17 и 74; во второй разъ по рукописи 1494-го года въ 1-мъ томѣ Записокъ Академіи Наукъ по Историко-филологическому Отдѣленію (1897 г.),—№ 6, стрр. 2 и 9. Упустивъ не совсѣмъ извинительнымъ образомъ отмѣтить варіанты двухъ вновь напечатанныхъ списковъ, сдѣлаемъ замѣчаніе относительно важнаго мѣста въ Памяти и похвалѣ Владиміру, что по крещеніи онъ жилъ 28 лѣтъ, что на другое лѣто по крещеніи къ порогамъ ходилъ и пр.,—у насъ стр. 245: въ обоихъ вновь напечатанныхъ спискахъ оно читается совершенно такъ, какъ въ прежде напечатанныхъ.—Вторая редакція Житія Владимірова (по преосв. Макарію) или его компиляція (по нашему) напечатана г. Сперанскимъ изъ одной рукописи Чудова монастыря въ III кн. Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1889-го года,—Сборникъ Бѣлорусскій Чудова монастыря, стр. 33 sub fin. sqq (г. Сперанскій указываетъ на одну особенность своего списка, подтверждающую наше предположеніе, что авторомъ житія долженъ быть считаемъ Грекъ—стр. 41 fin.).

Къ стр. 246, къ строкѣ 11-й. Слова: увиди въ, очевидно, нужно читать какъ одно слово: увидивъ. А это послѣднее, очевидно, вмѣсто: увидѣвъ.

Къ стр. 270, къ прим. 4. Присутствовавшій на соборѣ 1171-го года русскій митрополитъ Михаилъ, о которомъ говоримъ на стр. 288, занималъ между 24-мя присутствовавшими на соборѣ архіереями 12-е

мѣсто,—Сунодальн. ркп. № 33 (у архим. Владимира въ Описаніи № 336), л. 89 об.

Къ стр. 272, къ концу примѣчанія, которое начинается на предшествующей страницѣ. Патріархъ Константинопольскій Каллистъ въ посланіи своемъ 1358-го года къ патріарху Антіохійскому говоритъ, что Константинопольскій патріаршій престолъ, такъ какъ онъ есть вселенскій, издревле получилъ отъ божественныхъ и священныхъ каноновъ преимущество, во всѣхъ повсюду церквахъ вселенной изслѣдовать и судить (διερευνᾶν καὶ ἐξετάζειν) случающіяся въ нихъ церковныя дѣла. А патріархъ Константинопольскій Нилъ въ посланіи своемъ 1382-го года къ митрополиту Солунскому настаиваетъ на толкованіи правилъ 4-го вселенскаго собора Аристиновомъ и Властаревомъ, причемъ, вслѣдъ за Властаремъ, вмѣстѣ съ правомъ аппелляціи на судъ другихъ патріарховъ разумѣетъ и право ставропигіи въ другихъ патріархатахъ, см. Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, t. I, p. 380, и t. II, p. 40.

Къ стр. 284. Еще списокъ митрополитовъ читается въ рукописи Моск. Д. Академіи изъ Волоколамскихъ № 486, л. 297 об., написанной въ 1519-мъ году. Списокъ этотъ напечатанъ И. И. Срезневскимъ въ изданіи «Сказанія объ антихристѣ», Спб., 1874, стр. 55 (Онъ согласенъ съ другимъ указаннымъ нами Волоколамскимъ спискомъ, именно,—послѣ Θеопемпта въ немъ есть Кириллъ и послѣ Никифора 2-го—Гавріилъ и Діонисій).

Къ стр. 285. Въ одной греческой запискѣ о перемѣщеніяхъ епископовъ съ каθедры на каθедру, читаемой въ одной рукописи Сунодальной библіотеки, говорится, что въ царствованіе Порфирогенита перемѣщенъ былъ въ Россію Θеофилактъ Севастійскій, см. въ статьѣ *А. С. Павлова:* «Замѣчательнѣйшія греческія рукописи каноническаго содержанія въ московской сунодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ», напечатанной въ XIII томѣ Записокъ Новороссійскаго Университета, стр. 30 fin. и въ части первой Описанія рукописей Сунодальной библіотеки *архим. Владимира*, № 336, л. 27, стр. 491. Нѣкоторые принимаютъ этого Θеофилакта, о которомъ совершенно ничего неизвѣстно изъ русскихъ или другихъ греческихъ источниковъ, за Θеопемпта. Но возможенъ и тотъ случай, что, бывъ переведенъ въ Россію, онъ умеръ прежде чѣмъ отправился на новую каθедру. Подъ Порфирогенитомъ разумѣется или Василій Порфирогенитъ, имѣющій еще прозваніе Болгаробойца, царствовавшій вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ съ 976-го года по 1025-й годъ, или этотъ второй, царствовавшій послѣ смерти брата до 1028-го года.

Къ стр. 286, къ примѣч. 4. О Ѳеодорѣ Птохопродромѣ, племянникѣ митр. Іоанна 2-го, см. въ двухъ статьяхъ о Продромахъ, напечатанныхъ на греческомъ языкѣ въ IV и V томахъ Византійскаго Временника (принадлежащихъ гг. Хаджидакису и Пападимитріу).

Къ стрр. 325, 333. Нилъ Доксопатръ въ своемъ Τάξις'ѣ τῶν πατριαρχικῶν θρόνων, написанномъ въ 1147-мъ году, называетъ Россію великой Россіей: Καὶ εἰς τὴν μεγάλην Ῥωσίαν ἀπὸ τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως στέλλεται μητροπολίτης, — въ Патрол. *Миня* t. 132, col. 1105 sub fin.. — Если въ греческомъ духовенствѣ дѣйствительно находились люди не изъявлявшіе желанія стать русскими митрополитами (указываютъ на нѣкоего Леонтія, бывшаго потомъ патріархомъ Іерусалимскимъ (Константинопольскимъ?), который будто бы не изъявилъ таковаго желанія въ правленіе импер. Мануила Комнина, 1143—1180): то нужно объяснять подобное нежеланіе боязнію нашего климата и нерасположеніемъ жить среди варваровъ, а еще, можетъ быть, и какими нибудь временными обстоятельствами. — Что митрополиты Греки и епископы изъ Грековъ отсылали накоплявшіяся ими въ Россіи богатства на родину и что такимъ образомъ за періодъ домонгольскій ушли изъ Россіи въ Грецію очень большія суммы денегъ, это и само собой нужно было бы предполагать и прямо даетъ знать объ этомъ архіепископъ Новгородскій Илія въ своемъ поученіи къ духовенству епархіи, сказанномъ въ сборное воскресеніе 1166-го года,—см. стр. 663.

Къ стр. 328, къ строкѣ 5-й снизу. Истинно странное предположеніе это, высказанное покойнымъ N. въ видѣ, такъ сказать, обмолвки, нѣкоторые продолжаютъ повторять и до сихъ поръ. Въ городѣ не нашлось готоваго помѣщенія для митрополита, а въ селѣ, что̀ представлялъ собою Переяславль по отношенію къ Кіеву, оно нашлось! Если въ Кіевѣ дѣйствительно не было готоваго помѣщенія для митрополита: то въ продолженіе времени, которое протекло отъ приступа къ крещенію народа до прибытія митрополита въ Россію, могло быть приготовлено не одно помѣщеніе, а десять помѣщеній...

Къ стрр. 347, 356. Архіереи изъ монаховъ. Впервые начали быть ставимы архіереи изъ монаховъ въ патріархатѣ Александрійскомъ: въ патріархѣ чувствовался недостатокъ достойныхъ кандидатовъ въ епископы между клириками и мірянами, а между тѣмъ въ монахи шли люди возможно достойные (ибо такъ это было въ первое время); а поэтому и пришли тамъ къ мысли избирать епископовъ изъ монаховъ.— Архіереямъ изъ монаховъ предписалъ сохранять монашеское одѣяніе

и послѣ ихъ поставленія Константинопольскій соборъ 869—870-го года (у католиковъ 8-й вселенскій), см. у *Лаббея* въ Sacrosancta Concilia t. VIII, col. 1377 нач. и у *Манси* въ Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio t. XVI, col. 405 (канонъ собора 14-й). Можно полагать, что отъ этого предписанія собора ведетъ свое начало позднѣе существовавшій обычай у Грековъ (хотя соборъ и не былъ признанъ ими за дѣйствительный соборъ) называть архіереевъ изъ монаховъ и самимъ архіереямъ называться монахами—архіереями, см. Продолжателя Ѳеофана lib. VI, n. 5, въ Патрол. *Миня* t. 109, col. 372, и Георгія Амартола по изд. *Муральта* стр. 762 нач. (патр. Фотій говоритъ у перваго: «знаю монаха Ѳеодора (Сандаварена) архіепископа Евхаитскаго»; продолжатель втораго пишетъ о Фотіи, что нѣкій Левъ Саливара рекомендовалъ ему Ѳеодора монаха архіепископа Евхаитскаго), подписи архіереевъ подъ дѣяніями Константинопольскихъ соборовъ, бывшихъ при импер. Мануилѣ Комнинѣ и патр. Лукѣ Хризовергѣ въ 1156—1166 годахъ, у *Анжело Майо* въ Spicilegium Romanum, X, 88 sqq, и въ Патрологіи *Миня* t. 140, coll. 197, 257, 280, и отчасти подписи архіереевъ подъ актами, отчасти ихъ записи, приводимыя въ 1-мъ выпускѣ VI т. Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, стрр. 6, 33, 93 и 125 fin. («Смиренный монахъ Лука и милостію Божіею архіепископъ новаго Рима... подписалъ..., Смиренный монахъ Іоаннъ и милостію Божіею патріархъ матери всѣхъ церквей... подписалъ..., Мануилъ послѣднѣйшій монахъ и епископъ Тиверіуполя или Струмвицы... подписалъ» и пр. и пр... Наши подписи подъ дѣяніями соборными времени импер. Мануила даютъ до нѣкоторой степени видѣть: какъ велико было число архіереевъ изъ монаховъ въ указанное время: изъ 35-ти архіереевъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1156-го года, пятеро называютъ себя въ подписяхъ монахами; изъ 51-го архіерея, присутствовавшихъ на одномъ соборѣ 1166-го года, и изъ 31-го архіерея, присутствовавшихъ на другомъ соборѣ того же года, одинъ называетъ себя въ подписи монахомъ, именно—самъ патр. Лука. Судя по этимъ подписямъ, отношеніе между архіереями изъ клириковъ и изъ монаховъ было въ значительной степени не то, которое мы указываемъ въ текстѣ, именно—что оно было еще съ весьма значительнымъ перевѣсомъ на сторону первыхъ.—Что архіерей изъ монаховъ не есть монахъ и что въ то же время онъ не освобождается отъ всѣхъ обѣтовъ, данныхъ при постриженіи въ монашество, объ этомъ митр. Филаретъ пишетъ въ одной своей запискѣ: «Монашествующій, возводимый въ санъ епископа, по необходимости

обязанъ подчинить характеръ монашества высшему характеру епископства и исполнять обязанности монашескія въ такой мѣрѣ, въ какой онѣ совмѣстны съ положеніемъ и обязанностями епископа», см. Собранія мнѣній и отзывовъ Филарета т. IV, стр. 194 fin..

Къ стр. 359 fin.. Относительно нашего замѣчанія, что Греки сдѣлали епархію Ростовскую полугреческой, мы должны сказать, что тутъ, не прибѣгая къ собственному думанію, мы такъ сказать машинально (подразумѣвается — непохвальнымъ образомъ) повторяемъ сто разъ сказанное прежде насъ. Какъ на самомъ дѣлѣ понимать свидѣтельство житія царевича Петра, что въ его-царевича время на лѣвомъ крылосѣ Ростовскаго собора пѣли погречески, см. въ 1-й половинѣ II тома сей Исторіи, стр. 268 прим..

Къ стр. 362. Словомъ причетникъ, вопервыхъ, переводится греческое κληρικός (Словарь *Востокова)*, что означаетъ вообще духовнаго, клирика и именно (въ общемъ смыслѣ) причетника; вовторыхъ, переводится греческое ὑποψήφιος (см. *А. С. Будиловича* Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова стр. 89 col. 2 нач.), что̀ означаетъ человѣка, избраннаго на какую нибудь должность, кандидата на какую нибудь должность.

Къ стр. 367, къ примѣч. Епископы наши прекратили объѣзды епархій, но вмѣстѣ съ этимъ не прекратились ихъ ежегодныя взиманія со священниковъ, называвшіяся подъѣздомъ (ставъ послѣ сего податію со священниковъ какъ бы наоборотъ за то, что они избавлялись отъ епископскихъ посѣщеній). Такъ было и на Западѣ, см. у *Дюканжа* въ Gloss. Latinit. подъ сл. Procuratio параграфъ: Procurationes Episcoporum, также *Walter'а* Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen, § 197, 14 Ausg. S. 454 (Если обратить вниманіе на другую сторону дѣла, именно—что безполезные объѣзды архіереями епархій могли быть очень тягостными для духовенства: то можно будетъ считать ихъ скорое прекращеніе за дѣло и положительно хорошее).

Къ стр. 384. Въ Греціи, въ позднѣйшее по крайней мѣрѣ время и въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ епархіяхъ, были епархіальные чиновники, соотвѣтствовавшіе нашимъ уѣзднымъ намѣстникамъ: они назывались екзархами. См. грамоту такому экзарху у *Ралли* и *П.* V, 583 sub fin., Ἕτερον. Cfr прим. 1 на стр. 373. — Нынѣшніе наши викаріи погречески называются τοποτηρήτης'ами, см. у *Ралли* и *П.* V, 525.

Къ стр. 388. Есть дѣтская игра (о которой, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній): «тіунъ намъ не судья, намъ судья-

владыка», что̀ значитъ: мы не хотимъ судиться у такого неважнаго судьи, какъ тіунъ, и что̀ указываетъ именно на то, что тіуны были судьями (подсудками).—У болгарскихъ архіереевъ, подобно нашимъ русскимъ архіереямъ, въ XI вѣкѣ были низшіе чиновники изъ людей свѣтскихъ, см. въ нашемъ Краткомъ очеркѣ исторіи церквей болгарской, сербской и румынской хризовулъ импер. Василія Болгаробойца, данный имъ болгарскому архіепископу послѣ покоренія имъ въ 1019-мъ году болгарскаго царства, стр. 259 (императоръ предписываетъ въ хризовулѣ, чтобы каждый епископъ архіепископіи имѣлъ этихъ чиновниковъ, которые называются париками, πάροικοι, каковое названіе должно быть понимаемо такъ, что они были у епископовъ изъ ихъ домовыхъ людей,—(имѣлъ) не болѣе какъ извѣстное опредѣленное число, (подобно тому, какъ и чиновниковъ духовныхъ),—каждый свое соотвѣтственно пространству или величинѣ епархіи: это на тотъ конецъ, чтобы содержаніе чрезмѣрнаго количества нашихъ (какъ и духовныхъ) чиновниковъ не было обременительно для духовенства епархій.—Чиновники духовные называются въ хризовулѣ клириками,—κλήρικοι).

Къ стр. 389. Въ молитвѣ на произведеніе протопопа, читаемой въ старомъ и теперешнемъ евхологіи или требникѣ, его обязанности означаются словами, обращенными къ Богу: κατακόσμησον αὐτὸν τοῦ ἐν ἀρχῇ ἵσθασθαι τῶν πρεσβυτέρων τοῦ λαοῦ σου καὶ καλὸν ὑπόδειγμα τοῖς μετ' αὐτοῦ γενέσθαι καταξίωσον, т. е. украси его стояніемъ въ началѣ (во главѣ) пресвитеровъ народа твоего и удостой его быть добрымъ примѣромъ для сущихъ съ нимъ,—старый требникъ у *Морини* De ordinationibus p. 93. Но о нашихъ протопопахъ уѣздныхъ городовъ должно быть сказано слѣдующее: не бывъ епархіальными чиновниками въ собственномъ смыслѣ, они, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, были до нѣкоторой степени и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, такъ сказать, орудіями епархіальной власти, что̀ видимъ потомъ. По причинѣ крайней обширности епархій у насъ съ древняго времени повелось, чтобы епископы не освящали сами лично всѣхъ церквей, какъ это было въ Греціи, а выдавали вмѣсто сего антиминсы. Затѣмъ, изъ Греціи перешло къ намъ узаконеніе, чтобы священники совершали браки не иначе, какъ по письменнымъ каждый разъ или на каждый бракъ дозволеніямъ епископовъ, каковыя дозволенія у Грековъ назывались вуллами, а у насъ вѣнечными знаменами (и которыя введены были для того, чтобы священники по невѣжеству или по злоупотребленію не вѣнчали браковъ въ незаконныхъ степеняхъ родства). Въ позднѣйшее время антиминсы для освященія церквей и зна-

мена для совершенія браковъ выдавали не только сами архіереи лично, но и чрезъ уѣздныхъ протопоповъ, и необходимо думать, что это такъ было и въ древнѣйшее время. Въ позднѣйшее время такъ дѣлалось, нѣтъ сомнѣнія, потому, что при обширности епархій всѣмъ являться за антиминсами или за знаменами лично къ самимъ архіереямъ было бы затруднительно. Но въ древнѣйшее время причина эта существовала еще болѣе, ибо тогда епархіи были еще обширнѣе (Въ позднѣйшее время уѣздные протопопы, выдавая антиминсы, вмѣстѣ и освящали церкви—или сами лично, или чрезъ посылапныхъ соборныхъ священниковъ).

Къ стр. 390 нач.. Въ Греціи, какъ даютъ знать свидѣтельства, архидіаконы епископовъ притязали на то, чтобы стать чиновниками—начальниками всѣхъ діаконовъ и завѣдующими производствомъ въ степень діаконскую (у *Ралли* и *П.* IV, 480, и V, 411). Весьма возможно, что подобное было и у насъ (о значеніи у насъ архидіаконовъ въ XVII вѣкѣ при патріархахъ см. въ изслѣдованіи *С. А. Бѣлокурова*: «Арсеній Сухановъ», ч. I стр. 99 и у *С. М. Соловьева* въ Исторіи, т. XV, изд. 2 стр. 108).

Къ стрр. 408 и 618. Редакторы I части Рускихъ Достопамятностей, напечатавшіе у себя находящійся въ Софійской Кормчей уставъ Новгородскаго князя Святослава, замѣчаютъ о семъ уставѣ и о нашемъ уставѣ Владимира, читаемыхъ на концѣ Кормчей, что «сіи два сочиненія, кажется, написаны нѣсколько позже (чѣмъ вся рукопись)»,—стрр. 21 и 82. И. И. Срезневскій въ Обозрѣніи древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги говоритъ, что «двѣ послѣднія статьи (Кормчей, т. е. уставы Святославовъ и нашъ Владимировъ) написаны на особенной тетради другимъ болѣе позднимъ почеркомъ XIV в.»,—стр. 111. Возможно, что XIV вѣкъ, въ которомъ, по мнѣнію Срезневскаго, написанъ нашъ списокъ устава, былъ вѣкомъ и появленія устава на свѣтъ. И то обстоятельство, что послѣ нашего списка устава неизвѣстно ни одного его списка, который бы относился къ болѣе раннему времени, чѣмъ XV вѣкъ (см. стр. 618), говоритъ въ пользу вѣроятности послѣдняго предположенія. Принимая это, конечно, нужно будетъ думать объ отношеніи устава къ посланію неизвѣстнаго епископа Владимірскаго, адресованнаго къ не называемому по имени сыну Александра Невскаго обратное тому, что мы думаемъ, считая уставъ старшимъ посланія.

Къ стр. 415. Если принимать, что въ посланіи неизвѣстнаго по имени епископа Владимірскаго къ не называемому по имени сыну

Александра Невскаго подвѣдомыя суду церковному дѣла перечисляются безъ всякихъ опущеній, съ точной полнотой (см. выше стр. 641), и что такимъ образомъ дѣла, позднѣе подлежавшія суду церковному, но не упоминаемыя въ посланіи, должны быть считаемы начавшими принадлежать нашему суду послѣ написанія посланія: то будетъ слѣдовать, что окончательное расширеніе суда церковнаго случилось уже въ періодъ Московскій. Принимая это, нужно будетъ понимать дѣло такъ, что расширеніе суда церковнаго случилось въ самомъ началѣ періода Московскаго, когда князья Московскіе, стремясь къ своему возвышенію, имѣли великую нужду въ митрополитахъ и слѣдовательно должны были пріобрѣтать ихъ благоволеніе къ себѣ своею имъ уступчивостію.

Къ стр. 431 fin.. Поправку относительно того, какъ понимать слова о помраченности правилъ облакомъ мудрости эллинскаго языка, см. въ 1-й половинѣ II тома сей Исторіи, стр. 64.

Къ стр. 436, къ прим. 2-му. Грамоты Всеволода Мстиславича мы намѣревались было напечатать въ приложеніяхъ къ III главѣ, но потомъ нашли это за ненужное (а вычеркнуть обѣщанія по недосмотру не вычеркнули).

Къ стр. 444. О дарахъ Новгородцевъ митрополиту за то, что митрополитъ почтилъ ихъ епископа титломъ (именованіемъ) архіепископа, Никоновская лѣтопись говоритъ: «И даша многи дары, злато и сребро и жемчюгъ и отъ всякаго шелкова и отъ всякаго мягкаго и отъ иныхъ многихъ дары, якоже и число превзыде, Ивану митрополиту Кіевскому и всеа Русіи»,—II, 195.

Къ стр. 455. Обстоятельную порядную запись священника съ прихожанами 1649-го года см. въ I кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1879-й годъ, въ числѣ «Актовъ XVII вѣка о Шеговарскомъ приходѣ Шенкурскаго уѣзда», стр. 8, № 3.

Къ стр. 456. Въ Судебникѣ Іоанна IV читается: «а попу пожилаго нѣтъ и ходити ему вонъ безсрочно воля»,—§ 88, Акт. Ист. I, 247. Это, по всей вѣроятности, должно понимать такъ: если священникъ поступитъ въ приходъ, принадлежащій какому нибудь вотчиннику, и если онъ не заключитъ контракта относительно срока: то не подчиняется правиламъ относительно перехода крестьянъ (о которомъ въ томъ же параграфѣ,—отъ осенняго Юрія до него же), а можетъ оставить приходъ, когда хочетъ, и при этомъ онъ не платитъ пожилаго за домъ вотчинниковъ, въ которомъ жилъ.

Къ стр. 458. Подъ 1175-мъ годомъ упоминается въ лѣтописяхъ Ѳеодулъ, игуменъ Владимирской св. Богородицы, вмѣстѣ съ протопо-

помъ той же церкви Николаемъ (Микулицей и съ деместьвяникомъ или регентомъ пѣвчихъ, которые называются тутъ клирошанами, Ипатск. 2 изд. стр. 402, Лавр. 2 изд. стр. 351); подъ 1178-мъ годомъ въ Ипатской лѣтописи упоминается Ефремъ, игуменъ святое Богородицы (2 изд. стр. 411 нач.), по всей вѣроятности — Кіевской Десятинной: это, какъ должно думать, духовники церквей. — Въ Греціи былъ обычай, что бѣлые приходскіе священники, постригаясь въ монахи, продолжали оставаться приходскими священниками, Вальсам. въ схоліи къ 3-й гл. 1-го тит. Номоканона Фотіева, у *Ралли* и *П.* I, 41. Какая цѣль была этого постриженія, для насъ не ясно (желаніе пріобрѣсти право духовничествовать, которое давалось только монахамъ?), и было ли у насъ такъ, не встрѣчали указаній.

Къ стр. 459, къ прим. 1. А относительно второй половины XIV в. см. Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича* II, 170.

Къ стр. 465. Зонара и Вальсамонъ даютъ знать, что παραμονάριοι были у Грековъ церковными чиновниками (низшаго класса), ибо говорятъ, что они προβάλλονται (производятся) подобно экономамъ, экдикамъ, хартуларіямъ и другимъ,—у *Ралли* и *П.* II, 218 и 219.

Къ стр. 466. И по греческому требнику пономарю не посвященіе, а только молитва. Называется онъ въ старомъ греческомъ требникѣ κηροφόρος'омъ, т. е. свѣщеносомъ,—у *Морини* De ordinationibus p. 66.

Къ стр. 469. Ясно употребляетъ Вальсамонъ слово ἐκκλησιάζειν въ смыслѣ: совершать церковныя службы въ толкованіи 31-го апостольскаго правила,—у *Ралли* и *П.* II, 40. См. еще о словѣ: ἐκκλησιάζειν у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. и у *Свицера* въ Thesaur. ecclesiastic.

Къ стр. 481. Въ настоящее время на церковныхъ, общественныхъ и частныхъ, службахъ священники читаютъ положенныя молитвы (за весьма немногими исключеніями) тайно или про себя, а вслухъ молящихся читаютъ только концы молитвъ или дѣлаютъ возгласы. На самомъ дѣлѣ должны бы читаться вслухъ молящихся сполна всѣ молитвы. Главною причиною установленія нынѣшняго обычая, конечно, было желаніе укоротить службы; но второю за тѣмъ причиною весьма вѣроятно считать отсутствіе служебниковъ и требниковъ, почему вынуждены были поставить священникамъ въ обязанность знать хорошо наизусть только концы молитвъ, а знаніе самыхъ молитвъ предоставить совѣсти и качеству памяти каждаго изъ нихъ (новый или нынѣшній обычай началъ вводиться до импер. Юстиніана, который въ новеллѣ 137-й, отъ 564-го года,—гл. 6, дѣлаетъ оставшееся бездѣй-

ственнымъ предписаніе возвратиться къ старому или первоначальному и такъ сказать подлинному обычаю).

Къ стр. 483. Еще о поученіи «на сборъ», усвояемомъ неизвѣстному Кириллу, см. въ статьѣ *А. В. Горскаго*: «О древнихъ словахъ на святую четыредесятницу», напеч. въ XVII части Прибавлл. къ творр. свв. отцц., стр. 45.—Въ позднѣйшей Кіевской Руси епископы назначали новопоставленнымъ священникамъ срокъ учиться совершенію церковныхъ службъ до нашего собора, «а о соборѣ,—говоритъ епископъ новопоставленному священнику въ одной записи о священническомъ ставленіи,—дастъ Богъ, пріидешь къ намъ, и мы сами тебе выслушаемъ; будешь умѣти гораздо всему священническому чину, и ты и впредь будеши священникомъ; или не учнешь учитися, а не будешь умѣти всего того, что тебѣ ся священнику годитъ, и мы тебѣ пѣти не повелимъ и церковь отдадимъ иному до тѣхъ мѣстъ, доколѣ ся научишь гораздо всему своему священническому чину», см. Опис. сѵнодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 366, л. 89, стр. 102 нач.

Къ стр. 499. Одинъ бояринъ второй половины XVI вѣка приказываетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи «дати (по немъ) на сорокъ церквей сорокоусту по рублю денегъ къ церквѣ»,— Акты Юридич. 1838-го года № 421, стр. 455 нач.. Въ повѣсти о посадникѣ Новгородскомъ Щилѣ говорится, что архіепископъ Новгородскій «повелѣ (по немъ—посадникѣ) на 40 дній у 40 церквей сорокоусты дати священникомъ съ причетники довольно, да поютъ въ ты дни по 40 панихидъ и литургіи неизмѣнно»,—въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, вып. I, стр. 22 нач..

Къ стр. 514—515. О грамотѣ Святослава Олеговича. Грамота Святослава Олеговича, написанная имъ по соглашенію съ епископомъ Нифонтомъ въ 1137 г., содержитъ: во-первыхъ, уряженіе относительно того, какую опредѣленную сумму взимать ежегодно епископу отъ князя (или князю платить епископу) за десятину отъ виръ и отъ продажъ; во-вторыхъ, роспись, сколько взимать епископу десятины отъ даней. На эту послѣднюю, составляющую бо̀льшую половину грамоты, должно смотрѣть не какъ на полную роспись десятины, имѣвшей взиматься епископомъ со всей епархіи, а какъ на роспись только дополнительную къ прежде существовавшей, и понимать дѣло такъ, что въ ней назначается десятина или въ мѣстахъ, вновь прибывшихъ послѣ прежняго уряженія, или въ мѣстахъ, въ которыхъ прежнимъ уряженіемъ почему нибудь не назначено было взимать ее, или наконецъ такъ, что въ перечисляемыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе умноженія народонаселенія

или вслѣдствіе бо́льшаго распространенія христіанства, нужно было переуложить ее. «Прежде насъ на Руси,—пишетъ Святославъ,—прадѣдами и дѣдами нашими уложенъ уставъ, чтобы получать епископамъ десятину отъ даней, отъ виръ и отъ продажъ, (смотря по тому) сколько получается всего (отъ этихъ статей дохода) князьями. А здѣсь въ Новгородѣ, сколько взимать епископу десятины отъ даней, это мы нашли уряженнымъ прежде насъ бывшими князьями; но десятины отъ виръ и отъ продажъ, (епископъ) получалъ столько (въ подл. «зьрѣлъ»—видѣлъ отъ князя), сколько (ежегодно приходило) дохода князю въ его казначейство (т. е. смотря по тому, сколько ежегодно....). (Эта неопредѣленность) причиняла непріятности епископу, непріятности князю относительно сего предмета,—десятой части Божіей. По этой причинѣ я уставилъ св. Софіи, чтобы епископъ взималъ (ежегодно) за десятину отъ виръ и отъ продажъ сто гривенъ новыхъ кунъ, которыя долженъ выдавать ему Домажиричъ изъ Онега (чиновникъ, собирающій Онежскія дани)»... и пр. «(Еще) урядилъ я Никола князь Новгородскій (по-мірскому) Святославъ св. Софіи и написалъ»: въ такомъ-то мѣстѣ епископу брать столько-то, въ такомъ то столько-то,—слѣдуетъ дополнительная роспись о взиманіи десятины съ даней.

Къ стр. 527, къ 3-му примѣчанію, къ 3-й строкѣ снизу. Тутъ послѣ: «(стр. 406)» должна быть поставлена запятая и читаемо пропущенное: въ которой строго воспрещается взиманіе платы за поставленія въ церковныя степени,—стр. 548.—Аѳанасій Ипсиланти въ сейчасъ помянутомъ сочиненіи Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν сообщаетъ, что взиманіе платы за поставленія соборно запрещаемо было при патр. Митрофанѣ 3-мъ въ 1566-мъ году и при Іереміи 2-мъ въ 1574-мъ году,—стрр. 101 и 108. Не находимъ сейчасъ въ своихъ замѣткахъ, но смутно припоминается намъ, что какъ будто и еще не одинъ разъ были дѣлаемы эти запрещенія.

Къ стр. 536, къ примѣч. Выписки изъ устава Московскаго Успенскаго собора сдѣланы Барсуковымъ по изданію устава въ III томѣ Русской Исторической Библіотеки, печатаемой Археографическою Коммиссіею.—Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи «халтура» (хавтура) значитъ поминки, а «халтуровать» (хавтуровать) значитъ участвовать въ поминальномъ обѣдѣ, пировать на поминкахъ. Въ Галиціи простой народъ называетъ причетниковъ церковныхъ хавтурниками (какъ у насъ въ Великороссіи тотъ же простой народъ называетъ ихъ кутейниками), см. Лингвистично-историческіи разсужденія *А. С. Петрушевича*, Львовъ, 1887, стр. 75. — По Снегиреву, въ Литвѣ торжественныя поминки

умершихъ называются chauturas, хавтурами, см. его Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, I, 109.

Къ стр. 540 нач.. Недвижимыя имѣнія въ видѣ усадебъ или селъ (фермъ) могли быть дарствуемы приходскимъ церквамъ съ тѣмъ, чтобы ими не владѣли священники, а завѣдывали выбранные міромъ церковные старосты, которые на получавшіеся съ имѣній доходы только содержали бы священниковъ или изъ получавшихся доходовъ только бы удѣляли имъ нѣкоторую часть. Такъ это и было въ позднѣйшее время въ Новгородской, а особенно во Псковской области (а когда священники обѣихъ областей, желая получить имѣнія въ свое пользованіе, жаловались, что міряне расхищаютъ имѣнія, что̀, можетъ быть, до нѣкоторой степени и было справедливо, то при этомъ должно быть подразумѣваемо, что они сами расхитили бы ихъ гораздо скорѣе и полнѣе).

Къ стр. 559, къ примѣч. Весьма интересный разсказъ Благовѣщенскаго объ одномъ изъ современныхъ греческихъ архіереевъ, принадлежащихъ къ разряду тѣхъ, о которыхъ говоритъ Ліутпрандъ, см. въ его извѣстной книгѣ «Среди богомольцевъ»,—Ѳессалія, часть вторая, село Зарко, 2 изд. стр. 388 sqq.

Къ стр. 564, къ прим. 1. Что въ Греціи были священники звѣроловы и птицеловы или вообще охотники, это даетъ знать 135-е правило Номоканона при требникѣ, которое говоритъ: «Священникъ (звѣре-)ловецъ или птицеятель да есть празденъ три мѣсяца».

Къ стр. 559, къ примѣч.. Впрочемъ, епископъ Ѳеодоръ могъ быть уяденъ и не охотничьею, а бѣшеною дворовою собакою, или даже бѣшеною собачкою комнатною.

Къ стр. 565 и *слѣдд. О цвѣтѣ одеждъ духовенства и объ украшеніяхъ на нихъ.* Вальсамонъ даетъ знать (у *Ралли* и *П.* II, 616), а Сѵмеонъ Солунскій прямо говоритъ (у *Миня* въ Патролог. t. 155, col. 396), что одежда чтецовъ была (или полагалось, чтобы была) черная. Относительно одежды священниковъ и діаконовъ Сѵмеонъ Солунскій говоритъ, что для благоприличія (для скромности,—διὰ τὴν εὐλάβειαν) она должна быть фіолетовая (темнокрасная,—ἄμφα ὀξέα) или черная (ibid. col. 393 fin.). Нашъ митр. Іоаннъ 2-й въ Правилахъ Іакову черноризцу предписываетъ, чтобы одежда священниковъ была черная, а въ случаѣ крайней нужды—бѣлая,—въ Памятни. *Павлова* col. 20 нач. Одно древнее поученіе новопоставленному священнику предписываетъ ему, чтобы онъ «одежю носилъ долгу до глезна, ни отъ пестринъ ни отъ утварій мирскихъ»,—Никон. Кормч. гл. 60, л.

602 об., и у *Павлова* ibid. col. 104 fin. Въ XVII вѣкѣ однорядки священниковъ, какъ можно заключать изъ одного сатирическаго на нихъ (священниковъ) стихотворенія, были по преимуществу темнозеленаго цвѣта, а кафтаны—зеленаго, см. *А. Е. Викторова* Описаніе рукописей И. Д. Бѣляева, М. 1881, стр. 35. Посошковъ въ сочиненіи О скудости и богатствѣ говоритъ, что въ его время попы и дьяконы носили одёжу сѣрмяжную сѣрыхъ и бѣлыхъ суконъ некрашеныхъ,—по изд. *Погодина* стр. 30. Во времена нашего дѣтства, которое относится къ концу первой половины прошлаго столѣтія, у старыхъ сельскихъ священниковъ подрясники и рясы были по преимуществу нанковыя желтыя (А соборъ 1675-го года, согласно съ Сумеономъ Солунскимъ, предписывалъ было, чтобы мірскіе священники и діаконы носили одежды не цвѣтныя, но черныя или багряновидныя, изъ сукна сошвенныя и не изъ иныхъ тканій или цвѣтовъ, — Ист. Іер. I, 344). Что касается до украшеній на одеждахъ духовенства (въ томъ числѣ и епископовъ): то 7-й вселенскій соборъ въ правилѣ 16-мъ предписываетъ, чтобы «разноцвѣтныя изъ шелковыхъ тканей одежды не были носимы (духовенствомъ), и на края одеждъ не налагалися воскрилія инаго цвѣта», а Вальсамонъ въ толкованіи на правило собора говоритъ, что въ его время иные клирики щеголяли въ аксамитныхъ (бархатныхъ) иматіяхъ, которые имѣли (на которые нашиты были) не только иноцвѣтныя бахромы (ἑτερόχροα ἀντίπανα), но и золотомъ затканныя (вышитыя), а также и дорогія золотыя украшенія, называвшіяся (отъ своей формы) письменами (γράμματα),—у *Ралли* и *П.* II, 624 sub fin., см. его же толкованіе и на 27-е правило Трулльскаго собора,—ibid. стр. 365). О нѣкіихъ во одеждоношеніи различноцвѣтныхъ украшеніяхъ и нѣкихъ новыхъ относительно одежды вымышленіяхъ нашихъ русскихъ архіереевъ говоритъ соборъ 1675-го года,—Ист. Іер. I, 323; о нашивкахъ на одеждахъ у нашихъ священниковъ и монаховъ (монашескихъ властей) см. на ст. 574 и въ дополненіи къ этой страницѣ. Относительно головнаго покрова греческихъ священниковъ Арсеній Сухановъ пишетъ въ своемъ Проскинитаріи, что на островѣ Хіосѣ «попы и діаконы носили скуфьи, назади (у которыхъ) хвостъ широкъ и долгъ, якобы у жонокъ у сороки, да сверхъ того поясана глава платомъ бѣлымъ, яко бы вѣнецъ у дѣвокъ»,—Сунодальн. ркп. N. 574, л. 28 (о хвостѣ широкомъ и долгомъ, который по гречески περιστερά, Дюканжъ въ Glossarium'ѣ Graecitatis пишетъ подъ этимъ послѣднимъ словомъ: Περιστερά, *Columba*, pannus violaceus in caudae columbinae speciem, a pileo perinde violaceo Sacerdotis saecularis Graecanici retro

dependens; о головномъ покровѣ нашихъ женщинъ, называвшемся сорокой, сороками (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и доселѣ остающемся), см. въ Историческомъ и топографическомъ описаніи городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами, Москва, 1787, стрр. 164 нач., 221, 240, 302 и 358, въ Описаніи Архангельской губерніи *Козмы Молчанова*, стр. 38 sub fin., въ IV т. Извѣстій Археограф. Общества, стр. 219, въ Очеркахъ природы и быта Бѣломорскаго края Россіи *А. Михайлова*, Спб. 1868, стр. 223 fin.). Барскій въ своемъ Путешествіи къ святымъ мѣстамъ пишетъ о священникахъ Анатолійскихъ (Малоазіатскихъ): «Мірстіи тамо попы въ знаменіе разнствій носятъ нѣкіе черные суконные подкапки съ обвитымъ окресть поясцомъ бѣлымъ», и потомъ о священникахъ острова Лероса: «священницы тамо носятъ черные подкапки съ поясцами бѣлыми въ знаменіе разнствія отъ иноковъ же и мірскихъ,—изд. 1800 г. стрр. 367 fin. и 370 sub fin... Во время моихъ дѣтства и юности у сельскихъ священниковъ (нашей, по крайней мѣрѣ, Костромской губерніи) довольно обычны были бѣлыя шляпы и чуть ли не выходили только изъ общаго дотолѣ употребленія. (Священническій клиросъ митр. Кипріана называется «бѣло образующимъ», см. выше стр. 381, прим. 1: не разумѣются ли тутъ бѣлые головные покровы клирошанъ?).

Къ стр. 568, къ строкѣ 6—7 сверху. Разумѣемъ не нынѣшнія солдатскія шинели, а бывшія передъ нынѣшними.

Къ стр. 574 fin. Во вкладныхъ книгахъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря XVII вѣка, напечатанныхъ въ I кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1898-й годъ, описывается до нѣкоторой степени мятель архимандричій, именно въ книгахъ читается запись: «Далъ вписи (въ поминовенные синодики) архимандритъ Иларіонъ по родителехъ своихъ, по 30 имянехъ, мятель вишневова (темно-краснаго) сукна, нашивка шолкъ гвоздишной (алый), подкладка киндякъ (бумажная набойчатая матерія) таусинной (синій, темно-синій), подпушонъ покромью (опушонъ извнутри мѣховой лентой или обшитъ покромкой?) за 10 рублевъ»,—стр. 28. Судя по этому описанію мятля слѣдуетъ думать, что онъ представлялъ собою мантію болѣе или менѣе украшенную; а если такъ, то понятно будетъ предписаніе монаху Кирилла Туровскаго или неизвѣстнаго автора: «а мятля на ся не възлагай»; оно будетъ значить: а мантіи украшенной, какая у властей, не носи.

Къ стр. 577, къ примѣч. Протопресвитеръ П. Алексѣевъ въ своемъ Церковномъ словарѣ, по 3-му 1816-го года изданію послѣдняго, выражается о нынѣшней рясѣ такъ, что какъ будто и въ 1816-мъ

году носили ее еще не всѣ священники, именно говоритъ: «Ряса, Греч. исправнѣе раса, верхнее одѣяніе духовнаго чина, людьми *особливо* монашествующими носимое».—Въ одномъ чинѣ поставленія епископскаго говорится, что послѣ обряда настолованія вновь поставленнаго епископа «келейникъ митрополичь възлагаетъ нань параманатку съ источникы», Акт. Экспед. т. I, № 375, стр. 473, col. 1.

Къ стр. 578, къ строкѣ 19-й снизу. Ссылка на Никоновскую Кормчую сдѣлана нами ошибочно, и какъ это случилось, сейчасъ не можемъ объяснить себѣ: о неращеніи власъ читается въ рукописныхъ Кормчихъ (см. *Розенкампфа* Обозрѣніе Кормчей книги, стр. 311 нач., *Востокова* Описаніе рукописей Румянцовскаго Музея, стр. 301 col. 1, *Срезневскаго* Обозрѣніе древнихъ списковъ Кормчей книги, стрр. 37 fin. и 74 нач.), а въ печатной Никоновской Кормчей это опущено. Вотъ запрещеніе священникамъ растить волосы по списку его въ Макарьевской Четь-Минеѣ Успенскаго собора подъ 31-мъ Августа: «*О растящихъ власы и красящихся ими іереи.* А о власѣхъ не сице ли заповѣда Богъ пророкомъ: власы главы твоея не питай, рече, рекше—не прерастай, паче же но устригай ихъ и очищай, да не часто чешащу ти ся и власы долгы главныа соблюдающу и всегда вонями мажущу ти ся—не наведеши на ся таковыми улавляемыа или паче улавляющіа жены», л. 1378 об.

Къ стр. 610, къ примѣч. 1-му. Василій Великій, скончавшійся въ 379-мъ году, еще не зналъ апостольскихъ правилъ, см. его правило 91 и Зонарино толкованіе на правило у *Ралли* и *П.* IV, 284 fin.

Къ стр. 611, къ примѣч. Григорій Богословъ говоритъ, что въ его время были епископы, которые смотрѣли на свой санъ не какъ на λειτουργίαν ὑπεύθυνον, не какъ на служеніе, подлежащее отвѣтственности, а какъ на ἀρχὴν ἀνεξέταστον, какъ на власть безотвѣтственную,—Слово, въ которомъ Григорій Богословъ оправдываетъ свое удаленіе въ Понтъ: греческій подлинникъ въ Патролог. *Миня* t. 35 col. 410, русскій переводъ Моск. Д. Академіи ч. 1, изд. 3 стр. sub fin..

Къ стр. 612. Въ старомъ греческомъ чинѣ посвященія во епископы по нѣкоторымъ его спискамъ предписывается относительно возглашенія въ молитвѣ посвященія: если посвящающій есть патріархъ, то онъ говоритъ: ψήφῳ καὶ δοκιμασίᾳ τῶν ἱερωτάτων μητροπολίτων καὶ ἀρχιεπισκόπων (καὶ ἐπισκόπων) καὶ τῶν ὁσιωτάτων πρεσβυτέρων, а если посвящающій есть митрополитъ, то говоритъ ψήφῳ καὶ δοκιμασίᾳ τῶν θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων καὶ τῶν ὁσιωτάτων πρεσβυτέρων ἡ θεῖα χάρις и пр., см. у *Меурсія* въ его Glossarium'ѣ подъ

сл. χαρτοφύλαξ, стр. 620, col. 2, также у Гоара въ Εὐχολόγιον'ѣ, ed. Paris, p. 302.

Къ стр. 614. Іоаннъ Златоустый на соборѣ, собранномъ противъ него Θеофиломъ Александрійскимъ, между прочимъ обвиняемъ былъ въ томъ, что «творитъ хиротоніи безъ собора пресвитеровъ (ἄνευ συνεδρίου) и безъ вѣдома клира», Opp. Chrysost. ed. Montfauc. Paris. altera, XIII, 327 C fin. Соборъ, какъ должно думать, взводилъ на св. отца клеветы, но обвиненіе показываетъ взгляды и практику времени (о послѣдней cfr Лавсаикъ Палладія § 125, русск. перев. стр. 286, и см. книгу г. *Остроумова:* Синезій, епископъ Птолемаидскій, М. 1879, стр. 144).

Къ стр. 616, къ примѣч. Мы просмотрѣли всѣ русскіе курсы и учебники церковнаго права, начиная съ Записокъ по церковному законовѣдѣнію протоіерея І. М. Скворцова и кончая послѣдними по времени печатанія (въ «Богосл. Вѣстн.») лекціями А. С. Павлова, и съ сожалѣніемъ должны сказать, что ни у кого не нашли настолько нарочитыхъ рѣчей о предметѣ, насколько заслуживалъ бы онъ по своей важности (нѣкоторое исключеніе составляетъ о. М. П. Альбовъ съ своимъ Краткимъ курсомъ лекцій по церковному праву, Спб., 1882).

Къ стр. 623. Въ словахъ устава: «пошибанье промежи мужемь и женою о животѣ» вѣроятнѣе разумѣть два дѣла, а не одно дѣло, именно: 1) пошибанье или битье, подразумѣвается—женщины (въ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами, заключенномъ ок. 1195-го года: «оже пошибаіеть мужеску жену любо дчьрь, то князю» столько-то, а женѣ или дчери столько-то; въ мнимомъ уставѣ Ярославовомъ § 3: «аще кто пошибаеть боярьскую дщерь или боярьскую жену...»; 2) промежи мужемъ и женою о животѣ или пожиткахъ, подразумѣвается—споры, ссоры («рѣчь», какъ говорится въ посланіи неизвѣстнаго по имени епископа Владимирскаго къ не называемому по имени сыну Александра Невскаго, въ которомъ «пошибаніе» значится какъ особое дѣло, см. выше стр. 641 fin.).

Къ стр. 624, нач. Юрій Крыжаничъ въ своемъ Обличеніи Соловецкой челобитной говоритъ, что «зде въ руском језику чародѣји (јиже зъ бѣсми говорет) зовут се јеретикми», см. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1893 г. кн. II, стр. 153.

Къ стр. 632, къ примѣч. Слово «толока» въ своихъ теперешнихъ малорусскихъ значеніяхъ не только въ древнее время употреблялось, но и доселѣ употребляется и на Сѣверѣ, и между прочимъ именно въ Новгородѣ, которому должно быть усвояемо составленіе устава, см. въ Толковомъ словарѣ *Даля* подъ сл. толочь.

Къ стр. 653, къ § 12. Славянское: «о останьцѣхъ», очевидно, есть переводъ греческаго: ʼεπὶ τῶν παραλειπόντων, что̀ значитъ: о оставляющихъ, на оставляющихъ, т. е. небрегущихъ (приходить въ церковь въ канонъ, т. е. къ канону или же въ узаконенное время?).

Къ стр. 669. О предположеніи, что св. Владиміромъ назначена была въ епархію епископу Бѣлгородскому область Древлянская (обнимавшая восточную половину нынѣшней губерніи Волынской по рѣку Горынь на западѣ и южную часть нынѣшней губерніи Минской по р. Припять на сѣверѣ), см. выше стр. 337.

Къ стр. 673, къ прим. 1. Въ перечнѣ Новгородскихъ архіереевъ, читаемомъ въ рукописи того же Румянцевскаго музея конца XV—начала XVI вѣка, N 358, и напечатанномъ въ I томѣ Матеріаловъ для исторіи русской церкви, издававшихся при Харьковскомъ Духовномъ Вѣстникѣ, Харьковъ, 1862, стр. 56, объ епископѣ Іоаннѣ сказано: «(седьмой епископъ) Иванъ, попъ Янъ, сѣде 20 лѣтъ и отвержеся архіепископьи, сего же не помнаютъ въ молитвахъ».

Къ стр. 678, къ примѣч. 2-му. Въ Воскресенской лѣтописи говорится, что у первопостроенной каѳедральной церкви Ростовской, сгорѣвшей въ 1160-мъ году, служило семь епископовъ: Ѳеодоръ, Иларіонъ, Леонтій, Исаія, Ефремъ, Несторъ, Леонъ,—Собр. лѣтт. VII, 313 fin..

Къ стр. 698, къ прим. 1-му. Мощи епископа Симона дѣйствительно никогда не были переносимы въ Печерскій монастырь и доселѣ находятся во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, см. статью *преосв. Сергія*: «Св. Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій», напечатанную въ Трудахъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи 1899-го года (Могло еще быть, чтобы Симонъ, не бывъ погребенъ во Владимірѣ, былъ отправленъ для погребенія, согласно его предсмертному завѣщанію, въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, какъ это и предполагаетъ митр. Евгеній въ своемъ Описаніи Кіевопечерской Лавры; но чтобы послѣ его погребенія во Владимірѣ,—а что онъ погребенъ былъ во Владимірѣ, въ Успенскомъ Соборѣ, объ этомъ совершенно ясно говоритъ Лаврентьевская лѣтопись,—великіе князья Владимірскіе, а потомъ Московскіе дозволили вырыть его останки изъ земли и перенести ихъ въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, какъ принимаетъ напр. преосв. Филаретъ,—Русскіе святые, 20 Мая, этого совсѣмъ невозможно допустить). Что касается до Симона, почивающаго въ Кіевскихъ пещерахъ, то полагаютъ, что это есть Симонъ Ростовскій, жившій, вѣроятно, въ первой половинѣ XII вѣка. Но Симона Ростовскаго

вовсе не бывало, а лишь ошибочно значится въ одномъ спискѣ епископовъ Ростовскихъ,—Собр. лѣтт. IV, 102, VI, 128, VIII, 69, Типогр. лѣт. стр. 208, тотъ же Симонъ Владимірскій. Не отыскивая напрасно другаго Симона для замѣщенія имъ въ Кіевскихъ пещерахъ Симона Владимірскаго, загадку о послѣднемъ необходимо объяснять и единственно возможно объяснить такъ сказать посредствомъ разсѣченія Гордіева узла... Симонъ Владимірскій, бывъ изъ постриженниковъ Печерскаго монастыря, былъ и горячимъ его почитателемъ; написавъ для его прославленія половину его Патерика, онъ говоритъ въ послѣднемъ Поликарпу: «истинно говорю тебѣ: сейчасъ же всю славу и честь (епископа Владимірскаго) за ничто вмѣнилъ бы, лишь бы коломъ торчать за воротами, валяться сóромъ въ Печерскомъ монастырѣ, чтобы люди попирали меня, или сдѣлаться однимъ изъ убогихъ, просящихъ милостыню у воротъ честной лавры, это лучше было бы для меня временной сей чести»,—и въ Печерскомъ монастырѣ составилась легенда, (притомъ какъ будто въ позднѣйшее уже время, cfr ниже Кальнофойскаго), что постриженникъ и горячій почитатель Печерскаго монастыря, написавшій для его прославленія половину его Патерика, изъявилъ желаніе лежать своими тѣлесными останками въ монастырѣ. Послѣ того какъ составилась легенда, могло случиться и то, чтобы однѣ изъ безъименныхъ мощей, находившихся въ пещерахъ, начали слыть и быть принимаемы за мощи Симоновы... (У Кальнофойскаго въ его Тератургимѣ 1638-го года нѣтъ еще Сѵмона Владимірскаго, а есть обращенный потомъ въ Симона Swiety Symeon Metropolit,—Святой Сѵмеонъ митрополитъ! А когда митр. Евгеній, давая въ своемъ Описаніи Кіевопечерской Лавры списки святыхъ, почивающихъ въ пещерахъ, читаемые у Кальнофойскаго, вмѣсто стоящаго у послѣдняго подъ 4-мъ № святыхъ Ближнихъ пещеръ: «Swiety Symeon Metropolit» ставитъ: «Св. Симонъ Епископъ Суздальскій»: то поступаетъ, конечно, вовсе не похвальнымъ образомъ).

Къ стр. 725, къ прим. Каша, о приношеніи которой учениками мастерамъ по изученіи первыми каждой службы говоритъ архіеп. Геннадій въ своемъ посланіи,—Акт. Ист. т. I, N 104, стр. 148 col. 1, въ Малороссіи оставалась до не особенно давняго времени, см. у *Н. В. Закревскаго* во второй книгѣ Старосвѣтскаго бандуриста, въ словарѣ сл. Кашникъ, стр. 358 fin., и у *А. В. Никитенки* въ его Запискахъ и дневникѣ, т. I, стр. 20 (у послѣдняго и о частныхъ малорусскихъ школахъ начала прошлаго столѣтія).

Къ стр. 754. Статья г. Д. Абрамовича: «Къ вопросу объ источникахъ Несторова житія преп. Ѳеодосія Печерскаго»—въ Извѣстіяхъ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ 1898 года, вып. I, 243. Авторъ считаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, что Несторъ, составляя житіе преп. Θеодосія, пользовался, какъ однимъ изъ источниковъ, житіемъ Саввы Освященнаго, принадлежащимъ Кириллу Скиѳопольскому, и именно древне-славянскимъ переводомъ (а не греческимъ оригиналомъ) послѣдняго житія (о статьѣ въ VI т. Визант. Временника, отд. II, стр. 230 fin.).—Въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1890 г., въ кн. II, напечатано архим. Леонидомъ: «Нестора мниха монастыря Печерьскаго слово о пренесеніи мощемъ святаго преподобнаго отца нашего Θеодосія Печерскаго». Но слово это представляетъ собой поддѣльное позднѣйшее усвоеніе Нестору разсказа лѣтописца (который не есть Несторъ) объ откопаніи имъ—лѣтописцемъ мощей преп. Θеодосія по порученію игумена монастыря (читаемаго въ лѣтописи подъ 1091-мъ годомъ).

Къ стр. 756, къ прим. 2. Вопросу о житіи преп. Антонія посвящена статья *г. Шахматова*: «Житіе Антонія и Печерская лѣтопись», напечатанная въ 316-й части (въ Мартовской книжкѣ 1898-го года) Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, стрр. 105—149 (Со взглядами автора или съ его представленіемъ дѣла мы съ своей стороны не согласны; но рѣчь идетъ о предметѣ темномъ и спорномъ, дающемъ мѣсто разнымъ предположеніямъ и нѣсколькимъ отвѣтамъ на вопросъ).

Къ стр. 757. Одна изъ позднѣйшихъ редакцій житія св. Леонтія Ростовскаго напечатана *А. А. Титовымъ* въ IV кн. Чтеній Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ 1893 года.

Къ стр. 786, къ прим. 2. Еще о первоначальной лѣтописи: статья *Замысловскаго:* «Къ вопросу о составѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ», напеч. въ Майской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1889 годъ; статьи *Шахматова:* «Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти временныхъ лѣтъ», напеч. ibid. въ Мартовской книжкѣ 1897 года, «Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописей», напеч. ibid. въ Апрѣльской книжкѣ 1897 года, и «Древнѣйшія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ», напеч. ibid. въ Октябрьской книжкѣ 1897 года.

Къ стр. 790, къ прим. 2. «Нѣсколько замѣтокъ о новгородскихъ лѣтописяхъ» г. *И. Тихомирова*—въ Сентябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1892-й годъ.

Къ стр. 813, къ прим. 4. Въ одной рукописи Общества Исторіи и Древностей слово епископа Луки (если не ошибаемся) надписывается:

«Святыхъ апостолъ поученіе ко всѣмъ христіяномъ»,—*Строева* Описаніе рукописей библіотеки Общества, № 208, л. 74, стр. 89.

Къ стр. 826, къ 5-й строкѣ снизу. Поученіе Зарубскаго черноризца Георгія—въ выпускѣ I Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № VII, стр. 51 (Черноризца Георгія избралъ въ свои духовные отцы какой-то юноша, по всей вѣроятности—богатый; опасаясь, чтобы юноша, недовольный его — черноризца малоучительностью, не перешелъ къ другому духовному отцу, Георгій пишетъ ему, что онъ никакъ не долженъ этого дѣлать, что если онъ это сдѣлаетъ, то уже одно сіе, хотя бы и не сотворилъ онъ другаго грѣха, будетъ на погибель его души... Подозрѣвается, что желаніе удержать у себя духовнаго сына, по всей вѣроятности—человѣка богатаго, было главнымъ побужденіемъ для Георгія написать его посланіе, которое въ учительной своей части, очень непространной, не представляетъ ничего замѣчательнаго).

Къ стр. 828. Владимиръ Мономахъ: статья г. *Н. Шлякова* «О поученіи Владимира Мономаха»—въ Майской, Іюньской и Іюльской книжкахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1900-й годъ; часть первая книги г. *И. Ивакина*: «Князь Владимиръ Мономахъ и его поученіе»—Москва, 1901.

Къ стрр. 839 и 853. Митрополитъ Іоаннъ 1-й поставленъ нами въ ряду нашихъ писателей изъ природныхъ Русскихъ ошибочнымъ образомъ: онъ былъ родомъ не Русскій, а Грекъ (см. стр. 268, прим.), и принадлежитъ къ числу нашихъ писателей изъ сихъ послѣднихъ.

Къ стр. 847. Г. Лопаревъ ведетъ новыя рѣчи о Григоріи, учителѣ пресвитера Ѳомы, въ своей статьѣ: «Опытъ толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ въ памятникахъ древне-русской письменности», напечатанной въ Іюньской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1897-й годъ (статьи гл. II). Объ этихъ новыхъ рѣчахъ г. Лопарева о Григоріи мы должны сказать, что люди не хотятъ полагать предѣла своимъ фантазіямъ и что они парятъ въ области какихъ-то видѣній...

Къ стр. 849—850. И. В. Ягичъ въ указанномъ I томѣ Изслѣдованій по русскому языку дѣлаетъ ссылки на четыре изданія нѣмецкаго ученаго Петра Эгенольфа (Egenolff), касающіяся грамматологіи или буквословія греческаго языка, именно: 1) Anonimi Grammaticae Epitoma (о которомъ замѣчаетъ, что въ немъ подобрана богатая литература по вопросу о греческихъ буквахъ), 2) Erotemata grammatica ex arte Dionysiana oriunda, 3) Die orthographischen Stücke der

byzantinischen Literatur и 4) Die orthoepischen Stücke der byzant. Literatur (у Ягича стрр. 315 fin., 609, 610 и 794 нач.), которыя, по всей вѣроятности, помогли бы намъ положительно отвѣтить на вопросъ, какую ученость разумѣетъ Климентъ въ своихъ словахъ: «у мене мужи, имже есмь самовидецъ, иже можетъ единъ рещи алфу»... и пр.; но, къ сожалѣнію, ни одного изъ этихъ четырехъ изданій мы не имѣемъ подъ руками.

Къ стр. 856. Архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ въ своемъ сочиненіи Ὀρθόδοξος Ἑλλάς (Ἐν Λειψίᾳ, 1872) говоритъ, что Софоклъ Икономъ, напечатавшій въ 1868 г. въ Аѳинахъ посланіе митр. Іоанна къ папѣ Клименту, приложилъ къ своему изданію отрывокъ изъ другаго посланія митр. Іоанна περὶ ἀζύμων (объ опрѣснокахъ),— стр. 10. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ у себя изданія Икономова и ничего не можемъ сказать объ этомъ отрывкѣ изъ другаго посланія нашего митрополита.

Къ стр. 880. Къ общеизвѣстнымъ сочиненіямъ по библіографіи домонгольскаго періода (и вообще библіографіи церковной), каковы. Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина *митр. Евгенія*, Обзоръ русской духовной литературы *архіеп. Филарета*, Библіологическій словарь *П. М. Строева* и Древніе памятники русскаго письма и языка *И. И. Срезневскаго*, должны быть еще прибавлены: статья *А. С. Архангельскаго*: «Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности (Обозрѣніе рукописнаго матеріала)», напечатанная въ 258-й части (въ Іюльской и Августовской книжкахъ за 1888-й годъ) Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, и брошюра г. *Н. Волкова:* «Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI—XIV вв. и ихъ Указатель», представляющая собой CXXIII № изданія Памятниковъ древней письменности, Спб., 1897 (Сюда же принадлежитъ и статья *архим. Леонида:* «Библіографическія разъисканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вв.», напечатанная въ III кн. Чтеній Общ. Ист. и Древн. за 1890-й годъ, но для людей незнающихъ она опасна нѣкоторыми поспѣшными и неосновательными предположеніями автора. Сюда же будетъ частію принадлежать и Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней) *С. А. Венгерова*, когда будетъ доведенъ до своего, пока еще весьма далекаго, конца).

Къ стр. 886. О двухъ статьяхъ Анастасія, патріарха Антіохій-

скаго, читаемыхъ въ Кормчей книгѣ домонгольскаго періода, см. выше стр. 654, §§ 1 и 2.

Къ стр. 887. Объ Аѳанасіи Александрійскомъ еще см. выше стр. 655, § 6.

Къ стр. 888. О Василіи Великомъ еще см. выше стрр. 652, § 5, 653, § 13, и 656, § 3.

Къ стр. 893. Объ Епифаніи Кипрскомъ еще см. выше стр. 654, § 3.

Къ стр. 895. Объ Іоаннѣ Дамаскинѣ еще см. выше стр. 654, § 3.

— Объ Іоаннѣ экзархѣ см. еще въ статьѣ г. *Пѣтухова*: «Болгарскіе литературные дѣятели древнѣйшей эпохи на русской почвѣ», напечатанной въ 286-й части (въ Апрѣльской книжкѣ 1893 г.) Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Къ стр. 900. Статья г. *С. Шестакова:* «О значеніи славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы для возстановленія и исправленія ея греческаго текста» — въ I томѣ Византійскаго Временника, отд. I стр. 503. Два прибавленія къ статьѣ ibid.—т. II отд. I, стр. 372, и т. V, отд. I, стр. 697.

Къ стр. 902. Статья г. *П. Лаврова*: «Новое похвальное слово Климента Словѣнскаго» (40-ка мученикамъ), съ приложеніемъ къ ней самаго слова,—въ 4-й кн. Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, стрр. 1086 и 1335.

Къ стр. 902—903. Еще о Климентѣ Словенскомъ и о Константинѣ презвитерѣ — епископѣ у г. *Пѣтухова* въ статьѣ, указанной въ дополн. къ стр. 895.

Къ стр. 905. Изслѣдованіе г. *Истрина* объ «Откровеніи» Меѳодія Патарскаго—во II кн. Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1897-го года.

Къ стр. 910. ***Николая Грамматика,*** патріарха Константинопольскаго, соборные отвѣты — въ домонгольской Кормчей, выше стр. 653, § 15.

Къ стр. 912. Статья г. *Истрина*: «Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи» — во 2-й кн. Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, стр. 339. Статья г. *А. Карнѣева*: «Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ Толковой Палеи и Златой Матицы» въ Февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1900-й годъ.

— Статья о Патерикахъ архим. Леонида: «Свѣдѣніе о славянскихъ и русскихъ переводахъ Патериковъ различныхъ наименованій

и обзоръ ихъ редакцій» — въ IV кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1890-го года.

Къ стр. 914. Статья г. *Пѣтухова:* «Къ исторіи древне-русскаго пролога» — въ XII томѣ Извѣстій Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (говоритъ о древнемъ славянскомъ прологѣ и книга *Н. И. Петрова*: О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога, Кіевъ, 1875).

Къ стр. 921. Преп. Ѳеодосій Печерскій въ одномъ поученіи къ монахамъ говоритъ: «Билу ударяющу не лѣпо ны есть лежати, но встати на молитву, якоже ны богоносивый Ѳеодоръ учитъ» (по изд. *преосв. Макарія* VII, стр. 210 нач.): но разумѣетъ ли Ѳеодосій Малый катихизисъ преп. Ѳеодора Студита или его епитимійникъ, о которомъ выше стр. 653, § 12, не можемъ сказать.

Хронологическая таблица.

Лѣтописи Лаврентьевская и Ипатская, какъ извѣстно, далеко не всегда согласны между собой относительно хронологіи (послѣ 1110 года, до котораго въ нихъ одинъ и тотъ же первоначальный лѣтописецъ). Въ обозначеніи времени правленія князей мы слѣдуемъ хронологіи первой лѣтописи, а разности (равно какъ и согласіе) второй (сокр.—И.) указываемъ въ скобахъ. Если присемъ не въ скобахъ поставлены годы второй лѣтописи, то это нужно понимать такъ, что данныхъ годовъ въ первой лѣтописи нѣтъ.

Великіе князья.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
1. ***Рюрикъ,*** 862—879.		
2. ***Олегъ,*** 879—912. 882. Кіевъ — столица государства. 907. Походъ на Грековъ и договоръ съ ними. 911. Второй договоръ съ Греками (въ лѣт. подъ 912 г.).		
3. ***Игорь Рюриковичъ,*** 913—945. 941. Походъ на Грековъ. 944. Второй походъ на Грековъ и договоръ съ ними (послѣдній въ лѣт. подъ 945 г.).		
4. ***Святославъ Игоревичъ*** 946—972. 970. Посаженіе въ Кіевѣ Ярополка.		954. Крещеніе св. Ольги. 969. Смерть св. Ольги.
5. ***Ярополкъ Святославичъ,*** 972—978. Приходъ греческихъ пословъ (въ концѣ правленія).		Приходъ пословъ отъ папы [въ слѣдъ за греческими].
6. ***Владимиръ Святославичъ,*** святой, 978—1015.		987. Крещеніе самого Владимира. 989. Походъ на Корсунь и женитьба на греческой царевнѣ. Приходъ въ Корсунь пословъ папы. 989—90. Крещеніе Кіевлянъ. 991. Послы отъ папы.

Великіе князья.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
	1. *Леонъ,* † послѣ 1004 г.	— Приходъ митрополита съ епископами и приступъ къ крещенію всего народа. — Заложеніе Десятинной церкви. 992. Учрежденіе епархій (Новгородской, Черниговской Владимиро-Волынской, Полоцкой, Туровской, Бѣлгородской Ростовской, Тмутараканской). — Возвращеніе пословъ Владимира, ходившихъ къ папѣ.
1001. Отправленіе пословъ въ Римъ и въ разныя страны для соглядатая земель и ихъ обычаевъ.		996. Освященіе Десятинной церкви и дарованіе ей (и митрополиту) десятины. 1004. Еретикъ Адріанъ скопецъ.
	2. *Іоаннъ 1-й.* Въ первый разъ упомин. 1008 г., † не въ самомъ началѣ княженія Ярослава.	
7. *Святополкъ, сынъ Ярополка—Владиміра.* Междуусобіе: 1015 и 16 Святополкъ, 1017 Ярославъ, 1018 и 19 Святополкъ.		1015. Убіеніе Бориса 24 Іюля и Глѣба 5 Сентября.
8. *Ярославъ Владимировичъ,* 1019—1054. Съ 1024 по 1036 г. въ восточной половинѣ Руси отъ Днѣпра Мстиславъ Тмутараканскій, съ столицей въ Черниговѣ; послѣ смерти Мстислава въ послѣднемъ году Ярославъ — единовластецъ.	3. *Өеопемптъ,* упом. 1039 г. Въ 1036 (—4) г. поставленъ епископъ Новгородскій.	Построеніе въ Вышгородѣ церкви въ честь Бориса и Глѣба и установленіе праздника имъ. Послѣ 1032 г. Учрежденіе епархіи Юрьевской. Съ 1037 г. Построеніе Софійскаго собора и монастырей Георгіевскаго и Иринискаго. Учрежденіе епархіи Переяславской (послѣ переведенія митрополита въ Кіевъ къ Софіи).
	4. *Кириллъ 1-й* (см. стр. 285).	
	5. *Иларіонъ,* поставленный въ 1051 г.	1051. Поставленіе Иларіона своими русскими епископами безъ сношеній съ Греками. Прибытіе съ Аөона препод. Антонія Печерскаго. Прибытіе къ Антонію преп. Өеодосія. Печерскій монастырь въ пещерѣ. 1054. Окончательное раздѣленіе церквей. (1054. Возвращеніе черезъ Русь Константинопольскихъ пословъ папы).
9. *Изяславъ Ярославичъ,* 1054—1068.	6. *Ефремъ,* упомин. въ 1055 г.	1055. Судъ надъ епископомъ Новгородскимъ Лукой Жидятой и его заключеніе въ Кіевѣ.

Великіе князья.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
		1062. Вынесеніе Печерскаго монастыря изъ пещеры на верхъ земли.
10. ***Всеславъ Брячиславичъ*** Полоцкій 1068—69.		
11. ***Изяславъ Ярославичъ*** во второй разъ, 1069—1073.	7. ***Георгій,*** упомин. подъ 1072 и 1073 гг. Въ 1060 и въ 1069 гг. поставлены Новгородскіе епископы.	1071. Появленіе волхва въ Кіевѣ. 1072. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь, построенную Изяславомъ. 1073. † Преп. Антоній Печерскій.
12. ***Святославъ Ярославичъ,*** 1073—1075.		1074. † Преп. Ѳеодосій Печерскій. 1074—75. Обращеніе Изяслава къ папѣ Григорію VII.
13. ***Всеволодъ Ярославичъ,*** 1075—76 (шесть мѣсяцевъ).		
14. ***Изяславъ Ярославичъ*** въ третій разъ, 1076—1078.	8. ***Іоаннъ 2-й,*** прибывшій не позднѣе 1077 г. (епископы Исаія Ростовскій и Германъ Новгородскій), † 1089.	
15. ***Всеволодъ Ярославичъ*** во второй разъ, 1078—1093.		Между 1074 и 1078 гг. Появленіе волхва въ Новгородѣ.
	9. ***Іоаннъ 3-й,*** 1089—1090 (И. 1090—91).	Посольство отъ антипапы Климента III. 1091. Возвращеніе отъ папы посла митрополичьяго. — Перенесеніе мощей преп. Ѳеодосія изъ пещеры въ великую монастырскую церковь. — Появленіе волхва въ Ростовѣ. Установленіе праздника въ память перенесенія мощей Николая Чудотворца въ Баръ градъ 9-го Мая.
16. ***Святополкъ Изяславичъ,*** 1093—1114 (И. † 1113).	10. ***Николай,*** упомин. 1097—1101 гг. Въ 1096 г. поставленъ епископъ Новгородскій.	
	11. ***Никифоръ 1-й,*** 1103—1121 (И. 1104—такъ же).	1108. Причисленіе преп. Ѳеодосія Печерскаго къ лику святыхъ.
17. ***Владиміръ Всеволодовичъ*** Мономахъ, 1114—1125 (И. 1113—1126).		1115. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба въ новую (каменную послѣ прежнихъ деревянныхъ) церковь.
	12. ***Никита,*** 1122—1126 (И. такъ же—1127).	1123. Еретикъ Дмитръ.

Великіе князья.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
18. ***Мстиславъ Владимировичъ***, Великій, 1125 — 1132 (И. 1126—1133).	13. ***Михаилъ,*** 1131—1145 (первый годъ Ип., второй Лавр.). Въ 1129 г. поставленъ епископъ Новгородскій.	
19. ***Ярополкъ Владимировичъ,*** братъ предыдущаго, 1132—1138 (И. 1133—1139).		1137. Учрежденіе епархіи Смоленской.
20. ***Вячеславъ Владимировичъ,*** братъ предыдущаго, 1138 (И. 1139. Двѣ недѣли).		
21. ***Всеволодъ Олеговичъ,*** внукъ Святослава Ярославича, 1138—1146 (И. 1140—такъ же).		
22. ***Игорь Олеговичъ,*** братъ предыдущаго, 1146 (И. такъ же. Двѣ недѣли).		
23. ***Изяславъ Мстиславичъ*** (№ 18), 1146 — 1149 (И. такъ же).	14. ***Климъ или Климентъ,*** 1147—1154 (удалявшійся съ каѳедры вмѣстѣ съ Изяславомъ Мстиславичемъ; † послѣ 1164 г. Ип.	1147. Поставленіе Клима въ Россіи и расколъ съ Греческою церковію.
24. ***Юрій Владимировичъ*** (№ 17) Долгорукій, 1149 — 1150 (И. такъ же).		
25. ***Изяславъ Мстиславичъ*** во второй разъ, 1150 (И. такъ же. Не долго).		
26. ***Юрій Владимировичъ*** Долгорукій во второй разъ, 1150 (И. такъ же. Не долго).		
27. ***Изяславъ Мстиславичъ*** въ третій разъ, съ дядей Вячеславомъ Владимировичемъ, который выше № 20, 1150—1154 (И. такъ же).		
28. ***Ростиславъ Мстиславичъ*** (Смоленскій), братъ предыдущаго, 1154 (И. такъ же. Одну недѣлю,—Новг. 1 лѣт.).		
29. ***Изяславъ Давидовичъ*** Черниговскій, внукъ Святослава, 1154 (И. 1154—55, такъ же Новг. 1 лѣто. Не долго).		
30. ***Юрій Долгорукій*** въ третій разъ, 1154 — 1157 (И. 1155—1158).	15. ***Константинъ 1-й,*** 1156—1158 († 1159).	1156. Несторъ, епископъ Ростовскій, по оклеветанію своихъ домашнихъ, запрещенъ митрополитомъ. 1157. Въ первый разъ упоминается епархія Галичская.

Великіе князья, потомъ просто князья, Кіевскіе.	Князья, потомъ великіе князья, Владимирскіе.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
31. ***Изяславъ Давидовичъ*** во второй разъ, 1157—1158 (И. 1158—1159. Семь мѣсяцевъ).	1. ***Андрей Юрьевичъ*** Боголюбскій. Ушолъ отъ отца изъ Кіева въ свою область Суздальскую, во Владимиръ, въ 1155 г. (И. такъ же). Послѣ смерти Юрія въ 1157г. (И.1158) посаженъ Ростовцами и Суздальцами на его удѣльномъ столѣ Ростовско-Суздальскомъ. Убитъ въ 1175 г. (И. такъ же).		1157. Несторъ Ростовскій оправданъ митрополитомъ и возвращенъ на каѳедру; но опять согнанъ съ нея изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ.
32. ***Мстиславъ Изяславичъ,*** Волынскій, сынъ И—ва Мстиславича (№ 23), 1158 (И. 1159. Четыре мѣсяца).			1159. Леонъ, преемникъ Несторовъ, изгнанъ Ростовцами и Суздальцами, „зане умножилъ бише церкви, грабяй попы“.
33. ***Ростиславъ Мстиславичъ*** во второй разъ, 1158—1167 (И. 1160—1168. По Лавр. 9 лѣтъ, по Ип. 8 лѣтъ безъ мѣсяца).		16. ***Ѳеодоръ,*** прибывшій 1161г., † 1162 или 1163 г. 17. ***Іоаннъ 4-й,*** 1164—1166. 18. ***Константинъ 2-й,*** прибылъ 1167 г., упомин. 1169 (И. 1172 г.).	1162. Тотъ же Леонъ, неизвѣстно когда возвратившійся, снова выгнанъ Боголюбскимъ неизвѣстно за что; возвращенный княземъ на одинъ Ростовъ безъ Суздаля, въ третій разъ выгнанъ имъ изъ-за тѣхъ же споровъ, что Несторъ. — Неудачная попытка Боголюбскаго учредить во Владимирѣ митрополію.
			1165. Епископъ Новгородскій получилъ титулъ архіепископа. 1168. Заточенъ митр. Константиномъ игуменъ Печерскій Поликарпъ изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ.
34. ***Мстиславъ Изяславичъ*** во второй разъ, 1168 (И. 1169—1171).			— Прогнанъ съ каѳедры епископъ Черниговскій Антоній изъ-за тѣхъ же споровъ.
35. ***Глѣбъ Юрьевичъ,*** братъ Боголюбскаго и его посаженикъ, 1168—1172 (И. 1171—1173. По обѣимъ лѣтт. два года).			1169. Посольство отъ папы Александра III. 1169—72. Неудачная попытка Боголюбскаго доставить своему Ростовск. епископу (Ѳеодору или Ѳедорцу) автокефалію; борьба изъ за сего между епископомъ и митрополитомъ и жестокая казнь, которой подвергъ перваго послѣдній.
36. ***Владимиръ Мстиславичъ***, сынъ М—ва Владимировича (№18), внукъ Мономаха, И. 1173—1174 (три мѣсяца съ половиной).			Установленіе праздника Всемилостивому Спасу и Божіей Матери 1 Августа.
37. ***Романъ Ростиславичъ*** Смолен-			

Великіе князья, потомъ просто князья, Кіевскіе.	Князья, потомъ великіе князья, Владимирскіе.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
скій, сынъ Р—ва Мстиславича (№ 28), посаженикъ Андрея Боголюбскаго, 1172—1174 (первый годъ Лавр., второй Ип. Не долго).			
38. ***Михалка и Всеволодъ Юрьевичи,*** братья Боголюбскаго, И. 1174 (Не долго).			
39. ***Рюрикъ Ростиславичъ,*** братъ Романа Р—ча, И. 1174 (Не долго).			
40. ***Ярославъ Изяславичъ,*** сынъ И—ва Мстиславича (№ 23), 1174 — 1175 (первый годъ въ Ип).	Послѣ смерти Боголюбскаго въ 1175 г. Ростовцы и старшіе бояре области, обходя двухъ оставшихся его братьевъ Михалку и Всеволода (въ первой графѣ № 38), посадили на столѣ двухъ его племянниковъ, сыновей его старшаго брата Ростислава (Переяславскаго, † 1151). Но въ слѣдующемъ 1176 г. первые согнали послѣднихъ и заняли ихъ мѣсто. Въ 1177 г. Михалка умеръ и послѣ него остался одинъ...		
41. ***Романъ Ростиславичъ,*** во второй разъ, Ип. 1175-1177.			
42. ***Святославъ Всеволодовичъ,*** сынъ В—да Олеговича (№21), Черниговскій, И. 1177—1180.			
	2. ***Всеволодъ Юрьевичъ,*** Большое гнѣздо, † 1212.		
43. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** во второй разъ, И. 1180. (Не долго).			
44. ***Святославъ Всеволодовичъ*** во второй разъ. И. 1180—1194 (Лавр. † 1195).		17. ***Никифоръ 2-й,*** упомин. съ 1182 по 1197 г.	
45. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** въ третій разъ, 1195—1202 (И. 1194—„).		20. ***Гавріилъ,*** 21. ***Діонисій*** (объ обоихъ см. стр. 269). Подъ 1198 г.,—Лавр. лѣт., и подъ 1201 г.,—Новг. 1 и	Между 1187 и 1207 гг. учреждена епархія Рязанская.

Великіе князья, потомъ просто князья, Кіевскіе.	Князья, потомъ великіе князья, Владимирскіе.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
		Ник., упоминаются митрополиты не называемые по имени).	
46. ***Ингварь Ярославичъ***, сынъ Я—ва Изяславича (№ 40), посаженникъ Всеволода Владимирскаго и Романа Галичскаго, 1202—1203.			
47. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** въ четвертый разъ, 1203—1205 (И. 1202—„).			
48. ***Ростиславъ Рюриковичъ***, сынъ предъидущаго, 1205.			
49. ***Всеволодъ Святославичъ*** Чермный, сынъ С—ва Всеволодовича (№ 42), 1206.			
50. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** въ пятый разъ, 1206—1207.			
51. ***Всеволодъ Чермный*** во второй разъ, 1207.			
52. ***Рюрикъ Ростиславичъ*** въ шестой разъ, 1207—1210.			
		22. ***Матвей***, упомин. съ 1210, † 1220.	
53. ***Всеволодъ Чермный*** въ третій разъ, 1210—1214.	3. ***Юрій Всеволодовичъ***, сынъ предъидущаго, 1212—1217.		1214. Учреждена епархія Владимиро-Клязем-ская.
44. ***Мстиславъ Романовичъ*** Добрый или Старый, сынъ Р—на Ростиславича (№ 37), 1214 — 1223 (первый годъ Новгор. 1, второй Лавр.; Ип.—1224).	4. ***Константинъ Всеволодовичъ*** (Ростовскій), старшій братъ предъидущаго, 1217—1218.		1220. Въ первый разъ упоминается епархія Перемышльская.
	5. ***Юрій Всеволодовичъ***, во второй разъ. Зимой 1237 г. пришли на Русь отъ восточныя страны, черезъ Рязан-	23. ***Кириллъ 2-й***, 1224—1233.	1227. Посольство отъ папы Гонорія III. 1128. Посланіе патр. Германа къ митрополиту о непоставленіи во

Великіе князья, потомъ просто князья, Кіевскіе.	Князья, потомъ великіе князья, Владимирскіе.	Митрополиты.	Церковныя событія и дѣла.
55. ***Владимиръ Рюриковичъ,*** сынъ Рюрика Ростиславича, 1223 — 1235 (первый годъ Акад. лѣт., второй Новг. 1 и Акад.).	скую землю, Татары: 8 Февраля они взяли Владиміръ, а 4 Марта погибъ въ битвѣ съ ними на р. Сити великій князь.		священники рабовъ, не освобожденныхъ отъ рабства. 1228. Появленіе въ Кіевѣ Доминиканцевъ съ цѣлію пропаганды. 1231. Посольство отъ папы Григорія IX. 1233. Изгнаніе изъ Кіева Доминиканцевъ.
56. ***Изяславъ Владимировичъ*** изъ Черниговскихъ, правнукъ Олега Святославича, 1235—1236 (Новг. 1 и Акад.).			
57. ***Ярославъ Всеволодовичъ,*** сынъ В-да Юрьевича Владимирскаго, 1236—37 (ibidd).			Учреждена епархія Угровская.
58. ***Михаилъ Всеволодовичъ,*** сынъ В-да Чермнаго, II. 1237—39.		24. ***Іосифъ,*** прибывшій въ 1237 г. и болѣе не упоминаемый.	
59. ***Ростиславъ Мстиславичъ,*** сынъ М—ва Добраго (№ 54), II. 1239. Не долго.			
60. ***Даніилъ Романовичъ*** Галичскій, отнявшій Кіевъ у Ростислава въ 1239 году и посадившій въ немъ своего боярина Димитрія. При семъ послѣднемъ Кіевъ взятъ былъ Батыемъ 6-го Декабря 1240 г., — Лавр. и Ип.			

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. Введеніе.

Глава I.

Христіанство на Руси до св. Владимира.

Стр.

Глава II.

Крещеніе св. Владимиромъ всей Руси и совершенное утвержденіе христіанства на Руси при его преемникахъ.

Глава III.

Управленіе.

Глава IV.

Просвѣщеніе.

Неправильно сдѣланныя указанія на предшествующія страницы.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
290	3 снизу	стр. 200;	стр. 268;
—	1 „	стр. 280, прим. 1.	стр. 286, прим. 4.
296	5 „	стр. 280;	стр. 270;
—	2 „	стр. 281;	стр. 270;
—	1 „	стр. 282	стр. 288.
312	12 „	стр. 290 прим.	стр. 288, прим. 1.
426	12 сверху	стр. 370	стр. 375 нач.
456	13 снизу	стр. 430	стр. 448
600	5 „	стр. 103	стр. 103 и 217.
627	23 сверху	стр. 580	стр. 551.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
23	18 сверху	Сіи	Сій
37	3 снизу	л. 386 об.	л. 387 нач.
42	5 „	Schytarum	Scytharum
46	5 „	cap. VIII	cap. VII.
53	9 сверху	„По смерти	По смерти
65	4 снизу	Ῥωσσία	Ῥωσία
78	10 „	Регинова	Регинона
82	8 сверху	въ томъ году	въ томъ же году
101	16 снизу	Εωστῶν	Ζωστῶν
102	21 сверху	русской	руской
126	14 снизу	имъ	его
153	16 „	или Боною	или (по латинскому переводу имени) Боною
196	8 „	и ни въ какомъ отношеніи	ни въ какомъ отношеніи
204	1 „	приходится	приходятся
253	21 сверху	странъ	страны
261	20 „	Thes.	Thesaur.
284	11 „	Воколл.	Волоколл.
285	6 снизу	Ιωη	Ιω
288	2 „	томъ II	томъ I

314	15	снизу	они	онѣ
315	7	„	отличавшимся	отличавшемся
326	6	„	наши	наши
333	1	„	выще	выше
341	12	„	когорыхъ	которыхъ
342	15	„	sqq, и въ	sqq, и у *Н. Рычкова* въ
348	1	„	Episcopat-Aemter	Episcopal—Aemter
377	13	сверху	1273-го г.	1274-го г.
—	12	снизу	ἐκκλησιασικοὶ	ἐκκλησιαστικοὶ
427	12	„	1273-го г.	1274-го г.
430	1	„	вмѣстѣ	вмѣсто
464	11	сверху	дядьки	дьяки
469	3	снизу	Въ	„Въ
479	5	„	прошлаго столѣтія	XVIII столѣтія
493	1	„	Μέρος ο	Μέρος α′
535	1	„	стр.	стр. 26 нач.
560	7	„	ὀκεῖται	ὀχεῖται
575	13	„	долженствовалъ	долженствовало
577	17	„	рясъ	расъ
614	13	„	praesentia confirmetur	sententia confirmetur
642	8	сверху	νομοκανῶν	νομοκάνων
652	19—18	снизу	ркп. л. 102 об. Акад. ркп. лл. 102 об.—106,	ркп. лл. 102 об.—106,
660	5	сверху	νομοκανῶν	νομοκάνων
663	9	„	якоже; вы	якоже вы
746	15	снизу	содержаніе	содержаніе;
776	1	„	περίκλυτος	περικλυτός
865	10	„	дѣйствительною	дѣйственною
900	11	сверху	исторіи	исторіей

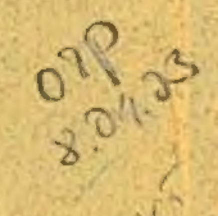
Цѣна настоящей книги: безъ пересылки **5** рублей, съ пересылкой **6** руб. Въ Москвѣ продается въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, а иногородныхъ просятъ обращаться къ Сергѣю Алексѣевичу Бѣлокурову, *по адресу:* въ Москву, въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на углу Воздвиженки и Моховой.

Въ тѣхъ же магазинахъ продается и отъ того же С. А. Бѣлокурова выписывается нѣсколько времени передъ симъ напечатанная Первая половина II тома этой Исторіи русской церкви (VIII + 919 страницъ въ 8 д. этого же формата), которой цѣна—безъ пересылки **4** р. **50** к., съ пересылкой **5** р.

ДРУГІЯ СОЧИНЕНІЯ АВТОРА ЭТОЙ КНИГИ:

1. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской,—цѣна безъ пересылки **2** р. **75** к., съ пересылкой **3** р.
2. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви,— цѣна безъ пересылки **1** р. **75** к., съ пересылкой **2** р.
3. Преподобный Сергій Радонежскій и Троицкая Лавра (Жизнеописаніе преподобнаго Сергія и путеводитель по Лаврѣ),—цѣна безъ пересылки **2** р., съ пересылкой **2** р. **25** к.

могутъ быть выписываемы: первыя два—отъ автора, по адресу: въ Сергіевскій Посадъ Московской губерніи, изъ редакціи «Богословскаго Вѣстника»—по тому же адресу и отъ С. А. Бѣлокурова по указанному выше адресу; послѣднее—изъ редакціи «Богословскаго Вѣстника».



2007041243